



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

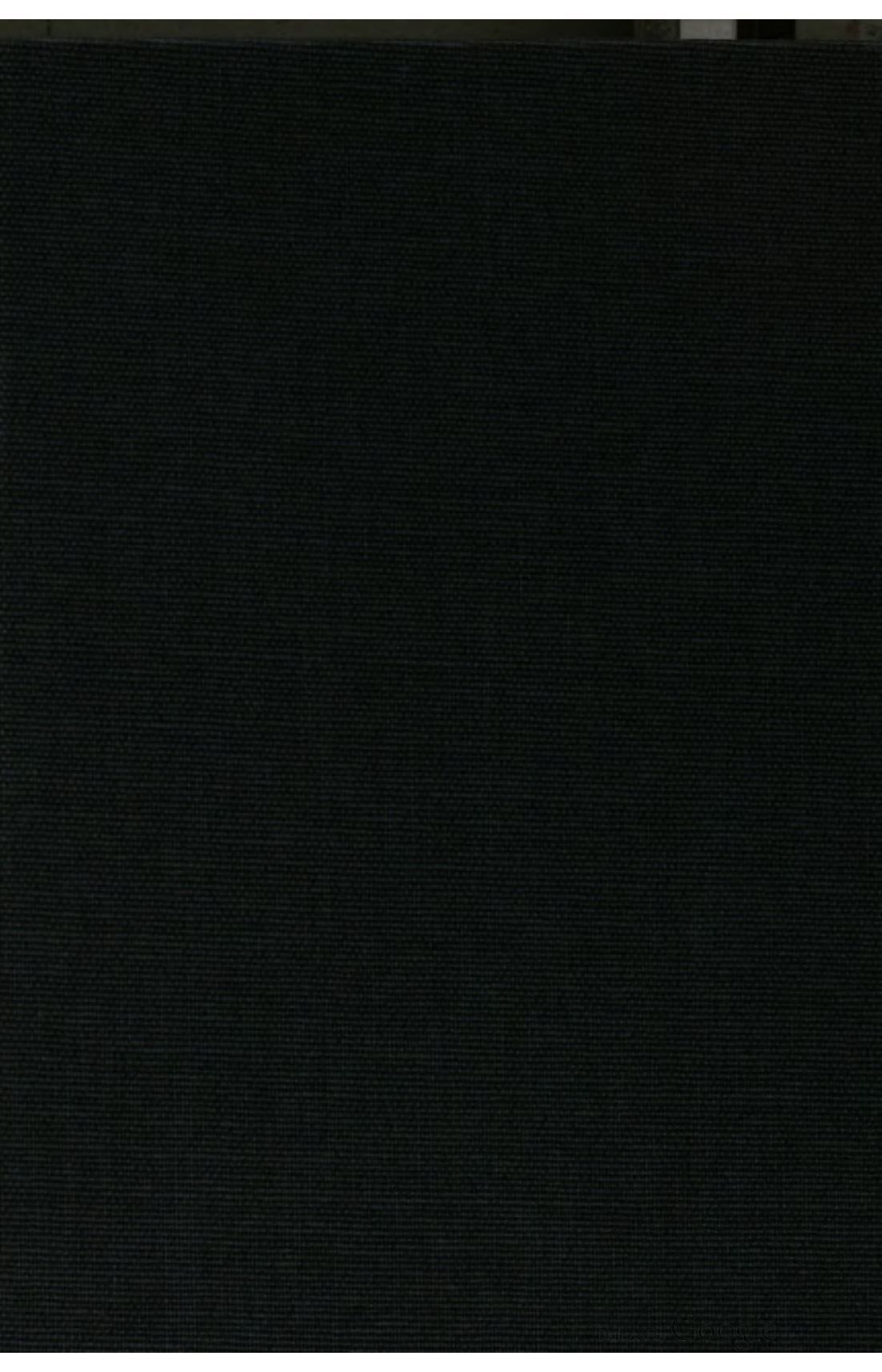
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

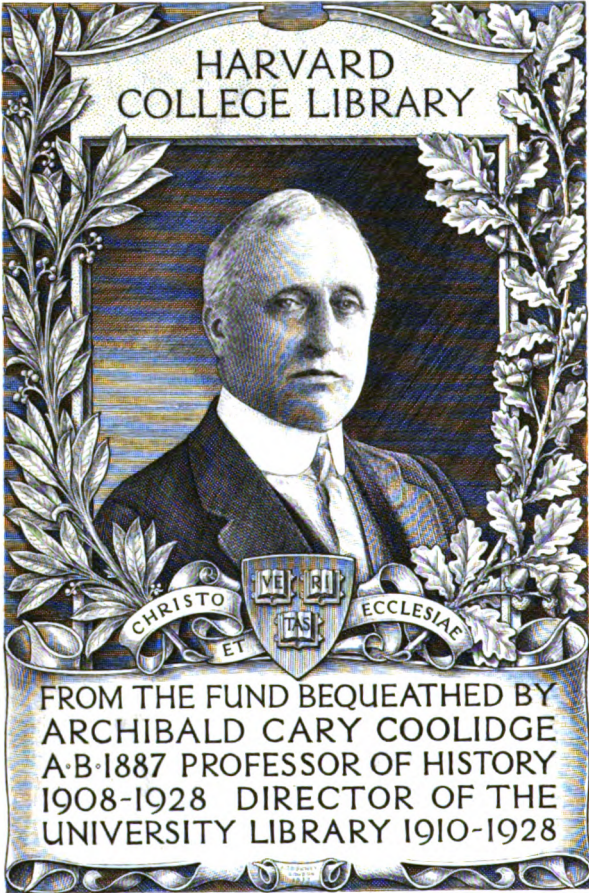
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



















# ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

---

ЧАСТЬ СІ.

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1859.

Δ  
Pslav318.10  
✓

HARVARD DIVISION OF THE LIBRARY  
FROM THE  
ASAC BOND CARP COLLECTION OF FUNDS  
5 May 1938

# I.

## ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

### ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА НОЯБРЬ 1858 ГОДА.

35. (3 ноября) *О дозволеніи принимать въ пансіонъ состоящей при Ришельевскомъ лицей гимназіи дѣтей иностранцевъ.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ пансіонъ состоящей при Ришельевскомъ лицей гимназіи принимать дѣтей иностранцевъ.

36. (3 ноября) *О назначеніи разъездныхъ денегъ директору Ришельевского лицея.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: директору Ришельевского лицея производить разъездныя деньги, по 204 р. с. въ годъ, изъ экономической суммы лицея.

37. (15 ноября) *Объ упраздненіи главнаго педагогическаго института и объ устройствѣ въ замѣнь онаго педагогическихъ курсовъ.*

Главное правленіе училищъ, въ засѣданіи 31 октября 1858 года, по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи главнаго педагогическаго института, въ разрѣшеніе основныхъ вопросовъ, относительно тѣхъ недостатковъ, которые замѣчаются въ настоящихъ способахъ образованія педагоговъ, опредѣлило: упразднить главный педагогическій институтъ, устроить, въ замѣнь онаго, особые педагогическіе курсы, въ которые принимать молодыхъ людей, окончившихъ уже курсъ въ университетѣ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образование съ специальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться два года, и должны быть заведениями открытыми; а для большаго развитія и распространенія педагогическаго образованія, допускать въ сіи курсы, кромѣ стипендіатовъ, и вольныхъ слушателей, на одинаковыхъ основаніяхъ въ-отношеніи условий приема, но съ тѣмъ, что стипендіаты, по окончаніи своего образованія, обязываются прослужить по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ, а вольные слушатели не подлежатъ этой обязанности. Какъ стипендіатамъ, такъ и вольнымъ слушателямъ, время пребыванія въ педагогическихъ курсахъ зачитается въ дѣйствительную службу, но послѣднимъ въ такомъ лишь случаѣ, если они, по выходѣ изъ педагогическихъ курсовъ, поступятъ въ учебную службу. Наконецъ какъ существующіе при университетахъ педагогическіе институты равномерно требуютъ улучшеній, то педагогическіе курсы учредить во всѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты; доколѣ-же сказанные институты не будутъ окончательно преобразованы, сохранить на казеннокоштныхъ студентахъ оныхъ обязанность поступать въ учебную службу, по распоряженію начальства, для выслуги установленнаго срока.

На статьѣ журнала о семъ главнаго правленія училищъ, которая была представлена на Высочайшее Его Импера-

торскаго Величества утверженіе, Государь Императоръ написать соизволилъ: *«Исполнить»*.

38. (15 ноября) *Объ учрежденіи при Устьсысольскомъ женскомъ училищѣ должности почетнаго блюстителя.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: при Устьсысольскомъ женскомъ училищѣ учредить должность почетнаго блюстителя, преимущественно изъ купческаго сословія, съ обязанностями и правами, присвоенными этому званію Высочайше утвержденнымъ 1 ноября 1839 года «Положеніемъ о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ», и съ предоставленіемъ Вологодскому гражданскому губернатору утверженія въ семь званій лицъ, избираемыхъ училищнымъ начальствомъ, съ согласія градскаго общества, съ тѣмъ однакожь, чтобы на первый разъ званіе это предоставлено было Устьсысольскому купцу *Латкину*.

39. (17 ноября) *Объ учрежденіи въ Поневѣжскомъ уездѣ должности втораго почетнаго смотрителя училищъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ изволилъ: Ковенской губерніи, въ Поневѣжскомъ уездѣ имѣть втораго почетнаго смотрителя училищъ, на общемъ основаніи, съ правами и преимуществами, званію сему присвоенными, съ подчиненіемъ его надзору учрежденныхъ въ мѣстечкѣ Иоганшикеляхъ, Поневѣжскаго уѣзда, на счетъ фондуша помѣщика Карпя, приходскаго училища и госпиталя.

40. (17 ноября) *О возвышеніи класса должности и жалованья архитектора Виленскаго учебнаго округа.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ изволилъ: архитектору Виленскаго учебнаго округа производить

по сей должности жалованья 1,000 р. и на наемъ чертежника и чертежные матеріалы 250 р., всего по 1,250 руб. въ годъ, съ отнесеніемъ изъ нихъ 571 р. 84 коп. на средства округа, а остальныхъ — по неимѣнію ни въ управленіи округа, ни въ министерствѣ народнаго просвѣщенія источниковъ, на которые могъ-бы быть отнесенъ этотъ расходъ, на счетъ суммъ государственнаго казначейства.

41. (25 ноября) *О порученіи инженеръ-подполковнику Стурту преподаванія строительнаго искусства въ Варшавской художественной школѣ.*

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе отношенія намѣстника Царства Польскаго, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на порученіе члену правленія XIII округа путей сообщенія, инженеръ-подполковнику *Стурту* преподаванія строительнаго искусства въ Варшавской художественной школѣ, съ оставленіемъ его въ настоящей должности и съ производствомъ содержанія по обѣимъ должностямъ.

## ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

НО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩЕ

**ПРИКАЗЫ:**

№ 3.

17 ноября 1858 года,

*Въ Царскомъ Селѣ.***ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:**

Члену главнаго правленія училищъ, тайному совѣтнику *Адеркасу* — по болѣзни, до мая мѣсяца 1859 года.

**УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:**

Почетный смотритель училищъ Бобруйскаго уѣзда, поручикъ *Кельчевскій* — по болѣзни, въ Германію, Австрію, Швейцарію, Францію, Испанію, Италію, Грецію, Турцію и Египеть, на шесть мѣсяцевъ.

№ 4.

25 ноября 1858 года,

*Въ С. Петербургѣ.***ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:**

Уволенный изъ военной службы съ чиномъ статскаго совѣтника, бывшій полковникъ по полевой пѣшей артиллеріи *Щебальскій*.

Государь Императоръ объявляетъ Монаршее благоволеніе почетному попечителю Рязанской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Рюмину*, за пожертвованіе для Рязанскаго Маріинскаго женскаго училища каменнаго двухъ-этажнаго дома.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*



# МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА НОЯБРЬ 1858 ГОДА.

22. (14 ноября)

## ПОЛОЖЕНІЕ

О ПАНСИОНѢ ТАГАНРОГСКОЙ ГИМНАЗИИ СЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫМЪ ПРИ НЕМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ.

*(Утверждено министромъ народнаго просвѣщенія)*

**ЦѢЛЬ, ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ И СОСТАВЪ.**

1) Для облегченія живущимъ въ Таганрогѣ и иногороднымъ лицамъ способовъ къ приличному воспитанію и образованію дѣтей ихъ, 24 сентября 1858 г. открытъ при Таганрогской гимназій пансионъ съ приготовительнымъ отдѣленіемъ на тридцать своекоштныхъ пансіонеровъ, устроенный на основаніи Высочайше утвержденнаго 8 декабря 1828 г. устава учебныхъ заведеній.

2) Въ случаѣ надобности, число пансіонеровъ можетъ быть увеличено, смотря по удобствамъ помѣщенія въ домѣ гимназій.

3) Какъ въ пансионѣ, такъ и въ приготовительное отдѣленіе принимаются дѣти дворянъ, чиновниковъ, священнослужителей, почетныхъ гражданъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и иностранцевъ (\*).

---

(\*). О дозволеніи принимать въ сіе заведеніе дѣтей почетныхъ гражданъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и иностранцевъ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайшее разрѣшеніе послѣдовало въ 3 день ноября 1858 года.

4) Въ пансіонѣ могутъ поступать дѣти не моложе 10 лѣтъ, съ такими приготовительными свѣдѣніями, которыя необходимы для поступленія въ одинъ изъ гимназическихъ классовъ. Воспитанники пансіона обучаются въ гимназіи, вмѣстѣ съ другими учениками, всѣмъ положеннымъ предметамъ, полный курсъ коихъ раздѣляется на 7 классовъ, съ назначеніемъ для каждаго класса по одному году. Въ свободное отъ ученія въ классахъ время воспитанники, по-мѣрѣ возможности, обучаются танцованію, гимнастикѣ, пѣнію и музыкѣ. Въ классовъ воспитанники находятся подъ особеннымъ надзоромъ и попеченіемъ начальства пансіона, которое принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ успѣшнѣйшему ученію ихъ, съ практическимъ употребленіемъ иностранныхъ языковъ.

4) Въ приготовительное отдѣленіе пансіона поступаютъ дѣти отъ 9- до 11-лѣтняго возраста. Они обучаются въ отдѣленіи чтенію и письму на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и первымъ правиламъ ариметики. Курсъ ученія въ отдѣленіи продолжается отъ одного года до двухъ лѣтъ.

6) Для занятія воспитанниковъ въ классовъ, пансіонъ имѣетъ особія, собственно ему принадлежащія учебныя пособія: глобусы, географическія карты, историческія таблицы, словари и другія книги.

7) Пища, одежда, бѣлье, книги и вообще все нужное для приличнаго содержанія воспитанниковъ и употребленія при учебныхъ занятіяхъ ихъ, доставляется имъ отъ пансіона.

9) Главный надзоръ и попеченіе о благосостояніи пансіона ввѣряется почетному попечителю гимназіи.

9) Директоръ гимназіи есть вмѣстѣ и директоръ пансіона. Должность его помощника исправляетъ инспекторъ. Сверхъ-того при пансіонѣ состоятъ комнатные надзиратели, экономъ, врачъ, учителя приготовительнаго отдѣленія, учителя искусствъ, кастелянша съ прачками и опредѣленное число нижнимъ служителей.

## О ПРИЯТІИ ВОСПИТАНИКОВЪ.

10) Лица, желающія помѣстить дѣтей въ пансіонъ или приготовительное отдѣленіе онаго, относятся о томъ къ директору.

11) Для принятія воспитанника въ пансіонъ требуются свидетельства о рожденіи и о томъ, что онъ имѣлъ естественную или прививную оспеу. Сверхъ-сего, если желающій помѣстить воспитанника не имѣетъ постоянного пребыванія въ Таганрогѣ, то представляетъ письменное обязательство извѣстнаго изъ живущихъ въ семъ городѣ лица, что, въ случаѣ увольненія изъ пансіона, воспитанникъ будетъ принятъ къ нему въ домъ.

12) За содержаніе воспитанника въ пансіонѣ, равно-какъ и въ приготовительномъ онаго отдѣленіи платится по 286 руб. сер. въ годъ, и, сверхъ-того, при поступленіи, вносится, единовременно, на первое обзаведеніе, 50 руб. сер. Если впослѣдствіи времени откроется возможность къ уменьшенію сей платы, то начальство пансіона должно представить о семъ на разрѣшеніе высшаго начальства. Плата вносится за годъ или, по крайней-мѣрѣ, за полгода впередъ. Иногородные присылаютъ оную по почтѣ на имя директора.

13) Если по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ воспитанникъ будетъ принятъ въ пансіонъ не въ началѣ учебнаго года, то съ такового взимается плата по расчету, полагая оную съ 1 числа того мѣсяца, въ которомъ воспитанникъ поступилъ въ заведеніе, до втораго полугодичнаго срока.

14) Если чрезъ мѣсяцъ послѣ назначеннаго срока сумма, слѣдующая на содержаніе воспитанника, не будетъ доставлена, то онъ отсылается къ родителямъ или къ тому лицу, которое обязалось принять его къ себѣ въ домъ, а употребленная на содержаніе его сумма взыскивается по расчету за то время, которое оставался къ пансіонѣ.

15) Сумма, внесенная на содержаніе воспитанника, остается собственностію пансіона, хотя-бы воспитанникъ выбылъ изъ онаго до истеченія времени, за которое сумма внесена.

## РАСПРЕДЕЛЕНІЕ ВРЕМЕНИ ЗАНЯТІЙ.

16) Время и занятія воспитанниковъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 6 часовъ утра воспитанники встаютъ и къ 6½ оканчиваютъ утреннюю молитву. Время отъ 6½ до 9 часовъ опредѣляется на завтракъ и приготовленіе къ классамъ. Отъ 9 до 2½ часовъ—ученіе въ классахъ, съ получасовымъ отдыхомъ отъ 11½ до 12 часовъ. Отъ 2½ до 4 часовъ—обѣдъ, отдыхъ и гимнастическія упражненія.

Отъ 4 до 6 часовъ—приготовленіе къ урокамъ слѣдующаго дня.

Отъ 6 до 6½ часовъ — вечерній чай.

Отъ 6½ до 8 часовъ—продолженіе приготовленія классныхъ уроковъ, или упражненія въ музыкѣ, танцахъ, а также практика въ иностранныхъ языкахъ.

Отъ 8 до 9 часовъ—ужинъ и вечерняя молитва, послѣ которой воспитанники отходятъ ко сну.

Распределеніе времени и занятій воспитанниковъ приготовительнаго отдѣленія предоставляется начальству пансіона съ утвержденія попечителя Одесскаго учебнаго округа.

17) Молитвы какъ утреннія и вечернія, такъ предъ столомъ и послѣ стола воспитанники читаютъ по-очереди, или по назначенію инспектора, который наблюдаетъ, чтобы всѣ слушали оныя со вниманіемъ и молились съ благоговѣніемъ.

18) Въ воскресные и праздничные дни воспитанники, въ сопровожденіи надзирателя, отправляются въ церковь для слушанія божественной литургіи, предъ началомъ которой священникъ-законоучитель объясняетъ имъ содержаніе Евангелія и Апостольскихъ дѣяній, или Посланій того дня. Послѣобѣденное время назначается для прогулокъ и приличныхъ забавъ, подъ наблюденіемъ дежурнаго надзирателя.

19) Въ свободные отъ ученія дни благонравные и прилежные воспитанники могутъ быть отпускаемы въ дома своихъ родителей и родственниковъ или тѣхъ лицъ, коимъ они вѣре-

ны, но не иначе, какъ по особому каждый разъ приглашенію и въ сопровожденіи присылаемыхъ за ними надежныхъ людей. Воспитанники отпускаются поутру и возвращаются вечеромъ; имъ позволяется и ночевать внѣ пансіона, когда бываетъ нѣсколько праздничныхъ дней сряду.

20) При отпускѣ изъ пансіона каждый воспитанникъ получаетъ отъ инспектора билетъ, съ точнымъ означеніемъ въ ономъ времени отпуска. Лицо, пригласившее къ себѣ воспитанника, отмѣчаетъ на семъ билетѣ, когда воспитанникъ обратно отправленъ въ пансіонъ. Билеты возвращаются инспектору самими воспитанниками.

#### О МѢРАХЪ ПОощРЕНІЯ И Взысканія.

21) Относительно поощренія воспитанниковъ пансіона, также исправленія и наказанія проступившихся въ чемъ-либо, употребляются тѣ-же самыя мѣры, какія опредѣлены уставомъ учебныхъ заведеній для учениковъ гимназій. Строгія взысканія или наказанія допускаются съ крайнею осмотрительностію и не иначе, какъ съ разрѣшенія директора, а въ случаяхъ важныхъ, по опредѣленію совѣта гимназій.

#### ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ДИРЕКТОРА И ИНСПЕКТОРА.

22) Директоръ и инспекторъ гимназій пользуется изъ суммъ пансіона дополнительнымъ жалованьемъ, первый по 10 руб., а послѣдній по 8 руб. въ годъ отъ воспитанника. Такое дополнительное жалованье производится директору и инспектору только тогда, когда въ пансіонѣ будетъ полный комплектъ пансіонеровъ (30), при меньшемъ-же числѣ они вовсе не получаютъ сего жалованья. Инспекторъ живетъ въ домѣ, гдѣ помещается пансіонъ.

23) Всѣ ближайшія распоряженія по пансіону и въ-особенности по части учебной зависятъ отъ директора.

24) Директоръ принимаетъ и увольняетъ всѣхъ исправляющихъ въ пансіонѣ какую-либо должность, выдаетъ нужныя

на расходъ суммы, повѣряетъ счеты, но однакоже обо всемъ сносится съ почетнымъ попечителемъ.

25) Непосредственное хозяйство въ пансіонѣ ввѣряется инспектору и на его отвѣтственности, но подъ надзоромъ директора.

26) Инспекторъ заготовливаетъ самъ или чрезъ эконома всѣ мелочныя потребности для пансіона, приготовленіе-же одежды, поставка съѣстныхъ припасовъ, учебныхъ пособій и прочихъ вещей въ большомъ количествѣ производится чрезъ подрядъ, а въ случаѣ невыгодности состоявшихся на торгахъ цѣнъ, хозяйственнымъ способомъ, съ разрѣшенія начальства, на основаніи постановленныхъ по сему предмету правилъ.

27) Инспекторъ имѣетъ шнуровую за подписаніемъ и печатью директора книгу, для записыванія прихода и расхода отпоскаемой въ его распоряженіе суммы пансіона. Книга сія ведется и отчеты въ ввѣренныхъ инспектору суммахъ представляются, разсматриваются и повѣряются порядкомъ, опредѣленнымъ Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. VIII, въ приложеніи къ ст. 18 *Счетн. уст. мин. нар. просв.*

28) Въ завѣдываніи инспектора находятся всѣ принадлежащія пансіону учебныя пособія. Онъ избираетъ книги для чтенія воспитанниковъ, наблюдаетъ за ихъ выходомъ изъ пансіона и возвращеніемъ, наблюдаетъ также за выборомъ пищи и находится съ ними во время завтрака, обѣда и ужина. Особенное попеченіе онъ обязанъ прилагать о воспитанникахъ больныхъ. Вообще ему поручается сохраненіе въ пансіонѣ порядка во всѣхъ отношеніяхъ.

#### О КОМНАТНЫХЪ НАДЗИРАТЕЛЯХЪ.

29) Комнатные надзиратели суть помощники инспектора по части наблюденія за воспитанниками. Они опредѣляются и увольняются директоромъ, однакоже не иначе какъ съ согласія почетнаго попечителя и утвержденія попечителя Одесскаго учебнаго округа.

30) На каждыѣхъ 15 воспитанниковъ назначается по одному комнатному надзирателю.

31) Въ надзиратели избираются образованные и благонадежные люди, преимущественно изъ знающихъ Французскій и Нѣмецкій языки, могущіе хорошо наблюдать за учебными занятіями и нравственностію воспитанниковъ и вообще способные къ отправленію таковыхъ обязанностей.

32) Надзиратели обязаны имѣть бдительный и неослабный надзоръ за воспитанниками; въ свободное отъ классовъ время быть при нихъ безотлучно, имѣя съ ними общій столъ и ночуя поочереды въ однѣхъ съ ними комнатахъ; ходить съ ними также поочереды въ классы; ежедневно имѣть свѣдѣніи обо всемъ выслушанномъ въ классахъ воспитанниками, руководя ихъ въ приготовленіи классныхъ уроковъ и наблюдая, чтобы они приготовляли заданное имъ и повторяли выученное, а въ свободное время занимая ихъ чтеніемъ избранныхъ инспекторомъ сочиненій и заставляя дѣлать переводы или извлеченія изъ читаемаго; наблюдать за воспитанниками и во время разговоровъ ихъ между-собою замѣчать и поправлять дѣлаемыми ими ошибками противъ языка, приличій или вкуса; всякое утро словесно доносить инспектору о состояніи пансіона, о необыкновенныхъ же происшествіяхъ увѣдомлять его немедленно, для донесенія буде нужно и директору; ежедневно вести журналъ объ успѣхахъ и о поступкахъ воспитанниковъ, замѣчая отличительныя черты ихъ характера, а также, къ чему они имѣютъ наиболѣе склонности, въ какіе проступки чаще впадаютъ, въ какихъ посябіяхъ имѣютъ особенную надобность и проч.; наблюдать, чтобы воспитанники не читали неодобренныхъ инспекторомъ книгъ и вообще не позволяли себѣ ничего, неприличнаго благороднымъ и благовоспитаннымъ юношамъ.

33) Надзиратели и самъ инспекторъ въ обращеніи съ воспитанниками должны стараться и поступками своими и разговорамъ вкоренять въ сердца ихъ любовь къ наукамъ и уваженіе къ правиламъ вѣры, нравственности и чести.

34) Они должны быть снисходительны къ проступкамъ легкимъ, свойственнымъ дѣтскому или юношескому возрасту, но тверды въ важныхъ случаяхъ.

**ОБЪ УЧИТЕЛЬНХЪ ИСКУССТВЪ И ПРИГОТОВИТЕЛЬНОГО ОТДѢЛЕНІЯ.**

35) Учителя музыки, пѣнія, танцованія и гимнастики не считаются въ государственной службѣ, и, кромѣ опредѣленной за обученіе платы, не пользуются никакими преимуществами. Плата производится имъ изъ общихъ суммъ пансіона, кромѣ учителя музыки, которому производится жалованье изъ суммы, особо вносимой на этотъ предметъ пансіонерами.

Учителя приговорительнаго отдѣленія не пользуются по сему званію никакими служебными правами и преимуществами, а получаютъ только за труды свои опредѣленное вознагражденіе, въ видѣ платы.

**ОБЪ ЭКОНОМЪ.**

36) Экономъ опредѣляется и увольняется директоромъ, съ утвержденія попечителя учебнаго округа и согласія почетнаго попечителя гимназіи. Подъ надзоромъ инспектора онъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи и храненіи принадлежащія пансіону вещи, которыя сдаются ему и принимаются по описямъ.

37) На эконома возлагается обязанность принимать и выдавать продовольственные припасы, наблюдать за исправностію и поведеніемъ служителей пансіона, за своевременнымъ и надлежащимъ приготовленіемъ завтрака, обѣда и ужина для воспитанниковъ, за отопленіемъ, освѣщеніемъ и опрятностію пансіона, исправностію бани и прачешной и вообще за всѣми до хозяйственной части касающимися предметами. При покупкѣ и приѣмѣ дровъ, угольевъ и другихъ матеріаловъ, при производствѣ починокъ и передѣлокъ, онъ есть помощникъ инспектора и исполняетъ всѣ его распоряженія.



## О ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЯХЪ ВЪ ПАНСІОНѢ.

38) Принадлежащія пансіону суммы хранятся вмѣстѣ съ суммами гимназіи, но по счетамъ не смѣшиваются съ ними. Счетоводство, отчетность и ревизія оныхъ производятся, на основаніи Св. зак. (изд. 1857 г.) т. VIII. Счетнаго устава министерства народнаго просвѣщенія.

39) Одежда воспитанниковъ имѣетъ общую форму съ одеждою учениковъ гимназіи; но при домашнихъ занятіяхъ, вмѣсто сюртуковъ, допускаются темнозеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ куртки, и въ лѣтнее время куртки и панталоны изъ легкой матеріи,

40) Бѣлье какъ на воспитанникахъ, такъ и столовое переменяется по два раза, а постельное одинъ разъ въ недѣлю. При пансіонѣ должна быть устроена баня.

41) Пища готовится здоровая и въ достаточномъ количествѣ, но безъ излишества: обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а ужинъ изъ двухъ. По воскресеньямъ и праздникамъ за обѣдомъ прибавляется еще одно блюдо. Къ ежедневному завтраку и полднику подаются: въ зимнее время—чай, а въ лѣтнее—молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ.

42) При пансіонѣ учреждается больница для воспитанниковъ, родители коихъ не могутъ взять ихъ для пользованія къ себѣ въ домъ. Въ помощь врачу пансіона содержится при больницѣ особый фельдшеръ.

Подписалъ: Директоръ департамента народнаго просвѣщенія

*П. Гавескій.*

## ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 5.

6 ноября 1858 года.

### ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ — коллежскій ассессоръ *Тучковъ*.

### ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь баронъ *Корфъ* — почетнымъ смотрителемъ Псковскаго уѣднаго училища.

### УТВЕРЖДАЕТСЯ ПО ВЫБОРАМЪ:

Изъ отставныхъ, корнетъ *Себряковъ* — почетнымъ смотрителемъ Устьмедвѣдичкаго окружнаго училища.

### УВОЛЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЪ:

Почетный смотритель Сергачскаго уѣднаго училища, надворный совѣтникъ *Класенъ* — согласно прошенію, по болѣзни.

Почетный смотритель Новочеркаскаго окружнаго училища, отставной штабсъ-ротмистръ *Куриковъ* — по болѣзни.

### ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКА:

Умершій ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Валмицкій*.

№ 6.

19 ноября 1858 года.

### ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ гражданскихъ законовъ, надворный совѣтникъ *Пахманъ*.

## ОПРЕДЛЯЕТСЯ:

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Московскаго университета *Хомяковъ* — почетнымъ смотрителемъ Бронницкаго уѣзднаго училища.

## НАЗНАЧАЕТСЯ:

Инспекторъ Московской первой гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Копосовъ* — директоромъ Московской четвертой гимназіи.

## УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Экстраординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета: статскій совѣтникъ *Свиридовъ* и надворный совѣтникъ *Петръ Лавровскій* — ординарными профессорами того-же университета по занимаемымъ ими кафедрамъ: первымъ — судебной медицины, а послѣднимъ — Славянскихъ нарѣчій (съ 29 октября 1858 г.).

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Козловъ* — ординарнымъ профессоромъ того-же университета по занимаемой имъ кафедрѣ акушерства.

Исправляющій должность профессора Рিশельевскаго лицея, магистръ *Максимовъ* — профессоромъ лицея по занимаемой имъ кафедрѣ Римскаго законовѣдѣнія и международного права, со дня допущенія къ исправленію этой должности, съ 20 декабря 1857 года.

## ПЕРЕВОДИТСЯ:

Почетный смотритель Соликамскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Костаревъ* — къ таковой-же должности въ Чердынское уѣздное училище.

## УВОЛЬНЯЕТСЯ:

Директоръ Московской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ баронъ *Рейхель* — согласно прошенію, по болѣзни, отъ службы.

Членъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ, надворный совѣтникъ *Вышеградскій* — по прошенію, отъ настоящей должности.

№ 7.

27 ноября 1858 года.

## ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Московскаго университета *Хомяковъ* — почетнымъ смотрителемъ Московскаго втораго уѣзднаго училища.

## УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Деканами факультетовъ Императорскаго Дерптскаго университета, ординарные профессеры, статскіе совѣтники: *Куртъ* — Богословскаго, *фонъ-Руммель* — юридическаго, *Пецольдъ* — физико-математическаго, *Бухгеймъ* — медицинскаго и *Штрюм-мель* — историко-филологическаго, всѣ на четыре года, съ 1 января 1859 года.

Изъ отставныхъ, ротмистръ *Колпаковъ* — по выборамъ, почетнымъ смотрителемъ Новочеркасскаго окружнаго училища.

## ПЕРЕМѢЩАЕТСЯ:

Экстраординарный профессоръ главнаго педагогическаго института, надворный совѣтникъ *Лавровскій* — въ Императорскій Харьковскій университетъ, ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ Русской словесности.

## УВОЛЬНЯЕТСЯ:

Экстраординарный профессоръ Польскаго языка при главномъ педагогическомъ институтѣ, надворный совѣтникъ *Дубровскій* — отъ сей должности, по случаю закрытія кафедры.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

Министръ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Ковалевскій* принялъ званіе почетнаго члена Императорскаго Казанскаго университета (26 ноября).

**УТВЕРЖДЕНЫ:**

*По Императорскому Казанскому университету.*

Профессоръ Парижской медицинской школы Адольфъ *Вюрцъ* — въ званіи почетнаго члена (13 ноября).

*По Императорскому Московскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ.*

Попечитель Московскаго учебнаго округа, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ *Бахметевъ* — вице-президентомъ (3 ноября).

*По Казанскому учебному округу.*

Состоящій въ привилегіи Астраханскій армянинъ Григорій *Казачковъ* — почетнымъ благотворителемъ Астраханскаго Армянскаго Агабабовскаго училища (26 ноября).

Ординарный профессоръ церковной исторіи и богословской литературы въ Дерптскомъ университетѣ, статскій совѣтникъ *Куртъцъ* перемѣщенъ на кафедру экзегетики и восточныхъ языковъ, съ 1 января 1859 года (27 ноября).

*Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія.*

Моршанскому градскому главѣ, 1-й гильдіи купцу Андрею *Платцину* — за усердіе его къ пользамъ Моршанскаго уѣзднаго училища (6 ноября); почетному смотрителю Донецкаго окружнаго училища, есаулу *Полякову* — за изъявленную имъ готовность содержать на свой счетъ двухъ бѣдныхъ учениковъ Новочеркасской гимназіи (19 ноября).

## О КНИГАХЪ,

*одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.*

Livre de lecture et de traductions du français en russe,  
сост. *Данилевскимъ.*

Въ засѣданіи ученаго комитета главнаго правленія училищъ, 21 ноября 1858 года, слушано мнѣніе одного изъ членовъ о оставленной надворнымъ совѣтникомъ *Данилевскимъ* книгѣ, подъ заглавіемъ: «Livre de lecture et de traductions du français en Russe, suivi d' exercices de mémoire, avec un vocabulaire. Cours moyen», которая, по приказанію министра народнаго просвѣщенія, передана была на разсмотрѣніе ученаго комитета для рѣшенія, заслуживаетъ ли она быть принятою, согласно желанію составителя, въ число учебныхъ пособій для среднихъ классовъ гимназій. По отзыву рецензента, выборъ статей въ сборникѣ г. Данилевскаго сдѣланъ со вкусомъ, въ расположеніи ихъ соблюдена постепенность, содержаніе ихъ занимательно и приспособлено къ понятіямъ юныхъ умовъ, наконецъ присоединенный къ книгѣ словарь обработанъ тщательно и разрѣшаетъ всякое недоумѣніе читателя и переводчика, а потому книга эта съ пользою можетъ быть введена въ число учебныхъ пособій. Обращаясь за тѣмъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, для которыхъ именно классовъ гимназій книга г. Данилевскаго наиболѣе полезна, рецензентъ замѣтилъ, что, безъ особыхъ побудительныхъ причинъ, не должно обременять родителей учениковъ покупкою новыхъ учебныхъ книгъ, которыя теперь и безъ того уже стоятъ втрое дороже чѣмъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Руководство Марго, употребляемое нынѣ въ низшихъ классахъ

гимназій, также содержитъ въ себѣ сборникъ Французскихъ статей въ прозѣ и въ стихахъ съ краткимъ словаремъ, и служить ученикамъ для чтенія и переводовъ въ четвертомъ и пятомъ классахъ. Въ сущности книга г. Данилевскаго сходна со второю половиною сборника Марго. Посему можно предложить на выборъ училищнаго начальства употреблять въ среднихъ классахъ гимназій тотъ или другой изъ сихъ двухъ сборниковъ. За то книга г. Данилевскаго съ большею пользою можетъ быть употребляема въ высшихъ классахъ гимназій, въ-особенности-же не столичныхъ. Находящаяся нынѣ въ употребленіи въ сихъ классахъ Французская хрестоматія Трико есть безспорно прекрасное собраніе классическихъ, образцовыхъ статей изъ всѣхъ областей Французской литературы; но чтобы читать ее съ пользою и умѣть оцѣнить достоинства и красоты ея содержанія, для этого надобно уже въ значительной степени владѣть Французскимъ языкомъ, и имѣть болѣе развитой и зрѣлый умъ, нежели насколько это бываетъ большею частію у учениковъ гимназій. Въ гимназіяхъ обѣихъ столицъ, по извѣстнымъ мѣстнымъ причинамъ, еще найдутся ученики, довольно услѣвшіе во Французскомъ языкѣ, чтобы съ ними читать и разбирать образцовыя статьи хрестоматіи Трико; въ прочихъ-же гимназіяхъ, гдѣ все знаніе Французскаго языка почерпается изъ двухъ или трехъ еженедѣльных уроковъ, безъ всякой домашней практики и безъ чтенія книгъ, писанныхъ на этомъ языкѣ, чтеніе и переводъ изъ хрестоматіи Трико есть задача, далеко превосходящая силы учениковъ. Къ сему должно присовокупить, что къ означенной хрестоматіи Трико не присоединено словаря, — что крайне затрудняетъ ея употребленіе. Да и сами учителя затрудняются переводомъ этихъ образцовыхъ статей хрестоматіи Трико, которая тѣмъ труднѣе переводить на другой языкъ, тѣмъ онѣ полнѣе изображаютъ характеръ, духъ и образъ мыслей, свойственный Французскому народу. Основываясь на вышеизложенномъ, ученый комитетъ *опредѣлилъ*, что книга г. Дани-

левскаго вполне заслуживаетъ быть введенною въ число учебныхъ пособій при преподаваніи Французскаго языка преимущественно въ четвертомъ и пятомъ классахъ гимназій; наравнѣ съ упомянутымъ выше руководствомъ Марго, съ тѣмъ, чтобы выборъ того или другаго изъ сихъ руководствъ предоставленъ былъ усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ гимназій; но что, сверхъ-того, книга г. Данилевскаго съ большою пользою можетъ быть употребляема и въ высшихъ классахъ тѣхъ гимназій, въ которыхъ, по недостаточнымъ успѣхамъ учениковъ во Французскомъ языкѣ, чтеніе и переводъ хрестоматіи г. Трико окажется затруднительнымъ. На заглавномъ листѣ книги г. Данилевскаго комитетъ полагалъ разрѣшить напечатать: *одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія къ употребленію въ гимназіяхъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія одобрилъ заключеніе ученаго комитета и приказалъ выписку изъ журнала засѣданія онаго напечатать въ журналѣ министерства для свѣдѣнія учебныхъ заведеній.

Цѣна книгѣ г. Данилевскаго 65 к. с. за экз.; съ требованіямъ оной надлежитъ обращаться къ составителю (\*).

### Міръ Божій, сост. *Разинъ*.

Коллежскій ассесоръ *Разинъ* издалъ въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ: «Міръ Божій». Министръ народнаго просвѣщенія, признавая полезнымъ имѣть книгу сію въ бібліотекахъ учебныхъ заведеній, предоставилъ начальствамъ сихъ заведеній выписывать оную, по мѣрѣ средствъ cadaго заведенія.

(\*) Адресъ его: въ С. Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, по 6-й линіи, въ д. Бенардаки.



По приказанію министра народнаго просвѣщенія дается знать учебнымъ заведеніямъ, что допущенная въ 1855 году къ употребленію въ видѣ пособія «Книга для переводовъ съ Русскаго на Нѣмецкій, Французскій и Англійскій языки съ словаремъ при ней», составленная *Ульяновымъ* и *Студитскимъ*, отпечатана нынѣ вторымъ изданіемъ. Цѣна сей книгѣ прежняя, 88 коп. сер., и за полученіемъ оной учебныя заведенія имѣютъ обращаться съ требованіями въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

---

## ВЫСОЧАЙШИЯ НОВЕЛЪИЯ

ЗА ДЕКАБРЬ 1858 ГОДА.

42. (29 декабря) *Объ открытїи при лѣсномъ и межевомъ институтѣ и Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ спеціальныхъ курсовъ лѣсоводства для студентовъ университетовъ.*

По всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе при лѣсномъ и межевомъ институтѣ и Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ спеціальныхъ курсовъ лѣсоводства, для студентовъ университетовъ, согласно съ составленнымъ для сего нижеслѣдующимъ Положеніемъ, которое также удостоено Высочайшаго одобренія.

43. (29 декабря).

На подлинномъ написано:

«Удостоено Высочайшаго одобренія 29 декабря 1858 года».

Подписалъ: Министръ государственныхъ имуществъ *М. Муравьевъ.*

С. Петербургъ.

### ПОЛОЖЕНІЕ

**О СПЕЦІАЛЬНОМЪ КУРСѢ ЛѢСОВОДСТВА ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ, ОКОНЧИВШИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ КУРСЪ ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.**

1) Спеціальный курсъ лѣсоводства открывается для доставленія молодымъ людямъ, кончившимъ курсъ въ университетахъ по отдѣленію естественныхъ наукъ, способовъ приготовиться къ службѣ по лѣсному управленію.

2) Къ означенному курсу допускаются вольноприходящіе и стипендіаты; число первыхъ не ограничено, а послѣднихъ полагается 20.

*Примѣчаніе.* Въ стипендіаты изъ желающихъ назначаются сначала имѣющіе кандидатскую степень, а потомъ дѣйствительные студенты, по усмотрѣнію начальства.

3) Спеціальный курсъ лѣсоводства раздѣляется на теоретическій и практическій.

4) Въ теоретическомъ спеціальному курсѣ, открываемомъ ежегодно при лѣсномъ и межевомъ институтѣ, съ 15 августа по 15 апрѣля, преподаются, по особо утверждаемому министромъ государственныхъ имуществъ росписанію, слѣдующіе предметы: низшая геодезія (топографія), накладка и черченіе плановъ, общее законовѣдѣніе, лѣсные законы и правила управленія казенными лѣсами, лѣсоводство и лѣсоохраніе, таксація и лѣсоустройство, лѣсная технологія, общая исторія государственнаго лѣснаго хозяйства, главныя основанія политической экономіи.

5) По окончаніи теоретическаго курса, какъ стипендіаты, такъ и вольноприходящіе, поступаютъ на практику въ Лисинское учебное лѣсничество на 8 мѣсяцевъ, съ 15 апрѣля по 15 декабря, для упражненія въ съемкѣ, нивелировкѣ, таксаціи, лѣсоустройствѣ и вообще въ лѣсныхъ работахъ.

6) По окончаніи практическихъ занятій, именно въ декабрѣ мѣсяцѣ, стипендіаты и вольноприходящіе подвергаются экзамену, и затѣмъ производятся, сообразно оказаннымъ успѣхамъ, въ прапорщики и подпоручики, а самые отличные по познаніямъ, способностямъ и въ практическомъ изученіи лѣснаго дѣла — въ поручики корпуса лѣсничихъ; успѣвшіе же менѣе въ лѣсныхъ наукахъ остаются при правахъ, приобрѣтенныхъ въ университетѣ, и получаютъ соотвѣтственный ихъ ученой степени или званію гражданскій чинъ.

7) По окончаніи экзамена, стипендіаты и вольноприходящіе, какъ произведенные въ военныя, такъ и переименованные въ

гражданскіе чины, распредѣляются, по усмотрѣнію начальства, на службу по лѣсному вѣдомству, въ которомъ стипендіаты обязаны прослужить не менѣе трехъ лѣтъ.

8) На необходимыя по настоящему предмету издержки, именно:

- |   |            |
|---|------------|
| а) На чтеніе лекцій въ теоретическомъ курсѣ<br>впродолженіе 8 мѣсяцевъ . . . . .          | 2,000 руб. |
| б) За практическія упражненія студентовъ въ Ли-<br>синѣ . . . . .                         | 1,200 »    |
| в) На инструменты, канцелярскіе и непредвидимые<br>расходы . . . . .                      | 400 »      |
| г) На 20 стипендій, по 300 руб. въ годъ, а за 16<br>мѣсяцевъ 400 руб. на каждую . . . . . | 8,000 »    |

Всего 11,600 р. отпускаются изъ прибыльнаго капитала отъ устроенныхъ лѣсныхъ дачъ.

9) Отчетность въ сей суммѣ должна быть ведена особо, безъ смѣшенія съ таковою-же отчетностію въ другихъ суммахъ лѣснаго и межеваго института и Лисинскаго лѣсничества.

Подписалъ: Министръ государственныхъ имуществъ

*М. Муравьевъ.*

#### 44. (24 декабря) *Объ усиленіи способовъ внутренней цензуры.*

По причинѣ усилившейся въ послѣднее время у насъ литературной дѣятельности, министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье испрашивать Высочайшее соизволеніе на приведеніе въ исполненіе слѣдующаго: 1) Для усиленія способовъ внутренней цензуры, по случаю значительнаго умноженія временныхъ изданій, прибавить въ С. Петербургскомъ и Московскомъ ценсурныхъ комитетахъ, къ настоящему штатному числу ценсоровъ, въ первомъ — двухъ, а въ послѣднемъ — одного, съ производствомъ имъ равнаго съ прочими ценсорами сихъ комитетовъ содержанія, а именно: ценсорамъ С. Петербургскаго ценсурнаго комитета жалованья по 1,500 руб. и столовыхъ по 1,500 руб., а всего по 3,000 руб. въ годъ каж-

дому; цензору же Московскаго ценсурнаго комитета жалованья 1,250 руб. и столовыхъ 1,250 руб., а всего 2,500 руб. въ годъ. 2) При главномъ управленіи цензуры прибавить къ настоящему числу чиновниковъ особыхъ порученій VI-го класса еще одного такого-же чиновника, съ жалованьемъ по 1,250 рублей и столовыми по 1,250 руб. въ годъ. 3) Всѣмъ прибавленнымъ такимъ образомъ ценсорамъ и чиновнику особыхъ порученій предоставить тѣ-же служебныя права, какія присвоены штатнымъ чинамъ сихъ званій. 4) На прибавку въ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія одного канцелярскаго чиновника, съ жалованьемъ по усмотрѣнію министра, и на сверхштатныя канцелярскіе расходы отпускать по 1,000 руб. въ годъ. 5) Всѣ вышеисчисленныя суммы, въ сложности по 12,000 руб. сер. въ годъ, производить изъ государственнаго казначейства. На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ Его Императорское Величество соизволило положить Высочайшую резолюцію: *«Исполнить»*.

45. (24 декабря) *О введеніи преподаванія естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и прибавкѣ штатнаго учителя въ Новочеркасское приходское училище.*

Государь Императоръ, по положенію военнаго совѣта, Высочайше повелѣтъ изволилъ:

1) Ввести въ Новочеркасской гимназіи преподаваніе естественныхъ наукъ, примѣнительно къ мѣстности края, съ назначеніемъ для сего особаго старшаго учителя, съ жалованьемъ по 393 р. 25 коп. сер. въ годъ.

2) Въ Новочеркасскомъ приходскомъ училищѣ прибавить другаго штатнаго учителя, съ жалованьемъ по 100 р. сер. въ годъ.

3) Вновь учреждаемымъ должностямъ: учителя естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и учителя въ Новочеркасскомъ приходскомъ училищѣ, по производству въ чины и полученію пенсій, а въ-случаѣ назначенія на сіи должности

лицъ не войскового происхожденія, также по классамъ должностей и мундирамъ, присвоить всѣ права и преимущества, какими въ Донскомъ войскѣ пользуются другіе училищные чиновники соотвѣтствующихъ должностей.

4) На составленіе упомянутаго оклада жалованья для учителя естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи 393 р. 25 коп. сер. въ годъ, обратитъ 85 руб. 75 к., назначенные по штату за преподаваніе порядка и формъ судопроизводства и оставшіеся свободными по-случаю опредѣленія въ гимназію особаго учителя законовѣдѣнія; остальные-же затѣмъ 307 руб. 50 коп. отпускать изъ войсковыхъ суммъ; а издержку на жалованье другому учителю Новочеркаскаго приходскаго училища, 100 руб. сереб. въ годъ, отнести на счетъ экономическаго училищнаго капитала.

5) Должности старшаго учителя естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и другаго учителя Новочеркаскаго приходскаго училища включить въ составляемый вновь штатъ военнаго и гражданскаго управленія войска Донскаго.

---

По ходатайству министра народнаго просвѣщенія, всемило-стивѣйше повелѣно: директору канцеляріи ввѣреннаго ему министерства, дѣйствительному статскому совѣтнику *Берте*, производить, вмѣсто аренды, изъ государственнаго казначейства, по тысячѣ руб. сер. ежегодно, въ-теченіе двѣнадцати лѣтъ (29 декабря).

---

## МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ДЕКАБРЬ 1858 ГОДА.

23. (12 декабря) *О наблюдѣніи за занятіями врачей, допущенныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій въ медицинскомъ факультетѣ.*

По распоряженію медицинскаго департамента военнаго министерства, военные врачи прикомандировываются къ военнымъ госпиталямъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани, какъ для усовершенствованія ихъ врачебныхъ знаній чрезъ посѣщеніе лекцій въ находящихся тамъ университетахъ, такъ и для держанія въ оныхъ экзамена на высшія ученія медицинскія степени.

Дабы мѣра эта не была бесполезною или не служила вреднымъ средствомъ къ уклоненію сказанныхъ врачей отъ служебныхъ занятій ихъ въ тѣхъ мѣстахъ военно-медицинскаго вѣдомства, гдѣ они числятся на дѣйствительной службѣ, признается необходимымъ учредить за дѣйствительностію научныхъ занятій ихъ постоянное наблюденіе слѣдующимъ образомъ:

Военные врачи, прикомандированные къ военнымъ госпиталямъ: Московскому, Кіевскому и Казанскому, для научныхъ занятій въ тамошнихъ университетахъ, держанія экзамена на высшія учено-медицинскія степени и написанія диссертаций, обязаны, по прибытіи на мѣсто, являться къ декану медицинскаго факультета и объявлять ему, какими частями медицины они особенно желаютъ заниматься. По извѣщеніи о томъ дека-

номъ профессоровъ тѣхъ частей медицины или естественныхъ наукъ, эти послѣдніе имѣють слѣдить за занятіями прикомандированныхъ врачей, донося ежемѣсячно совѣту университета о томъ, дѣйствительно-ли занимается прикомандированный врачъ избранными предметами. Въ-случаѣ неусерднаго занятія кого-либо изъ этихъ врачей въ-теченіе мѣсяца и неодобрительнаго отзыва о немъ въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ, совѣтъ университета извѣщаетъ о томъ медицинскій департаментъ военнаго министерства, для отправленія такихъ врачей къ штатнымъ мѣстамъ служенія ихъ.

Вслѣдствіе отношенія о семъ военнаго министра и имѣя въ-виду, что 27 марта 1857 года предложено уже допускать военныхъ врачей къ слушанію университетскихъ лекцій по медицинскому факультету, министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ распоряженіе о предложеніи къ исполненію совѣтамъ университетовъ Московскаго, Казанскаго и св. Владиміра вышеизложенныя правила относительно военныхъ врачей, которые будутъ прикомандированы къ военнымъ госпиталямъ съ изясненною цѣлю и о которыхъ медицинскимъ начальствомъ будетъ сообщено тѣмъ университетамъ.

24. (12 декабря) *Циркулярное предложеніе о вознагражденіи учителей за исправленіе вакантныхъ должностей полными окладами жалованья по ихъ должностямъ.*

При введеніи въ учебныхъ округахъ дѣйствующихъ нынѣ штатовъ, Высочайше утвержденныхъ 8 декабря 1828 г., министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ-виду съ одной стороны могущую иногда встрѣтиться необходимость въ порученіи одному лицу двухъ учительскихъ должностей, а съ другой — что по тѣмъ штатамъ допущены были значительныя противъ прежнихъ штатовъ прибавки, предложило къ руководству учебнымъ начальствамъ вознаграждать такихъ лицъ за посторонніе труды половиннымъ окладомъ жалованья по вакант-



ному мѣсту, съ тѣмъ, чтобы на сіе каждый разъ испрашиваемо было разрѣшеніе министерства.

Принимая во вниманіе, во-1-хъ, что такая мѣра вознагражденія за занятіе по вакантнымъ должностямъ не всегда соотвѣтствуетъ трудамъ, употребляемымъ на преподаваніе учителями постороннихъ предметовъ; во-2-хъ, что въ настоящее время, при возвысившейся цѣнности на всѣ предметы, оклады 1828 г. оказываются иногда крайне ограниченными, и въ-3-хъ, что Высочайше утвержденнымъ 3 января 1817 г. докладомъ исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія, коимъ допускается соединеніе преподавательскихъ должностей, предоставлено министерству, при такомъ соединеніи должностей, давать полные оклады по разнымъ мѣстамъ или части оныхъ, — я нахожу справедливымъ, въ видахъ соразмѣрнаго вознагражденія особыхъ трудовъ преподавателей, допускать, съ особаго каждый разъ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, учителямъ гимназій, дворянскихъ институтовъ и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ выдачу, за исправленіе вакантныхъ учительскихъ-же должностей, *полною* жалованья по вакантнымъ мѣстамъ или части онаго, независимо отъ содержанія, коимъ они пользуются по настоящимъ своимъ должностямъ, смотря по количеству труда, величинѣ окладовъ и способностямъ преподавателей.

Сообщая о семъ къ надлежащему руководству по учебнымъ округамъ, считаю нужнымъ присовокупить, что соединеніе учительскихъ должностей должно, какъ и нынѣ, имѣть мѣсто въ крайнихъ только случаяхъ, и то временно.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

25. (12 декабря) *Объ увеличеніи содержанія хранителя музея Императорскаго Московскаго университета.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи попечителя Московскаго учебнаго округа, и на основаніи Высочайше утвержденного 9 іюня 1837 г. положенія комитета министровъ,

министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ хранителю музея Московскаго университета, вмѣсто получаемыхъ имъ нынѣ жалованья по 571 р. 89 к. и квартирныхъ денегъ по 125 р. с. въ годъ, производить содержаніе наравнѣ съ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, изъ экономической университетской суммы.

26. (20 декабря) *Циркулярное предложеніе о сообщеніи въ придворную Его Императорскаго Величества контору свѣдѣній о перемѣнахъ по службѣ чиновниковъ, имѣющихъ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ.*

Св. зак. т. 3 *Уст. о служ. по опред. отъ прав.* ст. 1438 (изд. 1857 г.) вмѣнено въ обязанность всѣмъ начальствующимъ лицамъ немедленно доставлять въ придворную Его Императорскаго Величества контору свѣдѣнія о всѣхъ перемѣнахъ, происходящихъ по службѣ чиновниковъ, которые носятъ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ Высочайшаго Двора.

Министръ Императорскаго Двора сообщилъ, что таковыя свѣдѣнія часто не доставляются въ контору и что даже въ отдаваемыхъ приказахъ лица, состоящія въ придворныхъ званіяхъ, не именуется симъ званіямъ и означаются лишь ихъ чины и должности, отчего происходятъ ошибочныя показанія и въ придворномъ календарѣ. Посему генераль-адъютантъ графъ *Адлербергъ* проситъ подтвердить кому слѣдуетъ о своевременномъ доставленіи въ придворную контору сказанныхъ свѣдѣній, на основаніи вышеозначеннаго закона.

О семъ сообщая, покорнѣйше прошу начальниковъ округовъ свѣдѣнія о всѣхъ перемѣнахъ по службѣ чиновниковъ, имѣющихъ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ Высочайшаго Двора, доставлять своевременно прямо отъ себя въ придворную контору.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

## ПРИКАЗЫ

### МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 8.

12 декабря 1858 года.

#### ПРИЧИСЛЯЮТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Чиновникъ особыхъ порученій при С. Петербургскомъ гражданскомъ губернаторѣ, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, надворный совѣтникъ *Бантышъ-Каменскій*.

Цензоръ Московскаго ценсурнаго комитета, надворный совѣтникъ *фонъ-Крузе*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Почетный смотритель Витебскаго ~~уѣзднаго~~ училища, коллежскій регистраторъ *Быковскій*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

#### ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь *Родзянко* — почетнымъ смотрителемъ Роменскаго дворянскаго уѣзднаго училища.

#### УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Царскосельскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Куриленковъ*, по прошенію.

#### УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ *Жельзновъ*, по 16 марта 1859 года.

Старшій помощникъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Гревсъ*, на 29 дней.

#### ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Почетному попечителю Костромской гимназіи, артиллеріи подпоручику *Григорову* — на два мѣсяца, по 5 января 1859 года.

## УМЕРШИЕ ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ:

Членъ главнаго правленія училищъ, потомственный почетный попечитель Демидовскаго лицея, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демидовъ*.

Почетный смотритель Елецкаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Стаховичъ*.

Чиновникъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи, титулярный совѣтникъ *Энгельманъ*.

---

№ 9.

17 декабря 1858 года.

---

## НАЗНАЧАЮТСЯ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Пазманъ* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ законовъ государственнаго благоустройства и благочинія.

## ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Изъ отставныхъ, надворный совѣтникъ *Кілювскій* — почетнымъ смотрителемъ Енисейскаго уѣзднаго училища.

Изъ отставныхъ, титулярный совѣтникъ *Котеловъ* — почетнымъ смотрителемъ Чебоксарскаго уѣзднаго училища.

Уволенный изъ корпуса гѣсничихъ, поручикъ *Климовъ* — почетнымъ смотрителемъ Орловскаго (Вятской губерніи) уѣзднаго училища.

Кандидатъ Императорскаго Харьковскаго университета *Булацель* — почетнымъ смотрителемъ Дмитріево-Свалскаго уѣзднаго училища.

## ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

Указомъ правительствующаго сената 10 декабря 1858 года за выслугу лѣтъ со старшинствомъ:

*По департаменту народнаго просвѣщенія.*

*Въ надворные совѣтники* — столоначальникъ, коллежскій ассесоръ Николай *Котовъ*, съ 9 іюня 1858 г.

*Въ титулярные совѣтники* — старшій помощникъ столоначальника, коллежскій секретарь Александръ *Спасскій*, со 2 октября 1858 г.

*По вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.*

*Въ коллежскіе совѣтники* — надворные совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ Александръ *Назимовъ*, со 2 іюня, и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Александръ *Бутлеровъ*, съ 14 іюля 1858 г.

*Въ надворные совѣтники* — почетный смотритель Ржевскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ Степанъ *Квашинъ-Самаринъ*, съ 28 іюня 1858 г.

*Въ коллежскіе ассесоры* — титулярные совѣтники: почетный смотритель Тульскаго уѣзднаго училища Михаилъ *Дементьевъ*, съ 1 мая 1858 г., и исправляющій должность бібліотекаря Императорскаго Московскаго университета Дмитрій *Штейнберъ*, съ 9 декабря 1856 г.

*Въ титулярные совѣтники* — коллежскіе секретари: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Петровскаго — Алексѣй *Лупандинъ*, съ 29 сентября 1855, Глазовскаго — Иванъ *Детцель*, съ 29 іюля 1858, Романово-Борисоглѣбскаго — Николай *Скульскій*, съ 13 декабря 1855, Епифанскаго — князь Владиміръ *Черкасскій*, съ 30 мая 1858, и Владимірскаго — бывшій почетный смотритель, нынѣ въ отставкѣ, Иванъ *Зубковъ*, съ 12 января 1858 года.

*Въ коллежскіе секретари* — почетный смотритель Гжатскаго уѣзднаго училища, губернский секретарь князь Василій *Горчаковъ*, съ 6 ноября 1857 года.

По сему производству въ чины предписывается сдѣлать надлежащее распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. *Устав. о служб. по опред. отъ прав.* (изд. 1857 г.).

## УВОЛЬНЯЕТСЯ:

Почетный смотритель Енисейскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Барковъ* — отъ сей должности, за неявкою къ ней.

## № 10.

24 декабря 1858 года.

## ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій регистраторъ *Коваленковъ* — почетнымъ смотрителемъ Царицынскаго уѣзднаго училища.

## УТВѢРЖДАЕТСЯ:

Исправляющій должность директора училищъ Тамбовской губерніи, статскій совѣтникъ *Бернгардтъ* — въ настоящей должности.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Буличъ* — ординарнымъ профессоромъ того-же университета по занимаемой имъ кафедрѣ Русской словесности.

## НАЗНАЧАЕТСЯ:

Старшій учитель второй Казанской гимназіи, докторъ философіи и древней филологіи, коллежскій совѣтникъ *Шарбе* — экстраординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Казанскій университетъ, по кафедрѣ Греческой словесности и древностей, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Состоящій въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Гиршголтъ* — преподавателемъ въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію по кафедрѣ теоретической хирургіи, съ оставленіемъ и въ означенномъ вѣдомствѣ (18 декабря 1858 г.).

## УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Лихвинскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ князь *Грузинскій*, по прошенію.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

## УТВЕРЖДЕНЫ:

*По Дерптскому ветеринарному училищу.*

Почетными членами:

Членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, докторъ *Всволюдовъ*; профессоръ ветеринарной медицины при Бернскомъ университетѣ *Анкеръ*; директоръ Берлинскаго ветеринарнаго училища, докторъ *Гурльтъ*; директоръ Стутгардскаго ветеринарнаго училища, докторъ *Геринъ*; бывший профессоръ Копенгагенскаго ветеринарнаго училища, докторъ *Нертартъ*; бывший директоръ Мюнхенскаго ветеринарнаго училища докторъ *Швабъ*, и бывший профессоръ Вѣнскаго ветеринарнаго института *Фейтъ* (31 декабря).

## О ЖУРНАЛѢ,

*одобренномъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Подснѣжникъ, журналъ для дѣтскаго чтенія, издаваемый В. *Майковымъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія, признавая издаваемый г. Майковымъ журналъ, подъ названіемъ «Подснѣжникъ», назначаемый для дѣтскаго и юношескаго возраста, по роду и достоинству помѣщаемыхъ въ немъ статей, весьма полезнымъ имѣть въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, разрѣшилъ начальствамъ оныхъ подписываться на сей журналъ по-мѣрѣ денежныхъ способовъ заведеній; желающіе подписаться на сей журналъ обращаются къ редактору В. Н. Майкову, живущему въ С. Петербургѣ, на Лиговкѣ, въ домѣ купца Зуева. Цѣна журнала съ пересылкою 6 руб. сер., которые могутъ быть уплачиваемы въ-теченіе года.

## ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ЯНВАРЬ 1858 ГОДА.

1. (6 января) *Объ опредѣленіи врачей при женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Комитетъ гг. министровъ, выпискою изъ журналовъ своихъ, 23 декабря 1858 и 6 января сего года, сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Государь Императоръ, по положенію комитета, Высочайше соизволилъ: дозволить министерству народнаго просвѣщенія разрѣшать, по представленіямъ мѣстныхъ училищныхъ начальствъ и въ случаѣ дѣйствительной надобности, опредѣленіе при женскихъ училищахъ министерства особыхъ врачей безъ жалованья, но съ правами, предоставленными врачамъ, состоящимъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ.

2. (17 января) *О наименованіи Осташковскихъ приходскихъ училищъ «Воронинскими».*

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія объ изъявленномъ надворнымъ совѣтникомъ *Воронинымъ* желаніи жертвовать постоянно на содержаніе и улучшеніе трехъ Осташковскихъ приходскихъ училищъ по 1,400 р. с. въ годъ, Государь Императоръ, во всемилоствѣйшемъ вниманіи къ похвальному стремленію *Воронина* къ пользамъ народнаго образованія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: Осташковскимъ приходскимъ училищамъ присвоить наименованіе «Во-



ронинскихъ», доколѣ жертвователемъ будетъ вносіма опредѣленная на содержаніе ихъ сумма.

### ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ.

#### I.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, ординарному академику Императорской академіи наукъ Александру *Востокосу*.

Во вниманіе къ ревностной службѣ вашей и полезнымъ ученымъ трудамъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего св. Анны первой степени, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

#### II.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, ординарному академику Императорской академіи наукъ Виктору *Бумяковскому*.

Въ награду отлично-усердной службы вашей и особенныхъ трудовъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего св. Анны первой степени, коего знаки, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

#### III.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, заслуженному ординарному профессору С.-Петербургскаго университета Василю *Шнейдеру*.

Во вниманіе къ долговременной ревностной службѣ и отличнымъ трудамъ вашимъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего св. Анны первой

степени, коего знаки, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

## IV.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, заслуженному ординарному профессору С.-Петербургскаго университета Адаму Фишеру.

Въ воздаяніе отлично-ревностной и полезной службы вашей, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашею св. Станислава первой степени, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

## V.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, чиновнику особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія Степану Нещасу.

Во вниманіе къ долговременной ревностной службѣ вашей и отличныиъ трудамъ, понесенныиъ вами при исполненіи возложенныхъ на васъ порученій, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашею св. Станислава первой степени, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С. Петербургѣ,  
января 1 дня 1859 г.

## НАГРАЖДЕННІ:

а) *Орденами.*

Св. Анны 2-й степени: Деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Калмыковъ*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ *Бетлинъ*; чиновникъ особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера *Арсеньевъ* (2 января).

Св. Анны 3-й степени: Почетный попечитель Тульской гимназіи, подпоручикъ *Римскій-Корсаковъ* (2 января).

Св. Станислава 2-й степени, Императорскою короною украшеннымъ: Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Елачичъ*; статскіе совѣтники: директоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища *Галлицкій*; директоры Московскихъ гимназій: второй — *Авилловъ*, третьей реальной — *Гриццовъ*; директоры училищъ губерній: Воронежской — *Карпинскій*, Курляндской — *Бълаго* и Персикой — *Грацимскій*; деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира *Кеслеръ*; ординарные профессора: Императорскаго Харьковскаго университета — *Палломбецкій* и главнаго педагогическаго института — *Блюмъ* и исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Григоровичъ* (2 января).

Св. Станислава 2-й степени: Ценсоръ Виленскаго ценсурнаго комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кукольникъ*; статскіе совѣтники: директоръ Дерптскаго ветеринарнаго училища *Унтербергеръ*; чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи ценсуры *Волковъ*; деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Станиславскій*; ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Кранихфельдъ*; профессоръ Ришельевскаго лицея *Лукьяновъ*; старшій ценсоръ комитета ценсуры иностранной *Берте*; коллежскіе совѣтники: старшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія *Разумихинъ*, и профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища *Островскій* (2 января).

Св. Станислава 3-й степени: Старшій учитель Московской первой гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Смирновъ*; библіотекаръ Императорскаго университета св. Владимира, надворный совѣтникъ *Красовскій*; коллежскіе ассессоры: архитекторъ Московскаго учебнаго округа *Дмитріевъ*, и штатный смотритель Остапковскаго уѣзднаго училища *Лукинъ* (2 января).

б) *Бриллиантовымъ перстнемъ, съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени.*

Инспекторъ студентовъ Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Фицтумъ-фонъ-Экстедтъ* (6 января).

в) *Прибавочнымъ жалованьемъ по 400 р. въ годъ.*

Совѣтникъ комитета правленія Императорской академіи наукъ, коллежскій совѣтникъ *Каратыгинъ* (6 января).

г) *Серебряною медалью, для ношенія на шею, на Станиславской лентѣ.*

Членъ Хотинской Еврейской училищной комиссіи, Кишиневскій 3-й гильдіи купецъ *Шая Юфа*; попечители Херсонской Еврейской талмудъ-торы: Херсонскій 3-й гильдіи купецъ *Соломонъ Гринбергъ* и купеческій сынъ *Соломонъ Фельдманъ* (6 января).

д) *Обыкновенными подарками.*

*По канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.*

Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія и исправляющій должность секретаря канцеляріи министра, статскій совѣтникъ *Обертъ*; старшій секретарь, коллежскій совѣтникъ *Янкевичъ*; секретарь, надворный совѣтникъ *Добровольскій* (6 января).

*По департаменту народнаго просвѣщенія.*

Статскіе совѣтники: правитель канцеляріи *Ошметковъ*, начальникъ отдѣленія *Косминскій*; коллежскіе совѣтники: старшіе столоначальники: *Лефевръ* и *Процевскій* 1-й; старшій помощникъ редактора журнала министерства народнаго просвѣщенія *Галанинъ*; надворные совѣтники: начальникъ отдѣленія *Пещуровъ*, экзекуторъ *Куртъ*, бухгалтеры и контролеры: *Чеховъ* и *Процевскій* 2-й; коллежскіе ассессоры: казначей — *Вашиловъ*, книгохранитель — *Азимовъ*, столоначальникъ — *Котовъ*, помощникъ бухгалтера и контролера *Ивановъ*; титулярные совѣтники: столоначальникъ *Бутузовъ* и исправляющій должность столоначальника *Березинъ* (6 января).

*По учебнымъ округамъ:*

С. Петербургскому: Врачъ при благородномъ пансіонѣ Новгородской гимназіи, статскій совѣтникъ *Еропеусъ*; коллежскіе совѣтники: инспекторы С. Петербургскихъ гимназій: первой — *Бардовскій*, второй — *Пернеръ*; надворные совѣтники: пятой — *Бьялевъ*; синдикъ С. Петербургскаго университета *Кириловъ*; библіотекаръ С. Петербургскаго университета *Бюшъ*; коллежскіе ассессоры: секретарь правленія С. Петербургскаго университета *Уминовъ*; старшіе учителя гимназій: первой С. Петербургской — *Лыткинъ*, второй С. Петербургской — *Зоннъ* и *Страховъ*, третьей С. Петербургской — *Стоюнинъ*, Динабургской — *Андреяновъ* и *Клюквинъ*; старшій комнатный надзиратель при пансіонѣ и учитель чистописанія второй С.-Петербургской гимназіи *Криеръ*; младшій учитель и исправляющій должность комнатнаго надзирателя пансіона при Псковской гимназіи *Васильевъ*; младшій учитель и исправляющій должность комнатнаго надзирателя при той же гимназіи *Массонъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Оршинскаго дворянскаго — *Бабичевъ*, Витебскаго — *Лешко*, Новосильскаго — *Страховъ*, Сольвычегодскаго — *Титовъ*; учитель Кадниковскаго уѣзднаго училища *Дьячковъ*; титулярные совѣтники: помощникъ инспектора студентовъ С.-Петербургскаго университета *Озерскій*; младшій учитель Архангельской гимназіи *Кизель*; штатный смотритель Кириловскаго уѣзднаго училища *Пилецкій-Урбановичъ*; учитель Сольвычегодскаго уѣзднаго училища *Федосеевъ*; состоящіе въ IX классѣ: старшіе учителя гимназій: Витебской —

**Брамсонъ**, Архангельской — **Бялиняжій**; коллежскіе секретари: Архангельской — **Гальяновъ**; учителя уѣздныхъ училищъ: Великоустюжскаго — **Горбунковъ**, Холмскаго — **Красильниковъ**; письмоводитель Вологодской дирекціи училищъ **Полівектовъ**; состоящій въ X классѣ, младшій учитель и комнатный надзиратель первой С.-Петербургской гимназіи **Крестлинъ**; губернскіе секретари: бухгалтеръ Псковской дирекціи училищъ **Ануфриевъ**, экономъ благороднаго пансіона Новгородской гимназіи **Ивановъ**, надзиратель за приходящими учениками Архангельской гимназіи **Шубный**; состоящіе въ XII классѣ: комнатный надзиратель при пансіонѣ второй С.-Петербургской гимназіи **Эйхталь**, учитель Псковской гимназіи **Жуковъ**; учителя уѣздныхъ училищъ: Псковскаго — **Слободинъ** и **Григорьевъ**, Великолуцкаго — **Островскій**, Новоржевскаго — **Лукашевичъ**; не имѣющей чина, письмоводитель Динабургской гимназіи **Василевскій** (6 января).

Московскому: Коллежскіе совѣтники: инспекторъ Московской третьей реальной гимназіи **Александровъ**, старшій учитель той-же гимназіи **Лекторскій**; коллежскіе ассессоры: штатный смотритель Зарайскихъ училищъ **Дильпровъ**; старшій учитель второй Московской гимназіи **Оранскій**; учителя уѣздныхъ училищъ: Ржевскаго — **Соколовъ**, Перемышльскаго — **Черницкій**, Мещовскаго — **Андросовъ**; старшій надзиратель и учитель Московской четвертой гимназіи **Будь-Добрый**; учителя уѣздныхъ училищъ: Новоторжскаго — **Троицкій**, Карчевскаго — **Безсоновъ**, Кашинскаго — **Колоколовъ**, Костромскаго — **Николаевъ**, Ряжскаго — **Муромцевъ**; коллежскіе секретари: Рязанскаго — **Андреевъ** и **Лышицкій**, Чухломскаго — **Красовскій** и **Филомавитскій**, Ряжскаго — состоящій въ XII классѣ **Барановскій**; Рязенбургскаго — коллежскій регистраторъ **Орловъ** (6 января).

Казанскому: Старшіе учителя гимназій, коллежскіе совѣтники: первой Казанской — **Кротковъ** и **Угланскій**, Симбирской — надворный совѣтникъ **Пановъ**; коллежскіе ассессоры: столоначальникъ канцеляріи попечителя округа **Кучинъ**; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Чистопольскаго — **Ларионовъ** и Спасскаго — **Синильевскій**; учитель Спасскаго уѣзднаго училища **Синильевскій**; титулярные совѣтники: старшіе учителя гимназій: Саратовской — **Волковъ**, Оренбургской — **Павловскій**, Пензинскаго дворянскаго института — **Пановъ**; учитель Царевококшайскаго уѣзднаго училища **Сильвестровъ**; состоящіе въ IX классѣ: старшіе учителя: Пермской

гимназій — *Фирсовъ*, Пензинскаго дворянскаго института — *Ульямовъ* (6 января).

Харьковскому: Инспекторъ Орловской гимназій, надворный совѣтникъ *Гриценковъ*; помощникъ инспектора студентовъ Харьковскаго университета, коллежскій ассессоръ *Засядко* (6 января).

Кіевскому: Коллежскіе совѣтники: инспекторъ Волинской гимназій *Домарадскій*, лекторъ университета св. Владимира *Краузе*, старшій учитель Новгородской гимназій *Терновскій*; надворные совѣтники: адъюнктъ университета св. Владимира *Линиченко*, инспекторъ Немировской гимназій *Дельсаль*; коллежскіе ассессоры: смотритель и преподаватель Каменецкаго казеннаго Еврейскаго училища 2 разряда *Гріельскій*, помощникъ бібліотекаря университета св. Владимира *Козловскій*, учитель Нѣжинскаго уѣзднаго училища *Аменицкій*, старшій учитель Полтавской гимназій *Самусь*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Златопольскаго — *Ильишевичъ* и Лубенскаго — *Тирютинъ*; младшій учитель первой Кіевской гимназій и старшій комнатный надзиратель при той-же гимназій *Макинскій*; старшій учитель Каменецъ-Подольской гимназій *Малавскій*; состоящій въ VIII классѣ помощникъ директора акушерской клиники университета св. Владимира, докторъ медицины *Лазаревичъ*; титулярные совѣтники: старшій учитель Кіевской первой гимназій *Должиковъ*; бухгалтеръ университета св. Владимира *Сомлавскій*; смотритель и учитель Ковенскаго казеннаго Еврейскаго училища перваго разряда *Климовскій*; состоящій въ IX классѣ старшій учитель Нѣжинской гимназій *Цѣханаевцкій*; коллежскіе секретари: учитель рисованія Кіевской первой гимназій *Бьялевъ*, надзиратель за училищами Кіевской второй гимназій *Козловскій*, учитель математики Новоградскаго уѣзднаго училища *Котлярвъ*, бухгалтеръ дирекціи училищъ Волинской губерніи *Жуковскій*; состоящій въ X классѣ младшій учитель Нѣжинской гимназій и надзиратель пансіона лицей князя Безбородко *Штейнъ*; губернскіе секретари: учитель рисованія и чистописанія Черноостровскаго уѣзднаго дворянскаго училища *Крикунда*, надзиратель за приходящими учениками Немировской гимназій *Корсунъ*, письмоводитель Немировской гимназій *Ходаковскій*, канцелярскій чиновникъ совѣта университета св. Владимира *Иржикевичъ*; состоящіе въ XII классѣ: учитель Русскаго языка Черноостровскаго уѣзднаго училища *Соколовъ*, учитель исторіи и географіи Лохвицкаго уѣзднаго училища *Охрицкій*; состоящій въ XIV

класѣ учитель рисованія и чистописанія Кіевскаго уѣзднаго училища *Янченко*; не пишущіе чина: письмоводитель Кіевской первой гимназіи *Дубиневичъ*; канцелярскіе служители гимназіи: Немировской — *Тучевичъ* и Нѣжинской — *Прокоповичъ*; учитель Еврейскихъ предметовъ Житомирскаго раввинскаго училища *Бакитъ* (6 января).

Одесскому: Коллежскіе совѣтники: инспекторъ Симферопольской гимназіи *Тихомировъ*; старшій учитель той-же гимназіи *Тиранианъ*; младшій учитель Кишиневской гимназіи, надворный совѣтникъ *Черняскій*; коллежскіе ассессоры; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Аккерманскаго — *Клименко*, Бендерскаго — *Кульчицкій*; старшій учитель Кишиневской гимназіи *Титаренко*; учитель Евпаторійскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Бабрицкій*; надзиратель за приходящими учениками Кишиневской гимназіи, коллежскій регистраторъ *Кочевскій*; надзиратель пансіона при той-же гимназіи *Даудерштедтъ*; законоучитель Сорокскаго уѣздаго училища протоіерей *Петрицкій* (6 января).

Дерптскому: Ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ *Бухгеймъ*; коллежскіе совѣтники: бывшій лекторъ *Павловскій* и старшій учитель Митавской гимназіи *Блезе*; ученый аптекаръ Дерптскаго ветеринарнаго училища, надворный совѣтникъ *Клеверъ*; старшій учитель Митавской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Паукеръ* (6 января).

#### *По Императорской академіи наукъ.*

Коллежскіе ассессоры: бухгалтеръ и контролеръ комитета правленія *Курдиновскій* и архитекторъ *Кириловъ* (6 января).

#### *По главному педагогическому институту.*

Коллежскіе ассессоры: совѣтникъ правленія *Данилевскій*, врачъ *Кребель* и секретарь правленія *Яковлевъ* (6 января).

#### *е) Возведенъ въ личное почетное гражданство.*

Членъ Подольской губернской Еврейской училищной комиссіи, купецъ 2-й гильдіи Мордко *Левинзонъ* (6 января).



## ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ ПРИСУТСТВИИ СВОЕМЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ,

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩЕ

## ПРИКАЗЫ:

№ 1.

6 января 1859 года,

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Членъ Эстляндскаго дворянскаго депутатскаго собранія, бывшій губернской предводитель, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, баронъ *Унгеръ-Штернбергъ* — почетнымъ попечителемъ Ревельской гимназіи, на трехлѣтіе.

ПРОИЗВОДЯТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ действительные статскіе совѣтники — статскіе совѣтники: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Абицъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго — деканъ *Рославскій-Петровскій* и С. Петербургскаго — *Савичъ*, и экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Струве*.

Въ статскіе совѣтники — экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, коллежскій совѣтникъ *Шифнеръ*.

Въ коллежскіе совѣтники — надворные совѣтники: директоръ училищъ Смоленской губерніи *Шестаковъ* (съ 30 іюня

1858 г.) и почетный попечитель Ярославской гимназіи *Михалковъ* (съ 31 декабря 1858 г.).

*Въ коллежскіе ассессоры* — титулярные совѣтники: правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа *Соболевъ* (съ 9 декабря 1858 г.); департамента народнаго просвѣщенія: столоначальникъ *Вошкинъ* (съ 24 декабря 1857 г.) и старшій помощникъ столоначальника *Первошниковъ* (съ 9 июня 1858 г.).

*Въ титулярные совѣтники* — коллежскіе секретари: почетный попечитель Смоленской гимназіи *Энгельгардтъ*; почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: С. Петербургскаго Андреевскаго — *Бенардаки* (съ 29 ноября 1858 г.) и Прилукскаго — *Троцына* (съ 4 января 1858 г.).

*Въ губернскіе секретари* — помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, коллежскій регистраторъ *Косоговскій* (съ 1 декабря 1857 г.).

---

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, объявляетъ Монаршее благоволеніе, за отлично-усердную и ревностную службу: директору училищъ Ковенской губерніи, статскому совѣтнику *Васильеву*; инспекторамъ гимназій: Пермской — коллежскому совѣтнику *Крупенину*, Екатеринославской — надворному совѣтнику *Петрову* и почетному смотрителю училищъ Бобруйскаго уѣзда, поручику *Кельчевскому*.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Сибирскаго комитета, объявляетъ Монаршее благоволеніе директору училищъ Тобольской губерніи, статскому совѣтнику *Ершову*, за отлично-усердную его службу.

---

№ 2.

17 января 1859 года.

**КОМАНДИРУЮТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛЮ:**

Статскіе совѣтники: ординарные профессеры Императорскаго университета св. Владиміра, по каедрѣмъ: теоретической хирургіи — *Гюббенетъ*, физиологической анатоміи — *Вальтеръ* и исправляющій должность ординарнаго профессора сего-же университета по каедрѣ физики *Талызинъ*; Гюббенетъ — на пять, Вальтеръ — на четыре и Талызинъ — на три мѣсяца.

**УВОЛНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:**

Почетный смотритель С. Петербургскаго Андреевскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Бернардаки* — въ Германію и Францію, на три мѣсяца, по болѣзни.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:**

Канцелярскому чиновнику канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, коллежскому секретарю *Зерну* — на одинъ мѣсяць.

**УВОЛНЯЕТСЯ:**

Попечитель Московскаго учебнаго округа, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества *Бахметевъ* — согласно прошенію его, по разстроенному здоровью, отъ должности попечителя, съ оставленіемъ въ званіи гофмейстера.

№ 3.

17 января 1859 года.

**УВОЛНЯЕТСЯ:**

Помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа и членъ по искусственной части комиссіи о построеніи въ

Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ графъ *Уваровъ* — отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія, согласно прошенію, съ оставленіемъ въ званіи камеръ-юнкера.

Подписать: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

## МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ЯНВАРЬ 1859 ГОДА.

1. (14 января) *Объ учрежденіи стипендіи для одного изъ студентовъ Императорскаго Дерптскаго университета.*

По представленію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія изъяснилъ согласіе на приведеніе въ исполненіе предположенія Нарвскаго магистрата объ учрежденіи изъ капитала, составленнаго добровольными приношеніями проживающихъ въ г. Нарвѣ бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Дерптскаго университета, по случаю 50-лѣтняго юбилея онаго, стипендіи для одного изъ студентовъ сего университета, на основаніи составленнаго для того Нарвскимъ магистратомъ положенія.

2. (16 января) *О раздѣленіи 3-го класса пятой С. Петербургской гимназіи на два отдѣленія и объ опредѣленіи сверхштатнаго старшаго учителя исторіи.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія изъяснилъ согласіе на раздѣленіе 3-го класса пятой С. Петербургской гимназіи на два отдѣленія, и, на основаніи Высочайше утвержденнаго 27 апрѣля 1837 года положенія комитета министровъ, разрѣшилъ имѣть при сказанной гимназіи сверхштатнаго старшаго учителя исторіи, безъ жалованья, но съ правами государственной службы.

3. (16 января) *Объ учрежденіи при восточномъ факультетѣ Императорскаго С. Петербургскаго университета Санскрито-Персидскаго отдѣленія.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить при факультетѣ восточныхъ языковъ Императорскаго С. Петербургскаго университета шестое отдѣленіе — Санскрито-Персидское, назначивъ въ немъ главными предметами Санскритскій и Персидскій языки съ ихъ литературами, и дополнительными — Русскій и Французскій языки и Русскую исторію.

4. (28 января) *Объ опредѣленіи сверхштатныхъ учителей въ Дерптскую гимназію.*

По представленію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на опредѣленіе въ Дерптскую гимназію, по случаю открытія при оной параллельныхъ классовъ, до четырехъ сверхштатныхъ учителей: одного старшаго и трехъ младшихъ, на основаніяхъ, изложенныхъ Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. 3 *Уст. о служ. по опред. отъ прав.* въ ст. 783, съ производствомъ имъ жалованья въ размѣрѣ, опредѣленномъ штатомъ гимназій изъ собираемой за ученіе въ означенныхъ классахъ суммы.

5. (28 января) *О новомъ устройствѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ кафедры врачебнаго веществословія.*

По представленію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, находя вполовѣ уважительными изложенныя въ ономъ соображеніи о новомъ устройствѣ въ Харьковскомъ университетѣ кафедры врачебнаго веществословія такимъ образомъ, чтобы, оставивъ въ составѣ сей кафедры фармацію, поручить отдѣльное преподаваніе оной способному магистру фармаціи, министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на эту мѣру.

**ПРИКАЗЫ**  
**МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ**

№ 1.

1 января 1859 года.

**НАЗНАЧАЮТСЯ:**

Штатный чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры и библіотекаръ департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ графъ *Комаровскій* — на учрежденную, по Высочайше утвержденному 24 декабря 1858 года докладу моему, должность чиновника особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, съ оставленіемъ временно библіотекаремъ департамента народнаго просвѣщенія.

Старшій секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Яковичъ* — штатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, съ порученіемъ ему временно исправленія и настоящей должности старшаго секретаря, безъ жалованья по сей послѣдней.

Исправляющій должность Чериковскаго городского врача, лекарь *Шнейдеръ* — врачомъ при училищахъ Чериковскаго уѣзда, безъ жалованья, но съ правами службы и съ оставленіемъ въ настоящей должности.

**ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:**

Уволенный изъ военной службы, съ чиномъ поручика, *Блазкинъ* — почетнымъ смотрителемъ С. Петербургскаго Рождественскаго уѣзднаго училища.

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Булацель* — почетнымъ смотрителемъ Бирюченскаго уѣзднаго училища.

## УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Ординарные профессоры Императорскаго Дерптскаго университета: коллежскій совѣтникъ *Мейковъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Клаусъ*, статскіе совѣтники: *Тобинъ*, *фонъ-Самсонъ* и *Миндинъ*, надворные совѣтники: *Циглеръ* и *Бульжеринъ* — первый предсѣдателемъ, а послѣдніе засѣдателями апелляціоннаго и ревизіоннаго суда сего университета, на 1859 годъ.

Штатный частный преподаватель Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ *фонъ-Энгельгартъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каедрѣ церковной исторіи и богословской литературы.

## ПЕРЕВОДИТСЯ:

Товарищъ предсѣдателя Нижегородской палаты уголовнаго суда, коллежскій ассессоръ *Буксгевденъ* — почетнымъ смотрителемъ Нижегородскаго уѣзднаго училища.

## УВОЛНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Инспекторъ студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, коллежскій совѣтникъ *Стороженко*.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *фонъ-Крузе*.

Почетный смотритель Бирюченскаго уѣзднаго училища, отставной капитанъ-лейтенантъ *Коростовцевъ*.

## УВОЛНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Чиновникъ особыхъ порученій при департаментѣ народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Поливановъ*, на 29 дней.

## ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

Титулярному совѣтнику и временному 1<sup>-ой</sup> гильдіи купцу Ивану *Панову* — за изъявленное имъ желаніе жертвовать въ



пользу Тверскаго Маринскаго женскаго училища по 1000 руб. въ годъ, въ-теченіе трехъ лѣтъ, и сверхъ-того содержать на свой счетъ въ означенномъ училищѣ, въ-теченіе семилѣтняго курса, пять бѣдныхъ дѣвицъ, съ платою за каждую по 35 руб. въ годъ.

**ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКА:**

Умершій директоръ Пензинскаго дворянскаго института, коллежскій совѣтникъ *Цилли*.

—  
**№ 2.**

19 января 1859 года.

—  
**ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:**

Отставной капитанъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка *Шульманъ*.

**УТВЕРЖДАЕТСЯ:**

Директоръ и профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ *Галицкій* — директоромъ сего училища, на новое четырехлѣтіе.

**НАЗНАЧАЮТСЯ:**

Старшій учитель 3-й С. Петербургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Лемоніусъ* — директоромъ сей гимназіи, съ увольненіемъ отъ учительской должности какъ въ гимназіи, такъ и въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны.

Учитель живописи Варшавской художественной школы, коллежскій совѣтникъ *Каневскій* — директоромъ оной (съ 12 января 1859 г.).

Ирбитскій городской врачъ, титулярный совѣтникъ *Ешмюскій* — почетнымъ смотрителемъ Ирбитскаго уѣзднаго училища, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія объявляется признательность начальства за отличнo-усердную службу.

Старшему учителю первой Харьковской гимназіи, коллежскому совѣтнику *Назаревскому*; коллежскимъ ассессорамъ, врачамъ при уѣздныхъ училищахъ: Задонскомъ — *Келлеру*, Дмитровскомъ — *Герольду*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Харьковскаго — *Левандовскому*, Валковскаго — *Рахманову*, Изюмскаго — *Запорику*, Сумскаго — *Андрееву*; учителю Путивльскаго уѣзднаго училища *Блюму*; титулярнымъ совѣтникамъ: лектору Императорскаго Харьковскаго университета *Феррарини*, старшему учителю Орловской гимназіи *Азаркевичу*; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Курскаго — коллежскому секретарю *Ерохину*, губернскимъ секретарямъ: Курскаго — *Островскому* и Льговскаго — *Шитковскому*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія за отличнo-усердную и ревностную службу служащимъ въ учебныхъ округахъ:

*С. Петербургскомъ*: бывшему врачу при Олонецкой гимназіи, статскому совѣтнику *Дашневичу* и почетному смотрителю училищъ Рогачевскаго уѣзда, инженеръ-подпоручику *Монкевичу*.

*Московскомъ*: титулярнымъ совѣтникамъ, старшимъ учителямъ гимназій: Рязанской — *Павлову* и Тульской — *Михайловскому*.

*Харьковскомъ*: надзирателю за приходящими учениками Орловской гимназіи, губернскому секретарю *Жильберту*.

*Одесскомъ*: блюстителемъ казенныхъ Еврейскихъ училищъ перваго разряда: Екатеринославскому 1 гильдіи купцу *Кранцфельду* и Павлоградскому 3 гильдіи купеческому сыну *Рудаеву*.

**Виленскомъ:** коллежскимъ совѣтникамъ: старшимъ учителямъ Виленскаго дворянскаго института *Здановичу* и *Гладкому*; надворнымъ совѣтникамъ: младшему учителю того-же института *Монюшко*, врачу при Минскомъ дворянскомъ училищѣ *Любичанковскому*; старшимъ учителямъ Виленскаго дворянскаго института: титулярному совѣтнику *Пржибыльскому* и состоящему въ IX классѣ *Изюмову*; смотрителю Виленскаго казеннаго Еврейскаго училища 2 разряда, коллежскому секретарю *Игнатовичу*; младшему учителю Виленскаго дворянскаго института, состоящему въ X классѣ *Регаме*; надзирателю за приходящими учениками Виленской губернской гимназіи, губернскому секретарю *Кривобольскому-Кривобокову*; коллежскимъ регистраторамъ: младшему учителю Виленскаго дворянскаго института *Цильяксу*, учителю Мѣлечицкаго приходскаго училища *Остржинцу*, учителю Волковыскаго приходскаго училища, состоящему въ XIV классѣ *Брайбишу*; законоучителямъ православнаго исповѣданія: Дрогичинскаго уѣзнаго дворянскаго училища — протоіерею *Барановскому*; приходскихъ училищъ: Мѣлечицкаго — священнику *Харламовичу*, Клепельскаго — священнику *Гацкевичу*; законоучителю евангелическо-реформатскаго исповѣданія *Изабелинскаго* приходскаго училища, вице-суперъ-интенденту, пастору *Мандзельювскому*, и законоучителямъ Римскокатолическаго исповѣданія приходскихъ училищъ, ксендзамъ: Семятицкаго — *Богушевскому*, Мѣлечицкаго — *Чернявскому* и Кобринскаго — *Сорочинскому*.

Почетному смотрителю Дорогобужскаго уѣзнаго училища, коллежскому регистратору *Кузьмину*, за сдѣланное имъ въ пользу сего училища пожертвованіе.

#### УВОЛНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Директоръ 3-й С. Петербургской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буссе* — по прошенію, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

Почетный смотритель Чухломскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Дмитріевъ* — согласно прошенію.

Почетный смотритель Угличскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ *Дубровинъ* — за неисполненіе даннаго имъ обязательства ежегоднаго пожертвованія въ пользу училища.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:**

Почетному смотрителю Ахтырскаго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю *Ковалевскому* — по 4 февраля 1859 года.

№ 3.

23 января 1859 года.

**ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:**

Уволенный изъ военнаго вѣдомства, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ коллежскаго assessора *Красовскій* — съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа.

**ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:**

Изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Драшусовъ* — ценсоромъ въ Московскій ценсурный комитетъ.

Докторъ медицины Парижскаго медицинскаго факультета *Гиршфельдъ* и докторъ медицины и хирургіи Берлинскаго университета *Вислоцкій* — въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію, первый — ординарнымъ профессоромъ анатоміи, а другой — экстраординарнымъ профессоромъ патологіи и патологической анатоміи (21 января 1859 г.).

Вольнопрактикующій врачъ, титулярный совѣтникъ *Зеленскій* — врачомъ при Костромскомъ женскомъ училищѣ.

**ПЕРЕВОДИТСЯ:**

Столоначальникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій ассессоръ *Наумовъ* — ценсоромъ въ Московскій ценсурный комитетъ.

**УВОЛНЯЮТСЯ ПО ПРОШЕНИЯМЪ:**

Ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Каземъ-Бекъ* — отъ должности декана факультета восточныхъ языковъ.

Почетный смотритель Саратовскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Слъпцовъ* — отъ настоящей должности.

**ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:**

Градскому главѣ г. Кузнецка, Саратовской губерніи, 3-й гильдіи купеческому сыну *Преснякову* — за пожертвованный имъ деревянный домъ въ пользу открываемаго въ г. Кузнецкѣ женскаго приходскаго училища.

---

№ 4.

30 января 1859 года.

---

**НАЗНАЧАЮТСЯ:**

Чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и исправляющій должность старшаго секретаря канцеляріи министра, статскій совѣтникъ *Обертъ* — ценсоромъ въ С. Петербургскій ценсурный комитетъ, съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ имъ должностей.

Секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Добровольскій* — старшимъ секретаремъ канцеляріи.

Помощникъ секретаря канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Брадке* — секретаремъ канцеляріи.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Беккеръ* — помощникомъ секретаря канцеляріи министра.

Адъюнктъ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Рындовскій* — экстраординарнымъ профессоромъ того-же университета по кафедрѣ врачебнаго веществословія.

Инспекторъ Виленскаго дворянскаго института, коллежскій совѣтникъ *Чашницкій* — исправляющимъ должность директора Новогрудской гимназіи.

Старшій учитель Астраханской гимназіи *Вейдеманъ* — исправляющимъ должность профессора Демидовскаго лицея, по кафедрѣ естественныхъ наукъ.

**ПЕРЕВОДЯТСЯ :**

Почетный смотритель Козловскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Нероновъ* — къ таковой-же должности въ Моршанское уѣздное училище.

Служащій въ канцеляріи военнаго министерства, титулярный совѣтникъ *Полонскій* — въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія старшимъ секретаремъ.

**УВОЛНЯЮТСЯ :**

Ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета и главнаго педагогическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кутора* — отъ должности профессора главнаго педагогическаго института, по прошенію.

Чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, коллежскій совѣтникъ *Янкевичъ* — отъ порученнаго ему временно исправленія должности старшаго секретаря канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.

Исправляющій должность директора Новоградской гимназіи, надворный совѣтникъ *Лебедевъ* — отъ службы, по прошенію, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности.

Почетный смотритель Моршанскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Чулковъ* — отъ службы, по прошенію.

Почетный смотритель Казавскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Износковъ* — отъ настоящей должности, по прошенію.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

---

**УТВЕРЖДЕНІЕ:**

*По Императорскому Харьковскому университету.*

Статскій совѣтникъ *Гордѣнковъ* — въ званіи почетнаго члена (4 января).

## II.

### СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

#### ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНЪ.

Мыслью Софокла въ его трагедіи: «Эдипъ въ Колонъ» было представить примиреніе съ богами человѣка, выкупившаго невольный грѣхъ свой тяжкими страданіями. Эриніи (Фуріи), преслѣдующія зло изъ-рода-въ-родъ, являются Евменидами, благодушными богинями, подобно тому, какъ въ Орестеѣ Эсхила. Но ихъ побѣждаетъ не могущество Аѣины, дѣйствующей въ защиту новыхъ благихъ началъ: *собственное* милосердіе преклоняетъ ихъ на сторону Эдипа. Самое проклятіе, тяготѣющее надъ сыновьями героя, является скорѣе слѣдствіемъ справедливаго отцовскаго гнѣва, чѣмъ предреченной богами кары. *Собственный враждебный духъ* внушаетъ Этеоклу и Полинику злую распрю: Антигона, какъ невинная, по словамъ Полиника, не заслуживаетъ несчастія. Въ-заключеніе трагедіи всѣмъ добрымъ обѣщана добрая доля. Изъ всего этого мы видимъ, что дѣйствіе драмы развивается совершенно свободно отъ идеи судьбы, которая высказалась единственно въ томъ, что проклятіе, тяготѣющее надъ родомъ, должно быть искуплено многими жертвами.



Эдипъ настоящей трагедіи совершенно противоположенъ Эдипу-царю. Изъ начала драмы: «Эдипъ-царь» мы видимъ его на высшей степени величія и силы; но властелинъ падаетъ, увлеченный своею гордыней, и тѣмъ оправдываетъ изреченіе: «Назови себя тогда только счастливымъ, когда безъ напасти проведешь послѣдній день жизни». Здѣсь-же находимъ его хилымъ, слѣпымъ старикомъ, который, скитаясь въ рубищѣ, выпрашиваетъ хлѣба на чужбинѣ. Но за то какая противоположность и въ обстановкѣ! Тамъ слышны вокругъ дворца вопли умирающаго народа; здѣсь раскрывается чудная картина: кругомъ зеленѣютъ лавръ, олива и виноградъ; щебечутъ соловьи; вдали виднѣются Аѳины и за ними лазурь моря. Тамъ царь, ослѣпленный властью, не предчувствуетъ своего паденія въ борьбѣ съ рокомъ; здѣсь рокъ уже не грозитъ: милостивые боги готовятъ счастливый конецъ страдальцу, и, не смотря на свою бѣдность и слѣпоту, онъ полонъ бодрой надежды, онъ ясно видитъ грядущее.

Между событіями обѣихъ драмъ должно предполагать большой періодъ времени; самыя эти событія представлены у Софокла иначе, чѣмъ у другихъ поэтовъ. По Эсхилу (см. трагедію: «Семь противъ Фивъ»), Эдипъ не былъ изгнанъ дѣтьми: онъ спокойно остается до смерти царемъ, и уже много времени спустя послѣ его кончины, бѣдствіе застигаетъ сыновей, какъ наследственная кара надъ цѣлымъ родомъ.

Согласно болѣе древнему преданію, сыновья заслужили проклятіе отца за непочтительное съ нимъ обхожденіе. Въ трагедіи Еврипида «Фениссы», сыновья заключаютъ Эдипа въ узы, и онъ за это ихъ проклинаетъ. Трагедія Софокла: «Эдипъ-царь» оканчивается тѣмъ, что герой, выколовъ себѣ глаза, призываетъ дѣтей и вручаетъ какъ ихъ, такъ и царство, попеченію Креона. Изъ драмы «Эдипъ въ Колонѣ» видно, что Софоклъ, согласно своей цѣли, предположилъ въ промежуткѣ между этимъ событіемъ и прибытіемъ своего героя въ Колонѣ, слѣдующія обстоятельства.

Креонъ царствуетъ. Эдипъ, желавшій сначала быть изгнаннымъ, согласно изреченію оракула: «Изгнать или умертвить убійцу Лая», спокойно остается въ дому, пока не вырастаютъ его дѣти; и боги не гнѣваются на это неточное соблюденіе ихъ воли. Лишивъ себя зрѣнія и отказавшись отъ власти, Эдипъ, конечно, сдѣлалъ болѣе для удовлетворенія мстительныхъ богинь, чѣмъ могъ предписать какой-бы то ни было оракулъ. Великодушіе, неслыханная энергія воли и глубокое раскаяніе павшаго царя должны были наконецъ умиловить Аполлона. Между-тѣмъ Креонъ, сначала благородный мужъ, уважавшій несчастіе Эдипа, подъ конецъ становится безпощаднымъ и самовластнымъ. Присутствіе прежняго царя кажется ему помѣхой въ честолюбивыхъ замыслахъ. Уже долгое время спустя, въ согласіи съ сыновьями Эдипа, изгоняетъ онъ его изъ царства, не спросивъ вновь оракула въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Безпомощнаго старца сопровождаетъ въ изгнаніе одна только дочь, Антигона; Исмена, также вѣрная отцу, остается въ дому, чтобы наблюдать дѣла и, тайкомъ отъ Кадмейцевъ, извѣщать Эдипа обо всемъ, до него касающемся.

Вскорѣ обнаружилась воля боговъ. Этеоклъ и Полиникъ начали междоусобіе. Креонъ, державшій сторону Этеокла, воспросивъ оракулъ, неожиданно узнаетъ, что вся судьба Кадмейцевъ зависитъ отъ изгнаннаго ими Эдипа: тому побѣда и сила, чью сторону онъ приметъ. Такимъ образомъ обѣ стороны желаютъ теперь изъ личныхъ выгодъ привлечь къ себѣ несчастнаго слѣпца.

Эдипъ, еще ничего не знавшій объ этомъ послѣднемъ оракулѣ, но уже увѣренный въ помощи боговъ, приходитъ съ дочерью въ Колонъ, — чѣмъ и начинается трагедія. Софокль очень искусно пользуется здѣсь народными преданіями Аттики, чтобы возвеличить мѣсто своего рожденія, Колонъ, и свое отечество, Аѣнны. Неизвѣстно, когда сказаніе объ Эдипѣ занесено было изъ Фивъ въ Аттику; но Фиванскаго героя Аѣнныяне

чтили наравнѣ съ другими туземными богами. Между Акрополисомъ и Ареопагомъ находились святилище Евменидъ, изванія подземныхъ боговъ и вмѣстѣ памятникъ Эдипа. Но для насъ важнѣе поклоненіе Эдипу въ мѣстечкѣ, называвшемся по имени своего героя «Коннымъ Колономъ» (Κολωνός Ἰππιος). Мѣстечко это лежало въ разстояніи получасовой ѣзды отъ Аѳинъ, по дорогѣ въ Фивы черезъ Филы. Скала, на которой оно находилось, теперь пуста и безлюдна; но видъ съ нея по-прежнему простирается на Аѳины и Пирей, на море съ островомъ Эгиною, до самыхъ береговъ Арголиды. Главными богами въ Колонѣ были Конный Посейдонъ и Конная Аѳина. Кромѣ-того непроницаемая роща Евменидъ покрывала скалы, называвшіяся *мѣднымъ путемъ* (Χαλκίπους ὁδός). Одна изъ пропастей на этомъ пути вела, по преданію, въ подземное царство, и тутъ спускались Фезей съ Перивоемъ, чтобы вывести изъ Аида Коре (Прозерпину). Недалеко отъ Колона лежало и мѣстечко: «Академія» съ его святилищами и статуями Аѳины Моріи, Промедея и Гестаста. Такимъ образомъ самый Колонъ и его окрестности соотвѣтствовали тому религіозному характеру, которымъ проникнута драма: святилище Евменидъ принимаетъ Эдипа, и подземные боги чудеснымъ образомъ низводятъ его въ Аидъ. Но кромѣ религіозной мысли примиренія съ богами, Софокль ясно выражаетъ мысль политическую. Въ лицѣ Фезея ставитъ онъ Аѳинянамъ образецъ старинной ихъ доблести. Гостепрѣимство, правосудіе, обходительность и мягкость характера (επιείκεια), и въ-особенности благочестіе — вотъ качества, которыя составляли силу Аѳинской республики — и Софокль явно опасается, чтобъ эта сила не была утрачена его соотечественниками въ ихъ новыхъ властолюбивыхъ замыслахъ. Властолюбіе, какъ въ драмѣ Эдипъ царь, такъ и въ настоящей трагедіи, жестоко казнено поэтомъ. Намеки на современное Софоклу состояніе вещей встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ драмы; но поэтъ не имѣлъ въ виду исключительной цѣли давать урокъ современникамъ. Пользуясь народными преда-

ніями, онъ не думалъ видоизмѣнять ихъ по требованію обстоя-  
тельствъ, а слѣдовалъ строгимъ требованіямъ художественной  
истины. Такъ выставляетъ онъ старинный союзъ между Аеи-  
нянами и Фиванцами, тогда-какъ въ его время оба народа на-  
ходились во враждебныхъ отношеніяхъ. Софокль даетъ толь-  
ко предчувствовать эту вражду, и, согласно народному преда-  
нію, могила Эдипа становится у него залогомъ побѣды надъ  
врагами. Въ этомъ отношеніи рѣдкій поэтъ имѣлъ выгоду, изо-  
бражая общечеловѣческое, быть вполне общественнымъ и на-  
роднымъ. Эстетически-развитой умъ Аеинянь, преобразуя все  
въ идею, чуждался мелкихъ, раздробленныхъ фактовъ жизни.

Трагедія «Эдипъ въ Колонѣ», какъ сказали мы, носить ре-  
лигіозный характеръ. Въ ней развивается нравственная идея  
возмездія человѣку по дѣламъ его. Въ ней нѣтъ драматической  
завязки, происходящей отъ страстной, дѣятельной личности ге-  
роя, какъ въ другихъ драмахъ Софокла, и въ этомъ главный ея  
недостатокъ съ нашей точки зрѣнія. Завязка не столько заклю-  
чается въ лицѣ героя, сколько внѣ его: въ тѣхъ обстоятель-  
ствахъ, въ которыя онъ поставленъ. То старикъ, ищущій по-  
коя: онъ проситъ не на долгій срокъ пристанища у людей, а у  
боговъ мирной смерти. Во все время дѣйствія онъ даже почти  
не перемѣняетъ мѣста, и Софокль съ намѣреніемъ увеличи-  
ваетъ его хилость и неподвижность, чтобы представить тѣмъ  
необычайнѣе чудное его прозрѣніе въ концѣ драмы. Но об-  
стоятельства таковы, что этотъ несчастный старикъ сосре-  
точиваетъ около себя все дѣйствіе трагедіи: его ужасается  
хоръ; за него страдаетъ и молить Антигона; его искать при-  
ходятъ Исмена, Креонъ и Полиникъ; ему обязанъ Фезей но-  
вымъ своимъ могуществомъ. Надо удивляться, съ какимъ ис-  
кусствомъ изъ одного и того-же положенія Эдипа Софокль  
строитъ самыя разнообразныя сцены. Дѣло въ томъ, что  
Эдипъ, до послѣдней минуты жизни преслѣдуемый горемъ, дол-  
женъ наконецъ найти счастливый конецъ, какъ нашелъ вѣр-  
ный пріютъ у Аеинянь: трепетное ожиданіе этого конца съ одной

стороны, а съ другой — тайныя силы боговъ, все явственнѣе принимающихъ участіе въ судьбѣ Эдипа, даютъ основаніе борьбѣ, которая связываетъ всѣ части драмы. Герой въ послѣдній разъ очищаетъ свою совѣсть предъ лицомъ боговъ и людей: зритель видитъ тяжкое его бѣдствіе, его глубокое горе при мысли о невольномъ содѣланномъ злѣ, — и ждетъ справедливаго воздаянія. И самъ Эдипъ, увѣренный въ благости Аполлона и нѣкогда преслѣдовавшихъ его Ериній, смѣло можетъ оправдываться на этомъ послѣднемъ судѣ передъ смертью, смѣло можетъ предсказывать добро людямъ, его принявшимъ. Необходимость подобныхъ оправданій и прорицаній, представляющихъ въ новомъ свѣтѣ лице гонимаго дотогѣ скитальца, была причиною того характера, который приняла драма: въ ней больше рѣчей, чѣмъ дѣйствія; въ ней дѣйствіе основано не столько на борьбѣ въ самомъ Эдипѣ, сколько на борьбѣ за Эдипа. Главные моменты этого дѣйствія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Эдипъ молить у жителей Колона пристанища и дозволенія остаться близъ рощи Евменидъ.

2) Эдипъ узнаетъ отъ Исмены о новой милости къ нему боговъ и проклинаетъ дѣтей, его изгнавшихъ. Тутъ-же совершаетъ онъ очистительную жертву Евменидамъ.

3) Эдипъ вторично (послѣ первыхъ сценъ въ Колонѣ), признаваясь въ своихъ проступкахъ, оправдываетъ себя предъ хоромъ, и, въ сценѣ съ Фезеемъ, предсказываетъ Аониянамъ побѣду надъ врагами, если окажутъ ему защиту.

4) Эдипъ уличаетъ во лжи Креона, пришедшаго съ цѣлю захватить его и дочерей, и предсказываетъ бѣдствія Фивамъ.

5) Новыя оправданія Эдипа предъ лицомъ Креона и Фезея.

6) Благодарность Эдипа Фезею за возвращеніе дочерей. Извѣстіе о появленіи Полиника.

7) Сцена съ Полиникомъ. Эдипъ проклинаетъ сына, возвѣщая гибель ему и его брату.

8) Эдипъ, уже извѣщенный о своей близкой кончинѣ, вновь предсказываетъ счастливую долю Фезею и Аѳинамъ.

9) Разсказъ о чудесной смерти Эдипа и плачь Антигоны и Исмены.

Такъ просто содержаніе трагедіи. Не смотря на это, какъ сказали мы, сцены отличаются все новымъ разнообразіемъ, хотя происходятъ изъ того-же положенія Эдипа, какъ бѣднаго, ищущаго защиты, странника и какъ возвеличеннаго богами страдальца. Разнообразіе дѣйствию придаютъ, во-первыхъ, противоположныя чувства отца въ-отношеніи къ сыновьямъ и дочерямъ, а во-вторыхъ, прекрасно-изображенные характеры: Антигоны, Исмены, Фезея, Креона и Полиника. Сцены Эдипа съ дѣтьми особенно драматичны, хотя не въ нихъ лежитъ главное основаніе драмы.

Изъ всего предъидущаго можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія о трагедіи:

1) Въ ней совершенно уничтожается сила рока оправданіемъ и возвышеніемъ человѣка, на которомъ лежитъ бремя наследственной кары. Въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ драмъ Софокла приближается она къ христіанскому воззрѣнію на жизнь, защищая идею свободной воли.

2) Драматизмъ положенія, что касается главнаго дѣйствующаго лица, преобладаетъ въ ней надъ драматизмомъ характера. Эдипъ, на примѣръ, не можетъ стать въ параллель королю Лиру, потому-что любовь или ненависть къ дѣтямъ составляютъ только прекрасные эпизоды дѣйствія. Основанная на исключительно нравственномъ началѣ, настоящая трагедія Софокла уступаетъ въ сильной драматической завязкѣ и собственнымъ драмамъ поэта, особенно «Эдипу-царю» и «Антигонѣ».

3) Она имѣетъ близкое отношеніе къ Аѳинской жизни, представляя, рядомъ съ религіозными вѣрованіями, идеальныя черты народнаго Аѳинскаго характера.

Всѣ подробности драмы, также какъ связь сценъ и хоровъ, мы объяснимъ въ примѣчаніяхъ. Здѣсь остается намъ только

указать время, въ какое она написана. Ужь изъ самаго характера драмы Софокла легко заключить, что она сочинена имъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Глубина ея религіозной идеи, старческой образъ Эдипа, съ такою любовью въ ней обрисованный, тонъ спокойствія, разлитый по всѣмъ частямъ, ясно свидѣтельствуя о позднемъ ея появленіи. Древнія извѣстія всѣ согласны въ томъ, что драма написана незадолго передъ смертю Софокла; а въ первый разъ на сцену поставилъ ее внукъ поэта, сынъ Аристонъ, въ 401 году до Р. Х. (пять лѣтъ спустя послѣ смерти автора). Всѣмъ извѣстно преданіе, повторенное Цицерономъ, Плутархомъ и Апулеемъ, будто Софоклъ на старости лѣтъ принужденъ былъ судиться съ дѣтьми, обвинявшими его въ слабоуміи съ цѣлю захватить въ свои руки имѣніе. Нѣкоторые обвинителемъ ставятъ только старшаго сына, Іофона. Исторія рассказываетъ, будто поэтъ, въ доказательство своего здравомыслія, прочелъ передъ судьями отрывки изъ драмы: «Эдипъ въ Колонѣ». Другіе готовы утверждать, что и драму написалъ Софоклъ съ цѣлю выставить неблагодарность дѣтей своихъ. Всего вѣроятнѣе, что дѣло было на-оборотъ, т. е. само содержаніе драмы дало поводъ къ этой выдумкѣ, несообразной ни съ характеромъ Софокла, ни съ древнѣйшими извѣстіями о его дѣтяхъ. Іофонъ напротивъ пользовался особенною любовію поэта, который исправлялъ сочиняемыя имъ драмы. Аристофанъ въ комедіи: «Лягушки», осмѣивая Іофона, говоритъ, что онъ убираетъ себя чужими перьями: въ одной изъ сценъ богъ Діонизій ни за что не хочетъ приводить съ того свѣта Софокла, желая посмотрѣть, какъ справится безъ него сынъ со своими драмами. Есть и другія доказательства, что сказка о ссорѣ съ дѣтьми принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ украшеній біографіи. По преданію современниковъ, Софоклъ кончилъ жизнь свою счастливо, не претерпѣвъ ни малѣйшаго горя.

При переводѣ настоящей трагедіи старался я, сколько дозволялъ духъ Русскаго языка, сохранить не только всѣ образныя выраженія подлинника, но и характеръ Греческой рѣчи. Читателя не должно, напримѣръ, удивлять такого рода сравненіе:

«Видишь самъ,  
Какъ порицанья прямо въ цѣль стремятся».

Сравненіе взято отъ бѣга коней, порывающихся къ назначенной метѣ. Грекъ ни въ чемъ не могъ такъ живо представить быстрого рѣшенія судьбы, какъ въ состязаніяхъ игръ, гдѣ каждый наперерывъ стремился къ одной цѣли. Замѣнивъ это выраженіе какимъ-нибудь Русскимъ (отъ рока не уйдешь, суженаго конемъ не объѣдешь, рокъ ищетъ головы твоей и проч.), я, можетъ быть, выразился-бы понятнѣе, но совершенно уничтожилъ-бы точный смыслъ и духъ подлинника. Впрочемъ, въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ мнѣ казалось совсѣмъ невозможнымъ передать метафору подлинника: такія мѣста объяснены въ примѣчаніяхъ.

Большія трудности представлялись мнѣ во-отношеніи Греческой рѣчи. Греческій языкъ, воспитанный живымъ, общественнымъ краснорѣчіемъ и строгою логикою мысли, кромѣ своей необыкновенной точности, представляетъ такія тонкости въ оборотахъ и такое синтаксическое разнообразіе въ развитіи періодовъ, что всего передать невозможно въ самомъ точномъ переложеніи. Особенно длинныя рѣчи Эпида и Креона могутъ служить образцемъ Аѳинской діалектики. Заботясь объ удобопонятности и легкости, я принужденъ былъ иногда раздроблять слишкомъ связную рѣчь, замѣняя придаточныя предложенія главными; но читателю, ищущему исключительно легкости, все-таки можетъ показаться утомительною періодическая длиннота нѣкоторыхъ фразъ. Въ этомъ отношеніи держался я середины, дѣлая уступку Русскому языку настолько, чтобъ не сгладить характера подлинника. Я полагаю, что переводъ съ древнихъ языковъ никогда не можетъ служить предметомъ



для легкаго чтенія. По этой причинѣ не стѣснялся я также не-  
стрить текстъ примѣчаніями и ссылками. При небольшихъ піе-  
сахъ ихъ очень легко можетъ замѣнить краткое вступленіе въ  
большой трагедіи, и особенно въ Греческихъ хорахъ, гдѣ не-  
знакомому съ классической древностью часто нельзя понять и  
двухъ стиховъ сряду, трудно избѣгнуть подстрочныхъ примѣ-  
чаній.

## ПРОЛОГЪ (1).

ЭДИПЪ.

Дитя слѣпаго старца, Антигона!  
Въ какой мы край пришли? Какіе люди  
Здѣсь обитаютъ? Кто убогимъ даромъ  
Почтять сегодня странника Эдипа (2)?  
Онъ мало просить; менѣе чѣмъ просить  
Готовъ принять: съ меня довольно будетъ.  
Терпѣть меня страданья приучили  
И долгій вѣкъ, и мужество души.  
Но стой, дитя: найди мнѣ, гдѣ-бы сѣсть,  
Въ доступномъ мѣстѣ иль въ священной роцѣ (3).

(1) Прологъ, первая часть трагедіи, продолжается до появленія хора. Сцена представляетъ: вправо—видъ на Аѳинскій Акрополисъ, а ближе къ зрителямъ — святилище Промедея; прямо—дикая и скалистая мѣстность, часть мѣднаго пути, и роца Евменидъ; влѣво — дорога въ Фивы. Эдипъ, дряхлый старикъ, въ ветхомъ, грязномъ рубищѣ, со всклокоченными волосами на головѣ, идетъ по дорогѣ изъ Фивъ, опираясь съ одной стороны на трость, а съ другой на руку Антигоны. Лице, покрытое морщинами, выражаетъ усталость, болѣзнь и виѣстѣ преданность судьбѣ. Софокль имѣлъ цѣлью представить здѣсь въ самомъ жалкомъ видѣ Эдипа, чтобы тѣмъ болѣе поражало нравственное его могущество.

(2) Эдипъ съ намѣреніемъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, выражая тѣмъ ужасъ, возбуждаемый однимъ его именемъ.

(3) Мѣста доступныя — въ противоположность священной роцѣ, куда нельзя было вступать. Эдипъ упоминаетъ о священной роцѣ, еще не предчувствуя ея близости; онъ занятъ одной только мыслью: найти наконецъ обѣщанное оракуломъ убѣжище въ святилищѣ Евменидъ.

Я отдохну, пока не разузнаемъ,  
Куда пришли. Что жители прикажутъ,  
То и должны мы, чужеземцы, дѣлать.

АНТИГОНА.

Эдипъ, отецъ несчастный! Кажуть близки  
На глазъ тѣ башни, кроющія городъ,  
А здѣсь святое мѣсто: это ясно.  
Кругомъ олива, лавръ и виноградъ,  
И цѣлымъ роемъ въ чащѣ соловьи  
Щебечуть сладко (4). Здѣсь склонись колѣномъ,  
На этомъ дикомъ камнѣ: большій путь,  
Чѣмъ старику подъ-силу, ты прошелъ.

ЭДИПЪ.

Такъ посади и охраняй слѣпца.

АНТИГОНА.

Научена я временемъ, что дѣлать.

ЭДИПЪ.

Ты не узнала, гдѣ мы?

АНТИГОНА.

То Аѳины;

А что за мѣсто здѣсь, еще не знаю.

ЭДИПЪ.

Прохожій вѣдь сказалъ ужъ намъ объ этомъ.

АНТИГОНА.

Пойти спросить мнѣ, что за мѣсто здѣсь?

ЭДИПЪ.

Да, дочь — и есть-ли жители, узнай (5).

(4) Олива, лавръ и виноградъ были деревья, посвященные Аѳинѣ, Аполлону и Дионизию; Антигона заключаетъ также о святости мѣста по частому пѣнью соловьевъ, которые любятъ мѣста уединенія.

(5) Вопросъ о мѣстѣ и о жителяхъ потомъ повторяется еще нѣсколько разъ, потому-что Эдипу всего важнѣе съ точностью знать, гдѣ найдетъ онъ приютъ, и какіе люди, по обѣщанію оракула, будутъ имъ благодѣтельными.

АНТИГОНА.

Конечно, есть: мнѣ и ходить не надо.  
Вотъ, близко къ намъ какой-то человѣкъ.

ЭДИПЪ.

Откуда вдругъ? Или сюда слѣшнить онъ?

АНТИГОНА.

Вотъ, онъ ужь здѣсь. Что слѣдуетъ сказать,  
Самъ говорить ты можешь.

ЭДИПЪ.

Чужеземецъ!

Отъ ней я слышу (видитъ за меня  
И за себя она), что, къ счастью, ты  
Явился намъ — желаемъ мы узнать...

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Сперва сойди отсюда.... послѣ спросишь:  
Вступилъ ты въ недозволенное мѣсто.

ЭДИПЪ.

Какое-жъ мѣсто здѣсь? какого бога?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Святыня, недоступная для смертныхъ,  
Оно богинь ужасныхъ достоянье,  
Земли и Мрака дочерей.

ЭДИПЪ.

Чье имя

Мнѣ призывать священное въ молитвѣ?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

«Всевидящіе Евмениды»: такъ  
Ихъ назвагь-бы живущій здѣсь народъ;  
Но у другихъ другой на то обычай (6).

---

(6) Фуріи, по Θεогоніи Гезіода, произошли отъ капель крови Урана, умерщвленнаго сыномъ Крономъ, и потому преслѣдовали за пролитую родственную кровь. Происхожденіе отъ Земли и Мрака даетъ имъ только Софокль, основываясь, вѣроятно, на народномъ преданіи. Эдипъ, какъ чужеземецъ, не знаетъ этого происхожденія. Евменидами (благодушными) онѣ стали называться у Аэинянъ послѣ принятія ихъ въ городѣ богинею Аэниою

ЭДИПЪ.

Къ нимъ припаду, да милостиво примуть —  
И не сойти ужъ съ этого мнѣ мѣста.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Что-жъ это значить?

ЭДИПЪ.

Таково рѣшенье  
Моей судьбы.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

И я тебя не смѣю  
Безъ воли гражданъ гнать: пускай они  
Рѣшатъ, что дѣлать. (*Хочетъ идти*).

ЭДИПЪ.

Именемъ боговъ  
Молю: не презри бѣднаго скитальца;  
Скажи, о чемъ прошу.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Уважу просьбу,  
Лишь объясни.

ЭДИПЪ.

Какое-жъ это мѣсто,  
Куда пришли мы?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Все, что знаю самъ,  
И ты узнаешь отъ меня: кругомъ  
Страна святая здѣсь; владѣютъ ею  
Великій Посейдонъ и огненосецъ  
Богъ Промеѳей—Титанъ; а гдѣ ступилъ ты,  
Зовутъ землею мѣднаго пути,  
Аѳинъ опорой. Ближнія-же села  
Гордятся этимъ всадникомъ Колономъ,

---

во время суда надъ Орестомъ (см. Евмениды Эсхила). Другія названія Фурій были: Ерини, Керы, Семны. и проч. (Ἐρινύες, Κῆρες, Ποιναι, Σεμναὶ Ἄραι). Такъ называлъ-бы ихъ здѣшній народъ. Народъ вообще избѣгалъ произносить названіе Фурій.

Какъ ихъ вождемъ. По имени его  
 Всѣ жители одно названье носятъ.  
 И это такъ на дѣлѣ, другъ, не столько  
 Въ разсказахъ чтимо, какъ союзомъ гражданъ (7).

ЭДИПЪ.

Живутъ здѣсь, значитъ, люди?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Какъ-же! вотъ,  
 Имъ этотъ самый богъ и далъ названье (8).

ЭДИПЪ.

Кто-жъ ими править? Или судъ народный?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Здѣсь тотъ-же, что и въ городѣ, правитель.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ онъ, что судъ и власть въ рукахъ имѣеть?

(7) Мы уже упоминали въ предисловіи о богахъ, почитаемыхъ въ Колонѣ. Промееей, сынъ Япета и Климены (по Эсхилу — Фемиды), какъ символъ огня, здѣсь поставленъ рядомъ съ Посейдономъ (Нептуномъ), богомъ влажной стихіи. Ему поклонялись Аѳинскіе гончары; его изображали съ факеломъ въ правой рукѣ, какъ учредителя бѣговъ съ факелами, которые совершались отъ святилища его въ Академіи черезъ Керамику въ городъ. О значеніи Промееей, какъ бога огня, см. траг. Эсхила: «Промееей».

*Мѣдными путями* названы скалы, вѣроятно, отъ мѣдныхъ ступеней, устроенныхъ къ пропасти, гдѣ, по народнымъ сказаніямъ, былъ спускъ въ Лидь. По Гомеру, въ Тартарѣ вели желѣзныя двери съ мѣднымъ порогомъ (Ил. 8, 15). Сѣверная часть города стояла на продолженіи тѣхъ-же высотъ, а потому и земля мѣднаго пути названа опорю Аѳинъ.

*Гордятся этимъ есадинкомъ Колономъ.* Туземецъ указываетъ при этомъ на конную статую Колона, находившуюся на сценѣ. Колонъ былъ одинъ изъ ста Аттическихъ героевъ, по имени которыхъ названы дѣмы: ему поклонялись Колоніаты, какъ начальнику своего племени. *Коммий* Колонъ, въ отличіе отъ *площаднаго* (ἀγορῆϊος), бывшаго въ городѣ. Старинныя преданія молчатъ о Колонѣ; но любовь къ родинѣ освятила для жителей и для самага Софокла, Колонскаго уроженца, его имя, потому они и чтутъ его не вслѣдствіе поэтическихъ разсказовъ; а по дружному съ нимъ союзу (τῆ ζυγοσσίᾳ).

(8) Въ подлинникѣ: τοῦδε τοῦ θεοῦ ὑπέκλυοντο (носящіе имя этого бога). Богомъ по-преимуществу назывался герой, родоначальникъ племени.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Фезей, сынъ прежде бывшаго Эгея (9).

ЭДИПЪ.

Такъ не пойдетъ-ли кто изъ васъ къ нему?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Зачѣмъ? просить сюда или что замогнать?

ЭДИПЪ.

Что онъ за помощь малую, большую  
Себѣ получить выгоду.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Но въ чемъ-же  
Доставить помощь человѣкъ слѣпой?

ЭДИПЪ.

Что скажемъ, ясно будетъ все, какъ день.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Вотъ какъ устроимъ дѣло, другъ.... ты честенъ,  
Мнѣ кажется, хотъ и гонимъ судьбою....  
Останься, гдѣ явился; между-тѣмъ  
Пойду скажу объ этомъ я не въ городъ,  
А здѣсь живущимъ: разрѣшать они,  
Уйти тебѣ, или остаться должно (10).

ЭДИПЪ (*Антигонъ*).

Дитя, скажи: ушелъ нашъ чужеземецъ?

(9) Вопросъ Эдипа касательно народнаго правленія въ Атикѣ здѣсь не умѣстенъ, потому-что такого правленія въ героическія времена не было нигдѣ въ Греціи; но Софокль вообще допускаетъ здѣсь много подробностей о Колонѣ и о Фезей, имѣя въ мысляхъ, вмѣстѣ съ прославленіемъ Колона, великое событіе: соединеніе всѣхъ Атическихъ родовъ подъ одною властью Аенгъ.

(10) Софокль приписываетъ это рѣшеніе чужеземцу, чтобы дать случай къ появленію хора, который состоитъ изъ туземныхъ жителей. До города было довольно далеко, и Фезей не могъ скоро явиться; между-тѣмъ такого событія, какъ приходъ слѣпаго старика съ мольбою къ недоступной роцѣ Евмениды, нельзя было оставить безъ вниманія. Сцены до появленія Фезея иногда объясняютъ то положеніе Эдипа, о которомъ говорили мы въ предисловіи.

## АНТИГОНА.

Ушелъ. О всемъ ты можешь говорить,  
Отецъ, спокойно: я съ тобой одна.

ЭДИПЪ.

О грозныя, блаженныя богини! (11)  
Ужь если въ этой я странѣ у первыхъ,  
У васъ пріютъ нашелъ, то безотвѣтны  
Не будьте мнѣ и Фебу. Прорица  
Мнѣ много бѣдствій въ жизни, этотъ самый  
Черезъ долгій срокъ онъ общалъ конецъ:  
Приду въ страну послѣднюю, гдѣ мѣсто  
Святыхъ богинь пристанищемъ мнѣ будетъ (12);  
Тамъ я окончу бѣдственную жизнь,  
Меня принявшимъ выгоду доставивъ  
И горе тѣмъ, которые отвергли,  
И Зевсъ мнѣ явно возвѣститъ объ этомъ  
Землетрясеньемъ, молніей иль громомъ.  
Теперь я вижу: на моемъ пути  
Неживой вашей птицею ведомый (13),  
Пришелъ я въ эту рощу. Никогда-бы  
Не могъ иначе, трезвый самъ, васъ трезвыхъ (14)  
Я встрѣтить, и на этомъ дикомъ камнѣ  
Въ священномъ мѣстѣ сѣсть. Богини! дайте-жъ,  
По слову Аполлона, мнѣ предѣлъ,

(11) Въ подлин. ὦ πότνια θεῶντες (о чтимыя грозноликія): съ этими словами Эдипъ обращается къ Эвменидамъ.

(12) Въ подлин. σερμῶν Ζεῶν (святотчимыхъ боговъ). Σερμῶς, равно-какъ и прежде πότμος, означало: «святой, почтенный, блаженный», и было общимъ эпитетомъ боговъ. Но кромѣ того Σερμῶς составляло собственное названіе Евменидъ. Оракулъ, какъ и всегда, выразился здѣсь съ намѣренной неопредѣленностью, чтобъ тѣмъ неожиданнѣе въ чтимыхъ имъ богахъ Эдипъ могъ найти Эвменидъ. Софоклъ относитъ оракулъ этотъ къ тому времени, какъ Эдипъ самъ ходилъ въ Дельфы спрашивать объ отцѣ. Въ трагедіи «Эдипъ-царь» мы находимъ только, что Аполлонъ возвѣстилъ Эдипу ужасныя бѣдствія.

(13) *Неживой вашей птицею седомый* сказано здѣсь въ переносномъ смыслѣ. Эдипъ хочетъ сказать: «Вы дали мнѣ вѣрное знаменье моего избавленія отъ бѣдъ тѣмъ, что привели въ вашу рощу».

(14) Евмениды были θεῶν Ζεαί, т. е. богини, не принимающія вина во время жертвы. Какъ совершались имъ вліянья, увидимъ послѣ подробно.

Иль измѣненье жизни..., или, можетъ,  
 Еще страдалъ я мало, вѣчный рабъ  
 Невыносимыхъ смертному страданій?  
 Тьмы первобытной сладостныя дѣти! (15)  
 Услышите вы меня; услышь и ты,  
 Носящій имя славное Паллады,  
 Ты, городъ, чтимый выше всѣхъ, Аѳины!  
 Ужь я теперь не тотъ, что прежде: сжалясь  
 Надъ этой бѣдной тѣнию Эдипа!

АНТИГОНА.

Умолкни. Вотъ ужъ лѣтъ преклонныхъ люди  
 Идутъ смотрѣть, гдѣ ты сидишь.

ЭДИПЪ.

Молчу.

А ты укрой меня покуда въ лѣсъ:  
 Узнаю, что-то скажутъ; лишь развѣдавъ,  
 За дѣло можно хорошо приняться.

## ПЕРВЫЙ ЭПЕЙЗОДОНЪ (16).

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Смотри, кто такой? гдѣ онъ скрылся?  
 Куда вдругъ съ этого мѣста исчезъ

(15) Въ подлин. ὑλκίσαι (сладостныя). Такъ обращается Эдипъ съ любовью къ богинямъ, которыя обыкновенно назывались *эроными* (ἔρως). И здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, хвалу Аѳинъ Софоклъ искусно соединяетъ съ хвалою Колона.

(16) Въ прологѣ была обозначена завязка драмы, и зритель уже находится въ неспокойномъ ожиданіи того, какъ туземцы примутъ Эдипа, узнавши его имя, и какъ исполнится воля боговъ, которую возвѣстятъ землетрясеніе, громъ и молнія. Теперь слѣдуетъ вторая часть драмы: первый епейзодонъ. Его можно назвать первымъ дѣйствіемъ, если прологъ принять за вступленіе (приготовленіе къ дѣйствию). Тутъ уже разыгрывается борьба, касающаяся принятія Эдипа подъ покровительство Евмениды и подъ защиту Аѳинянокъ, между-тѣмъ-какъ явленіе Исмены даетъ начало новой борьбѣ, заставляя ожидать Креона и потомъ Полиника. Первый епейзодонъ заключаетъ такимъ образомъ всѣ сцены: съ хоромъ, съ Исменой, съ Фезеемъ, до самой хвалебной пѣсни Атиккѣ и до появленія Креона. Хоръ принимаетъ здѣсь самое жи-



Изо всѣхъ людей самый дерзкій?  
 Разузнай, разыщи,  
 Все кругомъ разгляди...  
 То скиталець, скиталець, старикъ чужеземный:  
 Никогда-бъ не взошелъ онъ иначе  
 Въ недоступную роцѣ неистовыхъ дѣвъ,  
 Которыхъ не смѣемъ назвать;  
 Не взирая мы мимо проходимъ,  
 Безъ звука, безъ словъ раскрывая уста  
 Въ благотворной молитвѣ (17);  
 А теперь, безо всякой боязни  
 Здѣсь, я слышу, ужъ кто-то сокрылся;  
 Глядя въ роцѣ повсюду,  
 Все его не могу отыскать.

ЭДИПЪ (*показываясь*).

Вотъ я здѣсь. По пословицѣ, голосомъ вижу (18).

ХОРЪ.

Увы! страхъ видѣть, страхъ слышать!

---

вое участіе въ дѣйствіи. Уже прежде представилось столкновение двухъ обстоятельствъ: Эдипъ долженъ найти убѣжище въ роцѣ Евменидъ, а жители не дозволяютъ ему вступить въ запрещенное мѣсто. Дѣйствительно, хоръ, состоящий изъ старѣйшинъ Колонскаго народа, приведенныхъ однимъ изъ жителей, спѣшитъ теперь на сцену и выражаетъ свой ужасъ сначала при извѣстіи о пришельцѣ, укрывшемся въ недоступной роцѣ, а потомъ при самомъ видѣ этого пришельца. Такъ умѣетъ Софокль и хоръ, лице вообще не драматическое, употребить для своихъ художественныхъ цѣлей. Здѣсь, до оправдательной рѣчи Эдипа, продолжается такъ-называемая *комматическая сѣнь*, состоящая въ живыхъ, отрывистыхъ рѣчахъ хора, разговаривающаго съ Эдипомъ и Антигоной. Въ ней двѣ строфы и антистрофы. Хоръ (вѣроятно, не болѣе 15 человекъ) является на сцену изъ боковыхъ дверей, я не вдругъ, а отдѣльными группами, какъ слѣдуетъ людямъ, бѣгущимъ одинъ за другимъ въ тревогѣ. На каждое лице выпадаетъ по нѣскольку стиховъ. Такъ первый говоритъ: «Смотри, кто такой? гдѣ онъ скрылся?» и проч.— второй: «Разузнай, разыщи, все кругомъ разгляди» — третій произноситъ остальное, и т. д.

(17) Передъ святынею другихъ боговъ громко произносили молитву; но, проходя мимо роци Евменидъ, едва дозволялось раскрывать уста въ благоговѣйномъ трепетѣ. Далѣе, при жертвоприношеніи Эдипа, хоръ подробно объясняетъ, какъ должно молиться Евменидамъ.

(18) Аѣннская пословица, означавшая: узнавать людей по голосу.

ЭДИПЪ.

Умоляю, не зрите во мнѣ святотатства.

ХОРЪ.

Зевсъ Заступникъ! Кто-бы такой этотъ старецъ?

ЭДИПЪ.

Конечно, не первый на свѣтѣ счастливецъ,  
 О блюстители здѣшней земли!  
 Смотрите: иначе блуждалъ-ли-бы такъ  
 При помощи зрѣнья чужаго?  
 Въ слабой трости опоры  
 Искать-ли-бы крѣпкому тѣломъ? (19).

ХОРЪ.

Увы! со слѣпными очами  
 Ты, какъ видно, рожденъ.... по тебѣ заключу:  
 Кто несчастенъ, всегда долговѣченъ (2).

Но отъ новаго зла

Я тебя уклоню.

Ты далеко, далеко зашелъ: попадешь ты  
 Въ этотъ долъ молчаливый, заросшій травой,  
 Гдѣ сливаются сладкія воды  
 Отовсюду бѣгущихъ, обильныхъ ручьевъ.  
 Берегись-же, злосчастный приплецъ!  
 Отойди, удались поскорѣ.... (21).  
 Въ отдаленіи нельзя говорить....  
 Что-же? Слышишь меня, горемычный скиталецъ?  
 Если хочешь ты слово намъ молвить,

(19) Въ подлин. неясное мѣсто: κατὰ σμικροῦς μέγας ἔργων. (И шелъ-ли-бы, большой, на маломъ: съ помощью малаго или для малаго?). Германъ объясняетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ, будучи великимъ и сильнымъ, приходитъ-ли-бы сюда за малымъ даромъ?» Шнейдевинъ, напротивъ, переводитъ: «Сильный, сталъ-ли-бы я опираться на слабую трость въ пути моемъ?»

(20) Въ подлин. δυσδαίμων μακράϊων. — Пословица, гдѣ первое выраженіе (несчастный) рифмуется со вторымъ (долговѣчный). Такое созвучіе въ Греческихъ пословицахъ очень не рѣдко; напр. πᾶτος ματος (мука-наука).

(21) Хоръ заботится болѣе всего о томъ, чтобъ Эдипъ вышелъ изъ священной рощи. Какъ будто выражая участіе, представляетъ онъ ему опасность упасть въ одну изъ горныхъ ложбинъ; самъ не осмѣливаясь вступить въ рощу, онъ зоветъ его къ себѣ ближе, какъ будто для переговоровъ.

То сойди съ недоступнаго мѣста.  
Гдѣ закономъ дозволено всѣмъ,  
Говори ты; но прежде сойди.

ЭДИПЪ (*Антигона*).

Что-жъ начать намъ, дитя?

АНТИГОНА.

Надо гражданъ желанье исполнить, отецъ:  
Въ чемъ должно, уступить и послушать.

ЭДИПЪ.

Возьми-жъ меня за руку.

АНТИГОНА.

Вотъ, ужъ держу.

ЭДИПЪ.

Чужеземцы, не дайте въ обиду:  
Довѣряясь вамъ, съ мѣста схожу.

ХОРЪ.

СТРОФА 2.

Вѣрь, старикъ, что никто противъ воли твоей  
Не изгонитъ тебя изъ страны.

ЭДИПЪ.

Довольно?

ХОРЪ.

Иди еще дальше.

ЭДИПЪ.

Еще?

ХОРЪ.

Проведи-же, дѣвица, впередъ.  
Ты вѣдь видишь, куда.

АНТИГОНА.

Слѣдуй слѣпою стопой, слѣдуй за мною, отецъ!

ХОРЪ.

Несчастный! На чужой землѣ.  
Чужой, имѣй рѣшимость презирать,

Что ненавидятъ и граждане,  
А то, что любятъ, уважать.

ХОРЪ.

Веди-жь теперь меня, дитя,  
Туда, гдѣ, честно поступая, можемъ  
Мы говорить и слышанными быть;  
Не будемъ съ невозможностью бороться.

ХОРЪ.

АНТИСТРОФА 2.

Здѣсь. За этотъ вотъ камень, что противъ меня, не ступишь  
ногой.

ЭДИПЪ.

Такъ-ли?

ХОРЪ.

Довольно, ты слышишь.

ЭДИПЪ.

Дозволите сѣсть?

ХОРЪ.

Камень съ боку:  
Осторожно согнувшись, на край опустишь.

АНТИГОНА.

Отецъ, мое это дѣло:

Тихонько ногу съ ногой уложи.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ, горе!

АНТИГОНА.

Къ рукѣ моей дружной приникни  
Старческимъ тѣломъ твоимъ.

ЭДИПЪ.

О бѣдствіе злое!

ХОРЪ.

Теперь, исполнивъ нашу волю,  
Скажи, несчастный, кто изъ смертныхъ  
Тебя родилъ и кто ты самъ,  
Скиталецъ бѣдный? Гдѣ твоя отчизна?

ЭДИПЪ.

Чужеземцы! Изгнанникъ предъ вами.... но нѣтъ!..

ХОРЪ.

Что-жь это, скрываешь ты, старецъ?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! ужъ не спрашивай, кто я;  
Молю, не выпытывай больше.

ХОРЪ.

Отчего-же?

ЭДИПЪ.

Родъ мой жалокъ.

ХОРЪ.

Скажи

ЭДИПЪ.

Что мнѣ дѣлать, дитя?

ХОРЪ.

Чьихъ, скажи ты, пришлецъ, по отцу?

ЭДИПЪ.

Горе! горе, дитя! Какъ рѣшиться?

АНТИГОНА.

Говори: уже крайность велить.

ЭДИПЪ.

Все открою: ужъ скрыть невозможно.

ХОРЪ.

Долго медлите.... Что-жь? поскорѣе....

ЭДИПЪ.

Кто-нибудь вамъ извѣстенъ иль Лаева дому?

ХОРЪ.

О ужась!

ЭДИПЪ.

Лабдакидова рода?

ХОРЪ.

Зевесь!

ЭДИПЪ.

Несчастливый Эдипъ....

ХОРЪ.

Это ты?

ЭДИПЪ.

Не страшитесь напрасно того, что сказалъ.

ХОРЪ.

О горе! горе, несчастный!

ЭДИПЪ.

Моя дочь! что такое случилось?

ХОРЪ.

Уходите вы прочь изъ земли.

ЭДИПЪ.

А гдѣ-же твое обѣщанье?

ХОРЪ.

Мы не вызовемъ кары судьбы,  
 Зломъ за зло воздавая: обманъ,  
 За который и платятъ обманомъ,  
 Намъ приносить не радость, а горе (22).  
 Удались ты сейчасъ-же отсюда, бѣги  
 Безъ оглядки изъ нашей земли,  
 Чтобы нашимъ гражданамъ еще  
 Не прибавить заботы.

АНТИГОНА.

Чужеземцы, хранящіе стыдъ!  
 Если этого старца, отца моего,  
 Ужъ не можете виду снести  
 По одной лишь молвѣ о невольныхъ поступкахъ  
 Чужеземцы! прошу:  
 Хоть надъ мною несчастною сжаьтесь!

---

(22) Хоръ считаетъ обманомъ, что Эдипъ, не сказавъ своего имени, взявъ съ него хитростью обѣщаніе не выгонять изъ земли.



## ЭДИПЪ.

Чтожъ пользы, въ мнѣннн, въ той молвѣ прекрасной,  
 Напрасно всюду разносимой, будто  
 Аѳины больше всѣхъ благочестивы,  
 И странника, постигнутаго зломъ,  
 Одиѣ спасутъ, одиѣ въ защиту примутъ?  
 Со мною такъ-ли поступили вы?  
 Велѣвъ уйти отъ этихъ мѣстъ, потомъ  
 Изгнать хотите, только одного  
 Бояся имени!... Не тѣло это  
 И не дѣла мои, конечно, страшны:  
 Мои дѣла я выстрадалъ скорѣе,  
 Чѣмъ совершилъ, ужъ если вспоминать  
 Объ матери моей и объ отцѣ  
 Что и пугаетъ васъ во мнѣ: я твердо  
 Увѣренъ въ этомъ. Какъ-же отъ природы  
 Дурнымъ назвать меня, когда я только  
 Зломъ воздавалъ за зло (24)?... и будь сознанье  
 Въ моихъ дѣлахъ, все-жъ не былъ-бы я злымъ.  
 Но ничего не вѣдая, дошелъ я,  
 Ужъ до чего дошелъ (25), и знали только,  
 Что гибну, тѣ, отъ коихъ я терпѣлъ.  
 Вотъ почему, богами, чужеземцы,  
 Молю васъ: какъ сойти велѣли, дайте  
 Мнѣ и пріютъ. Иль чтить боговъ хотите,  
 И послѣ ни во что боговъ не ставить?  
 Глядятъ и на людей благочестивыхъ,  
 Глядятъ они и на безбожныхъ.... могъ-ли

хорошъ, и онъ соглашается дожидаться рѣшенія Фезея. Къ тому-же способ-  
 ствуетъ увѣренность, съ которою Эдипъ говорить о правотѣ своей, и лест-  
 ная его похвала благочестію и гостепримству Аѳинянъ. Вообще въ харак-  
 терѣ Эдипа съ опытностью старца соединяется тонкая діалектика ума, свой-  
 ственная не столько Фивянамъ, сколько Аѳинскому народу.

(24) Эдипъ намекаетъ здѣсь на слова хора объ обманѣ.

(25) Буквальный переводъ съ подлинника: ἰχόμην ἐν ἰχόμην. Такая игра  
 словъ очень часто встрѣчается въ Греческомъ, и мы считали себя не вправѣ  
 отступать отъ нея, гдѣ этого сколько-нибудь позволяя духъ Русскаго языка.  
 Эдипу горько припоминать свои бѣдствія, и онъ говоритъ объ нихъ общими  
 словами. Это особенно кстати здѣсь, передъ лицомъ слишкомъ боязливаго и  
 впечатлительнаго хора.



Когда преступный ихъ избѣгнуть взора?  
 Не помрачай-же ты Афинъ счастливыхъ,  
 Служа худымъ дѣламъ; но какъ ужь принялъ  
 Молящаго съ довѣріемъ къ тебѣ,  
 Спаси меня и защити; при видѣ  
 Моей главы, невыносимой зрѣнью,  
 Не оскорби меня. Я святъ и чистъ  
 Являюсь къ вамъ, и прибыль обѣщаю  
 Гражданамъ здѣшнимъ. Вотъ, когда придетъ  
 Тотъ господинъ, который вами править,  
 Услышитъ и узнать все: межъ тѣмъ,  
 Покуда нѣтъ его, исполни слово.

ХОРЪ.

Намъ, старецъ, доводы твои вселяютъ  
 Благоговѣйный трепеть; не пустыя  
 Ты произнесъ слова: доволенъ буду,  
 Какъ царь земли разсмотреть это дѣло.

ЭДИПЪ.

Но гдѣ-жъ правитель этотъ, чужеземцы!

ХОРЪ.

Живетъ въ отцовскомъ городѣ своемъ;  
 За нимъ пошелъ тотъ самый человѣкъ,  
 Что и меня сюда привелъ.

ЭДИПЪ.

И будто

Онъ будетъ столь внимателенъ къ слѣпцу,  
 Заботливъ такъ, что даже самъ придетъ?

ХОРЪ.

Конечно, такъ-какъ знаетъ твое имя (26).

---

(26) Путникъ, призвавшій хоръ и потомъ посланный въ городъ, могъ только извѣстить, что явился слѣпой старикъ, потому-что не слышалъ имени Эдипа. Хоръ далѣе полагаетъ, что Фезей можетъ узнать объ этомъ дорогою отъ другихъ путниковъ. Въ такихъ отношеніяхъ къ царю выражается патриархальная простота нравовъ въ героическомъ вѣкѣ, а *большая дорога*, между Колономъ и Афинами, по которой много расходится вѣстей, намекаетъ уже на современную Софоклу населенность мѣста.

ЭДИПЪ.

Но кто-жь его объ этомъ извѣститъ?

ХОРЪ.

Большая здѣсь дорога: много разныхъ  
Вѣсгей разносятъ путники; повѣрь,  
Отъ нихъ узнавъ, придетъ онъ. О тебѣ,  
Старикъ, молва звучитъ повсюду, такъ что,  
И еслибъ медилъ, поспѣшить сюда,  
Твое услышавъ ния?

ЭДИПЪ.

О пускай-же

Идетъ на счастье граду своему  
И мнѣ... Кто-жь, добрый, недругомъ себѣ?

АНТИГОНА.

Зевс! что подумать мнѣ, отецъ? Нѣтъ словъ!

ЭДИПЪ.

Что-жь это, Антигона, другъ?

АНТИГОНА.

Вотъ, вижу:

На Сицилійской лошади сюда  
Къ намъ ѣдетъ женщина: ея лице  
Широкія поля Фессальской шляпы  
Отъ солнца кроютъ (27). Что сказать? Неужли  
Ошиблась я?... Она иль не она?  
И да, и нѣтъ, и, что сказать, не знаю...  
Ахъ скоро-ли? Она! сомнѣнья нѣтъ...  
Вотъ, подъѣзжая, радостнымъ меня  
Ласкаетъ взоромъ... Да! не кто другой:  
То милая сестра моя, Исмена.

---

(27) Въ подлин. Αἰτναία πῶλος и Θεσσαλῆς κοινῆ (конь съ Этны и Фессалійская шляпа). Сицилійскіе кони славились въ Греціи по причинѣ многихъ побѣдъ, одержанныхъ на играхъ. Фессалійскія шляпы были родъ широкополюныхъ шляпъ, какія носили путешественники и пастухи. По причинѣ полей, закрывавшихъ лице, Антигона и не вдругъ можетъ узнать ѣдущей женщины. Коня, разумѣется, не является на сценѣ: надо предположить, что онъ оставленъ на рукахъ слуги.

ЭДИПЪ.

Что говоришь, дитя?

АНТИГОНА.

Вотъ дочь твоя,

Моя сестра: по голосу сейчасъ

Ее узнаешь.

ИСМЕНА.

О сладчайшихъ два

Названья мнѣ, отецъ мой и сестра!

Съ трудомъ нашла я васъ, теперь отъ слезъ

Съ трудомъ васъ вижу.

ЭДИПЪ.

Ты пришла, дитя?

ИСМЕНА.

Отецъ, отецъ злосчастный!

ЭДИПЪ.

Дочь, ты здѣсь?

ИСМЕНА.

И не безъ горя...

ЭДИПЪ.

Прикоснись ко мнѣ

ИСМЕНА.

Обоихъ вмѣстѣ обниму.

ЭДИПЪ.

О дочь

Единой крови!

ИСМЕНА.

Горестная жизнь (28)...

ЭДИПЪ.

Моя и этой дѣвы?

---

(28) Въ подл. ὁ δυσάθλια τροφαί. Трофаί здѣсь поставлено во множеств. числѣ; оно означаетъ «образъ жизни и вмѣстѣ воспитаніе», такъ-что Исмена дѣлаетъ намекъ на общее ихъ несчастное происхожденіе.

ИСМЕНА.

И моя,

Въ несчастья третьей!

ЭДИПЪ.

Что-же привело

Тебя, дитя?

ИСМЕНА.

Забота объ отцѣ.

ЭДИПЪ.

Меня желала видѣть?

ИСМЕНА.

И пришла,

Какъ вѣстница, съ однимъ слугою вѣрнымъ.

ЭДИПЪ.

А гдѣ-же братья взрослые? Что съ ними?

ИСМЕНА.

Пусть гдѣ ни будутъ! Что у нихъ теперь,  
Подумать страхъ...

• ЭДИПЪ.

О, какъ во всемъ подобны

Характеръ ихъ и этотъ образъ жизни  
Обычаямъ Египта. Тамъ мужчины  
Сидятъ въ домахъ и ткуть, а жены, сестры  
Всегда внѣ дома добываютъ хлѣбъ (29).  
Изъ васъ, дѣтей моихъ, кому-бы должно  
Принять весь трудъ: тѣ за стѣной, какъ дѣвы,  
Себѣ живутъ, а вмѣсто цхъ со мной  
Вы бѣдствія несете черезъ силу.  
Она вотъ только подросла и тѣломъ  
Окрѣпла, ужъ слѣпца, бѣдняжка, водить,  
Со мной скитаясь; и блуждаетъ часто  
Безъ обуви, безъ пищи въ дикихъ дебряхъ,  
Злосчастная, терпя и дождь ненастный,

(29) Эдипъ не знаетъ еще о распрѣ сыновей, и полагаетъ, что они живутъ праздными въ дому, по обычаю Египтянъ, о которомъ говоритъ и Геродотъ (2, 86).

И солица зной: и мало о себѣ  
 У ней заботы, былъ-бы свѣтъ-отецъ  
 И ты, дитя пришла ко мнѣ и прежде,  
 Неся извѣстье тайно отъ Кадмейцевъ  
 О всѣхъ, произнесенныхъ обо мнѣ,  
 Оракулахъ (30), и вѣрнымъ стражемъ стала  
 Изгнаннику отцу — и нынѣ вновь  
 О чемъ-то вѣсть, Исмена, мнѣ приносишь.  
 Что изъ дому тебя призвало? Ты  
 Пришла не даромъ, твердо въ томъ увѣрень:  
 Чего-нибудь ужъ страшнаго я жду.

## ИСМЕНА.

Что претерпѣла мукъ, отецъ, ища,  
 Гдѣ промышляешь ты свой клѣбъ насущный,  
 Рассказывать не буду: не хочу я  
 Страдать вторично, говоря объ этомъ.  
 Какое-жъ зло несчастныхъ сыновеи  
 Твоихъ постигло нынѣ, возвѣститъ  
 Пришла объ этомъ. Прежде между ними  
 Соревнованье было, чтобъ Креону  
 Оставить тронъ и не пятнать отчизны.  
 Ту гибель рода древняго, какая  
 Висѣла надъ твоимъ несчастнымъ домомъ,  
 Они разумно п мнили: а нынѣ  
 Какой-то богъ, иль ихъ преступный умъ  
 Внушилъ втроинѣ несчастнымъ злую ревность:  
 Власть царскую себѣ присвоивъ, править.  
 И Полиника, старшаго рождениемъ,  
 Годами юншй, младшй братъ престола  
 Лишилъ, и изъ отчизны изгналъ; тотъ-же,  
 Какъ разошлась у насъ молва, бѣжавъ  
 Въ пригорный Аргосъ (31), новое родство

(30) Объ этихъ оракулахъ нигдѣ больше не говорится. Софокль, упоминая часто объ оракулахъ, хочетъ только показать, какое участіе принимаютъ боги въ судьбѣ Эдипа.

(31) Въ подл. то κολων'Αργος (углубленный Аргосъ). Такъ назывался Пеласгійскій Аргосъ въ Пелопонезѣ, въ отличіе отъ другихъ, потому-что лежалъ въ углубленіи между горами, и только къ югу былъ открытъ со сто-

Себѣ нашелъ и бранную дружину,  
 Чтобъ Аргосъ или Кадмейцевъ землю взять,  
 Возвыситься побѣдой или славой.  
 И это не слова одни, отецъ,  
 А страшныя дѣла. Не знаю, гдѣ  
 Твоимъ бѣдамъ конецъ положить боги.

Эпидъ.

Есть, значить, у тебя надежда: боги  
 Когда-нибудь да взглянуть на меня,  
 И отъ бѣды избавятъ.

ИСМЕНА.

Такъ, отецъ,  
 По нынѣшнимъ оракуламъ сужу.

Эдипъ.

Какимъ-же? Что изречено богами?

ИСМЕНА.

Живаго или мертваго тебя  
 Желать когда-то люди той земли  
 Для своего спасенья будутъ (32).

Эпидъ.

Что-же

Имъ пользы отъ такого человека?

роны моря. Изъ двухъ братьевъ у Эсхила изгнаннымъ является младшій; но Софоклъ называетъ старшимъ Полиника, чтобы тѣмъ явственнѣе представить нарушение родственныхъ связей между сыновьями Эдипа. Полиникъ, какъ самъ послѣ рассказываетъ, пришелъ въ Аргосъ, становится зятемъ царю Адрасту. У Эсхила (Семь противъ Фивъ) мы видимъ его также чрезвычайно озлобленнымъ и высокомернымъ.

(32) Этотъ новый оракулъ, болѣе опредѣленный, служитъ дополненіемъ къ тому, о которомъ упоминалъ самъ Эдипъ въ началѣ драмы. Онъ уже имѣетъ прямое отношеніе къ самимъ Кадмейцамъ (Фиванцамъ); но неясность выраженія (Въ тебѣ лежитъ ихъ сила) способствовала тому, что Креонъ понималъ его чисто вѣнскимъ образомъ: овладѣвъ насильно Эдипомъ, думалъ онъ оказать услугу родинѣ. Эдипъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій окончательнаго рѣшенія судьбы своей, подробно разспрашиваетъ обо всемъ, какъ будто бы ничего не зналъ; въ сущности Апдолонъ извѣщаетъ его только объ исполненіи того, что обѣщалъ прежде.

ИСМЕНА.

Въ тебѣ, какъ слышно, сила ихъ лежить.

ЭДИПЪ.

Какъ ужъ меня не будетъ, лишь и буду  
Полезнымъ я.

ИСМЕНА.

Губили прежде, нынѣ  
Тебя возносятъ боги (33).

ЭДИПЪ.

Жалко думать:

Кто юнымъ палъ, на старости поднялся.

ИСМЕНА.

Однако знай: за этимъ вотъ Креонъ  
Придетъ въ недолгомъ времени.

ЭДИПЪ.

Что дѣлать

Онъ хочеть, дочь, скажи мнѣ.

ИСМЕНА.

На границѣ

Земли Кадмейской помѣстятъ тебя,  
Чтобы имѣть въ рукахъ, а въ землю все-же  
Ты не войдешь.

ЭДИПЪ.

И что за польза имъ,

Когда лежать я буду внѣ.

---

(33) Эдипъ подъ силою разумѣеть богѣ физическую силу; Исмена-же объясняетъ, какъ надо понимать изреченіе боговъ. Весь послѣдующій разговоръ отличается двусмысленностью и неопредѣленностью выражений, совершенно въ духѣ изреченій оракула. Уловка Креона состоитъ въ томъ, чтобы схватить Эдипа еще живаго, и, поселивъ его близъ Фивъ, послѣ смерти героя воспользоваться благословеніемъ, происходящимъ отъ его могилы. Властелинъ Фивъ думаетъ такимъ образомъ, извлеки всю пользу изъ новаго положенія Эдипа, избѣгнуть и опасности, какая, сообразно съ первымъ оракуломъ объ убійцѣ Лая, могла произойти отъ присутствія его въ родномъ городѣ. Софокль, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ трагедіи, имѣлъ мысль показать, до какихъ нечеловѣческихъ крайностей доводитъ одно формальное исполненіе обряда.

ИСМЕНА.

Печальна

Для нихъ твоя могила на чужбинѣ.

ЭДИПЪ.

И безъ боговъ понять-бы это всякій  
Разсудкомъ могъ.

ИСМЕНА.

По этому тебя

И положить близъ ихъ земли хотять,  
Не по твоей лишь вогѣ.

ЭДИПЪ.

И покроютъ

Меня Фиванскимъ прахомъ?

ИСМЕНА.

Нѣтъ, того

Родная кровь, отецъ, не дозволяетъ (34).

ЭДИПЪ.

То мною никогда имъ не владѣтъ.

ИСМЕНА.

И будетъ тяжело нѣкогда Кадмейцамъ.

ЭДИПЪ.

Дитя! какая-жъ этому причина?

ИСМЕНА.

Твой гнѣвъ, какъ стануть у твоей могилы.

ЭДИПЪ.

Чтò говоришь, ты отъ кого-нибудь  
Слышала, дочь?

ИСМЕНА.

Слышала отъ людей,

Дельфійскую святыню вопрошавшихъ.

---

(34) Т. е. кровь отца, пролитая тобою. Эдипъ согласился-бы возвратиться, еслибы нашелъ хотя могилу на родинѣ; но лицемерный Креонъ и этого лишилъ его.



ЭДИПЪ.

И точно это Фебъ сказалъ о мнѣ?

ИСМЕНА.

Такъ говорятъ пріѣхавшіе въ Фивы.

ЭДИПЪ.

А слышалъ кто изъ сыновей объ этомъ?

ИСМЕНА.

Тотъ и другой, и вѣдаютъ отлично.

ЭДИПЪ.

Негодные! и знаяши это, царство  
Желанью быть со мною предпочли?

ИСМЕНА.

Хоть грустно слышать, но сказать должна я.

ЭДИПЪ.

Пускай-же, волею боговъ, не стухнетъ  
Вражда, опредѣленная имъ рокомъ,  
И пусть во мнѣ лежитъ рѣшенье распри,  
Въ которой другъ на друга ополчились, —  
Чтобы ни тотъ, кто скиптръ и тронъ имѣетъ,  
На тронѣ не остался, ни бѣжавшій  
Когда-нибудь обратно не пришелъ.  
Родитель такъ безчестно изъ отчизны  
У нихъ былъ изгоняемъ: удержать,  
Иль защитить не думали они;  
Снесли, чтобъ высланъ былъ я изъ земли  
И возвѣщенъ изгнанникомъ. Ты скажешь,  
Что по желанью моему тогда  
Мнѣ городъ это присудилъ законно...  
О нѣтъ! въ тотъ самый день, когда еще  
Душа кипѣла, и всего-бы слаще  
Была мнѣ смерть, побитому камнями,  
Никто въ желаньи этомъ мнѣ услуги  
Не оказалъ; а послѣ ужъ, какъ вся  
Затихла боль, и я узналъ, что гнѣвъ,  
Меня увлекшій, больше чѣмъ сперва  
Проступки былъ карателемъ моимъ —

Тогда, ужъ поздно, силой изгоняють  
 Меня граждане изъ родной земли!  
 А тѣ, что услужить могли-бъ отцу,  
 Родныя дѣти, не хотѣли даже  
 Сказать двухъ словъ въ защиту: въ ихъ глазахъ.  
 Бѣжалъ изгнанникомъ и нищимъ я!  
 Вы дѣвушки; но сколько вашихъ силъ  
 Достало, все отъ васъ имѣю: хлѣбъ,  
 Кровь на землѣ и дѣтскую заботу.  
 Они-жъ, забывъ родителя, рѣшаютъ  
 О тронахъ, да о власти надъ землею.  
 Но не найдутъ помощника во мнѣ;  
 Не будетъ никогда имъ въ пользу этотъ  
 Кадмейскій скиптръ: увѣренъ я, какъ слышу  
 Оракулъ новый и припоминаю  
 Себѣ реченья старья, когда-то  
 Свершенные мнѣ Фебомъ. Пусть Креона  
 За мною шлютъ, или кого другаго  
 Изъ сильныхъ въ градѣ: если, чужеземцы,  
 И вы дадите помощь кромѣ этихъ,  
 Священныхъ вамъ, отеческихъ богинь,  
 То будетъ граду вашему великій  
 Защитникъ, а врагамъ моимъ напасть.

ХОРЪ.

И ты, Эдипъ, и дочери твои  
 Достойны состраданья. Если этой  
 Земли спасителемъ себя ужъ назвалъ,  
 Хочу тебѣ полезный дать совѣтъ.

ЭДИПЪ.

О другъ! исполню все теперь охотно.

ХОРЪ.

Сверши теперь очистительную жертву  
 Богинямъ, къ коимъ ты сперва пришелъ,  
 Которыхъ землю попиралъ (35).

---

(35) Послѣ того, какъ хоръ согласился предоставить дѣло рѣшенію царя, сцена съ Исменой, исполненіе жертвы и новая комматическая пѣсня развлекаютъ вниманіе зрителей до прихода Фезея. Необходимость этихъ сценъ объяснить не трудно. Явленіе Исмены мгновенно возвеличиваетъ Эдипа въ

ЭДИПЪ:

Какъ сдѣлать,

Наставьте, чужеземцы.

ХОРЪ.

Почерпни

Сперва изъ вѣчнолюющаго ключа  
Воды священной чистыми руками.

ЭДИПЪ.

Что-жъ дѣлать, какъ несмѣшанной я этой  
Достану влаги?

ХОРЪ.

Есть въ лѣсу кувшины,  
Искуснымъ мужемъ сдѣланные: въ нихъ  
Обвей головки и двойныя ручки (36).

ЭДИПЪ.

Вѣтвями, нитями, иль чѣмъ другимъ?

ХОРЪ.

Младой овцы вновь срѣзанной волною.

---

глазахъ хора: извѣстiемъ объ оракулѣ подтверждаются слова слѣпаго пришельца, котораго хоръ считалъ живымъ. Къ ожиданiю Фезея присоединяется ожиданiе новыхъ столкновений въ драмѣ. Старѣйшины Колонскiе теперь сами совѣтуютъ принести жертву богинямъ: хотя въ этомъ выражается еще прежнiй страхъ, чтобъ богини не покарали за нарушенiе святыни; но, предоставляя исполненiе жертвы Эдипу, они оказываютъ уже довѣрiе къ его чистотѣ нравственной. Что касается Эдипа, эта жертва необходима, какъ свидѣтельство полнаго его примиренiя съ подземными богинями. Въ комматической пѣсни, которая за тѣмъ слѣдуетъ, Эдипъ вновь долженъ очистить свою совѣсть сознаниемъ преступлений. Хоръ какъ будто изъ любопытства спрашиваетъ его о содѣланномъ; но это горестное сознание очень кстати въ то время, когда совершается очистительная жертва. Такимъ образомъ къ приходу Фезея становится вполне яснымъ, о чемъ еще можетъ Эдипъ просить царя и на какомъ основанiи давать свои обѣщанiя. Теперь вполне оправдывается то, что въ самомъ началѣ Эдипъ сказалъ хору: «я чистъ и святъ являюсь къ вамъ.»

(36) Для очищенiй всегда употреблялась текучая вода. Глиняныя кувшины для разнаго употребленiя во время жертвъ должны были находиться въ святилищѣ Евменидъ подъ надзоромъ одного изъ служителей храма. Ручки ихъ названы *ἀμφιτόμοι* (обоюдные), потому-что придѣланы были съ той и другой стороны.

ЭДИПЪ.

Такъ. Что-же дальше долженъ я исполнить?

ХОРЪ.

Лить возліянья, обратясь къ востоку.

ЭДИПЪ.

Кувшинами, о конхъ ты сказалъ.

ХОРЪ.

Да, трижды, и послѣдній весь.

ЭДИПЪ.

Но чѣмъ

Его наполню, объясни и это.

ХОРЪ.

Водою, медомъ, только безъ вина.

ЭДИПЪ.

Когда-же темнолистная земля

Все это приметъ?

ХОРЪ.

Трижды девять вѣтокъ

Оливныхъ положивъ изъ рукъ обѣихъ,

Произнеси молитву (37).

ЭДИПЪ.

Слышать я

Хочу, каку: въ этомъ вся и сила.

ХОРЪ.

«Зовемъ васъ благодушными (38): примите-жъ

Молящаго защиты благодушно». —

Ты самъ проси, иль за тебя другой,

Чуть внятно говоря, безъ восклицаній.

(37) Олива вообще употреблялась въ примирительныхъ жертвахъ. Молоко, медъ и оливковое масло приносились также въ жертву тѣнямъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ совершено возліаніе, нужно было, по указанію хора, положить изъ обѣихъ рукъ по три раза девять вѣтокъ.

(38) Греческое названіе «Евмениды» значитъ по-Русски: благодушныя. Молитва имъ исполнялась тихо: отъ того и фамилія жрецовъ, имъ служившихъ, называлась *Ἐβουμνίδαι* (безмолвные).

Потомъ уйди, не обращаясь. Вотъ,  
 Когда ты это сдѣлаешь, то смѣло  
 Я помогу тебѣ: иначе, странникъ,  
 Я за тебя страшусь.

Эдипъ.

Слыхали, дѣти,  
 Что намъ туземцы говорятъ?

Антигона.

Слыхали.

Устрой-же все, какъ слѣдуетъ, теперь.

Эдипъ.

Я самъ идти не въ-силахъ; зло двойное  
 Во мнѣ: я слабъ и слѣпъ; одна изъ васъ  
 Пускай пойдетъ и сдѣлаетъ. Надѣюсь,  
 Исполнить это и одной души  
 Довольно вмѣсто тысячи, когда  
 Благія мысли въ ней. Скорѣе-жъ къ дѣлу.  
 Прошу, меня однимъ не оставляйте:  
 Такой больной старикъ, какъ я, и съ мѣста  
 Не двинется, оставшись безъ вожда.

Исмена.

Пойду, исполню я. Хочу лишь знать,  
 Гдѣ это мѣсто мнѣ найти?

Хоръ.

Вонъ тамъ,

При выходѣ изъ лѣсу, чужеземка;  
 А если нужно будетъ что-нибудь,  
 То житель нашъ расскажетъ (39).

Исмена.

Ужъ иду я.

Ты-жъ, Антигона, оставайся здѣсь

---

(39) Эдипъ рѣшилъ, что все дѣло не въ торжественности обряда, а въ искренности чувства, съ которымъ обрядъ совершается. Исмена, по словамъ хора, должна исполнить его — τοῦ κείνου ἄλλοτε (въ направленіи изъ лѣсу) т. е. обратясь лицомъ къ хору. Уходя Исмены, какъ увидимъ, необходимъ для слѣдующаго дѣйствія.

Стеречь отца: кто для родившихъ поднялъ  
И трудъ, не долженъ помнить о трудѣ.

ХОРЪ.

Пришлецъ, хоть и горько давно ужъ почившее зло про-  
буждать,

Но все-же хотѣлъ-бы узнать.

ЭДИПЪ.

О чемъ-же?

ХОРЪ.

Объ этомъ, постигшемъ тебя  
Безвыходно-жалостномъ горѣ.

ЭДИПЪ.

Гостеприимства ради твоего  
Не раскрывай моихъ позорныхъ мукъ.

ХОРЪ.

Хочу вѣчнослышную всюду  
Молву, чужеземецъ, повѣрить.

ЭДИПЪ.

Увы!

ХОРЪ.

Склонись, умоляю.

ЭДИПЪ.

О горе!

ХОРЪ.

Послушай, и сдѣлаю, что ни попросишь.

ЭДИПЪ.

АНТИСТРОФА 1.

Я зло, чужеземцы, понесъ — видитъ богъ, что понесъ про-  
тивъ воли:

И самъ не виновенъ ни въ чемъ.

ХОРЪ.

То какъ-же?

ЭДИПЪ.

Я не зналъ ничего: меня городъ  
Злымъ бракомъ связалъ на бѣду.

ХОРЪ.

Правда-ль это? постыдное ложе  
Ты съ матерью, слышу, дѣлалъ?

ЭДИПЪ.

Увы! мнѣ смерть это слышать.  
Этихъ двое моихъ...

ХОРЪ.

Что такое?

ЭДИПЪ.

Этихъ бѣдственныхъ двое дѣтей...

ХОРЪ.

О Зевесъ!

ЭДИПЪ.

Родились отъ единой утробы со мною.

ХОРЪ.

СТРОФА 2.

Онѣ отъ тебя родились?

ЭДИПЪ.

Онѣ же и сестры отцу.

ХОРЪ.

Увы!

ЭДИПЪ.

О сплетенъе безчисленныхъ бѣдствій!

ХОРЪ.

Ты стерпѣлъ.

ЭДИПЪ.

Я стерпѣлъ неисходное горе.

ХОРЪ.

И сдѣлалъ...

ЭДИПЪ.

Не сдѣлалъ...

ХОРЪ.

То какъ-же?

ЭДИПЪ.

Я принялъ

Даръ, какого не думалъ, несчастный,  
Никогда заслужить отъ гражданъ (40).

ХОРЪ.

АНТИСТРОФА 2.

Да, злосчастный, вполнѣ... ты убилъ...

ЭДИПЪ.

Что-жъ это? что-жъ хочешь узнать?

ХОРЪ.

Отца?

ЭДИПЪ.

О мука! еще за ударомъ ударъ!

ХОРЪ.

Умертвилъ....

ЭДИПЪ.

Умертвилъ; но и мнѣ есть немного....

ХОРЪ.

Чего-жъ?

ЭДИПЪ.

Оправданья.

(40) Комматическая пѣснь всегда отличается живымъ лирическимъ движеніемъ. Отъ того въ ней часто встрѣчается игра словъ, недосказанность и перерывы въ рѣчи. Здѣсь волненіе чувства видимъ мы и въ хорѣ и въ Эдипѣ: оба они поочередно ужасаются дѣлу, о которыхъ идетъ рѣчь. Эдипъ неохотно, въ общихъ словахъ, пересказываетъ свое бѣдствіе: хоръ, хотя и нетерпѣливо желаетъ все узнать, едва смѣетъ спрашивать. Оба, какъ будто, страшатся понимать, чтѣ слышали одинъ отъ другаго. «И сдѣлалъ?... (въ подл. *ἔρεξας... οὐκ ἔρεξα* и проч.) т. е. ты «сдѣлалъ страшное преступленіе» хочешь сказать хоръ. Но Эдипъ, оправдывая себя, прерываетъ его: «Я не сдѣлалъ, а принялъ въ даръ отъ города.» Эдипъ, когда первый разъ пришелъ въ Фивы, то, одолевъ Сфинкса, за свой подвигъ избранъ гражданами царемъ и получилъ отъ города себѣ въ жены Иокасту, вдову убитаго царя Лая, вовсе не зная, что она мать его. Убийство отца случилось также по незнанью. Эдипъ на дорогѣ въ Дельфы, куда именно ходилъ, чтобъ узнать, кто его отецъ, встрѣтился съ Лаемъ, ѣхавшимъ въ колесницѣ. Возница царя хлестнулъ бичемъ шедшаго пѣшкомъ Эдипа. Такъ завязался споръ, имѣвшій слѣдствіемъ убійство (см. трагедію: «Эдипъ-царь»).



ХОРЪ.

Какого?

ЭДИПЪ.

Скажу:

Умертвилъ, погубилъ я, захваченъ бѣдой,  
И чистъ предъ закономъ, затѣмъ,  
Что на это я шелъ по незнанью.

ХОРЪ.

А вотъ и царь Фезей, Эгея сынъ,  
Явился здѣсь по зову твоему (41).

ФЕЗЕЙ.

О гибели очей твоихъ кровавой  
Ужъ прежде ото многихъ слыша, могъ-бы  
Узнать тебя, сынъ Лая; нынѣ тоже  
Дорогой слыша, узнаю вполне.  
Твоя одежда, твой печальный видъ  
Мнѣ ясно говорить, что это ты;  
И сострадаю о тебѣ, хочу  
Спросить, бѣднякъ Эдипъ, какую помощь  
Я или городъ могутъ оказать  
Тебѣ и бѣдной спутницѣ твоей.  
Скажу — и нѣтъ столь тяжкаго труда,  
Въ которомъ отказалъ-бы. Самъ не меньше  
Я перенесъ, какъ выросалъ въ чужбинѣ,

---

(41) Давно ожиданное явленіе Фезея прекрасно заканчиваетъ первый эпизодіонъ. Эдипъ, какъ обладающій высшею силою, представляется наконецъ въ возвышенномъ образѣ пророчителя. Въ характерѣ Фезея Софокль изобразилъ идеалъ истиннаго благочестія и той человѣчности, которою такъ справедливо славилась Аѳины. Между-тѣмъ-какъ хоръ только послѣ многихъ доводовъ, до конца не будучи въ силахъ побѣдить въ себѣ суевѣрнаго страха, дозволяетъ остаться Эдипу въ землѣ, Фезей съ первой минуты готовъ всѣмъ жертвовать для несчастнаго странника. Онъ не спрашиваетъ, прогнѣваются ли нѣтъ богини Евмениды, будетъ польза или вредъ отъ присутствія Эдипа: для его благороднаго поступка довольно знать, что Эдипъ такой-же человѣкъ, какъ онъ, и кромѣ-того терпитъ бѣдствіе. Еще разительнѣе противоположность съ Креономъ, который хочетъ исполнить оракулъ, заставивъ Эдипа на границѣ Фивъ. Въ сценѣ съ Фезеемъ развивается также мысль о борьбѣ Аѳинъ съ Фивами, о которой въ первый разъ зритель заключаетъ изъ разсказа Исмены.

И врьдъ-ли кто на голову свою  
 Межь иноземцевъ столько принялъ бѣдъ (42).  
 То странника, подобнаго тебѣ,  
 Не допущу погибнуть..., человекъ я  
 И знаю самъ, что завтрашнимъ я днемъ  
 Ничуть не больше твоего владѣю.

ЭДИПЪ.

Фезей! въ словахъ немногихъ все сказать  
 Твое мнѣ дозволяетъ благородство.  
 Кто я, кто мой отецъ, и изъ какой  
 Земли пришелъ я, ты ужъ это знаешь:  
 Одно осталось только объяснить,  
 Въ чемъ я нуждаюсь, — и конецъ разсказу.

ФЕЗЕЙ.

Вотъ это объясни теперь, чтобъ зналъ я.

ЭДИПЪ.

Тебѣ я въ даръ несчастное мое  
 Вручаю тѣло, жалкое на видъ,  
 Но больше пользы въ немъ, чѣмъ красоты (43).

ФЕЗЕЙ.

Какую-жъ пользу хвалишься принести?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ! не теперь, со временемъ узнаешь.

ФЕЗЕЙ.

Когда-же даръ твой объяснится мнѣ?

ЭДИПЪ.

Когда умру, и ты меня схоронишь.

(42) Фезей, сынъ Эеры, воспитывался въ Трезенѣ у дѣда своего Питтея. Проходя чрезъ Исоемъ въ Аины; гдѣ отыскивалъ отца своего Эгея, онъ много перенесъ бѣдъ, сражаясь съ разбойниками и разными чудовищами. Подвиги его славятся не менѣе подвиговъ Геркулеса. Св. Плутарха Жизнеописание Фезея.

(43) Идея представить нравственно-могучимъ человекъ, физически безобразнаго, совершенно новая. У Грековъ обыкновенно понятие о красотѣ внутренней соединялось съ понятіемъ о красотѣ внѣшней. Извѣстна ихъ *καλοκάγαθία* (прекраснодоброе).

ӨЗЕЙ.

Послѣдній просишь долгъ тебѣ отдать,  
А что еще при жизни, ты забылъ,  
Или совсѣмъ не цѣнишь?

ЭДИПЪ.

Что при жизни,  
Все клонится къ тому-же.

ӨЗЕЙ.

Не большой-же  
Ты просишь милости.

ЭДИПЪ.

Смотри однако....

Да, тутъ борьба не малая.

ӨЗЕЙ.

Какая?  
Между твоими, думаешь, и мною?...

ЭДИПЪ.

Перевести къ себѣ меня насильно  
Они желаютъ.

ӨЗЕЙ.

Если ужъ желаютъ.  
То и тебѣ не слѣдуетъ бѣжать.

ЭДИПЪ.

Но, какъ хотѣлъ я самъ, не дали воли.

ӨЗЕЙ.

Безумцы! гнѣвъ въ несчастьи бесполезенъ.

ЭДИПЪ.

Узнай сперва, а тамъ увѣщевай.

ӨЗЕЙ.

Скажи: не зная дѣла, я не долженъ  
И толковать.

ЭДИПЪ.

Бѣдъ страшныхъ безъ числа  
Я претерпѣлъ, Өзей!

ФЕЗЕЙ.

Упоминаешь

О старомъ обѣдствѣ въ роду?

ЭДИПЪ.

О нѣтъ!

Всѣ Элины давно объ этомъ знаютъ.

ФЕЗЕЙ.

Что-жъ могъ-бы сверхъ понятій человѣка  
Ты перенести?

ЭДИПЪ.

Со мною было такъ.

Родными сыновьями изъ земли  
Я изгнанъ, а вернуться никогда ужъ,  
Отцеубійцѣ, мнѣ нельзя.

ФЕЗЕЙ.

То какъ-же

Шлютъ за тобой, чтобъ жить ты внѣ земли?

ЭДИПЪ.

Святое слово понуждаетъ ихъ.

ФЕЗЕЙ.

Какимъ-же зломъ оракулъ имъ грозитъ?

ЭДИПЪ.

Что ихъ судьба на этой пасть землѣ.

ФЕЗЕЙ.

Но какъ случится ихъ вражда со мною?

ЭДИПЪ.

О другъ мой, сынъ Эгея! Лишь богамъ  
Вовѣкъ невѣдома ни смерть, ни старость.  
Все прочее уничтожаетъ время  
Всевластное: земная гибнетъ сила  
И сила тѣла; умираетъ вѣра,  
Растетъ невѣрность — и ни въ дружныхъ людяхъ  
Ни въ городахъ взаимно межъ собою  
Не остается тотъ-же духъ любви.  
Однимъ ужъ нынѣ, для другихъ позднѣ

Что было сладкимъ — горько и опять  
 Пріятнымъ станетъ. Это Фивы нынѣ  
 Съ тобой въ согласіи лучшемъ пребываютъ :  
 Но вотъ пройдетъ безчисленное время,  
 Родивъ безчисленно ночей и дней,  
 И нынѣшній союзъ согласный будетъ  
 Копьемъ разорванъ по причинѣ малой;  
 И тутъ почившій, погребенный трупъ мой  
 Холодный теплой крови ихъ нашьется,  
 Когда Зевесъ еще Зевесъ, и Фебъ  
 Зевесовъ сынъ не лживъ (44). Но говорить  
 О сокровенныхъ тайнахъ неприятно;  
 На томъ, съ чего я началъ, и стою:  
 Будь только вѣренъ данному мнѣ слову,  
 И, если не обмануть я богами,  
 Не скажешь, что Эдипа бесполезно  
 Ты принялъ поселенцемъ этихъ мѣстъ.

ХОРЪ.

Царь, этотъ человекъ уже давно  
 Такія и подобныя даетъ.  
 Намъ обѣщанья.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ отвергнуть могъ-бы  
 Такого человекъ добродуше?  
 Во-первыхъ, съ нимъ гостепріимный нашъ  
 Очагъ всегда былъ общимъ (45), а потомъ,  
 Пришедъ на поклоненіе богинямъ,  
 Землѣ и мнѣ немалый даръ несетъ онъ.  
 Все это свято чтя, не откажусь  
 Отъ дружбы съ нимъ, и поселю средь гражданъ.

(44) Это порицаніе о враждѣ Аѳинянъ съ Фиванцами имѣетъ отношеніе къ современнымъ Софоклу обстоятельствамъ. Особенно во время Пелопонесской войны разрушились всѣ прежнія дружелолюбныя связи въ Греческихъ государствахъ, и никогда не были такъ зыбки вѣрность и сила человѣческая.

(45) Здѣсь только намекъ на старинную дружбу Аѳинянъ съ Фиванцами, семейства Эгидовъ съ Лабдакидами. Самъ-же Эдипъ, выросши на чужбинѣ, ничего не зналъ объ этой дружбѣ, какъ видно изъ начала драмы, гдѣ онъ спрашиваетъ, кто правитъ въ Аѳинахъ.

Коль чужеземцу мило здѣсь остаться,  
 Велю тебѣ его хранить, а если  
 Идти со мной угодно.... отдаю,  
 Эдипъ, тебѣ на выборъ это. Такъ  
 Исполнить все надѣюсь.

Эдипъ.

О Зевесъ!

Дай въ жизни всякихъ благъ подобнымъ людямъ....

Фезей.

То какъ рѣшился? въ домъ со мной пойдешь?

Эдипъ.

Когда-бъ я могъ.... Но это мѣсто....

Фезей.

Что-же

Здѣсь хочешь дѣлать? Не противлюсь я....

Эдипъ.

Здѣсь побѣжду людей, меня изгнавшихъ.

Фезей.

То намъ великій даръ твоей пріязни.

Эдипъ.

Но до конца будь твердъ и вѣренъ въ словѣ.

Фезей.

Довѣрься смѣло мнѣ: ужъ я не выдамъ.

Эдипъ.

Какъ лживыхъ, клятвой не свяжу тебя.

Фезей.

Имѣлъ-бы все-жъ не больше, чѣмъ по слову.

Эдипъ.

То какъ намѣренъ сдѣлать?

Фезей.

Что всего

Тебѣ страшнѣе?

Эдипъ.

Люди тѣ придутъ.

ФЕЗЕЙ.

Объ этомъ вотъ они заботу примутъ.

ЭДИПЪ.

Смотри, когда оставишь....

ФЕЗЕЙ.

Что мнѣ дѣлать,

Ужъ не учи.

ЭДИПЪ.

Страшась, учить я долженъ.

ФЕЗЕЙ.

Мое безстрашно сердце.

ЭДИПЪ.

Ты не знаешь,

Какихъ угрозъ....

ФЕЗЕЙ.

Я знаю, что тебя

Никто отсюда увести безъ воли

Моей не можетъ. Многіе и многимъ

Грозили много по пустому въ гнѣвѣ;

Когда-жъ вернулся умъ, прошли угрозы.

Они о томъ, какъ увести тебя,

Пожалуй, въ дерзости и страхъ что скажутъ;

Но знаю: путь сюда не близокъ имъ,

Не такъ покажется удобенъ! Могъ-бы

Ты смѣлымъ быть и безъ моей защиты,

Коль Фебъ тебя послалъ сюда; но знай:

Хоть я уйду, тебя отъ всѣхъ обидъ

Одно мое ужъ имя охранить.

## ПАРОДЪ (46).

ХОРЪ.

СТРОФА I.

Этой богатой конями страны

Ты въ лучшее мѣсто пришелъ, чужеземецъ,

(46) *Пародомъ* (*παρόδος*) вообще называется первая, вступительная пѣсня хора. Настоящій пародъ имѣетъ характеръ *стасимона*, т. е. пѣсни, которую,

Въ бѣлый Колонъ, гдѣ больше всего  
 Сладкозвучный поетъ соловей  
 Въ глубинѣ цвѣтущихъ долинъ.  
 Любитъ онъ темную зелень плюща  
 И эту, лишь богу доступную,  
 Плодами обильную чашу,  
 Чуждую солнцу и зимнимъ вѣтрамъ,  
 Гдѣ всегда Діонизій неистовый ходить  
 Въ хорѣ нимфъ-богинь, кормилицъ своихъ (47).

## АНТИСТРОФА I.

Во всѣ дни на своемъ поднебесномъ стеблѣ  
 Разцвѣтаетъ прекрасно-кудрявый нарциссъ,

дотоле разсѣянный по сценѣ, хоръ поетъ, собравшись ~~на~~ ~~одинъ~~ ~~мѣстѣ~~ въ оркестрѣ и установившись на одномъ мѣстѣ. Этимъ ~~отличается~~ ~~настоящая~~ ~~пѣснь~~ по формѣ отъ прежнихъ комматическихъ пѣсней, которые въ строгомъ смыслѣ также можно-бы назвать пародами. Но тутъ отличие не въ одной формѣ. Хоръ, прежде участвовавшій въ дѣйстви, теперь получаетъ свое истинное назначеніе—быть связующимъ звеномъ между частями драмы и выражать чувства, естественно возникающія изъ драматическихъ столкновений. Онъ воспѣваетъ хвалебную пѣснь Колону и Аттикѣ. Такая хвала имѣетъ смыслъ послѣ того, какъ туземцы въ лицѣ Фезея оказали столько великодушнаго участія къ гонимому страннику. Мѣсто, гдѣ, послѣ столькихъ страданій, Эдипъ находитъ себѣ вѣрный пріютъ и исполненіе надеждъ, о которомъ молилъ Евменидъ, должно показаться вдвойнѣ прекраснымъ и ему и сочувствующимъ зрителямъ. Но оно было прекрасно и безъ этихъ обстоятельствъ. Хоръ, восхваляя его красоту, богатство и силу, внушаетъ Эдипу еще болѣе довѣрія къ Аѳинянамъ: зритель начинаетъ догадываться, что Креону не устоять-бы въ борьбѣ и безъ неблагоприятнаго для него оракула. Кромѣ того, хвала Аттикѣ, помимо ея близкаго отношенія къ драмѣ, должна была возбуждать живой патриотическій восторгъ на Аѳинскомъ театрѣ.

(47) Хоръ начинаетъ хвалу, упоминая о коняхъ, и, какъ увидимъ, тѣмъ-же оканчивается. Имѣть хорошихъ коней считалось въ Греціи однимъ изъ первыхъ богатствъ, какъ по причинѣ ихъ рѣдкости, такъ и по значенію, какое они имѣли на играхъ. Подъ странною здѣсь разумѣется Атика. Колонъ названъ ~~блѣмъ~~, по причинѣ известковыхъ и меловыхъ скалъ. «Лишь богу доступною: подъ богомъ здѣсь разумѣется Діонизій (Бахусъ), котораго звали плющеноснымъ (*κισσοφόρος*). Кромѣ плюща и винограда, подъ его покровительствомъ находились вообще всѣ плодовые деревья. Первая хвала изъ боговъ предназначена Діонизію, какъ богу тѣхъ празднествъ, на которыхъ разыгрывалась драма: самъ хоръ обыкновенно являлся въ вѣнкахъ изъ плюща. Бахусъ ходитъ въ сопровожденіи нимфъ Низы, его воспитавшихъ: онѣ названы богинями, потому-что алтари ихъ находились во многихъ мѣстахъ Греціи.



Украшенье когда-то великихъ богинь,  
 И златомъ блестящій шафранъ.  
 И Кефисса потоковъ ручьи  
 Здѣсь не сякнуть, бессонно кочуя;  
 Но, мгновенно рождаясь, все вновь  
 На широкое лоно полей  
 Льются чистой, обильною влагой.  
 Хоры музъ, Афродита съ златыми возжами  
 Также этотъ не презрѣли край (48).

## СТРОФА 2.

Есть растение, какого ни Азія,  
 Ни великій, Дорійскій островъ Пелопса,  
 Я не слышалъ, чтобъ рождали.  
 Насажденное, самородное,  
 Грозное вражескимъ копьямъ!  
 Обильно цвѣтеть оно въ нашей странѣ:  
 Плодотворный стебель блестящей оливы.  
 Его ни юный лѣтами, ни старецъ  
 Не уничтожить губящей рукой:  
 Его вѣчно-видящій взоръ  
 Зевеса Морія блюдетъ,  
 И свѣтлоокой Аэины (49).

(48) Упомянувъ о растеніяхъ, священнѣхъ Бахусу, хоръ переходитъ къ цвѣтамъ, которые были украшеніемъ великихъ богинь Елевзинскихъ: Димитры (Цереры) и дочери ея, Персефоны. Поклоненіе Діонизію въ Елевзинскихъ таинствахъ соединялось съ поклоненіемъ Димитры. Кромѣ того вблизи Колона находился и священный путь, ведшій въ Елевзисъ; тутъ, на Кефиссѣ, была похищена Плутономъ и дочь Цереры. (См. Гомеровъ гимнъ Церерѣ). Хвала музамъ (которыхъ алтарь находился въ Академіи) и Афродитѣ (Венерѣ), какъ любимымъ богинямъ поэта, заключаетъ первую антистрофу.

«На стеблѣ поднебесномъ.» Нарциссъ и шафранъ съ ранней весны до поздней осени растутъ на вершинѣ скалъ, окружающихъ долину Кефисса. «Прекраснокудравый нарциссъ.» Въ подл. прекрасногоздный (καλλίστρος); цвѣты нарцисса, подобныя гроздьямъ, часто у древнихъ поэтовъ сравнивались съ кудрями. По преданію, со времени похищенія Персефоны, богини уже носили не цвѣты, а вѣнки изъ колосьевъ. Воду Кефисса до-сихъ-поръ маленькими ручьями разводятъ во всѣ стороны для орошенія полей. Афродита, по сказанію древнихъ, ѣздила въ золотой колесницѣ, запряженной конями, голубками и воробьями, отъ того она названа: χρυσάμιος (золотовозная).

(49) Во 2-ой строфѣ прославляется олива—дерево, посвященное Аэинѣ. Софоклъ полагаетъ, что нигдѣ, ни въ Азіи, ни въ Европѣ нѣтъ такого чуд-

## АНТИСТРОФА 2.

И еще о другой, о первѣйшей красѣ  
 Нашей родины должно сказать :  
 То даръ великаго бога ,  
 Высокая слава страны ;  
 Кони лучшей породы и сила морская.  
 О Крона сынъ! Ты далъ ей, ты ,  
 Царь Посейдонъ , эту славу:  
 Среди здѣшнихъ полей, чтобъ коней укрощать,  
 Ты впервые создалъ узду.  
 А прекрасно-весельный, чудесный корабль,  
 Повинуясь рукамъ, черезъ море летить,  
 Нерейдъ безчисленныхъ спутникъ (50).

наго растенія. Прѣданіе говоритъ, что Аѣнна, во время спора съ Посейдономъ о владѣніи землею, посадила первую оливу въ Акрополисъ; отъ нея произошла вторая въ Академіи. Вся долина Кефисса и мѣстечко Академія усажены были священными оливами Моріями, находившимися подъ особеннымъ наблюденіемъ ареопага. Эти деревья, какъ извѣстно, распространяются чрезвычайно легко посредствомъ отростковъ. Рассказываютъ, что древняя олива Акрополиса, будучи сожжена во время Персидской войны, на другой-же день дала свѣжую вѣтку въ локоть длиною. (Герод., 8, 55). Въ этомъ смыслѣ растеніе и названо самороднымъ, плодотворнымъ (Въ подл. *καὶ ἀποτροφὸς* питающая дѣтей). «Его ни юный лѣтами, ни старецъ.» Подъ юнымъ можно разумѣть Ксеркса, который не въ силахъ былъ уничтожить древней оливы Акрополиса; старецъ-же есть Архимидъ, нѣсколько разъ въ началѣ Пелопонезской войны опустошавшій Аттику, но не тронувшій священнаго дерева Аѣнны. Зевесъ, какъ покровитель оливы, назывался Моріемъ, и имѣлъ свой алтарь въ Академіи. Аѣнна Морія названа *ὑλακκῶτις* (блестяще-окая). Эпитетъ *ὑλακκῶτις* (блестящій) употребленъ также при описаніи оливы.

(50) Наравнѣ съ Аѣнною въ Атикѣ поклонялись Посейдону (Нептуну), который даровалъ Аѣннѣ коней и владычество надъ моремъ. Мы уже упоминали, какъ высоко цѣнились въ Греціи хорошіе жони и умѣнье ходить за конями; поэтому и города очень часто назывались *εἰκκῶτις* (имѣющіе лучшихъ коней), *εἰκκῶτος* (имѣющіе лучшихъ жеребцовъ). Тѣ-же эпитеты принадлежали и знатымъ родамъ. Посейдону обыкновенно приписывается только созданіе коней, а ихъ укрощеніе — Аѣниѣ или сыну Посейдона, Ерихтонию. «Повинуясь рукамъ, черезъ море летить». Буквально съ подлин. должно-бы перевести: «Согласуясь съ ударами рукъ, прыгаетъ по морю, въ сопровожденіи стогогихъ Нерейдъ». Здѣсь явно сравненіе съ пляскою. Все, сказанное въ настоящемъ хорѣ, относится и къ Колону (конный Колонъ; конная Аѣнна, конный Посейдонъ) и къ цѣлой Атикѣ.

**ВТОРОЙ ЭПЕЙЗОДИОНЪ (51).**

АНТИГОНА.

Хвалою многой чтима я земля,  
Теперь яви намъ этой славы блескъ.

ЭДИПЪ.

Дитя, что вновь случилось?

АНТИГОНА.

Вотъ, отецъ,  
Креонтъ подходит близко не безъ стражи.

ЭДИПЪ.

О дорогіе старцы! Лишь отъ васъ  
Теперь я жду конца моимъ несчастьямъ.

ХОРЪ.

Надѣйся смѣло: хоть и старецъ я,  
Но не старѣетъ сила сей земли.

КРЕОНЪ.

Граждане благородные страны!  
Въ глазахъ у васъ какой-то страхъ внезапный  
Отъ моего прихода; но не бойтесь,  
И не скажите мнѣ худаго слова.  
Пришелъ не съ тѣмъ я, чтобъ насилье дѣлать:  
Я старъ и знаю, какъ могучъ вашъ городъ,  
Во всей Элладѣ первый. Прибылъ я,  
Въ такихъ гѣтахъ, за этимъ человѣкомъ;  
Чтобъ убѣдить его идти со мною

---

(51) Второй эпизодіонъ изображаетъ борьбу Эдипа съ Креономъ, Аеніанъ съ Фиванцами, — борьбу, которой уже ожидаетъ зритель послѣ разсказа Исмены. Въ немъ слѣдующія части: состязаніе Эдипа съ Креономъ предъ лицомъ хора; борьба за Эдипа, въ которой принимаетъ участіе хоръ; новое состязаніе Эдипа съ Креономъ предъ лицомъ Фезея. Всѣ эти сцены естественно вытекаютъ изъ того положенія Эдипа, которое уже подготовлено предыдущимъ дѣйствіемъ: Эдипъ, оправданный богами, рѣшительнѣе прежняго высказываетъ свою невинность и уличаетъ виновныхъ. Съ другой стороны, разыгрывается драма, служащая къ возвеличенію Аенія и Колона, славнаго конями. Хоръ является въ ней лицомъ болѣе страдательнымъ; за то какъ прекрасно выставлены коварный, лицемерный характеръ Креона и идеальное благородство Фезея.

Въ Кадмейцевъ землю, посланъ не однимъ я,  
 А общей волей гражданъ, такъ-какъ мнѣ  
 Пришлось всѣхъ больше по родству страдать  
 За бѣдствія его. Эдипъ несчастный!  
 Меня послушай, возвратись домой!  
 Зоветь тебя Кадмейскій весь народъ  
 По праву, и всѣхъ больше я — тѣмъ больше,  
 Что былъ-бы самымъ гнуснымъ человѣкомъ,  
 Когда-бы о твоихъ несчастьяхъ, старецъ,  
 Не сострадалъ я, видя, какъ бѣдняга,  
 Въ чужбинѣ, вѣчнымъ странникомъ, безъ хлѣба  
 Съ прислужницей одною бродишь ты.  
 Несчастный, я не думалъ никогда,  
 Что, жалкая, до этого позора  
 Она дойдетъ, и милостыней станетъ  
 Питать тебя, слѣпаго, въ этихъ гѣтахъ,  
 Безбрачной, жертва первому пришельцу.  
 Да, въ горькомъ срамѣ, бѣдный, поносилъ я  
 Тебя, себя и весь нашъ родъ; но скрыть  
 Того, что всѣмъ извѣстно, невозможно.  
 О для отеческихъ боговъ, Эдишь!  
 Ты этотъ срамъ теперь сокрой, меня  
 Послушавъ; согласишься вернуться въ городъ,  
 Въ твой домъ отцовскій, дружеское слово  
 Сказавши этимъ гражданамъ: они  
 Того достойны — родина однако,  
 Питавшая тебя когда-то, больше  
 Должна быть чтима.

Эдипъ.

О на все отважный!

Изъ всего умѣющій сплести  
 Подобье правды, что затѣялъ снова?  
 Меня ты снова хочешь тѣмъ словить,  
 Чѣмъ быть словленнымъ мнѣ всего прискорбнѣй (52).

---

(52) Мы принуждены были сохранить въ переводѣ этотъ оборотъ мысли подлинника. Эдипъ намекаетъ на пріязнь и ласку родныхъ, которою Креонъ думаетъ прельстить его. Читатель видитъ безъ труда, какъ во всемъ были живы слова Креона.

Сперва, когда домашнимъ этимъ гореть  
 Страдалъ я, и приятно было-бъ мнѣ  
 Идти въ изгнанье, милость оказать  
 Ты не хотѣлъ желавшему; а послѣ,  
 Какъ гнѣвомъ я пресытился, и сладко  
 Мнѣ было жить въ дому — тогда изгналъ,  
 Извѣргъ меня... и это-же родство  
 Тогда тебя не тронуло нисколько.  
 А нынѣ вновь, какъ видишь, городъ здѣшній  
 И весь народъ со мною друженъ, вырвать  
 У нихъ меня пытаешь, жесткій сердцемъ,  
 Хотя мягокъ на словахъ (53). И что за радость  
 Любить насильно? Еслибъ кто въ твоей  
 Умильной просьбѣ не далъ ничего,  
 Не захотѣлъ-бы и помочь; а послѣ  
 Принесъ-бы все, когда ужъ исполняемъ  
 Душа довольна и не въ милость милость,  
 Пустая, право, то была-бъ утѣха!  
 Межь тѣмъ и ты не то-же-ль мнѣ приносишь:  
 Добро словами, а на дѣлѣ зло.  
 Скажу и имъ, чтобъ уличить тебя!  
 Пришелъ меня ты не домой вести,  
 А на границѣ поселить, чтобъ городъ  
 Отъ этой вотъ земли обезопасить.  
 Но не дождешься этого — а будетъ,  
 Что въ той странѣ навѣки поселится  
 Мой мститель-духъ и сыновьямъ моимъ  
 Моей земли достанется не больше,  
 Чѣмъ сколько нужно мертвымъ! Что? Не лучше-ль  
 Я твоего дѣла Оиванцевъ знаю?  
 О лучше, чѣмъ вѣрнѣе тѣ, отъ коихъ  
 Я слышалъ: Фебъ и Зевсъ, его отецъ!  
 А ты пришелъ сюда языкъ лукавый  
 Свой изощрять; но рѣчь твоя скорѣе  
 Тебѣ на гибель, чѣмъ въ спасенье: знаю,  
 Что въ этомъ мнѣ тебя не убѣдить;  
 Уйди-жь, и здѣсь насъ жить оставь: не худо  
 Мы проживемъ и такъ, когда довольны.

(53) Въ подл. *οκληρᾶ μαλθακῶς λέγων* (говоря съ мягкостью жесткое).

КРЕОНЪ.

Не думаешь-ли ты, что этой рѣчью  
Ужъ больше мнѣ вредишь, чѣмъ самъ себѣ?

ЭДИПЪ.

Всего мнѣ слаще, если ни меня  
Не убѣдишь ни въ чемъ ты, ни вотъ ихъ!

КРЕОНЪ.

Тебѣ, несчастный, кажется и время  
Ума не дало: старость ты позоришь.

ЭДИПЪ.

Ты языкомъ гораздъ; но никого  
Я не видалъ правдивымъ, кто красно  
Изо всего сплетаетъ рѣчь.

КРЕОНЪ.

Иное

Кто много говорить, иное — кстати.

ЭДИПЪ.

Вотъ, ты такъ мало говоришь и кстати!

КРЕОНЪ.

Не для того лишь, кто съ твоимъ разсудкомъ.

ЭДИПЪ.

Уйди, отъ ихъ вотъ имени скажу:  
Не сторожи, не осаждай меня (54)  
Въ моемъ пріютѣ мирномъ.

КРЕОНЪ.

Не тебя,

А ихъ беру въ свидѣтели: за рѣчи,  
Какими отвѣчаешь ты друзьямъ,  
Какъ попадешься въ руки....

ЭДИПЪ.

Кто-жъ-бы смѣлъ.

Меня при ихъ защитѣ взять насильно?

(54) По буквальному переводу: «Не сторожи меня, осаждая тамъ, гдѣ мнѣ суждено жить». Здѣсь глаголъ *εφορειν*, который означаетъ осаду гавани: Эдипъ сравниваетъ пріютъ свой съ гаванью.

КРЕОНЪ.

И безъ того ты будешь горевать.

ЭДИПЪ.

Что хочешь дѣлать, этимъ мнѣ грозя?

КРЕОНЪ.

Изъ дочерей твоихъ одну сейчасъ,  
Схвативъ, отправляю: уведу и эту.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ!

КРЕОНЪ.

Вздохнешь побольше скоро

ЭДИПЪ.

Дочь у тебя моя?

КРЕОНЪ.

Постой немножко,

И эта будетъ.

ЭДИПЪ.

Что-же, чужеземцы?

Измѣните? Не мыслите изгнать  
Вы этого безбожника? (55)

ХОРЪ.

Пришлецъ!

Уйди сейчасъ.... неправо поступилъ ты  
И прежде, и теперь творишь неправду.

КРЕОНЪ.

Ужъ время вамъ вести ее насильно,  
Коль не пойдетъ сама.

АНТИГОНА.

О горе бѣдной!

Куда бѣжать? Кто изъ боговъ и смертныхъ  
Защиту дастъ?

---

(55) Эдипъ напоминаетъ хору, какъ хотѣлъ онъ изгнать его самого, считая безбожникомъ. Исмена ваята, какъ должно полагать, во время совершенія жертвы Евменидамъ; слѣд. Эдипъ имѣлъ двойное право назвать Креона безбожникомъ.

ХОРЪ.

Что дѣлаешь, пришлецъ?

КРЕОНЪ.

Его не трогай я, беру мою (56).

ЭДИПЪ.

Властители земли!

ХОРЪ.

Ты поступаешь,

Пришлецъ, несправедливо?

КРЕОНЪ.

Справедливо.

ХОРЪ.

Какъ справедливо?

КРЕОНЪ.

Увожу моихъ.

ЭДИПЪ.

СТРОФА.

О городъ!

ХОРЪ (57).

Что вздумалъ, пришлецъ! Не отпустишь?

Такъ скоро дойдетъ и до рукъ....

КРЕОНЪ.

Берегись.

ХОРЪ.

Нѣтъ! Тебя не пущу я, пока не оставишь.

(56) Креонъ называетъ Антигону своею, потому-что, какъ братъ Иокасты, послѣ несчастія Эдипа, онъ одинъ остался главою семейства.

(57) Часть хора передъ этимъ выходитъ изъ оркестра на сцену и становится съ угрозою противъ Креона. Самый размѣръ въ подобныхъ мѣстахъ изъ обыкновеннаго (ямбическаго) переходитъ въ другой, болѣе живой, какъ наприимѣръ: ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩. Предлагаемъ подражаніе: «Пришлецъ! что ты? Пустишь?... Нѣтъ? Такъ вѣдь скоро и до рукъ дойдеть!»



КРЕОНЪ.

Боротся будешь съ городомъ, меня  
Обидѣвъ (58).

ЭДИПЪ.

Не предсказывалъ-ли я?

ХОРЪ.

Сейчасъ пусти изъ рукъ дѣвицу эту.

КРЕОНЪ.

Приказывай тому, надъ кѣмъ ты властенъ.

ХОРЪ.

Тебѣ я говорю, пусти....

КРЕОНЪ.

Тебѣ

Вѣдь я сказалъ: въ дорогу отправляйся (59).

ХОРЪ.

Сюда поскорѣе, туземцы! сюда!  
Нашъ городъ, нашъ городъ насиліе терпите!  
Сюда, приходите ко мнѣ.

АНТИГОНА.

Меня влекутъ несчастную, влекутъ....  
О чужеземцы!

ЭДИПЪ.

Гдѣ ты, дочь моя?

АНТИГОНА.

Меня уводятъ силой.

ЭДИПЪ.

Руку, дочь,

Мнѣ протяни.

АНТИГОНА.

Ужъ не могу я больше,

(58) Креонъ грозитъ войною съ Фивами.

(59) Съ этими словами Креонъ обращается къ Антигонѣ. Повуждаемый хоромъ, онъ велитъ ей скорѣе уйти. Стечение мѣстоименій «тебѣ» взято съ подлинника.

КРЕОНЪ.

Ведите-же.

ЭДИПЪ.

Несчастный я, несчастный!

*(Антигону уводятъ)*

КРЕОНЪ.

Не будетъ этотъ посохъ ужъ опорой  
Тебѣ въ пути; но такъ-какъ побѣдить  
Желаешь ты отчизну и друзей,  
Для коихъ это дѣлаю, хоть царь я,  
То побѣждай. Со-временемъ узнаешь,  
(Увѣренъ въ этомъ), что и нынѣ ты  
Себѣ добра не сдѣлалъ, да и прежде,  
Не слушая друзей, подвластный гнѣву,  
Который былъ всегда тебѣ въ погибель (60).

*(Хочетъ идти).*

ХОРЪ.

Куда, прищецъ? постой.

КРЕОНЪ.

Меня не трогать.

ХОРЪ.

Ихъ возврати, а то не отпущу.

КРЕОНЪ.

И больше скоро городу заплатишь  
Ты выкупъ: ихъ беру я не однихъ.

ХОРЪ.

Что вздумалъ снова?

КРЕОНЪ.

Вотъ, его веду я.

ХОРЪ.

Страхъ слышать!

---

(60) Такъ и въ трагедіи «Антигона», въ своихъ личныхъ эгоистичныхъ рѣшеніяхъ, Креонъ представляетъ себя служителемъ государства. Прежняя строптивость Эдипа раскрывается въ трагедіи: «Эдипъ-царь», гдѣ онъ, получивъ неблагоприятный для себя оракулъ, обвинялъ и Креона и жрецовъ въ подкупѣ. Но съ-тѣхъ-поръ обстоятельства измѣнились.

КРЕОНЪ.

Это сдѣлать ужь не трудно.

Не помѣшалъ-бы только царь земли.

ЭДИПЪ.

Безстыдный! Смѣешь и меня коснуться? (61)

КРЕОНЪ.

Велю молчать.

ЭДИПЪ.

О пусть меня безгласнымъ

Не дѣлають еще богини эти

Для одного проклятья! Негодяй!

Послѣдній бѣдный глазъ, замѣну прежнихъ

Очей, ты вырвалъ силой у меня.

За то тебѣ и роду твоему

Богъ Геліосъ всевидящій да дастъ

Подобно мнѣ на старости прожить (62).

КРЕОНЪ.

Туземцы! видите вы это?

ЭДИПЪ.

Видятъ

Обоихъ насъ, и понимаютъ ясно,

Что, пострадавъ на дѣлѣ отъ тебя,

Словами защищаюсь.

КРЕОНЪ.

Не стерплю ужь:

Хоть я одинъ и старъ, но уведу.

(61) Въ подлиннѣ  $\alpha\ \phi\acute{\alpha}\nu\tau\iota\ \delta\iota\alpha\delta\acute{\iota}\varsigma$  (безстыдный твой голосъ). Такъ выражается слѣпецъ вмѣсто того, какъ сказалъ-бы зрячій: «безстыжіе твои глаза!» Креонъ говоритъ хору о выкупѣ, зная, что ему поручено беречь Эдипа. Здѣсь вполнѣ высказываются лживость и слабость характера Креона. Думая сначала взять однѣхъ дочерей, онъ въ увлеченіи гнѣва забываетъ всякое благоразуміе и одинъ, безъ стражи (которая ушла съ Антигоной), хочетъ увести Эдипа.

(62) Богъ *Геліосъ* означаетъ солнце. Эдипъ рѣшается произнести проклятіе, моля Евменидъ не сдѣлать его безгласнымъ: потому-что имя этихъ богинь должно было произносить осторожно и съ благими мыслями ( $\epsilon\upsilon\phi\rho\acute{\nu}\iota\alpha$ ). Подъ послѣднимъ бѣднымъ глазомъ Эдипъ разумѣетъ Антигону.

ЭДИПЪ.

АНТИСТРОФА.

О горе мое!

ХОРЪ.

Какую-жъ отвагу ты долженъ имѣть, чужеземецъ,  
Когда ужъ надѣнешся это исполнить?

КРЕОНЪ.

Надѣюсь.

ХОРЪ.

То эти Аѳины  
Ужъ городомъ я не считаю.

КРЕОНЪ.

И слабый въ дѣлѣ правомъ верхъ возьметъ  
Надъ силою.

ЭДИПЪ.

Слышали, что сказалъ онъ?

ХОРЪ.

Ему не сдѣлать этого.

КРЕОНЪ.

Зевесъ

То лучше знаетъ.

ХОРЪ.

Не обидаль это?

КРЕОНЪ.

Обида, но ее снести ты можешь.

ХОРЪ.

Народъ, весь народъ! О правители края!

Придите скорѣе, придите:

Все дальше уводятъ они!

ΘΕΣΕΙ.

Что за крики? Что случилось? Ужасъ вашъ помѣхой былъ,  
Какъ заступнику Колона, богу моря, я быковъ  
Закалалъ на жертву. Все мнѣ объясните, чтобы знать,  
Отчего сюда былъ долженъ противъ воли я спѣшить (63).

(63) Θεσεί не вдалькѣ приносилъ жертву Ковному Посейдону, въ собраніи цѣлаго народа. Услышавъ крики хора, онъ рѣшается даже покинуть

ЭДИПЪ.

Други! узнаю твой голосъ: пострадалъ я  
Отъ человѣка этого жестоко.

ӨЕЗЕЙ.

Въ чемъ, объясни — кто оскорбилъ тебя?

ЭДИПЪ.

Креонъ, его здѣсь видишь, у меня  
Двоихъ единственныхъ дѣтей похитилъ.

ӨЕЗЕЙ.

Возможно-ли?

ЭДИПЪ.

Что претерпѣлъ, ты слышалъ.

ӨЕЗЕЙ.

Скорѣе, слуги, къ жертвеннику! весь  
Народъ понудьте, конныхъ и неконныхъ.  
Оставивъ жертву, пусть несутся вскачь  
Туда, гдѣ двѣ спадаются дороги (64).  
Не упустить дѣвицъ, чтобъ, взятый силой,  
Посмѣшищемъ я не былъ чужеземцу.  
Скорѣй идите, какъ сказалъ — а этотъ,  
Когда-бъ, какъ стоитъ, гнѣва я послушалъ,  
Не вышелъ-бы изъ рукъ моихъ безвредно!  
Но не другіе примѣнимъ къ нему.  
А ужъ какіе самъ принесъ законы:  
Не выйдешь изъ земли моей, пока  
Ихъ на глаза ко мнѣ не приведешь.

жертву, чтобы исполнить данное слово; онъ даже велитъ всему народу спѣ-  
шить на коняхъ отъ алтаря въ погоню за Фиванцами, увлекшими дочерей  
Эдипа — и такъ оправдывается воспѣтая предыдущимъ хоромъ слава Ком-  
маю Колона. Софоклъ съ намѣреніемъ представилъ Фезея приносящимъ  
жертву, чтобы показать, какая разница между благочестіемъ на словахъ и  
благочестіемъ на дѣлѣ. Лучшей жертвы Конному Посейдону, конечно, и не  
могло быть, какъ спасеніе невинно пострадавшихъ. Метръ въ стихахъ, кото-  
рые говоритъ поспѣшно идущій Фезей, отличается особенной живостью.  
Это троханческій тетраметръ:

— ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | —

(64) Т.-е. дороги въ Віотію. Въ послѣдующемъ хорѣ мѣстность описа-  
на подробнѣе.

Ты недостойно поступилъ со мною,  
 И что до тѣхъ, отъ коихъ ты родился,  
 И до твоей земли: пришедши въ городъ,  
 Гдѣ справедливость чтутъ и по закону  
 Рѣшаютъ все, презрѣвъ права страны —  
 Напалъ, взявъ силой и увелъ, что вздумалъ!  
 Считалъ ты вѣрно городъ мой безлюднымъ  
 Иль рабскимъ, а меня совсѣмъ ничтожнымъ?  
 Но Оивы все-жъ не злымъ тебя взрастили:  
 Онѣ питать людей несправедливыхъ  
 Не стануть, и тебя не похвалили-бъ,  
 Узнавши, какъ мое ты похищаешь  
 И божеское, думая насильно  
 Несчастнаго молещика увлечь.  
 И я-бы, какъ въ твою страну пришелъ,  
 Хотя-бъ имѣлъ все право за собою,  
 Безъ вѣдома правителя, какой-бы  
 Онъ ни былъ, ничего-бы не взялъ силой;  
 Я знаю, какъ съ гражданами должно  
 Вести себя пришельцу. Ты-же самъ  
 Позоришь городъ свой, какъ недостойный;  
 Состарѣвшись, и умъ ты потерялъ.  
 Сказалъ ужъ прежде, повторяю вновь:  
 Доставь сюда дѣвицъ сію минуту,  
 Когда не хочешь противъ воли быть  
 Земли вотъ этой жителемъ; какъ мыслю,  
 Такъ и словами говорю тебѣ.

ХОРЪ.

Вотъ чужеземецъ, до чего дошелъ ты:  
 Хоть честенъ родомъ, а на дѣлѣ злой.

КРЕОНЪ.

Эгея сынъ! Твой городъ ни безлюднымъ,  
 Ни правъ лишеннымъ, по твоимъ словамъ,  
 Я не считалъ, какъ это дѣлалъ. Мнилъ я,  
 Что не придетъ Аеянамъ вдругъ такой  
 Любви къ роднымъ моимъ, чтобъ противъ воли  
 Моей держать ихъ; зналъ, что человѣка  
 Преступнаго, убившаго отца,  
 И съ матерью родной въ нечистомъ бракѣ

Открытаго, не приняли-бъ они.  
 Ареопагъ земли ихъ столь разумнымъ  
 Всегда я зналъ, что въ городѣ своемъ  
 Подобнымъ жить скитальцамъ не дозволить.  
 Увѣренъ въ этомъ, бралъ мою добычу.  
 Но и того не сдѣлалъ-бы, когда-бъ  
 Проклятій горькихъ не изрекъ онъ мнѣ  
 И роду моему: воздать за это  
 Ему хотѣъ я, потому-что гнѣвъ,  
 Со смертью только гибнетъ, не старѣя —  
 Умершихъ-же ничѣмъ не потревожишь.  
 То дѣлай, что угодно. Хоть и правъ я;  
 Но все-жъ одинъ — и потому безсиленъ;  
 Однако какъ ни слабъ, а за дѣла  
 Тебѣ воздать обратно постараюсь.

## ЭДИПЪ.

Безстыдникъ дерзкій! думаешь пятнать,  
 Меня ты, старца, этимъ, или себя?  
 Убийство, бракъ и бѣдствія другія  
 Не удержался не назвать ты, — въ чемъ  
 Невольнымъ былъ орудьемъ я, несчастный.  
 Но такъ хотѣли боги, уже видно  
 Давно на родъ нашъ гнѣвные; меня-же  
 Ты не найдешь чѣмъ похулить за грѣхъ,  
 Которымъ на себя и на своихъ  
 Навлекъ бѣду я. Самъ ты разсуди:  
 Какъ отъ боговъ пришелъ отцу оракулъ  
 Черезъ сына пастъ, то можно-ль справедливо  
 За это упрекать меня, который  
 Тогда еще ни зарожденъ отцемъ,  
 Ни зачатъ не былъ матерью? Но если  
 Мнѣ суждено родиться, какъ родился,  
 Поссориться съ отцемъ и умертвить,  
 Совсѣмъ не зная, противъ кого и что  
 Я дѣлалъ, — какъ невольный этотъ можешь  
 Проступокъ ты по совѣсти хулить?  
 И также ты не постыдился, жалкій,  
 Меня принудить, чтобъ сказалъ я все  
 О бракѣ съ матерью, съ твоей сестрою.

Не умолчу, когда ужъ твой безбожный  
 Языкъ объ этомъ началъ... Родила,  
 О горе! родила она меня,  
 Незнавшая незнавшаго, и послѣ,  
 Сама родная мать, мнѣ на позоръ  
 Дѣтей вскормила! Но одно я знаю:  
 Меня ты и ее по доброй волѣ  
 Теперь поносишь этимъ такъ безстыдно;  
 А я на ней женился противъ воли  
 И говорю объ этомъ противъ воли.  
 Но не найдетъ меня никто преступнымъ  
 Ни въ этомъ бракѣ, ни въ отцовской смерти,  
 Которую ты все въ попрекъ мнѣ ставишь.  
 Отвѣтъ мнѣ только: еслибъ кто тебя,  
 Правдиваго, хотѣлъ, напавши вдругъ,  
 Вотъ здѣсь убить, спрашивать ты сталъ-бы:  
 Отецъ твой это? или мстилъ скорѣе?  
 Я полагаю, если жизнь мила,  
 То мстилъ-бы, и не спрашивалъ о правдѣ.  
 Въ такое-жъ точно впалъ и я несчастье,  
 Богами ужъ ведомый: духъ отца,  
 Будь живъ онъ, въ этомъ, думаю, не сталъ-бы  
 Противорѣчить мнѣ. Но, хотъ неправъ,  
 Ты все себѣ дозволилъ говорить,  
 Что можно и чего нельзя — и вотъ,  
 Меня поносишь этимъ передъ ними.  
 Польстить умѣлъ ты имени Фезея,  
 Аѳинамъ, какъ устроены искусно; —  
 Похвалъ тутъ много, но одну забылъ:  
 Что изъ всѣхъ земель благочестивыхъ  
 Всѣхъ лучше эта чтить боговъ умѣть!  
 У ней меня, молящагося старца  
 Похитить хочешь, дочерей отнявъ.  
 Вотъ почему съ мольбой къ богинямъ этимъ  
 Я преклоняюсь вновь: зову, прошу  
 Защиты и опоры, чтобъ узналъ ты,  
 Какіе люди сторожатъ здѣсь городъ.

ХОРЪ.

Царь! честенъ этотъ странникъ; но несчастья  
 Его жестоки, и возмездья стоятъ.



ОКЗЕЙ.

Рѣчей довольно. Хищники спѣшать;  
Мы-жь терпимъ, — и ни съ мѣста.

КРЕОНЪ.

Что-же дѣлать  
Мнѣ, человѣку темному, прикажешь?

ОКЗЕЙ.

Туда намъ путь укажешь: за тобою  
Иду и я. Когда ты въ здѣшнемъ мѣстѣ  
Укрылъ дѣвицъ, ихъ самъ доставишь мнѣ;  
Когда-же похитители бѣжали,  
То нечего трудиться: имъ во слѣдъ  
Спѣшать другіе, отъ которыхъ вѣрно  
Имъ боги не дадутъ уйти счастливо.  
Впередъ-же! Знай, что взялъ теперь свое:  
Другому ставивъ сѣти, самъ попался, —  
И не спасешь того, что приобрѣлъ  
Неправеднымъ обманомъ (71). Въ этомъ дѣлѣ  
Другихъ на помощь также не зови.  
Я зналъ, что не одинъ, не безъ прикрытья  
Ты смѣлъ такую дерзость предпринять;  
На что-нибудь да полагаясь дѣлалъ.  
Мой долгъ предвидѣть все, и не дозволить,  
Чтобъ одного слабѣе человѣка  
Былъ этотъ городъ.

ХОРЪ.

Понялъ? Иль напрасно  
Тебѣ теперь объ этомъ говорили  
И прежде, какъ еще задумалъ это.

КРЕОНЪ.

Здѣсь осуждать ни въ чемъ тебя не буду,  
А дома мы разсудимъ все, какъ сдѣлать.

ОКЗЕЙ.

Грозить дорогой можешь. Ты Эдипъ,  
Спокойно здѣсь останься. Будь увѣренъ,

(71) Взялъ теперь свое. Въ подл. ἔχων ἔχει (взявъ, и самъ взять) — выраженіе, подобное Латинскому: *capta praeda capti praedones*. Оно имѣетъ смыслъ нашей пословицы: «Каково посѣешь, таково и пожнешь».

Что я умру, а дѣла не покину,  
Пока не возвращу тебѣ дѣтей.

эдипь.

О счастливъ будь за это благородство  
И должную заботу обо мнѣ.

(*Фезей съ Креономъ уходитъ*).

## ПЕРВЫЙ СТАЗИМОНЪ (72).

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Желагь-бы я быть, гдѣ могучихъ мужей  
Скоро къ битвѣ сведетъ мѣднозвучный Аресь,  
На Пнойскомъ иль Факельномъ брегѣ;  
Тамъ священныя тайны для смертныхъ хранятъ  
Честныя богини — и носятъ  
Евмолпиды, служители ихъ,  
Ключъ золотой на устахъ.  
Надѣюсь, что тамъ, напавъ на враговъ,  
Наши горцы, въ удачномъ сраженъи,  
Захватятъ обѣихъ безбрачныхъ сестеръ,  
Въ этой еще сторонѣ (73).

(72) Первый стазимонъ выражаетъ чувства, которыя возбуждены предыдущимъ дѣйствіемъ, и даетъ предчувствовать его развязку. Хоръ переносится воображеніемъ на то мѣсто, гдѣ должны сойтись Аенняне съ Фиванцами, и молить боговъ о счастливомъ окончаніи битвы.

(73) Хоръ полагаетъ, что Аресь (Марсъ, богъ войны) сведетъ туземцевъ съ Фиванцами на *Пнойскомъ иль Факельномъ* брегѣ. Фезей послалъ свою дружину туда, гдѣ дорога, ведущая изъ Колона на сѣверозападъ въ Фивы, соединяется со священною Елевзинскою. На этой дорогѣ хоръ означаетъ два мѣста. Пнойскій берегъ былъ при храмѣ Пнойскаго Аполлона, у Фрии, въ проходѣ горы Пойкилонъ (часть горъ Эгалея). Черезъ этотъ проходъ вела дорога въ Віотію и въ Елевзисъ, въ то время принадлежавшій еще Мегарѣ. Елевзинскій-же берегъ шелъ дальше на западъ. Онъ названъ Факельнымъ отъ ночныхъ обрядовъ, которые совершались при свѣтѣ факеловъ въ честь богини Димитры и Персефоны (въ подл. *кѣтмаж*, *честныя*). Жрецы этихъ богинь, происшедшіе отъ древней фамиліи Евмолпидовъ (Евмолпъ, какъ полагаютъ, былъ основателемъ таинствъ) обязаны были хранить глубокое молчаніе обо всемъ, что знали. Символомъ этого молчанія служилъ ключъ на

## АНТИСТРОФА I.

Иль ужъ прохода, на западъ отъ снѣжныхъ вершинъ,  
 Со стороны Эотійскихъ луговъ,  
 Фиванцы достигнуть успѣли,  
 Другъ передъ другомъ спѣша на коняхъ  
 И быстроколесныхъ повозкахъ.  
 Будутъ пойманы. Мощенъ туземный Аресъ,  
 Могуча дружина Фезейцевъ:  
 У всѣхъ ихъ блестятъ удила —  
 Всѣ несутся впередъ, опустивши поводья коней;  
 Служать конной Аѳинѣ они  
 И богу морскому, земледержателю,  
 Реи милому сыну (74).

## СТРОФА 2.

Настигли они, или нѣтъ?  
 Говорить мнѣ вѣщее сердце,  
 Что скоро избавятъ страдалицу бѣдную,  
 Отъ родныхъ потерпѣвшую тяжкое горе (75).

устахъ (вѣроятно, отпечатанный знакъ). Софоклъ, какъ посвященный въ Елевзинскія таинства, не пропускаетъ здѣсь случая упомянуть объ нихъ.

«Наши горы, въ удачномъ сраженіи и проч.» — По буквальному переводу: «Думаю, что здѣсь житель горъ, возбуждающій сраженіе (ἐγυρέμαχος), скоро настигнетъ (ἐπιίξει) собственно значить: вмѣшатель въ достаточной битвѣ двоихъ дѣвственныхъ сестеръ».

(74) Хоръ назначаетъ третье, болѣе далекое мѣсто, гдѣ могутъ сойтись непріатели. Эотійскій край (Οἰάτις νομός) названъ отъ демоса Οἶτη, лежавшаго въ плодородной Фріазійской равнинѣ, на отлогостяхъ Эгалея. Эти горы, составившія границу между равниною Кефисса и Фріазійскою, необходимо было перейти на дорогѣ изъ Аттики въ Віотію. Фиванцы могли такимъ образомъ избрать двѣ дороги: или чрезъ Елевтере къ Киберону, избравъ на сѣверозападъ отъ Колона священный путь Елевзинскій; или отправиться чрезъ Филы въ Егеонъ. Въ послѣднемъ случаѣ, прошедъ Пойклионъ, слѣдовало имъ обратиться къ сѣверовостоку отъ Пнейскаго берега и идти по Фріазійскому полю къ востоку отъ Ойз (Ἰοη).

«Другъ передъ другомъ спѣша и проч.» По буквальному переводу: «Бѣжа съ помощью жеребцевъ и быстроколесничнаго состязанія (βιψαρχμάτος ἀμίλλας). Фивы въ древности особенно знамениты были своими колесницами; отъ того и назывались: прекрасноколесничные, (εὐάρματος), златоколесничные (χρυσάρματος), богатоколесничные (πολυάρματος).

(75) Здѣсь хоръ разумѣетъ Антигону, при похищеніи которой присутствовалъ.

Рѣшить-же сегодня Зевесъ, рѣшить что-нибудь.  
 Я пророчу счастливую битву...  
 О еслибы могъ быстролетный, какъ вѣтеръ, голубкій  
 Къ облакамъ воздушнымъ подняться  
 И окинуть взоромъ сраженье!

АНТИСТРОФА 3.

Зевесъ, властитель боговъ!  
 Всевидецъ, правителямъ нашей земли  
 Силой побѣдною дай  
 Предпріятые счастливо окончить!  
 И ты, непорочная дѣва, Паллада Афина, —  
 Молю и тебя, ловець Аполлонъ,  
 И твою сестру, быстроногихъ,  
 Разнопестрыхъ сопутницу ланей, —  
 Явите двойную защиту  
 Этой землѣ и гражданамъ (76)!

### ТРЕТІЙ ЭПЕИЗОДОНЪ (77).

Пришлецъ скиталець! вотъ мое гаданье  
 Исполнилось неложно: ужъ сюда  
 Въ сопровожденіи слугъ спѣшать дѣвицы.

ЭДИПЪ.

Гдѣ? гдѣ? Что говоришь? Что это значить?

АНТИГОНА.

Отець! Отець! О, еслибъ дали боги,  
 Чтобъ лучшаго на свѣтѣ человѣка,  
 Который насъ привелъ, ты могъ увидѣть!

(76) Хоръ взываетъ ко всѣмъ главнѣйшимъ богамъ Греціи: Зевесу, Афинѣ, Аполлону и Артемидѣ (Діанѣ). Послѣднія два божества призываетъ онъ, какъ покровителей охоты, потому-что дѣло идетъ о поимкѣ бѣглецовъ.

(77) Третій эпизодонъ служитъ переходною сценою. Въ немъ заключается развязка предыдущаго дѣйствія и приготовленіе новой борьбы въ чувствахъ Эдипа, какъ отца. Съ одной стороны Фезей возвращаетъ ему дочерей; съ другой Эдипъ получаетъ извѣстіе о явленіи Полиника. Здѣсь въ новомъ прекрасномъ свѣтѣ является великодушный характеръ Фезея и Антигоны, повсюду оправдывающей тѣ слова, которыя приписываетъ ей Софокль въ драмѣ Антигона:

Я рождена не для вражды взаимной,  
 А для любви.

ЭДИПЪ.

Дитя, ты здѣсь?

АНТИГОНА.

Вотъ, вась рука Фезея  
И добрыхъ спусниковъ его спасла (78).

ЭДИПЪ.

Къ отцу придите, дѣти, и обнять вась,  
Совсѣмъ нежданнхъ, дайте.

АНТИГОНА.

Простишь ты,  
Что ужъ твое — самимъ желанный даръ (79).

ЭДИПЪ.

О гдѣ-же, гдѣ вы?

АНТИГОНА.

Вотъ, мы подлѣ обѣ.

ЭДИПЪ.

О дорогія!

АНТИГОНА.

Въ дѣтяхъ все любезно  
Родителю.

ЭДИПЪ.

Одна моя подпора.

АНТИГОНА.

Да, жалкая несчастнаго подпора.

ЭДИПЪ.

Вы, милыя, со мной, — и я не самый  
Еще несчастный, если на глазахъ  
У вась умру! О дѣти! Съ двухъ сторонъ  
Къ родителю приникнувъ, отдохните  
По одинокомъ, горестномъ блужданьи;  
Что было, миѣ по кратче расскажите:  
Рѣчь малая прилична въ ваши лѣта.

(78) Имена остается нѣмымиъ лицемъ во время всей этой сцены. О Фезеѣ здѣсь сказано гиперболически: онъ самъ не участвовалъ въ битвѣ.

(79) По буквальному переводу: Просишь то, чего получишь, потому что милость соединена съ желаніемъ (σὺν πόσῳ γὰρ ἢ χάρις).

## АНТИГОНА.

Вотъ, кто насъ спасъ. Пусть отъ него услышимъ.  
Тебѣ и мнѣ рѣзказъ коротокъ будетъ.

## ЭДИПЪ.

О чужеземецъ! Не дивись, что сталъ я  
Излишне такъ болтливъ, сверхъ ожиданья  
Дѣтей нашедъ. Никто не могъ-бы, знаю,  
Мнѣ радости такой чрезъ нихъ доставить.  
Ты, не другой кто, спасъ ихъ, и тебѣ,  
Для самого и для твоей земли,  
Пускай дадутъ, чего желаю, боги.  
У васъ однихъ изъ всѣхъ людей на свѣтѣ  
Нашелъ я благочестье, добродушие  
И правдолюбье — это испытавъ,  
Словами только воздаю за дѣло.  
Все, что имѣю, не черезъ другаго,  
А чрезъ тебя имѣю. Дай-же мнѣ  
Руки коснуться правой, и твою  
Главу поцаловать, когда возможно.  
Но что сказалъ я? Какъ, несчастный, могъ-бы  
Дотронуться до мужа, на которомъ  
Пятна порока не было? И самъ  
Не сдѣлаю, и сдѣлать не дозволю.  
Пускай лишь тѣ изъ смертныхъ, что ужъ горемъ  
Испытаны, со мной страдаютъ виѣстѣ.  
Тебѣ-жъ привѣтъ мой издали; правдиво  
И впредь о мнѣ заботься, какъ донинѣ.

## ОЕЗЕЙ.

Не дивно было-бъ мнѣ, когда-бъ и больше  
Ты насказалъ въ восторгѣ отъ дѣтей;  
И еслибъ рѣчь ихъ предпочелъ моей,  
Нисколько въ этомъ нѣтъ обиды мнѣ.  
Мы ищемъ не словами жизнь прославить,  
А на дѣлахъ — и это доказалъ:  
Не обманулъ тебя, старикъ, въ чемъ клялся.  
Онѣ стоятъ живыя предъ тобою  
И безопасны отъ грозившихъ бѣдъ.  
Зачѣмъ о томъ, какъ выиграна битва,

Напрасно хвастать мнѣ: и безъ меня  
Отъ нихъ узнаешь; но какая вѣсть,  
Сейчасъ, какъ шелъ сюда, меня достигла,  
Ты въ это вникни; хотъ сказать недолго,  
Но есть, чему дивиться: человѣку-жъ  
Не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать (80).

ЭДИПЪ.

Что-жъ это, сынъ Эгея? объясни мнѣ.  
Совсѣмъ не знаю, что-бы могъ ты слышать.

ӨЕЗЕЙ.

Къ намъ, говорятъ, какой-то человѣкъ,  
Не изъ твоихъ согражданъ, но родной,  
Какъ не было меня, пришелъ зачѣмъ-то,  
И сѣлъ, гдѣ я святыню совершалъ,  
У жертвенника бога Посейдона.

ЭДИПЪ.

Откуда-же? Чего тутъ просить онъ.

ӨЕЗЕЙ.

Одно я знаю: съ краткой и неважной  
Къ тебѣ онъ просьбой, какъ сказали мнѣ.

ЭДИПЪ.

Какой? Немаловажно это мѣсто

ӨЕЗЕЙ.

Съ тобою онъ желаетъ перемолвить  
И вновь идти отсюда безопасно.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ могъ-бы сѣсть съ мольбой на это мѣсто?

ӨЕЗЕЙ.

Припомни, нѣтъ-ли у тебя кого  
Родныхъ въ Аргосѣ, кто-бы въ томъ нуждался?

---

(80) Антигона не хочетъ рассказывать о битвѣ, представляя это Өезею; Өезей отказывается отъ этого изъ скромности. Такимъ искуснымъ оборотомъ дѣла пользуется Софокль, чтобы избѣгнуть длиннаго разсказа, который въ настоящемъ случаѣ замедлил-бы дѣйствіе. О Креонѣ мы болѣе ничего не знаемъ: онъ уже не является, какъ лице, болѣе не нужное для драмы.

ЭДИПЪ.

О другъ! довольно....

ӨЕЗЕЙ.

Что съ тобой?

ЭДИПЪ.

Прошу,

Не умоляй меня

ӨЕЗЕЙ.

О чемъ, скажи.

ЭДИПЪ.

Отъ вихъ узналъ я, кто проситель этотъ.

ӨЕЗЕЙ.

Кто-жъ онъ, хулы, какъ видно, ужъ достойный?

ЭДИПЪ.

Царь, мой презрѣнный сынъ! И все на свѣтѣ  
Я снесъ-бы, чтобъ рѣчей его не слышать.

ӨЕЗЕЙ.

Такъ что-жъ? Не слушай, и, чего не хочешь,  
Не дѣлай.... отчего-жъ тебѣ такъ горько?

ЭДИПЪ.

Царь, этотъ слухъ отцу невыносимъ,  
И уступить меня не понуждай.

ӨЕЗЕЯ.

Однако, если требуетъ того  
Ужъ положенье странника, не должно-ль  
Тебѣ исполнить изъ почтения къ богу?

АНТИГОНА.

Отецъ! послѣдуй мнѣ, хоть молода я  
 Давать совѣтъ. Пусть этотъ человѣкъ  
 Своей души желаніе исполнить  
 И то, чего просилъ, отъ бога приметъ.  
 Даруй и намъ, чтобъ братъ пришелъ. Повѣрь:  
 Не вынудить насильно у тебя  
 На то согласія, что тебѣ не въ пользу,  
 А слушать, что онъ скажетъ, не бѣда.



Изъ словъ ужъ видѣнъ замыселъ худой.  
 Его родилъ ты: будь безбожный самый  
 И злой съ тобой, отецъ, его проступокъ,  
 Все-жъ ты не долженъ зломъ ему платить;  
 Дозволь. И у другихъ есть злыя дѣти,  
 Есть быстрый гнѣвъ; но, внявъ умильнымъ просьбамъ  
 Друзей, легко смягчаются душою.  
 Ты вспомни только, что стерпѣлъ несчастій  
 При матери и при отцѣ, — не тѣ,  
 Что нынѣ терпишь: вспомнивъ-же, конечно,  
 Увѣришься, какой дурной конецъ  
 Бываетъ отъ дурнаго гнѣва. Въ этомъ  
 Не малымъ доказательствомъ тебѣ  
 Твоихъ очей потерянное зрѣніе (81).  
 То уступи намъ. Не годится долго  
 Молить тому, чья просьба справедлива,  
 Не будь такимъ, что, самъ познавъ добро,  
 Потомъ добромъ воздать ужъ не умѣешь.

ЭДИПЪ.

Дитя, какъ мнѣ ни тяжело, вамъ обоимъ  
 Я долженъ эту оказать услугу.  
 Ужъ будь, какъ вамъ угодно. Чтобы только,  
 Когда придетъ сюда онъ, чужеземецъ,  
 Никто не овладѣлъ насильно мною.

ОКЗЕЙ.

Разъ это слышалъ, и не нужно больше;  
 Старикъ, я хвастать не люблю; ты цѣль  
 Пока еще хранятъ мнѣ боги жизньъ.

## ВТОРОЙ СТАЗИМОНЪ (82).

ХОРЪ.

СТРОФА.

Кто желаетъ прожить на вѣку своемъ дольше другихъ,  
 Позабывъ объ умѣренной долѣ,

(81) Антигона намекаетъ на излишнюю горячность, съ которою Эдипъ выкололъ себѣ глаза, узнавъ, что онъ убійца отца и супругъ собственной матери (см. траг. Эдипъ царь).

(82) Въ концѣ предыдущей сцены Эдипъ, уже напуганный прежде приходомъ Креона, выразилъ опасеніе, чтобы и Полиникъ не имѣлъ какого-

Тотъ, по моему, явно умою помраченъ.  
 Долголѣтье различнымъ путемъ  
 Все приводитъ насъ ближе къ печали,  
 А утѣхи нигдѣ не найдетъ  
 Тотъ, кому довелось получить  
 Вождедѣнную большую долю.  
 А помощница въ бѣдствіи, равная всѣмъ,  
 Безъ лиры, безъ хоровъ, безъ свадебныхъ пѣсенъ,  
 Появляется Мойра Аида,  
 Смерть наконецъ! (83)

## АНТИСТРОФА.

Самый счастливый жребій — совсѣмъ не родиться.  
 Послѣ этого лучшая доля:  
 Появиться на свѣтъ — и туда-же, откуда пришелъ,  
 Возвратиться, какъ можно скорѣе!  
 А придетъ безразсудная юность  
 Съ легкомысліемъ своимъ, то какія  
 Многотрудныя муки ей чужды!  
 Тутъ убійства и распри съ враждою, и битвы, и зависть!  
 Подъ конецъ-же, досадная всѣмъ, безъ друзей  
 И безъ силъ настигаетъ тебя  
 Нелюдимая старость, гдѣ собраны всѣ,  
 Что ни есть только бѣдствій на свѣтѣ.

## ЭПОДЪ.

Въ ней и этотъ несчастный, какъ я,  
 Отовсюду крушимъ, будто сѣверный берегъ

нибудь противъ него злаго умысла. Зритель, зная дурной нравъ сыновей, готовъ опасаться того-же. Явленіе Полиника такъ быстро слѣдуетъ за первою бѣдою, грозившею Эдипу въ Колонѣ, что хоръ не можетъ надвинуться стеченію обстоятельствъ, по наружности вовсе неблагоприятныхъ для несчастнаго старца. Софокль съ намѣреніемъ далъ обстоятельствамъ, окружающимъ Эдипа, этотъ наружный видъ несчастія, чтобъ тѣмъ ярче выставить счастливый конецъ дней его. Хоръ, самъ уже обремененный лѣтами, естественно воспѣваетъ теперь бѣдствія старчества, какъ и вообще бѣдствія жизни человѣческой. Второй стазимонъ заключаетъ въ себѣ самыя безотрадныя мысля; но отвѣтъ на нихъ въ концѣ драмы.

(83) Софокль съ намѣреніемъ ставитъ слова: «Смерть наконецъ» (*θάνατος ἔσ τελευτή*) въ концѣ предложенія, чтобы тѣмъ поразительнѣе раскрыть его безотрадную мысль. Смерть названа Мойрой Аида. Мойра есть богиня судьбы (Парка); Мойра Аида — смертная участь.

Подъ ударами вѣтра и волнъ.  
 Такъ его сокрушили совсѣмъ  
 Злыя бѣдствія, вѣчные спутники,  
 Набѣгая, подобно волнамъ,  
 Отъ заката однѣ, а другія съ востока,  
 Отъ полуденныхъ солнца лучей  
 Отъ Рипеевъ полночныхъ! (84)

### ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПЕИЗОДОНЪ (85).

#### АНТИГОНА.

Вотъ, кажется, идетъ къ намъ чужеземецъ;  
 Съ нимъ никого, отецъ — и слезы льются  
 Изъ глазъ его ручьемъ.

(84) «Отъ Рипеевъ полночныхъ» (въ подл. ночныхъ) значить съ сѣвера. Рипейскія горы предполагались въ сѣверной части Скии: онѣ были покрыты лѣсами и вѣчной тьмою.

(85) Четвертый эпизодонъ развиваетъ окончательно отношенія Эдипа къ дѣтямъ — второй актъ борьбы, послѣ которой уже должна рѣшиться судьба его. Въ сценѣ съ Креономъ Эдипъ возвеличенъ, какъ гражданинъ Фивъ; въ настоящихъ сценахъ, кромѣ-того, онъ является въ полномъ могуществѣ отцовской власти. Со времени явленія Исмены, постоянно въ драмѣ возбуждаемъ былъ вопросъ о судьбѣ сыновей Эдипа, такъ безчестно поступившихъ съ отцемъ. Теперь рѣшается ихъ участь. Отношенія Эдипа къ дѣтямъ составляютъ, такъ сказать, новую драму, которая входитъ въ составъ главнаго дѣйствія, какъ одинъ изъ его моментовъ. Эта второстепенная драма имѣетъ одну мысль съ главною:

А) Воздаяніе добрымъ за добро, но не виѣшними благами, а примиреніемъ съ совѣстью.

В) Кара эгоизма и властолюбія.

Полиникъ возбуждаетъ наше сочувствіе, какъ доблестный вождь и чело-вѣкъ несчастный. Узнавъ объ изреченіяхъ оракуловъ, онъ смиренно приходитъ просить помощи у отца; онъ, хотя и поздно, но искренно желаетъ загладить вину. Но эти сожалѣнія и желанія, кажется, не слишкомъ прочны. Во всякомъ случаѣ, они занимаютъ второе мѣсто. Побудительною причиною приходѣ Полиника все-таки служатъ ненависть къ брату, жажда мести и власти. Моля отца простить ему, онъ не иначе согласенъ исправить зло, какъ достигнувъ престола съ помощью Эдипа. Онъ не отказывается отъ властолюбивыхъ замысловъ и тогда, когда отецъ его проклинаетъ. Полиникъ, безъ сомнѣнія, отчасти оправданъ тѣмъ, что не можетъ измѣнить друзьямъ, не можетъ оставить дѣла, когда его союзники, Аргивцы, уже осадили Фивы. Онъ доблестно покоряется горькой своей участи. Но нельзя винить и Эдипа въ жестокосердіи. Ему ненавистна самая мысль о власти, за которую повесъ онъ

ЭДИПЪ.

Кто-жь это?

АНТИГОНА.

Тотъ,

О комъ ужъ прежде говорили мы:  
Здѣсь Полиникъ стоитъ передъ тобою.

ПОЛИНИКЪ.

Увы, что дѣлать? Горести мои  
Оплакать прежде, сестры, иль несчастье,  
Въ какомъ я вижу старика отца?  
Здѣсь на чужбинѣ онъ заброшенъ съ вами  
Въ такой одеждѣ, на которой слипся  
Кусками старый прахъ, и старцу тѣло  
Сурово колетъ; а на головѣ,  
Лишенной зрѣнья, развѣваетъ вѣтеръ  
Не тронутые гребнемъ волоса.  
Какъ видно, ужъ такой-же точно хлѣбъ  
Вымаливаетъ, бѣдный... Ахъ! пропалъ я;  
Объ этомъ слишкомъ поздно узнаю.  
Да, самымъ злымъ, свидѣтельствую самъ,  
Троимъ кормильцемъ сыномъ оказался;  
А что со мною, узнаешь отъ меня-же.  
Во всѣхъ дѣлахъ съ Зевесомъ предсѣдаетъ  
На тронѣ Милость, и тебѣ, отецъ,  
Пусть предстоить она. Въ чемъ погрѣшилъ,  
Загладить можно: погрѣшить-же больше  
Ужъ невозможно... Что-жь безмолвенъ ты?  
Отецъ! промолви слово... не отринь...  
Не отвѣчаешь ничего? Съ презрѣниемъ  
Безъ рѣчи отошлешь меня, и гнѣва  
Не высказавъ? О сестры, дѣти  
Его родныя! вы хоть испытайте

---

столько проклятій. Сколькихъ жертвъ стоило ему загладить и невольный грѣхъ, а неблагодарный сынъ думаетъ минутнымъ раскаяньемъ исправить сознательно совершенное преступленіе, да еще соблюсти при этомъ свои личныя выгоды! Въ Антигонѣ одна чистѣйшая любовь, въ Полиникѣ надо всѣмъ преобладаетъ чувство мщенія. «Возможно-ли мнѣ, какъ трусу, отступить?» говоритъ онъ. «Старшій въ родѣ, я буду посмѣшникомъ брату».

Отца неговорливый и упорный  
 Языкъ подвигнуть, чтобы такъ съ безчестьемъ  
 Меня, пришедшаго подъ кровомъ бога,  
 Не отпускалъ, и слова не отвѣтивъ!

АНТИГОНА.

Скажи, несчастный, самъ, зачѣмъ пришелъ:  
 Въ обильной рѣчи можно приласкать  
 Иль прогнѣвить, иль тронуть чѣмъ-нибудь,  
 Такъ, что дается голосъ и безгласнымъ.

ПОЛИНИКЪ.

Скажу я все: прекрасенъ твой совѣтъ.  
 Но прежде призову себѣ на помощь  
 Того-же бога, чью святыню мнѣ  
 Велѣлъ оставить царь земли, дозволивъ,  
 При безопасномъ выходѣ, и слушать  
 И говорить. Желаю получить  
 Того-же, чужеземцы, и отъ васъ,  
 И отъ моихъ сестеръ, и отъ отца.  
 Скажу теперь, отецъ, зачѣмъ пришелъ.  
 Я изгнавъ изъ отеческой земли  
 За то, что на твоёмъ престолѣ дарскомъ  
 Хотѣлъ по праву сѣсть, какъ старшій въ родѣ.  
 Рожденьемъ младшій, Етеоклъ, за это  
 Изгналъ меня, ни побѣдивъ умомъ,  
 Ни испытавъ на дѣлѣ силу; а гражданъ  
 Онъ убѣдилъ — и болѣе всего  
 Тому виной твоихъ Ериній ставлю,  
 Какъ и отъ вѣщихъ послѣ я узналъ (86).  
 Когда-жъ пришелъ въ Дорическій Аргось,  
 То, зятемъ ставъ Адрасту, приобрѣлъ я  
 Союзниковъ себѣ изъ самыхъ первыхъ  
 И самыхъ храбрыхъ на землѣ Апійской,  
 Чтобъ, противъ Фивъ семиотрядный полкъ

---

(86) Полиникъ могъ узнать это отъ прорицателя Амфіарая, который находился съ нимъ въ войскѣ. «Твоихъ Ериній» значитъ «богинь мщенья (Фурій), преслѣдующихъ нашъ родъ за твои преступленія. Мы уже видѣли, что несчастію сыновей Софокла указываетъ другую причину. Полиникъ здѣсь, хоть и не прямо, обвиняетъ отца.

Собравши съ ними, честно умереть,  
 Или изъ земли изгнать зачавшихъ дѣло (87).  
 Такъ было. А зачѣмъ теперъ я здѣсь?  
 Къ тебѣ, отецъ, я съ униженной просьбой  
 Самъ за себя и за моихъ друзей.  
 Семь строевъ ихъ, семь копій окружили  
 Теперъ со всѣхъ сторонъ равнину Фивъ.  
 Амфиарай, копьеметатель, первый,  
 Какъ мужествомъ, такъ вѣщимъ знаньемъ птицъ;  
 Второй Этолъ, Энея сынъ, Тидей,  
 А третій Етеоклъ, Аргивецъ родомъ.  
 Четвертаго послалъ Гиппомедонта  
 Отецъ Талай, а пятый Капаней  
 Подрыть весь городъ хвалится и сжечъ.  
 Шестой Пареенопей Аркасъ, названный  
 Отъ матери, хранившей долго дѣвство,  
 Сынъ вѣрный Аталанты (88). Я-же, твой —  
 Когда-жъ не твой, то злымъ рожденный рокомъ;  
 Но именуемый твоимъ — веду  
 Безстрашное Аргивянъ войско къ Фивамъ,  
 Тебя, отецъ, мы этими дѣтьми,  
 Твоя душою всѣ усердно молимъ:  
 Оставь свой гнѣвъ тяжелый на меня;  
 Спѣшу я брату отомстить, который  
 Изгналъ меня и родины лишилъ.  
 Чью сторону ты примешь, если вѣрить  
 Боговъ реченью, съ тѣмъ и сила будетъ.  
 Отечества ручьями и богами  
 Теперъ я умоляю: мнѣ послѣдуй;  
 Склонись.... мы нищѣ, мы на чужбинѣ;  
 Въ чужой землѣ и ты: тебѣ и мнѣ

(87) Землю Апейскою названы Пелопонезъ и въ-особенности Арголида, по сыну Аполлона, врачу и прорицателю Апейю. Подробности похода «Семи противъ Фивъ» смотри у Эсхила. «Семиотрядный полкъ» по причинѣ семи Фиванскихъ воротъ. Далѣе сказано: «Семь строевъ ихъ, семь копій». Копье было исключительной принадлежностью военачальника, слѣдовательно «семь копій» означаетъ: «семь предводителей».

(88) Пареенопей (παρρεινοπίης) въ переводѣ означаетъ: сынъ дѣвы. Такъ названъ онъ потому, что во всемъ подобенъ былъ Аталантѣ, нѣкогда мужественной, никому недоступной дѣвы.

Досталось жить изъ милости другихъ. —  
 Одна и та-же доля; а надъ нами  
 Обои ми, о горе ми! въ дому, .  
 Смѣясь, величается властитель.  
 Его, когда со мной въ согласи будешь,  
 Я мигомъ уничтожу безъ труда.  
 Такъ, возвративъ тебя, въ дому твою  
 Я утвержу и утвержуся самъ ;  
 Его извергнувъ силой. Этимъ хвастать  
 Могу, когда одно со мной желаешь;  
 Но безъ тебя я и спастись не въ-силахъ (89).

ХОРЪ.

Пославшему въ угоду отпусти

(89) Не смотря на трогательныя просьбы Антигоны, на осторожность, съ которою она представляетъ Полиника отцу, не смѣя даже произнести его имя, не смотря на видимое раскаяніе сына, его обращеніе къ богу Посейдону и посредничество Фезея, великодушно принимающаго всякаго пришельца — не смотря на все это, рѣчь Полиника не можетъ понравиться Эдипу:

А. Отецъ непріятно обманутъ. Пришедъ повидимому съ раскаяніемъ, Полиникъ объявляетъ свою эгоистичную цѣль, о которой Эдипъ уже знаетъ изъ разсказа Исмены: сынъ такимъ-образомъ мгновенно становится въ глазахъ отца на одну степенъ съ Креономъ, который передъ тѣмъ такъ глубоко оскорбилъ несчастнаго старца.

В. Полиникъ неудачно напоминаетъ Эдипу о его Ериніяхъ, о тѣхъ скорбныхъ дѣлахъ, которыхъ воспоминаніе, въ сценѣ съ хоромъ, приводило Эдипа въ такое отчаяніе.

С. Полиникъ некстати съ какою-то торжественностію описываетъ Аргивское войско, какъ будто желая плѣнить Эдипа этимъ могуществомъ силы, которое уже совершенно опостыло старцу, мыслящему только о своей кончинѣ.

Д. Полиникъ непріязненнымъ образомъ вмѣшиваетъ Эдипа въ свои личные интересы, заставляя его почувствовать своей ненависти къ брату, какъ-будто самъ онъ не участвовалъ въ изгнаніи отца. Старшинство, которое онъ безпрестанно выставляетъ на видъ, должно еще болѣе оскорблять Эдипа, напоминая о болѣе виновенности Полиника въ-сравненіи съ братомъ. Между-тѣмъ въ словахъ его, гдѣ онъ сравниваетъ свою долю съ отцовскою, явное лицемеріе: Полиникъ нашелъ на чужбинѣ и родныхъ, и друзей, и бранную дружину, которою самъ передъ тѣмъ хвалился; Эдипъ-же съ трудомъ вымалываетъ себѣ могилу.

Принявъ все это во вниманіе и вмѣстѣ то раздраженіе, въ которомъ еще находился Эдипъ послѣ ухода Креона, мы не увидимся излишней рѣзкости его отвѣта.

Ты человекъ этого, Эдипъ,  
Сказавъ ему, что слѣдуетъ сказать.

Эдипъ.

Граждане! еслибъ не послалъ ко мнѣ  
Его Фезей, страны правитель вашей,  
Вмѣняя въ долгъ, чтобъ я ему отвѣтилъ,  
Ему не знать-бы вѣщихъ словъ моихъ.  
Теперь-же удостоенъ — и уйдетъ,  
Такое слышавъ отъ меня, что въ жизни  
Ужъ вѣрно не порадуетъ его.  
Негодный! самъ, имѣя скиптръ и тронъ,  
Все, что твой братъ теперь имѣетъ въ Фивахъ,  
Меня ты, своего отца, изгналъ,  
И былъ виной, что я лишенъ отчизны,  
И что ношу одежду, видъ которой  
Теперь тебя ужъ трогаетъ до слезъ,  
Какъ самъ попалъ въ одну бѣду со мною.  
Не плакать, а сносить мнѣ это должно,  
Какъ ни жилъ-бы, тебя убійцу помня:  
Ты ввергъ меня въ несчастья эти, ты  
Изгналъ меня... черезъ тебя, скитаясь,  
Насущнаго выпрашиваю хлѣба.  
Когда-бы не дала судьба мнѣ этихъ  
Кормилицъ-дочерей, ужъ мнѣ-бы вѣрно  
Пришлось, на долю отъ тебя, погибнуть.  
Теперь онѣ отъ бѣдъ меня спасаютъ,  
Онѣ мои кормилицы, онѣ  
Страдать со мной — не женщины, мужчины.  
А вы родились, вѣрно, отъ другаго,  
Не отъ меня... Вотъ, почему и демонъ,  
Хотя не такъ, какъ это скоро будетъ,  
А на тебя взираетъ, если только  
Отряды эти двинулись на Фивы.  
Вамъ не разрушить города вовѣки.  
Скорѣй, запятнанъ кровью, ты падешь,  
И братъ твой вмѣстѣ. Произнесъ и прежде  
Я противъ васъ такія-же проклятья,  
И нынѣ ихъ зову къ себѣ на помощь,  
Чтобъ знали вы, какъ должно чтить родившихъ,



И чтобъ себѣ не ставили въ безчестье,  
 Что у такихъ у васъ отецъ слѣпой...  
 Вѣдь этого не сдѣлали онѣ,  
 А потому убѣжище твое  
 И тронъ твой подъ проклятьемъ, если только,  
 Издревле міру явленная, Правда  
 Законамъ древнимъ Зевса предсѣдять.  
 Сгнись съ глазъ моихъ, презрѣнный негодяй!  
 Я не отецъ тебѣ; неси проклятыя,  
 Какія призывалъ на главу твою  
 Чтобъ ни отчизны не взялъ ты копьемъ,  
 Ни возвратился въ Аргосъ междугорный,  
 Но умерь отъ родной руки, убивъ  
 Того, кѣмъ изгнанъ. Такъ я проклиная  
 И ненавистный мракъ зову отцовскій,  
 Мракъ Тартара тебя увлечь: зову  
 И этихъ я богинь; зову Ареса,  
 Возжегшаго межъ вами злую распрю.  
 Ты слышалъ все... Иди и возвѣсти  
 Твоимъ друзьямъ въ бою и всѣмъ Кадмейцамъ,  
 Что дѣтямъ въ даръ опредѣлили Эдипъ (90).

ХОРЪ.

Не радуюсь съ тобою, Полинникъ,  
 Что путь предпринялъ этотъ: уходи-же  
 Скорѣе прочь.

ПОЛИНИКЪ.

О неудачный путь!  
 Друзья, несчастье! Этого-ль конца,  
 Изъ Аргоса въ дорогу снаряжаясь,

---

(90) Въ этой рѣчи Эдипъ призываетъ, чтобы покарать сыновей: демона-мстителя; отцовскія проклятія, которыя въ подл. олицетворены, какъ особыя силы: 'Αραί; богиню правосудія, Дике (Δίκη), засѣдающую на престолѣ рядомъ съ Зевсомъ; мракъ Тартара (Τάρταρος, Еребъ), богинь Евменидъ и Ареса (Марса). Эта суровость отца соотвѣтствовала строгости Аѳинскихъ законовъ, касающихся отношенія дѣтей къ родителямъ. По законамъ Солона, дѣти, отказывавшія родителямъ въ пропитаніи, лишены были всѣхъ правъ гражданства. Еврипидъ (Антиопа, 46) называетъ три главныхъ добродѣтели: «Почитать боговъ, родителей и общіе законы Еллады» (Θεούς τε τιμᾶν τοὺς τε φύσιντας γονεῖς ἔξ Νόμων τε κοῖνοὺς Ἑλλάδος).

Мы ждали, что ни спутникамъ сказать,  
 Ни отступить нельзя; но ужъ безмолвно  
 На встрѣчу рока долженъ я идти.  
 Родныя сестры! Васъ молю — отца  
 Вы слышали жестокия проклятья;  
 Богами заклинаю васъ, ужъ если  
 Все сбудется реченное отцемъ  
 И кто изъ васъ на родину вернется,  
 О вѣтъ! тогда не презрите меня:  
 Въ могилѣ скройте и обрядъ свершите.  
 И къ нынѣшней хвалѣ, что вы отцу  
 Въ бѣдахъ подпорой, за услугу мнѣ  
 Еще хвала, не меньшая вамъ будетъ.

АНТИГОНА.

Меня послушай, Полиникъ, молю.

ПОЛИНИКЪ.

Въ чемъ, Антигона милая, скажи.

АНТИГОНА.

Скорѣ съ войскомъ въ Аргосъ воротись:  
 И самого себя, и городъ сгубишь.

ПОЛИНИКЪ.

Ужъ поздно. Какъ-же вдругъ вернуть-бы могъ  
 Я это войско, струсивъ безъ причины?

АНТИГОНА.

Что снова, другъ, дашь ты волю гнѣву?  
 Что пользы родину тебѣ разрушить?

ПОЛИНИКЪ.

Бѣжать постыдно. Старшій въ родѣ, брату  
 Посмѣшищемъ я буду.

АНТИГОНА.

Видишь самъ,  
 Какъ прорицанья прямо въ цѣль стремятся,  
 Грозя вамъ смерть взаимную обоимъ.

ПОЛИНИКЪ.

Пускай ихъ. Намъ-же отступать нельзя.

АНТИГОНА.

О горе! Кто-жь дерзнулъ-бы за тобою  
Идти во слѣдъ, узнавъ, что предсказалъ онъ?

ПОЛИНИКЪ.

Печальнаго не скажемъ: добрый вождь  
Не страхъ вселять, а ободрять обязанъ.

АНТИГОНА.

Братъ! и на это ты совсѣмъ рѣшился?

ПОЛИНИКЪ.

Меня ужъ не удерживай. Иду,  
Хоть знаю, горекъ, гибеленъ мой путь  
Отца рѣшеньемъ и его Ериній.  
А вамъ пускай всѣхъ благъ даруетъ Зевсъ,  
Когда добро умершему свершите;  
Живой-же съ вами я въ послѣдній разъ.  
Довольно ужъ. Прощайте. Больше намъ  
Очами въ очи не взглянуть.

АНТИГОНА.

О горе!

ПОЛИНИКЪ.

Не плачь о мнѣ.

АНТИГОНА.

Какъ о тебѣ не плакать,  
Когда на гибель явную стремишься,  
Мой милый братъ!

ПОЛИНИКЪ.

Коль суждено, умру.

АНТИГОНА.

О нѣтъ! меня послушай.

ПОЛИНИКЪ.

Въ чемъ не должно,

Не убѣждай.

АНТИГОНА.

Навѣкъ несчастной буду,  
Тебя лишившись.

ПОЛИНИКЪ.

Въ волѣ бога все:

Такъ иль иначе будетъ. Не молю  
 Боговъ, чтобъ васъ несчастье не коснулось;  
 Всѣ скажутъ: вы того не заслужили. (*Уходитъ*).

### ПЯТЫЙ ЭПЕЙЗОДОНЪ (91).

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Вотъ ужъ ждетъ меня новое снова  
 Отъ слѣпаго пришельца тяжелое горе,  
 Если рокъ не назначитъ конца.  
 Не скажу, чтобъ какое рѣшенье боговъ  
 Было тщетно; взираетъ,  
 Взираетъ и время на это всегда:  
 Совершаетъ не скоро одно,  
 А другое, и дня не пройдетъ, какъ раскроетъ.  
 О Зевесъ! грянулъ воздухъ.

---

(91) Послѣ четвертаго эпейзодона долженъ-бы слѣдовать новый стазимонъ; но Софокль, спѣша къ развязкѣ дѣйствія, замѣняетъ его комматическою пѣснью. Тяжкія проклятія, произнесенныя Эдипомъ передъ рощею Евменидъ и противъ пришельца, молившаго защиты у бога Посейдона, естественно должны были смущать благочестивыхъ старцевъ Колона. Хоръ, послѣ отказа Эдипа, могъ также предполагать новыя непріятныя столкновенія съ Фивами или даже съ Аргосомъ. Поэтому онъ опасается новаго горя; но надѣется, что скоро со смертью Эдипа прекратятся всѣ его безпокойства, а что Эдипъ умретъ, въ томъ ему порукъ предсканіе оракула. Среди этихъ размышленій, хоръ вдругъ пораженъ тяжелымъ раскатомъ грома. Онъ ничего не зналъ объ извѣщеніи, обѣщанномъ Эдипу богами, и готовъ думать по прежнему, что боги выражаютъ свой гнѣвъ за нарушеніе святыни. Этотъ страхъ хора съ одной стороны, а съ другой — чудное преображеніе Эдипа, вдругъ таинственно прозрѣвшаго, должны были сильно сковывать вниманіе зрителей.

Пятый эпейзодонъ составляетъ уже переходъ къ окончательной развязкѣ. Послѣдняя торжественная рѣчь Эдипа и его торжественное удаленіе со сцены подъ незримымъ руководствомъ боговъ, Персефоны и Гермеса, въ сущности уже заканчиваютъ драму: въ-отношеніи къ Эдипу, исполняется возвеличивающій его оракулъ боговъ; въ-отношеніи къ Фезею, совершается освященіе края, обѣщанное пришельцемъ. Но оставалось и то и другое развитъ еще подробнѣе въ дѣйствіи. Эту цѣль имѣетъ послѣдняя часть драмы, Экзодъ (*Ἐξόδος*).

ЭДИПЪ.

О дѣти, дѣти! Кто здѣсь могъ призвать-бы  
 Ко мнѣ изъ смертныхъ лучшаго, Фезея.

АНТИГОНА.

Что вдругъ за мысль припла тебѣ, отецъ?

ЭДИПЪ.

Крылатый Зевсовъ огонь меня сейчасъ  
 Сведетъ въ Аидъ; пошлите-же скорѣе.

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Смотри: разразился могучій неслыханный  
 Громъ Зевесовыхъ стрѣлъ!  
 Дыбомъ волосъ отъ ужаса всталъ,  
 Сжалось сердце.... Небесная молнія  
 Вновь пылаетъ! Какой-же конецъ низведетъ?  
 Трепещу.... не ударить напрасно,  
 Безъ бѣды не пройдетъ.... О великій ээиръ! О Зевесы!

ЭДИПЪ.

Приходить, дѣти, предреченный богомъ,  
 Конецъ мнѣ жизни — и отгѣны нѣтъ.

АНТИГОНА.

Какъ можешь знать? Откуда заключаешь?

ЭДИПЪ.

Я знаю вѣрно.... Но скорѣй, скорѣе  
 Пусть приведутъ ко мнѣ царя земли.

ХОРЪ.

СТРОФА 2.

Вотъ, вотъ опять грозить намъ отовсюду  
 Пронзительный ударъ грозы.

О милость, милость, демонъ!  
 Коль мрачнаго чего-нибудь  
 Родной землѣ готовишь.  
 Пусть лучшей участи дождусь,  
 Пусть, на преступнаго взирая,  
 Невыгоднаго дару не приму....  
 О царь Зевесъ! Къ тебѣ зываю.

ЭДИПЪ.

Гдѣ-жъ? близкокъ онъ? Меня живымъ еще  
И въ памяти застанеть-ли онъ, дѣти?

АНТИГОНА.

Что-жъ хочешь ты его душѣ довѣрить?

ЭДИПЪ.

За все добро, испытанное мною,  
Какъ общалъ ужъ, подѣ конецъ хочю  
Я благодарнымъ быть ему на дѣлѣ.

ХОРЪ.

АНТИСТРОФА 2.

Сюда, сюда скорѣй, мой другъ!  
Хотя-бы въ далекомъ ущельи  
Ты богу морей, Посейдону,  
На жертву быковъ приносилъ,  
Приди: справедливую хочеть пришедець  
За добро оказать благодарность  
Тебѣ и друзьямъ и гражданамъ.  
Скорѣе-же, царь, поспѣши (92).

ФЕЗЕЙ.

Что здѣсь за шумъ у васъ? Я слышалъ ясно  
И голосъ вашъ, и крики чужеземца.  
Зевесовъ громъ, иль бурный градъ и ливень  
Тому причиной? Правда, что всего  
Отъ бога можно ждать въ такую бурю.

---

(92) Призывая Фезея, хоръ предполагаетъ, что онъ еще приноситъ жертву богу Посейдону. Такое предположеніе очень естественно. Публичная жертва, состоявшая въ закланіи быковъ, не могла совершиться очень скоро. Между-тѣмъ Фезей былъ отвлеченъ отъ своего священнаго дѣла сначала явленіемъ Креона, а потомъ Полиника. Извѣстивъ Эдипа о Полиникѣ, Фезей уходитъ опять заняться своимъ дѣломъ. Этимъ очень естественно объясняетъ Софокль частый уходъ Фезея со сцены, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ случай сосредоточиться дѣйствию около святыни Посейдона, избранной имъ не безъ намѣренія, какъ такой, въ которой соединялась слава Колона и слава цѣлой Атики. Такъ Софокль вездѣ умѣетъ набѣжать лишннихъ сценъ и въ художественномъ построеніи драмы однимъ и тѣмъ-же средствомъ достигнуть нѣсколькихъ цѣлей.

ЭДИПЪ.

Царь, ты явился жданный. За приходъ твой  
Пускай тебѣ даруютъ боги счастья.

ӨЕЗЕЙ.

Что случилось вновь, сынъ Лая?

ЭДИПЪ.

Близокъ часъ мой

И умереть хочу, не обманувъ  
Тебя и гражданъ въ томъ, что общалъ.

ӨЕЗЕЙ.

Какой-же знакъ твоей кончины близкой?

ЭДИПЪ.

Мнѣ боги сами вѣстники того:  
Ихъ знаменья ни въ чемъ непогрѣшимы.

ӨЕЗЕЙ.

Но какъ тебѣ раскрылось это, старецъ?

ЭДИПЪ.

Въ ударахъ долгихъ, непрестанныхъ грома,  
Въ блиставшихъ отъ руки непобѣдимой  
Столь многихъ стрѣлахъ.

ӨЕЗЕЙ.

Вѣрю я тебѣ.

Ты провѣщаешь много, и, какъ видно,  
Не лживо. Что-жъ мнѣ дѣлать, объясни.

ЭДИПЪ.

Эгея сынъ! скажу тебѣ, что дастся  
И вѣкъ съ твоей землей пребудетъ цѣло.  
То мѣсто, гдѣ мнѣ должно умереть,  
Самъ безъ руки вождя найду я скоро.  
И никому не говори вовѣки  
Ни гдѣ оно сокрыто, ни въ какомъ  
Краю земли лежитъ, чтобъ вмѣсто многихъ  
Щитовъ и войскъ наемныхъ было вѣчно

Оно тебѣ защитой отъ сосѣдей (93).  
 А то, чего, ужъ связанная тайной,  
 Не вымолвить уста, узнаешь самъ,  
 Когда пойдешь за мной одинъ: того  
 Ни гражданамъ я этимъ не открою,  
 Ни дочерямъ моимъ, хоть ихъ люблю.  
 А ты храни всю жизнь, и лишь предъ смертью  
 Старѣйшему изъ сыновей скажи:  
 И онъ пускай наследнику откроетъ.  
 Такъ будетъ городъ твой неодолимымъ  
 Для сѣянныхъ людей (94). Межъ городами  
 Иной, хоть и устроенъ хорошо,  
 Легко къ неправдѣ клонится; но боги,  
 Хоть и не скоро, узрятъ человѣка,  
 Что впалъ въ безумство, презрѣвши святыню (95).  
 Того, Эгея сынъ, не потерпи.  
 Но знающаго нечего учить....  
 Идемъ ужъ къ мѣсту: явленное богомъ.  
 Мнѣ такъ велить, и болѣе не медлю.  
 О дѣти! слѣдуйте за мной: теперь  
 Я вамъ вождемъ, какъ были вы отцу.  
 Идите, и ко мнѣ не прикасайтесь....  
 Я самъ найду священную могилу,  
 Гдѣ суждено мнѣ погребеннымъ быть.  
 Сюда.... вотъ такъ... сюда за мной! сюда  
 Меня ведетъ подземная богиня  
 И душъ вожатай, Гермесь. О незримый  
 Свѣтъ солнца, бывшій нѣкогда моимъ!  
 Въ послѣдній разъ мое объемлешь тѣло.  
 Ужъ я иду сокрыть навѣки жизнь  
 Въ обители Аида. Милый другъ мой!

---

(93) Этой таинственностью Софокль освящает мѣсто. Можетъ быть, такъ и въ его время уже было неизвѣстно, гдѣ настоящая могила Эдиша, и онъ пользуется самой неизвѣстностью, какъ средствомъ возвысить значеніе святыни.

(94) Подъ сѣянными людьми разумѣются Фиванцы, происшедшіе отъ зубовъ дракона, посѣянныхъ Кадмомъ.

(95) Явный урокъ Афинянамъ, современнымъ Софоклу—урокъ, имѣющій тѣмъ болѣе силы, что Эдишъ говоритъ это передъ смертью, какъ одаренный высшимъ могуществомъ.



Ты самъ, твоя страна и слуги, будьте  
 Во всѣхъ дѣлахъ счастливы и блаженны,  
 И въ счастья помните о мнѣ умершемъ.

### ТРЕТІЙ СТАЗИМОНЪ (96).

ХОРЪ.

СТРОФА.

Если смѣю богинѣ подземной  
 И тебѣ, царь тѣней, поклоняться съ мольбой,  
 Эдонецъ! Эдонецъ! умоляю.  
 Не прискорбной, не трудною смертью  
 Пусть сойдетъ чужеземецъ  
 Къ сокрывающей всѣхъ обители мертвыхъ,  
 Въ домъ подземный, Стигійскій.  
 Послѣ многихъ, безвинно имъ принятыхъ мукъ,  
 Демонъ вновь справедливо его возвеличилъ.

АНТИСТРОФА.

О богини подземныя!  
 Этотъ звѣрь неприступный и грозный,  
 Что у вратъ, всѣмъ открытыхъ, лежитъ  
 И ворчитъ изъ пещеры, по старой молвѣ.  
 Стражъ Аида безмѣрно могучій.  
 Умоляю, о Тартара сынъ и Земли!  
 Пусть откроетъ свободный онъ путь  
 Чужеземцу, въ равнину подземную мертвыхъ влекомому....  
 Тебя, что навѣкъ усыпляешь, зову.

---

(96) Третій стазимонъ заключаетъ въ себѣ молитву, соотвѣтственную предыдущему дѣйствию. Хоръ обращается здѣсь къ Персефонѣ и ея супругу Эдонецу (Плутону), моля дать мирный конецъ Эдипу. Онъ также проситъ подземныхъ богинь (Ериній) и бога смерти (Θάνατος) устранить Цербера, чудовище, лежащее у вратъ Аида, чтобъ Эдипъ могъ имѣть свободный доступъ. Таковы чувственыя понятія народа о другомъ мірѣ. Пусть читатель сравнить съ этимъ представленіемъ слѣдующее за тѣмъ описаніе таинственнаго сожестія Эдипа въ Аидѣ, принадлежащее собственно Софоклу.

**ЕКЗОДЪ (97).**

ВЪСТНИКЪ.

Граждане: въ двухъ словахъ сказать-бы могъ:  
«Эдипъ погибъ». Но что произошло,  
Того нельзя столь кратко и столь просто,  
Какъ было все на дѣлѣ передать.

ХОРЪ.

Погибъ, несчастный?

ВЪСТНИКЪ.

Знай: навѣки онъ

Оставилъ жизнь.

ХОРЪ.

Легко? безъ муки, бѣдный?

ВЪСТНИКЪ.

Вотъ это и достойно удивленья,  
Былъ очевидцемъ ты, какъ онъ отсюда,  
Не требуя совѣтъ себѣ вождя,  
Но самъ намъ всѣмъ вожатымъ пошелъ.  
Когда-же прибылъ онъ къ крутому спуску,  
Что отъ земли ступенями изъ мѣди  
Скрѣпленъ, остановился на одной  
Изъ многихъ расходящихся дорогъ,  
Близъ вогнутаго кратера, гдѣ вѣчно  
Храниться будетъ память о союзѣ  
Фезея съ Периеемъ. Посрединѣ

---

(97) Экзодъ, послѣдняя часть трагедіи, состоитъ изъ двухъ частей: разсказа вѣстника и обычнаго плача (σῖμωσις) дочерей Эдипа объ умершемъ.

Вѣстникъ — лице, обыкновенное въ Греческихъ драмахъ. Не имѣя опредѣленнаго характера, свойственнаго дѣйствующимъ лицамъ, онъ служитъ только къ тому, чтобы въ краснорѣчивомъ разсказѣ изложить случившееся за сценою. Греки вообще избѣгали изображенія смерти на сценѣ. Софоклъ, заботясь болѣе всего о художественной простотѣ дѣйствія, не желаетъ также, подобно Эскилу, выводить на сцену чудеснаго, какъ слѣдовало-бы въ настоящемъ случаѣ, при кончинѣ Эдипа. Плачъ составляетъ комматическую пѣсню между хоромъ, Антигоной, Исменой и Фезеемъ. Такое лирическое окончаніе находимъ во всѣхъ вообще Греческихъ драмахъ: въ плачѣ сосредоточиваются чувства, выражающія идею пѣлой трагедіи. Софоклъ и тутъ умѣетъ внести живой элементъ дѣйствія.

Межь нимъ и Форикийскою скалою,  
 Гробницей каменной и дикой грушей,  
 Онъ сѣлъ и снялъ нечистыя одежды (98).  
 Потомъ призывалъ дѣтей, и приказалъ  
 Отколь-нибудь принести для омовенья  
 И возліяній ключевой воды.  
 Пошедъ на возвышенье плодотворной  
 Димитры, вмигъ исполнили онѣ  
 Отца велѣнья. Слѣдую закону,  
 Онѣ его омыли и одѣли (99).  
 Когда-же все свершилось, какъ желалъ онъ,  
 И былъ вполнѣ оконченъ весь обрядъ,  
 Ударилъ Зевсъ подземный (100). Ужась вдругъ  
 Окаменилъ дѣвицъ.... И, на колѣна  
 Упавъ къ отцу, рыдаютъ безъ конца:  
 Неудержимый плачь имъ грудь вздымасть.  
 А онъ, внезапно слыша звукъ печальный,  
 Обнявъ руками ихъ, сказалъ: «О дѣти!  
 Въ сей день у васъ отца не будетъ больше.  
 Погибло все мое; ужъ обо мнѣ  
 Вамъ не имѣть мучительной заботы.  
 Я знаю, какъ вамъ тяжело было, дѣти.  
 Пускай-же будутъ всѣ теперь страданья

(98) Мѣстность мѣднаго пути, означенную вѣстникомъ, надо предполагать за сценой вправо по направлению къ Афинамъ. Описание довольно неопредѣленно. Большой мѣдный кратеръ (чаша), вѣроятно, былъ утверждёнъ въ одной изъ ложбинъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Фезей вѣстѣ съ сыномъ Зевса, царемъ Лапидовъ, Периеомъ, сходилъ въ Андъ, чтобы вывести изъ царства тьмы Прозерпину: оба были скованы въ Андѣ, пока Гераклъ не освободилъ ихъ. Фезей и во многихъ другихъ похожденияхъ является въ союзѣ съ Периеомъ. Память объ этомъ союзѣ (въ подл. *συγγήματα* договорная надпись), вѣроятно, была вырѣзана на кратерѣ. Прочіе предметы совершенно неизвѣстны. О грушѣ можно сказать, что старыя деревья вообще напоминали какія-нибудь замѣчательныя событія (въ подл. *κοίλη ἀχέρδος*, пустая, дуплистая груша.).

(99) Вѣроятно, по близости находится храмъ Димитры (*Διμήτριος Ἁλόη*), богини цвѣтущихъ луговъ, которой противоположна была Димитра Еринисъ (*Ἑρινός*), богиня зимняго ненастья. Дочери совершаютъ надъ Эдипомъ обрядъ, который и у насъ исполняется надъ мертвыми.

(100) Здѣсь только сравненіе могущества подземнаго владыки съ могуществомъ Зевса.

Однимъ лишь этимъ словомъ смягчены:  
 Никто васъ столько не любитъ, какъ я;  
 Ужъ безъ меня остатокъ дней свершите».

Такъ дѣтямъ говорилъ Эдипъ, и громко,  
 Въ рукахъ другъ друга лежа, всѣ рыдали.  
 Но кончецъ плачь, не слышно больше криковъ  
 Настала тишина — и вдругъ къ нему  
 Взываетъ чей-то голосъ, такъ-что въ страхѣ  
 У всѣхъ поднялись дыбомъ волоса.

Звалъ богъ его различно, много разъ:  
 Эдипъ! Эдипъ! Что не идешь? И такъ  
 Ты долго медилъ. Бога гласъ познавъ,  
 Онъ требуетъ царя земли, Фезея;  
 Когда-же тотъ приблизился, сказалъ онъ:  
 О другъ мой! Въ прочной вѣрности твоей  
 И дѣтямъ дай поруку; вы-же, дѣти,  
 Ему клянитесь. Обѣщай, что ихъ  
 Ты никогда не выдашь добровольно,  
 И, что въ благихъ мысляхъ сочтешь полезнымъ,  
 Все сдѣлать позаботишься для нихъ».

Какъ благородный мужъ, безъ всякихъ воплей  
 Онъ чужеземцу въ этомъ поклялся.  
 Какъ это сдѣлалъ, тотчасъ-же Эдипъ,  
 Обнявъ дѣтей ужъ слабыми руками,  
 Сказалъ: «О дѣти! должно все снести,  
 Какъ благородство требуетъ. Уйдите  
 Отъ этихъ мѣстъ: ни видѣть не желайте,  
 Чего нельзя; ни слышать разговоръ нашъ.  
 Скорѣй, скорѣй отсюда! Лишь Фезею  
 Прилично знать о томъ, что совершится».

Услышавъ рѣчь такую, всѣ мы, вмѣстѣ  
 Съ дѣвцами, рыдая, удалились.  
 Когда-жъ ушли, и нѣсколько спустя  
 Мы обернулись, ужъ пропалъ нашъ странникъ!  
 Нигдѣ его не видно было; царь-же  
 Стоялъ, рукою очи заслонивъ,  
 Какъ-будто страшный, нестерпимый зрѣнію,  
 Ему явился призракъ; а потомъ,  
 Спустя минуту, видимъ: совершаетъ  
 Землѣ онъ и отцу боговъ, Олимпу,

Одну молитву виѣсть (101). Но какомъ  
 Погибъ пришелецъ смертью, ужъ никто  
 Не скажетъ, кромѣ самого Фезея.  
 Ни огненою стрѣлою бога  
 Убить онъ не былъ; ни морскою бурей,  
 Что поднялась въ то время, увлеченъ.  
 Но, можетъ быть, какой боговъ посланникъ,  
 Иль приняло, раскрывшись дружелюбно,  
 Земное нѣдро темное его.  
 Объ немъ не должно плакать. Безъ страданій  
 Онъ кончилъ жизнь, изъ смертныхъ самый дивный.  
 Кто-жъ думаетъ, что говорю безъ смысла,  
 Того я въ смыслѣ убѣждать не стану.

ХОРЪ.

Но гдѣ-жъ дѣвицы, и изъ нашихъ тѣ,  
 Что привели ихъ?

Вѣстникъ.

Здѣсь недалеко.

Онъ сюда спѣшатъ: ужъ можно звуки  
 Ихъ громкихъ воплей ясно различать.

АНТИГОНА.

СТРОФА 1.

О горе! не такъ, чтобы разъ, а другой уже нѣтъ,  
 Суждено, суждено намъ несчастнымъ оплакивать  
 Кровь отца, въ насъ живущую съ памятью бѣдствій.  
 Съ нимъ и прежде немало встрѣчалось намъ бѣдъ,  
 И въ концѣ разказать-бы могли чудеса  
 Мы о томъ, что стерпѣли, что видѣли.

ХОРЪ.

Что-же это?

АНТИГОНА.

Друзья, догадаетесь сами.

ХОРЪ.

Онъ умеръ.

---

(101) Подъ Олимпомъ здѣсь разумѣется Уранъ (οὐρανός, небо).

## АНТИГОНА.

Нельзя и желать лучшей смерти.  
 Что-жь? Ни Арестъ, ни волны его не сгубили,  
 Но безвѣстно какую судьбой  
 Онъ захваченъ въ незримыя нѣдра земли.  
 О горе мнѣ! Гибельной тьмою  
 Очи подернулись. Какъ вамъ теперь  
 Жизни тяжелое бремя нести,  
 Въ дальнихъ блуждая земляхъ, по пучинамъ морскимъ?

ИСМЕНА.

## СТРОФА 2.

Не знаю. Аидъ кровожадный  
 Пусть влечетъ и меня горемычную,  
 Чтобы вмѣстѣ со старымъ отцемъ умереть.  
 Не на радость мнѣ болѣе жизньъ.

ХОРЪ.

О добрыя двое дѣтей!  
 Не скорбите ужъ слишкомъ о томъ,  
 Что назначено къ лучшему богомъ.  
 Сами вы не на худшую долю пришли.

АНТИГОНА.

Такъ могло-же тутъ быть и къ несчастію влеченье,  
 И ничѣмъ ужъ не милое — милымъ,  
 Какъ держала его я въ рукахъ.  
 Отецъ мой! О милый! Подземною тьмою  
 Навѣки одѣтый! тому никогда не бывать,  
 Чтобъ тебя не любила, и съ нею не будетъ того.

ХОРЪ.

Совершилъ онъ....

АНТИГОНА.

Совершилъ, чего желалъ.

ХОРЪ.

Чего-жь?

АНТИГОНА.

Гдѣ хотѣлъ, на чужбинѣ и умеръ!  
 Вѣчкою сѣнью покрыто

Подземное ложе твое!  
 Не оплаканъ ты въ горѣ своемъ не остался.  
 Отецъ! Изъ этихъ очей  
 За тебя льются слезы.... О горе!  
 Какъ заглушить мнѣ тоску по тебѣ?  
 Безъ меня одинокъ, такъ и умерь!

ИСМЕНА.

АНТИСТРОФА 2.

О несчасть! Какая судьба безнадежная,  
 Одинокую, ждетъ меня нынѣ  
 И тебя, моя милая? Обѣ отца мы лишились.

ХОРЪ.

Но такъ-какъ онъ счастливо жизнь свою кончилъ,  
 То, милья, плачъ вашъ оставьте:  
 Никто не избавленъ отъ бѣдъ.

АНТИГОНА.

СТРОФА 3.

Сестра, идемъ отсюда.

ИСМЕНА.

Что-же мы начнемъ?

АНТИГОНА.

Желаю страстно я.

ИСМЕНА.

Чего?

АНТИГОНА.

Земли святыню видѣть.

ИСМЕНА.

Чью?

АНТИГОНА.

О горе мнѣ!... отца могилу.

ИСМЕНА.

Но развѣ можно? развѣ ты не знаешь?

АНТИГОНА.

Что за упрекъ?

ИСМЕНА.

И также вспомни....

АНТИГОНА.

Что такое снова?

ИСМЕНА.

Непогребенный, умеръ  
Вдали отъ это всѣхъ.

АНТИГОНА.

Веди — и тамъ-же умертви меня.

ИСМЕНА.

О бѣдная! Гдѣ-жъ неприютной  
И вновь одинокой теперь  
Влечить мнѣ печальную жизнь?

ХОРЪ.

АНТИСТРОФА В.

Любезныя, не бойтесь ничего.

АНТИГОНА.

Куда-жъ бѣжать?

ХОРЪ.

И прежде вы избѣгли.

АНТИГОНА.

Чего?

ХОРЪ.

Конца худаго въ вашемъ дѣлѣ.

АНТИГОНА.

Я думаю....

ХОРЪ.

Что вздумала еще?

АНТИГОНА.

Какъ намъ домой вернуться?  
Не вижу средствъ.

ХОРЪ.

Объ этомъ не заботься.



АНТИГОНА.

На сердцѣ тяжко...

ХОРЪ.

Было такъ и прежде.

АНТИГОНА.

Безпомощное было горе,  
А нынѣ стало безграничнымъ.

ХОРЪ.

Досталось вамъ на долю море золъ.

АНТИГОНА.

Да, да.

ХОРЪ.

И я согласенъ въ этомъ.

АНТИГОНА.

О горе! куда мнѣ прибѣгнуть, Зевесъ?  
Какую еще мнѣ надежду  
Могъ демонъ послать-бы теперь?

ӨЕЗЕЙ.

Ужъ кончите, дѣти, вашъ плачь:  
Гдѣ общее благо даровано богомъ,  
Скорбѣть тамъ не должно.... страшитесь грѣха (102).

АНТИГОНА.

Мы молимъ тебя, сынъ Эгея.

ӨЕЗЕЙ.

Что нужно вамъ, дѣти, скажите?

АНТИГОНА.

Мы сами хотѣли-бы видѣть  
Моглиу роднаго отца.

ӨЕЗЕЙ.

Но быть тамъ никто не посмѣетъ.

АНТИГОНА.

Аѳинъ властелинъ! что сказалъ ты?

(102) Въ подл. *εὐμεσας ἄρα*, — потому-что за это ждетъ гнѣвъ, немилость боговъ. *Νέμεσις* употребляется и какъ собственное названіе богини Немезиды.

ОКЗЕЙ.

О дѣти! онъ мнѣ запретилъ  
 И къ этимъ мѣстамъ приближаться,  
 И слово промолвить кому изъ людей  
 У приюта святаго, гдѣ скрылся.  
 И если я это исполню,  
 Сказалъ, что земля моя будетъ  
 Навѣкъ безопасна отъ золь.  
 Внимали намъ демонъ и Клятва,  
 Всеслышашій Зевсовъ слуга (103).

АНТИГОНА.

Довольно того, что ему  
 Такъ было угодно. Отправь-же насъ въ древнія Оивы:  
 Какъ-нибудь остановимъ, быть можетъ,  
 Мы братьямъ грозящую смерть.

ОКЗЕЙ.

И это исполню, и все,  
 Что сдѣлать могу въ вашу пользу,  
 И въ угоду тому, кто недавно къ тѣнямъ отошелъ,  
 Ни жалѣя труда, я обязанъ исполнить.

ХОРЪ.

Успокойтесь-же; больше  
 Вамъ плакать не слѣдъ:  
 Я порукой, что все совершится (104).

Перевелъ съ Греч. В. ВОДОВОЗОВЪ.

(103) Въ подл. ὁ πάντ' ἄτων Διὸς "Ορκος — всеслышашій Зевсовъ Горкосъ. Горкосъ (олицетвореніе клятвы. въ Греч. муж. рода) былъ служитель Зевса, карающій за нарушеніе клятвы.

(104) Въ этой заключительной сценѣ дѣйствіе настоящей трагедіи связано съ дѣйствіемъ драмы «Антигона», которая однако написана гораздо прежде. Антигона проситъ отправить ее и сестру ея въ Оивы, гдѣ, какъ извѣстно, предстоялъ ей новый подвигъ — любви къ брату. Она исполняетъ просьбу Полиника — совершить погребальный обрядъ надъ его трупомъ. На эту просьбу, впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека въ драмѣ «Антигона». Тамъ героиня, какъ и здѣсь, является съ полной самостоятельностью характера, и ея подвигъ есть слѣдствіе глубокаго убѣжденія.

Но главная мысль этой послѣдней комматической пѣсни та-же, что и цѣлой трагедіи. Не смотря на горькій плачъ дочерей Эдипа, въ ней высказы-

вается свѣтлая, отрадная мысль, что смерть есть благо. Ее выражаетъ и Антигона, говоря: «Нельзя и желать лучшей смерти». Но великодушная дочь Эдипа подавлена собственнымъ горемъ: несчастіе, легкое при жизни отца, теперь для нея невыносимо. Сказанная нами мысль не разъ выражается въ словахъ хора и Фезея. Хоръ говорить:

«Не скорбите ужъ слишкомъ о томъ,  
Что назначено къ лучшему богомъ».

Далѣе:

«Такъ-какъ онъ счастливо жизнь свою кончилъ,  
То, милая, плачъ вашъ оставьте».

Фезей уже прямо называетъ грѣхомъ противъ боговъ — скорбѣть о томъ, изъ чего происходитъ для всѣхъ: для умершихъ и живыхъ — явное благо. И трагедія оканчивается успокоительными словами хора, что все будетъ исполнено по желанію Антигоны и Исмены. Эдипъ, страдалецъ, преслѣдуемый богами, котораго люди страшились, какъ прокаженнаго, при смерти своей достигаетъ завидной участи: даровать счастье тѣмъ, кто оказалъ ему дружелюбіе.



# ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Казанскаго университета  
Д. И. ШИРА).

---

## § 1.

Въ области юридическихъ отношеній право собственности является необходимостію и въ гражданскомъ правѣ занимаетъ первое мѣсто. Были и есть писатели, утверждающіе, что въ нѣкоторыхъ обществахъ юридическій бытъ устанавливается безъ права собственности. Но это несправедливо: право собственности иногда сокрыто, существуетъ въ грубыхъ формахъ, но тѣмъ не менѣе оно всегда и вездѣ существуетъ. И эта необходимость существованія права собственности не исключаетъ собою творчества, признаваемаго за юридическимъ бытомъ: господство человѣка надъ вещью, необходимое для удовлетворенія его потребностей, — господство, принимаемое на первый разъ правомъ собственности, служить лишь одною изъ исходныхъ точекъ для того творчества, которое мы приписываемъ юридическому быту, подобно тому, какъ личность составляетъ то понятіе, изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются всѣ юридическія опредѣленія. Но какъ опредѣлить право собственности, въ какомъ объемѣ допустить его, какія составныя части придать ему, какъ установить между этими частями взаимныя отношенія? все это обширное поприще предоставляется творчеству юридическаго быта. И дѣйствительно, законъ и обычай въ различныхъ гражданскихъ обществахъ различно

устанавливаютъ право собственности. Но въ каждомъ обществѣ право собственности пользуется особымъ уваженіемъ: его называютъ священнымъ, неприкосновеннымъ и т. п. Даже такія гражданскія общества, которыя не слишкомъ дорожатъ правами своихъ членовъ, все-таки провозглашаютъ неприкосновенность права собственности. Это происходитъ отъ того, что господство человѣка надъ вещью необходимо для удовлетворенія его потребностей, а желаніе удовлетворить имъ до того свойственно человѣку, что онъ въ высшей степени дорожитъ служащими къ тому средствами. Существованіе потребностей, необходимость ихъ удовлетворенія сознается одинаково во всѣхъ обществахъ, и вотъ почему право собственности вездѣ признается особенно важнымъ, считается неприкосновеннымъ. Но, кромѣ-того, право собственности и потому заслуживаетъ внимательнаго изученія, что оно можетъ замѣнять другія имущественныя права, тогда-какъ само право собственности вполне замѣнить другими имущественными правами невозможно.

Съ перваго взгляда право собственности представляется намъ господствомъ лица надъ вещью. Но не всякое господство лица надъ вещью есть право собственности. Прежде всего, господство можетъ быть случайное: фактически оно существуетъ, но не признается законнымъ, не признается правомъ собственности. И такъ, нужно дополнить понятіе о правѣ собственности, сказать, что оно есть господство законное. Но и всякое вещное право представляетъ законное господство лица надъ вещью. Напр. я предоставляю законнымъ образомъ А какую-либо вещь въ пользованіе: тѣмъ самымъ А пріобрѣтаетъ господство надъ вещью, господство законное, по которое все-таки не будетъ правомъ собственности, а только правомъ пользования; если сравнимъ оба эти права, то окажется, что право собственности шире, полнѣе права пользования. И тотъ-же результатъ получимъ отъ сравненія права собственности со всякимъ другимъ вещнымъ правомъ. Но если таковъ результатъ сравненія права собственности съ другими вещными правами,

то близка мысль, что, по самому существу своему, право собственности выигрываетъ предъ другими вещными правами, и эта наибольшая полнота его должна быть внесена въ самое понятие о правѣ собственности. И въ-самомъ-дѣлѣ, нерѣдко, даже обыкновенно опредѣляютъ право собственности, какъ безусловное, неограниченное, полное господство лица надъ вещью. Но такое опредѣленіе расходится съ дѣйствительностію: если разсматривать право собственности, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, то оказывается, что оно существуетъ и безъ такой безусловности, неограниченности и полноты, оказывается, что нигдѣ нѣтъ неограниченнаго права собственности и даже неудобомыслимо неограниченное юридическое господство лица надъ вещью, потому-что право есть понятіе мѣры ограниченія свободы, такъ-что понятіе объ ограниченіи лежитъ въ самомъ понятіи о правѣ, а право собственности есть только видъ права, слѣдов. и на немъ долженъ отразиться и дѣйствительно отражается характеръ ограниченности. Такъ, право собственности весьма нерѣдко ограничивается относительно пользованія, распоряженія, а между-тѣмъ хозяинъ вещи тѣмъ не менѣе считается ея собственникомъ. Одно то, что многіе виды осуществленія права собственности устраниются тѣмъ, что они были бы въ то-же время нарушеніемъ права собственности другихъ лицъ, уже представляло-бы намъ право собственности ограниченнымъ. Но, кромѣ-того, каждый юридическій бытъ знаетъ много ограниченій, независящихъ отъ нарушенія чужаго права, такъ-что и безъ этихъ ограниченій ничье право не нарушалось-бы. Это сознаютъ всѣ. И даже тѣ юристы, которые признаютъ право собственности полнымъ, неограниченнымъ и безусловнымъ господствомъ лица надъ вещью, не могутъ упустить изъ виду его ограниченій, и потому называютъ право собственности полнымъ господствомъ лица надъ вещью въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ установлено это право въ юридическомъ быту. Но очевидно, что такое опредѣленіе противорѣчитъ себѣ: оно считаетъ право собственности полнымъ и неограниченнымъ

господствомъ лица надъ вещью, а между-тѣмъ говорить, что это неограниченное господство въ извѣстныхъ предѣлахъ. Возвращаясь къ нашему сравненію права собственности съ другими вещными правами, мы видимъ, что характеристика права собственности заключается не въ полномъ господствѣ лица надъ вещью, а въ томъ, что господство собственника надъ вещью полнѣе всякаго другаго господства. И право собственности можно опредѣлить такъ: оно есть полнѣйшее сравнительно съ другими правами господство лица надъ вещью, признаваемое юридическими опредѣленіями. Но такое опредѣленіе только относительное, изъ него не видно еще содержанія права собственности, тогда-какъ именно содержаніе и даетъ опредѣленіе предмету. Слѣдуетъ поэтому обратить вниманіе на всѣ существенныя опредѣленія юридическаго быта, относящіяся къ праву собственности, и тогда должно оказать, что *право собственности есть господство лица надъ вещью, въ силу котораго лицо можетъ владѣть, пользоваться и распорядиться ею.*

Въ нашемъ законодательствѣ понятіе о правѣ собственности установилось только въ новѣйшее время, законодательною дѣятельностію императрицы Екатерины II. Понятіе о правѣ собственности обыкновенно развивается изъ владѣнія. Первоначально понятіе о юридическомъ господствѣ надъ вещью связывается съ господствомъ фактическимъ: безъ фактическаго господства не признается господство юридическое, а когда есть фактическое господство, то допускается и юридическое. Это объясняется тѣмъ, что въ мало-развѣтомъ юридическомъ быту гражданамъ недоступны отвлеченныя понятія, для нихъ нужна матеріальная основа, осязательный остовъ, а когда нѣтъ его, то и отвлеченныя понятія не имѣютъ хода. Такъ, и нашъ древній юридическій бытъ ухватился за фактическую сторону права собственности, представляющуюся во владѣніи, и смѣшивалъ владѣніе съ правомъ собственности. Поэтому-то и донынѣ слово «владѣть» значитъ у насъ иногда то-же, что «быть собственникомъ», и донынѣ владѣніе смѣшивается съ собственно-

стію, и донинѣ *вѣчное и потомственное владѣніе* означаетъ *право собственности* (1). Конечно, право собственности постоянно существуетъ въ юридическомъ быту, потому-что юридическій бытъ неудобомыслимъ безъ господства надъ вещью, а который-либо видъ господства оказывается-же господствомъ полнѣйшимъ; но въ законодательствѣ право собственности получаетъ себѣ опредѣленіе только уже при значительномъ успѣхѣ въ развитіи юридическихъ понятій. Въ нашемъ законодательствѣ право собственности опредѣляется такъ: «кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ имущества, по законному укрѣпленію его въ частную принадлежность, получилъ власть, въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряджати онымъ вѣчно и потомственно доколѣ не передастъ другому, или кому власть сія отъ перваго пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія: тотъ имѣетъ на сіе имущество *право собственности*» (2). Но замѣтимъ, что понятій, выражаемыхъ въ этомъ опредѣленіи, должно держаться съ нѣкоторою осторожностію. Такъ, право собственности, по опредѣленію законодательства, характеризуется независимостію и исключительностію собственника во владѣніи, пользованіи и распорядженіи вещью. Но мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ ограниченіями собственника относительно пользованія собственностію, существуетъ цѣлая система опредѣленій о правѣ участія въ чужомъ имуществѣ, собственникъ ограничивается нерѣдко относительно распорядженія вещью, но тѣмъ не менѣе право собственности признается за нимъ. Равнымъ образомъ вѣчность и потомственность, по опредѣленію законодательства, характеризуютъ право собственности, но оно можетъ быть и временнымъ.

---

(1) Св. зак. гр. ст. 388, примѣч.

(2) Тамъ-же.



## § 2.

Каждое право можетъ быть разбито на составныя части, составляющія его содержаніе. Содержаніе права собственности обыкновенно опредѣляется такъ: вслѣдствіе своего права господства надъ вещью, лицо можетъ поставить себя въ фактическое отношеніе къ вещи, *владѣть* ею; лицо можетъ подчинить вещь, составляющую его собственность, своимъ потребностямъ, удовлетворять имъ, *пользоваться* вещью безъ прямого разрушенія самой вещи; наконецъ, лицо можетъ прекратить самое право собственности на вещь или такимъ образомъ, что и никакое другое лицо не будетъ господствовать надъ нею, уничтожить вещь, или такимъ, что господство перейдетъ къ другому лицу, — словомъ, какъ говорится, лицо можетъ *распоряжаться* вещью. Къ владѣнію, пользованію и распоряженію, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть подведены всѣ возможныя дѣйствія собственника относительно вещи, такъ-что самое право собственности можно опредѣлить совокупностію *права владѣнія, права пользованія и права распоряженія*. Но иногда допускаютъ еще четвертое право въ смыслѣ составной части права собственности — *право охраненія собственности*. Собственникъ дѣйствительно можетъ отыскивать свою вещь, въ чьихъ-бы рукахъ она ни находилась; относительно недвижимаго имущества по нашему законодательству существуютъ даже нѣкоторыя особенности въ судопроизводствѣ; но тѣмъ не менѣе право судебной защиты не составляетъ какого-либо особеннаго права, составной части права собственности: ибо право судебной защиты сопутствуетъ всякому праву, оно входитъ въ составъ самаго понятія о правѣ — право безъ права судебной защиты не право, здѣсь нѣтъ права.

Обратимся къ разсмотрѣнію составныхъ частей права собственности въ-отдѣльности.

## § 3.

## ПРАВО ВЛАДѢНІЯ.

Сказано, что, вслѣдствіе права собственности, лицо можетъ состоять въ непосредственномъ фактическомъ отношеніи къ вещи, *владѣть* ею. Но и несобственникъ можетъ находиться въ фактическомъ отношеніи къ вещи. Напр. собственникъ предоставляетъ пользованіе вещью другому лицу и съ тѣмъ вмѣстѣ передаетъ ему владѣніе, такъ-что стороннее лицо становится въ фактическое отношеніе къ вещи: это стороннее лицо владѣетъ также по праву, только не по праву собственности, а по праву, производному отъ него. Но фактическое отношеніе лица къ вещи можетъ возникнуть независимо отъ вопроса о правѣ его на владѣніе, оно можемъ быть даже нарушеніемъ права. Напр. воръ похищаетъ вещь: онъ владѣетъ ею, но это владѣніе нарушаетъ право лица, у котораго вещь похищена. Еслибы такое владѣніе, независимое отъ права, всегда оставалось на степени факта, то оно было-бы чуждо области права и не имѣло-бы мѣста въ наукѣ гражданскаго права, потому-что наука права не занимается собственно фактами. Во многихъ случаяхъ дѣйствительно владѣніе остается фактомъ и тогда не обращаетъ на себя вниманія науки права. Такъ, очень часто владѣніе бываетъ временное, мгновенное и, кромѣ фактическаго отношенія лица къ вещи, не представляетъ болѣе ничего. Напр. лицо беретъ въ руки вещь и разсматриваетъ ее. Но въ иныхъ случаяхъ фактическое отношеніе лица къ вещи связывается съ извѣстными юридическими послѣдствіями, почему и обращаетъ на себя вниманіе науки гражданскаго права. Напр. владѣніе вещью при извѣстныхъ условіяхъ даетъ надъ нею право собственности (3); или владѣніе движимою вещью даетъ мѣсто предположенію права собственности за владѣль-

---

(3) Св. зак. гр. ст. 451.

цемъ (4); связываются извѣстныя выгоды съ владѣніемъ добросовѣстнымъ, которое нѣкоторымъ образомъ даже конкурируетъ съ правомъ (5) и т. д. Такое владѣніе, связанное съ юридическими послѣдствіями, называется *юридическимъ*, но только юридическое въ этомъ случаѣ не значитъ то-же, что законное: и недобросовѣстное владѣніе, слѣдов. незаконное есть юридическое, какъ-скоро съ нимъ связываются извѣстныя юридическія послѣдствія. Въ отличіе отъ этого юридическаго владѣнія, фактическое отношеніе лица къ вещи, не связанное ни съ какими юридическими послѣдствіями, называется владѣніемъ *естественнымъ* или *удержаніемъ* (*detentio*). Разсмотримъ-же существо юридическаго владѣнія и тѣ условія, при которыхъ фактическое отношеніе лица къ вещи сопровождается юридическими послѣдствіями (6).

#### § 4.

Юридическіе моменты, представляющіеся въ томъ фактическомъ отношеніи лица къ вещи, которое мы назвали юриди-

---

(4) Тамъ-же, ст. 452.

(5) Тамъ-же, ст. 526, 527.

(6) Замѣтимъ, что юристы несогласны на-счетъ систематики юридическаго владѣнія (въ смыслѣ владѣнія юридическаго независимо отъ права) въ наукѣ гражданскаго права и многіе осуждаютъ изложеніе ученія о юридическомъ владѣніи по поводу права собственности. Такъ *Пушта*, принимая владѣніе за *право личности*, излагаетъ ученіе о немъ въ ученіи о правахъ личности. *Гансъ* излагаетъ ученіе о владѣніи въ ученіи о *вещныхъ правахъ*. Многіе другіе юристы помѣщаютъ ученіе о владѣніи въ такъ-называемой *общей части* гражданскаго права. По нашему мнѣнію, ученіе о владѣніи не находить себѣ мѣста внѣ ученія о *правѣ собственности*, потому-что, если наукѣ и приходится иногда излагать о фактахъ по ихъ связи съ юридическими послѣдствіями, то всего удобнѣе, конечно, излагать о такихъ фактахъ тамъ, гдѣ фактическія понятія приходится отличать отъ понятій чисто-юридическихъ. О владѣніи-правѣ, нѣтъ сомнѣнія, нужно говорить по поводу ученія о правѣ собственности, потому-что владѣніе-право составляетъ часть права собственности. Но владѣніе-право указываетъ на понятіе о владѣніи-фактѣ, и такъ-какъ фактъ этотъ при извѣстныхъ условіяхъ связывается съ юридическими послѣдствіями, то, говоря о фактѣ, слѣдуетъ изложить и его юридическое значеніе.

чекимъ владѣніемъ, подали поводъ къ замѣчательному спору въ ученіи о владѣніи, къ установленію двухъ различныхъ теорій владѣнія. Одна теорія признаетъ владѣніе *правомъ*: полагаетъ, что недостаточно характеризовать владѣніе фактическимъ отношеніемъ лица къ вещи, а должно присовокупить, что это фактическое отношеніе лица къ вещи, пока не будетъ признано нарушеніемъ чьего-либо права, само составляетъ право. Защитники этой теоріи указываютъ въ-особенности на то, что владѣніе охраняется, въ частности указываютъ на Римское право, на существующіе въ немъ interdикты по владѣнію, *interdicta adipiscendae possessionis* и *interdicta recuperandae possessionis*. Но, соглашаясь между собою въ воззрѣніи на владѣніе, какъ на право, главные поборники теоріи, *Гансъ* и *Пухта*, расходятся въ опредѣленіи характера этого права. Гансъ, признавая владѣніе правомъ, сближаетъ его съ правомъ собственности, только находитъ, что во владѣніи нѣтъ того законнаго господства, которое признается въ собственности, и потому полагаетъ, что владѣніе, будучи господствомъ лица надъ вещью, есть особый *видъ вещнаго права* (7). Пухта, напротивъ, признаетъ владѣніе *правомъ личности*: потому, говорятъ онъ, охраняется владѣніе, что лицо поставляетъ себя въ фактическое отношеніе къ вещи, а таково уваженіе къ личности, что и незаконное отношеніе лица къ вещи охраняется общественною властію (8). Право владѣть, по мнѣнію Пухты, есть такое-же право личности, какъ право ходить, сидѣть, жениться и т. д., словомъ, это одно изъ тѣхъ правъ, которыя не имѣютъ объекта. Другая теорія, главнымъ поборникомъ которой является *Савиньи*, и юридическое владѣніе, фактическое отношеніе лица къ вещи, связанное съ извѣстными юридическими послѣдствіями, признаетъ не болѣе какъ *фактомъ*, а не правомъ (9). Савиньи основывается на томъ, что понятіемъ

(7) *Gans*, Ueber die Grundlage des Rechts des Besizes. Berlin 1839.

(8) *Puchta*, Coursus der Institut. (Leipzig 1854), § 224.

(9) *Savigny*, Das Recht des Besizes (Giessen 1837), I Abschn.

объ охраненіи не исчерпывается понятіе о правѣ, и если владѣніе охраняется, то оно и охраняется только какъ фактъ. Остановливая вниманіе свое въ-особенности на Римскомъ правѣ, Савинья находитъ, что интердикты по владѣнію только препятствуютъ самоуправству: цѣль ихъ—скорѣйшее прекращеніе самоуправства, нарушающаго владѣніе. При судопроизводствѣ по интердиктамъ не обращается вниманія на право, а только на фактъ владѣнія, и по этому факту разрѣшается столкновение, а потому и рѣшеніе по интердикту касается только самаго владѣнія и не устраняетъ иска о правѣ. Эту послѣднюю теорію владѣнія можно считать нынѣ господствующею: въ настоящее время уже найдется немного юристовъ, которые будутъ признавать владѣніе правомъ. Обращаясь къ отечественному законодательству, мы не видимъ никакой надобности отступать отъ воззрѣнія на владѣніе, какъ на фактъ, находимъ напротивъ, что воззрѣніе это какъ нельзя лучше подходитъ къ нашему законодательству. Правда, и наше законодательство опредѣляетъ, что владѣніе охраняется отъ насилія и самоуправства: въ случаѣ нарушенія владѣнія, лицу представляется въ-теченіе десятидневнаго срока обратиться къ полиціи съ просьбою о возстановленіи владѣнія и полиція возстановляетъ его совершенно независимо отъ вопроса о правѣ, который разрѣшается судомъ (10). Но въ этомъ еще нѣтъ повода отступить отъ воззрѣнія на владѣніе, какъ на фактъ, и признать его правомъ. Для того, чтобы фактическое отношеніе обратилось въ право, нужно, чтобы владѣніе охранялось не только отъ насилія и самоуправства, а отъ всякаго притязанія на вещь; но такого охраненія законодательство не предоставляетъ владѣнію и слѣдов. не даетъ ему существеннаго условія права. Правда, и владѣніе незаконное охраняется отъ насилія и самоуправства (11); но это не значитъ, что владѣніе охраняется, какъ право, а значитъ только, что владѣлецъ охра-

---

(10) Св. зак. гр. ст. 2033.

(11) Тамъ-же, ст. 450.

няется отъ насилія и самоуправства: владѣніе можетъ служить поводомъ къ насилію и самоуправству, точно такъ-же, какъ насиліе и самоуправство могутъ быть направлены на лицо и независимо отъ владѣнія, и вотъ законодательство охраняетъ отъ нихъ, по поводу-ли владѣнія или по другому какому поводу встрѣтятся они, такъ-что охраняется собственно лицо владѣльца, человѣкъ, а не самое владѣніе. Всякое владѣніе, не вытекающее изъ права собственности, есть фактъ, но юридическія послѣдствія, связанныя съ владѣніемъ, въ различныхъ случаяхъ бываютъ различны, такъ-что во владѣнія можно различать нѣсколько видовъ. На основаніи нашего законодательства, можно различать владѣніе *давностное*, владѣніе *добросовѣстное* и владѣніе *незаконное* (12). *Владѣніе давностное* то, которое влечетъ за собою пріобрѣтеніе права собственности по давности. *Владѣніе добросовѣстное*, которое основывается на искреннемъ, хотя и ложномъ представленіи владѣльца о правѣ владѣнія. Владѣніе это называется также *законнымъ*, но такъ-какъ оно все-таки не есть право, то лучше называть его именно добросовѣстнымъ (*bonae fidei possessio*). *Владѣніе незаконное*, въ противоположность добросовѣстному, владѣніе созвательно-незаконное, нарушающее чье-либо право. Владѣніе незаконное законодательство различаетъ на владѣніе *самовольное*, *насильственное* и *подложное* (13). Самовольнымъ называется владѣніе, неоснованное на правѣ, нарушающее притомъ право другого лица, но безъ насилія. Владѣніе насильственное также самовольное, но соединенное съ примѣненіемъ насильственныхъ мѣръ. Равнымъ образомъ и владѣніе подложное характеризуется самовольнымъ, при которомъ употребленъ подлогъ для пріобрѣтенія или продолженія владѣнія. Должно сказать однако, что различіе видовъ незаконнаго владѣнія не имѣетъ значенія по-отношенію къ самому владѣнію: различныя преступ-

---

(12) Тамъ-же, ср. ст. 440, 451, 526.

(13) Тамъ-же, ст. 443—448.

ленія могутъ быть соединены съ незаконнымъ владѣніемъ, различная отвѣтственность наступаетъ за различныя преступленія, но гражданскія послѣдствія незаконнаго владѣнія одинаковы, будетъ-ли это владѣніе самовольнымъ, насильственнымъ или подложнымъ.

Какъ фактическое отношеніе лица къ вещи, владѣніе не находитъ себѣ опредѣленія въ положительномъ законодательствѣ, которое предполагаетъ фактъ владѣнія, какъ нѣчто общезвѣстное. Однакожь только внимательное изученіе этого факта приводитъ къ уясненію его свойства и принадлежностей. Оказывается, что юридическое владѣніе слагается изъ двухъ дѣятелей: *матеріальнаго* или *внѣшняго* и *духовнаго* или *внутренняго*. Внѣшній дѣятель состоитъ въ матеріальной связи лица съ вещью. Знаменательно выражается эта связь Латинскимъ именемъ владѣнія—*possessio*, производнымъ отъ *sedere*. Точно также и наше слово «*сидѣть*» въ древнемъ юридическомъ языкѣ нерѣдко употребляется въ смыслѣ владѣть, находится въ матеріальномъ соприкосновеніи съ вещью. Подобный-же смыслъ выражаетъ собою и самое слово «*владѣть*», или только справедливое мнѣніе *Морошкина*, что слово «*владѣть*», старинное «*володѣти*», происходитъ отъ «*волю дѣлати*», что значитъ обнаруживать волю, т.-е. находится въ такомъ отношеніи къ предмету, которое даетъ возможность проявить свою волю относительно предмета (14). Но эту матеріальную связь лица съ вещью, какъ дѣятеля владѣнія, не должно представлять себѣ ежеминутно существующею: если напр. лицо владѣетъ поземельнымъ участкомъ, то не требуется, чтобы владѣлецъ постоянно сидѣлъ на немъ, а достаточно одной возможности для владѣльца во всякое время поставить себя въ фактическое отношеніе къ владѣемой вещи, такъ-что внѣшняго дѣятеля владѣнія собственно должно понимать не какъ постоянную матеріальную

---

(14) *Морошкина*, Разсужденіе о владѣніи по началамъ Росс. законодательства (Москва 1837), стр. 77.

связь владѣльца съ вещью, а какъ постоянную возможность такой матеріальной связи. Должно обращать вниманіе на свойства вещи, подлежащей владѣнію, и если, по существу вещи, нѣтъ надобности въ ея постоянномъ держаніи (а это можно сказать о всякой вещи), то для признанія владѣнія продолжающимся вполне достаточно одной возможности матеріальнаго соприкосновенія съ вещью, достаточно, чтобы вещь была напр. за ключемъ владѣльца, въ его домѣ, или даже только въ его завѣдываніи, такъ-что непосредственное матеріальное обладаніе вещью существенно только для приобрѣтенія владѣнія, для его начала. Внутренній, духовный дѣятель владѣнія состоитъ въ сознаніи господства надъ вещью, въ намѣреніи лица распоряжать его, какъ своею. Присутствіемъ этого дѣятеля именно и характеризуется юридическое владѣніе въ отличіе отъ владѣнія естественнаго, въ которомъ нѣтъ сознанія господства, а одинъ только корпусъ, тѣло владѣнія. Нѣтъ надобности въ сознаніи права, хотя и сознаніе права можетъ входить въ составъ духовнаго дѣятеля владѣнія, напр. владѣніе добросовѣстное именно основывается на сознаніи права, хотя и ложномъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что юридическое владѣніе не существуетъ безъ сознанія права: напр. владѣніе незаконное чуждо сознанія права и все-таки владѣніе юридическое. Римское право называетъ духовную сторону владѣнія *animus rem sibi habendi*, и нерѣдко понимаютъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, будто владѣлецъ долженъ считать въ себѣ сознаніе права, притомъ права собственности. Такъ думаетъ напр. *Неволина* (15). Но *animus rem sibi habendi* не означаетъ сознанія права, а только сознаніе господства, намѣреніе распоряжать вещью, какъ своею. Тѣмъ не менѣе нашему законодательству можно приписать требованіе отъ владѣльца сознанія права: даже для обращенія владѣнія въ право собственности по давности наше законодательство не требуетъ, чтобы владѣлецъ руковод-

---

(15) *Неволина*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 109.



ствоялся во владѣніи сознаниемъ права, а требуетъ только, чтобъ лицо владѣло въ видѣ собственности (16). Сознаніе господства надъ вещью, конечно, должно выразиться какимъ-либо дѣйствіемъ владѣльца, которое-бы ясно обнаруживало его намѣреніе владѣть вещью, какъ своею. Но какъ относительно внѣшняго дѣятеля владѣнія мы сказали, что нѣтъ надобности въ постоянномъ непосредственномъ обладаніи вещью, точно такъ-же должно сказать, что нѣтъ надобности въ ежеминутномъ сознаниі владѣльца относительно его господства надъ вещью, въ ежеминутномъ проявленіи сознанія, а достаточно лишь, чтобъ владѣлецъ разъ выразилъ это сознаніе и оно постоянно предполагается въ немъ, пока не наступятъ обстоятельства, исключаящія такое предположеніе, напр. лицо объявить, что не хочетъ болѣе владѣть вещью. Только при совокупномъ существованіи матеріальнаго и духовнаго дѣятелей владѣнія представляется юридическое владѣніе: присутствіе одного фактическаго отношенія, одной наружной стороны юридическаго владѣнія производитъ владѣніе естественное; присутствіе одного духовнаго дѣятеля безъ фактическаго отношенія къ вещи не имѣетъ никакого значенія. Поэтому, кто не способенъ проявить ту или другую сторону владѣнія, не способенъ и къ юридическому владѣнію. Такъ матеріальное соприкосновеніе съ вещью возможно только для физическаго лица, юридическое-же лицо, будучи понятіемъ, не способно къ такому соприкосновенію и слѣдов. непосредственно не способно къ юридическому владѣнію. Нѣкоторые юристы на этомъ основаніи дѣйствительно отвергають возможность владѣнія для юридическаго лица. Но если вся дѣятельность юридическаго лица совершается чрезъ представителей, то отчего-же не допустить для него и владѣніе чрезъ представителя? Нужно только, чтобы представителю было присуще сознаніе возможности распоряжаться вещью не какъ своею, а какъ вещью юридическаго лица:

---

(16) Св. зак. гр. ст. 451.

представитель долженъ питать въ себѣ не *animus rem sibi habendi*, а *animus rem personae morali habendi* (17). Съ другой стороны, кто неспособенъ къ сознанию самостоятельнаго распоряженія вещью или вообще къ гражданской дѣятельности, тотъ неспособенъ приобрѣтать и владѣніе. Такъ, безумные, не совершеннолѣтныя и т. п. неспособны къ владѣнію, но только къ его приобрѣтенію: ибо если владѣніе началось, то оно можетъ продолжаться и при одномъ фактическомъ отношеніи лица къ вещи, безъ сознанія господства. Поэтому напр. давностное владѣніе, начатое лицомъ совершеннолѣтнымъ, продолжается и лицомъ малолѣтнимъ, неспособнымъ къ сознанию возможности распоряжаться вещью, какъ своею. Точно также, если лицо приобрѣтаетъ владѣніе и впоследствии лишается разсудка, то юридическое владѣніе его тѣмъ не менѣе продолжается.

Относительно вещи, подлежащей юридическому владѣнію, прежде всего должно сказать, что это вещь физическая, спо-

---

(17) Замѣтимъ однако, что относительно этого вопроса убѣжденіе профессора было не всегда таково, какое привели мы въ текстъ: оно принадлежитъ только послѣднему времени, въ курсахъ-же прежнихъ лѣтъ профессоръ склонялся къ мнѣнію тѣхъ юристовъ, которые отвергаютъ владѣніе для юридическаго лица. Мы приняли въ текстъ послѣднее убѣжденіе профессора, не потому впрочемъ, что оно послѣднее, а потому, что оно отвѣчаетъ дѣйствительности. Строго держась юридическихъ принциповъ, конечно, отказать должно юридическому лицу въ способности къ владѣнію, ибо а priori нельзя признать, чтобъ юридическое лицо могло владѣть чрезъ представителя: созданное законодательствомъ, юридическое лицо отъ законодательства получаетъ и органъ для своей дѣятельности, самая дѣятельность опредѣлена законами, такъ-что только то дѣйствіе представителя и считается дѣйствіемъ юридическаго лица, которое не выходитъ изъ указанныхъ предѣловъ. Вся дѣятельность юридическаго лица ограничивается, такимъ-образомъ, областію права, значить область факта совершенно чужда юридическому лицу. Но дѣйствительность рѣшительно противорѣчитъ такому воззрѣнію, отступаетъ отъ строгости юридическихъ началъ: въ дѣйствительности нерѣдко идетъ дѣло о владѣніи казны, монастыря, городского, сельскаго общества, словомъ, о владѣніи юридическаго лица. И наукѣ приходится поэтому отступить отъ строгой послѣдовательности выводовъ. Задача науки—не уклоняться отъ явленій дѣйствительности, а сознать эти явленія въ ихъ существѣ.

собная подлежать фактическому господству. Но не всякая физическая вещь может подлежать юридическому владѣнію: относительно нѣкоторыхъ вещей законодательство опредѣляетъ, что владѣніе ими не даетъ всѣхъ послѣдствій юридическаго владѣнія. Напр. владѣніе свободнымъ человѣкомъ, хотя-бы это было владѣніе спокойное, непрерывное, безспорное, продолжалось болѣе десяти лѣтъ, словомъ такое владѣніе, которое отвѣчало-бы всѣмъ условіямъ для приобрѣтенія права собственности по давности, все-таки не приведетъ къ праву собственности (18). И такъ, должно сказать, что юридическое владѣніе возможно только относительно такой вещи, относительно которой для юридическаго владѣльца возможно сознание самостоятельнаго распоряженія. Иногда владѣніе касается только части вещи: сознание возможности распоряжаться вещью, какъ своею, относится къ какой-либо части, а фактическое господство существуетъ надъ вещью въ цѣлости. Какое значеніе такого владѣнія? Оно различно, смотря по значенію части, къ которой относится владѣніе. Если эта часть такова, что и сама-по-себѣ можетъ притязать на значеніе цѣлаго, а не теряется въ цѣлости вещи, т.-е. возможность допустить юридическое владѣніе относительно такой части: напр. идетъ рѣчь о картинѣ, обдѣланной въ раму; картина и рама—такія части вещи, что каждая изъ нихъ можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто самостоятельное, и поэтому какъ относительно картины, такъ относительно и рамы можетъ быть допущено сознание господства надъ цѣлымъ. Но если часть не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а сливается съ цѣлымъ, то не допускается и сознание отдѣльнаго господства надъ частію. Напр. идетъ рѣчь о мебели, обитой какою-либо матеріею: странно было-бы допустить сознание отдѣльнаго господства надъ матеріею. Такимъ образомъ относительно владѣнія частію вещи должно сказать, что въ одномъ случаѣ юридическое владѣнія частію имѣетъ смыслъ, въ

---

(18) Тамъ-же, стр. 478.

другомъ не имѣеть никакого значенія. Этому не противорѣчить совокупное владѣніе многихъ лицъ одною и тою-же вещію, когда многія лица состоятъ въ фактическомъ отношеніи къ вещи, но только въ совокупности сознають возможность распорядить вещью, какъ своею, а въ отдѣльности сознание каждаго изъ нихъ не относится ко всей вещи. Возражаютъ, правда, что при такомъ общемъ владѣніи каждое отдѣльное лицо владѣеть лишь долею, а доля есть нѣчто отвлеченное, тогда-какъ владѣніе предполагаетъ матеріальное соприкосновеніе лица съ вещью. Но должно сказать, что при общемъ владѣніи матеріальное соприкосновеніе относится и къ той части, которая составляетъ долю владѣнія, потому-что цѣлое обнимаетъ и части, и слѣдов. нѣтъ препятствія допустить общее юридическое владѣніе. Еслибы даже мы и стали отрицать его, то дѣйствительность опровергла-бы насъ, потому-что фактъ общаго владѣнія существуетъ въ дѣйствительности.

Владѣніе прекращается. Если присутствіе матеріальнаго и духовнаго дѣятелей юридическаго владѣнія необходимо для его приобрѣтенія, то, какъ уже и было сказано, продолженіе владѣнія не требуетъ ихъ постояннаго присутствія: нѣтъ надобности, чтобъ лицо постоянно пребывало въ матеріальной связи съ вещью, а достаточно, если есть возможность во всякое время возстановить эту связь; нѣтъ надобности, да и невозможно это, чтобъ лицо ежеминутно питало въ себѣ сознание господства надъ вещью и высказывало это сознание, а достаточно, если на первый разъ лицо выразить намѣреніе распорядить вещью, какъ своею, а потомъ уже это намѣреніе предполагается. Поэтому для прекращенія владѣнія требуется не отсутствіе одного изъ дѣятелей юридическаго владѣнія, а присутствіе противоположнаго. Итакъ, относительно матеріальнаго дѣятеля нужно, чтобъ лицо въ данный моментъ не имѣло возможности по своему желанію поставить себя въ фактическое отношеніе къ вещи. Напр. другое лицо захватило вещь, не признавая надъ нею господства прежняго владѣльца: для не-

го уже нѣтъ юридической возможности проявить матеріальное господство надъ вещью, и владѣніе прекращается. Или напр. лицо теряетъ вещь, состоящую въ его юридическомъ владѣніи: матеріальная связь его съ вещью прекращается и въ данный моментъ нѣтъ возможности для владѣльца возстановить эту связь, и юридическое владѣніе прекращается. Точно также относительно духовнаго дѣятеля владѣнія требуется сознание невозможности господствовать, противоположное намѣренію распорядить вещью, какъ своею; напр. лицо владѣетъ вещью и впоследствии принимаетъ эту вещь въ залогъ отъ другаго лица, которое указываетъ на нее, какъ на свою собственность, и представляетъ ее залогомъ: принятіе вещи въ залогъ влечетъ за собою сознание невозможности распорядить вещью, какъ своею, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращеніе юридическаго владѣнія. Такимъ-образомъ согласіе владѣльца на принятіе вещи въ залогъ въ данномъ случаѣ есть выраженіе его отреченія отъ владѣнія. Но владѣлецъ можетъ и просто отказаться отъ господства надъ вещью, не призывая надъ нею господства другаго лица: такое отреченіе отъ владѣнія уподобляется отреченію отъ права. Мы не признаемъ владѣнія правомъ, а опредѣляемъ его лишь фактическимъ отношеніемъ къ вещи. Поэтому нѣтъ надобности относить къ владѣнію всѣ тѣ понятія, которыя входятъ въ составъ права; но вмѣстѣ съ тѣмъ владѣніе и не исключаетъ всѣхъ тѣхъ понятій, которыя входятъ въ составъ права. Такъ, въ составъ понятія о правѣ входитъ возможность отреченій, отреченіе возможно и для владѣнія, хотя владѣлецъ отрекается не отъ права, а только отъ фактическаго господства надъ вещью. Въ-особенности важно отреченіе относительно владѣнія въ томъ случаѣ, когда фактическое господство лица надъ вещью, какъ въ нашемъ примѣрѣ, продолжается. Но, конечно, отреченіе должно выразиться какимъ-либо наружнымъ актомъ, ибо сознание невозможности распорядить вещью, какъ своею, пока остается только сознаниемъ, внутреннимъ актомъ владѣльца, не подлежитъ области права и его опредѣле-

нiямъ. Напр. А владѣтъ вещью и его владѣнiе можно признать юридическимъ; но, по истеченiи нѣкотораго времени, А соглашается принять эту вещь въ залогъ: очевидно, владѣнiе прекращается отреченiемъ. Или владѣлецъ объявляетъ, что онъ не считаетъ болѣе вещи, состоящей въ его юридическомъ владѣнiи своею, а вещью другаго лица, и продолжаетъ владѣть ею, напр. въ намѣренiи сохранить вещь до прибытiя этого другаго лица, находящагося въ настоящее время въ отсутствiи. Но точно также сознание господства надъ вещью можетъ замѣниться правомъ, лицо можетъ приобрѣсти право на вещь, состоящую въ его юридическомъ владѣнiи: тогда юридическое владѣнiе прекращается и на мѣсто владѣнiя-факта наступаетъ владѣнiе-право. Юридическое владѣнiе прекратившееся можетъ въ послѣдствiи возстановиться. Но спрашивается, можно ли это возстановившееся юридическое владѣнiе считать продолженiемъ прежняго? По строгости юридическихъ понятiй, кажется, нельзя считать возстановившееся юридическое владѣнiе продолженiемъ прежняго, тѣмъ болѣе, что если владѣнiе прекращается, по нѣтъ ручательства, что оно возстановится, такъ что возстановленiе владѣнiя есть нѣчто случайное. Поэтому, если давностное владѣнiе прекратится и потомъ снова будетъ возстановлено, то срокъ давностный для приобрѣтенiя права собственности по вещи должно считать со-времени возстановленiя владѣнiя, а не со-времени его перваго приобрѣтенiя. Въ дѣйствительности это понимается иначе. Въ дѣйствительности обращается вниманiе на срокъ между прежнимъ владѣнiемъ и возстановившимся: если срокъ незначителенъ, то новое юридическое владѣнiе признается за продолженiе стараго, а при значительномъ промежуткѣ этого не признается. Но каковъ этотъ срокъ, опредѣлить рѣшительно нельзя. Такое пониманiе дѣйствительности происходитъ, кажется, отъ того, что отсутствiе момента владѣнiя считается тождественнымъ съ присутствiемъ момента противоположнаго. Но это несправедливо.

## § 5.

Въ дополненіе къ сказанному о владѣніи должно обратить еще вниманіе на *владѣніе правами*, о которомъ нерѣдко идетъ дѣло въ дѣйствительности. Еслибы владѣніе правами означало лишь принадлежность ихъ извѣстному лицу или осуществленіе правъ со стороны ихъ субъекта, то это было-бы только слово безъ особаго самостоятельнаго значенія и не слѣдовало-бы обращать вниманія на владѣніе правами. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя явленія юридическаго быта указываютъ на готовность дѣйствительности допустить фактическое отношеніе лица къ праву, точно такъ-же, какъ существуетъ фактическое отношеніе лица къ вещи. Напр. нерѣдко встрѣчается, что лицо, не имѣя на это права, вѣзжаетъ въ чужой лѣсъ и пользуется его произведеніями: если въ-теченіе продолжительнаго времени существуетъ это пользованіе, то въ дѣйствительности является готовность признать за лицомъ право вѣзда именно на основаніи продолжительнаго осуществленія фактически того, что составляетъ содержаніе права, подобно тому, какъ владѣніе вещью, удовлетворяющее извѣстнымъ условіямъ, обращается въ право собственности. Но фактическое пользованіе тѣмъ, что составляетъ содержаніе права вѣзда въ черный лѣсъ, нельзя признать юридическимъ владѣніемъ лѣса и поземельнаго участка, на которомъ онъ растетъ: для этого нѣтъ господства надъ вещью, ибо фактическое отношеніе состоитъ только въ томъ, что лицо отъ времени-до-времени вѣзжаетъ въ лѣсъ и пользуется его произведеніями; нѣтъ и сознанія самостоятельнаго господства надъ вещью, ибо лицо не считаетъ себя хозяиномъ поземельнаго участка и растущато на немъ лѣса, напротивъ именно сознаетъ, что вѣзжа еъ въ чужой лѣсъ, но вмѣстѣ сознаетъ, что ему принадлежитъ возможность пользоваться этимъ лѣсомъ. Фактическое господство лица относится, такимъ образомъ, къ праву на чужую вещь, а не къ самой вещи. Фактическое господство это сходно съ владѣніемъ въ

томъ, что то и другое представляютъ фактическое отношеніе лица къ вещи, но при владѣніи существуетъ сознание самостоятельнаго распоряженія всею вещью, а при разсматриваемомъ фактическомъ господствѣ только одною стороною вещи. Это то господство надъ одною стороною вещи, а не надъ вещью въ цѣломъ ея составѣ, господство независимое отъ права, фактическое, и называется *владѣніемъ права на чужую вещь*, съ которымъ это владѣніе совпадаетъ по своему содержанию. Римское право называетъ это владѣніе правомъ *quasi possessio* — какъ-бы владѣніе; отношеніе близкое къ владѣнію, аналогическое съ владѣніемъ. Подъ именемъ квазипосессіи извѣстно владѣніе правомъ и на юридическомъ языкѣ западной Европы. Но въ чемъ состоитъ это владѣніе правомъ, какія свойства его, принадлежности, наше законодательство не опредѣляетъ. Изъ существа же юридическаго владѣнія вытекаетъ только, что сознание самостоятельнаго распоряженія можетъ простираться или на всю вещь или на часть ея. И поэтому, если кромѣ настоящаго владѣнія, владѣнія вещью сполна, допускается еще владѣніе одною стороною вещи, называемое владѣніемъ правомъ, то всѣ выводы, допускаемые для перваго, распространяются и на второе, насколько такое умѣстно по самому существу юридическаго отношенія. Мы сказали уже, что ученіе о владѣніи случайно занимаетъ мѣсто въ ученіи о правѣ собственности, потому только, что право владѣнія есть составная часть права собственности, а кромѣ владѣнія-права существуетъ еще владѣніе-фактъ. Разсмотрѣвъ этотъ фактъ, обратимся-же къ владѣнію-праву.

## § 6.

Владѣніе, какъ составная часть права собственности, также состоитъ въ матеріальномъ отношеніи лица къ вещи (19), но

---

(19) Св. зак. гр. ст. 435.



съ тою разницею, что это матеріальное отношеніе представляет собою осуществленіе права собственности, и все равно, будетъ-ли оно соотвѣтствовать условіямъ юридическаго владѣнія или нѣтъ, оно все-таки остается правомъ, тогда-какъ владѣніе-фактъ только въ такомъ случаѣ и обращаетъ на себя вниманіе науки права, когда оно представляет собою осуществленіе права, не принадлежащаго владѣльцу, только юридическое владѣніе находитъ себѣ мѣсто въ наукѣ о правахъ. Напр. иногда собственникъ не имѣетъ самостоятельнаго распоряженія вещью, но тѣмъ не менѣе его фактическое отношеніе къ вещи представляется осуществленіемъ права собственности, его владѣніе — владѣніе-право, тогда-какъ, если лицо владѣетъ вещью не по праву и не имѣетъ сознанія самостоятельнаго распоряженія вещью, то его фактическое отношеніе къ ней чуждо области права. Для собственника владѣніе получаетъ значеніе преимущественно чрезъ пользованіе. Но владѣніе имѣетъ и свое самостоятельное значеніе: оно есть какъ-бы вѣстникъ права собственности и большею частію посредствомъ владѣнія собственникъ получаетъ тотъ вѣсь, который даетъ ему право собственности, такъ-что право владѣнія имѣетъ значительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ юридическомъ быту независимо отъ осуществленія другихъ правъ, входящихъ въ составъ права собственности. Напр., обратимъ вниманіе на кредитъ, которымъ пользуется богатый человѣкъ: кредитъ обусловливается состоятельностью лица, но главнымъ образомъ владѣніемъ, которое рождаетъ предположеніе о правѣ собственности лица, владѣющаго имуществомъ, и придаетъ ему значеніе. Кроме-того, владѣніе, какъ составная часть права собственности, имѣетъ еще то самостоятельное значеніе, что во многихъ случаяхъ владѣніемъ начинается право собственности: по нашему законодательству, *передача* составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ перехода права собственности, но передача есть не что иное, какъ начало владѣнія для собственника. Владѣніе-право можетъ быть осуществляемо самимъ собственникомъ

или другимъ лицомъ въ качествѣ его представителя. Но это владѣніе чрезъ представителя не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія, а есть какъ-бы владѣніе самаго собственника. Другое дѣло, если право владѣнія передается стороннему лицу, не имѣющему характера представительства: тогда это право владѣнія получаетъ самостоятельное значеніе, хотя и производится отъ права собственности (20). А такая уступка права владѣнія нерѣдко встрѣчается въ дѣйствительности, напр. при отдачѣ имущества въ закладъ, при предоставленіи пользованія вещью стороннему лицу и т. п. Въ большей части случаевъ однако право владѣнія, приобретаемое стороннимъ лицомъ, бываетъ только спутникомъ другаго права, приобретаемаго стороннимъ лицомъ относительно вещи собственника, ибо для сторонняго лица право владѣнія само-по-себѣ развѣ только по исключеніи можетъ имѣть интересъ. Такъ, залогоприниматель приобретаетъ право залога относительно вещи и владѣетъ ею по праву, но не владѣніе составляетъ главное, существенное содержаніе права залога (21). Точно также лицо, приобретающее право пользованія вещью, если приобретаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и право владѣнія, то приобретаетъ его лишь потому, и только потому интересуется имъ, что самое пользованіе вещью во многихъ случаяхъ обусловливается господствомъ надъ нею, владѣніемъ. Право владѣнія можетъ прекратиться. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе случай прекращенія его посредствомъ отреченія: обыкновенно отреченіе отъ права владѣнія находится въ-связи съ отреченіемъ отъ права собственности; но нѣтъ надобности, чтобъ отреченіе, касаясь владѣнія, касалось и другихъ частей права собственности, а собственникъ можетъ отречься только отъ права владѣнія. И тѣмъ легче можно допустить такой случай, что, отрекаясь отъ права владѣнія, но оставляя за собою право пользованія, лицо, вслѣдствіе своего права пользованія, приобретаетъ право собствен-

---

(20) Тамъ-же, ст. 436.

(21) Тамъ-же, ср. ст. 1407, 2073, 2074.

ности на плоды вещи (см. ниже), а въ этомъ-то правѣ собственности на плоды, можетъ быть, и сосредоточивается весь интересъ права собственности на вещь.

### § 7.

#### ПРАВО ПОЛЬЗОВАНІЯ.

*Право пользованія*,—вторая составная часть права собственности, заключается въ употребленіи вещи для удовлетворенія какихъ-либо потребностей (22). Все равно, сама-ли вещь непосредственно служитъ для удовлетворенія потребностей, или она даетъ произведенія, которыя служатъ для этой цѣли, употребленіе вещи будетъ осуществленіемъ права пользованія. Равнымъ образомъ все равно, будетъ-ли собственникъ непосредственно употреблять произведенія вещи для удовлетворенія своихъ потребностей, или онъ распорядится произведеніями иначе, въ-силу своего права собственности на нихъ, все-таки относительно вещи, дающей произведенія, это будетъ правомъ пользованія. Такъ, кто съѣтъ хлѣбъ на землѣ, тотъ пользуется землею, хотя земля непосредственно и не служитъ къ удовлетворенію его потребностей; самъ-ли хозяинъ потребитъ родившійся хлѣбъ, или онъ продастъ его и получитъ деньги, по-отношенію къ землѣ это будетъ осуществленіемъ права пользованія. Должно сказать, что право пользованія самая существенная составная часть права собственности; пользованіе—самое естественное его проявленіе, ибо самое существо всѣхъ имущественныхъ правъ заключается въ томъ, что вещь служитъ человѣческимъ потребностямъ, а право пользованія именно и ведетъ къ тому, это его содержаніе. Не каждое однако употребленіе вещи для удовлетворенія потребностей входитъ въ содержаніе права пользованія: иное употребленіе вещи таково, что вещь уничтожается, но уничтоженіе вещи, по нашему опре-

---

(22) Св. зак. гр. ст. 392, 393.

дѣленію, составляетъ содержаніе права распоряженія, а не права пользованія. Поэтому только тѣ способы удовлетворенія потребностей вещью, которые не соединяются съ ея уничтоженіемъ, входятъ въ составъ права пользованія. Собственникъ самъ пользуется вещью или предоставляетъ пользованіе стороннему лицу, и такимъ образомъ право пользованія иногда выдѣляется изъ права собственности (23). При этомъ-то выдѣлѣ и получаетъ практическое значеніе различіе между пользованіемъ вещью непосредственнымъ и пользованіемъ посредствомъ употребленія ея плодовъ, — различіе, не имѣющее практическаго значенія, пока право пользованія соединено съ правомъ собственности, ибо *ipso jure* собственнику принадлежать всѣ произведенія вещи, плоды ея. Если вещь сама-по-себѣ, непосредственно служить удовлетворенію потребностей, то лицо, имѣющее право пользованія по вещи, только и можетъ употреблять ее сообразно ея назначенія, не имѣя никакого права на произведенія вещи, развѣ это именно ему представлено собственникомъ. Такъ лицо, которому предоставлено право пользованія лошадыю, не имѣетъ права на приплодъ лошади. Но если пользованіе вещью только и можетъ состоять въ употребленія плодовъ ея, тогда-какъ непосредственно вещь не служитъ удовлетворенію потребностей, то лицо, имѣющее право пользованія, въ-правѣ пользоваться ея плодами, и именно пріобрѣтаетъ надъ ними право собственности по отдѣленіи ихъ отъ вещи (24). Такъ лицо, которому предоставлено право пользованія фруктовымъ садомъ, пріобрѣтаетъ право собственности на плоды по снятіи ихъ съ деревьевъ. Но бываютъ плоды *гражданскіе* — доходы: вмѣсто-того, чтобы самому пользоваться вещью, лицо предоставляетъ пользованіе другому за извѣстное вознагражденіе, которое и составляетъ гражданскій плодъ. Но право пользованія, даже и въ этомъ случаѣ, когда даетъ поль-

---

(23) Тамъ-же, ст. 436, 437, 453, 454.

(24) См. § 22.

зователю право на плоды вещи, даетъ право только на *естественные* плоды, а не на плоды гражданскіе. Поэтому пользователь не въ-правѣ пользоваться вещью посредствомъ гражданскаго плода, не можетъ извлекать изъ нея дохода. Если самъ собственникъ уступаетъ пользованіе вещью за извѣстное вознагражденіе, то онъ осуществляетъ тѣмъ свое право, но не право пользованія, а право распоряженія. Слѣдовательно, когда собственникъ предоставилъ стороннему лицу только право пользованія, а не предоставилъ сверхъ-того и права распоряженія, то лицо это не въ-правѣ извлекать доходъ, а въ-правѣ только самъ употреблять вещь, собирать ея естественные плоды. Но естественные плоды принадлежать пользователю на правѣ собственности, и онъ можетъ распорядиться ими во всемъ пространствѣ этого права, слѣдовательно и подвергнуть отчужденію и такимъ образомъ (и только такимъ) обратитъ естественный плодъ въ гражданскій. Право пользованія, выдѣляемое изъ права собственности, въ большей части случаевъ соединяется съ правомъ владѣнія, такъ-что, предоставляя стороннему лицу пользованіе вещью, собственникъ обыкновенно предоставляетъ ему и владѣніе. Однако право пользованія можетъ быть предоставлено и безъ права владѣнія, въ-особенности тогда, когда пользованіе вещью состоитъ въ употребленіи ея плодовъ. Но если пользованіе вещью по самому существу ея только и можетъ состоять въ непосредственномъ употребленіи вещи, то лицо, приобрѣтшее право пользованія, въ-правѣ требовать отъ собственника, чтобъ онъ предоставилъ ему и владѣніе вещью, въ-правѣ требовать ея выдачи.

## § 8.

### ПРАВО РАСПОРЯЖЕНІЯ.

*Право распоряженія* заключается въ правѣ прекращенія и разъединенія самаго права собственности, разъединенія навсе-

гда или на известное время (25). Следовательно по праву распоряженія собственникъ можетъ уничтожить вещь, подвергнуть ее отчужденію, заключать различныя сдѣлки относительно вещи, и такимъ образомъ, сверхъ естественныхъ произведеній вещи, естественныхъ плодовъ, извлекать изъ нея и гражданскіе плоды, доходы. Право распоряженія поэтому составляетъ какъ-бы вѣнецъ права собственности: въ распоряженіи представляется наибольшее напряженіе права собственности,—напряженіе, которое можетъ стоить жизни самому праву собственности, и, конечно, право, предоставляющее лицу возможность уничтожить вещь, сильнѣе того права, по которому лицо можетъ лишь подчинить вещь своему фактическому господству или употреблять ее на удовлетвореніе своихъ потребностей. Даже тотъ способъ пользованія вещью, который предполагаетъ ее уничтоженіе, мы отнесли уже къ праву распоряженія. Однако, если сама вещь не уничтожается, а только отъ употребленія измѣняется видъ ея, то нѣтъ собственно распоряженія относительно вещи, а представляется пользованіе, развѣ превращеніе вещи, измѣненіе вида ея таково, что она поступаетъ совершенно въ другой разрядъ вещей. Но разумѣется, что здѣсь довольно трудно провести опредѣленную границу между случаями, гдѣ проявляется право пользованія, и случаями, гдѣ проявляется право распоряженія. Болѣе другихъ основательная попытка опредѣлить эту границу такимъ образомъ: если есть возможность обратить вещь къ прежнему виду, то въ употребленіи вещи проявляется только право пользованія; если-же нѣтъ, вещь безвозвратно перешла въ другой разрядъ, то проявляется право распоряженія. Въ практическомъ отношеніи иногда очень важно опредѣлить, какое именно право проявляется въ данномъ случаѣ: право-ли пользованія или право распоряженія; въ-особенности это важно въ ограниченіяхъ, допускаемыхъ или опредѣляемыхъ для права собственности. Наприм. у

---

(25) Св. зак. гр. ст. 459.

должника описано имущество, но по списхожденію кредиторъ предоставляет должнику или его родственникамъ пользоваться имуществомъ, не предоставляя однако распоряженія: если должникъ будетъ пользоваться имуществомъ такъ, что оно не измѣнитъ своего вида, по-крайней-мѣрѣ невозвратно, то должникъ не выйдетъ изъ своего права; но если будетъ *распоряжаться* вещью, то тѣмъ нарушитъ право вѣрителя и подвергнетъ ся отвѣтственности. Право владѣнія и право пользованія, какъ мы видѣли, можно выдѣлить изъ права собственности и предоставить стороннему лицу. Спрашивается, имѣеть-ли мѣсто выдѣлъ относительно права распоряженія? Намъ кажется, что должно отринуть возможность такого выдѣла: право распоряженія вещью такъ тѣсно связано съ существомъ права собственности, что безъ прекращенія его самого выдѣлъ права распоряженія неудобомыслимъ. По исключенію встрѣчаются, правда, случаи, что право распоряженія выдѣляется изъ права собственности и переходитъ къ другому лицу, однако нормальное состояніе юридическаго быта то, что право распоряженія остается за собственникомъ, хотя-бы у него не было ни владѣнія, ни пользованія. И въ самомъ дѣлѣ, если изъ права собственности выдѣляется право владѣнія или право пользованія, то у собственника остается право распоряженія, и оно знаменуетъ право собственности. Но если выдѣлить право распоряженія, то выдѣлъ его можетъ повлечь за собою выдѣлъ и права владѣнія и права пользованія, такъ-что у собственника ничего не останется отъ его права собственности: стороннее лицо, которому будетъ предоставлено право распоряженія, въ силу своего права, пожалуй, и уничтожитъ вещь, и подвергнетъ ее отчужденію, словомъ, разрушитъ право собственности. Но положительное законодательство, повидимому, противорѣчатъ нашему мнѣнію относительно выдѣла права распоряженія изъ права собственности: законодательство наше говоритъ о правѣ распоряженія, отдѣльномъ отъ права соб-

ственности, т. е. выдѣленномъ изъ него (26). Но законодательство говоритъ о выдѣлѣ права распоряженія не въ томъ смыслѣ, что это право предоставляется стороннему лицу, а законодательству предоставляется выдѣлѣ права распоряженія тамъ, гдѣ собственно нѣтъ его выдѣла. Дѣло въ томъ, что законодательство видитъ выдѣлѣ права распоряженія въ дачѣ довѣренности на отчужденіе вещи (27); но повѣренный есть только представитель довѣрителя, такъ-что каждое дѣйствіе повѣреннаго должно считать дѣйствіемъ самого довѣрителя, и слѣдовательно дачею довѣренности никакого выдѣла изъ права не дѣлается. Въ частности, законодательство, вѣрное своему взгляду, запрещаетъ выдачу *довѣренности* на отчужденіе населеннаго имѣнія лицу, неимѣющему правъ потомственнаго дворянства (28). Но это опредѣленіе объясняется исторически. Извѣстно, что, по нашему законодательству, приобрѣтеніе права собственности на нѣкоторые предметы обуславливается извѣстнымъ сословіемъ лица. Такъ, только потомственные дворяне могутъ приобрѣтать право собственности на населенныя имѣнія (29). Но по выгодамъ, связаннымъ съ правомъ собственности на населенныя имѣнія, естественно, что и для лицъ другихъ сословій есть искушеніе приобрѣсти такіа имущества. Дѣйствительно, въ нашемъ юридическомъ быту встрѣчаются разныя попытки обойти запрещеніе законодательства, а извѣстно, что личный интересъ дѣлаетъ людей весьма изобрѣтательными. И вотъ въ-особенности часто прежняя практика прибѣгала къ такой хитрости: лицо, желающее пользоваться выгодами права собственности на населенное имѣніе, за извѣстное вознагражденіе, равняющееся стоимости имѣнія, получало отъ собственника довѣренность на управленіе тѣмъ имѣніемъ со всѣми вотчинными правами, такъ-что по своему

(26) Тамъ-же, разд. II, гл. 2, отдѣл. 4.

(27) Тамъ-же, ст. 460.

(28) Тамъ-же, ст. 1988.

(29) *Неволина*, Ист. Росс. гр. зак. III, стр. 223.



усмотрѣнію могло подвергнута имѣніе и отчужденію, а между тѣмъ повѣренный обезпечивалъ себя противъ уничтоженія довѣренности со стороны довѣрителя, и такимъ образомъ получалъ возможность фактически располагать населеннымъ имѣніемъ или крѣпостными людьми, какъ своею собственностію (29). При такихъ явленіяхъ законодательство, конечно, легко могло найти на мысль, что дача довѣренности на отчужденіе права собственности составляетъ выдѣлъ изъ него права распоряженія, и вотъ относительно права собственности на населенныя имѣнія запретило такой выдѣлъ лицамъ, не имѣющимъ правъ потомственного дворянства. Но все-таки довѣренность устанавливается лишь договоромъ представительства и дѣйствіе повѣреннаго должно считать дѣйствіемъ самого довѣрителя, такъ-что выдѣла права распоряженія выдачею довѣренности, собственно, не дѣлается, а только представляется возможность фактически осуществлять то, къ чему-бы могло вести право распоряженія, выдѣленное изъ права собственности.

## § 9.

### ОГРАНИЧЕНІЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Уже изъ самаго опредѣленія права собственности, сдѣланнаго нами, видно, что оно подлежитъ различнымъ *ограниченіямъ*, сопровождающимъ всякое право собственности на извѣстные предметы, такъ-что право собственности на эти предметы только и существуетъ въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ ограниченіями, внутри ихъ (30). Эти-то ограниченія и мѣшаютъ намъ принять обыкновенное опредѣленіе права собственности, какъ полного господства лица надъ вещью. Разнообразны ограниченія, существующія для права собственности, по различнымъ соображеніямъ установлены они. Но при всемъ ихъ разнооб-

(30) Въ нашемъ законодательствѣ эти ограниченія называются *правами участія* въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества.

разіи всѣ ограниченія права собственности имѣють и общія характеристическія черты, отличающія ихъ отъ ограниченій другихъ правъ и отъ другихъ ограниченій права собственности. Эти общія черты по нашему мнѣнію слѣдующія: 1) ограниченія эти законныя, а не установлены актомъ самого собственника, такъ-что право собственности на тѣ предметы, которыхъ касаются ограниченія, не существуетъ въ большемъ объемѣ, между-тѣмъ-какъ выдѣлъ той или другой части изъ права собственности актомъ самого собственника не представляется собственно ограниченіемъ права собственности, а только осуществленіемъ его, проявленіемъ права распоряженія. Въ юридическомъ смыслѣ вообще нельзя говорить объ ограниченіи самого себя, ибо каждое такое ограниченіе будетъ осуществленіемъ права. 2) Если ограниченія, существующія для права собственности, такъ или иначе уничтожатся, то объемъ права собственности расширится, чего не бываетъ съ другими вещными правами. Если наприм. право собственности на поземельный участокъ ограничено установленнымъ чрезъ него проѣздомъ, а впоследствии проѣздъ прекратится, то право собственности расширится. Но если напр. существуетъ право пользованія относительно чужаго поземельнаго участка, то, единожды установленное въ извѣстномъ объемѣ, оно и остается навсегда одинаковымъ. Это свойство права собственности расширяться по мѣрѣ устраненія ограниченій можно назвать упругостію права собственности. 3) Ограниченія не устанавливаютъ права на чужую вещь, потому-что право на чужую вещь есть уже выдѣлъ изъ права собственности, а ограниченія составляютъ предѣлъ его. Ограниченія устанавливаютъ для стороннихъ лицъ только право на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, которыя не считаются нарушеніями права собственности. 4) Равнымъ образомъ ограниченія права собственности не устанавливаютъ для стороннихъ лицъ права на чужое дѣйствіе: собственникъ, вслѣдствіе ограниченія права собственности, лишается возможности совершить то или другое дѣйствіе отно-

сительно вещи, тогда-какъ безъ ограниченія онъ по праву собственности могъ-бы совершить это дѣйствіе; или собственникъ, вслѣдствіе ограниченія права собственности, обязывается допустить то или другое дѣйствіе относительно вещи со-сторонны другаго лица, тогда-какъ безъ ограниченія права онъ могъ-бы и не допускать такого дѣйствія; но никогда собственникъ, вслѣдствіе ограниченія права собственности, не обязывается совершить какое-либо положительное дѣйствіе. Если и налагаются нерѣдко на собственника разныя обязательства, то они должны быть разсматриваемы независимо отъ права собственности, какъ законныя обязательства, лежащія на лицѣ собственника, но не какъ ограниченія права собственности. Наконецъ (31), всѣ ограниченія права собственности правами участія касаются исключительно недвижимыхъ имуществъ.

*Право участія*, допускаемое законодательствомъ въ смыслѣ ограниченія права собственности, раздѣляется на *общее* и *частное*, или, какъ говорится, на *право участія общаго* и *право участія частнаго* (32). Право участія общаго установлено въ пользу всѣхъ и каждаго, а право участія частнаго—лишь въ пользу нѣкоторыхъ, извѣстныхъ лицъ. *Право участія общаго* установлено по соображенію, что каждое имущество въ государствѣ, хотя и предоставляется исключительно господству одного лица, все-таки можетъ и должно служить цѣлямъ государства, и какъ цѣли и интересы государства выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ, то права ихъ на имущества могутъ быть ограничены, насколько того требуютъ общественные интересы. Въ особенности это примѣняется къ праву поземельной собственности. Самое понятіе о государствѣ предполагаетъ опредѣленную территорію, безъ которой общество существуетъ лишь въ видѣ кочующей орды. Но что такое территорія, какъ не совокупность поземельныхъ участковъ, входящихъ въ составъ государства? И такъ въ каждомъ поземельномъ участкѣ двѣ

(31) Св. зак. гр. ст. 401.

(32) Тамъ-же, ст. 402.

стороны: одна подлежит господству частнаго лица, другая составляет часть всей территоріи государства. И одна сторона ограничивается другою: вслѣдствіе того, что поземельный участокъ принадлежитъ одному лицу, государство объявляетъ его неприкосновеннымъ для другихъ лицъ; но вслѣдствіе того, что поземельный участокъ есть составная часть государственной территоріи, самое господство надъ участкомъ ограничивается. Другое соображеніе при установленіи права участія общаго то, что безъ права пользованія извѣстными удобствами и средствами тамъ, гдѣ лицо ихъ находитъ, оно было бы иногда поставлено въ самое затруднительное положеніе. По этимъ-то соображеніямъ наше законодательство постановляетъ слѣдующія права участія общаго, какъ ограниченія права собственности: 1) собственникъ поземельнаго участка, чрезъ который пролегаетъ дорога, не въ-правѣ препятствовать свободному проходу, провозу и проѣзду по дорогѣ, вслѣдствіе того обязанъ воздерживаться отъ запахиванія дороги, копанія по ней ямъ и вообще отъ всего того, что можетъ препятствовать свободному проходу, провозу и проѣзду по дорогѣ (32). Интересъ государства требуетъ, чтобы сообщенія были возможны между всѣми частями территоріи, свобода движенія была установлена для всѣхъ гражданъ, а для этого необходимы пути сообщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ различныя ограниченія права собственности въ интересахъ сообщеній между различными мѣстностями. Но не во всѣхъ случаяхъ право участія каждаго въ пользованіи дорогою представляется ограниченіемъ права собственности. Нѣкоторыя дороги, напр. большіе тракты, губернскія дороги и др. считаются собственностію государства (33), и вотъ относительно этихъ дорогъ право общаго участія не представляется ограниченіемъ права собственности: собственникъ прилежащаго поземельнаго участка не ограничивается въ правѣ собственности, потому-что не его соб-

---

(33) Тамъ-же, ст. 374.

ственностію пользуются проходящіе и проѣзжающіе, а собственностію государства; но государство также не ограничивается въ правѣ собственности, ибо само оно предоставляетъ пользоваться своими дорогами всѣмъ и каждому. Дѣйствительно, ограниченіе представляется только относительно малыхъ, сельскихъ дорогъ, называемыхъ юристами западной Европы *вициналими* (chemins vicinaux): дороги эти частныя, онѣ составляютъ собственность хозяина поземельнаго участка, чрезъ который прелегаютъ, но тѣмъ не менѣе каждое лицо имѣетъ по нимъ право прохода, провоза и проѣзда. 2) Владѣлецъ поземельнаго участка, прилегающаго къ судоходной рѣкѣ, не въ правѣ препятствовать свободному плаванію по рѣкѣ: поэтому запрещается ему строить на судоходной рѣкѣ мельницы, плотины, заколы или другіе перегороды, отъ которыхъ рѣки засоряются и къ судовому ходу дѣлаются неудобными; на малыхъ рѣкахъ прибрежные владѣльцы не въ правѣ строить мостовъ на козлахъ, жердяхъ и слабыхъ сваяхъ, а могутъ строить только постоянные мосты, которые не препятствуютъ сплаву дровъ и бревенъ, или содержать разводные живые мосты или перевозные платы (34). Но относительно большихъ судоходныхъ рѣкъ должно сказать то-же самое, что сказано и о большихъ дорогахъ: рѣки эти считаются собственностію государства. Такимъ образомъ, только ограниченія прибрежныхъ владѣльцевъ относительно пользованія малыми рѣками дѣйствительно представляются ограниченіями права собственности. 3) Хозяинъ поземельнаго участка, чрезъ который пролегаетъ дорога, не въ правѣ запирать луга свои отъ 1 сентября до дня св. Троицы на пространствѣ версты или полуверсты по обѣимъ сторонамъ дороги (смотря потому, къ какой дорогѣ прилегаетъ дача, большой или проселочной) и не въ правѣ препятствовать пользоваться въ своей дачѣ прогоняемому скоту подножнымъ кормомъ (35). Постановленіе это основано на осо-

(34) Тамъ-же, ст. 406, 408.

(35) Тамъ-же, ст. 403, 404.

быхъ отношеніяхъ, существующихъ въ нашемъ отечествѣ: народное продовольствіе составляетъ одну изъ существенныхъ заботъ правительства, между-тѣмъ для продовольствія нѣкоторыхъ мѣстностей требуется прогонъ скота изъ очень отдаленныхъ губерній, и еслибы кормъ для прогоняемаго скота получать посредствомъ покупки, то намѣстѣ потребленія скотъ обошелся-бы чрезвычайно дорого, а отъ этого затруднилось-бы и продовольствіе жителей. Кромѣ-того, по малому числу городовъ и рынковъ въ нашемъ отечествѣ, даже при готовности покупать кормъ для прогоняемаго скота, хозяева его затруднялись-бы въ приобрѣтеніи корма: имъ или вовсе не-гдѣ было-бы купить его, или хозяева корма стали-бы требовать за него огромныя цѣны. Вслѣдствіе этого-то у насъ до-сихъ-поръ существуетъ постановленіе, по которому хозяева поземельныхъ участковъ, прилежащихъ къ дорогамъ, обязаны дозволить пользованіе подножнымъ кормомъ для прогоняемаго скота. Разумѣется, сначала это право участія установилось обычаемъ, ибо по недороговизнѣ поземельной собственности въ прежнее время это пользованіе подножнымъ кормомъ считалось столь незначительнымъ, что оно не заслуживало и вниманія хозяевъ поземельныхъ участковъ. Впослѣдствіи, когда поземельная собственность получила большую цѣнность, естественно возникъ вопросъ о запрещеніи такого пользованія и вотъ тутъ-то представилось указанное соображеніе, на основаніи котораго законодательство опредѣлило ограниченіе, хотя въ настоящее время оно можетъ быть и очень чувствительно. Впрочемъ, въ то время, которое особенно важно для хозяина луговъ (отъ Троицына дня до 1 сентября), права участія въ пользованіи лугами не существуетъ. 4) Хозяинъ поземельнаго участка, прилегающаго къ судоходной рѣкѣ или озеру, рыболовство въ которомъ не принадлежитъ ему, на пространствѣ десяти сажень обязанъ допускать проходъ и проѣздъ людямъ, занимающимся подъемомъ рѣчныхъ судовъ, дозволить баркамъ и другимъ судамъ останавливаться у береговъ, причаливать къ нимъ и вы-

гружать свои товары безъ всякой платы, пользоваться подножнымъ кормомъ на пространствѣ бичевника, ловцамъ рыбы имѣть пристанище и осушивать снасти, вообще не препятствовать употребленію бичевника и не повреждать его (36). Такое ограниченіе постановлено по тому соображенію, что въ нашемъ отечествѣ весьма употребительно судоходство бичевою тягою, производимую частію людьми, частію животными, особенно лошадьми, между-тѣмъ цѣна за провозъ товаровъ такъ низка, что нѣтъ возможности судовщикамъ издерживать что-либо на прокормленіе лошадей, употребляемыхъ для бичевой тяги. При томъ-же было-бы затруднительно вступать каждый разъ въ договоръ относительно подножнаго корма и права остановки у берега: прибрежные хозяева могли-бы воспользоваться нуждою судовщиковъ и рыболовцевъ и стѣснить ихъ, какъ въ случаѣ надобности въ подножномъ кормѣ, такъ и въ случаѣ надобности остановки у берега, для починки-ли судна, для выгрузки-ли товаровъ, или для осушки снастей. Но дѣло въ томъ, что пространство берега судоходной рѣки, отводимое для бичевника, вмѣстѣ съ рѣкою, равно-какъ и большія озера съ ихъ берегами считаются имуществомъ государственнымъ (37), слѣдовательно рассматриваемое опредѣленіе законодательства, по-отношенію къ собственникамъ поземельныхъ участковъ, прилежащихъ къ судоходнымъ рѣкамъ и большимъ озерамъ, ограниченія частной собственности не представляетъ, а представляется ограниченіе права собственности только для хозяевъ малыхъ рѣкъ и озеръ и прилежащихъ къ нимъ поземельныхъ участковъ.

### § 10.

Ограниченія права собственности *правами участія частнаю* установлены преимущественно въ пользу сосѣдей недвижны

(36) Тамъ-же, ст. 405, 406, 409.

(37) Тамъ-же, ст. 374.

ныхъ имуществъ, какъ поземельныхъ, такъ и строеній. Ограниченія эти установлены частію по тому соображенію, что иногда собственникъ недвижимаго участка не иначе можетъ извлекать изъ него пользу, осуществить свое право собственности, какъ съ ограниченіемъ права собственности своего сосѣда. Такъ 1) если дача окружена другими поземельными участками и нѣтъ возможности пробраться въ дачу, какъ только чрезъ чужіе участки, равнымъ-образомъ, если въ дачѣ нѣтъ воды, то хозяева сосѣднихъ поземельныхъ участковъ обязаны позволять проходъ, проѣздъ и прогонъ скота на водопой чрезъ свои дачи (38); 2) хозяинъ поземельнаго участка не въ-правѣ поднимать запрудами рѣчную воду, какъ-скоро этимъ останавливается ходъ мельницы, устроенной сосѣдомъ (39). Или ограниченія права собственности правами участія частнаго установлены по тому соображенію, что иные виды осуществленія права собственности были-бы нарушеніемъ права собственности сосѣда. Поэтому: 1) хозяинъ поземельнаго участка, прилежащаго къ рѣкѣ, не въ-правѣ поднимать воду ея и тѣмъ производить затопленіе сосѣднихъ поземельныхъ участковъ (40); 2) собственникъ прибрежнаго поземельнаго участка не въ-правѣ примыкать плотину къ противоположному берегу рѣки, принадлежащему другому лицу (41); 3) домохозяинъ не въ-правѣ устроить скать крыши на дворъ сосѣда, 4) лить воду, сметать соръ, на дворъ его; 5) не въ-правѣ пристроивать поварню къ стѣнѣ сосѣда и 6) дѣлать окна на его дворъ въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ (42). Но поднимать рѣчную воду и тѣмъ затоплять сосѣдніе луга, примыкать плотину къ чужому берегу, дѣлать скать кровли на дворъ сосѣда и тѣмъ давать туда направленіе дождевой водѣ, сметать соръ, лить воду на дворъ сосѣда—все это значитъ нарушать право собственности другаго лица. При-

(38) Св. зак. гр. ст. 416, 419.

(39) Тамъ-же, ст. 410, п. 1.

(40) Тамъ-же.

(41) Тамъ-же, п. 2.

(42) Тамъ-же, ст. 413, 414, 415



стройка здания къ стѣнѣ сосѣда, говоря вообще, не считается нарушеніемъ права собственности, хотя и независимо отъ воли сосѣда происходитъ прикосновение къ его вещи; но если прикасающееся строеніе угрожаетъ какою-либо опасностію, то законодательство считаетъ нужнымъ ограничить строителя и вотъ запрещаетъ пристроивать поварню къ стѣнамъ сосѣда, какъ строеніе, угрожающее опасностію отъ огня. Нѣсколько страннымъ кажется ограниченіе относительно оконъ. Казалось-бы, домохозяинъ, пробивая окна въ стѣнѣ своего дома, находящейся на межѣ, осуществляетъ только свое право собственности и не нарушаетъ права собственности сосѣда, подобно тому, какъ представляется такое нарушеніе напр. при сліяніи воды на чужой дворъ. Но запрещеніе относительно оконъ имѣетъ практическое значеніе: каждому домохозяину болѣе или менѣе непріятно, если совершенно независимо отъ его воли сосѣдъ пуститъ окна на его дворъ. Конечно, сосѣдъ можетъ избавиться отъ такой непріятности: онъ по своему праву собственности можетъ вывести какое-либо зданіе или стѣну у самого окна. Но законодательство считаетъ возможнымъ прямо ограничить право собственности домохозяина, запретить ему пускать окна на дворъ сосѣда. Однакожь запрещеніе это только и касается оконъ въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ, а по ея сторону межи домохозяинъ въ-правѣ вывести какое угодно строеніе и сдѣлать окна, изъ которыхъ видно на дворъ сосѣда: законодательство считаетъ неумѣстнымъ ограничивать далѣе право собственности, но сосѣдъ также въ-правѣ вывести стѣну на самой межѣ и тѣмъ совершенно отдѣлится и закрыть свой домъ отъ сосѣдняго (43). Разумѣется, особое со-

---

(43) При такомъ пространствѣ ограниченія относительно оконъ, легко допустить предположеніе, что ограниченіе это, кромѣ своего практическаго значенія, установлено еще подъ вліяніемъ Римскихъ юридическихъ понятій, по которымъ хозяинъ мѣста есть также хозяинъ воздушнаго столба, возвышающагося надъ мѣстомъ, и потому существованіе окна въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ, и пользованіе воздухомъ представляются нарушеніемъ права собственности сосѣда, но нѣтъ такого нарушенія, когда зданіе нахо-

глашение, особый договор между соседями, надлежащим образом совершенный, может устранить то или другое законное ограничение права собственности правом частного участия. Но если такого соглашения нетъ, то каждый собственникъ смежнаго недвижимаго имущества осуществляетъ право частного участия: переѣзжа въ лицѣ собственника того или другаго соседняго имущества не имѣетъ вліянія на право частного участия. Въ видахъ безопасности отъ огня, законодательство постановляетъ и нѣкоторыя другія ограниченія въ устройствѣ и содержаніи домовъ (44), но ограниченія эти и правила не представляются правами участия и потому не относятся къ нашему предмету.

### § 11.

Независимо отъ этихъ ограниченій, сопровождающихъ каждое право собственности на тѣ предметы, которыхъ касаются ограниченія, такъ-что право собственности только и существуетъ въ предѣлахъ установленныхъ ограниченій, независимо, говорю, отъ нихъ, право собственности и внутри своихъ предѣловъ иногда ограничивается по различнымъ основаніямъ, лежащимъ или въ личности отдѣльнаго субъекта права собственности, или въ обстоятельствахъ постороннихъ относительно личности субъекта. Ограниченіе можетъ касаться каждой изъ составныхъ частей права собственности — владѣнія, пользованія и распоряженія, и притомъ можетъ касаться или одной только составной части права собственности, или распространяться и на другія части. Разсмотримъ эти ограниченія относительно каждой составной части права собственности въ отдѣльности.

Ограниченіе права собственности относительно *владѣнія*, безъ ограниченія пользованія и распоряженія представляется

идетъ не на самой межѣ, ибо воздушный столбъ въ этомъ случаѣ составляетъ уже собственность домохозяина (Dig. L. 43, t. 27).

(44) Уст. строит. разд. VI.

при учрежденіи опеки надъ населеннымъ имѣніемъ съ устраненіемъ собственника отъ всякаго прикосновенія къ нему. Такъ, по нашему законодательству, собственникъ населеннаго имѣнія, отступившій отъ православнаго вѣроисповѣданія, не имѣетъ права въѣзда въ имѣніе (45). Равнымъ образомъ запрещается въѣздъ въ населенное имѣніе собственнику, жестоко обращающемуся съ крѣпостными людьми (46). Въ обоихъ этихъ случаяхъ учреждается опека и владѣть за собственника опекуны, который является и представителемъ государства и представителемъ опекаемаго. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ законодательство не трогаетъ ни права пользованія — собственникъ пользуется доходами, получаемыми отъ имѣнія, ни права распоряженія — собственникъ въ-правѣ продать имѣніе и правительство даже охотно принимаетъ готовность къ отчужденію, а законодательство не допускаетъ только владѣнія. Иногда съ ограниченіемъ владѣнія соединяется и ограниченіе *пользованія*, такъ-что лицо не только не владѣетъ имуществомъ, но и не пользуется имъ или совершенно, или по-крайней-мѣрѣ пользуется не въ полномъ объемѣ, а только часть доходовъ, доставляемыхъ имуществомъ, идетъ на удовлетвореніе потребностей собственника. Такъ, ограниченія относительно владѣнія и пользованія представляются по нашему законодательству при учрежденіи опеки надъ имуществомъ расточителя (47), несовершеннолѣтнаго, умалишеннаго (48); при срочкѣ по закладной крѣпости, когда залогоприниматель вводится во владѣніе заложеннымъ недвижимыхъ имуществомъ и пользуется его доходами до продажи или до расчета съ залогодателемъ (49); при закладѣ движимаго имущества, которое обыкновенно хранится въ рукахъ залогопринимателя (50); нако-

(45) Св. уст. о предуп. и пресѣч. преступл. ст. 49.

(46) Тамъ-же, ст. 362.

(47) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 215.

(48) Св. зак. гр. ст. 253, 347.

(49) Тамъ-же, ст. 2052.

(50) Тамъ-же, ст. 1407.

нецъ, ограниченіе относительно владѣнія и пользованія представляется въ томъ случаѣ, когда право собственности на имущество бездѣтно-умершаго лица переходит по праву наследованія къ его родственникамъ въ боковой линіи, но владѣніе и пользованіе пожизненно принадлежитъ родителямъ безпотомственно-умершаго (51). Но какъ владѣніе можетъ быть ограничено безъ ограниченія пользованія и распоряженія, такъ и относительно пользованія представляются случаи, въ которыхъ собственникъ ограничивается относительно пользованія, не будучи ограничиваемъ относительно владѣнія. Такъ, при отдачѣ имущества въ закладъ, оно можетъ быть описано, запечатано и оставлено на храненіе у самого залогодателя: владѣніе заложенною вещью для него не ограничивается, но существуетъ ограниченіе относительно пользованія и распоряженія. Въ бѣльшей части случаевъ однако съ ограниченіемъ пользованія соединяется и ограниченіе владѣнія.

## § 12.

Право собственности ограничивается относительно *распоряженія*. Или это ограниченіе соединяется съ ограниченіемъ другихъ частей права собственности: такъ, при учрежденіи опеки надъ имѣніемъ малолѣтнаго, умалишеннаго, расточителя право собственности ограничивается не только относительно распоряженія, но и относительно другихъ составныхъ своихъ частей. Или ограниченіе права собственности только и касается распоряженія: такъ при наложеніи запрещенія на имущество. Въ иныхъ случаяхъ право собственности и существуетъ иначе, какъ съ ограниченіемъ относительно распоряженія. Напр. право собственности на такъ-называемыя *заповѣдныя имѣнія*: лицо, праву собственности котораго подлежитъ заповѣдное имѣніе, владѣтъ имъ, пользуется, но не въ-правѣ подвергнуть его отчужденію и залoгу (который также можетъ ве-

(51) Тамъ-же, ст. 960.

сти къ отчужденію), слѣдовательно ограничивается въ распоряженіи (52). Таковы *майораты* (53). Самый важный случай ограниченія права собственности относительно распоряженія представляется при наложеніи *запрещенія* на имущество, по отношенію къ имуществу движимому частно называемаго *арестомъ*. Подъ *запрещеніемъ* разумѣтся ограниченіе собственника въ совершеніи какого-либо акта отчужденія относительно его имущества, такъ-что запрещеніе обнимаетъ собою не все распоряженіе, а только важнѣйшій видъ его. По буквальному выраженію законодательства, наложенное запрещеніе ограничиваетъ, правда, собственника только въ совершеніи купли, продажи и залога относительно недвижимаго имущества; законодательство выражается: «запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей» (54). Но практика понимаетъ это опредѣленіе распространительно, толкуетъ такъ, что запрещеніе въ письмѣ купчихъ крѣпостей обнимаетъ всѣ акты отчужденія. Практика

(52) Св. зак. гр. прим. къ ст. 363 (по прод. VI) т. 33, 42.

(53) Но съ этимъ правомъ собственности, ограниченнымъ относительно распоряженія, не должно смѣшивать сходнаго съ нимъ по содержанію такъ называемаго *пожизненнаго владѣнія*. Такъ, наше законодательство предоставляетъ родителямъ пожизненное владѣніе благопріобрѣтенымъ имуществомъ безпотомственно умершихъ дѣтей; или иногда, по исключенію, верховная власть предоставляетъ переживающему супругу пожизненное владѣніе имуществомъ другого супруга. Въ обоихъ случаяхъ пожизненное владѣніе обнимаетъ право владѣнія и право пользованія, безъ права распоряженія. Но все-таки пожизненнаго владѣльца нельзя считать собственникомъ имущества, которымъ онъ владѣетъ и пользуется, — собственникомъ, ограниченнымъ въ распоряженіи: собственникъ — наследникъ умершаго лица, безпотомственнаго дитяти или супруга. Практическая сторона такого признанія права собственности за наследникомъ заключается въ томъ, что наследникъ, будучи собственникомъ имущества, подлежащаго пожизненному владѣнію другого лица, ограниченнымъ во время жизни его во владѣніи и пользованіи, можетъ распорядиться имуществомъ, разумѣтся, безъ всякаго ущерба пожизненному владѣльцу, — тогда-какъ, еслибы пожизненнаго владѣльца считать собственникомъ, ограниченнымъ въ распоряженіи, за прямымъ-же наследникомъ признавать лишь право на пріобрѣтеніе права собственности на имущество по смерти пожизненнаго владѣльца, то всякаго распоряженіе наследника относительно имущества, сдѣланное при жизни пожизненнаго владѣльца, должно-бы признанъ недействительнымъ.

(54) Св. зак. гр. ст. 626.

въ этомъ случаѣ совершенно еднородна: ни одно присутственное мѣсто, совершающее крѣпостные акты, не совершить напр. *дарственной записи* на имѣніе, состоящее подъ запрещеніемъ. И должно сказать, что такое толкованіе совершенно сообразно цѣли законодательства, съ которою налагается запрещеніе: цѣль эта, говоря вообще, обезпеченіе взысканія, которое можетъ пасть на собственника; но понятно, что она не была-бы достигнута, еслибы собственникъ, ограниченный въ продажѣ имѣнія, считался въ-правѣ подвергнуть его дарственному отчужденію, которое притомъ способно прикрывать собою и отчужденіе возмездное, продажу. Если-же законодательство говорить только о запрещеніи въ письмѣ купчихъ крѣпостей, не упоминая о другіяхъ актахъ отчужденія, потому - что отчужденіе имущества производится всего чаще возмездно и притомъ именно по договору купли-продажи, совершаемому посредствомъ написанія купчей крѣпости. Отдача имущества въ залогъ не составляетъ акта отчужденія; не такъ-какъ залогъ можетъ вести къ отчужденію имущества продажей (при несправности залогодателя) (55) и древніе источники нашего права безпрестанно объединяють залогъ съ продажей (56), то законодательство распространяетъ запрещеніе и на совершеніе закладной крѣпости. Поэтому мы въ-правѣ, кажется, характеризовать запрещеніе, какъ ограниченіе собственника только въ совершеніи акта отчужденія относительно его имущества. То же самое составляетъ существо *ареста*; но онъ имѣетъ и нѣкоторыя особенности. Отчужденіе недвижимаго имущества по нашему законодательству совершается посредствомъ написанія крѣпостнаго акта, а его нельзя написать при существованіи запрещенія; поэтому нѣтъ затрудненія оставить недвижимое имущество въ рукахъ собственника, хотя на имущество это и наложено запрещеніе. Но что касается до движимаго имущества, то хотя юридически и нельзя подвергнуть его отчужде-

(55) Тамъ-же, ст. 2061., 2073, 2074.

(56) *Мейера*, Древн. Русс. право залога. Казань, 1855, стр. 6, 7.

нію при существованіи запрещенія — актъ отчужденія юридически-ничтоженъ, — но такъ-какъ для отчужденія движимаго имущества не требуется совершенія крѣпостнаго акта и слѣдов. фактически оно можетъ быть отчуждено, передано отъ собственника въ руки другаго лица, и трудно добратъся, къ кому оно перешло, и далѣе, такъ-какъ движимое имущество легко можетъ быть скрыто или подвергнуто уничтоженію, то съ ограниченіемъ права отчужденія относительно движимаго имущества самое имущество обыкновенно описывается, запечатывается и отбирается отъ собственника (57). Такимъ-образомъ арестъ, кромѣ ограниченія собственника въ отчужденіи, лишаетъ его и владѣнія и пользованія, и только по особому соглашенію интересента имущество, подвергшееся аресту, можетъ быть оставлено въ рукахъ самого собственника. Запрещеніе представляется двоякимъ: *общимъ* и *частнымъ* или *спеціальнымъ*. *Общее запрещеніе* обнимаетъ все имущество лица не только настоящее, но и будущее, не только извѣстное настоящее, но и неизвѣстное; словомъ, когда-бы и гдѣ-бы ни оказалось у лица имущество, какъ-скоро оно явится, считается подлежащимъ запрещенію. Такому общему запрещенію подвергается напр. имущество несостоятельнаго должника (58), имущество расточителя (59) и т. п. *Частное запрещеніе* относится къ извѣстному какому-либо имуществу лица: напр. налагается запрещеніе на такое-то населенное имѣніе лица, находящееся въ такой-то губерніи, въ такомъ-то уѣздѣ, состоящее изъ такого-то числа ревизскихъ душъ. Но это частное запрещеніе представляется опять двоякимъ: или оно обнимаетъ извѣстное имущество въ цѣлости, или только часть его, опредѣляемую количествомъ (60). Положимъ, лицу принадлежит недвижимое населенное имѣніе, состоящее изъ 500 ревизскихъ душъ и 2000

(57) Св. зак. гр. ст. 1407, 3806.

(58) Св. уст. торг. ст. 1716—1722. Св. зак. гр. 2079—2081.

(59) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 214.

(60) Св. зак. гр. ст. 3776, 3777.

десятины земли; половину этого имѣнія лицо предоставляет въ залогъ напр. по питейнымъ откупамъ; вслѣдствіе того на 250 душъ и 1000 десятинъ земли имѣнія налагается запрещеніе; но при этомъ не исчисляется, какіе именно крестьяне и какія десятины земли поступаютъ въ залогъ, а указывается только число душъ и десятинъ земли, подлежащихъ запрещенію. Въ такомъ случаѣ, и собственникъ ограничивается въ отчужденіи лишь той части своего имущества, на какую простирается запрещеніе, а часть излишняя остается въ свободномъ его распоряженіи. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, лицо въ-правѣ продать 50, 100 до 250 душъ и 1000 десятинъ земли, потому-что эта часть имѣнія свободна отъ запрещенія.

По различнымъ поводамъ налагается запрещеніе на недвижимое имущество, запрещеніе въ тѣсномъ смыслѣ. Иногда оно налагается при участіи воли самого собственника, иногда независимо отъ его воли, по опредѣленію какого-либо присутственнаго мѣста. При участіи воли собственника налагается запрещеніе на имущество, когда собственникъ распоряжается имъ для обезпеченія обязательства, представляетъ свое имущество въ залогъ (61). Иногда уже при одномъ только приготовленіи имущества въ залогъ оно подвергается запрещенію. Такъ, при заключеніи какого-либо договора частнымъ лицомъ съ казною, подряда, поставки, займа и т. п., недвижимое имущество не иначе принимается въ залогъ для обезпеченія обязательства, какъ съ засвидѣтельствованіемъ подлежащаго присутственнаго мѣста о наличности имущества и его свободности (62). Но отъ выдачи собственнику такого свидѣтельства до представленія имущества въ залогъ можетъ истечь значительное пространство времени, въ которое собственникъ, пожалуй, успѣетъ подвергнуть свое имущество и отчужденію: поэтому при самой выдачѣ свидѣтельства на имущество уже налагает-

---

(61) Тамъ-же, ст. 1388.

(62) Тамъ-же, ст. 1351, 1359.



ся запрещеніе, такъ-что договоръ съ казною еще и не заключенъ, нѣтъ обязательства, которое-бы обезпечивало имущество, а запрещеніе на имущество уже наложено. Независимо отъ воли собственника, по опредѣленію какого-либо присутственнаго мѣста, налагается запрещеніе или на основаніи прямого опредѣленія законодательства, или по собственному усмотрѣнію присутственнаго мѣста. По прямому опредѣленію законодательства, налагается напр. запрещеніе на имущество несостоятельнаго должника (63), расточителя (64); на имущество, переходящее по духовному завѣщанію, если по ввѣдѣ уже наследника во владѣніе завѣщаннымъ недвижимымъ имуществомъ будетъ предъявленъ споръ противъ духовнаго завѣщанія (65) и т. д. Но такъ-какъ запрещеніе не составляетъ большаго ущерба для собственника, потому-что право собственности осуществляется преимущественно безъ отчужденія, — отчужденіе ведетъ уже къ прекращенію самаго права собственности; то, и независимо отъ прямыхъ указаній законодательства, присутственные судебныя мѣста, въ случаѣ тяжбы о недвижимомъ имуществѣ, охотно соглашаются на просьбы истцевъ о наложеніи запрещенія на имущество, о которомъ идетъ тяжба, и наложеніи запрещенія. Особенно въ дѣлахъ по претензіямъ казны на частномъ лицѣ присутственные мѣста, чтобъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, бывають очень проворны на наложеніе запрещенія, такъ-что законодательство нашло даже нужнымъ ограничить такой произволъ и постановило, что нельзя налагать запрещенія на имущество лица по одной только возможности взысканія, одному ожиданію, а только при дѣйствительномъ нарушеніи лицомъ чьихъ-либо правъ или, по-крайней-мѣрѣ, при большой вѣроятности нарушенія, и слѣдовательно въ вѣроятности взысканія, на имущество лица можно налагать

---

(63) Учр. и уст. торгов. ст. 1720. Св. зак. гр. ст. 2079—2081.

(64) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 214.

(65) Св. зак. гр. ст. 917.

запрещеніе (66). Но ни въ какомъ случаѣ не налагается запрещеніе на имущество тѣхъ лицъ, которые своихъ обязательствъ имуществомъ не обезпечиваютъ и съ которыхъ взысканія не производится посредствомъ продажи ихъ имуществъ. Такъ имущества казны и нѣкоторыхъ другихъ юридическихъ лицъ не подвергаются запрещенію.

Что касается до самаго процесса наложенія запрещенія, то, будучи актомъ власти исполнительной, наложеніе запрещенія должно входить въ кругъ вѣдомства губернскаго правленія, а какъ цѣль наложенія запрещенія—предупрежденіе актовъ отчужденія по недвижимому имуществу, совершаемыхъ въ судебныхныхъ мѣстахъ, палатахъ гражданскаго суда и уѣздныхъ судахъ, то эти мѣста должны быть увѣдомлены о наложеніи запрещенія. Итакъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда слѣдуетъ наложить запрещеніе на недвижимое имущество, губернское правленіе той губерніи, гдѣ находится имущество, должно-бы сдѣлать постановленіе о наложеніи запрещенія и увѣдомить о томъ гражданскую палату и уѣздные суды своей губерніи. Но извѣщенія судебныхныхъ мѣстъ одной губерніи оказалось-бы недостаточно для той цѣли, съ которою налагается запрещеніе на имущество: ибо законодательство находитъ затруднительнымъ для собственниковъ ограниченіе въ выборѣ судебныхныхъ присутственныхъ мѣстъ для совершенія актовъ отчужденія и закладныхъ крѣпостей по недвижимымъ имуществамъ и предоставляетъ совершать эти акты повсемѣстно, и не въ одной только губерніи, гдѣ находится имущество. Изъ этого не слѣдовало-бы еще большихъ неудобствъ, не слѣдовало-бы губернскому правленію, которое распоряжается о наложеніи запрещенія, увѣдомлять о немъ всѣ судебныя мѣста имперіи, совершающія крѣпостные акты, а было-бы достаточно, еслибы въ законодательствѣ существовало постановленіе, что судебное мѣсто прежде совершенія крѣпостнаго акта по имуще-

---

(66) Тамъ-же, ст. 3775.

ству, находящемуся въ другой губерніи, должно сдѣлать запросъ о свободности имущества у губернскаго правленія или судебныхъ мѣстъ, вѣдающихъ крѣпостныя дѣла той губерніи, въ которой находится имущество. Но такого постановленія нѣтъ: законодательство, можетъ быть, имѣетъ въ виду, что запросъ о свободности имѣнія повлекъ-бы за собою значительную медлительность въ совершеніи крѣпостныхъ актовъ, а это тягостно для лицъ, совершающихъ акты. Кромѣ-того желательна известная гласность запрещеній, налагаемыхъ на имѣнія, желательно, чтобъ не только присутственныя мѣста, совершающія крѣпостныя акты, знали о запрещеніи, но чтобы звалъ о немъ и всякій, кто пожелаетъ, кто можетъ интересоваться этимъ. Поэтому-то законодательство избираетъ иной путь для наложенія запрещеній, — путь, требующій болѣе труда, болѣе переписки, нежели тотъ, который изложенъ нами и который могъ-бы существовать. По опредѣленію законодательства, запрещеніе налагается повсемѣстнымъ объявленіемъ о немъ посредствомъ припечатанія въ *Сенатскихъ вѣдомостяхъ* (67); запрещеніе на имущество считается наложеннымъ, коль-скоро въ *Объявленіяхъ*, издаваемыхъ при Сенатскихъ вѣдомостяхъ, Петербургскихъ и Московскихъ, является *статья* о запрещеніи. Объявленія эти рассылаются еженедѣльно во всѣ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостныя акты, а по истеченіи мѣсяца Сенатскія типографіи печатаютъ алфавитъ состоявшихся запрещеній по фамиліямъ лицъ, на имущества которыхъ они наложены, и также рассылаютъ его въ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостныя акты. Подобный-же алфавитъ составляется по истеченіи года. Но для присутственныхъ мѣстъ обязательенъ не алфавитъ, а самое объявленіе о запрещеніи, такъ что если напр. въ алфавитѣ будетъ пропущена какая-либо запретительная статья, припечатанная въ объявленіяхъ, то присутственное мѣсто все-таки подвергается отвѣтственности,

(67) Тамъ-же, ст. 3773—3794.

если совершить актъ отчужденія или закладную крѣпость относительно имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ. Присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія на имущество по собственному-ли усмотрѣнію, или по просьбѣ частнаго лица (большою частію мѣсто судебное, какъ разбирающее тяжбы и совершающее закладныя крѣпости), составляетъ *объявленіе* о наложеніи запрещенія: въ объявленіи прописывается званіе, имя, отчество и фамилія лица, на имущество котораго налагается запрещеніе, подробно описывается самое имущество, подвергающееся запрещенію (если это земля, то означается, въ какой губерніи и уѣздѣ она находится, какъ называется, въ какомъ количествѣ десятинъ заключается, какимъ количествомъ душъ населена; если это домъ, то означается городъ, въ которомъ онъ стоитъ, и положеніе его въ городѣ, въ какой части города, на какой улицѣ, подъ какимъ номеромъ, каменный или деревянный) и наконецъ изъясняется поводъ, по которому налагается запрещеніе (68). Составленное такимъ образомъ въ двухъ экземплярахъ объявленіе препровождается въ губернское правленіе, а губернское правленіе отсылаетъ его въ сенатскія типографіи, одинъ экземпляръ въ С. Петербургскую, другой въ Московскую, для припечатанія въ издаваемыхъ при сенатскихъ вѣдомостяхъ объявленіяхъ, въ особомъ отдѣлѣ ихъ, извѣстномъ подъ названіемъ *запретительныхъ статей*. Но печатаніе объявленій сопряжено также съ издержками, которыя, по опредѣленію законодательства, падаютъ на счетъ собственниковъ имущества или тѣхъ лицъ, которыя просятъ о наложеніи запрещенія на чужое имущество. Требуется поэтому, чтобы каждое присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія, представило и деньги для припечатанія объявленія. За каждую запретительную статью полагается 75 коп. сер., слѣдовательно на двѣ статьи, одну въ Петербургскихъ и другую въ Московскихъ сенатскихъ объявленіяхъ,

---

(68) Тамъ-же, ст. 3773.

приходится 1 р. 50 коп. сереб. (69). Но такъ-какъ имѣется въ виду, что за наложеніемъ запрещенія когда-либо послѣдуетъ снятіе его, о которомъ также дѣлается объявленіе въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, то обыкновенно при самомъ наложеніи запрещенія взыскиваются деньги и за будущее объявленіе о снятіи запрещенія. За это объявленіе платится также по 75 коп. сер., такъ-что всего взыскивается 3 руб. сер. и 3 коп. на пересылку ихъ по почтѣ, страховыхъ. Деньги эти присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія, прямо отъ себя посылаетъ въ сенатскія типографіи, при увѣдомленіи, за какимъ № отправлено объявленіе о запрещеніи въ губернское правленіе, а губернское правленіе увѣдомляется о времени отсылки денегъ въ сенатскія типографіи. Итакъ, по напечатаніи объявленія о наложеніи запрещенія на имущество, нѣтъ возможности совершить относительно его актъ отчужденія или залога и слѣдов. цѣль запрещенія напечатаніемъ о его наложеніи въ сенатскихъ объявленіяхъ достигается. Въ самомъ процессѣ представляется только тотъ недостатокъ, что между распоряженіемъ о наложеніи запрещенія и появленіемъ запретительной статьи въ сенатскихъ объявленіяхъ проходитъ нѣкоторое, иногда довольно значительное пространство времени, въ которое собственникъ имущества, не ограниченный въ выборѣ мѣста для совершенія крѣпостнаго акта, успѣетъ, пожалуй, совершить относительно имущества тотъ или другой актъ, устранимый запрещеніемъ. Но опасность эта отклоняется тѣмъ, что присутственныя мѣста, къ которымъ обращаются съ просьбою о совершеніи крѣпостныхъ актовъ относительно имущества, находящихся въ другомъ уѣздѣ, или другой губерніи, если не всегда, то обыкновенно, или по крайней мѣрѣ въ сомнительныхъ случаяхъ дѣлаютъ запросъ у присутственныхъ мѣстъ того уѣзда или той губерніи, гдѣ находится имѣніе, не наложено-ли на него запрещеніе, или вообще нѣтъ-ли препятствій къ совершенію предполагаемаго акта (хотя за-

---

(69) Тамъ-же, п. 5 (Прод. VI), ст. 3779.

просъ такой и не обязательнѣ) и въ случаѣ неблагопріятнаго для собственника отвѣта отказываютъ въ его совершеніи.

И такъ, если на имущество наложено запрещеніе, то нѣтъ возможности совершить относительно его актъ отчужденія или закладную крѣпость. Собственникъ ограничивается такимъ образомъ въ важнѣйшей части права распоряженія. Но право владѣнія и право пользованія остаются за нимъ и могутъ быть выдѣлены, раздѣлены съ другимъ лицомъ, только не въ-ущербъ тѣмъ правамъ, которыя приобрѣтены по поводу, вызвавшему самое запрещеніе. Наприм. имущество представлено въ залогъ и вслѣдствіе того наложено запрещеніе: владѣніе и пользованіе остаются за собственникомъ и онъ въ-правѣ предоста-вить напр. пользованіе другому лицу, но въ такомъ видѣ, чтобы, въ случаѣ продажи заложенаго имущества съ публичнаго тор-га, покущикъ не былъ лишенъ этого выдѣленнаго пользованія, а получилъ-бы имущество безъ всякихъ ограниченій, наступившихъ по наложеніи запрещенія. Только съ такимъ усло-віемъ можно передать владѣніе и пользованіе по имуществу, состоящему подъ запрещеніемъ. Но съ такимъ условіемъ можно допустить и самое отчужденіе права собственности на имущество, состоящее подъ запрещеніемъ. Дѣйствительно, при запрещеніи по поводу залога отчужденіе имущества допу-скается иногда, по исключенію, но съ тѣмъ именно условіемъ, чтобы запрещеніе продолжалось и по приобрѣтеніи имущества другимъ лицомъ. Для объясненія возьмемъ конкретный случай. Допустимъ, что лицо заключило заемъ подъ залогъ своего не-движимаго имущества, на которое вслѣдствіе того наложено запрещеніе, и собственникъ не въ-правѣ подвергнуть его от-чужденію. Но является лицо, желающее приобрѣсти имущество: если заимодавецъ, которому заложено имущество, изъявляетъ согласіе на отчужденіе, то оно и совершается, и на мѣсто

---

(70) Нѣкоторыя присутственныя мѣста, впрочемъ, взыскиваютъ только 1 руб 50 коп. и 1½ коп. на пересылку, имѣя въ виду, что при снятіи запре-щенія на припечатаніе разрѣшительной статьи можно взыскать и послѣ.

прежняго собственника, залогодателя, является новый. При этомъ или запрещеніе остается на имущество, или вмѣстѣ съ отчужденіемъ слагается и запрещеніе. Если запрещеніе остается на имущество, то значеніе его то, что новый хозяинъ содѣлывается должникомъ заимодавца на мѣсто прежняго хозяина, слѣдов. недвижимое имущество переходитъ съ переводомъ долга; или значеніе остающагося запрещенія то, что хозяинъ недвижимаго имущества остается должникомъ, а новый собственникъ является лишь залогодателемъ задолжника (71), который до отчужденія имущества обезпечивалъ долгъ своимъ достояніемъ. То или другое значеніе остающагося запрещенія зависитъ отъ ближайшаго опредѣленія участвующихъ лицъ. Если-же съ отчужденіемъ имущества слагается наложенное на него запрещеніе, то это значитъ, что заимодавецъ отказывается отъ права залога. Но обыкновенно заложенное имущество отчуждается съ переводомъ долга на новаго хозяина: долгъ какъ будто неразрывно связывается съ имуществомъ, служащимъ къ его обезпеченію. Такъ напр. опекунскіе совѣты, которымъ всего чаще закладываются имущества, обыкновенно соглашаются на отчужденіе заложеннаго имущества съ переводомъ долга (72). Можно сказать, впрочемъ, что только повидимому совершается отчужденіе недвижимаго имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ; собственно-же, когда совершается отчужденіе такого недвижимаго имущества, запрещеніе прекращается и налагается снова: если заимодавецъ согласенъ на отчужденіе заложеннаго имущества съ переводомъ долга, то, значитъ, нѣтъ препятствія къ отчужденію имущества, такъ-что въ самый моментъ отчужденія запрещеніе не существуетъ, но такъ-какъ существуетъ поводъ къ запрещенію, то въ самый моментъ приобрѣтенія имущества запрещеніе налагается, только что по-необходимости снова наложить его

---

(71) Имущество можетъ быть представляемо въ залогъ и для обезпеченія чужаго долга (Св. зак. гр. ст. 1355—1358, 1367).

(72) Св. зак. гр. ст. 1148.

вслѣдствіе заснятіемъ не считается нужнымъ соблюдать всѣ формальности, связанныя съ наложеніемъ запрещенія на имущество и его разрѣшеніемъ. Независимо отъ этого отчужденія, допускаемаго по исключенію, измѣненіе въ лицѣ собственника недвижимаго имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ, можетъ произойти и другимъ путемъ. Напр. имущество можетъ перейти къ другому лицу по праву наслѣдованія. По такомъ переходѣ имя собственника имущества уже не будетъ совпадать съ именемъ, значущимся въ запретительной статьѣ, и новый собственникъ имѣетъ возможность совершить актъ отчужденія относительно имущества. Приходится поэтому принять особую мѣру съ цѣлю предупрежденія такого отчужденія. Мѣра состоитъ въ томъ, что составляется новая запретительная статья на имущество по имени новаго собственника и обыкновеннымъ порядкомъ припечатывается въ сенатскихъ объявленіяхъ (73). И этой мѣры совершенно достаточно: цѣль ея достигается вполне, потому что всякій переходъ недвижимаго имущества отъ одного лица къ другому, по какому-бы поводу онъ ни совершался, происходитъ при участіи общественной власти, которая слѣдов. всегда знаетъ объ измѣненіи лица собственника имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ, и можетъ распорядиться о напечатаніи новой запретительной статьи. Равнымъ образомъ дѣлается измѣненіе въ запретительной статьѣ и въ случаѣ измѣненія въ самомъ основаніи, по которому наложено запрещеніе (74). Напр. лицо обезпечило обязательство населеннымъ имѣніемъ въ 1000 душъ, но обязательство вполнѣ исполнено, такъ что для обезпеченія достаточно уже половины заложеннаго имѣнія: тогда является новая запретительная статья, въ которой значится, что на 500 душъ такого-то имѣнія (а не на все имѣніе, какъ прежде) наложено запрещеніе.

Какъ-скоро исчезаетъ поводъ, по которому на имущество наложено запрещеніе, оно снимается. Это снятіе запрещенія

(73) Св. зак. гр. ст. 3793, 3794.

(74) Тамъ-же, ср. ст. 1551, 3789, 3793, 3794.



называется *разрѣшеніемъ*. Но разрѣшеніе происходитъ не само собою, а подобно тому, какъ наложеніе запрещенія совершается напечатаніемъ въ сенатскихъ объявленіяхъ запретительной статьи: оно снимается по распоряженію присутственнаго мѣста, наложившаго запрещеніе, напечатаніемъ *статьи разрѣшительной*. Процедура при разрѣшеніи совершенно такая-же, какъ при наложеніи запрещенія, только-что въ разрѣшительной статьѣ не описывается подробно имущество, разрѣшаемое отъ запрещенія, а дѣлается лишь указаніе на номеръ запретительной статьи. Разрѣшительныя статьи рассылаются во всѣ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты, и переплетаются въ особую книгу, называемую *разрѣшительною*; къ статьямъ составляются въ сенатскихъ типографіяхъ указатели и также рассылаются въ присутственныя мѣста (75). Такимъ образомъ, если представится надобность узнать, не состоитъ-ли такое-то недвижимое имущество подъ запрещеніемъ, то стоитъ только справиться въ запретительныхъ статьяхъ и, если въ нихъ есть объявленіе о запрещеніи, замѣтить номеръ запретительной статьи и справиться въ разрѣшительныхъ статьяхъ, не послѣдовало-ли снятіе запрещенія.

Что касается до запрещенія движимаго имущества, — *ареста* то поводы для наложенія его тѣ-же, что и для наложенія запрещенія. Но способъ наложенія ареста болѣе простъ: арестуемое имущество описывается (къ описи присоединяется иногда оцѣнка), печатывается (или каждая вещь отдѣльно, или всѣ вещи въ-совокупности запаковываются, или печать прилагается къ помещенію, гдѣ находятся арестуемыя вещи, къ дому или лавкѣ) и отбирается отъ собственника (76). Но такъ-какъ при этомъ порядкѣ ареста, установленномъ законодательствомъ, собственникъ арестуемаго имущества лишается и владѣнія и пользованія имъ, между-тѣмъ-какъ запрещеніе по существу своему имѣетъ цѣлю только устранить отчужденіе или

(75) Тамъ-же ст. 3795—3802.

(76) Тамъ-же, ст. 3806.

уничтоженіе имущества, отбирается-же оно лишь по свойству движимаго имущества, способнаго къ скрытію, уничтоженію и отчужденію безъ вѣдома общественной власти: то въ практикѣ не всегда опечатывается и не всегда отбирается отъ хозяина арестуемое имущество, а нерѣдко оказываютъ довѣріе собственнику, что онъ не уничтожитъ, не скроетъ, не подвергнетъ отчужденію арестованное имущество и оставляютъ его въ рукахъ хозяина. Или стараются согласить опредѣленіе законодательства съ существомъ запрещенія такитъ образомъ, что отобранное у собственника имущество отдають на руки лицу, находящемуся при собственникѣ, напр. женѣ его: тогда вещь остается въ домѣ и собственникъ не лишается пользованія ею (77). Арестъ снимается, какъ-скоро исчезаетъ поводъ, по которому онъ наложенъ: печати сламываются и имущество по описи возвращается собственнику (78). Но если имущество не было опечатано или отобрано отъ собственника, то ему возвращается только актъ обязательства, или объявляется, что онъ въ-правѣ произвести отчужденіе бывшаго въ арестѣ имущества, и тогда отчужденіе не влечетъ уже за собою тѣхъ послѣдствій, какія влекло-бы оно при существованіи ареста. Арестъ или производится по распоряженію присутственнаго мѣста, полицейскаго или судебнаго, по собственному его усмотрѣнію, или по просьбѣ частнаго лица (79), или происходитъ при участіи маклера (80), или совершается совершенно независимо отъ участія общественной власти. (81). Но и въ первомъ случаѣ объ арестѣ обыкновенно не дѣлается никакой

---

(77) Когда запрещеніе или, что чаще бываетъ, арестъ соединяется съ устраненіемъ собственника отъ самаго владѣнія имуществомъ, то запрещеніе и арестъ называются также *секвестромъ*.

(78) Тамъ-же, ср. ст. 1412.

(79) Тамъ-же, ст. 3807.

(80) Тамъ-же, ст. 1409.

(81) Но тогда онъ не имѣетъ предъ закономъ того значенія, какое имѣетъ арестъ, налагаемый при участіи общественной власти. (Св. зак. ср. ст. 1410, 1411.

публикации, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ по особому распоряженію.

Мы разсматрѣли, такимъ образомъ, ограниченія относительно каждой составной части права собственности. Отсюда можно усмотрѣть, что на дѣль собственникъ можетъ быть чуждымъ всякаго господства надъ вещью, составляющею его собственность, хотя все-таки онъ пребываетъ и считается собственникомъ; за нимъ остается, какъ говорили Римскіе юристы, *голое право собственности*—*nudum jus domini* (82). Мы видѣли, что собственникъ не можетъ выдѣлять изъ права собственности всѣ составныя части, потому-что этимъ уничтожилось-бы самое право собственности; но собственникъ можетъ выдѣлить ту или другую составную часть и быть ограниченнымъ относительно остальной составной части. Напр. собственникъ майората, ограниченный относительно распоряженія, можетъ предоставить другому лицу владѣніе и пользованіе; или напр. владѣніе и пользованіе могутъ быть предоставлены стороннему лицу, когда имущество состоитъ подъ запрещеніемъ. Равнымъ образомъ, ограниченіе можетъ обнимать всѣ составныя части права собственности—владѣніе, пользованіе и распоряженіе, напр. при существованіи опеки надъ умалищенными, малолѣтними. Выдѣль всѣхъ составныхъ частей права собственности неудобомыслимъ, но ограниченія всѣхъ составныхъ частей возможно и иногда представляется въ дѣйствительности.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(82) *Puchta*, *Cursus d. Instit.* II, § 236.

## ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Казанскаго университета  
Д. И. МЕНДЕЛѢВА).

(Окончаніе).

### § 13.

#### ВИДЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Право собственности представляется по нашему законодательству въ различныхъ видахъ : въ видѣ права собственности *полнаго и неполнаго, отдѣльнаго и общаго*. Дѣленіе права собственности на полное и неполное основывается на возможности разъединенія права собственности, выдѣла изъ него нѣкоторыхъ составныхъ его частей, владѣнія и пользованія и на способности его подлежать извѣстнымъ ограниченіямъ. Такимъ образомъ, подѣ *правомъ собственности полнымъ* законодательство разумѣетъ соединеніе въ лицѣ собственника владѣнія, пользованія и распоряженія (83), а подѣ *правомъ собственности неполнымъ*—право собственности, остающееся за выдѣломъ владѣнія или пользованія, или за ограниченіемъ распоряженія (84). Въ практикѣ нашей называется иногда неполнымъ правомъ собственности самый выдѣлъ той или другой составной части права собственности; напр. если лицу принадлежитъ право вла-

(83) Св. зак. гр. ст. 391.

(84) Тамъ-же, ст. 400.

дѣнія и пользованія вещью, то говорятъ иногда, что лицу этому принадлежитъ по вещи неполное право собственности. Но это несправедливо: право владѣнія и пользованія развѣ въ томъ только смыслѣ можно назвать неполнымъ правомъ собственности, что владѣніе и пользованіе составляютъ части права собственности; но все-таки право владѣнія и право пользованія не составляютъ еще права собственности, и единственнымъ собственникомъ вещи представляется ея хозяинъ, но только его право собственности не существуетъ для него во всемъ своемъ пространствѣ, а представляется *неполнымъ*. Тѣмъ болѣе мы должны отвергнуть это встрѣчающееся иногда въ практикѣ признаніе неполнаго права собственности за лицомъ, которому принадлежитъ право владѣнія и пользованія вещью, что и дѣленіе собственности по позднѣйшему Римскому праву на *dominium directum* и *utile*,—дѣленіе, соотвѣтствующее нашему дѣленію права собственности на полное и неполное (въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ иногда практика), новѣйшею юриспруденціею отвергнуто (85): право собственности, будучи по существу своему полнѣйшимъ господствомъ лица надъ вещью, не допускаетъ такого раздѣленія, будто когда одно лицо господствуетъ надъ вещью, въ то-же самое время можетъ господствовать и другое лицо, а если это другое лицо и господствуетъ въ извѣстной мѣрѣ надъ вещью, то его господство именно представляется выдѣломъ изъ права собственности, но не правомъ собственности. Право собственности представляется *отдѣльнымъ*, когда принадлежитъ одному лицу, и *общимъ*, когда принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ (86). Но не во всѣхъ случаяхъ, когда представляется отношеніе двухъ или болѣе лицъ къ вещью, представляется общее право собственности. Такъ, право собственности *юридическаго лица, совокупности лицъ*, представляется отдѣльнымъ, а не общимъ, ибо хотя держите-

(85) *Puchta*, *Cursus d. Instit.* II, § 248 not e.

(86) Св. зак. гр. ст. 461.

лями юридического лица, совокупности лицъ, является множество лицъ, но субъектомъ права собственности по вещи, принадлежащей юридическому лицу, является одно лицо—это юридическое лицо, отдѣльные-же члены совокупности не считаются собственниками вещи. Равнымъ образомъ, нѣтъ общей собственности, когда вещь состоитъ изъ нѣсколькихъ частей и каждая изъ нихъ имѣетъ своего собственника, потому-что какъ-скоро матеріальная часть каждаго собственника можетъ быть опредѣленно указана, то уже нѣтъ общей собственности, а представляется совокупность отдѣльныхъ собственностией. Напр. одному лицу принадлежит картина, другому рама картины; одному лицу принадлежит алмазь, другому оправа алмаза; одинъ клочекъ поземельной дачи, состоящей изъ множества отдѣльныхъ участковъ, принадлежит одному лицу, другой другому и т. д.; ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нѣтъ общей собственности, потому-что каждая часть имѣетъ своего особаго собственника и только не опредѣляется каждая часть отдѣльно, а для обозначенія всѣхъ частей употребляется одно собирательное имя; вмѣсто-того, чтобы сказать: *картина и рама, перстень и алмазь*, говорятъ: *картина, перстень*; вмѣсто того, чтобы сказать: *поземельные участки такиъ-то лицъ*, говорятъ: *такая-то поземельная дача*. Точно также нѣтъ общей собственности, когда нѣсколько лицъ сообща владѣютъ и пользуются вещью, а право собственности надъ нею принадлежит одному лицу. Напр. селенія казенныхъ крестьянъ владѣютъ и пользуются сообща отведенною имъ землею, но право собственности на эту землю принадлежит государству на правѣ отдѣльной собственности. Или напр. въ семействѣ: именуемъ пользуется все семейство, но право собственности по именуемъ, въ цѣломъ его составѣ или по отдѣльнымъ вещамъ, принадлежит обыкновенно одному которому-либо члену семейства, всего чаще главѣ его. Для содержанія общей собственности остается, такимъ образомъ, слѣдующее понятіе: *нѣсколько лицъ представляются субъектами одного и того-же*

права собственности, такъ-что каждому принадлежит идеальная доля вещи, материальная-же часть каждого сохозяина не можетъ быть опредѣлена. Право общей собственности предполагаетъ материальную нераздѣльность вещи, не въ томъ смыслѣ, чтобы вещь не могла подлежать раздѣлу, а въ томъ, что она не подвергается раздѣлу; поэтому-то общее право собственности и называется Римскими юристами *dominium pluri-um pro indiviso*. Въ каждой материальной частичкѣ вещи, подлежащей общему праву собственности, стекается право собственности всѣхъ сохозяевъ; но если въ каждомъ атомѣ каждому сохозяину принадлежит известная идеальная доля, то эта доля принадлежит хозяину, и въ цѣлой вещи, и такимъ образомъ лицу, имѣющему право собственности по вещи обще съ другими лицами, *pro indiviso* можетъ принадлежать половина, треть, четверть вещи, словомъ, ея идеальная доля, но нельзя указать, которая именно часть вещи принадлежит ему. Доли общихъ собственниковъ по вещи могутъ быть одинаковы, но могутъ быть и неодинаковы; напр. одному лицу можетъ принадлежать половина вещи и другому половина; одному треть, другому треть и третьему треть; но можетъ быть и такъ, что одному лицу принадлежатъ двѣ трети вещи, а другому одна треть; одному лицу принадлежит половина вещи, другому четверть, третьему четверть, и т. д. Что касается до существа общаго права собственности, то оно заключается въ томъ-же, въ чемъ состоитъ и отдѣльное право собственности. Но такъ-какъ при общей собственности не одинъ субъектъ права, какъ при отдѣльной собственности, а нѣсколько, то это развитіе отражается и въ самомъ правѣ общей собственности, именно: осуществленіе общаго права собственности предполагаетъ участіе всѣхъ сохозяевъ, всѣ они владѣютъ, пользуются и распоряжаются вещью соразмѣрно долѣ каждого сохозяина. Но такъ-какъ отдѣльное со-стороны каждого сохозяина владѣніе, пользованіе, а отчасти и распоряженіе долею имущества, составляющаго общую собственность нѣсколькихъ лицъ, невоз-

можно, то осуществленіе права собственности по такому имуществу предполагаетъ участіе всѣхъ сохозяевъ, и притомъ требуетъ дѣйствія единогласнаго, а не по большинству голосовъ, котораго при общей собственности нельзя допустить, ибо каждый сохозяинъ есть субъектъ права и всякое дѣйствіе относительно его доли въ общей собственности безъ его согласія было-бы нарушеніемъ его права. Это общее участіе сохозяевъ въ завѣдываніи ихъ общимъ имуществомъ проявляются или въ томъ, что всѣ они по общему между собою согласію управляютъ имуществомъ, или предоставляютъ управленіе одному лицу, доходы-же, доставляемые имуществомъ, дѣлятся между всѣми сохозяевами соразмѣрно долѣ каждого изъ нихъ (87). Осуществленіе права распоряженія долею во многихъ случаяхъ возможно и отдѣльно для каждого собственника, независимо отъ осуществленія права распоряженія со-стороны сохозяевъ. Такъ, каждый сохозяинъ въ-правѣ подвергнуть свою долю отчужденію, или употребить ее на обезпеченіе обязательства, представить въ залогъ. Но и при такомъ осуществленіи права на долю имущества, составляющаго общую собственность многихъ лицъ, представляется извѣстное ограниченіе сохозяина. Такъ, въ случаѣ отчужденія доли имущества со-стороны одного изъ сохозяевъ, законодательство предоставляетъ другимъ сохозяевамъ *право преимущественной покупки* (*jus praeeptionis*), т. е. другіе сохозяева, всѣ вмѣстѣ или и одинъ изъ нихъ, въ-правѣ представить отчуждающему свою долю собственнику продажную цѣну вещи, или плату за нее по оцѣнкѣ и приобрѣсти его долю въ свою собственность (88). Понятно, что такое право преимущественной покупки установлено по соображенію, что между сохозяевами должно быть согласіе, единодушіе въ осуществленіи права собственности, между-тѣмъ путемъ отчужденія доли, можетъ быть, навязется безпокойный, своеправный товарищъ по праву соб-

---

(87) Тамъ-же, ст. 463—465, 472.

(88) Тамъ-же, ст. 466, 467, 473.



ственности. Равнымъ образомъ, существуетъ для сохозяевъ *право предпочтительнаго залогопринимательства* (89), по тому соображенію, что отдачею въ залогъ можно обойти предпочтительное владѣніе сохозяевъ: стоитъ только одному сохозяину заложить свою долю и не выкупить въ срокъ, тогда она будетъ продана съ публичнаго торга, а при залогѣ недвижимаго имѣнія залогоприниматель, въ-случаѣ неисправности залогодателя, вводится во владѣніе залогомъ впредь до продажи и продажа все-таки должна наступить въ-случаѣ неисправности залогодателя (90). Стѣснительно при этихъ ограниченіяхъ для сохозяина только то, что, какъ залогодатель, онъ можетъ иногда болѣе получать отъ сторонняго залогопринимателя, нежели отъ сохозяевъ; но таково свойство общаго права собственности, что при осуществленіи его должно принимать во вниманіе и права сохозяевъ. Притомъ-же, если права сторонняго лица принимаются въ соображеніе при осуществленіи отдѣльнаго и полнаго права собственности, которое подвергается поэтому различнымъ ограниченіямъ, то тѣмъ умѣстнѣе, конечно, ограниченія относительно общаго права собственности.

Скажемъ, наконецъ, о прекращеніи общаго права собственности, т.-е. о прекращеніи общности права собственности безъ прекращенія самаго права собственности. Въ этомъ смыслѣ общее право собственности прекращается: 1) *выбытіемъ сохозяевъ до одного невыбывающаго*, 2) *раздѣломъ вещи между сохозяевами*. 1) Что касается до *выбытія сохозяевъ*, то понятно, что, при существованіи общаго права собственности, каждый изъ сохозяевъ, если онъ не ограниченъ какимъ-либо обязательствомъ, въ-правѣ выйти изъ общества: онъ можетъ продать, уступить свою долю одному изъ сохозяевъ, или стороннему лицу, не принадлежащему къ числу сохозяевъ, или наконецъ сохозяевамъ въ совокупности, если они не согласятся предоставить его до-

---

(89) Тамъ-же, ст. 473.

(90) Тамъ-же, ст. 2073, 2074, 2052, 2061.

лю стороннему лицу (91). 2) Независимо отъ выбытія, каждый сохозяинъ въ-правѣ требовать, чтобъ общая вещь была раздѣлена на части, требовать *раздѣла*. Но относительно этого способа прекращенія права собственности имѣеть рѣшительное значеніе дѣленіе вещей на *раздѣльныя* и *нераздѣльныя*: только первыя подлежатъ раздѣлу, относительно-же вещей нераздѣльныхъ раздѣлъ въ смыслѣ способа прекращенія общаго права собственности безъ прекращенія самаго права собственности не имѣеть мѣста (92). Такъ, если крѣпостное семейство принадлежитъ, какъ общая собственность, нѣсколькимъ лицамъ, то сохозяинъ не въ-правѣ требовать раздѣла семейства, потому-что крѣпостное семейство принадлежитъ къ имуществамъ нераздѣльнымъ (93). Точно также, если имущество такого рода, что совокупность частей его по цѣнности составляетъ имущество меньшее того, которое представляется при цѣлостности, нераздѣльности имущества, то отдѣльный сохозяинъ также не въ-правѣ требовать выдѣла (94): напр. если зеркало принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ сообща, то отдѣльный сохозяинъ не можетъ требовать части зеркала, потому-что части зеркала въ совокупности цѣнностію своею не равняются цѣнности зеркала въ цѣлости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество можетъ быть раздѣлено матеріально и требуется раздѣлъ, имущество дѣйствительно раздробляется на части такъ, чтобы каждая часть соотвѣтствовала долѣ собственника: собственникъ половины или трети имѣеть право на половину или треть вещи. Но и при

(91) Тамъ-же, ст. 466, 467, 473.

(92) Наше законодательство придаетъ такое важное значеніе дѣленію вещей на *раздѣльныя* и *нераздѣльныя*, что все изложеніе объ общемъ правѣ собственности общей дѣлитъ на два отдѣла: въ одномъ говоритъ о правѣ собственности общимъ въ имуществахъ нераздѣльныхъ, въ другомъ—о правѣ собственности общимъ въ имуществахъ раздѣльныхъ. Но дѣленіе это проявляетъ свое значеніе только при прекращеніи общаго права собственности, а пока оно существуетъ, все равно—раздѣльно имущество, подлежащее общему праву собственности нѣсколькихъ лицъ, или нераздѣльно.

(93) Св. зак. гр. ст. 361—363, 1093.

(94) Тамъ-же, ст. 1090—1092.

этомъ матеріальномъ раздробленіи имущества раздѣленіе вещи производится пропорціонально долямъ въ общемъ правѣ собственности не въ-отношеніи къ самой вещи, а въ-отношеніи къ ея цѣнности, такъ-что всегда должно обращать вниманіе на цѣнность вещи (95). Напр. двумъ лицамъ принадлежитъ поземельный участокъ, стоющій 1000 рублей, каждому лицу принадлежитъ половина: при раздѣлѣ участка заботятся не столько о томъ, чтобы каждому лицу досталось равное количество десятинъ земли, а чтобы каждая изъ двухъ частей равнялась половинѣ цѣнности поземельнаго участка, и потому обращается вниманіе не на одно количество земли, а также на количество и удобство каждаго поземельнаго участка. Если съ правомъ собственности по имуществу, подлежащему раздѣлу, соединяются какія-либо повинности, тягости, то и онѣ также распределяются между сохозяевами по соразмѣрности. Раздѣлъ производится или по-взаимному согласію сохозяевъ, или при участіи суда, и потому раздѣляется на *добровольный* или *полюбовный* и *судебный* (96). При раздѣлѣ полюбовномъ нѣтъ необходимости соблюдать изложенныя правила раздѣла, кромѣ только законныхъ опредѣленій о нераздѣльности нѣкоторыхъ имуществъ, хотя впрочемъ успѣшнаго раздѣла, справедливаго только и можно ожидать при приложеніи указанныхъ правилъ. Но правила эти непременно приходится прилагать, когда сохозяева не могутъ условиться относительно раздѣла, или нѣкоторые изъ сохозяевъ уклоняются отъ раздѣла и вслѣдствіе того судъ, по просьбѣ всѣхъ сохозяевъ или одного изъ нихъ, вступается въ раздѣлъ и производитъ его независимо отъ воли участниковъ (97). О раздѣлѣ составляется особый актъ, называемый *раздѣльною записью*. Когда раздѣлъ касается недвижимаго имущества, актъ этотъ свидѣтельствуется *у крѣпостныхъ дѣлъ*, а если раздѣлъ касается имущества—*у маклера*, или совершает-

(95) Тамъ-же, ст. 1088, 1090.

(96) Тамъ-же, ст. 1081.

(97) Тамъ-же, ст. 1083, 1084.

ся *домашнимъ порядкомъ* (98). Близко подходит къ раздѣлу, но не должно смѣшивать съ нимъ полную или неполную *уступку права* въ общей собственности со-стороны одного сохозяина другому за извѣстное вознагражденіе. Этотъ случай уступки права тѣмъ болѣе подходит къ раздѣлу, что нерѣдко бываетъ въ-связи съ раздѣломъ. Напр. дѣлится недвижимое имущество; положимъ два дома подлежатъ раздѣлу — одинъ домъ втрое большей цѣнности, нежели другой; каждому изъ сохозяевъ слѣдуетъ половина: если каждому изъ сохозяевъ достается по дому, то, значить, пріобрѣтателю меньшаго по цѣнности дома нужно добавить что-либо, чтобы части были уравнены. Если имѣть въ виду строгую послѣдовательность права, то слѣдуетъ сказать, что пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома въ отдѣльную собственность все-таки остается еще общимъ собственникомъ по дому большей цѣнности, только уже относительно меньшей доли, и именно доля его составляетъ четверть, тогда-какъ до пріобрѣтенія въ отдѣльную собственность дома меньшей цѣнности она состояла въ половинѣ, ибо четверть цѣнности всего общаго имущества пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома получилъ уже въ цѣнности этого дома: эту-то недостающую четверть цѣнности и нужно свести при раздѣлѣ къ извѣстной долѣ въ-отношеніи къ цѣнности большаго по цѣнѣ дома, составляющаго три четверти цѣнности всего общаго имущества. Но въ дѣйствительности, если имѣютъ въ виду раздѣлъ общей собственности, разрѣшеніе ея въ собственности отдѣльныя, то болѣею частію относительно недостающей доли дѣлается особое условіе объ уступкѣ права, и само законодательство устанавливаетъ иногда такую уступку обязательною, когда нѣтъ возможности матеріально раздробить вещь или ко-

---

(98) Тамъ-же, ст. 1105—1109. Наше законодательство постановляетъ особо о раздѣлѣ общаго права собственности и особо о раздѣлѣ наслѣдства. Но, постановляя о раздѣлѣ наслѣдства, законодательство повторяетъ себя, отчасти-же опредѣленія, касающіяся раздѣла наслѣдства, относятся и къ раздѣлу права собственности.

гда такое раздробленіе было-бы слишкомъ невыгодно (99). Отъ этого нерѣдко случается, что въ составъ раздѣльнаго акта входитъ сдѣлка о правѣ, непосредственно не касающемся общей собственности. Такъ въ нашемъ примѣрѣ пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома получаетъ вознагражденіе за отходящую отъ него долю въ домѣ большей цѣнности известную сумму денегъ. Но точно также онъ можетъ получить въ вознагражденіе и другое имущество пріобрѣтателя дома большей цѣнности, напр. поземельный участокъ его, или домъ, принадлежащій ему, въ отдѣльную собственность, такъ-что есть возможность путемъ раздѣла заключить и другую какую-либо сдѣлку, собственно къ раздѣлу неотносящуюся, а можно сказать только, что посторонняя сдѣлка въ раздѣльномъ актѣ всегда сводится къ уступкѣ доли въ общемъ правѣ собственности. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о прекращеніи общаго права собственности раздѣломъ тамъ, гдѣ нѣтъ настоящаго общаго права собственности, а если и говорятъ иногда о раздѣлѣ въ такомъ случаѣ, то не должно понимать этого раздѣла въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, въ смыслѣ разрѣшенія общей собственности въ собственности отдѣльныя. Такъ, говорятъ о раздѣлѣ при прекращеніи чрезполосности, но истиннаго раздѣла тутъ нѣтъ, а есть только отводъ поземельныхъ участковъ, принадлежащихъ одному и тому-же лицу, къ однимъ мѣстамъ. При существованіи чрезполосицы у одного и того-же лица оказываются участки въ разныхъ мѣстахъ, что очень невыгодно для хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для общаго. Чтобы прекратить это состояніе, дача, въ которой оказывается чрезполосица, раздѣляется на известное число отдѣльныхъ участковъ, такъ-чтобы пространство земли въ дачѣ, принадлежащее одному лицу, было въ одномъ мѣстѣ. При этомъ происходитъ обмѣнъ участковъ: участки, принадлежавшіе одному лицу, отходятъ къ другому и наоборотъ (100); но раздѣ-

---

(99) Тамъ-же, ст. 1090.

(100) Тамъ-же, ст. 469, 470, 1135.

ла, т.-е. обращенія общей собственности въ собственности отдѣльныя тутъ вовсе нѣтъ.

## § 14.

## ПРИБРѢТЕНІЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Общія условія прибрѣтенія правъ имѣютъ значеніе и для права собственности; но существуютъ еще и особыя условія для прибрѣтенія этого права. Такъ, законодательство дѣлаетъ ограниченія относительно лицъ, прибрѣтающихъ право собственности, — ограниченія, находящіяся впрочемъ въ связи съ самыми вещами прибрѣтенными: законодательство постановляетъ, что населенныя имущества могутъ быть прибрѣтаемы въ собственность только потомственными дворянами (101), а лавки исключительно лицами городского сословія (102). Первое постановленіе, о населенныхъ имуществахъ, развилось исторически изъ того правила древняго нашего права и государственнаго устройства, на основаніи котораго государственныя земли раздавались служилымъ людямъ съ правомъ селить на нихъ свободныхъ крестьянъ на особыхъ, заключаемыхъ съ ними условіяхъ; впослѣдствіи крестьяне были объявлены крѣпкими къ землѣ, а служилые люди древняго времени образовали сословіе потомственнаго дворянства. Второе постановленіе, о лавкахъ, основывается преимущественно на соображеніи казеннаго интереса; оно явилось въ нашемъ законодательствѣ въ то время, когда дома развѣ по исключенію составляли собственность при-

(101) Св. зак. о сост. ст. 204.

(102) До послѣдняго времени запрещалось также мѣщанамъ прибрѣтать въ столицахъ дома цѣною выше 7500 р.: законодательство хотѣло тѣмъ побудить мѣщанъ ко вступленію въ гильдіи, что сопряжено съ платою гильдейскихъ пошлинъ и слѣдов. съ доходовъ для казны. Но въ недавнее время законодательство отмѣнило это ограниченіе, принимая въ соображеніе, что дома сами по себѣ обложены извѣстными пошлинами и слѣдов. нѣтъ надобности побуждать мѣщанъ ко вступленію въ гильдіи для прибрѣтенія домовъ значительной цѣнности (Св. зак. о сост. ст. 566. Прод. XVI).

большую, доставляющую доходъ, обыкновенно-же не приносили дохода, а служили только для удовлетворенія собственной потребности хозяина въ жилищѣ; но другое дѣло лавки: онѣ всегда приносили доходъ и поэтому было желательно, чтобъ лицо, имѣющее лавки, принадлежало къ городскому сословію, такъ-какъ принадлежность лица къ городскому сословію составляетъ доходъ для государства. Но, кажется, было еще для этого опредѣленія и другое основаніе: императрица Екатерина II, которая именно и признала лавки исключительною собственностію городского сословія (103), желала тѣмъ предоставить ему нѣчто исключительное, подобно тому, какъ потомственному дворянству предоставлено было исключительное право на приобрѣтеніе населенныхъ имуществъ. Значеніе этихъ ограниченій то, что право собственности не считается приобрѣтеннымъ, если приобрѣтается вопреки существующимъ ограниченіямъ, а по-прежнему числится за тѣмъ лицомъ, которому принадлежало. Исключеніе представляютъ только крѣпостные люди, приобрѣтаемые съ землею или безъ земли: слѣдствіемъ отчужденія ихъ лицу, неимѣющему права владѣть ими, является свобода крѣпостныхъ людей (104).

### § 15.

Но обратимся къ самому приобрѣтенію права собственности. Какъ и всякое право, право собственности имѣетъ опредѣленное начало. Тѣ пути, которыми открывається это начало, которыми приобрѣтается право собственности, называется *способами его приобрѣтенія*. Внимательное разсмотрѣніе ихъ для юриста особенно важно, потому-что легко смѣшать способы

---

(103) Но подъ лавками законодательство здѣсь разумѣетъ лишь особыя строенія, назначенныя исключительно для помѣщенія и продажи товаровъ, а если лавка устроена при домѣ, то она можетъ быть собственностію и лица не городского сословія.

(104) Св. зак. гр. ст. 1167.

приобрѣтенія права собственности съ способами приобрѣтенія другихъ правъ, что и бываетъ нерѣдко въ дѣйствительности—принимается за способъ приобрѣтенія права собственности то, что само собою не даетъ права собственности. Напр. договоры признаются иногда способами приобрѣтенія права собственности, въ-особенности куплѣ - продажѣ нерѣдко придаютъ такое значеніе, — тогда-какъ по существу своему и по смыслу законодательства купля-продажа вовсе не способъ приобрѣтенія права собственности, и, заключивъ договоръ купли-продажи, покупатель еще не въ-правѣ считать себя собственникомъ вещи. Но въ дѣйствительности многіе не даютъ себѣ отчета въ юридическихъ явленіяхъ, не привыкли анализировать ихъ, и замѣчая, что, вслѣдствіе купли-продажи, приобрѣтается право собственности, заключаютъ, что оно именно приобрѣтается куплею-продажею. Разумѣется, послѣдствія смѣшенія способовъ приобрѣтенія права собственности съ способами приобрѣтенія другихъ правъ довольно значительны: нерѣдко случается, что именно вслѣдствіе такого смѣшенія процессъ получаетъ ложное направленіе и ложное значеніе. Бываетъ напр., что покупатель, не получая купленной имъ вещи, открываетъ противъ продавца искъ о правѣ собственности, тогда-какъ покупатель въ-правѣ требовать отъ продавца только вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора, но не самую вещь, находящуюся въ рукахъ продавца. Итакъ, есть юридическія отношенія, слѣдствіемъ которыхъ обыкновенно бываетъ приобрѣтеніе права собственности; но эти юридическія отношенія должно отличать отъ тѣхъ, которыя непосредственно порождаютъ право собственности и представляются способами его приобрѣтенія. Они подлежатъ различнымъ классификаціямъ. Положительное законодательство въ основаніе своей классификаціи полагаетъ понятіе о возмездіи и дѣлитъ способы правъ на *безмездные* и *возмездные* (105). Въ понятіи о

---

(105) Классификація *Свода законовъ* не относится, правда, исключительно къ праву собственности, а обнимаетъ способы приобрѣтенія имуществен-



возмездіи есть юридическая сторона, но для приобрѣтенія права собственности это понятіе не существенно: если даже и допустить, что право собственности приобрѣтается возмездно или безмездно, то окажется, что и при отсутствіи возмездія, слѣдующаго за приобрѣтеніемъ права собственности, оно приобрѣтается или не приобрѣтается. Если право собственности приобрѣтается, то значить оно приобрѣтается не смотря на отсутствіе возмездія; если право собственности не приобрѣтается при отсутствіи возмездія, то, значить, нѣтъ способа приобрѣтенія права собственности. Итакъ, понятіе о возмездіи не можетъ служить основаніемъ дѣленія способовъ приобрѣтенія права собственности. Въ учебникахъ гражданскаго права встрѣчаются другія основанія классификаціи способовъ приобрѣтенія права собственности. Самая обыкновенная классификація ихъ — дѣленіе на *непосредственные* или *первообразные* и *посредственные* или *производные*. Первоначальными или непосредственными способами считаются тѣ, которыми устанавливается право собственности по вещи, прежде несуществовавшей или несоставлявшей чьей-либо собственности; непосредственными-же или производными считаются тѣ способы, которыми приобрѣтается право собственности по вещи, состоявшей въ чьей-либо собственности и притомъ въ самый моментъ, предшествовавшій приобрѣтенію, такъ-что право собственности не возникаетъ вновь, а только переходитъ отъ одного лица къ другому. Такая классификація встрѣчается между-прочимъ въ сочиненіи *Кранихфельда* «Начертаніе Россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи». По ученію автора, къ *первоначальнымъ* способамъ приобрѣтенія права собственности принадлежатъ: *находка*, *ловля*, *добыча*, *давность* и *приращеніе*, всѣ-же другіе способы принадлежатъ къ *производнымъ* (106). Но скажемъ прежде всего, что раздѣленіе способовъ приобрѣтенія права

---

нихъ правъ вообще, однакожь главнымъ образомъ имѣетъ въ виду право собственности и способа его приобрѣтенія (см. Оглавл. III кн. Св. зак. гражд.).

(106) *Кранихфельда*, Начерт. Росс. гр. права. С. Пб. 1843, стр. 95, 96.

собственности на первообразные и производные не имѣтъ никакого практическаго интереса: съ понятіемъ о первоначальномъ или производномъ приобрѣтеніи права собственности наше право не связываетъ никакихъ юридическихъ опредѣленій. Самое раздѣленіе оказывается поэтому празднымъ, излишнимъ, а въ учебникѣ даже вреднымъ, по тому-что различіе въ юридическихъ понятіяхъ всегда даетъ поводъ думать о различіи въ юридическихъ опредѣленіяхъ, а если этого нѣтъ, то различіе ведетъ только къ ошибочному представленію. Но кромѣ-того, раздѣленіе способовъ приобрѣтенія права собственности на первообразные и производные не выдерживаетъ критики: исходная точка раздѣленія невѣрна, ибо въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей, никому не принадлежащихъ, а если онѣ, хотя и существуютъ въ мірѣ, то совершенно чужды юридическимъ опредѣленіямъ, таковы напр. планеты, или онѣ до извѣстнаго времени вовсе не существуютъ (и слѣдов. странно говорить о нихъ, какъ никому не принадлежащихъ), но въ самый моментъ появленія въ мірѣ становятся уже чьею-либо собственностью, таковы напр. новорожденные животныя. Оказывается такимъ-образомъ, что первоначальныхъ способовъ приобрѣтенія права собственности въ нашемъ юридическомъ быту вовсе нѣтъ: вещи, существующія въ юридическомъ быту, всегда состоятъ въ чьей-либо собственности; если вещь не подлежитъ ничьему праву собственности, то она вовсе не подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ.

### § 16.

Разсматривая въ отдѣльности тѣ способы приобрѣтенія права собственности, которые г. Кранихфельдъ считаетъ *первообразными*, мы дѣйствительно убѣждаемся въ настоятельности его классификаціи, въ невѣрности мысли, будто есть такіе способы, которыми приобрѣтается право собственности на вещи, прежде никому не принадлежація. Такъ, *находку* нельзя счи-

тять первоначальнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности. О находкѣ въ нашемъ законодательствѣ постановляется, что находчикъ обязанъ представить найденную вещь ближайшему мѣсту, которое объявляетъ о ней во всеобщее вѣдѣніе или чрезъ вѣдомости, или чрезъ особыя повѣстки, или чрезъ глашатая (107), и далѣе постановляется, что если въ-теченіе извѣстнаго срока явится хозяинъ вещи и докажетъ, что она дѣйствительно принадлежитъ ему, то вещь отдается потерявшему, но онъ въ видѣ вознагражденія находчика обязанъ уплатить ему треть цѣны вещи; если-же лицо, потерявшее вещь, не явится въ опредѣленный срокъ, не смотря на сдѣланное объявленіе, или явившись не докажетъ, что вещь дѣйствительно принадлежитъ ему, то она обращается въ собственность находчика (108). Въ этомъ опредѣленіи законодательства не только нѣтъ никакого указанія на приобрѣтеніе находкою вещи, никому не принадлежавшей, напротивъ именно указывается, что приобрѣтается вещь, принадлежавшая другому лицу: требуя объявленія о находкѣ и распоряженія полиціи объ отысканіи потеряшаго лица, законодательство именно высказываетъ, что оно не признаетъ потерю прекращеніемъ права собственности и найденную вещь не считаетъ за находкомъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ необходимости съ потерю вещи связывать прекращеніе права собственности по этой вещи, ибо съ потерю сопрягается только затрудненіе въ осуществленіи права собственности, но не устраняется всякая возможность осуществленія этого права: не признается-же право собственности прекратившимся, если вещь затеряна въ домѣ самого хозяина. Равнымъ образомъ, если законодательство устанавливаетъ право на вознагражденіе за находку, то этимъ высказываетъ, что оно не признаетъ находчика за собственника, иначе вещь должна-бы оставаться въ его рукахъ. Правда, въ-случаѣ неявки лица

(107) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай выставлять найденную вещь у входа въ полицейское мѣсто.

(108) Св. зак. гр. ст. 456, 457.

потерявшаго или непредставленія съ его стороны доказательствъ о принадлежности вещи находчикъ получаетъ ее въ собственность, но до послѣдняго момента срока явки вещь считается собственностію потерявшаго, такъ-что право собственности переходитъ къ находчику отъ хозяина потерянной вещи. Г. Крайнихфельдъ увлекся, кажется, тѣмъ, что въ большей части случаевъ о находкѣ не объявляется полиціи и не дѣлается розысковъ о ея хозяинѣ, а всего чаще она просто остается у находчика. Но всего чаще теряются вещи малоцѣнные, и если нерѣдко встрѣчается, что въ-случаѣ кражи вещи хозяинъ ея отступается отъ розыска, то тѣмъ естественнѣе это при потерѣ вещи, въ-особенности при ея незначительной цѣнности. Но и въ этомъ случаѣ находка содѣлывается какъ-бы собственностію находчика не потому, что онъ нашелъ ее, а потому, что владѣлецъ-находчикъ не собственникъ, никто не оспариваетъ его предполагаемаго права собственности (109). Юристы наши, кажется, увлекаются еще Римскимъ правомъ, въ которомъ *occupatio* (завладѣніе вещью безхозяйною) является способомъ приобрѣтенія права собственности (110): полагаютъ, что если Римское право допускаетъ такое состояніе вещи, въ которомъ она не принадлежитъ никому, то и въ нашемъ юридическомъ быту можно найти такое состояніе, и вотъ принимаютъ, что вещь потерянная не принадлежитъ никому, найденная-же становится собственностію находчика, что находка, такимъ-образомъ, есть способъ приобрѣтенія права собственности и притомъ первообразный. Но въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей безхозяйныхъ, такъ-какъ по ст. 374 *Свода гражд. законовъ* вещи, непринадлежащія никому въ-особенности, принадлежатъ государству. Въ древнемъ юридическомъ быту, конечно, и у насъ были вещи безхозяйныя; но съ той поры, какъ установилось это правило, юридическія опредѣленія обнимаютъ весь міръ вещей, находящихся на территоріи Русскаго госу-

(109) Тамъ-же, ст. 452.

(110) *Dig. L. 41. t. 1, 2—6.*

дарства, и нѣтъ такой вещи, которая-бы способна была подлежать юридическимъ опредѣленіямъ и не составляла чьей-либо собственности. Напрасно указываютъ на находку *клада*, какъ на доказательство, что и у насъ есть вещи безхозяйныя, впервые приобрѣтаемыя: подъ кладомъ разумѣтся имущество, когда-то закопанное въ землю; но по нашему законодательству собственникъ земли есть и собственникъ клада, находчикъ-же его получаегъ только вознагражденіе, слѣдов. кладъ считается частью земли и находка не представляется первоначальнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности. — *Ловля* дикихъ животныхъ (111) и рыбы, по нашему законодательству, ведетъ къ приобрѣтенію права собственности на пойманнаго звѣря и заловленную рыбу, точно также, какъ и *охота* за птицею ведетъ къ праву собственности на убитую птицу (112); но ловля и охота не представляются въ нашемъ юридическомъ быту первообразными способами приобрѣтенія права собственности. Дѣло въ томъ, что право собственности на поземельный участокъ, по опредѣленію нашего законодательства, обнимаетъ все находящееся въ нѣдрахъ земли и на ея поверхности, и на этомъ основаніи собственникъ лѣснаго поземельнаго участка есть также собственникъ животныхъ, живущихъ на немъ, собственникъ рѣки, озера или пруда есть также собственникъ и рыбы, которая водится въ водѣ. Дикія животныя, какъ птицы и рыбы, разсматриваются, какъ принадлежности поземельнаго участка. Итакъ, если собственникъ самъ производитъ охоту за животными, находящимися на его землѣ, или ловлю рыбы, находящейся въ его водѣ, то онъ не приобрѣтаетъ права собственности на пойманное животное, а только осуществляетъ его. Что собственникъ не во всякое мгновеніе господствуетъ надъ животнымъ,

(111) Въ юридическомъ отношеніи дикое животное характеризуется свободою перехода съ мѣста на мѣсто: хотя и дикіе звѣри обыкновенно имѣютъ свои болѣе или менѣе постоянныя логовища, берлоги, норы, но тѣмъ не менѣе, такъ-сказать, юридическое ихъ жителство не связано съ опредѣленнымъ мѣстомъ.

(112) Св. зак. гр. ср. ст. 392, 521 (Прод. XV) п. 64.

находящимся на его поземельномъ участкѣ, что собственникъ, быть-можетъ, и не знаетъ о его существованіи, это происходитъ отъ самаго свойства принадлежности; но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ животныя, находящіяся на поземельномъ участкѣ, составляютъ принадлежность участка и подлежатъ праву собственности его хозяина. И еслибы ловля представлялась только въ такомъ видѣ, то не вздумали-бы считать ее самостоятельнымъ и притомъ непосредственнымъ, первообразнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности. Но приверженцы такого воззрѣнія на юридическую природу ловли увлекаются тѣмъ, что ловля (въ-особенности охота) нерѣдко производится на чужомъ поземельномъ участкѣ и ловець становится собственникомъ заловленного животнаго, и вотъ представляютъ себѣ, что животное, добываемое охотою или ловлею, до поимки никому не принадлежитъ и впервые становится собственностію ловца. Ловець дѣйствительно становится собственникомъ животнаго, заловленного на чужомъ поземельномъ участкѣ, но не потому, чтобы ловля была способомъ пріобрѣтенія права собственности по вещи, никому не принадлежащей, а по другимъ основаніемъ. При ловлѣ могутъ имѣть мѣсто два случая: или она производится съ соизволенія собственника поземельнаго участка, или безъ его соизволенія. Въ первомъ случаѣ, когда ловля производится съ согласія собственника, это согласіе обнимаетъ и предоставленіе ловцу права собственности на пойманное животное, слѣдов. здѣсь, очевидно, переходъ права собственности, а не первоначальное его пріобрѣтеніе. Во-второмъ случаѣ, когда ловля производится безъ согласія собственника поземельнаго участка, должно различать также два случая: или ловля производится безъ согласія хозяина потому, что согласія не было спрошено, или она производится вопреки его несогласію. Въ-первомъ случаѣ ловець вовсе не становится собственникомъ пойманнаго животнаго, а только незаконнымъ его владѣльцемъ, и только предполагается собственникомъ, какъ владѣлецъ движимаго имущества, пока настоящій собственникъ

животнаго, хозяинъ поземельнаго участка, не докажетъ противнаго (113). Но обыкновенно право собственности надъ дикимъ животнымъ, звѣремъ или птицею, не представляетъ значительнаго интереса, поэтому не возникаетъ обыкновенно спора о правѣ собственности ловца и фактически владѣніе его представляется равносильнымъ собственности. Можно сказать даже, что именно по отсутствію значительнаго интереса въ ловлѣ и охотѣ и представляется въ большей части случаевъ отсутствіе согласія землевладѣльца: потому не испрашивается его согласія, что нѣтъ сомнѣнія въ немъ, и поэтому-то у насъ отсутствіе прямого запрещенія ловли и охоты со стороны хозяина поземельнаго участка обыкновенно считается равнозначущимъ дозволенію. Но когда ловля, или охота производится вопреки явному несогласію землевладѣльца, она составляетъ прямое нарушеніе его права собственности и, законно-доказанное, это нарушеніе повлечетъ за собою всѣ тѣ-же послѣдствія, какъ и нарушеніе всякаго другаго права собственности. Итакъ, во всѣхъ случаяхъ ловли: во-первыхъ, есть хозяинъ животнаго; нѣтъ мгновенія, когда-бы дикое животное было вещью безхозяйною; во-вторыхъ, ловецъ приобрѣтаетъ право собственности надъ животнымъ или на основаніи какой-нибудь сдѣлки съ хозяиномъ поземельнаго участка, или на основаніи предполагаемаго отреченія его отъ преслѣдованія своего права собственности. Мысль, будто дикое животное есть вещь безхозяйная, основывается на томъ, что дикое животное мѣняеть

---

(113) Замѣтимъ однако, что въ настоящее время наши землевладѣльцы, говоря вообще, почти нисколько не дорожатъ правомъ охоты и не вступаютъ, когда охота производится стороннимъ лицомъ безъ ихъ разрѣшенія, а охраняютъ лишь право ловли рыбы въ водахъ своихъ. Только тамъ, гдѣ звѣри или птицы имѣютъ особую экономическую цѣнность, встрѣчаются случаи охраненія права охоты, напр. въ окрестностяхъ столицъ. Но за то въ этихъ мѣстахъ установилось даже особое обычное право относительно преслѣдованія самовольной охоты: по обычаю, землевладѣлецъ считается въ-правѣ присвоить себѣ себѣ ружье охотника и его собаку (не говоря уже о самой добычѣ). охотникъ-же считается въ-правѣ представить выкупъ за эти вещи и требовать ихъ обратно.

свое мѣстожителство и нѣтъ возможности услѣдить за нимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ возможности услѣдить и за правомъ собственности по животному. Но это воззрѣніе ошибочно. Если юридическій бытъ допускаетъ понятіе о безхозяйныхъ вещахъ, то дикое животное, пожалуй, можно считать безхозяйнымъ, на томъ основаніи, что юридическое отношеніе хозяина къ животному, находящемуся въ немъ, чуждо сознанія хозяина. Но если юридическій бытъ отвергаетъ понятіе о безхозяйныхъ вещахъ, то какъ-бы ни было затруднительно опредѣленіе права собственности, оно можетъ и должно быть опредѣлено. Въ большей части случаевъ, конечно, юридическія отношенія собственника поземельнаго участка къ животнымъ, находящимся на немъ, останутся безъ опредѣленій; но когда представится интересъ опредѣлить ихъ, они должны быть опредѣлены по соображенію собственности того поземельнаго участка, на которомъ находятся животныя. Справедливо, что звѣрь, быть можетъ, безпрестанно переходитъ съ одного поземельнаго участка на другой, птица перелѣтаетъ съ одного мѣста на другое, но за этой безпрестанной перемѣной пребыванія слѣдуетъ только безпрестанная перемѣна права собственности относительно звѣря и птицы, а не безхозяйность ихъ. Поэтому-то и называются дикія животныя *собственностію переходящею* (*propriété ambulante*). По мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ, это особый видъ права собственности. Намъ же кажется, что нѣтъ надобности признавать здѣсь и особаго вида права собственности: потому-что особенность, представляющаяся въ правѣ собственности по дикому животному или птицѣ, не такого свойства, чтобъ была въ-состояніи произвести особый видъ права собственности. Особенность состоитъ въ безпрестанномъ прекращеніи одного права собственности и возникновеніи другаго; но природа права собственности опредѣляется не временемъ его продолженія, а существомъ самаго права: господство А надъ вещью одинаково, будетъ-ли оно продолжаться 10 минутъ или столѣтіе; съ юри-



дической точки зрѣнія это все равно. *Военная добыча*, имущество, захваченное у непріятеля на сушѣ, *добыча* въ тѣсномъ смыслѣ, или на водѣ, *призъ*, также неправильно принимаются за первоначальный способъ приобрѣтенія права собственности. Извѣстно, что, при непріязненныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ, лицамъ, принадлежащимъ къ войску или и непрінадлежащимъ къ нему, какъ напр. арматорамъ, предоставляется при нѣкоторыхъ условіяхъ захватывать имущество непріятеля, которое и становится собственностію или лица, захватившаго имущество, или государства, которому принадлежитъ это лицо. Такое правило, общее всѣмъ законодательствамъ, существуетъ и у насъ (114): военная добыча, такимъ образомъ, и въ нашемъ юридическомъ быту представляется способомъ приобрѣтенія права собственности, но не первообразнымъ. Юристы, принимающіе военную добычу за первоначальный способъ приобрѣтенія права собственности, полагаютъ, будто во время войны между двумя государствами каждая изъ воюющихъ сторонъ признаетъ непріятеля неимѣющимъ никакихъ правъ и поэтому каждую вещь, находящуюся у непріятеля, рассматриваетъ какъ безхозяйную, а какъ безхозяйная, она содѣлывается собственностію перваго захватившаго. Военная добыча такимъ образомъ, по воззрѣнію этихъ юристовъ, составляетъ видъ *завладѣнія*, *occupatio*, и отличается отъ него только тѣмъ, что при завладѣніи дѣйствительно нѣтъ хозяина вещи, а при добычѣ есть хозяинъ вещи, но его право собственности не признается. Но это воззрѣніе невѣрно въ приложеніи къ современному общественному быту. По античному взгляду, непріятель дѣйствительно не имѣетъ правъ и вещи, находящіяся у непріятеля, юридически не числятся за нимъ, а рассматриваются какъ *res nullius* и становятся собственностію перваго оккупанта. И сообразно этому античному, Греческому и Римскому, взгляду военная добыча, дѣйствительно, представляется

---

(114) Св. зак. гр. *прилож.* къ ст. 378.

первообразнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности. Но далеко отъ античнаго взгляда современное воззрѣніе на международныя непріятельскія отношенія: христіанскому воззрѣнію чуждо отрицаніе права за непріателемъ, и хотя учрежденіе добычи удерживается и въ настоящее время, однакожь взглядъ на ея значеніе измѣнился. Въ настоящее время добыча допускается только по-необходимости, какъ одно изъ средствъ лишить непріателя способовъ къ продолженію войны, тѣмъ болѣе, что предметы добычи сами собою состоятъ главнымъ образомъ въ вещахъ, которыми ведется борьба. Но если законодательство допускаетъ добычу, то это не значитъ еще, что оно не признаетъ права собственности непріателя, а значитъ только, что право собственности непріателя по вещамъ, отнятымъ у него, прекращается. Точно также, какъ общество требуетъ отъ каждаго своего члена, чтобъ онъ въ случаѣ надобности отказался отъ какого-либо интереса, права, чтобъ онъ на общую пользу принесъ свое достояніе, точно также общество допускаетъ, что непріателя, приносящаго вредъ государству, можно лишить извѣстныхъ вещей и тѣмъ, быть можетъ, предуготовить прекращеніе самой войны. Такимъ образомъ, при добычѣ, по нашему мнѣнію, представляется прекращеніе права собственности непріателя и возникновеніе права собственности для другаго лица, или для государства воюющаго, или для лица, захватившаго добычу, и самая добыча поэтому, какъ способъ приобрѣтенія права собственности, представляется способомъ приобрѣтенія производнымъ, а не первообразнымъ. *Давность* считается первоначальнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности на томъ основаніи, будто въ давности выражается отреченіе собственника отъ вещи, будто потому приобрѣтается давностію право собственности по вещи, что она безхозяйная и вслѣдствіе того содѣлывается собственностію оккупанта. Но это воззрѣніе совершенно ложно и противорѣчитъ дѣйствительности. Для того, чтобы давность можно было признать первоначальнымъ способомъ приобрѣте-

нія права собственности, нужно, чтобы между прекращеніемъ права собственности хозяина вещи и приобрѣтеніемъ этого права со стороны давностнаго владѣльца существовалъ такой промежутокъ времени, въ который-бы вещь никому не принадлежала. Но такого промежутка нѣтъ, а до послѣдняго момента давностнаго срока вещь, состоящая въ давностномъ владѣніи, считается собственностію ея хозяина (115). Слѣдов. и давность представляется производнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности: и при давности право собственности по вещи отъ одного лица собственника переходитъ къ другому лицу—давностному владѣльцу, точно также, какъ переходить право собственности отъ одного лица къ другому на основаніи какой-либо сдѣлки. Наконецъ, *приращеніе* выдается за первообразный способъ приобрѣтенія права собственности. Но не справедливо: по приращенію дѣйствительно иногда приобрѣтается право собственности по вещи, которая прежде никому не принадлежала, но не принадлежала или потому, что ея вовсе не было, или хотя она и существовала, но была внѣ круга юридическихъ опредѣленій. Напр. по приращенію хозяинъ животнаго становится собственникомъ приплода: здѣсь право собственности приобрѣтается впервые, но не по безхозяйной вещи, а по такой, которая до того времени, какъ она стала собственностію, вовсе не существовала, по крайней мѣрѣ самостоятельно. Или напр. по приращенію прибрежный поземельный владѣлецъ приобрѣтаетъ право собственности на поземельный участокъ, образовавшійся отъ наплывшаго песку, отъ наноса илу: и здѣсь право собственности возникаетъ впервые, до возникновенія-же поземельнаго участка его вовсе не было, а были только отдѣльныя земляныя частицы, но онѣ внѣ юридическихъ опредѣленій, по-крайней-мѣрѣ нѣтъ никакого интереса въ юридическомъ опредѣленіи отдѣльныхъ земляныхъ частицъ. И такъ, ни одинъ изъ указываемыхъ *первообразныхъ*

---

(115) Тамъ-же, ср. ст. 475, 479, 1025.

способовъ приобрѣтенія права собственности не выдерживаетъ критическаго разсмотрѣнія, и мы отвергаемъ самое раздѣленіе способовъ приобрѣтенія права собственности на первообразныя и производныя.

## § 17.

Раздѣляютъ также способы приобрѣтенія права собственности, принимая за основаніе волю лицъ, прикосновенныхъ къ приобрѣтенію, и находятъ, что въ иныхъ случаяхъ право собственности приобрѣтается по волѣ интересентовъ, въ иныхъ независимо отъ ихъ воли, въ иныхъ наконецъ по стеченію воли интересентовъ и другихъ обстоятельствъ. Находятъ именно, что право собственности приобрѣтается *по волю интересентовъ*, когда приобрѣтается вслѣдствіе какой-либо сдѣлки, напр. даренія, духовнаго завѣщанія и т. п. Или право собственности приобрѣтается *на основаніи закона*, независимо отъ воли интересентовъ, напр. въ случаѣ приращенія: законъ признаетъ приращеніе собственностію хозяина вещи, къ которой дѣлается приращеніе, и воля хозяина совершенно безразлична. Или, наконецъ, право собственности приобрѣтается *на основаніи совокупнаго дѣйствія воли интересентовъ и закона*, напр. при законномъ наслѣдованіи: законъ опредѣляетъ порядокъ наслѣдованія, но наслѣдникъ можетъ и отказаться отъ приобрѣтенія права собственности на основаніи принадлежащаго ему права наслѣдованія. Но и это дѣленіе способовъ приобрѣтенія права собственности несостоятельно: прежде всего должно сказать, что это дѣленіе обнимаетъ не одни способы приобрѣтенія права собственности, а также и способы приобрѣтенія всѣхъ другихъ имущественныхъ правъ, напр. по духовному завѣщанію, по законному наслѣдованію приобрѣтается не только право собственности, но приобрѣтаются самыя разнородныя имущественныя права; далѣе, должно замѣтить, что приобрѣтеніе права собственности по волѣ интересентовъ должно найти себѣ основаніе въ законѣ или обычаѣ,

иначе ихъ воля не будетъ уважена, такъ-что, можно сказать, всякое приобрѣтеніе права собственности по волѣ интересн-товъ есть приобрѣтеніе по закону или обычаю; наконецъ, это раздѣленіе не имѣетъ никакого практическаго значенія и для системы права отъ него нѣтъ никакой пользы.

Практическое различіе способовъ приобрѣтенія права собственности, намъ кажется, заключается въ томъ, что однимъ способомъ присуще владѣніе, такъ-что нѣтъ и приобрѣтенія права собственности, если приобрѣтатель не вступаетъ во владѣніе вещью; другими-же способами право собственности приобрѣтается независимо отъ владѣнія, такъ-что лицо можно признать собственникомъ вещи, хотя-бы оно къ ней и не прикасалось. На этомъ основаніи способы приобрѣтенія права собственности можно раздѣлить на *способы, требующіе посредства владѣнія*, и *способы, независящіе отъ владѣнія*. Этого дѣленія мы будемъ держаться. Но замѣтимъ, что вопросъ о классификаціи способовъ приобрѣтенія права собственности пользуется незаслуженнымъ значеніемъ въ системѣ права, потому-что въ наукѣ права существенно опредѣлить каждый способъ приобрѣтенія права собственности, но нисколько не существенно обозначать общія черты нѣсколькихъ способовъ приобрѣтенія, несущественно потому, что нельзя остановиться на этихъ общихъ чертахъ, а приходится опредѣлять каждый способъ въ точности, и потому все равно, въ какомъ-бы порядкѣ ни опредѣлять ихъ. Разумѣется, основное правило всякой системы—однородное соединять вмѣстѣ; но въ самыхъ разнообразныхъ юридическихъ учрежденіяхъ всегда найдется что-нибудь общее, подъ которое подходятъ они; поэтому чрезвычайно трудно избрать то общее, подъ которое именно подвести извѣстныя учрежденія, и лучше всего избирать то общее, которое имѣетъ практическую цѣну, хотя и нельзя сказать, чтобы можно было довольствоваться указаніемъ практическихъ чертъ.

## § 18.

**СПОСОБЫ ПРИОБРѢТЕНІЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ПОСРЕДСТВѢ ВЛАДѢНІЯ.**

Сюда относятся: *передача, давность и военная добыча.*

*Передачею* называется актъ, по которому вещь изъ владѣнія одного лица переходитъ во владѣніе другаго, приобретающаго надъ нею право собственности. Это послѣднее условіе существенно для передачи, какъ способа приобретенія права собственности, потому-что передача сама-по-себѣ возможна и не какъ способъ приобретенія права собственности: напр. передается вещь для пользованія, передается залогопринимателю, передается какъ поклажа, и т. п., но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ передача не представляется способомъ приобретенія права собственности. При передачѣ въ смыслѣ способа приобретенія права собственности представляются: 1) лицо, передающее право собственности; 2) лицо, приобретающее это право; 3) законное основаніе (*justus titulus*), по которому передача составляетъ переходъ права собственности, и 4) самый актъ передачи, состоящій въ переходѣ владѣнія отъ одного лица къ другому. Относительно лицъ, встрѣчающихся при передачѣ, мы не можемъ сказать ничего особеннаго, новаго, а должны повторить только, что субъективныя условія дѣйствительности сдѣлки имѣютъ значеніе и для дѣйствительности передачи: лицо передающее должно быть въ-правѣ совершить отчужденіе, передать право собственности; лицо приобретающее должно быть способно къ приобретению не только имуще- ственныхъ правъ вообще, но и права собственности на данную вещь въ-особенности. Намъ слѣдуетъ поэтому остановиться лишь на законномъ основаніи и актѣ передачи. Передача права собственности всегда исходитъ изъ какой-либо сдѣлки или, общѣе, изъ какого-либо юридическаго отношенія. Большею частью эта сдѣлка существуетъ до передачи, но иногда совпадаетъ съ нею. Напр. когда совершается купля-продажа на не-

движимое имущество, то сдѣлка существуетъ задолго до передачи имущества; но когда одно лицо даетъ другому милостыню, то сдѣлка (дареніе) совпадаетъ съ передачею. Эта-то сдѣлка или, общѣе, юридическое отношеніе, на основаніи котораго переходитъ право собственности, и есть законное основаніе передачи. У насъ оно нерѣдко принимается даже за самый способъ приобрѣтенія права собственности, но несправедливо: законное основаніе передачи устанавливаетъ лишь право на перечу, а передача уже составляетъ способъ приобрѣтенія самаго права собственности. Напр. совершена купля-продажа: покупатель въ-правѣ требовать только передачи себѣ купленной вещи, но до передачи не имѣетъ еще надъ нею права собственности. Тѣмъ не менѣе законное основаніе передачи существенно для ея дѣйствительности: недостаточно намѣренія лицъ, участвующихъ въ перече, одного—передать право собственности, другаго—приобрѣсти его; недостаточно также и перехода самаго владѣнія; необходимо еще и законное основаніе для того, чтобы передача составляла переходъ права собственности, такъ-что тамъ, гдѣ нѣтъ этого основанія, нѣтъ и перехода права собственности. Напр. я передаю вещь лицу А, имѣя въ виду, что дарю ему эту вещь, такъ-что мнѣ *дареніе* представляется законнымъ основаніемъ передачи; но лицо А имѣетъ въ виду, что приобрѣтаетъ право собственности по мѣнѣ, такъ-что по его понятію *мѣна* составляетъ законное основаніе передачи: въ такомъ случаѣ право собственности не переходитъ съ передачею, ибо дареніе и мѣна, подобно другимъ договорамъ, существенно предполагаютъ взаимное соглашеніе контрагентовъ, а какъ такого соглашенія нѣтъ, то нѣтъ ни даренія, потому-что А не изъявляетъ согласія на принятіе дара, нѣтъ ни мѣны, потому-что я дарю, а не заключаю договоръ мѣны, нѣтъ слѣдов. и законнаго основанія для перехода права собственности. Конечно, можно сказать, что и дареніе и мѣна представляютъ въ нашемъ примѣрѣ то общее, что имѣютъ въ виду установить переходъ права собственности, но сдѣлка есть нѣчто единое, цѣльное,

нераздѣльное, нельзя изъ нея взять одну часть, а другую оставить, и нельзя поэтому признать, что право собственности все-таки переходитъ на томъ основаніи, что хотя интересенты имѣютъ въ виду разныя сдѣлки, но сходятся въ томъ, чтобъ перешло право собственности, а должно сказать, что хотя передача и совершается, но право собственности не переходитъ.

Обращаясь къ самому *акту* передачи, состоящему въ переходѣ владѣнія вещью изъ рукъ одного лица въ руки другого, мы находимъ, что въ иныхъ случаяхъ этотъ актъ дѣйствительно совершается, въ иныхъ-же нѣтъ, а только подразумевается. И случаевъ послѣдняго рода встрѣчается немало въ практической жизни: очень часто вещь на-самомъ-дѣлѣ не передается приобрѣтателю, а право собственности все-таки считается приобрѣтеннымъ, отошедшимъ отъ прежняго хозяина и именно по передачѣ. Такая *подразумеваемая* передача представляется, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда передача составляетъ до такой степени непосредственное, необходимое послѣдствіе сдѣлки, на основаніи которой должна произойти передача, что она, какъ слѣдствіе, подразумевается сама собою, хотя-бы и не была совершена на самомъ дѣлѣ. Напр. такіе случаи встрѣчаются при покупкѣ движимаго имущества: очень нерѣдко бываетъ, что заключается договоръ купли-продажи, покупатель уплачиваетъ продажную цѣну, но купленная вещь остается пока въ рукахъ продавца, а все-таки считается уже собственностію покупателя. Передача здѣсь подразумевается, и если искать наружнаго знака, выражающаго ее, то развѣ заключается онъ въ томъ, что проданная вещь запаковывается, или по-крайней-мѣрѣ выдѣляется изъ массы другихъ товаровъ; но и это не всегда бываетъ. Во-вторыхъ, случаи подразумеваемой передачи представляются тогда, когда приобрѣтателю права собственности передается не самая вещь, а знакъ ея, представитель. Напр. въ торговомъ быту передача фактуры (вѣдомости о товарѣ) замѣняетъ передачу самаго товара: купецъ, получившій фактуру, распоряжается означеннымъ въ



ней товаромъ, какъ своею собственностію, хотя-бы товаръ и не былъ еще въ его рукахъ. Или напр. въ торговомъ быту нерѣдко бываетъ, что передается не самый товаръ, а ключъ отъ анбара или, вообще, помѣщенія, въ которомъ находится товаръ, и передача ключа считается передачею самаго товара. Такая передача знака вмѣсто передачи самой вещи есть остатокъ древней символической передачи, которая въ-особенности имѣла мѣсто относительно имуществъ недвижимыхъ; напр. въ нашемъ древнемъ юридическомъ быту передача глыбы земли считалась передачею поземельнаго участка (116). Настоящее время, разумѣется, неблагопріятно для символовъ, они все болѣе и болѣе вытѣсняются; но если символъ соотвѣтствуетъ существу дѣла, то очень естественно удержаться ему и въ настоящее время; такъ напр. передачѣ ключа отъ помѣщенія проданнаго товара естественно замѣнять собою передачу самаго товара. Наконецъ, къ случаямъ подразумеваемой передачи должно отнести тѣ случаи, когда переча вещи излишня, потому-что вещь уже находится въ рукахъ пріобрѣтателя, такъ-какъ вещь можетъ находиться въ рукахъ и такого лица, которое не имѣетъ надъ нею права собственности. Напр. вещь передается, какъ закладъ, а впоследствии залогоприниматель пріобрѣтаетъ надъ нею право собственности: такъ-какъ вещь уже находится въ рукахъ пріобрѣтателя, то было-бы пустою формальностію взять ее обратно отъ залогопринимателя и потомъ снова предать ему, какъ пріобрѣтателю права собственности (117). Эти-то случаи подразумеваемой передачи въ-особенности и внушаютъ нерѣдко мысль, что право собственности пріобрѣтается независимо отъ передачи, на основаніи самой сдѣлки; но это несправедливо, какъ увидимъ впоследствии, а именно передача устанавливаетъ переходъ права собственности,

(116) Ср. впрочемъ *Несомлина*. Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 44, 116, 117.

(117) Въ Римскомъ правѣ такая передача называется *brevi manu traditio* (передача короткою рукою), а изъ Римскаго права это выраженіе перешло и въ юридическій языкъ новыхъ западныхъ народовъ.

только-что не всегда она совершается на дѣлѣ, а во многихъ случаяхъ лишь подразумевается. Дѣйствительное совершение акта передачи въ нашемъ юридическомъ быту неодинаково, но различается по роду имущества, относительно которыхъ совершается актъ: иначе совершается передача имущества недвижимыхъ, иначе имущество движимыхъ; въ томъ и другомъ случаѣ существенно передача остается переходомъ владѣнія. Передача имущества недвижимаго состоитъ въ томъ, что лицо, приобретающее право собственности, поставляется въ возможность владѣть имуществомъ: самую вещь нельзя передать въ его руки, она остается недвижимою, но лицо придвигается къ вещи, тогда-какъ лицо, передающее право собственности, отделяется отъ нея. Очень удачно поэтому передача недвижимаго имущества называется *вводомъ во владѣніе*. По важности, которую приписываетъ законодательство недвижимому имуществу, передача его (вводъ во владѣніе) совершается у насъ при участіи общественной власти или, лучше сказать, ею самою. Актъ совершается такимъ образомъ (118): лицо, приобретшее право на передачу известнаго недвижимаго имущества, обращается къ подлежащему судебному мѣсту низшей инстанціи (уѣздному суду или городскому магистрату, смотря по тому, находится имущество въ уѣздѣ, или въ городѣ) и проситъ о вводѣ во владѣніе. Судебное мѣсто рассматриваетъ, имѣетъ-ли лицо законное основаніе на передачу недвижимаго имущества, и если находитъ, что законное основаніе существуетъ, дѣлаетъ постановленіе о вводѣ во владѣніе и предписываетъ произвести его подлежащему полицейскому мѣсту (земскому суду, если имущество находится въ уѣздѣ, или городской полиціи, если оно въ городѣ). На основаніи такого предписанія, полицейскій чиновникъ въ известное время является къ тому недвижимому имуществу, относительно котораго долженъ быть произведенъ вводъ во владѣніе, сюда-же являются заблаговре-

---

(118) Св. зак. гр. ст. 751—755.

менно приглашенные: прежній хозяинъ имущества (иногда впрочемъ онъ и не приглашается), новый пріобрѣтатель и нѣскольکو свидѣтелей изъ сосѣдей имущества, принадлежащихъ къ сословію лица, вводимаго во владѣніе, и въ присутствіи этихъ лицъ полицейскій чиновникъ совершаетъ письменный актъ о вводѣ во владѣніе, такъ-называемый *вводный листъ*, въ которомъ означается, что такое-то лицо вводится во владѣніе такихъ-то недвижимымъ имуществомъ; листъ этотъ подписывается полицейскимъ чиновникомъ, производящимъ вводъ, и свидѣтелями и предъявляется тому судебному мѣсту, по распоряженію котораго совершился вводъ во владѣніе (119). При вводѣ во владѣніе имуществомъ населеннымъ созываются также крестьяне и дворовые люди, принадлежащіе къ имѣнію, и полицейскій чиновникъ внушаетъ имъ послушаніе новому собственнику. Такое внушеніе ведетъ начало свое отъ того времени, когда лица, поселенныя на землѣ, не считались собственностію ея владѣльца, и могъ обязывать ихъ къ послушанію только особый актъ со-стороны правительства, который и повторялся при каждой перемѣрѣ землевладѣльца, а отъ этого и письменный актъ о вводѣ во владѣніе, нынѣшній вводный листъ, на древнемъ юридическомъ языкѣ назывался *послушною грамотою* (120). Въ настоящее время отношенія крестьянъ къ поземельному собственнику не тѣ, какія были прежде, и обязанность повиноваться вытекаетъ для нихъ изъ крѣпостнаго права, принадлежащаго помѣщику; но и въ настоящее время законодательство предписываетъ полицейскому чиновнику внушать крестьянамъ и дворовымъ людямъ, принадлежащимъ къ имѣнію, быть въ послушаніи ихъ собственника (121). Самое участіе правительства при передачѣ недвижимыхъ имуществъ, быть можетъ, проявлялось сначала только относительно иму-

---

(119) Свидѣтели, впрочемъ, принимаются большею частію только при вводѣ во владѣніе имуществами населенными.

(120) *Несомына*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 174.

(121) Св. зак. гр. ст. 755.

ществъ населенныхъ (122); но по важности, какую постоянно придавало наше законодательство вообще недвижимымъ имуществамъ, участіе правительства при передачѣ ихъ изъ рукъ въ руки впоследствии распространилось также и на земли ненаселенныя и на недвижимыя имущества городскія, зданія. Должно сказать однако, что, по историческому происхожденію цѣлаго учрежденія, по связи его первоначально только съ имуществами населенными, въ нашемъ юридическомъ быту образовалось возрѣніе, будто ввѣдъ во владѣніе особенно существенъ только относительно населенныхъ имѣній, такъ-что во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества относительно имуществъ городскихъ ввѣдъ во владѣніе по обычаю не совершается, да и по-отношенію къ землямъ ненаселеннымъ весь актъ ввѣда во владѣніе во многихъ случаяхъ заключается лишь въ написаніи вводнаго листа.

Независимо отъ ввѣда во владѣніе, законодательство упоминаетъ еще объ *отказѣ*, какъ учрежденіи, которымъ дополняется передача недвижимаго имущества. Законодательство опредѣляетъ именно, что по ввѣдѣ во владѣніе судебное мѣсто, по распоряженію котораго онъ произведенъ, выставляетъ на дверяхъ своихъ объявленіе о ввѣдѣ, приглашая тѣмъ лицъ, имѣющихъ на то право, въ-теченіе двухъ лѣтъ, предъявить споръ противъ новаго собственника, по истеченіи-же двухлѣтняго срока дѣлаетъ распоряженіе объ отказѣ, точно также, какъ дѣлаетъ распоряженіе о ввѣдѣ во владѣніе, т.-е. предписываетъ объ отказѣ подлежащему полицейскому мѣсту, члены котораго въ самомъ недвижимомъ имуществѣ совершаютъ актъ объ *отказѣ*, и затѣмъ уже, по опредѣленію законодательства, всякій споръ о пріобрѣтенномъ правѣ собственности устраняется (123). На дѣлѣ однакожь выходитъ, что отказъ не устраняетъ спора по пріобрѣтенному праву собственности, по тому-что сверхъ давности, представляющей при отказѣ, на-

(122) Тамъ-же, см. примѣч.

(123) Тамъ-же, ст. 756—759.

ше законодательство устанавливает еще давность десятилетнюю (124) и только истечение срока этой давности, при известных условиях, действительно устраняет спор об имущественных правах вообще, и в частности о праве собственности. Таким образом, отказ не представляет непосредственного практического значения, и этимъ объясняется, почему во многихъ судебныхъ мѣстахъ довольствуются однимъ вводомъ во владѣніе, отказа-же обыкновенно не дѣлается, развѣ по особому настоянію собственниковъ; но и сами собственники только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ судебному мѣсту съ просьбою об отказѣ. Довольно любопытно поэтому изслѣдовать, почему-же существуетъ въ нашемъ законодательствѣ учрежденіе отказа, откуда явилось оно? Оно дошло до насъ изъ древняго права, которое разумѣло подъ отказомъ актъ, предоставлявшій недвижимое имущество власти лица, уже владѣвшаго имъ фактически, безъ права или и по праву, но не по праву собственности. Такъ, обыкновенно совершался отказъ тогда, когда помѣстье по смерти отца справлялось за его дѣтьми, продолжавшими между-тѣмъ владѣть имъ (125), или когда помѣстье лица обращалось ему въ вотчину (126). Слѣдов. отказъ въ древнемъ Русскомъ правѣ имѣлъ значеніе, если не тождественное, то близкое къ нынѣшнему вводу во владѣніе. Но когда помѣстья слились съ вотчинами (127), отказъ уже не могъ имѣть мѣста и оказался лишнимъ, какъ и принимаютъ его современная юридическая практика. Между-тѣмъ законодательство все-таки хотѣло сохранить учрежденіе отказа, и вотъ, подмѣтивъ въ немъ ту сторону, что отказъ относится къ владѣнію уже готовому, оно придало ему значеніе акта, которымъ окончательно укрѣпляется за лицомъ право

---

(124) Тамъ-же, ст. 479.

(125) *Неволина*, Ист. Росс. гр. зак. II, стр. 242, III, стр. 368.

(126) Ср. впрочемъ *Неволина*, II, стр. 174.

(127) Что, какъ извѣстно, произошло вслѣдствіе указа о единонаслідїи (*Неволина*. II, стр. 255).

собственности приобрѣтенному имуществу и устраняется всякій споръ о правѣ. На дѣлѣ однако, какъ мы и сказали уже, споръ, и при томъ успѣшный споръ о правѣ собственности, возможенъ и по совершеніи отказа, и если случается иногда въ судебной практикѣ, что выводится на сцену отказъ, какъ актъ, устраняющій всякій споръ о правѣ собственности лица на его недвижимое имущество, то это дѣлается всегда по вліянію какого-нибудь юриста-крючка, который думаетъ извлечь пользу для себя или для отстаиваемой имъ стороны изъ существованія учрежденія въ законодательствѣ; но такая посылка въ нашей практикѣ считается наглою недобросовѣстностію и рѣдко бываетъ удачна.

По-отношенію къ движимому имуществу, передача называется *врученіемъ* и совершается безъ всякаго участія общественной власти, одними лицами, прикосновенными къ сдѣлкѣ, на основаніи которой происходить приобрѣтеніе права собственности (128). Актъ врученія очень простъ: онъ заключается лишь въ томъ, что вещь изъ рукъ лица, отчуждающаго право собственности, передается въ руки лица, приобрѣтающаго это право по вещи.

Какъ способъ приобрѣтенія права собственности, передача имѣетъ обширное примѣненіе въ нашемъ юридическомъ быту: пожалованіе, дареніе, духовное завѣщаніе, купля-продажа и вообще всѣ тѣ сдѣлки, которыя клонятся къ установленію перехода права собственности отъ одного лица къ другому, а также и другіе способы приобрѣтенія имущественныхъ правъ, какъ-скоро они ведутъ къ приобрѣтенію права собственности, напр. наследованіе по закону, сопровождаются передачею. Но спрашивается, почему-же передача существенна для приобрѣтенія права собственности, для чего это посредствующее звѣно между сдѣлкою, ведущею къ приобрѣтенію права собственности, и самымъ приобрѣтеніемъ его? Мы видѣли, что во мно-

---

(128) Св. зак. гр. см. напр. ст. 816, 1140.

гихъ случаяхъ передача только подразумѣвается. Почему-же, спрашивается, не сводить пріобрѣтенія права собственности къ сдѣлкѣ, на основаніи которой происходитъ передача, а именно къ передачѣ и притомъ иногда только подразумѣваемой? Нѣкоторые юристы, дѣйствительно, принимаютъ, что право собственности пріобрѣтается независимо отъ передачи, на основаніи самой сдѣлки о переходѣ права собственности, и находятъ, что передача — одна формальность, которая, если въ прежнее время и почиталась существенною при нѣкоторыхъ сдѣлкахъ, то потому только, что въ прежнее время вообще болѣе дорожили формальностію, нежели дорожатъ ею нынѣ. Но если обратить вниманіе на то, что передача составляетъ переходъ владѣнія, а владѣніе—существенная составная часть самаго права собственности и предполагаетъ передачу одною сдѣлкою, лицо-же, пріобрѣтающее на основаніи ея право на передачу вещи, еще не становится владѣльцемъ, — если обратить, говорю, вниманіе на это, то должно согласиться, что передача болѣе, чѣмъ одна простая формальность, а именно—основаніе пріобрѣтенія права собственности. Въ-особенности таково ея значеніе въ нашемъ юридическомъ быту. Нѣтъ, правда, существенной необходимости требовать акта передачи для пріобрѣтенія права собственности, а можно связать это пріобрѣтеніе съ самою сдѣлкою, на основаніи которой происходитъ передача. Такъ, дѣйствительно, и поступаетъ современное Французское законодательство, постановляя напр., что по совершеніи купли-продажи право собственности на вещь переходитъ къ покупщику независимо отъ передачи, на основаніи уже договора (129). Но ни наше законодательство не постановляетъ этого, а именно сводитъ пріобрѣтеніе права собственности къ передачѣ; ни юридическое воззрѣніе нашего общества не требуетъ, чтобы самой сдѣлкѣ предоставлена была сила передавать право собственности, напротивъ, въ общественномъ сознаніи считается

(129) *Troplong*, Le droit civil expliqué suiv. l'ordre des art. du code: de la Vente. 3-me éd. Paris, 1837. I, стр. 5—12.

необходимымъ для пріобрѣтенія права собственности по вещи пріемъ ея, сдача, а это и есть ни что иное, какъ передача. Но, кромѣ-того, значеніе, придаваемое передачѣ законодательствомъ, и согласное съ нимъ общественное воззрѣніе на нее объясняются исторически. Извѣстно, что въ неразвитомъ юридическомъ быту право собственности смѣшивается обыкновенно съ владѣніемъ и безъ владѣнія не понимается: поэтому существенно, чтобы вещь поступила во владѣніе лица, и только тогда лицо считается собственникомъ, хозяиномъ. Такое воззрѣніе было присуще и нашему древнему юридическому быту; слѣды его сохранились донынѣ, и вотъ между прочимъ въ воззрѣніи на передачу, какъ существенное дополненіе къ сдѣлкѣ о переходѣ права собственности или, лучше сказать, какъ на способъ его пріобрѣтенія.

### § 19.

Другой способъ пріобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія — *давность*. Она, какъ извѣстно, не есть учрежденіе единичное, но ея существо, ея свойства различны, смотря по тому, о какихъ правахъ идетъ рѣчь. Мы разсматриваемъ давность, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности. По опредѣленію нашего законодательства, безспорное, спокойное и непрерывное владѣніе вещью въ видѣ собственности въ теченіе десяти лѣтъ обращается въ право собственности (130). Отсюда съ перваго взгляда видно, что въ давности именно владѣніе есть тотъ путь, который ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности, а самое владѣніе это называется *владѣніемъ давностнымъ*. Какія-же принадлежности давностнаго владѣнія? Въ опредѣленіи законодательства, устанавлиющемъ свойства владѣнія, которое ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности по вещи, подлежащей владѣнію, оно характеризуется прежде

---

(130) Св. зак. гр. ст. 451.



всего какъ *безспорное, спокойное и непрерывное*. Подъ владѣніемъ *безспорнымъ* разумѣется владѣніе, вноспариваемое искомъ (131). Слѣдов. не всякій споръ противъ владѣнія лишаетъ его возможности доставить по давности права собственности по вещи, а только такой споръ, который имѣетъ значеніе иска, т.-е. такой, который предъявленъ лицомъ, имѣющимъ право вчинать искъ о правѣ собственности по вещи, и предъявленъ притомъ надлежащему судебному мѣсту. Итакъ, понятіе о безспорности давностнаго владѣнія—понятіе определенное, юридическое и болѣе или менѣе тѣсное. Трудно опредѣлить, что разумѣетъ законодательство подъ владѣніемъ *спокойнымъ*. Можно разумѣть подъ нимъ спокойствіе фактическое. Но неужели всякое нарушеніе спокойствія владѣльца, всякая тревога обращаетъ давностное владѣніе въ безспокойное, разрушаетъ его? Едва-ли таково значеніе спокойнаго владѣнія, характеризующаго владѣніе давностное: въ самомъ законодательствѣ нѣтъ указанія на то, чтобы каждая фактическая тревога давностнаго владѣльца разрушала его владѣніе, а независимо отъ прямаго указанія законодательства, а ргіогі, такого значенія спокойному владѣнію придать нельзя. Можно думать, что владѣніе спокойное значитъ то-же, что безспорное: законодательство наше не отличается строгою точностію рѣчи, оно не даетъ себѣ отчета въ каждомъ словѣ, имъ употребляемомъ, и поэтому, если слово «*спокойное*» постановлено рядомъ съ словами «*безспорное и непрерывное*», то не слѣдуетъ еще, чтобы каждое изъ этихъ словъ имѣло свой опредѣленный смыслъ. И, намъ кажется, можно принять, что спокойствіе владѣнія значитъ его безспорность. Если-же настаивать на самостоятельномъ значеніи спокойнаго владѣнія, то должно придать ему такой смыслъ: законодательство, допуская пріобрѣтеніе права собственности по давности, все-таки не имѣетъ въ виду сдѣлать давность способомъ слишкомъ легкимъ, удобнымъ и

---

(131) Тамъ-же, ст. 476, 477.

вотъ находя, что понятіе о безспорномъ владѣніи слишкомъ тѣсно, слишкомъ расширяло-бы значеніе давности, требуетъ, чтобы давностное владѣніе было не только безспорное, но и спокойное, т.-е. чтобы не было и такихъ нападокъ на владѣніе, которые фактически представляются споромъ, хотя и не составляютъ спора въ юридическомъ смыслѣ. Понимая спокойное владѣніе въ такомъ смыслѣ, должно сказать, что и споръ, предъявленный противъ давностнаго владѣльца не собственникомъ, но съ его согласія, или споръ со стороны собственника, но предъявленный не надлежащему судебному мѣсту, или даже и простое заявленіе собственника полиціи о неправильномъ владѣніи давностнаго владѣльца, уже лишаютъ владѣніе свойства владѣнія спокойнаго и тѣмъ разрушаютъ давностное владѣніе. Требуется также для давностнаго владѣнія, чтобъ оно было *непрерывное* (132). Это значитъ, чтобы владѣніе было постоянное, чтобы въ-теченіе всего давностнаго срока лицо не переставало владѣть вещью, но, разумѣется, владѣть въ смыслѣ юридическомъ, юридическое-же владѣніе, какъ извѣстно, не предполагаетъ ежеминутнаго фактическаго отношенія владѣльца къ вещи, подлежащей его владѣнію. Непрерывностію такимъ образомъ, какъ принадлежностію давностнаго владѣнія, требуется, чтобы давностный владѣлецъ въ-теченіе всего давностнаго срока не переставалъ состоять въ юридическомъ владѣніи вещью, чтобъ оно не прекращалось для него и не начиналось для другаго лица, будетъ-ли то стороннее лицо или самъ собственникъ вещи (133). Но очевидно, что непрерывность, какъ принадлежность давностнаго владѣнія, не исключаетъ предоставленія владѣнія со стороны давностнаго владѣльца другому лицу. Положимъ, лицо отдаетъ въ наемъ поземельный участокъ, состоящій въ его давностномъ владѣніи: поземельный участокъ по-

---

(132) Тамъ-же, ст. 451.

(133) Владѣніе собственника, конечно, не будетъ владѣніемъ фактическимъ, а владѣніемъ по праву собственности, но тѣмъ не менѣе и владѣніе собственника прекращаетъ юридическое владѣніе давностнаго владѣльца.

ступаетъ во владѣніе нанимателя, но тѣмъ не менѣе числятся за юридическимъ владѣльцемъ, и давностное владѣніе его не прерывается. Мало того, непрерывность давностнаго владѣнія не исключаетъ даже перемѣны въ лицѣ владѣльца: въ извест-ныхъ случаяхъ допускается такъ-называемая *преемственность* давностнаго владѣнія, т.-е. лицо владѣльца хотя измѣняется, но владѣніе считается тѣмъ-же, а не новымъ, такъ-что послѣдній давностный владѣлецъ вещи приобрѣтаетъ на нее право собственности по давности, не провладѣвъ вещь въ те-ченіе полнаго давностнаго срока. Такая преемственность вла-дѣнія допускается именно тогда, когда новый владѣлецъ приоб-рѣтаетъ владѣніе отъ прежняго на основаніи какого-либо юри-дическаго отношенія, такъ-что новый владѣлецъ становится юридическимъ преемникомъ прежняго или *titulo universali* или *titulo singulari*, т.-е. новый владѣлецъ или потому является юриди-ческимъ преемникомъ предшественника, что вступаетъ во всѣ его юридическія отношенія, или потому, что встрѣчаетъ въ его юридическія отношенія только по давному владѣнію. Итакъ, наслѣдникъ давностнаго владѣльца, лицо, приобрѣтшее вещь, подлежащую давностному владѣнію, по отчужденію, продолжа-ютъ владѣніе своихъ предшественниковъ: и въ томъ и дру-гомъ случаѣ владѣніе остается единымъ, непрерывнымъ и по-тому не перестаетъ быть давностнымъ. Повидимому, въ этомъ преемствѣ владѣнія представляется аномалія, ибо преемствен-ность, какъ понятіе юридическое, относится къ правамъ, а мы имѣемъ въ виду не право владѣнія, а владѣніе, какъ состояніе фактическое. Если напр. лицо, не будучи собственникомъ вещи, подлежащей его давностному владѣнію, отчуждаетъ ее, какъ свою собственность, то все-таки не передаетъ права собствен-ности и въ юридическомъ смыслѣ *nihil agit*. Но тѣмъ не менѣе должно сказать, что при такой передачѣ фактическое отноше-ніе одного лица переходитъ къ другому и этому фактическому отношенію въ его движеніи сопутствуетъ мысль о правѣ, — мысль ложная, тѣмъ не менѣе однако дѣйствительная. Но цо-

вторимъ, что преемственность давностнаго владѣнія допускается не безусловно, не во всѣхъ случаяхъ, когда вещь, подлежащая давностному владѣнію, переходитъ отъ одного лица къ другому, а только тогда, когда переходу соучтствуетъ сознание, что переходитъ именно то, что принадлежало предшественнику, ибо только тогда преемникъ совершенно вступаетъ въ данное юридическое сознание своего предшественника. Поэтому напр. лицо, которое нанимаетъ поземельный участокъ, состоящій въ чемъ-либо давностномъ владѣніи, не становится преемникомъ давностнаго владѣльца, ибо юридическое сознание пріобрѣтателя участка по найму иное, нежели юридическое сознание отдавателя. Подтверженіемъ этому служитъ дальнѣйшая принадлежность давностнаго владѣнія, которое, по опредѣленію законодательства, должно быть также владѣніемъ «въ видѣ собственности» (134). Но что значитъ владѣніе въ видѣ собственности? — это понимаютъ различно. Одни, напр. понимаютъ выраженіе законодательства въ томъ смыслѣ, будто давностный владѣлецъ долженъ питать въ себѣ сознание о правѣ собственности по владѣмой вещи, и на этомъ основаніи принимаютъ *добросовѣстность* (*bona fides*), какъ принадлежность давностнаго владѣнія по нашему праву, и притомъ принадлежность, необходимую не только для начала владѣнія, какъ по Римскому праву — *mala fides superveniens non nocet* (135), но и во все продолженіе давностнаго срока, какъ оправдываетъ каноническое право (136). На такую мысль о тождественности условія владѣнія *въ видѣ собственности* съ *добросовѣстностію* владѣнія наводитъ прежде всего сближеніе нашего права съ другими правами, напр. съ Римскимъ и каноническимъ, которыя полагаютъ добросовѣстность однимъ изъ существенныхъ условій давностнаго владѣнія, т.-е. такого владѣнія, которое ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности. Но и независи-

---

(134) Св. зак. гр. ст. 451.

(135) Dig. L. 41, t. 3, fr. 43 pr.

(136) *Savigny*, System d. heut. römisch. Rechts, V, стр. 327 — 352.

мо отъ такого сближенія, приобрѣтеніе права собственности со стороны недобросовѣстнаго владѣльца кажется нѣсколько предосудительнымъ для общественнаго быта: это значило-бы, полагають, увѣнчать успѣхомъ недобросовѣстность. И вотъ, не находя въ законодательствѣ прямаго указанія на добросовѣстность, какъ принадлежность давностнаго владѣнія, желаютъ видѣть это указаніе въ томъ условіи законодательства, чтобы владѣніе давностное было владѣніемъ *въ видѣ собственности*. Но противъ этого можно возразить, что понятіе добросовѣстности обширное: можно владѣть добросовѣстно, по праву, напр. по найму, по залогу или иначе, и все-таки не считать себя собственникомъ. Можно сказать также, что если и недобросовѣстный владѣлецъ имѣетъ возможность сдѣлаться собственникомъ по давности, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что добросовѣстность вознаграждается со стороны законодательства, а тогда представится только одинъ изъ нерѣдкихъ случаевъ, что недобросовѣстность имѣетъ успѣхъ. Другое дѣло, еслибы законодательство полагало недобросовѣстность условіемъ давностнаго владѣнія; но выходитъ только, если не принимать выраженіе законодательства *«въ видѣ собственности»* за требованіе добросовѣстности, что недобросовѣстность не составляетъ препятствія для приобрѣтенія права собственности по давности, а это еще далеко не то, чтобы недобросовѣстность вознаграждалась со стороны законодательства. Другіе понимаютъ владѣніе *въ видѣ собственности*, какъ условіе давностнаго владѣнія, въ томъ смыслѣ, будто давностный владѣлецъ долженъ считаться собственникомъ владѣемой вещи во мнѣніи другихъ лицъ, хотя бы на-самомъ-дѣлѣ и не былъ ея собственникомъ и даже самъ не считалъ себя за собственника. Слова: *«владѣніе въ видѣ собственности»*, дѣйствительно, такъ общи, что можно понимать ихъ и въ этомъ смыслѣ. Наконецъ разсматриваемую принадлежность давностнаго владѣнія понимаютъ такъ, будто давностный владѣлецъ долженъ дѣйствовать, какъ собственникъ, все равно, считаетъ-ли онъ себя собственникомъ владѣ-

емой вещи, считают-ли его другіе за собственника, или нѣтъ, только чтобы давностное владѣніе представляло всю видимость права собственности; итакъ, пусть давностный владѣлецъ владѣть вещью подѣ известными условіями—владѣніе фактическое по наружному правленію не отличается отъ владѣнія права; пусть владѣлецъ пользуется вещью—естественное послѣдствіе владѣнія; пусть онъ распоряжается вещью, насколько распоряжается и собственникъ, воздерживающійся отъ уничтоженія и отчужденія вещи. Всѣ эти воззрѣнія на значеніе *вида собственности* при давностномъ владѣніи встрѣчаются въ нашей практикѣ. Понятно, что когда возникаетъ споръ о правѣ собственности и владѣлецъ основываетъ свое право на давности, тогда онъ для охраненія своего права отстаиваетъ тотъ смыслъ выраженія «*въ видѣ собственности*», который наиболее ему благопріятенъ. Но судебныя мѣста, рѣшая споръ о правѣ собственности, основывающемся на давности, сколько намъ известно, большею частію имѣютъ въ виду только давностный срокъ и мало обращаютъ вниманія на принадлежность давностнаго владѣнія, какъ владѣнія въ видѣ собственности. Наиболее соотвѣтственно воззрѣнію практики будетъ поэтому такое толкованіе выраженія «*въ видѣ собственности*», которое ближе всего подходитъ къ условію о срокѣ, т.-е. которое наименѣе стѣсняетъ практическое рѣшеніе спора въ пользу давностнаго владѣнія. Тогда требованіе законодательства, чтобы давностное владѣніе было владѣніемъ въ видѣ собственности, должно быть изъясняемо въ смыслѣ осуществленія права собственности независимо отъ сознанія самого владѣльца и сознанія другихъ лицъ. И такимъ образомъ, если давностный владѣлецъ поступаетъ какъ собственникъ, то хотя-бы онъ и не считалъ себя собственникомъ, хотя-бы и другіе не принимали его за собственника, однакожь владѣніе его можетъ быть признано давностнымъ, какъ-скоро оно соотвѣтствуетъ другимъ условіямъ давностнаго владѣнія. Выраженіе: «*въ видѣ собственности*» вполне допускаетъ это толкованіе и можно сказать даже, что оно всего болѣе подходитъ къ

буквальному смыслу закона (137). Последняя принадлежность давности, какъ способа пріобрѣтенія права собственности — *давностный срокъ*, по опредѣленію нашего законодательства, *десятилѣтній* (138). Принадлежность эта, какъ уже сказано, по воззрѣнію нашей практики, самая существенная, такъ-что практика мало обращаетъ вниманія на другія принадлежности давностнаго владѣнія, а главнымъ образомъ только на истеченіи или не истеченіи десятилѣтняго срока давностнаго владѣнія (139). Когда лицо ссылается на давность, какъ основаніе своего права собственности, и доказываетъ, что владѣніе его продолжалось болѣе десяти лѣтъ, судебныя мѣста обыкновенно довольствуются этимъ и не требуютъ доказательствъ безспорности, непрерывности владѣнія и т. д., такъ-что если противная сторона укажетъ на перерывъ давностнаго владѣнія, то судебное мѣсто потребуетъ, пожалуй, доказательствъ не отъ того лица, которое ссылается на давность, а отъ того, которое отвергаетъ ее, хотя должно быть наоборотъ: лицо, утверждающее за собою право собственности на основаніи давности, должно доказать, что вещь дѣйствительно состояла въ его владѣніи въ-теченіе давностнаго срока и что владѣніе его соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ давностнаго владѣнія. Но въ нашей практикѣ нерѣдко даже разумѣютъ подъ давностію именно давностный срокъ, говорятъ напр. *«прошла давность, прошлѣ*

---

(137) Намъ кажется, владѣніе вещью въ видѣ собственности, какъ условіе давностнаго владѣнія, есть ни что иное, какъ только требованіе законодательства, чтобы владѣніе было *юридическое*, т.-е. такое, которому присуще намѣреніе владѣльца распоряжаться вещью, какъ своею, такъ-что выраженіе *«въ видѣ собственности»* соотвѣтствуетъ выраженію *«animus rem sibi habendi»*. И дѣйствительно, еслибы не было условія, что владѣніе давностное должно быть владѣніемъ *въ видѣ собственности*, то и естественное владѣніе, *detentio*, подходило-бы подъ условія давностнаго владѣнія, такъ-какъ и оно можетъ продолжаться безспорно, спокойно и непрерывно въ-теченіе десяти лѣтъ.

*Изд.*

(138) Св. зак. гр. ст. 479.

(139) Точно также, если идетъ рѣчь о давности иска, наша практика главнымъ образомъ имѣетъ въ виду десятилѣтній срокъ осуществленія права иска и мало обращаетъ вниманія на другія принадлежности учрежденія.

два, три десяти» и т. п.; всѣ эти выраженія указываютъ только на срокъ. Теченіе давностнаго срока начинается отъ начала владѣнія и продолжается, говоря вообще, непрерывно, т.-е. въ счетъ давностнаго срока входитъ все время, всѣ дни продолжающагося давностнаго владѣнія, такъ-что если владѣніе переходитъ въ руки наслѣдника владѣльца, то въ счетъ давностнаго срока включаются и все время такъ-называемаго *лежащаю наслѣдства* (*hereditas jacens*), ибо смертію владѣльца не прерывается давностное владѣніе, а переходитъ преемственно къ его наслѣднику. Въ одномъ только случаѣ теченіе давностнаго срока прерывается — это тогда, когда собственникомъ вещи, подлежащей давностному владѣнію, является лицо несовершеннолѣтнее: тогда, по опредѣленію законодательства, на все время несовершеннолѣтія собственника теченіе давностнаго срока прерывается, но съ наступленіемъ совершеннолѣтія собственника оно продолжается, такъ-что давностному владѣльцу зачитается время владѣнія при юридическомъ предшественникѣ настоящаго собственника (140). Такимъ-образомъ положимъ, лицо владѣеть вещью съ условіями давностнаго владѣнія въ-теченіе пяти лѣтъ, потомъ *собственникъ* вещи умираетъ и наслѣдникомъ его является лицо несовершеннолѣтнее: все время несовершеннолѣтія въ счетъ давностнаго срока не входитъ, и давностный владѣлецъ для приобрѣтенія права собственности по вещи долженъ владѣть ею еще пять лѣтъ современіи наступленія совершеннолѣтія *собственника*. Такое опредѣленіе законодательства о перерывѣ теченія давностнаго срока на время несовершеннолѣтія собственника постановлено по особому уваженію къ интересамъ малолѣтнихъ, тогда-какъ можно-бы обойтись и безъ него, по-крайней-мѣрѣ оно не требуется существомъ юридическаго положенія несовершеннолѣтняго. Онъ имѣетъ представителя въ опекуцѣ, который обязанъ охранять его права и отвѣчаетъ предъ нимъ за всѣ убытки,

---

(140) Св. зак. гр. ст. 479 (Прод. VI).



происшедшіе по его (опекуна) нерадѣнію: опекунъ обязанъ между прочимъ прерывать теченіе давностнаго срока; если-же онъ доведетъ до того, что давностный владѣлецъ успѣетъ приобрѣсти право собственности по вещи опекаемаго, то становится обязаннымъ вознаградить его за убытки. Но законодательство имѣетъ въ виду, что опекунъ легко можетъ не знать, что какая-либо вещь, принадлежавшая юридическому предшественнику опекаемаго, состоитъ въ давностномъ владѣніи сторонняго лица, между-тѣмъ невѣдѣніе факта съ юридической точки зрѣнія извиняется, и поэтому было-бы несправедливо подвергнуть опекуна отвѣтственности. Но когда давностное владѣніе *прекращается* и потомъ снова восстанавливается, то время прежняго владѣнія не входитъ въ счетъ давностнаго срока, а владѣніе разсматривается, какъ новое, и для доставленія давностному владѣльцу права собственности по вещи должно продолжаться со всѣми условіями давностнаго владѣнія въ-теченіе полного десятилѣтняго давностнаго срока. Можетъ однако возникнуть вопросъ о времени, съ котораго должно считать начало давностнаго срока новому владѣнію. Разрѣшеніе вопроса зависить отъ способа прекращенія прежняго давностнаго владѣнія. Оно можетъ прекратиться или потому, что дѣлается спорнымъ, или потому, что прерывается: въ первомъ случаѣ начало новаго давностнаго срока должно считать съ начала срока для *давности иска*; во второмъ — со времени новаго приобрѣтенія вещи въ давностное владѣніе.

Кромѣ указанныхъ принадлежностей, исключительно свойственныхъ давности, какъ способу приобрѣтенія права собственности, давностное владѣніе, будучи владѣніемъ юридическимъ, должно соответствовать также всѣмъ условіямъ юридическаго владѣнія, какъ субъективнымъ, касающимся лица владѣльца, такъ и объективнымъ, касающимся вещи, подлежащей владѣнію. Но въ-особенности при давности относительно лица представляется лишь вопросъ о томъ, могутъ-ли приобрѣтать право собственности по давности *лица юридическія*? Однако,

очевидно, вопросъ этотъ сводится къ вопросу о способности юридическаго лица къ юридическому владѣнiю, ибо если можно признать за юридическимъ лицомъ способность къ юридическому владѣнiю, то должно признать за нимъ и способность къ приобрѣтенiю права собственности по давности, въ противномъ случаѣ — наоборотъ. По соображенiю нашей дѣйствительности мы признали за юридическимъ лицомъ способность къ юридическому владѣнiю, разумѣется, чрезъ представителя, съ тѣмъ вмѣстѣ должны признать и способность къ приобрѣтенiю права собственности по давности. И въ-самомъ-дѣлѣ, наши городскія и сельскія общества, монастыри въ процессахъ нерѣдко указываютъ на давность, какъ на способъ приобрѣтенiя ими права собственности по вещи, и оно признается за ними на тѣхъ-же основанiяхъ, на какихъ признается приобрѣтенiе права собственности по давности *лицами физическими*. Относительно вещи, подлежащей давностному владѣнiю, вообще замѣтимъ, что вещь должна быть способна подлежать праву собственности. Не всѣ вещи, какъ извѣстно, имѣютъ такую способность. Но кромѣ-того, законодательство въ-особенности указываетъ на нѣкоторыя вещи, какъ не подлежащiя давности, только-что при этомъ законодательство указываетъ и на такія вещи, которыя не только не могутъ подлежать давности, по исключенiю, но къ которымъ вообще не примѣняется даже понятие о правѣ собственности. Напр. законодательство указываетъ на свободныхъ людей и постановляетъ, что они не могутъ быть обращены въ крѣпостныхъ по давности владѣнiя (141): но свободные люди никакимъ способомъ не могутъ сдѣлаться предметомъ права собственности. Постановленiе законодательства, впрочемъ, вызвано дѣйствительною жизнiю. Въ дѣйствительности нерѣдко встрѣчаются искушенiя приимѣнить понятие о правѣ собственности и къ свободѣ людей, нерѣдко встрѣчаются случаи, что свободные люди *фактически* со-

---

(141) Тамъ-же, ст. 478.

стоять въ чьемъ-либо владѣніи наравнѣ съ крѣпостными людьми и впослѣдствіи уравниваются съ ними или по-крайней-мѣрѣ дѣлаются попытки уравнять ихъ и *юридически*. Такіе-то случаи и побудили законодательство въ-особенности указать, что свободные люди не приобрѣтаются въ крѣпостное право и по давности (142). Еще указываетъ законодательство на *межи генеральнаго межеванія*, какъ на предметы, не подлежащіе давности (143). Что значить это опредѣленіе законодательства? *Межа* составляетъ идеальную линію, разграничивающую два поземельные участка; *межою* называется также знакъ, обозначающій эту границу, направленіе линіи. Что касается до грани, самой линіи идеальной, то, конечно, понятіе о давности не примѣняется къ ней: идеальная линія не вещь. Что-же касается до межи въ смыслѣ знака, то она составляетъ или государственную, или частную собственность: но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ основанія, почему-бы не допустить къ межевому знаку примѣненіе давности, развѣ только именно можно указать на это опредѣленіе законодательства, что межевые знаки не подлежатъ давности. Но случаи завладѣнія межевымъ знакомъ, конечно, весьма рѣдки, ибо самое завладѣніе представляетъ слишкомъ мало интереса, и едва-ли законодательство имѣетъ въ виду это завладѣніе, а смыслъ постановленія заключается, кажется, въ слѣдующемъ. При производствѣ генеральнаго межеванія, какъ и межеванія спеціальнаго, дачи обводятся межою, которая означается на межевомъ планѣ и въ межевой книгѣ, и вотъ законодательство постановляетъ, что если землевладѣлецъ будетъ считать межою поземельнаго участка не межу, установленную по генеральному межеванію, а другую черту, и вслѣдствіе того будетъ владѣть поземельнымъ участкомъ, ему не принадлежащимъ, то хотя-бы съ этимъ владѣніемъ были соединены всѣ условія давностнаго владѣнія, межа гене-

(142) Въ-особенности указываетъ законодательство на вольноотпущенныхъ, военноплѣнныхъ, выходцевъ изъ-за границы и бѣглыхъ.

(143) Св. зак. гр. ст. 478 (Прод. VI).

рального межеванія все-таки не измѣняется, по давности не переходитъ. Это не значить, что поземельный участокъ, лежащій за чертою генеральнаго межеванія, не можетъ быть приобрѣтенъ по давности: если оназываются всѣ условія давностнаго владѣнія относительно этого участка, то онъ можетъ быть приобрѣтенъ въ собственность по давности, точно-такъ-же, какъ можетъ быть приобрѣтенъ въ собственность по передачѣ (напр., на основаніи купли-продажи, даренія и т. д.), только-что границы дачи по генеральному межеванію не измѣняются. Практика наша, на основаніи опредѣленія о неподлежателности межи генеральнаго межеванія давности, иногда хочетъ, правда, совершенно устранить давность относительно поземельныхъ участковъ за межею, но это неосновательно: мысль законодательницы была та, чтобы, по затруднительности генеральнаго межеванія, устранить измѣненіе его межи; но этимъ не устраняется приобрѣтеніе его въ собственность другими способами. Итакъ, еслибы лицо стало утверждать, что поземельный участокъ составляетъ его собственность потому, что лицо постоянно считало границу этого участка межею своей сосѣдней дачи по генеральному межеванію, тогда-какъ межа эта ближе, то на этомъ только основаніи поземельный участокъ за межею нельзя признать собственностію лица, ибо межи генеральнаго межеванія не подлежатъ давности; но если владѣніе поземельнымъ участкомъ, находящимся за чертою генеральнаго межеванія, представляетъ всѣ условія давностнаго владѣнія, то и поземельный участокъ приобрѣтается въ собственность по давности.

Если всѣ условія давностнаго владѣнія на лицо, то, по истеченіи десятилѣтняго срока, право собственности по вещи, подлежащей давностному владѣнію, приобрѣтается само собою. Но обыкновенно приобрѣтеніе права собственности по давности не обнаруживается немедленно: въ дѣйствительности, если приобрѣтается право собственности по давности, то оно не *укрѣпляет* даже и тогда, когда касается имущества недвижи-

маго, а лицо по-прежнему продолжает владеть, пользоваться и распоряжаться вещью, какъ и до истечения давностнаго срока, и только вслѣдствіе какого-либо столкновения съ общественною властію, когда ей приходится дать какое-либо постановленіе о вещи, напр. по-случаю отчужденія недвижимаго имущества со-стороны давностнаго владѣльца, или по-случаю спора о его правѣ собственности со-стороны прежняго хозяина, право собственности признается приобрѣтеннымъ по давности. Такъ обыкновенно бываетъ. Но можетъ быть и иначе, особенно по-отношенію къ имуществу недвижимому, по которому право собственности въ другихъ случаяхъ всегда укрѣпляется, тогда-какъ право собственности по движимому имуществу не нуждается въ укрѣпленіи. Лицо, приобрѣтшее по давности право собственности на движимое имущество, можетъ обратиться къ надлежащему судебному мѣсту, представить доказательства, что всѣ условія давностнаго владѣнія въ данномъ случаѣ соблюдены, и просить признанія за нимъ права собственности, акта о приобрѣтеніи имущества. Но такая просьба давностнаго владѣльца поведетъ его къ процессу съ прежнимъ собственникомъ, котораго, конечно, судебное мѣсто должно уведомить о притязаніи давностнаго владѣльца, должно спросить, не имѣетъ-ли собственникъ привести какихъ-либо опроверженій противъ доказательствъ давностнаго владѣльца. Понятно, что давностный владѣлецъ, совершенно свободно и безпрепятственно распоряжающій вещью, развѣ по исключенію захочетъ навязать себѣ безъ надобности тѣ неудобства и неприятности, которыя сопровождаютъ каждый процессъ. Поэтому-то и бываетъ, какъ уже сказано, что только по особымъ какимъ-либо обстоятельствамъ заходитъ дѣло о признаніи приобрѣтенія права собственности по давности со стороны общественной власти.

## § 20.

Способомъ приобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія представляется также добыча, подъ которою раз-

умѣется отнятіе вещей у непріятели съ соблюденіемъ извѣстныхъ правъ, принятыхъ въ международномъ правѣ и установленныхъ въ положительномъ законодательствѣ (144). *Добычей* называются также и самыя вещи, отнятыя у непріятели. Обыкновенно ученіе о добычѣ вносится въ область международного права, на томъ основаніи, что право войны составляетъ существенную составную часть этого предмета, а право войны опредѣляетъ между прочимъ и права воюющаго на имущество, захваченное у противника. Но такъ-какъ добыча представляется способомъ приобрѣтенія права собственности, то существо ея должно быть разсмотрѣно также и въ гражданскомъ правѣ. Намъ приходится поэтому обратить вниманіе на лица, которыя захватываютъ добычу, на вещи, подлежащія захвату, на лица, у которыхъ отнимаются вещи, и наконецъ, еще на нѣкоторыя условія, отъ соблюденія которыхъ зависить правомѣрность добычи и ея дѣйствительность, какъ способа приобрѣтенія права собственности. Что касается до лицъ, которымъ предоставляется приобрѣтать добычу, то законодательство наше, согласно началамъ международного права, предоставляетъ право приобрѣтенія добычи членамъ войска (145). Но водъ членами войска разумѣются не всѣ лица, извѣстныя въ международномъ правѣ подъ именемъ комбатаентовъ, т.-е. лица, снабженныя оружіемъ и принимающія непосредственное участіе въ войнѣ (146). Такъ, ни врачи, ни аудиторы, ни комиссаріатскіе чиновники и т. д. не считаются субъектами добычи, т.-е. не могутъ захватывать вещи непріятели и приобрѣтать надъ ними право собственности. Но по особому распоряженію общественной власти, или по ея полномочію, и не комбатыенты получаютъ иногда право приобрѣтать добычу. Такъ, когда всѣ граждане призываются къ участію въ войнѣ, то всѣмъ имъ

(144) Добыча морская, т.-е. приобрѣтаемая въ морской войнѣ, называется также *призомъ*.

(145) Св. зак. гр. *прим.* къ ст. 378, п. 2, 5, 16, 17.

(146) *Heffter*, Das Europ. Völkerrecht (Berlin, 1844), стр. 211—213.

предоставляется право приобрѣтать добычу. Или, что чаще бываетъ, всѣ граждане не призываются къ участию въ войнѣ, а только нѣкоторымъ лицамъ, принадлежащимъ къ войску, дозволяется принимать въ ней участіе, которое преимущественно и выражается именно въ захватѣ имущества непріятеля (147). Напр. во время морской войны нерѣдко предоставляется частнымъ лицамъ снаряжать суда и захватывать непріятельскіе корабли, какъ военные, такъ и частные (148). Предметъ добычи составляютъ только вещи движимыя, недвижимыя-же не подлежатъ добычѣ, а *завоеванію*, и обсуживаются иначе (149). Добыча, такимъ образомъ, состоитъ преимущественно въ оружіи, платьѣ, деньгахъ и т. п., добыча-призъ—въ кораблѣ и вещахъ, анходящихся на немъ, въ-особенности въ товарахъ. Но для понятія добычи существенно только, чтобы вещь была *захвачена* у непріятеля, а нѣтъ надобности, чтобы вещь была *собственностію* непріятеля: не только вещи государства нейтральнаго, находящіяся у непріятеля, но и вещи, принадлежавшія прежде тому самому государству, которое производитъ захватъ, но отнятыя у него противною воюющею стороною, могутъ составлять предметъ добычи, только-что относительно послѣднихъ требуется истеченіе извѣстнаго (суточнаго) срока нахождения вещей въ рукахъ непріятеля для того, чтобы вещи эти могли быть признаны добычею, а не собственностію ихъ прежняго хозяина (150). Что касается до лицъ, у которыхъ предоставляется захватывать добычу, то слѣдовало-бы позволять захватывать только у комбатантовъ (151), подобно тому, какъ комбатантамъ только предоставляется захватывать добычу; всякую-же вещь, отнятую у не комбатанта, не должно-бы признавать за-

(147) Тамъ-же, стр. 227, 228, 232.

(148) Такія лица называются *арматорами* или *каперами*.

(149) Св. зак. гр. прил. къ ст. 378, п. 2, 8. *Heffter*. стр. 220, 221, 307—310.

(150) Св. зак. гр. прил. къ ст. 378, п. 3, 10.

(151) Конечно, также и у всѣхъ тѣхъ, на которыхъ распространяется понятіе комбатантовъ, хотя они собственно и не принадлежатъ къ войску, именно у арматоровъ.

конною добычею. Но правило это до-сихъ-поръ еще не получило всеобщаго признанія въ международной практикѣ, и обыкновенно въ положительныхъ законодательствахъ отдѣльныхъ Европейскихъ государствъ, а также и въ нашемъ законодательствѣ понятіе добычи не принимается такъ тѣсно. Оно не ограничивается вещами, находящимися въ рукахъ комбатантовъ, но обвиняетъ всѣ вещи, находящіяся при войскѣ, въ лагерѣ или крѣпости. Оно распространяется, далѣе, не только на вещи, отнятыя у войска, но и на все имущество правительства, отнятое у непріятеля; напр. если войско вступаетъ въ непріятельскій городъ и захватываетъ тамъ казенныя суммы, то эти суммы считаются добычею (152). Наконецъ, иногда понятіе добычи распространяется на все движимое имущество непріятеля, или по-крайней-мѣрѣ на все имущество, находящееся въ извѣстномъ городѣ: тогда дозволяется захватывать добычу у каждаго лица, принадлежащаго воюющей державѣ, или по-крайней-мѣрѣ, и это чаще бываетъ, у каждаго лица, живущаго въ извѣстномъ городѣ (153). Въ-особенности при морской войнѣ понятіе добычи очень распространено: тогда-какъ при войнѣ сухопутной отнятіе вещей у частныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ войску, считается непозволительнымъ и разрѣшается только въ рѣдкихъ случаяхъ, при войнѣ морской обыкновенно дозволяется захватъ купеческихъ кораблей непріятеля. Но при извѣстныхъ условіяхъ вещи захватываются также и у нейтральнаго и признаются законною добычею: именно, когда нейтральный совершаетъ какое-либо дѣйствіе, которое считается нарушеніемъ нейтралитета, напр. когда провозитъ контрабанду, когда старается проникнуть въ непріятельскую крѣпость

---

(152) Но здѣсь понятіе о добычѣ переходитъ уже въ понятіе о завоеваніи: если войско вступаетъ въ непріятельскій городъ и ему представляется возможность захватить казну, то этотъ захватъ соединяется большею частію съ завоеваніемъ самаго города и уже вслѣдствіе завоеванія города переходитъ къ непріятельскому правительству (*Heffter*, Das Europ. Völkerrecht, стр. 220, 221).

(153) *Heffter*, стр. 221 — 223.



или гавань, состоящую въ блокадѣ, и т. п. (154). Нейтральный, нарушающій нейтралитетъ, разсматривается, какъ непріятель. Наконецъ, законодательство устанавливаетъ еще нѣкоторыя принадлежности относительно самаго приобрѣтенія добычи. Такъ, по самому существу добычи, какъ способа приобрѣтенія права собственности по вещи непріятели, требуется фактической переходъ вещи изъ рукъ непріятели въ руки комбатанта (155), требуется захватъ, почему и самая добыча называется также *захватомъ*. Это-то условіе и характеризуетъ именно добычу, какъ способъ приобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія. Но одного захвата нѣкоторыя законодательства не считаютъ достаточнымъ для приобрѣтенія права собственности по захваченной вещи, а требуютъ еще, чтобы въ-теченіе извѣстнаго времени вещь находилась въ рукахъ захватившаго, только-что условіе это въ различныхъ положительныхъ законодательствахъ опредѣляется неодинаково: нѣкоторые законодательства требуютъ, чтобы вещь была принесена въ безопасное мѣсто, другія, чтобы въ-теченіе извѣстнаго времени (обыкновенно однихъ сутокъ) она только была въ рукахъ захватившаго (156). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется даже признаніе законности добычи со стороны общественной власти, и тогда только она становится собственностію захватившаго. Такъ, корабль, захваченный у непріятели, признается призомъ и становится собственностію захватившаго не иначе, какъ по опредѣленію призоваго суда, предварительно изслѣдовавшаго законность захвата (157). Это послѣднее условіе соблюдается и у насъ, тогда-какъ о времени владѣнія захваченною вещью наше законодательство ничего не постановляетъ, а требуетъ только захвата. Наконецъ, указываются еще нѣкоторыя какъ-бы дополнительные обстоятельства, при которыхъ захваченная

(154) Тамъ-же, стр. 252—282. Св. зак. гр. *прим.* къ ст. 378, п. 10, 3.

(155) Св. зак. гр. *прим.* къ ст. 378, п. 2, 5.

(156) *Hoeffter*, das Europ. V.-recht, стр. 230, not. 3, 4.

(157) Тамъ-же, ст. 233.

вещь становится добычею: вещь должна быть отнята вооруженною рукою или дозволенною военною хитростію, должна быть отнята у челоуѣка вооруженнаго, имѣющаго возможность защищаться, поэтому не отнимается добыча у плѣннаго и раненаго и т. д. (158).

Добыча, соответствующая установленнымъ принадлежностямъ, составляетъ или собственность лица захватившаго, или собственность государства, которому принадлежит это лицо, такъ-что добыча представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности какъ для частнаго лица, такъ и для государства. Иные полагаютъ даже, что во всякомъ случаѣ добыча есть собственность государства, потому-что отдѣльное лицо, завладѣвшее добычею, есть ни что иное, какъ только орудіе государства. И дѣйствительно, въ наше время война представляется отношеніемъ между государствами, отдѣльныя-же граждане воюющихъ державъ непосредственно не состоятъ между собою ни въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ, а принимаютъ участіе въ войнѣ только какъ орудія правительства и только въ этомъ качествѣ прикосновенны праву войны. Далѣе, самое основаніе добычи въ наше время не то, что непріятель считается чуждымъ всякихъ правъ, какъ было въ древнее время, а добыча допускается въ томъ смыслѣ, что захватомъ вещей непріятель лишается средствъ къ веденію войны и тѣмъ облегчается разрѣшеніе сворнаго вопроса. Наконецъ, не смотря на то, что законодательство даетъ опредѣленіе о добычѣ, правительству (начальнику арміи или отряду) въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется разрѣшать или не разрѣшать захватъ добычи. Оказывается такимъ образомъ, что взглядъ на добычу, какъ на собственность государства, болѣе соответствуетъ современному воззрѣнію на войну. Отъ государства, конечно, зависитъ уже удержать добычу въ своей собственности, или предоставить ее тѣмъ лицамъ, которыя ею завладѣли, и въ

---

(158) Св. зак. гр. прим. къ ст. 378, п. 5, 6, 12.

большей части случаевъ, разумѣется, государство сочтетъ болѣе благоразумнымъ предоставить добычу захватившимъ ее лицамъ, чтобы поощрить тѣмъ военные подвиги. Опреждленія нашего законодательства о добычѣ сообразны этому: оно вообще называетъ добычу имуществомъ государственнымъ (159), слѣдов. признаетъ ее собственностію государства; но только немногіе предметы удерживаетъ государство за собою, большею-же частію добыча предоставляется въ собственность лица захватившаго. Такъ, только военные припасы и снаряды и деньги, захваченныя въ непріятельскихъ казначействахъ и общественныхъ заведеніяхъ, остаются собственностію государства, всѣ-же прочія вещи предоставляются въ собственность лица захватившаго (160). Еще менѣе присвоиваетъ себѣ государство въ морской войнѣ: всѣ призы почитаются добычею тѣхъ лицъ, которыя ими завладѣли. Адмиралтейству предоставляется, правда, взять въ свое распоряженіе каждый захваченный корабль съ его снастями и находящимися на немъ военными снарядами и припасами, но не иначе какъ за вознагражденіе, сообразное стоимости захваченнаго корабля и находящихся на немъ воинскихъ снарядовъ и припасовъ (161). Добыча, особенно морская, захватывается обыкновенно нѣсколькими лицами: въ тѣхъ случаяхъ, когда она предоставляется въ собственность частныхъ лицъ, захватившихъ добычу, она дѣлается сначала ихъ общею собственностію и потомъ раздѣляется между хозяевами, по особо усановленнымъ на то правиламъ, соразмѣрно званію (рангу) лицъ, участвовавшихъ въ захватѣ добычи (162).

### § 21.

Въ Римскомъ правѣ способомъ приобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія представляется еще *спе-*

(159) Св. зак. гр. ст. 378.

(160) Тамъ-же, прим. къ ст. 378, п. 7.

(161) Тамъ-же, п. 13, 14.

(162) Тамъ-же, п. 13.

*спецификація* (specificatio): при известныхъ условіяхъ вещь становится собственностью лица, которое перерабатываетъ ее, измѣняетъ ея форму, такъ-что съ изготовленіемъ издѣлія связывается переходъ права собственности и слѣдовательно изготовленіе, спецификація становится способомъ его пріобрѣтенія. Именно, въ Юстиніановомъ законодательствѣ встрѣчается такое опредѣленіе: когда лицо изъ чужаго матеріала приготовить какое-либо издѣліе, вещь, то если вещь эта можетъ быть обращена въ прежнюю форму, она составляетъ собственность хозяина матеріала, а если прежнюю форму вещи нельзя возстановить, то спецификантъ становится ея собственникомъ и обязывается вознаградить хозяина матеріала за нарушение его права собственности (163). И поэтому напр. серебряникъ, выдѣлавшій изъ чужаго серебра посуду, не пріобрѣтаетъ права собственности на серебро и не становится хозяиномъ посуды, потому-что серебро, употребленное на посуду, можно перелить въ прежнюю форму, и собственникъ серебра становится собственникомъ посуды; а напр. портной, приготовившій одежду изъ чужаго сукна, становится хозяиномъ одежды, т. е. пріобрѣтаетъ на сукно право собственности, потому-что изрѣзанное сукно нельзя привести къ прежнему виду, только что портной обязывается вознаградить хозяина сукна. Такъ разрѣшилъ императоръ Юстиніанъ знаменитый въ Римскомъ правѣ споръ между двумя школами относительно спецификаціи. Одна изъ этихъ школъ разсуждала, что форма, которую получаетъ матеріалъ, несущественна для опредѣленія по матеріалу права собственности, ибо во всякомъ случаѣ матеріалъ имѣетъ какую-либо форму и господство надъ вещью означаетъ господство надъ матеріаломъ, а не надъ формою. Сообразно этому юристы, послѣдователи этой школы, полагали, что если издѣліе изготовлено изъ чужаго матеріала, то право собственности и по издѣлію должно быть признано за хозяиномъ матеріала. Другая

---

(163) Inst. L. II, t. 2, § 25.

школа, напротивъ, разсуждала, что въ издѣліи существенъ трудъ человѣческій, но трудъ проявляется именно въ формѣ, которая дается вещи. Напр. изъ сукна изготовлена одежда: понятіе о матеріалѣ, изъ котораго сдѣлана одежда, дѣло второстепенное, а существенно то, что является одежда—вещь, удовлетворяющая извѣстной человѣческой потребности. Поэтому юристы, послѣдователи другой школы, полагали, что собственникомъ издѣлія должно признавать спецификанта, автора издѣлія, только-что онъ обязанъ вознаградить хозяина за лишеніе его собственности (164). Но рѣшеніе Юстиніана и заимствованное отъ него правило новѣйшаго Римскаго права чуждо строгой юридической послѣдовательности и матеріально-несправедливо. Оно чуждо послѣдовательности права, потому-что хотя матеріалъ, употребленный на издѣліе, и испорченъ, но юридическое господство надъ матеріаломъ остается неприкосновеннымъ. Возможность или невозможность обратить матеріалъ, употребленный на издѣліе, въ прежнюю форму—это обстоятельства совершенно случайныя, неизмѣющія никакого значенія въ области права, и слѣдовательно не могутъ обусловливать юридическихъ опредѣленій, ибо только юридическое различіе въ состояніи произвести различіе въ юридическомъ разрѣшеніи данныхъ случаевъ. Матеріально-несправедливо рѣшеніе потому, что производитъ неравенство: въ одномъ случаѣ признается за спецификантомъ право собственности, а въ другомъ не признается, тогда-какъ данныя, условія юридическія въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ-же: въ одномъ случаѣ употребляется чужой матеріалъ и въ другомъ употребляется чужой матеріалъ, въ одномъ случаѣ прилагается трудъ и въ другомъ прилагается трудъ. Правда, въ одномъ случаѣ представляется возможность установить такой порядокъ, какъ будто-бы спецификаціи не было, въ другомъ случаѣ нѣтъ этой возможности. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Отнюдь не то, что во второмъ случаѣ са-

---

(164) *Gaji*, Inst. II, 79.

мое право собственности хозяина материала должно быть отвергнуто, не признано, напротив тогда-то въ-особенности и нужно отстоять право собственности, когда наносится ему такой сильный ударъ. Право собственности хозяина материала представляется только нарушеннымъ, а не прекратившимся, и какъ нарушение всякаго другаго права, нарушение права собственности хозяина материала даетъ ему право на вознаграждение со-стороны спецификанта за тѣ убытки, которые понесены имъ отъ самовольнаго употребленія материала на издѣліе, а если нѣтъ убытка, то нѣтъ и права на вознаграждение. Она-зывается такимъ образомъ, что, по строгой послѣдовательности права, спецификація не составляетъ способа приобрѣтенія права собственности, а можетъ вести къ нему только по особому опредѣленію законодательства, или по обычаю. Но ни опредѣленія такого въ законодательствѣ, ни обычая нѣтъ у насъ, и поэтому мы, основываясь на юридическихъ началахъ, на самомъ понятіи о правѣ собственности, не признаемъ спецификацію способомъ его приобрѣтенія. Но слышится нерѣдко и противное мнѣніе, и даже нѣкоторые юристы отстаиваютъ спецификацію, какъ способъ приобрѣтенія права собственности. Они имѣютъ въ виду, что трудъ, искусство, какъ это и бываетъ дѣйствительно, нерѣдко берутъ перевѣсъ надъ матеріаломъ, и поэтому больно отказать спецификанту въ правѣ собственности на произведеніе труда. Напр. изъ чужаго мрамора изваяно художественное произведеніе: кусокъ мрамора самъ по себѣ представляетъ незначительную цѣнность, во какъ статуя, онъ, можетъ быть, предметъ неоцѣнимый. Какъ-же, говорятъ, не обратить вниманіе на эту переимѣну, произведенную въ мраморѣ ваяніемъ, а сухо и холодно отзываться, что право собственности принадлежитъ хозяину мрамора? -И вотъ юристы стараются найти какое-либо юридическое основаніе для признанія права собственности за спецификантомъ и въ-особенности нерѣдко полагаютъ это основаніе въ оккупаціи, утверждаютъ, что съ измѣненіемъ формы материала является новая

вещь, никому непринадлежащая; спецификантъ завладѣваетъ этою вещью и чрезъ то содѣлывается ея собственникомъ. Но какъ ни похвально воздать должное труду, какъ ни обидно подчинить право художника праву хозяина матеріала, съ юридической точки зрѣнія все-таки должно сказать, что собственникъ матеріала остается собственникомъ его, какой-бы видъ ни принялъ матеріалъ. Много такихъ случаевъ, въ которыхъ строгая послѣдовательность права расходится съ соображеніями другаго рода, много такихъ случаевъ, въ которыхъ безусловное служеніе правдѣ требуетъ матеріальныхъ пожертвованій, равнодушія къ дарованіямъ: право сурово и различія, имѣющія значеніе въ области труда, вкуса, иногда совершенно ничтожны въ области права. Я не полагаю даже, чтобы для опредѣленія юридическаго значенія спецификаціи слѣдовало допустить *естественную* справедливость, отличную отъ строгой *юридической* послѣдовательности: и по естественной справедливости должно сказать, что хозяинъ матеріала также и хозяинъ надѣлія, изготовленнаго изъ матеріала. Еслибы хозяинъ матеріала вздумалъ извлекать какія-либо выгоды изъ случившейся съ матеріаломъ перемѣны, то справедливость требуетъ, конечно, дать вознагражденіе, когда хозяинъ матеріала не извлекаетъ выгодъ изъ спецификаціи.

## § 22.

### **СПОСОБЫ ПРИОБРѢТЕНІЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НЕЗАВИСИМО ОТЪ ВЛАДѢНІЯ.**

Сюда относятся: *пользованіе, приращеніе и смѣшеніе.*

*Право пользованія* вещью, отдѣльное отъ права собственности, когда состоитъ преимущественно въ употребленіи произведеній вещи, рождаетъ для пользователя право собственности на эти произведенія: такъ, когда лицу предоставляется право пользованія землею, фруктовымъ садомъ, лицо приобрѣтаетъ

право собственности на произведение земли, на плоды сада (165). Такое приобретение права собственности на произведения вещи со-стороны пользователя объясняется такъ: право пользованія состоитъ въ употребленіи плодовъ вещи, а плоды ея вещи потребляемыя, потребленіе-же предполагаетъ право уничтоженія вещи, но право уничтоженія тѣснѣйшимъ образомъ связано съ правомъ собственности, слѣдов. въ самомъ правѣ пользованія заключается уже право собственности на плоды. Другое дѣло, когда лицу принадлежитъ право пользованія по такой вещи, которая сама собою удовлетворяетъ какой-либо потребности, независимо отъ приносимыхъ ею плодовъ: тогда пользованіе не направляется къ приобретению права собственности на произведенія вещи; такъ, право пользованія животными, крѣпостными людьми не ведетъ къ приобретению права собственности на ихъ приплодъ. Но и въ этомъ случаѣ законодательство, имѣя въ виду, что право пользованія естественно ведетъ къ праву собственности на произведенія вещи, полагаетъ извѣстный (годовой) срокъ, въ-теченіе котораго собственникъ вещи, предоставленной въ пользованіе, можетъ требовать отъ пользователя выдачи приплода (166). Только на приплодъ крѣпостной женщины не распространяется этотъ срокъ, и сколько-бы времени она ни находилась въ пользованіи сторонняго лица, все-таки дѣти ея принадлежать ея господину (или господину ея мужа), ибо юридическія отношенія крѣпостныхъ людей определяются не однимъ гражданскимъ правомъ, но и правомъ государственнымъ, правомъ состояній. Равнымъ образомъ, право пользованія не ведетъ къ приобретению права собственности

(165) Съ правомъ пользованія соединяется нерѣдко и право владѣнія, но все-таки мы считаемъ пользованіе способомъ приобретения права собственности безъ посредства владѣнія, ибо пользованіе возможно и безъ владѣнія. И даже тогда, когда пользованіе вещью, доставляющее право собственности на ея произведенія, соединяется съ владѣніемъ, все-таки не владѣніе даетъ это право собственности, а именно пользованіе, тогда-какъ напр. при давности именно владѣніе составляетъ основаніе приобретения права собственности по вещи со стороны давностнаго владѣльца.

(166) Св. зак. гр. ст. 399.



на гражданскіе плоды: хотя и по нимъ пользователь приобрѣтаетъ иногда право собственности, но по передачѣ, а не по праву пользованія. Напр. лицу предоставлено право пользованія домомъ и лицо осуществляетъ свое право тѣмъ, что отдаетъ домъ въ наймы: лицо получаетъ за то извѣстную наемную плату и, конечно, становится собственникомъ денегъ, но не потому, что лицу предоставлено пользованіе домомъ, а по передачѣ ему денегъ отъ нанимателя. Можетъ казаться, что и приобрѣтеніе права собственности на естественныя произведенія вещи со-стороны пользователя слѣдуетъ сводить къ передачѣ, ибо можно сказать, что какъ-скоро пользованіе вещью состоитъ въ употребленіи ея произведеній, то собственникъ, предоставляя стороннему лицу пользованіе вещью, тѣмъ самымъ передаетъ ему право собственности на ея произведенія. Но дѣло въ томъ, что передача по самому существу своему можетъ имѣть мѣсто лишь въ-отношеніи къ вещамъ, уже существующимъ въ моментъ передачи, пользованіе-же нерѣдко ведетъ къ приобрѣтенію права собственности по такимъ вещамъ, которые еще не существуютъ въ моментъ установленія права пользованія. Напр. раннею весною предоставляется фруктовый садъ въ пользованіе: осенью пользователь приобрѣтаетъ право собственности на плоды, но во время установленія права пользованія плодовъ еще нѣтъ. Спрашивается однако, съ какого-же момента пользователь приобрѣтаетъ право собственности на произведенія вещи? Пока плодъ соединенъ съ самою вещью, которая даетъ его, онъ составляетъ часть ея и, какъ часть, принадлежитъ собственнику вещи. Слѣдов. пользователь приобрѣтаетъ право собственности на плодъ только тогда, когда плодъ становится самостоятельною вещью. И такъ, моментъ отдѣленія плода отъ вещи, которая приноситъ его, есть моментъ приобрѣтенія права собственности на плодъ со стороны пользователя, все равно, произойдетъ-ли это отдѣленіе само собою (напр. плодъ упадетъ съ дерева), или оно произойдетъ при участіи пользователя.

## § 23.

Между различными видами имущества, устанавливаемыми нашим законодательством, встрѣчается дѣленіе ихъ на *главныя* и *принадлежностныя* (167). Практическое значеніе этого дѣленія заключается въ томъ, что вещь принадлежностная об-суживается, какъ главная, судьба ея слѣдуетъ судьбѣ послѣдней. И такимъ образомъ, если вещь, принадлежащая извѣстному собственнику, присоединяется къ другой вещи, принадлежащей другому собственнику, и получаетъ значеніе ея принадле-жности, то собственникъ главной вещи, къ которой присое-диняется другая, какъ принадлежность, приобретаетъ право собственности надъ этою принадлежностною вещью, конечно, съ вознагражденіемъ ея хозяина, если только есть возможность опредѣлить какъ самое право собственности по присоединяю-щейся вещи, такъ и вознагражденіе за присоединеніе. Но, раз-умѣется, не каждое присоединеніе одной вещи къ другой, какъ принадлежности къ главной, ведетъ къ приобрѣтенію права собственности на принадлежность для хозяина главной вещи, а только такое присоединеніе, которое не можетъ быть тот-часъ-же уничтожено, которое, разъ совершившись, оставляетъ свой слѣдъ и не прекращается безъ извѣстной перемѣны уста-новившихся отношеній. Такъ нельзя признать приобрѣтенія права собственности, напр. когда птица будетъ посажена въ чуждую клетку, ружье уложено въ чужой футляръ и т. п., ибо въ этихъ случаяхъ присоединеніе принадлежности можно немедленно уничтожить и не останется отъ него никакого слѣда. Но когда напр. чужое зеркало вставлено въ стѣну и нельзя его вынуть безъ поврежденія стѣны, то за хозяиномъ дома признается приобрѣтеніе права собственности на зеркало. Этотъ способъ приобрѣтенія права собственности называется *приращеніемъ*. Обыкновенно различаютъ три вида приращенія

---

(167) Св. зак. гр. ст. 355—360.

и каждый вид разсматривается отдѣльно: 1) приращеніе недвижимаго имущества къ недвижимому, 2) приращеніе движимаго имущества къ недвижимому и 3) приращеніе движимаго имущества къ движимому.

1) *Приращеніе недвижимаго имущества къ недвижимому.* Сюда относятся обыкновенно слѣдующіе случаи, хотя и не въ каждомъ изъ нихъ представляется приращеніе: а) *увеличеніе прибрежнаго поземельнаго участка отъ примыванія земли (alluvio):* часть поземельнаго участка, составляющая приращеніе, образуется изъ множества различныхъ земляныхъ частицъ, происхожденіе которыхъ указать трудно или даже невозможно. Частицы эти, конечно, существовали и прежде и, строго говоря, подлежали праву собственности какого-либо лица, но въ дѣйствительности вопросъ о правѣ собственности возникаетъ только тогда, когда отдѣльныя земляныя частицы образуютъ изъ себя сплошную массу, поземельный участокъ, и тогда право собственности приписывается собственнику той дачи, къ которой прирастаетъ поземельный участокъ, и приписывается независимо отъ всякаго завладѣнія, по приращенію (168). *Увеличеніе прибрежнаго поземельнаго участка отъ обнаженія воднаго пространства:* вода измѣняетъ свое вмѣщеніе, напр. рѣка измѣняетъ русло, озеро отступаетъ отъ береговъ, дно воднаго пространства вслѣдствіе того обнажается и прибрежный поземельный участокъ увеличивается. Но если водное пространство составляетъ собственность прибрежнаго владѣльца, то приращеніе его дачи отъ обнаженія дна воды вовсе не представляетъ приобрѣтенія права собственности, ибо право собственности по прирастающему пространству существовало и прежде, но только пространство это было покрыто водою. Если водное пространство принадлежит другому лицу и происходитъ указанное явленіе, то также нельзя допустить, чтобы перемѣна въ размѣщеніи воды влекла за собою перемѣну въ

(168) Тамъ-же, ст. 396.

правѣ собственности, по-крайней-мѣрѣ нѣтъ никакой необходимости признавать обнажающуюся землю собственностію прибрежнаго владѣльца по приращенію, развѣ по прямому указанію законодательства. Такъ, когда водное пространство, напр. судоходная рѣка принадлежитъ государству, то, по опредѣленію законодательства (169), обнажающееся дно пріобрѣтается прибрежнымъ собственникомъ по такъ-называемому *береговому праву* т. е. по приращенію: само государство отступается отъ права собственности на обнажающееся дно воды и не требуетъ себѣ за то никакого вознагражденія, потому-что государству для его цѣлей нужна самая масса воды, а не дно ея. Послѣ этого легко опредѣлить юридическія отношенія, возникающія съ переменною теченія рѣки. Въ-особенности обращаетъ на себя вниманіе тотъ случай, когда рѣка составляетъ границу двухъ дачъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ, такъ-что по одну сторону рѣки земля принадлежитъ одному лицу, а по другую другому. Тогда, если рѣка измѣняетъ теченіе, обращаетъ русло свое въ правую или въ лѣвую сторону, очевидно, она уже перестаетъ быть смежною и становится собственностію того прибрежнаго владѣльца, чрезъ дачу котораго пролагаетъ новое теченіе. Но для владѣльца противоположной дачи представляется обнаженіе берега: если рѣка принадлежала ему, то онъ становится собственникомъ обнаженнаго русла рѣки; если-же рѣка принадлежала другому собственнику, то дача перваго только перестаетъ быть прибрежною. То-же самое должно сказать, когда рѣка несовершенно измѣняетъ теченіе, а только нѣсколько отходитъ отъ одного берега и вдается въ другой. Но чаще бываетъ, что если рѣка составляетъ границу двухъ дачъ, то между составляетъ линія, проходящая посрединѣ теченія рѣки: тогда, при переменнѣ теченія рѣки, обнажающееся дно до этой линіи признается собственностію прибрежнаго владѣльца (170). Спрашивается только, какой-же мо-

(169) Тамъ-же, ст. 397.

(170) Тамъ-же, ст. 396.

ментъ времени взять для опредѣленія линіи, проходящей чрезъ средину рѣки, какъ границы между противоположными прибрежными дачами? Русло нашихъ рѣкъ измѣняется очень часто, а граница должна быть неизмѣнна. По производствѣ генеральнаго межеванія, межи его установлено принимать на будущее время за неизмѣнное основаніе для опредѣленія величины дачи (171). Но если рѣка служила границею между двумя дачами, то при производствѣ генеральнаго межеванія не опредѣлялось прежнее теченіе рѣки, а принималось именно то теченіе, которое имѣла рѣка въ то время, и линія, проходящая чрезъ средину теченія, назначалась границею (172). Поэтому, если рѣка составляла границу между дачами при производствѣ генеральнаго межеванія, то моментъ производства генеральнаго межеванія и опредѣляетъ пограничную линію, т. е. линія, значущаяся на планѣ генеральнаго межеванія, должна служить неизмѣнною границею. Но если при производствѣ генеральнаго межеванія рѣка не служила границею двухъ дачъ, а по обѣ стороны ея была дача одного собственника и раздѣлена только впоследствии, при чемъ границею назначена рѣка, то для опредѣленія пограничной линіи должно взять то теченіе рѣки, которое имѣла она при раздѣленіи поземельнаго участка. с) *Къ прибрежному поземельному участку пристаетъ полоса земли, оторванная силою воды отъ чужаго участка.* Но при этомъ не происходитъ никакой перемѣны въ правѣ собственности, ибо есть возможность услѣдить за движеніемъ оторванной полосы земли и сохранить по ней право собственности. Еслибы напр. лодка, привязанная къ кораблю, силою вѣтра была оторвана отъ него и брошена на берегъ, то нѣтъ надобности признавать эту лодку собственностію прибрежнаго владѣльца и она все-таки остается собственностію хозяина корабля. То-же самое долж-

---

(171) Тамъ-же, ст. 395, 478 (прод. VI).

(172) *Неволина*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 396.

дачи и приставшемъ къ другой: какъ-бы крѣпко ни присталъ этотъ участокъ къ чужой дачѣ, все-таки право собственности по нему признается неизмѣнившимся, пока оно не будетъ приобрѣтено какимъ-либо другимъ способомъ, напр. давностию, что въ настоящемъ случаѣ въ-особенности легко. Само собою разумѣется, что не можетъ быть рѣчи объ отторженіи поземельнаго участка отъ дачи, къ которой онъ присталъ, и объ отводѣ его на прежнее мѣсто, но на новомъ мѣстѣ поземельный участокъ остается собственностію прежняго хозяина. д) *Часть воднаго пространства мелеть и образуется островъ* (*insula nata*). Право собственности по такому острову опредѣляется правомъ собственности по водному пространству: если водное пространство принадлежитъ одному лицу, то лицо это и становится собственникомъ острова; если-же водное пространство числится за разными лицами, такъ-что линія, проходящая по среднѣй рѣки, составляетъ границу двухъ дачъ, то островъ принадлежитъ тому лицу, въ дачѣ котораго онъ образовался; если-же онъ простирается въ той и другой половинѣ рѣки, то приобрѣтается обоими собственниками прибрежныхъ дачъ, т.-е. каждый изъ нихъ приобрѣтаетъ ту часть острова, которая находится въ его половинѣ воднаго пространства (173). Но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ право собственности не приобрѣтается по приращенію, а прибрежный владѣлецъ потому становится собственникомъ острова, что онъ и прежде былъ собственникомъ воднаго пространства. Другое дѣло, если образуется островъ не отъ обмелѣнія воднаго пространства, а отъ намыванія песку или илу, что также бываетъ: право собственности по такому острову опредѣляется точно также, какъ и въ первомъ случаѣ, но здѣсь оно приобрѣтается дѣйствительно по приращенію, ибо собственникъ прибрежной дачи до образования острова не былъ собственникомъ тѣхъ частицъ, изъ которыхъ составилъ островъ.

---

(173) Тамъ-же, ст. 306.

2) *Приращеніе движимаго имущества къ недвижимаго имуществу* представляетъ три вида: а) *застроеніе* (inaedificatio), б) *насажденіе* (plantatio) и в) *засѣвъ* (satio). Всѣ эти виды представляютъ нѣкоторыя общія характеристическія черты: 1) собственникъ имущества прирастающаго не есть въ то-же время собственникъ имущества недвижимаго, къ которому прирастаетъ движимое: ибо, понятно, только при этомъ условіи можетъ быть рѣчь о застроеніи, насажденіи и засѣвѣ, какъ о случаяхъ приращенія, разсматриваемаго въ смыслѣ способа приобрѣтенія права собственности. 2) Во всѣхъ трехъ видахъ приращенія движимаго имущества къ недвижимаго представляется также, что недвижимое имущество считается главнымъ, а движимое принадлежноѣстнымъ, и потому, если приобрѣтается право собственности по приращенію, то приобрѣтается собственникомъ имущества недвижимаго. Наконецъ, 3) застроеніе, насажденіе, засѣвъ могутъ быть произведены собственникомъ мѣста, употребляющимъ чужое движимое имущество, или хозяиномъ строеваго матеріала, растений, сѣмянъ на чужомъ поземельномъ участкѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ застроеніе, насажденіе и засѣвъ могутъ быть произведены на основаніи какой-либо сдѣлки между собственникомъ недвижимаго имущества и собственникомъ движимаго, или независимо отъ сдѣлки. Мы будемъ разсматривать только послѣдній случай, ибо въ первомъ юридическія отношенія между собственникомъ недвижимаго имущества и собственникомъ движимаго опредѣляются ихъ взаимнымъ соглашеніемъ. Итакъ, прежде всего скажемъ а) о *застроеніи*. Зданіе, воздвигнутое на землѣ, представляется имуществомъ недвижимымъ, но-самый матеріалъ, изъ котораго строится зданіе, представляется имуществомъ движимымъ: этотъ-то матеріалъ мы и имѣемъ въ виду, говоря о застроеніи, какъ способѣ приобрѣтенія права собственности по приращенію движимаго имущества къ недвижимаго. Какъ уже сказано, при застроеніи могутъ встрѣтиться два случая: 1) *собственникъ мѣста строитъ зданіе изъ чужаго матеріала*. Должно сказать,

что собственникъ мѣста становится и собственникомъ зданія, не смотря на то, что оно возведено изъ чужаго матеріала, т.-е. собственникъ мѣста пріобрѣтаетъ по приращенію право собственности на матеріаль, ибо нѣтъ возможности немедленно раздѣлить матеріаль съ мѣстомъ, такъ чтобы раздѣленіе не оставило слѣдовъ (174), между-тѣмъ мѣсто, на которомъ воздвигнуто зданіе, дворъ, считается главнымъ имуществомъ, а строеніе, находящееся на немъ, — его принадлежностію — *superficies solo cedit* (175). Можетъ казаться страннымъ, что зданіе считается принадлежностію мѣста, на которомъ построено, тогда-какъ цѣнностію своею зданіе можетъ превосходить, и часто дѣйствительно превосходить цѣнность того клочка земли, на которомъ построено зданіе. Но тѣмъ не менѣе и по нашему и по другимъ законодательствамъ это такъ, что зданіе считается принадлежностію мѣста (176). Притомъ-же можно замѣтить, что въ юридическихъ отношеніяхъ отъ цѣны вещи ничего не зависитъ: цѣна имѣетъ только то вліяніе, что ею обусловливается юридическій интересъ, такъ-что вещь, неимѣющая никакой цѣны, не подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ, по-крайней-мѣрѣ каждому имущественному праву существенно имѣть извѣстную цѣну; но какъ-скоро цѣна, интересъ, существуетъ, то этого и довольно, и на величину цѣны не обращается вниманія. Такимъ образомъ и собственникъ мѣста, какъ главной вещи, становится собственникомъ матеріаловъ, употребленныхъ на постройку зданія, хотя-бы зданіе своею цѣнностію и далеко превышало цѣнность мѣста. Но размѣтается, что употребленіе чужаго матеріала составляетъ нарушеніе права собственности хозяина матеріала: поэтому, хозяинъ мѣста обязывается представить ему полное вознагражденіе за убытки и

(174) Мы имѣемъ въ виду именно такіа строенія, которыя соединяются съ землею, на которой воздвигнуты, а не такіа, которыя не прикрѣпляются къ землѣ и легко могутъ быть перенесены съ одного мѣста на другое, напр. срубы.

(175) Dig. L. 41, t. 1, fr. 7 § 10.

(176) Св. зак. гр. ст. 355—360.



вообще подвергается всѣмъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ нарушеніемъ права, только что все-таки онъ становится собственникомъ матеріала. 2) *Собственникъ матеріала застроиваетъ чужое мѣсто.* И въ этомъ случаѣ должно сказать, что хозяинъ мѣста приобретаетъ по приращенію право собственности на сооруженное зданіе (177). Но собственникъ матеріала въ-правѣ требовать вознагражденія за постройку или снести строеніе. Спрашивается, какъ юридически оправдать это опредѣленіе? Если собственникъ мѣста по приращенію приобретаетъ право собственности на строеніе, возведенное безъ его согласія, то, казалось-бы, онъ и пользуется строеніемъ по праву собственности, казалось-бы, что строитель уже не въ-правѣ требовать вознагражденія, или коснуться собственности хозяина мѣста, снести строеніе. Однакожь, если приращеніе есть способъ пріобрѣтенія права собственности, то отсюда не слѣдуетъ еще, что оно должно быть безмезднымъ способомъ пріобрѣтенія: напротивъ, если вещь, принадлежащая лицу, отходить въ собственность другаго лица и не имѣется въ виду дарственного отчужденія, то, конечно, для лица, пріобрѣтающаго право собственности по вещи, является обязательство вознаградить прежняго собственника. Но если собственникъ мѣста отказывается въ вознагражденіи, или не можетъ представить его, то собственникъ матеріала по-крайней-мѣрѣ въ-правѣ требовать обратно употребленный имъ матеріалъ, т.-е. снести строеніе: при отказѣ въ вознагражденіи хозяину матеріала только и остается снести самый матеріалъ, такъ-что это право строителя уже заключается въ его правѣ на вознагражденіе со-стороны собственника мѣста. Только само собою разумѣется, что застроеніе чужаго мѣста составляетъ нарушеніе права собственности хозяина мѣста и можетъ нанести ему какія-либо убытки, и потому собственникъ матеріала, хотя и снесетъ зданіе, все-таки обязывается вознаградить хозяина мѣста

---

(177) Тамъ-же, ст. 521 (прод. XV), п. 3, 14, 20.

за нанесенные ему убытки. 6) *Насаждение растений.* 1) *Собственникъ земли сажитъ чужое растеніе.* Растеніе составляетъ принадлежность земли, на которой оно находится (178); но нѣтъ затрудненія отдѣлить растеніе отъ земли. Поэтому, хотя для хозяина мѣста и возникаетъ право собственности по растенію, но такъ-какъ это пріобрѣтеніе права собственности содиняется съ нарушеніемъ права собственности хозяина на растеніе, то для него возникаетъ право требовать возвращенія своей собственности. Отсюда видно, что въ результатѣ все равно, признается-ли растеніе собственностію землевладѣльца, или нѣтъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ обязанъ возвратитъ чужое растеніе и кромѣ-того вознаградитъ собственника растенія за убытки, понесенные отъ нарушенія его права собственности. Но если собственникъ растенія не требуетъ выдачи самаго растенія, а только вознагражденія за нарушеніе права собственности, то пріобрѣтеніе права собственности по приращенію проявляетъ свое дѣйствіе: собственникъ земли не въ-правѣ настаивать на томъ, чтобы собственникъ растенія взялъ свое растеніе обратно, а по требованію хозяина растенія обязывается вознаградитъ его, самъ-же пріобрѣтаетъ право собственности по растенію. 2) *Собственникъ растенія засаживаетъ чужую землю.* Для хозяина земли возникаетъ право собственности на растеніе по приращенію. Но хозяинъ растенія въ-правѣ требовать, чтобы ему дозволено было вынуть растеніе изъ земли, иначе, если это не будетъ дозволено, онъ имѣетъ право на вознагражденіе со-стороны хозяина земли, пріобрѣтающаго растеніе по приращенію. Юридическія отношенія слѣдов. въ этомъ случаѣ опредѣляются такъ-же, какъ и при застроеніи чужаго мѣста. е) *Засѣвъ* представляетъ отношенія нѣсколько иные, нежели какія представляются при застроеніи и насажденіи, ибо не можетъ быть рѣчи объ извлеченіи сѣмени изъ земли и эта невозможность оказываетъ вліяніе на самыя юридическія опре-

---

(178) Тамъ-же, ст. 356.

дѣленія о засѣвѣ. Случай и при засѣвѣ тѣ-же: 1) *Хозяинъ поля засѣваетъ его чужимъ сѣменемъ.* Сѣмя, находящееся въ землѣ, разсматривается, какъ часть ея, и слѣдующій за посѣвомъ всходъ считается принадлежностію земли (179). Хозяинъ поля становится поэтому собственникомъ сѣмени по приращенію; но такъ-какъ онъ нарушаетъ право собственности хозяина сѣмени, то подвергается отвѣтственности за совершенное имъ дѣйствіе и обязывается вознаградить собственника сѣмени. 2) *Хозяинъ сѣмени засѣваетъ чужое поле.* Сѣмя и въ этомъ случаѣ становится по приращенію собственностію хозяина поля. Но хозяинъ сѣмени не въ-правѣ требовать возвращенія сѣмени, или дозволенія снять всходъ, ибо нѣтъ возможности выбрать сѣмя, брошенное въ землю, самый-же всходъ разсматривается, какъ принадлежность земли, безъ всякаго отношенія къ сѣмени, и притомъ всходъ не то, что сѣмя. Поэтому, хозяинъ сѣмени не въ-правѣ требовать и вознагражденія за сѣмя, такъ-что для него безвозвратно утрачивается всякое право. Относительно строенія и растенія мы признаемъ право на обладаніе матеріаломъ, но относительно посѣва нельзя допустить этого права. Напротивъ, если хозяинъ поля докажетъ, что отъ засѣва произошелъ ему убытокъ, то, приобрѣтая право собственности на сѣмя, онъ приобрѣтаетъ еще право на вознагражденіе за убытокъ. Итакъ, казалось-бы, отношенія одинаковы, связано-ли съ чужою землею строеніе, растеніе или сѣмя, а между-тѣмъ юридическій выводъ въ послѣднемъ случаѣ представляетъ особенность.

3) *Приращеніе движимаго имущества къ движимому.* Случай, сюда относящіеся, чрезвычайно разнообразны, но юридическое разрѣшеніе ихъ одинаково, и потому мы укажемъ только на самыя главные. Прежде всего замѣтимъ, что не вездѣ, гдѣ соединяются движимыя вещи, принадлежащія разнымъ собственникамъ, представляется приращеніе: оно представляется толь-

---

(179) Тамъ-же.

ко тогда, когда одна вещь присоединяется къ другой въ качествѣ принадлежности; но нѣтъ приращенія, когда соединяются двѣ вещи и ни одна изъ нихъ не имѣетъ для другой значенія принадлежности. Напр. соединяются зерна хлѣба, принадлежащія разнымъ лицамъ: здѣсь представляется приобрѣтеніе права собственности, но не по приращенію. Положеніе, по которому принадлежностная вещь слѣдуетъ главной и становится по приращенію собственностію хозяина главной вещи, имѣетъ примѣненіе и къ случаямъ приращенія движимаго имущества къ движимому. Но разнообразныя случаи этого рода раздѣляются на два вида: а) *въ многихъ случаяхъ принадлежность можно разсматривать, какъ самостоятельную вещь, и отдѣлить ее отъ главной.* Такіе случаи представляются, напр., когда картина отдѣляется въ чужую раму, ящикъ употребляется въ качествѣ футляра для другой вещи, въ ожерелье вставляется чужой драгоценный камень и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ хозяинъ главной вещи приобрѣтаетъ по приращенію право собственности на принадлежность: хозяинъ картины становится собственникомъ рамы, хозяинъ вещи, для которой ящикъ употребленъ въ качествѣ футляра, становится собственникомъ футляра, хозяинъ ожерелья—собственникомъ драгоценнаго камня. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прирастающая принадлежность представляется отдѣльною самостоятельною вещью, и есть возможность отдѣлить принадлежность отъ главной вещи, хозяинъ принадлежностной вещи въ-правѣ требовать выдачи ея отъ хозяина главной вещи и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращенія для него права собственности по принадлежности, точно также, какъ при насажденіи хозяинъ растенія въ-правѣ требовать отдѣленія растенія отъ земли. Такимъ образомъ, хотя приращеніе и составляетъ въ этихъ случаяхъ способъ приобрѣтенія права собственности, но способъ ненадежный, потому-что право это по требованію другаго лица можетъ прекратиться. б) *Въ другихъ случаяхъ приращеніе нельзя разсматривать, какъ самостоятельную материальную*

еще, и нельзя отделить ее от главной вещи. Между случаями этого вида въ-особенности обращают на себя вниманіе письмо на чуждой бумагѣ и употребленіе чужаго холста для написанія картины. Оба случая разрѣшаются, впрочемъ, совершенно одинаково, ибо въ томъ и другомъ матеріалъ, употребляемый для самаго письма или картины (чернила, краски), по употребленіи совершенно ускользаетъ отъ юридическихъ опредѣленій, перестаетъ быть самостоятельною матеріальною вещью. Отношенія юридическія въ этихъ случаяхъ обсуживаются также, какъ и при засѣвѣ чужаго поля. Да и самыя отношенія по существу своему тождественны, только-что разница между матеріаломъ исписаннымъ, разрисованнымъ и матеріаломъ неисписаннымъ, неразрисованнымъ еще болѣе рѣзка, нежели разница между полемъ засѣяннымъ и незасѣяннымъ: если къ цѣнности земли прибавить цѣнность засѣва (сѣмени и труда), то и опредѣлится цѣнность засѣянаго поля; но клочекъ бумаги, лоскутъ холста, чернила, краски сами-по-себѣ почти ничего не стоятъ, бумага-же исписанная, холстъ, на которомъ нарисована картина, иногда неоцѣнимы. Тѣмъ не менѣе однако и въ случаѣ письма на чужой бумагѣ, или рисованія на чужомъ холстѣ должно сказать, что хозяинъ матеріала, какъ главной вещи, остается его хозяиномъ и послѣ нанесенія на него письма или картины, т.-е. приобретаетъ письмо или картину по прращенію. Но по малоецѣнности писчаго матеріала исписанная бумага большею частію имѣетъ значеніе не для хозяина бумаги, а для лица, исписавшаго ее, и точно также, если на холстѣ нарисована картина, то въ ней сосредоточивается весь интересъ, а самый холстъ ничего не значитъ. И вотъ представляется искушеніе признать собственникомъ письма, или картины не хозяина матеріала, а автора письма, или живописца. Практика наша, дѣйствительно, склонна слѣдовать этому мнѣнію. Въ пользу его обыкновенно выставляютъ соображеніе, что значеніе вещи съ употребленіемъ ея можетъ совершенно измѣниться, и говорятъ, что напр. бумага или холстъ, пока они бѣлы, имѣ-

ють самостоятельное значеніе, и если на нихъ будутъ какіе-либо знаки, пятна и т. п., они сохраняютъ значеніе главнаго предмета, а чернила, краски—ихъ принадлежность; но когда написанные на бумагѣ чернильные знаки представляютъ письмо и бумага образуетъ рукопись, произведеніе умственнаго труда, или написанныя на холстѣ краски образуютъ картину, то отношеніе измѣняется: написанное, нарисованное становится главнымъ, а бумага, холстъ, словомъ, матеріалъ становится принадлежностію, и поэтому авторъ письма становится собственникомъ бумаги, живописецъ — собственникомъ холста, только-что они обязаны вознаградить собственниковъ матеріала. Но скажемъ, что отношеніе между вещами какъ главными, такъ и принадлежностными опредѣляется не содержаніемъ принадлежности, а прежде всего по соображенію необходимости одной вещи для другой: та вещь, которая необходима для другой, считается главною, а эта другая—ея принадлежностію. Въ иномъ случаѣ, пожалуй, ни одна изъ соединяющихся вещей не представляется необходимою для другой: тогда вопросъ разрѣшается по другимъ соображеніямъ, но ближайшее соображеніе все-таки соображеніе необходимости одного предмета для другаго. Матеріалъ необходимъ для письма и рисунка, но письмо и рисунокъ необходимы для матеріала, слѣд. бумага, холстъ—главныя вещи, а написанное, нарисованное—принадлежности. Въ иныхъ случаяхъ такое отношеніе представляется слишкомъ рѣзко, но должно согласиться, что есть и такіе случаи, гдѣ оно скрыто. Напр. есть чайные ящики съ очень дорогими рисунками; или напр. посуда бываетъ украшена рисунками, подносы, чашки бываютъ съ рисунками отличной работы; или напр. вазы бываютъ украшены рисунками первостепенныхъ художниковъ; или рисунками украшаются недвижимости, напр. стѣны, дома, церкви; есть фрески знаменитыхъ художниковъ, столь же драгоценныя, какъ и картины, или еще болѣе, и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ несомнѣнно, что матеріалъ, на которомъ сдѣланы рисунокъ, письмо—главная вещь, а написанное, рису-

нокъ составляютъ принадлежность, не смотря на то, что иногда цѣнятся чрезвычайно дорого. Но если въ этихъ случаяхъ принимается принадлежностное значеніе письма, рисунка, то нѣтъ никакого основанія отрицать такое-же принадлежностное значеніе ихъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда бумага или холстъ существуютъ сами-по-себѣ, не имѣютъ такого опредѣленнаго назначенія, какъ обертка, ящикъ, посуда и т. д., потому-что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ случаяхъ начало одно и то-же: матеріалъ можетъ существовать безъ письма, рисунка, а письмо, рисунокъ не могутъ существовать безъ матеріала, слѣд. матеріалъ главное, а письмо, рисунокъ—принадлежности. Сообразно этому хозяинъ матеріала приобрѣтаетъ по приращенію право собственности на письмо и рисунокъ, и приобрѣтаетъ безвозвратно, ибо нѣтъ никакой физической возможности отдѣлить письмо, картину отъ матеріала: можно, пожалуй, стереть письмо, картину, но это не значить отдѣлить принадлежность, потому-что за отдѣленнымъ не сохранится значеніе письма, картины. Спрашивается, не имѣеть-ли авторъ письма, или художникъ по-крайней-мѣрѣ права на вознагражденіе со-стороны хозяина матеріала? Но въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ постановленія, на которомъ-бы можно было основать въ данномъ случаѣ право на вознагражденіе, нѣтъ и обычая, который-бы устанавливалъ такое право. Мы не можемъ допустить даже, чтобы напр. живописецъ имѣлъ право на уничтоженіе картины: живописецъ, написавшій картину на чужомъ холстѣ, не въ-правѣ требовать, чтобы холстъ приведенъ былъ въ такое-же положеніе, въ какомъ онъ былъ до употребленія на картину, не въ-правѣ потому, что требованіе это не имѣеть для живописца никакого юридическаго интереса.

#### § 24.

Накопецъ, способомъ приобрѣтенія права собственности безъ посредства владѣнія представляется *смѣшеніе* (*commixtio*.)

по отношенію къ жидкостямъ называемое *смѣшаніемъ* (confusio). Прежде всего замѣтимъ, что если мы заводимъ рѣчь о смѣшеніи, какъ способѣ пріобрѣтенія права собственности, то, подобно тому, какъ и при акцессіи, имѣемъ въ виду только такіе случаи, когда соединяются, *смѣшиваются* вещи, принадлежащія разнымъ лицамъ: если смѣшиваются вещи одного лица, то нѣтъ пріобрѣтенія права собственности, потому-что и до смѣшенія тѣ и другія вещи уже принадлежали лицу. Но и при этомъ предположеніи не всѣ случаи смѣшенія представляютъ пріобрѣтеніе права собственности. Сюда не относятся: 1) случаи смѣшенія, не представляющіе никакого затрудненія для разборки смѣшавшихся предметовъ, потому-что смѣшеніе въ этихъ случаяхъ не что иное, какъ сопоставленіе предметовъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ. Только тогда смѣшеніе представляетъ пріобрѣтеніе права собственности, когда разъединеніе смѣшавшихся тѣлъ невозможно, потому-ли, что нельзя распознать, кому именно принадлежитъ каждая изъ смѣшавшихся вещей въ отдѣльности, или потому, что нѣтъ физической возможности разъединить смѣшавшіяся вещи. Такъ, смѣшеніе денегъ представляетъ намъ случай, гдѣ разъединеніе само-по-себѣ возможно, но нельзя распознать, которая монета принадлежитъ одному лицу, которая другому, ибо на примѣты монетъ обыкновенно не обращается вниманія, притомъ же у множества монетъ примѣты (чеканъ, годъ выбитія и т. п.) могутъ быть одинаковы. Смѣшеніе жидкостей представляетъ намъ второй случай невозможности разъединенія по физической невозможности возстановить смѣшавшіяся жидкости въ прежнемъ видѣ. Къ случаямъ физической невозможности разъединенія должно отнести и всѣ тѣ случаи, когда разъединеніе хотя физически и возможно, но фактически считается невозможнымъ: другими словами, физическую невозможность разъединенія не должно понимать въ строгомъ смыслѣ, а должно принимать ее и тогда, когда разъединеніе связано съ такимъ трудомъ, который не вознаграждается результатами и потому



въ дѣйствительности вовсе не предпринимаются, а разъединеніе считается невозможнымъ. Напр. смѣшиваются хлѣбныя зерна двухъ сортовъ: человѣкъ знающій можетъ отличить зерна и разобрать ихъ по сортамъ, но кто-же возьмется за такой трудъ, хотя онъ физически и возможенъ? 2) Смѣшеніе не представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности въ тѣхъ случаяхъ, когда производится съ согласія собственниковъ, ибо тогда: или а) возникаетъ общее право собственности: каждый хозяинъ устанавливаетъ по своей вещи общее право собственности съ хозяиномъ другой вещи. Напр. А принадлежитъ рядъ зеренъ одного сорта, а В принадлежитъ рядъ зеренъ другого сорта; требуется смѣсь этихъ двухъ сортовъ, и А и В. соглашаются смѣшать свои зерна. Или б) устанавливается право собственности въ пользу одного лица. Напр. А присыпаетъ свои зерна къ зернамъ В и предоставляетъ ему быть собственникомъ смѣси. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ смѣшеніе не представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности, а оно пріобрѣтается передачею, въ первомъ случаѣ взаимною, во второмъ—одностороннею, между-тѣмъ мы разсматриваемъ смѣшеніе въ смыслѣ способа пріобрѣтенія права собственности, и потому изъ массы случаевъ, въ которыхъ представляется пріобрѣтеніе права собственности, должны выдѣлать только тѣ, въ которыхъ именно смѣшеніе ведетъ къ пріобрѣтенію этого права. Такимъ образомъ, *смѣшеніе* (въ общемъ значеніи этого слова, разумѣя подъ смѣшеніемъ также и слитіе) представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности только тогда, когда смѣшиваются вещи, принадлежащія разнымъ лицамъ, когда нѣтъ возможности разъединить смѣшавшіяся тѣла и когда самое смѣшеніе происходитъ случайно, или по волѣ одного только хозяина. Спрашивается, какія юридическія отношенія возникаютъ вслѣдствіе смѣшенія? 1) При *случайномъ смѣшеніи* возникаетъ общее право собственности. Его происхожденіе объясняется такъ: собственно говоря, смѣшеніе не должно бы производить никакой перемѣны въ правѣ собственности:

если напр. одному лицу принадлежало зерно *x*, то оно и по смѣшеніи принадлежитъ ему, а если зерно *y* принадлежало другому лицу, то отчего-же зерно это не принадлежитъ ему и по смѣшеніи; но дѣло въ томъ, что неизвѣстно, которому именно лицу принадлежалъ тотъ или другой изъ смѣшавшихся предметовъ въ отдѣльности, напр. которому хозяину принадлежало зерно *x*, которому *y*, и такъ-какъ эта неизвѣстность простирается на всѣ смѣшавшіеся предметы, то оказывается, что каждый изъ нихъ, быть можетъ, составляетъ собственность одного, или собственность другаго лица, потому и допускается, что каждый предметъ смѣси есть собственность того и другаго лица вмѣстѣ; но такъ-какъ собственность разныхъ лицъ удобомыслима только въ смыслѣ общей собственности, то и выходитъ, что въ данномъ случаѣ возникаетъ общее право собственности. 2) Когда смѣшеніе происходитъ по волю одного только изъ хозяевъ смѣшиваемыхъ предметовъ, то, очевидно, оно составляетъ нарушеніе права собственности другаго хозяина, не изъявившаго согласія на смѣшеніе. Но спрашивается, прекращается-ли право собственности этого другаго хозяина вслѣдствіе того, что вещи его смѣшиваются съ вещами, ему не принадлежащими? Нарушеніе права собственности не влечетъ за собою необходимо прекращенія самаго права: напр. собственникъ украденной вещи не перестаетъ быть ея собственникомъ. Поэтому, и при одностороннемъ смѣшеніи случайномъ, должно признать общее право собственности по смѣси; но кромѣ-того при смѣшеніи одностороннемъ, такъ-какъ оно составляетъ нарушеніе права собственности, для нарушителя является еще-обязательство вознаградить хозяина за всѣ убытки, какіе произойдутъ для него отъ смѣшенія. Въ обоихъ случаяхъ, такимъ образомъ, для хозяевъ смѣшавшихся предметовъ смѣшеніе рождаетъ общее право собственности по смѣси. Но разумѣется, что при такомъ невольномъ возникновеніи общаго права собственности, какое представляется при смѣшеніи случайномъ и самовольно-одностороннемъ оно можетъ

быть немедленно прекращено посредствомъ раздѣла (180): по раздѣлѣ, опять установится отдѣльное право собственности, хотя и не по тѣмъ самымъ предметамъ (напр. не по тѣмъ именно зернамъ), по которымъ существовало прежде. И такимъ образомъ, раздѣлъ представляетъ удобный путь для исхода изъ общаго права собственности, установившагося вопреки желанію собственниковъ смѣшавшихся предметовъ.

### § 25.

#### ПРЕКРАЩЕНІЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Какъ и всякое право, право собственности *прекращается*. Спрашивается, какими способами оно прекращается? Прежде всего скажемъ, что оно прекращается всѣми тѣми способами, которыми и пріобрѣтается: мы не допускаемъ существованія въ совершенномъ юридическомъ быту вещей безхозяйныхъ, слѣдов. если пріобрѣтается право собственности по вещи со стороны какого-либо лица, то въ то-же время для другаго лица право собственности по этой вещи прекращается. Исключеніе представляетъ лишь тотъ случай, когда пріобрѣтается право собственности по вещи, до того времени несуществовавшей, по-крайней-мѣрѣ несуществовавшей самостоятельно, а только въ качествѣ части другой вещи. Напр. хозяинъ животнаго пріобрѣтаетъ право собственности на приплодъ: здѣсь представляется пріобрѣтеніе права собственности для хозяина животнаго, но этому пріобрѣтенію не соотвѣтствуетъ прекращеніе права собственности для другаго лица. Но это единственное исключеніе: во всѣхъ другихъ случаяхъ пріобрѣтенія права собственности для какого-либо лица этому пріобрѣтенію соотвѣтствуетъ прекращеніе права собственности для другаго лица. Всего нагляднѣе представляется это при передачѣ: лицо,

---

(180) Св. зак. гр. ст. 486.

которому передается вещь, становится собственником, лицо передающее перестаетъ быть собственникомъ. Но есть также способы прекращенія права собственности, независящія отъ приобрѣтенія вещи въ собственность другимъ лицомъ. Способы эти слѣдующіе: 1) *Право собственности прекращается съ уничтоженіемъ вещи*. Но одно измѣненіе вида вещи еще не ведетъ къ прекращенію права собственности, и оно продолжаетъ существовать, хотя въ иномъ случаѣ и нельзя уже говорить о прежней вещи: собственникъ монеты остается собственникомъ и куска металла, происшедшаго отъ переплава монеты. Однакожь не должно понимать уничтоженія вещи, какъ способа прекращенія права собственности, и въ самомъ строгомъ смыслѣ: юридическое понятіе объ уничтоженіи вещи гораздо тѣснѣ понятія естественнаго. Естественное понятіе объ уничтоженіи тѣла чрезвычайно обширно и можно даже предложить вопросъ: уничтожается-ли дѣйствительно что-либо существующее, не есть-ли всякая смерть только измѣненіе существованія? Но въ юридическомъ смыслѣ мы говоримъ объ уничтоженіи вещи, о прекращеніи права собственности по уничтоженію вещи, когда вещь разлагается на части и при этомъ лишается всякой цѣнности, или по-крайней-мѣрѣ представляетъ самую ничтожную цѣнность, такъ-что въ дѣйствительности никогда не возникаетъ вопроса о правѣ собственности по такой разложившейся вещи. Напр. вещь сгарааетъ, обращается въ пепель; право собственности на эту вещь считается прекратившимся, и въ дѣйствительности никогда не возникаетъ вопроса о правѣ собственности на пепель, какъ на предметъ, съ которымъ не связано никакого юридическаго интереса. 2) *Право собственности, какъ и всякое имущественное право, прекращается по отреченію собственника*. Отреченіе это, конечно, должно соответствовать всѣмъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ прекращается право по отреченію, иначе оно недовольно сильно, чтобы произвести перемѣну въ юридическихъ отношеніяхъ: одно фактическое отреченіе, одна *derelictio* еще не прекращаетъ права собствен-

ности. Но по нашему законодательству, вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, считается государственною (181), слѣд. при отреченіи хозяина вещи отъ права собственности она не дѣлается вещью безхозяйною, а становится собственностію государства. Поотому съ пернаго взгляда можетъ казаться страннымъ, что мы указываемъ на отреченіе, какъ на самостоятельный способъ прекращенія права собственности, какъ на такой способъ прекращенія права для одного лица, которому не соотвѣтствуетъ приобрѣтеніе для другаго лица. Можно возразить, что если напр. въ Римскомъ правѣ отреченіе представляется способомъ прекращенія права собственности, то тамъ оно дѣйствительно составляетъ самостоятельный способъ прекращенія этого права: ибо Римское право допускаетъ существованіе вещей безхозяйныхъ, и потому, если прекращается по отреченію одно право собственности по вещи, то непосредственно затѣмъ не возникаетъ другое, а это новое право собственности возникаетъ уже посредствомъ завладѣнія (*occupatio*) (182). И такимъ образомъ, внесеніе отреченія въ число самостоятельныхъ способовъ прекращенія права собственности можетъ показаться натяжкою, слѣпымъ подражаніемъ Римскому праву. Но такое обвиненіе едва-ли будетъ основательно. Дѣйствительно, если возможность отреченія составляетъ характеристическую черту каждаго имущественнаго права, то мы не можемъ не признать ея и за правомъ собственности, играющемъ важнѣйшую роль въ имущественныхъ правахъ. Если-же мы примемъ, что возможность отреченія существуетъ и для права собственности, то наше положеніе не устраняется тѣмъ, что вещь, оставляемая собственникомъ, дѣлается не безхозяйною, а собственностью государства: потому-что такое обращеніе собственности частнаго лица въ собственность государства все-таки отличается отъ обращенія частной собственности въ государственную по передачѣ вещи. Кто от-

(181) Св. зак. гр. ст. 374.

(182) *Римск. Курс. d. Inst. II, стр. 683, 684.*

рекается отъ права собственности по вещи, тотъ не интересуется ея дальнѣйшею судьбою: точно также, какъ въ юридическомъ быту, состоящемъ подъ опредѣленіями Римскаго права, собственникъ, отрекающійся отъ вещи, не заботится о томъ, завладѣетъ-ли кто ею, или нѣтъ, и кто завладѣетъ ею, физическое или юридическое лицо, частное лицо или государство; точно также и въ нашемъ юридическомъ быту собственникъ, отрекающійся отъ права собственности по вещи, при отреченіи не имѣетъ въ виду, чтобъ она сдѣлалась собственностію государства. Конечно, можно сказать, что гражданинъ знаетъ, что въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей безхозяйныхъ, а каждая вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, принадлежитъ государству, и поэтому можно сказать, что въ отреченіи лица отъ его права собственности содержится умыселъ передать вещь государству. Но это будетъ несправедливо: лицо, отрекающееся отъ права собственности по вещи, можетъ, пожалуй, знать послѣдствія отреченія, но не ради этихъ послѣдствій лицо отрекается отъ права собственности, а для того только, чтобы прекратить право. Далѣе, нужно обратить вниманіе также на то, что хотя всякая вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, считается собственностію государства, но только въ меньшей части случаевъ государство осуществляетъ свое право собственности, приобретаемое по отчужденію доселѣшняго собственника, такъ-что во множествѣ случаевъ отреченіе отъ права собственности существуетъ, и все-таки государство не обращаетъ вниманія на приобретаемое имъ чрезъ то право собственности и фактически вещь находится въ такомъ-же положеніи, какъ и вещь безхозяйная. Наконецъ должно сказать, что есть вещи, которыя считаются какъ-бы внѣ юридическаго быта, относительно которыхъ при извѣстномъ положеніи ихъ въ дѣйствительности не возникаетъ вопроса о правѣ собственности, хотя въ другомъ положеніи онѣ и подлежатъ этому праву: напр. птица въ клеткѣ подлежитъ праву собственности извѣстнаго лица; но лицо отпу-

скаеть птицу на воли, и право собственности прекращается, по отреченію. Впослѣдствіи, быть можетъ, вещь, напр. птица, снова подвергнется праву собственности какого-либо лица; но выбитія вещи изъ юридическаго быта достаточно для того, чтобы допустить отреченіе, какъ способъ чистаго прекращенія права собственности, а не переходъ его отъ одного лица къ другому. Или иногда предметъ остается въ юридическомъ быту, но перестаетъ подлежать праву собственности; напр. господинъ крѣпостнаго человѣка отпускаетъ его на волю: право собственности прекращается, по отреченію (183). И такъ, *отреченіе* нельзя не признать самостоятельнымъ способомъ прекращенія права собственности, т.-е. такого прекращенія, которому не соотвѣтствуетъ приобрѣтеніе права со стороны другаго лица. Наконецъ 3) *право собственности прекращается смертію лица, физическою или политическою*. Правда, по смерти лица имущественныя права его переходятъ къ наслѣднику, переходитъ и право собственности, но наслѣдникъ непосредственно приобрѣтаетъ только право наслѣдованія, отдѣльныя же права наслѣдодателя приобрѣтаетъ онъ только вслѣдствіе признанія его права наслѣдованія со стороны судебного мѣста (184), а право собственности по вещамъ, принадлежавшимъ наслѣдодателю, только по передачѣ ихъ наслѣднику душеприкащикомъ или общественною властію (185). И вотъ поэтому-то мы въ-правѣ считать *смерть собственника* способомъ прекращенія права собственности безъ соотвѣтствующаго приобрѣтенія его для другаго лица.

Издавъ А. ВИДИНЪ.

(183) Если подъ свободою разумѣть право собственности на самого себя, какъ и полагаютъ нѣкоторые юристы, то выйдетъ, пожалуй, что при отпускѣ крѣпостнаго человѣка на волю нѣтъ отреченія, какъ способа чистаго прекращенія права собственности, а право это только *переходитъ* отъ господина къ самому крѣпостному человѣку. Но мы не допускаемъ такого взгляда на свободу, и потому отпущеніе крѣпостнаго человѣка на волю признаемъ *отреченіемъ* отъ права собственности на него со стороны господина.

(184) Св. зак. гр. ст. 881, 1023—1048.

(185) Тамъ-же, ст. 916, 1067—1668.

## КОРОЛЬ ЛИРЪ (\*).

(Изъ Гервинуса).

Король Лиръ не могъ быть написанъ ранѣе 1603 г., потому-что въ этомъ году появилась книга Гареснета *Discovery of popish imposters*,—книга, изъ которой Шекспиръ заимствовалъ имена злыхъ духовъ, упоминаемыхъ Эдгаромъ въ его мнимомъ сумасшествіи. Далѣе извѣстно, что Лиръ былъ игранъ на сценѣ Глоба въ 1606 г., слѣдовательно онъ написанъ между этими двумя числами, одновременно съ Макбетомъ, что и объясняетъ хронологически нашъ переходъ къ нему. Вскорѣ послѣ его появленія вышли три изданія *in-quarto* въ продолженіе одного 1608 г. Это служитъ доказательствомъ любви къ этой пьесѣ какъ тонкихъ знатоковъ и посѣтителей Шекспировой сцены, такъ и той публики, которая восхищалась Титомъ и Тамерланомъ.

---

(\*) Искусный и вѣрный анализъ великихъ произведеній литературы есть, безъ сомнѣнія, лучший способъ къ проясненію самыхъ важныхъ вопросовъ и основныхъ идей литературы. Съ этою цѣлію мы намѣрены представить въ нашемъ журналѣ рядъ подобныхъ анализовъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Шекспира, заимствуя ихъ изъ Гервинуса, одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ критиковъ Германіи. Имя Гервинуса извѣстно и у насъ; но мы не встрѣчали нигдѣ обширныхъ изъ него извлеченій, которыя-бы могли какъ познакомить читателей съ его направленіемъ и методою, такъ и содѣйствовать къ лучшему уразумѣнію произведеній, которыя онъ объясняетъ съ рѣдкимъ глубокомысліемъ и знаніемъ предмета. Мы надѣемся подобными извлеченіями оказать услугу тѣмъ, которые лишены возможности и случая читать Гервинуса въ подлинникъ и предлагаемъ имъ, на первый разъ, разборъ Лира.

*Примѣчаніе редакціи.*



Преданіе о королѣ Лирѣ и его дочеряхъ разсказалъ Готфридъ Монмудъ; онъ относитъ смерть Лира къ 800 до Р. Х. Еще до Шекспира это преданіе было изложено въ драматическомъ видѣ; въ Стивенса *Six old plays* и проч. напечатана въ первый разъ въ 1594 г. пьеса *The true chronicle history of King Lear and his three daughters*; она написана нѣсколько раниѣе. Только весьма немногія примѣты доказываютъ, что Шекспиръ употребилъ въ дѣло эту грубую и необработанную драму. Въ ней старый король предлагаетъ своимъ дочерямъ вопросъ о степени ихъ дѣтской любви, съ цѣлью родительски обмануть младшую дочь. Ожидая клятвъ и увѣреній въ любви, онъ хочетъ поймать ее на этикъ увѣреніяхъ и выдать замужъ, вопреки ея склонности, за одного изъ Британскихъ королей. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ лишаетъ ее наслѣдства; она дѣлается женой короля Французскаго, который въ видѣ странника пріѣзжаетъ въ Англію, гдѣ и находитъ ее. Слабого старика короля сначала изгоняетъ изъ своего дома Гонерилья, потомъ обѣ сестры снаряжаютъ убійцу, чтобы умертвить короля и его вѣрнаго Перилла (Кента у Шекспира); несчастные умоляютъ о жизни другъ за друга и убійца падаетъ обоимъ. Переодѣтые шкиперами, они бѣгутъ во Францію и встрѣчаютъ Французскаго короля и Корделию. Лиръ побѣдною возвращается въ Англію, а его дочери и ихъ мужья изгоняются. Видно по многимъ романтическимъ чертамъ, что эта пьеса гораздо мягче Шекспировой; дѣйствіе къ ней происходитъ въ христіанскомъ вѣкѣ. Причины, побуждающія Гонерилью изгнать слабого духомъ, ничѣмъ невинватаго отца, тѣ, что онъ ее укоряетъ всякій разъ, когда она заказываетъ себѣ новомодное платьѣ или устраиваетъ пиръ. Онъ со слезами уходитъ отъ нее къ Реганѣ, которая его встрѣчаетъ съ лестью на устахъ, преклоняетъ предъ нимъ колѣна, между-тѣмъ-какъ въ сердцѣ замышляетъ его смерть. Не должно-ли казаться страннымъ, что Шекспиръ, во время гораздо большаго развитія сценическаго вкуса, раскрылъ предъ нами картину дѣтской небла-

годарности, несравненно ужаснѣ той, какую представилъ намъ древній поэтъ, въ дни болѣе суровые?

Шекспиръ придалъ еще болѣе ужаса содержанію этой трагедіи тѣмъ, что раздвинулъ ея предѣлы. Онъ ввелъ въ преданіе о Лирѣ эпизодъ о Глостерѣ, заимствовавъ его изъ Сиднеевой Аркадіи (II, 10). Распаденіе втораго семейства, преслѣдованіе жестокосердаго сына противъ отца и брата и разгнѣваннаго отца противъ невиннаго сына, весьма похожи на несправедливости, оказанныя Лиромъ одной изъ его дочерей и на тѣ, которыя онъ терпитъ отъ двухъ другихъ. Этотъ эпизодъ, вполне сходный съ главнымъ содержаніемъ, Шекспиръ тѣсно съ нимъ соединилъ, двойное дѣйствіе онъ слилъ въ одно, чѣмъ еще болѣе усилилъ драматизмъ. Находясь на службѣ у жестокихъ дочерей Лира и возбуждая ихъ любовь къ себѣ, незаконный сынъ Глостера служитъ поводомъ къ казни Корделіи и къ смерти ея отца. Эти семейныя распри еще болѣе запутываются; злая дочера Лира составляютъ тайные замыслы къ соединенію его раздробленнаго государства, между-тѣмъ-какъ извнѣ имъ угрожаетъ Франція. Тайныя сношенія Англійской знати съ Корделіей подаютъ поводъ къ жестокому ослѣпленію Глостера и къ смерти Корнвалля. Если эта піеса болѣе прочихъ трагедій Шекспира наполнена кровавыми и жестокими дѣлами, то по роду, формѣ и направленію въ ней ужаснаго, она еще болѣе отталкиваетъ. Ослѣпленіе Глостера *на сценѣ*, самъ Кольриджъ, постоянный защитникъ Шекспира, называлъ сценою, въ которой трагическое доведено до крайнихъ предѣловъ, а Колларъ даже въ Титѣ не находитъ ничего, столь сильно возбуждающаго отвращеніе и сожалѣніе. Не только родъ смерти Корделіи, но и самая смерть ее была найдена бесполезной и жестокой. Въ одной Англійской балладѣ, гдѣ рассказано это-же самое происшествіе, Корделія умираетъ благородною смертью на полѣ брани. Во время реставраціи эту піесу не могли вынести такою, какъ она есть. Тате и Кольманъ передѣляли ее, оба ввели любовь Эдгара къ Корделіи и дали трагедіи удовлетво-

рительную драматическую развязку. Джонсонъ и другіе одобрили это, и еще во время Гаррика король Лиръ появлялся на сценѣ въ этомъ очищенномъ видѣ; умерщвленіе палача Корделии и уничтоженіе этимъ его намѣренія Лиромъ, всегда были вознаграждаемы полнымъ успѣхомъ.

Не служить-ли доказательствомъ грубости нравовъ того времени то, что Шекспиръ могъ написать такую піесу и то, что она пользовалась всеобщимъ одобреніемъ? И потому нельзя-ли заключить, что Шекспиръ, не смотря на высоту, на какую мы его возводимъ, не могъ избѣгнуть общей заразы, или наконецъ, что онъ хотѣлъ потворствовать грубымъ вкусамъ своего времени? Мы не выводимъ ни одного изъ этихъ заключеній. Что въ это время существовало многостороннее образованіе, это доказываетъ богатая литература. Что въ это образованіе проникали остатки невѣжества, это видно изъ различныхъ отраслей той-же литературы. Да и притомъ возможно-ли назвать варварскою цѣлую эпоху, если она произвела хотя одного человѣка съ такимъ образованіемъ, какого достигъ Шекспиръ? Если нервы были тогда здоровѣе, настроеніе духа и историческія происшествія драматичнѣе, жизнь человѣческая менѣе цѣнима, нежели теперь, то это еще нисколько не доказываетъ недостатка въ образованіи, но все это напротивъ покровительствуетъ драматической поэзіи. Трагедія процвѣтала всегда, вездѣ, гдѣ сами происшествія способствовали ея развитію. Время спокойное, чуждое волненію, никогда не произведетъ великихъ трагиковъ. А сколько ужаснаго и сколько кровавыхъ дѣлъ можно допустить въ трагедіи, это тоже зависитъ отъ настроенія духа народа. Мы, которые еще недавно допускали въ Германіи только одни вялые романы, теперь, благодаря междоусобнымъ войнамъ, достигли возможности переносить сильныя ощущенія драмы; можетъ быть, въ непродолжительномъ времени мы успѣемъ себя закалить противъ еще многихъ другихъ явленій жизни и литературы. За это нельзя будетъ однако обвинять цѣлую эпоху въ варварствѣ. Но нерѣдко случается, что внѣшнія про-

ишествія имѣютъ до того сильное вліяніе на нѣкоторыхъ людей, что заражаютъ ихъ своей дикостью и жестокостью. Не находился-ли и Шекспиръ въ такомъ положеніи, когда онъ писалъ Лира? Настолько, скажемъ мы, насколько могъ-бы находиться въ такомъ положеніи самый образованный и самый чувствительный изъ насъ, еслибы онъ задумалъ поэтически изобразить въ наши дни сильно возбужденныя страсти, заимствовать ихъ изъ прежнихъ дней. И это подтверждается еще тѣмъ, что никто не умѣлъ изобразить нѣжныя чувства, кротость, грусть, элегическое настроеніе души такъ, какъ изобразилъ ихъ Шекспиръ въ Ромео, Гамлетѣ, Цимбелинѣ. Но если Шекспиръ, по словамъ Кольриджа, довелъ въ Лирѣ трагическое до послѣдней крайности, то не потворствовалъ-ли онъ грубому вкусу необразованной части общества, болѣе чѣмъ онъ могъ это сдѣлать, не унижая достоинства искусства? Еслибы онъ уронилъ хотя сколько-нибудь искусство, то вполне заслужилъ-бы этотъ упрекъ. Но развѣ мы не видѣли, какъ Шекспиръ, заимствуя у народа его шутовскія каррикатуры и пошлыя дурачества, облагороживалъ ихъ и возводилъ на степень комедій? Отчего-же не допустить, чтобы онъ могъ и ужасы, подобныя тѣмъ, какіе находятся въ трагедіяхъ во вкусѣ Марлова, употребить въ дѣло съ нравственною цѣлью и изобразить ихъ такъ, чтобы изъ этого вышло настоящее произведеніе искусства? Развѣ могло ускользнуть отъ этого великаго ума, что поэтический гений можетъ вполне развернуться только въ изображеніи сильныхъ страстей, находя въ нихъ достаточную для себя пищу? Не безъ основанія-же древняя трагедія заимствовала содержаніе изъ давно-протекшаго времени героевъ и украшала избранныя натуры сверхъестественными силами. Всѣми признано, что Шекспиръ достигъ высшей степени искусства именно въ изображеніи страстями воспламененнаго человѣчества, какъ мы это видимъ въ Макбетѣ, Гамлетѣ и преимущественно въ Лирѣ! Какъ часто называли Лира прекраснѣйшимъ его произведеніемъ! Какъ удивлялся Шлегель «почти сверхъестествен-

ному полету генія» въ этомъ произведеніи, «гдѣ умъ теряется въ созерцаніи высокаго и глубокаго, и въ то-же время чувства вполне овладѣваютъ сердцемъ». Такое и подобное этому удивленіе возникаетъ независимо отъ тягостнаго содержанія пьесы и часто вопреки ему; но это повело-бы насъ къ новому вопросу: не эта-ли полнота содержанія именно и заслуживаетъ удивленіе своимъ необыкновеннымъ развитіемъ и сверхъестественными размѣрами, какихъ достигаютъ жестокія и безнравственныя дѣла?

Цѣль трагедіи во всѣ времена была противоположна цѣлямъ эпоса. Эпическое стихотвореніе изображаетъ любимцевъ боговъ, — людей, подвиги которыхъ вполне соотвѣтствуютъ благодѣтельнымъ видамъ Провидѣнія и которые служатъ оружію судьбы. Трагедія, напротивъ, изображаетъ людей въ разладѣ съ судьбою; гордые, кичливыя, могучія натуры стремятся переступить за черту божескихъ и человѣческихъ законовъ; задаютъ себѣ проблемы свѣше своихъ силъ, и тѣмъ навлекаютъ на себя гнѣвъ боговъ. Мы называемъ здѣсь судьбой не ту слѣпую силу, которая забавляется человѣкомъ, какъ игрушкой, годной только быть ея жертвой. Даже въ древнихъ настоящихъ трагедіяхъ судьба не играетъ этой роли, тѣмъ менѣе въ трагедіяхъ Шекспира. У него судьба есть не иное что, какъ собственная природа человѣка. Это видѣли мы въ Отелло, въ Гамлетѣ и въ Макбетѣ. Страсти этихъ людей составляютъ сами ткань своей судьбы. Чѣмъ болѣе онѣ развиты, тѣмъ болѣе возбуждаютъ въ насъ участіе; чѣмъ страшнѣе преступленіе, тѣмъ болѣе разнѣръ получаетъ дѣйствіе, тѣмъ сильнѣе возникаетъ въ насъ ужасъ, тѣмъ трагичнѣе катастрофа. И чѣмъ, съ другой стороны, благороднѣе природныя дарованія, служащая основаніемъ страсти, тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе производятъ заблужденія и тѣмъ глубже сожалѣніе. Величіе, сила, пространство, глубина изображаемой страсти вездѣ должны быть соединены съ глубиною дѣйствія. Но такого рода соотвѣтствіе между дѣйствіемъ и изображаемымъ предметомъ можетъ пре-

изойти только отъ столь-же соответствующаго имъ полета поэтическаго гения, отъ употребленія въ дѣло всѣхъ силъ души поэта. Слѣдовательно, нѣтъ ничего естественнѣе постепеннаго возрастанія автора въ изображеніи тѣхъ страшныхъ искушеній, мечтаній и наконецъ преступленій, какія овладѣваютъ благородными и возвышенными натурами въ родѣ Макбетовой. Въ Лирѣ это возрастаніе усиливается по-мѣрѣ того, какъ расширяются и раздвигаются предѣлы задуманной мысли. Въ Гамлетѣ, Макбетѣ, въ Отелло и Тимонѣ все дѣйствіе тѣснится около одного главнаго характера. Въ Лирѣ и Цимбелинѣ для дѣятельности Шекспира раскрывается болѣе обширное поприще. Въ тѣхъ трагедіяхъ изображаются преимущественно одна страсть и ея развитіе; въ Лирѣ и Цимбелинѣ изображены цѣлыя вѣка и поколѣнія. Въ нихъ нельзя остановиться на одной отдѣльной личности; это не возможно въ Лирѣ, а тѣмъ болѣе въ Цимбелинѣ. Двойныя, многочисленныя дѣйствія слиты въ одно; множество сильныхъ и одинаково привлекательныхъ характеровъ движутся предъ нами. Оттого дѣйствіе пріобрѣтаетъ обширные размѣры и сжатую полноту. Стоитъ рассмотреть отдѣльно поступки и предпріятія Кента и Освальда, чтобы убѣдиться, сколько фактичности лежитъ даже во второстепенныхъ личностяхъ; но это въ такомъ связномъ порядкѣ и такъ сокрыто полнотою содержанія, что при первомъ бѣгломъ разсмотрѣніи этого можно и не замѣтить. Эти двѣ пьесы гораздо богаче дѣйствіемъ, нежели прочія сочиненія Шекспира; онѣ приближаются скорое къ эпосу, нежели къ исторіи, и потому составляютъ полную противоположность древней драмѣ. Вслѣдствіе этого въ трагедіи, о которой мы говоримъ, мало сентенцій: самое дѣйствіе служить себѣ поясненіемъ, изъ чего слѣдуетъ, что разборъ фактовъ здѣсь также важенъ, какъ и психологическая разработка характера.

Обратите вниманіе на то, какъ постепенно переходилъ Шекспиръ отъ изображенія отдѣльныхъ личностей, сильно возбужденныхъ страстями, къ тѣмъ высоко-трагическимъ характерамъ,

которые во множествѣ движутся предъ нами въ двухъ вышеупомянутыхъ піесахъ. Если мы бросимъ взглядъ назадъ на первыя, даже превосходнѣйшія произведенія Шекспира, то увидимъ, что онъ изобразилъ въ Ромео прекрасную, сильную, но не мужескую страсть, въ Ричардѣ II — безсиліе. Его Ричардъ III хорошъ только въ общемъ, въ королѣ Іоаннѣ проявляется немного болѣе самостоятельности. Еслибы поэтъ началъ искать въ обществѣ и исторіи характеровъ, одаренныхъ сильной натурой, и изъ которыхъ могла-бы произрасти и роскошно развиться плодовитая страсть, требующая драматическаго изложенія, то онъ не нашелъ-бы ничего подобнаго ни въ образованномъ, ему современномъ вѣкѣ, ни въ близлежащихъ временахъ. Когда войны не выводятъ насъ изъ колеи мирнаго существованія трагическія страсти исчезаютъ. Онѣ скрываются тогда въ низшихъ слояхъ общества и разыгрываются въ судахъ; онѣ имѣютъ что-то отталкивающее. Подобное неестественное и принужденное положеніе, подобную дикую страсть, разыгравшуюся въ мирное время, изобразилъ Шиллеръ въ своихъ Разбойникахъ. Шекспиръ захотѣлъ выполнить подобную же задачу въ Отелло. Онъ вывелъ предъ нами уроженца дикаго племени, брошеннаго въ среду образованныхъ народовъ Европы. Но и тутъ этотъ полу-укрошенный дикарь, который причиняетъ зло образованному обществу, заслуживаетъ болѣе сожалѣнія, нежели членъ этого общества, утонченный злодѣй Яго. Въ Цезарѣ, напротивъ, Шекспиръ находитъ вѣкъ гораздо болѣе соотвѣтствующій трагическимъ соображеніямъ и понятіямъ. Геройскій духъ народа, давно исчезнувшаго съ лица земли, полуобразованное, въ высшей степени воинственное время, волнуемое междоусобіями и государственными переворотами — вотъ богатая почва для поэта. Оттого-то онъ и возвращается впоследствии дважды къ этому предмету, оттого-то и наполнены всѣ его піесы, писанныя послѣ Цезаря, указаніями и намеками на Римлянъ и ихъ нравы. Но и этотъ вѣкъ однако былъ еще слишкомъ образованъ, чтобы можно было перенести въ

него страсть во всей ея дикой неукротимости, во всей ея природной и необузданной силѣ. Въ Гамлетѣ и Макбетѣ Шекспиръ въ первый разъ сдѣлалъ искусное заимствование изъ преданій героическихъ временъ Галліи и Германіи. Подобно этому и древніе, при всемъ своемъ образованіи, отыскивали трагическіе мѣны во временахъ, предшествовавшихъ Троянской войнѣ. Ужасныя происшествія въ дѣлахъ Лая и Тантала были источникомъ, изъ котораго древняя трагедія почерпала свою драгоценную пищу. Она переноситъ насъ въ эти времена и заставляетъ восхищаться историческимъ тактомъ своихъ героев; намъ нравится это, до-нельзя возвеличенное, человѣчество, эти стремительныя натуры, эти полубоги и Титаны. Мы находимъ естественнымъ и роскошное развитіе и сильное влеченіе страстей въ этихъ поколѣніяхъ. Безмѣрность въ нихъ ужаса не трогаеть насъ, потому-что мы сознаемъ въ себѣ силу, которая намъ даетъ возможность переносить тяжелое бремя страданій. Мы не будемъ также заблуждаться, думая, что подобный родъ людей не болѣе какъ вымыселъ и что человѣческая натура, насколько мы ее знаемъ, не способна на что-либо подобное. Намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ исторій Меровингскихъ и Бургундскихъ династій, что такія времена и такіе люди были, что семейные раздоры въ родѣ тѣхъ, какіе мы видимъ въ Лирѣ, происходили даже въ христіанскихъ поколѣніяхъ. Въ подобныя этимъ времена и ввелъ насъ Шекспиръ въ самой трагической изъ всѣхъ своихъ трагедій. И, можетъ быть, ни въ одной изъ нихъ не доказалъ онъ такъ осязательно все инстинктивное величіе и всю оригинальность своего генія, какъ въ этомъ отважнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ произведеніи. Въ Макбетѣ и Гамлетѣ онъ приводитъ публику сперва на границу этого міра, чтобы приучить тонкій и образованный вкусъ ея къ жестокимъ нравамъ тѣхъ людей. Въ Гамлетѣ онъ изобразилъ человѣка, опередившаго суровое время, въ которое онъ жилъ, а въ Макбетѣ—человѣка, закоснѣвшаго въ грубости и жестокости, не смотря на то, что пробилъ часъ укрощенія и умягче-



нія правовъ. Въ Лирѣ онъ заставляетъ насъ проникнуть въ самую среду этого времени и показываетъ намъ цѣлое поколѣніе, одержимое необузданными страстями, проявляющимися во всѣхъ его движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Чувственность управляетъ этими людьми, они не знаютъ голоса разсудка и совѣсти. Это же самое языческое поколѣніе изобразилъ Шекспиръ и въ Цимбеліанѣ, только въ менѣе отдаленномъ періодѣ. Въ противоположность Лиру онъ выставилъ намъ рѣдкихъ людей, въ которыхъ героическія понятія и нравственная энергія побораютъ броженіе крови, свойственное тому времени. Значитъ, онъ съ намѣреніемъ представилъ намъ въ Лирѣ такія плодотворныя и многостороннія страсти во всѣхъ ихъ видахъ и со всѣми ихъ отраслями. Слѣдовательно злодѣйства герцога Карвалискаго, грубость и вспыльчивость Кента, дѣтскую неблагодарность и черствость сердца дочерей Лира, неестественный разрывъ кровныхъ связей, Шекспиръ не помѣстилъ-бы безразлично въ какую-либо изъ своихъ трагедій. Ни въ какомъ другомъ его произведеніи нѣтъ столько безнравственныхъ людей, нрѣдка только встрѣчаются у него такія отдѣльныя личности, какъ напр. Яго, Ричардъ.

«Время дѣлаетъ людей», говорятъ Эдмундъ, «мечу не подобаетъ жалость». — Таково было и мнѣніе поэта, и не только въ-отношеніи къ этому желѣзному вѣку, гдѣ движеніе страстей и преступленія достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Надобно, чтобы зритель при первомъ взглядѣ на сцену получилъ осязательное понятіе о вѣкѣ, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Такъ сказалъ, что Лиръ не имѣетъ необходимости въ костюмахъ; нельзя сказать ничего негнѣше. Намъ кажется, что если бы въ Лирѣ сцена представляла дворцы во вкусѣ рококо и если бы актеры были одѣты въ блестящіе Испанскіе костюмы, то всякая иллюзія была-бы уничтожена, — тогда-какъ характеристическая, безыскусственная архитектура домовъ, дикая и пустынная мѣстность, грубость, соединенная съ восточной пышностью въ украшеніяхъ и одеждѣ, даютъ намъ сейчасъ общее

понятіе о мѣстѣ и времени дѣйствія , равно-какъ о нравахъ дѣйствующихъ лицъ. Шекспиръ , во время котораго не были извѣстны эти декорационныя выгоды , самъ находилъ необходимымъ приготовить такимъ-образомъ зрителей и читателей. Такъ и въ Лирѣ Глостеръ изображаетъ свое время , говоря : «любовь холодѣетъ , дружба расторгается , братъ идетъ на брата , въ горахъ возникаютъ бунты , въ дворцахъ гнѣздится измѣна , въ селеніяхъ живетъ несогласіе , связь отца съ сыномъ разрушена ; мой сынъ , прибавляетъ онъ , идетъ противъ меня , король отвергаетъ свое дѣтище ; идутъ на насъ коварство съ несогласіемъ , измѣна и разрушительные безпорядки». И дѣйствительно , это главные черты картины , которая развертывается предъ нами. Это вѣкъ язычества , оттого страсти и получаютъ такой ужасный характеръ. У Лира и Эдмунда природа играетъ главную роль ; случай и сила одни управляютъ поступками. Лучшія личности не сознаютъ въ себѣ той силы воли , которая , посредствомъ нравственныхъ правилъ , обуздываетъ страсть ; всѣ онѣ приписываютъ природѣ и звѣздамъ роковое вліяніе на людей и ихъ поступки. Солнечныя и лунныя затмѣнія , по словамъ Глостера , поражаютъ страшные бичи народныя . Честный и прямодушный Кентъ въ различіи , существующемъ между дочерьми Лира , видитъ доказательства того , что не воспитаніе и даже не наследственная кровь образуютъ характеръ людей , а что слѣпныя звѣзды ими управляютъ . Самый злой изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ , Эдмундъ , одинъ ясно мыслить и смѣется надъ этимъ ловкимъ измѣненіемъ людскихъ пороковъ . Это отъ того , что онъ сознаетъ въ себѣ внутреннюю силу воли , но онъ обращаетъ ее на безнравственные поступки . Давая полную волю своимъ страстямъ , слѣдуя безъ малѣйшаго колебанія и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти внушеніямъ своего инстинкта и своихъ дурныхъ склонностей , онъ дѣйствуетъ еообразно съ понятіями и правилами общества , къ которому принадлежитъ . Это — время , о которомъ Макбетъ сказалъ : если убійство удалое , то это хорошо . Совѣсть никогда не про-

сыпается въ душахъ этихъ людей; ни прежде, ни послѣ, ни во время преступленія они не чувствуютъ раскаянія. Ни одна боязливая мысль о послѣдствіяхъ не удерживаетъ руки злодѣя. Предъ нами ни Макбетъ или Гамлетъ съ возбужденной фантазіей, съ робкимъ воображеніемъ, съ нѣжнымъ настроеніемъ сердца и съ возвышенной нравственной природой, ни дочери Лира, ни Эдмунъ, ни Корнваль, ни Освальдъ, даже умирая не чувствуютъ и тѣни угрызеній совѣсти. Благородныя натуры Лира и Глостера; претерпѣвая естественное наказаніе за свои проступки, впадаютъ въ отчаяніе: одинъ сходитъ съ ума, другой смотритъ на людей, какъ на существа, созданныя для забавы боговъ. То-же говоритъ и Макбетъ, когда, впадая въ отчаяніе, переходитъ отъ вѣрованія въ преимущество будущей жизни надъ настоящей къ убѣжденію, что эта обѣтованная жизнь не болѣе, какъ вымыселъ, какъ тѣнь. Вся человѣческая натура въ этомъ поколѣніи состоитъ изъ крайностей. Доброта, прямодушіе, вѣрность, скромность, самообладаніе не знаютъ себя предѣловъ. Это — человѣчество, которое не имѣло еще за собой уходу, не созрѣло для закона и образованія. Это — поколѣніе, въ которомъ человѣкъ не болѣе, какъ «голое двуногое животное», какъ существо грубое, только-что вышедшее изъ рукъ природы и не успѣвшее выдти изъ первобытнаго состоянія. Въ этомъ положеніи семейство предписываетъ первые законы. Кровныя связи вездѣ одерживаютъ верхъ надъ своекорыстіемъ, честолюбіемъ и эгоизмомъ. Но здѣсь разорваны даже эти священныя узы природы. Вспыльчивый отецъ, намѣреваясь всѣмъ пожертвовать своимъ дѣтямъ, пожинаетъ мнимую и дѣйствительную неблагодарность. Въ ярости онъ преслѣдуетъ правдивость и исполненіе долга и осыпаетъ благодарностями лесть и ложь, которыя ему приготовляютъ страшныя страданія. Кроткій отецъ воспитываетъ змѣю, незаконнаго сына, который стремится погубить его посредствомъ законнаго сына. Братъ идетъ противъ брата, дѣти — на родителей, родители — на дѣтей, супруги преслѣдуютъ другъ друга — вотъ страшное

изображеніе въ высшей степени возбужденнаго человѣчества! Эти семейные раздоры составляютъ средоточіе трагедіи. Съ перваго взгляда кажется, что дѣтская неблагодарность служить ей основаніемъ, но на дѣлѣ мысль этого произведенія гораздо обширѣе; семейныя распри составляютъ скорѣе форму, нежели сущность пьесы. Онѣ только увеличиваютъ ужасъ содержанія; подобныя-же отношенія между людьми, не соединенными родствомъ, не имѣли-бы той силы. Это дѣйствіе, вложенное въ нѣдра семействъ, по словамъ Шлегеля, «является, какъ возмутительный переворотъ въ нравственномъ мірѣ; изображеніе достигаетъ гигантскихъ размѣровъ и наводитъ на странную мысль, что небесныя свѣтила вышли изъ предназначеннаго имъ пути». Если справедливо, что изображеніе страсти, переступающей за предѣлы естественныхъ и нравственныхъ границъ человѣчества, составляетъ задачу трагедіи, то нигдѣ нельзя найти большаго подтвержденія этой мысли, какъ въ Лирѣ; въ немъ идея эта сдѣлана общей. Въ другихъ трагедіяхъ дѣйствуетъ одна страсть, здѣсь представлены всѣ страсти вообще, такъ-что всякій болѣе или менѣе глубоко-мыслящій читатель найдетъ приличнымъ назвать трагедію *κατ' ἔξοχην*. Нѣтъ другой пьесы, въ которой-бы всѣ дѣйствующія лица были одинаково подвержены порывамъ сильныхъ чувствъ, душевнымъ волненіямъ и неотразимымъ побужденіямъ. Чтобы это ясно себѣ представить, стоитъ только разсмотрѣть главныя лица пьесы. Есть-ли изображеніе ужаснѣе того, которое представляетъ намъ Гонериллю, преисполненную постыднымъ желаніемъ, когда она, въ присутствіи мужа, оспариваетъ Эдмунда у своей сестры вдовы, — Эдмунда, который, отнявъ у отца и брата ихъ имѣніе, ищетъ любви обѣихъ дочерей Лира, чтобы посредствомъ ея овладѣть достояніемъ ихъ мужей. Ничего нѣтъ подобнаго ярости Корнуалля, когда онъ въ изступленіи вырываетъ глаза у человѣка, у котораго только-что искалъ убѣжища, и злостя Реганы, подстрекающей его къ злодѣянію. А что можетъ быть оживленнѣе картины основательнаго гнѣва и негодованія Кента, разражаю-

щихся надъ несправедливыми словами и дѣлами вопреки Лару и вопреки низости хозяина дома? Или той картаны, гдѣ невольная ярость охватываетъ слугу Корнвалля при видѣ его злодѣянія и побуждаетъ его къ убійству герцога? Ничто никогда не изображало такъ отчетливо страстность цѣлаго поколѣнія, какъ тѣ минуты въ піесѣ, въ которыя неестественныя и злыя дѣла возбуждаютъ гнѣвъ въ кроткихъ и смиренныхъ натурахъ. Таковы минуты, гдѣ добрый Глостеръ въ пылу мщенія проклинаетъ Регану, выгнавшую отца въ бурю столь ужасную, когда, «слѣдовало-бы и волка укрыть, еслибы онъ завылъ у воротъ». Или гдѣ благородный Альбани боится дать волю рукамъ, чтобы не разорвать Гонерилью, за то, что она довела до сумасшествія отца, «нотораго сѣдины самый медвѣдь лизалъ-бы съ ласкою». Но изъ всѣхъ этихъ личностей выдается личность Лира, давшаго трагедіи свое названіе.

Король Лиръ, въ преклонныхъ лѣтахъ и въ разстройствѣ умственныхъ силъ, не забываетъ того времени, когда онъ былъ «королемъ отъ головы до ногъ» и когда передъ мечемъ его враги обращались въ бѣгство; даже въ сумасшествіи проглядываютъ въ немъ лучи его могучаго и геройскаго духа. Величіе оваряетъ его чело, когда онъ спокоенъ; когда-же онъ сердится, глаза его мещутъ молніи и взглядъ заставляетъ трепетать подданныхъ. Если уже самый санъ его и положеніе не допускали противорѣчій, то ихъ еще мѣжѣ сносилъ его темпераментъ. Онъ всегда былъ эксцентриченъ; «онъ и въ старое время былъ горячъ не въ мѣру и всегда худо зналъ самого себя», говорятъ его дочери. Всѣ лучшія и самыя благородныя его дѣла были слѣдствіемъ вспылчиваго и живаго характера. Таковъ былъ его нравъ; его развитію немало способствовали могущество и никогда не покидавшее его счастье, которое отдаляло отъ него даже всякую мысль о горѣ. Такой отецъ, возбуждая въ дѣтихъ ложъ и ланцетріе, приготовляетъ себѣ въ нихъ наказаніе; лестъ, въ свою очередь, еще болѣе развиваетъ раздражительность и упрямство. Врожденный

эгоизмъ, хотя бы онъ былъ самаго пріятливаго свойства, укореинаясь, доходитъ до крайнихъ предѣловъ; у Лира онъ развивается вслѣдствіе притворнаго боготворенія его двухъ дочерей и особенно вслѣдствіе искренней и нѣжной привязанности Корделии. Эта неприступность короля, въ-отношеніи его подданныхъ и родственныхъ ему лицъ, была недостаткомъ природы, усиленнымъ отъ привычки; естественно, что отъ старости и сопровождающихъ ее слабости и чувствительности, упрямство это и вспыльчивость развились еще болѣе. Представивъ себѣ такого человѣка, еще переполненнаго страстями и энергіей, и представивъ себѣ его не только членомъ, но и вождемъ геройскаго времени, въ которое онъ жилъ, мы легко поймемъ его поступокъ въ первой сценѣ, возбуждившей столько различныхъ толковъ. Гёте называлъ эту сцену нелѣпой; намъ кажется, что она такъ-же правдива и естественна, какъ все, что написалъ Шекспиръ. Вопросъ лица о степени любви къ нему его дочерей былъ для поэта фактомъ, который онъ считалъ неприкосновеннымъ. Онъ не счелъ нужнымъ сдѣлать его правдоподобіемъ, изобразивъ иначе, чѣмъ онъ изложенъ въ древней драмѣ, а предоставилъ зрителю и силѣ его воображенія изъяснить себѣ обычаями и правами того времени, равно-какъ и преклонными лѣтами короля, это странное вступленіе къ раздѣлу наслѣдства. Король хочетъ отдать свое государство и свой санъ во власть дочерямъ. При его характерѣ, это—настоящее самоотверженіе и доказательство полнаго довѣрія и любви. Онъ хотѣлъ-бы получить, хотя на словахъ, благодарность за свою жертву; эгоизмъ, скрывающійся даже въ его любви и самоотверженіи, рождаетъ въ немъ желаніе порадоваться выраженіями любви и благодарности дочерей. Укоренившася привычка власти, говоритъ Кольриджъ, заставляетъ его выразить это желаніе опредѣленнымъ требованіемъ. И вдругъ его любимое дитя, бальзамъ его старости, дочь, на заботы которой онъ преждевременно рассчитывалъ, произноситъ въ многочисленномъ собраніи холодное «Ничего». Стыдъ и разочарова-

ніе овладѣвають королемъ; вся его страстная, необузданная натура, невластная сдерживать волненія крови, вырывается наружу въ страшномъ потокѣ ярости. Онъ отдаетъ всѣ свои владѣнія старшимъ дочерямъ, для того, поясняетъ древняя драма, чтобы закрыть себѣ всякую возможность къ примиренію. Онъ изгоняетъ вѣрнаго Кента, который осмѣливается ему противорѣчить, и отвергаетъ съ ненавистью нѣкогда любимое дитя. Онъ безъ труда удаляетъ герцога Бургундскаго, сватавагося за Корделию; королю Французскому, другому ея жениху, совѣтуетъ покинуть ее, но, видя его безкорыстіе, отдаетъ ему дочь «съ приданнымъ гнѣва своего». На самого себя онъ призываетъ страшное проклятіе, которое впоследствии исполняется: «Да успокоюсь я только въ могилѣ, если не лишьу ее родительской моей любви».

Онъ самъ впоследствии прекрасно характеризуетъ гнѣвъ, который въ эту минуту кипитъ въ его душѣ: «Небольшая вина Корделии сдвинула съ мѣста все зданіе моей природы и, извлекиши изъ моего сердца всякую любовь, обратила его къ желчи». Жалкій приговоръ, которымъ онъ изгоняетъ Корделию, насколько не вредитъ этой сценѣ. Вспыльчивость въ томъ и состоитъ, что производитъ сильныя душевныя потрясенія безъ достаточныхъ къ тому причинъ. Авторъ вполне понимаетъ это, и потому противопоставилъ яростной вспышкѣ Лира основательный и справедливый гнѣвъ прямодушнаго Кента, который громко упрекаетъ короля въ несправедливости и на угрозы его отвѣчаетъ: «Убей врача и мерзкій свой недугъ считай здоровьемъ».

Этотъ недугъ вскорѣ поражаетъ престарѣлаго героя: наказаніе за проступки юности и за вспыльчивость, достигшую крайнихъ предѣловъ въ сценѣ раздѣла наслѣдства, начинаетъ его преслѣдовать. Долгое притворство старшихъ дочерей, поддерживаемое властолюбиемъ отца, внезапно исчезаетъ. Онѣ отрекаются отъ дѣтской любви и замѣняютъ лесть черной неблагодарностью. Прежде онѣ льстили ему, какъ собаки, и согла-

шались съ каждымъ его словомъ; теперь онъ видитъ слишкомъ поздно, что это съ самаго начала были злыя дѣла. Еще недавно ясныя лица омрачаются; получивъ отъ отца власть и могущество, дочери хотятъ лишить его послѣдняго достоянiя; онѣ унижаютъ его, съ презрѣнiемъ упрекаютъ за старческiя прихоти и за умственное разслабленiе и безстыдно преслѣдуютъ его словами и дѣлами. Съ перваго взгляда обѣ сестры могутъ показаться совершенно одинаковаго характера: онѣ схожи между собой, какъ двѣ еловыя шишки, говоритъ шутъ (\*) но, разсмотрѣвъ внимательно, мы находимъ между ними огромную разницу. Старшая, Гонерилья, съ волчьими глазами и съ мрачной повязкой угрюмости на челѣ, одарена самостоятельной, мужской натурой. Регана болѣе женственна, пассивна, зависима и дѣйствуетъ по внушенiю сестры. Необузданный (unbordered) нравъ Гонерильи дѣлаетъ ее истой дочерью этого страшнаго вѣка и проявляется въ жестокихъ замыслахъ, которые возникаютъ въ ея собственной головѣ. Злая натура Реганы, напротивъ, способна только чужiя жестокости развивать и усиливать какъ тамъ, гдѣ сажаютъ Кента въ колодки или гдѣ ослѣпляютъ Глостера. Худшая изъ нихъ за мужемъ за благороднымъ Альбани, котораго она считаетъ нравственнымъ дуракомъ, а на кротость и спокойствiе котораго смотритъ, какъ на изнѣженность; впоследствии однако онъ выказываетъ свою силу и мужество, и покоряетъ ее. Менѣе злая имѣетъ худшаго мужа съ раздражительнымъ характеромъ, не терпящимъ препятствiй и возраженiй. Гонерилья играетъ роль владычицы надъ Альбани, который сознаетъ ея дальновидность и уклоняется отъ споровъ, пока не узнаетъ ее вполне. Она преслѣдуетъ свою цѣль для себя, едва слушаетъ мужа, едва удостоиваетъ его отвѣтомъ. Регана-же вполне послушна угрюмому и вспыльчивому Корнваллю и покорна его твердой и непреложной волѣ. Уже въ первой сценѣ (I, 1) Гонерилья является зачинщицею, а Регана — ея от-

---

(\*) Въ переводѣ Дружинина: «онъ одного поля ягодки».



голоскомъ. Далѣе она начинаетъ дѣйствовать противъ короля, обходится съ нимъ не такъ почтительно, какъ прежде, уменьшаетъ до половины его свиту, тогда-какъ боязливая Регана сначала старается смягчить его. Но сестра внушаетъ ей еще болѣе страху, чѣмъ отецъ, и она допускаетъ оскорбить лучше посланнаго Лира, нежели слугу Гонерильи. Последней известна эта слабость, и потому она не довольствуется письмомъ, а сама ѣдетъ, чтобы настроить сестру на известнѣйшій образъ дѣйствій. Регана не умѣетъ, подобно Гонерильѣ, торопливо закидывать жестокими и обидными словами; взглядъ ея изъ-подъ лобъ не такъ пронзителенъ; онъ утѣшительнѣе, мягче, скрытнѣе. Самъ Лиръ не вполне ее понимаетъ, и въ судѣ, который онъ въ безуміи производитъ надъ дочерью, онъ хочетъ анатомировать ея сердце. Она простодушно говоритъ отцу вещи злѣе Гонерильи и, не смотря на то, Лиръ удерживается отъ проклятія, которое дважды призываетъ на старшую дочь. Гонерилья стоитъ передъ нимъ холодная, какъ мраморъ; Регана въ ужасѣ боится навлечь на себя что-нибудь подобное. Но когда Гонерилья вполне выказываетъ свое безстыдство и жестокость, то и Регана дѣлается смѣлѣе и отсылаетъ всю свиту короля; его одного хочетъ она содержать. Желая, чтобы старикъ вкусилъ плоды своего упрямства и своей опрометчивости, Гонерилья приказываетъ Глостеру не удерживать его, не смотря на приближающуюся бурю; Регана, опять послушная волѣ сестры, подтверждаетъ ея слова. Затѣмъ начинаются тайные раздоры между обѣими сестрами и ихъ семействами. Гонерилья составляетъ обширные замыслы; дурное обращеніе съ отцемъ было только началомъ ея злодѣяній. Она хочетъ овладѣть всѣмъ государствомъ, еще при жизни мужа влюбляется въ Эдмунда, радуется смерти Коривалля, за одно съ Эдмундомъ приказываетъ умертвить Корделію и наконецъ убиваетъ себя, когда Альбани приходитъ въ ужасъ отъ ея злодѣяній и ея неестественнаго отреченія отъ своего рода и семейства. Регана гораздо простодушнѣе. Она обближается съ Эд-

мудомъ только послѣ смерти Киривалля, довѣрчиво вручаетъ письмо къ нему подозрительному слугѣ Гонерильи и наконецъ умираетъ отъ яду, незапятнанная столь беззаконными дѣлами, наковы дѣла ея сестры. Вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Регана является умѣреннѣе Гонерильи, замыслы которой не виѣютъ границъ. Жестокости этихъ дочерей обращенныя на Лира, служатъ къ развитію его характера, отчего и составляютъ средоточіе трагедіи, не только по смыслу преданія, но и по идеи, которую авторъ въ нее влагаетъ. Страстная натура человѣка, стоящаго во главѣ своего вѣка, предстаетъ предъ нами въ страшной и изумительной силѣ. И это изображено такими рѣзкими чертами, что почти не требуетъ поясненій. Мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя мѣста пьесы, въ которыхъ особенно ярко проявляется въ нашемъ героѣ недостатокъ самообладанія и неукротимость страстей, возбуждающихъ въ немъ страданіе, и несвязность тѣхъ, которыя управляютъ его поступками. Въ началѣ, когда Лиръ принимаетъ первыя пренебреженія, онъ не хочетъ въ нихъ созваться и обвиняетъ себя въ подозрительности; но такъ-какъ и прислуга его замѣчаетъ то-же, то онъ дѣлается раздражителемъ. Дерзкій поступокъ дворецкаго, Овальда, окончательно раскрываетъ ему глаза, онъ выходитъ изъ себя и до того забывается, что бьетъ его. Должно полагать, что еслибы Лиру не слышимо явно оказывали пренебреженія, то онъ много-бы молчалъ.

Какъ всегда, за вспыльчивостью послѣдовало спокойствіе: старикъ молчаливъ и задумчивъ. Онъ уже видитъ, какъ опрометчиво поступилъ, отдавъ все дочерямъ. Раскаяніе въ дурномъ обращеніи съ Корделіей начинаетъ его мучить и ямъ овладѣваетъ непреодолимое желаніе вновь увидѣть дочь, возлѣ которой онъ былъ-бы въ безопасности. Сѣтованія дурака объ изгнаніи Корделіи пробуждаютъ въ немъ этотъ первый лучъ раскаянія, а шутки его гораздо болѣе наводятъ на мысль о важности проступка, нежели развлекаютъ короля. Но недолго длится это спокойствіе; его уничтожаетъ неблагодар-

ность дочерей. Гонерилья внезапно сбрасываетъ съ себя личину и это мгновеніе потрясаетъ до основанія нравственную и физическую силу короля.

Въ этой и въ первой сценѣ, гдѣ энергія Лира еще не разбита и его крутому нраву не нанесенъ ударъ, актеръ долженъ употребить въ дѣло всю свою силу. Его заблужденіе въ самомъ себѣ и въ дочери, странное истолкованіе ея словъ, вопросъ о томъ, какъ ее зовутъ—все это предвозвѣстники позднѣйшаго безумія. Гонерилья еще ничего не сдѣлала; она только просила его объ уменьшеніи свиты, и Альбани увѣряетъ въ своей невинности, а Лиръ уже разразился надъ первородной дочерью въ страшномъ проклятій, которому нѣтъ равнаго ни въ какой другой трагедіи, ни даже въ Эдипѣ. Потомъ, въ-присутствіи Реганы, онъ повторяетъ это проклятіе съ новой силой. Имъ овладѣваетъ ярость, смѣшанная со стыдомъ при мысли, что неблагодарность дочери до слезъ потрясла его мужескую натуру. Воспоминаніе это преслѣдуетъ его даже въ безуміи. Въ немъ возникаетъ желаніе посорить дочерей, силою отнять у Гонерильи ея часть наслѣдства и, явись ей въ образѣ государя и мстителя, наполнить землю страшными дѣлами. Эта необузданная ярость, овладѣвающая Лиромъ при первомъ оскорбленіи, прибавляетъ новую ошибку къ его прежнимъ проступкамъ въ-отношеніи дочерей: будь въ Гонерильи еще искра чувства, отецъ погасилъ-бы ее своимъ безразсуднымъ проклятіемъ. Лиръ пріѣзжаетъ къ замку Глостера и видитъ въ колодахъ своего посланнаго, Кайюса; гнѣвъ опять начинается волновать его душу. Онъ ищетъ Регану, а она его избѣгаетъ; онъ требуетъ ея мужа, Глостеръ извиняетъ его отсутствіе нездоровьемъ и «вспыльчивымъ нравомъ». Этотъ простой отвѣтъ вызываетъ новый порывъ ужасной ярости. Короля возмущаетъ не столько неуваженіе дѣтей, сколько то, что въ его присутствіи смѣютъ упоминать о горячемъ темпераментѣ Корнвалля. Это одно изъ самыхъ характеристическихъ мѣстъ въ піесѣ и прекрасно изображаетъ бурную натуру Лира. Въ этой

послѣдней вспышкѣ энергія его разбивается; броженіе крови и гнѣвные порывы улегаются. Козалось-бы, что въ душѣ его происходитъ борьба разсудка и воли съ внушеніями страстей, но на дѣлѣ у него не хватаетъ силъ. Онъ страшится, что струны его сердца порвутся и ихъ нельзя болѣе напрягать. Онъ изнемогаетъ и не въ-состояніи проклясть Регану. Его смягченный гнѣвъ выражается въ сарказмахъ и онъ унижается до слезъ и просьбъ. Передъ Гонериллей онъ владѣлъ еще своими силами и стыдился слезъ; теперь онъ тщетно призываетъ «благородный гнѣвъ» и слезы невольно выступаютъ на глазахъ. Уже въ сценѣ съ Гонериллей онъ молилъ боговъ защитить его отъ безумія, которое въ старомъ человѣкѣ должно быть естественнымъ слѣдствіемъ напряженія силъ; теперь онъ чувствуетъ себя гораздо ближе къ тому состоянію, котораго такъ опасался. Передъ нами развертывается картина изумительнаго великолѣпія и грознаго величія: беззащитный, слабый старикъ, жертва своего упорства, изгнанъ неблагодарными дочерьми. Въ страшную бурю, не имѣя убѣжища, съ открытой головой блуждаетъ нищій король, брошенный судьбой изъ нѣдръ счастья подъ иго бѣдности, нужды и разъяренной природы. Буря, бушующая въ его сердцѣ, дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ физическимъ страданіямъ. Драматическое искусство не производило ничего подобнаго сценамъ, въ которыхъ Лиръ бродитъ въ степи вмѣстѣ съ Эдгаромъ, выдающимъ себя за сумасшедшаго, и съ шутомъ, который съ сокрушеннымъ сердцемъ старается выполнять еще свою дояжность. И эти сцены ничуть не рѣзки; онѣ не возбуждаютъ ни ужаса, ни отчаянія; впечатлѣніе, ими производимое, глубоко, но не мучительно. Надобно только, чтобы игра актеровъ была искусна и правильна, чтобы Эдгаровы рѣчи въ-сторону произносились ясно и чтобы мимика достаточно предуготовляла послѣднія слова шута, выражающія всю горечь души вѣрнаго слуги. Безуміе короля обнаруживается вполне только при страшной встрѣчѣ съ Эдгаромъ; и это такъ вѣрно природѣ, что не требуетъ подтвержденій, хотя опытъ

может их доставить. Поэт не приковал разстроенное воображеніе Лиры къ одной идеи (*idée fixe*). Это легко может показаться вначалѣ, когда король находится еще только на пути къ безумію и безпрестанно обращается къ мысли о неблагодарности дѣтей. Но теперь его мучитъ горечь нищеты и онъ упрекаетъ себя за то, что въ счастіи мало думалъ о бѣдныхъ, которые подобно ему скитаются подъ бурей безъ крова и одежды. Въ этой послѣдней мысли и проявляется его безуміе: онъ рветъ съ себя одежду, чтобы походить на «голое двуногое животное» — Эдгара, который внезапно является ему въ ту самую минуту, когда онъ думалъ о несчастныхъ и беззащитныхъ. Еще преслѣдуетъ Лиру мысль о мщеніи; укоренившееся упорство и страстность не покидаютъ его и туть. Онъ желаетъ, чтобы «тысячи злыхъ духовъ бросились на его дочерей съ каленными копьями, щипя и угрожая»; онъ судитъ ихъ, призывая свидѣтелей, судій и солдатъ съ алебардами и мечами. Но поэтъ не останавливаетъ мыслей безумнаго короля на этомъ характеристическомъ изображеніи. Еслибы Лиру дана была возможность отмстить дочерямъ и удовлетворить такимъ образомъ влеченіе страсти, мысли его обратились-бы на другой предметъ; но горькое чувство безсилія заставляетъ его довольствоваться словами мщенія. Подвижность и раздражительность его темперамента не позволяютъ ему долго останавливаться на одномъ и томъ-же предметѣ; только созерцательныя, спокойныя натуры могутъ помѣшаться на одной идеи (*idée fixe*). Идея мщенія много занимаетъ Лиру, но не овладѣваетъ имъ вполне; у него бываютъ свѣтлыя минуты; здравый смыслъ и безуміе перемѣшаны въ его рѣчахъ. Иногда кажется, что сумасшествіе Лиры, подобно мнимому помѣшательству Гамлета, употреблено Шекспиромъ для сатирическихъ видовъ. Тамъ напр., гдѣ онъ въ собакѣ видитъ власть и гдѣ говоритъ: «Закуй злодѣя въ золото, стальное конье закона сломится безвредно, одѣнь его въ лохмотья — и погибнетъ!» — и далѣе «Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ, я заступлюсь за всѣхъ!» Но это не болѣе, какъ порывъ

нравственнаго отчаянія, который прекрасно характеризуетъ человѣка, разбитаго лѣтами и злополучіемъ, — человѣка, котораго могущество, сила и счастье разрушены явленіями нравственнаго міра. Въ этомъ крайнемъ умственномъ физическомъ разстройствѣ авторъ выводитъ на сцену Лира вмѣстѣ съ Глостеромъ, который находится въ такомъ-же положеніе. Гибкій и кроткій нравъ Глостера склоняется подъ бременемъ лѣтъ и страданій; твердая, закаленная натура Лира, способная къ всякаго рода напряженіямъ, въ бѣдствіи и безуміи приобретаетъ новую энергію, пока наконецъ вполне не изнемогаетъ. Тогда за истощеніемъ силъ слѣдуетъ спойствіе, а съ спойствіемъ — выздоровленіе.

Кентъ и шутъ не покидаютъ Лира въ несчастіи; одинъ соединяетъ его съ Корделіей, другой старается отвлекать отъ грустныхъ мыслей и удерживать отъ помѣшательства. Оба отличные люди, но вполне дѣти своего вѣка. Они составляютъ противоположность Эдмунду и подобнымъ ему дѣйствующимъ лицамъ, но не общему характеру изображаемаго поколѣнія. Ихъ натура и природныя побужденія лучше, чѣмъ у другихъ; ихъ любовь и приверженность къ королю могла-бы устыдить его дочерей. Изгнанный Кентъ забываетъ оскорбленіе и продолжаетъ вѣрно служить своему господину. Шутъ награждаетъ его за то своимъ колпакомъ, а самъ между-тѣмъ продолжаетъ играть роль дурака и старается пѣснями и шутками заглушить тоску, которая терзаетъ его сердце. Но, не смотря даже на это самообладаніе, оба вѣрные слуга вполне принадлежатъ своему вѣку; необдуманными поступками и словами они растравляютъ душевныя раны Лира и увеличиваютъ его бѣдствія. Съ самаго начала, меткія шутки дурака не развлекаютъ короля, а наводятъ на мучительныя мысли; даже во время изгнанія и въ бурную ночь онъ не прекращаетъ своихъ язвительныхъ выходокъ. Эти шутки введены сюда Шекспиромъ съ эстетическою цѣлью отвлекать зрителей отъ горестныхъ чувствъ, возбуждаемыхъ умственнымъ разстройствомъ и несчастнымъ

положеніемъ Лира; онѣ психологически задуманы и вполнѣ со-отвѣтствуютъ своему назначенію. Таковы-же и дѣйствія прямодушнаго Кента. Основательный гнѣвъ его противъ Лира въ первой сценѣ выказываетъ въ немъ вѣрнаго и правдиваго слугу, но увеличиваетъ вспыльчивость упрямаго короля. Низкопоклонный духъ дворецкаго Освальда, котораго ни грубость, ни дурное обращеніе не могутъ вывести изъ себя, возвышаютъ еще болѣе энергію правдивость и вѣрность Кента, но въ то-же время доказываютъ въ немъ недостатокъ смышленности. Его, хотя и справедливый гнѣвъ, также неумѣстенъ, какъ Лирова ярость, и поддерживаетъ дурныя отношенія короля къ дочерямъ. Дѣятельность его въ-отношеніи къ королю неутомима; онъ помогаетъ ему въ бѣдствіи, жертвуетъ собой и наконецъ умираетъ отъ избытка преданности. Но, не смотря на всѣ эти многообразныя заслуги, онъ ничего не дѣлаетъ для внутренняго успокоенія Лира, онъ вредитъ ему уже тѣмъ, что скрываетъ свое настоящее имя. Окончательное спасеніе бѣднаго безумнаго скитальца короля возлагается на Корделію. Но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить объ этомъ, скажемъ, для болѣе ясной ясности, нѣсколько словъ объ эпизодѣ Глостера.

Ссоры, разъединяющія семейство Глостера, очеь схожи съ распрями Лира и его дочерей, хотя происходятъ отъ совершенно различныхъ характеровъ. Добрый, кроткій, суевѣрный, легкой нравственности и недалняго ума Глостерьъ, какъ и Лиръ, служитъ самъ причиной своего несчастія. У него есть незаконный сынъ, который долженъ ему отмитить за нарушеніе супружескихъ клятвъ. Воспитаніе, данное этому сыну, и положеніе его въ семействѣ немало способствуютъ къ его ожесточенію. Впродолженіе девяти лѣтъ Глостерьъ держалъ его вдали отъ своего дома, а теперь опять хочетъ удалить. Онъ стыдится Эдмунда и говорить это постороннимъ, не стѣсняясь его присутствіемъ. Тайные замыслы этого незаконнаго сына направлены сначала на Эдгара, законнаго и старшаго сына Глостера, а потомъ обращаются на самого отца, кото-

рый легкомысленно дѣлается игрушкой его. Шекспиръ воспроизвелъ въ Эдмундѣ главныя черты характера Ричарда III и Яго; это скорѣе легкій эскизъ, нежели вполне обработанный и развитой характеръ. Онъ придалъ ему умышленную злобу и ожесточеніе Ричарда, съ тою разницею, что его ожесточаетъ ложное положеніе въ обществѣ и въ семействѣ, тогда-какъ Ричардъ озлобленъ своей некрасивой наружностью. Подобно ему, Эдмундъ стремится (но только никому о томъ не говоря) къ королевской власти. Для этого онъ вноситъ раздоръ сначала въ свое семейство, а потомъ въ семейства обѣихъ дочерей Лира, возбуждая ихъ любовь къ себѣ, и наконецъ онъ за одно съ Гонерильей приказываетъ умертвить Лира и Корделию. Съ этимъ не огромнымъ честолюбіемъ Эдмундъ соединяетъ холодный разсудокъ и своекорыстную расчетливость Яго, его матеріальный взглядъ на вещи, пронырливость, ловкость, съ которой онъ быстро достигаетъ цѣли, и наконецъ равнодушіе къ способамъ, лишь-бы они были ему полезны. Сначала онъ хочетъ обмануть отца посредствомъ разговора съ Эдгаромъ, но простодушіе послѣдняго внезапно наводитъ его на мысль лучше дать ему возможность услышать свой разговоръ съ отцемъ и онъ удаляетъ его подъ предлогомъ неожиданнаго приѣзда Карнвалля. Такъ и далѣе вездѣ дѣйствуетъ онъ съ удивительнымъ искусствомъ, крѣпко держась своей цѣли и ловко управляя хитросплетенными замыслами. Желая избавиться отъ отца, онъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ открываетъ Корнваллю его сношенія съ Франціей. Какъ воинъ и шпионъ, Эдмундъ оказываетъ Англіи важныя заслуги и даже вызываетъ ими похвалы Альбани. Онъ вполне предается воинской славѣ; отуманенный успѣхами, онъ забываетъ свою обычную осторожность, вступаетъ, вопреки истинѣ и справедливости, въ бой и падаетъ подъ ударами меча своего брата. Въ умирающемъ проглядываетъ лучъ чувства: «я былъ любимъ!» говоритъ онъ; въ немъ пробуждается сожалѣніе къ Лиру и Корделии, но пробуждается внѣшнимъ образомъ, посредствомъ воспоминанія и



то вопреки ему самому. Онъ умираетъ, какъ дочери Лира, ожесточенный и безъ раскаянія. Вліянію этого сына Глостеръ вполне подчиняется; какъ Лиръ Корделію, онъ лишаетъ наследства благороднаго Эдгара и изгоняетъ его. Какъ Лиръ, онъ до вѣрчиво отдается во власть неблагодарнаго дѣтища, которое постыдно измѣняетъ ему. Ослѣпленіе Глостера *на сценѣ* мы не беремъ защищать, хотя Шекспиръ и выводитъ вслѣдъ за этимъ жестокимъ поступкомъ естественное ему наказаніе: простой неизвѣстный слуга отпущаетъ Корваллю на самое мѣсто преступленія. Ослѣпленіе это Шекспиръ съ намѣреніемъ ввелъ въ свою піесу; но цѣль его была-бы и тогда достигнута, еслибы дѣйствіе происходило за сценой. Самъ Глостеръ говоритъ: «я съ полнымъ зрѣніемъ я часто спотыкался», а Эдгаръ въ ослѣпленіи отца видитъ явное наказаніе за его обращеніе съ Эдмундомъ. Слепой и нищій Глостеръ скитается съ отверженнымъ сыномъ, который его водить, подобно тому, какъ Лира приводятъ къ отверженной дочери. Отчаяніе овладѣваетъ обоими, но проявляется въ различныхъ видахъ. Глостеръ, какъ и Лиръ, въ первый разъ вспоминаетъ о бѣдныхъ только когда самъ претертвваетъ нужду; онъ проповѣдуетъ коммунизмъ, о которомъ прежде и не помышлялъ, и умоляетъ боговъ поразить несчастіемъ безчувственныхъ богачей, чтобы они, узнавъ нужду, дѣлились съ бѣдными своимъ избыткомъ; «тогда не будетъ нищеты!» восклицаетъ онъ. Равно-какъ и Лиромъ, имъ овладѣваетъ нравственное отчаяніе; король возвѣщаетъ торжество злобы и порока, а Глостеръ произноситъ страшныя слова:

«для боговъ.

Мы то-же, что для ребятиншекъ мухи:

Насъ мучить — имъ забава!»

Еще до потери зрѣнія, удрученный своимъ собственнымъ горемъ и страданіями Лира, онъ называетъ себя сумасшедшимъ; позже, при видѣ безумнаго короля, онъ завидуетъ его положенію: такъ тяготятъ его грустныя мысли! Но гибкая и мягкая натура не допускаетъ его до разстройства ум-

ственныхъ силъ. Менѣе упорный, онъ вполне предается отчаянію и рѣшается на самоубійство, тогда-какъ подобная мысль ни разу не представляется воодушевленному жаждой мести Лирю. Глостеръ надѣется такимъ-образомъ избавиться отъ судьбы и посмѣяться надъ ея превратностями. Но его удерживаетъ отъ этого шага Эдгаръ, его геній-хранитель, сынъ, который для него то-же, что Корделія для Лира.

Теперь мы обратимся къ Эдгару, который составляетъ полную, но тѣмъ не менѣе правдоподобную противоположность изображаемаго нами страстнаго поколѣнія и который, такъ сказать, искупаетъ его жестокости. Эдгаръ, крестникъ Лира (авторъ забылъ, что дѣйствіе происходитъ въ языческомъ вѣкѣ), одаренъ беззаботной, простодушной натурой, и такъ чуждъ всякаго зла, что ни въ комъ не подозрѣваетъ его. Въ немъ не бушуютъ страсти, кровь его не волнуется и желанія умѣренны; онъ соединяетъ кротость своего отца съ болѣе обширнымъ умомъ. Несчастіе внезапно постигаетъ его, какъ Лира и Глостера. Онъ невиненъ, а отецъ его проклинаетъ и изгоняетъ; жизнь его въ опасности потому, что гавани заперты и повсюду разосланы его приѣзты. Отдѣленный такимъ-образомъ отъ общества, онъ принужденъ взять на себя роль одного изъ нищихъ, которые въ то время, бродя по Англіи, выдавали себя за сумасшедшихъ. Не теряя присутствія духа, онъ съ удивительною ловкостью исполняетъ это. Когда онъ въ первый разъ является предъ нами въ видѣ помѣшаннаго, то рассказываетъ, какъ «злой духъ гонялъ его по огню, по бродамъ и пучинамъ, по болоту и ямамъ, клалъ ему ножи вмѣсто подушки и кормилъ мышьякомъ»; этимъ онъ хочетъ выразить, что его, какъ и отца, преслѣдовала мысль о самоубійствѣ. Это направленіе мнимаго безумія Эдгара можетъ внушить мысли, что передъ нами личность въ родѣ Гамлетовой, — личность добродѣшная, болѣе способная переносить несправедливости, нежели истить за нихъ. Это — совершенно ложное понятіе; здравомыслящій юноша не имѣетъ ничего общаго съ болѣзненной и сентименталь-

ной натурой Гамлета. Едва увидѣлъ онъ страданія Лира, превосходящія его собственныя бѣдствія, какъ поборяетъ отчаяніе и рѣшается мужественно нести свое бремя. Подобно внимательному кормчему, искусно управляющему рулемъ, онъ осторожно проходитъ черезъ бурю, волнующую его время. Но ему готовится новый ударъ: едва успѣлъ онъ сказать, что находится на вершинѣ несчастія, что живетъ одной надеждой и не боится превратностей судьбы, страшныхъ только для счастливецъ, какъ встрѣчаетъ страждущаго отца и узнаетъ объ измѣнѣ Эдмунда. Это мгновеніе не отнимаетъ у него бодрости, а напротивъ возбуждаетъ въ немъ новую энергію; изъ страждущаго несчастливца онъ превращается въ дѣятельнаго подвижника, хотя съ большимъ трудомъ удерживаетъ порывы горести. Онъ для своего отца то-же, что Кентъ, шутъ и Корделія для Лира. Какъ Кентъ, онъ скрываетъ свое имя и служитъ отцу, который его изгналъ; какъ шутъ, онъ въ гдѣри играетъ роль дурака, хотя дальновиднѣе его сознаетъ, что это «дурное занятіе, которое себя и другихъ раздражаетъ»; наконецъ, какъ Корделія, онъ излечиваетъ отца отъ отчаянія. Среди этого односторонняго и закоренѣлаго въ грубыхъ нравахъ поколѣнія, Эдгаръ является, подобно Одиссеевскому генію, который составляетъ необходимую принадлежность всякаго героическаго времени; онъ въ одно и то-же время мученикъ и герой; онъ храбръ и въ высшей степени осмотрителенъ; онъ растетъ съ каждымъ шагомъ. Его роль требуетъ «актера отъ головы до ногъ»; онъ вмѣщаетъ въ себѣ по-крайней-мѣрѣ шесть личностей. Сначала онъ Эдгаръ, потомъ бѣдный Томъ; заботы объ отцѣ нѣсколько выводятъ его изъ послѣдней роли. Далѣе онъ описываетъ неизмѣримую глубину вымышленной пропасти и говоритъ, что у него голова кружится отъ одного взгляда въ нее; когда Глостеръ бросается со скалы, онъ представляется приморскимъ жителемъ, а послѣ встрѣчи отца съ Лиромъ опять бѣднякомъ; въ сценѣ съ дворецкимъ онъ снова превращается въ поселаннина; въ бою съ Эдмундомъ онъ неизвѣстный рыцарь

и наконецъ опять Эдгаръ. Во всѣхъ этихъ роляхъ онъ крайне остороженъ. Когда Глостеръ, при первой встрѣчѣ своей съ бѣднымъ Томомъ, вспоминаетъ объ Эдгарѣ, онъ еще тщательно скрывается и дѣлаетъ это всякій разъ, когда ему угрожаетъ опасность быть признаннымъ. Но это притворство не есть, какъ у Гамлета, слѣдствіе страха и раздражительности. Смерть отца, скорбь Кента, самыя сильныя ощущенія не уничтожаютъ Эдгара; онъ вступаетъ въ бой съ Эдмундомъ и побѣждаетъ его. Это самообладаніе среди столькихъ страній доказываетъ, что Эдгаръ скрывается только для того, чтобы оказывать услугу отцу; физически онъ охраняетъ его, нравственно спасаетъ. Слѣпой, въ отчаяніи хочетъ броситься съ высокой скалы; Эдгаръ ведетъ его на крутизну и «хитростью излечиваетъ отъ отчаянія». Онъ увѣряетъ Глостера, что чудо сохранило его, что злой духъ его искушалъ, но что его спасли боги, которымъ «легко все, на что нѣтъ силъ у насъ!» Слова эти трогаютъ Глостера и онъ рѣшается «сносить все горе жизни, пока оно само ему не скажетъ: довольно, теперь умри». Видъ безумнаго Лира потрясаетъ его до такой степени, что онъ впадаетъ въ уныніе и молитъ боговъ лишить его жизни, пока онъ снова не поддастся искушенію духа злобы. «Честна твоя молитва!» восклицаетъ Эдгаръ въ новой роли нищаго, который по его собственнымъ словамъ «смягчилъ свое сердце подъ бѣдствія бичемъ». Появляется дворецкій Гонерилья и угрожаетъ Глостера смерти; старикъ привѣтствуетъ свой конецъ, какъ давно желанный даръ боговъ, но Эдгаръ защищаетъ его. Они приходятъ на поле битвы и узнаютъ, что Лиръ и Корделія въ плѣну; Глостеръ еще разъ предается отчаянію и не хочетъ бѣжать. «Опять вредныя мысли», говоритъ ему благородный сынъ, «мы родимся въ свѣтъ на то, чтобы терпѣть». Глостеръ признаетъ справедливость этихъ словъ. Когда же Эдгаръ открывается ему и проситъ благословенія, наболѣвшее сердце старика разрывается отъ борьбы горя съ радостью. Онъ умираетъ спокойно, съ улыбкой на устахъ. Видъ Глостерова трупа и

признаніе Эдгара «обрываютъ струны жизни» въ благородномъ Кентѣ; при разсказѣ объ этихъ печальныхъ событіяхъ Альбани съ трудомъ удерживается отъ горестныхъ порывовъ и лучъ чувства проникаетъ въ сердцѣ умирающаго Эдмунда. Мы, зрители и читатели, тоже чувствуемъ облегченіе, ясныя и тихія ощущенія овладѣваютъ душой. Такое настроеніе духа еще болѣе поддѣрживается въ насъ личностью и судьбой Корделии. Это одно изъ прелестнѣйшихъ созданій Шекспира, непонятное для разума, но весьма ясное для чувства. Актриса, которая не можетъ вполне отучиться отъ декламаціи и эффектаціи, не въ состояніи выполнить этой роли. Мистриссъ Барри, современница Гаррика, которою восхищался нашъ Лихтенбергъ, по словамъ этого строгаго критика, играла роль Корделии въ совершенствѣ; она обладала неземной красотой и прекрасно изображала ея кротость, невинность и скромность. Умирающій Лиръ немногими словами превосходно и наглядно опредѣляетъ прекрасную женскую натуру Корделии: «у ней былъ милый, тихій, нѣжный голосъ—большая предель въ женщинѣ», говоритъ онъ. Съ теплымъ сердцемъ, но молчаливая, она не обладаетъ гибкимъ и льстивымъ искусствомъ говорить о томъ, чего у нее нѣтъ въ сердцѣ; она скупа на слова и дѣйствуетъ болѣе, нежели говоритъ. Словоохотливая лесть сестеръ кажется ей излишнею тѣмъ болѣе, что ея правдивое сердце чуждо корыстолюбія и жадности, которыя дѣлаютъ краснорѣчивыми Регану и Гонерилью. Женская стыдливость и застѣнчивость связываютъ ее въ первой сценѣ и заставляютъ произнести роковое слово, которое рѣшаетъ ея судьбу. Необыкновенная кротость въ рѣчи происходятъ отъ совершенно-естественной робости, какую она должна ощущать, видя себя въ необходимости говорить предъ многочисленнымъ собраніемъ, а также отъ чувства правдивости, которое предписываетъ ей сохранить часть любви своей для мужа и наконецъ отъ презрѣнія къ сестрамъ. Въ молоко ея кроткаго ярава примѣшана капля желчи; этой тонкой чертой соединилъ ее Шекспиръ съ характеромъ ея семейства и вре-

меня. Неразсудительность и нѣкотораго рода упорство, хотя оно и основано на прекрасныхъ началахъ, высказываются съ перваго ея появленія на сценѣ. Отецъ выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ и затрогиваетъ ея честь, но король Французскій, знатокъ человѣческаго сердца, угадываетъ ея натуру; сердце ея раскрывается отъ этой живительной росы и она въ одно и то-же время пріобрѣтаетъ любовь мужа и ненависть отца. Дальнѣйшій ходъ пьесы доказываетъ, какое уваженіе она питаетъ къ исполненію долга и какъ сродно ей исполнять то, чего она желаетъ прежде, нежели объ этомъ скажетъ. Предвидя дурные поступки сестеръ, она, тотчасъ по удаленіи своемъ изъ Англіи, входитъ въ сношенія съ Кентомъ и содержитъ шпионовъ при дворахъ Реганы и Гонерилы. Извѣстіе объ изгнаніи Лира вполнѣ раскрываетъ предъ нами ея прекрасную душу; «въ такую ночь, говоритъ она, собака врага моего, еслибы она даже укусила меня, стояла-бы у огня моего»; подобными-же чертами изображаетъ Шекспиръ благочестивую, святую Марину въ Периклѣ. Извѣстіе, дошедшее до Корделии, извлекаетъ слезы изъ глазъ ея; она хочетъ преодолѣть свою печаль, но не въ-силахъ этого сдѣлать; она тронута, но въ сердцѣ ея, переполненномъ горестью, нѣтъ мѣста для гнѣва. Улыбка, играющая на губахъ ея, кажется, не знаетъ, что слезы наполняютъ глаза; она предается вполнѣ, со всей безпечностью и правдивостью своей натуры, чувству, которое наполняетъ ея душу. Также поступаетъ она въ дѣлѣ освобожденія отца. Съ этой минуты у нее только одна мысль — спасеніе Лира. Чувство дѣтской любви, которое въ первой сценѣ, гдѣ надо было его выражать словами, казалось притупленнымъ, теперь проявляется съ необыкновенной живостью въ каждомъ изъ ея поступковъ. Но она дѣйствуетъ еще необдуманнѣе, нежели говоритъ; сначала она страдала за свою правдивость, теперь дѣлается мученицей дѣтской любви. Простосердечіемъ и увлеченіемъ, съ которыми предается своимъ чувствамъ, она похожа на Дездемону. Корделия не взвѣшиваетъ своихъ поступковъ; увѣренная въ

справедливости своихъ словъ, она вначалѣ не подозрѣваетъ, что дѣлаеть слишкомъ мало для отца, отуманеннаго страстью, равно-какъ впоследствии дѣлаеть для него слишкомъ много, не замѣчая, что другіе способы привели-бы ее къ болѣе удовлетворительной развязкѣ. Авторъ ясно доказываетъ справедливость смерти Корделии и рѣзко обозначаетъ, почему Эдгаръ, дѣлающій для своего отца то-же самое, что Корделия для Лира, достоинъ лучшей участи; но это различіе въ ихъ судьбахъ и изъясняетъ намъ мысль поэта. Предусмотрительность и мудрободуманые замыслы Эдгара составляютъ совершенную противоположность характеру Корделии. Его способы всегда соотвѣтствуютъ цѣли, тогда-какъ Корделия дѣйствуетъ иначе. Чтобы возстановить власть отца, она вступаетъ въ Англію съ Французскими силами. Вся отвѣтственность этого шага падаетъ на нее одну; она со слезами вымаливаетъ у мужа его войска, тогда-какъ самъ король Французскій не желаетъ войны; онъ даже не пріѣзжаетъ съ Корделиею въ Англію (чего Стивенсъ и Тикъ не хотѣли понять, не смотря на очевидность факта), а остается во Франціи, гдѣ его удерживаютъ другія государственныя заботы. Мы знаемъ и вѣримъ, что не честолюбивые замыслы принудили Корделию взяться за оружіе, но ей-бы слѣдовало объявить свои намѣренія Альбани; волнуемая чувствомъ любви къ отцу, она забываетъ это сдѣлать. Корделия находитъ Лира въ Доверѣ и предоставляетъ маршалу начальство надъ войскомъ; этотъ послѣдній поступокъ еще яснѣе доказываетъ, что не для завоеваній пріѣхала она въ раздробленное и волнуемое междоусобіями государство. Враждебные и столь несхожіе между собой зятя, благородной Альбани и жестокосердый Эдмундъ, соединенными силами приготавливаются противустать опасности. Альбани выказывается гораздо предусмотрительнѣе Корделии. Со смерти Карнвалля, въ разладѣ съ Гонерильей, онъ стремится къ единодержавію. Однако, побѣдивъ Лира и Корделию, онъ объявляетъ союзникамъ, что война съ Франціей и дѣло Лира двѣ вещи разныя. Война, по его словамъ, беспокоитъ

его только до-тѣхъ-портъ, пока Французы наполняютъ Англію, но онъ нисколько не желаетъ лишиться власти стараго короля; напротивъ, онъ хочетъ поступить съ плѣнниками такъ, какъ этого требуетъ ихъ санъ и его *безопасность*. Подобное объясненіе между Корделіей и Альбани могло-бы отстранить войну и измѣнить развязку, но тогда Корделія измѣнила-бы своему характеру. Ея послѣдняя ошибка такова-же, какъ и первая: она не говоритъ о томъ, что само-собой разумѣется, а что сильно ее занимаетъ, того она не въ-силахъ выразить. Пока она жила и воевала, Альбани долженъ былъ опасаться, чтобы все его государство не присоединилось къ Франціи. Патриотизмъ Шекспира не допускалъ ни этой мысли, ни возможности побѣды надъ Британскими войсками въ ихъ собственной землѣ. Корделія, какъ и Дездемона, падаетъ жертвой судьбы и своей собственной природы; но событія, сопровождающія ея смерть, гораздо утѣшительнѣе. Она падаетъ въ бою, но прежде одерживаетъ побѣду, которой желаетъ: она исцѣляетъ физически и спасаетъ нравственно своего отца. Она пріѣзжаетъ въ Англію съ безграничной благодарностью къ Кенту, охранявшему безумнаго короля, и съ обѣщаніемъ отдать всѣ свои сокровища врачу, который его исцѣлитъ. Заботы объ отцѣ не дозволяютъ ей думать о своей собственной безопасности. Когда Лиръ узнаетъ о прибытіи Корделии, то отъ глубокаго чувства стыда не хочетъ ее видѣть. Предъ спящимъ стоитъ его дочь, пренеполненная нѣжныхъ ощущений; король просыпается — радостный трепеть объемлетъ ее и она снова не находитъ словъ для изліянія своихъ чувствованій. Лиръ говорить несвязно и безтолково, но рѣчи его соотвѣтствуютъ событіямъ и окружающимъ его предметамъ. Онъ страдаетъ отъ стыда передъ Корделіей, какъ въ мукахъ чистилища, и когда разсудокъ къ нему возвращается, имъ снова овладѣваетъ сомнѣніе; наконецъ въ полномъ разумѣ онъ узнаетъ ее и преклоняетъ передъ ней колѣна. Нѣжное и мягкое настроеніе его души насъ глубоко трогаетъ. Есть-ли въ драматическомъ искусствѣ, да и вообще въ поэзіи что-либо подобное этой потрясающей и радостной встрѣчѣ? Лихтенбергъ говоритъ, что воспоминаніе объ этой развѣ видѣнной имъ сценѣ покинетъ его только съ жизнью.



Намъ кажется, что ея одной достаточно для смягченія ужаснаго содержанія всей трагедіи. Въ плѣну у Эдмунда, Корделія узнаеть, что за лучшій свой поступокъ должно претерпѣть худшую участі; но она чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ. Она спрашиваетъ отца, не желаетъ-ли онъ видѣть ея сестеръ; это, быть можетъ, повело-бы къ его освобожденію, но Лиръ, еще не вполне отрезвившійся отъ радости свиданія, жаждетъ, какъ блаженства, уединенія темницы. Внутренняя жизнь пріобрѣтаетъ удивительную энергію въ этомъ человѣкѣ, который однако до конца не измѣняетъ своей прежней натурѣ. Онъ продолжаетъ проклинать дочерей и далѣе, къ нему еще возвращаются на мгновеніе его угасшія силы и онъ убиваетъ палача Корделіи. Еслибы онъ съ Корделіей побѣдилъ и остался живъ, месть вновь воспламенила-бы его; онъ не пріобрѣлъ-бы тогда нашего участія и не достигъ-бы мира и внутренняго спокойствія, до которыхъ его доводитъ авторъ. Смерть дочери принуждаетъ его остаться въ этомъ кроткомъ и тихомъ настроеніи духа, въ которомъ онъ переходитъ и въ лучшую жизнь. Его проклетіе: «Да успокоюсь я только въ могилѣ, если не лишу ее моей родительской любви», исполняется теперь, когда онъ возвращаетъ отверженной дочери свою нѣжность. Свиданіе съ Кентомъ, смерть Реганы и Гонерилы, возвращеніе къ власти — все это предъ трупомъ Корделіи для него не болѣе, какъ безсмысленный звукъ. «Большая развалина» не доступна болѣе для житейской радости. Къ успокоенію Кента и, надо сказать, къ нашему облегченію, Лиръ слѣдуетъ за умершею дочерью и освобождается отъ мукъ земной жизни. Въ ясномъ и тихомъ своемъ настроеніи духа онъ говоритъ Корделіи: «На жертвы эти сами боги сыплютъ оміамъ!» Въ ней признаеть онъ мученичество и исцѣленіе — предвозвѣстниковъ лучшихъ временъ. Шекспиръ такую и задумалъ ея смерть; если она, подобно Дездемонѣ, страдаетъ отъ собственной своей природы, то отчасти терпитъ, какъ Офелія, отъ ошибокъ своего времени, — ошибокъ, безъ которыхъ почти не существуетъ жертвъ. «У тебя есть дочь», говорится въ піесѣ королю, «которая избавляетъ свѣтъ отъ проклетія, вызваннаго двумя другими дочерьми». Для этихъ небесныхъ созданій Шекспира, этихъ чистыхъ, невинныхъ дѣ-

тей, склоняющихся подъ ударами судьбы . смерть составляет только переходъ въ лучшую жизнь . Въ такомъ смыслѣ смерть Корделии, искупающая отца и запечатлѣвающая кровью ея дѣтскую любовь, не есть для нея несчастье . Слова Кента о Корделии оправдываются здѣсь ею, равно-какъ и имъ самимъ : «Ея жизнь есть залогъ безопасности отца и защиты его противъ враговъ . Она не боится потерять ее , если этого потребуеть его спасеніе» .

Такимъ-образомъ мы видимъ въ Лирѣ трагическій исходъ цѣлой эпохи и цѣлаго жестокаго поколѣнія . Альбани говоритъ : «если боги не пошлютъ духовъ для страшнаго отмщенія за такія дѣла, тогда люди станутъ, какъ чудовища морскія, пожирать другъ друга» . Но боги мстятъ ; мы это видимъ : цѣлое поколѣніе само себя терзаетъ и уничтожается . Корнвалль дѣлается жертвой своей собственной ярости ; дочери Лира погибають одна отъ руки сестры, другая—отъ самоубійства, Эдмундъ—отъ меча брата, а Глостеръ и Лиръ—вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ . Когда свершается послѣдняя жертва и Лиръ выноситъ на рукахъ трупъ Корделии, Кентъ и Эдгаръ въ ужасѣ спрашиваютъ : «не послѣдній-ли день міра насталь?» Все поколѣніе, которое предъ нами жило и двигалось , исчезло ; только Альбани и Эдгаръ, благородные обѣтователи лучшихъ временъ , переживаютъ эту страшную эпоху, юное поколѣніе которой , какъ говорится въ заключеніи піесы , никогда не увидитъ столькихъ ужасовъ и страданій . Нравственное исцѣленіе распространилось на всю эпоху . Могущество боговъ признано Глостеромъ ; Лиръ, потерявшій въ нихъ вѣру, снова ее пріобрѣтаетъ, видя поступки дочери, которые, подобно ѳиміаму, возносятся къ небесамъ ; Эдгаръ признаетъ правосудіе неба и исполняетъ его надъ отцемъ и братомъ ; Кентъ съ радостью сбрасываетъ съ себя земную оболочку ; въ душу Эдмунда проникаетъ лучъ чувства ; Корделия, жертва судьбы, претерпѣваетъ мученическую смерть .

Давнопротекшія древнія и среднія вѣка представляютъ намъ образцы большихъ эпическихъ созданій , въ которыхъ также воспѣвается гибель дикихъ и жестокихъ поколѣній и появленіе новыхъ лучшихъ людей . Изъ страшныхъ , варварскихъ эпохъ ,

возникають, подобно Корделии, предвозвѣстницы лучшихъ временъ, Ифигенія и Пенелопы. Только съ этими древними эпопеями можно сравнить эпическую трагедію Лира. Драма не имѣетъ достаточнаго пространства, чтобы заключить въ свои предѣлы борьбы цѣлыхъ поколѣній и народовъ; она должна довольствоваться тѣмъ, что подобныя событія вносить въ нѣдра семейства. Но и въ этой узкой рамѣ она можетъ изображать весьма многое. Въ Лирѣ поэтъ приближается къ обширнымъ изображеніямъ народныхъ эпическихъ стихотвореній. Еслибы Аристотель видѣлъ эту трагедію, то впервые отдалъ-бы полную справедливость драмѣ, найдя, что она съ малыми способами достигаетъ великихъ цѣлей эпопей. Шекспиръ, хотя и могъ въ то время читать Гомера, не имѣлъ однако никакого умысла состязаться съ его величавыми произведеніями. Ему вполне удалось выполнить свою задачу и изобразить сильныя побужденія страстей. Онъ также мало помышлялъ объ этомъ смѣломъ сравненіи, какъ и томъ, что его Гамлетъ будетъ служить изображеніемъ позднѣйшихъ поколѣній. Ни въ какомъ другомъ произведеніи Шекспира не выразился непреложный инстинктъ его гения съ такимъ яснымъ сознаниемъ и въ такой тѣсной связи съ разумомъ. Но чтобы вполне понять изумительную и необъятную глубину инстинкта этого великаго трагическаго поэта, равно-какъ и то, какъ его драмы близко отстоятъ отъ эпической поэзіи, надо разсматривать Лира вмѣстѣ съ Цимбелиномъ. Замѣчательно, что въ древней Греціи и средневѣковой Германіи одно великое произведеніе вызываетъ вслѣдъ за собой подобное же ему другое; таковы Иліада и Одиссея, Нибелунги и Гудрунъ. Въ обѣихъ воспѣвается супружеская вѣрность, которая награждается послѣ многихъ испытаній. Еще удивительнѣе, что въ Цимбелинѣ выполнена подобная-же задача, и эта послѣдняя піеса какъ по содержанію, такъ и по формѣ находится въ такомъ-же отношеніи къ Лирѣ, какъ Одиссея къ Иліадѣ. Если отношеніе, существующее между этими произведеніями, не болѣе какъ случайная игра исторіи, то это одна изъ случайностей, скрывающихъ въ себѣ глубокий смыслъ и вполне заслуживающихъ нашего вниманія.

# ВВЕДЕНИЕ ВО ВСЕОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

В. ГУМБОЛЬДА.

(Продолженіе).

## § 20. Характеръ языковъ. Поэзія и проза.

Разсмотрѣвъ *грамматическое устройство и внѣшній составъ* языка въ цѣломъ объемѣ и въ самыхъ крупныхъ явленіяхъ, мы должны теперь сказать, что этимъ далеко еще не исчерпывается все существо его. Истинный *характеръ* языка собственно еще тоньше, сокрытъ глубже и менѣе доступенъ для анализа. Но вышеупомянутое строеніе языковъ, которымъ мы преимущественно занимались доселѣ, все-же остается необходимою твердою почвой, на которой можетъ пустить свои корни утонченнѣйшее и благороднѣйшее развитіе языка. Чтобы сдѣлать это понятнѣе, надобно еще разъ бросить взглядъ на общій *ходъ развитія* языковъ. Въ эпоху *образованія формъ* народный духъ больше занятъ самымъ языкомъ, нежели его цѣлю, больше способомъ выраженія, нежели тѣмъ, что выражается. Народъ усиливается создать для мысли выраженіе, и это усиленіе, при вдохновительномъ вліяніи созданнаго, вызываетъ и поддерживаетъ въ немъ силу творчества. Языкъ образуется, говоря сравнительно, какъ кристаллы въ физической природѣ. Образованіе происходитъ постепенно, но по одному закону. Свѣжее, животрепещущее созданіе духа, языкъ, естественно, долженъ овладѣвать направленіемъ умственныхъ силъ, и прео-

блданіе этого направленія дѣйствительно обнаруживается на языкахъ: чѣмъ они древнѣе, первобытнѣе, тѣмъ богаче и полнѣе ихъ формы. Эта полнота иногда видимо превышаетъ потребности мысли, и потому иногда въ языкахъ того-же племени, подъ вліяніемъ болѣе зрѣлаго умственнаго развитія, является умѣреннѣе. Когда эта кристаллизація совершилась, построенія языка кончено. Теперь орудіе готово, и народному духу предстоитъ пользоваться имъ и воплощаться въ немъ. Это осуществляется на самомъ дѣлѣ, и отъ способа, какъ выражается въ языкѣ народный духъ, каждый языкъ получаетъ свой колоритъ и характеръ.

Было-бы, впрочемъ, очень ошибочно думать, что означенныя два направленія въ развитіи языковъ и въ дѣйствительности такъ-же отдѣлены другъ отъ друга, какъ я съ намѣреніемъ здѣсь представилъ, чтобы показать ихъ различіе между собою. Позднѣйшее *дѣйствіе духа* въ употребленіи языка постоянно оказываетъ вліяніе и на самое строеніе, на образованіе формъ въ собственномъ смыслѣ: только это вліяніе утонченнѣе и отъ перваго взгляда иногда ускользаетъ. Въ исторіи человечества или народа нѣтъ періода, которому-бы собственно и исключительно можно было приписывать одно строеніе языка. Языкъ образуется живымъ словомъ, рѣчью; а рѣчь есть выраженіе мысли или чувства. Слѣдовательно особенность мысли и чувства, которая, какъ я сказалъ, сообщаетъ языку колоритъ и характеръ, должна дѣйствовать на языкъ съ первыхъ началъ его образованія. Но вѣрно то, что чѣмъ больше дѣлаетъ успѣховъ грамматическое образованіе языка, тѣмъ рѣже въ немъ встрѣчаются случаи, которые представляли-бы народному духу новую задачу для рѣшенія. Усиліе создать для мысли способъ выраженія становится все слабѣе, и чѣмъ больше пользуется народъ готовымъ запасомъ языка, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ въ немъ стремленіе къ творчеству и вмѣстѣ творческая сила. Съ другой стороны, количество сформированнаго матеріала возрастаетъ, и эта внѣшняя масса, дѣй-

ствуя въ свою очередь на духъ народа, заставляетъ его принимать свои собственные законы и тѣмъ стѣсняетъ свободное и самостоятельное дѣйствіе его разумности. Въ этихъ двухъ явленіяхъ обнаруживается то, что въ вышеуказанномъ различіи принадлежитъ не субъективному воззрѣнію, а дѣйствительному положенію дѣла. Итакъ, чтобы услѣдить дѣйствія духа въ развитіи языка, всегда надобно отличать грамматическій и лексикальный составъ его, какъ постоянный и внѣшній характеръ, отъ *характера внутренняго*, который какъ душа оживляетъ его и дѣлаетъ каждый языкъ способнымъ давать нашему уму особенное настроеніе, какъ-скоро мы начинаемъ усваивать его себѣ. Этимъ я отнюдь не думаю отрицать подобнаго свойства во внѣшнемъ строеніи языка. Собственная жизнь языка простирается по всѣмъ фибрамъ его и проникаетъ всѣ стихіи звука. Надобно только помнить, что область формъ отнюдь не единственная сфера для изслѣдованій филолога и что въ языкѣ есть нѣчто еще выше и первоначальнѣе, что надобно постигать по крайней-мѣрѣ гаданіями ума, гдѣ нельзя постигнуть строгимъ разсудкомъ. Въ языкахъ плодovitаго корня, разросшихся на множество вѣтвей на широкомъ пространствѣ, можно найти въ подтвержденіе сказаннаго осязательно ясныя примѣры. Языки Санскритскій, Греческій и Латинскій, по образованію словъ и словосочиненію, очень близки другъ къ другу и во многихъ случаяхъ одинаковы: тѣмъ не менѣе въ каждомъ изъ нихъ ощутительна индивидуальная особенность, — особенность характера не народовъ только, обнаруживающаяся посредствомъ языковъ видимо, но глубоко гнѣздящаяся въ самыхъ языкахъ и опредѣляющая ихъ особенное строеніе. Останавливаюсь здѣсь на этомъ различіи между началомъ, изъ котораго, какъ сказано, развивается *строеніе* языка, и между *характеромъ* его, и льщу себя увѣренностью, что это различіе не покажется слишкомъ рѣзкимъ и не будетъ сочтено за чисто-субъективное воззрѣніе.

Чтобы точно изслѣдовать *характеръ* языка, какъ противо-

положность организму, надобно бросить взглядъ на положеніе дѣла по окончаніи его устройства. Радостное изумленіе самому языку, ощущаемое при его воспроизведеніи въ живой рѣчи по требованію каждаго мгновенія, мало-по-малу уменьшается. Дѣятельность народа переходить больше на употребленіе языка и начинается, вмѣстѣ съ народнымъ духомъ, новое поприще, на которомъ ни того ни другаго дѣятеля нельзя назвать независимымъ другъ отъ друга, но гдѣ оба они взаимно имѣютъ нужду во вдохновительной помощи. Удивленіе и радость переходятъ теперь къ отдѣльнымъ изреченіямъ. Пѣсни, молитвенныя воззванія, изрѣченія, сказки, возбуждаютъ желаніе выдѣлить ихъ изъ потока мимолетнаго разговора: они сберегаются, разнообразятся, дѣлаются предметомъ подражанія— и вотъ первые зачатки *литературы*. Это образованіе духа и языка мало-по-малу переходитъ отъ совокупности народа въ преимущественное обладаніе отдѣльныхъ лицъ: языкъ передается въ руки *пѣвцовъ и учителей* народа, который мало-по-малу привыкаетъ отдѣлять ихъ отъ своей массы. Черезъ это языкъ получаетъ двойной видъ, и покуда между обѣими сторонами наблюдается правильное отношеніе, эти два состоянія служатъ для него источниками силы и совершенства, которые взаимно восполняютъ другъ друга.

Кромѣ этихъ двухъ дѣятелей, образующихъ и оживляющихъ языкъ своимъ участіемъ, впослѣдствіи являются *грамматики* и довершаютъ образованіе его организма. Имъ не принадлежитъ собственно творчество; они не могутъ навязать народу ни флексіи, ни обычая сливать съ словами приставки въ концѣ или въ началѣ. Но они выбрасываютъ одно, обобщаютъ другое, сглаживаютъ неровности, пополняютъ пробѣлы. Имъ справедливо можно приписывать въ языкахъ флексивныхъ схему склоненій и спряженій: потому-что они первые сводятъ въ одно относящіяся сюда случаи и выставляютъ полную ихъ совокупность. Въ этой сферѣ они являются истинными законодателями, возсоздавая впрочемъ эти законы изъ безпредѣльнаго

запаса подлежащаго имъ языка. Когда они такимъ образомъ доводятъ до общаго сознанія понятія о такихъ схемахъ, тогда формы, потерявшія собственное значеніе въ устахъ народа, снова получаютъ значеніе по мѣсту, какое занимаютъ въ схемѣ. Въ-теченіе времени языкъ не разъ можетъ подвергаться такой обработкѣ; но чтобы онъ дѣлался языкомъ образованнымъ, оставаясь въ то-же время народнымъ, надобно, чтобы онъ правильно и непрерывно переходилъ отъ народа въ руки писателей и грамматиковъ, а отъ нихъ обратно въ уста народа.

Покуда духъ народа продолжаетъ живо дѣйствовать своею особенностью въ самомъ себѣ и на языкъ, до-тѣхъ-поръ языкъ постоянно получаетъ приращенія и усовершенствованія, которыя, обратно, и на духъ народа оказываютъ вдохновительное вліяніе. Но можетъ настать и такое время, когда языкъ своимъ собственнымъ развитіемъ какъ-бы пересиливаетъ народный духъ, который, оставляя въ своемъ усыпленіи самобытное творчество, пускается въ пустую игру оборотами и формами, проистекшими первоначально изъ глубокомысленнаго употребленія. Это — вторая *дряклость* языка, если первую почесть потерю силы создавать внѣшнее строеніе языка. Теперь цвѣтъ характера вянетъ, но гений великихъ людей снова можетъ возбуждать къ жизни и языки и народы отъ этого усыпленія.

Языкъ пріобрѣтаетъ свой *характеръ* особенно въ періодъ *литературы* и въ предуготовляющія ее времена: ибо тогда онъ больше отдѣляется отъ повседневныхъ нуждъ матеріальной жизни и возвышается до чистаго развитія мыслей и свободнаго ихъ изображенія. Удивительно, какъ языки, кромѣ свойства, какое даетъ имъ внѣшнее строеніе, способны еще получать особенный характеръ отъ того, что отдѣльныя лица употребляютъ ихъ орудіемъ для выраженія своей духовной личности. Кромѣ различія по полу и возрасту, народъ совмѣщаетъ въ себѣ, можетъ быть, всѣ оттѣнки человѣческой природы. Даже держась одного направленія и занимаясь однимъ дѣломъ, люди



раличаются между собою по способу, какъ берутся за дѣло и какъ оно на нихъ дѣйствуетъ. А въ-отношеніи къ языку эти разницы еще значительнѣе, потому-что онъ способенъ входить во всѣ изгибы человѣческаго ума и сердца. Каждый человѣкъ употребляетъ слово для выраженія своей особенной личности: оно всегда истекаетъ отъ отдѣльнаго лица и каждое лицо пользуется имъ прежде всего лишь для самого себя. На всѣхъ достааетъ его, потому-что оно, хотя всегда скудно, однако удовлетворяетъ желанію каждаго выразить свои задушевные чувства. И нельзя сказать, чтобы проистекающія отсюда неровности сглаживались въ этомъ общемъ для всѣхъ органѣ. Въ языкѣ, конечно, есть переходы отъ одной особенности къ другой, и эти переходы дѣлаютъ возможнымъ взаимное разумѣніе между людьми; но самыя разности отъ этого скорѣе усиливаются, чѣмъ ослабляются: потому-что разъясненіемъ и утонченіемъ понятій въ языкѣ тѣмъ яснѣе доводится до сознанія, какъ глубоко лежатъ корни этихъ разностей въ особенномъ умственномъ настроеніи отдѣльныхъ лицъ. Возможность служить органомъ для такого разнообразія умственныхъ личностей предполагаетъ въ языкѣ, повидямому, скорѣе всего безхарактерность, которой однакожъ языки отнюдь не допускаютъ въ себѣ. На самомъ же дѣлѣ они совмѣщаютъ въ себѣ два противоположныя качества: каждый языкъ способенъ какъ-бы дѣлиться на безконечное множество языковъ для отдѣльныхъ личностей въ одномъ и томъ-же народѣ, и все это множество языковъ, въ-сравненіи съ языками другихъ народовъ, является однимъ цѣлымъ, которое рѣзко отличается своимъ характеромъ. Какъ различно понимается и употребляется отечественный языкъ отдѣльными лицами, довольно даетъ чувствовать даже ежедневный опытъ; но всего яснѣе это обнаруживается сравненіемъ лучшихъ писателей, изъ которыхъ каждый образуетъ себѣ свой языкъ. Различіе-же по характеру между разными языками ощутительно при первомъ сравнительномъ взглядѣ на Санскритскій, Греческій и Латинскій.

Способность языка служить органомъ для такого разнообразія умственныхъ личностей заключается въ самомъ глубокомъ основаніи собственнаго существа его. Слово — будемъ говорить лишь объ этой стихіи языка, чтобы упростить дѣло — слово не есть, какъ какая нибудь вещь, что-либо вполне законченное; оно даже не содержитъ въ себѣ готоваго, *замкнутаго* *помята*, а только побуждаетъ человѣка собственнымъ умомъ создавать понятіе, и создавать особеннымъ, опредѣленнымъ способомъ. Люди понимаютъ другъ друга не отъ того, чтобы дѣйствительно передавали другъ другу знаки вещей, и не отъ того, чтобы заставляли другъ друга воспроизводить въ себѣ совершенно одно и то-же понятіе: они понимаютъ другъ друга собственно потому, что своими словами трогаютъ одинъ въ другомъ одни и тѣ-же кольца цѣпи умственныхъ представленій и произведеній мысли, попадаютъ въ одинъ и тотъ-же ладъ умственнаго инструмента, вслѣдствіе чего и происходятъ въ каждомъ соотвѣтствующее, но отнюдь не вполне одинаковое понятіе. Только въ этихъ границахъ и съ этими разнидами мы сходимся другъ съ другомъ въ словѣ. При названіи самаго обыкновеннаго предмета, напр. лошади, всё мы разумѣемъ одно и то-же животное; но каждый изъ насъ соединяетъ съ этимъ названіемъ свое особенное представленіе, болѣе чувственное или болѣе отвлеченное, живое или бездушное въ родѣ мертваго звука и т. д. Отсюда происходитъ то, что въ нѣкоторыхъ языкахъ для одного предмета имѣется нѣсколько названій. Сколько этихъ именъ въ языкѣ, столько-же въ народномъ сознаніи представляется разныхъ свойствъ предмета, подъ образомъ которыхъ онъ разумѣется и которыхъ выраженіе ставится на его мѣстѣ. Но потрясеніе, производимое въ одномъ членѣ цѣпи, въ одной струнѣ инструмента, сообщается всей цѣпи, всѣмъ струнамъ, и всякое разумное изліяніе души имѣетъ сродство со всѣмъ, что на какомъ-бы то ни было разстояніи окружаетъ въ ней потрясенную при этомъ изліяніи часть внутренней жизни. Представленіе, побуждаемое словомъ въ разныхъ

лицахъ, отпечатывается особенностью каждаго лица, но всѣмъ выражается однимъ и тѣмъ-же звукомъ.

Но все разнообразіе умственныхъ личностей въ народѣ сливается въ одну общую, *національную форму*, которую умственная особенность одного народа отличается отъ подобной особенности всякаго другаго. Изъ этой общей формы народнаго духа и силою настроенія, сообщаемаго особенною формой каждаго языка, развивается въ нихъ характеръ. Каждый языкъ получаетъ опредѣленную особенность отъ особенности самаго народа и въ свою очередь на нее дѣйствуетъ своимъ опредѣленнымъ характеромъ. Правда, національный характеръ поддерживается, утверждается и въ нѣкоторой степени даже создается общею мѣстностью жилищъ и одинаковою виѣшнею дѣятельностью; но основаніемъ его служитъ собственно одинаковое *природное настроеніе*, которое объясняютъ обыкновенно *единствомъ происхожденія*. И дѣйствительно, здѣсь именно, въ народномъ происхожденіи сокрыта непроницаемая тайна тысячекратно-различнаго соединенія тѣла съ духовною силой, составляющей существо каждой человѣческой личности. Можно только спрашивать: нѣтъ-ли еще какого способа объяснить одинаковость природнаго настроенія въ массѣ народа? Но при ея объясненіи ни въ какомъ случаѣ нельзя миновать языка. Замѣчательно, что соединеніе звука съ его значеніемъ точно такъ-же недоступно изслѣдованію, какъ то природное настроеніе. Анализируй, сколько угодно, понятія; разлагай, сколько возможно, слова: отъ этого нисколько не будетъ яснѣе, какъ именно мысль совокупляется со звукомъ? Такимъ образомъ основа всякой національности и языкъ одинаковы другъ съ другомъ по своимъ первоначальнымъ отношеніямъ къ существу умственной особенности. Но языкъ содѣйствуетъ къ ея образованію очевидно и сильнѣе: на немъ преимущественно и должно основывать понятіе о народѣ. Такъ-какъ развитіе человѣческой природы зависитъ отъ языка, то въ немъ намъ непо-

средственно дано понятие о народѣ, какъ о массѣ людей, образующихъ себѣ языкъ по своему особенному способу.

Но языкъ обладаетъ также силой — отчуждать и роднить: онъ самъ отъ себя сообщаетъ національный характеръ народнымъ массамъ даже различнаго происхожденія. Этимъ именно полагается различіе между *племенемъ* и *народомъ*. Между членами перваго есть фактически-ясное родство; и одно и то-же племя можетъ разцвѣсть въ два народа. Касательно-же народовъ можетъ подлежать еще сомнѣнію, а касательно широко-распространившихся народовъ подлежитъ серьезному изслѣдованію: точно-ли всѣ, говорящіе одинаковыми языками, произошли отъ одного племени, или обязаны своею однородностью одинаковому природному настроенію въ самомъ началѣ, развивавшемуся подъ вліяніемъ одинаково-дѣйствовавшихъ причинъ, при распространеніи на одной и той-же полосѣ земли? Но какъ-бы ни объяснялись эти первобытныя, недоступныя нашему изслѣдованію причины, вѣрно то, что лишь *развитіе языка* переноситъ *національныя различія* въ болѣе свѣтлую область духа. Посредствомъ языка онѣ входятъ въ область сознанія и получаютъ отъ него предметы, на которыхъ онѣ необходимо должны отразиться,—предметы болѣе доступныя для разсматриванія, на которыхъ притомъ и самыя различія развиваются тоньше и опредѣленнѣе. Возводя человѣка на высшую, достижимую для него, степень разумности, языкъ все болѣе и болѣе высвобождается изъ темной области неразвитаго чувства. Служа орудіемъ умственнаго развитія человѣка, сами языки получаютъ столь опредѣленный характеръ, что по нимъ лучше можно узнавать народы, чѣмъ по ихъ нравамъ, обычаямъ и дѣяніямъ. Отъ того народы, не имѣющіе литературы, у которыхъ мы не довольно глубоко вникаемъ въ употребленіе языка, кажутся намъ однообразнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Мы не замѣчаемъ характеристическихъ чертъ, отличающихъ ихъ другъ отъ друга, потому-что смотримъ на нихъ не чрезъ ту среду, которая дѣлаетъ эти черты для насъ видимыми.

Въ отличіе отъ *внѣшней формы*, подъ которой и можно только представлять себѣ дѣйствительный языкъ, и въ противоположность ей, *характеръ языковъ* состоитъ въ особенномъ способѣ соединенія *мысли съ звуками*. Въ этомъ смыслѣ характеръ есть какъ-бы духъ, который водворяется въ языкѣ и одушевляетъ его, какъ тѣло, изъ него-же самого образованное. Этотъ духъ есть естественное слѣдствіе продолженнаго вліянія умственной особенности народа на языкъ. Употребляя общія значенія словъ въ приложенія къ однимъ и тѣмъ-же индивидуальнымъ явленіямъ, сопровождая ихъ однѣми и тѣми-же побочными идеями и чувствами, наблюдая одни и тѣ-же направленія въ сочетаніи идей и пользуясь свободой словосочиненія въ однихъ и тѣхъ-же размѣрахъ, въ какихъ можетъ позволять себѣ умственную смѣлость безъ вреда для вразумительности рѣчи, народъ сообщаетъ языку этимъ своеобразнымъ употребленіемъ особенный колоритъ и особенный оттѣнокъ, и языкъ съ своей стороны упрочиваетъ въ себѣ этотъ колоритъ и имъ-же обратно дѣйствуетъ на народъ. Поэтому изъ каждаго языка можно дѣлать заключенія о народномъ характерѣ. Явленія этого рода встрѣчаются даже въ языкахъ *народовъ* грубыхъ и *необразованныхъ* и часто открываютъ нашему взору такія особенности ума, какихъ на такой низкой степени образованія нельзя-бы, кажется, ожидать. Языки *Американскихъ* туземцевъ богаты подобными примѣрами; въ нихъ встрѣчаются смѣлыя метафоры, неожиданныя, но вѣрныя сближенія понятій, оживотворенія безжизненныхъ предметовъ силою фантазіи подъ вліяніемъ мыслящаго взгляда на существо ихъ, и т. д. Такъ эти языки, не имѣя грамматическихъ родовъ, дѣлаютъ различіе, и притомъ въ весьма обширномъ объемѣ, между одушевленными и неодушевленными предметами: этотъ взглядъ выходитъ у нихъ изъ грамматическаго распоряженія словами. Когда звѣзды они ставятъ въ грамматикѣ въ одинъ разрядъ съ людьми и животными, то, очевидно, они представляютъ ихъ движущимися собственною силою, и, вѣроятно, существами личны-

ми, которыя свыше управляютъ судьбами людей. Пересматривать въ этомъ смыслѣ словари нарѣчій такихъ народовъ составляетъ особенное удовольствіе, которое наводитъ на разныя размышленія; а если припомнимъ къ тому, что попытки настойчиваго разложенія формъ такихъ языковъ даютъ понять, какъ мы видѣли выше, умственную организацію, изъ которой возникло ихъ строеніе, то въ изученіи языковъ исчезаетъ все сухое и пошлое. Въ каждой части языка такое изученіе приводитъ къ тому внутреннему настроенію духа, которое во всеѣ эпохи человѣческаго образованія служитъ горниломъ глубочайшихъ воззрѣній, обильнѣйшей полноты мыслей и благороднѣйшихъ чувствъ.

Но объ этомъ внутреннемъ настроеніи духа рѣдко можно, или даже вовсе нельзя составить *цѣльнаго понятія*, если особенность какого-либо народа мы можемъ изучать только изъ отдѣльныхъ *стихій* его языка. Такое изученіе вообще дѣло трудное, и дѣйствительно оно возможно только тамъ, гдѣ міросозерцаніе народа внесено въ болѣе или менѣе обширную литературу и наложено въ видѣ печати на *составъ рѣчи* въ ея теченіи. Такъ-какъ всѣхъ намековъ, дѣлаемыхъ движеніемъ рѣчи, на значеніе отдѣльныхъ стихій и отгѣнковъ словосочиненія нельзя прямо подвести подъ опредѣленные грамматическія правила, то рѣчь содержитъ въ себѣ безпредѣльно много, чего никакъ нельзя найти въ тѣхъ-же самыхъ стихіяхъ, когда онѣ берутся внѣ состава рѣчи порознь. Полное значеніе слово получаетъ только въ составѣ рѣчи. Потому, для изслѣдованія языка со-стороны характера, требуется строгая критическая обработка его *письменныхъ памятниковъ*; мастерски-приготовленный матеріалъ этого рода найдется въ филологической обработкѣ *Греческихъ и Латинскихъ писателей*. Хотя высшую точку зрѣнія составляетъ здѣсь изученіе самаго языка во всемъ объемѣ, все-же это изученіе основывается ближайшимъ образомъ на изученіи его памятниковъ, имѣетъ цѣлю возстановить и сохранить ихъ въ возможной чистотѣ и вѣрности и восполь-

ваться ими, какъ достовѣрными источниками для познанія древности. Какъ ни тѣсно связано съ обработкой *памятниковъ языка* разложеніе его состава, отъискиваніе его связи съ родственными языками и только этимъ путемъ достижимое объясненіе его строенія, все-же это два разныя направленія языковислѣдованія, которыя требуютъ не одинаковыхъ способностей и не одинаковые производятъ результаты. Можетъ-быть, неумѣстно было-бы отличить такимъ образомъ *лингвистику* отъ *филологіи* и предоставить исключительно послѣдней то тѣснѣйшее значеніе, которое обыкновенно придавалось ей до нашего времени и которое только въ послѣдніе годы, особенно во Франціи и Англии, стали распространять на всякое занятіе какимъ-бы то ни было языкомъ. По меньшей мѣрѣ вѣрно то, что изученіе языковъ, о какомъ здѣсь говорится, можетъ опираться только на истинно-филологическую обработкѣ литературныхъ памятниковъ въ показанномъ нами смыслѣ. Тогда-какъ сильныя умы, прославившіе эту область учености въ послѣднія столѣтія, съ неутомимою добросовѣстностію устанавливаютъ употребленіе языка, свойственное каждому писателю, до мельчайшихъ видоизмѣненій звука, языкъ постоянно оказывается подъ господствующимъ влияніемъ умственной индивидуальности и раскрываетъ предъ нами эту связь настолько, что даетъ возможность отъискивать всѣ отдѣльные пункты, въ которыхъ она гнѣздится. Узнаешь въ одно время, что принадлежитъ и вѣку; и мѣсту, и лицу, и какъ всѣ эти разницы укладываются въ цѣломъ языкѣ. Познаніе этихъ частныхъ всегда сопровождается впечатлѣніемъ цѣлаго и явленіе нисколько не теряетъ своей особенности отъ разложенія.

На языкъ видимо дѣйствуетъ не только первоначальное строеніе *національной особенности*, но и всякая *перемѣна умственныхъ направленій* съ теченіемъ *времени*, всякое внѣшнее событіе, возвышающее или подавляющее душу и умственный полетъ народа, и особенно *вліяніе людей даровитыхъ*. Какъ вѣчный посредникъ между духомъ и природой, языкъ преобразуетъ

ся съ каждою новою степеню образованія духа; только слѣды этихъ преобразованій становятся все тоньше и неуловимѣе порознь, и фактъ дѣлается ощутительнымъ только въ общемъ впечатлѣніи. Никакой народъ не можетъ оживить и оплодотворить своимъ собственнымъ духомъ языкъ другаго народа, не преобразовавъ его чрезъ то самое въ иной языкъ. Что-же выше сказано о всякой индивидуальности, то имѣетъ полную силу и здѣсь. Каждая изъ нихъ, идя однимъ извѣстнымъ путемъ, конечно, исключаетъ всякую другую; но онѣ могутъ сходиться однѣ съ другими въ *общей цѣли*. Поэтому *различіе языковъ по характеру* нѣтъ надобности представлять безусловнымъ *преимуществомъ* одного предъ другимъ. А чтобы понять возможность образованія такого характера, надобно разсматривать то состояніе, въ которомъ народу приходится подвергнуть языкъ тому внутреннему дѣйствию, которое даетъ ему особый отпечатокъ.

Еслибы языкъ употреблялся только для *повседневныхъ нуждъ* жизни исключительно, то слова были-бы просто знаками выражаемыхъ намѣреній и желаній, а о *внутреннемъ воззрѣніи*, съ возможностью его разнообразія, не могло-бы быть и рѣчи. На мѣсто слова тогда тотчасъ и непосредственно становился-бы въ представленіи разговаривающихъ дѣйствительный предметъ или дѣйствительное дѣйствіе. Но такого языка, къ-счастію, не можетъ быть между людьми, какъ существами всегда мыслящими и чувствующими. Съ такимъ языкомъ можно по высшей мѣрѣ сравнивать ту смѣсь языковъ, которая образуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно приморскихъ, отъ прилива людей разныхъ націй и нарѣчій, какъ напр. lingua franca по берегамъ Средиземнаго моря. За исключеніемъ такого сброда словъ, во всѣхъ дѣйствительныхъ языкахъ повсюду удерживаютъ свои права личное *воззрѣніе* и индивидуальное *чувство*. Весьма вѣроятно даже, что первое употребленіе языка — еслибъ только можно было дойти до него — было просто выраженіе ощущенія. Выше (§ 9) я уже отозвался насчетъ



объясненія происхожденія языка *безпомощностью* отдѣльнаго лица. Самое *побужденіе* къ *общительности* между живыми существами происходит отнюдь не отъ безпомощности. Сильнѣйшій изъ звѣрей, слонъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое общительное существо. Жизнь и дѣятельность въ природѣ повсюду развивается изъ внутренней *свободы*, которой первоначальнаго источника напрасно было-бы искать въ области явленій. Что же касается до языковъ, то, конечно, въ каждомъ изъ нихъ, даже въ высшей степени образованномъ, встрѣчаются отдѣльные случаи вышеупомянутаго употребленія словъ. Кто приказываетъ срубить *дерево*, тотъ, естественно, не разумѣетъ ничего другаго, кромѣ извѣстнаго ствола; но совсѣмъ иное дѣло, когда это-же слово, даже безъ всякаго эпитета и приложенія, является въ описаніи природы или въ стихотвореніи. Различіемъ воззрѣнія по роду *настроенія души* разнымъ образомъ повышается *значеніе* однихъ и тѣхъ-же словъ, и въ каждомъ выраженіи какъ-бы бьетъ черезъ край неумѣстимое въ немъ значеніе.

Это различіе состоитъ, очевидно, въ томъ, что языкъ то оживляется въ употребленіи внутренними отношеніями къ цѣлой совокупности мыслей и чувствъ, то, вмѣстѣ съ какою-нибудь *отдѣльною дѣятельностью* души, односторонне употребляется для какой-нибудь ограниченной *цѣли*. Съ этой стороны онъ сильно ограничивается чисто *ученымъ* употребленіемъ, если оно не находится подъ господствующимъ вліяніемъ высшихъ идей, и столько-же, *обыденными потребностями* жизни, и даже еще сильнѣе, такъ-какъ къ нимъ примѣшивается чувство и страсть. Ни въ понятіяхъ, ни въ самомъ языкѣ, конечно, ничто не стоитъ *порожнь*. Но *совокупленія* только тогда истинно срастаются съ понятіями, когда душа въ своей внутренней дѣятельности сохраняетъ единство, когда зрѣлая *субъективность* освѣщаетъ собою полную *объективность*. Тогда не забывается ни одна сторона предмета, которою онъ можетъ дѣйствовать на душу, и каждое изъ этихъ дѣйствій оставляетъ лег-

кій слѣдъ въ языкѣ. Когда въ душѣ истинно пробуждается чувство того, что языкъ не есть только средство для взаимнаго общенія мыслями, а есть настоящій *миръ*, который умъ напряженіемъ собственной силы долженъ ставить между собою и *предметами*, тогда открывается прямой путь къ тому, чтобы находить въ языкѣ все болѣе и болѣе и столько-же обогащать его.

Гдѣ живо поддерживается такое взаимное дѣйствіе между заключеннымъ въ опредѣленные звуки языкомъ и между внутреннимъ воззрѣніемъ, которое безпрестанно тянетъ дальше въ глубь по самой своей природѣ, тамъ умъ не представляетъ себѣ языкъ *замкнутымъ*, а, соотвѣтственно дѣйствительной судьбѣ его быть вѣчно воспроизводимымъ, непрестанно стремится внести въ него что-нибудь *новое*, чтобы, воплотивъ въ него это новое, самому стать обратно подъ его *вліяніе*. А это предполагаетъ въ душѣ двойное дѣйствіе: *сознаніе* того, что есть нѣчто, чего языкъ не содержитъ въ себѣ непосредственно, но что, подъ его вдохновительнымъ вліяніемъ, дополняется душою, и *стремленіе* слить съ звукомъ все, что почувствовано ею. То и другое истекаетъ изъ живаго убѣжденія, что въ существѣ человѣка вложено предчувствіе области, *невмыслимой* въ границы языка, которыя сжимаютъ ее, и что языкъ въ то же время все-таки есть единственное средство извѣдать и оплодотворить эту область и что онъ именно, своимъ техническимъ и чувственнымъ совершенствомъ, способенъ претворять въ себя все болѣе и болѣе изъ ея содержанія. Это душевное настроеніе есть основа для *выраженія характера* въ языкѣ, и чѣмъ живѣе оно дѣйствуетъ въ этомъ двойномъ направленіи — въ отношеніи къ *чувственной формѣ* и къ глубинѣ *души*, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе выставляется въ языкѣ *особенность* характера. Языкъ становится какъ-бы все прозрачнѣе и даетъ видѣть внутренность говорящаго.

Просвѣчивающее такимъ образомъ сквозь языкъ не можетъ быть чѣмъ-то въ родѣ особыхъ стихій, порознь обозначаемыхъ объективно и квалитативно. Каждый языкъ могъ-бы

все обозначить только тогда, когда говорящій имъ народъ протекъ-бы всѣ степени своего развитія. Но у каждаго языка всегда остается часть, которая въ немъ еще таится, или и вѣчно остается затаенною, если онъ погибаетъ раньше ея развитія. Каждый языкъ, какъ и самъ человѣкъ, есть нѣчто *безпредѣльное*, постепенно развивающееся во времени. То просвѣчиваніе есть только чисто-субъективная и больше квантитативная *модификація* всего обозначаемого въ языкѣ. Оно является въ немъ не произведеніемъ дѣйствія, а самою *дѣйствующею силой* непосредственно и какъ-бы только обдаетъ своимъ дыханіемъ всѣ явленія языка какимъ-то особеннымъ, нелегко объяснимымъ образомъ. *Человѣкъ* представляетъ себѣ *міръ* всегда въ *единствѣ*. Онъ понимаетъ предметы и обращается съ ними всегда въ одномъ и томъ-же направленіи, съ одной и тою-же цѣлью, при одинаковой мѣрѣ движенія. На этомъ единствѣ основывается его *индивидуальность*. А въ этомъ единствѣ содержатся двѣ разныя стихіи, хотя онѣ опредѣляютъ другъ друга, именно: свойство *дѣйствующей силы* и свойство *длительности*, какъ въ вещественномъ мірѣ движущееся тѣло отличается отъ толчка, опредѣляющаго силу, скорость и продолжительность его движенія. Мы имѣемъ въ виду первое, когда приписываемъ какому-либо народу особенную живость возрѣнія и творческую силу воображенія, особенную склонность къ отвлеченнымъ идеямъ, или рѣшительность практическаго направленія; и разумѣемъ второе, когда называемъ одинъ народъ горячѣе, измѣнчивѣе, быстрѣе другаго въ оборотѣ идей, постояннѣе въ своихъ чувствахъ. Такимъ-образомъ мы отличаемъ въ этихъ двухъ взглядахъ *бытіе* отъ *длительности*, и первое, какъ невидимую первоначальную причину, противопоставляемъ мышленію, чувству и дѣятельности, обнаруживающимся въ явленіи. А подъ бытіемъ мы разумѣемъ здѣсь не отдѣльное существо того или другаго лица, а бытіе всеобщее, которому подчинено каждое отдѣльное лицо. *Изображеніе характера* въ какомъ-бы то ни было отношеніи тогда только можетъ исчерпывать свой

предметъ, когда будетъ имѣть въ виду это бытіе, какъ конечный пунктъ своего изслѣдованія.

Если мы прослѣдимъ всю внутреннюю и внѣшнюю *дѣятельность* *человѣка* до этихъ послѣднихъ пунктовъ, до простѣйшихъ ея зародышей, то найдемъ, что они состоятъ въ томъ или другомъ способѣ, какъ *человѣкъ* принимаетъ *дѣйствительность* за свой объектъ, смотря по тому, связываетъ-ли онъ ее съ собою, какъ вещество, которое онъ формируетъ, или прокладываетъ себѣ свой особенный путь независимо отъ нея. Какъ глубоко и какимъ путемъ *человѣкъ* вѣдряется въ *дѣйствительность*, это составляетъ первоначальный характеристическій признакъ его индивидуальности. Виды связывающихъ его съ нею отношеній могутъ быть безчисленны, смотря по тому, обнаруживаются-ли съ той и съ другой стороны попытки отдѣлиться другъ отъ друга, хотя ни *дѣйствительность*, ни *внутренняя личность* *человѣка* не могутъ вовсе обойтись другъ безъ друга, или онѣ вступаютъ между собою въ различныя, по степени и направленію, связи.

Отнюдь не должно думать, что этотъ масштабъ можетъ имѣть приложеніе только къ народамъ уже *интеллектуально-образованнымъ*. Даже въ выраженіяхъ радости въ толпѣ *дикарей* можно замѣчать, насколько она отличается отъ простаго удовлетворенія грубыхъ потребностей, и вырывается-ли она изъ глубины души, какъ истинно-человѣческое чувство, какъ настоящая искра небеснаго огня, которой суждено нѣкогда разгорѣться въ яркое пламя пѣсни, поэзіи. *Характеръ народа* раскрывается, конечно, во всемъ, что составляетъ его истинную собственность, но въ *языкъ* — по преимуществу. Сливаясь со всѣми обнаруженіями души, *языкъ* уже отсюда большею частію выноситъ особый отпечатокъ, всегда равный самому себѣ. Но онъ связывается такими нѣжными и задушевными связями съ *индивидуальностью* еще и отъ того, что при передачѣ мыслей онъ всегда въ одинаковомъ видѣ долженъ вторгаться въ душу другаго, чтобы быть для него вполне понятнымъ. Поэтому душѣ другаго передается вся особенность говорящаго, — конечно,

не для того, чтобы стѣснить собственную личность другаго, а чтобы изъ той и другой образовать новую плодотворную противоположность.

Не всякій народъ по своей національной особенности съ одинаковою силою чувствуетъ различіе между *веществомъ*, которое душа принимаетъ въ себя или производитъ изъ себя самой, и между *силою*, которая даетъ ей движеніе и настроеніе въ этой двойной дѣятельности, или, какъ выше было сказано, между *дѣйствіемъ* и дѣйствующею *силою*; не всякій правильно и соразмѣрно относительно обоихъ даетъ тому и другому значеніе, не всякій даже одинаково ясно чувствуетъ перевѣсъ того или другаго въ своемъ сознаніи. Если мы будемъ глубже отыскивать источникъ этого различія между народами, то найдемъ его въ большей или меньшей мѣрѣ ощущенія необходимости связи между всѣми мыслями и чувствами *отдѣльною* лица во все продолженіе его бытія и такой-же связи во всемъ, что онъ чувствуетъ и предполагаетъ въ *природѣ*. Все, что производится душою въ извѣстное мгновеніе, есть только частица чего-то, и чѣмъ подвижнѣе и живѣе ея дѣятельность, тѣмъ сильнѣе затрогивается все родственное въ какой-бы то ни было степени съ произведеннымъ. Такимъ образомъ каждая *отдѣльная частность*, при своемъ опредѣленномъ содержаніи, сверкаетъ еще чѣмъ-то, менѣе доступнымъ для выраженія, или, лучше, въ каждой частности есть какой-то намекъ на то, что въ ней не выказано непосредственно, потому требуетъ дальнѣйшаго *развитія*, и передаваясь другому лицу въ словѣ, вызываетъ его пополнить недосказанное собственною мыслию, но въ совершенной гармоніи съ высказаннымъ. Гдѣ живо понимается эта сторона выраженія, тамъ языкъ кажется бѣднымъ, недостаточнымъ для полного выраженія; въ противномъ-же случаѣ едва ли догадываются, что въ словѣ можетъ недоставать чего-то сверхъ выражаемаго имъ прямо. Между этими двумя крайностями есть безчисленное множество среднихъ степеней; а сами

крайности основываются, очевидно, на преобладании направле-  
ния или въ глубину души или ко вы́шней дѣйствительности.

Самый поучительный примѣръ во всей области развитія характера, Греки, въ своей поэзи вообще, и особенно въ лирической, соединяли съ словами пѣніе, инструментальную музыку, танцы и мимику. Они дѣлали это не для того, чтобы только умножить и уразнообразить чувственное впечатлѣніе: это видно изъ того, что всѣмъ этимъ дѣйствіямъ они придавали однородный характеръ. Музыка, танцы и діалектическая рѣчь должны были подчиняться одной и той-же искони національной особенности, быть въ Дорическомъ, Эолическомъ или въ иномъ тонѣ и нарѣчїи. Такимъ образомъ Греки добивались того, что возбуждаетъ и настраиваетъ душу, чтобы мыслямъ пѣсни дать особеннаго рода ходъ, и въ этотъ ходъ оживить и усилить ихъ особеннымъ возбужденіемъ души, которое по своему значенію отлично отъ идеи. Въ поэзи, въ пѣсни первое мѣсто занимаютъ слова и ихъ идеальное содержаніе, а извѣстное настроеніе и возбужденіе души только сопровождаетъ ихъ: въ музыкѣ наоборотъ. Душа только вдохновляется и воспаляется ею къ мыслямъ, чувствамъ и дѣйствіямъ, которыя изъ вѣдръ этого одушевленія должны возникать сами собою, своимъ особеннымъ путемъ: звуки музыки опредѣляютъ ихъ лишь тѣмъ, что въ томъ родѣ настроенія, какое даютъ они, могутъ развиваться только извѣстнаго рода мысли и чувства. Но чувствовать возбуждающее и настраивающее душу, какъ это видно здѣсь на Грекахъ, всегда значитъ чувствовать присутствующую или предполагаемую индивидуальность: потому-что сила, овладѣвающая всею дѣятельностью души, непремѣнно должна быть опредѣленною силой, и дѣйствовать въ духѣ своей опредѣленности.

Итакъ если я выше находилъ что-то *немыслимое въ словъ*, скучно имъ выражаемое, то этотъ избытокъ, очевидно, нельзя представлять чѣмъ-то вовсе неопредѣленнымъ. Напротивъ, я разумю самое опредѣленное въ выражаемомъ содержаніи: оно

довершает индивидуальность послѣдними чертами, чего не можетъ сдѣлать, само по себѣ, отдѣльное слово, всегда менѣе способное индивидуализировать содержаніе, по причинѣ своей зависимости отъ объекта, и по причинѣ требуемой отъ него общности значенія. И если дѣйствующее здѣсь чувство предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе *внутреннее*, менѣе зависящее отъ предметовъ настроеніе души, и можетъ возникать только изъ этого настроенія, то оно не уводитъ поэтому отъ живаго воззрѣнія въ отвлеченное мышленіе. Напротивъ, исходя изъ собственной индивидуальности, оно пробуждаетъ требованіе самой рѣшительной *индивидуализаціи предмета*, которая достижима только посредствомъ вниканія во всѣ подробности чувственнаго воззрѣнія и посредствомъ самой живой наглядности изображенія. Это показываютъ намъ опять тѣ-же Греки. Ихъ смыслъ былъ заинтересованъ преимущественно тѣмъ, какъ существуютъ и какъ являются вещи сами по себѣ, не ограничиваясь одностороннимъ значеніемъ, какое давалъ имъ обычай дѣйствительности. Ихъ направленіе было, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ *внутреннее* и *интеллектуальное*. Это доказываетъ вся ихъ частная и общественная жизнь, въ которой все или проникалось нравственными цѣлями, или сопровождалось искусствомъ, или, всего чаще, нравственные стихіи совмѣщались съ самымъ искусствомъ. Почти каждая внѣшняя форма жизни у нихъ напоминаетъ внутреннюю, часто съ помѣхой или даже прямо со вредомъ для удобства въ практикѣ. По тому-же самому они во всякой дѣятельности духа имѣли въ виду понять и изобразить *характеръ*, всегда впрочемъ чувствуя, что понять и выразить его можно, только вполнѣ вникнувъ въ чувственное воззрѣніе, и что цѣлость духовной дѣятельности, хотя никогда вполнѣ невыразимая, можетъ являться въ изображеніи только при совокупленіи подробностей, подъ руководствомъ вѣрнаго такта, прямо стремящагося къ ихъ единству. Это-то дѣлаетъ ихъ *поэзію*, особенно *древнѣйшую*, именно Гомерическую, такъ рѣшительно повсюду *пла-*

*стическою*. Природа выставляется, какъ она есть; дѣйствіе, даже самое незначительное, напр. возложеніе на себя оружія, развивается постепенно, какъ оно происходитъ въ дѣйствительности, и изображеніе всегда имѣетъ характеръ, не спускаясь до простаго пересказыванія бывшаго. Характеръ этотъ зависитъ не столько отъ выбора изображаемыхъ подробностей, столько отъ того, что по всему изображенію разливадается и передается слушателю могучая сила пѣвца, одушевленнаго чувствомъ индивидуальности и стремящагося къ индивидуализаціи. Благодаря этой особенноти духа, интеллектуальность заставляла Грековъ входить во все разнообразіе жизни чувственнаго міра, а этотъ, вслѣдствіе того, что они все-таки искали въ немъ собственно принадлежащаго только идеѣ, опять возводилъ ихъ къ интеллектуальности. Ихъ цѣлью всегда былъ характеръ, а не характерическія мелочи: чувствовать первый совѣтъ не одно и то-же, что ловить послѣдній. Это направленіе къ истинному индивидуальному характеру вмѣстѣ вело ихъ за тѣмъ къ *идеальности*, такъ-какъ совокупность индивидуальностей ведетъ къ высшей степени пониманія,—къ стремленію уничтожить индивидуальное, какъ ограниченіе, и сохранить оное только въ качествѣ легкой границы извѣстнаго состоянія. Отсюда произошло совершенство Греческаго *искусства* — воспроизведеніе природы изъ центра живаго организма каждаго предмета, удававшееся по причинѣ стремленія къ возможно-высшему единству идеала, при самомъ полномъ вниканіи въ дѣйствительность.

Между-тѣмъ въ историческомъ развитіи Греческаго народа было также, что предрасполагало его по-преимуществу къ образованію характеристическихъ особенностей, именно: раздѣленіе народа на *племена*, различныя по нарѣчіямъ и умственному взгляду, и географическое *смѣшеніе* ихъ вслѣдствіе многоразличныхъ странствованій и свойственной имъ природѣ подвижности. Всѣ эти племена соединялъ общій Греческій духъ и въ то-же время каждому давалъ особый отпечатокъ во всѣхъ обнаруженіяхъ дѣятельности, отъ государственнаго устройства



до тоновъ игры на флейтѣ. Къ этому еще исторически присоединилось другое благопріятное обстоятельство: ни одно изъ этихъ племенъ не подавляло другое, но всѣ процвѣтали въ какомъ-то равенствѣ стремленій; ни одинъ изъ *діалектовъ* не былъ уничтоженъ до значенія простонароднаго нарѣчія, ни одинъ не былъ возведенъ въ достоинство всеобщаго образованнаго языка, и это одинаковое процвѣтаніе особенности каждаго всего сильнѣе и рѣшительнѣе было именно въ періодъ самаго живаго, самаго могучаго развитія языка и народа. Отсюда-то образовался Греческій взглядъ, расположенный ожидать всего высокаго отъ самой рѣшительной индивидуальности, чего въ такой степени не видно ни у кого изъ другихъ народовъ. Греческій взглядъ признавалъ эти первоначальныя народныя особенности за *виды искусства*, и такимъ образомъ ввелъ ихъ въ архитектуру, музыку, поэзію и въ благороднѣйшее употребленіе языка (\*). Отъ простонароднаго онѣ были очищены; звуки и формы распределены по нарѣчіямъ и подчинены чувству изящества и благозвучія: облагороженные такимъ образомъ, они возвысились въ значеніе особенныхъ характеровъ стиля и поэзіи, оставаясь способными идти другъ съ другомъ

---

(\*) Тѣсную связь между народностью разныхъ Греческихъ племенъ и ихъ поэзіей, музыкой, танцами и мимикой и даже архитектурой въ ясномъ и полномъ свѣтѣ выставилъ Бѣкъ въ своихъ разсужденіяхъ при изданіи Пиндара, гдѣ читатель найдетъ для изученія богатый запасъ разнородной и донинѣ большаю частію никому недоступной учености, изложенный въ методическомъ порядкѣ. Авторъ не довольствуется изображеніемъ характера разныхъ Греческихъ тоновъ только въ общихъ выраженіяхъ, но входитъ въ музыкальныя и метрическія подробности, въ которыхъ состояло различіе тоновъ, чего до-сихъ-поръ никѣмъ еще не было сдѣлано такъ положительно-исторически и такъ строго-научнымъ образомъ. Чрезвычайно желательно, чтобы этотъ филологъ, совмѣщающій въ себѣ обширнѣйшее знаніе языка въ необычайнымъ прозрѣніемъ въ Греческую древность во всѣхъ ея частяхъ и во всѣхъ направленіяхъ, поскорѣ приступилъ къ исполненію своего намѣренія рассмотреть въ особомъ сочиненіи вліяніе характера и нравовъ разныхъ Греческихъ племенъ на ихъ музыку, поэзію и искусство, чтобы объяснить этотъ важный предметъ во всемъ его объемѣ. Отзывъ Бѣка объ этомъ намѣреніи въ его изданіи Пиндара том. I de metris Pindari p. 253 nt. 14, и особенно p. 279.

объ-руку въ своей противоположности и восполнять ею другъ друга. Едва-ли нужно объяснять, что я говорю здѣсь объ употребленіи разныхъ тоновъ и діалектовъ только въ лирической поэзіи и о различіи хоровъ отъ діалоговъ въ трагедіи, в отстраняю тѣ случаи, когда разные нарѣчія влагаются въ уста дѣйствующихъ лицъ въ комедіи. Эти случаи ничего не имѣютъ съ тѣми общаго и, конечно, болѣе или менѣе встрѣчаются въ литературахъ всѣхъ народовъ.

У *Римлянъ*, какъ-бы они ни выражали свою народную особенность въ языкѣ и литературѣ, несравненно менѣе обнаруживается чувство надобности снабжать обнаруженія души непосредственнымъ вліяніемъ силы, дѣйствующей на ея настроеніе. Ихъ совершенство и величіе развивалось инымъ путемъ, болѣе соотвѣтствующимъ тому характеру, какимъ они запечатлѣли свои внѣшнія судьбы. Напротивъ, въ *Нѣмецкомъ* духѣ выше-помянутое чувство, можетъ быть, не менѣе сильно, чѣмъ у Грековъ: только послѣдніе одушевляютъ индивидуальностью внѣшнее *воззрѣніе*, а первые больше внутреннее *чувство*.

Чувство того, что все порождаемое *душою*, какъ изліяніе одной *силы*, составляетъ обширное цѣлое, и что каждая часть какъ-бы отъ дыханія этой силы непрѣмѣнно получаетъ при-знакъ своей связи съ цѣлымъ, это чувство я разсматривалъ досихъ-поръ больше въ его вліяніи на отдѣльныя обнаруженія души. Но не менѣе значительное дѣйствіе оно оказываетъ еще на способъ, какъ эта сила, первая виновница всѣхъ произведеній духа, достигаетъ до сознанія самой себя. Первоначальная сила человѣка можетъ являться ему только въ видѣ стремленія по опредѣленному пути: это предполагаетъ цѣль, которою можетъ быть только *идеаль* *человѣка*. Въ этомъ-то зеркалѣ мы можемъ видѣть самосозерпаніе народовъ. Первѣйшимъ доказательствомъ ихъ высшей разумности и глубочайшей внутренней самостоятельности бываетъ то, когда они не ограничиваютъ этотъ идеаль предѣлами годности для опредѣленныхъ цѣлей, а представляютъ его себѣ чѣмъ-то такимъ, что можетъ искать

себѣ цѣли только въ своемъ собственномъ осуществленіи и что постепенно возникаетъ къ нескончаемому развитію: такое представленіе идеала даетъ народу внутреннюю свободу и всеобъемлющую многосторонность. Но и при этомъ первомъ условіи и при постоянно одинаковой чистотѣ его, изъ индивидуальнаго стремленія, по различію его направленія въ сферу чувственнаго созерцанія, внутренняго *чувства* и отвлеченаго *мышленія*, возникаютъ разныя явленія. Въ каждой изъ нихъ *міръ*, окружающій человѣка и воспринимаемый имъ другою стороною, отражается иначе. Во внѣшней природѣ — выставимъ здѣсь эту черту—все образуетъ непрерывные ряды, въ которыхъ въ одно время совершается развитіе разныхъ состояній другъ изъ друга. То-же самое бываетъ и въ пластическомъ искусствѣ. У Грековъ, умѣвшихъ извлекать самое полное и самое тонкое значеніе изъ внѣшняго, чувственнаго созерцанія, можетъ быть, самую характеристическую черту ихъ умственной дѣятельности составляетъ ихъ отвращеніе отъ всего преувеличеннаго, всего чрезмѣрнаго, и—при всей живости и свободѣ ихъ воображенія, при всей наружной необузданности чувства, при измѣнчивости душевныхъ настроеній, при подвижности воли отъ одного намѣренія къ другому,—ихъ врожденная склонность держать въ границахъ равновѣсія и гармонія все, что у нихъ развивалось. Они обладали больше всякаго другаго народа тактомъ и вкусомъ, и вкусъ, обнаруживающійся въ ихъ твореніяхъ, попреимуществу отличается еще тѣмъ, что оскорбленіе деликатности чувства никогда не избѣгалось съ ущербомъ для его силы или естественности. Внутреннее чувство, даже не уклоняясь отъ правильнаго пути развитія, допускаетъ болѣе сильныя противорѣчія, болѣе рѣзкіе переходы, раздвоенія души непроходимую бездною. Всѣ эти явленія обыкновенны потому у новѣйшихъ народовъ, хотя начинаются уже у Римлянъ.

*Различіе* народовъ по особенностямъ духа представляетъ поле неизмѣримой обширности и неизслѣдимой глубины. Ходъ настоящихъ изслѣдованій не позволилъ мнѣ оставить его

вовсе нетронутымъ ; но можетъ показаться, что *характера народовъ* я слишкомъ много искалъ во внутреннемъ *настроении души*, тогда-какъ онъ, напротивъ, живо и наглядно раскрывается въ *дѣятельности*. Кромѣ языка и словесныхъ произведеній, онъ обнаруживается въ физиономіи, тѣлосложеніи, одеждѣ, нравахъ, образѣ жизни, семейныхъ и гражданскихъ постановленіяхъ и всего прежде въ томъ духѣ, какимъ народы въ-теченіе вѣковъ ознаменовываютъ свои произведенія и дѣянія. Эта живая картина какъ-будто превращается въ какую-то тѣнь, какъ-скоро ищутъ образованія характера въ душевномъ настроеніи, лежащемъ въ основаніи тѣхъ живыхъ обнаруженій. Но чтобы показать вліяніе характера на *языкъ*, мнѣ казалось невозможнымъ обойтись безъ этого приема. Языкъ нельзя повсюду непосредственно связать съ тѣми фактическими обнаруженіями характера. Надобно было найти нѣчто среднее, въ чемъ-бы они сходились съ языкомъ, и выходя изъ одного источника, потомъ пролагали-бы себѣ особенные пути. Такимъ посредникомъ служить, очевидно, внутренняя глубина самого духа.

Столь-же трудно, какъ опредѣлить *особенность* духа, отвѣтить на вопросъ: какъ она виѣдряется въ языкъ? гдѣ скрывается въ языкахъ ихъ *характеръ*? Въ какихъ частяхъ языка можно уловить его? Умственная особенность народовъ въ употребленіи ихъ языковъ видима на всѣхъ стадіяхъ ихъ жизни. Ея вліяніе *отпльляетъ* и языки разнаго происхожденія, и языки одного и того-же корня, и нарѣчія одного языка, и наконецъ одно и то-же нарѣчіе, по различію вѣковъ и писателей. Въ послѣднемъ случаѣ характеръ языка примѣшивается къ *стилю*, но собственно принадлежитъ все-таки языку, потому что во всякомъ языкѣ только нѣкоторые роды стіля легки и естественны. Если будемъ наблюдать въ вышеисчисленныхъ случаяхъ, различны-ли самыя *звуки* въ словахъ и окончаніяхъ, какъ бываетъ въ разныхъ степеняхъ преобразованій того или другаго языка до нарѣчій, или вліяніе умственной осо-

бенности ограничивается употребленіемъ *словъ* и *синтаксическихъ оборотовъ*, тогда-какъ *внѣшняя форма* остается вовсе, или, по крайней-мѣрѣ, въ сущности безъ перемѣны то увидимъ, что въ послѣднемъ случаѣ вліяніе духа виднѣе, но тоньше, такъ-какъ здѣсь языкъ достигаетъ уже высшаго интеллектуальнаго развитія, а въ первомъ случаѣ оно сильнѣе, но менѣе замѣтно, потому-что связь звука съ душою можно опредѣленно узнавать и объяснять только въ немногихъ случаяхъ. Можно, впрочемъ, даже въ діалектахъ, мелкія преобразования отдѣльныхъ гласныхъ, мало измѣняющія языкъ въ цѣломъ, не безъ основанія приводить въ связь съ душевными качествами народа, какъ замѣтили уже Греческіе грамматикѣ о мужественномъ дорическомъ *a* въ противоположность изгнѣженному (*древне*)-Ионическому *ae* (η).

Въ эпоху первоначальнаго *образованія языка*, куда, соотвѣтственно нашей точкѣ зрѣнія, мы должны возводить разноплеменные непроезжимые другъ отъ друга языки, преобладаетъ стремленіе выработать его строеніе истинно изъ самого духа, т. е. строеніе, наглядно имъ представляемое и живо понятное слушающему: при этой озабоченности души создать технику языка, вліяніе ея индивидуальнаго настроенія нѣкоторымъ образомъ затемняется. Покойнѣе и яснѣе оно обнаруживается въ позднѣйшемъ употребленіи языка; но все-же и этому всего сильнѣе и значителнѣе содѣйствуетъ, безъ сомнѣнія, первоначальное основаніе *народнаго характера*. Это содѣйствіе мы ясно видимъ на двухъ пунктахъ, которые, характеризуя интеллектуальное настроеніе въ цѣломъ, опредѣляютъ тѣмъ самымъ множество другихъ частныхъ. Вышеуказанные въ разныхъ языкахъ способы *соединенія* стихій въ *предложеніе* составляютъ самую важную часть ихъ техники. Здѣсь-то именно, во-первыхъ, развертывается ясность и опредѣленность логическаго порядка, который одинъ даетъ надежное основаніе для вольнаго полета мыслей и вмѣстѣ устанавливаетъ правильность и границы интеллектуальной дѣятельности; и здѣсь-же, во-вторыхъ, болѣе или

менѣе замѣтно обнаруживается требованіе чувственнаго богатства и гармоніи, потребность души давать внѣшнюю оболочку звукомъ всему, что только понято и почувствовано ею внутри. Но въ этой технической формѣ языковъ, навѣрное, скрываются еще слѣды другихъ, болѣе специальныхъ особенностей народовъ, хотя ихъ нельзя съ такой-же увѣренностью выводить изъ самыхъ явленій. Не ясно-ли, напримѣръ, что тонкое различіе между множествомъ гласныхъ и ихъ положеній и умное употребленіе ихъ, притомъ недопускающее другаго способа слсвообразования и сопровождаемое отвращеніемъ отъ словосложенія, не ясно-ли, что эта тонкость звуковаго смысла обнаруживаетъ и поддерживаетъ въ народахъ семитическаго племени, особенно у Арабовъ, перевѣсъ остраго, замысловатаго разсудка? Этому, повидимому, противорѣчитъ картинность Арабскаго языка. Но, если не будетъ слишкомъ изысканною утонченностью, я готовъ сказать, что картинность даютъ ему только разъ когда-то въ немъ образовавшіяся слова, а самъ языкъ, въ-сравненіи съ Санскритскимъ и Греческимъ, гораздо меньше имѣетъ средствъ давать вольный полетъ развитію всякаго рода поэзіи изъ самой себя. Мнѣ кажется вѣрнымъ по крайней мѣрѣ, что то состояніе языка, когда онъ, какъ вѣрный представитель своей эпохи, содержитъ въ себѣ много поэтически-образованныхъ частныхъ, надобно отличать отъ того состоянія, когда самый организмъ его, въ звукахъ, въ формахъ, въ оборотахъ и конструкціи рѣчи, представляемыхъ свободному употребленію, усѣянъ незаглушимыми ростками вѣчно дающей отпрыски поэзіи. Въ первомъ изъ упомянутыхъ состояній разъ оттиснутыя формы мало-по-малу застываютъ и ихъ содержаніе чувствуется уже безъ вдохновительнаго вліянія. Въ послѣднемъ поэтическая форма языка можетъ усваивать себѣ самъ-собою умножающійся матеріалъ все въ новой свѣжести, смотря по степени умственаго образованія каждаго вѣка и по роду гения писателей. Сказанное выше по поводу флексивной системы и здѣсь находитъ себѣ под-

твержденіе. Истинное преимущество языковъ другъ передъ другомъ состоитъ въ мѣрѣ ихъ способности всѣмъ ходомъ своего развитія настраивать духъ къ дѣятельности по опредѣленнымъ законамъ и къ развитію каждой его способности, или, выражая вліяніе духа на языки, въ той мѣрѣ, въ какой они носятъ на себѣ печать дѣйствія чистой, вѣрной себѣ самой и живой силы духа.

Въ языкахъ одной *системы образованія*, какъ напр. въ Санскритскомъ, Греческомъ и Нѣмецкомъ, въ которыхъ во всѣхъ господствуетъ флексія, образуемая и измѣненіемъ буквъ и наращеніемъ, — первымъ, впрочемъ, рѣдко, а обыкновенно вторымъ, — и въ такихъ языкахъ могутъ быть, въ *примѣненіи* общей системы ихъ образованія, значительныя разницы, зависящія отъ особенности духа. Одну изъ самыхъ важныхъ разницъ составляетъ болѣе или менѣе очевидное господство правильныхъ и полныхъ по своему количеству *грамматическихъ понятій* съ распредѣленіемъ звуковыхъ формъ для ихъ выраженія. По мѣрѣ того, какъ это господство при высшей обработкѣ языка усиливается, народъ перестаетъ дорожить чувственною полнозвучностью и разнообразіемъ формъ и озабочивается опредѣленностью и строго-отчетливою тонкостью ихъ употребленія. Это можетъ встрѣчаться, стало быть, и въ одномъ языкѣ въ разные времена. Такое тщательное распредѣленіе формъ по грамматическимъ понятіямъ рѣшительно обнаруживаетъ въ себѣ языкъ Греческій, а обращая вниманіе на разницы въ нѣкоторыхъ его діалектахъ, мы замѣчаемъ въ немъ вѣстѣ наклонность избавиться отъ чрезмѣрнаго полнозвучія слишкомъ полнозвѣсныхъ формъ, наклонность сжимать ихъ, или замѣнять кратчайшими. Юношеская звонкость рѣчи въ ея *чувственномъ* явленіи больше сосредоточивается принословленіемъ ея къ внутреннему *изображенію мысли*. Время содѣйствуетъ этому двоякимъ образомъ: съ одной стороны умъ, съ успѣхами своего развитія, все болѣе и болѣе склоняется къ внутренней дѣятельности; съ другой стороны, употребленіе языка съ теченіемъ времени урѣзываетъ и упрощаетъ тѣ формы, въ которыхъ умственная осо-

бенность народа не сохранила въ цѣлости всѣхъ искони знаменательныхъ звуковъ. Въ Греческомъ, въ-сравненіи съ Санскритскимъ, это направленіе уже очевидно, хотя не въ такой степени, чтобы оно одно могло служить достаточнымъ основаніемъ для объясненія всѣхъ явленій въ цѣломъ. Если въ Греческомъ употребленіи формъ дѣйствительно видно, какъ мнѣ кажется, болѣе зрѣлое интеллектуальное направленіе, то въ сущности оно происходитъ изъ врожденной способности народа быстро, тонко и мѣтко раздѣлять понятія при ихъ развитіи. У Нѣмцевъ высшее образованіе застало знаменательные звуки въ формахъ уже до такой степени истертыми и урѣзанными, что этимъ ихъ состояніемъ, вѣроятно, и надобно объяснить недостатокъ расположенія къ чувственной наглядности и преобладающую склонность сосредоточиваться въ чувствѣ. Въ Римскомъ языкѣ звуковое образованіе никогда не было подъ вліяніемъ стремленія къ роскошной полнотѣ звуковъ и особенной свободы фантазіи: зрѣлый и серьезный смыслъ народа, болѣе расположенный къ дѣйствительности и къ болѣе цѣнной сторонѣ ея интеллектуальнаго содержанія, не давалъ большой свободы звукамъ разрастаться до излишней роскоши. Въ грамматическихъ формахъ Греческаго языка, конечно, безошибочно можно признать предпочтительно предъ всѣми другими языками этого племени, особенную легкость, покладливость и прелесть, какъ слѣдствіе особенной живости воображенія и тонкости чувства изящнаго.

По различію особенности духа, одноплеменные народы не въ одинаковой также мѣрѣ пользуются *техническими* средствами своего языка. Напомню здѣсь только о состояніи словосложенія въ разныхъ языкахъ. Санскритскій пользуется словосложеніемъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ, какой только можетъ быть допущенъ въ какомъ-либо языкѣ; въ Греческомъ сложные слова употребляются умѣреннѣе и по различію діалектовъ и стіля различно. Въ Римской литературѣ они встрѣчаются въ большемъ количествѣ у самыхъ древнихъ писателей и съ успѣ-



хами обработки языка болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія.

Только при строгомъ разборѣ, но за то опредѣленно и ясно, характеръ оказывается въ различномъ *міросозерцаніи* народовъ, какъ оно выражается *оттѣнками значенія словъ*. Выше (стр. 283, 289, 290) я объяснилъ, что едва-ли хотя одно слово разными лицами представляется одинаково; развѣ только оно употребляется въ извѣстную минуту въ видѣ вещественнаго знака своего понятія. Поэтому можно прямо утверждать, что въ каждомъ словѣ есть что-то невыразимое самыми звуками и что слова разныхъ языковъ, означающія, въ цѣломъ, одни и тѣ-же понятія, все-таки не настоящіе синонимы. Этихъ оттѣнковъ, судя строго и точно, нельзя уловить посредствомъ логическаго опредѣленія, и часто можно только какъ-бы указывать мѣсто, занимаемое ими въ области, къ которой они принадлежатъ. Какъ это бываетъ въ названіяхъ даже *вещественныхъ предметовъ*, я объяснилъ уже выше. Настоящее-же мѣсто для разнообразія оттѣнковъ значенія собственно въ именахъ *умственныхъ понятій*. Здѣсь въ одномъ языкѣ слово рѣдко выражаетъ то-же самое, что въ другомъ, безъ того, чтобы не было между ними яснаго различія. Въ языкахъ грубыхъ и необразованныхъ народовъ, мы встрѣчаемъ, повидимому, противное, потому-что не понимаемъ тонкихъ оттѣнковъ значенія словъ. Но тщательное вниканіе въ другіе, высоко-образованные языки предостерегаетъ отъ этого опрометчиваго заключенія, и сравненіе однородныхъ выраженій, синонимика нѣсколькихъ языковъ, какъ есть синонимика одного языка, можетъ повести къ значительнымъ результатамъ. При сильномъ умственномъ движеніи, эти различія значеній, если разыскивать ихъ до тончайшихъ оттѣнковъ, какъ-бы текутъ въ языкѣ непрерывнымъ потокомъ. Каждый вѣкъ, каждый самостоятельный писатель невольно прибавляетъ или переиначиваетъ что-нибудь, потому-что не можетъ не коснуться языка своею индивидуальностью, а она требуетъ отъ него много, своеобразнаго выраженія. Въ

такихъ случаяхъ было-бы поучительно предпринять двоякое сравненіе разноязычныхъ словъ, выражающихъ въ цѣломъ одно и то-же понятіе, и словъ одного языка, относящихся къ одному кругу идей. Въ послѣднихъ умственная особенность выражается ихъ однородностью и единствомъ: во всѣхъ нихъ къ объективному содержанію понятія примѣшивается одна и та-же субъективность. А первыя покажутъ, какъ одно и то-же понятіе, на пр. идея души, понимается разными народами съ разныхъ сторонъ, и такимъ образомъ дадутъ какъ-бы историческій очеркъ объема человѣческаго представленія. Область послѣдняго можетъ получать расширеніе и въ отдѣльныхъ языкахъ, даже отъ отдѣльныхъ писателей. Въ обоихъ случаяхъ результатъ выходитъ частію отъ разнаго напряженія и различной совокупности умственныхъ силъ, частію-же изъ разнообразныхъ сочетаній, въ которыя умъ, ничего неоставляющій въ разрозненности, естественно, ставитъ понятія. Мы говоримъ здѣсь о выраженіи, вытекающемъ изъ полноты *умственной жизни*, а не объ *ученой* выработкѣ понятій, гдѣ они ограничиваются своими *логически-необходимыми признаками*. Изъ строго-систематическаго ученаго опредѣленія и установленія понятій и ихъ выраженій возникаетъ *научная терминологія*, которая въ Санскритскомъ языкѣ разработана во всѣ эпохи философскаго мышленія и во всѣхъ областяхъ знанія: умъ Индійцевъ особенно расположенъ былъ заниматься опредѣленіемъ и перечисленіемъ понятій. Вышеупомянутымъ двоякимъ сравненіемъ уяснится въ сознаніи опредѣленная и тонкая разница между субъективными и объективными стихіями, и обнаружится, какъ эти два рода стихій беспрестанно дѣйствуютъ другъ на друга, и какъ возвышается и облагороживается дѣйствующая сила по-мѣрѣ-того, какъ познанія сводятся въ стройно-округленное цѣлое.

Изложенный нами взглядъ на индивидуальныя разницы значенія словъ не обнимаетъ собою случаевъ неправильнаго или недостаточнаго уразумѣнія понятій. Мы имѣли въ виду только

общее въ самомъ разнообразіи путей, правильное и энергическое стремленіе къ выраженію понятій, при которомъ они представляются различно только по причинѣ отраженія ихъ безпредѣльно различными сторонами въ умственной индивидуальности. Но при отыскиваніи умственныхъ особенностей въ языкѣ всего прежде подлежитъ разсмотрѣнію *правильное раздѣленіе понятій* по ихъ различію. Если напр. въ какомъ-нибудь языкѣ два понятія, часто, но не необходимо соединяющіяся между собою, выражаются однимъ словомъ, то прямаго выраженія для каждаго изъ нихъ порознь, можетъ быть, вовсе нѣтъ въ этомъ языкѣ. Примѣръ такого рода представляютъ въ нѣкоторыхъ языкахъ слова, означающія *хотѣть, желать* и *быть*. О вліяніи ума на выраженіе понятій по мѣрѣ сродства ихъ, требующаго одинаковыхъ звуковъ, и на происхожденіе метафоръ едва-ли нужно здѣсь распространяться особо.

Гораздо больше, чѣмъ на отдѣльныхъ словахъ, обнаруживается интеллектуальное различіе народовъ въ *составѣ* рѣчи, въ объемѣ, какой они въ-состояніи давать *предложеніямъ*, и въ разнообразіи, какого рѣчь достигаетъ въ границахъ этого объема. Здѣсь является подлинное выраженіе хода и *свѣпленій мыслей*, которымъ рѣчь не можетъ вѣрно идти вслѣдъ, если языкъ не имѣетъ достаточнаго обилія средствъ для совокупленій рѣчи и не предоставляетъ вдохновительной свободы распоряжаться ими. Здѣсь отражается вся формальная сторона дѣятельности ума въ самомъ себѣ, и все это отраженіе опять дѣйствуетъ своею внутреннею формой на умъ. Степени различія здѣсь безчисленны, и значительныя въ показанномъ смыслѣ частности не всегда можно точно и опредѣленно выразить словами. Но образуемыя ими особенности духа носятъ легкимъ вѣяніемъ надъ цѣлымъ составомъ рѣчи.

До-сихъ-поръ я пересматривалъ отдѣльные пункты *взаимнаго вліянія* между *характерами народовъ* и *языками*. Но въ послѣднихъ есть два явленія, въ которыхъ не только самымъ рѣшительнымъ образомъ сходятся всѣ отдѣльные пункты, но гдѣ

и самая мысль объ отдѣльныхъ частностяхъ исчезаетъ подъ влияніемъ цѣлаго. Эти два явленія языка—*поэзія* и *проза*. Ихъ должно назвать *явленіями языка*, потому-что уже въ первоначальной закладкѣ его является предрасположеніе къ поэзіи или къ прозѣ предпочтительно или, въ-случаѣ истинно-высокаго достоинства формы языка, къ одинаковому развитію той и другой въ правильной соразмѣрности, и въ продолженіе ихъ развитія не перестаетъ оказывать свое дѣйствіе на его успѣхи. На самомъ-же дѣлѣ поэзія и проза всего прежде—естественные пути развитія *человѣческой разумности* и необходимо должны развиться изъ нея, если только не тощи первоначальныя сѣмена ея и имъ не суждено встрѣтить помѣхъ на пути своего развитія. Итакъ поэзія и проза заслуживаютъ самаго тщательнаго изслѣдованія, и не только по своимъ *отношеніямъ другъ къ другу* вообще, но особенно по отношенію ко *времени* ихъ происхожденія.

Если разсматривать поэзію и прозу въ одно время съ идеальной и съ конкретной стороны, въ высшей степени идеальной и конкретной, то въ нихъ обнаруживаются два разные пути къ одинаковой цѣли. Обѣ идутъ отъ дѣйствительности, но къ чему-то, ей не принадлежащему. *Поэзія* воспроизводитъ дѣйствительность въ ея *чувственномъ явленіи*, какъ оно понимается виѣшнимъ и внутреннимъ чувствомъ, не заботясь о томъ, отъ чего она есть дѣйствительность; поэзія даже съ намѣреніемъ отворачивается отъ этой стороны ея характера. Чувственное явленіе она совокупляетъ *силою воображенія* и ею-же возводитъ его въ художественно-идеальное *цѣлое*. Проза, напротивъ, ищетъ въ дѣйствительности именно корни, которыми она держится въ бытіи, и ловитъ нити ея соединеній съ бытіемъ. Она смыкаетъ посредствомъ строгаго мышленія фактъ съ фактомъ, понятіе съ понятіемъ, и добивается *объективной связи* въ *идеѣ*. Таково различіе между поэзіей и прозой по выраженію истиннаго существа ихъ въ духѣ. Если-же смотрѣть только на то, какъ онѣ могутъ выразаться *языкомъ*, и если въ языкѣ брать въ расчетъ

только частности, которыя, хотя въ совокупности въ высшей степени значительны, но взятая порознь почти безразличны; то, конечно, и прозаическое, по внутреннему свойству, направленію, можетъ выражаться мѣрною рѣчью, и направленіе поэтическое — прозой, большею частію во вредъ тому и другому направленію, такъ-что поэтически-выраженный прозаизмъ, не достигая вполнѣ значенія поэзіи, не получить и настоящаго характера прозы, точно такъ-же, какъ и поэзія, переодѣтая въ прозу. Сила поэтическаго содержанія невольно влечетъ за собою и поэтическое выраженіе: бывали примѣры, что, подь влияніемъ этой силы, поэтъ стихами оканчивалъ то, что началъ прозой. Но объёмъ, если судить о той и другой по существу ихъ, одинаково свойственно такое напряженіе душевныхъ силъ и такой размѣръ ихъ, какой нуженъ для того, чтобы полное прониканіе въ *дѣйствительность* сопровождалось достиженіемъ *идеальной связи* безпредѣльнаго разнообразія; въ объѣхъ душа сосредоточиваетъ свои силы къ тому, чтобы послѣдовательно пройти опредѣленную дорогу. Но это сосредоточиваніе души на одномъ направленіи должно быть таково, чтобы имъ не исключалось свойственное духу народа противоположное направленіе, но чтобы, наоборотъ, облегчалось. Оба настроенія, какъ поэтическое, такъ и прозаическое, должны восполнять другъ друга въ своемъ содѣйствіи стремленію человѣка проложить для себя корни въ глубину дѣйствительности, но лишь для того, чтобы тѣмъ живѣе потомъ подниматься ему въ смѣломъ полетѣ въ болѣе вольную стихію. Поэзія народа не достигаетъ своей высшей степени, если она въ разнообразныхъ изгибахъ своего свободнаго полета не предвѣщаетъ *вѣстѣ* и возможности соотвѣтствующаго ей развитія въ прозѣ. Такъ-какъ духъ человѣка, при надлежащей силѣ и свободѣ, долженъ достигать развитія объѣхъ, поэзіи и прозы, то каждая изъ нихъ должна собою указывать на другую, какъ по обломку статуи узнаешь, что она составляла часть группы.

И *проза* не можетъ ограничиться только простымъ изобра-

женіемъ *дѣйствительности* и остаться при однихъ чисто-внѣшнихъ *цѣляхъ*, служа только какъ-бы сообщеніемъ о дѣлахъ, безъ возбужденія идей и ощущеній. Тогда она не отличается отъ *обыкновенной разговорной рѣчи* и не достигаетъ высоты собственнаго существа. Ее нельзя тогда называть путемъ умственнаго развитія и въ ней нѣтъ тогда, кромѣ вещественнаго содержанія, никакихъ формальныхъ отношеній къ умственному развитію. Если-же проза принимаетъ высшій полетъ, то и средствъ для достиженія своей цѣли она ищетъ такихъ, которыя глубже затрогиваютъ душу, и она возвышается до той *облагороженной рѣчи*, какую только и можно разумѣть, принимая прозу за спутницу поэзіи на умственномъ поприщѣ народовъ. Она требуетъ тогда пониманія своего предмета всею совокупностью душевныхъ силъ, и отъ этого возникаетъ въ то-же время такой способъ обработки его, при которой изъ предмета какъ-бы лучами разсыпаются во всѣ стороны всѣ дѣйствія, какія онъ можетъ оказывать. Здѣсь работаетъ не одинъ только аналитическій разумъ: всѣ прочія силы души участвуютъ въ дѣлѣ и образуютъ взглядъ, который съ усиленнымъ значеніемъ называютъ *мыслящимъ*. При этой совокупности силъ человѣческой души, кромѣ самой обработки предмета, кладетъ на рѣчь и печать своего собственнаго настроенія. Окрыленный полетомъ мысли, языкъ пользуется въ рѣчи своими собственными преимуществами, но подчиняя ихъ законодательно господствующей здѣсь цѣли. Ему сообщается нравственное настроеніе чувства и въ слогѣ свѣтится душа. Посредствомъ подчиненія и сочетанія предложений, въ прозѣ совершенно особеннымъ образомъ развивается соответствующая развитію мыслей *логическая эвритмія*, къ которой прозаическая рѣчь при общемъ возвышеніи своего полета настраивается своею собственною цѣлью. Если этой эвритміи слишкомъ предается поэтъ, то его поэзія становится похожею на риторическую прозу. Тогда-какъ все, сказанное здѣсь порознь, въ *художественной прозѣ* дѣйствуетъ совокупно, въ ней живо отра-

жается весь процессъ образованія мысли и борьба ума съ предметомъ. Гдѣ только позволяетъ предметъ, мысль образуется свободно, какъ-бы непосредственнымъ наитіемъ вдохновенія, и въ области строгой истины она дышетъ самобытною красотою поэзіи.

Изо всего этого выходитъ, что *поэзія* и *проза*, со стороны *всеобщихъ требованій*, подчинены однимъ и тѣмъ-же условіямъ. Въ обѣихъ духъ человѣка возбуждается и движется силою порыва, самобытно возникающаго изъ-внутри души. Во всемъ объемѣ своей особенности человѣкъ долженъ простираться мыслию и на внѣшній и на внутренній міръ, и постигая частности, долженъ оставлять въ цѣлости ихъ особенныя формы, чтобы связать ихъ въ цѣлое. Но въ своемъ *направленіи* и въ *средствахъ* поэзія и проза отличны другъ отъ друга, и собственно никогда не могутъ слиться. По отношенію къ *языку* особенно надобно замѣтить, что *поэзія*, въ своемъ истинномъ существѣ, неразлучна отъ *музыки*, а проза, напротивъ, исключительно предоставлена *языку*. Всѣмъ извѣстно, какъ строго было сочетаніе поэзіи съ инструментальною музыкой у Грековъ; то-же самое извѣстно о лирической поэзіи у Евреевъ. О влияніи различныхъ тоновъ на поэзію было также упомянуто выше. Сколько-бы ни было поэзіи и въ мысли и въ языкѣ, а все еще чувствуешь себя какъ-бы не въ самой области поэзіи, покуда нѣтъ въ ней музыкальнаго элемента. Отсюда естественная связь между великими поэтами и композиторами, хотя музыка, по своей склонности къ самостоятельному развитію, безъ всякаго стѣсненія, иногда съ намѣреніемъ отстраняетъ отъ себя поэзію.

Судя строго, никакъ нельзя сказать, что *проза происходитъ изъ поэзіи*. Даже и тамъ, гдѣ онѣ являются въ такомъ видѣ на самомъ дѣлѣ исторически, какъ въ Греческой литературѣ (\*),

---

(\*) Обзорѣніе хода Греческой литературы со стороны склада рѣчи, плодъ глубокой начитанности и изученія древнихъ, представляетъ *Бернарди* во введеніи къ своему систематическому изложенію синтаксиса Греческаго языка.

это явление, при правильномъ объясненіи, значить только, что проза возникла изъ нѣдръ духа, въ теченіе столѣтій развитаго чистѣйшею, разнообразнѣйшею поэзіей, и изъ обработаннаго такимъ образомъ языка. Но поэзія и проза существенно различны другъ отъ друга. Сѣмя Греческой прозы, какъ и поэзіи, искони лежало въ Греческомъ духѣ, и благодаря его счастливой индивидуальности, обѣ стоятъ въ-уровень другъ другу въ своей особенностях, безъ всякаго ущерба существу каждой. Уже Греческая поэзія обнаруживаетъ въ себѣ широкой и вольный полетъ ума и даетъ чувствовать потребность прозы. Обѣ совершенно естественно развились изъ общаго источника—изъ пробужденія разумности, которое благопріятствовало обѣимъ и только внѣшними обстоятельствами могло-бы быть остановлено въ своемъ стремленіи къ полному ихъ образованію. Еще менѣе можно объяснять происхожденіе *высшей прозы* примѣсью *поэтическихъ стихій*, еще очень стѣсняемую опредѣленною дѣлію рѣчи и строгимъ вкусомъ. Разница поэзіи и прозы по существу ихъ, естественно, оказываетъ свое дѣйствіе и на *языкъ*, и какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, языкъ дѣйствительно имѣетъ свои особенности въ выборѣ *выраженій*, въ употребленіи *грамматическихъ формъ* и *синтаксическихъ способовъ совокупленія* словъ въ рѣчь. Но гораздо больше, чѣмъ въ этихъ частностяхъ, поэзія и проза расходятся между собою *тономъ цѣлаго*, глубже основанномъ на существѣ ихъ. Какъ ни безпредѣленъ и неистощимъ кругъ *поэтическаго* содержанія съ внутренней стороны, все-же онъ всякій разъ бываетъ *замкнутъ*, не все принимаетъ въ себя и принимаемое не оставляетъ въ первоначальномъ его свойствѣ; а мысль, не связанная никакою внѣшнею формой, можетъ въ движеніи своего развитія свободнѣе вдаваться во всѣ стороны, какъ въ пониманіи отдѣльныхъ явленій, такъ и въ совокупленіи ихъ общею идеею. Потребность въ образованіи *прозы* предполагаетъ уже значительное богатство и свободу *интеллектуальнаго* развитія и свойственна народамъ только съ нѣкоторой опредѣленною поры умственнаго образо-



ванія. Въ прозѣ есть еще другая сторона, которую она очаровываетъ и привлекаетъ душу: это ея близость къ положеніямъ *обыкновенной жизни*, которая, при благогороженія прозы, много можетъ выигрывать въ своемъ умственномъ значеніи и содержаніи, нисколько не теряя отъ того своей истины и естественной простоты. Съ этой стороны даже *поэзія* можетъ принимать *прозаическую оболочку*, какъ-бы для того, чтобы представить чувство во всей чистотѣ его и истинѣ. Какъ самъ человѣкъ можетъ тяготиться языкомъ, находя его стѣснительнымъ для души и искажающимъ чистыя ея обнаруженія, какъ онъ иногда желалъ-бы обоидтись въ своемъ чувствѣ и мысли безъ посредничества слова, такъ и въ самомъ высшемъ поэтическомъ настроеніи онъ, оставляя всѣ прикрасы слова, прибѣгаетъ къ простотѣ прозы. *Поэзія*, по самому существу своему, всегда принимаетъ внѣшнюю *художественную форму*. А въ душѣ, въ противоположность *искусству*, можетъ господствовать склонность къ *естественности*, сохраняя впрочемъ въ ощущеніи дѣйствительности все идеальное ея содержаніе: это, какъ кажется, дѣйствительно составляетъ особенность *новѣйшихъ образованныхъ народовъ*. Вѣрно по-крайней-мѣрѣ, что таково именно умственное расположеніе *Нѣмецкаго* духа, и оно состоитъ въ-связи съ самымъ образованіемъ языка, которое, при одинаковой глубинѣ съ другими языками, менѣе ихъ чувственно. Поэтъ можетъ тогда съ намѣреніемъ держаться ближе къ дѣйствительной жизни, и, если у него достанетъ на то генія, выполнить чисто-поэтическое созданіе въ прозаической обстановкѣ. Здѣсь стоить только напомнить *Гёте*а Вертера, который всякому можетъ дать почувствовать, какъ необходимо связывается съ внутреннимъ содержаніемъ внѣшняя форма. Упоминаю впрочемъ объ этомъ лишь для того, чтобы показать, какъ изъ совершенно различныхъ настроеній души могутъ возникать соотносительныя положенія между *поэзіей* и *прозой* и сближенія между ними по внутреннему и внѣшнему существу, какъ такіа явленія, которыя всѣ имѣютъ вліяніе на *характеръ языка*, и въ

свою очередь еще очевидноѣ испытываютъ на себѣ его *али-аніе*.

Впрочемъ, *поэзія* и *проза* получаютъ также и свой особый *колоритъ* каждая. Въ *Греческой поэзіи*, соразмѣрно съ общою особенностью духа, надъ всѣмъ господствовала *внѣшняя художественная форма*. Это происходило у нихъ между-прочимъ отъ живаго и постояннаго сочетанія поэзіи съ музыкой, а вмѣстѣ и особенно отъ тонкаго такта, съ какимъ народъ умѣлъ оцѣнивать и уравнивать внутреннія дѣйствія на душу. Такъ *древняя комедія* облакалась въ богатѣйшій и разнообразнѣйшій ритмическій уборъ. Чѣмъ глубже она спускалась иногда въ своихъ изображеніяхъ и выраженіяхъ къ обыденному, даже прошлому, тѣмъ живѣе чувствовалась потребность сохранить достойную осанку и походку выдержанностью внѣшней художественной формы. Высоко-поэтическій тонъ, въ какомъ излагается въ полновѣсныхъ сценахъ совершенно-практическое, прадѣдовское здравомысліе, дорожащее простотою нравовъ и гражданскими доблестями, ставитъ душу, какъ это чувствуешь при чтеніи Аристофана, среди рѣшительныхъ противоположностей, которыя однако сходятся между собою въ дальнѣйшей глубинѣ своей. У Грековъ вовсе не было обычая примѣшивать къ поэзіи прозу, какъ видимъ у Индійцевъ и у Шекспира. Ощущая потребность сближенія сцены съ обыкновеннымъ разговоромъ и чувствуя, что самый длинный рассказъ въ устахъ дѣйствующаго лица драмы долженъ быть отличенъ отъ эпической декламациі рапсода, какъ-бы живо впрочемъ онъ ни напоминалъ его другими своими сторонами, Греки избрали для этой части драмы особенный размѣръ, занимающій какъ-бы средину между художественною формою поэзіи и естественною простотою прозы. И на прозу это общее направленіе оказало свое дѣйствіе: оно сообщило болѣе художественности внѣшней ея формѣ. Въ критическомъ взглядѣ и оцѣнкѣ *великихъ произаковъ* особенно обнаруживается національная особенность. Основаніе ихъ достоинствъ классическіе критики находятъ въ томъ, въ чемъ

мы рѣшительно разошлись съ ними, именно: въ тонкостяхъ ораторскаго ударенія, въ искусныхъ фигурахъ и во внѣшностяхъ построенія періодовъ. Объ общемъ дѣйствии цѣлаго, о наглядности внутренняго развитія мысли, отъ котораго зависитъ самый слогъ, какъ его отраженіе, кажется, вовсе забываешь при чтеніи такихъ писателей, какъ *Дионисій Галикарнасскій* въ относящихся сюда частяхъ своего сочиненія. Между-тѣмъ, отстраняя то, что есть въ этого рода критикѣ односторонняго и мелочнаго, нельзя отрицать, что изящество тѣхъ великихъ образцовъ заключается вмѣстѣ и въ мелочахъ, и строжайшее изученіе этого взгляда дѣйствительно глубже вводитъ въ особенность Греческаго духа. Творенія генія оказываютъ свое дѣйствіе, конечно, тѣмъ самымъ путемъ и тѣмъ способомъ, какъ они понимаются народомъ, и вліяніе ихъ на языкъ, о которомъ здѣсь говорится, зависитъ именно отъ этого пониманія по-преимуществу.

Постепенный ходъ развитія *образованія* духа приводитъ его къ такой степени, на которой онъ, какъ-бы отказываясь отъ чаяній и гаданій, старается дать своимъ познаніямъ основательность и совокупить запасъ ихъ въ одно цѣлое. Это эпоха происхожденія *науки* и развивающейся изъ нея *учности*: этотъ моментъ въ высшей степени обилень своимъ вліяніемъ на языкъ. О терминологіи, образуемой въ школѣ науки, я уже говорилъ (стр. 307). Здѣсь кстати коснуться общаго вліянія этой эпохи, такъ-какъ наука требуетъ для себя одѣянія въ строгомъ смыслѣ *прозамческаго*, а поэтическое достается ей только случайно. Вотъ въ этой области умъ имѣетъ дѣло уже исключительно съ *объективнымъ* содержаніемъ, а съ *субъективнымъ* лишь по-мѣрѣ необходимости: онъ ищетъ *истины* и удаленія всякаго внѣшняго и внутренняго призрака. И только въ этой обработкѣ языкъ получаетъ окончательную опредѣленность для отличія и установленія *понятій* и самую чистую оцѣнку склада *предложеній* и ихъ частей по отношенію ихъ къ одной общей цѣли. А научная форма совокупности познаній и установки отноше-

нія ихъ къ познающей способности надѣляетъ умъ чѣмъ-то новымъ, что по своей *возвышенности* превосходитъ всякую отдѣльную частность: это дѣйствуетъ вмѣстѣ и на *языкъ*, сообщаетъ ему характеръ благородной *строгости* и сопряженной съ наивысшею ясностью *силы*. Съ другой стороны употребленіе языка въ этой области приучается къ *спокойствію* и *воздержности*, а въ синтаксическомъ складѣ — къ избѣганію всякаго искусственнаго *сплетенія*, сколько-нибудь затрудняющаго прямое уразумѣніе и ненужнаго для простаго изложенія самаго дѣла. Такимъ образомъ тонъ ученой прозы совсѣмъ иной, чѣмъ прозы, изображенной выше. Здѣсь языкъ, вмѣсто того, чтобы давать волю своей самостоятельности, сколько можно, долженъ принаровняться къ мысли, идти вслѣдъ за нею и представлять ее собою. Въ доступномъ нашему обзрѣнію ходѣ развитія челоукаческаго духа, *Аристотель* справедливо можетъ быть названъ основателемъ науки и научнаго направленія. Стремленіе къ тому, естественно, возникло уже равьше, и успѣхи его, конечно, были постепенны; но только у Аристотеля оно сомкнулось въ полноту понятія. Это понятіе какъ-бы внезапно раскрылось въ немъ въ небывалой до-тѣхъ-поръ ясности: по изложенію и по методѣ изслѣдованія, между нимъ и его ближайшими предшественниками лежитъ рѣшительная пропасть, безъ всякаго перехода какой-либо постепенностью. Онъ разыскивалъ факты, собиралъ ихъ и старался возводить къ общимъ идеямъ. Онъ подвергалъ разбору построенныя до него системы, показывалъ ихъ несостоятельность, и своей собственной системѣ старался дать основаніе, выведенное изъ глубочайшаго изслѣдованія познавательной способности въ челоукачѣ. Въ то-же время всѣ познанія, какими обладалъ его исполнскій умъ, онъ совокупилъ въ одно цѣлое, основанное въ своемъ построеніи на порядкѣ понятій. Изъ этой пытливости, равно простиравшейся и въ глубину и въ ширину, изъ этого взгляда, съ одинаковой строгостью обращаемаго и на содержаніе и на форму познанія, изъ этой заботливости устранить всякое обольщеніе на-

ружностью при отыскиваніи истины, — словомъ, изъ самой методы мышленія и изслѣдованія у Аристотеля долженъ былъ возникнуть языкъ, составляющій разительную противоположность языку непосредственнаго его предшественника и современника, *Платона*. На самомъ дѣлѣ ихъ нельзя помѣстить въ одинъ періодъ развитія: дикція Платона составляетъ верхъ зрѣлости уже не воскресавшей болѣе эпохи; Аристотелевская дикція начинается новый періодъ. Въ этомъ разительно обнаруживается вліяніе особенной методы философскаго мышленія на языкъ. Конечно, весьма ошибались тѣ, которые безукрашенный, лишенный прелести и часто, безспорно, суровый языкъ Аристотеля приписывали природной сухости и какъ-бы скудости его духа. Музыка и поэзія составляли значительную часть его занятій. Ихъ дѣйствіе, какъ видно уже изъ немногихъ сохранившихся сужденій его объ этомъ предметѣ, глубоко западало въ его душу, и только врожденная склонность могла привести его къ этой вѣтви литературы. У насъ есть еще его гимнъ, исполненный поэтическаго одушевленія; а еслибы дошли до насъ его экзотерическія сочиненія, особенно разговоры, то наше сужденіе объ объемѣ его слога вышло-бы, вѣроятно, совсѣмъ иное. Да и въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ, какъ напр. въ *Этикѣ*, нѣкоторыя мѣста достаточно показываютъ, какой высоты онъ могъ достигать въ способѣ выраженія. Истинно-глубокая отвлеченная философія имѣетъ свои особенные пути для достиженія возвышенности выраженія. Зрѣлость и самая замкнутость понятій, если ученіе исходитъ отъ истинно-творческаго ума, сообщаетъ и языку возвышенность, соответствующую глубинѣ мысли.

Совершенно особеннаго рода изяществомъ отличается философскій языкъ, образовавшійся въ изслѣдованіи отвлеченныхъ понятій въ сочиненіяхъ *Фихте* и *Шеллинга*, и, хотя только въ отдѣльныхъ частностяхъ, но за то поразительно, у *Канта*. Результаты изслѣдованій положительныхъ наукъ по-преимуществу способны не только облекаться въ готовую величе-

ственную прозу, развившуюся изъ глубокаго всеобщаго взгляда на дѣлность природы; но такое ихъ изложеніе поощряетъ самыя изслѣдованія, воспламеня умъ, который только и можетъ повести къ великимъ открытіямъ. Если я упомяну здѣсь относящіяся къ такому роду литературы сочиненія *моего брата*, то, думаю, повторю только общее, часто высказываемое мнѣніе.

Область знанія можетъ сводомъ сходиться кверху со всѣхъ пунктовъ: этотъ подъемъ зданія къ общей вершинѣ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самой строгой и полной обработкой всѣхъ вещественныхъ основъ зданія. Только въ томъ случаѣ, когда ученость и стремленіе къ ея расширенію не проникнуты чистымъ умомъ, страдаетъ вмѣстѣ и языкъ: это одна изъ сторонъ, съ которыхъ прозѣ угрожаетъ тогда упадокъ, точно также какъ при упадкѣ образованнаго, обильнаго мыслями разговора до повседневной или условной болтовни. Словесныя произведенія достигаютъ зрѣлости только тогда, когда ихъ влечетъ къ тому за собою полетъ духа къ развитію и расширенію своего собственнаго образованія и къ совокупленію съ своимъ существомъ всего міра. Этотъ полетъ является въ безчисленныхъ степеняхъ и видахъ, но по своему природному влеченію всегда стремится наконецъ достигнуть этого великаго совокупленія, хотя-бы даже человѣкъ не сознавалъ того въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Гдѣ интеллектуальная особенность народа не довольно сильно влечетъ его на эту высоту, или гдѣ языкъ, при интеллектуальномъ упадкѣ народа, покидается духомъ, которому онъ только и можетъ быть обязанъ своей силой и свѣжестью жизни, тамъ никакъ не возникнетъ высокая проза, и возникшая прежде упадетъ, если дѣятельность ума превратится въ ученое крохоборство.

Поэзія принадлежитъ только нѣкоторымъ моментамъ жизни и нѣкоторымъ настроеніямъ духа; проза сопровождаетъ человѣка постоянно и во всѣхъ обнаруженіяхъ его умственной дѣятельности. Она прилаживается къ каждой мысли и къ каж-

дому чувству, и когда, по опредѣленности, ясности, гибкой живости, по благозвучію и стройности языка, достигаетъ въ своей обработанности до способности предпринимать высшій полетъ съ каждаго пункта, но вмѣстѣ съ тонкимъ тактомъ, строго различающимъ, гдѣ и сколько приличенъ такой полетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, тогда она обнаруживаетъ въ себѣ и вмѣстѣ вызываетъ и облегчаетъ свободное, легкое, но всегда вмѣстѣ съ тѣмъ осмотнительное движеніе духа въ ходѣ своего мышленія. Это высшая степень, которой языкъ можетъ достигать въ образованіи своего характера, и которая потому имѣетъ надобность въ самыхъ широкихъ и самыхъ надежныхъ основаніяхъ, начиная съ самыхъ первыхъ зародышей внѣшней формы языка.

При такой разработкѣ прозы, поэзія не можетъ отстать отъ нея въ своемъ развитіи, ибо обѣ проистекаютъ изъ одного источника. Но она и одна можетъ достигать высокой степени, хотя-бы проза съ своей стороны не достигала равной съ нею высоты. Окончательная-же полнота развитія языка достигается всегда только успѣхами той и другой вмѣстѣ. *Греческая литература* представляетъ намъ ходъ языка въ этомъ отношеніи, хотя, къ-сожалѣнію, съ большими пробѣлами, но несравненно полнѣе, чѣмъ всякая другая литература. Безъ замѣтнаго вліянія чужихъ словесныхъ произведеній, хотя вліяніе чужихъ идей этимъ, конечно, не исключается, Греческій языкъ съ Гомера до Византійскихъ писателей, развивается по всѣмъ фазамъ своего поприща единственно изъ себя самого и изъ преобразованій національнаго духа вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ историческихъ переворотовъ. Особенность Греческихъ племенъ составляла свойственная всему народу подвижность, добивавшаяся свободы и господства вмѣстѣ, хотя господство это предоставляло покореннымъ племенамъ большею частію только тѣнь свободы. Подобно волнамъ окружающаго ихъ моря, со всѣхъ сторонъ замкнутаго, эта подвижность въ тѣсныхъ границахъ занимаемаго ими пространства, производила

безпрестанные перевороты, перемѣны жительствова, смѣну величія и власти, и постоянно давала духу новую пищу и новыя побужденія излиться въ каждомъ родѣ дѣятельности. Тотъ-же народный духъ господствовалъ у Грековъ, когда они дѣйствовали вдали отъ родины, въ основанныхъ ими колоніяхъ. Покуда продолжалось это состояніе, внутреннее народное начало проникало языкъ и словесныя произведенія. Въ этомъ періодѣ живо чувствуешь, какъ по всѣмъ произведеніямъ духа проходитъ общая внутренняя связь и какъ живо соприкасаются другъ къ другу поэзія и проза и всѣ роды ихъ. Но съ Александра великаго, когда Греческій языкъ распространенъ былъ завоеваніемъ, и позднѣе, когда онъ, какъ языкъ побѣжденнаго народа, связанъ былъ съ господствующимъ языкомъ побѣдителей, хотя возникали еще отличные умы и поэтическіе таланты, но одушевляющее начало уже умерло, а съ нимъ и живое творчество духа изъ полноты собственной силы. Въ первый разъ тогда дѣйствительно открылась знанію огромная часть земнаго шара, и въ лицѣ и въ ученіи Аристотеля уяснилась для ума идея ученаго наблюденія и систематической обработки всей области знанія въ истинно-всемирно-исторической связи, въ какую могъ привести ее этотъ необыкновенный умъ, богатый и фактами и идеями. Міръ предметовъ сталъ теперь съ большимъ перевѣсомъ силы передъ субъективнымъ творчествомъ, а оно подавлялось еще больше прежней литературой, которая послѣ того, какъ исчезло въ ней одушевлявшее ее начало, вмѣстѣ съ свободой, изъ которой, оно происходило, должна была казаться силой, съ которой не смотря на многообразныя попытки подражанія, собственно нельзя уже было вступать въ настоящее соперничество. Съ этой эпохи начинается постепенный упадокъ языка и литературы. Ученая-же дѣятельность обратилась теперь къ обработкѣ языка и литературы въ томъ состояніи, въ какомъ оны сохранились отъ цвѣтущаго своего состоянія, такъ-что до насъ дошла какъ большая часть твореній той великой эпохи, такъ и самый способъ, какъ эти



творенія отражались въ изученіи, сознательно устремленномъ на нихъ позднѣйшими поколѣніями народа всегда себѣ равнаго, но угнетаемаго внѣшними судьбами.

О *Санскритскомъ* языкѣ, при нынѣшнихъ нашихъ познаніяхъ въ его литературѣ, нельзя съ достовѣрностью судить, до какой степени и объема развилась въ ней, вмѣстѣ съ поэзіей, и *проза*. Впрочемъ, обстоятельства гражданской и общественной жизни едва-ли доставляли столько случаевъ къ развитію прозы, сколько поэзіи. Греческій духъ и характеръ, можетъ быть, больше, чѣмъ у всякаго другаго народа, уже самъ по себѣ побуждалъ людей къ такимъ собраніямъ, въ которыхъ разговоръ составлялъ если не единственную цѣль, то по-крайней-мѣрѣ главную приправу. Производство дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и въ народныхъ собраніяхъ требовало краснорѣчія, дѣйствующаго на убѣжденія и на расположеніе души. Эти и другія подобныя условія могутъ быть причиною, если между остатками Индійской литературы и впредь не окажется ничего, что по слогу можно-бы было поставить въ сравненіе съ историками, ораторами и философами Греческими. Языкъ богатый, гибкій, снабженный всѣми средствами, которыя даютъ рѣчи зрѣлость, достоинство и прелесть, хранить въ себѣ, очевидно, всѣ зародыши подобнаго развитія, и въ высшей прозаической обработкѣ онъ, конечно, развилъ-бы въ себѣ еще нѣкия характеристическія особенности, отличныя отъ тѣхъ, какія мы знаемъ въ немъ нынѣ. Такъ заставляетъ уже думать тонъ рассказовъ *Гитопадеши*, тонъ простой, полный прелести, удивительно очаровывающій въ одно время вѣрностью и нѣжностью изображеній и совершенно особеннымъ остроуміемъ.

*Римская* проза стояла совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ къ поэзіи, чѣмъ *Греческая*. На это съ одинаковой силой дѣйствовала какъ подражательность Римскихъ писателей Грекамъ, такъ и собственная ихъ, всюду просвѣчивающая оригинальность. На свой языкъ и слогъ Римляне видимо наложили печать своего внутренняго и внѣшняго политическаго развитія. Буду-

чи поставлены вмѣстѣ съ литературой совершенно въ инныя отношенія по времени, они не могли уже получить исконно-естественнаго развитія, какое мы видимъ у Грековъ съ Гомерическаго періода и подѣ продолжающимся вліяніемъ древнѣйшихъ пѣсень. Великая, оригинальная Римская проза возникла непосредственно изъ души и характера, создана мужественною солидностью, строгостью нравовъ и исключительнымъ патріотизмомъ, всѣми этими качествами какъ положительно, такъ и противоположною ихъ позднѣйшему нравственному растлѣнію. Римская проза гораздо меньше имѣетъ чисто-интеллектуальнаго колорита: по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ она не могла развить въ себѣ наивной прелести нѣкоторыхъ Греческихъ писателей, которая у Римлянъ является только въ поэтическомъ настроеніи, такъ-какъ поэзія имѣетъ силу приводить душу во всякое состояніе. При всякомъ сравненіи вообще, въ какое только можно поставить Греческихъ писателей съ Римскими, у первыхъ оказывается меньше торжественности, больше простоты и естественности. Отсюда возникаетъ сильное различіе между прозой обоихъ народовъ: трудно повѣрить, чтобы такого писателя, какъ Тацитъ, дѣйствительно почувствовали современные Греки. Такая проза иначе должна была подѣйствовать и на языкъ, тѣмъ болѣе, что и ему данъ былъ такой-же толчекъ тою-же самой національной особенностью. Изъ такой прозы не могло произойти той, какъ-бы безграничной гибкости языка, которая повинуется каждой мысли, слѣдуетъ за умомъ на всякомъ пути, и именно въ этой всесторонности и ни отъ чего неубѣгающей подвижности находятъ свой настоящій характеръ; такая проза точно также не могла быть и произведеніемъ такой гибкости. Взглядъ на *прозу у новѣйшихъ народовъ* завелъ-бы въ соображенія еще болѣе запутанныя: потому-что гдѣ новѣйшіе народы не были оригинальны, тамъ они не могли не увлекаться Греками и Римлянами, и въ то-же время совершенно новыя отношенія произвели у нихъ до-тѣхъ-поръ невиданную оригинальность.

Со времени мастерских изысканій *Вольфа* о происхожденіи *Гомерическихъ пѣсней*, конечно, всѣми признано, что народная поэзія по изобрѣтеніи письма долго еще можетъ оставаться не писанною, и что обѣ эпохи отнюдь не совпадаютъ одна съ другою непремѣнно. Будучи назначена служить украшеніемъ минутнаго настоящаго и содѣйствовать отправленію праздничныхъ обрядовъ, древнѣйшая поэзія такъ тѣсно была связана съ жизнью, и вмѣстѣ такъ свободно текла изъ головы поэта и изъ разумѣнія его слушателей, что ей должна была оставаться чуждою холодная разсчитанность, сопровождающая записываніе. Она лилась изъ устъ поэта или школы пѣвцовъ, усвоившихъ себѣ его твореніе, живымъ речитативомъ, который сопровождался пѣніемъ и инструментальною музыкой. Слова составляли только часть этого речитатива и были неразлучно связаны съ нимъ. Весь этотъ речитативъ въ живой совокупности передавался слѣдующимъ временамъ и никому не могло приходить въ голову разрознить то, что такъ крѣпко и естественно связано. Судя по тому, какъ органически срослена была поэзія своими корнями съ умственною жизнью народовъ въ этотъ періодъ, тогда не могла возникнуть мысль предать поэзію письменности. Записываніе предполагаетъ разсудочное соображеніе, которое всегда развивается послѣ чисто-естественнаго употребленія въ теченіе времени, предполагаетъ большее развитіе отношеній гражданской жизни, которое наводитъ на мысль разлагать сложную дѣятельность на стихіи и упрочивать на долго совокупность ея приобрѣтеній. Только тогда могла ослабнуть связь поэзіи съ изустнымъ ея употребленіемъ и съ обычаями жизни, при которыхъ она употреблялась. При необходимости поэтическаго расположенія словъ и при метрѣ помощь письма была-бы по большей части излишнею для передаваемаго на память.

Совсѣмъ иное дѣло *проза*. Впрочемъ, главнаго затрудненія, рѣшаемаго здѣсь письменностью, отнюдь не должно искать, по моему убѣжденію, въ невозможности удерживать въ памяти

длинную неразбитую рѣчь. У народовъ, какъ достоверно извѣстно, есть просто-національная проза, сохраняемая устнымъ преданіемъ, въ которой покроемъ и выраженіе, навѣрное, не случайны. У народовъ, вовсе не имѣющихъ письменности, мы находимъ въ сказаніяхъ особенный складъ языка, родъ стиля, судя по которому должно думать, что эти сказанія порождаются отъ одного лица другому лишь съ незначительными перемѣнами. Такъ точно дѣти при повтореніи слышаннаго разсказа обыкновенно совѣстливо передаютъ самыя выраженія разсказчика. Изъ такихъ народныхъ сказаній я приведу напр. сказанія о *Таналоа* на островѣ Тогѣ (\*). У *Басковъ* донынѣ ходятъ такія неписанныя сказки: въ переводѣ на Испанскій языкъ онѣ, по увѣренію туземцевъ, теряютъ всю свою прелесть и естественную грацію — видимое доказательство, что при устной передачѣ соблюдается и внѣшняя ихъ форма, и даже она-то по преимуществу и соблюдается. Народъ очень занятъ ими и онѣ дѣлятся по содержанію на разряды. Я самъ слушалъ одну изъ такихъ сказокъ, очень похожую на Нѣмецкую сагу о Гамельнскомъ ловцѣ лягушекъ. Другія представляютъ, только съ разными перемѣнами, мифъ о Геркулесѣ, а одна, совершенно мѣстная, на островѣ Изаро, въ бухтѣ Бермео, переноситъ исторію Геро и Леандра на монаха и его любовницу. При всемъ томъ *письменность*, о которой и не думаетъ древнѣйшая поэзія, необходимо и непосредственно имѣется въ виду первоначальною цѣлью прозы, еще прежде нежели она достигаетъ истинно-художественнаго образованія. Надобно изслѣдовать или излагать факты, развѣивать и совокуплять понятія, стало быть, добиваться чего-то объективнаго. Настроеніе, которымъ это достигается, бываетъ холодно-обдуманное, расположенное къ изслѣдованію, къ отдѣленію истины отъ призраковъ и вѣряющее себя руководству разсудка. Всего прежде это настроеніе отвергаетъ въ рѣчи метръ, не потому собственно, чтобы его узы

---

(\*) *Mariner*, Ч. II. стр. 377.

были тягостны, а потому, что въ немъ нѣтъ *видѣнности въ* свойствѣ самаго настроенія; напротивъ, форма рѣчи, стѣсняющая языкъ настроеніемъ извѣстнаго чувства, даже вовсе не соотвѣтствуетъ всесторонности всюду изслѣдующаго и все совокупающаго разсудка. Для такой дѣятельности ума во всемъ ея ходѣ письменность совершенно кстати, даже необходима. Изслѣдуемое и самый ходъ изслѣдованія должны быть установлены твердо и опредѣленно. Самая цѣль дѣятельности есть совокупленіе всего, что можетъ быть совокуплено. Исторія должна удержать улетающее съ теченіемъ времени, ученіе для дальнѣйшаго развитія своего должно соединять одно пожеланіе съ другимъ. Прозанческое-же развитіе въ первый разъ выдвигаетъ изъ массы отдѣльныя лица поименно, потому-что изслѣдованіе требуетъ личнаго освѣдомленія, посѣщенія чужихъ краевъ, ведетъ къ усовершенствованію методы отдѣльными лицами; а истина нуждается, особенно въ тѣ времена, когда другихъ доказательствъ мало, въ личномъ ручательствѣ, и историкъ для удостовѣренія читателя уже не можетъ, какъ поэтъ, ссылаться на обитателей Олимпа. Поэтому прозанческое настроеніе, развиваясь въ народѣ, непремѣнно должно искать пособій письменности, и введеніе письменности можетъ вызывать народъ къ прозанческому настроенію.

Въ развитіи *поэзіи* отъ введенія *письменности*, по естественному ходу образованія народовъ, возникаетъ два ея рода (\*): поэзія какъ-бы по-преимуществу *естественная*, изливаемая вдохновеніемъ, безъ всякаго разсчета на искусство и безъ сознанія его, и позднѣйшая — *искусственная*, хотя-бы не менѣе той обязанная своимъ бытіемъ глубокому и чистѣйшему поэтическому чувству. Въ области *прозы* подобное явленіе можетъ возникать совѣмъ инымъ путемъ и въ иную пору, чѣмъ въ поэзіи. Когда у народа, счастливо организованнаго для поэзіи и прозы, образуются обстоятельства, при которыхъ жизнь требуетъ сво-

(\*) О древнѣйшей поэзіи у Грековъ и Индійцевъ превосходно сказано въ предисловіи къ Рамаиѣ А. В. Шлегеля.

боднаго потока *краснорѣчія*, тогда и здѣсь, только инымъ образомъ, возникаетъ такая-же связь прозаической рѣчи съ жизнью, въ какой мы видѣли выше поэзію. Этой прозѣ, вызываемой минутными потребностями жизни, точно также противенъ мертвый и холодный актъ записыванія, покуда она употребляется безъ расчетовъ на искусство. Такъ, безъ сомнѣнія, было въ великую эпоху Аѳинской жизни между Персидскою и Пелопоннесскою войною и нѣсколько позже. Фемистокль, Перикль и Алкивиадъ, конечно, развили въ себѣ сильныя ораторскіе таланты; о двухъ послѣднихъ говорится это прямо. Между-тѣмъ отъ нихъ не дошло до насъ ни одной рѣчи: передаваемые историками, разумѣется, принадлежать имъ самимъ, а сами древніе, какъ видно, не имѣли ни одного сочиненія, которое можно-бы было приписывать имъ достовѣрно. Правда, во времена Алкивиада бывали уже писанныя рѣчи, а иногда произносились сочиненныя не самими ораторами; но, судя по всѣмъ обстоятельствамъ государственной жизни того времени, люди, бывшіе истинными вождями государства, не могли находить нужнымъ записывать свои рѣчи ни прежде, ни послѣ ихъ произнесенія. И при всей своей безыскусственности, это естественное краснорѣчіе, какъ соответствующая ей изустная поэзія, содержало въ себѣ не только зародышъ, но во многихъ своихъ явленіяхъ недостижимый идеалъ для позднѣйшаго ораторскаго искусства. Говоря о вліяніи этихъ двухъ родовъ краснорѣчія на языкъ, нельзя было не войти въ ближайшее разсмотрѣніе отношеній между ними. Позднѣйшимъ ораторамъ послѣ того, какъ столько великаго и славнаго въ пластическомъ искусствѣ и поэзіи вдохновляло геній ихъ предшественниковъ и воспитало вкусъ народа, языкъ достался въ такой полнотѣ и утонченности образованія, какою прежніе ораторы, конечно, не могли-бы похвалиться. Такое-же вліяніе на языкъ долженъ былъ произвести живой разговоръ въ философскихъ школахъ.

Перев. съ Нѣм. П. ВЛАДИСЛАВЪ.

(Продолженіе впереди).

## ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ ПО АНАТОМІИ (\*).

(Посвящается Т. А. Ванцетти).

Мм. гг.! Въ первый разъ приступаю я къ чтенію съ кафедрѣ университетской, и приступаю къ чтенію науки столь обширной, столь важной, имѣющей такое глубокое значеніе въ сферѣ знаній медицинскихъ, что невольно придешь въ волненіе и не безъ сомнѣнія спросишь себя: буду-ли я въ-силахъ замѣнить отсутствующаго профессора, чтеніе за котораго разрѣшено мнѣ начальствомъ, въ состояніи-ли буду раскрыть предъ вами все богатство свѣдѣній анатомическихъ и еще болѣе, — станеть-ли меня, чтобы поднять и укрѣпить васъ въ этихъ свѣдѣніяхъ на той высотѣ, которая необходима для успѣха каждаго медика, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для пользы той среды чело-вѣчества, въ которой суждено будетъ вращаться вамъ, какъ облегчителямъ и — дай Богъ, чтобы почаще — спасителямъ страждущихъ нашихъ братьевъ? При такомъ вопросѣ самому себѣ, при той недовѣрчивости къ силамъ своимъ, какую сознаю я въ себѣ, естественно, и отвѣтъ долженъ быть скорѣе всего отрицательный, — и меня не было-бы въ настоящую минуту на кафедрѣ, еслибы въ сознаніи моемъ не выступало въ то же время, съ одной стороны, чувство неподдѣльной любви къ анатоміи, составляющей главный предметъ занятій моихъ въ-теченіе восьми лѣтъ, съ другой — полная увѣрен-

(\*) Читанная въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, 2-го сентября 1858 года, прозекторомъ, докторомъ Ипполитомъ *Вилкомирскимъ*, по случаю пребыванія за границею ординарнаго профессора анатоміи. *Т. С. Шалинского*.

ность въ вашей готовности, первые мои слушатели, и въ нашемъ искреннемъ желаніи извѣдать тайны науки, которая справедливо должна назваться центромъ остальныхъ наукъ медицинскихъ. Увѣренность моя основана на слишкомъ прочныхъ началахъ, чтобы подчинять ее какому-либо подозрѣнію. Какъ ни довольно протекло времени съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ самъ студентскую скамью, но во мнѣ живо и свѣжо еще воспоминаніе о томъ рвеніи, могу смѣло сказать, о жадности къ познаніямъ, съ какою сѣлъ я, подобно вамъ, за тѣ-же скамьи. Я не имѣю ни малѣйшаго повода и основанія не перенести того-же чувства, тѣхъ-же стремленій и на васъ въ настоящую минуту, какъ не имѣю права подозрѣвать, чтобы выборъ вами медицинскаго, а не инаго факультета, не былъ дѣломъ долговременной обдуманности и сознательной рѣшимости; а рѣшимость, вслѣдствіе прочной обдуманности, есть наилучшій залогъ и необходимой энергіи въ дѣлѣ и безкорыстной расположенности къ нему. Такое-то убѣжденіе въ обоюдной любви къ занятіямъ и дало мнѣ смѣлость не отказаться отъ назначенія замѣнить профессора, какъ ни велика отвѣтственность, какую возлагаютъ на меня откровенно предложенные мною въ началѣ вопросы и какъ ни громко отзываются они до сей минуты въ душѣ моей. Это убѣжденіе не только освобождаетъ меня отъ опасеній, боязни, а напротивъ пробуждаетъ во мнѣ горячее чувство благодарности за возможность принести посильную пользу и на другомъ поприщѣ для врача, — на поприщѣ расширенія круга дѣятелей для блага страждущаго человечества. Тамъ, гдѣ есть свободный выборъ, сознательная рѣшимость и любовь, нельзя сомнѣваться въ пользѣ: они даютъ слишкомъ твердое основаніе, чтобы имѣть право ручаться за прочность цѣлаго зданія, за прочное изученіе всей нашей науки, какъ основанія медицины, положенной вами въ основу всей будущей жизни, разумѣя подъ нею званіе врача-практика. И такъ, съ полною надеждою на успѣхъ обращаюсь я къ чтенію анатоміи.



Но прежде, чѣмъ перейду непосредственно къ самой анатоміи, считаю необходимымъ хотя коротко описать науки о тѣлахъ неорганическихъ и органическихъ, о ихъ явленіяхъ, чтобы тѣмъ уяснить положеніе самаго высшаго звѣна существъ органическихъ — человѣка; далѣе, скажу нѣсколько словъ о жизни тѣлъ органическихъ вообще и въ-частности о тѣлѣ человѣческомъ; наконецъ, обращусь къ опредѣленію слова *анатомія*, къ ея раздѣленію на установившіяся въ ней въ послѣднее время составныя части и на отношенія ея къ прочимъ наукамъ медицинскимъ. Въ-заключеніе, представлю анатомическую номенклатуру.

При наблюденіи надъ природою прежде всего вниманіе наблюдателя останавливается на тѣлахъ и затѣмъ на обнаруживающихся въ нихъ явленіяхъ. Громаднѣйшее множество тѣлъ въ природѣ, ихъ изумительно-разнообразнѣйшія явленія, въ глазахъ существа разумнаго, не представляютъ изъ себя мертвенности; они одарены полною міровою жизнію, которую такъ превосходно выразилъ безсмертный *Gёте* въ слѣдующихъ словахъ: *So spricht die Natur zu bekannten, verkannten, unbekanntem, Sinnen, so spricht sie mit sich selbst und zu uns durch tausend Erscheinungen; dem Aufmerksamen bleibt sie nirgends todt, noch stumm.* Внимательно углубляясь въ тѣла, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ состоятъ изъ однородной массы, какъ минералы, другія не представляютъ такого свойства, какъ растенія и животныя. Отламывая, напр., кусокъ отъ мѣла или каменнаго угля, мы получимъ все тотъ-же мѣлъ и уголь; различіе будетъ состоять лишь въ объемѣ куска. Ни въ одномъ изъ этихъ тѣлъ мы не замѣчаемъ частички, которая-бы существенно отличалась отъ другой: поэтому мы и не можемъ допустить, чтобы для образованія мѣла или каменнаго угля какая-либо частичка была необходимѣе другой, чтобы одна имѣла особенную цѣль или особое назначеніе сравнительно съ другою: мельчайшая пылинка мѣла, оставшаяся на одеждѣ, точно такой-же мѣлъ, какъ и мѣловая масса, наполняющая горныя породы. Совсѣмъ другое находимъ, подвергая наблю-

денію дерево, или хотя отдѣльную часть его, напр. листь; здѣсь ясно видимъ, что особенно-образованныя части имѣютъ и различныя цѣли и назначенія. Отнимая у дерева, напр., корень, или кору, или листь, мы тѣмъ самымъ прекращаемъ и его существованіе. При пособіи увеличительнаго стекла, мы замѣчаемъ, что въ деревѣ присутствуютъ соки, которые восходятъ и нисходятъ въ немъ. Подобныя опыты даютъ намъ право утверждать, что дерево живетъ, хотя снаружи и не замѣчаемъ никакого движенія ни въ цѣломъ его видѣ, ни въ отдѣльных частяхъ его. Но есть множество тѣлъ, которыя, при снабженіи особенно-устроенными частями для выполненія опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ-того, что живутъ, одарены и способностію произвольнаго движенія. Сюда относятся тѣла, измѣняющія свое мѣсто и отличающіяся большею совокупностію въ дѣятельности органовъ, которую называемъ мы жизнью. На этомъ основаніи, послѣдніе два разряда тѣлъ называются *органическими*, въ противоположность минераламъ, какъ тѣламъ *неорганическимъ*.

Въ обоихъ разрядахъ тѣлъ — органическихъ и неорганическихъ, существуютъ различныя явленія. Поднятая вверхъ и опускаемая, напр., каменный уголь, мы видимъ, что онъ непремѣнно падаетъ, съ какой-бы высоты ни былъ опущенъ: явленіе паденія составляетъ необходимое условіе въ такомъ случаѣ. Подогрѣвая, съ другой стороны, сѣру вмѣстѣ съ ртутью, также замѣчаемъ, что оба тѣла исчезаютъ для нашихъ глазъ совершенно, и на мѣсто желтой сѣры и удобоводвижной ртути встрѣчаемъ ярко-красную киноварь. Такую, независимую отъ человѣческаго произвола, причину явленій въ тѣлахъ неорганическихъ, въ обоихъ случаяхъ, называемъ мы *силою*, въ первомъ — *притяженіемъ*, въ последнемъ — *химическою средствею*. Къ явленіямъ-же въ тѣлахъ органическихъ относятся возрастаніе ихъ (какъ растенія, такъ и животнаго), движеніе различныхъ жидкостей внутри ихъ, принятіе и измѣненіе пищи и т. д. Для объясненія такихъ явленій допускаютъ тоже особую силу, называемую си-

люю жизни. Но, допуская подобную силу, мы нимало не разъясняем этимъ указанныхъ явленій, а потому весьма естественно, что умъ человѣческой не успокоивался въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ, и въ послѣднее время, вслѣдствіе тщательнѣйшаго изученія органическихъ тѣлъ, дошелъ до положенія, что *сила жизни*, какъ причина явленій въ нихъ, стоитъ въ неразрывной связи съ совокупностію силъ въ неорганическихъ тѣлахъ, съ тѣми силами, какія указаны нами при паденіи каменнаго угля и при нагрѣваніи сѣры вмѣстѣ съ ртутью. Отсюда установилась мысль, что въ жизни органическаго тѣла дѣйствуютъ законы физическіе и химическіе.

Такимъ образомъ становится вполне понятнымъ, что, для приступающаго къ изученію тѣла и явленій его въ человѣкѣ, необходимо быть знакомымъ съ науками о тѣлахъ неорганическихъ, что только подъ условіемъ надлежащаго запаса свѣдѣній по этимъ наукамъ возможно ручаться за всестороннее разъясненіе сложнѣйшей и труднѣйшей органической машины человѣка. Къ наукамъ, занимающимся наблюденіями и изслѣдованіями тѣлъ неорганическихъ, относятся физика и химія, тѣла-же органическія составляютъ предметъ изслѣдованій анатоміи и физиологіи. Отсюда прямой выводъ, что для анатома, безпрестанно сталкивающагося съ физическими и химическими законами въ составѣ и устройствѣ человѣческаго тѣла, необходимо предварительное знаніе физики и химіи.

Указавши на различіе тѣлъ въ природѣ и на существенныя черты каждаго изъ двухъ разрядовъ тѣлъ, равно представивши тѣсную связь между ними для успѣха анатоміи, перейду къ опредѣленію главнѣйшихъ свойствъ въ органическихъ тѣлахъ и ихъ явленіяхъ.

Изъ предыдущаго очерка легко усмотрѣть, что подъ органическимъ тѣломъ понимается соединеніе въ одно недѣлимое, тѣло бѣльшаго или меньшаго количества орудій или органовъ, какъ въ растеніи, животномъ и человѣкѣ. Первое, что поражаетъ наблюдателя надъ подобными тѣлами, заключается въ

поглощеніи жизни отдѣльнаго недѣлимаго жизнью цѣлой все-ленной; въ то время, какъ послѣдняя представляетъ жизнь въ необъятномъ размѣрѣ какъ относительно пространства, такъ и времени, каждое недѣлимое органическое подвержено не только уничтоженію явленій жизни, но и самаго тѣла. Отсюда мы выведемъ, что органическимъ существамъ назначено лишь ограниченное время для существованія, т.-е. время жизни. Всматриваясь внимательно въ жизнь органическихъ тѣлъ, мы замѣчаемъ, что они проходятъ опредѣленный рядъ и число образовательныхъ періодовъ, которые называются степенями развитія, періодами жизни или возрастами. Въ каждомъ органическомъ тѣлѣ ясно замѣчается его зарожденіе, возрастаніе и достиженіе той степени совершенства, которая извѣстна подъ именемъ зрѣлости. За такую степень, тѣло остается нѣкоторое время въ неизмѣнномъ состояніи, потомъ начинаетъ лишаться своего совершенства и мало-по-малу разрушается. Въ періодъ своей зрѣлости, органическія тѣла производятъ себѣ подобныя, т.-е. расплождаются. Это распложеніе совершается при посредствѣ сѣмени, какъ въ растеніяхъ, или яйца, какъ у животныхъ. Относительно состава органическихъ тѣлъ замѣчаемъ, что каждое изъ нихъ составлено изъ весьма многосложныхъ химическихъ веществъ и образовано по яченстой теоріи. Каждая изъ составныхъ частей имѣетъ свое опредѣленное, особое отъ другихъ назначеніе, но такъ, что въ дѣятельности своей всѣ онѣ стоятъ въ зависимости другъ отъ друга и въ совокупности служатъ къ поддержанію существованія цѣлаго организма. Во всякомъ органическомъ тѣлѣ, какъ въ цѣлости, такъ и въ малѣйшихъ его частицахъ, происходитъ непрерывная мѣна органическихъ веществъ, т.-е. всѣ частицы веществъ, составляющихъ тѣло органическое, постепенно уничтожаются, замѣняясь въ то-же самое время новыми, образующимися изъ окружающей ихъ питательной жидкости. Вслѣдствіе такого закона, по прошествіи извѣстнаго времени, органическое тѣло хотя по наружному своему виду и представляетъ еще прежнее цѣлое,

тѣмъ не менѣе, въ существѣ своемъ, состоитъ уже изъ иныхъ, совершенно новыхъ частей, хотя и подобныхъ извергнутымъ старымъ. Такое непрерывное возобновленіе и отживаніе органическихъ тѣлъ называется обмѣномъ матеріи; причина обмѣна матеріи заключается въ постоянныхъ вліяніяхъ извнѣ, однакожь при извѣстныхъ только условіяхъ, при такъ-называемыхъ условіяхъ жизни, какъ-то: теплоты, воздуха, свѣта, воды и пищи, обуславливающихъ всѣ жизненные проявленія. Доколѣ происходитъ обмѣнъ матеріи въ тѣлахъ органическихъ, ихъ называютъ живущими; съ прекращеніемъ-же его, наступаетъ смерть: органическое тѣло превращается въ трущъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, подвергается разложенію, т.-е. гніенію, истлѣванію.

Въ мірѣ тѣлъ органическихъ, относительно строенія и соотвѣтствующей ему дѣятельности ихъ, видна та непрерывная цѣль созданій, въ которой низшее звѣно образуется простѣйшими растеніями, а высшее — человѣкомъ. Въ этой цѣли незамѣтно нигдѣ рѣзкой границы между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человѣкомъ: встрѣчаются только постепенные переходы отъ однихъ къ другимъ. Такъ бывають даже органическія тѣла, о которыхъ трудно съ положительною непогрѣшимостью сказать, принадлежать-ли они къ растительному или животному царству, напр. гадры, звѣздчатка. Постепенность перехода простирается въ общемъ мірозданіи даже и далѣе, къ отношенію неорганическаго тѣла къ органическому: доказательствомъ тому можетъ служить коралль. Существенное различіе между животнымъ и растеніемъ состоитъ въ произвольномъ движеніи и ощущеніи, которыхъ лишено послѣднее; животное обязано этими способностями извѣстнымъ органамъ, не существующимъ въ растеніи, именно: мышечной и нервной системамъ. Степень развитія этихъ органовъ обуславливаетъ и развитіе самаго животного: по-мѣрѣ-того, какъ эти органы въ низшихъ животныхъ все болѣе и болѣе упрощаются, дѣлаясь въ нѣкоторыхъ едва замѣтными, уменьшается и ослабляет-

ся и способность ошущенія и движенія, доводя простѣйшія животныя до подобія растеніямъ. На-оборотъ, чѣмъ сильнѣе развиты въ животныхъ мышечная и нервная системы, тѣмъ ближе подходит оно, по свойствамъ своимъ, къ человѣку. Въ человѣкѣ, обладающемъ совершеннѣйшимъ мозгомъ, нервная система достигаетъ, съ развитіемъ его организма, до высочайшаго совершенства, и потому онъ, какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ, далеко превосходитъ всѣ остальные роды животныхъ.

Каждое органическое тѣло, и тѣмъ болѣе, конечно, высшее звѣно—человѣкъ, есть малый міръ, *microcosmus*, по отношенію къ всеобщему живому организму, т. - е. всей вселенной, *macrocosmi*. Въ этомъ-то маломъ мірѣ находимъ мы, въ періодъ его жизни, то, что встрѣчаемъ ежедневно отъ сотворенія міра, на каждомъ шагу, во всей природѣ, въ большомъ мірѣ. Въ природѣ всѣ вещества, существующія отъ сотворенія міра, не увеличиваются и не уменьшаются; они могутъ только переходить изъ одного тѣла въ другое, не прекращая своей дѣятельности: здѣсь нѣтъ смерти. Но и смерть малаго міра, *microcosmi*, не есть конечное разрушеніе; и въ немъ есть, въ сущности, только преобразование того, что умираетъ, подобный-же переходъ изъ одного тѣла въ другое, съ тѣмъ только различіемъ, что жизнь *microcosmi* поглощается здѣсь общою, вѣчною жизнію *macrocosmi*: такимъ образомъ, смерть органическаго тѣла не должна приниматься за послѣдній, конечный процессъ его бытія; изъ кажущагося ничтожества, трупа или праха оно возвращается къ новой жизни. Справедливость этого заключенія нагляднѣйшимъ образомъ представляется въ самомъ поверхностномъ сравненіи того, чѣмъ былъ міръ за нѣсколько тысячъ лѣтъ, съ положеніемъ его въ наше время: изъ подобнаго сравненія сама собою вытекаетъ истина, что природа есть великій и безусловно-полный жизни организмъ. Кудабы наблюдатель не устремилъ въ ней пылкій взоръ свой—на близкіе окружающіе предметы, или въ безпредѣльныя подѣ-

облачныя пространства, или въ нѣдра земли, вездѣ встрѣчаетъ онъ эту полноту жизни, отражающуюся въ непрерывныхъ превращеніяхъ и движеніяхъ, въ соединеніи и разрѣшеніи. То же самое замѣчаемъ и въ-частности, въ тѣлахъ органическихъ. Мы видѣли, что при жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, растенія, животныя, а съ ними и человѣкъ, претерпѣваютъ цѣлый рядъ измѣненій; эти измѣненія не прекращаются и по смерти; въ этомъ случаѣ смерть легко уподобить огню, который не истребляетъ горючаго матеріала, а только измѣняетъ, разлагаетъ его. Такъ точно и послѣ смерти, разрушеніе и уничтоженіе тѣла касается лишь внѣшней общей формы его и взаимнаго отношенія составныхъ его частей; между-тѣмъ-какъ сама матерія остается вѣчною и неистощимою, доставляя собою матеріалъ для новыхъ тѣлъ. Такъ, растенія и животныя, старая или нетлѣвая, разлагаются на отдѣльныя составныя части; однѣ—воздухообразныя, улетучиваются, другія—твердыя, остаются въ видѣ золы. Эти-то разложившіеся элементы и составляютъ собою матеріалъ, изъ котораго живая природа, не допускающая въ себѣ бездѣйствія, требующая постоянного обращенія веществъ, въ ней находящихся, создаетъ новые образы. Отсюда, напр., дерево, которое цвѣло за нѣсколько тысячъ лѣтъ сему назадъ, добывается въ наше время изъ нѣдръ земли въ видѣ каменнаго угля. Мы сожигаемъ уголь, и вновь происходитъ только разложеніе, при которомъ опять не исчезаетъ даромъ ни одна пылинка: значительная часть его, уносясь въ воздухъ, служитъ пищею для новыхъ растений, которыя, въ свою очередь, питаютъ животныхъ и человѣка. Такъ, вещество, принадлежавшее въ давнюю старину дереву, дѣлается составною частію животныхъ и человѣка, а по смерти послѣднихъ снова можетъ превратиться въ растеніе.

Наука явленій цѣлой природы, *macrocosmi*, называется физиологіею; наука-же явленій въ какомъ-нибудь отдѣльномъ органическомъ тѣлѣ, во время его жизни, называется физиологіею этого органическаго тѣла. Къ явленіямъ въ органическихъ

тѣлахъ принадлежать: выростаніе, движеніе различныхъ жидкостей внутри ихъ, принятіе и переработываніе различной пищи и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для точнаго уясненія подобныхъ явленій предстоитъ неизбѣжная необходимость знать внутреннее устройство органическихъ тѣлъ, предварительное знакомство съ органическими тканями: ячейками, волокнами, трубочками, перепонками, потому-что всѣ жизненные процессы растительнаго, животнаго и человѣческаго тѣлъ совершаются при посредствѣ упомянутыхъ снарядовъ, исключительно слѣдуя физическимъ и химическимъ законамъ, т.-е. закону эндосмоса, капиллярности и взаимнаго сродства. Послѣ всего сказаннаго, нѣтъ надобности распространяться, что для опредѣленія устройства органическихъ тѣлъ предстоитъ настоящая необходимость разсѣкать, разрѣзывать ихъ, съ каковою цѣлю и употребляется ножъ, какъ главное орудіе анатома, т.-е. человѣка, занимающагося разсѣченіемъ, вскрытіемъ тѣла. Слово *анатомія* происходитъ отъ Греческаго *ἀνατομία*, а это послѣднее отъ Греческаго глагола *ἀνατέμνω*, что означаетъ разсѣкать, разрѣзывать, и опредѣляетъ собою въ обширномъ смыслѣ науку объ устройствѣ тѣлъ органическихъ. Она разлагаетъ органическія тѣла на составныя его части, рассматриваетъ ихъ отношенія между-собою, изслѣдуетъ какъ наружныя, подлежащія чувствамъ, свойства, такъ и внутреннее устройство, словомъ, — на мертвомъ тѣлѣ изучаетъ она все то, что было въ жизни. Но органическія тѣла состоятъ изъ двухъ царствъ: растительнаго и животнаго, отсюда и анатомія распадается на *phytotomia* и *zootomia*. Отдѣльную часть послѣдней составляетъ специальная наша наука, именно анатомія человѣка, отличающагося отъ остальныхъ млекопитающихъ животныхъ стройнѣйшимъ тѣлосложеніемъ, отвѣснымъ хожденіемъ, членораздѣльною рѣчью, вполне свободнымъ движеніемъ рукъ, искусно-устроенною ручною кистью, равномернымъ развитіемъ всѣхъ чувствъ и способностью жить во всѣхъ частяхъ свѣта, но болѣе всего разумомъ и свободною волею.



Представивши главнѣйшія свойства тѣлъ органическихъ, указавши на способы изъ изученія и въ-частности на способъ изученія тѣла человѣческаго — предметъ нашихъ будущихъ занятій, скажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній, въ-частности, о послѣднемъ.

Всѣ люди, населяющіе землю, сходятся между-собою въ строеніи организма и составляютъ изъ себя особый родъ, который, относясь, по физическимъ своимъ свойствамъ, къ классу млекопитающихъ, наиболѣе приближается къ четверо-рукимъ животнымъ и образуетъ единственный отрядъ двурукихъ (*bimanes*). Древніе естествоиспытатели, замѣчая бросающаеся на первый взглядъ сходство между человѣкомъ и особаго рода обезьянами, причисляли его къ породѣ послѣднихъ; но человѣкъ, какъ одаренный высочайшимъ и ему исключительно только на землѣ принадлежащимъ свойствомъ разума и свободной воли, слишкомъ рѣзко выдѣляется отъ всѣхъ животныхъ и не только не можетъ причисляться къ какой-бы то ни было породѣ послѣднихъ, но непременно долженъ составлять собою особый родъ или царство, именно — царство человѣка. Какъ ни близки люди другъ къ другу, но и между ними, при взглядѣ на обитателей земнаго шара, представляется весьма явственное различіе: климатъ, географическое и физическое положеніе мѣстности, пища, и многія другія особенности не могли оставаться безъ сильнаго вліянія, какъ въ-теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій послѣднее не могло не отразиться въ рѣзности различія самыхъ народовъ. На этомъ основаніи родъ человѣчскій раздѣляется на нѣсколько племенъ. Племена эти представляютъ большое различіе не по одному наружному виду, но и по умственнымъ способностямъ, измѣняющимся немалю и вслѣдствіе различныхъ нравовъ, привычекъ и воспитанія. По степени сходства въ тѣлостроеніи, естествоиспытатель Блюменбахъ раздѣляетъ весь родъ человѣчскій на слѣдующія пять племенъ: Кавказское, Монгольское, Эіопское, Американское и Малайское.

Для изученія устройства человѣческаго тѣла необходимо, замѣтили мы, разсѣкать его; отсюда понятно, что и изученіе все должно совершаться на мертвомъ тѣлѣ; въ немъ, со всею точностію и подробностію, изучаемъ мы составныя его части: кости, связки, мышцы, внутренности, сосуды, нервы, органы чувствъ, а потомъ, путемъ опыта и тщательныхъ наблюденій, опредѣляемъ и отправленіе въ жизни частей этихъ. Последнее принадлежитъ физиологій, первое составляетъ предметъ анатоміи. Полагаю, что нѣтъ нужды доказывать, что изученіе полного и вѣрнаго устройства тѣлесной природы человѣка не можетъ быть ограничено чтеніемъ однихъ руководствъ, какъ-бы подробны и ясны по изложенію они ни были; необходимость упражненія надъ трупами представляется слишкомъ очевидною. Здѣсь не излишне сказать нѣсколько словъ объ историческомъ взглядѣ на подобныя занятія. Въ древнія, до-христіанскія времена, трупосѣченія совершались крайне рѣдко, вслѣдствіе предразсудковъ и суевѣрій, въ-силу которыхъ трупъ считался неприкосновеннымъ; эгоизмъ въ жизни, погруженность въ исключительную свою личность продолжались въ ту эпоху и за смертію человѣка, и вотъ единственная и существеннѣйшая причина неразвитости тогда анатоміи, а вслѣдъ за нею, какъ отъ неизбежной причины, и слабость всей медицины. Суевѣріе и предразсудки продолжались долгое время и въ періодъ христіанства, не смотря на то, что ученіе Спасителя не только не противорѣчило анатомическимъ занятіямъ, а напротивъ, принимая во вниманіе основное положеніе его — любить ближняго, какъ брата, помогать ему всѣми зависящими средствами въ нуждѣ и болѣзняхъ, скорѣе вызывало такія занятія. Даже въ началѣ XIV столѣтія, изъ устъ знаменитаго профессора Болонскаго университета Мондини мы слышимъ отголосокъ религіознаго суевѣрія; вотъ его слова: *ossa autem alia, quae sunt infra basilare, non bene ad sensum apparent, nisi ossa illa decoquantur, sed propter peccatum dimittere commeri.* Только съ распространеніемъ истиннаго гуманизма, а съ нимъ и истиннаго пониманія идей и цѣлей ученія

Христова мало-по-малу разсѣлся невѣжественный и суевѣрный взглядъ на анатомію и она сдѣлалась необходимою наукою въ томъ кругѣ человѣческаго образованія, которое направлено непосредственно на благосостояніе человечества. Неудивительно-ли, понятно-ли, послѣ этого, слышать о гоненіи на анатомію въ настоящее время, въ срединномъ государствѣ Европеекомъ, въ томъ его центрѣ, гдѣ такъ роскошно, съ такими обильными успѣхами, со столь живо-признанною всѣмъ образованнымъ міромъ пользою развивалась доселѣ эта наука? Я говорю объ интердиктѣ трупосѣченія, только-что изданномъ Вѣнскимъ архіепископомъ, — объ интердиктѣ, такъ живо напоминающемъ намъ буллу папы Бонифація VIII (1300). Цѣль такого интердикта для насъ непонятна, причины его неизвѣстны; но какія-бы причины ни высказалъ архіепископъ, въ нашихъ глазахъ онъ постоянно будетъ служить свидѣтелемъ непостижимаго по непослѣдовательности возвращенія къ тому невѣжественному и полному предразсудковъ возрѣнію на анатомію, какое характеризуетъ языческое время древнихъ народовъ и необразованные до грубости вѣка средне-христіанскіе (\*). Тамъ, гдѣ на мертвомъ дѣйствуетъ пытливый умъ разумаго существа съ исключительною, безъ всякой посторонней примѣси, цѣлью доставить пользу, благодѣяніе живому обществу людей, не можетъ быть разумной и справедливой причины въ противодѣйствіи. Подобное запрещеніе, надѣмся, не постоянное и не долговременное, вызываетъ только насъ на глубокою благодарность нашему отечественному правительству, которое не только не замедляетъ, а напротивъ содѣйствуетъ успѣхамъ анатоміи на всемъ громадномъ пространствѣ территоріи Русской. И мы смѣло продолжаемъ, что свѣдѣнія анатомическія, столь необходимы для блага всей медицины, могутъ приобрѣтаться съ успѣхомъ только посредствомъ препаровокъ, въ секціонной залѣ, надъ трупами.

(\* Къ-счастью, извѣстіе о запрещеніи трупосѣченія, въ послѣднее время, передъ напечатаніемъ этой лекціи, оказалось, если не вполне еще отвергнутымъ, то крайне сомнительнымъ.

Но, съ другой стороны, при отсутствіи элементарныхъ знаній устройства человѣческаго тѣла, естественно, нельзя приступить непосредственно къ препаровкамъ, съ этою цѣлю и назначены лекціи по анатоміи, какъ посредники, руководители. На лекціяхъ описываются кости, связки, мускулы, внутренности, сосуды, нервы и органы чувствъ, въ силу этого и наша анатомія называется *описательною*. И такъ, описательная анатомія имѣетъ предметомъ изученіе частей человѣческаго тѣла, но въ здоровомъ его состояніи, съ цѣлю примѣнить свѣдѣнія о неизмѣненныхъ болѣзнями частяхъ къ явленіямъ жизни человѣка; на этомъ основаніи, она носитъ вмѣстѣ и названіе *физиологической анатоміи*.

На описаніи только упомянутыхъ частей человѣческаго тѣла не останавливается однако наша наука; она занимается и мельчайшими частицами, даже недоступными невооруженному глазу, т.-е., описаніемъ ячеекъ, трубочекъ, волоконъ и перепонокъ, образующихъ основу вышеприведенныхъ частей тѣла человѣческаго и развивающихся по одному и тому-же закону, по такъ-называемому общему закону ячеистаго образованія, и въ такомъ случаѣ анатомія называется *общей*, или, такъ-какъ имѣетъ дѣло съ тканями, *гистологіею*. По орудію-же, которое употребляютъ для извѣданія этихъ тканей, общая анатомія, или гистологія, называется еще и *микроскопическою*.

Описаніе частей человѣческаго тѣла, измѣненныхъ болѣзнями, и развитіе ихъ составляетъ предметъ анатоміи *патологической*, безъ которой точно также не можетъ обойтись врачеваніе, какъ самая патологическая анатомія не можетъ существовать безъ физиологической. Таково значеніе нашей науки.

Огромный объемъ физиологической (описательной) анатоміи побудилъ врачей, наиболѣе занимающихся операціями, составить изъ нея выборъ тѣхъ частей, въ какихъ наиболѣе они

нуждаются, и вслѣдствіе это явилась анатомія *хирургическая*, подъ различными названіями. Такимъ-образомъ и здѣсь, при леченіи самыхъ опасныхъ болѣзненныхъ случаевъ, требующихъ роковаго инструмента, наша наука служитъ первымъ руководителемъ.

Всѣ приведенныя подраздѣченія анатомія явились вслѣдствіе увеличенія объема нашей науки и трудности примѣнять ее ко всѣмъ частямъ медицины. Говоря строго, анатомія должна включить въ себя все то, что необходимо для практики, какъ медицинской, такъ и хирургической: потому-что существеннѣйшая цѣль анатоміи — изъ познаній устройства и отправленій человѣческаго тѣла сдѣлать прямое приложеніе къ болѣзнямъ человѣка.

Теперь остается намъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи анатоміи къ прочимъ наукамъ медицинскимъ и представить характеръ и значеніе номенклатуры анатомической, чтобы завершить общій обзоръ тѣхъ предметовъ, вопросы по которымъ предложены нами выше.

Вполнѣ справедливо называютъ анатомію царицею медицины. Дѣйствительно, послѣдняя не можетъ и существовать безъ первой; анатомія есть то средоточіе медицинскихъ свѣдѣній, откуда вытекаетъ прочность и основательность ихъ и гдѣ существенно заключенъ залогъ той пользы, какую имѣетъ право ожидать человѣчество отъ cadaго истиннаго врача. Будучи самостоятельною наукою сама-по-себѣ, анатомія является необходимымъ руководителемъ cadaго врача въ его тяжелой практической дѣятельности. Исторія медицины доказываетъ такое значеніе анатоміи неопровержимымъ фактомъ, предлагая намъ свѣдѣніе, что великіе врачи, неутомимые и чувствительные къ прелестямъ науки врачеванія мыслители, въ то-же вре-

мя были знатоками и анатоміи. Приученность ихъ умственнаго глаза къ красотѣ и гармоніи человѣческаго тѣла всегда служила наилучшимъ орудіемъ быстроты и правильности взгляда на всѣ отклоненія его отъ нормальнаго вида, т.-е. орудіемъ опредѣленія болѣзней. Не упоминая объ иностранцахъ, въ примѣръ можемъ привести нѣкоторыхъ отечественныхъ врачей, исключительно посвятившихъ свои занятія анатоміи: *Буяльскаго*, братьевъ *Нарановичей*, бывшаго у насъ профессора *Ванцетти*, но болѣе всего знаменитаго *Пирогова*, съ которымъ, въ настоящее время, по знаніямъ анатомическимъ едва-ли кто-нибудь можетъ сравниться. Нагляднѣйшее доказательство — въ его «Хирургической анатоміи», — въ трудѣ, подобнаго которому не встрѣчаемъ мы по этой части и на иностранныхъ языкахъ. Изъ него мы тоже видѣть, до какихъ высокихъ результатовъ можетъ довести человѣческой трудъ, соединенный съ разумною настойчивостію и глубокою любовію къ предмету. Съ настоящей минуты открывается и вамъ возможность сдѣлаться столь-же полезными людьми и, при будущемъ распоряженіи жизнію себѣ подобныхъ, отдать столь-же отрадный обществу отчетъ въ прочной анатомической приготовленности, къ которой вы теперь приступаете. Здѣсь, въ этомъ святилищѣ науки, должны вы запастись основаніями будущихъ на себя надеждъ общества, того высокаго значенія въ немъ, какое опредѣлительно отмѣчено и въ священномъ писаніи: *художество врача вознесетъ главу его, и предъ вельможами удивимъ будетъ* (Книга премудрости Іисуса сына Сирахова, глава 38, стихъ 3). Правда, немаловажный предстоитъ трудъ вамъ, чтобы всецѣло осуществить высокое значеніе врача; но безъ труда нѣтъ нравственной жизни, къ какой призванъ въ міръ человѣкъ. Тотъ *dulcis non tenuit qui non gustavit amara*. Припоминайте чаще изреченіе Овнаія, хотя и поэта языческаго, но выразившаго въ немъ общечеловѣческую истину: *durate nunc et in posterum vosmet rebus servate secundis*. Вы, молодое поколѣніе, свѣжее силами, полно-

стремленій, чуждое житейскихъ расчетовъ, не почувствуете труда въ изученіи основы медицины, поставленной вами цѣлю общественной жизни; внѣ стѣнъ университета крайне рѣдко, чаще вовсе не представляется врачу случая продолжать изученіе этой основы, т.-е. анатоміи. Тѣмъ большее, слѣдовательно, вниманіе, тѣмъ сильнѣйшій трудъ долженъ быть приложенъ къ ней-теперь. Безъ нея не въ-состояніи мы отчетливо опредѣлить сущности и свойствъ болѣзни, тѣмъ менѣе успѣшно сдѣлать операцію; другими словами, безъ нея нѣтъ истиннаго врача и еще больше — полезнаго хирурга. Такимъ-образомъ, ваша будущая слава, ваше имя находится въ полной зависимости отъ степени свѣдѣній анатомическихъ. Какимъ образомъ поймете вы страданія печени, желудка и проч., если не будете знать положенія этихъ органовъ? Какимъ образомъ объясните себѣ звуки сердца, не зная положенія и устройства его? Какъ приступите къ страждущему съ вооруженною инструментомъ рукою, не изучивши изъ анатоміи путей къ закрытымъ источникамъ жизни? Безъ анатоміи не проникните вы и въ нежнѣйшій органъ зрѣнія — глазъ; не въ-состояніи будете устранить препятствія къ наслажденію природою родившимся съ катарактою; не откроете Фирмаента въ послѣднія минуты жизни старика.

Не будемъ однакожь думать, чтобы анатомія должна была составлять исключительную принадлежность врачей-спеціалистовъ; подобно другимъ наукамъ, и она должна входить въ общество и составлять необходимую принадлежность всякаго образованнаго человѣка. Если мы изучаемъ макрокозмъ, и въ-цѣлости и въ-частности, если въ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ читаются лекціи по механикѣ, химіи, технологіи, съ цѣлю расширить кругъ народнаго образованія, то какъ-же можемъ мы оставаться равнодушными къ своему микрокозму, не извѣдать устройства и отправленія своего собственнаго тѣла. Знаніе устройства, свойствъ, законовъ и видоизмѣненій

человѣческаго организма составляетъ одно изъ первыхъ и необходимѣйшихъ условій не только истиннаго образованія, но и непосредственнаго нашего благоденствія. Изучая, какъ устроенъ человѣкъ, способъ его развитія, какія вліянія обнаруживаетъ на него внѣшній міръ, что полезно или вредно, и почему именно, какимъ-образомъ сохранять жизнь и здоровье, какъ совершенствовать нашъ организмъ, какъ возстановить его въ случаѣ болѣзни, мы можемъ упрочить образъ жизни, осчастливить будущее поколѣніе, воспитаемъ его по законамъ челоѣческой природы. Въ недугахъ часто и безъ врача прибѣгаютъ къ искусственнымъ лекарствамъ, отдавая имъ преимущество передъ естественными лечебными средствами — воздухомъ, температурою, діетою (т. е. употребленіемъ надлежащаго количества пищи), водою, покоемъ, движеніемъ и т. д. Проводя основательныя познанія о челоѣкѣ въ общество, сколько можемъ мы принести пользы родителямъ, воспитателямъ и вообще всякому челоѣку. Изучая разные процессы явленія организма въ отдѣльности, напр. пищеваренія, дыханія, кровообращенія и т. п., какъ часто могли-бы обращать въ пользу естественныя лекарства, какъ-то: температуру, діету, воду, покой, движеніе и др.; какъ часто удавалось-бы спасти отъ смерти челоѣка, у котораго ранена артерія, еслибы каждый зналъ, что сдавленіемъ выше раны онъ прекратилъ-бы смертельное кровотеченіе; какъ успѣшно механики и физики, изучивъ анатомію вообще, могли-бы воспользоваться въ своей дѣятельности превосходными оригиналами природы.

Этого достаточно, чтобы убѣдиться въ важности и необходимости анатоміи не только для врача, но и для всякаго образованнаго челоѣка. Въ наукахъ-же естественныхъ и особенно въ медицинѣ она должна занимать первое мѣсто. Для изученія тайнъ послѣдней собственно достаточны анатомическій и клиническій институты. Лишь вслѣдствіе новыхъ открытій, при стремленіи облегчить способы изученія, къ этимъ институтамъ



присоединили то множество предметовъ, которые составляютъ теперь объемъ медицинскаго приготовления; съ этимъ вмѣстѣ выдѣлили въ особую науку и нераздѣльную часть анатоміи — физиологію, и сдѣлали первую, такъ-сказать, мертвою наукою. Самъ знаменитый физиологъ Галлеръ признаетъ физиологію нераздѣльною отъ анатоміи; вотъ его слова: *qui physiologiam ab anatomia avellere studuerunt, ii certe mihi videntur cum mathematicis posse comparari qui machinas alicujus vires et functiones calculo exprimentes suscipiunt, cujus neque rotas cognitatas habent, neque mensuras, neque materiam*. Такимъ образомъ, анатомія сведена на степень механическаго изученія мертваго тѣла, посредствомъ его разсѣченія, и ограничена изученіемъ, какъ лексикона, различныхъ анатомическихъ названій. Подобная ограниченность, впрочемъ, анатоміи нисколько не ослабляетъ ея значенія по той цѣли, съ какою изучается мертвое тѣло: цѣль все-таки состоитъ въ примѣненіи развѣданнаго на мертвомъ къ живому существу.

Обращаясь къ разсѣченію трупа, до наступленія гніенія, мы должны предварительно ознакомиться и съ анатомическою терминологіею. Она представляетъ собою собраніе весьма разнообразныхъ выраженій, нерѣдко не заключающихъ въ себѣ надлежащаго смысла и вообще довольно дурно придуманныхъ. Причина такого свойства терминологіи анатомической заключается въ томъ, что части человѣческаго тѣла узнаны были въ то время, когда умъ наблюдателя не трудился еще понять ихъ отправленіе. Отсюда нисколько не удивительно встрѣтятся иногда смѣшныя, еще болѣе не соответствующіе своему назначенію термины, преимущественно въ той части анатоміи, которая происходитъ отъ древнихъ временъ, такъ напр.: *arteria* означаетъ проходъ воздуха, между-тѣмъ-какъ въ ней течетъ кровь; *bronchus* означаетъ дорогу для питья, тогда-какъ въ *bronchiis* проходитъ воздухъ и т. д. Средніе вѣка оставили въ

анатомія не болѣе удачныя термины, какъ это видно изъ религіозныхъ названій, какъ-то: *rotus Adami*, на щитообразномъ хрящѣ гортани; *morsus diaboli* s. *fmbridae* s. *laciniae*, на наружномъ отверстіи Фаллопиевыхъ трубъ матки; *lyra Davidis* s. *psalterium*, въ мозгѣ и проч. Вообще, термины въ анатоміи взяты изъ мѣтологіи, какъ-то: *tendo-Achillis musculi gastrocnemii*, *mons Veneris* s. *pubis*, *Nymphae* s. *labia pudenti interna* s. *minora*, *cornu Ammonis* s. *pes hippocampi major* и т. д.; или изъ зоологіи, какъ-то: *pes averinus* s. *plexus parotideus*, *vermis cerebelli* и т. д.; или изъ ботаники, какъ-то: *arbor vitae vermis cerebelli* и *uteri*, *os pisiforme* s. *rotundum*, на запястьяхъ и т. д.; или по сходству съ какимъ-либо тѣломъ, названіемъ этого послѣдняго, какъ-то: *malleolus*, *incus*, *stapes* (слуховыя косточки) и т. д.; или, наконецъ, въ терминахъ остались безсмертными имена тѣхъ анатомовъ, которые содѣйствовали открытіямъ въ анатоміи, какъ-то: *Herophilus* (Александрія, 335—280 а. Ч., *torcular Herophili* s. *confluens sinuum*, возгѣ внутренняго затылочнаго бугорка); *Galenus* (131—203 р. Ч., *vena magna Galeni* въ мозгѣ и *vena cordis Galeni*); *Sylvius* (*Jacques*, Парижъ, 1478—1555, *caro quadrata Sylvii* на подошвѣ); *Botalli* (докторъ Карла IX и Гендриха III, 1508—1589, *ductus arteriosus Botalli*, на дугѣ начальственной артеріи у зародыша); *Ingrassias* (Неаполь, 1510—1580, *alae parvae Ingrassiae* на основной кости); *Vesalius* (Падуа, Болонья и Пиза, докторъ Карла V и Филиппа II, 1514—1564, *glandulae Vesalianae* на вѣтвяхъ дыхательнаго горла); *Fallopia* (Падуа, 1523—1562, *canalis Falloppiae* на каменистой части височной кости, *ligamentum Falloppiae* на пахахъ, *tuba Falloppiae* на маткѣ и *valvula Falloppiae* при началѣ толстыхъ кишекъ); *Arantius* (Болонья, 1530—1589, *noduli Arantii* на полулунныхъ заслоночкахъ сердца и *ventriculus Arantii* въ мозги); *Varoli* (Болонья, докторъ папы Григорія XIII, 1543—1575, *pons Varoli* въ мозгѣ); *Vidianus* (Парижъ, докторъ Франциска I, + 1569, *canalis Vidianus* на основной кости); *Casserius* (Падуа, 1544—1616, *musculus perforatus*

*Casserii* и *nervus perforans Casserii* на плечѣ); *Eustachius* (Римъ, докторъ папъ, +1574, *valvula Eustachii* въ правомъ предсердіи сердца и *tuba Eustachii* въ слуховомъ органѣ); *Vauhinius* (Базель, 1550—1624, *valvula Vauhini* при переходѣ тонкихъ кишекъ въ толстыя); *Riolanus* (Парижъ, докторъ королевы Маріи Медичи, 1577—1657, *arcus Riolani* между ободочными артеріями); *Spigel* (Падуа, 1578—1625, *lineae semilunares Spigelii* по длинѣ прямого брюшнаго мускула и *lobus Spigelii* на печени); *Wormius* (Копенгагенъ, докторъ Христіана IV, 1588—1654; *ossicula Wormiana* на швахъ черепа); *Tulpius* (Амстердамъ, 1593—1674, *valvula Tulpii* при переходѣ тонкихъ кишекъ въ толстыя); *Glisson* (Англичанинъ, 1597—1677, *capsula Glissonii* на печени); *Wirsung* (Аугсбургъ, +1643, *ductus Wirsungianus* поджелудочной желѣзы); *Wharton* (Лондонъ, 1610—1673, *ductus Whartonianus* подчелюстной желѣзы); *Sylvius* (*Franz de le Voë*, Лейденъ, 1614—1672, *ossiculum Sylvii* на слуховой косточкѣ наковальни, *fossa Sylvii* и *aquaeductus Sylvii* на мозгѣ); *Higmore* (Англичанинъ, 1613—1685, *antrum Higmorei* верхней челюсти и *corpus Higmorei* яичка); *Schneider* (Виттенбергъ, 1614—1680, *membrana Scheideriana* новой полости); *Folius* (Италянецъ, род. 1615, а умеръ около половины XVII столѣтія, *processus Folii* на слуховой косточкѣ молоточка); *Willis* (Англичанинъ, 1622—1675, *circulus arteriosus Willisii* на основаніи мозга, *chordae Willisii* внутри пазухи черповидной верхней твердой мозговой оболочки и *nervus accessorius Willisii*); *Malpighi* (Болонья, Пиза и Мессина, докторъ папы Иннокентія XII, 1628—1694, *rete Malpighi* на кожѣ, *capsulae*, *corpuscula* и *stigmata Malpighii* въ селезенкѣ и *corpuscula Malpighii* въ почкахъ); *Glaser* (Базель, 1629—1675, *fissura Glaseri* на височной кости); *Lower* (Англичанинъ, 1631—1691, *tuberculum Loweri* въ сердцѣ); *Meibom* (Нѣмецъ, 1638—1700, *glandulae Meibomii* на вѣкахъ); *Ruysch* (Амстердамъ, 1638—1731, *membrana Ruyschii* на сосудистой оболочкѣ глаза); *Stenonis* (Копенгагенъ, 1638—

1686, *ductus Stenonianus* около ушной желѣзы); *Vieussens* (Монпелье, 1641—1715, *centrum semiovale Vieussensii* въ улиткѣ слуховаго органа); *Graaf* (Голландецъ, 1641—1673, *vesiculae Graafianae* въ яичникахъ); *Bellini* (Пиза, 1643—1704, *tubuli Belliniani* въ почкахъ); *Duverney* (Парижъ, 1648—1730, *glandulae Duvernei* въ нижней части рукава матки); *Tyson* (Лондонъ, род. 1651, *glandulae Tysonianae* на головкѣ мужескаго дѣтороднаго уда); *Rivinus* (Лейпцигъ, 1652—1723, *ductus Riviniani* въ подъязычныхъ желѣзахъ); *Pezer* (Шведъ, 1653—1712, *glandulae Pezeri* на тонкихъ кишкахъ); *Brunner* (Гейдельбергъ, 1653—1727, *glandulae Brunnerianae* на двѣнадцатиперстной кишкѣ); *Bartholinus* (Копенгагенъ, 1654—1704, *ductus Bartholinianus* въ подъязычныхъ желѣзахъ и *glandulae Bartholinianae* въ нижней части рукава матки); *Lancisi* (Римъ, докторъ папъ, 1654—1720, *chorda longitudinalis Lancisii* на мозолистомъ тѣлѣ мозга); *Raviius* (Лейденъ, 1658—1719, *processus Ravii* на слуховой косточкѣ молоточка); *Littre* (Французъ, 1658—1725, *glandulae Littreii* въ мужескомъ мочеиспускательномъ каналѣ); *Petit* (Французъ, 1664—1741, *canalis Petiti* на краю хрусталиковой сумочки); *Pacchioni* (Римъ, 1665—1726, *corpuscula Pacchioni* твердой мозговой оболочке); *Valsalva* (Болонья, 1666—1723, *ligamentum Valsalvae* на спиральной перегородкѣ улитки слуховаго органа и *sinus Valsalvae* при полудунныхъ заслонкахъ аорты); *Winslow* (Парижъ, 1669—1760, *arcus Winslowii* между ободочными артеріями и *foramen Winslowii* въ брюшинѣ); *Naboth* (Лейпцигъ, 1675—1721, *ovula Nabothi* на шейкѣ матки); *Douglas* (Англичанинъ, 1675—1742, *linea semicircularis Douglasii* на внутреннемъ брюшномъ мускулѣ и *plicae semilunales Douglasii* на передней сторонѣ прямой кишки); *Santorini* (Италіянецъ, 1681—1737, *musculus risorius Santorini* на лицѣ, *emissaria Santorini* т. е. вены, которыя проходятъ чрезъ тѣмныя дѣрочки и соединяють серповидную верхнюю пазуху съ головными наружными венами, *plexus gan-*

*glioformis Santorini* на нервѣ нижнечелюстномъ пятой пары мозговыхъ нервовъ, *incisurae Santorinianaе* на гортани); *Havers* (Лондонъ, жилъ во второй половинѣ XVII столѣтія, *glandulae Haversianae* въ составахъ и *canales ossei Haversiani*); *Morgagni* (Падуа, 1682—1771, *noduli Morgagnii* на полулунныхъ заслонкахъ сердца, *ventriculus Morgagnii* въ гортани, *liquor Morgagnii* въ хрусталикѣ глаза и *lacunae Morgagnii* въ мочеспускательномъ каналѣ); *Vater* (Виттенбергъ, 1684—1751, *diverticulum Vateri* въ двѣнадцатиперстной кишкѣ); *Kerckring* (Амстердамъ, 1693, *valvulae conniventes Kerckringii* въ тонкихъ кишкахъ); *Poupart* (Парижъ, † 1708, *ligamentum Poupartii* на пахахъ); *Cowper* (*William*, Лондонъ, † 1710, *glandulae Cowperi* возлѣ предстательной желѣзы); *Ferrein* (Парижъ, 1693—1769, *pyramides Ferreini* въ почкахъ); *Mauchart* (Тюбингенъ, 1696—1751, *ligamenta alaria Maucharti* на зубномъ отросткѣ втораго шейнаго позвонка); *Ridley* (Лондонъ, жилъ въ концѣ XVII столѣтія, *sinus circularis Ridleyi* на турецкомъ сѣдлѣ основной кости); *Weitbrecht* (С.-Петербургъ, 1702—1747, *lacertus medius Weitbrechti* связка между затылочною костью и первымъ шейнымъ позвонкомъ), *Lieutaud* (докторъ Людовика XVI, 1703—1780, *trigonum vesicale Lieutaudii* на мочевомъ пузырьѣ); *Thebesius* (Нѣмецъ, жилъ въ началѣ XVIII столѣтія, *valvula, foramina* и *venae Thebesii* въ сердцѣ); *Haller* (Геттингенъ, 1708—1777, *tripus Halleri* утробной артерій и *rete vasculosum Halleri* и *vasculum aberrans Halleri* на яичкѣ); *Lieberkuhn* (Берлинъ, 1711—1756, *ampullae* и *cryptae Lieberkuhnianae* на тонкихъ кишкахъ); *Bertin* (Французъ, 1712—1781, *ossicula Bertini* на основной кости и *columnae Bertini* въ почкахъ); *Meckel* (*Joh. Fried.*, Берлинъ, 1713—1774, *ganglion Meckelii* на верхнечелюстномъ нервѣ пятой пары мозговыхъ нервовъ и *eminentia collateralis Meckelii* въ боковыхъ желудочкахъ мозга); *Zinn* (Геттингенъ, 1726—1759, *zonula Zinnii* въ глазѣ); *Wachendorff* (Утрехтъ, жилъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, *membrana Wachendorffiana* на зрачкѣ у зародыша);

*Tarin* (Парижъ, +1761, *fossa* и *tabulae Tarini* въ мозгѣ); *Hunter* (John, Англичанинъ, 1728—1793, *gubernaculum Hunteri* на яичкѣ у зародыша); *Fontana* (Пиза, 1730—1805, *canalis Fontanae* въ глазѣ рогатаго скота); *Andersch* (Carl Samuel, Кёнигсбергъ, 1732—1777, *ganglion Anderschii nervi glossopharyngei*); *Cotunnius* (Неаполь, 1736—1822, *aquaeductus* и *liquor Cotunnii* въ улиткѣ слуховаго органа); *Wrisberg* (Геттингенъ, 1739—1808, *cartilagineae Wrisbergianae* на гортани); *Scarpa* (Модена, Павія, 1747—1832, *nervus nasopalatinus Scarpaе* и *liquor Scarpaе* въ лабиринтѣ слуховаго органа); *Demours* (Французъ, докторъ Людовика XV, +1795, *membrana Demoursii* въ передней камерѣ глаза); *Descemet* (Французъ, *membrana Descemetii* въ передней камерѣ глаза); *Blumenbach* (Геттингенъ, 1752—1841, *clivus Blumenbachii* на основной кости); *Gasser* (Вѣна, жилъ около середины XVIII столѣтiя, *ganglion Gasseri* на пятой парѣ мозговыхъ нервовъ); *Joettmerring* (Кассель, Майнцъ, Мюнхенъ, 1755—1830, *foramen centrale Joettmerringii* въ сѣтчатой (нервной) оболочкѣ глаза); *Meckel* (Phil. Fried., Галле, 1756—1803, *receptacula Meckelii* въ улиткѣ слуховаго органа); *Reil* (Галле, Берлинъ, 1758—1813, *insula, lemniscus, fissura horizontalis magna Reilii* въ мозгѣ); *Monro* (Alexander, Эдинбургъ, *foramen Monroi* между боковыми желудочками мозга); *Gimbernat* (Мадридъ, жилъ во второй половинѣ XVIII столѣтiя, *ligamentum Gimbernati* на пахахъ); *Vichat* (Парижъ, 1771—1802, *canalis Vichati* въ паутинной оболочкѣ мозга); *Wilson* (James, Лондонъ, + 1821, *musculus pubo-urethralis Wilsonii*); *Jacobson* (Копенгагенъ, 1783—1843, *nervus* и *anastomosis Jacobsonii* въ барабанной полости слуховаго органа); *Bell* (Лондонъ, +1843, *nervus respiratorius Bellii* s. *nervus thoracicus posterior*); *Horner* (Филадельфiя, *musculus tensor tarsi Horneri* на глазѣ); *Baer* (Кёнигсбергъ, С.-Перербургъ, *vesicula Baeri* s. *ovulum humanum primitivum* въ развитiи зародыша); *Purkinje* (Бреславль, *vesicula Purkinje* s. *vesicula germinativa* s. *prolifera* въ развитiи зародыша); *Arnold* (Фрейбургъ, *ganglion Arnoldi* вблизи нижнечелюстна-

го нерва пятой пары мозговыхъ нервовъ); *Schlemm* (Берлинъ, *canalis Schlemmii* на краю роговой непрозрачной оболочки глаза); *Jacob* (Дублинъ, *membrana Jacobi* на сѣтчатой (нервной) оболочкѣ глаза); *Müller* (Берлинъ, *ganglion Muellerei nervi glossopharyngei*). Не увеличивая и безъ того уже длиннаго списка терминологическихъ именъ, въ заключеніе однакожь считаю долгомъ упомянуть о нашемъ *Пироговъ*, который блеститъ, какъ самая свѣтлая звѣзда, среди всѣхъ своихъ предшественниковъ въ наукѣ анатоміи.

Такимъ образомъ, анатомія, какъ наука самостоятельная, не нуждающаяся въ пособіи другихъ наукъ медицинскихъ, имѣетъ свой особый языкъ, которымъ обогащаетъ она и остальные науки медицинскія, требующія предварительнаго изученія анатоміи. Языкъ этотъ сухъ, названія придуманы, какъ видѣли, по произволу тѣми, которые старались раскрыть тайны машины человѣческаго тѣла; но онъ освященъ многими вѣками и настолько богатъ, чтобы не нуждаться въ пополненіяхъ и въ настоящее время. Не одна анатомія можетъ указать вамъ на устойчивость терминовъ, въ сущности не имѣющихъ часто никакого смысла; каждая наука, какъ напр., и изъ естественныхъ, которыя для васъ тоже необходимы, выставитъ цѣлый рядъ подобныхъ-же несоотвѣтственныхъ цѣли и назначенію выраженій, которыя однакожь, въ-силу усвоенія ихъ, не кажутся намъ чуждыми. Не одна анатомія, но и другія науки, для составленія своего словаря, брали слова извнѣ, изъ другихъ наукъ, по той тѣсной между всѣми науками связи, при которой всѣ науки являются рождающимися одна изъ другой. Прежде чѣмъ подумалъ человѣкъ объ изученіи себя самого, онъ изслѣдовалъ окружающую природу, царство растительное, животное, словомъ весь міръ; поражаясь его великолѣпіемъ, дивною гармоніею, онъ не могъ не поставить и себя среди подобныхъ-же предметовъ. Отыскивая съ ними сходство въ своемъ тѣлѣ, естественно, что и названія для послѣдняго переносилъ онъ

отъ первыхъ. Удивительно-ли, что въ изученіи устройства человѣка мы встрѣчаемъ названія, взятые изъ всей вселенной, если припомнимъ, что человѣкъ есть микрокозмъ въ макрокозмѣ. Мы уже выше замѣтили, что все то, что поражаетъ насъ въ макрокозмѣ, можемъ найти въ своемъ микрокозмѣ, а поэтому и слова всѣхъ почти наукъ о существующемъ во вселенной приняты и едва-ли могутъ быть измѣнены въ нашей наукѣ. Нѣтъ и быть не можетъ спора, что для насъ все равно, какова-бы ни была терминологія; намъ важно знать части, обозначаемыя извѣстными терминами, назначеніе и отправленіе ихъ въ человѣкѣ; признанный всѣми словарь необходимо долженъ быть изученъ для всей медицины, для ея пониманія и послѣдующаго усовершенствованія. Въ общежитіи каждый человѣкъ долженъ сообразоваться со всеобщими обычаями страны, въ которой пришлось жить ему; такъ точно и вы, желая сродниться съ медициною, должны заранѣе ознакомиться съ органомъ ея, языкомъ анатомическимъ.

На этомъ я останавливаюсь. Не могу однакожь, въ заключеніе, не присоединить еще нѣсколько словъ о конечной цѣли, какую постоянно долженъ имѣть въ виду изучающій анатомію на мертвомъ своемъ собратѣ, человѣкѣ; помните и знайте, что эта конечная цѣль заключается въ той пользѣ, какую должны вы принести изъ изученія тѣла человѣческаго на трупѣ живому человѣку: *quisquis enim, говоритъ Риоланъ, artificiose corpora humana secare novit, eorumque singulas particulas diligenter inquiri, ex his latentium morborum causas et sedes facile intelliget, nec non accomodata remedia praescribet.* Такимъ образомъ *hic locus* (т. е. въ анатомическомъ театрѣ) *est, ubi mors* (т. е. трупъ) *gaudet succurrere vitae.* Отчетливое и глубокое познаніе себя самаго и ознакомленіе другихъ съ самими собою доставитъ наилучшее средство познать премудрость Творца въ наивысшемъ Его твореніи — человѣкѣ, какъ маломъ мірѣ (*microcosmus*), от-



ражающемъ на себѣ всю вселенную (*macrocosmus*): *sacrum sermonem*, говоритъ Галенъ, *quem ego Conditoris nostri verum hunc compo, existimoque in hoc veram esse pietatem, non si tauronum hecatombas ei plurimas sacrificaverim, et casias aliaque sexcenta odoramenta ac unguenta suffumigaverim, sed si noverim ipse primus, deinde et aliis exposuerim quatenam sit ipsius sapientia, quae virtus, quae bonitas.*

И. ВОЛКОНИРСКИЙ.

### III.

#### ИЗВѢСТІЯ

#### ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

---

#### ОТЧЕТЪ

#### II-го ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1858 годъ (\*).

---

Каждый разъ, когда мы являемся здѣсь передъ вами, милостивые государи, мы какъ-бы возобновляемъ недавно-прерванную бесѣду объ одномъ и томъ-же предметѣ, объ однихъ и тѣхъ-же продолжающихся событіяхъ, интересъ коихъ состоитъ не въ томъ, чтобы въ нихъ было что-нибудь громкое и чрезвычайное, а единственно въ томъ, что они принадлежатъ наукѣ. Въ нашъ вѣкъ этого интереса достаточно, безъ приманчиваго блеска, чтобы привлечь вниманіе людей мыслящихъ. Наука, впрочемъ, и не думаетъ изумлять, поражать умы чрезвычайностями; напротивъ, одно изъ ея прекрасныхъ назначеній состоитъ именно въ томъ, чтобы отнимать у явленій жизни и исторіи все чрезвычайное, приводя ихъ къ простымъ и яснымъ законамъ. Оттого усилія ея осторожны и неторопливы. Тихими, непрерывными шагами она приходитъ къ результатамъ, которыхъ важность, большею частію, подобно постепенному и незамѣтному распространенію теплоты и свѣта въ

---

(\*) Читанъ въ годичномъ собраніи академіи ординарнымъ академикомъ А. Р. Никитенко, 29 декабря 1868 г.

атмосферѣ, узнается только въ измѣнившемся и усовершенствованномъ общемъ ходѣ человѣческихъ понятій. II-е отдѣленіе академіи представляетъ вашему просвѣщенному вниманію, милостивые государи, изображеніе одного изъ подобныхъ скромныхъ воздѣлываній въ кругу науки за истекшій годъ. Имѣя цѣлю своею истинно-ученую обработку отечественнаго слова, оно преимущественно обращало свою дѣятельность на тѣ задачи и вопросы, рѣшеніе коихъ должно служить основаніемъ для полнаго и всесторонняго уразумѣнія нашего богатаго и великолѣпнаго языка. Анализъ предшествуетъ въ наукѣ синтезу; посвящая труды свои этому анализу, какъ на путѣ историческаго развитія языка, такъ и въ настоящемъ егò сдѣствѣ, мы думаемъ, что не имѣемъ права оставлять безъ вниманія ни одного явленія въ немъ и должны преслѣдовать его нашими изысканіями тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ незамѣтнѣе они для многихъ и чѣмъ менѣе можно ожидать подобныхъ изысканій отъ литературныхъ и филологическихъ деятелей.

Отдѣленіе въ настоящее время состоитъ изъ 16 ординарныхъ, двухъ экстра-ординарныхъ академикозвъ, 17 внутреннихъ и 7 внѣшнихъ корреспондентовъ. Сверхъ-того къ нему причислены члены бывшей Россійской академіи съ наименованіемъ почетныхъ. Ихъ нынѣ осталось 7.

Изъ 16-ти дѣйствительныхъ членозвъ, нѣкоторые постоянно живутъ внѣ Петербурга, явые, по принятіи ихъ въ члены, призваны къ важнымъ занятіямъ по административной службѣ, и потому ни тѣ, ни другіе не могутъ принимать дѣятельнаго участія въ трудахъ академическихъ, которые такимъ образомъ падаютъ исключительно на восемь членозвъ. Они суть: предсѣдательствующій И. И. Давыдовъ, П. А. Плетневъ, А. Х. Востоковъ, К. И. Арсеньевъ, И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ и Ш. П. Дубровскій. А. В. Никитенко также завѣдываетъ дѣлами отдѣленія.

Въ теченіе сего года мы имѣли прискорбіе лишиться одного изъ усердныхъ и полезныхъ сочленозвъ. 13 января, послѣ пятнадцатидневной тяжкой болѣзни, скончался ординарный академикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ М. А. Коркуновъ на 58 мѣ году отъ рожденія.

Онъ родился въ Пензѣ 2 сентября 1806 года, началъ образованіе свое въ тамошней семинаріи, а довершилъ его въ Москов-

скомъ университетѣ по филологическому отдѣленію, занимаясь преимущественно восточными языками. По окончаніи курса наукъ въ 1828 году, онъ сперва былъ опредѣленъ въ университетъ преподавателемъ Арабскаго языка, а потомъ древней географіи; въ 1836 году перешелъ въ Санктпетербургъ, поступивъ въ археографическую комиссію. Въ члены академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности онъ былъ избранъ въ 1847 году, и съ того времени постоянно и ревностно участвовалъ въ трудахъ отдѣленія, какъ членъ и завѣдывающій дѣлами его, какъ одинъ изъ членовъ редакціи «Словаря церковно-Славянскаго языка» и редакторъ академическаго календаря. Этотъ послѣдній трудъ лежалъ на немъ впродолженіе восьми лѣтъ. Въ то-же время покойный Коркуновъ исполнялъ обязанности свои и по археографической комиссіи; III и V томы «Актвъ историческихъ» и шесть томовъ «Дополненій» изданы подъ его редакціей. Собственныя сочиненія его, преимущественно по части отечественной археологіи, напечатаны въ «Извѣстіяхъ» нашего отдѣленія и въ другихъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ. Коркуновъ принадлежалъ къ той сферѣ науки, гдѣ собираются и готовятся ея матеріалы—и здѣсь онъ отличался неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью. Онъ оставилъ по себѣ неукоризненную память скромнаго, но полезнаго дѣятеля науки и въ полномъ смыслѣ благороднаго человѣка.

Засѣданія отдѣленія постоянно происходили по два раза въ недѣлю. Въ нихъ читаны были сочиненныя членами статьи и разсужденія, обсуживались разные предметы, до отечественнаго языковѣдѣнія относящіяся, также сочиненія, поступающія отъ стороннихъ членовъ и корреспондентовъ, разсматривались матеріалы для областного и общаго словарей Русскаго языка и рѣшались вопросы, возникающіе изъ перашски и сношеній отдѣленія съ другими людьми.

Кромѣ сихъ занятій, члены отдѣленія участвовали въ сужденіяхъ о присвоеніи наградъ за сочиненія, явступившія въ академію на Демидовскую и Уваровскую преміи. Такъ-какъ сочиненія, вызываемыя послѣднею, касаются наиболѣе до Русской изящной словесности, и именно драматической поэзіи, то сужденія о нихъ, при участіи нѣкоторыхъ литераторовъ, возложены преимущественно на членовъ II отдѣленія. Въ семъ году поступило 6 трагедій и 3 комедіи. Результатъ разсматриванія этихъ пьесъ, къ сожалѣнію, не былъ благоприятенъ: ни одна изъ нихъ не признана достойною

награды. Такое явленіе, при нынѣшнемъ оживленномъ состояніи литературы, кажется страннымъ. Не были-ли судьи, произносяшіе свой приговоръ, слишкомъ строги? Вопросъ этотъ весьма легко можетъ быть возбужденъ и послѣ будущихъ подобныхъ сужденій, и потому налагаетъ на насъ долгъ объясниться о началахъ, которыми руководствовались члены отдѣленія въ разсматриваніи драматическихъ произведеній. Достоинство художественныхъ созданий опредѣляется или понятіями и вкусомъ, господствующими въ данное время, или тѣми основными, вѣчными истинами, которыя заключаются въ природѣ и законахъ искусства. Есть произведенія, приобрѣтшія громкое одобреніе литературной критики на основаніи этихъ господствующихъ понятій и вкуса. Такое одобреніе не лишено своего рода правды. У всякой эпохи бываютъ стремленія и потребности, коихъ удовлетвореніе составляетъ, конечно, заслугу въ глазахъ ея. Но на литературѣ, кромѣ этого служенія интересамъ времени, лежитъ еще долгъ болѣе великій и священный — долгъ согласоваться съ высшими понятіями и началами разума, которыя охраняютъ искусство отъ односторонности и ложныхъ путей, а общество направляютъ къ непреложнымъ цѣлямъ вѣчнаго добра, истины и красоты. Въ сихъ-то началахъ и понятіяхъ надобно искать мѣрилы для полной и вѣрной оцѣнки литературныхъ произведеній. Нѣтъ ничего невозможнаго въ соединеніи относительнаго ихъ достоинства, признаваемаго извѣстнымъ настроеніемъ умовъ, съ прочными красотами, опредѣляемыми наукою и разумомъ. Мы знаемъ много твореній, въ коихъ великій талантъ умѣлъ быть вѣрнымъ духу времени, не измѣняя высшимъ требованіямъ искусства и человечества. Но сколько произведеній, въ которыхъ, кромѣ летучаго интереса минуты, кромѣ стремленія удовлетворить силѣ одного какого-нибудь направленія, нѣтъ ничего, и въ которыхъ многими за хорошее признается не то, что хорошо и само по себѣ, и по-отношенію ко времени, а то, въ чемъ ярко и рѣзко выказалось преобладающее стремленіе, не смотря на то, что оно превратилось въ крайность и исключительность, уничтожающія всѣ условія истины художественной и истины всеобщей. Если такія произведенія могутъ являться въ литературѣ и быть терпимы за недостаткомъ лучшихъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы критика, основанная на началахъ науки и искусства, ихъ одобряла. Многое изъ того, что пишутъ и печатаютъ, не составляетъ литературы въ прямомъ смыслѣ слова, хотя все

это и чествуютъ ея именемъ, и хотя въ возникающихъ такимъ образомъ болѣе или менѣе эфемерныхъ явленіяхъ мысли и слова можетъ заключаться своего рода польза. Литературѣ по-справедливости принадлежать только тѣ произведенія, въ которыхъ съ богатствомъ и значительностію содержанія соединяются духъ живаго постиженія истины и красоты и сила организующей мысли. Такихъ созданій можно ожидать только отъ спеціальнаго литературнаго таланта и одни они въ-состояніи выдержать испытаніе серьезной художественной критики. Подобными понятіями руководствовались члены отдѣленія при разсматриваніи драматическихъ пьесъ, представленныхъ для соисканія Уваровской преміи,— и всѣ эти пьесы не могли стать въ-уровень со столь простыми и естественными литературными требованіями. Нѣкоторые изъ нихъ, важнаго историческаго содержанія, оказались весьма слабыми не только въ-отношеніи художественной обработки, но и со-стороны пониманія духа и значенія эпохъ, изъ которыхъ они заимствовали свои матеріалы. Другія, имѣвшія въ виду представить современные нравы, при очевидномъ отсутствіи поэтической изобрѣтательности, обнаруживали такія преувеличенія и крайности личныхъ авторскихъ воззрѣній на жизнь и общество, которымъ нѣтъ мѣста въ области искусства.

Къ существеннѣйшимъ предметамъ дѣятельности отдѣленія принадлежать словари. Подъ наблюденіемъ академика А. Х. Востокова приготовлялись къ изданію дополненія къ «Областному словарю Великоорусскаго языка»; они въ настоящемъ году разсмотрѣны отдѣленіемъ окончательно и уже отпечатаны. Все, что достигнуто до-сихъ-поръ въ этой области языкознанія, конечно, не исчерпываетъ предмета. Языкъ нашъ надѣленъ великими производительными силами; готовый отвѣчать на всѣ умственные запросы, на всѣ требованія многосторонне-развивающейся народности въ жизни, наукѣ, искусствѣ, онъ въ то-же время удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ мѣстнымъ нуждамъ населеній въ предѣлахъ нашей обширной имперіи. Много еще предстоитъ сдѣлать наблюдений, собрать матеріаловъ, чтобы наконецъ мѣстные отличія, эти живыя отрасли одной великой дѣйствующей силы языка, наука могла представить во всемъ ихъ обиліи и полнотѣ. Но отдѣленіе смѣетъ надѣяться, что, стремясь повозможности выполнить одну изъ важнѣйшихъ задачъ своихъ въ ученой разработкѣ отечественнаго слова, оно тѣмъ, что сдѣлано уже доселѣ, положи-

ло прочное основаніе къ составленію полнаго областного словаря.

Между-тѣмъ отдѣленіе не теряло изъ виду другаго, еще болѣе обширнаго труда—общаго словаря отечественнаго языка. Не смотря на недостаточное число наличныхъ дѣятелей въ своемъ кругу, ограничивающемся, какъ сказано выше, восемью членами,—что, конечно, вы, милостивые государи, согласитесь, немного для такого громаднаго дѣла, особенно если удостоите припомнить, что и эти члены несутъ на себѣ, кромѣ академическихъ занятій, другіе важные труды по службѣ,—несмотря на это, отдѣленіе не отступало отъ необходимыхъ предварительныхъ работъ по общему словарю. За два года передъ симъ читано было въ отдѣленіи начало сего словаря, именно слова на букву А, составленное предсѣдательствующимъ ординарнымъ академикомъ И. И. Давыдовымъ. Корректурные или пробные листы были разосланы къ нѣкоторымъ извѣстнымъ литераторамъ и ученымъ, съ просьбою о доставленіи своихъ замѣчаній. Но два года прошли и никакихъ отзывовъ на это не послѣдовало. Тогда отдѣленіе опредѣляло ихъ напечатать въ «Извѣстіяхъ» своихъ, что и вызвало, между немногими указаніями на нѣкоторыя неизбѣжныя въ подобномъ дѣлѣ погрѣшности, нѣсколько основательныхъ и полезныхъ замѣчаній корреспондента академіи Н. И. Греча и профессора Савича. Замѣчанія эти были приняты редакторомъ «Пребныхъ листовъ» съ благодарностью, а самые листы воложено въ исправленномъ видѣ вторично напечатать при «Извѣстіяхъ».

Между-тѣмъ «Словарь», изданный II отдѣленіемъ въ 1847 году, разошелся весь, а требованія на него въ публикѣ не прекращаются. Потребность въ новомъ его изданіи становится настоятельною. Сперва отдѣленіе полагало отчасти удовлетворить этой потребности изданіемъ сокращеннаго ручнаго словаря; но, при тщательнѣйшемъ обсужденіи дѣла, найдено гораздо полезнѣйшимъ предпринять новое изданіе «Словаря» 1847 года. Здѣсь представлялся вопросъ: должно-ли это новое изданіе сопровождаться пересмотромъ «Словаря» и исправленіемъ, или слѣдуетъ ограничиться простою его перепечаткою? Отдѣленіе рѣшилось на первое и уже въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ рассмотрѣна часть прежняго «Словаря», слѣдствіемъ чего были исключеніе нѣкоторыхъ словъ преимущественно церковно-Славянскихъ и безъ того понятныхъ или насильственно-составленныхъ, внесеніе въ «Словарь»

новыхъ словъ, которыя въ прежнемъ изданіи были опущены, и исправленіе разныхъ неточностей въ самомъ опредѣленіи и объясненіи словъ. Повѣстно, что такое изданіе огромной книги, во всѣхъ отношеніяхъ исправленное, потребуетъ отъ насъ еще немалой доли нашихъ усилій и времени. За то публика получитъ не простую перепечатку «Словаря», а «Словарь» по-возможности улучшенный и способный удовлетворить ея потребностямъ до того времени, когда отдѣленіе въ-состояніи будетъ выполнить задуманное имъ обширное предпріятіе — составленіе «Словаря» совершенно новаго,

Затѣмъ нѣкоторые изъ сочленовъ нашихъ посвящали особенныя труды разнымъ отраслямъ языковѣдѣнія и словесности. Ординарный академикъ, предсѣдательствующій въ отдѣленіи И. И. Давыдовъ продолжалъ свои изслѣдованія и изъясненія Русскихъ синонимъ, которыхъ разобрано имъ донинѣ и читано было въ засѣданіяхъ нашихъ болѣе 400 словъ. Трудъ этотъ далеко нельзя назвать окончательнымъ; еще значительная масса словъ подобнозначущихъ въ Русскомъ языкѣ ожидаетъ анализа и объясненій, и конечно къ объясненіямъ, уже сдѣланнымъ, могутъ быть присоединены новыя въ видѣ дополненій, или опредѣленія тончайшихъ, еще неусмотрѣнныхъ соотношеній и разностей въ словахъ. Мы, можно сказать, начинаемъ только этого рода разработку нашего языка, тогда-какъ литературы Французская, Англійская и Германская обладаютъ уже превосходными сборниками и словарями синонимъ. Отдѣленію, и особенно академику И. И. Давыдову, принадлежатъ, по-справедливости, честь настоящаго ученаго приступа къ сему дѣлу по методѣ болѣе строгой и основательной, чѣмъ немногія попытки нѣкоторыхъ изъ прежнихъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ — Сазарева, Калайдовича, Галича и другихъ.

А. Х. Востоковъ окончилъ и отпечаталъ первый томъ своего «Словаря церковно-Славянскаго языка» до буквы *О*. Мы увѣрены, что всякій филологъ, всякій любитель общеславянской филологіи не только у насъ, но и за границею, приметъ съ живѣйшимъ участіемъ и благодарностію этотъ новый плодъ неутомимой ученой дѣятельности нашего маститаго и знаменитаго сочлена, которому отечественная наука столь многими уже обязана.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій съ обычною своею ревностію занимался, кромѣ изданія «Извѣстій» и «Записокъ» отдѣленія, изслѣдованіями о равныхъ вопросахъ Славяно-Русской



филологіи. Къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ его въ этомъ родѣ въ истекшемъ году принадлежитъ разсужденіе его, читанное имъ въ нѣсколькихъ изъ нашихъ засѣданій, о любопытномъ памятникѣ словесности XV вѣка, подъ заглавіемъ: *Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата Володимира Андреевича*. Въ Русской литературѣ давно уже было извѣстно *повѣданіе и сказаніе о побойщѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго*, заключающее въ себѣ историко-эпическій разсказъ о знаменитой побѣдѣ Русскихъ надъ Мамаемъ и приписанное Рязанскому священнику Софронію или Софонію. Въ недавнее время г. Ундольскій открылъ новое подобное произведеніе о томъ-же предметѣ, — произведеніе драгоцѣнное какъ по отношенію его ко времени, такъ и по оживляющему его духу народности и языку. Другой списокъ этого памятника найденъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ архимандритомъ Варлаамомъ. Въ изслѣдованіи древнихъ письменныхъ произведеній первое мѣсто занимаетъ восстановление и правильное чтеніе текста, обыкновенно повреждаемаго переписчиками, и однимъ изъ важнѣйшихъ къ этому средствъ служитъ сличеніе нѣсколькихъ или многихъ списковъ памятника, если они уцѣлѣли. Извѣстно, какихъ усилій и филологическихъ соображеній требуетъ подобное ученое дѣло. Г. Срезневскій, владѣя всѣми этими пособіями, занялся имъ усердно. Онъ принялъ за основаніе текстъ Кирилло-Бѣлозерской рукописи, заимствуя изъ списка г. Ундольскаго все, что казалось ему необходимымъ для пополненія и уясненія смысла. Такимъ-образомъ исторія отечественной литературы обогатилась новымъ очищеннымъ и критически-возстановленнымъ текстомъ, важнымъ въ ряду нашихъ эпико-историческихъ созданій. Возникшія въ недавнее время, по поводу сочиненія Шафарика, ученія пренія о глаголитскихъ письменахъ — времени ихъ изобрѣтенія и употребленія, послужили для г. Срезневскаго поводомъ къ новымъ изслѣдованіямъ по сему предмету, результаты которыхъ были въ свое время доведены до свѣдѣнія публики. Въ одной изъ своихъ записокъ, внесенныхъ имъ въ собраніе отдѣленія, онъ между-прочимъ говоритъ, что слѣды глаголицы найдены имъ въ древнихъ памятникахъ письменности нашей, именно въ памятникахъ X вѣка. Провѣряя хронологическія данныя въ договорахъ съ Греками 944 — 945 годахъ великаго князя Игоря и въ обязательной грамотѣ великаго князя Святослава 972 года, и вникая какъ въ ихъ темныя мѣста, такъ и въ раз-

личіе написанія словъ, ученый академикъ нашелъ возможность отстранить нѣкоторыя недоразумѣнія въ сихъ актахъ посредствомъ приложенія глаголитскаго чтенія. Слѣды глаголицы, по замѣчаніямъ его, выдаются рѣзко въ Татищевскомъ спискѣ Игорева договора и не менѣе рѣзко въ грамотѣ Святослава, какъ въ обозначеніи года, такъ и въ имени царя Іоанна Цимискія. Эти любопытныя изысканія указываютъ на новую точку зрѣнія, съ которой можетъ многое уясниться въ весьма-сложномъ вопросѣ о значеніи глаголицы и кириллицы въ древней-Славянской письменности. Въ числѣ различныхъ изысканій г. Срезневскаго мы должны упомянуть также о продолжавшихся и въ нынѣшнемъ году палеографическихъ изслѣдованіяхъ. Изъ нихъ оказывается, какъ много уже на этомъ поприщѣ сдѣлано трудами Тимковскаго, Востокова, Калайдовича, Кеппена, Строева, Погодина, Сахарова, Черткова, Снѣгирева, Горскаго и Новоструева. Мы къ этому прибавимъ, что во всѣхъ работахъ, служащихъ къ установленію нашей палеографіи на прочныхъ основаніяхъ, немалая доля успѣха ихъ, особенно въ послѣднее время, должна быть отнесена къ дѣятельности самого г. Срезневскаго.

Независимо отъ этой ученой дѣятельности, почтенный сочленъ нашъ, во время лѣтнихъ вакацій, совершилъ, по порученію отдѣленія и съ разрѣшенія г. президента академіи, путешествіе въ Троицко-Сергіевскую лавру и ближайшіе монастыри, для обозрѣнія тамошнихъ книгохранилищъ. Въ этихъ святыхъ убѣжищахъ и вѣры нашей, и древняго знанія, г. Срезневскій сдѣлалъ много полезныхъ изысканій и собралъ много данныхъ для будущихъ филологическихъ работъ. Великимъ пособіемъ въ трудахъ его прежде всего было покровительство высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Филарета, а потомъ готовность содѣйствовать ему во всемъ профессора духовной академіи А. В. Горскаго, отца-іеромонаха Іларія, синодальнаго ризничаго отца-архимандрита Саввы, профессора Новоструева, Новоіерусалимскаго архимандрита Амфилохія и В. Ундольскаго. Отдѣленіе считаетъ долгомъ торжественно засвидѣтельствовать свою благодарность, во-первыхъ, его высокопреосвященству, митрополиту Московскому Филарету, принимавшему всегда самое теплое участіе въ трудахъ нашихъ, а во-вторыхъ и всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ, столь дружественно помогавшимъ нашему сочлену выполнить возложенное на него дѣло.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ членовъ отдѣленія посвя-

щали труды свои рѣшенію разныхъ вопросовъ относительно исторіи нашей древней письменности, другіе занимались изслѣдованіями настоящаго состоянія языка и литературы. Такъ ординарный академикъ Я. К. Гротъ объяснилъ весьма-важную часть языковѣденія — законы словоударенія. До-сихъ-поръ разсмотрѣно нить удареніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, въ именахъ мужескаго, женскаго и средняго рода. Въ слѣдующихъ изысканіяхъ академикъ предполагаетъ разсмотрѣть переходъ удареній при склоненіи именъ существительныхъ. Но изъ вышѣшнихъ уже изслѣдованій вытекаетъ тотъ важный выводъ, что какъ ни прихотливо, повидимому, Русское словоудареніе, однакожь въ самомъ разнообразіи просодіи своей чуждается безотчетнаго произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстными началамъ и стремится подчиниться законности. Однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости отдѣленія, какъ я уже имѣлъ честь изъяснить, были и есть словари отечественнаго языка. Для достиженія возможнаго совершенства въ этомъ дѣлѣ необходимо принимать въ соображеніе подобныя труды въ литературахъ иноземныхъ. Академикъ Гротъ, занимаясь особенно всѣмъ, что имѣетъ связь съ филологическими видами отдѣленія въ литературахъ Нѣмецкой и Скандинавской, сперва представилъ отдѣленію замѣчанія и выводы свои относительно составленія областныхъ словарей нѣкоторыхъ Германскихъ нарѣчій, равно и обще-Германскаго словаря, а потомъ вступилъ въ сношеніе съ непремѣннымъ секретаремъ Шведской академіи, гофмаршаломъ Бесковымъ, который сообщилъ ему весьма-важныя свѣдѣнія о ходѣ составленія словаря Шведскаго языка. Свѣдѣнія сіи были также сообщены г. Гротомъ отдѣленію. Затѣмъ онъ намѣренъ представить общій обзоръ лексикографическихъ трудовъ въ Европѣ. Изъ свѣдѣній, до-сихъ-поръ собранныхъ, между прочимъ оказывается, что работы лексикографическія вездѣ подвигались чрезвычайно медленно, несмотря на значительныя разнаго рода пособія, которыми снабжались занимающіеся ими. Доказательство того, съ какою трудомъ воздвигаются въ наукѣ вѣковыя памятники прочнаго, наиболѣе народнаго знанія. Г. Гротъ обратилъ также вниманіе на одно изъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній современной нашей литературы — на стихотворную повѣсть г. Никитина: *Кулакъ*, заслуживающую по своимъ красотамъ серьезнаго критическаго разбора. Академикъ представилъ о ней въ отдѣленіе записку, гдѣ онъ отдастъ справедливость

дарованію автора, который умѣлъ многія черты нравовъ нашего средняго сословія представить въ увлекательныхъ поэтическихъ картинахъ, не измѣняя дѣйствительности ихъ и истины, притомъ стихами звучными, легкими, чуждыми всего неестественнаго и мзыканнаго. Записка г. Грота напечатана въ «Извѣстіяхъ» отдѣленія.

Экстраординарный академикъ Дубровскій представилъ печатный экземпляръ своей монографіи о жизни и твореніяхъ современнаго намъ поэта Мицкевича. Авторъ, прослѣдивъ всю жизнь знаменитаго поэта и постепенное развитіе его таланта, въ живыхъ и точныхъ чертахъ представилъ лучшія изъ его произведеній, приводя вездѣ замѣчательнѣйшія изъ нихъ мѣста въ прозаическомъ переводѣ, который если не даетъ полнаго понятія о поэтическихъ красотахъ твореній Мицкевича, то знакомитъ съ ихъ идеями и направлениемъ. Тутъ между прочимъ читатели найдутъ подробный обзоръ послѣдняго прекраснаго созданія Мицкевича — *Панъ Тадеушъ*. На Русскомъ языкѣ не было не только удовлетворительной, но почти никакой характеристики одного изъ первоклассныхъ поэтовъ, близкаго намъ и по времени и по кровной съ нами связи, не смотря на отчужденіе отъ насъ, въ какое онъ поставилъ себя въ послѣдніе годы своей жизни. Г. Дубровскому первому принадлежить честь внести въ нашу литературу недостававшее ей столь важное и притомъ вѣрное и обстоятельное свѣдѣніе. Г. Дубровскій приготовилъ къ печати другую монографію — объ ученой дѣятельности знаменитаго Польскаго историка Лелевеля, написанную имъ по поводу недавно-изданной въ Познани автобіографіи этого писателя. Сверхъ того онъ же представилъ въ отдѣленіе свои замѣтки о текущей Польской литературѣ и поправки и замѣчанія на статью корреспондента отдѣленія Лавровскаго: *Объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго Польскаго языка*, напечатанную въ IV томѣ «Ученыхъ записокъ».

Изъ отсутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ преосвященный епископъ Тамбовскій Макарій доставилъ отдѣленію свое историческое *Исслѣдованіе о Русской митрополіи въ ея переходный періодъ*. Сочиненіе это важно не только въ отношеніи къ церковной исторіи нашего отечества, но и въ отношеніи къ появленію обьъ умственномъ состояніи и образованіи его въ эту отдаленную эпоху времени. Преосвященнымъ также изданы два тома его словъ и рѣчей, произнесенныхъ въ Кіевѣ, С.-Петербургѣ и среди вѣрнопой ему Тамбовской паствы.

Г. Шевыревъ напечаталъ третій томъ своей «Исторіи Русской словесности», обнимающей столѣтія XIII, XIV и начало XV.

Нѣкоторые изъ внутреннихъ корреспондентовъ отдѣленія принимали участіе въ трудахъ нашихъ: г. Лавровскій доставилъ разборъ свой *Милній Сухецкаго о поломмазахъ лагольскихъ*, найденныхъ въ Прагѣ Гёблеромъ. Г. Гильфердингъ представилъ любопытную находку, сдѣланную имъ во время путешествія его по Герцоговинѣ, въ монастырѣ Пивѣ: это рукопись, содержащая въ себѣ Славянскій переводъ бесѣдъ Іоанна Златоуста. Онъ принадлежитъ нѣкому иноку Троицко-Сергіевской лавры и относится къ 1524 году. Въ памятникѣ семь особенное вниманіе заслуживаетъ предисловіе переводчика, гдѣ, между прочимъ, онъ повѣтствуетъ о своемъ ученіи у премудрѣйшаго, по его словамъ, старца Михаила Грека, подъ руководствомъ котораго онъ трудился и въ переводѣ. Отдѣленіе, получивъ недавно отъ г. Гильфердинга рукопись, не успѣло еще воспользоваться ею для своихъ филологическихъ соображеній, что не преминетъ сдѣлать оно въ будущемъ году. Корреспондентъ Майковъ, по волѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, назначенъ состоять при морской экспедиціи въ Греціи. Пользуясь симъ случаемъ, отдѣленіе возложило на г. Майкова заняться во время путешествія его по сей классической странѣ наблюденіемъ остатковъ и памятниковъ пребыванія тамъ Славянскихъ племенъ.

Сторонніе ученые и изыскатели по части отечественной филологіи не переставали и въ истекающемъ году содѣйствовать отдѣленію въ его занятіяхъ доставленіемъ своихъ сочиненій и изслѣдованій. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ приобрѣли право на признательность отдѣленія и на напечатаніе ихъ въ «Ученыхъ запискахъ». Г. *Коссовичъ* доставилъ четыре съ половиною листа продолженія своего «Санскрито-Русскаго словаря»; кандидатъ Санктпетербургскаго университета *Ламанскій* — свое сочиненіе о колоніяхъ древнихъ Славянъ. Этотъ замѣчательный трудъ молодаго ученаго содержитъ въ себѣ какъ важныя самостоятельныя изслѣдованія о разселеніи Славянскихъ племенъ въ Малой-Азіи, Африкѣ и Испаніи, такъ и любопытныя данныя собственно въ филологическомъ отношеніи. Г. *Дестунисъ* представилъ продолженіе своихъ изысканій о слѣдахъ славянства въ Ново-Греческомъ языкѣ. Отъ г. *Карпова* постоянно были получаемы матеріалы для «Областнаго словаря». Профессоръ Львовскаго университета *Головацъ*

ми прислалъ собраніе словъ, употребляемыхъ въ Галиціи, кои не вошли въ «Словарь Малорусскаго нарѣчія» Аванасьева; г. *Фенаторскіи* — загадки и поговорки, собранныя имъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Учитель Олопецкой гимназіи *Петровъ* доставилъ сборникъ простонародныхъ пѣсенъ Вытегорскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ ревнителей отечественной филологіи содѣйствовали отдѣленію доставленіемъ ему свѣдѣній о древнихъ любопытныхъ памятникахъ нашей словесности. Такъ отъ г. Куврянова получено обзорнѣе пергаминныхъ рукописей Новгородской Софійской бібліотеки, служащее дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, лично собраннымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ, во время командировки его въ Новгородъ въ 1856 году.

Между дѣйствіями постороннихъ лицъ, имѣющими важное значеніе вообще для науки, и въ-особенности для науки, составляющей предметъ усилій нашего отдѣленія, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе ваше, милостивые государи, на одно, которое никакое ученое общество, занимающееся возстановленіемъ древнихъ памятниковъ письменности, не должно пройти молчаніемъ въ исчисленіи средствъ для своихъ успѣховъ. Это не есть какое-нибудь открытіе, изысканіе въ области филологіи, или въ области науки, имѣющее къ ней отношеніе; но это великая услуга, оказанная каждому изъ ихъ открытій и изысканій. Я разумѣю приложеніе фотографіи къ снимкамъ съ памятниковъ письменности, введенное до изумительной степени совершенства нашимъ достопочтеннымъ соотечественникомъ *П. И. Севастьяновымъ*. Очевидно, какъ важны для науки непогрѣшительно-точные копіи съ рукописей, извлекаемыхъ случаемъ или настойчивостью изыскателей изъ темныхъ хранилищъ прошедшаго, гдѣ онѣ были погребены цѣлыя вѣка, и какъ трудно возстановлять эти рукописи со всѣми особенностями, которыя наложены на нихъ и процессомъ первоначальнаго ихъ составленія, и переворотами времени. Всѣ способы, какіе до-сихъ-поръ были употребляемы для этой цѣли и о коихъ здѣсь не мѣсто распространяться, были неудовлетворительны, отчасти потому, что предоставляли многое произволу трудящихся надъ этимъ дѣломъ, отчасти потому, что сопряжены были съ тяжкими усиліями, и наконецъ потому, что распространеніе ихъ между учеными въ значительномъ числѣ экземпляровъ, особенно по причинѣ послѣдняго обстоятельства, было крайне-затруднительно. Г. Севастьяновъ рѣшился призвать солнце, которое какъ будто восхо-

тѣло и на сей разъ благодатнымъ вліаніемъ своего свѣта содѣйствовать столь-же благодатному свѣту знанія. Искусство г. Севастьянова, настойчивость и знаніе всѣхъ таинствъ фотографіи преодолѣли препятствія, какія естественно представлялись въ примѣненіи употребленнаго имъ способа къ самымъ тончайшимъ подробностямъ и чертамъ переводимыхъ на бумагу писменъ. Первый разъ способъ свой приложилъ онъ къ дѣлу въ Аѳонскихъ монастыряхъ; результаты, добытые имъ тамъ и привезенные сперва въ Парижъ, привели въ восторгъ и изумленіе ученые лица и общества Парижскія. Нынѣ доставилъ онъ въ нашу академію нѣсколько снимковъ съ Славянскихъ рукописей, найденныхъ на Аѳонѣ, и мы лично могли убѣдиться въ блистательномъ успѣхѣ дѣла, задуманнаго и исполненнаго нашимъ соотечественникомъ. Точность воспроизведенія рукописей неподражаема, какъ точность всего, что производитъ природа вообще и природа, благоговѣнно и мудро призываемая къ участию въ своихъ видахъ наукою. Это, разумѣется, главное качество передаваемого памятника для археолога и филолога; другое — возможность размножать снимки въ значительномъ количествѣ и такимъ-образомъ дѣлать ихъ доступными всякому ученому, всякому любителю древностей, чего доселѣ были они лишены.

Я оканчиваю мое слово — и мнѣ остается только отъ лица всѣхъ насъ выразить увѣренность, необходимую для нашего поощренія, что по-крайней-мѣрѣ цѣли, къ которымъ мы стремимся въ нашей скромной ученой дѣятельности, не недостойны благороднаго, оживляющаго сочувствія вашего, милостивые государи. Сколь-бы ни были важны и велики вопросы, занимающіе умы нашего времени, мы полагаемъ, что задача науки вообще и науки, преимущественно изслѣдующей духъ, жизнь и слово народа, къ коему мы всѣ имѣемъ счастье принадлежать, не менѣе важны и велики какъ сами-по-себѣ, такъ и по связи своей со всѣми явленіями, занимающими умы самые положительныя. Связь эта тѣснѣе, нежели многіе думаютъ. Въ царствѣ мысли, сообщающей всѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ начало и движеніе, находится много неизвѣданныхъ путей, на которыхъ встрѣчаются идеи и начинанія самыя разнородныя, самыя повидному противъположныя, и встрѣча эта служитъ всегда къ ихъ взаимному пополненію, утвержденію и успѣху въ общемъ ходѣ народнаго развитія и благоденствія.

## V.

### ИСТОРИЯ

### ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

---

### МАЛЮСЬ.

(ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ АРАГО).

---

Рожденіе Малюса. Его литературное воспитаніе и поступленіе въ политехническую школу.

Этьень-Луи Малюсъ, сдѣлавшій незабвенное, безсмертное открытіе въ наукахъ физическихъ, родился въ Парижѣ 23 іюля 1775 г.; отецъ его, Анна-Луи Малюсъ-дю-Митри, былъ казначей, а мать звали Луизою-Шарлотою Десбовъ.

Начавъ свое образованіе съ наукъ словесныхъ, Малюсъ глубоко изучилъ классическихъ писателей Греціи и Рима. До послѣднихъ своихъ дней, онъ читалъ наизусть большіе отрывки изъ Иліады, Анакреона, Горация и Виргилія. Подобно всѣмъ даровитымъ ученикамъ, онъ легкомысленно посвящалъ свои таланты занятіямъ не по-силамъ, — тѣмъ занятіямъ, которыя одинъ изъ нашихъ великихъ поэтовъ называлъ *искушеніями сатаны*; не смотря на то, Малюсъ упорно доводилъ свои опыты до конца: въ его бумагахъ я нашелъ двѣ пѣсни эпической поэмы, подъ названіемъ «Основаніе Франціи или Темелія» и двѣ конченныя трагедіи: «Взятіе Утики и смерть Катона» и «Электра». Хотя въ нихъ встрѣчаются хорошіе стихи и занимательныя положенія, однако я не



могу сказать, чтобы литература была призваніемъ Малюса. Впрочемъ, о начинающемъ писателѣ нельзя произносить рѣшительнаго суда: всѣмъ извѣстно разстояніе между «Братьями врагами» и «Андромахой» Расина.

Вмѣстѣ съ литературой, Малюсъ занимался алгеброй и геометрией; въ 1793 г. онъ выдержалъ приемный экзаменъ въ Мезьерскую инженерную школу, и въ томъ-же году причисленъ былъ къ тѣмъ подпоручикамъ, которые назначались къ выпуску, и между которыми первое мѣсто занималъ генералъ Бертранъ. Но важные безпорядки въ этой школѣ заставили ее уничтожить, и Малюсъ, не могши воспользоваться своимъ назначеніемъ, вступилъ волонтеромъ въ 15 Парижскій батальонъ и отправился въ Дюнкеркъ, гдѣ, какъ простой землекопъ, работалъ на полевыхъ укрѣпленіяхъ.

Леперь, инженеръ путей сообщенія, завѣдывавшій частію построекъ этой крѣпости, замѣтилъ особенное и неожиданное искусство въ производствѣ земляныхъ работъ, и захотѣлъ узнать тому причину. Ему указали на Малюса, который училъ солдатъ работать и скоро и съ меньшимъ трудомъ. Небольшой разговоръ съ Малюсомъ показалъ инженеру, что скромный землекопъ 15 Парижскаго батальона есть человекъ съ высшими дарованіями. Леперь послалъ Малюса въ основанную тогда политехническую школу.

И такъ Малюсъ принадлежалъ къ первымъ ученикамъ этого знаменитаго заведенія. Онъ скоро приобрѣлъ тамъ дружбу Монжа, спасшую его отъ изгнанія за вмѣшательство въ политическія смуты, волновавшія столицу Франціи.

Вышедши изъ политехнической школы, Малюсъ, 20 февраля 1796 г., отправился въ Мецъ инженернымъ подпоручикомъ и по полученіи, 19 іюня того-же года, чина инженернаго капитана былъ посланъ въ армію Самбры и Мааса, гдѣ принималъ дѣятельное участіе и отличился въ сраженіяхъ, доставшихся на долю этой храброй арміи.

Въ семейныхъ бумагахъ недавно найдена переплетенная тетрадка, въ которой Малюсъ, будучи капитаномъ въ восточной арміи, ежедневно записывалъ всѣ происшествія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или въ которыхъ участвовалъ непосредственно. Эти записки я читалъ съ великимъ любопытствомъ; онѣ заслуживаютъ подробнаго разбора. Я рѣшаюсь предложить здѣсь изъ нихъ выписки, въ доказательство, что глубокія знанія и гениальность въ наукѣ не ослабляютъ ни усердія, ни постоянства, ни му-

жества, ни предприимчивости, — необходимыхъ достоинствъ всякаго хорошаго офицера. Однако я надѣюсь, что прочитавъ мои выписки, никто военныхъ заслугъ Малюса не сочтетъ выше его заслугъ въ настоящей его сферѣ, въ сферѣ наукъ.

Египетская кампанія. Извлеченія изъ записокъ Малюса.

Военныя событія привели Малюса на правый берегъ Рейна. Одиннадцать мѣсяцовъ онъ пробылъ въ гарнизонѣ ученаго города Гиссена, и готовъ былъ вступить въ бракъ со старшей дочерью канцлера университета, профессора Коха, какъ получилъ приказаніе немедленно явиться въ Тулонъ и вступить подъ команду Каффарели, въ правый флангъ экспедиціонной арміи, которой назначеніе никому не было извѣстно.

Въ Тулонѣ, 27 февраля, онъ сѣлъ на 74-пушечный корабль «Аквилонъ», бывшій подъ командой Тевенара и принадлежавшій къ авангарду эскадры. 22 преріала (10 іюня 1798 г.) онъ участвовалъ въ атакѣ Мальты, которой защитники — по его словамъ — много шумѣли, и сдались, не сдѣлавъ Французамъ ни малѣйшаго вреда.

Послѣ краткаго пребыванія въ Мальтѣ, Малюсъ, по требованію генерала Дезе, командовавшаго дивизіей Чивита-Векской, пересѣлъ на корабль *Храбрый*, на которомъ находился самъ генералъ. «Я — пишеть нашъ товарищъ — во всѣхъ отношеніяхъ обрадовался этой перемѣнѣ.»

Флотъ оставилъ Мальту 3 мессидора, и 13 того-же мѣсяца Малюсъ проплавалъ всю ночь въ безпалубной шлюбкѣ, отыскивая главнокомандующаго для полученія его приказаній относительно мѣста, въ которомъ должна выгрузиться дивизія Дезе. 17 Малюсъ былъ отряженъ въ авангаръ арміи; 21 онъ находился въ лагерѣ на дорогѣ въ Рамбаньехъ. Тогда инженерный корпусъ не имѣлъ ни матеріальныхъ средствъ, ни солдатъ; каждый инженерный офицеръ слѣдовалъ за арміей отдѣльно и нуждался въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. «Не имѣя — пишеть Малюсъ — кола, къ которому можно было бы привязать мою лошадь, я привязывалъ ее къ моей ногѣ и засыпалъ, мечтая объ удовольствіяхъ въ Европѣ.» 25 онъ участвовалъ въ славномъ сраженіи при Хебрейсѣ; 2 термидора — въ сраженіи при пирамидахъ, гдѣ былъ въ батальонѣ-каре праваго фланга, подлѣ генерала Дезе. Утромъ 4, съ отрядомъ

карабинеровъ, онъ перешелъ на островъ Рауди, осмотрѣлъ правый берегъ Нила при Мекіасѣ и отослалъ на лѣвый суда, на которыхъ армія должна была переправиться черезъ рѣку. Вечеромъ въ тотъ-же день сопровождалъ Малюсъ генерала Дююи для переговоровъ о сдачѣ Каира. 15 термидора, онъ отправился съ авангардомъ арміи противъ Ибрагима-Бея, стоявшаго лагеремъ при Бельбейсѣ, и потомъ дѣятельно участвовалъ въ важнѣйшихъ сраженіяхъ кампаніи, ознаменованной многими военными ошибками.

Съ генераломъ Ренье, Малюсъ осматривалъ мѣстность для точнаго опредѣленія разстоянія Салхіеха отъ моря. Возвращаясь, онъ открылъ развалины весьма замѣчательнаго древняго города Сана или Тамиса. Въ то-же время онъ узналъ объ уничтоженіи нашего флота въ Абукирскомъ морскомъ сраженіи, и вѣхалъ въ Каиръ усталый, больной и съ глубокой горестью.

Тогда генералъ Бонапартъ основалъ Египетскій институтъ; Малюсъ былъ однимъ изъ первыхъ его членовъ.

Черезъ нѣсколько дней, Малюсъ получилъ приказаніе отправиться къ генералу Дезе, въ верхній Египетъ. По возвращеніи въ Каиръ съ дивизіей этого «правосуднаго султана», ему поручили приготовленія къ празднику I вандемьера на площади Эсбекіе. Такое занятіе—писать онъ—было слабымъ развлеченіемъ въ угнетавшей меня грусти.» 30 и въ слѣдующіе дни Малюсъ много содѣйствовалъ къ подавленію бунта въ Каирѣ. Схвативъ одного изъ бунтовщиковъ, онъ нашелъ у него вещи, принадлежавшія Каффарели, его другу и непосредственному начальнику; онъ подумалъ, что генералъ убитъ; и только на другой день узналъ, что генералъ оставилъ свой домъ прежде, нежели Турки разграбили его.

По утушеніи бунта, Малюсъ началъ строить фортъ на томъ мѣстѣ, съ котораго, во время возмущенія, стрѣляли изъ пушекъ въ большую мечеть; онъ долго занимался строеніемъ этого форта, названнаго именемъ Дююи. Потомъ онъ былъ начальникомъ отряда, осматривавшаго сообщенія Нила съ озеромъ Мензалахъ и съ Салхіехомъ. Въ эту экспедицію молодой капитанъ собралъ много свѣдѣній археологическихъ и географическихъ.

По возвращеніи въ Каиръ, Малюсъ нѣсколько времени отдыхалъ, и досугъ свой употребилъ на обозрѣніе Іосифова колодезя, который онъ называетъ дѣломъ великаго терпѣнія и искусства. Также посѣтилъ онъ колоссальныя пирамиды Гизеха, вмѣстѣ съ

чѣловѣкомъ, котораго можно назвать колоссомъ нашей арміи, по его росту и храбрости, съ генераломъ Клеберомъ.

Когда армія пошла въ Сирію, тогда Малюсъ, занимавшійся осмотрѣніемъ Дельты, былъ прикомандированъ къ дивизіи Клебера. Мы не послѣдуемъ за арміею въ тяжкомъ ея пути, почти безъ провизіи и безъ воды; подробности объ этомъ походѣ въ запискахъ Малюса возбуждаютъ самыя горестныя размышленія; однакожь скажемъ, что нашъ инженеръ отлично содѣйствовалъ осадѣ Эль-Гариша. Онъ атаковалъ и занялъ постъ въ 80 метрахъ отъ крѣпости, велъ траншеи и довелъ сапы до самой бреші; тогда непріятель рѣшился сдаться. Молодой капитанъ сильно вооружается противъ недобросовѣстности генераловъ относительно плѣнныхъ, которыхъ принудили стать въ ряды нашего войска.

Малюсъ говоритъ, что армія, на походѣ въ Сирію, захватила чуму въ Газѣ, оставленномъ непріателемъ; однако дивизіи ея достигли наконецъ Яффы и обложили этотъ городъ. Осада производилась не согласно съ правилами науки, образованной Вобаномъ. Молодой нашъ капитанъ рассказываетъ, что брешь-батарея, подкрѣпляемая весьма малыми вооруженными платформами, была взята въ ночной вылазкѣ изъ города. Головы нашихъ солдатъ продавались въ Яффѣ на вѣсъ золота. Къ-счастію, головы нашего товарища не было между кровавыми трофеями, и только потому, что во время нападенія онъ спалъ въ углубленіи батареи.

Когда была сдѣлана брешь, тогда гарнизону предложили сдаться; но, не получивъ отвѣта, пошли на приступъ. Здѣсь, вмѣсто краткихъ извлеченій, привожу собственныя слова Малюса.

«Непріятель былъ сбитъ, напуганъ и послѣ живой перестрѣлки отступилъ въ дома и городскіе форты; тамъ онъ держался во многихъ мѣстахъ и отстрѣливался около часа. Въ это время, Французскіе солдаты, разсѣявшіеся по городу, рѣзали мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, христіанъ и турокъ; все, что имѣло образъ челоуѣка, было жертвой ихъ ярости.»

«Рѣзня, двери разбитыя, дома, разрушаемые огнемъ и холоднымъ оружіемъ, плачь женщинъ, отцы и дѣти, лежащіе кучами, дочери, обезчещенныя на трупахъ матерей, смрадъ отъ горящихъ труповъ, запахъ крови, стоны раненыхъ, ссоры побѣдителей за добычу, крики отчаянныхъ, поражаемыхъ разъяренными солдатами, наконецъ эти солдаты, насытившіеся кровью и золотомъ, и упав-

шіе отъ усталости на труны, — вотъ зрѣлище, которое представлялъ несчастный городъ до самой ночи.»

Этотъ отрывокъ изъ рукописи Малюса вѣрно изображаетъ происходящее во всякомъ городѣ, взятомъ штурмомъ даже войсками, принадлежащими цивилизованному и человѣколюбивому народу. Когда историки достигнуть высшей сферы размышлений, и оставивъ рутину, будутъ слѣдовать вѣчнымъ законамъ справедливости и человѣколюбія, тогда они, хваля непреодолимое мужество войска, строго повинующагося дисциплинѣ, не будутъ забывать людей, которые для сохраненія своей національности, рѣшались подвергать себя рѣзвѣ, описанной Малюсомъ; тогда ихъ осужденія обратятся на зачинщиковъ незаконныхъ войнъ, въ удивленіе только личному самолюбію и для пріобрѣтенія ложной и временной славы.

Когда армія вступила въ походъ для осады С. Ж. Дакры, тогда Малюсъ получилъ приказаніе остаться въ Яффѣ съ генераломъ Грезьё. Съ ними остались триста раненыхъ, четыреста зачумленныхъ и только 50 здоровыхъ солдатъ. Зачумленныхъ Малюсъ помѣстилъ въ Греческомъ монастырѣ и десять дней каждое утро проводилъ въ этомъ вмѣстилищѣ нечистоты и смрада. Знаменитый нашъ живописецъ Гро не имѣлъ надобности въ своей картинѣ помѣщать выдуманные лица; лучше-бы нарисовалъ онъ нашего товарища среди мертвыхъ и умирающихъ.

На одиннадцатый день, Малюсъ захворалъ тою-же страшною болѣзнію, которая свирѣпствовала въ нашемъ войскѣ. Опять оставляю извлеченіе и выписываю собственныя слова нашего товарища.

«Горячка и страшныя головныя боли заставили меня остаться въ покоѣ; къ нимъ присоединился кровавый поносъ, и мало-по-малу открывались признаки чумы. Около того-же времени умеръ генералъ Грезьё; половина гарнизона также заболѣла; каждый день умирало по 30 солдатъ. Бринкье, начавшій вмѣсто меня заниматься устройствомъ лазарета, захворалъ на четвертый день и умеръ чрезъ 48 часовъ. До-сихъ-поръ, продолжительность моей болѣзни позволяла мнѣ надѣяться, что я еще не зачумленъ; но открывшійся нарывъ подъ правымъ пахомъ и увеличивавшаяся боль въ сердцѣ уничтожили мою надежду; тогда я принялъ свои мѣры: я отослалъ къ Франциски, находившемуся при раненомъ генералѣ Дамасѣ, вещи, назначенныя мною для родственниковъ и друзей.

Надобно замѣтить, что изъ всѣхъ товарищей только Франциски не оставлялъ меня, для поддержанія моей надежды, не боялся подходить ко мнѣ, и въ день своего отъѣзда, онъ даже обнялъ меня, хотя мое зачумленіе не подлежало уже сомнѣнію. Изъ двѣнадцати человѣкъ онъ одинъ не зачумился. По моемъ возвращеніи въ Египеть, Сентъ-Симонъ навѣстилъ меня и умеръ на другой день.

«Когда тянулась осада Дакры, больные прибывали въ Яффу и увеличивали число умирающихъ; чума была во всѣхъ жилыхъ домахъ; бѣглецы изъ Рамле, искавшіе въ Яффѣ нашего покровительства, почти всѣ погибли. Зараза проникла и въ Капучинскій монастырь, занимаемый карантинномъ: умерла большая часть монаховъ, и погибли всѣ франкскія семейства, кромѣ двухъ мужчинъ и одной женщины.

«Я не зналъ уже никого изъ жителей Яффы; мои друзья, знакомые и слуги всѣ померли одни за другими, кромѣ одного слуги, который усердно служилъ мнѣ въ болѣзни; но 24 жерминаля я потерялъ и его; я остался одинъ, безъ силъ, безъ помощи, безъ друзей; поносъ и поты до крайности ослабили мою голову; по ночамъ усиливалась лихорадка и доводила меня до бѣшенства. Два сапера принялись-было ходить за мной, но скоро умерли одинъ послѣ другаго.

Наконецъ, 2 флореаля я сѣлъ на корабль *Звѣзду*, который отправлялся въ Египеть, и котораго капитанъ былъ уже зачумленъ и умеръ въ день нашего приѣзда въ Дамьетту. Морской воздухъ сильно на меня подѣйствовалъ; мнѣ казалось, что я освободился отъ удушья; съ перваго дня я почувствовалъ позывъ на пищу, не смотря на мою крайнюю слабость. Противные вѣтры задерживали насъ въ морѣ и тѣмъ много способствовали поправленію моего здоровья; мои силы восстанавливались, кора съ нарыва спала и аппетитъ возвратился.

«7 флореаля, мы бросили якорь у Дамьетты; 8 вошли въ Нилъ, и корабль отвели въ карантинъ.»

Хотите ли знать, что бываетъ съ заведеніями, препорученными людямъ бездушнымъ? Вотъ вамъ терзающій рассказъ Малюса.

«10 жерминаля, я вышелъ на берегъ и меня отвели въ Ле-сбіехскій лазаретъ, заваленный чумными изъ Дамьетты и Сиріи. Вмѣстѣ со мной помѣстили много пѣшиходовъ, не имѣвшихъ ни малѣйшихъ признаковъ болѣзни, но получившихъ ее въ лазаретѣ;

они всё погибли. Такое множество умершихъ замедлило мое освобожденіе. Изъ несчастныхъ, попадавшихся въ нашу тюрьму, рѣдкій выходилъ на Божій свѣтъ; тамъ едва помогали умирающимъ; я видалъ входящихъ въ бѣшенство предъ смертью отъ того, что никто не хотѣлъ подать имъ воды: одни притворялись, что не слышатъ просьбъ, а другіе уже прямо говорили: «не стоитъ труда.» Жадные могильщики обирали умирающихъ прежде ихъ кончины; эти люди, эти служители «коммисіи здравія» были вмѣстѣ и лекаря и сторожа больныхъ; едва больной переставалъ двигать рукою, они хватали его, переносили за рѣку и бросали въ добычу собакамъ и хищнымъ птицамъ; трупы рѣдко покрывались тонкимъ слоемъ песку, да и тотъ всегда разносилъ вѣтеръ: это была настоящая живодерня, походившая на страшное поле сраженія.

«Одна несчастная, всёми оставленная женщина, о которой я имѣлъ попеченіе, наканунѣ своей смерти, просила меня дать могильщикамъ піастръ за то, чтобъ они не оставляли ее въ добычу шакаламъ; я исполнилъ ея просьбу и велѣлъ зарыть ее на Турецкомъ кладбищѣ, на концѣ долины Мертвыхъ.»

«Я пробылъ мѣсяць въ этой ужасной и отвратительной тюрьмѣ; тогда Казола выпросилъ для меня особое помѣщеніе. Оставивъ общество умирающихъ, я почувствовалъ всю сладость уединенія. Здѣсь я совершенно выздоровѣлъ, и въ первыхъ дняхъ мессидора получилъ полную свободу, съ пожертвованіемъ всёхъ моихъ вещей.»

Мы должны поздравить себя съ чудеснымъ избавленіемъ Малюса отъ ужасной болѣзни, скопившей множество жертвъ! Еслибы онъ умеръ, то прекрасная вѣтвь оптики не была-бы посажена на почвѣ науки и удивительныя ея успѣхи не прославили-бы XIX столѣтіе.

Черезъ нѣсколько времени, Малюсъ получилъ приказаніе отправиться въ Катіехъ; прелести этого поста, командуемаго генераломъ Леклеркомъ, съ любовью описаны избавившимся отъ болѣзни и отъ столько-же страшнаго лазарета въ Лесбіехѣ. «Мы — пишутъ онъ — жили въ хижинахъ, сплетенныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ; жили какъ Арабы; подлѣ моей хижины было отгороженное мѣсто, въ которомъ находились мои лошади, верблюды и ослы; птичникъ былъ наполненъ курами, гусями и утками; въ одной кѣлткѣ жили два барана, а въ другой — кабанъ; тамъ-же были гнѣзда для голубей, а коза бѣгала на свободѣ. Въ

«этомъ обществѣ я провелъ съ удовольствіемъ всѣ послѣдніе три мѣсяца моего пребыванія въ Египтѣ. Совершенное спокойствіе, мирныя забавы и ожиданіе непріятели, котораго мы надѣялись побѣдить, заставляли насъ забывать недостатокъ Европейскихъ удобствъ жизни.»

Малюсъ не все рассказываетъ: въ Катіехъ онъ написалъ разсужденіе о свѣтѣ, о которомъ будемъ говорить ниже. Если случайно оно попадетъ въ руки ученыхъ, то они найдутъ въ немъ много спорныхъ предметовъ; но надобно вспомнить, что оно составилось полувѣкомъ, и сочинитель его былъ въ необыкновенномъ положеніи.

Въ запискахъ его нахожу, что въ одномъ обзорѣнн мѣстности съ отрядомъ на верблюдахъ, онъ встрѣтился съ караваномъ, напалъ на него и отбилъ много верблюдовъ и провизіи.

Малюсъ, возвратившись въ Каиръ, получилъ отъ Клебера (21 октября 1799) патентъ на чинъ батальоннаго начальника, справедливую награду за его дѣятельность и неустрашимость въ продолженіе всей кампаніи. Малюсъ, въ новомъ своемъ чинѣ, получилъ извѣстіе о высадкѣ Турокъ близъ Дамьеты, и поспѣшилъ туда; пришедши 8 брюмера, нашелъ непріятели уже укрѣпившимся. На другой день онъ, какъ простой солдатъ, присоединился къ войску, напавшему на Турокъ на штыкахъ, и сбросившему ихъ въ море.

20 Фримера, Малюсъ получилъ начальство надъ Лесбіехомъ; уничтожилъ стѣны этой крѣпости, когда она была въ рукахъ Турокъ, и потомъ опять возстановилъ ихъ, когда она досталась Французамъ.

22 чума появилась около Лесбіеха, въ шести различныхъ мѣстахъ. Опытность его позволила ему удержать ея развитіе и распространеніе; однако до 28 пловіоза она успѣла поразить нѣскольکو жертвъ; 29, Лесбіехъ былъ возвращенъ Туркамъ въ силу договора въ Эль-Гаришѣ. Въ Каиръ прибылъ Малюсъ 25 венитоза, и 28 узналъ, что Лордъ Кейтъ уничтожилъ капитуляцію Эль-Гаришскую. Въ тотъ-же день, въ два часа по полудни, явилась прокламація Клебера, которая оканчивалась слѣдующимъ предсказаніемъ: «на этотъ безчестный поступокъ и на предложеніе положить оружіе, армія будетъ отвѣчать новыми побѣдами.» Дѣйствительно, на другой день, армія выступила въ походъ и побила великаго визира. Малюсъ, находясь при дивизіи Фріана, участвовалъ въ зна-



ментомъ сраженіи при Гелиополисѣ, гдѣ 11 тысячъ Французовъ разбили 60 тысячъ Турокъ.

На другой день побѣды, одинъ случай имѣлъ неприятныя слѣдствія. «30, въ два часа утра — пишетъ Малюсъ — армія пошла въ Бельбейсъ, гдѣ надѣялись найти соединенную Турецкую армію. «Я былъ при дивизіи Фріана. Послѣ часоваго похода, я замѣтилъ, что ночью мы потеряли дорогу въ пустынь. Я сказалъ о томъ генералу, который сперва обратилъ вниманіе на мои слова; но другіе представляли свои причины съ такою увѣренностью, что генералъ приказалъ продолжать походъ. Полтора часа мы шли прямо къ тому мѣсту, отъ котораго начали походъ; это замѣтилъ я по полярной звѣздѣ, которую мы оставили позади себя. Въ этотъ разъ меня послушались, и я вывелъ дивизію на настоящую дорогу. Но ошибка заставила насъ опоздать и другія дивизіи дожидались насъ за лѣе отъ Бельбейса.»

Вотъ отъ какихъ случаевъ зависятъ важныя военныя событія. Еслибы въ дивизіи Фріана былъ компасъ въ нѣсколько миллиметровъ, подобный тѣмъ, которыя прицѣпляютъ къ часамъ съ другими привѣсками, или еслибы офицеры, слишкомъ полагавшіеся на свои знанія, послушались совѣтовъ Малюса, то дивизіи соединились-бы во-время, и великій визирь подъ Бельбейсомъ потерпѣлъ-бы новое пораженіе.

Малюсъ находился при дивизіи генерала Ренье во время той экспедиціи, въ которую, послѣ многихъ важныхъ дѣлъ, Турецкая армія была отброшена за пустыню. Потомъ онъ возвратился въ Каиръ, взбунтованный Мамелюками, пришедшими въ городъ въ день Гелиополисской битвы. Нетрудно отгадать, что дѣлалъ инженерный офицеръ въ обширномъ Каирѣ, загроможденномъ баррикадами. По совершенномъ покореніи Каира, Малюсъ поселился въ Гизехѣ, когда 25 преріала генералъ Клеберъ, въ саду, былъ зарѣзанъ Туркомъ, пришедшимъ изъ Сиріи.

Здѣсь оканчиваемъ наши извлеченія изъ записокъ Малюса. Намъ трудно выписывать жесткія, хотя и справедливыя, его сужденія о генералѣ Мену. Одного замѣчанія достаточно для выраженія его мнѣнія о послѣднемъ начальникѣ восточной арміи: «Клеберъ былъ зарѣзанъ 25 преріала; но Мену убилъ его въ другой разъ, очернивъ честь умершаго генерала.»

Читая записки Малюса, я замѣтилъ, что онъ съ точностію означалъ время, когда получалъ письма отъ своего отца, сестры,

дади, и проч. Что-же касается до писемъ изъ Гиссена, то всякой отгадаетъ, кто ихъ писалъ; но Малюсъ не упоминаетъ о томъ, безъ сомнѣнія, изъ опасенія, чтобъ его записки не попались въ нескромныя руки друга или врага. Указываю на эту осторожность для тѣхъ неблагонамѣренныхъ людей, которые думаютъ, что чувство приличія не-совмѣстно съ знаніями геометріи.

Женитьба Малюса. Продолженіе его военной службы.

Малюсъ оставилъ Египетъ и переѣхалъ море на Англійскомъ транспортѣ «Касторъ» вслѣдствіе условій, заключенныхъ генераломъ Мену съ непріятельскими начальниками. По приѣздѣ въ Марсель, 14 октября 1801 г., его тотчасъ посадили въ карантинъ, который показался ему раемъ сравнительно съ лазаретами Яффы, Дамьетты и Лесбіеха. Получивъ свободу, онъ отправился въ Парижъ, и послѣ одного короткаго посѣщенія своихъ родныхъ, повинувшись болѣе сердцу, нежели данному слову, поспѣшилъ въ Гисенъ къ своей невѣстѣ Вильгельминѣ-Луизѣ Кохъ, и женился на ней безъ отлагательства. Этотъ союзъ составилъ счастье нашего товарища. Скоро увидимъ рѣдкую приверженность супруги къ избранному ея сердцемъ, во время жестокой болѣзни, похитившей его у ея любви и у наукъ.

Продолженіе военной службы Малюса можно очертить немногими строками:

Въ 1802—1803 г. онъ служилъ въ Лиллѣ.

Въ 1804 г., въ Аятверпецѣ, по требованію Наполеона, онъ составлялъ проекты для дополненія укрѣпленій этого приморскаго города и для распространенія его стѣны.

Трудъ этотъ хранится въ фортификаціонномъ депо и содержитъ одиннадцать листовъ чертежей, и аналитическія изслѣдованія съ числовыми примѣрами о двухъ механическихъ вопросахъ, имѣвшихъ, по обстоятельствамъ и мѣстности, важное приложеніе, именно: 1) какую можно извлечь пользу изъ вѣса людей, ходящихъ въ колесѣ для приведенія въ движеніе черпальную машину или Архимедовъ винтъ? 2) какъ должно употреблять для той-же цѣли силу вѣтра, дѣйствующаго на мельницу съ горизонтальными крыльями, обращающимися всегда по одному направленію?

Въ 1805 г., Малюсъ былъ при сѣверной арміи.

Въ 1806—1808 г. онъ отправлялъ должность вице-директора Стразбургскихъ укрѣпленій. Въ этомъ званіи онъ предсѣдатель-

ствовалъ въ комиссіи о перестройкѣ форта Келя, сдѣлалъ весьма основательныя замѣчанія о формѣ крѣпостныхъ одеждъ, и аналитически опредѣлилъ ихъ толщину.

Въ 1809 г. его вызвали въ Парижъ.

Въ 1810 г. онъ сдѣланъ былъ инженернымъ майоромъ. Архивъ военнаго комитета доказываетъ, что генеральные инспекторы совѣтовались съ нимъ о поручаемыхъ имъ работахъ.

Разсужденіе о свѣтѣ, написанное въ Египтѣ.

Теперь будемъ говорить о Малюсѣ, какъ о физикѣ и членѣ академіи наукъ. Не выходя изъ этихъ границъ, я могу сказать нѣсколько словъ о его оптическомъ разсужденіи, написанномъ въ хижинѣ, въ Катіехъ.

Въ первой части авторъ ясно означаетъ предметъ своего сочиненія, котораго рукопись лежитъ предъ моими глазами.

Авторъ желалъ доказать, что свѣтъ не есть тѣло простое, но состоитъ изъ теплотвора и кислорода въ особенномъ соединеніи. Для доказательства своей теоріи, онъ приводитъ много явленій, заимствуя ихъ у химіи, которую, кажется, онъ хорошо зналъ не въ однихъ общихъ основаніяхъ, но и въ подробностяхъ. Однако надобно сказать, что всѣ заключенія Малюса, самыя вѣроятныя для того времени, уничтожаются нынѣ однимъ словомъ: въ противность всѣмъ явленіямъ, упоминаемымъ нашимъ товарищемъ, достаточно указать на то, что свѣтъ рождается въ пустотѣ Вольтовымъ токомъ по веществамъ простымъ, каковы суть уголь, платина, и пр.

Во второй части своего разсужденія, Малюсъ старается доказать, что свѣтъ одного рода отличается отъ другаго только бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ теплотвора. Красный свѣтъ есть теплѣйшій, фіолетовый—холоднѣйшій, какъ показываютъ опыты. Потомъ авторъ утверждаетъ, что всѣ лучи, одаренные извѣстною *напряженностью*, должны производить ощущение блага цвѣта.

Третья часть Малюсова труда содержитъ механическія слѣдствія, выводимыя анализомъ изъ предположеній въ двухъ первыхъ частяхъ. Изъ этой третьей части извлекаю мнѣніе автора о скорости свѣта: онъ, какъ и всѣ послѣдователи гипотезы истечения, думаетъ, что скорость свѣта въ водѣ должна быть болѣе, нежели

въ воздухѣ. Послѣ этого всякой пойметъ, что нѣтъ надобности въ подробномъ разборѣ сочиненія Малюса.

Разсужденіе свое Малюсъ назначалъ для Египетскаго института. Въ письмѣ его къ Ланкре я нахожу слѣдующее: «посылаю къ тебѣ, мой любезный Ланкре, трудъ, о которомъ я говорилъ съ тобою; укажи мнѣ на повтора и на бесполезное. Если послѣ такой очистки въ трудѣ моемъ ничего не останется, то я отложу его въ сторону.»

Справедливость требуетъ сказать, что я не воздержался отъ критики, по-тому-что біографъ есть другъ истины, а не панегиристъ; притомъ третья часть разсужденія была написана до изданія четвертаго тома «Небесной механики», гдѣ тотъ-же предметъ разсмотрѣнъ съ большимъ стараніемъ. Къ этому прибавлю, что ни одна армія не имѣла въ своихъ рядахъ офицера, который-бы на досугѣ аванпостной службы занимался глубокими и полными изслѣдованіями объ ученыхъ вопросахъ. Сила этого замѣчанія не ослабляется походомъ Александра. Правда, по желанію Аристотеля, ученые сопровождали великаго полководца, но они имѣли обязанностью только собирать ученые свѣдѣнія у народовъ побѣжденных, а не двигать науки впередъ собственными трудами. Это различіе, думаю, достойно памяти, и преимущество всегда останется на сторонѣ Французской арміи.

Изъ одного письма Ланкре я вижу, что Малюсъ занимался важнымъ метеорологическимъ вопросомъ, именно: распространіемъ тепла въ разныхъ климатахъ. Но я не могъ открыть, что сдѣлалось съ его трудомъ.

#### Трактатъ объ аналитической оптикѣ.

20 апрѣля 1807 г., первому классу института Малюсъ представилъ трактатъ объ аналитической оптикѣ, въ которомъ онъ разсматриваетъ свѣтъ подѣ тремя измѣреніями.

Выборъ академикомъ для разсмотрѣнія этого труда доказываетъ уже извѣстность автора. Эти академики были: Лагранжъ, Лапласъ, Монжъ и Лакруа. Донесеніе отъ лица комиссіи сдѣлалъ Лакруа 19 октября 1807. Авторъ трактата разсматриваетъ свойства и относительное положеніе плоскостей, образованныхъ прямыми линіями, слѣдующими одна за другой по опредѣленнымъ законамъ. Отсюда онъ выводитъ весьма замѣчательныя общія тео-

ремы и прикладываетъ ихъ къ движению свѣта отраженнаго и преломленнаго. Такимъ образомъ Малюсъ обобщаетъ теорію плоскихъ жгучихъ линій, начатую Чирнаузеномъ. Изъ любопытныхъ его выводовъ упомянемъ здѣсь о слѣдующемъ:

«Отраженіе и преломленіе даютъ иногда изображенія прямыя относительно одного изъ ихъ измѣреній и обратныя относительно другаго.»

Донесеніе, вмѣсто котораго не смѣю представить моего собственнаго мнѣнія, оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ:

«Приложить безъ всякаго ограниченія вычисленіе къ явленіямъ, изъ одного общаго начала вывести всѣ рѣшенія, получаемыя частными приемами, — значитъ составить истинную аналитическую оптику, которая, приводя науку подъ одну точку зрѣнія, будетъ способствовать къ расширенію ея владѣній.»

Высшее одобреніе академіи состоитъ въ напечатаніи представляемыхъ сочиненій въ сборникѣ трудовъ постороннихъ ученыхъ: сочиненіе Малюса было удостоено этой чести.

#### Разсужденіе о преломляющей силѣ непрозрачныхъ тѣлъ.

16 ноября 1807 г., Малюсъ представилъ академіи разсужденіе, въ которомъ касается весьма важнаго оптическаго вопроса, способнаго рѣшить споръ между двумя противоположными предположеніями о происхожденіи свѣта.

Знаменитый физикъ Воластонъ, за нѣсколько лѣтъ прежде, предложилъ способъ для опредѣленія преломляющей силы въ веществахъ прозрачныхъ и непрозрачныхъ. Этотъ способъ основывается на познаніи угла, подъ которымъ упомянутыя вещества, непосредственно приложенныя къ одной изъ сторонъ стеклянной призмы, сквозь нее дѣлаются невидимыми. Но, согласно съ теоріею, находящеюся въ X книгѣ «Небесной механики» и основанной на гипотезѣ истеченія, формулы должны быть различныя для тѣлъ непрозрачныхъ и прозрачныхъ; слѣдственно Воластонъ ошибся. Малюсъ подвергнулъ явленіе рѣшительному опыту. Онъ выбралъ воскъ, въ которомъ преломленіе, по способу Воластона, можетъ быть опредѣлено въ состояніи его прозрачности и непрозрачности. Приложивъ формулы «Небесной механики» къ вычисленію угловъ, при которыхъ бываетъ видимъ и невидимъ прозрачный и непрозрачный воскъ, Малюсъ нашелъ однѣ и тѣ-же преломляющія силы

Такое тождество преломляющихъ силъ въ прозрачномъ и непрозрачномъ воскѣ Лапласу и всѣмъ геометрамъ и физикамъ, принявшимъ систему истечения, показалось математическимъ доказательствомъ истины Ньютова ученія. Дѣйствительно, совершенное тождество преломляющихъ силъ, вычисленное по разнымъ угламъ видимости и невидимости предметовъ, и по разности формулъ, весьма замѣчательно. Но чѣмъ доказывается это тождество? Неужели переходъ твердаго тѣла въ жидкое состояніе не имѣетъ вліянія на его способность преломленія? Развѣ нельзя указать на случаи, въ которыхъ тепло перемѣняетъ преломляющую силу независимо отъ ихъ плотности? Температура воска и его плотность въ опытѣ Малюса были ли совершенно извѣстны? Сверхъ-того, не позволительно-ли предположить, что на предѣлахъ, на которыхъ начинается дѣйствіе тѣла на свѣтъ, нѣтъ веществъ совершенно прозрачныхъ?

Нынѣ система истечения неспровергнута безъ возврата, и потому я старался указать на обстоятельства, которыя могли обмануть Малюса. Несмотря на это, разсужденіе Малюса представляло новое доказательство математическихъ способностей его ума и высокаго таланта въ производствѣ опытовъ. Надобно только сожалѣть, что въ заключеніи донесенія объ этомъ разсужденіи рѣшительно сказано, что оно вполне утверждаетъ систему истечения, и сказано такими судьями, каковы были Лапласъ, Гайю и Гей-Люсакъ. Такое заключеніе могло удалить автора отъ опытнаго пути, на которомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Френель собралъ богатую жатву.

Малюсъ получаетъ академическую награду за математическую теорію двойнаго преломленія.

4 января 1808 года, академія, на премію для 1810 г., предложила слѣдующій вопросъ: «составить повѣренную опытами математическую теорію двойнаго преломленія свѣта въ различныхъ веществахъ кристаллическихъ.» Разсужденіе Малюса было увѣнчано.

Боясь, чтобъ кто-нибудь изъ сонскателей не предупредилъ его открытіемъ замѣченныхъ имъ свойствъ свѣта, Малюсъ существенныя части своего разсужденія сообщилъ академіи 12 декабря 1808 г., не дожидаясь срока конкурса. И такъ къ концу 1808

года должно отнести безсмертное наблюдение, о которомъ сей часъ буду говорить. Комиссія для сужденія сочиненій соискателей состояла изъ Лагранжа, Гайю, Гей-Люссака и Біо; донесение представилъ Лагранжъ, и потому ничего не доставало для утверждения важнаго открытія Малюса.

Открытие поляризаціи чрезъ отраженіе.

Эразмъ Бартолинъ первый доказалъ существованіе двойнаго преломленія въ Исландскомъ кристалѣ, обыкновенно называемомъ *изельстковъ*. <sup>иногда</sup> ~~иногда~~ или кислородною ромбондальною известью. Гюйгенсъ замѣчался этимъ явленіемъ и нашелъ весьма простой и изящный геометрическій способъ для опредѣленія направленій *необыкновеннаго* луча при всѣхъ его положеніяхъ относительно луча, опредѣляемаго по закону Декарта, и называемаго *обыкновеннымъ*. Гюйгенсъ основагъ свой способъ на разсужденіяхъ, заимствованныхъ изъ теоріи волнъ, и предварилъ о томъ своихъ читателей.

Разсужденіе Малюса отъ 12 декабря 1808 г. имѣло слѣдующее заглавіе: *Записка о свойствѣ свѣта, отражаемаго прозрачными тѣлами*. Докладчикъ объ ея достоинствѣ, Лагранжъ, хотѣлъ, чтобы строеніе Гюйгенса считалось слѣдствіемъ одного опыта. Но да будетъ позволено мнѣ спросить: недоброжелательство къ теоріи не выходитъ ли изъ предѣловъ, когда оно внушаетъ притворство или уничтожаетъ откровенность?

Ньютонъ также пробывалъ замѣнить рѣшеніе Гюйгенса новыми правилами; но они оказались несообразными съ явленіями.

Изъ новыхъ наблюдателей, Воластонъ первый подтвердилъ истину основаній Голландскаго ученаго; для этой повѣрки, онъ употребилъ весьма остроумный способъ, посредствомъ котораго онъ нашелъ показатель преломленія, наблюдая полное отраженіе. Кажется, въ 1808 г., академія наукъ не считала удовлетворительными всѣ такія повѣрки, потому-что она сдѣлала вопросъ предметомъ конкурса. Какъ-бы то ни было, Малюсъ геометрическое строеніе Гюйгенса привелъ въ алгебраическія формулы; отклоненіе необыкновенныхъ лучей, выведенное изъ этихъ формулъ, онъ сравнивалъ съ числами, полученными изъ точнѣйшихъ опытовъ, и всегда видѣлъ совершенное согласіе. Такимъ образомъ геометрическое рѣшеніе Гюйгенса утверждено совершенно, хотя оно сперва было основано только на теоретическихъ соображеніяхъ.

Лучъ свѣта раздѣляется на два луча одинаковой силы, каковы бы ни было положеніе Исландскаго кристала; но совсѣмъ бываетъ другое, когда лучи, вышедши изъ одного кристала, разлагаются другимъ, совершенно сходнымъ съ первымъ. Если второй кристалъ относительно перваго имѣеть такое положеніе, что одноименныя ихъ стороны бываютъ параллельными; то обыкновенный лучъ претѣрпѣваетъ одно обыкновенное преломленіе, а необыкновенный остается и выходитъ лучемъ необыкновеннымъ. И такъ естественный лучъ, проходя первый кристалъ, перемѣняется въ своихъ свойствахъ. Дѣйствительно, если-бы естественный лучъ, раздвояясь, сохранялъ свои первоначальныя свойства, то каждый изъ лучей, обыкновенный и необыкновенный, опять раздѣлялись-бы на два луча, проходя чрезъ второй кристалъ, и послѣ этого второго перехода получались-бы четыре изображенія одного и того же предмета. При этомъ явленіи, прежде всего приходитъ на умъ предположеніе, что естественный лучъ состоитъ изъ частей, изъ которыхъ одна способна для преломленія обыкновеннаго, а другая, равная первой, для преломленія необыкновеннаго; но это предположеніе уничтожается самымъ простымъ опытомъ: поверните второй кристалъ на четверть оборота, не перемѣняя его параллельности съ первымъ кристаломъ: увидите, что обыкновенный лучъ сдѣлается необыкновеннымъ, необыкновенный-же преломится по общему закону.

И такъ лучъ обыкновенный и лучъ необыкновенный выходятъ изъ перваго кристала съ одинаковыми свойствами, и чтобы обнаружить въ нихъ эти свойства, надобно только одинъ изъ нихъ поверотить на  $90^\circ$  около его самого или около линіи его распространенія. Такимъ образомъ двойное преломленіе открываетъ въ лучахъ свѣта стороны, имѣющія различныя свойства. Такимъ образомъ наблюденіе научило насъ, что необыкновенный лучъ, выходя изъ Исландскаго кристала, получаетъ свойство луча обыкновеннаго, если заставимъ его сдѣлать четверть оборота около него самого.

Если припомнимъ, что лучи свѣта такъ тонки, что сквозь скважину, сдѣланную концомъ иглы, проходятъ ихъ миллиарды, не мѣшая одинъ другому; то всякой мыслящей не можетъ не удивляться описанному явленію, открытому Гюйгенсомъ. Два пучка лучей, выходящихъ изъ Исландскаго кристала со сторонами различныхъ свойствъ, называются *поддризованными*, въ противоположность лучамъ *естественнымъ*, имѣющимъ одинаковыя свойства на всѣхъ



своихъ сторонахъ, потому-что они всегда раздѣляются на двѣ части одной силы, какое-бы положеніе ни имѣлъ Исландскій кристалъ.

Я объяснилъ, въ какомъ положеніи долженъ быть второй кристалъ, чтобъ обыкновенные и необыкновенные лучи, выходящіе изъ перваго, сохраняли свои наименованія; во всѣхъ промежуточныхъ положеніяхъ втораго кристала, обыкновенные и необыкновенные лучи вообще раздѣляются на два луча, но уже весьма различныхъ силъ.

Таково было состояніе нашихъ знаній въ самой трудной части оптики, когда въ одинъ день, въ своемъ домѣ въ улицѣ Анфаръ, Малюсъ посмотрѣлъ сквозь кристалъ съ двойнымъ преломленіемъ на солнечные лучи, отражаемые стеклами Люксамбурга. Въ-сто двухъ равносильныхъ изображеній, онъ, перемѣняя положеніе своего глаза, видѣлъ только одно—то обыкновенное, то необыкновенное. Это странное явленіе сильно поразило нашего товарища; онъ пытался объяснить его частными перемѣнами солнечнаго свѣта въ атмосферѣ. Но съ наступленіемъ ночи, свѣтъ восковой свѣчи Малюсъ направилъ на поверхность воды подъ угломъ въ  $36^\circ$ , и посредствомъ своего кристала увѣрился, что отраженный свѣтъ былъ поляризованъ также, какъ этимъ самымъ кристаломъ. То же самое получилъ онъ, когда свѣтъ падалъ на стеклянное зеркало подъ угломъ въ  $35^\circ$ . Съ этой минуты было доказано, что не одно двойное преломленіе можетъ поляризовать свѣтъ или не одно двойное преломленіе заставляетъ свѣтъ терять его способность постоянно раздѣляться на двѣ части, проходя чрезъ Исландскій кристалъ. До-сихъ-поръ никто не подозрѣвалъ, чтобъ отраженіе отъ прозрачныхъ тѣлъ имѣло свойства упомянутаго кристала. Но Малюсъ не остановился при началѣ своего открытія: онъ въ одно время обыкновенный и необыкновенный лучи направилъ на поверхность воды и замѣтилъ, что при наклоненіи подъ угломъ въ  $36^\circ$  лучи эти не одинаково отражаются.

Когда часть обыкновеннаго луча отражается, тогда лучъ необыкновенный весь проходитъ чрезъ жидкость. И обратно: когда при извѣстномъ положеніи кристала относительно плоскости, въ которой происходитъ отраженіе, отражается часть луча необыкновеннаго, тогда уничтожается отраженіе луча обыкновеннаго.

Такимъ образомъ отраженіе сдѣлалось средствомъ отличать одни лучи отъ другихъ, поляризованныхъ въ различныхъ напра-

вленіяхъ. Въ ту ночь, которая слѣдовала за случайнымъ наблюденіемъ надъ Люксамбургскими окнами, Малюсъ положилъ основаніе одной изъ важнѣйшихъ частей новѣйшей оптики и заслужилъ неоспоримое право на безсмертную славу.

Я вышель-бы изъ предѣловъ біографія, еслибы помѣстилъ въ ней всѣ наблюденія нашего товарища надъ прямыми и отражаемыми лучами, въ которыхъ является поляризація; но, чтобъ приготовить читателя къ уразумѣнію весьма любопытнаго явленія, замѣчнаго Малюсомъ въ 1811 г., не могу не объяснить, что понимаютъ подъ лучемъ *частно-поляризованнымъ*.

Естественный лучъ свѣта всегда даетъ два равносильныя изображенія, какое-бы положеніе относительно его ни имѣла сторона кристала; но лучъ *вполнѣ* поляризованный даетъ только одно изображеніе въ двухъ особенныхъ ея положеніяхъ. Лучъ *частно-поляризованный* имѣетъ какъ-бы *среднія* свойства между лучемъ естественнымъ и лучемъ *вполнѣ* поляризованнымъ: онъ даетъ два изображенія, но сила ихъ перемѣняется съ положеніемъ разлагающаго кристала.

Лучи, отраженные отъ воды и отъ стекла подъ тѣми углами, которые менѣ или болѣе угла полной поляризаціи, поляризуются *частно* и тѣмъ болѣе, чѣмъ уголъ ихъ наклоненія къ отражающей поверхности болѣе приближается къ 35 или 36°.

Малюсу казалось, что отъ металловъ отражаются лучи неполяризованные, даже неполяризованные *частно*; но эта ошибка была въ послѣдствіи исправлена.

Послѣ первыхъ своихъ изслѣдованій, Малюсъ думалъ, что, послѣ двойнаго преломленія, отраженіе отъ нѣкоторыхъ веществъ прозрачныхъ и темныхъ есть единственное средство для поляризованія свѣта. Но въ концѣ 1809 г. его понятія объ этомъ предметѣ расширились; изъ опытовъ онъ узналъ, что въ свѣтѣ, проходившемъ чрезъ стекло подъ нѣкоторыми наклоненіями, обнаруживаются слѣды частной поляризаціи, и что свѣтъ, прошедши чрезъ многія сложенные столбомъ стекла, поляризуется *вполнѣ*. При этомъ онъ замѣтилъ, что поляризація сквозь стекла *обратно той*, которая происходитъ при отраженіи: когда отраженіе даетъ лучъ, сходный съ обыкновеннымъ, производимымъ кристаломъ при извѣстномъ его положеніи, тогда поляризація чрезъ стекла даетъ лучъ, сходный съ необыкновеннымъ отъ того-же самаго кристала.

Здѣсь я не могу входить въ подробности ни о весьма любопытныхъ слѣдствіяхъ, выведенныхъ Малюсомъ изъ его опытовъ, ни объ усовершенствованіи самыхъ опытовъ; скажу только, что если когда-нибудь найдутъ вещество, которое, при углѣ полной поляризаціи чрезъ отраженіе, отражаетъ половину упавшаго на него свѣта; то свѣтъ, прошедшій чрезъ одну его пластинку, также поляризуется вполне. Итакъ, для полной поляризаціи чрезъ преломленіе нѣтъ надобности употреблять стеклянный столбъ Малюса: одной пластинки для того достаточно.

Послѣ опытовъ Гюйгенса надъ двойнымъ преломленіемъ Исландскаго кристала и горнаго хрустала, минералогіи открыли въ природѣ множество кристаловъ, производящихъ двойное преломленіе; но прямо нельзя узнавать, что такой-то кристалъ принадлежитъ къ этой категоріи: надобно сперва сдѣлать изъ него призму и посмотрѣть чрезъ двѣ ея стороны на весьма малый предметъ, напримѣръ, на точку, сдѣланную иглою. Въ 1811 г., одинъ членъ нашей академіи (Араго) показалъ, что можно обходиться безъ этого иногда затруднительнаго опыта. Такимъ образомъ онъ доказалъ, что многія листочки слюды производятъ двойное преломленіе. Этими результатами, полученными его другомъ, Малюсъ сообщилъ всеобщность въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Объ оси отраженія кристаловъ и веществъ органическихъ»; читанномъ въ академіи 19 августа 1811 г.

Письмо Юнга къ Малюсу.

22 марта 1811 г., Томасъ Юнгъ, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, увѣдомилъ Малюса, что совѣтъ королевскаго общества наукъ назначилъ ему медаль Румфорда.

Въ то время въ Англіи успѣхи новой теоріи были такъ слабы, что Юнгъ просилъ Малюса увѣриться, точно-ли лучъ, поляризованный чрезъ отраженіе отъ стекляннаго зеркала, не отражается уже отъ другаго такого-же зеркала, при извѣстномъ его положеніи, какъ доказалъ это нашъ товарищъ.

Ученый секретарь королевскаго общества думалъ, что лучи, которые послѣ перваго отраженія не отражаются въ другой разъ, должны быть поглощены или становиться недѣйствительными. Въ томъ-же письмѣ находимъ: «ваши опыты доказываютъ недостаточность моей теоріи (интерференцій), но не доказываютъ, что «она ложная».

Малюсъ, явный и непоколебимый послѣдователь гипотезы истеченія, съ радостію принялъ увѣдомленіе Юнга о недостаточности теоріи интерференцій, и всегда мнѣніемъ ученаго Англичанина возражалъ тѣмъ, которые просили его изслѣдовать предположеніе, принимаемое Гюйгенсомъ и Эйлеромъ. Такое упорство Малюса означаетъ, что онъ не обратилъ вниманія на то, что хотя Юнгъ, въ 1811 г., признавалъ недостаточность своей теоріи, однако, даже послѣ открытія поляризаціи, не видѣлъ ни одного явленія, доказывающаго, что она ложна.

#### Изобрѣтеніе повторительнаго гониометра.

Теоріи физическія и способы производить опыты находятся въ тѣсной связи между собою. Усовершенствованіе первыхъ непременно ведетъ за собою улучшеніе вторыхъ. По мѣрѣ того, какъ идеи Гайю относительно кристаллографіи распространялись и созрѣвали, ученые видѣли необходимость въ точномъ измѣреніи угловъ кристаловъ. Воластонъ удовлетворилъ этому желанію изобрѣтеніемъ отражательнаго гониометра; Малюсъ усовершенствовалъ этотъ снарядъ, сдѣлавъ его повторительнымъ. Онъ хотѣлъ чрезъ то уничтожить погрѣшности постепеннаго *визировапія* и ошибки въ дѣленіяхъ круга. Къ-сожалѣнію, весьма немного естественныхъ кристаловъ, способныхъ для повторительнаго измѣренія. Но отъ того способъ Малюса не теряетъ своего теоретическаго достоинства. Еще одно замѣчаніе: справедливость требуетъ сказать, что первая идея объ измѣреніи угловъ посредствомъ отраженія свѣта принадлежитъ знаменитому физику Ламберту.

#### Кандидатство Малюса въ академіи наукъ. Его смерть.

Кратко-описанные мною труды Малюса, выходящіе изъ ряда обыквенныхъ физическихъ изслѣдованій, возбудили къ нему чисто-сердечное уваженіе и удивленіе ученыхъ всей Европы. Онъ былъ принятъ въ академическое общество, состоящее изъ малаго числа членовъ подъ покровительствомъ Лапласа и Бертолле (\*).

---

(\*) Членами Аркельскаго общества были: Лапласъ, К. Л. Бертолле, Біо, Гей-Люссакъ, Гумбольдтъ, Тенаръ, де-Кандоль, Голле-Декотиль, А. Б. Бертолле, Малюсъ, Араго, Бераръ, Шапталъ, Дюлонъ, Пуассонъ.

Въ 1810 г., въ физическомъ отдѣленіи института открылась ваканція смертью Монгольфьера; естественно, что Малюсъ былъ въ числѣ кандидатовъ на мѣсто знаменитаго физика. Между соискателями той-же чести находился инженеръ путей сообщенія, участвовавшій въ Египетскомъ походѣ и имѣвшій связи со многими академиками, и потому всѣ думали, что выборъ не обойдется безъ горячихъ споровъ. Въ день избранія, 13 августа 1810 г., одинъ изъ друзей Малюса (Араго) далъ ему слово принести ему извѣстіе о результатѣ балотировки тотчасъ по ея окончаніи; но, по обстоятельству, избраніе, при которомъ Малюсъ получилъ 31, а его соперникъ 22 голоса, заоздало, и хотя другъ его не потерялъ ни одной минуты, однако непредвидимая отсрочка заставила великаго физика подумать, что онъ потерпѣлъ неудачу: эта мысль привела его въ отчаяніе; на него даже не дѣйствовали утѣшенія любящей его жены. Итакъ, безстрашный солдатъ арміи Самбры и Мааса, видѣвшій близко смерть въ сраженіяхъ при Хебрейсѣ, пирамидахъ, въ Каирѣ и въ незабвенный день на поляхъ Гелиополиса, переносившій великодушно страшную болѣзнь въ Яффѣ и Дамьеттѣ, упалъ духомъ отъ мнимой неудачи на академическомъ выборѣ. Съ благоговѣніемъ сохранимъ въ памяти этотъ случай! Кто осмѣлится говорить о бесполезности академій, когда ученый, сдѣлавшій великія открытія, такъ высоко цѣнилъ титулъ академика? Кто не пойметъ, что соревнованіе молодыхъ ученыхъ, возбуждаемое ихъ желаніемъ вступить въ академію, должно быть подкрѣплено беспристрастіемъ ея членовъ? Самое уваженіе общества сохранить академія только выборомъ достойнѣйшихъ.

5 декабря 1810 г. Малюсъ получилъ чинъ маіора, однозначительный съ подполковникомъ; правительство часто поручало ему опредѣленіе достоинствъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ практической школы въ Мецѣ; потомъ онъ сдѣланъ былъ экзаменаторомъ учениковъ школы политехнической по начертательной геометріи и по зависящимъ отъ нея наукамъ.

14 вандеміера, изъ Бенисуфа, Малюсъ писалъ къ своему другу Ланкре: «я живу здѣсь какъ пустынный; безмолвно провожу цѣлые дни.» Кажется, что вашъ другъ часто увлекался своею любовью къ молчанью: ученики школъ политехнической и Мецкой рассказываютъ, что, разсматривая ихъ чертежныя работы, онъ молча указывалъ на тѣ въ нихъ мѣста, которыя требовали объяс-

сней. Этотъ способъ дѣлать вопросы, противоположный обычаемъ другихъ экзаменаторовъ, во многихъ возбуждалъ удивленіе, но не уменьшалъ уваженія къ его просвѣщенному терпѣнію, проницательности и безпристрастію въ сужденіяхъ объ успѣхахъ экзаменующихся.

Въ 1811 г. Малюсъ временно исправлялъ должность директора преподаваній въ политехнической школѣ; для утвержденія его въ этой должности, дожидались только исполненія нѣкоторыхъ формальностей по уставу. Избранная имъ подруга въ Гиссенѣ, незабытая въ Египтѣ, дѣлала его совершенно счастливымъ; въ томъ помогали ей знаменитѣйшіе Европейскіе академики. Его любили и почитали всѣ его знакомые; всѣ надѣялись на новыя открытія его генія; словомъ, послѣ военныхъ трудовъ въ его молодости, онъ былъ окруженъ всѣмъ, что привязываетъ человѣка къ жизни — и въ это-то счастливое время жизнь его пресѣклась, къ глубокому огорченію его родныхъ, друзей, наукъ и національной славы. Чахотка, которой первые признаки открылись въ 1811 г., шла быстро, можетъ быть отъ слѣдовъ, оставленныхъ чумой въ его слабомъ тѣлѣ.

Товарищъ нашъ не вѣрилъ опасности своего положенія; даже наканунѣ своей смерти просилъ одного изъ своихъ друзей пріѣхать чрезъ недѣлю въ Монтморанси, куда онъ собирался подышать деревенскимъ воздухомъ.

Но вотъ еще убѣдительнѣйшее доказательство того, что онъ совсѣмъ не понималъ опасности своего состоянія: возвратившись изъ Египта, онъ не сомнѣвался въ заразительности чахотки въ человѣкѣ, перенесшемъ чуму, а между тѣмъ позволялъ своей женѣ наклоняться къ его головѣ, слѣдовать за его малѣйшими движеніями и дышать окружавшимъ его воздухомъ.

Впрочемъ, и эта превосходная женщина не вѣрила своему несчастію. Когда знаменитый ученый вздохнулъ въ послѣдній разъ, тогда надобно было силою отвлечь ее отъ его бездыханнаго тѣла. Г-жа Малюсъ послѣдовала за своимъ мужемъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Малюсъ умеръ на тридцать-седьмомъ году своей жизни.

#### Характеръ Малюса.

Нашъ товарищъ былъ средняго роста и средней толщины; по наружности, онъ былъ холоденъ и не общителенъ, но душу

имѣлъ любящую. Превосходный сынъ, нѣжный и безукоризненный мужъ, другъ преданный, онъ оставилъ послѣ себя завидную память человѣка добродѣтельнаго. Его поступки въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ свободны отъ малѣйшаго упрека; но они происходили не отъ одной его натуры: въ досугъ на бивакахъ онъ набрасывалъ на летучихъ листочкахъ мысли, которыя были правилами его жизни. Упомяну о многихъ изъ нихъ, достойныхъ занять мѣсто между мнѣніями знаменитѣйшихъ изъ нашихъ философовъ.

«Вся наша жизнь должна стремиться къ совершенствованію души и къ поддержанію общественнаго устройства.»

«Надежда есть источникъ счастья, которымъ не должно пренебрегать.»

«Я почерпаю мои наслажденія въ любви сердечной, въ мечтахъ воображенія и въ созерцаніи природы.»

«Надобно упражняться въ терпѣніи, необходимомъ для счастья нашего нравственнаго существованія.»

«Надобно желать умѣренности, потому-что она доступна.»

«Существованіе наше часто зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми должно пользоваться, какъ непродолжительною весною, хорошею погодою и свѣжестью розы.»

«Если нельзя сообщить дѣтямъ понятія о добрѣ, то надобно ихъ приучать къ нему.»

«Когда слабѣетъ голосъ разсудка, тогда совѣсть, какъ вспомогательное войско, удерживаетъ отъ заблужденій.»

«Я не люблю людей, которые взвѣшиваютъ благодаренія.»

«Тотъ рабъ всѣхъ, кто оскорбляется и сокрушается отъ несправедливостей.»

Это послѣднее правило вполне справедливо; но всегда-ли слѣдовалъ ему Малюсъ? Когда дѣлошло о первенствѣ въ наукахъ, онъ становился работою своихъ соперниковъ. Выслушайте меня и судите сами.

Малюсъ заподозрилъ одного члена Египетскаго института въ желаніи лишить его правъ на одно аналитическое вычисленіе, сообщенное имъ этому ученому обществу, и такъ поддался своему гнѣву, что письмо свое къ подозрѣваемому товарищу не кончилъ пошлой фразою: «съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашимъ покорнѣйшимъ слугою.» Причина этого пропуска явно означена въ его письмѣ къ другу его Ланкре.

Одинъ великій геометръ провидѣлъ возможность согласить двойное преломленіе съ началомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *наименьшаго дѣйствія*, и напечаталъ о томъ замѣчаніе, которое всякой можетъ читать въ собраніи нашихъ «Записокъ.» Малюсъ вспомнилъ, что онъ первый усмотрѣлъ эту возможность и говорилъ о томъ публично еще до напечатанія замѣчанія. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что свои идеи сдѣлалъ извѣстными, не упомянувъ о предупредившемъ его замѣчаніи, принадлежавшемъ человѣку, по справедливости знаменитому: онъ употребилъ выраженія, неприличныя его характеру и недостойныя его ученой славы.

Вотъ третій примѣръ. Одинъ академикъ считалъ себя въ правѣ оспаривать первенство одного открытія въ явленіи поляризаціи: Малюсъ былъ тогда въ Мецѣ, и раздраженіе свое обнаружилъ письмомъ, содержавшимъ такія выраженія, которыя повторять считаю неприличнымъ. Претензію своего противника онъ считалъ неосновательною на дѣлѣ и несправедливою по праву, потому-что слѣдовало ему одному предоставить разработку открытаго имъ рудника. Но спрашиваю: можно-ли осуждать раздражительность Малюса? Если право собственности считается основнымъ камнемъ прочности новѣйшихъ обществъ, то надобно-ли удивляться тому, что онъ не могъ удержать себя въ приличныхъ предѣлахъ, защищая самую важнѣйшую собственность — открытія въ области ума? Не можно-ли думать, что знаменитый физикъ переносился мысленно къ тому времени, къ тѣмъ нашимъ торжественнымъ собраніямъ, въ которыхъ ученые заслуги исчисляются и оцѣниваются безпристрастно предъ лицомъ публики просвѣщенной, непричастной никакимъ интригамъ? Неужели такое мысленное переселеніе предъ судьей неумытныхъ не могло возбуждать въ немъ желанія окружить себя наибольшимъ числомъ открытій несомнѣнныхъ и неоспориваемыхъ? И такъ, неудивительно, что онъ забывалъ временно свои мудрыя и справедливыя правила. Но какъ бы то ни было, честность и безпристрастіе Малюса никогда не подлежали сомнѣнію.

Въ собраніи его «мыслей» я прочиталъ еще: «немного людей составляютъ слѣды своего существованія.»

Не имѣю надобности доказывать, что Малюсъ принадлежалъ къ этимъ избраннымъ. Его имя дойдетъ до отдаленнаго потомства



съ учеными трудами, важными по себѣ, но еще важнѣйшими по ихъ слѣдствіямъ, потому-что они открыли обширнѣйшее поле для изслѣдованій. Это имя навсегда соединено съ «поляризациею», подъ которой разумѣютъ нынѣ собраніе любопытнѣйшихъ оптическихъ явленій.



# КОРНЕЛІЙ НЕПОТЪ

И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

---

Золотой вѣкъ Римской литературы богатъ именами писателей. Между ними мы встрѣчаемъ и имя Корнелія Непота. Имя это извѣстно всякому, кто занимался изученіемъ Латинскаго языка, точно такъ-же, какъ имена Цицерона, Горация, Виргилія, Т. Ливія и другихъ, и сдѣлалось едва-ли не нарицательнымъ на языкѣ учащагося юношества. Но личность самого Непота до-сихъ-поръ еще остается темною, частью отъ недостатка свѣдѣній о немъ, частью отъ безчисленныхъ разногласій, касательно Непота, ученыхъ любителей литературы и древностей Римскихъ, а особенно оттого, что большая часть Корнеліевыхъ сочиненій не сохранилась до нашего времени. Правда, оставшіяся отрывки его трудовъ уже много говорятъ въ пользу его, какъ писателя; но, на основаніи ихъ однихъ, нельзя еще составить полного очертанія его личности и приписать ему тѣхъ похвалъ, какими почтили его лучшіе изъ современныхъ и близкихъ къ нему по времени писателей Греческихъ и Римскихъ. Плиніи, Плутархъ, Геллій, Лактанцій и другіе знаменитые мужи древности часто цитуютъ его въ своихъ сочиненіяхъ, приводятъ его мнѣнія въ случаяхъ важныхъ, изъ чего уже видно, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ древнемъ просвѣщенномъ мірѣ. Сверхъ-того, похвалы Катуты, который посвящалъ ему свои мелкія стихотворенія, похвалы П. Аттика, который, какъ писателю, далъ ему первое мѣсто послѣ Цицерона, и наконецъ похвалы самого оратора; все это громко говоритъ въ его пользу и ставитъ его въ рядъ лучшихъ Латинскихъ писателей, на такую высоту, до которой далеко не достигаетъ онъ, если судить о немъ на основаніи единственнаго, извѣстнаго намъ небольшого его сочиненія. Съ другой сто-

роны, этого почтеннаго, по мнѣнію древнихъ, писателя ученые изыскатели древности часто лишали даже и тѣхъ достоинствъ, которыя неотъемлемо принадлежать ему, если даже судить о немъ только по дошедшему до насъ его труду. Одни упрекали его, какъ историка, въ недобросовѣстности, другіе находили у него темноту въ изложеніи мыслей, тогда-какъ онъ болѣе, чѣмъ другой какой-нибудь писатель, былъ чуждъ ея, иные прямо изобличали его въ невѣжествѣ, а нѣкоторые отнимали у него и послѣдній, сохранившійся до насъ, трудъ его. Различныхъ мнѣній о немъ рго и contra было такъ много, что едва-ли можно перечислить ихъ. Множество разнообразныхъ и часто совершенно противоположныхъ сужденій, касательно Непота и извѣстнаго намъ его сочиненія, долго оставляютъ читателя при одномъ только недоумѣніи, почти нисколько не проясняя взгляда его на самое дѣло.

Но въ этой массѣ разнородныхъ сужденій должна-же быть гдѣ-нибудь истина. Отыскать ее, освободить отъ всякой посторонней примѣси и, по-возможности, представить личность разсматриваемаго писателя свободною отъ всего чуждаго ей, это составляетъ теперь нашу задачу. Начнемъ съ того, кто былъ Корнелій Непоть.

Древніе писатели не оставили намъ подробныхъ свѣдѣній о жизни К. Непота. Поэтому, при изложеніи его біографіи, мы должны ограничиться только немногими догадками и соображеніями, на основаніи отрывочныхъ извѣстій о немъ, встрѣчающихся у различныхъ писателей, и уцѣлѣвшихъ его сочиненій.

Корнелій Непоть (1) происходилъ изъ знаменитѣйшей Римской фамиліи Корнеліевъ (2). Кто были родители его, неизвѣстно. Из-

---

(1) *Praenotus* К. Непота намъ неизвѣстенъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что Непоть имѣлъ его, потому-что безъ него мы не встрѣчаемъ ни одного Римскаго имени. Весьма вѣроятно, что *praenotus* К. Непота былъ *Cajus*. Будучи обозначенъ одною буквою С, онъ легко могъ быть пропущенъ переписчиками, потому-что и имя Непота также начиналось съ буквы С (*Cornelius*) и часто, можетъ быть, означалось одною начальною буквою, какъ и *praenotus*. Этого мнѣнія не отвергали ни древніе, ни новѣйшіе писатели.

(2) Къ этой фамиліи принадлежали и патриціи, и плебеи. Гельдъ причисляетъ Корнелія Непота къ плебеямъ. На чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, неизвѣстно. И вообще трудно рѣшить, патриціемъ или плебеємъ былъ К. Непоть.

вѣстно только то, что онъ былъ женатъ на дочери Децима Брута, Гаи (3), и имѣлъ брата, который управлялъ домою Корнелія и распоряжался имѣніемъ, въ послѣднее время его жизни (4). Изъ письма Цицерона къ Аттику (5) мы видимъ, что Корнелій Непотъ имѣлъ сына, который умеръ очень рано: Цицеронъ называетъ его руге и говоритъ, что вовсе не зналъ его. По свидѣтельству Плинія старшаго, Корнелій былъ *assola Radi* (6). Плиній младшій говоритъ, что К. Непотъ происходилъ изъ той-же самой муниципіи, въ которой родился Титъ Кацій (7). Эти два свидѣтельства не противорѣчатъ одно другому: Цицеронъ (8) называетъ этого Т. Кація Инсубромъ, а Инсубры, какъ извѣстно, жили въ нынѣшней Ломбардіи, между р.р. Тессинномъ или Тициномъ и Аддою, сѣверными притоками р. По. Но Фоссъ ищетъ родины Корнелія нѣсколько далѣе къ востоку. Онъ полагаетъ, что отечествомъ его была Гостилія, деревня въ округѣ Веронскомъ, упоминаемая Тацитомъ и Плиніемъ. А такъ-какъ Гостилія находилась въ Галліи Транспаданской (*Gallia citerior*), то отсюда произошло различіе въ названіи К. Непота у Катутла и Авзонія: первый говоритъ, что Корнелій былъ Италіянецъ (9), а послѣдній называетъ его Галломъ (10). Пауфлеръ, отечество Непота отодвигаетъ еще далѣе на востокъ. На основаніи нѣкоторыхъ слѣдовъ патавинизма (*Patavinitas*), встрѣчающихся у К. Непота (11), Пауфлеръ полагаетъ, что Корнелій былъ соотечественникомъ Тита Ливія, который, какъ извѣстно, родился въ древней Патавіи (Падуа). Кромѣ этихъ мнѣній, касательно мѣста рожденія К. Непота, были и другія, впрочемъ, менѣе достовѣрныя. Такъ напр. нѣкоторые полагали, что Непотъ родился въ самой Веронѣ, а Гельдъ старался доказать, что отечествомъ нашего писателя была Парма. Не позволяя себѣ

(3) Νέπως ὁ Κορνήλιος Βρουτοῦ Τριαμβεύσαντος ἀπὸ Λουσιτανῶν θυγατέρα γῆμαι Γαίον. Plut. in Gracch. c. 21.

(4) Plut. in Lucull. extr. c. 43.

(5) Male narras de Nepotis filio.... nescieram omnino esse istum puerum. Ad. Atticum Ciceronis XVI. 14. 4.

(6) Hist. nat. III. 18, 127.

(7) Ep. IV, 28. 1.

(8) Ad fam. XV. 16, 1.

(9) Carm. 1.

(10) Ep. XXIV.

(11) Такъ К. Непотъ соединяетъ иногда *fore* съ *part. fut. act.* на *rus* (см. Dion. 8. 2; Att. 10. 1).

въ этомъ дѣлѣ рѣшительнаго приговора, мы не можемъ однакожъ не сознаться, что намъ кажется болѣе справедливымъ признать К. Непота соотечественникомъ Тита Кація, что вполне согласно съ показаніями обоихъ Плиніевъ, авторитетъ которыхъ для насъ долженъ быть священнымъ въ дѣлѣ изслѣдованія древности

Касательно времени рожденія К. Непота, древніе не оставили намъ никакихъ извѣстій. Этотъ вопросъ мы можемъ рѣшить, хотя приблизительно, только на основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній, переданныхъ намъ самимъ Корнелиемъ. Такъ изъ отрывка сочиненія Корнелиева «Ехептра», сохраненнаго Плиніемъ (Hist. nat. IX, 39, 136), мы видимъ, что Непоть былъ juvenis, слѣдовательно имѣлъ около 20 лѣтъ отъ роду, въ то время, когда Лентуль Спинтеръ сдѣланъ былъ курульнымъ эдиломъ; а Лентуль Спинтеръ, какъ извѣстно, получилъ эту должность въ 691 г. отъ основанія Рима, въ 63 до Р. Хр. То же подтверждаетъ дружба Корнелия съ Помпоніемъ Аттикомъ, Цицерономъ и другими, которыхъ онъ, по его собственнымъ словамъ, пережилъ. Такъ въ XII гл. біографіи Аттика онъ говоритъ, что пережилъ Катутла, въ XVI — Цицерона, въ XIX — самого Аттика, при чемъ выражается такъ: *nunc quoniam fortuna nos superstites ei (Attico) esse voluit* etc., чего онъ не сказалъ-бы, еслибъ не былъ уже пожилой человѣкъ. Трудно повѣрить, чтобы юношѣ и вообще человѣку здоровому и еще цвѣтущему могло придти на умъ что-нибудь подобное. А Аттикъ, какъ извѣстно, жилъ 77 лѣтъ и умеръ въ 722 г. отъ основанія Рима, въ 32 г. до Р. Хр. Если же Непоть былъ уже пожилой человѣкъ, когда умеръ Аттикъ, то, конечно, время рожденія К. Непота должно относить не только ко временамъ Юлія Цезаря, но еще къ болѣе отдаленной эпохѣ — ко временамъ Марія и Суллы и, весьма вѣроятно, къ 70 годамъ VII в. отъ основанія Рима, какъ полагаетъ Гельдъ.

Нѣсколько точнѣе можно опредѣлить время смерти Корнелия. Плиній (12) свидѣтельствуетъ, что Непоть умеръ въ правленіе Октавіана Августа, и, если не принимать словъ Иеронима (13) за свидѣтельство о посмертной литературной извѣстности Непота, то не раньше 27 г. до Р. Хр.; во всякомъ-же случаѣ не раньше

(12) «Cornelius Nepos, qui divi Augusti principatu obiit» et cet. Hist. nat. X. 81.

(13) Hier. in Chron. Euseb.

29—28 г., потому-что только въ это время, какъ полагають, Непоть окончилъ біографію Аттика (14) Поэтому несправедливо мнѣніе Шмидера, который говоритъ, что К. Непоть умеръ прежде сраженія при Акціумѣ, и слѣдовательно не дожилъ до времени правленія Октавіана Августа. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, время жизни К. Непота приблизительно можно полагать около 85—25 гг. до Р. Хр. Такимъ образомъ, жизнь его должна обнимать отчасти времена Марія и Суллы, время Ю. Цезаря и частію времена Октавіана.

Изъ отрывка «Eхemplorum», о которомъ мы упомянули выше, видно, что К. Непоть нѣсколько времени безвыѣздно жилъ въ Римѣ. Это было въ началѣ эдилства Лентула Спінтера и немного раньше. Два года прежде, Непоть, по собственному свидѣтельству, слушалъ Цицерона, защищавшаго К. Корнелія, бывшаго трибуна народнаго (Nier. ad Rаш. II. 419). Да и вообще не безъ основанія можно предположить, что К. Непоть, если не провелъ въ Римѣ большей части своей жизни, то по-крайней-мѣрѣ часто прѣзжалъ туда. Этими-то частыми посѣщеніямъ Рима онъ обязанъ знакомствомъ и дружбою съ знаменитыми Римскими писателями. Такъ мы знаемъ, что онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ Аттікомъ. Корнелій самъ говоритъ (15), что онъ до такой степени былъ близокъ къ Аттіку, что принималъ участіе во всѣхъ домашнихъ его дѣлахъ. И вся біографія Аттика есть не что иное, какъ прекрасный и самый твердый памятникъ, который воздвигъ ему Непоть, чтобы увѣковѣчить ихъ взаимную дружбу. Качества душевныя, жизнь и дѣла Аттика обрисованы здѣсь такъ искусно и представлены въ такомъ плѣнительномъ свѣтѣ, что нельзя не узнать въ біографѣ самаго близкаго друга Аттика. Наконецъ, что показываетъ самое посвященіе Аттіку Корнеліемъ труда его «de vitis excellentium imperatorum»? Духъ и характеръ предисловія къ этому труду показываютъ, что посвященіе это не походитъ на тѣ льстивыя приношенія, которыя дѣлають съ какою-нибудь разсчетливою цѣлію; это чистосердечное, дружеское посвященіе, совершенно чуждое всякихъ похвалъ лицу, принимающему его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ.

(14) Nipperdey in der Einleitung zu seiner Ausgabe des C. N. а. XVII.

(15) Vita Attici с. XIII. 7.

Корнелій познакомився съ Аттікомъ, вѣроятно, уже по возвращеніи послѣдняго изъ Аѳинъ. Аттікъ былъ человѣкъ весьма даровитый и ученый, и отличался прекрасными нравственными качествами. Его гуманность, симпатичность, обходительность и гостепримство привлекали въ его домъ довольно многочисленное общество друзей. И по происхожденію, и по богатству, и по обширнымъ связямъ съ тогдашнею Римскою аристократіею, Аттікъ, безъ сомнѣнія, могъ-бы занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ республикѣ. Но онъ чуждался политической карьеры, довольствовался однимъ почетнымъ титуломъ префекта и принималъ только косвенное участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Онъ былъ горячимъ приверженцемъ республики и не могъ безъ горести и тайной неприязни смотрѣть на происки честолюбцевъ, стремившихся къ централизаціи государственной власти и введенію новыхъ формъ правленія. На квиринальскомъ холмѣ, въ домѣ Аттіка, окруженномъ небольшою рощей, собирався кружокъ приверженцевъ консервативной партіи, и въ этомъ-то мирномъ уединеніи велись задушевные, дружескія бесѣды обо всемъ, что касалось общихъ интересовъ кружка и затрогивало его убѣжденія. Здѣсь-же читались, по-временамъ, и литературныя произведенія. Вѣроятно, на этихъ-то собраніяхъ Корнелій и познакомився съ Цицерономъ, съ которымъ мало-по-малу такъ сблизился (16), что даже велъ съ нимъ ученую и политико-литературную переписку (17). Что-же касается мнѣнія Шмидера (18), который говоритъ, что Непоть вовсе не былъ другомъ Цицерону, и что въ письмѣ къ Аттіку (19) Цицеронъ разумѣетъ не К. Непота, а кого-нибудь другаго, то это мнѣніе совершенно несправедливо, и доказательства, приводимыя Шмидеромъ, можно обратить и противъ него самого. Правда, самъ Непоть въ сохранившемся до насъ его сочиненіи нигдѣ не упоминаетъ о дружбѣ своей съ Цицерономъ, а посѣщеніе двумя лицами одного дома можетъ и не поставлять ихъ въ дружескія отношенія между собою, тѣмъ не менѣе знакомство, при частыхъ

(16) Gellii N. A. lib. XV. c. 28: qui (C. Nepos) maxime amicus familiarisque (M. Ciceronis) fuit.

(17) О письмахъ Корн. Неп. къ Цицерону упоминаетъ Лактанцій, а изъ писемъ Цицерона къ Корнелію приводятъ отрывки Макробій, Светоній, Присціонъ и Амміанъ Марцеллинъ.

(18) Praef. edit. p. 19.

(19) I. XVI. 5.

встрѣчахъ неизбежно, а переписка Непота съ Цицерономъ и то мѣсто въ біографіи Аттика, гдѣ Корнелій въ числѣ друзей своихъ, которыхъ онъ пережилъ, упоминаетъ и о Цицеронѣ, показываютъ, что знакомство это походило на дружбу. Отчего Непоть говоритъ въ этомъ случаѣ именно объ этихъ трехъ мужахъ, а не о комъ-нибудь другомъ, если не оттого, что онъ былъ ихъ другомъ? Потеря послѣдняго изъ нихъ живо напоминала ему о невозвратной потерѣ первыхъ.

Кромѣ Цицерона, К. Непоть познакомился у Аттика съ Катулломъ, Гортензіемъ, М. Теренціемъ Варрономъ и нѣкоторыми другими. Катуллъ, какъ мы уже видѣли, даже посвятилъ Непоту свои стихотворенія.

Корнелій Непоть глубоко уважалъ Аттика и ставилъ его во всемъ образцомъ для себя. Такъ сохранилось извѣстіе, что Корнелій никогда не принималъ сенаторскаго достоинства (20). Изъ этого мы видимъ, что онъ, подобно Аттику, не искалъ почестей и предпочиталъ шумному форуму безвѣстную, тихую домашнюю жизнь. Этому-то удаленію отъ государственныхъ дѣлъ и обязанностей онъ тѣмъ, что оставилъ послѣ себя такъ много прекрасныхъ сочиненій. Изъ этого-же мы имѣемъ право заключить и о томъ, что Непоть, если не былъ богатъ, то по-крайней-мѣрѣ имѣлъ достаточное родовое имущество, которое могло вполне обезпечить его семейство, безъ всякой посторонней поддержки, потому-что литературная дѣятельность въ то время не соединялась еще съ матеріальнымъ интересомъ.

Участіе Непота въ кружкѣ людей благородно-мыслящихъ и ученыхъ и любовь этого кружка къ Непоту ручаются уже за его прекрасныя нравственныя качества. Дошедшее до насъ его сочиненіе, въ-особенности біографія Аттика, служатъ новымъ тому ручательствомъ. Непоть вездѣ съ горячимъ сочувствіемъ рассказываетъ о добрыхъ качествахъ и дѣйствіяхъ людскихъ и съ негодованіемъ отзывается обо всемъ томъ, что обнаруживаетъ темную сторону человѣческаго характера. Эту-то чистоту и неиспорченность его души (*sanctitas togum*) и хвалитъ Плиній младшій (21).

Къ прекраснымъ нравственнымъ качествамъ Непота надобно присоединить еще обширную его ученость, о которой свидѣтель-

---

(20) Plin. ep. V. 2.

(21) Plin. ep. V. 3. 6.



ствуютъ какъ обиліе и разнообразіе описанныхъ имъ происшествій, такъ въ-особенности чрезвычайное множество свѣдѣній, проглядывающихъ въ сохранившихся отрывкахъ его сочиненій. Онъ былъ антикварій и географъ, историкъ и политикъ, грамматикъ и поэтъ. Одной только философіи не любилъ Непоть (22). Въ этомъ онъ обнаружилъ свой чисто-Римскій характеръ. Римляне, какъ извѣстно, были народъ болѣе политическій и практическій, чѣмъ философскій. Они не любили пускаться въ умозрѣнія, подобно своимъ учителямъ, Грекамъ. Впрочемъ, Непоть не любилъ только отвлеченныхъ умствованій, неприложимыхъ къ практикѣ, какъ видно изъ письма его къ Цицерону.

Корнелій Непоть дожилъ до старости и умеръ будто-бы отъ яда, который далъ ему одинъ изъ его отпущенниковъ, по имени Каллисѣенъ (23). Но это извѣстіе о немъ Плутарха подлежитъ еще сомнѣнію.

Вотъ все, что можно сказать о жизни Корнелія Непота, на основаніи весьма скудныхъ о немъ свѣдѣній.

К. Непоть оставилъ послѣ себя весьма много сочиненій; но изъ нихъ дошли до насъ только его «*Vitae excellentium imperatorum*». Читая это сочиненіе, нельзя не пожалѣть о тѣхъ, которыя не сохранились до нашего времени. Еслибы всѣ они воцѣлнѣ дошли до насъ, тогда, можетъ быть, многое для насъ уяснилось-бы, какъ въ Греческой, такъ и въ Римской древности. Отъ нѣкоторыхъ изъ потерянныхъ его сочиненій уцѣлѣли весьма небольшіе отрывки, приводимые различными писателями; отъ нѣкоторыхъ дошли до насъ только одни заглавія, а нѣкоторыя, можетъ быть, и вовсе неизвѣстны намъ.

Изъ всѣхъ сочиненій К. Непота заслуживаютъ особеннаго вниманія его біографія «*virorum illustrium*». (Объ этомъ сочиненіи мы

(22) Въ письмѣ къ Цицерону онъ говоритъ: «*tantum abest, ut ego magistram esse putem vitae philosophiam beataeque vitae perfectricem, ut nullis magis existimem opus esse magistris vivendi quam plerisque, qui in ea disputanda versantur. Video enim magnam partem eorum, qui in schola de pudore et continentia praecipiant, argutissime eosdem in omnium libidinum cupiditatibus vivere*» (Lact. inst. div. III. 15. 10). И Цицеронъ пишетъ къ Аттику: «*Neptis epistolam exspecto. Cupidus ille meorum? qui ea quibus maxime γαυριῶ legenda non putet*» (XVI 5, 5).

(23) Νέπως δε κορνήλιος φαρμάκιος ὑπό τινος τῶν ἀπελευθέρων καλλισθένους διαφθάρειντα et cetera. Plut. in. Lucull. extr. c. 43.

еще будемъ имѣть случай говорить подробно). Другой трудъ Корнелія, недошедшій до насъ, былъ «Chronica» или «Chronicorum libri». Юрнандъ называетъ его «Annales» (24). Что существовалъ этотъ трудъ, объ этомъ свидѣтельствуемъ Геллій (25). Въ этой хроникѣ Непотъ, вѣроятно, изложилъ исторію Италіи отъ древнѣйшихъ временъ до времени Августа, при чемъ касался и другихъ народовъ. Катуллъ одобряетъ это сочиненіе за краткость, которою отличаются и прочія сочиненія К. Непота, въ слѣдующемъ стихотвореніи (сатм. 1):

.....quum ausus es unus Italorum  
Omne aevum tribus explicare chartis,  
Doctis, Jupiter, et laboriosis!

Кажется, несправедливо мнѣніе, будто-бы *tribus chartis*, подобно тому, какъ *tribus verbis*, употреблено здѣсь вмѣсто *quam brevissime*. Вѣроятно, подъ *tribus chartis* Катуллъ разумѣлъ три книги, которыя, какъ полагаетъ Дене (26), соответствовали тремъ временамъ или эпохамъ: времени неизвѣстному, темному, доисторическому въ самомъ обширномъ значеніи (*ἄδηλος χρόνος*), баснословной эпохѣ (*μυθικός χρόνος*) и наконецъ эпохѣ собственно исторической (*ιστορικός χρόνος*). Ниппердъ полагаетъ, что К. Непотъ пользовался въ этомъ сочиненіи Греческой стихотворной хроникой Аполлодора (27). Корнелій написалъ свою хронику уже въ зрѣломъ возрастѣ, какъ видно изъ словъ Катуллы:

....namque tu solebas  
Meas esse aliquid putare nugas  
Iam tum, quum ausus es unus Italorum cet.

Титце думаетъ, что «*Chronicorum libri*» написаны К. Непотомъ прежде всѣхъ другихъ его сочиненій (introduc. ed. p. 14).

Сочиненіе Непота «*Exempla*» или «*libri exemplorum*» состояло по-крайней-мѣрѣ изъ 5-ти книгъ, потому-что Геллій изъ пятой книги сохранилъ отрывокъ (28). Кромѣ этого отрывка, мы встрѣчаемъ только два слова изъ этой книги у Сосипатра Харизія (а

(24) Jornand. de reb. Gothic. c. 2.

(25) XVII. 21, 3.

(26) См. Einleitung zu seiner Ausgabe, 1830, v. XVII.

(27) См. Einleitung zu seiner Ausgabe, 1849, v. XVI.

(28) Gell. VII. 18, 11.

virgine vestale) (29). Эта бѣдность отрывковъ лишаетъ насъ возможности опредѣлить содержаніе цѣлаго труда. Но весьма вѣроятно, что Непоть въ этомъ сочиненіи изложилъ кратко нѣкоторыя событія изъ исторіи Римскаго народа и другихъ, не въ хронологическомъ порядкѣ, а примѣнительно къ цѣли рѣчи, при чемъ коснулся нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностей, и назвалъ это сочиненіе «Ехеmpla», такъ-какъ оно содержало въ себѣ примѣры для подражанія. Биографія Катона сохранившаяся до насъ, какъ мы увидимъ послѣ, составляла, вѣроятно, часть этого труда. Ниппердъ (Einleit. zu seiner Ausgabe, 1849, S. XVI и XVII) полагаетъ, что «Ехеmpla» написаны Корнелиемъ не раньше 45 г. до Р. Хр., и доказываетъ это словами Плінія (Hist. nat. XXXVI. 6. 48): «Primum Romae parietes crusta marmoris operuisse totos domus suae in Caelio monte Cornelius Nepos tradit Mamurram Formis natum, equitem Romanum, praefectum fabrum C. Caesaris in Gallia. Adiecit idem Nepos eum primum totis aedibus nullam nisi e marmore columnam habuisse et omnes solidas e Carystio et Lunensi». Мамурра находился въ Галліи съ Цезаремъ съ 58 г. до 49 г. А сочиненіе Непота, говоритъ Ниппердъ, написано, вѣроятно, уже послѣ смерти Мамурры т. е. послѣ 45 г. до Р. Хр., какъ можно заключить изъ письма Цицерона къ Аттику (XIII. 52. 1).

По просьбѣ Аттика, Непоть написалъ еще особую, *пространную биографію Катона* (Cat. 3. 5). Равнымъ образомъ, онъ оставилъ биографію Цицерона, которую, безъ сомнѣнія, написалъ послѣ смерти своего друга, т. е. послѣ 43 г. до Р. Хр. Биографія эта озаглавлена была «de vita Ciceronis libri», изъ чего можно заключить, что она состояла изъ нѣсколькихъ книгъ. Къ той-же мысли приводитъ насъ и Геллій (XV с. 28), который упоминаетъ о первой книгѣ этого сочиненія, давая тѣмъ замѣтить, что были и другія книги. Отрывки этой биографіи можно найти въ изданіи Бардилія (Т. II. fragm. с. V). Кромѣ этихъ, мы имѣемъ еще два отрывка: одинъ изъ нихъ сохранилъ Геллій (1. 1.), а другой Геронимъ (epist. LXXI ad Romm. с. 4). Титце думаетъ, что «libri de vita Ciceronis» вышли въ свѣтъ прежде биографіи Аттика (р. 18).

Корнелию Непоту принадлежитъ еще *собраніе писемъ къ Цицерону*, о которыхъ упоминаетъ Лактанцій (div. inst. III. 15. 10), и сочиненіе подъ заглавіемъ «*quaenam distinctio sit inter literatum et*

(29) I. p. 119. Gramm. ed. Putsch.

*eruditum*». Последнее сочинение приписываетъ К. Непоту Светоній (illustr. Gramm. с. 4); но Ранке сомнѣвается въ подлинности его свидѣтельства (30).

Многія мѣста, приводимыя писателями изъ Непота, показываютъ, что онъ написалъ также *географическое сочиненіе*. Здѣсь-то, какъ полагаетъ Ниппердъ (31), онъ изложилъ событія изъ проконсульства Кв. Метелла Целера въ Галліи, 59 г. до Р. Хр. Плиній (Hist. nat. II. 67. 170) упрекаетъ Непота въ легковѣрїи и недостаткѣ здоровой критики (V. 1, 4), и указываетъ на его географическія ошибки, даже въ-отношеніи къ знакомымъ ему мѣстностямъ (III. 8. 127).

По свидѣтельству Плинія младшаго (ep. 5. 3), Непотъ занимался также поэзіей; но изъ поэтическихъ его произведеній до насъ не дошло ни одного стиха.

Отрывки потерянныхъ сочиненій К. Непота собралъ А. Шоттъ. Много отрывковъ можно найти также въ изданіяхъ К. Непота—Бардилія, Дене и нѣк. др.

Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, Италіянскіе критики приписывали К. Непоту еще сочиненіе «De viris illustribus urbis Romae», на основаніи сходства его заглавія съ заглавіемъ извѣстнаго сочиненія Корнеліева «De viris illustribus» и неизвѣстности имени автора. Но теперь это сочиненіе всѣми учеными согласно приписывается Аврелію Виктору. Первый доказалъ это Шоттъ въ своемъ толкованіи на Аврелія Виктора.

Другой трудъ, который хотѣли приписать Корнелію Непоту, былъ переводъ съ Греческаго на Латинскій языкъ «Historiae Daetis Phrygii». Правда, въ древнихъ рукописяхъ этого перевода мы читаемъ имя какого-то Корнелія, но языкъ перевода никакъ не можетъ быть отнесенъ къ золотому вѣку и приписанъ К. Непоту. (По свидѣтельству Британскаго историка, Вильгельма Камдена, приведенному Шоттомъ, трудъ этотъ принадлежитъ Британцу Іосифу Искану, жившему въ первой половинѣ XIII в.).

Приписывали также К. Непоту переводъ на Латинскій языкъ «Dictys cretensis» и «Epistolae Alexandri M. ad Aristotelem». Но теперь уже никто не вѣритъ этому.

---

(30) Daehne in der Einleil. zu seiner Ausgabe d. C. N. S. XX.

(31) Einl. v. Nipperdey s. XVII.

Отъ Корнелія Непота, какъ мы уже сказали, сохранилось до нашего времени только одно сочиненіе подъ заглавіемъ: «De vitis excellentium imperatorum». Это сочиненіе долгое время приписывали какому-то Эмилию Пробу, жившему въ правленіе Θεодосія, въ IV в. по Р. Хр., на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ заглавіи нѣкоторыхъ рукописныхъ кодексовъ поставлено имя Эмилиа Проба, какъ автора сочиненія.

2) Въ одномъ манускриптѣ (именно въ codex Burgensis) находятся стихи, въ которыхъ Э. Пробъ будто бы прямо называетъ себя авторомъ разсматриваемаго сочиненія. Стишки эти слѣдующіе:

Vade liber noster, fato meliore memento,  
 Cum leget haec dominus, te sciat esse meum.  
 Nec timeas fulvo strictos diademate crines,  
 Ridentes blandum vel pietate oculos.  
 Communis cunctis hominum sed reyna tenere  
 Se meminit, vincit hinc magis ille homines.  
 Ornentur steriles: facilis tectura libelli,  
 Theodosio et doctis carmina nuda placent:  
 Si rogat auctorem, paullatim detege nostrum  
 Tunc domino nomen; me sciat esse Probum.  
 Corpore in hoc manus est genitricis, avi que, mea que:  
 Felices, domini quae meruere manus.

На это мы можемъ отвѣтить слѣдующее:

1) Во всѣхъ кодексахъ имя Эмилиа Проба писалось рядомъ съ именемъ Корнелія Непота. Одно имя Проба мы встрѣчаемъ только въ первыхъ изданіяхъ книги «De vitis excellentium imperatorum» (32). И такъ, заглавія рукописныхъ кодексовъ еще ничего не представляютъ въ пользу защитниковъ Проба, и на нихъ равно могли-бы сослаться и защитники Непота, еслибы имъ вздумалось прибѣгнуть къ подобнымъ доказательствамъ.

2) Стишки, на которые ссылаются защитники Э. Проба, также ничего не говорятъ въ пользу его, какъ автора разсматриваемой

---

(32) Изданія съ однимъ именемъ Э. Проба продолжались только до Ламбина. Ламбинъ къ имени Э. Проба присоединилъ имя К. Непота и надписалъ такъ: «Aemilii Probi seu Cornellii Nepotis vitae» etc. Но это *sem* имѣло у него не иной смыслъ, какъ *sem potius*. Ламбину слѣдовали въ своихъ изданіяхъ Саваронъ, А. Шоттъ, Фоссъ и нѣк. др. Послѣ Фосса, всѣ изданія совершенно опускали имя Э. Проба.

книги: слова «vade liber noster», «te sciat esse meum», «si rogat auctorem, paullatim detege nostrum tunc domino nomen: me sciat esse Probum» совершенно опровергаются предпоследнимъ стихомъ «corpore in hoc manus est genitricis, avique, meaque». Этими стихами Пробъ скорѣе хотѣлъ показать, что онъ изъ готовыхъ уже трудовъ сдѣлалъ извлеченія, переписанныя его рукою, матери и дѣда.

Еслибы въ этихъ стихахъ Эмилиі Пробъ и дѣйствительно называлъ себя авторомъ разсматриваемой книги, то и въ такомъ случаѣ кто изъ людей здравомыслящихъ и свѣдущихъ повѣрилъ-бы ему въ этомъ. Сравнивая языкъ этихъ стихковъ съ языкомъ самой книги, нельзя не видѣть неизмѣримой разности между ними въ этомъ отношеніи. Въ самой книгѣ мы восхищаемся прелестью чистой, правильной, даже изящной Латинской рѣчи, неуступающей языку самого Цицерона; въ стихахъ же встрѣчаемъ такія слова и обороты, которые ясно обличаютъ собою эпоху искаженія и паденія Латинскаго языка. Только близорукіе могутъ не замѣтить этой огромной разницы, которая такъ прямо бросается въ глаза всякому, кто знакомъ сколько-нибудь со свойствомъ чистой, неиспорченной латыни. Притомъ, самый авторитетъ этихъ стихковъ не безъ причины былъ заподозрѣнъ, потому-что они находятся въ одномъ только Бургензиевомъ кодексѣ.

Наконецъ, въ самой книгѣ мы находимъ весьма многія и ясныя доказательства того, что писатель ея жилъ не въ правленіе Θεодосія, а въ послѣднее время Римской республики и первые годы единодержавія Августа. Это показываютъ уже самыя первыя слова предисловія: «non dubito fore plerosque, Attice» etc. Что здѣсь разумѣется Помпоніемъ Аттикомъ, жившій въ послѣднее время республики Римской, а не другою какой-нибудь, это мы видимъ изъ его біографіи, помѣщенной въ разсматриваемой книгѣ. Писатель, рассказывая о томъ, что Аттикъ былъ въ уваженіи у государственныхъ мужей его времени, прямо говоритъ, что Сулла постоянно имѣлъ при себѣ *Помпоніа*, и полную біографію Катона пишетъ, по просьбѣ *Помпонія Аттика*. Этотъ Аттикъ былъ въ дружбѣ съ Цезаремъ, Брутомъ и Цицерономъ. Изъ біографіи-же Аттика мы узнаемъ и то, что авторъ ея былъ его современникомъ и другомъ. Онъ прямо говоритъ, что пишетъ не слышанное отъ другихъ, а видѣнное имъ самимъ. Далѣе, авторъ разсматриваемой книги весьма часто, рассказывая событія другихъ государствъ,

обращается къ своему отечеству и сравниваетъ его состояніе съ состояніемъ другихъ земель. Изъ этихъ сравненій ясно видно, что онъ имѣлъ въ виду не другое какое-нибудь время, а именно послѣднее время республики Римской, когда она, раздраемая внутренними смутами, видимо клонилась къ упадку, и наконецъ подпала власти одного могущественнаго лица. Такъ въ біографіи Мильтіада (гл. 6), говоря о древнѣйшихъ Аѳинскихъ почестяхъ, которыхъ удостоивали только мужей, извѣстныхъ своими подвигами, и о послѣдующихъ, и сравнивая эти послѣднія съ наградами, которыя въ его вѣкъ опредѣлялъ народъ, писатель даетъ замѣтить, что Римляне его времени были уже слишкомъ щедры на почести и рукоплесканія и расточали ихъ часто людямъ недостойнымъ, умѣвшимъ хитростію привлечь къ себѣ массу народа. Но неужели это можно сказать о временахъ Θεодосія, когда воля императора заступала мѣсто законовъ? Въ біографіи Агезилая (гл. 4), сказавъ о послушаніи и покорности его въ-отношеніи къ тѣмъ, которые тогда управляли гóсударствомъ, писатель прибавляетъ: «*sius exemplum utinam imperatores nostri sequi voluissent!*» Странно было-бы, еслибы говорилъ объ этомъ писатель Θεодосіева вѣка, когда все дѣлалось по мановенію одного лица и когда никто другой не смѣлъ возвышать своего голоса; и въ то-же время какъ приличны эти слова послѣднему времени республики Римской, когда своеволие преступало всякія границы! Въ біографіи Эвмена (гл. 3) писатель говоритъ, что Македонскіе солдаты времени Александра Великаго были въ такой же славѣ, въ какой теперь Римскіе. Но неужели это безъ лести можно сказать о временахъ Θεодосія? Равнымъ образомъ, не ясно-ли намекаетъ писатель на время Аттика и Цезаря, когда сравниваетъ наглость Македонскихъ солдатъ съ своеволіемъ и дерзостью Римскихъ ветерановъ. Всѣмъ извѣстно, что рассказываютъ о нихъ Цицеронъ (philipp. II) и другіе. Но излишне было-бы приводить въ доказательство этого мнѣнія всѣ отдѣльныя мѣста изъ разсматриваемаго сочиненія: довольно сказать, что ихъ весьма много въ біографіяхъ Діона, Эвмена и Аттика. Притомъ, направленіе и характеръ цѣлаго сочиненія таковы, что почти каждая страница ясно обличаетъ въ писателѣ современника золотого вѣка, и преимущественно той эпохи, когда республика, достигнувъ апогея своего величія, стала слабѣть и податъ, вслѣдствіе происковъ и усилій искателей единодержавной власти.

Не липниѣмъ считаемъ присоединить къ этому, что писатель, при разныхъ случаяхъ упоминая весьма многихъ историковъ, никогда не касается тѣхъ, которые жили послѣ золотого вѣка, хотя изъ числа ихъ нѣкоторые достойны были полнаго уваженія: писатель Θεодосіева вѣка, вѣроятно, не пропустилъ-бы ихъ, какъ ближайшихъ къ нему по времени и потому болѣе извѣстныхъ; таковы напр. Діонъ Кассій, Плутархъ.

Итакъ, доказательства, приводимыя защитниками Эмилиа Проба, и сами по себѣ слабыя, рѣшительно опровергаются самою книгою, которую они хотѣли приписать малосвѣдущему переписчику. Поэтому-то дальновиднѣйшіе изъ защитниковъ Проба, постоянно встрѣчая противорѣчія своему мнѣнію и затрудняемые различными несообразностями, одумались и сознались, что объ этомъ дѣлѣ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Но болѣе упорные изъ нихъ, стараясь поправить дѣло, вдавались въ различныя крайности, которыя еще болѣе спутывали ихъ. Такъ, уже въ самыхъ первыхъ словахъ предисловія встрѣчая себѣ преткновеніе, Іеронимъ Магій (Miscell. IV. 5) намѣренно искажилъ смыслъ ихъ и вмѣсто «*non dubito fore plerisque, Attice*» etc., написалъ: «*qui Atticae hoc genus scripturae*», ссылаясь на какой-то рукописный кодексъ, котораго, впрочемъ, никто кромѣ его не видалъ. Но, поправивъ первая слова предисловія, онъ еще не поправилъ своего дѣла, и, встрѣчая другія несообразности, сознался, что не имѣетъ никакихъ свѣдѣній объ истинномъ авторѣ книги, и представилъ нѣсколько невѣрныхъ предположеній, различно извращая истину, которая для всѣхъ здѣсь такъ очевидна. Онъ-то признавалъ Эмилиа Проба писателемъ золотого вѣка, а стихишки приписывалъ другому Пробу; то говорилъ, что они принадлежатъ неученому переписчику, который намѣренно приписалъ ихъ Эмилию Пробу, писателю золотого вѣка; то считалъ, наконецъ, Эмилиа Проба современникомъ Θεодосіа, а Аттика, о которомъ онъ говоритъ въ своей книгѣ, не Т. Помпоніемъ Аттикомъ, а какимъ-то другимъ, который, по его увѣренію, жилъ 400 лѣтъ спустя послѣ Августа (34). Какъ странно всѣ эти усилія защитниковъ Проба доказать свое мнѣніе, объ этомъ подробно разсуждаетъ Ламбинъ въ своемъ предисловіи къ изданію К. Непота. Онъ прекрасно разобралъ все дѣло и уничто-

---

(34) Іер. Магій говоритъ, что слова «*Titii Pomponii*» прибавлены въ біографіи Катона (гл. 3) невѣжественнымъ переписчикомъ.



жизль всякое сомнѣніе, касательно автора разбираемыхъ біографій. Трудь его не остался безплоднымъ: послѣ него нелѣпныя апологіи Эмилиа Проба прекращаются; ученые начинаютъ приписывать разсматриваемыя сочиненія Корнелію Непоту.

Впрочемъ, и послѣ Ламбина нашлись люди, которые, попирая очевидную истину, старались защищать старое мнѣніе. Трудно повѣрить, чтобы, послѣ прекраснаго изслѣдованія Ламбина, они дѣлали это по заблужденію. Скорѣе стремленіе къ оригинальности руководило ими въ этомъ дѣлѣ и заставляло ихъ отвергать то, истинность чего они сами признавали. Такъ, въ новѣйшее время, Ринкъ, усвоивъ К. Непоту одну біографію Аттика, всѣ прочія приписавъ Эмилию Пробу, не смотря на то, что біографія Аттика, по своему характеру, совершенно сходна со всѣми прочими. Онъ говоритъ, что во всѣхъ рукописяхъ сочиненіе «De vitis excellentium impregatorum» согласно приписывается Э. Пробу, и что имя К. Непота Пробъ поставилъ наряду съ собственнымъ только для того, чтобы придать болѣе вѣса своему сочиненію. Притомъ, никто изъ писателей, жившихъ послѣ Непота, не приводитъ ни одного мѣста изъ его біографій, и вообще до XIII в. нигдѣ не упоминалось о К. Непотѣ, какъ писателѣ біографій знаменитыхъ полководцевъ, тогда-какъ Эмилиа Проба считали авторомъ разсматриваемаго сочиненія даже въ XIV и XV в.

Отвѣчаемъ на это. — Если во всѣхъ рукописяхъ встрѣчается имя Э. Проба, то это показываетъ только то, что всѣ онѣ буквально переписаны съ той, которую Э. Пробъ издалъ подъ своимъ именемъ. Что-же касается того, будто Эмилий Пробъ поставленіемъ имени Корнелія наряду съ собственнымъ хотѣлъ только придать болѣе вѣса своему сочиненію, то согласиться съ этимъ намъ не позволяютъ всѣ вышеозначенные признаки, по которымъ писателя разсматриваемыхъ біографій должно искать не въ Θεодосіевомъ, а въ золотомъ вѣкѣ. Скорѣе можно принять то, что Эмилий Пробъ поставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Корнелія, чтобы, такъ-сказать, заслонить авторитетъ послѣдняго. Объяснимъ это подробнѣе.

Читая біографіи Корнеліевы, не трудно догадаться, съ какою дѣлю изложилъ ихъ авторъ. Намъ извѣстно, какую печальную картину представляла Римская республика во времена Корнелія. Покоривъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, которые еще могли спорить о первенствѣ, и сдѣлавшись властителями земнаго шара, Римляне

обратили оружіе на самихъ себя. Съ каждымъ днемъ умножалось число людей, которые жаждали новыхъ переворотовъ, надѣясь приготовить себѣ господство на развалинахъ няспровергнутой свободы отечества. Приверженцы республиканскаго правленія старались поставить преграду ихъ честолюбію и проискамя; но вмѣсто одного побѣжденнаго честолюбца являлись многіе. Страсть къ приобрѣтенію, такъ часто неразрывная съ честолюбіемъ, выступила и здѣсь на сцену во всей своей отвратительной наготѣ. Партія людей, желавшихъ поддержать свободу Рима, слабѣла и уменьшалась: послѣднему оплоту республики угрожало паденіе. Непотъ хорошо понималъ все это, и, какъ жаркій патріотъ и ревностный республиканецъ, глубоко сожалѣлъ о несчастіяхъ своего отечества. Не имѣя средствъ какимъ-нибудь другимъ образомъ помочь ему, онъ рѣшился рассказать о доблестяхъ величайшихъ въ древности мужей и представить ихъ жизнь въ назиданіе своимъ современникамъ. Онъ старался воспламенить въ приверженцахъ республики потухавшую искру добра и воодушевить ихъ къ доблестнѣйшимъ подвигамъ за свободу отечества... Это намѣреніе К. Непота вездѣ проглядываетъ въ сохранившемся до насъ его трудѣ. Кто читалъ внимательно біографіи Павзанія и Пелопида, Тимофея и Тразибула, Діона и Датама, Эвмена и Агезилая, Тимолеона и Гамилькара, тотъ едва-ли усумнится въ этомъ. Изображая семейныя и гражданскія добродѣтели своихъ героевъ, ихъ великодушіе, безкорыстіе, патріотизмъ, представляя прекрасныя примѣры иноземныхъ вождей, Корнелій изъ частныхъ чертъ, разсѣянныхъ по разнымъ біографіямъ, какъ-бы слагаетъ идеалы — добраго гражданина и умнаго вождя и выводитъ ихъ предъ глаза своихъ современниковъ, въ ослѣпленіи забывшихъ о своемъ долгѣ и обязанностяхъ къ отчизнѣ. Таково было намѣреніе Непота, вполне достойное великаго человѣка и истиннаго патріота!

Этотъ республиканскій духъ и воззванія къ подвигамъ за свободу, разумѣется, не могли нравиться приверженцамъ монархіи. Тацитъ (35) сообщаетъ намъ, какъ строго было тогдашнее время къ подобнымъ идеямъ. Онъ говоритъ, что тогда было распространено гоненіе не только на авторовъ, но и на самыя ихъ сочиненія, и что произведенія знаменитѣйшихъ умовъ нерѣдко, по приказанію триумвировъ, сжигались въ комиціяхъ и на форумѣ.

---

(35) Agric. 2 слав. Annal. 4, 35, 4.

Этимъ огнемъ, замѣчаетъ Тацитъ, думали уничтожить и голосъ Римскаго народа, и свободу сената, и человѣческое самосознаніе... Всѣ благомыслящіе люди, всѣ учителя мудрости удаляемы были изъ Рима въ изгнаніе, чтобы тамъ погребсти вмѣстѣ съ ними мысль о честности и свободѣ... Тацитъ съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминаетъ о прежнихъ временахъ и тяготится оковами рабства, которые несъ онъ вмѣстѣ съ современниками. Не только проповѣдниковъ свободы, говоритъ онъ, но и слушателей ихъ вездѣ преслѣдовало тогда гоненіе. Понятно, что, при такомъ положеніи вещей, участь Корнеліевыхъ сочиненій не могла быть счастливою. Если триумвиры опасались распространенія свободныхъ идей въ Римскомъ обществѣ, то тѣмъ болѣе не могли нравиться онѣ Августу и слѣдовавшимъ за нимъ жестокимъ императоромъ. Во все это время сочиненіямъ Корнелія суждено было скрываться въ библіотекахъ и архивахъ. Отъ Траяна до Марка Аврелія было время болѣе благопріятное для свободы мысли и слова; но тогда занимали всѣхъ уже иные интересы, неразрывные съ измѣнившимся образомъ мыслей и новымъ порядкомъ вещей. О прежней свободѣ и старыхъ формахъ правленія было забыто. Поэтому и сочиненія Корнелія, если не были преданы совершенному забвенію, то крайней-мѣрѣ не имѣли уже теперь такого интереса, какой имѣли они въ его время. Случай познакомилъ съ ними Э. Проба, но и Пробъ, какъ видно, не безъ боязни рѣшился вызвать на свѣтъ сочиненія Римскаго либерала. Слова «*vade liber noster, fato meliore memento....*» «*pec metuas*» etc. указываютъ на прежнюю несчастную судьбу сочиненія Корнеліева и обѣщаютъ ему лучшую участь; а слова «*si rogat auctorem, paullatim detege nostrum tunc Domino pomen: me sciat esse Probum*» обнаруживаютъ опасеніе за имя Корнелія и стараніе Проба прикрыть имя автора своимъ собственнымъ. Итакъ, имя К. Непота поставлено было рядомъ съ именемъ Проба не для того, чтобы придать болѣе вѣса сочиненію послѣдняго; напротивъ, свое имя Пробъ поставилъ вмѣстѣ съ Корнеліевымъ для того, чтобы отнять у переписаннаго имъ сочиненія то значеніе, которое соединялось съ нимъ при имени древняго его автора. Этою-то судьбою Корнеліевыхъ біографій объясняется и то, что писатели, жившіе послѣ Непота, не приводятъ изъ нихъ ни одного мѣста.

Мы нарочно остановились на этомъ обстоятельствѣ, потому что оно проливаетъ свѣтъ на многія темныя стороны разсматри-

ваемаго вопроса. Обратимся теперь къ другимъ возраженіямъ, которыя приводитъ Ринкъ въ защиту Эмилиа Проба.

Въ разсматриваемыхъ біографіяхъ, говоритъ Ринкъ, встрѣчается много историческихъ и хронологическихъ ошибокъ, которыя заставляютъ сомнѣваться въ томъ, что эти біографіи вышли изъ-подъ пера Корнеліа Непота. Такъ въ біографіи Мильтіада (гл. 1, 1) авторъ смѣшалъ этого полководца съ его дядей по отцу; въ біографіи Павзанія (1, 2) несправедливо назвалъ Мардонія зятемъ Ксеркса; въ біографіи Кимона (2, 2) говорится, что Финикіянне и жители Кипра побѣждены были Кимономъ при Микале, тогда-какъ извѣстно, что эта побѣда одержана была Кимономъ при Эвримедонтѣ, а при Микале былъ дурной Аѳинскій полководецъ, Ксантипъ; въ біографіи Діона (гл. 2) смѣшиваются Діонисіи, Сицилійскіе тиранны, а въ книгѣ «De regibus» (гл. 3) — Египетскіе Птоломеи; въ біографіи Агезилая (5, 2) послѣдній ошибочно названъ предводителемъ Спартанскаго войска, вмѣсто Аристодема; въ біографіи Датама (2, 2) приписано Патроклу то, что, какъ извѣстно, совершенно Менелаямъ; въ біографіи Кимона (1, 1) авторъ оказывается несвѣдущимъ въ законахъ Аѳинскихъ и Спартанскихъ. Не менѣе можно указать и хронологическихъ ошибокъ (см. Lys: 3, 1. Dion. 2, 2. Chaabr. 2, 3. Pel. 2, 4. Ag. 5, 2. и мн. др.). — У автора разсматриваемыхъ біографій, говорятъ противники Корнеліевы, недостаетъ здоровой критики; онъ слишкомъ одностороненъ въ своихъ сужденіяхъ, относительно изображаемыхъ имъ личностей, небрежно пользовался источниками и проч.

Отвѣтъ на всѣ эти возраженія сливается съ вопросомъ вообще объ исторической достовѣрности разсматриваемыхъ біографій. Но прежде, нежели мы обратимся къ этому вопросу, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, какими пользовался авторъ біографій знаменитыхъ полководцевъ.

Источники, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія авторъ разбираемыхъ біографій, онъ большею частію самъ указываетъ въ своемъ сочиненіи. Такъ въ біографіяхъThemistocle (1, 9 и 10 гл.), Павзанія (гл. 2) и Алкивіада (гл. 11) онъ ссылается на *Дуклида* и весьма хвалитъ его, отдавая ему во многихъ случаяхъ справедливое предпочтеніе предъ всѣми другими Греческими историками. Въ біографіи Агезилая (1 гл.) указываетъ на *Ксенофонта*; въ біографіяхъ Алкивіада (гл. 2) и Ификрата (гл. 3) — на *Феопопна* и

*Тимея*; въ біографіи Конона (гл. 5) ссылается на *Диона*, отдавая ему предпочтеніе предъ всѣми историками, писавшими о дѣлахъ Персидскихъ. Касательно времени смерти Аннибала, авторъ приводитъ мнѣнія *Аттика*, *Полибій* и *Суллицил*, а относительно войнъ, вѣданныхъ Аннибаломъ, особенно вѣрять *Смлену* и *Созилу* Лакедемонскому (Анниб. гл. 3). Кромѣ историковъ Греческихъ и Римскихъ, Непоть пользовался еще сочиненіями ораторовъ и поэтовъ Греческихъ. Такъ о любви Сократа къ Алкивиаду онъ заимствовалъ свѣдѣнія изъ сочиненія *Платона* «*συμπόσιον*» (Алк. 2 гл.); а въ біографіи Датама (гл. 2) ссылается на *Омира*. Сверхъ всѣхъ этихъ частныхъ указаній, въ біографіяхъ Алкивиада (гл. 1) и Эпаминонда (гл. 4) авторъ говоритъ, что онъ имѣеть у себя *много источниковъ*. Можетъ быть, къ числу ихъ относятся только вышеупомянутые писатели, а можетъ быть, кромѣ ихъ, еще другіе, не названные авторомъ по имени. Такъ Вихерсъ (36) полагаетъ, что, кромѣ источниковъ, прямо упоминаемыхъ въ біографіяхъ знаменитыхъ полководцевъ, авторъ ихъ пользовался еще сочиненіями историковъ: Эфора, Иеронима Кардіанскаго, Дуриса самосскаго, Анаксиса и Діонисіодора; изъ ораторовъ сочиненіями: Андрокіда, Лисія, Антифонта, Демосѳена и Эсхина; изъ поэтовъ сочиненіями Эскила. Сверхъ-того, говоритъ Вихерсъ, авторъ разсматриваемыхъ біографій, вѣроятно, имѣлъ подъ руками сочиненія Стесимброта, Гераклида Понтійскаго, Клитарха, Тимонида, Діодора Перигета, Катона, Целія Антипатера и Исократы. А Ниппердъ (Einl. 1849. s. XXVII) прибавляетъ сюда еще сочиненія Неанта Кизикійскаго, ученика историка Филиста, о которомъ упоминается въ біографіи Діона (гл. 3). Наконецъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи мы встрѣчаемъ довольно часто слово «*dicitur*» (Aristid. 1, Paus. 5, Lis. 3, Alc. 2, et cet.). На устное-ли преданіе, которымъ пользовался авторъ, указываетъ это слово, или оно должно относиться къ письменнымъ источникамъ, извѣстнымъ или неизвѣстнымъ намъ, рѣшить это трудно.

Удивительно, что Непоть въ своемъ сочиненіи умалчиваетъ о Геродотѣ, этомъ отцѣ историковъ, упоминая о многихъ другихъ, гораздо менѣе извѣстныхъ. Еще болѣе удивительно то, что Кор-

---

(36) Daehne in der Einleitung zu seiner Ausgabe, 1830, s. XXIII, XXIV u XXV.

нелій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно отстываетъ отъ него. Мнѣнія ученыхъ, касательно этого предмета, были различны. Одни изъ нихъ думали, что К. Непоть не хотѣлъ вѣрить Геродоту; другіе полагали, что онъ отступалъ отъ Геродота, по слабости памяти; а нѣкоторые, наконецъ, не желая раздѣлять ни одного изъ этихъ мнѣній, утверждали, что Корнелію Геродотъ былъ вовсе неизвѣстенъ. Изъ этихъ трехъ мнѣній первое заслуживаетъ довѣрія, а два прочія, очевидно, невѣрны. Можно-ли допустить, чтобы К. Непоть, знакомый съ сочиненіями столь многихъ историковъ, не зналъ о Геродотѣ, трудъ котораго, конечно, извѣстенъ былъ въ древности всякому просвѣщенному человѣку? (37) Равнымъ образомъ, какъ допустить и то, чтобы Непоть отступалъ отъ Геродота, по слабости памяти, чѣмъ неоправдываютъ себя даже и самыя посредственные писатели? Сознаться въ слабости памяти, для оправданія своихъ ошибокъ, не значитъ-ли сознаться въ небрежности? Но не таковъ былъ Непоть. И такъ, можетъ быть, Корнелій не всегда довѣрялъ Геродоту, когда находилъ достовѣрнѣйшими извѣстія другихъ историковъ, которыхъ подъ руками онъ имѣлъ весьма много и изъ коихъ нѣкоторые, можетъ быть, намъ не извѣстны. По этой-же причинѣ онъ отступалъ и отъ другихъ историковъ, какъ напр. отъ Ксенофонта (срав. біогр. Лизандра и Hellen. III, 4, 7—10).

Обратимся теперь къ вопросу объ исторической достовѣрности Корнеліева сочиненія.

Корнелій Непоть, какъ мы уже видѣли, пользовался преимущественно Греческими писателями, сочиненія которыхъ большею частию или вовсе неизвѣстны намъ, вслѣдствіе давней утраты ихъ, или извѣстны только по небольшимъ, дошедшимъ до насъ, отрывкамъ. Поэтому трудно опредѣлить, въ чемъ К. Непоть сообразовался съ своими источниками и въ чемъ отступалъ отъ нихъ. Но, если вѣрить Гизелю, который вѣроятно изслѣдовалъ вопросъ объ исторической достовѣрности Непота, разногласія эти весьма незначительны, по-крайней-мѣрѣ, въ-отношеніи къ тѣмъ писате-

---

(37) Вихерсъ говоритъ, что Непоть пользовался Геродотомъ въ біографіяхъ Аристиды иThemistocla; а въ книгѣ De regibus (1, 2) извѣстіе, что Киръ палъ въ сраженіи съ Массагетами, у него-же заимствовано. (Daehne in der Einleitung zu seiner Ausgabe, 1880, s. XXIII).

лямя сочиненія которыхъ намъ извѣстны. Притомъ, отступленіе отъ того или другаго историка не только не подрываетъ исторической достовѣрности писателя, но еще болѣе увеличиваетъ ее. Какъ бытописатель добросовѣстный и ученый, Непоть тщательно сличалъ разсказы историковъ и избиралъ изъ различныхъ мнѣній ихъ то, которое казалось ему болѣе правдоподобнымъ и сообразнымъ съ самымъ существомъ дѣла (Ѳем. 9, 1. 10, 4. Анниб. 8, 2. Алк. 2, 1. Павз. 3, 5 и др.). Конечно, можетъ быть, Непоть и погрѣшалъ иногда, но человѣку свойственно погрѣшати. И кто даже изъ ученыхъ представителей настоящаго времени можетъ сказать о себѣ, чтобы онъ былъ совершенно свободенъ отъ погрѣшностей? Увлеченія, недоразумѣнія, ошибки — удѣлъ всякаго. И если въ настоящее время это бываетъ извинительно, то тѣмъ менѣе оно должно быть вѣняемо въ вину писателямъ древнимъ. Въ наше время нѣтъ уже тѣхъ трудностей, въ отношеніи къ пользованію источниками, какія встрѣчались въ древнія времена. Мы пользуемся уже готовымъ, разработаннымъ; истина легко достается намъ, тогда-какъ въ древности каждый писатель долженъ былъ имѣть дѣло съ самороднымъ, необдѣланнымъ, грубымъ матеріаломъ, который отъ него ожидалъ разработки, какъ будто для того только, чтобы потомъ опять сложиться въ беспорядочную массу.... Такъ велико различіе въ этомъ отношеніи между нами и древними! Какого же труда стоило Непоту прослѣдить всѣ источники, которыхъ у него было такъ много, тщательно сравнить ихъ и изъ многого достовѣрнаго выбрать достовѣрнѣйшее? И какъ легко обступиться на такомъ трудномъ пути?

Другое дѣло, если К. Непоть преднамѣренно извращалъ истину. Но мы видимъ, что онъ далекъ былъ отъ этой мысли. Это показываетъ уже его разборчивое пользованіе источниками. Желая одной истины, онъ не полагался слишкомъ на авторитетъ историка, отдавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтеніе худшему въ общемъ мнѣніи предъ лучшимъ, и изъ множества различныхъ свидѣтельствъ избиралъ не то, которое болѣе было сообразно съ его образомъ мыслей, но всегда то, которое болѣе заключало въ себѣ признаковъ истиннаго свидѣтельства. Поэтому-то онъ довѣрялъ болѣе соотечественникамъ, современникамъ, приближеннымъ того или другаго лица, которые лучше другихъ могли знать о немъ; предпочиталъ согласныя свидѣтельства разногласящимъ между

собою, и въ особенности уважалъ мнѣнія тѣхъ писателей, которые, всѣхъ порицая, согласно хвалятъ между-тѣмъ такое лицо, хвалить которое не было имъ никакого побужденія, кромѣ неотразимой очевидности самой истины (Фем. гл. IX. Алк. XI. Агеа. 1.).

Далѣе, К. Непоть судить объ изображаемыхъ личностяхъ и происшествіяхъ не по понятіямъ и обычаямъ своихъ современниковъ—Римлянъ; напротивъ-того, онъ совершенно отрѣшается отъ вліянія вѣка и народныхъ убѣжденій и старается быть самостоятельнымъ судьей дѣлъ человеческихъ. Онъ самъ тщательно изслѣдываетъ причины различныхъ явленій нравственныхъ и политическихъ, обращаетъ вниманіе на свойства и характеръ этихъ явленій и на средства, при помощи которыхъ они совершились, вникаетъ въ условія жизни того или другаго народа, принимая во вниманіе существовавшія у него постановленія и обычаи и вообще примѣняясь къ духу того времени, въ которое дѣйствовало описываемое лицо или совершилось то или другое событіе. Эту мысль о самостоятельности своего взгляда и желаніе быть, по возможности, вѣрнымъ цѣнителемъ качествъ и поступковъ взятыхъ для изображенія личностей самъ Непоть весьма ясно высказалъ въ своемъ предисловіи къ рассматриваемой книгѣ, и считалъ это дѣло столь важнымъ, что повторилъ то-же самое въ началѣ біографіи Эпаминонда, въ предупрежденіе нареканій отъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые на древность Греческую привыкли смотрѣть съ Римской точки зрѣнія.

Наконецъ, Корнелій Непоть воспроизводитъ избранныя имъ личности со всею вѣрностью добросовѣстнаго художника: выставляетъ прекрасныя черты ихъ и въ то-же время не скрываетъ отъ насъ и темной стороны ихъ характера, но старается тому и другому придать надлежащій вѣсъ и значеніе. Прославляя добродѣтель, онъ въ то-же время является и строгимъ судьей пороковъ людскихъ, и, сопоставляя въ одной картинѣ темное съ свѣтымъ, оскорбительное для нравственнаго чувства съ прекраснымъ, тѣмъ очевиднѣе обнаруживаетъ предъ читателями всю гнусность перваго и прелесть послѣдняго. Кто внимательно читалъ біографіи Корнеліевы, тотъ вполне согласится съ этимъ. Поэтому несправедливо мнѣніе Эразма, который говоритъ, будто-бы К. Непоть былъ не безпристрастный исторіографъ, а слишкомъ благосклонный, неразборчивый хвалитель (*candidus encomiasta*) избранныхъ имъ му-



жей. Непоть до такой степени былъ непристрасенъ, что для истины не щадилъ даже своего отечества, не смотря на величайшую любовь къ нему, и въ то-же время отдавалъ справедливую честь заклятымъ врагамъ его. Біографія Аннибала служитъ яснѣйшимъ тому доказательствомъ. Можно-ли послѣ этого думать, что Непоть — историкъ пристрастный и что біографія его не что иное, какъ необдуманная, ни на чемъ не основанная похвала мужамъ, далеко отстоящимъ другъ отъ друга въ нравственныхъ качествахъ, какъ утверждаютъ противники Корнеліевы?

Вотъ все, что можно сказать объ исторической достовѣрности К. Непота. Но уже и изъ этого Риякъ и другіе аологисты Э. Проба, кажется, достаточно могутъ убѣдиться въ томъ, что приговоры ихъ, касательно разсматриваемыхъ біографій, слишкомъ строги и что недостатки, встрѣчающіеся въ нихъ, еще не такъ велики, чтобы, на основаніи ихъ, слѣдовало отнять эти біографіи у К. Непота и приписать ихъ лицу менѣе просвѣщенному.

Самое изложеніе и развитіе разсматриваемыхъ біографій, продолжаютъ защитники Проба, неудовлетворительны и представляютъ какое-то странное явленіе. Біографіи замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей ограничиваются часто одною вышшею характеристикою и бѣглымъ очеркомъ ихъ дѣяній; напротивъ-того, біографіи менѣе замѣчательныхъ личностей излагаются весьма обстоятельно. Кромѣ-того, авторъ останавливается иногда на мелочахъ, рассказываетъ анекдоты, вовсе опускаая изъ вниманія событія важныя, имѣвшія великое историческое значеніе, или упоминая о нихъ только вскользь, какъ о не стоящихъ большаго вниманія. Наконецъ, вездѣ видна какая-то небрежность: при изложеніи отдѣльныхъ событій авторъ не держится строго исторической послѣдовательности, — что случилось прежде, то у него часто стоитъ послѣ и наоборотъ; дважды рассказываетъ объ одномъ и томъ-же событіи; иногда даже противорѣчитъ самъ себя.

Но Корнелій Непоть, при написаніи біографій, вовсе не хотѣлъ принимать на себя роли историка. Намѣреніе его было, какъ мы уже видѣли, указать своимъ современникамъ образцы для подражанія и заставить ихъ возникнуть въ современное положеніе Римскаго государства. Сообразно съ этою цѣлію, онъ не излагаетъ подробно всѣхъ обстоятельствъ жизни того или другаго лица, но останавливается преимущественно на томъ, что могло-бы научить

его современниковъ и указать имъ путь, которому они должны слѣдовать для общаго блага. Когда онъ отступаетъ отъ этого намѣренія, онъ тотчасъ даетъ знать о томъ и тотчасъ-же возвращается къ своему предмету. Поэтому не будемъ удивляться, если въ біографіи Эпаминонда мы не находимъ подробнаго описанія битвы при Левкрахъ, если въ біографіи Лизандра авторъ только вскользь коснулся блистательнаго подвига при Эгбсъ-Потамосъ, положившаго конецъ Пелопоннесской войнѣ. Все это несогласно было съ намѣреніемъ автора. Поэтому-же самому онъ останавливался иногда съ особеннымъ вниманіемъ на личностяхъ, повидимому, не замѣчательныхъ, и бѣгло проходилъ жизнь лицъ, занявшихъ болѣе почетное мѣсто во всемірной исторіи: скромная жизнь человека, не имѣющая притязаній на славу и суетный блескъ, часто заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе назиданія, чѣмъ громкіе подвиги героя, пользующіеся неувыдаемою славою въ потомствѣ... Намѣреніемъ автора объясняется и то, что у него нѣтъ иногда исторической послѣдовательности въ изложеніи отдѣльныхъ событій. Этими-же онъ вынужденъ былъ дѣлать иногда, при разныхъ случаяхъ, повтореніе одного и того-же. Что-же касается противорѣчій, которыя находятъ въ разсматриваемыхъ біографіяхъ, то онѣ только видимыя и кажущіяся. Одно и то-же событіе, съ перемѣною обстановки, можетъ совершенно измѣнить свое значеніе; чтò хорошо бываетъ при однихъ обстоятельствахъ, то часто оказывается дурнымъ и вреднымъ при другихъ. А противорѣчія, указываемыя у К. Непота, большею частію именно такого рода. Дене въ своемъ изданіи К. Непота разбираетъ нѣкоторыя изъ этихъ кажущихся противорѣчій. (См. изд. 1830 г. стр. ХХХІV).

Въ разсматриваемыхъ біографіяхъ, говорятъ Ринкъ и другіе защитники Э. Проба, нѣтъ правильности въ строѣ рѣчи, круглоты въ періодахъ, разнообразія въ подборѣ словъ, встрѣчаются опіибки противъ языка, гречизмы, архаизмы, солецизмы и проч. Трудно повѣрить, чтобы такое сочиненіе принадлежало К. Непоту.

И это возраженіе вовсе не имѣетъ той силы, какую приписываютъ ему противники Корнезія. Правда, въ разсматриваемыхъ біографіяхъ встрѣчаются иногда малоупотребительныя формы и необдѣланныя фразы, но эти уклоненія отъ правильности рѣчи, въ отношеніи къ объему дѣлаго сочиненія, то-же, чтò едва замѣтные бугорки къ обширной равнинѣ. Притомъ, Непоту-ли принадле-

жать эти небольшія погрѣшности, или это искаженія позднѣйшаго времени, — рѣшить трудно. Мы вовсе не хотимъ навязывать ихъ Пробу и скорѣе готовы принять мнѣніе Пауфлера (in praef. alt. ed. p. XVII), который полагаетъ, что Непоть написалъ свои біографіи нѣсколькимъ раньше, чтобы во-время подать своимъ соотечественникамъ спасительный совѣтъ, намѣреваясь послѣ внимательно пересмотрѣть и исправить свои сочиненія, но что онѣ, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, не успѣлъ этого сдѣлать. Отъ этой-то поспѣшности и произошло то, что мы иногда встрѣчаемъ у него на концѣ періода односложныя слова, напр. is, нѣсколько родительныхъ падежей, зависящихъ одинъ отъ другаго, постоянныя оговорки, что это и безъ того понятно и т. п. Что-же касается въ частности словъ неупотребительныхъ у другихъ писателей Августова времени и встрѣчающихся только у Непота (ихъ весьма немного), то здѣсь нельзя быть слишкомъ строгимъ судьей. Неужели одни только употребительнѣйшія слова имѣли право гражданства въ Римской литературѣ, а все болѣе рѣдкое не было терпимо въ ней и заслуживало изгнаніе? И ужели одинъ только Цицеронъ имѣлъ право вводить въ литературу новыя слова, а всѣ прочіе писатели совершенно лишены были этого права? Вотъ что говорить объ этомъ Гораций (ad Pis. 53 sqq.):

..... quid autem  
 Caecilio Plautoque dabit Romanus, ademptum,  
 Virgilio Varioque? ego cur acquirere paucis,  
 Si possum invideor? Cum lingua Catonis et Ennii  
 Sermonem patrium ditaverit, et nova rerum  
 Nomina protulerit cet.

Почти такъ-же разсуждаетъ объ этомъ и самъ Цицеронъ (de orat. I. XXXIV). Но, кажется, нѣтъ нужды приводить словъ его. Одного Горация свидѣтельства достаточно для того, чтобы показать противникамъ литературной новизны, какъ односторонни ихъ сужденія въ этомъ дѣлѣ. Ламбинъ говоритъ, что никто изъ жившихъ въ вѣкѣ Θεодосія не писалъ такъ по-Латыни, какъ писалъ авторъ біографій знаменитыхъ полководцевъ: рѣчь ихъ была цвѣтистая, напыщенная, уродливая. То-же подтверждаетъ и Бардилій. Образчиками этой Латыни Θεодосіева вѣка могутъ служить вышеприведенные стихи Эмилиа Проба. Напротивъ того, въ біографіяхъ

знаменитыхъ полководцевъ мы не находимъ почти ничего варварскаго, ничего такого, что напоминало-бы собою вѣкъ Феодосія. Бардиіи говоритъ, что біографіи Корнеліевы написаны безукоризненно и отличаются какою-то величавостью и аттичностью. Гифаній называетъ Непота чистѣйшимъ писателемъ (*purissimus scriptor*); Рункенъ — вторымъ Цицерономъ. Подобнымъ-же образомъ отзываются о немъ Бартій, Виттенбахъ, Ламбинъ, Муретъ и нѣкоторые другіе. (См. *Daehne disput. de vit. excell. imp. p. 15*) Дене приводитъ всѣ неправильности, подмѣченныя у Непота Ринкомъ и другими, и подробно разбираетъ ихъ (*ibid. p. p. 10—14*). Такимъ образомъ, и это возраженіе Ринка, направленное противъ К. Непота, не имѣетъ достаточной силы для того, чтобы подорвать авторитетъ послѣдняго.

Вотъ все, что приводитъ Ринкъ въ защиту Эмилиа Проба. Гельдъ (*Prolog. ad vitam Attici, quae vulgo C. Nepoti adscribitur*) пошелъ еще далѣе. Стараясь поправить ошибку Ринка, онъ и біографію Аттика отнялъ у К. Непота, какъ недостойную такого великаго писателя. Онъ говоритъ, что всѣ эти біографіи, въ томъ числѣ и біографіи Аттика, жалкій безжизненный трудъ, липенный всякой красоты и энергіи, тогда-какъ Корнелій Непотъ — превосходнѣйшій писатель, который цвѣтами своего воображенія и силою ума украсилъ свои творенія. Конечно, вторая половина этого положенія отчасти справедлива, но первая обличаетъ въ Гельдѣ или большое безвкусіе, или чрезмѣрное равнодушіе къ истинѣ, по которому онъ, для защиты ложнаго мнѣнія, рѣшился поправить то, что ему внушали и здравый смыслъ и здравый вкусъ. Гельдъ говоритъ, что 1) не должно имѣть никакого довѣрія къ манускриптамъ, въ которыхъ всѣ разбираемыя біографіи приписаны К. Непоту; 2) если писатель былъ другъ Аттика, то слѣдовало-бы ожидать отъ него самаго подробнаго жизнеописанія послѣдняго; между-тѣмъ-какъ авторъ ничего не говоритъ ни о днѣ рожденія Аттика, ни о его родителяхъ, наставникахъ, о причинѣ его поѣздки въ Грецію, отчего ему дано названіе Аттика и проч.; 3) авторъ біографіи Аттика подражаетъ Плутарху, а Плутархъ жилъ послѣ К. Непота. Наконецъ 4) самое предисловіе къ біографіямъ знаменитыхъ полководцевъ обнаруживаетъ въ авторѣ какаго-то безтолковаго компилятора, что первыя строки этого предисловія отсвѣчиваютъ какимъ-то воровскимъ колоритомъ, и, по всей вѣроятности,

украдены у Цицерона изъ его сочиненія «De finibus bonorum et malorum» (с. I), гдѣ читается: «Non eram nescius, Brutoe, quum, quae summis ingeniis, exquisitaque doctrina philosophi Graeco sermone tractavissent, ea Latinis literis mandarem, fore, ut his noster labor in varias reprehensiones incurreret. Nam quibusdam et iis quidem non admodum indoctis, totum hoc displicet philosophari. — Erunt etiam, et hi quidem eruditi Graecis literis, contemnentes Latinas, qui se dicant in Graecis legendis operam malle consumere. Postremo aliquos futuros superior, qui me ad alios literas vocent: genus hoc scribendi, etsi sit elegans, personae tamen et dignitatis esse negent».

Но 1) Гельдъ ничѣмъ не оправдываетъ своего недоверія къ манускриптамъ, а безъ этого кто согласится съ нимъ? 2) Судить о писателѣ такъ, какъ судить Гельдъ, значить присвоить себѣ излишнюю власть надъ нимъ. Ужели количество излагаемыхъ фактовъ можетъ обличать истиннаго или подложнаго писателя? И что препятствуетъ подложному писателю набрать множество свѣдѣній и наполнить ими свой трудъ? 3) Нѣтъ никакой причины, заставляющей насъ думать, что авторъ біографіи Аттика подражалъ Плутарху; скорѣе Плутархъ подражалъ сочинителю этихъ біографій— Корнелію Непоту. Что-же касается 4) предисловія къ разсматриваемымъ біографіямъ, то сходство его съ вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ Цицерона вовсе не таково, чтобы на основаніи его можно было заподозрѣть имя К. Непота, и объясняется очень просто. Мы знаемъ, что литература Греческая пересажена была на Римскую почву. Въ вѣкѣ Непота всѣ толковали о ней и въ ученыхъ сочиненіяхъ, и въ дружескихъ бесѣдахъ, и въ семейномъ кругу, сравнивали ее съ Римскою, судили о ней вкось и прямо и т. п. Поэтому мы находимъ постоянныя толки о ней у Цицерона въ его предисловіяхъ преимущественно къ философическимъ сочиненіямъ (Tusc. I. 1, 2. Off. I. 1. Orat. I. 4 al.). Ничто не препятствовало и К. Непоту коснуться того-же вопроса, тѣмъ болѣе, что его сочиненіе относилось и къ Греческому и къ Римскому міру. Итакъ, не слѣдуетъ еще, основываясь на сходствѣ, совершенно случайномъ, подозрѣвать автора въ кражѣ и подлогѣ.

Сообразивъ все изложенное нами, мы приходимъ къ тому заключенію, что автора разсматриваемой книги нужно искать не въ Θεодосіевомъ вѣкѣ, а въ золотомъ, въ вѣкѣ Аттика и Цицерона. Кто-же этотъ писатель? Почти всѣ рукописи указываютъ на Кор-

незія Непота, а самая книга и всѣ постороннія извѣстія о немъ яснѣйшимъ образомъ подтверждаютъ это: онъ былъ писатель золотого вѣка, современникъ и другъ Аттика. Что-же касается Эмилія Проба, то онъ былъ не болѣе, какъ переписчикъ разсматриваемой книги, и ему нужно приписать въ ней только весьма незначительныя измѣненія, о которыхъ мы скажемъ при разборѣ этой книги, къ которому теперь и переходимъ.

Книга «*De vitis excellentium imperatorum*» содержитъ въ себѣ біографіи знаменитыхъ мужей изъ различныхъ народовъ. Здѣсь мы находимъ одиннадцать Афинянъ, трехъ Спартанцевъ, двухъ Фиванцевъ, одного Сиракузянина, одного Коринѳянина, четырехъ варваровъ и двухъ Римлянъ. Кромѣ этихъ 24 біографій, въ разсматриваемой книгѣ мы находимъ еще краткій рассказъ «*De regibus*». Всему этому предпослано небольшое введеніе.

Судя по заглавію, слѣдовало-бы ожидать, что въ этой книгѣ будутъ изложены біографіи однихъ только полководцевъ, ознаменовавшихъ себя воинскими доблестями. Между-тѣмъ, мы встрѣчаемъ въ ней и біографію Аттика, который никогда не предводительствовалъ войскомъ, а отличался только гражданскими и семейными добродѣтелями. А что слово *imperator* въ заглавіи книги означаетъ именно полководца, вождя, это показываютъ слѣдующія слова, находящіяся въ концѣ біографіи Тимофея: «*haec extrema fuit aetas imperatorum Atheniensium, Iphicratis, Chabriae, Timothei: neque post illorum obitum, quisquam dux in illa urbe fuit dignus memoria*». Здѣсь *imperator* и *dux* употребляются въ одномъ и томъ-же значеніи. Поэтому-то, приступая къ изложенію біографіи Фокіона, не оказавшаго особенныхъ доблестей воинскихъ и прославившагося только своею прекрасною жизнію, авторъ почувствовалъ, что онъ некстати примѣшиваетъ біографію этого человѣка къ біографіямъ *excellentium imperatorum* и потому нашелъ нужнымъ сдѣлать оговорку (Phoc. init.). Кромѣ-того, самое оглавленіе книги въ нѣкоторыхъ рукописяхъ показываетъ, что К. Непотъ, обѣщавъ изложить въ этой книгѣ біографіи *excellentium imperatorum*, имѣлъ въ виду только знаменитыхъ предводителей войска, а не кого-нибудь другаго. Кодексъ Даниила озаглавленъ такъ: «*de excellentibus ducibus (imperatoribus) exterarum gentium*». Такъ-же надписаны и многіе другіе кодексы. По всей вѣроятности, новѣйшее заглавіе есть уже измѣненное: видя, что въ разсматриваемой книгѣ

содержатся біографіи и Римлянъ, издатели уничтожили слова *extirgunt gentium*; а такъ-какъ Атикъ не былъ предводителемъ войска, то опущено было и слово *dux* и оставлено *imperator* — понятіе болѣе общее, чѣмъ *dux*, хотя, разумѣется, это измѣненіе еще не уничтожило несоотвѣтствія заглавія самому содержанію книги.

Еще болѣе странно, что авторъ разсматриваемой книги, изложивъ въ ней жизнь Атика до самой его смерти, сказавъ даже о мѣстѣ его погребенія и проч., посвящаетъ свое сочиненіе тому-же самому Атику. Неужели К. Непоть почтилъ своимъ посвященіемъ уже умершаго своего друга? А если такъ, то зачѣмъ въ предисловіи своемъ онъ обращается къ нему, какъ къ живому лицу? Далѣе, писатель нерѣдко говоритъ въ самой книгѣ, что онъ расположилъ біографіи по націямъ, изъ которыхъ происходили его герои. Но теперь мы видимъ, что порядокъ этотъ во многомъ нарушенъ въ разсматриваемой книгѣ: вмѣстѣ съ Авинянами здѣсь говорится и о Спартанцахъ. Все это приводитъ насъ къ мысли, что книга «*De vitis excellentium imperatorum*» не есть цѣлый, особый трудъ К. Непота и дошла до насъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера писателя, а кѣмъ-нибудь измѣнена вѣдствіи. Разсмотримъ это подробнѣе.

Въ концѣ предисловія авторъ говоритъ: «*quare ad propositum veniemus et hoc exponemus libro de vita excellentium imperatorum*»; и въ біографіи Эпаминонда (IV 6): «*quoniam uno hoc volumine vitas excellentium virorum (complurium) concludere constituimus*». Слова: *hoc exponemus libro* и *uno hoc volumine* заставляютъ предполагать, что, кромѣ этой книги, авторъ написалъ еще одну или нѣсколько другихъ подобнаго содержанія, и что разсматриваемая книга составляетъ часть какого-нибудь болѣе обширнаго труда Корнелиева. Какой-же былъ этотъ трудъ?

По свидѣтельству Геллія (N. N. A. XI. 8), Сервія (ad 1. Aeneid), Макробія (Saturn. prooemio ertg.) и Харизія (1 Coll. 113 и 114), Корнелию Непоту принадлежало сочиненіе «*De viris illustribus*». Оно состояло изъ многихъ книгъ: такъ Геллій и Макробій упоминають о XIII книгѣ, а Харизій цитуетъ II, XV и XVI книги этого сочиненія. Въ этомъ огромномъ сочиненіи К. Непоть изложилъ біографіи людей знаменитыхъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Онъ не ограничился однимъ какимъ-нибудь государствомъ, а описалъ знаменитыхъ мужей изъ всѣхъ государствъ. Здѣсь-же помѣ-

щены были и біографіи знаменитыхъ полководцевъ *exterarum gentium* — Афинянъ, Спартанцевъ, послѣднихъ Грековъ и варваровъ. Біографіи эти составляли три книги. Но, повѣствуя о славныхъ мужахъ изъ чужихъ земель, К. Непотъ, конечно, не умолчалъ и о Римскихъ знаменитостяхъ. Въ концѣ біографіи Аннибала онъ самъ говоритъ, что намѣренъ теперь перейти къ Римскимъ полководцамъ: «*sed nunc tempus est hujus libri finem facere et Romanorum explicare imperatores, quo facilius collatis utrorum ve factis, qui viri praeferendi sint, possit judicari*». Въ славномъ своемъ отечествѣ, гдѣ было такъ много великихъ мужей, изъ коихъ нѣкоторые связаны были съ Корнелиемъ узами родства и дружбы, онъ находилъ прекрасный и обильный матеріалъ для своего труда. Весьма вѣроятно, что эти біографіи, и по количеству и по объему своему, превосходили біографіи чужеземныхъ знаменитостей. Любовь къ отечеству, минувшая слава Рима, величіе описываемыхъ личностей, — все это должно было воодушевлять писателя, а новостъ излагаемыхъ имъ происшествій, частію переданныхъ ему старѣйшими изъ его современниковъ, а частію имъ самимъ видѣнныхъ, доставляла ему все обиліе матеріаловъ для его труда. Вѣроятно, здѣсь-же изложено было и то, что Плутархъ приводитъ изъ Корнелия въ біографіяхъ Лукулла (с. 43), Гракха (с. 21), Марцелла (с. 30), въ сравненіи его съ Пелопидомъ. Но отъ этихъ книгъ и осталось только то, что сохранилъ Плутархъ, и еще развѣ свѣдѣнія о частяхъ древняго Карвагена, переданныя намъ въ отрывкѣ, сохраненномъ Сервіемъ (ad I. Aeneid. 368), гдѣ цитуется книга К. Непота «*De viris illustribus*».

Но этимъ не ограничивался еще огромный трудъ Корнелиевъ. Въ біографіи Діона (гл. 3) Корнелій Непотъ говоритъ: «*sed de hoc (Philisto) in eo meo libro plura sunt exposita, qui de historicis Graecis conscriptus est*». Всего приличнѣе относить эту книгу о Греческихъ историкахъ къ труду Непота «*de viris illustribus*». Если-же онъ написалъ книгу о Греческихъ историкахъ, то весьма естественно предположить, что онъ посвятилъ сколько-нибудь времени повѣствованію и о Римскихъ историкахъ. Слѣды этого мы находимъ въ отрывкѣ, сохранившемся у Геллія (XI. 28). Самое содержаніе и характеръ этого отрывка показываютъ, что онъ составлялъ частичку труда о Латинскихъ историкахъ, и заимствованъ изъ біографіи Катона, написанной Непотомъ, по просьбѣ Т. Помпонія



Аттика, и помѣщенной между книгами о Латинскихъ историкахъ, что и весьма прилично, потому-что Катонъ былъ замѣчательный историкъ. Всѣхъ книгъ о знаменитыхъ писателяхъ Латинскихъ и Греческихъ у Харизіа упоминается не менѣе 16-ти. Изъ числа ихъ двѣ о Латинскихъ историкахъ.

Весь этотъ трудъ расположенъ былъ, какъ можно полагать, по порядку времени и націй, къ которымъ принадлежали изображаемые лица. Онъ начинался, вѣроятно, повѣствованіемъ о древнѣйшихъ герояхъ Греческихъ и оканчивался біографіями современныхъ писателю знаменитыхъ Римлянъ. Трудъ этотъ былъ, слѣдовательно, весьма обширенъ. Изъ этого-то обширнаго труда Э. Пробъ, по всей вѣроятности, заимствовалъ и передалъ намъ одну цѣлую книгу и отрывки другихъ. Эту цѣлую и, какъ можно полагать, первую книгу изъ числа трехъ книгъ: «*De vitis excellentium imperatorum*», принадлежавшихъ къ огромному труду Корнеліеву, составляютъ біографіи Аѳинскихъ полководцевъ, заключающіяся въ разсматриваемомъ сочиненіи. Изъ второй книги, повѣствованшей о Спартанскихъ и другихъ полководцахъ, исключая варваровъ, сохранилось до насъ семь біографій: Павзанія, Лизандра, Агезилая, Эпаминонда, Пелопида, Діона и Тимолеона. Наконецъ, изъ третьей книги, излагавшей дѣла варварскихъ полководцевъ, мы имѣемъ отрывки въ Гамилькарѣ, Аннибалѣ, Эвиенѣ и Датамѣ. Итакъ, большая часть разсматриваемой книги заимствована Э. Пробомъ изъ труда Непота «*De viris illustribus*», и именно изъ книгъ, излагавшихъ жизнь и дѣла знаменитыхъ полководцевъ. Затѣмъ остаются отрывокъ «*De regibus*» и біографіи Катона и Аттика. Что можно сказать касательно ихъ? Можно-ли ихъ считать заимствованными изъ этого обширнаго труда Корнеліева?

Книжка «*De regibus*», будучи по слогу (сколько возможно было сохранить его въ такомъ короткомъ трудѣ) сходна со всѣми прочими трудами Корнелія, довольно рѣзко отличается отъ нихъ чрезмѣрною сжатостію изложенія и быстрыми переходами отъ одного предмета къ другому. Хотя К. Непотъ вездѣ старался о краткости, но, излагая кратко, онъ умѣлъ въ то-же время соблюсти и полноту: онъ изображалъ взятыя имъ личности въ немногихъ, но самыхъ рѣзкихъ чертахъ, такъ-что на основаніи его изображенія всегда можно составить вѣрную и полную характеристику того или другаго лица. Но краткость книжки «*De regibus*» со-

вершено лишена этого свойства: здѣсь мы видимъ сухое перечисленіе Персидскихъ, Македонскихъ и Египетскихъ царей, слабые, безжизненные очерки, неискусный наборъ чертъ, нисколько не отбѣняющихъ изображаемыхъ личностей. Все это приводило ученыхъ въ недоумѣніе, касательно разсматриваемой книжки, которое еще болѣе увеличивалось отъ неопредѣленности замѣчаній, сдѣланныхъ авторомъ въ началѣ и концѣ ея. Весьма вѣроятно, что этою книжкою мы одолжены Эмпію Пробу. Этимъ объясняется и отличіе ея, по изложенію, отъ прочихъ сочиненій Корнелія, и неопредѣленность замѣчаній, сдѣланныхъ въ началѣ и концѣ книжки. Чтобы облегчить трудъ списыванія Корнелія, Эмпіій Пробъ удовольствовался здѣсь тѣмъ, что привелъ въ сокращеніи изложенное Римскимъ біографомъ подробно. Онъ заимствовалъ изъ сочиненія его нѣкоторыя мысли и выраженія и изъ нихъ составилъ эти три главы разсматриваемаго сочиненія. Гамилькара-же и Аннибала онъ потому, можетъ быть, не пропустилъ, что считалъ ихъ достойнѣйшими памяти потомства, и потому, что о нихъ не такъ много было писано. Итакъ, очень можетъ быть, что эти три главы «*De regibus*» заимствованы Э. Пробомъ изъ сочиненія Корнеліева «*De viris illustribus*», но онѣ далеко не обнимаютъ всего изложеннаго о царяхъ Корнеліемъ и представляютъ только слабый, сухой очеркъ его сочиненія объ этомъ предметѣ.

Не такъ должно смотрѣть на біографію Катона. Что она принадлежитъ К. Непоту (38), это видно уже изъ словъ, находящихся въ концѣ ея: «*Hujus (Catonis) de vita et moribus plura in eo libro persecuti sumus, quem separatim de eo fecimus, rogatu T. Pomponii Attici*». Но изъ этихъ-же словъ мы видимъ, что Корнелій написалъ еще пространную біографію Катона, которая, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, вошла въ составъ труда Корнеліева «*De viris illustribus*». Если-же пространная біографія Катона помѣщена была въ этомъ большомъ сочиненіи Корнелія, то само собою очевидно, что разсматриваемаго теперь нами краткаго извѣстія о Катонѣ нельзя считать заимствованнымъ изъ него, потому-что странно было-бы въ одномъ сочиненіи помѣщать двѣ біографіи одного и того-же лица — одну пространную, а другую краткую. Итакъ,

---

(38) Гельдъ отнял эту біографію у К. Непота и назвалъ ее какою-то нелѣпою компиляціею; впрочемъ, онъ ничѣмъ не оправдалъ своего приговора.

это небольшое извѣстіе о Катонѣ заимствовано не изъ книги «De viris illustribus», а изъ другаго какого-нибудь сочиненія Корнеліева, и, можетъ быть, изъ книги «Exemplorum», потому-что Катонъ могъ служить прекраснымъ образцемъ для своихъ соотечественниковъ.

Что-же касается біографіи Аттика, то она, кажется, была окончена тогда, когда всѣ другія біографіи Корнеліевы были уже расположены по особымъ книгамъ, вслѣдствіе чего она была издана отдѣльно. Такимъ образомъ, ее нельзя считать заимствованною не только изъ книги «De viris illustribus», но и изъ какого-бы то ни было труда Корнеліева; а должно думать, что она въ цѣлости списана Э. Пробомъ съ отдѣльнаго сочиненія Непота.

Разсматриваемымъ біографіямъ предпослано предисловіе. Что предисловіе это принадлежит К. Непоту, въ этомъ нѣтъ, какъ мы уже замѣтили, никакого сомнѣнія. Самыя первыя слова этого предисловія показываютъ, что авторъ его жилъ въ золотой вѣкъ. При написаніи предисловія, К. Непотъ имѣлъ въ виду только одинъ отдѣлъ своего большаго сочиненія, именно отдѣлъ «De vitis excellentium imperatorum», а не весь огромный трудъ «De viris illustribus». Это самъ онъ высказалъ въ словахъ: «Quare ad propositum veniemus et in hoc exponemus libro de vita excellentium imperatorum». Въ предисловіи Корнелій посвятилъ разсматриваемыя біографіи другу своему Т. Помпонію Аттику. Можетъ быть, и къ другимъ книгамъ сдѣланы были Корнеліемъ подобныя-же предисловія, въ которыхъ онъ посвятилъ ихъ другимъ своимъ друзьямъ. Такимъ образомъ, предисловіе это заимствовано Пробомъ изъ сочиненія К. Непота «De viris illustribus», и именно изъ той части этого труда, которая содержала въ себѣ біографіи знаменитыхъ полководцевъ.

Итакъ, разсматриваемое нами сочиненіе есть не что иное, какъ собраніе частичекъ изъ различныхъ произведеній Корнеліевыхъ, переписанныхъ Пробомъ въ цѣлости, безъ всякаго измѣненія, исключая книги «De regibus», которую переписчикъ представилъ въ голомъ, сухомъ обзорѣ. Къ этой-же мысли приводятъ и слова самого Эмилія Проба, находящіяся въ приведенныхъ выше стихкахъ: «Congregata in hanc manus est genitricis, avi que, meaque». Біографія Катона заимствована, по всей вѣроятности, изъ книги «Exemplorum»; біографія Аттика списана съ отдѣльно-изданнаго Непо-

томъ сочиненія; всѣ прочія біографіи взяты Пробомъ изъ книги Корнелія «De viris illustribus», но расположены не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ этомъ трудѣ Корнеліевомъ (39).

Что-же касается мнѣнія, будто-бы разсматриваемое сочиненіе, исключая біографіи Аттика, дошедшей до насъ въ цѣлости, есть не чтò иное, какъ сокращеніе обширнаго труда Корнеліева, сдѣланнаго Эмилиемъ Пробомъ, то мнѣніе это никакъ не можетъ быть принято. Еслибы Пробъ сократилъ Корнеліевы біографіи, то, при соединеніи прерванной связи предложеній, онъ долженъ-бы былъ прибавлять что-нибудь свое, въ чемъ отразился-бы языкъ его времени. Притомъ, и самая краткость, которою отличается разсматриваемое сочиненіе, такого рода, что не позволяетъ подозрѣвать никакого сокращенія. Бартій, представитель этого мнѣнія, позабылъ о томъ сужденіи, которое произнесъ Катуллъ въ своей эпиграммѣ на Корнеліеву хронику. Онъ оставилъ безъ вниманія и то обстоятельство, что К. Непотъ часто самъ упоминаетъ объ этой краткости, какъ преднамѣренной. Кромѣ другихъ весьма многихъ мѣстъ, здѣсь можно указать на конецъ предисловія, гдѣ авторъ говоритъ: «sed plura persequi tum magnitudo voluminis prohibet, tum... set.», — на вторую главу біографіи Лизандра, четвертую — Эпаминонда, вторую — Алкивиада, четвертую — Тимофея, на начало біографіи Пелопида, наконецъ на первую главу біографіи Датама, гдѣ авторъ замѣчаетъ: «de quo hoc plura referemus»; а вся біографія Датама состоитъ изъ одиннадцати главъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Непотъ до того сжатъ, что даже навлекъ на себя упрекъ въ темнотѣ, хотя и несомнѣнъ справедливый. Такимъ образомъ, краткость разсматриваемыхъ біографій не даетъ еще права думать, будто-бы Эмилиій Пробъ сократилъ сочиненіе Корнелія Непота; а

---

(39) Это дѣло внимательно изслѣдовалъ Титце. Стараясь, по-возможности, возстановить порядокъ, данный этимъ біографіямъ Корнеліемъ, онъ расположилъ ихъ въ своемъ изданіи по націямъ, къ которымъ принадлежатъ изображаемыя имъ лица, въ такомъ порядкѣ: сперва помѣстилъ Афинянъ, потомъ Спартанцевъ, далѣе Фиванцевъ, затѣмъ Сиракузянина Діона, Коринѣянина Тимолеона, Кардіанца Эвмена, послѣ того три главы о царяхъ, Гамилькара и Аннибала и, наконецъ, Датама. Такое расположеніе біографій у Титце одобряли Бардилий (р. СІІІ) и Дене ргаef. edit. р. ХІ), удержавшіе, впрочемъ, обыкновенный порядокъ въ своихъ изданіяхъ.

кромя краткости, Бартій не имѣетъ никакого другаго основанія, которое могло-бы поддержать его мнѣніе.

Вотъ все, что можно сказать о разсматриваемой книгѣ и ея судьбахъ. Въ-заключеніе сдѣлаемъ два общія замѣчанія, касательно нашего писателя, именно: что онъ первый изъ Римскихъ историковъ обратилъ вниманіе на историческую жизнь другихъ народовъ, и что уцѣлѣвшія его сочиненія должны быть драгоценны для современнаго историка, потому-что большая часть источниковъ, которыми пользовался Корнелій Непоть, не сохранилась до нашего времени.

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВСКІЙ.**



## ПЕРЕЧЕНЬ

### ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ ПО УЧЕНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ШВЕЦИИ, ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX ВѢКА.

Въ исторіи просвѣщенія человѣчества всегда стояли и стоятъ во главѣ различныхъ отраслей человѣческихъ познаній дѣятели наукъ. Они, какъ труженики общечеловѣческаго дѣла, занимаясь воздѣлываніемъ ума человѣческаго, подчиняютъ ему остальную природу, какъ собственно человѣческую, такъ и окружающую человѣка. Проводя въ общую жизнь результаты своихъ ученыхъ изслѣдованій, эти люди доставляютъ своимъ собратіямъ по человѣчеству то господство и торжество надъ природой, на которое благословилъ человѣка Творецъ всей твари. Если жизнь человѣка, какъ нравственно-разумнаго существа, состоитъ въ разумномъ и сознательномъ самоопредѣленіи къ дѣятельности: то тѣ, которые, углубляясь въ собственную природу человѣка и въ природу, его окружающую, изслѣдуютъ и изучаютъ законы общей жизни,—тѣ разливаютъ свѣтъ на жизнь людей. Какъ умъ и природа, такъ и познанія, какъ плодъ ума, составляютъ достояніе общечеловѣческое; а потому кто-бы ни были труженики наукъ, къ какой-бы отрасли человѣчества ни принадлежали, они всегда достойны уваженія и памяти мыслящихъ людей. Лица, нижеслѣдующій перечень которыхъ здѣсь представляется, почти всѣ пользуются обще-Европейскою извѣстностію, какъ члены многихъ Европейскихъ ученыхъ обществъ, и намъ современны. Нѣкоторые изъ нихъ уже сошли съ поприща благородной общечеловѣческой дѣятельности, оставивъ потомству результаты своего ученаго труда, какъ драгоцѣнное наследіе; другіе, на закатѣ дней своихъ, хотя уже сошли съ официального поприща дѣятельности, но, слѣдя за движеніемъ наукъ въ тиши-

нѣ своей погасающей жизни, еще продолжаютъ открывать свои кабинеты для тѣхъ, кто хочетъ слышать бесѣды и совѣты многолѣтняго опыта, науки и жизни; но большая часть нижеупомянутыхъ лицъ еще продолжаетъ занимать ученые и государственныя должности. Трудно опредѣлить категоріи ученой дѣятельности, къ которымъ принадлежатъ упоминаемыя лица, по важности и разнородности ихъ занятій. Ученое направленіе Швеціи вообще имѣетъ характеръ положительный, — примѣненіе ученыхъ изслѣдованій къ потребностямъ практической жизни. А потому лица, которыя будутъ ниже поименованы, какъ истинные представители умственнаго направленія своей націи,—преимущественно естествоиспытатели. Для ясности представленія мы дѣлимъ ихъ на три категоріи, какъ дѣятелей и тружениковъ: 1) по естественнымъ наукамъ вообще; 2) въ-частности — по медицинѣ, и наконецъ 3) безъ опредѣленія специальныхъ предметовъ занятій.

## I. По естественнымъ наукамъ вообще.

1) *Акерманъ* (Joachim Akerman), профессоръ химіи и директоръ горной школы въ Фалюнгѣ, членъ Стокгольмской академіи наукъ. Кромѣ нѣкоторыхъ мемуаровъ, разбѣянныхъ по ученымъ сборникамъ, онъ издалъ въ 1831 году курсъ элементарной химіи, который въ 1834 году издалъ вторымъ, пересмотрѣннымъ и исправленнымъ изданіемъ. Въ 1832 году онъ издалъ еще, въ двухъ очень большихъ томахъ съ гравюрами, свои лекціи по химической технологіи.

2) *Анкерсвердъ* (Auguste Anckarswaerd), генералъ-адъютантъ, кавалеръ ордена шпаги, членъ академіи наукъ и академіи земледѣлія. Специальное его занятіе — земледѣліе и горное искусство.

3) *Берцелиусъ* (Jean-Jacques Baron de Berzelius), родился въ 1779 году, не въ Линчепингѣ, какъ повторяютъ одинъ за другимъ большая часть біографовъ, но, вѣроятноже, въ Веверзундѣ, близъ Вадстены, въ Остроготиі. Титула и должности, которыя онъ имѣлъ, были: докторъ медицины и философіи, почетный профессоръ въ Каролинскомъ институтѣ, членъ Шведской академіи, безсѣдный секретарь академіи наукъ, членъ академіи военныхъ наукъ, академіи литературы, исторіи и древностей, Французскаго института и значительнаго числа иностранныхъ академіи и ученыхъ об-

шество, кавалеръ многихъ отечественныхъ и иностранныхъ орденовъ. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ вполне изобразить дѣятельность и заслуги этого знаменитаго ученаго мужа. Подробныя и болѣе точныя біографіи, которыя можно читать въ «Encyclopédie des gens du monde», и въ «Encyclopédie de la littérature Française contemporaine», могутъ доставить нужныя и подробныя свѣдѣнія о Берцелиусѣ. Первое сочиненіе свое Берцелиусъ издалъ на Шведскомъ языкѣ. Большая часть обширныхъ трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, издана на Нѣмецкомъ языкѣ. Съ Нѣмецкаго изданія и съ неизданныхъ манускриптовъ его, Жюрданъ и Эслинге перевели на Французскій языкъ «Traité de Chimie». Владѣя нѣсколькими Европейскими языками и оказавъ неоспоримыя заслуги наукѣ, Берцелиусъ сдѣлался истиннымъ гражданиномъ всего ученаго міра. На закатѣ дней своихъ, въ 1842 году, Берцелиусъ былъ президентомъ ученаго конгресса, на которомъ присутствовали многіе иностранные ученые. Въ первомъ засѣданіи этого конгресса онъ произнесъ рѣчь о пользѣ ученыхъ собраній и о выгодныхъ результатахъ, которые могутъ извлечь изъ нихъ наука и ученые. Въ общемъ собраніи конгресса онъ читалъ мемуаръ о постепенномъ возвышеніи Скандинавскаго материка (vol). Авторъ началъ повѣствованіемъ о первоначальныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ по этому предмету Сведенборгомъ и Цельсіемъ; потомъ привелъ въ подтвержденіе наблюденія послѣдующихъ затѣмъ тридцати лѣтъ. Эти наблюденія онъ привелъ къ тому заключенію, что Скандинавскій материкъ на широтѣ Стокгольма возвышается на восемь футовъ впродолженіе одного столѣтія; что это возвышеніе увеличивается къ сѣверу и уменьшается къ югу, такъ-что оно совершенно прекращается на линіи, проведенной между Сельвитборгомъ и Ландскроной; и что есть неоспоримыя доказательства, что съ другой стороны этой линіи почва понижается и море набѣгаетъ на южный берегъ Скандинавіи. На этой (южной) сторонѣ, на днѣ моря, на разстояніи трехсотъ и четырехсотъ футовъ отъ берега, находятъ торфяныя ямы, наполненныя корнями и стволами дубовъ, березъ, букowychъ деревьевъ, также значительное количество орѣшника, — доказательство, что этотъ грунтъ, теперь затопленный, находился нѣкогда на сушѣ. По Берцелиусу, вѣроятная причина измѣненія материка есть постепенное сближеніе земли, вслѣдствіе котораго твердая поверхность должна была сжиматься, такъ-что этотъ феноменъ, столь



часто оспариваемый, вмѣсто-того, чтобы быть исключеніемъ изъ общихъ правилъ или законовъ, бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ ихъ, позволяя предсказывать себя à priori. Тѣ, которые желаютъ изучить феноменъ, о которомъ говорить Берцелиусъ, найдутъ важныя данныя въ отчетахъ Французской академіи наукъ за 1842 годъ (Rapport de M. Elie de Beaumont, sur la Mémoire de M. Bravais, professeur à la faculté des sciences de Lyon), и въ бюллетенѣ Французскаго геологическаго общества (Mémoire de M. Eugène Robert, tom. XIII). Во время того-же конгресса Берцелиусъ управлялъ двумя геологическими экскурсіями, въ которыхъ принимали участіе многіе члены конгресса: первая была направлена къ мѣстечку Алькистанъ, съ цѣлю видѣть полисажъ и параллельныя полосы, которыя характеризуютъ гранитныя горы Скандинавіи, и которыя обнаруживаются въ этомъ мѣстѣ болѣе опредѣленнымъ образомъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; вторая — въ Хестгольмъ, для изслѣдованія необыкновенныхъ углубленій значительной величины.

4) *Богеманъ* (Charles-Henri Roheman), членъ академіи земледѣлія, попечитель энтомологическихъ коллекцій и членъ академіи наукъ, сотрудникъ «*Suppositia insectorum*», издававшейся въ Парижѣ подъ дирекцію Шёнгера. Его ежегодные отчеты объ успѣхахъ энтомологическихъ познаній и многіе мемуары хранятся въ коллекціи академіи наукъ въ Стокгольмѣ. Богеманъ, при содѣйствіи Вестринга, сообщилъ ученому конгрессу 1842 года два замѣчанія: одно о препаратѣ—проводникѣ звуковъ паука; другое объ органахъ рожденія у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Сверхъ-того онъ издалъ описаніе метода для храненія ларвъ (larves).

5) *Вальмаркъ* (Z. J. Wallmark), нотариусъ, обратилъ на себя особенное вниманіе ученыхъ на конгрессѣ 1842 года, когда онъ читалъ длинный мемуаръ, извлеченный изъ обширнаго сочиненія объ отношеніи между формою кристалловъ и ихъ химическихъ составомъ.

6) *Вальмстедтъ* (L. P. Walmstedt), докторъ философіи, профессоръ химіи и минералогіи въ Упсальскомъ университетѣ, членъ академіи наукъ, кавалеръ полярной звѣзды. Вальмстедтъ—одинъ изъ замѣчательныхъ минералоговъ; онъ составилъ въ Упсалѣ прекрасныя коллекціи по своему предмету, которыя доселѣ существуютъ тамъ въ томъ-же видѣ. Его ученые мемуары высокаго достоинства помѣщены въ числѣ мемуаровъ Стокгольмской академіи наукъ.

7) *Вахтмейстеръ* (H. G. Wachtmeister, comte de Trolle), одинъ изъ вельможъ королевства, канцлеръ юстиціи, кавалеръ ордена Серафима, членъ академіи наукъ, почетный членъ академіи земледѣлія и ученаго общества въ Упсалѣ. Вахтмейстеръ, опредѣленный въ должность министра королемъ Карломъ XIV, отказался отъ этого важнаго поста, чтобы посвятить свою дѣятельность единственно ученымъ трудамъ. Владѣтель огромнаго имѣнія, онъ употреблялъ свои досуги и доходы на обработываніе наукъ, особенно зоологіи. Онъ издалъ много мемуаровъ по предмету химіи, помѣщенныхъ въ изданіяхъ академіи наукъ. Путешествіе, которое онъ совершилъ въ преклонныхъ лѣтахъ, изъ постоянного своего жительства — Шоніи въ Стокгольмъ, чтобы участвовать на ученомъ конгрессѣ 1842 г., немало свидѣтельствуетъ о его любви къ ученому образованію и о сочувствіи къ движенію наукъ.

8) *Врихтъ* (G. de Wright), камеръ-юнкеръ. Какъ рисовальщикъ академіи наукъ, онъ рисуетъ гравюры по зоологіи и анатоміи съ значительнымъ совершенствомъ, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается лучшаго по этой части во Франціи. Онъ составилъ рисунки для обширнаго сочиненія Зундеваля о Скандинавскихъ рыбахъ, рисунки для Шведской ботаники, изданной академіею наукъ, и прекрасную коллекцію рисунковъ, представляющихъ Шведскихъ птицъ. Рисунки его возбуждаютъ удивленіе знатоковъ. Врихтъ сообщилъ ученому обществу очень интересное замѣчаніе, что первое измѣненіе цвѣта обыкновеннаго тюленя (*phoca vitulina*) имѣетъ мѣсто въ нѣдрахъ морей, между-тѣмъ-какъ этого не бываетъ у другихъ тюленей. Впрочемъ, Врихтъ не только даровитый рисовальщикъ; его мемуары о переселеніи птицъ, хотя небольшого объема, даютъ ему не послѣднее мѣсто между натуралистами.

9) *Кронстрандъ* (S. A. Cronstrand), докторъ философіи, профессоръ въ высшемъ училищѣ военныхъ наукъ въ Мариенбергѣ, членъ академіи военныхъ наукъ въ Стокгольмѣ. Будучи старшимъ профессоромъ астрономіи въ Стокгольмской обсерваторіи, Кронстрандъ потерялъ зрѣніе вслѣдствіе ревматическихъ занятій, а потому оставилъ постъ, который занималъ столь достойно. Онъ составилъ сферическую триангуляцію южной части Скандинавскаго полуострова, съ начала обхода берегомъ Балтики отъ Стокгольма до Агуса въ Шоніи; потомъ изъ Люнда онъ продолжалъ

свои труды на берегу Норвежскаго моря до Фридерикальда; наконецъ посредствомъ новой линіи, проведенной чрезъ материкъ и озера Венеръ и Веттеръ, онъ соединилъ сферическіе треугольники, имъ опредѣленные. Это не менѣе какъ треугольникъ пятой части Скандинавіи.

10) *Зелландеръ* (Selander), докторъ философіи, бывшій преподаватель астрономіи при Упсальскомъ университетѣ, почетный профессоръ, членъ и астрономъ академіи наукъ, бывшій нѣкогда депутатомъ ея на сеймѣ. Зеландеръ, занимаясь астрономическими наблюдениями, издалъ отчеты объ успѣхахъ астрономіи.

11) *Зундеваль* (Ch. J. Sundewall, родился въ 1801 году), докторъ медицины и философіи, почетный профессоръ, хранитель коллекцій позвоночныхъ животныхъ въ академіи наукъ, членъ этой академіи и академіи земледѣлія, бывшій хранитель зоологическихъ коллекцій и адъюнктъ-профессоръ въ Лундскомъ университетѣ, членъ фізіографическаго общества въ томъ-же университетѣ, членъ Французской комиссіи на сѣверѣ. Зундеваль издалъ много мемуаровъ, между которыми достойны особеннаго вниманія: «*Sopraestus agaspidum*, 1833, Lund»; «Система ориктогнозіи», написанная на Шведскомъ языкѣ, въ мемуарахъ академіи наукъ, 1835 г.; «Замѣчанія о Бенгальскихъ птицахъ и междутропическихъ вѣтрахъ», сочиненіе, изданное вслѣдствіе путешествія по Индіи, написанное по-Шведски и помѣщенное въ мемуарахъ фізіографическаго общества въ Лундѣ, въ 1837—38 гг., и много мемуаровъ о млекопитающихъ животныхъ (ib). Капитальные его сочиненія — «Отчетъ объ успѣхахъ зоологіи съ 1836 до 1839 года» (на Шведскомъ языкѣ, Стокгольмъ, 1841 года) и «Отчетъ» о томъ-же въ 1840—42 г. Зундеваль, вмѣстѣ съ ихтиологіею Экстрема и Врихта (о которомъ упомянуто выше), продолжалъ изданіе обширнаго сочиненія о Скандинавскихъ рыбахъ, начатое его сотрудниками и Бенедиктомъ-Фридерикомъ Фрицомъ. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ три мемуара: 1) о зубахъ *Proteles Latandi* на мысѣ Капъ; 2) о строеніи птичьихъ крыльевъ и ихъ различіи въ отдѣльныхъ классахъ; 3) о естественной классификаціи птицъ (passereaux).

12) *Лёвенъ* (S. L. Lovén), докторъ философіи, почетный профессоръ и хранитель коллекціи чревныхъ червей и зоофитовъ при академіи наукъ въ Стокгольмѣ и членъ академіи земледѣлія. Этотъ ученый посѣщалъ главныя зоологическія коллекціи въ

Европѣ и совершилъ ученое путешествіе въ Лалландію и Спитц-бергенъ, откуда вывезъ богатые коллекціи по натуральной исторіи. Онъ издалъ мемуаръ о географическомъ раздѣленіи птицъ и много замѣчательныхъ трудовъ о зародышѣ низшихъ животныхъ. Лёвенъ на конгрессѣ 1842 г., бывши однимъ изъ секретарей по зоологическому отдѣленію, читалъ мемуаръ «Sur la phosphorescence de l'ophiure». Не однѣ науки составляютъ занятіе Лёвена; онъ также съ успѣхомъ занимается искусствами, именно музыкою и рисованіемъ.

13) *Лягергельмъ* (P. de Lagerhielm), членъ академіи наукъ, академіи военныхъ наукъ, королевскаго общества въ Упсалѣ, членъ горной коллегіи. Въ 1818—22 г. онъ издалъ два тома о гидравлическихъ опытахъ; въ 1827 г.—еще два тома о плотности, однородности, упругости, тягучести и связности кованаго желѣза и желѣза листоваго. Эти два сочиненія переведены на Нѣмецкій языкъ. Въ 1832 г. онъ помѣстилъ въ мемуарахъ академіи наукъ (том. X): «Tentamen theoriae resistentiae fluidorum constituendae». Этотъ даровитый физикъ читалъ на конгрессѣ 1842 г. мемуаръ о теченіи воздуха и воды въ проводной трубѣ и о значительномъ уменьшеніи давленія отъ стѣнокъ на ось трубы, — явленіе, которое не можетъ быть опредѣлено по формуламъ, основаннымъ на гипотезѣ о параллелизмѣ сторонъ.

14) *Нильсонъ* (S. Nilson), докторъ философіи, профессоръ зоологіи и главный хранитель зоологическихъ коллекцій въ Лундскомъ университетѣ, членъ академіи наукъ, членъ академіи земледѣлія, членъ и непрѣмѣнный секретарь физиографическаго общества въ Лундѣ, членъ академіи литературы, исторіи и древностей и многихъ академій и ученыхъ обществъ иностранныхъ. Нильсонъ издалъ: «Ornithologia Svecica», 1816 г. въ Копенгагенѣ; Скандинавскую фауну съ раскрашенными рисунками; и другую фауну, которая содержитъ млекопитающихъ и птицъ, въ трехъ книгахъ, на Шведскомъ языкѣ. Онъ издалъ также два тома, заключающіе въ себѣ ихтіологію Скандинавіи и моллюсковъ Швеціи. Какъ хранитель коллекцій академіи наукъ, этотъ неутомимый ученый издалъ три годовые отчета объ успѣхахъ зоологіи. Коллекціи Стокгольмскихъ музеевъ обязаны его просвѣщенному попеченію прекраснымъ расположеніемъ, въ которомъ онѣ теперь находятся. Нильсонъ читалъ въ общемъ засѣданіи конгресса 1842 г. нѣкоторыя замѣчанія о развитіи рода человѣческаго, и при по-

мощи открытій, сдѣланныхъ имъ и другими по археологiи, по формѣ найденныхъ череповъ и костей какъ людей, такъ и животныхъ, онъ воспроизвелъ состояніе цивилизаціи аборигеновъ Скандинавіи. Одинъ уважаемый Шведскій ученый, разсматривая вышеупомянутое сочиненіе Нильсона, дѣлаетъ такой взглядъ на предметъ его: «Если узнанъ одинъ физическій человѣкъ, то онъ внимательному наблюдателю долженъ открыть умственнаго человѣка. Самая главная форма костянаго состава, его покровъ, объемъ и богатство мебели, оружія, инструментовъ, искусствъ, цвѣтъ матеріи и форма одежды — покажутъ цивилизацію и способности, качество и количество истребленной пищи, число и состояніе домашнихъ и дикихъ животныхъ, состояніе земледѣлія, водъ, климата. Не археологическая-ли наука, столь могущественная для того, чтобы заставить ожить предъ нашими глазами угасшіе народы съ ихъ нравами, законами, науками, даже съ ихъ языкомъ, основала на познаніяхъ чисто-космологическихъ науку совершенно-зоологическую—исторію?» Нильсонъ развилъ эти идеи въ большомъ твореніи, подъ заглавіемъ: «Опытъ сравнительной этнографіи объ аборигенахъ Скандинавскаго сѣвера». Онъ еще прежде положилъ этому основныя начала въ своемъ введеніи ко второму изданію Скандинавской фауны. Нильсонъ читалъ на ученыхъ конгрессахъ многіе мемуары, и между-прочимъ одинъ объ ископаемыхъ животныхъ, которыя находятъ въ торфяникахъ; онъ при этомъ показалъ рисунокъ полнаго скелета «*bos taugus fetus*», найденнаго въ одномъ изъ торфяниковъ Скандинавіи. Этотъ скелетъ найденнаго животнаго открылъ особенно то, что оно было ранено и излечено, и формою раны узкой, продолговатой, горизонтальной и проникающей двѣ хребтовыя кости, показалъ, что только рука человѣка могла такъ поразить его. Вообще геологія—главное занятіе Нильсона; и по всей справедливости можно сказать, что познаніе о пониженіи уровня Шоніи обязано его первоначальнымъ наблюденіемъ.

15) *Пальмстедтъ* (Ch. Palmstedt, родился 1794 г.), членъ академіи наукъ, академіи земледѣлія и значительнаго числа иностранныхъ ученыхъ обществъ, профессоръ технологіи, физики и химіи въ приложеніи къ искусствамъ и мануфактурамъ. Берцелиусъ уважалъ этого ученаго, и Пальмстедтъ занимался въ Германіи изданіемъ первыхъ химическихъ сочиненій своего друга; его-же усердію Германія обязана многими мемуарами Берцелиуса. Пальм-

стедтъ издавъ много мемуаровъ о вопросахъ химіи и агрикультуры въ приложеніи къ искусствамъ; ему также обязаны за описаніе новаго галактометра. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ мемуаръ объ опытахъ, сдѣланныхъ имъ въ Англии, въ 1841 г., надъ «gum-potus electricus». Пальмстедтъ былъ директоромъ одной фабрики, устроенной нѣкогда въ Грингольмѣ, и потомъ превращенной въ пепель пожаромъ. Въ 1828 г. онъ основалъ технологическій институтъ въ Готенбургѣ, гдѣ Карлъ XIV опредѣлилъ его директоромъ. Во время своихъ ученыхъ путешествій по Англии, Германіи и Франціи, онъ всегда почерпалъ новыя познанія, чтобы держать свое любимое учебное заведеніе въ уровень съ новыми открытіями. Въ 1844 г. Шведское правительство посылало его въ Парижъ для изученія выставки промышленности.

16) *Резеншельдъ* (P. S. M. de Rosenschield, родился въ 1805 г.), докторъ философіи, профессоръ химіи въ Лундскомъ университетѣ, членъ физиографическаго общества въ томъ же городѣ. Розеншельдъ издавъ мемуаръ о температурѣ земли, и специально занимается электричествомъ, о которомъ издавъ много мемуаровъ, напечатанныхъ въ разныхъ Шведскихъ и иностранныхъ журналахъ. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ мемуаръ объ электриствѣ, происходящемъ при отдѣленіи паровъ, и изслѣдовалъ отношеніе, которое оно имѣетъ къ электричеству отъ прикосновенія. Розеншельдъ не только занимается науками, но и музыка обработывается имъ съ большимъ успѣхомъ.

17) *Сефстрёмъ* (Sefstroem), докторъ медицины, почетный профессоръ, членъ коллегіи горныхъ искусствъ и директоръ ея минералогическихъ коллекцій и комитета опытовъ, бывший директоръ горной школы въ Фалунѣ, членъ академіи наукъ и академіи военныхъ наукъ и ученаго общества въ Упсалѣ. Сефстрёмъ издавъ много мемуаровъ по минералогіи и геологіи — главныхъ, постоянныхъ предметовъ его занятій. Въ 1836 г. онъ обратилъ вниманіе Европы на лоскъ горнокаменныхъ породъ Скандинавскихъ горъ и на причины этой собственности. При геологическихъ экскурсіяхъ, бывшихъ во время конгресса 1842 г., онъ вмѣстѣ съ Берцелиусомъ былъ однимъ изъ начальниковъ ученаго каравана.

18) *Сванбергъ* (Agolphe Svanberg), докторъ философіи, профессоръ физики въ Упсальскомъ университетѣ, членъ академіи наукъ въ Стокгольмѣ и общества наукъ въ Упсалѣ и физиографическаго общества въ Лундѣ, бывший преподаватель въ высшемъ учи-

лицѣ въ Маренбергѣ. Главныя его сочиненія, наданныя въ свѣтъ и помѣщенныя въ мемуарахъ академіи наукъ, суть: сочиненіе о приложеніи гипергеометрическихъ серій, 1828 г.; анализъ пирамидъ, 1829 г.; точки замерзанія тройныхъ сочетаній свинца, олова и цинка, 1830 г.; интеграція дифференціальныхъ уравненій втораго разряда, 1833 г.; интеграція линейныхъ уравненій втораго разряда при опредѣленныхъ различіяхъ, 1839 г.; о движенія жидкостей, 1840 г. Еще два мемуара Сванберга, внесенные въ «*Nova acta regia societatis scientiarum Upsaliensis*», суть: «*De integralibus definitis disquisitiones*» (vol. X); «*De seriebus periodicis adnotationes*» (vol. XI). Сванбергъ внесъ въ фязіографическое отдѣленіе конгресса свой мемуаръ о весьма выгодной конструкціи термо-электрическихъ аппаратовъ (\*).

19) *Сванбергъ* (Lasseht-Frédérík Svanberg), докторъ философіи, членъ академіи наукъ. Сванбергъ съ успѣхомъ занимается минералогіею и химіею; онъ изслѣдовалъ отношенія между желѣзомъ и платиной въ рудѣ платины. Думаютъ, что имъ открыты сочетанія въ пропорціяхъ опредѣленныхъ. Онъ обратилъ также вниманіе на минералъ, содержащійся въ гранитѣ. Сванбергъ кромѣ-того сообщалъ свои анализы лабрадорита, находящагося въ одномъ изъ округовъ Делакарліи, и анализъ одного минерала, найденнаго подлѣ Тунаберга въ Зудерманіи, — минерала, который представляетъ свойства диваргилита, описаннаго Норденшельдомъ (\*\*).

20) *Сильестрѣмъ* (P. A. Siljeström), докторъ философіи, директоръ технологическаго института въ Норчепингѣ, членъ Французской ученой комиссіи на сѣверѣ. Сильестрѣмъ издалъ томъ, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія и наблюденія, относящіяся къ Норвегіи, особенно къ самымъ сѣвернымъ частямъ этой страны» (по метеорологіи, физикѣ и статистикѣ); также много мемуаровъ о предметахъ физики и геологіи. Онъ читалъ на конгрессѣ 1842 г.

---

(\*) Кромѣ достоинствъ ученаго человѣка, Сванбергъ считается однимъ изъ искуснѣйшихъ шахматныхъ игроковъ. На пароходѣ, перевозившемъ членовъ ученаго конгресса 1842 года изъ Стокгольма въ Упсалу, онъ сдѣлалъ партію въ шахматы, не глядя на шашки. Ему часто удавалось выигрывать вдругъ двѣ партіи, не глядя на шашечную доску. Сынъ отца, также очень извѣстнаго по этой игрѣ, онъ уже на тринадцатомъ году сдѣлалъ своему отцу шахъ-и-мать.

(\*\*) Оба Сванберга братья, дѣти Ивана Сванберга, профессора — натуралиста.

немуаръ объ опредѣленіи теплоты земли по наблюденіямъ температуры, произведеннымъ надъ холодными источниками въ Швецію и Норвегію. Постоянно слѣдя за ученымъ движеніемъ во Франціи, Сильвестрѣмъ очень хорошо понималъ всю выгоду Французской счетной системы (десятичной), а потому предложилъ членамъ конгресса употреблять въ своихъ ученыхъ трудахъ только десятичную систему вѣса и мѣры. Его предложеніе, важность котораго была оцѣнена всѣми членами конгресса, была принята генеральнымъ комитетомъ.

21) *Фрисъ* (E. Fries), профессоръ ботаники въ Упсальскомъ университетѣ, членъ академіи наукъ въ Стокгольмѣ и значительнаго числа иностранныхъ ученыхъ обществъ. Его обширныя и многочисленныя сочиненія изданы на Латинскомъ языкѣ. Фрисъ на конгрессѣ 1842 г. держалъ диспутъ о системѣ своего «herbarium portatile»; о ботанической географіи; о растеніяхъ, которыхъ больше не находятъ, и о вліяніи воздѣлыванія на растенія. Во время собранія членовъ конгресса 1842 года, въ Линнеевскомъ амфитеатрѣ въ Упсалѣ, онъ произнесъ рѣчь въ честь Линнея и науки, имъ обрабатываемой.

## II. По медицинѣ:

1) *Бергъ* (F. Th. Berg), докторъ медицины и хирургіи, бывшій приватъ-доцентъ анатоміи въ Лундскомъ университетѣ, хирургъ военнаго госпиталя въ Стокгольмѣ и главный врачъ въ воспитательномъ домѣ. Этотъ добросовѣтный практикъ есть одинъ изъ неутомимѣйшихъ анатомико-патологистовъ въ Швеціи; онъ первый ввелъ въ употребленіе въ Шведскихъ госпиталяхъ аускультацию — это могущественное средство изслѣдованія, столь блистательно возобновленное Леннекомъ, и пользу котораго признавалъ самъ Иппократъ. Бергу было поручаемо правительствомъ посѣтить главные воспитательные дома въ Европѣ. По возвращеніи своемъ, онъ настоялъ принять тѣ улучшенія, которыя самъ замѣтилъ въ другихъ странахъ относительно этой важной отрасли гражданскихъ учреждений. Будучи главнымъ докторомъ при военномъ госпиталѣ, онъ издалъ три отчета по своей медицинско-й службѣ. Его годовые отчеты по воспитательному дому, изданные



въ пользу кассы, основанной имъ на содержаніе кормилицъ этого дома, очень одобряются специально учеными людьми.

2) *Бергстрандъ* (Ch. H. Bergstrand, родился въ 1800 году), докторъ медицины и хирургіи, профессоръ хирургіи и акушерства въ Упсальскомъ университетѣ. Онъ долгое время въ Стокгольмѣ былъ первымъ слушателемъ Экстремера. Онъ читалъ на ученѣмъ конгрессѣ 1842 года мемуаръ о стеснѣніяхъ грыжи (hernies).

3) *Вальбергъ* (P. F. Wahlberg), докторъ медицины и философіи, профессоръ медицинскихъ предметовъ въ Каролинскомъ институтѣ, членъ академіи наукъ и академіи земледѣлія. Вальбергъ издалъ трактатъ по натуральной исторіи о фуражѣ (fourage) и многіе мемуары, внесенные въ собранія академіи наукъ. Онъ сообщилъ ученому конгрессу свѣдѣнія о паразитныхъ инфузоріяхъ, живущихъ въ личинкахъ и кризолидахъ другихъ животныхъ, и о пользѣ сдѣланнаго опыта уничтоженія этихъ животныхъ, которыя безъ того умножались-бы въ ужасающемъ количествѣ. Этотъ замысловатый и импровизированный трудъ, какъ говорятъ знатоки, произвелъ огромнѣйшее впечатлѣніе на конгрессѣ, вслѣдствіе важности вопроса и серьезныхъ подробностей, представленныхъ авторомъ. Онъ представилъ также описаніе и рисунокъ двухъ новыхъ видовъ пиявокъ: *s. alboruneta* въ Швеціи и *s. hypocloros* на о. Явѣ. Опытъ, сдѣланный надъ этими пиявками, совершенно удался. Вальбергъ читалъ еще третій мемуаръ — о «*libellula olympia*», найденной имъ въ большомъ количествѣ въ Остроготіи, и имѣющей обыкновеннымъ мѣстороженіемъ ей служить Африка и побережья Средиземнаго моря.

4) *Вальквистъ* (E. Wallquist), докторъ философіи и медицины, профессоръ медицинской химіи въ Упсальскомъ университетѣ. Кромѣ нѣкоторыхъ мемуаровъ, изданныхъ имъ въ ученыхъ сборникахъ, онъ принималъ участіе на конгрессѣ, въ опытахъ надъ верекисью серебра.

5) *Вистрандъ* (A. T. Wistrand), докторъ медицины и хирургіи, судебный врачъ въ Сигтунѣ, членъ общества судебныхъ врачей въ Бадѣ. Вистрандъ очень ревностенъ къ своей наукѣ; онъ издалъ: 1) Руководство къ судебной медицинѣ, въ 1838 г.; 2) Рисунокъ медико-судебныхъ вскрытій тѣлъ; 3) Опытъ о медико-судебныхъ отношеніяхъ, при слѣдствіяхъ о разныхъ родахъ насильственной смерти; 4) Трактатъ о судебной медицинѣ, въ 1842 г. Послѣ опытовъ, произведенныхъ имъ надъ утопленными животными

ми, онъ изложилъ въ журналѣ медицины и фармаціи нѣсколько пунктовъ о легочной докимозіи, въ отношеніи къ судебной медицинѣ. Онъ писалъ также о самоубійствѣ въ помѣшательствѣ, о добровольномъ самоожженіи, о публичной гигиенѣ и о судебной медицинѣ въ Швеціи. Вистрандъ читалъ на конгрессѣ 1842 г. мемуаръ о важности ранъ въ судебной медицинѣ, въ которомъ утверждаетъ, что раны должны быть признаваемы смертельными или несмертельными абсолютно, а не относительно. Нельзя, кажется, раздѣлять мнѣніе ученаго Шведа, который слишкомъ увлеченъ Французской судебной медициной, и, можетъ быть, хорошо не понявъ ея частнаго, мѣстнаго положенія, хочетъ ввести въ свою страну родъ неприменимыхъ къ ней постановленій, которыя даже во Франціи оспариваются очень многими учеными.

6) *Гвассеръ* (J. Hvasser), профессоръ теоретической и практической медицины въ Упсальскомъ университетѣ. Идеи этого профессора обширны и возвышенны. Впрочемъ, онъ постоянно въ борьбѣ съ нападками свободной печати, но очень любимъ своими воспитанниками. Его образованіе обширно; уваженіе же къ медицинѣ старца Коса простирается, можетъ быть, до крайности. Онъ читалъ нѣкогда на конгрессѣ мемуаръ о медицинской философій, олицетворенной въ его богъ — Эскулапѣ.

7) *Лёвенъ* (N. H. Loven), докторъ медицины, профессоръ теоретической медицины въ Лундскомъ университетѣ, членъ медицинскаго общества въ Стокгольмѣ и физиографическаго общества въ Лундѣ. Лёвенъ издалъ: мемуаръ о дыханіи рыбъ, амфибій и птицъ; руководство къ краткой хирургіи и ученые мемуары по физиологій, анатоміи и геологій.

8) *Лидбекъ* (Liedbeck), докторъ медицины и хирургіи, прозекторъ медицинскаго факультета въ Упсалѣ. Онъ издалъ сочиненіе о легочной чахоткѣ и вмѣстѣ, съ Жоржемъ, медицинскую гимнастику Линга. Онъ единственный практическій представитель гомеопатіи въ Швеціи.

9) *Лильевальхъ* (P. O. Liljewalch), докторъ медицины, хирургіи и философій, бывшій приватъ-доцентъ акушерства при Лундскомъ университетѣ, хирургъ королевской гвардіи, хирургъ-акушеръ акушерскаго дома Pro Patria. Лильевальхъ въ 1839—41 г. издалъ два годовые отчета, одинъ о хирургіи, другой о сифилизмѣ. Статистическія таблицы, представленныя имъ конгрессу 1842 г., по приговору совѣта общества здравія, сообщены были всѣмъ

Шведскимъ врачамъ. Онъ обвиняютъ и представляютъ результаты наблюдаеній двадцатилѣтней практической службѣ. Лильевальхъ допускаетъ употребленіе яда, но признаетъ также, что надежное средство не всегда необходимо. Цѣль, которую онъ предположилъ себѣ, представляя свои подробныя статистическія таблицы, состояла въ томъ, чтобы показать, въ какихъ формахъ и въ какихъ запутанностяхъ болѣзни леченіе специфическое предпочтительно предъ леченіемъ простымъ, съ точки зрѣнія постоянного леченія и продолженія болѣзни. Эти показанія чрезвычайно интересовали медицинскій отдѣлъ конгресса. Знатокъ одобряютъ простые и полезныя средства, употребляемыя Лильевальхомъ. Онъ былъ посланъ правительствомъ въ Парижъ (въ сороковыхъ годахъ), для изученія тамошнихъ медицинскихъ учрежденій и приобрѣтенія новыхъ свѣдѣній для науки.

10) *Норлингъ* (S. A. Norling), директоръ и первый профессоръ ветеринарной школы въ Стокгольмѣ и членъ академіи земледѣлія. Норлингъ написалъ замѣчательные мемуары о ветеринарной наукѣ, и пользуется заслуженною репутаціею умнаго и ученаго человѣка. Ветеринарное искусство обязано ему тѣмъ, что оно достигло въ Швеціи того состоянія, въ которомъ оно находится теперь, и занимаетъ мѣсто, котораго оно заслужило своею неоспоримою пользою.

11) *Понтинъ* (M. M. Pontin), докторъ медицины и хирургіи, первый почетный королевскій врачъ, членъ совѣта Общества здравія, членъ академіи наукъ и академіи земледѣлія. Понтинъ издавалъ, вмѣстѣ съ Берцелиусомъ, журналъ химическій, физическій и минералогическій; потомъ онъ одинъ издавалъ трактатъ о народной медицинѣ, который, какъ увѣряютъ знатоки, быть можетъ, не сдѣлалъ зла въ деревняхъ, но, вѣроятно, не могъ воспрепятствовать ходу эпидеміи. Понтинъ въ то-же время былъ однимъ изъ лучшихъ садоводовъ въ Швеціи. Кромѣ-того онъ былъ отличнымъ литераторомъ, и подарилъ публикѣ драгоценное описаніе путешествія, совершеннаго имъ изъ Стокгольма въ Берлинъ, чрезъ Копенгагенъ и Гамбургъ.

12) *Ретциусъ* (M. Retzius), докторъ медицины и хирургіи, почетный медикъ короля, главный хирургъ гвардіи, директоръ акушерскаго дома Pro Patria, членъ академіи наукъ и академіи военныхъ наукъ. Ретциусъ издалъ сочиненіе о военной гигиенѣ. Мемуары его объ акушерствѣ и другихъ частяхъ медицины; по-

мѣщенныя въ разныхъ журналахъ, переведены на многіе языки. Онъ всегда слѣдилъ за движеніемъ науки, и ничего замѣчательнаго изъ изданнаго въ Европѣ не осталось не принятымъ имъ къ свѣдѣнію. Ретціусъ, бывъ вице-президентомъ конгресса 1842 г., сообщилъ свое изслѣдованіе объ оболочкахъ черепа. На томъ-же конгрессѣ онъ читалъ очень интересный мемуаръ о предохранительной оспѣ въ Швеции. Въ октябрѣ 1843 г. Парижская медицинская газета перепечатаала большую часть этого сочиненія.

13) *Ретціусъ* (A. A. Retzis), докторъ медицины и хирургіи, профессоръ анатоміи и деканъ Каролинскаго института, профессоръ анатоміи въ академіи художествъ, членъ академіи наукъ, академіи военныхъ наукъ и академіи земледѣлія. Репутація ученаго, которою пользуется Ретціусъ на всемъ сѣверѣ, и слава его лекцій привлекаютъ огромное число воспитанниковъ въ Каролинскій институтъ. Ревностное попеченіе его о коллекціяхъ заведенія достойно всякой похвалы. Какъ одинъ изъ секретарей конгресса, онъ читалъ въ общемъ засѣданіи мемуаръ о формахъ черепа обитателей сѣверной Европы, а въ зоологическомъ отдѣленіи онъ объяснилъ отравленія мускуловъ переднихъ оконечностей птицъ. Онъ сообщилъ также изслѣдованія объ устройствѣ желудка рыбъ изъ породы сомовъ (*silurus*) и нѣкоторыхъ птицъ, и замѣчанія о внутренней оболочкѣ аорты морскихъ черепахъ. Въ медицинскомъ отдѣленіи онъ показалъ нѣкоторые мускулы, неописанные прежними естествоиспытателями, на шеѣ людей и млекопитающихъ, и представилъ нѣкоторыя другія важныя соображенія.

14) *Севъ* (S. F. Saeve), докторъ медицины и хирургіи, почетный врачъ короля, хирургъ флота, медикъ-инспекторъ минеральныхъ водъ въ Дьургорденѣ, врачъ при институтѣ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. За свою многостороннюю дѣятельность Севъ получилъ отъ короля медаль съ надписью: «illis quorum meruere labores». Этотъ докторъ специально занимается литотріею, и посвятилъ королю Карлу XIV, за мѣсяцъ до его смерти, трактатъ объ этомъ предметѣ. Онъ хотѣлъ читать на конгрессѣ, которому не доставало времени его выслушать, отрывокъ о врачебной силѣ электричества. Его замѣчанія были собираемы впродолженіе осмнадцати лѣтъ въ специальномъ институтѣ, учрежденномъ отъ правительства для произведенія опытовъ по этому предмету. Теперь это заведеніе болѣе не существуетъ.

15) *Хуссъ* (M. Huss), докторъ медицины и философіи, главный врачъ и профессоръ клиники въ госпиталѣ Серафимовъ, членъ академіи наукъ. Онъ долгое время слѣдовалъ курсамъ Парижскаго факультета, и одаренъ удивительною способностію и любовію къ своему искусству. Онъ издалъ мемуаръ о вліяніи, какое имѣеть патологическая анатомія на терапію. Въ 1841 г. онъ издалъ въ свѣтъ очень обширный трудъ, подъ заглавіемъ: «Перечень клиническихъ наставленій и болѣзней въ королевскомъ госпиталѣ Серафимовъ». Послѣдній отдѣлъ этого труда заключаетъ въ себѣ 106 страницъ мелкаго шрифта въ 8-ю долю листа, и шесть рисунковъ патологической анатоміи, отлично литографированныхъ г. Петерсономъ. Докторъ Хуссъ къ этому отчету присоединилъ еще большой, очень интересный статистическій очеркъ различныхъ болѣзней, которыя онъ встрѣчалъ въ госпиталѣ Серафимовъ. Если нельзя согласиться съ его носологическимъ раздѣленіемъ на возбужденія нервной системы, органовъ дыханія, аппаратовъ гастрическихъ, органовъ движенія, наружныхъ покрововъ, пищеварительныхъ органовъ и на возбужденія умственные, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать пользы обнародованія отчетовъ клиническихъ профессоровъ о состояніи больныхъ, вѣрнейшихъ ихъ попеченію. Хуссъ не первый выступилъ на этотъ путь; но немногіе изъ его собратьевъ сдѣлали это въ столь обширномъ размѣрѣ. По-крайней-мѣрѣ ему принадлежитъ честь первоначальнаго учрежденія въ Швеціи истинно-медицинской клиники, и честь распространенія, посредствомъ его наставленія, практики аускультации. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ отрывокъ изъ своего послѣдняго мемуара о тифѣ, и, какъ жаркій, можетъ быть, чрезмѣрный поборникъ патологической анатоміи, онъ былъ побѣжденъ докторомъ Бангомъ.

16) *Экстрёмеръ* (Ch. J. de Ekstroemer, родился въ 1793 году), докторъ медицины и хирургіи, главный начальникъ гражданскихъ госпиталей въ Швеціи, совѣтникъ королевскаго общества здравія, главный хирургъ госпиталя Серафимовъ, профессоръ хирургической клиники въ Каролинскомъ институтѣ, королевскій хирургъ, членъ академіи наукъ и академіи земледѣлія. Съ двадцати осьми лѣтъ онъ былъ главнымъ хирургомъ госпиталя Серафимовъ, гдѣ учредилъ первую хирургическую клинику въ Швеціи. Онъ сдѣлалъ это важное улучшеніе по возвращеніи изъ путешествія, принятаго имъ, по порученію правительства, во Францію, Англію

и Германію. Обнародованіе его ученаго путешествія бросило большой блескъ на того, кто его совершилъ. Будучи секретаремъ общества медицины въ Стокгольмѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, Экстрёмёръ каждаго года издавалъ отчетъ объ успѣхахъ медицинскихъ знаній. Какъ президентъ академіи наукъ, онъ произнесъ на конгрессѣ рѣчь, предметомъ которой была исторія госпиталя Серафимовъ. Онъ издалъ также генеральную статистику о городскихъ госпиталяхъ въ Швеціи, для обозрѣнія которыхъ онъ былъ командированъ въ 1838 и 1839 годахъ, и, благодаря его просвѣщенному попеченію, эти учрежденія въ Швеціи стоятъ теперь на высокой степени совершенства. Экстрёмёръ читалъ на конгрессѣ 1842 г. мемуаръ о сифилитическихъ болѣзняхъ въ Швеціи, съ 1825 по 1845 годъ. Этотъ мемуаръ былъ обнародованъ еще прежде конгресса, а потому не помѣщенъ въ книгѣ, посвященной увѣковѣченію воспоминанія объ этомъ ученомъ собраніи.

17) *Эллиотъ* (J. Elliot), докторъ медицины, хирургіи и философіи, медикъ-акушеръ въ родильномъ домѣ въ Стокгольмѣ, профессоръ акушерства при Каролинскомъ институтѣ. Эллиотъ преданъ болѣе практикѣ, чѣмъ теоріи. Впрочемъ, онъ заставилъ сословіе медиковъ признать трактатъ Триера объ аускультациі, и одинъ изъ первыхъ, или даже первый, обратилъ вниманіе на значеніе *speculum uteri*. Если подобныя открытія не заключаютъ въ себѣ особенной важности, то нельзя отказать имъ въ содѣйствіи движенію науки.

### III. Безъ опредѣленія специальныхъ предметовъ занятія.

1) *Акрель* (Ch. d' Akrell), генералъ-маіоръ, бывшій начальникъ корпуса инженеровъ и военныхъ географовъ, членъ академіи наукъ, командоръ ордена шпаги, составитель лучшихъ ландкартъ Швеціи.

2) *Бесковъ* (B. baron de Beskow), почетный докторъ философіи, плодовитый образованный писатель, маршалъ двора, вице-канцлеръ ордена Серафима, родился въ 1795 г. Бесковъ — членъ королевской академіи исторіи, древностей и литературы, академіи наукъ, художествъ, музыки и многихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ. Его трагедія «Эрикъ XIV» имѣла прекрасный успѣхъ и переведена на Нѣмецкій, Англійскій и Датскій языки. Его опера «Рупо», для которой музыка составлена принцемъ Оскаромъ (нынѣ король),

ниѣла также не маловажный успѣхъ. Эленшлегеръ перевелъ на Нѣмецкій и Датскій языки его трагедіи: *Torkel*, *Knuston*, *Birger* и *Gustave Adolphe*. Достаточно славы переводчика — еслибы это было нужно — чтобы показать важность оригинальныхъ произведеній; такой человѣкъ, какъ Эленшлегеръ, не позволилъ-бы въ свое время знакомиться своимъ соотечественникамъ съ посредственнымъ произведеніями. Увѣнчанный лаврами отъ многихъ академій, Бесковъ издалъ нѣсколько поэмъ; его «Воспоминанія о путешествіи въ Данію, Германію, Францію и Италію» были дважды изданы въ два года (1832—33).

3) *Бьернстерна* (M. C. de Bjerntjerna), одинъ изъ вельможъ Шведскаго королевства, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ. Со времени кампаніи 1813 и 1814 г., Бьернстерна, въ-теченіе тринадцати лѣтъ, былъ военнымъ министромъ, и не переставалъ теоретически и практически заниматься представительными формами Швеціи, ея системою налоговъ, ея финансами и системою оборотовъ. Въ 1839 году онъ издалъ политическій и статистическій очеркъ Британской имперіи въ Индіи,—сочиненіе, которое вскорѣ было переведено на многіе иностранные языки. Бьернстерна на конгрессѣ 1842 к. читалъ отрывокъ изъ обширнаго своего сочиненія: «*Indus*», въ которомъ утверждалъ, что земной рай, если можно такъ выразиться, или колыбель рода человѣческаго должна быть въ Сибири. По его мнѣнію, полярныя арктическія страны первоначально составляли обширный континентъ, и, прежде образованія Нордкапа, эти страны имѣли благорастворенную температуру. Мало-по-малу повиженіе температуры заставило народонаселеніе отойти къ югу, которое такимъ образомъ перешло на возвышенную плоскость Азіи, откуда, будто-бы, преданія всѣхъ народовъ стали распространяться по всему земному шару. Не входя въ сужденіе объ этой произвольной теоріи, нельзя однако не удивляться, что политическій человѣкъ, такъ серьезно занятый, каковъ Бьернстерна, находилъ довольно времени для ученыхъ изслѣдованій.

4) *Гильдебрандтъ* (B. E. Hildebrandt), хранитель древностей, медалей и королевскихъ музеевъ, историографъ ордена Серафима, докторъ философіи, бывшій приватъ-доцентъ нумизматики въ Лундскомъ университетѣ, безсмѣнный секретарь и членъ академій исторіи, древностей и литературы. Гильдебрандтъ издалъ мемуаръ объ Англо-Саксонскихъ монетахъ и составилъ описаніе медалей и разныхъ остатковъ древности, открытыхъ въ Скандинавіи.

5) *Груббе* (S. de Grubbe), бывший министр народнаго просвѣщенія и командоръ ордена Полярной Звѣзды. Въ первые годы своей службы онъ былъ профессоромъ философіи въ Упсальскомъ университетѣ и членомъ академіи наукъ. Какъ авторъ многихъ сочиненій по философіи и политикѣ, онъ почитается однимъ изъ лучшихъ Шведскихъ писателей.

6) *Кронстрандъ* (B. Cronstrand), капитанъ въ королевскомъ штабѣ и въ корпусѣ инженеровъ, членъ академіи наукъ. Въ молодости въ немъ замѣчали такую способность къ прикладнымъ математическимъ наукамъ, что онъ былъ уполномоченъ управлять работами большой цитадели Карльсборга на озерѣ Веттерѣ и устройствомъ цитадели (въ триста пушекъ) Куингольменъ, при входѣ въ портъ Карскроны. Онъ пробылъ тамъ до 1833 года, когда былъ посланъ въ чужіе края для изученія разныхъ системъ мостовъ, для прохода войскъ во время кампаній. Для достиженія цѣли своей поѣздки, онъ посѣтилъ многія государства Европы, потомъ отправился въ Нубію, Аравію, Малую-Азію, Турцію, Грецію и Египетъ, гдѣ оставался два года съ половиною, и гдѣ былъ опять въ 1841 году. Кромѣ мемуаровъ о разныхъ предметахъ, особенно о средствахъ къ укрѣпленію Стокгольма, которымъ Шведское правительство было занято, Кронстрандъ написалъ разсужденіе на Французскомъ языкѣ о Европейскихъ военныхъ портахъ. Замѣчательно его огромное сочиненіе объ архитектурѣ Фараоновъ. Съ удовольствіемъ можно видѣть болѣе трехсотъ рисунковъ, начерченныхъ имъ въ Египтѣ, въ виду древнихъ памятниковъ.

7) *Поппій* (S. Porpius), докторъ правъ, бывший членъ государственнаго совѣта, президентъ коллегіи коммерціи, президентъ-директоръ академіи агрикультуры, членъ академіи наукъ. Поппій отличный юрисконсультъ; онъ много и съ успѣхомъ занимается коммерціею, агрикультурою и способомъ усовершенствованія шерсти разныхъ породъ овецъ.

8) *Сталь* (Ch. Stal), инженерный полковникъ, начальникъ школы въ Карльбергѣ, преподаватель въ высшемъ артиллерійскомъ училищѣ въ Маріебергѣ, членъ академіи военныхъ наукъ. Онъ издалъ пройденные имъ курсы какъ въ Маріебергѣ, такъ и въ Карльбергѣ, по архитектурѣ, топографіи и фортификаціи. Въ сборникахъ академіи военныхъ наукъ онъ помѣщалъ мемуары объ успѣхахъ фортификаціоннаго искусства.



9) *Форзель* Ch. de Forzell), бывший адъютантъ Карла XIV, членъ академіи агрикультуры въ статистическомъ ея отдѣленіи. Онъ издалъ замѣчательную статистику Швеціи, вышедшую уже третьимъ изданіемъ и переведенную на многіе языки. Статистическіе труды относительно Швеціи и другихъ странъ — постоянный предметъ его занятій. Кромѣ-того, онъ составилъ очень хорошую ландкарту Швеціи.

10) *Фареусъ* (O. E. de Fahraeus), членъ академіи наукъ, сотрудникъ «*Synonymia insectorum*», издававшейся въ Парижѣ подъ дирекцію Шенгера. Съ-тѣхъ-поръ, какъ государственныя занятія его по министерству внутреннихъ дѣлъ нѣсколько уменьшились, онъ принялся за энтомологію, которая составляетъ любимый предметъ его занятій.

СВЯЩ. А. СЕКОЛОВЪ.



## ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

### НОВЫЯ КНИГИ,

### ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Исслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ, соч.  
*Ив. Аксакова*. Изд. на иждивеніи С. Петербургскаго купечества.  
Спб. 1858 г. in 4° стр. 383.

#### СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Болѣе или менѣе значительное раздѣленіе труда обуславливаетъ собою развитіе мѣны и составляетъ непремѣнную ея принадлежность; это истина, давно признанная наукою, освященная вѣковымъ опытомъ и не требующая дальнѣйшихъ доказательствъ въ настоящее время. Мѣна, какъ порожденіе этого раздѣленія занятій, является одновременно съ его проявленіемъ, раздѣленіе-же занятій замѣчается только тогда, когда народъ достигаетъ нѣкоторой степени своего промышленнаго развитія и, покидая патриархальныя формы производства, вступаетъ въ болѣе совершенные способы отправленія своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Тогда наступаетъ, какъ слѣдствіе этого раздѣленія труда, мѣна продуктовъ и появляется торговля какъ внутренняя, такъ и внѣшняя. Торговля внутренняя, позволяя каждому отдѣльному лицу предаваться исключительнымъ и специальнымъ занятіямъ, ничѣмъ ненарушаемымъ, даетъ ему возможность направлять болѣе производительно трудъ свой. Различія климата, почвы, естественныхъ произведеній, опредѣляющія характеръ промышленнаго движенія стра-

ны, дѣлають каждого производителя болѣе приспособленнымъ къ извѣстному роду занятія. Польза, доставляемая внутренней торговлей одной данной мѣстности, чрезъ внѣшнюю торговлю распространяеть вліяніе свое на многія страны. Различныя страны производять каждая извѣстный продуктъ, или нѣсколько ихъ, и безъ пособія внѣшней торговли, онѣ лишсны были-бы всѣхъ тѣхъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ мѣстныя естественныя условія отказали имъ. При ея-же содѣйствіи страны этого послѣдняго рода получаютъ не только продукты, необходимыя для удовлетворенія собственныхъ ихъ нуждъ, но, вывозя сырыя произведенія чуждыхъ странъ и обрабатывая ихъ, онѣ приносятъ пользу не только себѣ, но, посредствомъ обратнаго вывоза изготовленнаго матеріала, — и тѣмъ странамъ, откуда первоначально полученъ послѣдній. Такимъ образомъ открывається, что торговля какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, взаимно дополняющія одна другую, суть обильныя источники народнаго богатства.

Но относительное значеніе и важность этихъ двухъ родовъ торговли не всѣми одинаково сознаются. Начиная съ Ад. Смита, экономисты, стремившіеся разрушить заблужденія меркантилизма, впади въ крайность и въ своихъ разсужденіяхъ о значеніи внѣшняго торгога уменьшали заслуги его, въ то-же время значительно увеличивая преимущества внутренней торговли.

Когда всѣ считали богатство исключительно въ обладаніи драгоценными металлами, и для обогащенія народа стремились привлечь къ себѣ большее количество металлическихъ денегъ, публицисты и государственные люди устремили все вниманіе свое на внѣшнюю торговлю, или, лучше сказать, на одну часть ея — вывозъ произведеній. Ад. Смитъ и послѣдователи его съ удивительнымъ искусствомъ доказали ничтожество подобной теоріи и зло такого направленія. Они возстановили значеніе внутренней торговли, мало-понимаемое и недостаточно-оцѣненное прежде. Но, увлекаемые жаромъ преній, они впади, въ вѣкоторомъ смыслѣ, въ противоположную крайность и унизили значеніе международной мѣны. Современные экономисты старались согласить оба противоположныя направленія и признали, что, если въ своей совокупности и по-отношенію къ количеству и разнообразію предметовъ, внутренняя торговля большой страны имѣеть преимущество передъ торговлей внѣшней, тѣмъ не меньшимъ значеніемъ и важностію пользуется послѣдняя: не говоря уже о различныхъ продук-

тахъ, которыми она надѣляетъ страну, лишенную ихъ, она имѣетъ еще и то неоцѣнимое достоинство, что предупреждаетъ или разрушаетъ монополіи, которыя-бы неизбѣжно возникли въ странѣ. лишенной всѣхъ внѣшнихъ сношеній.

Но, признавая вполне справедливымъ вообще мнѣніе относительно одинаковой важности какъ внѣшняго, такъ и внутренняго торгова, нельзя не согласиться въ частности съ мнѣніемъ Смита о нѣкоторыхъ преимуществахъ внутренней мѣны—преимуществахъ, раздѣляемыхъ лучшими представителями современныхъ экономическихъ знаній, въ томъ числѣ Кареемъ.

Преимущества эти выражаются главнѣйше въ трехъ положеніяхъ: 1) внутренняя торговля *питаетъ*, такъ-сказать, большее количество національнаго труда; 2) она дѣлаетъ его болѣе *производительнымъ*, наконецъ 3) во внутренней торговлѣ народъ *болѣе самостоятеленъ* на рынкѣ. Промышленность можетъ быть вполне обеспечена относительно сбыта во всѣхъ мѣстахъ, внутренняго потребленія, между-тѣмъ-какъ, при внѣшней торговлѣ, она часто подвергается стѣсненіямъ и затрудненіямъ въ другихъ странахъ.

Обратимъ вниманіе на эти положенія:

I. Ад. Смитъ, въ книгѣ 2, главѣ 5 своего знаменитаго: «Исслѣдованія о богатствѣ народномъ», такъ опредѣляетъ важность и значеніе перваго положенія:

«Во всякой странѣ одинъ и тотъ-же капиталъ приводитъ въ дѣйствіе болѣе или менѣе значительное количество производительнаго труда и придаетъ большую или меньшую цѣнность продуктамъ земли и труда, смотря по различію пропорціи, въ которой онъ употребленъ въ земледѣліи, мануфактурахъ и торговлѣ.

Различіе это тоже чрезвычайно ощутительно по отношенію къ торговлѣ оптовой или розничной.

Капиталъ, служащій для покупки произведеній національной промышленности въ одномъ пунктѣ страны, для перепродажи ихъ на другомъ, представляетъ собою во всѣхъ операціяхъ подобнаго рода два различные капитала. Когда берутъ изъ складовъ торговца извѣстную цѣнность въ произведеніяхъ, то обыкновенно взамѣнъ ихъ возвращаютъ цѣнность продуктами другаго рода, по-крайней-мѣрѣ равную первымъ. Когда эти оба товара суть произведенія національной промышленности, то капиталъ замѣщаетъ во всѣхъ операціяхъ подобнаго рода два различные капитала: употреблен-

ные на уплату производительнаго труда и на поддержку его въ дѣйствиі. Капиталъ, на который куплены и посланы въ Лондонъ произведенія Шотландской промышленности и привезены въ Единбургъ хлѣбъ и другія произведенія Англійскія, занимаетъ въ этой операциі мѣсто двухъ Англійскихъ капиталовъ, употребленныхъ въ земледѣліи и мануфактурахъ Великобританіи.

Капиталъ, употребленный на покупку произведеній иностранныхъ для внутренняго потребленія, когда эта покупка сдѣлана продуктами національной промышленности, представляетъ также два различные капитала, но только *одинъ* изъ нихъ служитъ для поддержанія отечественной промышленности. Капиталъ, на который покупаются и посылаются въ Португалію Англійскія произведенія и возвращаются произведенія Португальскія въ Англію, представляетъ только одинъ Англійскій капиталъ, другой есть капиталъ Португальскій. Поэтому-то какъ-бы ни были обороты внѣшней торговли быстры сравнительно съ внутренней, они могутъ только вполнину покровительствовать національной промышленности и *питать* національный трудъ, въ чемъ и заключается важное преимущество внутренней торговли, сравнительно съ внѣшнею.

II. Второе положеніе, касающееся *производительности* самаго труда, не менѣе основательно. Всѣ операциі труда, какъ извѣстно, ограничиваются главнѣйше производствомъ сыраго матеріала и его переработкой. Слѣдовательно, если, какъ полагается, внутренняя торговля содѣлываетъ трудъ болѣе производительнымъ, то слѣдствіемъ ея должны быть или увеличеніе производства самого сыраго матеріала, или обработка бѣльшаго количества веществъ изъ данной суммы сыраго матеріала.

Вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть приведенъ къ тому: какая система дѣлаетъ болѣе производительнымъ производство сыраго матеріала—та-ли, которая имѣетъ цѣлью извлеченіе матеріаловъ въ видахъ непосредственнаго ихъ потребленія въ сосѣдствѣ самаго производства, или та, которая производитъ изъ видовъ отдаленнаго потребленія за границей? Достаточно обозначить вліяніе сосѣдства или отдаленности потребителей на сельское хозяйство, чтобы понять преимущество внутренней торговли. Эта тѣсная зависимость успѣховъ хозяйства отъ близости или отдаленности потребителей приводитъ насъ къ указанію на препятствія, которыя обнаруживаютъ свое дѣйствіе на ея преуспѣяніе. Главнѣйшее изъ

нихъ — разстояніе, отдѣляющее производителя отъ потребителя и имѣющее слѣдствіемъ расходы на передвиженіе. Торговля въ цивилизованныхъ обществахъ производится главнѣйшимъ образомъ между жителями городовъ и обитателями селъ. Городъ представляетъ рынокъ для сельскихъ произведеній, составляющихъ избытокъ мѣстнаго потребленія, на который жители деревень въ свою очередь вымѣниваютъ произведенія, имъ необходимыя. Городъ обыкновенно отстоитъ отъ деревни на извѣстное разстояніе, слѣдовательно издержки передвиженія должны составлять немаловажный элементъ цѣны продуктовъ. Хлѣбъ, напр. произрастающій на разстояніи 100 верстъ отъ города, продается на рынкѣ по той же цѣнѣ, по какой и хлѣбъ, привезенный изъ мѣстностей, отстоящихъ на 25 верстъ. Слѣдовательно собственникъ и земледѣлецъ, живущіе въ окрестностяхъ города, выигрываютъ въ цѣнѣ, по которой они продаютъ хлѣбъ, съ одной стороны всю цѣнность провоза произведенія, провезеннаго изъ дальнихъ мѣстностей, съ другой — цѣнность обратнаго вывоза купленнаго ими товара. Слѣдовательно цѣнность этого провоза прямо падаетъ на земледѣльца, живущаго въ отдаленіи, и содѣлываетъ трудъ его менѣе производительнымъ: ибо за одно и то-же количество труда, или результатъ его, — произведенія, — онъ получаетъ столько-же, сколько и другое лице, но съ тою разницею, что онъ обязанъ уплатить значительныя издержки провоза, отъ которыхъ освобожденъ производитель, находящійся въ болѣе благоприятныхъ отношеніяхъ относительно мѣстности. Далѣе, при операціи мѣны этого производительнаго труда, или его произведеній, на другой трудъ или произведенія, ясно, что все, что можно приобрѣсти на него, это такое-же количество труда или произведеній; а такъ-какъ, съ другой стороны, ясно и то, что напр. хлѣбъ съ перемѣной мѣста не приобрѣтаетъ большей питательности, и работникъ, потребляющій его въ отдаленной отъ производства мѣстности и поддерживающій имъ свои силы, не можетъ произвести болѣе, чѣмъ сколько-бы онъ произвелъ, потребляя равное количество хлѣба въ мѣстахъ близкихъ къ его производству, то изъ количества вымѣненнаго труда должны быть исключены издержки провоза; и убыль труда, или его цѣнности, происшедшая отъ обращенія части его на эти издержки передвиженія, составляетъ чистый убытокъ, уменьшая его сумму и давая возможность приобрѣсти на нее меньшее количество другихъ произведеній или другаго труда.

Такимъ образомъ, кажется, нѣтъ необходимости въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, что внѣшняя торговля, отвлекая трудъ отъ производства и обращая его на переводъ произведеній, влечетъ за собою положительную потерю, въ сравненіи съ внутренней торговлей. Чѣмъ мнѣяющіяся стороны будутъ ближе одна къ другой, тѣмъ количество товаровъ, доставляемыхъ на рынокъ, будетъ болѣе, и слѣдовательно общая сумма цѣнностей мѣны будетъ значительнѣе, а эта послѣдняя цѣль исчерпываетъ собою всякую торговлю.

III. Наконецъ третье положеніе, о которомъ мы упоминали, касается большей *самостоятельности* народа во внутренней торговлѣ. Народъ можетъ легко обезпечить свою національную промышленность въ ея сбытѣ на всѣхъ рынкахъ, открываемыхъ внутреннимъ потребленіемъ, между-тѣмъ-какъ на рынкахъ иноземныхъ онъ не всегда гарантированъ въ постоянномъ сбытѣ, который можетъ встрѣтить многоразличныя препятствія отъ разнообразныхъ причинъ, и въ-особенности отъ соперничества и запретительныхъ пошлинъ. Исторія торговли представляетъ намъ убѣдительные примѣры тѣхъ усилій, съ которыми соединено было для многихъ государствъ открытіе новыхъ рынковъ въ чужихъ земляхъ; стремленіе къ распространенію сбыта, къ расширенію торговли сопровождалось нерѣдко кровопролитными войнами, вѣковой враждой, которыя, вмѣсто-того, чтобы соединять народы, ожесточали и разъединяли ихъ.

Изъ всего сказаннаго можно придти къ заключенію, что внутренняя торговля, въ сравненіи съ внѣшней, имѣетъ нѣкоторое преимущество для страны; изъ этого-то преимущества прямо открывается огромное значеніе и важность наибольшаго ея развитія для благосостоянія страны.

Къ-сожалѣнію, развитіе это слѣдуетъ довольно медленнымъ шагомъ, и прежде чѣмъ торговля внутренняя достигнетъ нѣкакого преуспѣянія, она долго совершается въ формахъ, свидѣтельствующихъ объ ея младенществѣ и пребываетъ въ нихъ до-тѣхъ-поръ, пока благопріятныя обстоятельства не выведутъ ея изъ нихъ и не направятъ на путь, по которому она можетъ шествовать уже къ конечному своему развитію.

Патріархальныя и младенческія формы внутренней торговли суть ярмарки.

Ярмарки возникаютъ и поддерживаютъ свое существованіе: а)

только при слабомъ развитіи торговыхъ дѣлъ въ странѣ, когда спросъ и потребленіе товаровъ въ извѣстной мѣстности относительно-незначительны, и слѣдовательно не можетъ вполне обеспечить сбыта ихъ, что и препятствуетъ установленію и поддержанію постоянныхъ торговыхъ сношеній. б) Это обстоятельство есть прямое слѣдствіе слабой населенности края и отсутствія промышленныхъ и торговыхъ центровъ или городовъ. с) Но третья и главная причина возникновенія ярмарокъ и отсутствія постоянныхъ коммерческихъ связей между отдѣльными мѣстностями даннаго государства, есть отсутствіе исправныхъ путей сообщеній, которое препятствуетъ поддержанію правильной и постоянной торговли, обращая ее только во временный періодическій привозъ товаровъ въ эти мѣстности. Это обстоятельство чрезвычайно значительно: ибо всѣмъ извѣстно, и мы выше видѣли, какую существенную роль въ продажной цѣнѣ продукта играютъ издержки провоза.

Ярмарки во внутренней торговлѣ страны представляютъ значительныя невыгоды и утраты: а) онѣ причиняютъ большую потерю времени для передвиженія товаровъ, идущихъ часто изъ отдаленныхъ мѣстностей; б) эта отдаленность мѣсть сбыта отъ центровъ потребленія, не говоря уже объ издержкахъ провоза, затрудняетъ быстрое обращеніе капиталовъ, и слѣдовательно неминуемо должна имѣть слѣдствіемъ возвышеніе процента, который, составляя элементъ торговой цѣны, естественно возвышаетъ ее. с) Издержки купцовъ и слѣдовательно невыгоды потребителей, увеличиваются кромѣ-того отъ ненужнаго и совершенно бесполезнаго при другихъ обстоятельствахъ торговли, найма помѣщеній для храненія значительнаго количества товаровъ, найма людей, наблюдающихъ за ними, и другихъ, мало-производительныхъ затратъ. д) Относительно выгодъ потребителей должно замѣтить и то, что при системѣ ярмарокъ потребители часто принуждены терпѣть остановку или подвергаться медленности въ удовлетвореніи своихъ потребностей, отъ неправильнаго хода ярмарочной торговли; тому-же самому часто подвергаются и производители при сбытѣ своихъ товаровъ. е) Наконецъ ярмарки причиняютъ значительные расходы и государству, вызывая огромныя издержки на ихъ устройство и содержаніе.

Не смотря на всѣ эти невыгоды ярмарочнаго торга, въ нашемъ отечествѣ почти вся внутренняя торговля исключительно



ограничивается ярмарками, и потому ея изученіе естественно должно начаться съ изслѣдованія объ ярмаркахъ.

Еще въ 1847 г. Петербургское купечество пожертвовало 5,000 р. сер. Императорскому Русскому географическому обществу для изслѣдованія внутренней торговли Россіи, и географическое общество, согласно съ мнѣніемъ отдѣленія статистики, положило, по особо-начертанной имъ программѣ, собрать и подвергнуть ученой обработкѣ свѣдѣнія о главныхъ отрасляхъ внутренней торговли Россіи и въ то-же время, если окажется возможнымъ, произвести мѣстныя изслѣдованія въ главныхъ центрахъ ярмарочнаго движенія. Отправивъ особую экспедицію для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ въ 1853 г., оно поручило главное начальство надъ ней дѣйствительному члену своему Ивану Аксакову. Результатомъ его трудовъ явилось изслѣдованіе объ Украинскихъ ярмаркахъ.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ обзорѣннѣи главнѣйшихъ выводовъ этого изслѣдованія, считаемъ нужнымъ сказать о состояніи нашихъ статистическихъ свѣдѣній, чтобы тѣмъ съ болѣею справедливостію оцѣнить всю громадность труда, предпринятаго и блистательно исполненнаго почтеннымъ изслѣдователемъ.

Извѣстно, что всѣ вообще жалуются на сомнительность и невѣрность статистическихъ данныхъ, касающихся Россіи, и жалобы эти вполне справедливы: ибо зная, какъ составляются у насъ статистическія данныя оффиціальнымъ путемъ, нельзя ни одно изъ нихъ принять на-вѣру, не подвергнувъ строгой критикѣ. Посему, при настоящемъ положеніи дѣла, собственныя изслѣдованія частныхъ лицъ, непосредственно произведенныя ими на мѣстѣ, должны заслуживать гораздо болѣшняго вѣроятія, чѣмъ данныя, полученныя оффиціальнымъ путемъ,—что составляетъ прямое противорѣчіе съ положеніемъ подобнаго дѣла въ другихъ государствахъ, гдѣ оффиціальныя факты составляютъ главнѣйшій матеріалъ для ученой обработки. На недостатки этихъ свѣдѣній справедливо жалуется авторъ изслѣдованія: «Говорить-ли о тѣхъ трудностяхъ, замѣчаетъ онъ, съ которыми намъ приходилось бороться, при исполненіи возложенной на насъ задачи. Работа наша окончена, и теперь, въ-виду пробудившихся всюду благихъ стремленій, мы не хотѣли возбуждать непріятныя воспоминанія о томъ, что, дай Богъ, скоро исчезнетъ само собою. Отсутствие гласности, необходимость лжи, опасность правды, духовная разобщенность народа съ сословіемъ такъ-называемымъ образованнымъ, весь этотъ печаль-

ный порядокъ вещей, естественно породившій въ торговомъ классѣ скрытность, невѣжество, подозрительность, недовѣрчивость къ лицамъ дворянскаго и чиновническаго сословія, полагали намъ немовѣрныя преграды, заставили насъ испытать много тяжкихъ ощущений». Или въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ тотъ-же авторъ: «Нельзя не пожалѣть о томъ, что вѣдомости, доставляемыя полиціею или ярмарочными комитетами объ оборотахъ каждой ярмарки въ министерство внутреннихъ дѣлъ, составляются такъ небрежно, исполнены такихъ грубыхъ ошибокъ, въ каждомъ ярмарочномъ пунктѣ пишутъ ихъ на свой ладъ и образецъ и оттого почти невозможно имѣ сдѣлать общаго свода. Въ иной вѣдомости показываются отдѣльно сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, въ другой всѣ эти три товара соединены въ одну категорію, въ третьей вовсе не упоминается иной крупный товаръ, а означены только мелкіе, привозъ которыхъ не достигаетъ цифры и одной тысячи рублей. Въ иной годъ, по забывчивости, или, лучше сказать, по естественному равнодушію квартальнаго надзирателя, вовсе пропущены нѣкоторые товары, тогда-какъ они были на ярмаркѣ, да и въ вѣдомостяхъ прежнихъ лѣтъ показывались, или-же въ нынѣшнемъ году вдругъ придетъ ему въ голову поправить ошибки прежнихъ лѣтъ и включить товары дѣйствительно привозимые, но въ прежнихъ вѣдомостяхъ пропущенные. Квартальный надзиратель забылъ или вспомнилъ, а статистики ломаютъ себѣ голову и выводятъ заключеніе, что возникло требованіе на товаръ, котораго прежде и не привозилось, или въ торговлѣ замѣчается упадокъ, и т. п. ошибочные выводы».

Профессоръ Бабстъ, въ прекрасной статьѣ своей объ изслѣдованіи Аксакова («Атеней» № 37 и 38), приводитъ одинъ примѣръ, совершившійся у него предъ глазами: «Въ ...ой губерніи исправникъ, во всѣхъ отношеніяхъ почтенный человѣкъ, говоритъ онъ, обращался слѣдующимъ нецеремоннымъ образомъ со статистикою: «Присылаютъ, говоритъ онъ, мнѣ подтвержденіе о доставленіи статистическихъ свѣдѣній объ уѣздѣ. Подождутъ, не къ спѣху, думаю я. Присылаютъ недѣли черезъ двѣ еще посланіе, да и съ выговоромъ. Экъ, пристали. Были у меня на дому и лежали гдѣ-то въ бумагахъ донесеніе и статистическое свѣдѣніе объ уѣздѣ смежномъ, гдѣ я былъ три года исправникомъ. Отыскалъ, перевернулъ какъ на умъ взбрело цифры, да и отослалъ. Чтѣ-же — сошло? А вы думали нѣтъ; вѣдь это такъ только для проформы».

Съ такими-то цифрами, съ такими-то свѣдѣніями приходится бороться статистику и изъ нихъ дѣлать свои заключенія. Понятенъ трудъ и тяжкія ощущенія добросовѣстнаго человѣка, вполне уважающаго науку и честно служащаго ей. Съ другой стороны, изъ всего сказаннаго дѣлаются вполне ясны различныя выводы, какіе получаются изъ официальныхъ свѣдѣній и собственныхъ изысканій. Разницу эту относительно оборотовъ Украинскихъ ярмарокъ представляетъ и трудъ г. Аксакова. По официальнымъ свѣдѣніямъ въ 1854 году на 11 главныхъ Украинскихъ ярмарокъ было привезено товаровъ на 59,290,172 руб. сер., продано на 32,402,433 руб.; по исчисленію-же г. Аксакова, основанному на личныхъ изысканіяхъ, въ томъ-же году всѣхъ товаровъ было привезено на 127,750,000 руб., продано на 80,750,000. И замѣтимъ, что такая значительная разница произошла не отъ введенія въ счетъ какихъ-нибудь другихъ товаровъ или ярмарокъ, небывшихъ прежде въ счету, но г. Аксаковъ именно считалъ только 11 оптовыхъ ярмарокъ, о которыхъ имѣются официальные свѣдѣнія. Объясненіе этой разницы очень просто.

Русское географическое общество, поручивъ почтенному члену своему изслѣдованіе Украинской ярмарочной торговли, нашло въ немъ, по замѣчанію профессора Бабста, всѣ необходимыя качества для совершенія такого труда: тонкую наблюдательность, обширное и глубокое историческое образованіе, знаніе Россіи и, главное, ту теплую любовь къ народу, то глубокое сочувствіе къ его потребностямъ, благодаря которымъ только и можно нарисовать столь живую, исполненную величайшаго интереса картину торговаго движенія Украйны.

Вслѣдствіе этихъ-то неоцѣненныхъ для статистика качествъ, г. Аксаковъ собиралъ свѣдѣнія съ величайшимъ усердіемъ и добросовѣстностію и вполне уважая науку и сочувствуя ей, старался по-возможности достигнуть истины, о которой составители официальныхъ свѣдѣній очень мало думали и заботились. Конечно, и данныя, приведенныя въ книгѣ г. Аксакова, какъ онъ самъ сознается, недостигаютъ еще желаннаго идеала полной вѣрности; его встрѣтило то-же нерасположеніе торгующаго класса, то-же недобѣріе народа, которыя препятствовали вѣрности официальныхъ показаній; но силою своего старанія и знанія дѣла, онъ успѣлъ въ значительной степени преодолѣть эти трудности, и цифры, приведенныя имъ, представляютъ несравненно болъшую достовѣрность,

чѣмъ данныя официальныя. Онъ нашелъ нѣсколько просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ торговцевъ, которые сами собирали и сообщали автору статистическія свѣдѣнія, уже неизмѣющія того характера официальности, который препятствовалъ имъ приближаться къ истинѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ, изслѣдованіе г. Аксакова заслуживаетъ самаго полнаго и совершеннаго вниманія всѣхъ интересующихся отечественной торговлей, и потому мы теперь намѣрены представить главнѣйшія данныя, въ немъ заключающіяся.

Все изслѣдованіе г. Аксакова раздѣляется на три части: первую часть составляетъ введеніе, въ которомъ авторъ знакомитъ читателей съ общимъ видомъ Украинской ярмарочной мѣстности и всей той среды, гдѣ совершается описываемое торговое движеніе, съ характеромъ главныхъ дѣятелей и съ тѣми особенностями, которыя составляютъ существенное отличіе Украинскихъ ярмарокъ отъ Великороссійскихъ; 1-я часть заключаетъ въ себѣ описаніе каждаго ярмарочнаго пункта и каждой ярмарки въ отдѣльности, и вторая представляетъ очеркъ торговли каждымъ значительнымъ товаромъ, такъ-сказать монографію товаровъ, ихъ торговую судьбу и странствованія по всѣмъ ярмарочнымъ мытарствамъ Украины.

Имѣя въ виду, что *введеніе* составляетъ важную часть труда почтеннаго автора, мы намѣрены посвятить настоящую статью исключительно обзорѣнню данныхъ, въ немъ заключающихся.

Подъ именемъ Украинскихъ ярмарокъ разумѣется цѣль гуртовыхъ или оптовыхъ ярмарокъ на Украинѣ, смѣняющихся одна другую въ-теченіе года, принадлежащихъ къ одной системѣ и посѣщаемыхъ, за немногими исключеніями, одними и тѣми-же торговцами. Это ярмарки: Крещенская, Успенская и Покровская въ Харьковѣ, Ильинская въ Полтавѣ, Маслянская и Вознесенская въ Ромнѣ, Полтавской губерніи, Коренная въ Коренной пустынѣ Курской губерніи, Крестовоздвиженская въ Кролевецѣ, Черниговской, Введенская, въ Сумахъ, Харьковской, и Георгіевская въ Елисаветградѣ, Херсонской губерніи. Къ Украинскимъ ярмаркамъ должно отнести, по связи съ ярмаркою Ильинскою, Троицкую шерстяную ярмарку въ Харьковѣ:

Прежде всего г. Аксаковъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторической судьбы Малороссіи, дабы понять тѣ особенности, чрезвычайнаго характеристическія, которыя отличаютъ Украинскую торгов-

лю и ярмарки отъ торговли и ярмарокъ Великороссійскихъ. Малороссія, почти два вѣка сряду отбиваясь, то отъ набѣговъ Татаръ, то отъ попеченій Ляховъ, не имѣла времени заняться своимъ внутреннимъ устройствомъ и вся распалась на два сословія: на воителей и на пахарей, на казачество и на посольство.

Когда Хмельницкій окончательно расторгнулъ союзъ съ Польшей, опасность миновалась, но съ нею окончилось и призваніе къ самобытной исторической дѣятельности и славное казачество потеряло всякій живой, практической смыслъ, всякое законное право на историческое существованіе; и какъ всегда бываетъ съ отжившимъ историческимъ явленіемъ, казачество подверглось внутреннему разложенію, обратилось во вредъ родной странѣ и обагрило ее кровію.

Въ Малороссіи городского населенія почти не существовало. Не смотря на привилегіи Польскихъ королей, населеніе столпилось не въ города, а въ мѣстечки, которыя и теперь населеніемъ большей части городовъ, такъ-что въ Малороссіи городской, самобытной дѣятельности не было, даже и нѣтъ въ настоящее время, такъ-что города въ Малороссіи устроятся и возникаютъ только теперь, населенные Великороссійскими купцами. Почему-же съ прекращеніемъ браней и промышленность и торговля не возникли въ Малороссіи? Многіе объясняютъ эту безжизненность городовъ, это отсутствіе дѣятельнаго посредствующаго сословія между производителемъ и потребителемъ Малороссійскою глѣнью, происходящемъ отъ условій мѣстности, почвы и климата. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ условія мѣстности отражаются и въ характерѣ народа; но тѣ-же аналогическія условія почвы и климата дѣйствуютъ и въ другихъ странахъ, однако жители ихъ не подвергаются упреку въ глѣни. Лѣнивъ или нѣтъ Малороссъ отъ природы, рѣшить трудно, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ какъ-будто глѣнится, что онъ какъ-будто отдыхаетъ отъ совершеннаго подвига. Такъ-какъ мы сказали, что городовъ въ Малороссіи не было, казачество разсѣялось по селамъ, хуторамъ, мѣстечкамъ, и предалось мирнымъ сельскимъ занятіямъ, то казакъ не сталъ купцомъ, торговля его ограничилась продажей сельскихъ произведеній,—добычи собственныхъ трудовъ, собственной жатвы, ручнаго домашняго ремесла. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ слабомъ значеніи городскихъ центровъ и купеческаго промысла, сельскія ярмарки должны были получить для народонаселенія особую важность. Дѣлѣ

ствительно, нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ множествѣ, какъ въ Малороссіи. По официальнымъ даннымъ первыя два мѣста по числу ярмарокъ во всей Россіи принадлежатъ Харьковской и Полтавской губерніямъ, изъ которыхъ въ одной 425, а въ другой 372 ярмарки городскія и сельскія, тогда-какъ во Владимірской губерніи ихъ только 9. Но не только числомъ ярмарокъ разнится Малороссія отъ Великороссіи; самый характеръ ярмарокъ совершенно отличенъ. Малороссійская сельская ярмарка стоитъ на мѣстѣ цѣлую недѣлю или двѣ, и возобновляется на одномъ и томъ-же пунктѣ до 6-ти разъ въ годъ, переходя въ промежуточное время въ другія мѣста, такъ-что ярмарки образуютъ тысячи маленькихъ ярмарочныхъ округовъ. Тотъ-же характеръ переносится и на оптовыя ярмарки; такъ напр. въ Харьковѣ 4 ярмарки и каждая изъ нихъ продолжается около мѣсяца.

Ярмарка, которая беретъ 4 или три мѣсяца въ году съ одними и тѣми-же купцами и товарами въ одномъ и томъ-же пунктѣ, не можетъ назваться ярмаркою въ общепринятомъ смыслѣ: и сельскія и городскія ярмарки въ Украинѣ носятъ *характеръ подвижную* ходячаго рынка, вращающагося цѣлый годъ по своему округу. Разумѣется, подобное явленіе, которымъ воспользоваться и Великорусскіе торговцы и Евреи, въ сильной степени способствовало развитію въ Малороссахъ привычки къ лѣни и медленности, въ свою очередь поддерживающихъ это явленіе и донынѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть удобнѣе: сидѣть дома, зная, что не замедлитъ появиться ярмарка съ купцами, которые, и привезутъ товары и купятъ товары. Между-тѣмъ Малороссіяне нуждались въ лѣсѣ, стеклѣ, желѣзныхъ орудіяхъ и въ другихъ предметахъ, которыхъ Малороссія не производила и которые, при отсутствіи фабрикъ и заводовъ, она могла получать только изъ Россіи и Польши. Съ другой стороны она сама была богата сырыми произведеніями, въ которыхъ нуждались ея сосѣди. Но не приготовленный къ торговой суетливой дѣятельности, чуждый гражданскаго устройства сѣвера, Малороссіянинъ не только прежде, но даже и теперь не ѣздитъ самъ съ товарами и за товарами въ Великую Русь, никогда не ходитъ на заработки въ сѣверныя губерніи и если необходимость заставляеть иногда его двинуться съ мѣста, то онъ идетъ только на югъ. Поэтому Великорусскіе промышленники не стали дожидаться требованій со стороны Мало

росса, а сами явились къ нему, такъ-сказать, на домъ, соблазняя его товаромъ, избавляя его отъ хлопотъ перевозки, навязывая ему товаръ въ безсрочный кредитъ. Поэтому тысячи Русскихъ ходебщиковъ, Владимірской, Орловской и Черниговской губерній, спустились на Украину и оживили ея сельскія ярмарки. Этотъ мирный промышленный набѣгъ, это постоянное вторженіе дѣятельной, живой, Великороссійской стихіи, не только продолжается и понынѣ, но еще усиливается, съ тою разницею, что бродячее Великороссійское племя наконецъ осѣдаетъ. Такимъ образомъ вездѣ въ Малороссіи ворочаютъ торговлею фундаментальною Великорусскіе купцы, а мелочною—Евреи. Но, конечно, между этимъ огромнымъ числомъ Русскихъ купцовъ есть незначительная доля и Малороссійскихъ; потому не лишнимъ считаемъ привести мастерскую характеристику автора объ этихъ двухъ родахъ торговцевъ.

1) Въ Малороссіи нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія сословій по занятіямъ, какъ въ Россіи; тамъ небогатый панъ, казакъ-хуторянинъ, гильдейскій купецъ, мѣщанинъ — всѣ живутъ на одинъ ладъ, однимъ образомъ жизни, подходятъ подъ одинъ общій уровень образованія. У насъ быть купеческій, соприкасаясь съ высшими классами общества и въ то-же время близкій народу, отлился въ особую, своеобразную форму, которой нѣтъ въ Малороссіи.

2) Великорусскій купецъ соединяетъ въ себѣ страннымъ образомъ любовь къ подвижности съ любовью къ осѣлости. Доходы свои онъ пускаетъ въ обороты, напр. онъ охотникъ строить дома, преимущественно каменные, тогда-какъ Малороссы, даже получающіе хорошіе доходы, довольствуются своими свѣтлыми хатами, домиками деревянными или слѣпленными изъ хвороста. Русскіе купцы, если только позволяютъ средства, стараются въ мѣстахъ торговли обзавестись каменными лавками или покрыты желѣзомъ деревянныя. Замѣчательное обстоятельство: въ г. Лохвицѣ (Полт. губ.) стоитъ небольшой деревянный гостинный дворъ, который поражаетъ cadaго проѣзжаго своею крышею; въ одномъ и томъ-же ряду нѣсколько лавокъ, принадлежащихъ Русскимъ торговцамъ, крыты желѣзомъ, лавки-же Малороссійскихъ купцевъ — крыты деревомъ, такъ-что желѣзо кажется заплатою на деревянной крышѣ. Вслѣдствіе сего нѣтъ ничего печальнѣе вида настоящихъ Малороссійскихъ городовъ: Кролевецъ, въ которомъ 200 лѣтъ производится постоянный богатый ярмарочный торгъ, жалкая деревня въ сравненіи съ какимъ-нибудь

Нѣжинь и Путивль, отстоящими не дагѣ 50 верстъ; но Путивль городъ Великороссійскій, а Нѣжинъ обстроень Греками.

3) Третье существенное различіе между Великорусскимъ и Малоросскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли. Малороссіянинъ никогда почти не торгуется, а держится при продажѣ одной опредѣлительной цѣны, тогда-какъ извѣстна страсть Русскаго купца запрашивать и торговаться. Малороссіянинъ никогда *не кредитуетъ*, кромѣ рѣдкихъ исключеній, тогда-какъ вся Русская торговля основана на самомъ дерзкомъ, безумномъ кредитѣ, на самомъ отчаянномъ рискѣ.

Сдѣлавъ очеркъ характера Украинской торговли и познакомивъ читателей съ главными ея дѣятелями, который мы старались представить въ самыхъ главныхъ и крупныхъ чертахъ, опустивъ всѣ, въ высшей степени интересныя подробности, авторъ переходитъ къ историческому обзору прежней ярмарочной системы и объясняетъ, какимъ образомъ перешла она въ систему настоящаго времени. Не имѣя возможности вполнѣ приводить изслѣдованіе, ограничимся краткими указаниями на измѣненія, послѣдовавшія въ исторической судьбѣ Украины. Въ то время, когда Малороссія была дѣйствительной Украиной, т. е. пограничною страпою, когда Россія не имѣла портовъ ни въ Балтійскомъ, ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ морѣ, вся торговля Россіи съ чужими краями производилась, кромѣ Архангельска, чрезъ Украину и чрезъ Польшу. Понятно, что вся торговая дѣятельность стекалась къ границамъ и пограничныя ярмарки имѣли особое значеніе. Этими ярмарками славились тогда Кролевецъ, Ромны и Нѣжинъ. Въ Нѣжинѣ были ярмарки: Всеядная и Покровская, въ Кролевцѣ — Крестовоздвиженская, въ Ромнахъ — Вознесенская и Ильинская, въ Курскѣ — Коренная, въ Сумахъ — Сборная и Введенская.

Но съ послѣднимъ раздѣломъ Польши, а потомъ съ присоединеніемъ Бессарабіи Русская сухопутная граница отодвинулась: усиленіе Американской и Англійской мануфактурной дѣятельности и распространившееся употребленіе бумажныхъ тканей ослабили дѣятельность Германскихъ мануфактуръ; Петербургъ, Рига, Одесса перетянули всю вѣшнюю торговлю Россіи; Новороссійскій край населился, въ который переходило торговое Великорусское племя. Все это сильно подѣйствовало на Украинскую ярмарочную торговлю: Малороссія перестала быть Украиной и сдѣлалась срединною землею между Великою и Новою Россією; открылся новый рынокъ



для сбыта Русскихъ товаровъ, новый обильный рудникъ сырыхъ произведеній. Въ виду такого богатаго рынка, какимъ явился Новороссійскій край, торговая ярмарочная дѣятельность должна была подвигаться ближе къ югу. Харьковъ сталъ усиливаться, Харьковскія ярмарки пересилили всѣ прочія. Кажется, въ это время Покровская ярмарка въ Нѣжинѣ уничтожилась, и мѣсто ея заняла Покровская въ Харьковѣ. Несравненно большій еще переворотъ произвелъ тарифъ 1822 г. Этотъ знаменитый тарифъ произвелъ страшный переворотъ въ промышленномъ быту. Московская, Владимірская и Костромская губерніи образовали цѣлый мануфактурный округъ; цѣлое народонаселеніе получило иное фабричное направленіе, сотни тысячъ рукъ пришли въ движеніе и фабрики выбрасывали ежегодно массы произведеній, требовавшихъ сбыта. Украина и Новороссійскій край представились готовымъ обширнымъ рынкомъ, на него устремились взоры промышленниковъ и вся прежняя система Украинскихъ ярмарокъ замѣшалась. Значеніе ярмарочныхъ пунктовъ перестановилось. Города и ярмарки, нѣкогда сильныя торговлею иностранными товарами (Курскъ, Нѣжинъ, Коренная, Всеядная) значительно упали; напротивъ того быстро усилились тѣ ярмарки, которыя были ближе къ новому рынку. Главнымъ господствующимъ товаромъ стали красные или Русскіе мануфактурные товары. Они дали смыслъ, жизнь и направленіе всей ярмарочной торговлѣ: ярмарки получили значеніе не по отпуску мѣстныхъ сырыхъ произведеній, а по привозу товаровъ съ сѣвера. Первостатейными ярмарками стали: зимняя Крещенская и лѣтняя Ильинская. Сбытъ на всѣхъ этихъ ярмаркахъ Русскихъ мануфактурныхъ произведеній простирался на сумму 22 миліоновъ, составляя около  $\frac{1}{3}$  стоимости производства всѣхъ Русскихъ мануфактурныхъ произведеній и превышая вдвое сбытъ красныхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ. Такой характеръ получили и имѣютъ въ настоящее время Украинскія ярмарки. Прослѣдимъ теперь за движеніемъ каравановъ и торговцевъ, совершающихъ свой ежегодный круговой путь по ярмаркамъ.

Путь начинается съ Введенской ярмарки въ Сумахъ, отстоящей отъ Москвы въ 647, отъ Харькова въ 170 верстахъ. Официальные сроки ярмарки отъ 21 ноября до 6 декабря. Товары, идущіе изъ Москвы, на Крещенскую ярмарку въ Харьковъ, заѣзжаютъ сюда по дорогѣ, но ярмарка эта постоянно падаетъ и, вѣроятно, скоро совсѣмъ исчезнетъ. Съ Введенской ярмарки това-

ры идутъ въ Харьковъ, на Крещенскую ярмарку, которая начинается 6 января и продолжается мѣсяць. Крещенская — самая сильная изъ всѣхъ ярмарокъ: до 100 тысячъ подводъ, фуръ, возовъ, саней привозятъ разнообразныя товары со всѣхъ концовъ Россіи. По окончаніи Крещенской ярмарки, товары снова укладываются и длинная вереница обозовъ выступаетъ по направленію къ Ромнамъ на Маслянскую ярмарку, официальные сроки которой съ 17 по 24 февраля. Отторговавъ на Маслянской, купцы разѣзжаются по домамъ, оставляя часть товаровъ въ Ромнахъ до Вознесенской ярмарки. Нѣкоторые посылаютъ товары заранѣе въ Елисаветградъ, для Георгіевской ярмарки (21 апрѣля). Эта послѣдняя ярмарка возникла лѣтъ 25 тому назадъ; она и теперь не имѣетъ большой важности и слабѣе всѣхъ прочихъ. Съ Елисаветградской ярмарки остатки товаровъ везутся частію въ Харьковъ, а частію въ Ромны, на Вознесенскую ярмарку, которая продолжается не болѣе 10 дней. Съ этой ярмарки купцы торопятся кто въ Курень на Коренную, кто въ Харьковъ на Троицкую. Троицкая ярмарка, не смотря на свое названіе, имѣетъ опредѣленный срокъ 1 іюля. Эта ярмарка исключительно шерстяная. Коренная ярмарка начинается обыкновенно въ 9-ю пятницу послѣ пасхи и считается у купцовъ *горячею* ярмаркою, т. е. разыгрывается въ нѣсколько дней. Со времени тарифа 1822 г. Коренная ярмарка потеряла свое значеніе и уступила мѣсто Харьковскимъ ярмаркамъ, какъ болѣе цѣннымъ, близкимъ къ Новороссійскому рынку. Съ Коренной ярмарки товары спѣшатъ на обширный торгъ — на Ильинскую ярмарку въ Полтавѣ, переведенную сюда въ 1852 г. изъ г. Ромны, съ цѣлью поднять, оживить губернский городъ Полтаву. Она начинается 20 іюля и продолжается до 1 августа. Съ Ильинской ярмарки купцы идутъ въ Харьковъ на Успенскую. Срокъ Успенской ярмарки совпадаетъ съ послѣднимъ осеннимъ походомъ чумаковъ въ Крымъ за солью, куда они ѣдутъ порожнякомъ и слѣдовательно берутъ товары за весьма дешевую цѣну для доставки въ Одессу, Бессарабію и проч. Отторговавъ на Успенской ярмаркѣ, купцы вновь нагружаютъ возы и отправляются въ Кролевецъ на Крестовоздвиженскую ярмарку. Кролевецъ — это крайній ярмарочный пунктъ на западѣ, граничащій съ другою сѣверозападною системою торговли. Послѣ Кролевской ярмарки товары свозятся снова въ Харьковъ на Покровскую ярмарку, которая, начинаясь нѣсколько позже 1 октября, стоитъ цѣлый мѣсяць.

Итакъ вотъ 11 или вѣрнѣе сказать 10 оитовыхъ ярмарокъ, составляющихъ одинъ кругъ, одинъ поясъ, обхватывающій Украину. Ярмарочные пункты, стоящіе на краю этого пояса: Кролевецъ, самый крайній сѣверозападный; Курскъ или Коренная — сѣверовосточный; Харьковъ — юго-восточный; Полтава — южный. Такимъ образомъ Сумы и Ромны находятся внутри предѣловъ ярмарочнаго круга. Изъ этого краткаго обозрѣнія движенія Украинскаго рынка читатель видитъ всю невыгоду, все несовершенство ярмарочной системы торговли: сколько труда, сколько времени, сколько ломки, порчи товаровъ причиняетъ это годовое движеніе и сколько слѣдовательно влечетъ оно за собой напрасныхъ тратъ и убытковъ. Одинъ переѣздъ отъ одного ярмарочнаго пункта до другаго въ теченіе года составляетъ 2,405 верстъ. Выше мы замѣтили, что вся система Украинскихъ ярмарокъ можетъ правильнѣе назваться подвижнымъ рынкомъ. Въ настоящемъ случаѣ представляются прямыя тому доказательства. Площадь, занимаемая ярмарочнымъ кругомъ, такъ тѣсна, что эти 10 ярмарокъ составляютъ какъ-бы одинъ непрерывный торгъ, обходящій поочереды 6 ярмарочныхъ рынковъ. Въ этой ярмарочной торговлѣ замѣчается стремленіе сократить по-возможности число переходовъ, стать въ нѣкоторомъ смыслѣ осѣдлою. Оттого и возникаетъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ по нѣскольку ярмарокъ: въ Харьковѣ — три, и даже четыре, въ Ромнахъ двѣ, а было три, въ Сумахъ было двѣ.

Посмотримъ, дагѣ на движеніе товаровъ изъ разныхъ пунктовъ обширной Россіи къ ярмарочнымъ пунктамъ. Это обозрѣніе поможетъ намъ оцѣнить то вліяніе, которое оказываютъ Украинскія торжища на производительность многихъ мѣстностей нашего отечества и на зависимость ихъ отъ движенія Малороссійскихъ ярмарокъ. Съ сѣвера и съ сѣверо-востока являются главными вкладчиками Украинскихъ ярмарокъ Москва, Московская, Владимірская и Костромская губерніи, вообще мануфактурный округъ, присылающій сюда бумажныя, шелковыя, шерстяныя и льняныя издѣлія. Сверхъ-того изъ Москвы и чрезъ посредство Москвы привозятся: глиняная и фарфоровая посуда, мѣха, золотыя и серебряныя вещи и проч., изъ Нижегородской губерніи желѣзо и желѣзныя издѣлія, изъ Курской губерніи выдѣланныя кожи, свѣчи, писчая бумага, ленъ, воскъ и проч., изъ Орловской губерніи — чугуныя издѣлія, стеклянная посуда, мочаль-

ный товаръ и др., съ сѣверо-запада: изъ Смоленской губерніи—стеклянная посуда, изъ Черниговской—фарфоръ, глиняная посуда, изъ Риги—ткани и сукна, изъ Царства Польскаго—сукна, шерстяныя матеріи и галантерейный товаръ; съ юго-запада—изъ Бессарабіи вина, сливы, орѣхъ, изъ Одессы—бакалейные товары, иностранныя вина, изъ Крыма—фрукты, изъ Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерній—шкуры, шерсть и лошади; съ юго-востока: изъ Азовскаго поморья—рыба, съ Дону—тоже рыба, изъ Кизляра и Моздока—вино и чихирь, изъ Астрахани—рыбій клей и др.; съ востока изъ Воронежской губерніи—медь, воскъ, анисъ и проч.

Сама-же тѣсная площадь, на которой кружится ярмарочный торгъ, доставляетъ шпанскую шерсть, сырыя кожи, сахаръ, сахарный песокъ, табакъ, воскъ, медь и проч.

Всѣ эти разнообразныя товары, доставляемые изъ различныхъ мѣстъ Россіи, сбываются въ слѣдующіе пункты. Мѣстомъ главнаго сбыта товаровъ, привозимыхъ на Украину изъ Россіи, служатъ губерніи: Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Азовское побережье, даже до Кавказской линіи, вообще же южная часть Россіи; на востокъ сбытъ ограничивается Дономъ и нѣкоторыми уѣздами Воронежской губерніи. Товары, идущіе съ юга и запада, отправляются съ Украинскихъ ярмарокъ въ Россію, большею частію на сѣверъ и въ Ригу, немногіе товары въ Москву и къ Нижнему-Новгороду.

Изъ этого обозрѣнія видно, какой правильный и согласный съ мѣстными требованіями обмѣнъ происходитъ посредствомъ ярмарокъ между отдаленными частями обширной Россіи, какъ естественно восполняются недостатки одного края избытками другаго, какая мѣна труда и услугъ происходитъ посредствомъ внутренней торговли, помощію которой, какъ замѣчено выше, только можетъ происходить правильное раздѣленіе занятій, обусловливающее собою большую степень производительности и взаимно содѣйствующее болѣе совершенному удовлетворенію потребностей.

Изъ этого краткаго перечня движенія Украинской торговли можно вывести слѣдующія положенія:

- а) Привозъ товаровъ изъ Россіи на ярмарки превышаетъ вывозъ товаровъ съ ярмарокъ въ Россію.
- б) Дѣятельность ярмарочная и сбытъ товаровъ преимущественно направлены къ югу и юго-западу, доходя до крайнихъ предѣ-

ловъ Бессарабіи и напротивъ почти вовсе не простираются на востокъ.

Изъ этихъ положеній слѣдуетъ, что Украинскія ярмарки имѣютъ особое значеніе, какъ было показано выше, для юга Россіи и служатъ посредницами между имъ и сѣверомъ Россіи.

Сѣверъ посылаетъ туда свои произведенія и получаетъ оттуда южные продукты, хотя не въ столь значительной степени, въ какой снабжаетъ полуденные края.

Надо удивляться, повторяемъ, этому правильному естественному теченію торговыхъ дѣлъ, какъ-будто устроенному по самой строгой, напередъ обдуманной системѣ. Между-тѣмъ, все это совершилось путемъ естественнымъ, въ силу вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ дѣйствіями человѣка. Эти-то неизмѣнные, установленные самимъ Провидѣніемъ законы и служатъ для выводовъ науки, для построенія теорій, которыя, какъ доказываетъ настоящій случай и много ему подобныхъ, по этому самому, если онѣ основаны на дѣйствительныхъ фактахъ, и не могутъ быть ложны, не составляютъ порожденія фантазіи мыслителей, а суть непосредственное выраженіе, вѣрная картина явленій, совершающихся въ природѣ. На этомъ основаніи статистика, съ такимъ рѣдкимъ искусствомъ представленная, какъ настоящій трудъ, можетъ служить самымъ лучшимъ и надежнѣйшимъ матеріаломъ для конечныхъ выводовъ политической экономіи. Повторяемъ, труды подобные тому, о которыхъ мы имѣемъ счастье бесѣдовать съ читателями, вносятъ обильную дань въ сокровищницу науки и творцы ихъ заслуживаютъ самую полную, самую искреннюю признательность всѣхъ друзей ея.

Но будемъ продолжать наше изложеніе, и приведемъ прекрасныя замѣчанія автора о продавцахъ и покупателяхъ.

Почти всѣ Московскіе купцы, а также заводчики, продающіе товаръ изъ первыхъ рукъ (объ этой особенноти Украинской торговли мы скажемъ ниже), могутъ быть названы только *продавцами* въ томъ смыслѣ, что они ничего на ярмаркахъ не покупаютъ. Строго нельзя допустить и раздѣленія торговцевъ на фабрикантовъ или заводчиковъ и на купцовъ, на продающихъ товары изъ первыхъ или изъ вторыхъ рукъ. Точно также и оптовые торговцы доводятъ свою торговлю часто до такого ничтожества, что она совершенно обращается въ розничную. При разсмотрѣніи официальныхъ данныхъ, должно всегда имѣть въ виду, что назва-

ніе города, къ которому принадлежитъ купецъ, часто не имѣетъ никакой связи съ его торговлею. Такъ напр. въ спискахъ официальныхъ значатся «Бердянскіе купцы, Ейскіе купцы»; а на дѣлѣ выходитъ, что ни Бердянскій, ни Ейскій купецъ никогда въ глаза не видали этихъ городовъ. Такъ-какъ Бердянскъ и Ейскъ привилегированные города, приписавшіеся къ которымъ скорѣе достигаютъ званія почетнаго гражданства, то многіе Великороссійскіе купцы увлекаются такою выгодою и приписываются къ нимъ. Названія, присвоенныя обычаемъ нѣкоторымъ товарамъ, также могутъ ввести въ заблужденія. Напр. на каждой ярмаркѣ видѣтъ рядъ лавокъ, подъ названіемъ Суздальскаго ряда. Почти всѣ Великорусскіе купцы, торгующіе бумажными товарами, называются Суздальскими; а въ частности это названіе присвоивается товарамъ Владимірской губерніи, между-тѣмъ-какъ изъ Суздаля приѣзжаютъ только 2 купца. Не есть-ли этотъ обычай отголосокъ дальной старины, когда весь край извѣстенъ былъ народу подъ именемъ славнаго «Суздаля». Въ изслѣдованіи г. Аксакова приведено много подобныхъ тонкихъ замѣчаній о характерѣ и обычаяхъ Украинскаго торговаго, и обрисовываются живыми красками Малороссійскіе торговцы. Мы сожалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ долѣе останавливаться на этихъ интересныхъ частностяхъ, напр. на описаніи прасольскаго промысла, составляющаго замѣчательную черту Русской торговли.

Перейдемъ къ характеристикѣ покупателей.

1) *Городовой покупатель* (слово, принятое въ торговлѣ) означаетъ розничнаго купца городского, осѣдлаго, мѣстнаго. Это покупатель фундаментальный, выражаются купцы, прочный, настоящій купецъ, владѣющій большею частію недвижимою собственностію, Великорусскаго происхожденія.

2) *Евреи*. Характеристика Еврея-торговца принадлежитъ къ превосходнымъ очеркамъ торговаго люда, которые представилъ г. Аксаковъ. Еврей, говоритъ онъ, самые дѣятельные покупатели, особенно на мануфактурные, Русскіе товары, которые разносятъ по всему западному краю, даже по Бѣлоруссіи; они-же сильные покупатели и на многіе прасольскіе товары, которые отправляютъ за границу. Почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми чрезъ сухопутную границу, производится Евреями, какъ Русскими подданными, такъ и Австрійскими. Евреямъ не велѣно торговать ни на Коренной, ни на Харьковскихъ ярмаркахъ, хотя пра-

вило это и не соблюдается строго. На тѣхъ-же ярмаркахъ, на которыхъ Евреи пользуются свободнымъ правомъ купли и продажи, они придаютъ торговлѣ какое-то особое лихорадочное оживленіе, бѣгають, суетятся, снують, сопровождая каждое слово быстрыми тѣлодвиженіями, вездѣ раздается ихъ шибкій, гортанный говоръ, вездѣ на каждомъ шагу останавливаютъ они посѣтителя, съ предложеніемъ товаровъ. Евреевъ особенно много бываетъ на Ильинской ярмаркѣ; какъ саранча спускаются они на городъ, продавая товары изъ лавокъ и лавочекъ и изъ шалашей, и изъ-подъ навѣсовъ и изъ палатокъ, и оптомъ, и въ-раздробъ и на столикахъ, и въ-разноску, и на дому у жителей. Но наступаетъ шабашъ, Евреи исчезаютъ, въ городѣ мертвая тишина, торговля производится медленнѣе, спокойнѣе и безъ шума. Около каждаго оптоваго купца-Еврея толпится много мелкихъ, бѣдныхъ Евреевъ, которые берутъ товаръ и продаютъ его въ-раздробъ. Это оживленіе различной торговли усиливаетъ массу наличныхъ денегъ на ярмаркѣ: поэтому тѣ ярмарки, гдѣ торгуютъ Евреи, считаются денежными. Евреи всегда поддерживаютъ другъ друга, имѣютъ своихъ банкировъ, подрядчиковъ, извозчиковъ. Съ Великорусскими купцами они въ большихъ ладахъ. Купцы не считают ихъ опасными соперниками. Еврей часто продаетъ товаръ гораздо дешевле, чѣмъ купилъ; ему всегда нужны наличныя деньги, оборотомъ которыхъ онъ надѣется пополнить понесенный убытокъ. Купцы говорятъ: пока у Русскаго обернется рубль два раза, у Еврея онъ обернется пять разъ. Таковы особенности Еврейскихъ торговцевъ.

3) *Офени*. Это другой, не менѣ замѣчательный классъ торговцевъ. Подъ этимъ именемъ извѣстны ходебщики или разношники-крестьяне Владимірской губерніи, Ковровскаго и отчасти-Вязниковскаго уѣздовъ; они въ большомъ числѣ отправляются въ Украину, гдѣ занимаются развозкою и разноскою товаровъ преимущественно красныхъ, тоже галантерейныхъ, посуды, книгъ, по городамъ, хуторамъ, мѣстечкамъ. Ходебщики состоятъ обыкновенно при хозяевахъ. У инаго хозяина бываетъ до 8 счетовъ съ прикащиками, съ которыми онъ заключаетъ такого рода условіе: онъ даетъ ему, положимъ, тысячу на пять товару, да право кредита на хозяйское имя на такую-же сумму; сверхъ-того прикащикъ имѣетъ своего капитала тысячи три, который присоединяетъ къ общей суммѣ; барыши пополамъ, расходы общіе, но долги всѣ на одного прикащика, т.-е. все, что онъ отпустилъ въ долгъ, остаетъ

ся на его отвѣтственности. У прикащика есть помощникъ, называемый *подпомощкомъ*, и при немъ *ребята* или *молодцы*. Годовой кругъ странствованія для Владимірца начинается обыкновенно съ Покровской ярмарки: здѣсь забираютъ они у краснорядцевъ товары и по-мѣрѣ распродажи приходятъ за новыми товарами на Введенскую, Крещенскую и Масляную ярмарки. Офени пользуются до-вѣріемъ и хорошею славою.

4) *Слобожане*. Такъ называются жители Великорусскихъ старообрядческихъ уѣздовъ Черниговской губерніи. Нѣкогда знаменитые своимъ упорствомъ въ расколѣ, они нынѣ не менѣе знамениты своею промышленностію и торговлею. Слобожане ходятъ далѣе офеней въ земли Азовскаго и Черноморскаго войска, даже до Кавказской линіи. Они называются коробочниками, потому-что не ѣздятъ, а ходятъ и носятъ товаръ въ коробкахъ. У купца-хозяина бываетъ коробочниковъ до 400 человекъ, которые завѣдываются 10—20 прикащиками, такъ-называемыми счетниками. Хозяинъ, распредѣляя между прикащиками округи дѣйствій, или странствованія, имѣеть въ каждомъ округѣ *станціи* или центральныя лавки. Изъ этихъ лавокъ прикащики снабжаются товаромъ по особому условію: хозяинъ отдаетъ имъ товаръ по оцѣнкѣ, договариваясь заранѣе въ пользу, которая не бываетъ ниже 10%, назначаетъ имъ срокъ и мѣсто для отчета; при отчетѣ онъ беретъ свою договорную прибыль, а непроданный товаръ беретъ назадъ безъ вычета.

5) Къ покупателямъ должно, кромѣ-того — отнести Русскихъ и Малороссійскихъ торговцевъ, а также и Евреевъ. Имъ раздается товаръ, уже вышедшій изъ моды. Онѣ распродаютъ его тутъ-же на ярмаркахъ въ разницу, сидя на тротуарахъ, скамейкахъ, столбахъ, и приносятъ выручку купцамъ, удерживая извѣстный процентъ въ свою пользу.

Таковы особенности торга, производящагося еще на Руси. Читатель видитъ, сколько въ немъ еще остатковъ патріархальныхъ, сколько слѣдовъ младенческаго состоянія торговли, наполняющихъ собору первобытныя мѣновыя сношенія народовъ. Эти въ высшей степени тонкія и характеристическія черты, представленныя въ книгѣ г. Аксакова показываютъ, какъ далека еще наша торговля отъ того правильнаго и регулярнаго теченія, которому она слѣдуетъ въ другихъ мѣстностяхъ, опередившихъ Россію въ коммерческомъ отношеніи. Всѣ эти особенности, мелкія и ничтожныя сами по себѣ,



заклучаютъ въ себѣ глубокой смыслъ: онѣ непосредственно указываютъ на слабое вообще и малоразвитое еще общество, въ которомъ понятія даже самыя обыкновенныя и прямо относящіяся до личной пользы, стоятъ на такой слабой степени преусузданія. О Россіи — это старая истина — нельзя судить по большимъ городамъ, по промышленнымъ центрамъ, принявшимъ форму и видъ Европейскихъ городовъ; надо взглянуть во внутрь ея, проникнуть въ самое ея нѣдро, и тамъ-то откроется Русь во всей ея наготѣ, со всѣми подробностями, незамѣчаемыми для близорукаго взгляда. Поэтому-то всякое добросовѣстное, всякое исполненное любви народа описаніе Русскаго быта должно быть съ ненасытнымъ любопытствомъ встрѣчаемо каждымъ нечуждымъ интересомъ отечества, которые должны быть драгоценны для всякаго любящаго Россію.

Мы намѣрены упомянуть теперь еще объ одной особенноти ярмарочнаго Украинскаго торговаго, — особенности, имѣющей въ глазахъ нашихъ важное значеніе, которое современемъ можетъ принести нашей торговлѣ несмѣтныя выгоды, можетъ поднять ее на высокую степень совершенства — мы разумѣемъ громадное развитіе кредита между торговцами. Конечно, этотъ безумный, ничѣмъ не сдержанный кредитъ, въ настоящее время, не облеченный въ правильныя формы, ничѣмъ необуздываемый въ своемъ дѣйствіи, можетъ-быть, приносить немаловажныя невыгоды; но въ послѣдствіи, правильно организованный, облеченный въ разумныя формы, онъ, повторяемъ, не останется безъ замѣтнаго вліянія на нашу коммерцію. Важно то, что въ народѣ заключены сѣмена его, что народъ понимаетъ и сознаетъ его важность и пользу. Послушаемъ, что говоритъ почтенный изслѣдователь объ этой особенноти нашего торговаго. Мы сказали уже выше, что изъ 200 гуртовыхъ лавокъ съ красными товарами до 150 торгуютъ товаромъ изъ первыхъ рукъ. Это явленіе — ярмарочная гуртовая продажа, производимая не чрезъ посредство купцовъ, а самими производителями, изъ первыхъ рукъ, перекочевывающими въ лицѣ своихъ прикащиковъ съ ярмарки на ярмарку въ теченіе цѣлаго года, — явленіе въ высшей степени замѣчательное. Подъ вліяніемъ тарифа 1822 г. фабрики умножились и производительность мануфактурная усиливалась день-от-дня съ такою судорожною, лихорадочною дѣятельностію, что количество произведеній скоро сдѣлалось не-  
вѣрнымъ требованію, что въ свою очередь понизило цѣны

до-нельзя, т. е. если брать въ соображеніе издержки производства. При такой относительной дешевизнѣ товара фабрикантамъ приходилось брать массою, т. е. сбывать товаровъ сколько можно больше, и эта необходимость заставила ихъ высвободиться изъ-подъ зависимости и оеки купеческой, отклонить всякое лишнее посредничество между производителемъ и потребителемъ. Но и этого было мало для усиленія сбыта товаровъ. Появленіе фабрикантовъ на ярмаркахъ, продажа товаровъ изъ первыхъ рукъ, совмѣстничество производителей на безденежномъ Малороссійскомъ рынкѣ, постоянно увеличивавшаяся масса привоза, породили не только кредитъ, необуздываемый никакими банкротствами, но даже соперничество въ кредитѣ. Каждая лавка, желая привлечь къ себѣ покупателей, соперничаетъ съ другою, не большимъ или меньшимъ достоинствомъ товара, не дешевизною, ибо цѣны уравнились до низшей степени и у всѣхъ почти одинаковы, а болѣе или менѣе отважнымъ кредитомъ. Кто больше кредитуетъ, тотъ и товаровъ болѣе сбываетъ, и понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, Малороссъ, не рискующій и не кредитующій, совершенно затертъ, такъ сказать, Русскими торговцами. Фабриканты признавались г. Аксакову, что если покупатель два раза сряду забираетъ товаръ и за одинъ разъ заплатитъ сполна по кредитной цѣнѣ, а за другой и вовсе не заплатитъ, то они, конечно, не въ выгудѣ, но и не въ существенномъ убыткѣ. Такова необходимость въ подобномъ сбытѣ, что фабриканты, желая удержать за собой потребителя, не только облегчаютъ ему все способы къ покупкѣ, но и берутъ уже на себя обязанности чисто-купеческія, именно, въ каждой лавкѣ вы найдете, сверхъ издѣлій самого фабриканта, товары чужіе, купленные, которые онъ держитъ для своего покупателя, приравниваясь къ его вкусу и требованію съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ уже надобности заходить въ другую лавку. Но какимъ же образомъ держится этотъ порядокъ вещей при такомъ отчаянномъ, такъ сказать, наступательномъ кредитѣ, необеспечиваемомъ почти никакими обязательствами? Купецъ знаетъ, что настоящаго соответственнаго обезпеченія въ дѣлѣ торговаго предмета быть не можетъ, что лучшее обезпеченіе «добрая слава», которою дорожитъ торговецъ, и взаимная выгода, что злоумышленный неплательщикъ лишится кредита, а безъ кредита не двигается никакая торговля. Мы разумѣемъ здѣсь «добрую славу» не въ-отношеніи къ публикѣ, а въ-отношеніи купцовъ между собою. Конечно, слу-

чаются часто и банкротства и, кромѣ оффиціального, бываютъ банкротства и негласныя. Приходитъ срокъ раслаты; покупатель видитъ, что забралъ товару не-подъ-силу. Дѣлать нечего, является къ главному изъ своихъ кредиторовъ и объясняетъ свои несчастныя обстоятельства. Купцы большею частію отказываются отъ судебного преслѣдованія: возьмутъ копеекъ по 30 или по полтиннѣ за рубль, побранятъ и опять кредитуютъ, въ надеждѣ, что авось поправится. Росписки должниковъ или покупателей въ забранныхъ товарахъ дѣлаются или на простой бумагѣ, или въ видѣ векселей. Но весьма часто бываетъ, что и срокъ векселя прошелъ, а онъ продолжаетъ ходить, какъ денежная бумага, съ передаточными надписями, потерявъ уже всякую законную силу.

Въ такомъ-то положеніи находятся дѣла на ярмаркахъ, до такихъ-то чудовищныхъ размѣровъ развитъ кредитъ. Мы съ своей стороны повторяемъ, что это великій задатокъ будущаго преуспѣванія торговли, хотя въ современной его формѣ безумный кредитъ этотъ начинаетъ нынѣ уменьшаться и фабриканты начали умѣрять пропорцію привоза товаровъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о способахъ перевозки товаровъ на Украинскія ярмарки, чтобы затѣмъ перейти къ выводамъ о цѣнности товаровъ, обращающихся на Малороссійскихъ ярмаркахъ.

Способъ перевозки двойкій: извозничій или конный, и фурный, или воловій. Товары отправляются или чрезъ конторы транспортовъ, или чрезъ подрядчиковъ, или чрезъ самихъ извозчиковъ и чумаковъ.

Конторъ транспортовъ существуетъ вообще не много. Отправка чрезъ конторы обходится дороже обыкновеннаго способа, ибо отправляемые товары большею частію застраховываются. Безъ застраховки онѣ менѣ представляютъ для купца обезпеченія, чѣмъ отдѣльное лице подрядчика или давно-знакомый, испытанный извозчикъ. Контора дѣйствуетъ по утвержденнымъ правиламъ и уставамъ и есть уже мѣсто, такъ-сказать, оффиціальное, съ которымъ нельзя имѣть живаго дѣла, а надо наблюдать разныя формальности и въ случаѣ пропажи заводить цѣлую переписку. А купецъ нашъ не охотникъ до оффиціальныхъ тонкостей, и опять-таки, скажемъ, вслѣдствіе того, что онъ хорошо знаетъ, какова эта оффиціальность. Между-тѣмъ, конторы транспортовъ есть дѣло очень хорошее, и только отъ малой добросовѣстности, отъ излишнихъ

формальностей зависит то, что торговцы избѣгаютъ ихъ. Извозицья доставка не всегда бываетъ вѣрна. Въ 1854 году напр., по-случаю бездорожья, извозчики сложили товаръ въ разныхъ мѣстахъ по деревнямъ и селамъ, а сами ушли.

Много силъ и времени пропадаетъ даромъ, прибавляетъ авторъ изслѣдованія, въ этомъ промыслѣ; впрочемъ, такой порядокъ вещей носить уже въ себѣ самоосужденіе и долженъ неминуемо исчезнуть, но скоро-ли и когда — рѣшить трудно. Чумацкій промыселъ чрезвычайно древень и издавна сроденъ съ Малороссією и съ ея бытомъ. Любопытно внутреннее его устройство: Чумаки, отправляясь въ походъ, образуютъ изъ себя артели, избираютъ атамана и на время похода обязуются имѣть все общее, отказываются, такъ-сказать, отъ всякой личной собственности и прибыли. Отличія его отъ извозническаго промысла слѣдующія: извозчикъ ходитъ зимою и лѣтомъ, фурщикъ, или чумакъ только лѣтомъ, зимою нѣтъ подножнаго корма, воловъ своихъ онъ не подковываетъ. Извозчикъ везетъ товаръ на срокъ, фурщикъ не можетъ обязаться срокомъ, ибо въ-случаѣ ненастья волы везти не могутъ. Извозчикъ проходитъ верстъ по 50 въ сутки, волы не болѣе 30 верстъ, а иногда 15 и 10. Фурщикъ рѣдко беретъ товаръ въ «Россію», предпочитая ей свои мѣста южныя; извозчикъ отправляется хотя на край свѣта, если только увѣренъ, что для обратнаго пути найдетъ себѣ работу. За то фурный промыселъ несравненно дешевле коннаго, потому-что волы лѣтомъ питаются однимъ подножнымъ кормомъ, да и самъ чумакъ несравненно умѣреннѣе въ образѣ жизни.

Въ-заключеніе представимъ итоги ярмарочныхъ оборотовъ по оффиціальнымъ вѣдомостямъ за 1853 годъ и по собственнымъ исчисленіямъ автора, основаннымъ на личныхъ изысканіяхъ и распросахъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ:

Привезено.		Продано.	
Ильинская. . . . .	14,151,791 р.	Ильинская. . . . .	8,247,936 р.
Крещенская. . . . .	13,652,411 «	Крещенская. . . . .	9,790,563 «
Кролевецкая. . . . .	5,754,891 «	Кролевецкая. . . . .	3,492,410 «
Коренная. . . . .	5,085,806 «	Коренная. . . . .	2,125,600 «
Успенская. . . . .	5,338,770 «	Успенская. . . . .	2,071,640 «
Масляная. . . . .	4,526,680 «	Масляная. . . . .	1,976,315 «
Покровская. . . . .	4,375,338 «	Покровская. . . . .	1,365,744 «

Вознесенская, . . . . .	2,554,615 р.	Вознесенская. . . . .	1,155,845 р.
Троицкая. . . . .	1,068,170 «	Троицкая. . . . .	920,470 «
Сумская. . . . .	1,801,900 «	Сумская. . . . .	696,340 «
Елисаветградская. . . . .	979,800 «	Елисаветградская. . . . .	558,800 «
Итого. . . . .	59,290,172 «	Итого. . . . .	32,402,433 «

Для сравненія приведемъ цифры оборотовъ 4 извѣстныхъ ярмарокъ въ Россіи:

Нижегородской. . . . .	60	милліоновъ	рублей.
Ирбитской. . . . .	35	«	«
Ростовской (Ярославкой губ.). . . . .	6	«	«
Урюпинской. . . . .	6	«	«

*По собственному исчисленію автора:*

Привезено.		Продано.	
Крещенская. . . . .	40,000,000 р.	Крещенская. . . . .	25,000,000 р.
Ильинская. . . . .	30,000,000 «	Ильинская. . . . .	18,000,000 «
Успенская. . . . .	12,000,000 «	Успенская. . . . .	8,000,000 «
Коренная. . . . .	10,000,000 «	Коренная. . . . .	7,000,000 «
Покровская. . . . .	9,000,000 «	Покровская. . . . .	6,000,000 «
Кролевская. . . . .	7,500,000 «	Кролевецкая. . . . .	5,000,000 «
Масляная. . . . .	7,000,000 «	Масляная. . . . .	4,000,000 «
Вознесенская. . . . .	6,000,000 «	Вознесенская. . . . .	3,000,000 «
Сумская. . . . .	3,000,000 «	Сумская. . . . .	2,000,000 «
Елисаветградская. . . . .	2,000,000 «	Елисаветградская. . . . .	1,500,000 «
Троицкая. . . . .	1,250,000 «	Троицкая. . . . .	1,250,000 «
Итого. . . . .	127,750,000 «	Итого. . . . .	80,750,000 «

Эту значительную разницу въ цифрахъ г. Аксакова, по сравненію съ официальными, мы старались объяснить выше; кромѣ того, такъ-какъ авторъ отлагаетъ объясненіе своихъ исчисленій до слѣдующихъ частей своего труда, то и мы въ своемъ мѣстѣ поговоримъ о нихъ впослѣдствіи.

Такимъ образомъ мы кончили изложеніе введенія замѣчательнаго труда г. Аксакова, — труда, который составитъ эпоху въ статистической литературѣ нашей. Преимущественно заслуживаетъ вниманія введеніе, въ которомъ авторъ, излагая характеристическія особенности ярмарочнаго торга, представилъ живую картину торговаго движенія Украйны.

Поэтому мы почли за нужное нѣсколько подробнѣе остановиться на этой мастерской монографіи и изложенію ея посвятить

особую статью. Нашъ очеркъ не могъ передать и вполонину всего интереснаго, всего занимательнаго, что заключается въ введеніи къ изслѣдованію, не могъ передать и тѣхъ истинно-замѣчательныхъ достоинствъ, съ которыми изложены многоразличные предметы, вошедшіе въ составъ его.

Имѣя въ виду не меньшій интересъ, представляемый второю частію, гдѣ обзорѣна каждая ярмарка въ отдѣльности, и третьею, гдѣ приведены подробности о производствѣ, доставкѣ и характеристикѣ торговли каждою отраслію товаровъ, мы намѣрены изложить ихъ во второй статьѣ нашей.

Д. Ш.

## НОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ 1859 ГОДУ.

Развитіе повременной литературы принимаетъ въ Россіи постепенно бѣльшіе размѣры,—чему служитъ доказательствомъ число появившихся новыхъ журналовъ и газетъ въ три послѣдніе года, вмѣстѣ съ наступившимъ 1859 годомъ. Такъ въ 1851 году появилось у насъ 12 новыхъ періодическихъ изданій, въ 1858—17, а въ 1859 году появилось уже и появится въ скоромъ времени 31. Замѣчательно разнообразіе предметовъ, которымъ преимущественно или исключительно посвящены изданія послѣдняго года. Вотъ реестръ всѣхъ новыхъ изданій:

### а) Газеты:

- 1) Русскій дневникъ, ежедневная (въ С. Петербургѣ).
- 2) Русскій міръ, еженедѣльная (въ С. Петербургѣ).
- 3) Русская газета, еженедѣльная (въ Москвѣ).
- 4) Московскій вѣстникъ, еженедѣльная, будетъ издаваться съ апрѣля мѣсяца (въ Москвѣ).
- 5) Остзейскій вѣстникъ, выходитъ три раза въ недѣлю (въ Ригѣ).
- 6) Кронштадтская газета, выходитъ два раза въ недѣлю.
- 7) Производитель и промышленникъ, еженедѣльная (въ С. Петербургѣ).

### б) Журналы:

- 1) Русское слово, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).
- 2) Журналъ министерства юстиціи, будетъ выходить ежемѣсячно съ 1-го іюля (въ С. Петербургѣ).

3) Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, выходитъ въ два мѣсяца разъ (въ С. Петербургѣ).

4) Орелъ, будетъ выходить ежемѣсячно съ апрѣля (въ С. Петербургѣ).

5) Лѣтописи Русской литературы и древности, выходитъ въ два мѣсяца разъ (въ Москвѣ).

6) Московское обозрѣніе, критическій журналъ, выходитъ въ два мѣсяца разъ (въ Москвѣ).

7) Южный сборникъ (въ Одессѣ).

8) Разсвѣтъ, журналъ для дѣвицъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).

9) Собесѣдникъ, журналъ для дѣтей, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).

10) Дѣтскій Журналъ (въ Москвѣ).

11) Химическій журналъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).

12) Гигея, журналъ для правильной и долгой жизни, будетъ выходить съ апрѣля, ежемѣсячно (въ С. Петербургѣ).

13) Журналъ избраннаго чтенія, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, выходитъ два раза въ недѣлю (въ С. Петербургѣ).

14) Народное чтеніе, выходитъ въ два мѣсяца разъ (въ С. Петербургѣ).

15) Солдатская бесѣда, выходитъ въ два мѣсяца разъ (въ С. Петербургѣ).

16) Искра, сатирический, еженедѣльный (въ С. Петербургѣ).

17) Развлеченіе, журналъ легкаго и забавнаго чтенія, еженедѣльный (въ Москвѣ).

18) Арлекинъ, литературный и юмористическій, еженедѣльный (въ С. Петербургѣ).

19) Гудокъ, юмористическо-сатирический, еженедѣльный (въ С. Петербургѣ).

20) Архитектурный вѣстникъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).

21) Библіотека естественныхъ и математическихъ наукъ, шесть книгъ въ годъ (въ Москвѣ).

22) Ласточка, дамскій журналъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).

23) Меркурій модъ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ (въ С. Петербургѣ).



Наконецъ къ числу повремениыхъ изданій мы присоединяемъ

24) Извѣстія комитета акклиматизаціи Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, которыя ежегодно будутъ выходить (въ Москвѣ) выпусками и составлять одинъ томъ.

Съ содержаніемъ и порядкомъ выхода въ свѣтъ *девятнадцати* изъ показанныхъ здѣсь новыхъ періодическихъ изданій мы познакомили уже читателей (\*); остается исполнить тоже въ отношеніи остальныхъ *тринадцати* изданій.

1) Московскій вѣстникъ, еженедѣльная политическая и литературная газета, будетъ издаваться съ 1 апрѣля, подъ редакцію *Н Воронцова-Вельяминова*, и заключать въ себѣ три отдѣла: I) Внутреннія извѣстія. II) Извѣстія иностранныя. III) Отдѣлъ литературный. Главная цѣль изданія заключается въ томъ, во-первыхъ, чтобы своевременно сообщать читателямъ Высочайшіе указы и болѣе общія распоряженія и постановленія правительства; во-вторыхъ, доставить имъ возможность за самую дешевую цѣну слѣдить за ходомъ историческихъ событій, или за такъ-называемою политикой; наконецъ, въ-третьихъ, доставить также удовольствіе читать произведенія Русскихъ авторовъ. Въ литературный отдѣлъ «Московскаго вѣстника» войдутъ повѣсти, рассказы, стихотворенія, сценическія произведенія, критическія статьи, новости во части наукъ, искусствъ, промышленности и проч. Сверхъ того, къ газетѣ будутъ прилагаться переводы иностранныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ (\*\*).

2) Журналъ министерства юстиціи будетъ выходить въ С. Петербургѣ, съ 1 іюля, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 листовъ. Цѣль его есть изложеніе, въ возможно-полномъ объемѣ, правительственныхъ распоряженій по вѣдомству министерства юстиціи, а равно и распространеніе въ нашемъ отечествѣ практическихъ свѣдѣній по предметамъ, касающимся судебного вѣдомства, законодательства и вообще науки правовѣдѣнія. Журналъ будетъ раздѣленъ на часть официальную и часть неофициальную. Въ первой части будутъ помѣщаемы: Высочайшіе именныя указы и Вы-

(\*) См. сентябрьскую, октябрьскую и ноябрьскую книжки Ж. м. н. пр. на 1868 годъ.

(\*\*) Цѣна: въ Москвѣ — безъ доставки на домъ 3 р.; въ Петербургѣ — безъ доставки 3 р. 50 к.; съ доставкою на домъ въ Москвѣ 4 р., съ пересылкою во всѣ города имперіи 5 р.

сочайшія повелѣнія по предметамъ, относящимся собственно къ судебному вѣдомству и управленію, равно Высочайше утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта и положенія комитетовъ министровъ, Кавказскаго и Сибирскаго по дѣламъ судебнымъ; правительственныя распоряженія по сенату и по министерству юстиціи. Въ этомъ-же отдѣлѣ будутъ помѣщаемы извлеченія изъ всеподданиѣйшихъ годовыхъ отчетовъ и статистическія свѣдѣнія о дѣлахъ въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ, о личномъ составѣ по министерству и пр.—Въ неофициальной части будутъ помѣщаемы: I. Обзорѣніе отечественнаго законодательства. Изложеніе рѣшеній, которыми поясняется примѣненіе какихъ-либо законовъ. Обзорѣніе современнаго развитія иностраннаго законодательства. II. Изложеніе рѣшеній, вошедшихъ въ окончательную законную силу по дѣламъ гражданскимъ, особенно важнымъ, безъ наименованія мѣстъ и лицъ, къ которымъ они относятся. Изложеніе замѣчательныхъ рѣшеній по дѣламъ тяжбымъ и уголовнымъ въ иностранныхъ государствахъ. — III. Разсужденія по разнымъ частямъ законодательства. Библиографія юриспруденціи (\*).

3) Орелъ, учено-литературный иллюстрированный журналъ, будетъ издаваться въ С. Петербургѣ, съ апрѣля мѣсяца, подъ редакцію А. Балашевича ежемѣсячными книжками отъ 8 до 12 листовъ. Каждая книжка будетъ заключать въ себѣ два главные отдѣла: *Отдѣлъ 1-й*: 1) Ученыя статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, художествъ и промышленности. При этомъ отдѣлѣ постоянно будутъ прилагаемы политипажи для спеціальныхъ статей и рисунки замѣчательныхъ предметовъ по части церковнаго и гражданскаго зодчества, изображенія древнихъ монетъ, надписей и прочихъ предметовъ по части археологіи. 2) Стихотворенія, повѣсти, рассказы, фізіологическіе очерки изъ современной жизни, путевыя замѣтки, дневники и проч.; біографіи замѣчательныхъ артистовъ и ученыхъ, съ приложеніемъ портретовъ, а равно и оригинальныхъ музыкальныхъ произведеній. *Отдѣлъ 2-й*: 1) Юмористическіе очерки современныхъ нравовъ, иллюстрированные. 2) Фельетонъ: разные новости столичныя и провинціальныя; взглядъ на современныя событія; обзоръ Русскихъ театровъ и концертовъ. 3) Мелкія произведенія литературы, какъ-то: пѣсни, романсы, куплеты, анекдоты, эпиграммы; каррикатуры

(\*) Цѣна за годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года 6 р. сер.; съ пересылкою-же или доставкою 7 руб. 50 к. сер.

и шарады. 4) *Смѣсь*: замѣтки о явленіяхъ въ природѣ и проч.; изложеніе искусствъ и художествъ; обзоръ столичной торговли, модъ, некрологи и библиографія. Указатель открытій по всѣмъ отраслямъ наукъ и художествъ (\*).

4) Лѣтописи Русской литературы и древностей, изданіе которыхъ предпринялъ въ Москвѣ г. *Тихомировъ*, посвящаются исключительно разработкѣ исторіи Русской словесности и отечественной древности. Въ объявленіи объ изданіи этого журнала редакторъ его говоритъ слѣдующее: «Въ настоящее время исторія литературы заняла уже прочное мѣсто въ ряду наукъ *историческихъ*; она перестала быть сборникомъ эстетическихъ разборовъ немногихъ избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась, и, отрекшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле положительнаго изученія всей массы словесныхъ произведеній, поставивъ себѣ задачу уяснить историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія, — развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ. Отдѣльное литературное произведеніе эта наука перестала разсматривать, какъ явленіе исключительное, внѣ всякой связи съ другими, перестала прилагать къ нему *только* чисто-эстетическія требованія. Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко-литературныхъ источниковъ и пособій. На первый планъ начали выдвигаться литературныя произведенія, которыя даже не упоминались въ прежнихъ исторіяхъ литературы: вся исторія средневѣковой Европейской словесности создалась только въ послѣднія четыре десятилѣтія. Съ другой стороны, стараясь объяснить появленіе и значеніе извѣстнаго литературнаго произведенія въ длинной цѣпи другихъ, исторія литературы стала дорожить тѣми подробностями, которыя содѣйствуютъ уясненію этого вопроса: отсюда любовь къ полнымъ изданіямъ писателей, къ собранію біографическихъ данныхъ, къ изданію рукописей, рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ и т. п. Самое подробное и обстоятельное

---

(\*). Цѣна за годовое изданіе съ портретами, рисунками и музыкальными приложеніями 8 руб. сер. безъ пересылки; съ пересылкою и доставкою на домъ 10 р. сер., за полгода—5 р. безъ пересылки, 6 р. съ пересылкою.

изученіе народнаго быта по литературнымъ памятникамъ привело изслѣдователей къ необходимости сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея проявленіями. Какъ древніе писцы и старинные типографщики были вмѣстѣ миниатюристами и граверами, такъ и исторія литературы и письменности естественно должна была въ своемъ обширномъ развитіи сблизиться съ исторією искусства. Одинъ и тотъ-же духъ вѣтъ и въ литературѣ и въ искусствѣ,—и основательное изученіе литературныхъ идей невозможно внѣ полнаго пониманія всей области художественныхъ интересовъ эпохи: потому блистательная разработка искусства и вообще древности много способствовала объясненію и расширенію исторіи литературы. Успѣхи языковѣднія не остались въ свою очередь бѣзъ вліянія на исторію литературы. Выростая на основѣ общихъ индо-Европейскихъ преданій, народныхъ вѣрованій, языка, словесность народная можетъ быть полною понимаема только въ связи съ изученіемъ мѣологии, праздниковъ, повѣрій, обычаевъ и вообще всей обстановки народнаго быта, среди которой она возникаетъ. *Лѣтописи Русской литературы и древности* имѣютъ въ виду расширить возможности кругъ историко-литературныхъ и археологическихъ изслѣдованій, знакомя съ такими памятниками нашей литературы и древности, которые до-сихъ-поръ, не смотря на свое высокое значеніе, остаются неизданными, и составъ которыхъ не подвергался тщательному изученію по трудности пользоваться сокровищами частныхъ и общественныхъ библіотекъ и древнехранилищъ. Строго держась сравнительно-историческаго метода при изученіи литературы, журналъ помѣщаетъ на своихъ страницахъ: 1) изслѣдованія по исторіи Русской литературы и искусства; 2) изслѣдованія, относящіяся къ народнымъ преданіямъ, праздникамъ, языку, и т. п., насколько эти изслѣдованія содѣйствуютъ уясненію памятниковъ народной литературы; 3) обзорніе древности и литературъ иностранныхъ, насколько это необходимо для успѣшной разработки литературы отечественной. Такимъ образомъ журналъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. *Изслѣдованія* по исторіи Русской литературы и отечественнымъ древностямъ. Сюда входятъ и подробные критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ изъ вновь выходящихъ сочиненій, Русскихъ и иностранныхъ, по исторіи словесности и древности.

II. *Матеріалы* по исторіи литературы и древностямъ; при нихъ,

если окажется нужнымъ, будутъ помѣщаться объяснительныя замѣчанія и предисловія издателей.

III. *Библиографія и смѣсь*. Помѣщаемыя въ этомъ отдѣлѣ библиографическія извѣстія въ сущности не иное что, какъ тѣ-же критическіе разборы, но въ сокращенномъ видѣ. Въ смѣсь входятъ небольшія библиографическія и литературныя замѣтки, неизданныя произведенія и строфы поэтовъ, поправки и т. п.

Въ видѣ приложенія редакція намѣрена помѣщать краткую лѣтопись о выходѣ замѣчательнѣйшихъ книгъ и подробный обзоръ пособій по исторіи литературы, а также критическихъ и библиографическихъ статей, разсѣянныхъ по журналамъ и большею частію совершенно остающихся неизвѣстными всѣмъ, кто специально не занимался библиографіею.

Въ «Лѣтописяхъ» принимаютъ участіе слѣдующіе писатели: А. Н. Аванасьевъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Г. В. Вызинскій, К. К. Герцъ, А. В. Горскій, И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій, А. А. Котляревскій, П. П. Пекарскій, Н. А. Поповъ, А. Н. Пыпинъ, С. М. Соловьевъ.

Лѣтописи Русской литературы и древности будутъ выходить по одной книгѣ въ два мѣсяца, отъ 10—12 печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ (\*)

5) Химическій журналъ, издаваемый въ С. Петербургѣ, ежемѣсячно, подъ редакціею *Н. Соколова* и *А. Энгельгардта*, будетъ заключать въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Оригинальныя изслѣдованія Русскихъ химиковъ. 2) Переводы замѣчательнѣйшихъ химическихъ работъ, опубликованныхъ на иностранныхъ языкахъ, со вступленіемъ, содержащимъ краткія указанія на предшествовавшія работы, если это полезно для полнаго пониманія и оцѣнки работъ. 3) Болѣе или менѣе краткія извлеченія изъ всѣхъ остальныхъ химическихъ работъ, публикуемыхъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ. 4) Разборы замѣчательнѣйшихъ химическихъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ и по-возможности всѣхъ, публикуемыхъ на Русскомъ языкѣ. 5) Различныя извѣстія интересныя съ химической точки зрѣнія, какъ-то: отчеты о диспутахъ на ученой степени, указанія на статьи нашихъ специальныхъ и неспециальныхъ журналовъ, касающіяся химическихъ вопросовъ, извѣстія о

---

(\*) Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 7 руб., съ пересылкою въ другіе города 8 руб. 50 коп. сер.

вновь выходящихъ книгахъ, о цѣнахъ и достоинствахъ химиче-скихъ приборовъ и матеріаловъ, получаемыхъ какъ изъ нашихъ, такъ и изъ иностранныхъ источниковъ (\*).

б) Гигіея, журналъ для правильной и долгой жизни, основанной на началахъ естественныхъ наукъ и нравственной философіи, будетъ издаваться ежемѣсячно въ С. Петербургѣ подъ редакціею доктора *А. Ильинскаго*. Онъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) *Гигіена* (наука о сохраненіи здоровья) и *макробіотика* (наука долго жить). Сюда войдетъ приложение правилъ гигиены ко всѣмъ органамъ и отправлениямъ человѣка. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ подробно разсматриваться питательныя вещества, и напитки по ученію новѣйшей химіи, но съ *новой точки зрѣнія* способомъ и слогомъ общепонятными. Здѣсь будутъ подробно излагаться законы сохраненія здоровья и продленія жизни, а также и всѣ вредныя условія для здоровья человѣка, сокращающія его жизнь. Этотъ отдѣлъ обратитъ особенное вниманіе на *физическое образованіе дѣтей*, какъ основу ихъ здоровья и, слѣдовательно, долгой жизни. Наконецъ сюда будутъ присовокуплены: *«Наставленія относительно правильной жизни»*, по принятымъ въ журналѣ началамъ. Однимъ словомъ этотъ отдѣлъ заключитъ въ себѣ все, что, прямо или посредствомъ, можетъ относиться къ сохраненію здоровья и продленію жизни человѣка и, такимъ образомъ, составитъ полный *интересный и макробіотическій сборникъ*. 2) *Популярная физиологія*. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы объясненія процессовъ жизни нашей, само собою разумѣется, общепонятнымъ способомъ и языкомъ, такъ-чтобы читатель, понимая ясно отправления органической жизни, могъ самъ видѣть особенность и несообразность нынѣшнихъ потребностей нашего быта. Главнымъ основаніемъ этого отдѣла будутъ естественныя науки и по-преимуществу *новѣйшая химія*. 3-й отдѣлъ будетъ заниматься приложеніемъ гигиеническихъ правилъ къ нравственной и умственной жизни человѣка. Онъ займется также изложеніемъ причинъ нынѣшняго физически-болѣзненнаго состоянія рода человѣческаго, сколько требуетъ того новыи взглядъ на нынѣшнія потребности жизни. Сюда войдутъ всѣ умственныя занятія, провѣденіе времени и удовольствія, изящныя искусства въ томъ значеніи, какое

---

(\*). Цѣна 5 руб., съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и Москвѣ 6 руб., съ пересылкою въ другіе 6 руб. 50 коп.

они имѣютъ по-отношенію ихъ къ умственной состоянію человѣка. Такъ-какъ основаніе благоденствія полагается въ дѣтствѣ и юности, то этотъ отдѣлъ обратитъ особенное вниманіе на *нравственное воспитаніе юношества*. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи чисто нравственно-философскаго содержанія, сколько это необходимо для точнаго и вѣрнаго приложенія правилъ гигіены къ нравственному быту, безъ совершенства котораго невозможно благосостояніе человѣка. 4) *Библиографія и критика* по предметамъ журнала. 5) *Смѣсь*, въ обыкновенномъ журнальномъ значеніи (\*).

7) Библиотека естественныхъ и математическихъ наукъ есть собственно сборникъ сочиненій по этимъ наукамъ, а какъ появленіе въ свѣтъ этого сборника будетъ періодическое, выпусками, то онъ можетъ быть причисленъ къ журналамъ. Изданіе этого сборника предпринято студентами Императорскаго Московскаго университета, которые публиковали о своемъ предпріятіи слѣдующее объявленіе:

«Въ объявленіи не мѣсто говорить о значеніи естественныхъ наукъ. Появленіе сборника, назначеннаго преимущественно для этихъ наукъ, ясно говоритъ, что значеніе ихъ признано если не большинствомъ, то значительною долею нашего общества. Интересующійся естественными науками очень хорошо самъ понимаетъ значеніе и важность ихъ, а не интересующагося не увлечетъ никакое объявленіе. Интересующемуся естественными науками хорошо также извѣстна и вся бѣдность нашей ученой литературы по этой части. Въ-самомъ-дѣлѣ, не говоря уже о специальныхъ трудахъ по части естественныхъ наукъ, мы не находимъ ни одного руководства, которое-бы сколько-нибудь удовлетворяло своему назначенію. Мало того, мы не находимъ почти и самыхъ руководствъ. Вопли: созная столь ощутительный недостатокъ, мы рѣшились пополнить его. Но не страсть къ авторству, не жажда къ компиляціямъ руководить нами въ этомъ дѣлѣ. Мы выбрали болѣе скромную, но, какъ кажется намъ, болѣе плодотворную дѣятельность. Цѣль нашего сборника — дать въ Русскомъ переводѣ нѣ-

(\*) Цѣна: на годъ въ С. Петербургѣ безъ доставки на домъ 6 р., съ доставкой на домъ 7 р., съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 7 р. 50 к.; на полгода: въ С. Петербургѣ безъ доставки на домъ 3 р., съ доставкой на домъ 3 р. 75 коп., съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 4 руб. 50 коп.

сколько руководствъ и сочиненій по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ, не оставляя совершенно въ сторонѣ и наукъ математическихъ. Сообразно этой цѣли, сборникъ раздѣляется на семь отдѣловъ, изъ которыхъ каждымъ завѣдываетъ особый редакторъ — студентъ. Отдѣлы эти:

- 1) Физика, куда войдутъ и физическая географія и метеорологія, редакторъ Н. Раевскій.
- 2) Зоологія, куда войдутъ и физиологія и сравнительная анатомія, редакторъ Д. Соколовъ.
- 3) Ботаника, редакторъ С. Квашинъ-Самаринъ.
- 4) Химія, редакторъ Н. Лясковскій.
- 5) Геологія и минералогія, редакторъ А. Игнатовичъ.
- 6) Сельское хозяйство вмѣстѣ съ технологіей, редакторъ И. Похвисневъ.

7) Чистая математика, редакторъ Ф. Остроменцкій.

«Гг. профессеры физико-математическаго факультета, встрѣтившіе съ сочувствіемъ наше предпріятіе, изъявили свое согласіе содѣйствовать намъ словомъ и дѣломъ, и мы съ искреннею благодарностію заявляемъ объ этомъ предъ публикою. Всѣ сочиненія, которыя войдутъ въ нашъ сборникъ, назначены по ихъ указанію. Прилагаемъ списокъ этихъ сочиненій:

По отдѣлу *физики*: Физика Гано, 1848.

По отдѣлу *зоологій*: Зоологія Бурмейстера, 1856, часть 1-я. Введение въ общую зоологію Мильнь-Эдварса, 1858.

По отдѣлу *ботаники*: Ботаника Вилькома, 1-я томъ, 1856.

По отдѣлу *химіи*: Теоретическая химія Буффа, Коппа и Цамнера, 1857.

По отдѣлу *геологій*: Геологія Лейля, 1858.

По отдѣлу *сельскаго хозяйства*: Сельское хозяйство Жир. де-Бреля, обработанная Гаммою, 1854, томъ I, часть 1. — Техническая химія Пайэна, 1858.

По отдѣлу *чистой математики*: Популярная астрономія Бесселя.

«Такимъ образомъ, подписавшіеся на *Библиотечку естественныхъ наукъ* къ концу года получаютъ восемь сочиненій по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ и одно по отдѣлу наукъ математическихъ. Кромѣ того, при каждомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы мелкія статьи, представляющія современный интересъ. Это уже указываетъ на объемъ сборника. *Библиотека естественныхъ и*



*математическихъ наукъ* будетъ выходить шесть разъ въ годъ семью тетрадами не менѣе 56 печатныхъ листовъ большаго формата въ общей сложности, такъ-что полное годовое изданіе будетъ заключать въ себѣ до 350 печатныхъ листовъ (\*).

8) Весьма пріятное явленіе составляетъ газета на Русскомъ языкѣ въ Прибалтійскомъ краѣ—именно Остзейскій вѣстникъ, предпринятый г. *Иверсеномъ*. Цѣль этого изданія—доставить образованной части жителей Остзейскихъ губерній Русскую газету, заключающую въ себѣ любопытное, разнообразное, пріятное и назидательное чтеніе обо всемъ, что касается до Прибалтійскаго края и до Россіи вообще. Вотъ программа Остзейскаго вѣстника: I. *Современная лѣтопись*. Высочайшіе рескрипты, манифесты и свѣдѣнія о важнѣйшихъ законодательныхъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, выбираемые изъ лучшихъ журналовъ, въ Имперіи выходящихъ. Высочайшіе указы о лицахъ, занимающихъ важнѣйшія должности въ государствѣ. Высочайшіе указы о всѣхъ вообще чиновникахъ Остзейскихъ губерній. — II. *Новости политическія заграничныя*. Оставаясь вѣрнымъ своей цѣли—знакомить читателей своихъ преимущественно съ Россією, Вѣстникъ будетъ заключать въ себѣ однѣ лишь тѣ политическія заграничныя новости, которыя могутъ быть названы дѣйствительно-важными происшествіями нашего времени. — III. *Литература*. Повѣсти, рассказы, анекдоты, юмористическія статьи, стихотворенія и проч. оригинальные, а въ случаѣ недостатка ихъ, переведенные изъ иностранныхъ языковъ. — IV. *Смѣсь*. Общеполезныя свѣдѣнія всякаго рода, относящіяся до современныхъ наукъ, искусствъ, промышленности, открытій, изобрѣтеній, ремеслъ, заводовъ, фабрикъ, навигаціи, путей сообщенія и проч. Новѣйшія необыкновенныя происшествія въ Россіи, имѣющія какой-либо интересъ. Извѣстія о торжествахъ, народныхъ увеселеніяхъ и публичныхъ представленіяхъ всякаго рода и т. п. — V. *Корреспонденція*. Краткіе отвѣты на письма, адресуемыя къ редактору Вѣстника до дѣлажь, собственно до этой газеты относящимся. — VI. Объявленія всякаго рода, подаваемые въ редакцію Вѣстника для публикаціи. Повременныя извѣстія о торговыхъ цѣ-

---

(\*) Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 42 тетрадей, въ Москвѣ и въ Петербургѣ 12 руб. 50 коп. сереб., съ пересылкою и доставкою на домъ 14 руб. сереб.

нахъ, состоящихъ на провіантъ и фуражъ и прочіе товары. сырые и громоздкіе, въ главнѣйшихъ городахъ губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской «Остзейскій вѣстникъ» выходитъ три раза въ недѣлю (\*).

9) Съ февраля издается въ Кронштадтѣ газета, которая и называется Кронштадтскою газетою. Въ составъ ея входятъ: 1) Извлечения изъ приказовъ морскаго, военно-сухопутнаго и гражданскаго вѣдомствъ о чинахъ флота и портовъ Балтійскаго моря, войскъ и гражданскихъ учреждений, въ Кронштадтѣ находящихся, и о тѣхъ чинахъ главныхъ управленій, которые имѣютъ въ Кронштадтѣ подвѣдомственныхъ имъ лицъ; 2) объявленія правительственныхъ распоряженій, помѣщеніе которыхъ въ газетѣ признано будетъ нужнымъ со стороны мѣстнаго начальства; 3) объявленія таксъ, установленныхъ на жизненные припасы и предметы въ Кронштадтѣ и окрестныхъ мѣстахъ; 4) объявленія гидрографическихъ свѣдѣній; 5) свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ военныхъ и коммерческихъ судовъ, равно, по-возможности, извѣстія о слѣдованіи судовъ, отошедшихъ изъ Кронштадта или идущихъ туда изъ другихъ портовъ; 6) свѣдѣнія о привезенныхъ въ Кронштадтъ или вывезенныхъ оттуда товарахъ, о цѣнахъ за фрахтъ, буксированіе судовъ и прочія мѣстныя торговыя извѣстія; 7) историческія и статистическія свѣдѣнія о Кронштадтѣ, о флотѣ Балтійскаго моря и краткія указанія на новости по части мореплаванія, наукъ, искусствъ и промышленности; 8) мелкія статьи для легкаго чтенія, преимущественно имѣющія мѣстный интересъ; 9) мѣстныя частныя объявленія. Газета выходитъ по средамъ и субботахъ.

10) Въ засѣданіи 27 мая, состоящій при Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитетъ акклиматизаціи опредѣлилъ: сообщать время-отъ-времени о ходѣ акклиматизаціи за границею особыми прибавленіями къ запискамъ комитета, подъ именемъ «Извѣстій комитета акклиматизаціи Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства». Редакцію этихъ «Извѣстій» комитетъ поручилъ директору орнитологическаго отдѣленія комитета, уполномоченному Парижскимъ обществомъ акклиматизаціи, профессору *Калиновскому*. Редакція «Извѣстій», увѣдомивъ объ этомъ новомъ расширеніи дѣ-

(\*) Цѣна: съ доставкою по почтѣ 7 р. с., безъ доставки 5 р. с.

тельности комитета иностранных общества акклиматизации, съ просьбою о содѣйствіи, получила до сего времени статьи и обѣщанія постоянного сотрудничества: отъ *Герена-Меневиля* — секретаря совѣта Парижскаго общества акклиматизации, *Эриста Кауфмана* — вице-президента Прусскаго общества акклиматизации, барона *Герье де-Дюмаста* — генеральнаго секретаря общества акклиматизации въ Нанси, *Роберта Эттеля* — президента Герлицкаго общества куроводства и друг. По опредѣленію комитета, «Извѣстія» ежегодно будутъ выходить томомъ, раздѣленнымъ на нѣсколько выпусковъ, и заключать въ себѣ: 1) Обзорѣніе дѣятельности иностранныхъ обществъ акклиматизации. 2) Обзорѣніе зоологическихъ садовъ. 3) Обзорѣніе иностранной сельскохозяйственной орнитологической литературы. 4) Смѣсь.—Въ то время, какъ записки комитета будутъ сообщать о трудахъ Русскихъ акклиматизаторовъ, «Извѣстія» будутъ дополнять ихъ указаніемъ на труды заграничныхъ дѣятелей на этомъ полезномъ поприщѣ. Такимъ образомъ оба эти органа комитета будутъ служить необходимымъ пополненіемъ одинъ другому, доставляя членамъ комитета и всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ акклиматизации возможность слѣдить за современными успѣхами ея какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границей.

11) Меркурій модъ, изданіе котораго предпринялъ г. *Шеваръ*, будетъ заключать въ себѣ слѣдующее: 1) Гравюры модъ мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ, съ техническими объясненіями. 2) Выкройки (*Patrons*) натуральной величины для мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ, съ техническими объясненіями. 3) Лѣтопись модъ; моды мужскія, дамскія и дѣтскія; внутреннія и заграничныя новости, по всѣмъ отраслямъ моды; открытія, усовершенствованія въ домашнемъ хозяйствѣ, убранствѣ домовъ и жилищъ и т. п. 4) Беллетристика; мелкія повѣсти, рассказы и стихотворенія; путешествія, біографіи и историческіе очерки; статьи объ изящныхъ искусствахъ; анекдоты. 5) Указатель модъ; цѣны разныхъ модныхъ вещей; адреса замѣчательныхъ магазиновъ, съ необходимыми свѣдѣніями объ ихъ торговлѣ и производительности; преісь-куранты разныхъ магазиновъ, портныхъ военныхъ и статскихъ, портныхъ дамскихъ и дѣтскихъ, золотошвейныхъ заведеній и проч. Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяць (\*).

(\* ) Цѣна: съ доставкою на домъ 10 р., съ пересылкою 12 р. с.

12) Вотъ программа предпринятаго въ Москвѣ г. Загѣскимъ ежемѣсячнаго Дѣтскаго журнала: 1) *Измѣнная словесность*, гдѣ въ формѣ повѣстей и разсказовъ будутъ помѣщаемы художественныя произведенія отечественнаго слова; также стихотворенія и памятники народной литературы — сказки, пѣсни, преданія и легенды. 2) *Науки*. Популярное, дѣтскому возрасту доступное изложенеіе замѣчательнѣйшихъ явленій природы, событій всеобщей и Русской исторіи, также описанія дѣтства и воспитанія великихъ людей, извѣстныхъ какъ въ сферѣ мысли и литературы, такъ и на поприщѣ государственной дѣятельности; кромѣ-того біографіи исторически-знаменитыхъ женщинъ, особенно Русскихъ. 3) *Искусства*. Общедоступное описаніе художественныхъ произведеній великихъ мастеровъ въ архитектурѣ, живописи и ваяніи, также ясное изложенеіе различныхъ древностей; руководія и полезныя ремесла; описаніе дѣтства и воспитанія художниковъ. 4) *Путешествія*, гдѣ будутъ описаны разнообразныя мѣстности вообще всего земнаго шара и въ частности Русскія, также нравы и обычаи, вѣрованія и внѣшняя сторона жизни различныхъ племенъ, или этнографія и міеологія. 5) *Педагогика*. Здѣсь изложены будутъ общедоступно правила какъ физическаго, такъ и нравственнаго развитія дѣтей. 6) *Критика и бібліографія* дѣтскихъ книгъ, руководствъ и различныхъ учебниковъ. 7) *Смѣсь*. Анекдоты о замѣчательныхъ лицахъ, новѣйшія ученныя открытія и интересныя извѣстія (\*).

13) Юмористическо-сатирическій журналъ Гудокъ предполагаетъ помѣщать въ своихъ листахъ въ-особенности сатирическія размышленія о нравахъ, обычаяхъ, предрассудкахъ, порокахъ и проч. и посвятить особый отдѣлъ юмористическому обзору Русской журналистики (\*\*).

Ознакомивъ съ новыми періодическими изданіями, укажемъ на перемѣны, послѣдовавшія въ составѣ или порядкѣ выхода въ свѣтъ прежнихъ изданій. а) Редакція Экономическаго указателя съ настоящаго года ввела въ составъ своего изданія *общее политическое обозрѣніе*, котораго не доставало ему для

---

(\*) Цѣна: въ Москвѣ 6 р., въ С. Петербургѣ 7 р., съ перес. въ другіе города Россійской имперіи 8 р. сер.

(\*\*) Цѣна: для жителей С. Петербурга и Москвы — на три мѣсяца 1 р. 25 к., на годъ 4 р., для иногородныхъ на годъ — 5 р.

доставленія читателямъ полноты сужденія о народно-хозяйственныхъ явленіяхъ, и *оцутреннія извѣстія*, заключающія въ себѣ разсказы объ отечественныхъ событіяхъ разнаго рода, которые дадутъ болѣе возможности обсудить и взвѣсить значеніе и дѣйствіе многихъ хозяйственныхъ мѣръ и распоряженій. Сверхъ-того, съ цѣлію дать возможность каждому открыть свои нужды и прискаты къ нимъ средства, въ-особенности имѣя въ виду промышленниковъ и молодежь, ищущую честнаго труда, принимаются для напечатанія въ *Указателѣ* извѣщенія о разныхъ предметахъ запроса и сбыта въ области промышленности и торговли, и о воспитанникахъ промышленно-учебныхъ заведеній, предлагающихъ свои услуги, и т. п. Наконецъ, вмѣсто совершенно свободнаго размѣщенія статей, введены постоянныя для нихъ отдѣлы, облегчающіе для читателя присканіе желаемаго. По поводу сихъ дополненій, съ настоящаго года журналъ получилъ названіе — *Указатель политико-экономическій*. — б) *Экономистъ*, который издается въ видѣ постояннаго приложенія къ *Указателю*, будетъ выходить въ числѣ шести книжекъ въ годъ. — в) Къ *Вѣстнику естественныхъ наукъ* прибавленъ новый отдѣлъ, въ которомъ будутъ помѣщаемы извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и разборы замѣчательнѣйшихъ естественно-историческихъ сочиненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ объемъ *Вѣстника* увеличился: вмѣсто двухъ номеровъ въ мѣсяцъ, онъ будетъ издаваться ежемѣсячно книжками въ 8 печатныхъ листовъ, съ политипажамн. — г) Для *Москвы*, до сего времени не имѣвшей ежедневной политической газеты, превращеніе съ настоящаго года *Московскихъ* (универс.) вѣдомостей въ ежедневную газету составляетъ событіе замѣчательное. — д) Вслѣдствіе обилія матеріаловъ и нежеланія разбивать обширныя сочиненія на два года, редакція *Русской бесѣды* рѣшилась издавать оную въ 1859 году не въ четырехъ, а въ шести томахъ. — е) Книжки *Атенея*, съ цѣлію устранения по-возможности частаго перерыва статей, стали являться не еженедѣльно, а по два раза въ мѣсяцъ.

О продолженіи изданія журналовъ *Общезанимательный вѣстникъ* и *Мода*, остановившихся далеко до истеченія 1858 года, объявленій не было, и потому оба эти изданія можно считать прекратившимися.

Затѣмъ слѣдовало-бы вывести общій итогъ повременныхъ изданій, которыя выходятъ и имѣютъ выходить въ свѣтъ въ те-

кущемъ году; но мы прежде обратимся къ замѣчаніямъ на статью нашего журнала: «Современныя изданія въ Россіи съ 1858 году», напечатаннымъ въ Библиографическомъ указателѣ за прошедшій годъ (№ 15), съ полною благодарностію употребимъ эти замѣчанія въ дѣло и въ то-же время, въ исполненіе желанія составителя сихъ замѣчаній и слѣдующаго за ними «Списка періодическихкихъ изданій (журналовъ и газетъ), выходящихъ въ Россійской имперіи въ 1858 году», предложимъ свои замѣтки какъ на эти замѣчанія, такъ и на списокъ періодическихкихъ изданій.

Съ перваго взгляда разница между числомъ періодическихкихъ изданій 1858 г. по списку Журнала м. н. пр. (204) и по списку Библиограф. записокъ (242), покажется весьма значительною, особенно если изъ нашего списка исключить еще нѣсколько изданій, о прекращеніи которыхъ редація не имѣла свѣдѣній. Но эта разница весьма сократится, если изъ списка Библиограф. записокъ устранить тѣ изданія, которыя, по нашему мнѣнію, не могутъ быть почитаемы періодическими даже и не въ строгомъ смыслѣ этого слова. Намъ кажется, что едва-ли будетъ правильно вносить въ такой списокъ, напр., отдѣльныя изданія сочиненій Русскихъ или иностранныхъ писателей въ Русскомъ переводѣ, выдаваемые по частямъ, хотя и подъ общимъ заглавіемъ. А между-тѣмъ мы находимъ въ упомянутомъ списокѣ слѣдующія изданія: «Историки и публицисты новѣйшихъ временъ», изд. при *Отечественныхъ запискахъ*; «Историческая библіотека», изд. при *Современникѣ*; «Русская сельско-хозяйственная библіотека», изд. А. Рязина; «Библіотека для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ», изд. *Смирдина*.

Далѣе въ нашемъ списокѣ не значится нѣсколькихъ изъ тѣхъ изданій ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, которыя показаны въ списокѣ Библиограф. записокъ. Въ этомъ случаѣ, имѣя въ виду, что не всѣ общества издають свои труды и записки непременно ежегодно, мы внесли въ нашъ списокъ только такія изъ сихъ изданій, на появленіе которыхъ въ-теченіе года можно разсчитывать, на основаніи періодическаго появленіе ихъ въ предшешіе годы. Внесеніе въ списки періодическихкихъ изданій такихъ трудовъ ученыхъ обществъ, которые появляются не ежегодно, можетъ затруднить позднѣйшихъ библиографовъ: ибо, на основаніи сихъ списковъ, можетъ быть предполагаемо существованіе сихъ трудовъ и за тѣ годы, въ ко-

торые они вовсе не выходили въ свѣтъ, особенно если этия трудамъ не ведется счета томами. Вотъ почему между прочими мы не внесли въ нашъ реестръ «Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей», которыхъ въ-теченіе десяти лѣтъ вышло только три тома и которыя съ 1853 не появлялись. По такой-же причинѣ не показаны также «Nouveaux mémoires de la société impériale des naturaliste de Moscou», «Beiträge zur Kenntniss des Russische Reiches», «Этнографическій» и «Статистическій» Сборники Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Шесть изданій Императорской академіи наукъ, которыя выходили въ свѣтъ подъ названіемъ *Mélanges*, мы не сочли нужнымъ включать въ нашъ списокъ потому, что это суть не что иное, какъ сборники изъ особыхъ оттисковъ тѣхъ-же самыхъ статей, которыя входятъ въ составъ двухъ Бюллетеней академіи, показанныхъ въ нашемъ спискѣ подъ №№ 202 и 203.

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя относятся собственно до состава списка періодическихъ изданій за 1858 годъ, помѣщеннаго въ Библиограф. запискахъ. Что-же касается библиографическихъ достоинствъ этого списка, то онъ отличается крайнею исправностію (\*), которая много способствовала намъ привести въ надлежащій порядокъ нижеслѣдующій нашъ списокъ изданій на 1859 годъ.

Вообще въ настоящемъ году въ Россіи, на Русскомъ и другихъ языкахъ, издается уже и будетъ издаваться: газетъ, вѣдомостей и листковъ 123, журналовъ и повременныхъ изданій ученыхъ обществъ 134.

#### НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ:

##### Въ С. Петербургѣ:

##### а) Газеты и вѣдомости.

- 1) С. Петербургскія сенатскія вѣдомости. Выходятъ еженедѣльно по вторникамъ и пятницамъ.

---

(\*) Замѣтимъ только, что журналъ *Чтеніе для солдатъ* издавался въ 1858 году подъ редакціею не И. Чекарева, а А. Гейрота. Въ заглавіи подъ № 74 (*Verhandl. der Russ. Kaiserl. Gesell.*), вѣроятно, есть типографскій пропускъ, и нужно разумѣть *Труды Имп. Русс. минералогическаго общества*, которыхъ въ спискѣ не значится.

- 2) С. Петербургскія сенатскія объявленія по судебнымъ и другимъ дѣламъ. Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ и четвергамъ.
- 3) С. Петербургскія сенатскія объявленія о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ на недвижимыя имѣнія. Выходятъ еженедѣльно по средамъ и субботамъ.
- 4) Духовная бесѣда, издаваемая при С. Петербургской духовной семинаріи. Еженедѣльное изданіе.
- 5) С. Петербургскія (академическія) вѣдомости. Газета политическая и литературная, — ежедневная. Редакторъ *А. Очкинъ*.
- 6) Русскій инвалидъ. Газета военная, — ежедневная. Редакторъ *Лебедевъ 3-й*.
- 7) Русскій дневникъ. Ежедневная газета. Редакторъ *П. Мельниковъ*.
- 8) Русскій міръ. Политическая, общественная и литературная газета. Выходитъ еженедѣльно подъ редакцію *В. Стоюнина*. Издатель *Я. Писаревъ*.
- 9) Коммерческая газета. Выходитъ четыре раза въ недѣлю. Редакторъ *Небольсинъ*. При ней издается С. Петербургскій прейсъ-курантъ.
- 10) Производитель и промышленникъ. Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ *Н. Лебедевъ*.
- 11) Вѣдомость главнымъ товарамъ, къ С. Петербургскому порту привозимымъ.
- 12) Земледѣльческая газета. Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ *Заблоцкий-Деятоскій*.
- 13) Газета лѣсоводства и охоты. Еженедѣльная. Редакторъ *П. Коноплинъ*.
- 14) Листокъ для всѣхъ. Газета реальныхъ знаній, промышленности, хозяйства, домоводства и общедоступной медицины. Редакторъ и издатель *В. Буришевъ*.
- 15) Посредникъ промышленности и торговли. Телеграфическія торговыя извѣстія изъ Лондона, Ливерпуля, Амстердама, Роттердама, Гамбурга, Берлина и пр. Выходитъ ежедневно, а иногда два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Издатель и редакторъ *С. Усовъ*.
- 16) С. Петербургскія губернскія вѣдомости. Еженедѣльные.



- 17) Вѣдомости С. Петербургской городской полиціи. Ежедневныя. Редакторъ *Е. Огородниковъ*.
- 18) Мѣсячная вѣдомость С. Петербургской городской распорядительной думы о справочныхъ цѣнахъ.
- 19) Недѣльная вѣдомость С. Петербургской городской думы о справочныхъ цѣнахъ.
- 20) Сѣверная пчела. Газета политическая и литературная, — ежедневная. Редакторы *Н. Грець* и *Буларинъ*.
- 21) Русскій художественный листокъ. Выходитъ три раза въ мѣсяцъ. Издатель *В. Тиммъ*.
- 22) Журналъ для акціонеровъ. Выходитъ еженедѣльно. Издатель-редакторъ *К. Трубииковъ*.
- 23) Золотое руно. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ *И. Бочаровъ*.
- 24) Иллюстрація. Всемирное обозрѣніе. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ *В. Зотовъ*, издатель *А. Бауманъ*.
- 25) Другъ здравія. Врачебная газета. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ *Пеликанъ*.
- 26) Протоколы засѣданій Общества Русскихъ врачей въ С. Петербургѣ. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ, кромѣ лѣтнихъ каникулярныхъ мѣсяцевъ, когда не бываетъ засѣданій.

б) Журналы и изданія ученыхъ обществъ.

- 27) Христіанское чтеніе, издаваемое при С. Петербургской духовной академіи. Ежемѣсячный.
- 28) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. Ежемѣсячный. Редакторъ *А. Никитенко*.
- 29) Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *Варадиновъ*.
- 30) Журналъ министерства государственныхъ имуществъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *В. Безобразовъ*.
- 31) Журналъ министерства юстиціи. Ежемѣсячный. Редакторъ *А. Троицкій*.
- 32) Ученыя записки по II-му Отдѣленію Императорской академіи наукъ. Выходятъ безсрочно, выпусками. Редакторъ *И. Срезневскій*.
- 33) Извѣстія Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности. Выходятъ безсрочными выпусками подъ редакцію *И. Срезневскаго*.

- 34) Журналъ мануфактуръ и торговли, издаваемый отъ департамента мануфактуръ и внешней торговли. Ежемѣсячный. Редакторъ *Львовскій*.
- 35) Военный журналъ, издаваемый военно-ученымъ комитетомъ. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца.
- 36) Журналъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца.
- 37) Горный журналъ или собраніе свѣдѣній о горномъ и соляномъ дѣлѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ открытій по наукамъ, къ сему предмету относящимся. Ежемѣсячный.
- 38) Инженерный журналъ, издаваемый инженернымъ отдѣленіемъ военно-ученаго комитета. Выходитъ чрезъ каждые три мѣсяца. Редакторъ *Минутъ*.
- 39) Артиллерійскій журналъ. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца.
- 40) Записки военно-топографическаго депо. Выходятъ безсрочно.
- 41) Морской сборникъ, издаваемый отъ морскаго ученаго комитета. Ежемѣсячный. Издатель *Зеленый*.
- 42) Военный сборникъ. Ежемѣсячный. Издаваемый по Высочайшему повелѣнію при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Редакторъ *Меньковъ*.
- 43) Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества, издаваемый подъ редакцію секретаря Общества *Н. Ламанскаго*. Ежемѣсячный.
- 44) Записки Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Безсрочныя.
- 45) Записки Императорскаго археологическаго Общества. Безсрочныя.
- 46) Извѣстія Императорскаго археологическаго Общества. Выходятъ безсрочными выпусками.
- 47) Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества. Выходитъ безсрочно. Редакторъ *И. Савельевъ*.
- 48) Извѣстія восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества. Выходятъ безсрочно, подъ редакціей *И. Савельева*.
- 49) Военно-медицинскій журналъ, издаваемый медицинскимъ департаментомъ военнаго министерства. Ежемѣсячный.

- 50) Журналъ для чтенія воспитанниковъ, военно-учебныхъ заведеній. Выходитъ книжками два раза въ мѣсяцъ.
- 51) Чтеніе для солдатъ. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца. Редакторъ *Гейротъ*.
- 52) Народное чтеніе. Шесть книжекъ въ годъ. Редакторы *А. Оболонскій* и *Г. Щербачевъ*.
- 53) Солдатское чтеніе. Шесть книжекъ въ годъ. Редакторъ и издатель *А. Погоскій*.
- 54) Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества. Выходятъ ежемѣсячно. При нихъ издаются въ видѣ особаго прибавленія :
- 55) Экономическія Записки. Выходятъ еженедѣльно.
- 56) Журналъ коннозаводства и охоты. Ежемѣсячный. Редакторъ *Граевскій*.
- 57) Журналъ общепользныхъ свѣдѣній. Вѣстникъ наукъ искусствъ, промышленности, ремеслъ, рукодѣлій, домашняго хозяйства и всякаго рода полезныхъ знаній. Ежемѣсячный.
- 58) Городской и сельскій строитель, механикъ и технологъ. Ежемѣсячный. Издатель и редакторъ *А. Николаевъ*.
- 59) Архитектурный вѣстникъ. Журналъ архитектуры, искусствъ и строительной механики. Выходятъ ежемѣсячно. Редакторъ академикъ *А. Жуковскій*.
- 60) Рисовальщикъ. Журналъ рисунковъ-образцовъ по части техническихъ искусствъ и предметовъ домашняго быта, съ объяснительнымъ текстомъ. Выходитъ четыре раза въ годъ. Издатель *К. Шнейдеръ*.
- 61) Записки ветеринарной медицины. Практическій журналъ для ветеринаровъ, кавалеристовъ, коннозаводчиковъ и сельскихъ хозяевъ. Шесть книжекъ въ годъ. Редакторъ *А. Боссе*.
- 62) Библіотека медицинскихъ наукъ. Ежемѣсячно выходитъ пять выпусковъ. Издатель-редакторъ *М. Лань*.
- 63) Химическій журналъ, ежемѣсячный. Редакторы *Н. Соколовъ* и *А. Энгельгардтъ*.
- 64) Гигея, журналъ для правильной и долгой жизни, основанный на началахъ естественныхъ наукъ и нравственной философіи. Редакторъ *А. Ильминскій*.
- 65) Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Выходитъ въ два мѣсяца разъ. Редакторъ и издатель *Н. Калачовъ*.

- 66) Библиотека для чтенія. Журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и модъ. Ежемѣсячный. Редакторы *А. Дружининъ* и *Ө. Писемскій*, издатель *Печаткинъ*.
- 67) Современникъ. Литературный журналъ. Выходитъ ежемѣсячно. Издается *И. Панаевымъ* и *Н. Некрасовымъ*.
- 68) Отечественныя записки. Учено-литературный журналъ. Ежемѣсячный. Редакторъ и издатель *А. Краевскій*.
- 69) Русское слово. Литературно-ученый журналъ издаваемый графомъ *Гр. Кушелевымъ-Безбородко* подъ его-же редакцію вмѣстѣ съ *Я. Полонскимъ*.
- 70) Сынъ отечества. Журналъ политическій, ученый и литературный. Еженедѣльный. Редакторъ *А. Старчевскій*.
- 71) Орелъ. Журналъ учено-литературный, иллюстрированный. Будетъ выходить ежемѣсячно съ апрѣля мѣсяца, подъ редакцію *А. Богушевича*.
- 72) Семейный кругъ. Журналъ литературы, искусствъ, технологий, промышленности, хозяйства и охоты. Ежемѣсячный.
- 73) Драматическій сборникъ. Выходитъ чрезъ два мѣсяца.
- 74) Указатель политико-экономическій. Статистическій и промышленный журналъ, издаваемый подъ редакцію *И. Вернадскаго*. При немъ издается, какъ постоянное приложение:
- 75) Экономистъ, шесть книгъ въ годъ.
- 76) Свѣтопись. Художественный журналъ. Ежемѣсячный. Издатель *Оже*.
- 77) Кавказцы, или подвиги и жизнь замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Редакторъ и издатель *С. Новоселовъ*.
- 78) Живописный сборникъ. Ежемѣсячный. Издатели *А. Плюшаръ* и *В. Генкель*.
- 79) Живописная Русская библиотека. Выходитъ еженедѣльно. Издатель и редакторъ *К. Полевой*.  
При ней издается прибавленіе, подъ заглавіемъ:  
Современная иностранная литература.
- 80) Музыкальный и театральныи вѣстникъ. Еженедѣльный. При немъ издается ежемѣсячно, отдѣльными книжками:  
Собраніе театральныхъ піесъ и репертуаръ Русской сцены.
- 81) Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разска-

- зовъ въ переводѣ на Русскій языкъ. Ежемѣсячное. Редакціею завѣдуетъ *Алматовъ*.
- 82) Шехеразада. Журналовъ романовъ и повѣстей. Еженедѣльный. Редакторъ *А. Сомовъ*.
- 83) Звѣздочка. Журналь для дѣтей, посвященный воспитанницамъ институтовъ Ея Императорскаго Величества. Ежемѣсячный. Издательница *А. Ниммова*.
- 84) Лучи. Журналь для дѣвицъ. Ежемѣсячный. Издательница *А. Ниммова*.
- 85) Журналь для дѣтей. Духовное, нравственное, историческое, естествоописательное и литературное чтеніе, посвященное Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ и издатель *М. Чистяковъ*.
- 86) Журналь для воспитанія. Ежемѣсячный. Редакторъ и издатель *А. Чумиковъ*.
- 87) Русскій педагогическій вѣстникъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *П. Гурьевъ*.
- 88) Часъ досуга. Журналь игръ, забавъ и увеселительнаго чтенія для Русскаго юношества, издаваемый Русскими дамами, подъ редакціею дѣвицы *Эбе*. Выходитъ ежемѣсячно.
- 89) Подсѣжникъ. Журналь для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *В. Майковъ*.
- 90) Художественный журналь для юношества, издаваемый *Петерсономъ*. Ежемѣсячный.
- 91) Школа для юношества. Выходитъ безсрочно.
- 92) Разсвѣтъ. Ежемѣсячный журналь для дѣвицъ отъ 14 лѣтъ. Редакторъ *В. Кремлингъ*.
- 93) Собесѣдникъ. Ежемѣсячный журналь для дѣтей обоюго пола. Редакторъ *Н. Ушаковъ*.
- 94) Журналь избраннаго чтенія (Journal de lecture choisie). Учено-литературный журналь на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Выходитъ два раза въ мѣсяць. Редакторъ *П. Широковъ*.
- 95) Искра. Еженедѣльный сатирический журналь съ карриатурами. Издатели-редакторы *П. Степановъ* и *В. Курочкинъ*.
- 96) Арлекинъ. Еженедѣльный журналь легкаго и забавнаго чтенія съ иллюстраціями.

- 97) Гудокъ. Юмористическо-сатирический журналъ. Издатель и редакторъ *Г. Блокъ*.
- 98) Листокъ знакомымъ. Журналъ каррикатуръ съ литературными прибавленіями. Выходитъ безсрочно. Издатель *А. Бейровъ*.
- 99) Весельчакъ. Ежемѣдный журналъ всякихъ разныхъ странностей свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ. Редакторъ *Н. Львовъ*. Издатель *А. Плюшаръ*.
- 100) Русскій библиографическій листокъ. Изд. *А. Смирдинымъ* и *В. Генкелемъ*. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.
- 101) Ласточка. Дамскій журналъ, посвященный литературѣ, знаніямъ, изящнымъ искусствамъ, домашней медицинѣ, женскому хозяйству и модамъ. Ежемѣсячный.
- 102) Меркурій модъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Редакторъ и издатель *П. Шеваръ*.
- 103) Музыкальный свѣтъ. Музыкальный журналъ съ литературными прибавленіями. Выходитъ ежемѣсячно. Редакторъ *В. Фракманъ*.
- 104) Нувеллистъ. Музыкальный журналъ, съ Литературными прибавленіями. Ежемѣсячный. Издатель *Бернардъ*.
- 105) Ваза. Журналъ шитья и вышиванья, дамской экономіи, сельскаго и городскаго хозяйства. Ежемѣсячный.
- 106) Гирлянда. Журналъ новѣйшихъ образцовъ для шитья, вышиванья по канвѣ и въ тамбуръ, выкроекъ, узоровъ и послѣднихъ Петербургскихъ и Парижскихъ модъ. Ежемѣсячный, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Издатель *А. Плюшаръ*.
- 107) Сѣверный цвѣтокъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *А. Станюковичъ*, издательница *М. Станюковичъ*.

*Въ Москвѣ:*

а) Газеты:

- 108) Московскія сенатскія объявленія по судебнымъ и другимъ дѣламъ. Выходятъ два раза въ недѣлю.
- 109) Московскія (университетскія) вѣдомости. Газета политическая и литературная. Выходитъ ежедневно. Редакторъ *В. Коризъ*.

- 110) Русская газета, политическая, экономическая и литературная. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ *С. Шоль*.
- 111) Промышленный листокъ. Газета промышленности и торговли. Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ *М. Киттари*.
- 112) Московская медицинская газета. Еженедѣльная. Редакторы профессоръ *Ө. Иноземцевъ* и докторъ *С. Смирновъ*.
- 113) Московскія губернскія вѣдомости. Еженедѣльные.
- 114) Вѣдомости Московской городской полиціи. Ежедневныя. Редакторъ *М. Захаровъ*.
- 115) Московскій вѣстникъ. Выходитъ еженедѣльно.

б) Журналы и изданія ученыхъ обществъ:

- 116) Творенія св. отцевъ въ Русскомъ переводѣ, съ Прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемыя при Московской духовной академіи. Четыре книги въ годъ.
- 117) Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. Четыре книжки въ годъ. Издаются подъ редакцію секретаря Общества *О. Бодянского*.
- 118) Библіотека математическихъ и естественныхъ наукъ. Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго Московскаго университета. 6 книгъ въ годъ.
- 119) Извѣстія комитета акклиматизаціи Императорскаго Общества сельскаго хозяйства. Одинъ томъ въ годъ. Редакторъ *Я. Калининскій*.
- 120) Вѣстникъ естественныхъ наукъ, издаваемый Императорскимъ Московскимъ Обществомъ испытателей природы. Ежемѣсячный.
- 121) Журналъ землевладѣльцевъ. Выходитъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Издатель *А. Желтухнинъ*.
- 122) Русскій вѣстникъ. Учено-литературный журналъ. Выходитъ книжками два раза въ мѣсяцъ, подъ редакцію *И. Каткова*.
- 123) Атены. Журналъ критики, современной исторіи и литературы. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, подъ редакцію *Е. Корша*.
- 124) Русская бесѣда. Выходитъ черезъ два мѣсяца. Издатель *А. Кошелевъ*. При ней особый отдѣлъ, издаваемый въ видѣ отдѣльнаго журнала, подъ названіемъ:

- 125) Сельское благоустройство. Выходить ежемѣсячно.
- 126) Московское обозрѣніе, критическій журналъ, издав. *А. Лаксомъ*. Выходить чрезъ каждые два мѣсяца.
- 127) Лѣтописи Русской литературы и древности. Выходятъ чрезъ каждые два мѣсяца. Редакторъ *Н. Тихонравовъ*.
- 128) Дѣтскій журналъ, издаваемый *Б. Залъскимъ*. Ежемѣсячный.
- 129) Развлеченіе. Литературный и юмористическій журналъ съ политипажами, еженедѣльный. Редакторъ и издатель *Ө. Миллеръ*.
- 130) Библиографическія записки. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Издатель *Щепкинъ*.
- 131) Журналъ сельскаго хозяйства, издаваемый отъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, подъ редакцію *С. Маслова* и *М. Киттары*. Ежемѣсячный.
- 132) Московскій врачебный журналъ. Выходить чрезъ каждые два мѣсяца, подъ редакцію *В. Полунина*.
- 133) Журналъ садоводства, издаваемый Россійскимъ Обществомъ любителей садоводства. Выходить ежемѣсячно, подъ редакцію *П. Пикулина*.
- 134) Журналъ охоты. Ежемѣсячный. Издатель и редакторъ *Герцъ Минъ*.
- 135) Школа рисованія. Еженедѣльная газета. Редакторъ-издатель *Д. Струковъ*.
- 136) Магазинъ модъ и рукодѣлья.
- 137) Сандрильона. Журналъ шитья, вышиванья и разныхъ работъ. Ежемѣсячный.

*Въ Вильнѣ:*

- 138) Записки Виленской археологической комиссіи, на Русскомъ и Польскомъ языкахъ. Выходятъ безсрочно. Редакторы *А. Куркоръ* и *П. Малиновскій*.
- 139) Виленскій вѣстникъ. Официальная газета, выходитъ два раза въ недѣлю, на Русскомъ и Польскомъ языкахъ.
- 140) Виленскія губернскія вѣдомости.



*Въ Иркутскѣ:*

- 141) Записки Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Выходятъ безсрочно.  
 142) Иркутскія губернскія вѣдомости.

*Въ Казани:*

- 143) Православный собесѣдникъ, издаваемый при Казанской духовной академіи. Ежемѣсячный журналъ.  
 144) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета. Четыре книжки въ годъ, безсрочныя.  
 145) Записки Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества. Издаются ежемѣсячно. Редакторъ *А. Чууновъ*.  
 146) Казанскія губернскія вѣдомости.

*Въ Кіевѣ:*

- 147) Воскресное чтеніе, издаваемое при Кіевской духовной академіи. Еженедѣльная газета. Изданіе начинается съ Свѣтлаго Христова воскресенія.  
 148) Кіевскія губернскія вѣдомости.

*Въ Одессѣ:*

- 149) Одесскій вѣстникъ. Газета, выходитъ три раза въ недѣлю. Редакторъ *Н. Сокольскій*.  
 150) Записки Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Выходятъ ежемѣсячно. Редакторъ *Палимпсестовъ*.  
 151) Южный сборникъ, учено-литературный журналъ, издаваемый *Н. Максимовымъ*.

*Въ Ригѣ:*

- 152) Училище благочестія, издаваемое при Рижской духовной семинаріи. Выходитъ чрезъ каждыя три мѣсяца.  
 153) Остзейскій вѣстникъ. Газета новостей, общепользныхъ свѣдѣній, литературы, торговли и промышленности. Выходитъ три раза въ недѣлю. Редакторъ и издатель *А. Исерсонъ*.

*Въ Тифлисъ :*

- 154) Кавказъ. Газета политическая и литературная. Выходить два раза въ недѣлю Редакторъ *Θ. Бобылевъ*. При ней издается казенное еженедѣльное прибавленіе, подъ названіемъ: Закавказскій вѣстникъ.
- 155) Записки Кавказскаго Общества сельскаго хозяйства. Ежемѣсячныя. Редакторъ *В. Пенингеръ*.
- 156) Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго географическаго Общества. Выходятъ безсрочно.

*Въ Кронштадтъ :*

- 157) Кронштадтская газета. Издается два раза въ мѣсяць.
- 158) Листокъ привознымъ товарамъ. Издается безсрочно во время навигаціи.

159—206) Сверхъ того издаются на Русскомъ языкѣ Губернскія вѣдомости въ Архангельскѣ, Астрахани, Витебскѣ, Владимирѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Гроднѣ, Екатеринославѣ, Житомирѣ, Калугѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Кишиневѣ (Бессарабской области), Костромѣ, Ковнѣ, Курскѣ, Минскѣ, Митавѣ, Могилевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новочеркасскѣ (войсковыя), Новгородѣ, Орлѣ, Пензѣ, Перми, Петрозаводскѣ, Полтавѣ, Псковѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Рязани, Самарѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Смоленскѣ, Ставрополѣ, Тамбовѣ, Твери, Тобольскѣ, Томскѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ярославѣ,—итого 47 (\*).

**НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ:***Въ С. Петербургѣ :*

- 207) Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. Выходятъ выпусками, безсрочно.

---

(\*) Губернскія вѣдомости выходятъ однажды въ недѣлю, и раздѣляются на два отдѣла: 1) на *общій*, статьи котораго предназначаются для всеобщаго по государству свѣдѣнія, и 2) на *мѣстный*, въ которомъ печатаются статьи къ свѣдѣнію по одной только своей губерніи. Первый отдѣлъ весь *официальный*; второй же состоитъ изъ двухъ частей — *официальной* и *неофициальной*. Губернскія вѣдомости Эстляндскія, Лифляндскія и Курляндскія издаются на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

- 208) Mémoires présentés à l'Académie Impériale de St. Pétersbourg par divers savans. Выходятъ безсрочно.
- 209) Bulletin de la classe physico-matématique de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. Выходитъ безсрочно (\*).
- 210) Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. Выходитъ безсрочно (\*\*).
- 211) Journal de St. Pétersbourg. Ежедневная газета.
- 212) Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts. Choix d'articles extraits des meilleurs ouvrages et recueils périodiques publiés en Europe. Выходитъ три раза въ мѣсяцъ, въ 1, 10 и 20 числа.
- 213) Le Dimanche. Journal hebdomadaire. Litterature, beaux-arts théâtres, causeries, nouvelles du monde etc. Редакторъ *К. Сенъ-Жюльенъ*.

*Въ Москвѣ :*

- 214) Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. Четыре книжки въ годъ, безсрочныя. Издаются подъ редакцію секретари Общества *Ренара*.

*Въ Одессѣ :*

- 215) Journal d'Odessa. Выходитъ еженедѣльно два раза, подъ редакцію *де Рибаса*. При ней издается прибавленіе (см. № 245).

**НА ВЪМѢЩЕНІИ ЯЗЫКЪ:**

*Въ С. Петербургѣ :*

- 216) St. Petersburgische evangelisches Sonntagsblatt. Ежедневная газета. Редакторъ *Р. Зеебергъ*.

(\*) Изъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ Bulletin, составляются особые сборники, которые издаются ежегодно подъ заглавіемъ:

Mélanges physiques et chimiques	} tirés du bulletin physico-mathématique.
Mélanges biologiques	
Mélanges mathématiques et astronomique	

(\*\*) Изъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ Bulletin, составляются особые сборники, которые ежегодно издаются подъ заглавіемъ:

Mélanges asiatiques	} tirés du bulletin historico-philologique.
Mélanges gréco-romains	
Mélanges russes	

- 217) St. Petersburger Zeitung. Ежедневная газета. Редакторъ *К. Мейеръ*.
- 218) St. Petersburgische Handels-Zeitung. Выходить четыре раза въ недѣлю. При ней издаются :
- 219) St. Petersburger Preis-Courant, ausgegeben vom Departement des auswärtigen Handels, alle Diensttage und Freitage, während der Schifffahrt und nach Beendigung derselben nur Freitags.
- 220) Verzeichniss der vorzüglichsten in St. Petersburg eingefuhrten Waaren.
- 221) Mittheilungen der Kaiserlichen Freen Oekonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Шесть книжекъ въ годъ.
- 222) Medicinische Zeitung Russlands. Выходить еженедѣльно. Издается подъ редакцію *М. Гейне*, *Р. Кребеля* и *Тильмана*.
- 223) Memorabilien der Veterinaer-Medicin in Russland. Выходятъ безсрочно.

*Въ Дерптѣ :*

- 224) Dörptsche Zeitung. Выходятъ три раза въ недѣлю.
- 225) Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Ebst- und Kurlands Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur. Газета — выходитъ еженедѣльно.
- 226) Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft. Выходить выпусками, безсрочно.
- 227) Verhandlungen der gelehrten Ebstnischen Gesellschaft zu Dorpat. Выходятъ выпусками, безсрочно, на Нѣмецкомъ и Эстскомъ языкахъ.
- 228) Archiv für die Naturkunde Liv- Ebst- und Kurlands. Выходить безсрочно.

*Въ Ригѣ :*

- Livländische Gouvernements-Zeitung. Выходятъ два раза въ недѣлю.
- 229) Rigasche Zeitung. Ежедневная газета.
- 230) Rigasche Stadtblätter. Выходить разъ въ недѣлю.
- 231) Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit-Russlands, herausgegeben unter Mitwirkung mehrerer

- evangelischen Geistlichen Russlands durch Dr. Carl Christian Ulmann. Выходить безсрочно.
- 232) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Russischen Ostsee-Provinzen. Выходят безсрочными выпусками.
- 233) Correspondenzblatt des Naturforschenden Vereins zu Riga. Выходить листками, безсрочно.
- 234) Beiträge zur Heilkunde. Выходить безсрочно.

*Въ Митавъ :*

- Kurländische Gouvernements-Zeitung. Выходятъ два раза въ недѣлю.
- 235) Kurländische landwirtschaftliche Mittheilungen. Издаются выпусками два раза въ мѣсяць.
- 236) Magazin herausgegeben von der lettischer Literatur-Gesellschaft. Выходить безсрочно.

*Въ Ревель :*

- 237) Archiv für Liv- Ehst- und Kurländische Geschichte. Выходятъ безсрочными выпусками.
- Ehstländische Gouvernements-Zeitung. Выходятъ два раза въ недѣлю.

*Въ Одессъ :*

- 238) Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. Выходить ежемѣсячно, листками. Редакторъ Шюамбергъ.

*Въ Кронштадтъ :*

- 239) Liste der importirten Waaren. То-же, что на Русскомъ языкѣ.
- 240) Schiffs-Liste. Выходить безсрочно.

*Въ Либавъ :*

- 241) Libausche Zeitung. Выходить два раза въ недѣлю. Редакторъ Г. Мейеръ.

*Въ Черноль :*

242) Pernausches Wochenblatt. Еженедѣльная газета.

**НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ:***Въ С. Петербургъ :*

243) List of the principal goods imported into St. Petersburg.

244) List of goods cleared for exportations at the St. Petersburg Customhouse.

**НА ИТАЛІАНСКОМЪ ЯЗЫКѢ:**

245) Revista commerciale. Еженедѣльная газета подѣ редакцію *de Рыбаса*, въ видѣ прибавленія къ Journal d'Odessa.

**НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ:***Въ С. Петербургъ :*

246) Tygodnik Petersburski. Gazeta urzędowa Królestwa Polskiego. Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ *О. Пршецлавскій*.

247) Słowo. Czasopismo. Состоитъ изъ газеты, выходящей два раза въ недѣлю, и изъ ежемѣсячныхъ прибавленій. Редакторъ *І. Огрызко*.

*Въ Вильнѣ :*

Kuryer Wilenski. Gazeta urzędowa (то-же, что на Русскомъ). См. выше № 139.

248) Teka Wilenska. Выходитъ безсрочно четыре книжки въ годѣ. Редакторъ *А. Киркоръ*.

**НА ЛАТВИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ:***Въ Ригѣ :*

249) Ta skahla tahs deewabihjaschanas etc. (то-же, что на Русскомъ и Эстскомъ языкахъ, см. № № 152 и 253).

250) Tallorahwa pastimees. Еженедѣльная газета.

*Въ Митагъ :*

251) Latweeschu Awises. Ежедѣльная газета.

*Въ Перновъ :*

252) Perno postimees ehk Näddalilecht. Ежедѣльная газета.

**НА ЭСТСКОМЪ ЯЗЫКЪ:***Въ Ригъ :*

253) Jumala Kartusse Kool. etc. (то-же, что на Русскомъ,  
см. № 152).

**НА ГРУЗИНСКОМЪ ЯЗЫКЪ:***Въ Тифлисъ :*

254) Литературный журналъ, — ежедѣльный.

255) Заря. Журналъ. Двѣнадцать книжекъ въ годъ.

**НА АРМЯНСКОМЪ ЯЗЫКЪ:***Въ Москвѣ :*

256) Голубь Масиса. Ежемѣсячный журналъ.

*Въ Тифлисъ :*

257) Пчела Арменіи. Ежедѣльная газета.



## НОВЫЯ КНИГИ,

### ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.



Изслѣдованіе объ Украинскихъ ярмаркахъ, соч. *Ио. Аксакова.*

#### СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ первой статьѣ нашей объ изслѣдованіи г. Аксакова, приобрѣтшемъ такую почетную извѣстность въ юной статистической литературѣ нашей, мы представили читателямъ замѣчательнѣйшія мѣста изъ введенія къ этому изслѣдованію, въ которомъ ученый авторъ сдѣлалъ мастерской очеркъ особенностей Украинскаго торговаго движенія Малороссійскихъ ярмарокъ. Введеніе это заключало въ себѣ, такъ сказать, сводъ, совокупность всего, что заключается въ замѣчательномъ трудѣ г. Аксакова.

Теперь предстоитъ намъ обозрѣть самыя частности изслѣдованія, остановить вниманіе любителей статистической науки на отдѣльныхъ очеркахъ какъ главнѣйшихъ пунктовъ ярмарочнаго движенія, такъ и каждой группы товаровъ, привозимыхъ на Малороссійскія торжища. Здѣсь мы должны замѣтить предварительно, что въ этой части труда г. Аксакова проявилась вся изумительная дѣятельность автора, все рѣдкое искусство подмѣчать и собирать характеристическія частности, живо обрисовывающія состояніе торговли въ той или другой мѣстности, и представлять ихъ въ стройной и живой картинѣ. Мы уже имѣли случай упоминать о значительныхъ трудностяхъ, которыя представлялись изслѣдователю на пути его многостороннихъ изысканій о торговлѣ въ



странѣ малоразвитой, между населеніемъ мало-понимающимъ и мало-сочувствующимъ интересамъ науки. Но трудъ, проникнутый живымъ сознаниемъ пользы приобретаемыхъ свѣдѣній и освѣщенный свѣтомъ обширныхъ и глубокихъ знаній, дозволилъ автору побѣдить эти преграды и обогатить Русскую статистическую науку въ высшей степени интересными данными. Первую часть изслѣдованій, какъ мы упоминали, авторъ посвятилъ обзорѣнью торговыхъ пунктовъ, гдѣ главнѣйшимъ образомъ разыгрывается Украинская торговая дѣятельность. Въ этой части труда своего, г. Аксаковъ представляетъ свѣдѣнія объ исторіи и современномъ состояніи главнѣйшихъ городовъ, въ которыхъ существуютъ ярмарки. Эти свѣдѣнія тѣмъ болѣе важны и поучительны, что, во-первыхъ, они хотя отчасти восполняютъ важный пробѣлъ въ вашей статистикѣ, — статистикѣ городовъ, состояніе которыхъ почти совершенно не изслѣдовано, и, во-вторыхъ, разсмотрѣніе городовъ въ-связи съ движеніемъ внутренней торговли, въ нихъ производящейся, позволяетъ опредѣлить вліяніе сей послѣдней на постепенное развитіе благосостоянія городскихъ поселеній, которое въ значительной степени зависитъ отъ большаго или меньшаго количества торговыхъ дѣлъ, имѣющихъ мѣсто въ средѣ города. Эта-же статистика городовъ, съ другой стороны, указываетъ и на значеніе самаго населенія въ нихъ; она показываетъ, какъ, подъ вліяніемъ развитія торговыхъ дѣлъ и пріобрѣтенія городомъ характера промышленной и коммерческой мѣстности, развивается въ немъ болѣе производительное населеніе, усиливается число торговыхъ лицъ, увеличивается количество капиталовъ, завязанныхъ въ торговлю, и вслѣдствіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ для городского благосостоянія обстоятельствъ, городъ получаетъ истинный характеръ торговаго и промышленнаго центра, а отъ этого въ свою очередь зависитъ и развитіе его въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, выражающееся въ числѣ училищъ, церквей и другихъ учреждений, способствующихъ всестороннему развитію его населенія, которое, при пособіи всѣхъ этихъ способовъ просвѣщенія, выходитъ уже изъ среды патриархальнаго и малоразвитаго класса и вступаетъ въ число болѣе образованныхъ, просвѣщенныхъ и слѣдовательно производительныхъ классовъ народа.

Приведемъ главнѣйшія черты изслѣдованія г. Аксакова о различныхъ городахъ, служащихъ мѣстомъ Украинской торговой дѣятельности.

Г. Аксаковъ начинаетъ съ самаго главнаго пункта торговли — Харькова. Благосостояніе Харькова постоянно возрастаетъ, тогда-какъ прочіе ярмарочные города не представляютъ никакихъ улучшеній въ своемъ бытѣ. Объясненіе такого процвѣтанія Харькова авторъ находитъ въ причинахъ историческихъ и географическихъ. Въ началѣ XVII столѣтія, при Михаилѣ Федоровичѣ, началось первое переселеніе Малороссіянъ въ Русскую Украину, именно въ верхнюю часть нынѣшней Харьковской губерніи. Число выходцевъ постоянно возрастало, они селились слободами, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ получили особенную организацію подъ названіемъ Слободскихъ полковъ. Въ одно время съ переселеніемъ возникли и города, именами которыхъ и назывались полки. Но, не смотря на Малороссійское происхожденіе, Слободскіе казаки рѣзко отличались отъ своихъ Украинскихъ братьевъ. Оторвавшись отъ родной почвы, Слободскіе казаки не участвовали въ дальнѣйшей жизни Малороссіи и такъ-какъ казачество въ Слободской Украинѣ не опиралось, подобно Малороссійскому, на преданія славы, на историческое свое значеніе, на привычку къ вольности, то и допускало всякія перемѣны въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Само по себѣ казачество не могло создать городской жизни, поэтому города Слободской Украины сдѣлались легко доступными вторженію началъ Великорусской, не только народной, но и правительственной стихіи. Харьковъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ пунктовъ опоры Русскаго правительства на югѣ: сверхъ своего географическаго удобства, онъ представлялъ ту выгоду, что правительству въ немъ было болѣе простора и свободы для дѣйствій: ему не приходилось бороться съ упрямымъ духомъ кореннаго народонаселенія, какъ въ Малороссіи, побѣждать крѣпкій, самостоятельный бытъ, сражаться съ призраками славы и вольности. Еще въ 1727 году, когда Харьковъ былъ только полковымъ городомъ своего полка, заведено въ немъ высшее духовное училище подъ названіемъ Славяно-Греко-Латинскаго коллегіума для молодыхъ людей духовнаго и свѣтскаго званія. Въ 1765 г. основана Слободско-Украинская губернія и Харьковъ назначенъ губернскихъ городомъ, въ 1780 г. губернія переименована въ намѣстничество, въ 1800 снова въ Слободско-Украинскую, а въ 1835 — въ Харьковскую губернію. Такимъ образомъ центральное положеніе Харькова въ странѣ новой, притягивавшей отсюда народонаселеніе, значеніе его, какъ административнаго пункта, а затѣмъ пріобрѣтеніе земель Русскими дворяна-

ми, которые не замедлили перевести сюда крестьянъ изъ своихъ Великорусскихъ вотчинъ, заведеніе училищъ — все это способствовало къ усиленію его матеріальнаго благосостоянія. Само собою разумѣется, что съ учрежденіемъ университета значеніе города еще сильнѣе возвысилось; множество дворянскихъ семействъ перешло на постоянное жительство въ Харьковъ, число обывателей умножилось, различная торговля оживилась, и должна была имѣть непосредственное вліяніе на оптовую ярмарочную торговлю. Но пока Новороссійскій край еще не вполне организованъ, Харьковъ имѣлъ значеніе скорѣе пограничнаго склада, чѣмъ центральнаго пункта. Последнее же значеніе Харьковъ получилъ съ развитіемъ торговой и промышленной дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ. Охранительный тарифъ 1822 г. совершенно измѣнилъ торговую систему Украины. Ярмарки, сильныя прежде торговлею иностранныхъ товаровъ, упали и Украина сдѣлалась однимъ изъ главныхъ рынковъ для сбыта Русскихъ мануфактурныхъ произведеній. Здѣсь авторъ приводитъ интересное сравненіе между прежнимъ и настоящимъ положеніемъ Харькова, которое указываетъ, въ какой пропорціи возрастало благосостояніе этого важнаго ярмарочнаго пункта. Въ 1781 г. въ Харьковѣ было 1,700 обывательскихъ домовъ и 6,000 жит. мужскаго пола. Въ 1837 г. жителей было 23,147 мужскаго и женскаго пола, домовъ 4,339; въ 1854 году жителей 54,198, домовъ (въ 1853 г.) 4,844; учебныхъ заведеній въ 1837 г. 10 (изъ нихъ 6 казенныхъ и 4 частныхъ), учащихся 1,908, а въ 1853 г. заведеній 26 (13 казенныхъ и 13 частныхъ), учащихся 3,401; въ 1837 г. лавокъ 276, городскихъ доходовъ 40,000 р. с., расходовъ 32,000; въ 1854 г. лавокъ 463, доходовъ 118,000 р., расходовъ 114,000 р. Въ 1837 г. общій оборотъ на Харьковскихъ ярмаркахъ равнялся 19,000,000 р., а въ 1854 г. привозъ товаровъ на Харьковскія ярмарки простирался до 24,394,689 р., а продажа до 14,063,387.

Впрочемъ, что касается до торговли Харькова, то онъ самъ по себѣ не есть торговый городъ, а складъ товаровъ, гостинный дворъ, передаточное мѣсто между сѣверомъ и югомъ. По исчисленію профессора Рославскаго-Петровскаго участіе Харькова въ его собственной торговлѣ не превышаетъ  $\frac{1}{50}$  общаго оборота ея, мѣстнаго и ярмарочнаго. Однако въ настоящее время это положеніе дѣла начинаетъ приводить къ инымъ результатамъ: Харьковскія ярмарки едва ли могутъ назваться ярмарками въ смыслѣ Ирбитской и Нижегород-

ской: какія-же это ярмарки, которыя продолжаются 4 мѣсяца въ году въ одномъ пунктѣ? Большая часть прїѣзжихъ купцовъ имѣютъ въ городѣ постоянные склады и помѣщенія и многіе внесли капиталъ въ Харьковскую думу, чтобы имѣть право держать свои лавки отпертыми въ-теченіе года. Все это означаетъ, что ярмарочная торговля въ Харьковѣ стремится стать осѣдлою, что Харьковъ получаетъ смыслъ не временнаго депо, а постояннаго склада, и что современемъ, особенно съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, ярмарочная торговля, которая производится теперь прїѣзжими купцами, будетъ производиться мѣстными Харьковскими, или, вѣрнѣе сказать, тѣми-же прїѣзжими купцами, сдѣлавшимися купцами города Харькова. Число гильдейскихъ капиталовъ въ-теченіе 25 лѣтъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число иногородныхъ болѣе, чѣмъ въ 8 разъ; въ неямарочное время постоянно торгуютъ въ Харьковѣ 256 лавокъ. Такъ-какъ Харьковскія ярмарки, вѣстѣ взятыя, важнѣе прочихъ Украинскихъ ярмарокъ, то ярмарочные купцы большею частію имѣютъ здѣсь главныя квартиры и склады, откуда товары отправляются по всему ярмарочному округу: таковыхъ складовъ считается 150. Но почему-же именно въ Харьковѣ ярмарки приходятъ къ такому результату, тогда-какъ въ Ромнѣ и другихъ ярмарочныхъ пунктахъ онѣ не имѣли подобныхъ послѣдствій? Почтенный авторъ приводитъ этому слѣдующія причины: 1) Преобладаніе въ Ромнѣ и другихъ пунктахъ Малороссіи элемента, вовсе неспособнаго къ торговой дѣятельности, тогда-какъ Харьковъ, хотя и не можетъ назваться Великорусскимъ городомъ, однако заключаетъ въ себѣ преобладаніе Великорусской стихіи; 2) благоприятныя условія для развитія розничной торговли въ Харьковѣ, — именно значеніе его, какъ административнаго пункта, какъ центра просвѣщенія, какъ лучшаго города во всемъ Малороссійскомъ и Новороссійскомъ краѣ; и 3) бѣлая близость Харькова къ Россійскому краю и южнымъ портамъ, чѣмъ Роменъ. За тѣмъ авторъ обращается къ разсмотрѣнію самыхъ ярмарокъ въ Харьковѣ: Крещенской, Троицкой, Успенской и Покровской, между которыми первое мѣсто принадлежитъ Крещенской, такъ-какъ ея обототы составляютъ половиину всѣхъ ярмарочныхъ оборотовъ Харькова. Не имѣя возможности по объему рецензіи указать читателямъ выводовъ, къ коимъ здѣсь пришелъ г. Аксаковъ, скажемъ только, что разсмотрѣніе оборотовъ помянутыхъ ярмарокъ отличается строгимъ статистическимъ тактомъ, характеризующимъ все

сочиненіе уважаемаго автора и проливаетъ истинный свѣтъ на настоящее ихъ состояніе.

Затѣмъ авторъ говоритъ о городѣ Ромнѣ и его ярмаркахъ. Въ Ромнѣ въ прошедшемъ столѣтіи было 4 ярмарки: 1) на Сырной недѣлѣ, 2) въ праздникъ Вознесенія Господня, 3) въ Ильинъ день и 4) въ Михайловъ день, 8 Ноября; изъ нихъ оптовыми ярмарками были двѣ: Вознесенская и Ильинская. Въ то-же время существовали: Всеѣдная въ Нѣжинѣ и Сборная въ Сумахъ Современемъ получила значеніе оптовой ярмарки ярмарка Маслянская. Не находя особенной выгоды раздроблять силу торговли на двѣ ярмарки, Сумскую и Нѣжинскую, которыя обѣ были только вспомогательными, Московскіе купцы, вынужденные имѣть въ г. Ромнѣ постоянные склады для Вознесенской и Ильинской ярмарокъ, признали за лучшее сократить разѣзды и перевозку товаровъ учрежденіемъ вмѣсто двухъ ярмарокъ одной, въ Ромнѣ, какъ центральномъ пунктѣ между Сумами и Нѣжинымъ. Жители г. Ромна просили начальство только продлить срокъ Маслянской ярмарки вмѣсто трехъ на десять дней; разрѣшеніе было дано въ 1844 г. Въ 1845 г. Нѣжинъ и Сумы почуяли опасность и стали хлопотать объ уничиженіи новаго соперника, но успѣли исходатайствовать только то, что срокъ Маслянской ярмарки сокращался на 1 недѣлю и назначенъ не подвижной, а опредѣленный, — съ 17 по 24 февраля. Но эта мѣра не помогла: ярмарки были окончательно убиты и въ 1848 году совершенно прекратились. Между-тѣмъ-какъ Роменъ, отнявъ ярмарку у сосѣдей, предполагалъ въ спокойствіи пользоваться доходами, доставляемыми тремя оптовыми ярмарками, высшее мѣстное начальство задумывало планъ перенесенія Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Полтаву. Цѣлью здѣсь было оживить г. Полтаву, доставить ему доходы, которые-бы дали возможность ему обстроиться, тогда-какъ Роменцы не извлекали изъ своихъ ярмарокъ никакихъ прочныхъ выгодъ. Слухъ объ этомъ встревожилъ Роменскихъ жителей, весь уѣздъ и ярмарочное купечество. Поднялись протесты, поданы были просьбы, поѣхали депутаты; купцы говорили, что не поѣдутъ на Полтавскую ярмарку, однакожь поѣхали. Въ 1852 году была первая ярмарка въ Полтавѣ и не только удалась, но съ перваго-же раза заявила свое право на существованіе. Дѣло въ томъ, что южный покупатель, для большей части товаровъ, важнѣе покупателя западнаго, что торговля издавна стремится на югъ, чего не сознавали сами купцы,

и что безъ этихъ внутреннихъ причинъ успѣха никогда-бы не удалась насильственная мѣра перевода ярмарки. Такимъ образомъ въ Ромнѣ двѣ ярмарки: Маслянская, начинающаяся официально 17 и кончающаяся 24 февраля, и Вознесенская, начинающаяся официально около праздника Вознесения, но по большей части во 2-й половинѣ мая. При этомъ достойно замѣчанія, что Роменъ не только не привилъ къ себѣ, не упрочилъ за собою никакой торговли, но даже не обстроился, не воспользовался тѣми богатыми средствами, которыя представляло для его преуспѣянія двукратное, а потомъ и троекратное въ году многолюдное стеченіе купечества. Въ 1786 г. въ Ромнѣ каменныхъ домовъ не было, деревянныхъ 520, лавокъ и амбаровъ деревянныхъ 346; жителей мужскаго пола 2,143, купцовъ 71, капиталовъ второй гильдіи 6, третьей 17. Въ 1853 году домовъ было 621 деревянныхъ и 13 каменныхъ, жителей мужскаго пола 2.798. Что касается капиталовъ, то въ 1830 году было по первой гильдіи 1, по третьей 21, иногородныхъ по третьей гильдіи 1, всего 23, — то-же количество, что и въ 1786 г. Но въ послѣдовавшее затѣмъ 25-лѣтіе число капиталовъ утроилось: въ 1854 г. было уже 76 капиталовъ, изъ коихъ 14 объявлены Евреями. Лавокъ съ неярмарочною торговлею было 65; но всѣ онѣ производятъ самую мелочную торговлю. Послѣ этой общей характеристики г. Ромна авторъ приводитъ данныя относительно Маслянской и Вознесенской ярмарокъ, которыя, по объясненію г. Аксакова, въ настоящемъ своемъ видѣ, имѣютъ полезное значеніе вспомогательныхъ ярмарокъ. Такъ зимняя Крещенская ярмарка, направляя свою дѣятельность преимущественно къ югу, восполняетъ ее торговлею съ западомъ и съ торговымъ Европейскимъ племенемъ на Маслянской. Въ промежутокъ времени отъ Маслянской до Кролевецкой ярмарки торговый западный край тоже не забывается торговцами, которые сами навѣщаютъ своихъ западныхъ покупателей на ярмаркѣ Вознесенской, имѣющей притомъ характеръ весенней ярмарки. Эти ярмарки имѣютъ слѣдующія характеристическія особенности: 1) участіе Евреевъ, которымъ не дозволено торговать ни на Харьковскихъ, ни на Сумскихъ, ни на Коренной ярмаркахъ, между-тѣмъ-какъ они, по увѣренію Русскихъ купцовъ, весьма полезны, ибо гдѣ Евреи, говорятъ купцы, тамъ и наличная монета; 2) Маслянская ярмарка особенно важна для мягкой рухляди, т.-е. для сыраго шкуроваго товара, привозимаго сюда Слобожанами, Роменцами, Евреями и разными прасо

лами; 3) косной торгъ также сдѣлался однимъ изъ самыхъ капитальныхъ товаровъ на Маслянской ярмаркѣ; 4) Вознесенская ярмарка важна въ-особенности для нѣкоторыхъ товаровъ, для сбыта сахарныхъ песковъ, садовыхъ ножей и т. п. товаровъ, нужныхъ для гѣта. Сбытъ товара на Маслянской ярмаркѣ, по вычисленію автора, доходить до 4,000,000 р. сер., а приходъ до 7,000,000 р. сер. оборотъ-же Вознесенской ярмарки слѣдующій: привозъ на 6,000,000 р. сер., продажа на 3,000,000 р. сер.

Далѣе, послѣ подробнаго разсмотрѣнія оборотовъ обѣихъ ярмарокъ, авторъ переходитъ къ г. Полтавѣ и Ильинской ярмаркѣ. Выше было уже упомянуто о значеніи перевода Ильинской ярмарки въ Полтаву. Мѣра эта не увѣнчалась-бы такимъ блистательнымъ успѣхомъ, еслибы въ торговлѣ не было внутренней потребности перейти на югъ; но къ успѣху ярмарки служила много и увѣренность купечества, что эта ярмарка въ-особенности покровительствуема мѣстнымъ начальствомъ, которое изыскивало всѣ возможные способы, чтобы доставить торговлѣ просторъ и удобство. Общую цифру сбыта на Ильинской ярмаркѣ авторъ опредѣляетъ въ 18,000,000 р. сер., а цифру привоза въ 30,000,000 р. сер. Главныя характеристическія особенности этой ярмарки заключаются въ слѣдующемъ: 1) это самая крупная гѣтная ярмарка, послѣ Нижегородской, и имѣетъ особенную важность для сбыта суконъ и шерстяныхъ тканей; 2) особенность Ильинской ярмарки составляютъ Евреи, усиливающіе обращеніе наличной монеты; 3) вмѣстѣ съ появленіемъ Евреевъ на ярмаркѣ появляются, кромѣ суконъ западнаго края, иностранныя шелковыя и камвольныя матеріи, Голландское полотно и Вѣискій галантерейный товаръ; 4) но одну изъ самыхъ капитальныхъ статей ярмарочной торговли составляетъ шпанская шерсть, для покупки которой являются Австрійскіе и Прусскіе торговцы, комиссіонеры иностранныхъ домовъ изъ Москвы и Евреи изъ Бродъ, кромѣ Русскихъ покупателей; 5) съ переводомъ Ильинской ярмарки въ Полтаву, усилился привозъ табунныхъ лошадей съ Дону, такъ-что табунныя Донскія лошади составляютъ теперь особенность Полтавской ярмарки; 6) Ильинская ярмарка чрезвычайно важна по торговлѣ чернымъ крестьянскимъ товаромъ, котораго одна Одесса закупаетъ почти на 1,000,000 р. сер.; 7) на Ильинскую ярмарку пріѣзжаетъ Харьковская шерстяная акціонерная компанія в Харьковское отдѣленіе конторы коммерческаго банка, и наконецъ

8) особенность Ильинской ярмарки заключается въ связи ея съ Нижегородскою по переводу денегъ. Сильнымъ свидѣтельствомъ въ пользу ярмарки служить видимое замѣтное улучшение въшней торговли города и многочисленность вновь заведенныхъ построекъ. Съ 1852 по 1855 г. вновь построено каменныхъ домовъ 31, флигелей каменныхъ 6, домовъ деревянныхъ 134, каменныхъ владѣльческихъ лавокъ при домахъ и дворахъ 14, деревянныхъ 6. Доходы города съ 19,000 р. сер. поднялись до 30,000 р. с. Число капиталовъ съ 1830 г. по 1855 возрасло отъ 41 до 55, лавокъ съ постоянною различною торговлею 80. Въ Полтавѣ находится Петровскій кадетскій корпусъ. Разсмотрѣвъ Ильинскую ярмарку, почтенный авторъ переходитъ къ изслѣдованію Коренной ярмарки. Началомъ этой ярмарки послужило ежегодное стеченіе въ Курскъ десятковъ тысячъ народа для присутствованія при крестномъ ходѣ изъ Курскаго монастыря въ Коренную пустынь, лежащую почти въ 30 верстахъ отъ Курска. Вслѣдствіе этого явилась сперва ярмарка мелочная, розничная, которая постепенно приняла размѣры оптовой торговли и получила громкую извѣстность по всей Россіи. Въ то время, когда Харьковская губернія не была заселена какъ нынѣ, Новороссійскій край былъ еще пустынею, Малороссія составляла какъ-бы отдѣльную область, — выгодное центральное положеніе Курска относительно пограничныхъ пунктовъ Малороссія дѣлало его самымъ удобнымъ пунктомъ для торговли между Малороссіею и Великою Русью, между восточными и западными, нѣкогда еще принадлежавшими Польшѣ губерніями. Уже въ 1780 г. купечества въ Курскѣ считалось болѣе 1000 душъ мужескаго пола, домовъ 2,340 деревянныхъ и 14 каменныхъ; въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Курскѣ было до 700 купеческихъ капиталовъ. Усиленіе торговли въ сѣверныхъ портахъ и возникновеніе южныхъ нанесли первый ударъ сухопутной заграничной торговлѣ, а вмѣстѣ съ нею и тѣмъ торговымъ пунктамъ, которые обязаны были ей своимъ значеніемъ. Открытіе новаго обширнаго рынка для сбыта Русскихъ товаровъ лишало Курскъ прежняго значенія, какъ пограничнаго пункта; торговля искала другаго пункта, ближе къ Новороссійскому краю, къ своему рынку, и нашла его въ Харьковѣ. Между тѣмъ усиленіе малыхъ городовыхъ центровъ въ Курской губерніи ослабляло значеніе Курска, какъ мѣстнаго рынка. Наконецъ тарифъ 1822 г. измѣнилъ прежнюю торговую систему Малороссія: она сдѣлалась главнымъ рын-



комъ для сбыта Русскихъ мануфактурныхъ произведеній и самымъ ничтожнымъ для сбыта заграничныхъ товаровъ. Горячая лихорадочная дѣятельность фабрикъ, выпускавшая товары свыше явной потребности, заставила фабрикантовъ и купцовъ заботиться объ усиленіи потребленія, не ожидать покупателей сидя дома, а отыскивать ихъ въ мѣстахъ новыхъ, — и торговля, постоянно напирая къ югу, перешла въ Харьковъ, затѣмъ и въ Полтаву и Елисаветградъ. Всѣ эти обстоятельства и банкротство многихъ капиталистовъ заставили двинуться изъ Московскаго, Владимірскаго и Костромскаго промышленнаго округа цѣлый полкъ фабрикантовъ и мастеровъ, желавшихъ устранить купеческое посредничество. Появленіе на ярмаркахъ самихъ фабрикантовъ было окончательнымъ ударомъ Курскимъ купцамъ. Вслѣдствіе всего этого благосостояніе Курска, усилившееся не отъ прямыхъ причинъ, не отъ условій мѣстности, а отъ благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, быстро клонилось къ упаду, и изъ 673 капиталовъ, бывшихъ 40 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время осталось только 190. Само собою разумѣется, что ярмарочная торговля находилась въ соотношеніи съ благосостояніемъ и торговымъ значеніемъ Курска. Съ перенесеніемъ главнаго пункта ярмарочной дѣятельности на югъ, Коренная ярмарка стала быстро клониться къ упадку и съ-тѣхъ-поръ постоянно слабѣть. Кромѣ-того она имѣетъ въ себѣ нѣкоторыя неудобства: 1) подвижность ярмарочнаго срока; 2) то, что она теперь, когда главнымъ регуляторомъ ярмарочной Украинской торговли являются мануфактурные Русскіе товары, — не весенняя, ни лѣтняя: для этихъ товаровъ необходимы двѣ главныя ярмарки — лѣтняя и зимняя; на Коренной-же ярмаркѣ лѣтніе товары закупать уже поздно, ибо весна прошла, а зимніе рано, и 3) неудобство помѣщенія. Эта ярмарка въ прежнее время была знаменита торговлею сала *будущаго*, т.-е. покупаемаго впередъ и могущаго быть готовымъ только въ октябрѣ. Заторжка на сало простиралась до 300,000 пудовъ и болѣе; хотя и теперь бываетъ заторжка, но въ слабой, сравнительно прежней, степени. Цифра сбыта на этой ярмаркѣ не менѣе 7,000,000 р. с., а привоза — 10,000,000 р. с.

Далѣе слѣдуетъ Кролевецъ и Крестовоздвиженская ярмарки. Ярмарка эта, учрежденная еще въ половинѣ XVII вѣка, пережила въ два столѣтія много эпохъ и превратностей торговыхъ, и не

только не падаетъ, но въ послѣднее время даже усилилась, особенно съ переводомъ Ильинской ярмарки въ Полтаву.

Кролевецкая ярмарка важна по ввозу въ нее Русскихъ мануфактурныхъ товаровъ, важна для внутренней торговли Черниговской, западной и Бѣлорусскихъ губерній, какъ сборный срединный пунктъ между Московскими фабриками и западными потребителями и на-оборотъ. Главныя особенности этой ярмарки слѣдующія: 1) въ эту ярмарку начинаютъ свой торговый годъ, свое бродяжничество слободскіе прасолы, или Слобожане, являющіеся здѣсь главными покупателями на мануфактурные товары; 2) сюда привозится Евреями чрезвычайно много суконъ и шерстяныхъ матерій съ фабрикъ западнаго края, и производится ими сильный торгъ галантерейнымъ иностраннымъ, преимущественно Вѣнскимъ товаромъ, Голландскими полотнами и заграничными матеріями; 3) эта ярмарка есть послѣдняя оптовая Украинская ярмарка для Евреевъ: послѣ нея слѣдуютъ Покровская, Введенская и Крещенская, гдѣ Евреи не имѣютъ права свободной торговли; поэтому ярмарка очень оживлена наплывомъ Еврейскаго племени, приносящимъ съ собой много наличной монеты, и 4) она замѣчательна обиліемъ щепнаго товара. Не смотря на значительный доходъ, получаемый жителями Кролевца отъ ярмарки, городъ этотъ представляетъ самый жалкій видъ и не усвоилъ себѣ ни торговли, ни промышленности. Въ 1787 г. считалось въ городѣ: 2,348 жителей мужскаго пола, домовъ жилыхъ 778, ярмарочныхъ лавокъ 99; въ 1813 г. жителей было 2,946 мужскаго пола, каменныхъ домовъ ни одного, деревянныхъ 749, лавокъ ярмарочныхъ постоянныхъ ни одной, лавокъ для розничной торговли 10. Число капиталовъ въ 1830 г. было: 3-й гильдіи 3, въ 1850—5, въ 1854—12; изъ числа этихъ 12-ти четыре Еврейскихъ капитала, изъ остальныхъ 8-ми одинъ не производитъ никакой торговли, а только числится купцомъ, двое содержать постоянные дворы. Привозъ товаровъ на Кролевецкую ярмарку авторъ цѣнитъ въ 7,500,000 р., сбытъ въ 5,000,000 р. сер.

Загѣмъ изслѣдованы авторомъ г. Сумы и Введенская ярмарка. При заселеніи Слободской Украйны городъ этотъ имѣлъ первенство предъ всѣми Слободскими городами и оптовья ярмарки его Сборная и Введенская въ XVIII вѣкѣ превышали по своимъ оборотамъ ярмарки г. Харькова. Но съ устремленіемъ торговли на югъ и западъ и съ утратою для города

значенія пограничнаго съ Малороссією пункта ярмарки въ г. Сумахъ стали слабѣть постепенно: Сборная ярмарка, какъ выше было замѣчено, пала, — и паденіе ея было чрезвычайно быстро: въ 1845 г. привозъ на ярмарку былъ 3,285,490 р., сбытъ 1,607,962 р., а въ 1847 г. привозъ равнялся 38,000 р., сбытъ 3,207 р. Введенская ярмарка еще существуетъ, но и она клонится къ упадку, ибо становится совершенно ненужною: всякій предпочитаетъ переждать мѣсяцъ и ѣхать на Крещенскую въ Харьковъ, и Введенская ярмарка держится только обычаемъ и съѣздомъ мелкихъ окрестныхъ покупателей, пользующихся случаемъ, чтобы не отпраляться на Крещенскую ярмарку. Между-тѣмъ мѣстная розничная торговля усиливается, значеніе Сумъ, какъ городского торговаго центра, возвышается, — и, по убѣжденію автора, чрезъ нѣсколько лѣтъ уничтожится сама собою и послѣдняя ярмарка въ Сумахъ.

Сумы, какъ городъ, заселенный подъ воздѣйствіемъ Русскаго элемента, представляетъ рѣзкое отличіе отъ Малороссійскихъ ярмарочныхъ пунктовъ; купцы здѣсь почти всѣ Великорусскаго происхожденія, слѣдовательно получаемые ими доходы не запираютъ въ сундукъ, а употребляютъ или на усиленіе своей торговли, или на приобрѣтеніе разныхъ удобствъ для жизни. Въ 1787 г. было въ Сумахъ жителей мужескаго пола 5,302, домовъ каменныхъ 2, деревянныхъ 1,237, лавокъ 40; и въ 1853 г. было жителей 5,174, домовъ каменныхъ 97, деревянныхъ 2,035, лавокъ занятыхъ постоянною мясною торговлею 61, лавокъ ярмарочныхъ 365, капиталовъ: 1-й гильдіи — 1, 3-й гильдіи — 53, временныхъ гостей 2, иногородныхъ 13, всего 69. Привозъ Сумской ярмарки равняется 3,000,000 р., сбытъ 2,000,000.

Наконецъ почтенный авторъ говоритъ о г. Елисаветградѣ. Въ этомъ городѣ три ярмарки: Георгіевская, Петровская и Семеновская. Всѣ онѣ были мелочными, розничными ярмарками, но Московскіе фабриканты, отыскивая новые рынки для сбыта товаровъ, стали посѣщать Георгіевскую ярмарку и наконецъ учредилась, лѣтъ уже 20 тому назадъ, оптовая ярмарка. Она, впрочемъ, слабѣе всѣхъ вышеразсмотрѣнныхъ ярмарокъ, но замѣчательна тѣмъ, что выражаетъ стремленіе торговли къ югу, къ Новороссійскому краю. Главнѣйшія особенности этой ярмарки слѣдующія: 1) она сильна торговлею рогатаго скота и черныхъ крестьянскихъ товаровъ, преимущественно Малороссійскихъ, холста, одежды

крестьянской и т. п.; 2) на этой ярмаркѣ принимаютъ дѣятельное участіе Евреи; 3) въ ней сильна розничная торговля, и 4) она служитъ сборнымъ пунктомъ прикащикамъ, посылаемымъ Московскими мануфактурными торговцами въ объѣздъ за деньгами. Въ 1854 г. въ Елисаветградѣ было 147 купеческихъ капиталовъ, изъ которыхъ 2 второй гильдіи и 145 третьей. На ярмаркѣ, по мнѣнію автора, въ привозѣ бываетъ на 2,000,000 р., въ продажѣ на 1,500,000 р. сер.

Таково въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе первой части разсматриваемаго труда г. Аксакова. Мы сочли обязанностію изложить эту часть съ подробностію, чтобы сколько возможно ближе познакомить читателей съ прекраснымъ изслѣдованіемъ почтеннаго автора. Конечно, не смотря и на подробный обзоръ первой части изслѣдованія, мы не могли вполне передать достоинствъ, здѣсь заключающихся; такъ напр. мы не могли, по самому объему рецензіи, представить читателямъ многихъ, весьма интересныхъ частностей о каждой ярмаркѣ и примѣра того критическаго такта и той добросовѣстности, съ которыми авторъ оцѣниваетъ официальные данныя объ оборотахъ Украинскихъ ярмарокъ и выводитъ наружу какъ недостатки этихъ данныхъ, такъ и истинную цифру оборотовъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть вторую, послѣднюю часть сочиненія г. Аксакова, представляющую собою монографію товаровъ, привозимыхъ на Украинскія ярмарки. Самый характеръ этого отдѣла препятствуетъ намъ въ подробности ознакомить читателей съ весьма интересными данными, въ немъ заключающимися; потому мы ограничимся только краткими указаніями главнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ привело почтеннаго автора добросовѣстное изученіе предмета.

Изслѣдованіе свое авторъ начинаетъ мануфактурными произведеніями, или «красными товарами», подъ которыми разумѣются бумажныя, шерстяныя, шелковыя, суконныя, льняныя и пеньковыя матеріи Русскихъ фабрикъ.

Бумажныя ткани, продающіяся на Украинскихъ ярмаркахъ, суть произведенія Московской, Владимірской, Костромской и Рязанской губерній. Эти произведенія продаются на ярмаркахъ изъ *первыхъ рукъ*, т.-е. самими фабрикантами, или ихъ прикащиками, и изъ *вторыхъ рукъ*, т.-е. чрезъ посредство купцовъ. Фабрикантовъ является на ярмарки до 100 человекъ, купцовъ 35 т.-е. число бу-

мажныхъ фабрикантовъ, выѣзжающихъ на Украинскія ярмарки, относятся къ общему числу бумажныхъ фабрикантовъ въ Россіи, какъ 1 къ 4. Размѣръ продажи бумажныхъ товаровъ на всѣхъ Украинскихъ ярмаркахъ авторъ опредѣляетъ въ 13,250,000 р. сер. Наибольшую торговлю бумажными тканями производитъ Крещенская ярмарка, гдѣ цифра сбыта равняется 3,145,000 р. с. Сумма цѣнности всѣхъ Русскихъ мануфактурныхъ бумажныхъ издѣлій составляетъ въ годъ по однимъ исчисленіямъ 40,000,000 р. с., по другимъ 56,000,000, слѣдовательно сбытъ ихъ на Украинскихъ ярмаркахъ составляетъ среднимъ числомъ  $\frac{1}{4}$  часть всего бумажнаго производства въ Россіи. На Нижегородской ярмаркѣ, по оффиціальнымъ вѣдомостямъ, продано бумажнаго товара въ 1854 г., на 6,111,975 р. сер.; слѣдовательно обороты Украинскихъ ярмарокъ превышаютъ слишкомъ вдвое обороты Нижегородской. Русскія шелковыя матеріи, продающіяся на Украинскихъ ярмаркахъ, суть произведенія г. Москвы и Богородскаго уѣзда Московской губерніи. Сбытъ ихъ равняется 2,175,000 р. с.; и наибольшую торговлю производитъ Крещенская ярмарка, на сумму 500,000 р. сер. Производство всѣхъ шелковыхъ издѣлій въ Россіи оцѣнивается въ  $8\frac{1}{2}$  милліоновъ р. сер., слѣдовательно относительно шелковыхъ товаровъ Украинскій ярмарочный сбытъ, также какъ и относительно бумажныхъ, составляетъ  $\frac{1}{4}$  производства всѣхъ шелковыхъ тканей. На Нижегородскую ярмарку въ 1854 г. шелковыхъ товаровъ привезено на 2,599,750 р. с., продано на 1,940,300 р., слѣдовательно не много менѣе всѣхъ Украинскихъ ярмарочныхъ оборотовъ по этой торговлѣ. Здѣсь должно еще замѣтить, что бумажныя Русскія матеріи не встрѣчаютъ на Украинскихъ ярмаркахъ соперничества иностранныхъ бумажныхъ издѣлій; но шелковыя ткани иностранныя находятъ себѣ довольно выгодный сбытъ на Украинѣ. Главнѣйшіе производители этого торгова Евреи. Цѣнность оборотовъ ярмарочной торговли иностранными шелковыми товарами можно оцѣнить въ 450,000 р. с., изъ коихъ 200,000 р. должно отложить на долю товаровъ, доставляемыхъ чрезъ Петербургскій портъ, и 250,000 р. на долю товарѣвъ, привозимыхъ Евреями.

Сукна, продающіяся на Украинскихъ ярмаркахъ, суть произведенія фабрикъ: 1) Москвы и Петербурга, 2) Риги, 3) Царства Польскаго, 4) Гродненской и Кіевской губерній и вообще западнаго края и 5) Черниговской губерніи и нѣкоторыхъ окрестныхъ помѣщиковъ Харьковской, Курской и Полтавской губерній. Годичный

итогъ ярмарочной суконной торговли составляетъ 2,375,000 р. с., важнѣйшая изъ ярмарокъ для сбыта суконъ есть Ильинская, гдѣ цифра сбыта равняется 900,000 р. сер.

Общее производство суконъ въ Россіи оцѣнивается отъ 12 до 13 милліоновъ; слѣдовательно Украинскій ярмарочный сбытъ равняется  $\frac{1}{4}$  всего производства. Иностраннхъ суконъ въ продажѣ почти вовсе не имѣется.

Шерстяныя ткани, продающіяся на Украинскихъ ярмаркахъ, являются изъ Московской губерніи, Риги и западнаго края. Сумма сбыта ихъ равняется 2,800,000 р. сер., наибольшую торговлю производятъ Ильинская ярмарка, на сумму 750,000 р. сер.

На Нижегородскую ярмарку въ 1854 г. привезено шерстяныхъ издѣлій вмѣстѣ съ сукнами на 4,165,400 р., продано на 3,410,000 р. Производство всѣхъ шерстяныхъ издѣлій въ Россіи въ 1852 г. простиралось до 25,000,000 р. сер. Иностраннхъ шерстяныхъ издѣлій продается на Украинскихъ ярмаркахъ на сумму около 300,000 р. сер., льняныя и шелковыя матеріи сбываются на Украинскихъ ярмаркахъ на сумму 1,200,000 р.; замѣчательнѣйшею ярмаркою здѣсь является Крещенская, на которой сбытъ льняныхъ издѣлій равняется 300,000 р. сер. Показать отношеніе ярмарочнаго сбыта къ производству льняныхъ и пеньковыхъ тканей въ Россіи трудно: ибо эта промышленность находится большею частію въ рукахъ крестьянъ; нѣкоторые полагаютъ эту цифру въ 5 или 6 милліоновъ. На Нижегородскую ярмарку въ 1852 г. привезено было льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій на 1,100,000 р., продано на 1,000,000 р.

Такимъ образомъ въ теченіе ярмарочнаго года сбытъ мануфактурныхъ издѣлій простирался:

бумажныхъ на . . . . .	13,250,000 р.
шелковыхъ . . . . .	2,200,000 »
шерстяныхъ . . . . .	2,800,000 »
суконныхъ . . . . .	2,400,000 »
льняныхъ . . . . .	1,200,000 »

Всего на . . . . . 21,850,000 р. сер.

Иностраннхъ издѣлій продается на 1,050,000; слѣдовательно участіе иностраннхъ фабрикъ въ ярмарочной торговлѣ составляетъ менѣе  $\frac{1}{20}$  части стоимости Русскихъ мануфактурныхъ произведеній:

Затѣмъ важную статью Украинской ярмарочной торговли составляетъ торговля шерстью. Ни одна отрасль сельскаго хозяйства въ Россіи, замѣчаетъ авторъ, не достигла въ такое короткое время столь быстраго развитія, какъ тонкорунное овцеводство, ни одна статья заграничнаго отпуска не усилилась въ такой пропорціи, какъ овечья шерсть. До 1814 г. шерсти вывозилось за границу не болѣе 20,000 пудовъ, теперь-же ежегодный отпускъ ея, постоянно увеличиваясь, возросъ въ 1844 г. свыше 800,000 пудовъ, а среднимъ количествомъ составляетъ 567,000 пудовъ. На Украинскихъ ярмаркахъ главный торгъ производится такъ-называемою шпанскою шерстью, простая-же продается въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ, поэтому авторъ говоритъ преимущественно о шерсти перваго рода, «улучшенной, или тонкорунной». Главнѣйшимъ рынкомъ шерстяной торговли является Троицкая ярмарка въ Харьковѣ. Ярмарка эта существуетъ издавна, но никогда не имѣла значенія для оптовой торговли, а служила мѣстомъ розничнаго сбыта и закупки разныхъ сельскихъ произведеній, скота, простой шерсти, домашней утвари, земледѣльческихъ орудій и другихъ нужныхъ для хозяйства предметовъ. По мѣрѣ введенія тонкоруннаго овцеводства въ Харьковской губерніи, стали вмѣстѣ съ простою шерстью появляться небольшія партіи шленской и Испанской шерсти, въ количествѣ не болѣе 1,500 пудовъ. Начало этой торговли на Троицкой ярмаркѣ полагають съ 1817 г. До 1825 г. она не обращала на себя особеннаго вниманія правительства; но со-времени измѣненія тарифныхъ постановленій о шерсти, при усиленія требованій на нее за границу и при распространеніи овцеводства почти по всей Харьковской, Полтавской и Новороссійскимъ губерніямъ, значеніе Троицкаго торга быстро возрасло до той степени, на какой продолжаетъ находиться нынѣ. Такъ-какъ Троицкая ярмарка можетъ считаться исключительно шерстяною, почти безъ значенія для прочихъ предметовъ оптовой торговли, и такъ-какъ производители этого товара большею частію одни помѣщики, *паны*, какъ ихъ величаютъ въ Украинѣ, то и Троицкая ярмарка называется *панскою*. Главные вкладчики шерстянаго рынка въ Харьковѣ — овцеводы губерній Харьковской и Екатеринославской; общими чертами это участіе можно опредѣлить такъ, что нѣсколько болѣе  $\frac{1}{3}$  принадлежитъ помѣщикамъ Харьковской, одна часть Екатеринославской, а остальное губерніямъ Полтавской, Воронежской, Курской и Таврической. Не останавливаясь на частностяхъ, приводимыхъ авторомъ

о Троицкой шерстяной торговлѣ, укажемъ на денежные обороты Троицкаго шерстянаго торга: по официальнымъ свѣдѣніямъ привезено шерсти:

въ 1850 г. на . . . . .	1,587,620 р.
» 1851 » » . . . . .	1,362,427 »
» 1852 » » . . . . .	1,317,432 »
» 1853 » » . . . . .	1,668,988 »
» 1854 » » . . . . .	922,688 »

Впрочемъ, 1854 годъ представляетъ совершенное исключеніе по особеннымъ политическимъ обстоятельствамъ и не можетъ никакъ быть принятъ въ соображеніе.

Второе мѣсто, послѣ Троицкой, принадлежитъ Ильинской ярмаркѣ. Она важна тѣмъ, что, кромѣ шерстянаго, она соединяетъ въ себѣ торги всякаго рода; это главнѣйшая глѣтная ярмарка въ Украинѣ. Переводъ этой ярмарки въ Полтаву былъ благоприятенъ для шерстяной торговли, ибо ярмарка приблизилась къ самому центру овцеводства—къ Екатеринославской губерніи и вообще къ степному краю, изобилующему обширными стадами мериносовъ, такъ что шерстяной торгъ въ Полтавѣ, по количеству привозимой шерсти, немного уступаетъ Троицкому.

Что касается до цѣнъ на разные виды шерсти, то онѣ зависятъ отъ достоинства шерстей, отъ мойки, отъ уборки, отъ количества привоза, отъ спроса за границу и т. п. Сверхъ-того три обстоятельства оказываютъ постоянное дѣйствіе на цѣнность товара, именно: 1) участіе Харьковской акціонерной компаніи. Эта компанія учреждена съ цѣлію соглашенія выгодъ мѣстныхъ овцеводовъ и фабрикантовъ и распространенія правильной торговли тонкою шерстью внутри и внѣ Россіи. Для этого она устроила пакгаузы и принимаетъ шерсть отъ хозяевъ или на сохраненіе, за что получаетъ по 1 р. сер. съ пуда въ годъ, или на комиссію для продажи, за что, въ случаѣ продажи, при разчетѣ, получаетъ 4%, обязываясь съ своей стороны страховать шерсть, во-время ея краденія въ пакгаузахъ; или-же она принимаетъ шерсть для храненія и для продажи и выдаетъ владѣльцамъ, по желанію ихъ, ссуды, по предварительной оцѣнкѣ шерсти правленіемъ компаніи, получая за это 6%. 2) Второе обстоятельство, отъ котораго вообще много зависитъ цѣнность Русской шерсти, — есть то, что половина товара продается прямо изъ рукъ производителя въ руки потребителя,



безъ посредства купцовъ, и наконецъ 3) послѣдняя причина заключается въ томъ, что классъ производителей принадлежитъ преимущественно къ сословію дворянскому, не торговому, нуждающемуся въ деньгахъ для прожитія, ибо шерсть составляетъ здѣсь главный источникъ его доходовъ. Общая сумма по торговлѣ шерстью простирается по меньшей мѣрѣ до 4,000,000 р. сер.

Желѣзный и мѣдный товаръ, составляющій предметъ торга на Украинскихъ ярмаркахъ, можетъ быть раздѣленъ на двѣ главные категоріи: къ первой относится желѣзо, мѣдь, чугунъ, сталь, обработанные въ видѣ матеріала, а не въ видѣ какого-либо издѣлія, ко второй принадлежатъ издѣлія изъ этихъ металловъ.

Что касается желѣза не въ дѣлѣ, то изъ всѣхъ ярмарочныхъ пунктовъ ярмарочной системы самые значительные по этой торговлѣ: Харьковъ, затѣмъ Коренная Пустынь и Полтава; изъ всѣхъ 11 оптовыхъ ярмарокъ — Крещенская и Успенская въ Харьковѣ, послѣ нихъ Коренная и Ильинская; всѣ-же остальные довольно ничтожны. Желѣзо, продаваемое на Украинскихъ ярмаркахъ, большею частію выработывается на заводахъ Пермской, частію Нижегородской и Вятской губерній, а также въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ. Определить въ точности количество привозимаго желѣза трудно; количество желѣза, привозимаго въ Харьковъ, доходить впрочемъ иногда до 200,000 пудовъ. Средняя цѣнность его равняется 2 р. сер. за пудъ. Общая-же цѣнность неиздѣльнаго желѣза, продающагося на Украинскихъ ярмаркахъ, составляетъ не менѣе 550,000 р. сер. Чугунъ, мѣдь и сталь, въ видѣ матеріала, продаются на ярмаркахъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Что касается до издѣлій изъ сихъ металловъ, то пространство сбыта ихъ гораздо обширнѣе сбыта металловъ не въ дѣлѣ; весь-же капиталъ, обращающійся по торговлѣ желѣзнымъ, чугуннымъ и мѣднымъ товаромъ на Украинскихъ ярмаркахъ, простирается въ привозѣ отъ 2½ до 3 милліоновъ. На Нижегородской ярмаркѣ въ 1864 г. по официальнымъ вѣдомостямъ было: въ привозѣ — на 7,318,925 р. сер., въ продажѣ — на 5,871,615 р. сер.

Не останавливаясь на дальнѣйшемъ разсмотрѣніи изслѣдованій автора о торговлѣ желѣзнымъ и мѣднымъ товаромъ, сообщимъ нѣкоторыя данныя о торговлѣ кожами.

Кожа на Украинскихъ ярмаркахъ является во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ. Въ первобытномъ своемъ видѣ, т. е. едва снятая

съ животного и нѣсколько просушенная, она занимаетъ весьма почетное мѣсто въ числѣ ярмарочныхъ товаровъ и называется сырою; но не вовсе лишена значенія и ярмарочная торговля кожною выдѣланною. Сверхъ-того выдѣланная кожа участвуетъ въ ярмарочной торговлѣ подъ видомъ кожевенныхъ издѣлій, т. е. кожаного шитаго и шорнаго товара.

Сырыя кожи привозятся всего болѣе изъ Харьковской, Екатеринославской, Полтавской и Херсонской губерній, частію-же и изъ Курской. Кожа этихъ продается въ годъ на всѣхъ Украинскихъ ярмаркахъ на 1,200,000 р. сер., въ томъ числѣ одной Шпанки (т. е. кожи шпанскихъ овецъ) на 800,000 р. с.; на долю Крещенской ярмарки, значительнѣйшей по торговлѣ кожами, приходится 997,000 р. сер. Въ иностранныя государства отпускается Русскихъ невыдѣланныхъ кожъ на 1½ милліона р. сер.; но самый главный отпускъ идетъ чрезъ сухопутную границу, и для заграничной торговли Украинскія ярмарки не имѣютъ особенной важности. Стоимость-же проданнаго кожанаго товара, во всѣхъ его видахъ, на Украинскихъ ярмаркахъ оцѣняется въ 2,150,000 р. сер., именно: сырыхъ кожъ на 1,200,000 р., выдѣланныхъ на 750,000, издѣлій на 150,000, шорнаго товара на 200,000 р. На Нижегородской ярмаркѣ продажа кожъ и кожевенныхъ издѣлій простиралась въ 1854 г. на 1,897,820 р. сер. Для торговли москотильными и бакалейными товарами важнѣе прочихъ ярмарокъ Крещенская; обороты-же всѣхъ ярмарокъ вмѣстѣ равняются 2,153,560 р. сер.; изъ этой суммы на долю иностранныхъ товаровъ приходится 1,493,560 р. на долю Русскихъ 660,000 р. Для чайной торговли Крещенская ярмарка также важнѣе другихъ; на ней въ 1854 г. продано чаю на 225,000 р., на всѣхъ-же ярмаркахъ продано на 892,000 р. сер. Равно и обороты торговли съѣстными или овозными товарами въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ производятся на Крещенской ярмаркѣ, около 180,000 р. сер.

Обратимся къ конной торговлѣ. Лошади составляютъ одну изъ главнѣйшихъ статей Украинской ярмарочной торговли; началу каждой краснорядской ярмарки предшествуетъ ярмарка конная. Украинскія ярмарки имѣютъ связь съ конными ярмарками Тамбовскими, Лебедянскими и Воронежскими, а потому авторъ упоминаетъ и объ нихъ, представляя общій очеркъ всего годичнаго круговаго движенія конноярмарочной торговли на Украинѣ. Первое мѣсто принадлежитъ Троицкой Лебедянской ярмаркѣ, на ко-

торую приводится до 10,000 лошадей, на сумму 1,500,000 р. сер., за нею слѣдуетъ Крещенская, въ Харьковѣ, куда лошадей приводится также до 10,000, но не столь дорогихъ, какъ на Лебедянскую, именно на сумму до 1,000,000 р. сер., весь-же оборотъ Украинскихъ ярмарокъ равняется 3,225,000 р. сер.

По торговлѣ стекляннымъ, хрустальнымъ, глинянымъ, фарфоровымъ и фаянсовымъ товаромъ главнѣйшею ярмаркою является Крещенская, на которой этого товара продается на 155,000 р. сер., второе мѣсто принадлежитъ Успенской ярмаркѣ, не многимъ уступающей Крещенской; сумма-же всѣхъ ярмарочныхъ оборотовъ простирается до 550,000 р. сер.

Торговля винами на Украинскихъ ярмаркахъ сосредоточена въ рукахъ Харьковскихъ торговцевъ. На долю четырехъ Харьковскихъ ярмарокъ должно положить, по-крайней-мѣрѣ, 300,000 р. сер., изъ коихъ 150,000 — на Крещенскую, а на всѣ Украинскія ярмарки — слишкомъ 600,000 р. сер.

Табаку, разводимаго въ Малороссіи, на ярмаркахъ продается на 110,000 р. сер., что-же касается до табаку Турецкаго и вообще до табаку, обдѣланнаго на фабрикахъ для куренія и нюханья, до сигаръ и папирозъ, то этотъ товаръ не составляетъ принадлежности ярмарочной торговли.

Что касается до торговли рыбой, то она, какъ предметъ необходимой потребности, истекающей изъ самаго быта народнаго, не есть собственно ярмарочный товаръ. Торговля эта такъ развита, такъ давно установилась и усвоилась народу, что почти всѣ городскіе центры выписываютъ товаръ прямо съ мѣста. Сношенія съ Дономъ и Азовскимъ поморьемъ съ древнихъ временъ вошли въ привычку Малороссійскаго племени и походы чумаковъ «за силой и рыбою» воспѣваются въ народныхъ пѣсняхъ. Тѣмъ не менѣе капиталные торговцы, имѣя возможность получить товаръ и дешевле и лучше, снабжаютъ ихъ слабѣйшихъ торговцевъ, которые и являются за товарами на ярмарки. Изъ Украинскихъ ярмарокъ первое мѣсто по этой торговлѣ принадлежитъ, по количеству рыбы, Коренной ярмаркѣ, а по цѣнности товара—Крещенской, всѣ остальные сравнительно ничтожны. Сумму оборотовъ Крещенской ярмарки авторъ оцѣняетъ въ 400,000 р., Коренной — въ 300,000 р., всѣхъ-же вообще — до 1,000,000 р. сер. Впрочемъ, эта цифра вовсе не выражаетъ количества рыбы, потребляемаго Украинской. Рыба привозная, преимущественно бѣлая, составляетъ самую

обыкновенную пинцу Малороссіи; но, какъ мы сейчасъ замѣтили, рыба привозится и развозится безъ посредства оптовыхъ ярмарокъ, рыбная торговля давно усвоилась Малороссіи и имѣя повсюду осѣдлые центры, захватывая въ кругъ своей дѣятельности всѣ подвижныя ярмарочныя сельскіе рынки, относится къ оптовымъ ярмаркамъ, только какъ къ вспомогательнымъ рынкамъ. Цѣнность-же произведеній рыболовства Азовскаго и Донскаго авторъ опредѣляетъ приблизительно въ 10,000,000 р. сер. На Нижегородской ярмаркѣ въ 1854 г. было продано на 691,675 р. сер.

Приведемъ далѣе нѣсколько данныхъ относительно торговли сахаромъ и сахарнымъ пескомъ. Учрежденіе свеклосахарныхъ заводовъ и возникновеніе новой свеклосахарной промышленности совершенно измѣнили характеръ прежней торговли этимъ товаромъ на Украинскихъ ярмаркахъ: въ прежнее время сахаръ былъ товаромъ заграничнымъ, а не туземнымъ, купеческимъ, а не фабрикантскимъ, денежнымъ, а не кредитнымъ. Такъ-какъ главнымъ рассадникомъ этой промышленности служатъ югозападныя губерніи, то Украинскія ярмарки имѣютъ довольно важное значеніе для успѣшнаго сбыта произведеній тамошнихъ свеклосахарныхъ заводовъ. Сахаръ на Украинскихъ ярмаркахъ является въ двухъ видахъ: *рафинированный* и въ *пескѣ*. Рафинированный сахаръ есть произведеніе заводовъ Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской и отчасти Курской губерній. Въ 1852 г. число заводовъ въ этихъ губерніяхъ было слѣдующее:

въ Кіевской губерніи. ....	72	завода.
» Волынской » .....	7	»
» Подольской » .....	26	»
» Черниговской » .....	52	»
» Полтавской » .....	21	»
» Харьковской » .....	20	»
» Курской » .....	20	»

Итого... 227 заводовъ.

Заводчики торгуютъ на ярмаркахъ только оптомъ, а не въ розницу; покупатели у нихъ, по выраженію торгующихъ, не публика, а купцы. Крупными партіями торгуютъ преимущественно на Крещенской (въ которую подвозится сахару 45,000 пуд.), Ильинской (до 37,5000 пуд.), Коренной (до 30,000 пуд.) и Успенской (до

27,000 пуд.); на остальныхъ — болѣе мелкими партіями и чрезъ посредство Евреевъ; все-же количество свекловичнаго сахара, продающагося на Украинскихъ ярмаркахъ, составляетъ 205,000 пуд. на сумму 1,537,500 р. сер. Что касается сахарнаго песку, то количество его, являющееся на ярмарки, составляетъ 62,000 пуд. на сумму 310,000 р. сер. На Нижегородскую ярмарку привезено было въ 1854 г. сахару 187,000 пудъ.

Затѣмъ авторъ говоритъ о торговлѣ дорогими пушнымъ товаромъ, выдѣланными тулупами, кожухами, смушкой и проч. Почти всѣ шитые мѣха привозятся на Украину съ двухъ противоположныхъ сторонъ — съ востока и съ запада, съ Ирбитской и съ Нижегородской ярмарокъ, изъ Польши и съ Австрійской границы. Такъ-какъ мѣха нужны для зимы, а не для лѣта, то для мѣховой торговли важны лѣтнія ярмарки. Первое мѣсто по сбыту шитаго пушнаго товара принадлежитъ Ильинской ярмаркѣ, на которой продается мѣховъ, не считая зайчинъ, овчинъ, тулуповъ и мягкой рухляди, составляющихъ весьма значительную сумму, на 350,000 р., за нею слѣдуетъ Успенская, торгующая на 150,000, затѣмъ Кролевецкая, торгующая на 125,000; а всего на ярмаркахъ продается на 830,000 р. сер. Кромѣ-того на ярмаркахъ сбываются: 1) заячьи мѣха, которые главнѣйше привозятся на Коренную, Ильинскую и Успенскую ярмарки, въ количествѣ до 30,000 мѣховъ на сумму 75,000 р.; 2) Калмыцкія овчины и мерлушки, Бухарскія мерлушки и тулупы изъ изъ нихъ, на 50,000 р. с.; 3) Крымскія и Бурдюкскія овчины — до 12,000 штукъ; 4) овчинные тулупы, называемые иначе платинами. Платинъ изъ Калмыцкихъ мерлушекъ, Крымскихъ овчинъ и мерлушекъ готовится очень немного, и, говоря о торговлѣ овчинными платинами, авторъ разумѣетъ шитыя изъ овчинъ простыхъ, Русскихъ и Малороссійскихъ, Калмыцкихъ и Бурдюкскихъ. Что касается до платинъ *Русскаго* издѣлія, тулуповъ и полушубковъ, то главнѣйше онѣ изготовляются въ Харьковѣ, въ количествѣ до 10,000 штукъ въ годъ на сумму 50,000 р. сер. лучшая ярмарка для этой торговли есть Кролевецкая, а затѣмъ Ильинская и Елисаветградская. Платины *Малороссійскаго* издѣлія, кожухи и юпки, сбываются главнѣйшимъ образомъ на Ильинской ярмаркѣ, куда привозится ихъ до 40,000 штукъ, т.-е. на сумму до 240,000 р. сер.; 5) смушки, т.-е. шкурки, снимаемыя съ пяти и шести-дневнаго ягненка, доставляемыя Полтавскою губерніею. Авторъ не могъ узнать, сколько сму-

шки продается на каждой ярмаркѣ, но приводитъ свѣдѣнія объ общемъ ходѣ этой торговли; изъ Полтавской губерніи (гдѣ замѣчательнѣйшею по этой промышленности является Рѣшетилровка, приготовляющая смушки до 70,000 штукъ) смушекъ выходитъ до 264,000 штукъ, на сумму 204,600 р. сер., изъ которыхъ около половины закупаютъ Бродскія конторы, для отправки за границу.

Далѣе авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о *галантерейномъ* товарѣ (подъ которымъ разумѣются разные мелкіе предметы, употребляемые въ быту дворянскомъ и купеческомъ, служащіе для украшенія, для удовольствія, но не составляющіе существенной потребности въ жизни, напр. зонтики, перчатки, ленты, гребни, кошельки и т. п.) и *игольномъ* товарѣ (къ которому относятся тѣ же товары, только дешеваго, простаго издѣлія, для быта мѣщанскаго и крестьянскаго; но существенную принадлежность игольнаго товара составляютъ: пуговицы мѣдныя и оловячныя, мѣдныя кресты, наперстки, стеклярусь, иглы, булавки, крючки, тесьма). Галантерейный товаръ бываетъ Русскій, Польскій и заграничный. По официальнымъ вѣдомостямъ, привозъ Русскаго товара на Украинскія ярмарки въ 1854 г. показанъ на 984,100 р. сер, иностраннаго—на 218,000 р., сбытъ Русскаго на 388,660 р., иностраннаго—на 95,700 р. сер. Игольный товаръ распродается на сумму не менѣе 1,000,000 р. сер. и значительнѣйшими ярмарками являются Крещенская и Ильинская, продающія на 300,000 р. сер. каждая.

Затѣмъ находимъ у автора свѣдѣнія о косметическомъ товарѣ (продающемся на 150,000 р. с.), о торговлѣ золотыми и серебряными вещами (на 450,000 р. сер.), писчею бумагою (на 415,000 р. сер.) и коврами. Не останавливаясь на разсмотрѣніи данныхъ, представленныхъ авторомъ объ этихъ предметахъ, сообщимъ въ главнѣйшихъ чертахъ изслѣдованія автора о торговлѣ прасольскимъ товаромъ, къ которому принадлежатъ слѣдующіе предметы: сырой пушной или шкуровой товаръ, щетина, перо, пухъ, майка, грива, косица, роговые концы, аясъ и канареечное сѣмя, коноплянное масло, сало, пенька, медъ, воскъ, холстъ и подсолнечное масло. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ товаровъ. Для пушнаго товара главными ярмарками являются Ильинская, на которую привозится рухляди на 150,950 р. сер., Маслянская, торгующая на 145,925 р. сер., Крещенская — на 104,650 р. сер.; общую же цѣнность всей ярмарочной торговли звѣровымъ шкурнымъ товаромъ авторъ опредѣляетъ въ 547,105 р., въ томъ числѣ одного

зайца на 241,750 руб. Щетина, кромѣ внутренняго употребленія, идетъ за границу, а потому и цѣны находятся въ тѣсной связи съ заграничнымъ спросомъ. Крещенская, Ильинская, Маслянская, Вознесенская и Коренная ярмарки, самыя лучшія для торговли щетиной; прочія весьма не важны: количество всего привоза щетины на Украинскія ярмарки составляетъ до 23,000 пудовъ, на сумму до 450,000 р. сер., изъ которой на долю Крещенской приходится 112,000 р. Перо привозится на Украинскія ярмарки въ количествѣ до 15,000 пуд., въ годъ (писчаго до 3,000 и мягкаго до 12,000) на сумму 45,000 р. сер.; изъ этого количества на долю Крещенской ярмарки приходится 7,000 пуд. (1,000 пуд. писчаго и 6,000 мелкаго). Пуху бываетъ въ продажѣ слишкомъ 4,300 пуд., на сумму 40,000 р.; почти половина этого количества приходится на долю Крещенской ярмарки. Майка (т.-е. шпанская муха, называемая майкою на Украинѣ потому, что она появляется преимущественно въ маѣ мѣсяцѣ) въ самомъ большомъ количествѣ привозится на Ильинскую ярмарку, на которой въ продажѣ въ 1854 г. было до 1,500 пуд. на сумму 75,000 р. сер.; на всѣхъ-же ярмаркахъ количество майки равняется 2,000 пуд. на 100,000 руб. сер. Грива, подъ которою разумѣется волосъ конской гривы и коровьи хвосты, является на Украинскія ярмарки въ числѣ 4,500 пуд. на сумму 15,375 р.; косица, употребляемая на султаны для касокъ, доходить до 6,000 пуд. на сумму 30,000 р. сер.; роговые концы, т.-е. концы роговъ бычачьихъ и коровьихъ, продаются на 6,000 руб.; анисъ является главнѣйше на двухъ ярмаркахъ: Покровской—до 6,000 пудовъ, и Крещенской—не болѣе 100 пуд.; по цѣнѣ 1 р. 15 коп. за пудъ; канареэчнаго сѣмени бываетъ на этихъ-же ярмаркахъ не болѣе 300 пуд., по цѣнѣ, на мѣстѣ, 1 р. сер. за пудъ. По продажѣ коноплянаго масла важнѣе другихъ Харьковскія ярмарки; но вообще ни конопляное ни подсолнечное масло не входятъ въ разрядъ собственно оптовой ярмарочной торговли, ибо составляя предметъ необходимой потребности, продаются всюду, во всѣхъ городахъ, у осѣдлыхъ торговцевъ. Тѣмъ не менѣе на Крещенскую ярмарку привозится коноплянаго масла 1,000 бочекъ, или отъ 20 до 25 тысячъ пудовъ, по цѣнѣ 1 р. 80 коп. за пудъ; всего же привозится масла на ярмарку 63,000 пуд. на 117,000 р. сер. Сало бываетъ говяжье, баранье и свиное; но свиное сало не входитъ въ категорію того товара, который въ торговлѣ именуется вообще саломъ; оно даже почти не составляетъ предмета оптовой тор-

говли въ Малороссіи, ибо принадлежитъ къ произведеніямъ домашняго хозяйства и употребляется всею Малороссіею въ пищу. Въ прежнее время сало шло съ юго-восточной стороны Россіи въ Харьковъ и на Коренную ярмарку, т.-е. не самый товаръ требовался въ эти мѣста, но купля и продажа совершались въ Харьковѣ; или чрезъ Харьковъ, или при главномъ посредничествѣ Коренной ярмарки, которая занимала прежде по этой торговлѣ весьма значительное мѣсто. Теперь и значеніе Коренной ярмарки и ярмарочная торговля саломъ много упали, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а именно: 1) торговля саломъ Ростова и всего южнаго побережья обратилась въ порты Азовскіе и Черноморскіе, въ Таганрогъ и Одессу; 2) Евреи, закупаая сало въ Екатеринославлѣ, Бахмутѣ, Славяносербскѣ и вообще въ сѣверныхъ уѣздахъ Екатеринославской и Херсонской губерній, также направляютъ его въ Одессу и другіе южные порты; 3) въ послѣднее время Кременчугъ сдѣлался средоточіемъ по торговлѣ саломъ для всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, и 4) Донъ, восточная часть Воронежской губерніи, Тамбовъ и вся эта сторона торгуетъ саломъ мимо Украины, не смотря на то, что торговля системы граничатъ между собою. Касательно самаго сбыта сала должно замѣтить, что такъ-какъ скотину бьютъ преимущественно въ сентябрѣ и октябрѣ, то и сборъ сала производится въ концѣ октября, въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ. Поэтому на ярмаркахъ, предшествующихъ бою скота, закупается сало *будущее*, впередъ, на зимнихъ-же ярмаркахъ покупается сало *наличное*. Общее количество сала, являющееся на ярмарки, составляетъ 165,000 пуд. на сумму 470,000 р. сер., главный сбытъ его въ Петербургскій портъ. Пенькой не торгуютъ ни на одной Украинской ярмаркѣ, кромѣ Коренной. Медъ въ наибольшемъ количествѣ является на Успенскую ярмарку, до 40,000 пудовъ, на сумму 103,000 р. сер.; итогъ-же торговли медомъ на всѣхъ ярмаркахъ составитъ 271,500 р., — кромѣ Коренной, Кролевецкой, Ильинской и Сумской ярмарокъ, на которыхъ меда почти не бываетъ. Воску продается до 38,000 пуд. на 550,000 руб. сер. Холщеваго товара крестьянскаго продается на 385,000 р. сер. и наконецъ подсолнечнаго масла до 75,000 пудовъ на 135,000 р. сер.

Далѣе авторъ говоритъ о такъ-называемомъ черномъ товарѣ, къ которому относитъ крестьянское сукно (продаваемое на 125,000 р. с.), войлоки и разныя крестьянскія шерстяныя издѣлія, крестьянское шитое платье, овчины, тулупы (о которыхъ было говорено выше)



съѣстной крестьянскій товаръ (клюкву, грибы, грушу, сливу), мочальный товаръ, бѣлый шорный товаръ, бичеву и нить, ленъ и щепной товаръ. По разсмотрѣніи этого товара, почтенный авторъ заключаетъ свое описаніе данными о нѣкоторыхъ товарахъ, не вошедшихъ въ исчисленныя выше категоріи, именно: о книжномъ товарѣ, ватѣ, пряденой бумагѣ, мылѣ, обояхъ и гардинахъ.

Вотъ въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія г. Аксакова о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ. Оканчивая обзоръ нашъ, считаемъ приятнымъ долгомъ повторить, что трудъ г. Аксакова составляетъ драгоценное приобрѣтеніе для нашей статистической литературы.

Д. Ш.



**НОВЫЯ КНИГИ,**  
**ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.**

---

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, издаваемый статистическимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Книжка III, изданная подъ редакцію *Безобразова*, дѣйствительнаго члена географическаго Общества. С. Петербургъ, 1858.

Русское географическое Общество дѣлится на 4 отдѣленія: статистическое, этнографическое, географіи физической и географіи математической. Отдѣленія географіи описательной нѣтъ. До сихъ поръ являлись записки географическаго Общества и сборники по статистикѣ и этнографіи. Отдѣленія же физической и математической географіи ничего не издали. Чему приписать это молчаніе? Недостатку-ли матеріаловъ, или слабости средствъ?

Изданный въ прошломъ году статистическій сборникъ состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ статей, а именно:

- 1) Движеніе внѣшней торговли Россіи съ 1853 по 1856-годъ. *Ө. А. Тернера.*
- 2) Результаты народныхъ переписей въ Ардатовскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. *В. В. Трубникова.*
- 3) Движеніе народонаселенія въ Россіи съ 1848 по 1852 г. *Е. И. Кайша.*
- 4) Историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи. Священника *Словцова.*
- 5) Матеріалы для географіи и статистики Нижегородской губерніи. Архимандрита *Макарія.*

Въ первой статьѣ авторъ обозрѣваетъ Европейскую торговлю въ періодъ отъ 1846 по 1856 годъ. Онъ приписываетъ замѣшательство въ торговлѣ за это время неурожаю 1846 года, политическимъ смутамъ 1848 и необыкновенному развитію предпріятій для построекъ желѣзныхъ дорогъ, превратившихъ обращающіеся капиталы въ основные. Перевороты эти имѣли неважное вліяніе на торговлю Россіи, потому-что она не успѣла еще сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ во всемірной торговлѣ, но занимается развитіемъ собственныхъ силъ. Изъ этого открывается, какъ близки къ паденію государства чисто-коммерческія. Наполеонъ I зналъ, что благосостояніе Англіи зависитъ отъ ея повсемѣстной торговли и сталъ поражать Британію не пушками, а континентальною системою. Не затѣвая онъ войны съ Россіею, Англія упала-бы до третестепенной державы. То государство прочно и надежно, которое существуетъ внутренними средствами. Уже давно мы слышимъ укоризну отечеству нашему за то, что оно государство земледѣльческое. Хлѣбъ есть первая, одежда — вторая потребность каждаго чело-вѣка. Богата Россія этими средствами и можетъ существовать безъ виѣшней торговли въ случаѣ крайности. Европа и новыя свѣты пострадали отъ банкротствъ, Россія осталась тою-же, какою была.

Сдѣлавъ краткое обозрѣніе Европейской торговли, авторъ обращается ко виѣшней торговлѣ Россіи. Онъ говоритъ, что торговля наша не переставала возрастать съ 1824 года, кромѣ годовъ послѣдней войны. Съ 1824 по 1828 годъ она составляла 107 милліоновъ рублей, а съ 1849 по 1853 годъ она простиралась уже на 230 милліоновъ. Столь быстрое развитіе авторъ приписываетъ, во-первыхъ, тарифу 1853 года, во-вторыхъ, уничтоженію таможенной линіи между Россіею и Польшею и, въ-третьихъ, сильному увеличенію торговаго движенія драгоцѣнныхъ металловъ. Война въ 1854 году понизила нашу торговлю на 67 милліоновъ.

Авторъ дѣлитъ нашу торговлю на Европейскую и Азіатскую; для первой цвѣтущимъ годомъ былъ 1853; итогъ ея простирался на 226 милліоновъ; вторая въ 1852 году доходила до 27 милліоновъ.

Касательно привоза и вывоза товаровъ авторъ замѣчаетъ, что съ 1842 по 1852 было сильное приращеніе въ привозѣ. Въ 1853 году привозъ простирался до 101 милліона руб., вывозъ-же въ этомъ году былъ на 145 мил.; за то въ 1854 году вывозъ упалъ до 63 милліоновъ. За исключеніемъ годовъ 1854 и 1855, отпускъ вездѣ

играетъ преобладающую роль. Однакожь авторъ называетъ результатъ этотъ кажущимся, хотя доказательства на то не приводить.

Движеніе драгоцѣнныхъ металловъ оказывается тоже въ нашу пользу. Огромный привозъ къ намъ металловъ былъ въ 1853 году и превышалъ вывозъ на 19 милліоновъ руб., по причинѣ сильнаго спроса нашего хлѣба за границу.

Нашъ отпускъ преимущественно состоитъ изъ земледѣльческихъ произведеній: хлѣба, льна, сала, пеньки, масличныхъ сѣменъ, шерсти, кожъ, дѣса и разныхъ издѣлій.

Окудные урожаи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ 1853 года, произвели отсутствіе Русскаго хлѣба на иностранныхъ рынкахъ, гдѣ цѣны поднялись до неслыханной высоты, не смотря на привозъ хлѣба изъ сѣверной Америки. Это возвышеніе доказало, что Америка не въ силахъ довольствоваться хлѣбомъ Европу, и что она не можетъ еще вытѣснить Русскій хлѣбъ съ Европейскихъ рынковъ. Два года (1853 и 1854) усиленнаго отпуска до того истощили запасы этой страны, что цѣны въ Нью-Йоркѣ поднялись на ту-же высоту, на которой стояли въ Лондонѣ.

Вотъ какъ изображаетъ авторъ движеніе нашей торговли хлѣбомъ: съ 1790 по 1805 годъ отпускъ хлѣба съ 400,000 четв. возросъ до 2 милліоновъ четв.; съ 1806 по 1816 годъ, вслѣдствіе континентальной системы, онъ упалъ до 500,000 четвертей; въ періодъ съ 1820 по 1845 годъ Русская отпускная торговля хлѣбомъ подверглась большимъ колебаніямъ отъ Англійской тарифной системы. За всѣмъ тѣмъ отпускъ нашъ сталъ возрастать съ 1842 года и въ 1853 году возросъ до 10,438,669 четвертей, цѣною на 54,612,121 руб. сѣр. 1853 годъ не есть максимумъ нашего отпуска. Въ 1847 году вывезено его на 70.772,381 руб. Тогда былъ неурожай въ Европѣ, и парламентъ установилъ пошлину по 25 коп. съ червертя; за то въ 1855 году вывезено хлѣба только 650,000 четвертей, по причинѣ блокады нашихъ портовъ и запрещенія отпустить хлѣбъ за границу.

Пшеница и рожь занимаютъ первое мѣсто въ нашей торговлѣ, за ними слѣдуютъ овесъ, ячмень, кукуруза. Главный отпускъ производится изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Отпускъ ржи и овса преимущественно производится изъ сѣверныхъ портовъ: Риги, Петербурга и Архангельска; ячмень - же отпускается преимущественно изъ Риги и Любавы. Кукуруза сѣтся на поляхъ южной

Россіи. Съ 1850 года отпускъ ея простирался до 51 тыс. четвертей. Неурожай 1847 года заставилъ Англичанъ обратить вниманіе на кукурузу и скоро она сдѣлалась пищею народа. Съ тѣхъ-поръ стала она предметомъ торговли. Въ 1853 году отпущено кукурузы изъ Черноморскихъ портовъ 574,847 четверт. на 2,372,273 руб.

Хлѣбъ нашъ отпускается за границу преимущественно въ зернѣ, что весьма не выгодно для насъ, между тѣмъ-какъ сѣверная Америка продаетъ около половины своего хлѣба въ мукѣ. Авторъ говоритъ, что наша мука хуже иностранной, потому-что въ Америкѣ готовится она на огромныхъ механическихъ мельницахъ, движимыхъ парами. Съ этимъ согласиться нельзя. Наша мука нисколько не хуже иностранной, а можетъ быть и лучше, но дѣло въ томъ, что Американцы сохраняютъ свою муку въ боченкахъ, плотно закупоренныхъ, а наша мука продается въ рожженныхъ куляхъ. Авторъ, слѣдуя общему заблужденію, оуждаетъ и наше земледѣіе, но стоитъ ему лишь вспомнить, что наша земледѣльческая промышленность вся въ рукахъ помѣщиковъ. Многіе изъ нихъ бывали за границею, изучили тамошнее земледѣіе, пробовали ввести его у себя, и тяжкій опытъ доказалъ, что оно не годится для Россіи.

Послѣ того авторъ изображаетъ колебаніе цѣнъ на хлѣбъ внутри Имперіи, для чего беретъ губерніи: Смоленскую, Калужскую, Тамбовскую, Орловскую, Могилевскую. Главнѣйшій хлѣбный нашъ рынокъ образовался въ городѣ Рыбинскѣ. Городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Волгѣ, — артеріи движенія хлѣбной торговли. Здѣсь производится перегрузка изъ глубокихъ судовъ въ плоскодонныя. Но какъ упадокъ воды происходитъ во вторую половину лѣта, то значительное количество грузовъ принуждено зимовать въ Рыбинскѣ. Теперь хлѣбные обороты этого города оцѣниваются круглымъ числомъ въ 30 мил. руб. ежегодно.

Изъ этихъ изображеній видно, что хлѣбныя цѣны во время періода дороговизны на внутреннихъ рынкахъ были слабѣе, нежели въ портовыхъ городахъ.

Послѣ обозрѣнія нашей хлѣбной торговли авторъ обращается къ торговлѣ этимъ произведеніемъ за границею. Видно, что г. Тернеръ много читалъ и соображалъ. Если съ выводами его о хлѣбной торговлѣ не каждый согласится, за то рѣдкій не воздастъ похвалы его трудолюбію.

Второю статьею нашего отпуска за границу служатъ масличныя сѣмена. Съ 1842 по 1846 годъ средній годовой отпускъ льнянаго и

коноплянаго сѣмень простирается до 8.293,000. Въ 1853 году отпущено на 11,798,000, за то въ 1855 г. только на 2.186,000 руб. Главный отпускъ принадлежатъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, откуда сѣмя идетъ на маслобояни. Сѣмя, отпускаемое изъ Балтійскихъ портовъ, идетъ на посѣвъ. Конопляное сѣмя отпускается въ ничтожномъ количествѣ. Кромѣ того вывозятся изъ Россіи сѣмена подсолнечниковъ, сурепицы и другія.

Шерсть мериносовая и простая, а также и козій пухъ составляютъ немаловажную статью нашего отпуска за границу, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ разведеніе мериносовъ усилилось въ южной Россіи.

Овечьей шерсти отпущено изъ Россіи въ 1852 и 1853 годахъ среднимъ числомъ:

изъ южныхъ портовъ на .....	5.006,549	руб. сер.
черезъ сухопутную границу на .....	2.810,578	» »
изъ Балтійскихъ портовъ на .....	1.132,742	» »
	<hr/>	
	8.949,969	руб. сер.

Козьяго пуха отпущено на 256,748 руб. сер.

Отпускъ шерсти изъ Россіи распредѣляется слѣдующимъ порядкомъ между иностранными-государствами:

въ Англію.....	на 3.469,100	руб. сер.
» Пруссію.....	» 1.823,500	» »
» Австрію.....	» 1.214,300	» »
» Францію.....	» 607,800	» »
» Турцію.....	« 484,200	» »
» Италію.....	« 158,000	» »
» Бельгію.....	» 125,000	» »
» Нидерланды.....	» 115,000	» »
» прочіе страны.....	» 89,200	» »

Авторъ замѣчаетъ, что за простую Русскую шерсть, отпускаемую за границу, мы получаемъ болѣе выгодъ, нежели за мериносовую, а потому совѣтуетъ овцеводамъ обратить вниманіе на выборъ племенныхъ барановъ, приспособившихся къ нашему климату и мѣстности.

Въ отпускѣ за границу животныхъ продуктовъ главное мѣсто занимаетъ сало. По свѣдѣніямъ за 1851 годъ, считалось въ Россіи

рогатаго скота 20 мил. головъ и до 36 мил. овецъ, между тѣмъ какъ за границею по послѣднимъ свѣдѣніямъ считается:

	Рогатаго скота.	Овецъ.
въ Англіи .....	10.000,000 головъ.....	32.000,000
» Пруссіи.....	5.500,000 » .....	16.250,000
» Франціи.....	12.000,000 » .....	35.000,000
» Австріи.....	11.500,000 » .....	33.750,000
» Швеціи и Норвегіи	1.623,000 » .....	1.464,000

Не смотря на превосходное по количеству наше скотоводство, въ 1852 году было всего 770 свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, на которыхъ приготовлено 2 мил. пудовъ произведеній. Въ Англіи же и Шотландіи сдѣлано въ 1840 году одного мыла болѣе 5 мил. пудовъ.

Съ 1828 по 1838 годъ отпускалось за границу сала постоянно среднимъ числомъ болѣе 4 миллионъ пудовъ, но въ 1851 и 1852 годахъ отпускъ не составлялъ и 3 миллионъ пудовъ. Буэносъ-Айресъ въ южной Америкѣ развелъ огромное скотоводство и соперничаетъ съ нами. Хотя развитіе пароходства усилило потребленіе сала, но оно замѣнено кокосовымъ и пальмовымъ маслами. Сверхъ-того цѣны на сало поднимаются у насъ ежегодно. Авторъ изобразилъ колебаніе ихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, судя по разнымъ причинамъ. Главный отпускъ сала производится изъ С. Петербургскаго порта. Великобританія всегда играла главную роль въ торговлѣ нашимъ саломъ. Она передавала даже наше сало Франціи.

Авторъ говоритъ, что въ южныхъ губерніяхъ нашихъ скотина убивается часто для сала и шкуры, мясо же не идетъ ни на какое употребленіе. Жаль, что авторъ не показалъ, изъ какихъ источниковъ заимствовалъ онъ это свѣдѣніе. Можно ли думать, чтобы тамошніе помѣщики не умѣли готовить солонины, которой однакъ въ самый худой годъ отпущено на 7,328 руб.; неужели никто не слыхалъ тамъ о дороговизнѣ мяса въ Англіи, неужели Новоросіане бросаютъ мясо собакамъ, вытопивши изъ него сало?

Вывозъ салныхъ свѣчъ изъ Россіи, простиравшійся до 53 тыс. пуд., упалъ до 20 тыс. пуд. За то съ 1840 года начался отпускъ стеарина и оеина. Отпускъ стеариновыхъ свѣчъ въ 1853 году составлялъ 19,039 пуд. Можно полагать, что торговля наша стеариномъ не остановится на этой степени, но, увеличиваясь постепенно,

пополнить упадки прочихъ статей. Дешевизна стеарина внутри государства произойдетъ непременно, потому-что стеариновые заводы учреждаются на главныхъ мѣстахъ покупки сала, напр. въ Казани и Екатеринбургѣ. Тамъ представляется возможность приготовить сѣрную кислоту; работникъ и топливо тамъ дешевы. Опасаться надобно только монополіи, а соперничество пока невозможно.

Воздѣлываніе льна и пеньки въ Россіи успушаетъ лишь скотоводству и воздѣлыванію зерноваго хлѣба. Валовая цѣнность этого произведенія простирается до 55½ мил. Съ первыхъ временъ существованія нашей заграничной торговли пенька и ленъ считались главными предметами. Отпускъ ихъ возрасталъ съ 1820 года и въ 1853 году простирался до 8.986,309 пуд. Война разстроила эту торговлю, такъ-что въ 1855 году отпущено только 2.905,402 пуда. И здѣсь главная покупщица у насъ Англія, за нею слѣдуютъ прочія государства и даже сѣверная Америка. Главный отпускъ производится изъ портовъ Балтійскаго моря, затѣмъ слѣдуетъ Бѣлое море и сухопутная западная торговля. Бѣлое море играетъ значительную роль только по отпуску льна и льняной пакли. Вологодская и Вятская губерніи производятъ волокнистые льны, а рѣка Двина представляетъ удобный путь къ Архангельску. Этимъ-же путемъ идетъ ленъ изъ Олонецкой, Ярославской и Владимірской губерній. Первую роль между портами Балтійскаго моря играетъ Рига.

Кромѣ льна и пеньки, отпускается за границу и пряжа изъ этихъ произведеній. Количество пряжи не простиралось выше 223,701 пуда. Главную роль играетъ здѣсь Юрбургъ.

Торговля лѣсомъ издавна принадлежала Россіи. Не смотря на то, что лѣса сильно уменьшились отъ безразсудной порубки, съ Россією соперничаютъ въ этомъ товарѣ только Швеція и Норвегія. Въ 1845 году отпущено лѣса за границу на 3.745,356 руб. с. а въ 1853 г. — на 5.019,783 р. с. Итогъ увеличился отъ предстоявшей войны. Отпускомъ лѣса за границу могутъ заниматься только сѣверныя и западныя губерніи наши. Отпускъ изъ портовъ Балтійскаго моря занимаетъ первое мѣсто, потомъ слѣдуетъ западная сухопутная граница, за нею Бѣлое море, а наконецъ моря Черное и Азовское.

Затѣмъ авторъ изображаетъ отпускъ нашихъ не важныхъ статей торговли, какъ-то: щетины и конскаго волоса, металловъ не въ дѣлѣ. Достоинно примѣчанія колебаніе торговли нашей желѣ-



зомъ. Отпускъ въ Европу уменьшается съ каждымъ годомъ, зато отпускъ въ Азію увеличивается. Отпускъ мѣди въ Европу сталъ увеличиваться, вѣроятно, потому, что наши мѣдные деньги вздорожали.

Торговля мягкою рухлядью съ Европою уменьшается почти ежегодно, за то въ Азіи она если не возрастаетъ, то по-крайней-мѣрѣ держится въ одномъ положеніи, измѣняясь только спросомъ то одного, то другаго сорта. Не умолчимъ однакожь, что статья о торговлѣ мягкою рухлядью менѣе прочихъ обработана авторомъ.

Отпускъ льняныхъ и пеньковыхъ произведеній за границу простирается свыше 2 мил. руб. сер. Къ льнянымъ издѣліямъ принадлежатъ полотна, равентухъ и холстъ, къ пеньковымъ — канаты и веревки. До 1846 года главную роль играли издѣлія льняныя, а съ 1850 года первенство перешло къ канатамъ и веревкамъ. Война уронила ту и другую статью. Теперь открылся новый сбытъ нашего хрящеваго холста въ Америку на мѣшки.

Кожки наши отпускаются за границу въ трехъ видахъ: юфти, выдѣланныхъ и сырыхъ. Юфть идетъ въ Италію; Австрія и Пруссія получаютъ наши кожы выдѣланныя и сырыя; за ними слѣдуютъ прочія государства. Южная Россія, такъ богатая дешевымъ скотомъ, въ-состояніи была-бы снабжать всю Европу кожами, но видно, что не пришла-еще пора. Торговля выдѣланными кожами съ Китаемъ и Среднею Азіею хотя и медленно, а все-таки увеличивается.

Отпускъ поташа, доходившій съ 1827 по 1831 годъ до 600 тыс. пуд., упалъ въ 1846 году до 295,180 пуд., но съ-тѣхъ-поръ сталъ возвышаться.

Исчисляя такимъ образомъ всѣ статьи нашей отпускной торговли, авторъ говоритъ, что первая торговка съ нами есть Англія. Однакожь зависимость ея отъ Россіи не такъ велика, сколько полагаютъ нѣкоторые. Впродолженіе войны 1854 — 55 годовъ привозъ въ Англію шерсти, льнянаго сѣмени, льна, пеньки и проч. превзошелъ количество мирныхъ годовъ, но этому способствовала непомѣрная дороговизна. Всѣ находили болѣе выгоднымъ продать Русскіе товары въ Англіи, нежели дома. Продлиась война еще два года, и Англія почувствовала-бы, что не выгодно воевать съ Россіею.

Авторъ статьи о движеніи внѣшней торговли нашей, какъ видно, посвятилъ себя изученію торговли, не смотря на то, что весь-

ма еще молодъ, обнаруживаетъ трудолюбіе и терпѣніе, свойственныя зрѣлымъ лѣтамъ. Предоставляемъ специалистамъ подробное сужденіе о трудѣ его. Скажемъ безъ лести, что онъ подаетъ большія надежды въ будущемъ, если обстоятельства не переставутъ ему благопріятствовать. Императорское Русское географическое Общество наградило его золотою медалью.

---

Вторая статья въ Сборникѣ составлена дѣйствительнымъ членомъ Трубниковымъ и содержитъ въ себѣ результаты народныхъ переписей въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Статья эта есть отрывокъ изъ обширнаго статистическаго изслѣдованія, производимаго авторомъ въ Симбирской губерніи. Изъ отрывка однакожь видно, что авторъ взялся за дѣло съ умънемъ. Желательно, чтобы трудъ его увѣчался полнымъ успѣхомъ. Статистика вдается иногда въ такія подробности, которыя, утомляя вниманіе, ни къ чему не приводятъ. Много словъ, цифръ и выводовъ, а толку мало. Надѣмся, что г. Трубниковъ, хорошо понимающій дѣло, убѣжденъ въ беспомощности математическихъ измѣненій величинъ и представитъ намъ чистую статистику.

---

Третья статья есть: «Движеніе народонаселенія въ Россіи съ 1848 по 1852 годъ». Составлена дѣйствительнымъ членомъ Е. И. Кайшшемъ.

Авторъ сожалеетъ, что въ нашихъ метрическихъ книгахъ не означаются ни младенцы мертворожденные, ни матери, умершія отъ родовъ, между-тѣмъ-какъ въ другихъ государствахъ ведется имъ счетъ. Самое большое количество мертворожденныхъ падаетъ на Саксонію, а меньшее — на Баварію. Въ Парижѣ умираетъ отъ родовъ одна женщина изъ 585 и въ публичныхъ заведеніяхъ умираетъ въ 7 разъ болѣе родильницъ, нежели въ частныхъ домахъ. Значитъ не у насъ-же однихъ иные врачи лечуть небрежно въ больницахъ.

Обращая вниманіе на число рождающихся въ Россіи авторъ находитъ, что съ каждымъ пятилѣтіемъ число рождающихся у насъ увеличивается, однакожь не постоянно, а черезъ годъ, т.е. въ одинъ годъ родится больше, въ другой меньше, потомъ опять больше перваго года и т. д.

Число умершихъ тоже колеблется, но въ общемъ итогѣ жизнь побѣждаетъ смерть. Въ числѣ родившихся болѣе мальчиковъ, нежели дѣвушекъ, но изъ первыхъ умираетъ болѣе, нежели изъ послѣднихъ. По ревизіямъ и отчетамъ видно, что у насъ женскій полъ превышаетъ мужской 3-мя процентами.

По 9-й ревизіи 1851 года было:

мужскаго пола.....	32.222,561
женскаго .....	32.948,037

---

разность 725,476.

Не должно выпускать изъ вида и того, что ревизія женскаго пола, особенно у инородцевъ, производится небрежно.

Ежегодное приращеніе по одному православному вѣроисповѣданію авторъ опредѣляетъ въ 518,906 душъ. Если принять всю населенность Россіи въ 65 миллионѣвъ, то чрезъ 100 лѣтъ она возрастетъ до ужаснаго количества болѣе 100 миллионѣвъ.

Авторъ дѣлитъ наше народонаселеніе на три періода жизни: *приготовительный*, *зрѣлый* и *преклонный*. Къ первому относятъ онъ жизнь до 20-лѣтняго возраста, ко второму — отъ 21 до 60, къ третьему, жизнь выше 60 лѣтъ. Жителей зрѣлаго возраста, способныхъ работать, полагаетъ онъ 17 мил. душъ.

Статья г. Кайпша обнимаетъ лишь одно пятилѣтіе, по которому нельзя сдѣлать правильнаго заключенія о движеніи народонаселенія.

Географическое Общество публикуетъ ежегодно задачи, касающіяся этнографіи и статистики. Одна изъ этихъ задачъ состояла въ томъ, чтобы описать неурожай, бывшіе въ Россіи. Предметъ очень трудный. Въ Англіи напр. неурожаи бывають повсемѣстные, или поражаютъ большую часть государства; у насъ же общій неурожай не возможенъ. Россія такъ длинна и широка, что въ одной губерніи засуха, въ другой хлѣбъ вымокъ отъ дождей, въ одной полосѣ градъ побилъ зелень, въ другой она растетъ превосходно. Въ южныхъ губерніяхъ истребляетъ хлѣбъ саранча, въ сѣверныхъ-же только слышали про нее. Поэтому исторію неурожаевъ можно составить лишь для каждой губерніи порознь. Не смотря на трудность задачи, взялся за нее священникъ Словцовъ и обработалъ ее хотя не вполне удовлетворительно, какъ было предложено въ задачѣ, однакожь географическое Общество наградило его половинною премією.

Авторъ исчисляетъ сперва хронологически неурожаи, бывшіе въ Россіи, о которыхъ говоритъ исторія или документы. Первый неурожай, попавшій въ исторію Карамзина, былъ въ 1024 году. Онъ свирѣпствовалъ въ Суздальской области. Въ 1070 году неурожай былъ въ Ростовской области и на Волыни. Такимъ порядкомъ исчисляетъ авторъ всѣ извѣстные неурожаи по 1854 годъ.

Причины неурожаевъ приписывались въ древности колдовству старыхъ бабъ, однакожь не всѣ вѣрили этому и въ то-же время объясняли ихъ физически; напр. о неурожаѣ 1092 года сказано въ лѣтописи: «Ведро бяше, яко изгараше земля во многихъ областяхъ и мнози борове взгарахуся сами и болота». Всѣхъ засухъ до 1848 года исчисляетъ авторъ четырнадцать. Число это, безъ сомнѣнія, должно удесятить и тогда только истина будетъ близка.

17 неурожаевъ насчитываетъ авторъ отъ несвоевременныхъ морозовъ; напр. 1128 г. «уби морозъ рожь всю и озимую». 1419 г. «снѣгъ паде на Никитинъ день и иде 3 дня и 3 ноци; паде его на 4 пяди, а потомъ сойде, и мало кое что сѣте». Никитинъ день должно разумѣть или 28 мая или 9 сентября.

Проливные дожди губили также много разъ хлѣбъ. Въ 1454 г. «дождь бысть умноженъ и ржей не сѣяли». Въ 1782 году Якутская провинція потерпѣла неурожай отъ проливныхъ дождей. Тутъ нужно объясненіе. Подъ именемъ Якутской провинція едва-ли неразумѣли тогда уѣзды Киренскій и Илимскій, гдѣ постоянно занимаются земледѣіемъ. Въ самомъ-же Якутскѣ земледѣіе — охота.

О градобитіяхъ молчатъ наши лѣтописи, за то о саранчѣ упоминается въ первый разъ въ 1094 г. Авторъ почисляетъ восемь появленій саранчи.

«Въ 1309 году бысть казнь отъ Бога: мышь поѣла рожь, и овесь, и щеницу всякое жито, отъ того бысть велика межевица зла...»

Послѣ того исчисляетъ авторъ какое жито пострадало преимущественно и какое осталось цѣлымъ. Слѣдствіемъ неурожая были высокія цѣны на хлѣбъ, а по временамъ и голодъ, отсюда нищенство, бродяжничество, разбой, переселенія, болѣзни и смертность. Въ 1602 году голодъ довелъ людей до того, что они поѣдали другъ друга. Матери пожирали дѣтей, а дѣти грызли матерей. Неурожаи производили и скотскіе падежи.

Принимало-ли тогдашнее правительство мѣры на случай неуро-

жаевъ — авторъ не говоритъ, но въ 1720 году Петръ I учинилъ *экономію генеральную*, чтобы вездѣ запасный хлѣбъ былъ.

Исчисливъ неурожай, ихъ причины и слѣдствія, авторъ переходитъ за границу и считаетъ неурожай, начиная съ 1034 по 1846 годъ. Всѣхъ иностранныхъ неурожаевъ по исчисленію оказалось 49, Русскихъ-же за то время 81. Показаніе это авторъ счтаетъ не вѣрнымъ, по недостатку опредѣлительныхъ данныхъ.

Священникъ Словцовъ самъ признаетъ свой трудъ несовершеннымъ, во-первыхъ, по короткому сроку, ему предложенному; во-вторыхъ, по недостатку матеріаловъ, и что онъ взялся за него только для пользы общей. Съ своей стороны мы находимъ трудъ священника Словцова похвальнымъ и желаемъ, чтобы онъ обратилъ явнее вниманіе на этотъ предметъ, который многимъ покажется благодарнымъ.

Богѣ другихъ оказалъ услугъ Обществу архимандритъ Макарій. Этотъ ученый, набожный, трудолюбивый инокъ есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ географическаго Общества. Его статьи найдутся во всѣхъ сборникахъ, во многихъ номерахъ «Географическаго вѣстника». Архимандритъ Макарій — этнографъ, археологъ, статистикъ и географъ. Въ разбираемомъ теперь сборникѣ напечатана статья его подъ заглавіемъ: «Матеріалы для географіи и статистики Нижегородской губерніи». Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Предлагаемые матеріалы для географіи и статистики Нижегородской губерніи собраны мною частью на мѣстѣ, частью извлечены изъ губернскихъ вѣдомостей, а частью изъ рукописей, доставленныхъ въ географическое Общество. Чтобы все это не пропало для науки, я рѣшился собрать все въ одно цѣлое, раздѣливъ мой трудъ на двѣ части. Къ первой отнесъ матеріалы для географіи и статистики, а ко второй будутъ отнесены матеріалы для этнографіи. Отецъ-архимандритъ скромно говоритъ, что трудъ его есть собраніе матеріаловъ для географіи и статистики Нижегородской губерніи, а потому критика безгласна предъ такимъ признаніемъ. Намъ остается лишь просить любознательнаго инокъ не ослабѣвать на избранномъ поприщѣ.

И. Ш.

Описание войны между Россією и Швецією, въ Финляндіи, въ 1741, 1742 и 1743 годахъ, составл. *Н. Шпилевскою*. С. Пб. 1859.

Описание это было помѣщено въ «Военномъ журналѣ»; нынѣ оно вышло отдѣльными оттисками и мы спѣшимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на это весьма интересное сочиненіе. Мы съ предубѣжденіемъ принялись за чтеніе «Описанія» и наше предубѣжденіе было извинительно: авторъ *военнаго* сочиненія, помѣщеннаго въ *военномъ* журналѣ — женщина; тѣмъ пріятнѣе было намъ замѣтить, по прочтеніи первыхъ-же главъ «Описанія», что мы были не правы.

Сочиненіе госпожи Шпилевской составлено по многимъ, вообще мало извѣстнымъ источникамъ, составлено добросовѣстно, отчетливо, безъ грубыхъ промаховъ и ошибокъ, и даетъ довольно хорошее понятіе о нашей трехлѣтней войнѣ съ Швеціей.

Война эта извѣстна Русскимъ читателямъ по запискамъ Манштейна, напечатаннымъ въ переводѣ на Русскій языкъ въ 1810 и 1823 годахъ (оба изданія нынѣ довольно рѣдки), и по сочиненіямъ Вейдемейера: «Обзоръ событій въ Россіи съ кончины Петра I до Елисаветы Петровны» и «Царствованіе Елисаветы Петровны». Та и другая книга выдержали три изданія и при всемъ томъ давно уже признаны весьма неудовлетворительными; тѣмъ-болѣе благодарны мы г-жѣ Шпилевской за то, что она взяла себѣ задачей описать событія мало-извѣстныя.

Но не надобно смотрѣть на книгу г-жи Шпилевской, какъ на *описание* войны 1741—1743 годовъ; въ строгомъ смыслѣ это есть не *описание*, но сборникъ извѣстій и матеріаловъ, относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ Русскихъ и Шведскихъ войскъ въ Финляндіи, — извѣстій, собранныхъ изъ Шведскихъ и Французскихъ сочиненій, преимущественно современныхъ, да изъ Петербургскихъ вѣдомостей того времени; болѣе половины книги занято буквальными выписками изъ напечатанныхъ въ то время реляцій и писемъ фельдмаршала Ласси, генерала Кейта и другихъ.

Выписавъ изъ вѣдомостей все, что относилось къ военнымъ дѣйствіямъ, г-жа Шпилевская, къ сожалѣнію, слишкомъ мало пользовалась иностранными источниками. Это тѣмъ-болѣе жаль, что небольшой, но весьма обстоятельный списокъ этихъ сочиненій

помѣщенный г. Кунникомъ въ «Ученыхъ запискахъ академіи наукъ по I и III отдѣл.» былъ извѣстенъ составительницѣ книги; а судя по немногимъ цитатамъ, и самыя сочиненія были ею прочитаны.

Итакъ, еслибы г. Шпилевская обратила болѣе вниманія на сочиненія Лагу, Топеліуса, и въ-особенности на дневникъ Тибурціуса—драгоценный матеріалъ для описанія этой войны, то-ея сочиненіе было-бы несравненно занимательнѣе, въ немъ не было-бы той сухости, отрывчатости въ разсказѣ, пробѣловъ въ изложеніи событій, какіе мы теперь находимъ. Не понимаемъ, къ чему было такъ тщательно перепечатывать вѣдомости того времени, строго сохраняя весь безобразный ихъ Нѣмецко-Русскій слогъ, и въ то-же время такъ мало заимствовать подробностей изъ иностранныхъ источниковъ?

«Я намѣрена, говоритъ составительница, собрать здѣсь только нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя мною преимущественно изъ Шведскихъ источниковъ (вѣрнѣе было-бы сказать изъ Петербургскихъ вѣдомостей), и надѣюсь, что они будутъ не безъ интереса и пользы» (стр. 3). Въ другомъ мѣстѣ (188 стр.) она говоритъ, что «цѣль ея труда собрать только матеріалы для исторіи этой войны, предоставляя другимъ, болѣе искуснымъ, самое описаніе». Мы-же думаемъ, что это сочиненіе, которое, по собственному сознанію автора, не есть *описаніе* войны, а только сборникъ матеріаловъ, могъ-бы представить намъ вполне обстоятельную картину кампаніи 1741—1743 годовъ: стоило-бы только столь-же тщательно заняться иностранными источниками, какъ тщательно занялась г-жа Шпилевская извлеченіями изъ вѣдомостей. Замѣтимъ тутъ-же, что самое изложеніе, слогъ книги не вездѣ удовлетворителенъ и даже не вездѣ правиленъ.

Въ первомъ томѣ «Финскаго вѣстника» на 1845 годъ помѣщенъ «Очеркъ войны въ Финляндію въ 1741—1742 годахъ. Изъ Шведскихъ источниковъ». Жаль, что составительница «Описанія» упустила изъ виду этотъ живой, занимательный, хотя и не совсѣмъ полный историческій разсказъ; онъ-бы пригодился не только для нѣкоторыхъ подробностей описанія, но и какъ образчикъ того, что и *военно-историческія описанія* могутъ быть написаны языкомъ легкимъ.

При всѣхъ недостаткахъ, о которыхъ мы упомянемъ еще ниже, сочиненіе г-жи Шпилевской вполне заслуживаетъ вниманія;

постараемся же ближе познакомить нашихъ читателей съ интереснѣйшими страницами «Описанія войны 1741—1743 годовъ».

Первая глава довольно обстоятельно знакомитъ насъ съ причинами войны.

«Со времени Ништатскаго мира Швеція не могла простить Россіи ея громадныхъ, столь славныхъ завоеваній. Недостатокъ единодушія, разстройство финансовъ, крайніе безпорядки въ государственномъ управленіи — вотъ причины, препятствовавшія Швеціи въ теченіе 20 лѣтъ, послѣ безславнаго мира, затѣять новую брань съ Россіей. Въ спорахъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ двухъ партій: копаковъ и шляпъ,—одной, желавшей войны, и другой, желавшей мира, Стокгольмское правительство теряло время, и время самое удобное для открытія военныхъ дѣйствій. Съ 1736 по 1739 годъ Россія вела славную, но крайне изнурительную и совершенно бесполезную войну съ Крымомъ и Турціей. Всѣ главныя силы Русской арміи подъ начальствомъ знаменитѣйшихъ военачальниковъ были стянуты на югъ; вотъ когда Швеція могла подняться на Россію, почти беззащитную со стороны Финляндіи.

Но въ пустыхъ толкахъ, крикахъ и спорахъ государственные члены Швеціи проволочили время до 1738 года. Только теперь, на шумномъ трехмѣсячномъ сеймѣ, Шведскимъ государственнымъ совѣтникомъ Спарре было предложено государственному совѣту усилить войска, расположенныя въ Финляндіи, подкрѣпивъ ихъ 6,000 пѣхоты, 3,000 кавалеріи и нѣсколькими орудіями. Спарре доказывалъ, что Россія, занятая войною съ Турціей, не въ силахъ будетъ вести борьбу съ Швеціей, и потому одними приготовлениями къ войнѣ можно принудить Русскихъ уступить Выборгъ, Ингерманландію и С. Петербургъ. Тщетно говорили немногіе люди изъ партіи умѣренной противъ мечтательныхъ, слишкомъ безрассудныхъ плановъ. Государственные чины были столь исполнены самоувѣренностью, общество было такъ возбуждено противъ Россіи, что предложеніе Спарре было принято. Чернь волновалась, всюду раздавался голоса въ пользу военныхъ дѣйствій; чиновникамъ Русскаго посольства нанесены были обиды, наконецъ въ ночь съ 9 на 10 декабря 1739 года Стокгольмская чернь выбила камнями окна Русскаго посольскаго дома.

Одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство еще болѣе озлобило Шведовъ. Въ іюнѣ 1739 года получено было извѣстіе, что майоръ Малькомъ Цинклеръ, посланный изъ Стокгольма съ



важнѣмъ порученіемъ въ Константинополь; убитъ на возвратномъ пути двумя офицерами близъ Христианштата въ Силезіи, а дѣлаши находившіяся при немъ, отняты. Подробное описаніе сего событія было напечатано; въ немъ положительно утверждали, что убійцы Цинклера были подосланы Русскимъ правительствомъ. Какъ повѣстно, Анна Ивановна протестовала противъ этого обвиненія, но раздраженные умы не были успокоены оправданіемъ Петербургскаго кабинета.

Ни славная побѣда Ставучанская, ни взятіе Хотина, ни извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Россіей и Турціей, ни сомнѣніе короля Шведскаго въ успѣхѣхъ предпріятія, ничто не могло остановить рѣшеніе государственнаго совѣта. Заблужденіе его было такъ велико, увѣренность въ успѣхѣхъ такъ сильна, что даже не предполагали, чтобы дѣло могло дойти до кровопролитія; такимъ образомъ отправили войска въ Финляндію безъ провіанта; безъ боевыхъ запасовъ, безъ предварительныхъ приказаній, не начертавъ даже плана военныхъ дѣйствій.

На сеймахъ толковали о войнѣ, а отъ самого короля старались скрыть настоящее положеніе дѣлъ. Такъ напримѣръ первый министръ, графъ Карлъ Гилленборгъ, въ письмѣ отъ 7 ноября 1740 года подтверждалъ Будденброку, командовавшему войсками въ Финляндіи, чтобы онъ отнюдь не посылалъ, кому-бы то ни было, донесеній обо всемъ, что относится къ предполагаемой войнѣ, но адресовалъ-бы всѣ бумаги прямо на его имя.

Разсказывая объ обстоятельствахъ, ускорившихъ со стороны Швеціи объявленіе войны Россіи, г-жа Шпилевская мало говоритъ объ убійствѣ Цинклера. Событіе это, самѣ-по-себѣ не слишкомъ важное, важно потому, что Стокгольмское правительство искусно умѣло имъ воспользоваться для окончательнаго ожесточенія умовъ и объявленіемъ объ этомъ злодѣйствѣ побѣдила всѣ сомнѣнія тѣхъ, которые еще колебались въ выборѣ между войной и миромъ. Кромѣ записокъ Манштейна, пользуясь Шведскими источниками, авторъ могъ-бы разъяснить причины сего событія, а не пройти его вскользь, какъ это сдѣлано въ «Описаніи».

28 іюля 1741 года, при звукѣ трубъ и литавръ, въ Стокгольмѣ объявлено было о войнѣ съ Россіей.

Партія, которой удалось вовлечь Швецію въ войну, дошла теперь до такого изступленія, что позволила себѣ такого рода вы-

раженія: «теперь, пусть только Господь Богъ останется нейтральнымъ, такъ въ успѣхѣ сомнѣваться нечего!»

Въ примѣръ того, какимъ воинственнымъ энтузіазмомъ обхвачена была въ то время Швеція, г-жа Шнилевская приводитъ слѣдующій фактъ: «Самыя женщины, говоритъ она, были имъ заражены; онѣ принимали дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ. Главами женскихъ партій были двѣ дѣвицы извѣстныхъ въ Швеціи фамилій, Ливенъ и Бунде; первая стояла за войну, вторая желала мира».

Въ манифестѣ Шведскаго правительства сказано было, между прочимъ, слѣдующее:

«Что его королевское величество ни объ чемъ столько не старался, какъ о сохраненіи мира, это ясно доказываетъ какъ мирный договоръ, заключенный имъ при восшествіи на престолъ, такъ и всѣ его дѣйствія съ-тѣхъ-поръ.

«Его королевское величество тѣмъ-болѣе могъ надѣяться, что и Россія съ своей стороны будетъ свято и вполне соблюдать заключенный въ 1721 году Ништатскій миръ, что Швеція, изнуренная продолжительною, кровопролитною войною, должна была для достиженія его не только уступить Россіи лучшія провинціи, но и служащія оплотомъ государству земли и чрезъ то пожертвовать безопасностью своихъ границъ (\*).

«Но Русскій кабинетъ, вмѣсто того не только нарушилъ мирный договоръ, но и противно всякому народному праву вмѣшался во внутреннія дѣла Швеціи и посягнулъ на права, и привилегіи государственныхъ чиновъ, вмѣшался даже въ вопросъ о престолонаслѣдіи, что совершенно противно VII пункту помянутаго мирнаго договора.

«Сверхъ-того, кабинетъ сей въ разныхъ случаяхъ позволялъ себѣ употреблять противъ Швеціи угрозы, а также неприличныя противъ высокихъ властей выраженія.

«Шведскіе подданные были лишены права искать защиты и удовлетворенія чрезъ Русскія судебныя мѣста, что между-тѣмъ было дозволено всѣмъ другимъ націямъ.

«Дозволенный нашимъ подданнымъ VI пунктомъ Ништатскаго мира свободный вывозъ хлѣба былъ несправедливо

---

(\*) Г-жа Шнилевская перевела этотъ любопытный и почти неизвѣстный у насъ документъ съ Нѣмецкаго изданія 1741 года.

запрещенъ, тогда-какъ другія націи пользовались симъ правомъ.

«Столь важныя и дерзкія нарушенія договоровъ и мирныхъ трактатовъ, а также естественныхъ и народныхъ правъ, которыя будутъ еще подробнѣе изложены, достаточно убѣдить весь безпристрастный свѣтъ, что Русскимъ дворомъ нанесено его королевскому величеству и Шведскому государству почти болѣе обидъ и притѣсненій, чѣмъ чрезъ открытую войну.

«Его королевское величество, какъ и всѣ достославные его предшественники на Шведскомъ престолѣ, всегда гнушался войною, которая есть бичъ небесный и всегда нераздѣльна съ кровопролитіемъ, съ разореніемъ и опустошеніемъ страны.

«Что желаніе завладѣть чужими государствами никогда не побуждало Шведскую корону братья за оружіе, ясно доказываютъ всѣ ея дѣйствія и поступки.

«Но честь и безопасность Шведскаго государства, а также равновѣсіе на сѣверѣ, не дозволяютъ его королевскому величеству долѣе терпѣть всѣ сіи нарушенія мирныхъ договоровъ, и очевидныя несправедливости вынуждаютъ его величество, въ видѣ стволь важныхъ и справедливыхъ причинъ, употребить тѣ средства, которыя даны Всеблагимъ Богомъ его королевскому величеству и взяться за оружіе, чтобъ оградить себя и свое государство отъ несправедливостей и доставить Швеціи полную безопасность. Его королевское величество имѣетъ твердое упованіе на защиту и помощь Всеблагаго Бога, который всегда помогаетъ въ правомъ дѣлѣ, и полную надежду, что Господь такъ благословитъ Шведское оружіе, что война эта, къ славѣ святаго его имени и чести Шведскаго оружія, окончится прочнымъ миромъ».

Какъ самоувѣренно и опрометчиво поступало Шведское правительство, такъ напротивъ спокойно и съ сознаниемъ праваго дѣла, неторопливо готовилась Россія къ войнѣ. Въ Финляндію были посланы войска, по берегу Балтійскаго моря разставлены отряды на случай высадки непріятельской, и только флотъ нашъ, состоявшій изъ 14 линейныхъ кораблей, 2 фрегатовъ и 6 мелкихъ судовъ, былъ въ такомъ дурномъ состояніи, что не могъ въ этотъ годъ выйти въ открытое море (\*).

---

(\*) Августа 18 былъ обнародованъ въ Петербургѣ манифестъ о войнѣ съ Швеціей и о причинахъ къ ней. Любопытно, что въ Полн. собр. законовъ,

Главнѣекомандующимъ съ нашей стороны былъ фельдмаршалъ Ласси, а съ пріятельской — Левенгауптъ, человѣкъ, заявившій свою храбрость и военныя способности во многихъ битвахъ прежнихъ войнъ. По словамъ г-жи Шпиленской: «тактику онъ зналъ въ совершенствѣ и въ кавалеріи изучилъ малѣйшія подробности» (?). Въ это время Левенгауптъ былъ самый популярный человѣкъ въ Швеціи; друзья называли его лучшимъ гражданиномъ въ Швеціи, льстецы — Карломъ XIII, а враги въ парламентахъ своихъ обвиняли его, будто онъ протягиваетъ руку къ Шведской коронѣ и хочетъ, овладѣвъ Финляндією, сдѣлать изъ нея отдѣльное для себя герцогство съ главнымъ городомъ Петербургомъ.

Ни денегъ, ни провіанта не было приготовлено въ достаточномъ количествѣ для предстоящей войны; все это имѣло губительное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, — а они не начались. Почти годъ Шведскія войска бездѣйствовали въ Финляндіи, странѣ бѣдной, скудной, едва могущей обезпечивать пропитываніе своего собственнаго населенія. Шведы требовали для себя значительнаго количества провіанта и, не имѣя запасныхъ походныхъ магазиновъ съ съѣстными припасами, отнимали у несчастныхъ Финновъ послѣднюю краюху хлѣба, послѣднюю чарку вина, тянули со двора корову, единственное богатство, средство прокормленія бѣдныхъ жителей. Отягощенные налогами пришецовъ, Финляндцы начали роптать и жаловаться на своеволие войскъ, доведшихъ жителей до крайней нищеты. Никто не внималъ этимъ жалобамъ.

Отправка войскъ изъ Швеціи продолжалась, но шла медленно и вяло. Три мѣсяца прошло съ того времени, какъ полкамъ приказано готовиться къ походу; но когда дѣло дошло до выступленія, то многое оказалось въ неисправности: многіе офицеры, принадлежавшіе къ мирной партіи колпаковъ, выходили въ отставку; ропоть и недовольство волновали полки; при перевозкѣ на суда лейбъ-полка, одна изъ лошадей какъ-то упала въ воду. «Чертъ ее побери, сказалъ подполковникъ Унгернъ-фонъ-Штернбергъ, войну начали противъ нашего желанія, такъ пусть все тонетъ, пусть погибаетъ!».

Финскіе поселенные полки собирались столь-же медленно; большая часть ихъ прибыла въ армію только къ концу августа, хотя гдѣ перепечатанъ этотъ манифестъ изъ вѣдомостей 1741, вездѣ вмѣсто имени «Юлиана III» поставлено «Россійское правительство».

генераломъ Будденброкомъ уже четыре мѣсяца отдано было приказаніе, чтобы они немедленно выступали.

Во 2-й главѣ: «Военныя дѣйствія въ 1741 году» приведено нѣсколько любопытныхъ писемъ или донесеній Будденброка къ королю; изъ этихъ донесеній мы узнаемъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась армія предъ начатіемъ войны, какъ мало было заготовлено «уражу и провіанту»; то и другое, разумѣется, требовалось и отбиралось у бѣдныхъ Финляндцевъ. Разоренная уже до начала войны почти двухлѣтнимъ содержаніемъ значительнаго корпуса Шведскихъ войскъ, вся страна при окончаніи войны дошла до такой страшной нищеты, что въ ней почти не осталось лошадей; крестьяне волею-неволею должны были давать ихъ для доставки провіанта арміи, причемъ лошадей этихъ гоняли нерѣдко за 40 и болѣе миль. Нельзя не удивляться, замѣчаетъ г-жа Шпилевская, и нельзя не уважать Финляндцевъ за то, что они, при всѣхъ страшныхъ притѣсненіяхъ, остались въ ринѣ долгу и чести, и не вняли обольстительнымъ предложеніямъ Русскихъ.

Приступая къ описанію битвъ и военныхъ передвиженій, г-жа Шпилевская не сообщаетъ намъ свѣдѣній о составѣ арміи какъ Шведской, такъ и Русской; а между-тѣмъ всякой пойметъ, что въ подробномъ и обстоятельномъ описаніи войны подобныя свѣдѣнія рѣшительно необходимы. Положимъ, что, не имѣя доступа въ Русскіе архивы, г-жа Шпилевская не могла сообщить подробностей о нашей арміи; но что-же помѣшало ей передать свѣдѣнія о Шведскихъ войскахъ, тѣмъ болѣе, что документы, относящіеся къ этой войнѣ, извлечены изъ Шведскаго государственнаго архива и обнародованы?

Августа 22-го генералъ Врангель съ трехтысячнымъ своимъ отрядомъ, не дождавшись пока соединится съ нимъ большой отрядъ генерала Будденброка, быстро подошелъ къ ничтожной крѣпости Вильманстранду на встрѣчу фельдмаршала Ласси, почти въ одно время съ непріателемъ пришедшему къ тому-же пункту съ арміей болѣе нежели изъ 10000.

Ночь прошла совершенно тихо. Настало утро 23 августа 1741 года: прогремѣла зарева пушка, пробили зорю, и потомъ все снова смолкнуло; только небольшіе отряды кавалеріи, высылаемые съ той и съ другой стороны для рекогносцировки, показывались по временамъ. Прошло нѣсколько часовъ; Русскіе оставались на сво-

нихъ мѣстахъ; на виднѣ было приготовленій къ бою; Врангель начиналъ уже надѣяться, что Русскіе и въ этотъ день ничего не предпримутъ. Но къ полудню Ласси, чрезъ расторопныхъ своихъ шпионовъ (\*), узналъ о дѣйствительной силѣ отряда Врангеля; тогда-же рѣшено было немедленно атаковать Шведовъ.

Довольно живо и обстоятельно описываетъ г-жа Шпилевская ходъ дѣла, слѣдуя при этомъ разсказу очевидца Тибурціуса. Сраженіе началось сильною канонадою съ обѣихъ сторонъ. Шведскія артиллерія дѣйствовала искусно, между-тѣмъ Русская артиллерія не могла дѣйствовать столь успѣшно: батареи наши стояли на мѣстѣ невыгодномъ (\*\*). Замѣтивъ это, Ласси отрядилъ значительный отрядъ гренадеръ на непріятельскую батарею. Атакующіе были встрѣчены картечью и двинулись назадъ; Шведы, вопреки приказанію, бросились за отступавшими и тѣмъ помѣшали своей артиллеріи дѣйствовать. Смѣло устремились на насъ Шведскіе полки, сжали и опрокинули первыя двѣ линіи Русскихъ; овладѣли ихъ пушками, но не умѣли ни употребить въ свою пользу, ни заклепать ихъ. Это былъ моментъ, когда Шведы могли одержать побѣду полную. Но подполковникъ Бранденбургъ, вмѣсто того, чтобы тогда-же ударить съ своими драгунами на бѣгущихъ, остался на мѣстѣ; Русскіе успѣли оправиться, построиться, бросились на Шведовъ и опрокинули ихъ правое крыло. Въ это-же время атака на лѣвое крыло увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ: Русскіе на разстояніи 150 шаговъ открыли убійственный огонь; при третьемъ залпѣ непріятель повернулся налѣво-кругомъ и бросился бѣ-

(\*) Шпионы и переметчики доставляли намъ самыя подробныя свѣдѣнія о Шведскомъ войскѣ: лучшими шпионами были Выборгскіе мѣщане, у которыхъ были родственники и связи во всей Финляндіи. Вообще Русскіе въ продолженіе всей кампаніи постоянно получали самыя вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и планахъ Шведовъ; Шведы-же, напротивъ, рѣдко что-нибудь узнавали о насъ.

(\*\*) Г-жа Шпилевская почти ничего не говоритъ о порядкѣ, въ которомъ расположились предъ началомъ боя обѣ арміи. Въ этомъ отношеніи гораздо обстоятельнѣе очерки битвъ при Вильманстрандѣ, напечатанные Маркевичемъ въ X томѣ «Энци. лексик.» изд. 1837 г. (стр. 234) и въ «Военномъ энциклопедиконѣ» 1839 г. (ч. 9 стр. 338—340). Г-жа Шпилевская напечатала въ приложеніяхъ два плана мѣстности и расположенія мѣстъ подъ Вильманстрандомъ. Впрочемъ, одинъ изъ этихъ плановъ былъ уже изданъ военно-топографич. депо, а подробная реляція Ласси была уже перепечатана изъ современныхъ вѣдомостей 1741 года въ журналѣ «Славянникъ», 1827 г. № 50.

жалъ въ страшномъ безпорядкѣ. Напрасно офицеры старались удерживать бѣгущихъ: они были объаты какимъ-то паническимъ страхомъ, не слушались никакой команды, не обращали ни малѣйшаго вниманія на своихъ командировъ; большая часть изъ была сбита съ ногъ и передавлена своими солдатами.

Отъ постыднаго бѣгства Финскихъ полковъ въ Шведской линіи произошелъ большой промежутокъ. Еще храбрый Вестерботнiйскiй полкъ безстрашно отражалъ атаки идесятеро сильнѣйшаго непріятеля; онъ еще могъ-бы поправить дѣло, еслибы Керельскiй драгунскiй полкъ атакоевалъ непріятеля, но онъ вслѣдъ за бѣгущими поскакалъ къ Вильманстранду. Вестерботнiйцы были окружены со всѣхъ сторонъ: съ фронту, съ фланговъ — отовсюду тѣснили ихъ Русскіе. Шведы дрались, какъ истинные герои; они разстрѣляли всѣ патроны, разстрѣляли патроны убитыхъ и раненыхъ своихъ товарищей; потеряли въ бою всѣхъ до единаго офицеровъ, сомкнулись въ каре и съ распущенными знаменами, подъ убійственнымъ огнемъ, пробились сквозь непріятельскіе полки, подбравъ по дорогѣ знамена другихъ полковъ.

Вестерботнiйцы счастливо отступили къ Фридрихсгаму. Впрочемъ, по свидѣтельству Майштейна, они были много обязаны своимъ спасеніемъ генералу Кейту. Дивясь безстрашію и отвагѣ Вестерботнiйцевъ, Кейтъ удержалъ одного изъ своихъ товарищей, готоваго вновь двинуться въ атаку; онъ сказалъ: «Оставьте ихъ; жаль, если эта горсть храбрыхъ Шведовъ погибнетъ подъ ударами многочисленнаго непріятеля!» Замѣтимъ кстати, что этотъ поступокъ былъ въ духѣ благороднаго Кейта. Еще въ 1737 году Минихъ въ донесеніи своемъ императрицѣ о своихъ ствахъ и характерахъ генераловъ вѣрренной ему арміи, писалъ: «Кейтъ такой генералъ, котораго поступки и поведеніе одушевлены вѣрностью къ престолу, храбростью и благородствомъ; нельзя ни въ чемъ попрекнуть его характера» (\*).

Сраженіе было проиграно; Врангель, сбѣжавъ къ лѣвому флангу, былъ жестоко раненъ пулею въ руку. Русскіе овладѣли батареею и повернули пушки противъ крѣпости. Въ пять часовъ пополудни дѣло дошло и до нея.

Русскіе почти на плечахъ непріятельскихъ ворвались за палисады, Драгуны съ отчаянною храбростью выдерживали приступъ;

(\*) Сѣвер. архивъ. 1822 г. № 3, стр. 207.

до такъ-назв. пушки, еще прежде снятыя съ вала и поставленныя на позицию, были уже взяты, то Шведы скоро были доведены до крайности. Виллебрандъ, комендантъ крѣпости, извѣстилъ Брагедю о бѣдственномъ своемъ положеніи, и получилъ отъ него приказаніе просить капитуляціи. Русскіе начали входить на валы: защищаться долѣе было рѣшительно невозможно; бѣлое знамя развиралось на валу, но въ общемъ замѣшательствѣ: постамъ не были разосланы приказанія о прекращеніи боя. Русскіе были ожесточены: барабанщикъ, посланный отъ графа Ласси съ предложеніемъ о сдачѣ, былъ убитъ; нашъ генералъ Искуль и полковникъ Ломанъ вбѣжали на валъ и, желая отгнать напрасное кровопролитіе, старались вразумить Шведское войско (по-Шведски), что начальство его просить капитуляціи. Они были подняты на штыки. Шляая мщеніемъ за смерть начальниковъ, Русскіе стремительно бросились къ валамъ, въ одну минуту вбѣжали на нихъ, опрокинули неприятеля и начали безъ разбору бить и рѣзать. Шведы защищались отчаянно. Въ баракахъ и въ караульномъ домѣ дрались, не прося и не давая пощады. Кровопролитіе было страшное, защита бесполезна; груды тѣлъ покрывали улицы. Въ 7 часовъ Вильманстрандъ былъ во власти Русскихъ, а на слѣдующій день сожженъ.

Наступила ночь 23 августа; поле сраженія было усыяно убитыми и ранеными, но никто не заботился о нихъ, и многіе, которыхъ можно было-бы спасти, сдѣлались добычею смерти. Двѣ недѣли лежали несчастные непогребенными и заражали воздухъ. Странно, что ни Русскіе, ни мѣстное начальство и пасторы не привали нужныхъ мѣръ къ погребенію убитыхъ.

Г-жа Шпилевская заканчиваетъ описаніе сего боя цифрой убитыхъ съ той и другой стороны. Та и другая сторона гнала въ своихъ рядахъ. Вѣрно то, что Шведы потеряли подъ Вильманстрандомъ убитыми, ранеными и плѣнными не болѣе 900 человекъ; гораздо значительнѣе была потеря побѣдителей. «И ежели разсудить, пишетъ Манштейнъ (\*), о твер-

(\*) Стр. 138. Выписываемъ эти строки изъ любопытнаго современнаго перевода записокъ Манштейна, доставленнаго намъ графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко. Подлинникъ записокъ Манштейна изданъ на Французскомъ языкѣ въ 1771 году; одновременно съ нимъ вышло Нѣмецкое изданіе; переводъ этотъ дѣланъ былъ съ оригинальной рукописи. Имѣющійся у насъ



дости занятого Шведами мѣста, невыгодность, на которую Россіане стояли, то весьма удивительно, какъ Шведовъ разбило: при семъ же признаться должно, что учиненная ими ошибка много въ сему ихъ несчастію содѣйствовала, какъ они оставили выгодное положеніе; производимое ими сопротивленіе было чрезвычайно упорно, что также не мало служило къ ихъ погибели, ибо на тѣхъ баталіи легло ихъ болѣе 3,300 (цифра невѣрная). Огонь, производившійся съ равною съ обѣихъ сторонъ жестокостію, продолжался болѣе четырехъ часовъ».

Послѣ нѣсколькихъ страницъ живаго описанія Вильманстрандскаго боя, г-жа Шпилевская наполняетъ цѣлыя страницы кѣпиями вѣхъ реляцій Ласси, Кейта и друг. генераловъ. Не отрицаемъ того, что всѣ онѣ имѣютъ интересъ, но, по нашему мнѣнію, въ текстѣ слѣдовало-бы привести только мѣста интереснѣйшія, самыя-же реляціи было-бы гораздо лучше помѣстить въ приложеніяхъ, тогда-бы они не вредили общему тону разсказа, не затрудняли чтеніе, не дѣлали-бы его утомительнымъ.

Въ Петербургѣ торжественно праздновали побѣду. «Въ торжественной одѣ, изображенной отъ всеподданнѣйшаго раба Михаила Ломоносова», въ 230-ти, самыхъ напыщенныхъ стихахъ, были воспѣты: «первыя трофеи его величества Юанна III императора и самодержца Всероссійскаго чрезъ преславную надъ Шведами побѣду, августа 23 дня 1741 года въ Финляндіи».

Напрасно г-жа Шпилевская не привела хотя отрывковъ изъ этой интересной оды (\*); равно было-бы любопытно прочесть описаніе торжествъ, устроенныхъ по сему случаю въ Петербургѣ. Вообще, довольно обстоятельно описывая ходъ дѣйствій на театрѣ войны, г-жа Шпилевская нисколько не знакомитъ насъ съ современнымъ состояніемъ дѣлъ при Стокгольмскомъ и еще болѣе при Петербургскомъ дворахъ.

Заносчивость и безразсудная храбрость Врангеля, рѣшившагося вступить въ бой съ непріателемъ несравненно сильнѣйшимъ, была главною причиною Вильманстрандскаго пораженія. Не важное по числу убитыхъ, оно, тѣмъ не менѣе, произвело самое неблагоприятное впечатлѣніе въ Швеціи. «Были, правда, толки, говорить Ти-

Русскій переводъ сдѣланъ отнюдь не позже 1775 года; неизвѣстно отчего онъ не былъ изданъ. Рукопись, въ листъ, писана полууставомъ, листовъ 100.

(\*) Она была только разъ перепечатана въ «Ученыхъ запискахъ академіи наукъ» по I и III отдѣл. 1856 г., стр. 278.

бурцюръ» (стр. 12), что это дѣло послужило больше въ пользу, чѣмъ во вредъ Швеціи, потому что она относительно потеряла не много людей, тогда какъ уронъ Русскихъ былъ такъ значителенъ, что они въ этомъ году не въ силахъ были предпринять что-либо противъ Шведовъ, войско которыхъ, кромѣ того, своею стойкостью и усерднымъ исполненіемъ обязанностей, внушило страхъ Русскимъ, такъ что это пораженіе доставило болѣе уваженія Шведскому оружію, чѣмъ покрыло его стыдомъ. Но всѣ такіе доводы имѣютъ мало значенія, если взять въ соображеніе, что: 1) Шведы потеряли чрезъ это пораженіе укрѣпленное мѣсто, которое, находясь въ 5-ти миляхъ отъ главной неприятельской крѣпости, доставляло удобство не только прикрывать этотъ край собственныхъ владѣній, но и вторгаться въ Русскую Карелию безъопасно враговъ во всякое время, чему далеко не представлялъ такихъ удобствъ Фридрихсгамъ, находящійся въ разстояніи добрыхъ 11-ти миль отъ Выборга.

2) Разстроились намѣренія Шведовъ взять подъ свое покровительство цесаревну Елисавету и поддержать ея приверженцевъ въ Россіи, въ чемъ и состояла сущность предпріятія.

3) Шведы потеряли драгоцѣнное время, такъ что, прежде чѣмъ успѣли они оправиться отъ пощечины (дѣл) и что-либо предпринять, настала осенняя непогода, интриганы успѣли пустить въ ходъ свои планы, подорвали планы Шведовъ и даже образовали партіи въ самой арміи.

4) Наконецъ Швеція потеряла въ этомъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ офицеровъ, которые никакъ не подали-бы голоса къ отступленію и разрушенію собственныхъ крѣпостей».

Кампанія 1741 года кончилась незначительными стычками небольшихъ отрядовъ. Перевѣсъ почти всегда оставался на сторонѣ Русскихъ войскъ, ловко управляемыхъ послѣ отъѣзда Ласси въ Петербургъ дѣятельнымъ Кейтомъ. Левенгауптъ, прибывшій наконецъ къ арміи, сдѣлалъ вторженіе въ Русскіе предѣлы, не ознаменовавъ себя ничѣмъ особенно важнымъ. Имъ изданы были въ это время два воззванія къ Русскому народу. Въ первомъ онъ возвѣщалъ: «что Шведская королевская армія пришла въ предѣлы Россіи не съ какою иною цѣлью, какъ чтобы доставить Шведской коронѣ удовлетвореніе за всѣ многочисленныя обиды и несправедливости, нанесенныя ей министрами-иностранцами, которые въ эти послѣдніе годы управляли Россіею и т. д.»

Рѣшительно не понимаемъ этого: *какъ далье?* Почему-бы не привести и окончаніе этого любопытнаго и неизвѣстнаго: у насъ документа, начало котораго г-жа Шнилевская перевела изъ Тибуріуса: «*Historia om Finska Krigel ären 1741 och 1742*» (стр. 40)?

Въ то время, какъ въ Финляндіи продолжались незначительныя стычки, въ Петербургѣ произошелъ переворотъ, вслѣдствіе котораго цесаревна Елисавета вступила на престолъ. Г-жа Шнилевская говоритъ объ этомъ вскользь. Здѣсь не мѣсто рассказывать объ этомъ любопытномъ событіи; оно описано нами со всѣми подробностями въ особой статьѣ: «Елисавета Петровна до восшествія своего на престолъ» (\*). Упомянемъ только объ одномъ интересномъ фактѣ: въ три часа пополудни на 25 ноября 1741 г., въ спальню фельдмаршала Ласси вбѣжалъ Лестохъ, посланный отъ новой императрицы. Ласси, всегда чуждый придворныхъ интригъ, сильно смутился, когда лекарь Французъ, разбудивъ его, спросилъ: «къ какой онъ принадлежитъ партіи?» Подумавъ и боясь ошибиться, фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Я принадлежу къ царствующей партіи!» (\*\*).

Вообще, всѣ единогласно хвалятъ Ласси: опытный, неустрашимый полководецъ, онъ отличался быстротою на ратномъ полѣ, съ просвѣщеннымъ умомъ соединялъ доброе сердце, возвышенныя чувства, пользовался общою любовью и уваженіемъ; былъ рѣшителенъ въ военныхъ предпріятіяхъ, остороженъ въ мирное время, не зналъ придворныхъ интригъ, и потому сохранилъ свое званіе среди разныхъ государственныхъ переворотовъ. Любопытно, что Россія обязана сямъ славнымъ военачальникомъ герцогу Де-Кроа, виновнику Нарвскаго пораженія; онъ представилъ его Петру I-му (\*\*\*).

27 ноября Левенгауптъ получилъ чрезъ капитана Дридона извѣстіе о вступленіи на престолъ Елисаветы. Увѣряютъ, что императрица чрезъ Шведскаго-же капитана Дридона, освобожденнаго изъ плѣна по ея повелѣнію, предлагала Швеціи миръ съ де-

(\*) «Русское Слово». 1859 г., № 2, стр. 1—72.

(\*\*) См. о немъ *Oeuvres militaires du prince de Ligne*. VI, стр. 20 — 84. *Napell's Nord. Misc.* стр. 231.

(\*\*\*) *Магазинъ Генералъ. Mémoires Manstein, Duc de Lihria*, Диплом. сношенія нашего двора съ Европ. *Каменскаю*, Обзоръ *Вейдемейера*, Словарь дост. люд. *Каменскаю*, т. 3, 1886 г.

нежнымъ вознагражденіемъ за военныя издержки; но Шведское правительство высокомерно отказалось. Какъ-бы то ни было, но до марта мѣсяца было заключено перемиріе. Переговоры о мирѣ, на успѣшное окончаніе которыхъ весьма рассчитывалъ Левенгауптъ, не повели ни къ чему. Время проходило. Ряды Шведскихъ войскъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе рѣдѣли: солдаты умирали отъ холода, голода, повальныхъ болѣзней, сквернаго помѣщенія въ сырыхъ землянкахъ. Среди всеобщаго негодованія и ожесточенія, возбужденнаго злополучіями бѣдственной войны и всевозможными притѣсненіями и насиліями, явился надѣлавшій въ то время столько шума манифестъ императрицы Елисаветы, отъ 18 марта 1742 года.

Этотъ интересный документъ «съ величайшимъ трудомъ» отыскала г-жею Шпилевскою. Онъ былъ напечатанъ на Шведскомъ и Финскомъ языкахъ. Нѣмецкій экземпляръ, напечатанный въ Москвѣ въ 1742 году, подъ заглавіемъ: «Manifest an das Herzogthum Finnland» находится въ Императорской публичной библиотекѣ; г-жа Шпилевская впервые напечатала его въ Русскомъ переводѣ (стр. 104 — 109):

«Наши войска, объявляла между прочимъ Елисавета, вновь посланы въ Финляндію не для того, чтобы завоевывать или занимать что-либо, о чемъ и объявляемъ симъ Нашимъ манифестомъ и деклараціей всѣмъ государственнымъ чинамъ и жителямъ княжества Финляндскаго. А также, доброжелательно представивъ всѣмъ и каждому изъ нихъ собственную пользу и пользу ихъ отечества, твердо и нерушимо обѣщаемъ, что если Финляндцы во время настоящей войны будутъ держать себя мирно и покойно, не будутъ принимать никакого участія въ военныхъ операціяхъ и во всѣхъ до сего касающихся предпріятіяхъ, не позволятъ употреблять себя для враждебныхъ дѣйствій противу насъ и нашихъ войскъ, а также не будутъ помогать чѣмъ-бы то не было Шведской арміи, не свое намѣреніе жить съ нами, какъ съ добрыми соседями, въ дружбѣ и согласіи на дѣлѣ ясно докажутъ, то въ такомъ случаѣ ни государственнымъ чинамъ, ни жителямъ княжества Финляндскаго съ нашей стороны не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда, и что всякій не только вполнѣ будетъ продолжать покойно владѣть своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, не будетъ терпѣть притѣсненій; кромѣ-того, будетъ всячески пользоваться нашей протекціей, покровительствомъ и защи-

тѣмъ, но мы, сверхъ того, по нашему некрепкому расположенію и намъ мы не имѣемъ ни надѣйшаго желанія и намѣренія приобщивать себя даже шага лужоу земли, охотно довозимъ и истински содѣйствовать будемъ, чтобы княжество Финляндское могло достигъ своей цѣли, буде пожелаеть освободиться отъ владычества Швеціи, чтобы ему и впредь, какъ и въ настоящее время, чрезъ *экономическіе виды нѣсколькихъ лицъ* не подвергаться опасностямъ губительной войны и первымъ бѣдствиямъ оной. И если оно захочетъ, какъ свободное и ни отъ кого не зависящее государство, быть подъ собственнымъ, избраннымъ самими Финляндцами правленіемъ, пользуясь всѣми къ тому относящимся правами, привилегіями и льготами, которыя, для ихъ собственной пользы и твердаго основанія ихъ независимости, будутъ ими признаны нужными и полезными, то мы имъ, для защиты и охраненія таковыхъ учреждений, во всѣхъ случаяхъ, и когда только встрѣтится нужда, нашими войскамъ усердно помогать будемъ, посылая имъ его, когда и сколько потребуется; а также и въ прочихъ ихъ просьбахъ, относящихся до всего могущаго содѣйствовать таковымъ ихъ намѣреніямъ, и съ которыми они найдутъ нужнымъ обратиться къ намъ, обѣщаемъ охотно помогать и содѣйствовать.

«Такимъ образомъ Финляндія, имѣя свои законы и свой образъ правленія, сдѣлается преградою между Шведскимъ и Русскими границами, чрезъ что и унизятся всѣ безпокойства и опасенія, которыя причиняеть Швеція близкое сосѣдство Русскаго государства; почему и Стокгольмское правительство, по справедливости, если оно дѣйствительно жезаетъ впредь сохранять дружбу и доброе согласіе съ Россією, не можетъ найти ничего дурнаго въ ономъ предложеніи. Впрочемъ, мы, съ нашей стороны, для большаго удостовѣренія государственныхъ чиновъ княжества Финляндскаго въ томъ, что наше обѣщаніе свято соблюдено и исполнено будетъ, готовы завѣрить его самыми формальными удостовѣреніями и положительными доказательствами, какія они только сами пожелають».

Въ случаѣ дальнѣйшаго упрямства Финляндевъ, императрица объявила, въ томъ-же манифестѣ, что она прикажетъ разорить всю ихъ страну огнемъ и мечемъ.

Г-жа Шилевская превозноситъ Финляндевъ за то, что «они, вѣрные своему характеру (?), не вняли обольстительнымъ обѣщаніямъ Россіи и пребыли вѣрными Шведскому правительству». «Не

добровольно вступила я въ братство съ Швеціей, говоритъ далѣ Финляндіа устами г-жи Шпилевской, добровольно хочу я остаться ей вѣрною! Союзъ, запечатленный моею кровью, не нарушу даже и для собственныхъ выгодъ! Пусть я буду продолжать страдать, пусть льется кровь моя; Финскую (?) вѣрность, святое наследіе, оставленное мнѣ моими предками, я передамъ незапятнанною своимъ потомкамъ? Финлядцы, до-сихъ-поръ никогда неизмѣнявшіе своей присягѣ, не измѣнятъ ей никогда и впредь».

Подобныя лирическія отступленія, смѣемъ замѣтить, рѣшительно неумѣстны въ трудѣ серьезномъ, по богатству фактовъ вовсе ненуждающемся въ пустыхъ фразахъ; къ чести г-жи Шпилевской должно сказать, что она весьма рѣдко дозволяетъ себѣ такія отступленія. Притомъ надобно сказать, что въ семъ монологѣ нѣтъ правды. Не Финскіе-ли полки позже всѣхъ другихъ явились на сборный пунктъ? Не Финлядцы-ли съ самаго начала кампаніи женовались и роптали на Шведовъ? Не Финны-ли толпами переходили на нашу сторону, не они-ли служили Русскимъ въ качествѣ лазутчиковъ и шпионовъ, не отъ нихъ-ли Шведы не могли добыть-ся свѣдѣній о движеніяхъ Русскихъ войскъ? Не Финляндскіе-ли полки первые обратились въ бѣгство въ сраженіи подъ Вильманстрандомъ и тѣмъ погубили Шведовъ? Не тѣ-же-ли Финляндцы писали унижительныя письма къ Ласси, прося принять ихъ въ Русское подданство и т. д? Г-жа Шпилевская въ своей-же книгѣ найдетъ положительный отвѣтъ на наши вопросы. Если манифестъ Елисаветы не произвелъ желаемого дѣйствія, то вся причина этого заключалась въ томъ, что Финлядцы страшились Шведовъ. Они еще не знали, чѣмъ кончится война; вѣра въ способности Левенгаупта, въ храбрость Шведскихъ войскъ была еще сильна; а съ другой стороны Русскій главнокомандующій дѣйствовалъ далеко не такъ рѣшительно, какъ-бы этого можно было ожидать послѣ его побѣдъ съ арміею многочисленною.

Г-жа Шпилевская не приводитъ отвѣтовъ короля Шведскаго на воззваніе императрицы; равно не находимъ у нея ни одной современиковъ объ этомъ любопытномъ документѣ. Нечего и говорить, что все это было-бы очень интересно.

Но обращаемся къ разказу г-жи Шпилевской. Бѣдствія и смертность увеличивались въ Фридрихсгамѣ; заболѣвало такъ много, что гарнизонъ смѣнялся каждыя двѣ недѣли. Неудовольствіе въ арміи возрастало; всякое уваженіе къ начальству исчезло; офи-

перы веселились въ трактирахъ, и, подгулявъ, позволили себѣ самыя дерзкія рѣчи и поступки: такъ напр. они отправили даже депутацію къ самому Левенгаупту съ извиненіемъ, что они теперь пьютъ за здоровье короля Карла XIII (такъ называли они принца Голштинскаго Карла Петра Ульриха, племянника Елисаветы Петровны, бывшаго въ числѣ предполагаемыхъ наследниковъ Шведскаго престола).

Кампанія 1742 года открылась цѣлымъ рядомъ стычекъ и битвами незначительныхъ отрядовъ. Множество деревень было выжжено, множество скота истреблено; поля, сады, огороды опустошены, жители перебиты, разогнаны по лѣсамъ и тущомамъ. Несчастливая Финляндія испытала войны того времени, когда вся страна огнемъ и мечемъ обращалась въ пустыню.

Съ наступленіемъ весны положеніе Шведской арміи значительно улучшилось. Суда съ провіантомъ и войскомъ стали приходить изъ Швеціи, и къ концу мая Левенгауптъ снова имѣлъ 15,000 войска.

Странное дѣло: главными виновниками всѣхъ неудачъ этой несчастной для Шведовъ кампаніи были бездарные, трусливые, рѣшительно ни на что неспособные военачальники. Такъ защита неприступнаго Мендолаккаго дефиле была ввѣрена полковнику Фребергу. При одномъ извѣстіи о приближеніи Шведовъ, онъ оставилъ безъ боя свой важный постъ, несравненно важнѣйшій самой Фридрихсгамской крѣпости. Поступокъ труса полковника чрезвычайно ободрилъ Русскихъ и распространилъ страхъ и уныніе въ рядахъ Шведскаго войска. Паническій страхъ овладѣлъ всѣми отъ Левенгаупта до послѣдняго рядоваго. Военный совѣтъ рѣшилъ бросить защиту Фридрихсгамской крѣпости и Левенгауптъ не задумался привести въ исполненіе рѣшеніе трусливыхъ и бездарныхъ генераловъ.

28 іюня 1742 года Шведы потянулись назадъ, зажегши городъ, хлѣбныя магазны, взорвавъ на воздухъ большіе запасы пороху. Страшную картину представлялъ Фридрихсгамъ въ 11 часовъ ночи. Высокими столбами взвивалось пламя, бомбы и гранаты съ оглушительнымъ трескомъ лопались въ цейхгаузѣ, на валахъ разрывало пушки, все падало и разрушалось. Шведская армія не отступала, а бѣжала въ страшномъ безпорядкѣ, оставляя непріятелю крѣпость, объятую пламенемъ, до полутораста пушекъ и много больныхъ, плѣнныхъ Русскими.

Въ орудіи вынесъ почтовомъ домѣ найдена была куча писемъ, адресованныхъ въ Швецію и писанныхъ офицерами арміи и флота и ихъ друзьями и роднымъ. Письма эти передали Русскимъ много важныхъ свѣдѣній о состояніи Шведской арміи. Извлечение изъ нихъ было тогда-же напечатано въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ.

«Въ скверное и жалкое время живемъ мы, писалъ маіоръ Лагеркранцъ, у насъ плохіе, бездарные генералы; головы глупые, они гвѣсятъ всѣхъ порядочныхъ и храбрыхъ людей, производятъ мальчиковъ въ офицеры, не думаютъ о защитѣ страны, но при приближеніи невріятеля всегда отступаютъ, бѣгутъ и вѣрно побѣгутъ до самаго Гельсингфорса, а оттуда на судахъ уйдутъ въ Швецію».

Все эти письма, вмѣстѣ съ другими документами, проливаютъ яркій свѣтъ на безотрадное состояніе Шведской арміи. Авторъ улачиваетъ о состояніи Русскаго войска. Можно подумать, что тамъ были строгій порядокъ и дисциплина, а на самомъ дѣлѣ этого вовсе не было. Только виновниками беспорядковъ у насъ были не генералы, а сами солдаты. Еще въ лагерь подѣ Выборгомъ гвардейцы, негодуя на иноземныхъ начальниковъ, гордые и самоувѣренные вслѣдствіе милостей, излитыхъ на нихъ и ихъ товарищей лейбъ-кампанцевъ, предались всякаго рода разгулу, и наконецъ рѣшительно взбунтовались. Манштейнъ, И. А. Остерманъ и друг. современники подробно рассказываютъ объ этихъ событіяхъ, интересныхъ уже потому, что они знакомятъ насъ съ современнымъ состояніемъ Русской арміи, съ духомъ тогдашняго нашего войска. Дѣятельными, хладнокровными распоряженіями Кейта, мятежъ потушенъ въ самомъ началѣ. Вотъ что замѣчаетъ по этому случаю сынъ знаменитаго Остермана: «Негодую на безпорядки и упущенія, оказавшіяся въ войскахъ, предводимыхъ фельдмаршаломъ Ласси, генералъ Кейтъ, въ присутствіи многихъ офицеровъ арміи, сказалъ: «Очень и очень замѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Хорошо было-бы, еслибъ достопочтенный фельдмаршалъ хотя на одни сутки явился предѣ нашими рядами. Съ его появленіемъ, вѣтъ сомнѣнія, все-бы приняло другой видъ» (\*).

Ретирада отъ Фридрихсгама скорѣе походила на бѣгство, чѣмъ

(\*) Отечеств. Записки 1825 г., ч. 21, стр. 59. Примѣч. на Записки Манштейна.



на отступление, — съ такою поспѣшностью и безпорядкомъ она была произведена. У Гекторса сожгли постоянный домъ съ разными находившимися тамъ снарядами, которые легко можно было бы спасти. Прекрасная пыльная мельница тоже была сожжена, и нѣсколько тысячъ бревенъ спущено по рѣкѣ въ море; наконецъ сожгли мостъ на рѣкѣ Кюмени, и такимъ образомъ Швеція менѣе чѣмъ въ сутки понесла безъ всякой пользы и нужды потерю въ нѣсколько миллионѣвъ.

Г-жа Шпилевская подробно и обстоятельно описываетъ дѣльный рядъ велѣно-трусливыхъ распоряженій Шведскихъ военачальниковъ. На новомъ совѣщаніи всѣ примкнули къ мнѣнію трусливаго до наивности полковника Палена: «Вступая въ бой съ Русскими, сказалъ онъ, мы не можемъ надѣяться на побѣду. Дѣло рискованное — драться съ ними. Лучше и полезнѣе для безопасности Швеціи сохранить армию и флотъ».

Рѣшено было отступить и отступить. А еслибы Шведы, совершенно справедливо замѣчаетъ г-жа Шпилевская, хотя разъ показали видъ, что намѣрены сопротивляться, то, нѣтъ сомнѣнія, кампанія кончилась-бы иначе. Въ самомъ дѣлѣ, 2 іюля Ласса получилъ отъ своего правительства приказъ окончить войну, лишь только вытѣснятъ Шведовъ за Кюмень. Но наша армія уже стояла за рѣкою, когда прискакалъ курьеръ съ этимъ приказаніемъ. Собрать военный совѣтъ: Русскіе генералы требовали исполненія приказа, иностранные настаивали на томъ, чтобы неумоимо гнать враговъ до Гельсингфорса, овладѣть имъ и тогда уже окончить кампанію (\*).

«Странная война, замѣчаетъ авторъ. Впродолженіе ея начальники обѣихъ армій поступали совершенно противно приказаніямъ своихъ правительствъ. Одному было приказано сражаться, а онъ не сражался; другому велѣно прекратить военныя дѣйствія, а онъ продолжалъ сражаться. Одинъ хотѣлъ противъ приказанія *сохранить армию*, и съ нею собственную жизнь, но погубилъ армию и попался за нее жизнью; другой, вопреки приказаній, рисковалъ ар-

(\*) По словамъ фельдмаршала Миниха, Елисавета была очень челоѣколюбива, проливала обильныя слезы при чтеніи списковъ убитыхъ и раненыхъ, постоянно считала грѣхомъ и ужаснымъ несчастіемъ покупать славу кровью своихъ подданныхъ. Особенно часто говорила она это во время семилѣтней войны. *Ebauché pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. 1774. Стр. 121.*

жею и собственною головою, сберегъ то и другое, и завоевалъ цѣлую страну».

5 іюля бѣглецы остановились лагеремъ у Малаго Абборфорса. Шведы простояли здѣсь шесть дней, и впродолженіе всего этого времени не подверглись нападенію Русскихъ, но очень страдали отъ недостатка въ продовольствіи и соли. Здѣсь, говоритъ Тибурциусъ, негодование противъ главнокомандующаго сдѣлалось общимъ, и мнѣніе о немъ было самое невыгодное. Полковые командиры не оказывали ему ни малѣйшаго уваженія и повиновенія; всѣ требовали отпуска въ Стокгольмъ; не получая онаго, многіе самовольно и безнаказанно оставляли ввѣренныя имъ команды.

Какъ ни быстро дѣйствовали Ласси, но нельзя не замѣтить, что при большей рѣшимости съ его стороны компанія была-бы кончена гораздо скорѣе и результаты ея были-бы блестящіе. Но нашъ военачальникъ видимо стѣсненъ былъ предписаніями отъ двора; онъ не зналъ еще, какъ смотрѣть на его подвиги: вмѣсто милости, не подвергнуть-ли его овалѣ ва *измѣнное усердіе*.

Шведы продолжали отступать къ Гельсингфорсу. Какъ велико было уныніе и какъ упалъ нравственный духъ въ арміи Левенгаупта, можно видѣть изъ слѣдующаго Шведскаго письма отъ 12 іюля 1742 года, помѣщеннаго въ «Описаніи»:

«Я-бы почелъ долгомъ воспѣивать обрадовать васъ, милостивый государь, извѣстіемъ о нашихъ успѣхахъ, еслибы не былъ вполнѣ увѣренъ, что слухъ о нашихъ славныхъ подвигахъ не только уже долетѣлъ до Швеціи, но успѣлъ распространиться по всему міру. Кто теперь не узнаетъ въ насъ достойныхъ потомковъ храбрыхъ Свевовъ и Готтовъ? Подумайте, мы въ нѣсколько часовъ сожгли въ виду непріятели Фридрихсгамъ, не потерявъ при этомъ важномъ подвигѣ ни единого человѣка! Воображаю, какъ Русскіе были изумлены, когда увидѣли, что мы смѣли у нихъ передъ носомъ сжечь нѣсколько 1,000 центнеровъ пороху, прекрасный цейхгаузъ, наполненный провіантомъ, магазинъ и т. д. Вамъ не возможно себѣ представить, какая удивительная была иллюминація, когда въ цейхгаузѣ лопались 1,000 бомбъ и гранатъ, и множество 24-фунтовыхъ пушекъ разрывало между Шведскою и Русскою арміями! Послѣ блестящей иллюминаціи, мы въ блестящемъ порядкѣ добѣжали до рѣки Кюмени, гдѣ начали зажигать новыя иллюминаціи селами и пыльными мельницами. Когда Русскіе съ трудомъ догнали насъ, у Кюмени, на радостяхъ, нами сожжена была

третья иллюминація мостами и всѣмъ ято ни пошло, илюдной собачьей будни не удѣлю; немудрено, самъ генералъ-лейтенантъ предлагалъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать самнитъ, себѣ, какъ можно болѣе вреда. Затѣмъ мы ретировались черезъ другую рѣку къ деревнѣ Саттулѣ. Бѣднымъ Русскимъ опять пришлось потрудиться, догоняя насъ, потому что мы, какъ неутомимые герои, снова перебѣжали черезъ двѣ рѣки; на слѣдующій день черезъ третью. Мосты вездѣ жгли, такъ что Русскимъ то и дѣло приходилось строить новые. Нельзя не подивиться осторожности нашихъ генераловъ, которые сдѣлали все это безъ малѣйшаго кровопролитія, не смотря на то, что солдаты были избѣшены; осыпали проклятіями трусовъ начальниковъ и готовы были плакать съ отчаянія, что имъ не позволяютъ драться. Если мы будемъ еще продолжать свое бѣгство, то я надѣюсь скоро увидѣться съ моими друзьями въ Стокгольмѣ, да такъ скоро, что они врядъ-ли успеютъ окончить триумфальныя ворота къ нашему прибытію».

Нельзя не поблагодарить г-жу Шилевскую за общеніе столь интересныхъ документовъ. Выписанное нами письмо все обито горечью и злостью. Въ этомъ звучитъ сарказмъ, такъ и слышится голосъ не одного человѣка, а всѣхъ Шведовъ; національная гордость которыхъ была глубоко оскорблена возмутительнымъ поведеніемъ Левенгаупта. А между тѣмъ, для окончательнаго приговора надъ несчастнымъ главнокомандующимъ мы имѣемъ еще слишкомъ мало данныхъ. Трудъ г-жи Шилевской въ этомъ отношеніи далеко не полонъ. Много вопросовъ насчетъ причинъ *вомутительнаго поведенія* Левенгаупта остаются неразрѣшенными; сомнѣваемся и въ его трусости, тѣмъ болѣе, что личная храбрость и распорядительность Левенгаупта доказаны многими предыдущими побѣдами. Не понимаемъ его странной осторожности. Остается ждать новыхъ матеріаловъ; такъ напр. было-бы любопытно прочесть его корреспонденцію въ это дѣловое для него время, обнаруженныхъ реалій слишкомъ недостаточно.

Съ каждымъ днемъ война въ Финляндіи принимала для Русскихъ видъ забавы. Благодаря необыкновенной трусости Шведскихъ генераловъ, вся кампанія обратилась въ игру въ кони и мышки. Мышикъ приходилось все хуже и хуже. Жители Борнвекского, Ньюландскаго и Тавасть-Густскаго уѣздовъ прислали просьбы въ Ласси о принятіи ихъ въ Русское подданство.

10 июля Русская армія стала на высяди противъ Шведской арміи, расположенной на позиціи у деревни Сталенсбю. Когда въ вечерѣ, пишетъ пасторъ Гибурнѳусъ, читалъ всенародно молитву королевской лейбъ-гвардіи, то замѣтилъ, что офицеры, стоявше на колѣняхъ у своихъ барабановъ, постоянно поглядывали на гору, находившуюся по другую сторону рѣки, въ разстояніи отъ 200 до 300 шаговъ позади меня. Это сильно возбудило мое любопытство, почему я, какъ скоро окончилъ молитву и войско зашло всаломъ, оглянулся и увидѣлъ тогда на горѣ весь Русскій генералитетъ, стоявшій съ обнаженными головами и молившійся вмѣстѣ съ нами; воздухъ былъ такъ чистъ (тихъ?), что Русскимъ можно было слышать каждое слово».

Такого рода подробности чрезвычайно оживили-бы разсказъ и мы сожалѣемъ, что г-жа Шилевская поспешила на нихъ.

На другой день, рано утромъ, прикрытая туманомъ, Шведская армія потянулась назадъ. Лишь только туманъ развеялся, завязалась жаркое дѣло. Какъ успѣшно отстрѣливались опытные, хорошо выученные Шведскіе артиллеристы, такъ, напротивъ-того, крайнѣ неудачно дѣйствовали Русскія пушки. Наши ядра и бомбы, направленные невкусно, не долетая, съ трескомъ падали въ болото, гдѣ тотчасъ гасли. Вообще, кстати замѣтимъ, кампанія эта показала, какъ еще плохо устроена была наша артиллерія.

Въ самомъ разгарѣ боя Шведскій главнокомандующій, въ бѣломъ плащѣ, сидя на лошади, въ печальномъ раздумьи стоялъ на томъ мѣстѣ, куда чаще всего падали ядра. Онъ искалъ смерти, но ни одно ядро, ни одна пуля не коснулась его: они щадили жизнь несчастнаго фельдмаршала, которому не суждено было пасть съ честью на полѣ брани, а назначено окончить жизнь на плахѣ.

Въ августѣ 1742 года были взяты Нейшлотъ и Тавастгутская крѣпость. пышныя реляціи Ласси объ этихъ побѣдахъ, равно-какъ и доносенія о воѣхъ малѣйшихъ передвиженіяхъ нашей арміи, помещены въ книгѣ г-жи Шилевской.

11 августа обѣ арміи прибыли къ Гельсингфорсу. Шведы были обойдены. Военный совѣтъ уже вступалъ въ переговоры съ Русскимъ военачальникомъ о заключеніи капитуляціи. Еще совѣщанія и переговоры тянулись, какъ вдругъ, 19 числа, прибыли изъ Шведіи вице-адмиралъ Риддерстольпе и полковникъ Каульбарсъ съ повелѣніемъ отъ короля, чтобы графъ Левенгауптъ и генералъ-лейтенантъ Будденброкъ немедленно явились въ Стокгольмъ от-

дать отчетъ государственному сейму въ своихъ дѣйствіяхъ въ продолженіе кампаніи. Начальство надъ арміею было передано генералъ-майору Бускету, и 20 числа, вечеромъ, Левенгауптъ и Буденброкъ уѣхали изъ Гельсингфорса, а 24 августа заключена была капитуляція на слѣдующихъ условіяхъ:

Вся Шведская пѣхота, офицеры и солдаты, а также находящіеся при арміи гражданскіе чиновники, со всѣмъ ихъ багажемъ, оружіемъ, аммуниціею, знаменами, штандартами и т. д. будутъ посажены на суда въ Гельсингфорсѣ, чтобы оттуда безпрепятственно отплыть въ Швецію. Кавалерія пойдетъ безъ замедленія и препятствія къ Торнео, чтобы возвратиться сухимъ путемъ въ Швецію. Имущество и личная безопасность всякаго будутъ ограждены. Весь провіантъ и припасы, находящіеся на судахъ при заключеніи капитуляціи, будутъ оставлены Шведамъ. Они же могутъ взять изъ Гельсингфорскихъ магазиновъ столько провіанта, сколько нужно для продовольствія войскъ во время проѣзда въ Швецію. Десяти Финскимъ полкамъ предоставлено будетъ или отправиться съ Шведскою арміею въ Швецію, или, положивъ оружіе и сдавъ его знамена, лошадей и обозъ Русскимъ комиссарамъ, разойтись по своимъ домамъ и т. д.

Финскія войска избрали послѣднее. 26 числа, сдавъ оружіе и аммуницію, они разошлись по домамъ.

Всѣ документы, относящіеся къ капитуляціи 24 августа, собраны въ книгѣ г-жи Шпилевской, къ которой и отсылаемъ нашихъ читателей.

Лишь только кампанія была окончена, Русское правительство усердно принялось за внутреннее устройство Финляндіи, и въ декабрѣ гражданскій губернаторъ Бальтазаръ фонъ-Кампенгаузенъ былъ для этого посланъ въ Або.

Въ четвертой и послѣдней главѣ г-жа Шпилевская рассказываетъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1743 году.

На этотъ разъ кампанія на сушѣ состояла изъ неважныхъ стычекъ, грабежей и опустошеній на неприятельской землѣ; настала очередь дѣйствовать флоту. Въ маѣ начались эти дѣйствія, далеко не столь удачныя, какъ этого можно было бы надѣяться. Ногода, дурное состояніе кораблей, команды, крайнѣ неопытныя и непріученныя къ морскимъ эволюціямъ, все это было причиною, что мы не одержали никакихъ блестящихъ побѣдъ надъ Шведами, которые вели себя съ тою-же испоконною робостью и нерѣшитель-

востью, какъ въ на сушѣ, подъ начальствомъ злостнаго Де-вонгаута.

Послѣдствіемъ передвиженій съ той и другой стороны; 20 мая 1743 года Русскіе и Шведскіе корабли и другія суда встрѣтились у Карпо. Два часа продолжалась самая жаркая канонада; она прекратилась въ 7 часовъ вечера, Шведскій флотъ съ порядочнымъ урономъ людей и довольно важными поврежденіями долженъ былъ отступить. Преслѣдовать непріятеля не было никакой возможности; вѣтеръ дулъ прямо въ гавань, почему и нельзя было выйти изъ нея. Русскіе въ этошъ дѣлѣ потеряли убитыми и ранеными 15 человекъ.

28 мая представился случай другой эскадрѣ Русскаго флота сразиться съ непріятелемъ. Но адмиралъ Головинъ, такъ рассказываетъ Манштейнъ, не смотря на частыя подтвержденія графа Ласса непримѣнно атаковать непріятеля, всегда находилъ отговорки не исполнить приказанія. Трусливый адмиралъ даже сослался наконецъ на морской регламентъ Петра Великаго, которымъ Русскому флоту приказывалось не иначе вступать въ бой со Шведскимъ, какъ только тогда, когда у него будетъ 3 корабля противъ 2 Шведскихъ. А какъ у графа Головина было всего 17 кораблей противъ 12 Шведскихъ, т.-е., недоставало одного, то онъ и не считалъ себя въ правѣ рѣшиться на подобный подвигъ (\*).

15 іюня 1743 года Шведскій флотъ снялся съ якоря и ушелъ прямо въ Стокгольмъ, куда прибылъ очень кстати для подавленія мятежа Далекарліицевъ. 18-го Ласси получилъ увѣдомленіе отъ нашихъ полномочныхъ министровъ въ Або, что миръ заключенъ.

Въ силу новаго договора, Швеція уступила Россіи всѣ земли, оставшіяся за ней по Ниптатскому миру, кромѣ того часть

(\*) Этимъ походомъ графъ Николай Федоровичъ Головинъ обратилъ на себя впослѣдствіи справедливое неудовольствіе императрицы: холодный пріемъ и охлажденіе царедворцевъ заставили его сказатьсь больнымъ и испросить отставку въ 1744 году. Онъ поѣхалъ въ чужіе края, избралъ мѣстопробываніемъ своимъ Гамбургъ и тамъ скончался 15 іюля 1745 года, съ именемъ сановника трудолюбиваго, сострадательнаго, и вмѣстѣ адмирала слишкомъ неспособнаго, не умѣвшаго пользоваться обстоятельствами. Графъ Головинъ завѣщалъ все свое движимое имѣніе одной Шведкѣ и двумъ прижитымъ съ нею дѣтямъ; но государыня именнымъ указомъ утвердила оное за его супругою и дочерью, принцессою Голстенбекскою. (Жизнеоп. перъ. Рос. адмираловъ, соч. г. Берха, ч. 2. Словарь Бантышъ-Каменскаго, 1886 г., ч. 2.)

великаго княжества Финляндскаго, провинцію Мюменегордъ съ принадлежащими въ ней крѣпостями Фридрихсгамомъ и Вильманторпдомъ, и «сверхъ того ту часть кархшала Пюеттиса, по ту сторону, и къ Востоку послѣдняго рунана рѣки Кюмени или Кеаттиса съ столицю, которой рукавъ между Большимъ и Малымъ Абборторсомъ течеть, а изъ Саволинской провинціи городъ и крѣпость Нейшлотъ съ дистриктомъ» и т. д.

Въ двадцати пунктахъ мирнаго договора подробно изложены были всѣ условія о размѣнѣ плѣнныхъ, о торговлѣ, о военныхъ и торговыхъ судахъ, о содержаніи пословъ, о выдачѣ преступниковъ, о дозволеніи Швеціи вывозить беспошлинно изъ Русскихъ портовъ хлѣба на 50,000 руб. и проч.

При тѣхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, въ которыя Швеція была вовлечена этою неблагоприятною войною, миръ мѣшаю было считать довольно сносивымъ; тѣмъ не менѣе и теперь она была оторванъ значительный участокъ земли, — а это для Швеціи было тѣмъ чувствительнѣе, что война стоила ей 50,000 чело-вѣкъ войска и 79 боченковъ золота, не считая тѣхъ 28, которыя она получила отъ Франціи.

Но бѣдствія Швеціи еще не кончились; недовольные результатами войны, начатой противъ ихъ желанія, и безпрестанными рекрутскими наборами, Далекарлійцы начали волноваться, взяли за оружіе и пошли прямо въ Стокгольмъ, вызывая и остальное народонаселеніе Швеціи присоединиться къ нимъ.

Г-жа Шпилевская опускаетъ разсказъ объ этомъ событіи, а между-тѣмъ оно крайнѣе интересно и подробный разсказъ о внутреннихъ волненіяхъ Швеціи въ это время былъ-бы далеко не лишнимъ въ описаніи военныхъ событій 1741—1743 годовъ.

Пользуясь разсказомъ Манштейна и очеркомъ войны 1741—1742 годовъ, составленнымъ по Шведскимъ источникамъ и помѣщеннымъ въ 1 томѣ «Финскаго вѣстника» 1845 года, мы разскажемъ здѣсь вкратцѣ о возстаніи Далекарлійцевъ (\*).

Шведы, увлеченные сначала увѣреніями правительства въ непремѣнномъ успѣхѣ войны противъ Русскихъ, узнавъ о несчастномъ окончаніи ея, начали громко роптать и сѣтовать на свои потери, требуя наказанія виновниковъ этой несчастной войны. По-

(\*) Mémoires sur la Russie par le général de Manstein. Leipzig. 1771. Situation des affaires en Suède, стр. 508—512. Также см. 1845 г. т. I. Фин. вѣстникъ, стр. 49—57.

цель нации достигнута; крайней степени; правительство созвало сеймъ Мариадомъ при этомъ сеймѣ выбранъ былъ гвардія подполковникъ Уигеръ-Штернбергъ, политическія мнѣнія котораго были совершенно противоположны понятіямъ виновниковъ войны. Засѣданіе сейма было весьма шумно. Настойчиво требовалось произвести строгое розысканіе о дѣйствіяхъ военной комиссіи и наказанія виновныхъ. Гласно требовали голову Левенгаупта и Будденброка. Шумъ превратился въ неистовство и главные виновники войны, видя угрожающую имъ опасность, приняли сторону нации и подтверждали ея мнѣніе, что Швеція могла обойтись безъ этой гибельной войны и что виновники ея должны погибнуть. Спасая себя, они свалили всю вину свою на Левенгаупта и Будденброка. Видя, что смятеніе не утихнетъ отъ казни этихъ несчастливцевъ, не умѣвшихъ удержатъ за собою Финляндію, государственные совѣтники вздумали отвлечь общее вниманіе отъ настоящаго дѣла, представивъ немедленно на разрѣшеніе сейма вопросъ: кто долженъ наследовать престолъ Швеціи въ случаѣ смерти Карла XIII, котораго болѣзнь и старость заставляли думать о преемникѣ? Важный вопросъ занялъ умы всѣхъ членовъ сейма, и пока цель была достигнута: Финляндія на время забыта.

Ульрика-Елеонора скончалась, 21 ноября 1741 года, бездѣтною. Старый король не имѣлъ наследника; слѣдственно, вопросъ о престолонаслѣдіи не могъ рѣшиться скоро, тѣмъ-болѣе, что между Шведами не было единомыслія и мнѣнія раздѣлились на партіи. Сеймъ обратилъ вниманіе на герцога Голштейнъ-Готторпскаго Карла-Петра Ульриха. Большая часть сейма знала, что герцогъ принялъ православную вѣру, что съ именемъ Петра III онъ объявленъ наследникомъ Россійскаго престола, занятаго ея теткою Елисаветой Петровной. Тѣмъ не менѣе, желая приобрести расположеніе Петербургскаго кабинета и доставить государству миръ на выгодныхъ условіяхъ, сеймъ выбралъ герцога наследнымъ принцемъ Шведскаго престола, 28 октября 1742 года. 14 января 1742 посланы въ Петербургъ депутаты, отъ имени нации, съ предложеніемъ герцогу принять Шведскую корону. Депутаты снабжены были предварительными условіями мира. Петръ III отказался отъ предложенія Швеціи; Петербургскій кабинетъ совѣтовалъ избрать другаго племянника императрицы, принца Голштинскаго Адольфа Фридриха. На счетъ условій мира Русское правительство откладывало это дѣло до имѣющихъ быть особыхъ переговоровъ.



При общемъ крикѣ негодованія возвратились въ Стокгольмъ депутаты; Шведы требовали немедленнаго выбора наслѣднаго принца. Сопскателями былъ: сынъ Датскаго короля Фридрихъ, пфальцъ-графъ Цвейбрукскій и Любскій епископъ герцогъ Голштинскій Адольфъ Фридрихъ.

Первый имѣлъ большую партію приверженцевъ и Францію на своей сторонѣ. Адольфа Фридриха, потомка Густавы Вазы, поддержала могущественная Россія. При выборѣ возникли сильныя споры и распри; наконецъ пфальцъ-графъ оставилъ свое искательство, объ немъ перестали говорить. Оставались два претендента. Между-тѣмъ 16 июня 1743 въ Або былъ заключенъ миръ съ Россіей, безславный для Швеции, о которомъ мы уже говорили выше.

Ночью 20 июня прибылъ въ Стокгольмъ подполковникъ фонъ-Лингенъ, одинъ изъ полномочныхъ Швеции, съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ. На слѣдующее утро объявлены были всенародно мирныя условія, а 23-го июня принцъ Адольфъ Фридрихъ выбранъ наслѣднымъ принцемъ Шведскаго престола.

При этомъ выборѣ въ-особенности Далекарлійцы оказали явное негодованіе: они не хотѣли слышать о другомъ наслѣдникѣ престола, кромѣ принца Фридриха. Чтобы возвести его на тронъ и отгнать тѣмъ, которые были причиною несчастной войны, Далекарлійцы, незадолго до заключенія мира, прибѣгли къ отчаянному средству: принялись за оружіе и осадили Стокгольмъ, надѣясь тѣмъ дать государственнымъ дѣламъ другое направленіе и поставить на своемъ.

Еще во время мирныхъ переговоровъ въ Або, которые шли весьма медленно и сомнительно, Швеція полагала, что обстоятельства заставятъ продолжать войну съ Россіей, и потому вооруженъ былъ Шведскій флотъ и высланъ въ море. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ былъ у Гангута, чтобы воспрепятствовать Русской эскадрѣ войти въ Або и сдѣлать высадку на Аландъ; галерныя-же суда расположились у Дегербу. Но когда пронесся слухъ, что генералъ Кейтъ съ 2,000 войска и съ множествомъ казаковъ намѣренъ сѣсть на галеры и сдѣлать высадку въ Швецію, линейнымъ кораблямъ приказано отступить въ Сандгамосъ, а галерамъ къ Ваксгалму. Сухопутному войску также было предписано выступить и тотчасъ принять мѣры къ пополненію полковъ рекрутами. Полагая, что Русскіе имѣли намѣреніе напасть на Вестерботнію, Далекарлійскій подкъ получилъ приказаніе немедленно туда выступить.

Ландсгевдингъ Веннерстедтъ, ѣхавшій въ Далекарлію для выполнения этого приказанія, на дорогѣ у Брунбекка встрѣченъ былъ часномъ сейма, крестьяниномъ Андерссономъ съ нѣсколькими депутатами отъ кирхшпилей Далекарліи. Они требовали съ настойчивостью, чтобы всѣ Далекарлійцы были призваны къ общему собранію, на что Веннерстедтъ принужденъ былъ согласиться. Определено было собраться Далекарлійцамъ 4 апрѣля 1743 года, у дома пробста въ кирхшпилѣ Лекіандѣ. Не смотря на приказаніе Ландсгевдинга, чтобы къ этому собранію явилось только по четыре депутата отъ каждаго кирхшпиля, въ назначенный день прибыл въ Лександу почти всѣ крестьяне Далекарліи. Лишь только Веннерстедтъ успѣлъ имъ прочитатъ повелѣніе правительства о выступленіи Далекарлійскаго полка, какъ раздался общій крикъ, что ни одинъ человекъ не сойдетъ съ мѣста, пока виновники бѣдственной войны не будутъ казнены, требуя при томъ, чтобы наслѣдникъ престола избранъ былъ по ихъ желанію. Веннерстедтъ началъ было ихъ уговаривать, наконецъ угрожать; все было тщетно. Шумъ превратился въ буйство.

Извѣстясь о безпокойствахъ въ Далекарліи, король отдалъ Далекарлійскому полку вторичный приказъ о немедленномъ выступленіи въ Вестерботнію. Но, вмѣсто усмиренія возстанія, оно разлилось по всѣмъ окрестностямъ; неистовство дошло до невѣроятія. Ландсгевдингъ Веннерстедтъ и нѣкоторыя другія извѣстныя лица принуждены были подписать просьбу Далекарлійцевъ о возведеніи на престолъ Датскаго принца. Это сдѣлало ихъ еще болѣе дерзкими и настойчивыми. Далекарлійцы двинулись къ Стокгольму. Толпы ихъ увеличивались болѣе и болѣе; они захватили кассу губернскаго казначейства, взяли изъ магазиновъ всѣ находившіеся тамъ съѣстные припасы и разграбили аптеку для своего походнаго госпиталя, грабя по дорогѣ казенныя имущества. Далекарлійцы быстро приближались къ Стокгольму. Извѣстіе объ этомъ событіи возбудило общее смятеніе; отъ короля и отъ сейма посланы были къ нимъ депутаты съ обѣщаніемъ прощенія виновнымъ, если они добровольно возвратятся въ свои дома; но когда депутаты прибыли въ Салу, они были удержаны Вестманландцами, которые также собрались по призыву Далекарлійцевъ. Вскорѣ послѣ этого, беспорядочныя толпы вступили въ Салу съ знаменами, барабаннымъ боемъ, вооруженныя ружьями, дубинами, вилами и проч. Здѣсь имъ прочтено было письмо короля, въ которомъ онъ утѣ-

щевалъ ихъ смириться, навоинналъ о несчастномъ состояніи Швеции и обѣщавалъ назначить выборъ по себѣ преемника къ 21 юнію. Это, казалось, нѣсколько успокоило тревожныя головы Далекарліицевъ, которые обѣщали остановиться при Стеке; но старания депутатовъ заставить ихъ возвратиться въ дома были безуспѣшны. Депутаты возвратились 17 юнія въ Стокгольмъ. Бывшій губернаторъ въ Далекарліи, президентъ Ландкребитцъ, началъ уговаривать толпы инсургентовъ оставить пагубное предпріятіе пробраться въ Стокгольмъ; но, не смотря на это, вопреки обѣщанію, данному ими королю, черезъ нѣсколько дней они перешли востъ при Стеке.

Король приказалъ Далекарліицамъ остановиться при Ярвѣ и не смѣть приближаться къ столицѣ; при всемъ томъ они 20 юнія были уже у сѣверной заставы Стокгольма. Огорченный король выѣхалъ къ нимъ въ сопровожденіи государственнаго совѣтника Окергельма и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, и, лично отдавъ имъ строгое повелѣніе не двигаться ни на шагъ впередъ, требовалъ, чтобы они выслали депутатовъ для предъявленія своихъ просьбъ и желаній. Далекарліицы смирились; но потомъ, когда король удалился, они построились полужьсяцемъ и вторглись въ Стокгольмъ. Три полка, стоявшіе у заставы, не имѣя приказанія дѣйствовать противъ инсургентовъ въ случаѣ ихъ вторженія, должны были отступить. Главнымъ мѣстомъ сбора Далекарліицевъ былъ домъ, окруженный заборомъ, куда они свезли захваченныя ими орудія и боевыя припасы, состоявшіе изъ пороха и 11,000 ядеръ.

Правительство, не желая проливать крови, по-необходимости рѣшилось дѣйствовать оружіемъ и полкамъ приказано было готовиться къ бою. Инсургенты показывали длинный списокъ извѣстныхъ лицъ, обреченныхъ ими на ужасную смерть. Ужасъ распространился по Стокгольму.

Въ главѣ инсургентовъ стоялъ Шединъ, бывшій солдатъ Прусской службы; мятежники сулили ему званіе оберъ-статгалтера въ Стокгольмѣ. 22 юнія король публично объявилъ, что тѣ изъ инсургентовъ, которые до 5 часовъ пополудни выйдутъ изъ города, оставя оружіе, получатъ прощеніе, съ прочими будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Мятежники не утѣхали. Наконецъ 8,000 войска расположились внутри и внѣ города. Государственные совѣтники Розень и Адлерфельдтъ объявили Далекарліицамъ волю короля немедленно открыть огонь. Они отвѣчали

пальбой. Многихъ ранили и положили на мѣстѣхъ нѣтъ отъ смертельной раны Адлерфельдтъ. Залитъ нѣтъ двухъ орудій былъ отбитъ. До 50 мясургентовъ легло на мѣстѣ, остальные, бросивъ ружья, стали просить пощады и отдались въ руки правительства.

Далекарлійцы были рассажены по всѣмъ тюрьмамъ; за недостаткомъ мѣста, ихъ содержали подъ строгимъ карауломъ на дворѣ арсенала и на кладбищѣ. Послѣ перваго розыска, ихъ отвели на военные суда и галеры, гдѣ отъ возникшей заразы изъ 12,000 челоувѣкъ болѣе половины перемерло. Главные виновники возстанія, вмѣстѣ съ Шединомъ, погибли на эшафотѣ, другіе наказаны кнутомъ и сосланы въ крѣпостную работу, менѣе виновные прощены.

Событіе, здѣсь разсказанное, тѣмъ-болѣе для насъ важно, что оно ускорило участь генераловъ Левенгаупта и Будденброка, противъ которыхъ возстала почти вся Швеція. Покровители Левенгаупта и Будденброка употребляли всѣ силы, чтобы спасти ихъ, особенно перваго; но усилія ихъ были тщетны: Будденброка казнили 18 іюля 1743 года. Друзья Левенгаупта думали, что казнь его удовольствуются ожесточенные, и надѣясь на это, доставили Левенгаупту средства бѣжать. Когда вѣсть эта разнеслась по городу, ненависть Шведовъ къ виновнику несчастія войны дошла до изступленія. Правительство принуждено было обѣщать 20,000 талеровъ за его голову.

Обѣщаніе прельстило шкипера, который взялся-было отвезти Левенгаупта, и онъ предалъ несчастливца въ руки правительства: 22 іюля 1743 года Левенгауптъ лишился головы, при общемъ проклятій Шведовъ, можетъ быть справедливо негодовавшихъ на поступки его во время несчастной войны.

Вышеприведенныя выписки наши достаточно знакомятъ съ интересною книгою г-жи Шплевской. При всѣхъ недостаткахъ, далеко впрочемъ не важныхъ, и на которые мы рѣшились указать въ разныхъ мѣстахъ этой статьи, трудъ г-жи Шплевской заслуживаетъ познаго одобренія. Не представляя намъ полнаго описанія войны 1741—1743, онъ тѣмъ не менѣе сообщаетъ много данныхъ, много матеріаловъ для описанія этихъ доселѣ малоизвѣстныхъ событій.

Желательно, чтобы современемъ г-жа Шпилевская, выправивъ, дополнивъ и исправивъ, издала-бы свой трудъ съ подробнымъ оглавленіемъ и хорошею картою той части Финляндіи, которая послужила театромъ войны 1741—1743 годовъ.

**НИКОЛАЪ СЕНОВСКІЙ.**



## VII.

### НОВОСТИ И СМЪСЬ.

#### I

### НОВОСТИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

**О ПРОСТЫХЪ ТЪЛАХЪ.**—Возможно-ли дѣлать золото? Еще нѣсколько лѣтъ назадъ химики отвѣчали-бы на такой вопросъ отрицательно съ совершенной увѣренностью. Было время, когда алхимія считалась однимъ изъ нелѣпѣйшихъ заблужденій человѣчества, когда алхимиковъ осыпали насмѣшками наравнѣ съ астрологами и преслѣдователями вѣдьмъ и колдуновъ. Убѣжденіе было такъ твердо, что считалось одною изъ величайшихъ побѣдъ науки. Въ одномъ романѣ Александра Дюма разсказывается, что Калиостро (въ прошломъ вѣкѣ) допрашиваетъ свою ясновидящую о тайнахъ природы и та сообщаетъ ему, какъ глубочайшее познаніе, что золота нельзя дѣлать, потому-что оно *есть тѣло простое*, но что можно дѣлать алмазы, именно изъ угля:

Съ нѣкотораго времени однакожъ дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ. Химики все больше и больше осваиваются съ мыслью, что нѣтъ никакихъ достаточныхъ причинъ считать химическіе элементы веществами абсолютно-простыми. Постепенно укрѣпляется даже именно мнѣніе алхимиковъ, т.-е. мысль, что простыя вещества могутъ переходить одно въ другое, что они не суть вещества, не имѣющія ничего общаго между собою. Мы видимъ, какія прекрасныя соображенія представилъ по этому поводу Дюма, не романистъ, а знаменитый химикъ.

Нельзя не порадоваться такому развитію химическихъ понятій. На самомъ дѣлѣ *простота* химическихъ элементовъ есть одно изъ тѣхъ положеній, которыя обыкновенно выдаются за послѣдній, неразрѣшимый фактъ, за коренное явленіе, на которое сводятся многія другія, но которое само ни на что не сводится. Такихъ мнимыхъ истинъ, составляющихъ мнимый предѣлъ изслѣдованій, найдется немало въ естественныхъ наукахъ и потому, когда хоть одно изъ такихъ положеній начинаетъ колебаться, это составляетъ уже важный шагъ впередъ. *Натуралисты* обыкновенно упускаютъ изъ виду, какъ оскорбительны въ этомъ случаѣ ихъ мнѣнія для науки и для разума *человѣческаго* вообще, забываютъ, что какова-бы ни была граница, какъ-бы она далека и широка ни была, она во всякомъ случаѣ противна природѣ разума, потому-что предполагаетъ остановку, копецъ движенія, копецъ мышленія.

Возьмемъ на примѣръ настоящій вопросъ. Въ химіи считаютъ 62 простыхъ вещества, т.е. 62 вещества, которыхъ до-сихъ-поръ не успѣли разложить. Положимъ, что эти вещества дѣйствительно простые, т.е., что ихъ не только теперь, но и никогда, никакими средствами невозможно разложить. Если сдѣлаемъ такое предположеніе, и хорошенько рассмотримъ его, то мы сейчасъ-же должны будемъ отъ него отказаться.

На самомъ дѣлѣ, сейчасъ-же намъ представятся слѣдующіе вопросы: отчего зависятъ свойства этихъ тѣлъ, физическія, химическія и всякія другія? Отчего нѣкоторые изъ нихъ очень сходны между собою, другіе различны? Отчего ихъ столько, а не больше и не меньше? Однимъ словомъ, мы должны вкѣ изслѣдовать точно такъ-же, какъ и всякія другія тѣла, мы должны искать причинъ и законовъ, по которымъ они являются намъ такъ, а не какъ-нибудь иначе. Здѣсь нельзя ссылаться и на атомы, потому-что и относительно атомовъ мы должны предложить себѣ тѣ-же самыя вопросы.

Какимъ-же образомъ мы можемъ разрѣшить ихъ? Какой путъ и какаѧ цѣль указывается самими вопросами?

Если мы ищемъ причину разнообразія предметовъ, то при этомъ всегда заранѣе предполагаемъ ихъ единство или тождество въ известномъ отношеніи. Вы находите разницу между характерами людей, между свойствами цѣлыхъ народовъ; какъ вы объясняете ее себѣ? Вы говорите: существенная основа у всѣхъ людей, у всѣхъ народовъ *одна и та-же*, но они развиваятѧ при раз-

личныхъ обстоятельствахъ и оттого получаютъ различныя свойства. Такъ точно и здѣсь. Всѣ многообразныя свойства тѣлъ вообще, ихъ вкусъ, цвѣтъ, кристаллизацию и пр. можно объяснить изъ ихъ химическаго состава, изъ свойствъ немногихъ простыхъ тѣлъ, а чѣмъ объяснять свойства самихъ простыхъ веществъ? Очевидно, всѣхъ ихъ мы считаемъ *однородными* между собою въ томъ смыслѣ, что всѣ они представляютъ вещество, т. е. нѣчто, занимающее пространство. Съ понятіемъ вещества мы ничего больше и не соединяемъ и намъ именно и любопытно знать, почему-же, при ихъ одинаковой вещественной природѣ, простые тѣла имѣютъ различныя свойства? Следовательно умъ нашъ будетъ совершенно удовлетворенъ только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что вещество всѣхъ простыхъ тѣлъ *одно и то-же* и если успѣемъ, какимъ-бы то ни было образомъ, изъ этого одного вещества построить разнообразіе химическихъ элементовъ. Никакое другое рѣшеніе невозможно, а это рѣшеніе требуется необходимо.

Если-же такъ, то каковы-бы ни были причины, вслѣдствіе которыхъ одно и то-же вещество является въ различныхъ видахъ, мы, безъ сомнѣнія, со-временно оназдѣемъ этими причинами и будемъ придавать веществу тотъ или другой видъ по произволу. следовательно по произволу будемъ превращать металлы, будемъ дѣлать золото. Въ этомъ столь-же мало удивительнаго или чудеснаго, какъ и въ томъ, что мы по произволу можемъ превращать воду въ ледъ и ледъ въ воду, или можемъ, какъ это дѣлается въ прекрасныхъ опытахъ Плато, придать массѣ масла видъ сфероида, тотъ видъ, который постепенно приняла земля, когда еще неслась въ пространствѣ жидкою расплавленною массою.

Совершенно подобныя разсужденія лежали въ основаніи остроумныхъ изысканій Дюма. Онъ поставилъ себѣ задачей — найти, какія отношенія существуютъ между атомическими вѣсами тѣлъ; но некакъ отношеній между этими числами значить предположить въ нихъ нѣчто общее и какъ-свое изъ этого общаго мы успѣли составить различныя числа, принадлежащія частнымъ тѣламъ, то вывѣтъ съ тѣмъ мы разнообразіе атомическаго вѣса подчинили некоторымъ законамъ, следовательно приблизились къ объясненію этого разнообразія. Нельзя не сожалѣть наилучшаго успѣха изысканій такого рода.

Приведемъ здѣсь соображенія, высказанныя недавно Гер-



шелемъ въ засѣданіи Британскаго общества способствованія наукъ (1).

«Недалеко время, говорилъ онъ, когда, зная семейство, къ которому принадлежитъ какой-нибудь химическій элементъ, и мѣсто его въ этомъ семействѣ, мы въ состояніи будемъ съ увѣренностію предсказать систему соединеній, въ которыя онъ можетъ вступить, и роль, которую онъ будетъ играть въ этихъ соединеніяхъ. Въ недавнее время сдѣланъ важный шагъ въ этомъ направленіи г. Кукомъ (Сооке), профессоромъ Гервардскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ своей запискѣ, помѣщенной въ 5-мъ томѣ Мемуаровъ Американской академіи наукъ и искусствъ, онъ старался изучить и развить классификацію химическихъ элементовъ по семействамъ,—такого рода классификацію, о какой первая мысль или скорѣе первый зачатокъ мысли былъ представленъ нашему Обществу г. Дюма. Система эта основывается на началѣ расположенія тѣлъ въ ряды; элементы, принадлежаще къ каждому ряду, составляютъ арифметическую прогрессию и *разность* прогрессіи въ каждомъ ряду составляетъ атомическій вѣсъ водорода, взятый 3, 4, 5, 6, 8 или 9 разъ. Такимъ образомъ получается шесть группъ, которыя можно разсматривать, какъ естественныя семейства, такъ-какъ каждая изъ нихъ представляетъ въ высшей степени характеристическія общія свойства и, что всего замѣчательнѣе, начальное число каждой группы принадлежитъ тѣлу, обладающему въ высочайшей степени характеристическимъ свойствомъ группы, тогда-какъ другія тѣла представляютъ это свойство все въ меньшей и меньшей степени по порядку прогрессіи, т. е. вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа, выражающаго ихъ атомическій вѣсъ.»

«Вообще говоря, я мало расположенъ довѣрять численнымъ обобщеніямъ такого рода, такъ-какъ замѣчено, что авторы такихъ обобщеній слишкомъ свободно обращаются съ самыми числами, или-же допускаютъ въ приложеніи своихъ началъ болѣе обширныя предѣлы ошибокъ, чѣмъ это согласно съ точностію опытныхъ данныхъ, а потому и результатъ не имѣетъ того строгаго согласія съ явленіями природы, въ которомъ заключается вся разница между шаткою аналогіею и дѣйствительнымъ физическимъ закономъ. Но въ настоящемъ случаѣ ясно видно, что не только группы, уста-

(1) 28<sup>e</sup> session à Leeds en sept. 1858. L'Institut 1858, p. 367.

новленные Кукомъ, замѣчательнымъ образомъ согласуются въ своихъ теоретическихъ числахъ съ числами, найденными изъ опыта самыми уважительными авторитетами, но также и то, что труднобы было принять другія, болѣе характеристическія дѣленія, еслибы мы стали дѣлить элементы только по свойствамъ ихъ самихъ, не принимая нисколько въ расчетъ ихъ атомическихъ чиселъ. На-самомъ-дѣлѣ передъ нами является дѣйствительный законъ, плодovitое обобщеніе, когда мы видимъ, что въ одной группѣ соединены кислородъ, фторъ, хлоръ, бромъ и іодъ, расположенные именно въ этомъ порядкѣ; въ другой—азотъ, фосфоръ, мышьякъ, антимоній и висмутъ; что къ одной группѣ принадлежатъ всѣ самыя дѣятельныя и наиболѣе растворимыя электроположительныя элементы—водородъ, литій, натрій и калий, а къ другой всѣ наименѣе дѣятельныя и наименѣе растворимыя—кальцій, стронцій, барій и свинецъ, и притомъ все это безъ нарушенія какой-либо другой системы свойствъ. Прибавлю, что соображенія этого рода, кажется, должны привести насъ ко взгляду несогласному съ предположеніемъ, что всѣ члены каждаго семейства составляютъ только аллотропическое измѣненіе главнаго члена. Общія разности между членами каждой прогрессіи атомическихъ чиселъ не бываютъ ни равны, ни во всѣхъ случаяхъ соизмѣрима съ атомическимъ вѣсомъ перваго члена прогрессіи. Напримѣръ, въ группѣ хлора первый членъ есть 8, а общая разность 9. Безъ-сомнѣнія, отношенія такого рода указываютъ на нѣчто другое, совершенно отличное отъ аллотропизма. Скорѣе всего они указываютъ на постепенное ослабленіе энергіи главнаго элемента вслѣдствіе повторяющагося прибавленія количества другаго, видоизмѣняющаго элемента; это выказывается тѣмъ поразительнѣе, что кислородъ составляетъ первый членъ въ нѣсколькихъ различныхъ группахъ, которыя въ извѣстномъ отношеніи представляютъ тѣсное сходство, а въ другія весьма различны. Всѣ эти соображенія однакоже предполагаютъ, что совершенно доказанъ фактъ, съ которымъ, признаюсь, кажется слишкомъ легко согласаясь химики, именно, что всѣ атомическія числа суть кратныя атомическаго вѣса водорода. Досихъ-поръ числа эти не опредѣлены съ точностію, которая могла бы сравниться съ точностію опредѣленія элементовъ планетныхъ орбитъ, такъ-что если сравнить, то ошибки, считаемыя незначительными въ числахъ наилучше изслѣдованныхъ простыхъ тѣлъ въ-отношеніи къ планетамъ окажутся совершенно невозможными

А по моему мнѣнію, только не достиженіи такой точности можетъ быть разрѣшенъ вопросъ. Если подумать только, какія громадныя послѣдствія влечетъ за собою этотъ вопросъ, если принять въ соображеніе, что на этомъ началѣ должна быть основана вся система природы, то нельзя не признавать, что ничто не несущее печати полной очевидности не должно быть принимаемо за достоверное, какъ-бы соблазнительна ни казалась теорія.»

Нельзя не согласиться съ Гершелемъ, что законъ Прюта дѣйствительно не доказанъ еще вполне и совершенно строго; но здѣсь главное въ томъ, что вопросъ признанъ и что рѣшеніе его, каково-бы оно ни было, будетъ похоже на рѣшеніе Прюта. Всего лучше здѣсь, безъ сомнѣнія, путь, избранный Дюма; очевидно, классификація Кука подходитъ, какъ частный случай, медъ общія положенія знаменитаго Французскаго химика.

При такомъ состояніи вопроса очень страшно появленіе довольно большой статьи физика Дебре (2), въ которой онъ, по его собственнымъ словамъ, доказываетъ опытами слѣдующія положенія:

1) Каждый металлъ состоитъ изъ особеннаго, элементарнаго вещества, неразрушимаго въ своей внутренней сущности.

2) Кислородъ, азотъ и металлы не состоятъ ни изъ водорода, ни изъ какого-нибудь болѣе легкаго газа, сгущеннаго въ различной степени.

3) Изъ нѣкоторыхъ опытовъ видно, что нельзя считать какинбудь два металла за одно и то-же вещество въ различныхъ молекулярныхъ состояніяхъ.

4) Число опытовъ Дебре достаточно для того, чтобы распространить эти заключенія на всѣ тѣла металлическія и не металлическія.

Уже изъ самыхъ положеній можно видѣть, что Дебре ошибся. Такихъ положеній невозможно доказать опытомъ; и на самомъ дѣлѣ, сущность всей статьи ученаго физика можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: онъ старался какъ-нибудь разложить металлы, найти въ нихъ какія-нибудь разнородныя части, но его опыты ни къ чему не повели, ничего не открыли. Само собою разумѣется, что отсюда ровно ничего не слѣдуетъ.

Въ началѣ своего мемуара Дебре указываетъ на то, что химики не убѣждены твердо въ простотѣ химическихъ элементовъ.

(2) *Comptes rendus*. 1868. 15 nov. p. 746. L'Institut 1868. p. 383.

Дени Дебре думалъ, что металлы и горючія твердыя начала состоятъ изъ особеннаго, неизвѣстнаго основанія и изъ того-же вещества, которое входитъ въ составъ водорода. (Léop. Vaxerienne, 1807; Annales de chimie, t. LXX p. 240). Извѣстны подобныя мнѣнія и другихъ химиковъ, напр. Прюта, Дэма и пр.

Такая шаткость мнѣній относительно простоты элементовъ внушила Дебре уже въ 1849 году мысль сдѣлать нѣкоторыя опыты.

«Убѣдившись, говоритъ онъ, въ 1849 году, что самыя огнеупорныя тѣла плавятся и улетучиваются въ электрическомъ огнѣ сильной гальванической цѣпи, или же въ фокусѣ, въ которомъ соединены электрическая и солнечная теплота и теплота герміа, дѣлавши опытомъ, что сложныя тѣла, напр. медьныя шпаты, сначала отдѣляются изъ себя наиболѣе летучія части (3), я естественно приведенъ былъ къ мысли — попробовать, не раздѣлятся ли также металлы на свои предполагаемые элементы, если ихъ подвергнуть такому-же энергическому дѣйствию теплоты».

Самые опыты, впрочемъ, начались съ мая мѣсяца 1857 г. Основаніе ихъ было слѣдующее:

«Предположимъ на минуту, что металлы суть двойныя соединенія; тогда двѣ оставшія части каждаго металла необходимо должны быть различны по своимъ свойствамъ; они должны быть неодинаково летучи, не одинаково осаждаться дѣйствиемъ гальваническаго столба, или болѣе энергическихъ металловъ и вообще какихъ-нибудь химическихъ реактивовъ».

«Если обрабатывать гальваническимъ токомъ, или цинкомъ, или сѣрнистымъ водородомъ, или углекислымъ натромъ смѣсь солей, свинца и мѣди, или свинца и кадмія, мѣди и кадмія и др. и собирать отдѣльно послѣдовательно-осаждающіяся части, то окажется, что составъ осадковъ различенъ и тѣмъ различнѣе, чѣмъ различнѣе время ихъ образованія».

Подобныя-же опыты Дебре сдѣлалъ съ отдѣльными металлами. Напр. онъ бралъ мѣдный купоросъ, пропускалъ черезъ него токъ и собиралъ послѣдовательные осадки мѣди. Число ихъ было 8. Оказалось, что всѣ осадки состоятъ изъ чистой мѣди. Каждый осадокъ Дебре превращалъ яотомъ въ разныя мѣдныя соли, азотнокислыя, уксуснокислыя и пр. Соли кристаллизовались и оказа-

(3) Comptes rendus t. XXVIII et XXIX.

лось, что всѣ осадки дали одинаковые кристаллы одинаковых солей.

Такихъ и подобныхъ опытовъ Дебре сдѣлалъ и описалъ 17. Хотя для изслѣдованія кристалловъ онъ приглашалъ даже извѣстнаго минералога Делафосса, но и при его помощи ничего не нашелъ. Кристаллы всегда были одинаковы и слѣдовательно опыты были совершенно безплодны.

Но, основываясь на нихъ, Дебре считаетъ доказанными тѣ положенія, которыя мы привели выше. Всего страннѣе то, что въ концѣ мемуара онъ самъ-же говорить слѣдующее:

«Распространеніе этихъ выводовъ на всѣ простыя тѣла не уклоняется отъ осторожности, требуемой опытными изслѣдованіями. Мы убѣждены, что еслибы былъ разложенъ хотя одинъ металлъ, то легко было-бы разложить и всѣ остальные. История химіи представляетъ намъ замѣчательный примѣръ такого рода въ началѣ нашего столѣтія. Разложеніе одной щелочи повело тотчасъ къ разложенію другихъ щелочей и даже земель.»

Странно, какимъ образомъ отсюда слѣдуетъ, что если г. Дебре не удалось разложить мѣди, свинца, цинка и кадмія, то не удастся разложить и другихъ металловъ, и что вообще всѣ металлы неразложимы никакими средствами, не только для Дебре, но и для кого другаго?

Наконецъ, говоря о гипотезѣ Проута, онъ дѣлаетъ возраженіе такого рода:

«При этомъ предположеніи, всѣ тѣла, изъ которыхъ состоитъ земля, были-бы не что иное, какъ сгущенный газъ. Луна, которой плотность немного менѣе плотности земли, вѣроятно, имѣла-бы такой-же составъ. Странные результаты!»

Невозможно понять, въ чемъ-же состоитъ странность этихъ результатовъ. По-крайней-мѣрѣ луна и ея плотность нисколько не уясняютъ дѣла.

Безъ-сомнѣнія, всякій, кто прочитаетъ мемуаръ Дебре, согласится съ тѣмъ, что рѣдко встрѣчается подобная слабость и несостоятельность заключеній. Между-тѣмъ не столь явно тотъ-же недостатокъ обнаруживается повсемѣстно въ естественныхъ наукахъ; нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ заключеніе, превышающее носылки, выводъ изъ опыта того, чего опытъ вовсе не даетъ. Опытъ, фактъ, конечно, всегда драгоценны, но этого мало: нужно вывести заключеніе изъ опыта, и въ этомъ случаѣ логика са-

мая глубокая не только полезна, но совершенно необходима. На однихъ фактахъ и опытахъ остановиться нельзя, и вотъ почему вся область естествознанія наполнена предразсудками и слабыми выводами, которые между-тѣмъ составляютъ часто единственныя убѣжденія натуралистовъ.

## II. СТРАХОТЪ.

**ДВИЖЕНІЕ СОКОВЪ ВЪ РАСТЕНІИХЪ.** *Исследования Гартма (4).*—Извѣстный своими трудами по гѣсоводству и растительной физиологій *Гартмъ* уже въ 1837 г. изложилъ свое мнѣніе о движеніи соковъ въ деревьяхъ. Въ существенныхъ чертахъ его мнѣніе состояло въ слѣдующемъ:

*Сырой сокъ*, принятый корнями изъ почвы, поднимается по настоящимъ древесиннымъ волокнамъ къ листьямъ, гдѣ, какъ во всѣхъ частяхъ, подверженныхъ дѣйствию свѣта, превращается въ *первичный образовательный сокъ*, который опускается внизъ и отлагаетъ изъ себя *запасныя вещества* (крахмалъ и пр.), остающіеся всю зиму безъ измѣненія. На слѣдующій годъ они растворяются въ новомъ сыромъ сокѣ и производятъ *вторичный образовательный сокъ*, изъ котораго образуются побѣги, листья, древесина и лубъ. Поэтому деревья ежегодно скопляютъ извѣстное количество запасныхъ веществъ, идущихъ на приростъ древесины въ слѣдующемъ году.

Можно-бы думать, что первичный образовательный сокъ, приготовленный въ листьяхъ, опускается какъ по лубу, такъ и по древесинѣ: потому-что запасныя вещества находятся въ большомъ количествѣ въ сердцевинныхъ лучахъ, въ клѣтчатыхъ волокнахъ и отчасти въ настоящихъ древесинныхъ волокнахъ. Но если на деревѣ сдѣлать кольцообразную вырѣзку, то образование запасныхъ веществъ подъ кольцомъ безусловно прекращается. Слѣдовательно, обратное теченіе первичнаго сока совершается не по древесинѣ и сердцевинѣ, а только по рѣшетчатой ткани (*Siebfasergewebe, Gitterfasergewebe*) лубоваго слоя, и запасныя вещества этихъ частей дерева должны происходить изъ сока, приходящаго къ нимъ горизонтально изъ луба.

Прежде *Гартмъ* думалъ, что подобно тому, какъ первичный сокъ можетъ переходить изъ луба въ древесину и сердцевинные

(4) Bot. Zeit. № № 44, 45, 46, 1858.

лунн, такъ и вторичный образовательный сокъ можетъ переходить изъ этихъ частей въ камбиальный слой, и что образование древесины изъ вторичнаго сока возможно и въ тѣхъ случаяхъ, когда прервано кольцеобразными вырѣзками сообщеніе частей, содержащихъ въ себѣ запасныя вещества, съ высшими частями дерева, на которыхъ сидятъ листья:

Основаніемъ такому мнѣнію были слѣдующія наблюденія:

1) Приростъ древесины, продолжавшійся въ теченіи 50—60 лѣтъ на пняхъ срубленныхъ пихтъ и лиственницъ.

Это есть одно изъ самыхъ странныхъ жизненныхъ явленій. Оно никогда не встрѣчается у лиственныхъ деревьевъ, а только у хвойныхъ, и то не у всѣхъ, а только у пихтъ и лиственницъ. *Розумъ* предполагаетъ, что это явленіе происходитъ отъ срастанія пня своими корнями съ корнями сосѣдняго неповрежденнаго дерева. Это объясненіе и принято большинствомъ, потому-что во многихъ случаяхъ доказано такое срастаніе корней. Но *Гартманъ* возмущается противъ такого объясненія, потому-что онъ наблюдалъ приростъ древесины въ продолженіе 12 лѣтъ на пнѣ лиственницы, которая росла въ буковомъ лѣсу, гдѣ не было другихъ хвойныхъ деревьевъ, кромѣ *Lupiregus virginiana*, росшемъ на разстояніи 100 ф. отъ этого пня. Само-собою-разумѣется, что здѣсь не могло произойти сращенія корней, потому-что прививки возможны только между видами одного рода, а *Lupiregus* и *Larix* принадлежатъ не только къ разнымъ родамъ, но даже и къ различнымъ семействамъ.

Срастаніе корней встрѣчается у лиственныхъ деревьевъ на легкой или очень каменистой почвѣ также часто, какъ у пихты и лиственницы, а между-тѣмъ пни ихъ никогда не образуютъ новыхъ слоевъ древесины.

Привитая вѣтвь находитъ въ гораздо благопріятнѣйшихъ условіяхъ къ питающему ее дичку, нежели пень пихты изъ ствола другой пихты черезъ срастаніе корней, а между-тѣмъ эта вѣтвь умираетъ; если ее лишитъ всѣхъ почекъ и листьевъ.

Еще разительнѣе слѣдующій примѣръ. Если на стволѣ дерева сдѣлать кольцеобразную вырѣзку нѣсколько дюймовъ выше вѣтви, покрытой листьями, то на кускѣ ствола между вырѣзкою и вѣтвью не образуется новыхъ слоевъ древесины; чего-то и говорить, что здѣсь условіе еще благопріятнѣе для образованія новыхъ слоевъ, а они не происходятъ!

Поэтому должно согласиться съ *Гартманомъ*, что слои на пняхъ

срубленныхъ пшкть и листьенищъ образуются шть запасныхъ веществъ, отложенныхъ въ корнѣ, — что согласно и съ вытекающимъ смолы изъ пней сосны въ-теченіе многихъ лѣтъ.

2) Образование коры, луба и древесины подъ стеклянными завязками на ранахъ, происшедшихъ отъ снятія коры.

3) Новые побѣги изъ прибавочныхъ почекъ.

4) Восхождение древеснаго сока даже тогда, когда прервано прямолинейное его движеніе посредствомъ многихъ вырѣзокъ съ противоположныхъ сторонъ, доходящихъ до сердцевины, — восхождение, доказывающее боковое движеніе сока.

5) Фактъ, доказанный анатомически, что первичный образовательный сокъ можетъ переходить изъ лубоваго слоя въ древесину, изъ чего можно вывести заключеніе, что въ другой періодъ растительности вторичный образовательный сокъ можетъ переходить въ противоположномъ направленіи изъ древесины въ камбій.

6) Если срубить дерево или сдѣлать на немъ кольцеобразную вырѣзку, то образование древесины несовершенно прекращается; въ такихъ случаяхъ образуется зачатокъ новаго слоя, который достигаетъ толщины  $\frac{1}{6}$  или  $\frac{1}{8}$  предыдущаго слоя, рѣдко болѣе, и оканчивается только тонкостѣнными древесинными клѣточками.

Теперь *Гартинъ* перемѣнилъ мнѣніе на счетъ движенія вторичнаго образовательнаго сока. Онъ полагаетъ, что этотъ сокъ, также какъ и первичный, поднимается вверхъ и потомъ опускается по рѣшетчатой ткани луба для того, чтобы переходить въ камбій. Основаніемъ такому мнѣнію служатъ слѣдующіе факты и наблюденія:

I. Изъ изслѣдованія *Гартиномъ* черезъ 14 дней стеблей 4 различныхъ древесныхъ породъ (дуба, клена, листьеницы и сосны), которыя росли при одинаковыхъ условіяхъ на одинаковыхъ мѣстностяхъ, оказалось, что

1) раствореніе запасныхъ веществъ начинается:

у клена — въ половинѣ февраля.

у дуба — » » марта.

у хвойныхъ — въ началѣ апрѣля.

Оно начинается въ самыхъ верхнихъ побѣгахъ дерева и оттуда медленно опускается къ корнямъ, такъ что въ боковыхъ корняхъ оно замѣчается только въ началѣ мая, а у сосны даже въ половинѣ іюня.



Періодъ растворенія крахмала въ каждой части дерева продолжается около 2 мѣсяцевъ; въ корнѣ короче, нежели въ стеблѣ и вѣтвяхъ.

2) Новое скопленіе запасныхъ веществъ начинается:

въ корняхъ клена — въ маѣ  
 » » лиственницы — въ іюнѣ  
 » » дуба — въ іюлѣ  
 » » сосны — въ сентябрѣ

и продолжается медленно вверхъ, такъ-что доходитъ до послѣднихъ побѣговъ вершины:

у клена — въ началѣ августа  
 у дуба — въ половинѣ сентября  
 у лиственницы — въ началѣ октября  
 у сосны — въ половинѣ октября.

Образованіе крахмала продолжается во всѣхъ частяхъ дуба и сосны 2 мѣсяца, лиственницы и клена 3 мѣсяца. Оно происходитъ дольше въ подземныхъ, нежели въ надземныхъ частяхъ дерева.

3) Образованіе древесины начинается въ верхнихъ частяхъ дерева въ началѣ мая и опускается внизъ весьма медленно, такъ-что въ боковыхъ корняхъ толщиной въ полдюйма оно начинается:

у клена — въ половинѣ іюня  
 у сосны и лиственницы — въ началѣ іюля  
 у дуба — въ началѣ августа.

Въ тонкихъ мочковатыхъ корняхъ оно начинается еще позже, у лиственныхъ деревъ — 4-6 недѣлями, у хвойныхъ 2 мѣсяцами.

Періодъ образованія древесины въ верхнихъ побѣгахъ продолжается около 5 мѣсяцевъ (отъ мая до сентября), въ боковыхъ корняхъ, около 2 мѣсяцевъ — отъ августа до сентября.

II. Для изслѣдованія соченья деревьевъ въ соку, *Гартнигъ* изучилъ содержаніе сырости въ 30 различныхъ древесныхъ породахъ отъ января до ноября. Такъ-какъ матеріалъ для изслѣдованія не могъ быть взятъ отъ одного и того-же дерева, и для каждаго вида, въ каждомъ мѣсяцѣ, должно было рубить новыя деревья, то при вычисленіи сырости были приняты въ расчетъ всѣ обстоятельства, которыя только можно было принять, такъ-что можно предполагать, что были изслѣдованы одинъ и тотъ-же кусокъ того-же самаго дерева. *Гартнигъ* бралъ деревья, одновременно посаженныя за 16 лѣтъ, и выбиралъ по-возможности де-

ревья равной вышины, силы, листвы и здоровья; изъ каждого вынималъ на высотѣ 4 ф. надъ поверхностью почвы кусокъ въ 2 ф. длиною, очищалъ отъ коры, вкладывалъ его въ стеклянный ксилومترъ, въ которомъ ошибка наблюденія не превышаетъ 0,0001 куб. ф. и взвѣшивалъ его; потомъ высушивалъ его и вторично взвѣшивалъ. Вѣсъ въ сухомъ состояніи даетъ количество твердой массы дерева, а разность вѣса въ первомъ и второмъ случаѣ—количество сырости въ живомъ состояніи дерева. Результаты опытовъ показаны на особой таблицѣ, изъ разматриванія которой слѣдуетъ, что наибольшее содержаніе сырости въ деревьяхъ бываетъ въ январѣ и февралѣ, потому-что среднее число изъ содержанія сырости всѣхъ древесныхъ въ этихъ мѣсяцахъ = 32,4 фунт. на кубич. футъ. Мѣсяцы видимаго наибольшаго содержанія сырости, когда деревья бываютъ въ соку,—мартъ и апрѣль, даютъ только 29,6 фунт., слѣдовательно 2,8 фунт. менѣе. Отдѣльные группы деревьевъ, т. е. твердыхъ лиственныхъ, мягкихъ лиственныхъ и хвойныхъ даютъ то-же отношеніе, что и среднее изъ нихъ. Вездѣ содержаніе воды въ январѣ и февралѣ больше, чѣмъ въ мартѣ и апрѣлѣ; у хвойныхъ въ эти мѣсяцы содержаніе воды меньше, чѣмъ во всякое другое время года. Въ группѣ твердыхъ лиственныхъ деревъ, между которыми находятся такія, которыя бываютъ въ соку (Fagus, Carpinus, Betula, Acer), содержаніе воды въ мартѣ и апрѣлѣ существенно не больше, чѣмъ въ сентябрѣ и ноябрѣ. Только въ мягкихъ деревьяхъ, у которыхъ нѣтъ настоящаго соченья, содержаніе воды весной, хотя меньше, чѣмъ въ январѣ и февралѣ, но больше, чѣмъ во всякое другое время года.

Еще разительнѣе тотъ результатъ, что хвойныя деревья, которыя никогда не бываютъ въ соку, содержатъ самое большое количество сырости и даже мелкія лиственныя деревья превосходятъ въ этомъ отношеніи твердыя.

Изъ этого *Гартмигъ* заключаетъ, что не можетъ быть и рѣчи «о наполненіи соками» деревъ въ мартѣ и апрѣлѣ, когда деревья сочатся, «о стремленіи соковъ вверхъ» въ это время. По его мнѣнію, соченье основывается на возбужденномъ стремленіи клітчекъ къ взаимному разлѣну соковъ, которое остается безъ дѣйствія на восхожденіе соковъ, пока не разовьются листья и не будетъ большаго испаренія. Только съ появленіемъ листьевъ и начинается движеніе сока, *соченье-же безлистныхъ растений есть слѣдствіе насильственнаго попрежденія и мѣстнаго уграженія*

препятствій къ разрыву соковъ между мѣлочками. Еслибы это было несраведливо, то сокъ находился-бы въ непрерывномъ движеніи въ непораненныхъ безлѣстныхъ деревьяхъ, тогда мы должны были-бы въ необходимости допустить *кругообращеніе* этого сока, потому-что безъ этого въ верхнихъ частяхъ дерева недоставало-бы мѣста для притекающихъ непрерывно соковъ (Bot. Zeit. 1853; стр. 311, 478, 617; 1855, стр. 911).

Въ іюнѣ и іюлѣ въ отрѣзанныхъ стволахъ соковъ не было запасныхъ веществъ: они были растворены и увлечены въ верхнія части дерева. Если сложимъ среднія числа вѣса въ сухомъ состояніи отъ января до мая, и потомъ отъ сентября до ноября, то получимъ средній вѣсъ для этихъ мѣсяцевъ:

для твердыхъ лиственныхъ деревъ	42,3 ф.
— мягкихъ       "       "       "       "	28,6 "
— хвойныхъ деревъ. . . . .	26,1 ф.

Напротивъ-того средній вѣсъ іюня и іюля, когда нѣтъ запасныхъ веществъ въ деревѣ, будетъ:

Для твердыхъ лиственныхъ деревъ	39,3 ф.
— мягкихъ       "       "       "       "	26,5 "
— хвойныхъ деревъ. . . . .	25,5 ф.

Слѣдовательно вѣсъ твердаго остатка, вычисленный на куб. футъ, будетъ:

для твердыхъ лиственныхъ деревъ	3 ф. = 7 $\frac{1}{2}$ % сухаго вѣса
— мягкихъ       "       "       "       "	2,35 ф. = 8 $\frac{1}{2}$ % " " "
— хвойныхъ деревъ. . . . .	0,85 ф. = 3 $\frac{1}{2}$ % " " "

Отношеніе этихъ чиселъ вполне согласно съ микроскопическими изслѣдованіями количества крахмала. Твердыя лиственные деревья содержатъ наибольшее количество крахмала, хвойныя — наименьшее. Напротивъ-того абсолютная величина этихъ чиселъ кажется слишкомъ большою. Причина этого заключается въ томъ, что кромѣ крахмала тутъ находятся еще другія вытѣснимыя вещества, которыя сообщаютъ дереву больший удѣльный вѣсъ. Должно замѣтить, что части, избранныя для опыта, содержатъ наименьшее количество крахмала. По прежнимъ опредѣленіямъ Гармина количество крахмала въ корняхъ бука доходитъ до 26 $\frac{1}{2}$ %.

III. Для изслѣдованія, въ какой степени листья деревьевъ оказываютъ вліяніе на величину ежегоднаго ихъ прироста, Гарминъ обрѣзывалъ весною передъ началомъ растительности всѣ вѣтви де-

рева, кромѣ верхняго побѣга. Въ слѣдующее за тѣмъ лѣто прирость древесины нисколько не уменьшается ни на стеблѣ, ни на корнѣ; онъ даже увеличивается, вѣроятно, потому, что запасныя вещества, которыя назначены были для роста вѣтвей, были употреблены для образованія клѣточекъ стебля. Только черезъ годъ послѣ отнятія вѣтвей обнаруживается вліяніе недостатка листьевъ на величину прироста, потому что онъ имѣетъ микроскопическую толщину, но образованъ правильно. Начиная отсюда ширина годичныхъ слоевъ увеличивается по мѣрѣ развитія числа листьевъ и вѣтвей, и дѣтъ черезъ пять, черезъ шесть годичное кольцо древесины получаетъ ту-же величину, какую имѣло передъ обрѣзываніемъ вѣтвей. За три года *Гартми* повторилъ эти опыты въ большомъ видѣ и получилъ тѣ-же самыя результаты.

Изъ этого слѣдуетъ, что годовой прирость происходитъ изъ запасныхъ веществъ, образовавшихся за годъ передъ тѣмъ. Необыкновенно малый прирость во 2-мъ году послѣ отнятія вѣтвей есть слѣдствіе недостатка запасныхъ веществъ, для образованія которыхъ не было листьевъ. Это наблюденіе есть одно изъ самыхъ разительныхъ опроверженій теоріи *Шлейдена*, отвергающей переработку сырыхъ и питательныхъ веществъ въ частяхъ растенія, подверженныхъ дѣйствию свѣта.

Богатая листва, превосходящая нормальную потребность, не увеличиваетъ чувствительно прироста; доказательствомъ этому служатъ молодыя сосны, которыя покрыты листьями почти до основанія стеблей; у нихъ прирость такой-же величины, какъ у сосенъ того-же возраста, имѣющихъ листву только на верхнѣхъ.

IV. Отъ начала апрѣля до половины сентября 1857 г. черезъ каждые 8 дней *Гартми* дѣлалъ на корѣ молодыхъ дубовъ кольцеобразныя вырѣзки въ 2 дюйма шириною и 4 фут. надъ поверхностью почвы, безъ всякихъ перевязокъ. Какъ обыкновенно, такія раны не разрушали нормальнаго хода образованій во всѣхъ частяхъ, лежащихъ надъ ранюю, кромѣ наплыва на верхнемъ краю раны. Эти части раньше или позже, но непремѣнно умираютъ, когда прекратится способность обнаженнаго цилиндра проводить соки, что происходитъ отъ его высыханія, идущаго снаружи внутрь.

Вотъ результаты, которые получилъ *Гартми* изъ такихъ опытовъ.

А. Въ-отношеніи растворенія и скопленія запасныхъ веществъ подъ раню.

а) Во всѣхъ деревьяхъ, на которыхъ были сдѣланы кольчатая вырѣзки передъ 30 іюня, богатое содержаніе крахмала въ корни и нижнихъ частяхъ стебля совершенно исчезло. Новаго крахмала впродолженіе лѣта нисколько не образовалось. Такъ - какъ корни и стволы деревъ, срубленныхъ въ то-же время, не потеряли крахмала, запасеннаго на зиму, то отсюда слѣдуетъ, что въ деревьяхъ съ кольчатыми надрѣзами запасныя вещества растворяются въ восходящемъ соку и уносятся вмѣстѣ съ нимъ съ нимъ въ верхнія части дерева, гдѣ и употребляются на ихъ приростъ.

б) Во всѣхъ деревьяхъ, подверженныхъ опыту послѣ 30 іюня, крахмалъ находился въ нижнихъ частяхъ тѣмъ въ большемъ количествѣ и тѣмъ совершеннѣе образованъ, чѣмъ позже сдѣланъ надрѣзъ; деревья 10-го августа и позже надрѣзанныя содержали полное количество крахмала.

Эти явленія ясно доказываютъ, что отъ кольчатой вырѣзки крахмалъ останавливается на той степени развитія, на которой находился во время надрѣзыванія, что этотъ крахмалъ не есть остатокъ отъ зимняго запаса, а что онъ образовался послѣ растворенія зимняго крахмала, но прежде надрѣза. Здѣсь клѣточки сердцевинныхъ лучей и клѣтчатая волокна, въ которыхъ крахмалъ остановился на ранней степени развитія, доказываютъ весьма ясно, что образованію крахмала въ деревѣ предшествуетъ образованіе ядра клѣточки, изъ котораго происходитъ ядровая масса крахмалинки.

У деревьевъ, на которыхъ кольчатая вырѣзка была сдѣлана послѣ 30 іюня 1857, *Гартниъ* изслѣдовалъ корни весною 1858 г. и въ нихъ нашелъ запахъ крахмала; при изслѣдованіи-же ихъ осенью 1858 г. въ нихъ крахмала не оказалось; это также доказываетъ, что крахмалъ, находившійся весною 1858 г. въ корняхъ, образовался передъ надрѣзомъ 1857 г. Весною 1858 г. запасныя вещества были растворены въ сыромъ соку и перенесены имъ въ верхнія части дерева въ такомъ-же количествѣ, какъ въ 1857 г. передъ 30 іюня.

Изъ этого можно заключить, что раствореніе запасныхъ веществъ въ сыромъ соку и перенесеніе ихъ этимъ сокомъ въ верх-

нія части дерева имѣть мѣсто и въ неповрежденныхъ деревьяхъ и принадлежить къ числу нормальныхъ явленій.

Изъ обстоятельствъ, что послѣ кольцеобразной раны образованіе запасныхъ веществъ не только прекращается, но и останавливается на той степени развитія, на которой оно было во время нанесенія раны, ясно видно, что *только по лубовой части ниспускается первичный образовательный сокъ, изъ котораго образуются запасныя вещества*; что ниспускающійся сокъ необходимо долженъ имѣть возможность переходить изъ луба въ кору, древесину, сердцевину, потому что въ этихъ частяхъ образуются запасныя вещества; что съ другой стороны онъ лишенъ способности опускаться внизъ съ того момента, когда онъ перешелъ изъ луба въ древесину. Еслибы первичный образовательный сокъ могъ нисходить также по древесинѣ, то кольцеобразная рана не могла-бы безусловно прекращать образованіе запасныхъ веществъ.

Противорѣчіе, которое, повидимому, заключается въ томъ, что вторичный образовательный сокъ можетъ подниматься по древесинѣ, между-тѣмъ-какъ первичный образовательный сокъ, который по составу существенно не отличается отъ перваго, не можетъ по ней опускаться, объясняется тѣмъ, что въ древесинѣ только древесинныя волокна служатъ для проведенія соковъ въ восходящемъ направленіи, что они заняты этимъ отправленіемъ въ продолженіе всего періода растительности и что они одновременно не могутъ проводить соки по разнымъ направленіямъ.

В) Въ-отношеніи образованія древесины подѣ кольцеобразною ранюю.

а) Во всѣхъ деревьяхъ, въ которыхъ кольцеобразный надрѣзъ былъ сдѣланъ послѣ начала образованія древесины, послѣдняя остановилась на той степени развитія, на которой она была во время операціи; на послѣддокъ образовавшіяся древесинныя волокна остаются съ такими-же тонкими стѣнками, какъ самыя молодыя, только-что образовавшіяся волокна. Посредствомъ операціи образованіе древесины прекращается внезапно, какъ еслибы дерево, начавшее расти, было срублено и высушено.

б) Если сдѣлать кольцеобразную вырѣзку на деревѣ передъ началомъ образованія древесины, то подѣ ранюю происходитъ зачатокъ новаго годичнаго слоя, который имѣетъ  $\frac{1}{10}$  или  $\frac{1}{8}$  ширины предыдущаго слоя и оканчивается несовершенными тонкостѣнными волокнами, какъ будто образованіе прервано недостат-

комъ питательныхъ веществъ. *Гартнигъ* объясняетъ образование этихъ веществъ запасными веществами, находящимися въ корѣ.

с) Во всѣхъ деревьяхъ, въ которыхъ сдѣланъ кольцеобразный надрѣзъ, послѣ образования годичнаго слоя, подъ ранкою образовался зачатокъ новаго слоя, какъ-будто надрѣзъ былъ сдѣланъ передъ началомъ образования древесины.

д) Если подъ кольцеобразною ранкою развиваются прибавочныя почки и изъ нихъ побѣги, то образование древесины имѣетъ мѣсто.

Не смотря однакожь на это, можно утвердительно сказать, что *посредствомъ кольцеобразныхъ вырѣзокъ прекращается проростъ древесины и отложеніе запасныхъ веществъ въ частяхъ дерева, лежащихъ подъ ранкою.*

V. Если сдѣлать спирально-извитую вырѣзку изъ коры и луба, то на нижнемъ краѣ вырѣзки древесина прекращаетъ образоваться, а на верхнемъ образуется въ большемъ количествѣ, производя спиральный наплывъ. Образование же запасныхъ веществъ не прекращается и подъ ранкою. Изъ этого должно заключить, что спиральная рана не препятствуетъ нисхожденію первичнаго образовательнаго сока.

VI. Если на одной изъ двухъ вилообразныхъ вѣтвей сдѣлаемъ кольцеобразную вырѣзку, то въ части между развѣтвленіемъ и ранкою не будетъ образоваться древесина, но запасныя вещества отлагаются нормально. По наблюденіямъ, изложеннымъ въ IV, это можетъ случиться не иначе, какъ изъ первичнаго сока, опускающагося изъ неповрежденной вѣтви. Здѣсь опять вторичный образовательный сокъ не переходитъ изъ внутреннихъ частей дерева въ наружныя, въ камбій.

Вотъ основанія, по которымъ *Гартнигъ* допускаетъ, что вторичный образовательный сокъ, происшедшій изъ запасныхъ веществъ, долженъ подниматься въ верхинныя части дерева, чтобы перейти въ лубовой слой, и уже изъ него питать камбій. Необходимость такого возврата вторичнаго образовательнаго сока въ рѣшетчатую ткань луба находится въ связи съ измѣненіями, которымъ подверженъ этотъ самый сокъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что привитой облагороженный сукъ растетъ весною изъ вторичнаго образовательнаго сока дичка; сокъ этотъ превращается въ немъ не въ дичковыя, а въ облагороженныя кѣточки, между тѣмъ-какъ, выходя изъ сука въ дичекъ, онъ образуетъ дичковыя

кѣточки; лучше всего это видно въ прививкѣ красильнаго дуба на обыкновенномъ (*Querc. tinctoria* на *Querc. pedunculata*). Посему вторичный образовательный сокъ передъ своимъ обращеніемъ въ кѣтчатку претерпѣваетъ измѣненія, которыя происходятъ не въ древесинѣ, а въ рѣшетчатой ткани луба. Камбіальный слой, т.-е. маточныя кѣточки для образованія кѣточекъ древесины и луба, вмѣстѣ съ неготовыми кѣточками послѣднихъ, противостоятъ непосредственному переходу этого сока изъ древесины въ лубъ. Отсюда ясно видна необходимость восхожденія вторичнаго образовательнаго сока въ вершинныя части дерева.

Уже доказано, что вторичный образовательный сокъ не можетъ опускаться ни по корѣ, ни по древесинѣ, ни по сердцевинѣ; слѣдовательно онъ можетъ идти внизъ или по камбію, или по лубу. За первое предположеніе есть нѣкоторыя явленія возрастанія. Но извѣстно, что въ неповрежденныхъ деревьяхъ образованіе новаго кольца древесины начинается снизу; по этому нельзя допустить, что вторичный сокъ опускается по камбію; слѣдовательно намъ остается принять, что рѣшетчатая кѣточка лубоваго слоя служить для нисхожденія вторичнаго образовательнаго сока.

Д. МИХАЙЛОВЪ.



## II.

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.—29 декабря, Императорская академія наукъ имѣла торжественное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ своего президента, дѣйств. тайн. сов. гр. Д. Н. *Блудова*. Это засѣданіе удостоили своимъ присутствіемъ высокопреосвященный *Григорій*, митрополитъ С.-Петербургскій, высокопреосвященный *Филаретъ*, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеръ В. Б. *Бажанова*, гг. министры: народнаго просвѣщенія—тайн. сов. Е. П. *Ковалевскій*, внутреннихъ дѣлъ—дѣйств. тайн. сов. С. С. *Ланской*, государственныхъ имуществъ—ген. отъ инф. М. Н. *Муравьевъ*, финансовъ—тайн. сов. А. М. *Кляжевицъ*, Персидскій посланникъ со свитою и другіе почетные посѣтители. По открытіи засѣданія, г. академикъ А. В. *Никитенко* прочиталъ «Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1858 годъ», а исправляющій должность непремѣннаго секретаря академикъ К. С. *Веселовскій*—«Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи». По окончаніи этихъ чтеній, провозглашены были имена слѣдующихъ лицъ, вновь избранныхъ академіею въ почетные члены и корреспонденты. Въ почетные члены: 1) генералъ-губернаторъ восточной Сибири, ген.-ад. гр. Н. Н. *Муравьевъ-Амурскій*; 2) генералъ-губернаторъ западной Сибири, ген. отъ инф. Г. Х. *Гасфортъ*; 3) Оренбургскій и Самарскій ген.-губер., ген.-ад. А. А. *Катенинъ*; 4) предсѣдатель археологическаго общества въ Вильнѣ гр. Е. П. *Тышкевицъ*; 5) чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Мюнхенѣ, дѣйств. тайн. сов. Д. П. *Северинъ*; 6) чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Лондонѣ, дѣйств. тайн. сов. баронъ Ф. И. *Брунновъ*; 7) инженеръ-ген.-маіоръ П. П. *Мельниковъ*; 8) инженеръ-ген.-маіоръ С. В. *Кербедзь*, и 9) *Людвикъ-Луціанъ Бонапартъ*. Въ корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: *Байеръ* въ Берлинѣ, графъ А. А. *Кейзерлингъ*, *Дана* въ Нью-Гавнѣ, *Келликеръ* въ Вюрцбургѣ, *Декандоль* въ Женевѣ, *Моктанъ* въ Парижѣ; по историко-фило-

*логическому отдѣленію*: членъ археографической комиссіи Н. В. *Калачовъ*, лордъ Томасъ Бабингтонъ баронъ *Маколей*, въ Лондонѣ; *Ритчелъ* въ Боннѣ; *Руле* въ Гентѣ, и профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Д. А. *Хвольсонъ*.

**ОБЩИЕ СОБРАНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.**—

Императорское Русское географическое общество имѣло 3-го декабря третье послѣ лѣтнихъ вакацій общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя общества, почетнаго члена *Ө. П. Литке*, присутствовало 98 дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и постороннихъ лицъ. Въ началѣ засѣданія секретарь общества сообщилъ краткія извѣстія о занятіяхъ Хорассанской экспедиціи. Начальникъ ея, дѣйствительный членъ Н. В. *Ханыковъ*, въ письмѣ изъ Герата, отъ 23 сентября, на имя вице-предсѣдателя, увѣдомляетъ, что, по желанію шаха, онъ отправился 8 апрѣля изъ Астрабада на Шахрудъ и оттуда черезъ Дамганъ прибылъ въ столицу Персіи 22 апрѣля. Его величество шахъ и первые министры приняли живое участіе въ экспедиціи. Г. *Ханыковъ* снабженъ былъ здѣсь рекомендаціями ко всѣмъ Хорассанскимъ властямъ и обставилъ экспедицію самыми благопріятными условіями для изученія страны, куда ей предстояло отправиться. Во все время пребыванія г. *Ханыкова* въ Тегеранѣ, прочіе члены экспедиціи дѣлали поѣздки въ Астрабадскомъ округѣ, и не смотря на тревожное положеніе края, вслѣдствіе непрерывныхъ вторженій Туркменовъ, успѣли осмотрѣть значительную часть этого интереснаго берега Каспійскаго моря. Въ концѣ мая всѣ члены соединились въ Шахрудѣ и въ началѣ іюня отправились на Мезинанъ, Себзеваръ и далѣе черезъ бирюзовые и соляные рудники достигли Нишапура, откуда по гористой и чрезвычайно живописной дорогѣ прибыли 24 іюня въ Мешхедъ. Дорога эта въ общихъ чертахъ мѣстности, по которой она проходитъ, довольно извѣстна: по ней ѣхали Фрезеръ, Конолли, Бернсъ, Леммъ и Бларамбергъ; но тѣмъ не менѣе изъ совокупныхъ дѣйствій экспедиціи можно ожидать, объ этой мѣстности, много такихъ новыхъ подробностей, которыя недоступны одинокому путешественнику. Въ Мешхедѣ экспедиція пробыла семь недѣль, которыя употреблены были на болѣе или менѣе значительныя поѣздки въ окрестности, на осмотръ памятниковъ и раборъ интереснѣйшихъ рукописей богатаго книгохранилища имама Ризы,

которое открыто было начальнику экспедиціи. Г. *Гебель* совершилъ въ это время поѣздку черезъ Турбети-Хейдари на Турмизъ, Кухимишъ Себзеваръ, Кучанъ или Кабушанъ. Оставивъ 14 августа Мешхедъ, экспедиція отправилась далѣе и 3 сентября прибыла въ Гератъ. Отлагая подробности путешествія до другаго времени, г. Ханыковъ препроводилъ донесенія своихъ спутниковъ и сообщилъ слѣдующіе результаты экспедиціи: г. *Бунге* собралъ до 1,300 видовъ растений, г. *Гебель* — до 13 большихъ ящичковъ окаменѣлостей; г. *Ленцъ* опредѣлилъ астрономическія координаты 29 пунктовъ и магнитныхъ 9; гг. графъ *Кейзерлингъ* и *Бинертъ* собрали богатые коллекціи змѣй, пауковъ, насѣкомыхъ и нѣсколько чучелъ животныхъ высшаго образованія. Наконецъ самъ начальникъ экспедиціи осмотрѣлъ до 25 памятниковъ, болѣе или менѣе невѣрно описанныхъ его предшественниками, собралъ замѣчанія о діалектахъ Персидскаго языка, на протяженіи пройденнаго пути, равно-какъ и свѣдѣнія объ особенностяхъ племенъ, обитающихъ въ этой сѣверной части Хорассана. Во все время путешествія производились постоянныя метеорологическія наблюденія и наконецъ произведена съемка пространства до 27,000 квадратныхъ верстъ. Затѣмъ сообщены были въ это-же собраніе краткія извлеченія изъ отчета г. Бунге о характерѣ растительности и ботанической фizioноміи сѣверо-восточной части Персіи, и донесеніе г. Гебеля о совершенныхъ имъ трехъ экспедиціяхъ въ горы, лежація на югъ отъ Астрабада. Всѣ эти отчеты, равно-какъ предварительныя замѣчанія гг. Ленца и графа Кейзерлинга, будутъ напечатаны въ непродолжительномъ времени въ «Вѣстникѣ» общества. Вслѣдъ за симъ главный астрономъ Сибирской экспедиціи, дѣйствительный членъ Л. Э. *Шварцъ*, представилъ собранію краткій отчетъ о дѣйствіяхъ ея въ-теченіе 1857 года. Объяснивъ занятія каждаго изъ членовъ и указавъ на значеніе мѣстностей, въ которыхъ произведены были астрономическія опредѣленія, г. Шварцъ сдѣлалъ общій обзоръ добытыхъ экспедиціею результатовъ и привелъ примѣры, насколько полученныя опредѣленія должны измѣнить конфигурацію страны сравнительно съ тѣмъ, какъ она обозначается нынѣ на лучшихъ картахъ восточной Сибири. Главныя матеріалы нынѣ оконченной экспедиціи заключаются преимущественно въ опредѣленіяхъ географическаго положенія мѣстъ, число которыхъ простирается до 254 пунктовъ, и въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, которыя были произведены всѣми чле-

нами экспедиціи. Кромѣ сего ими-же составлены маршруты, обнимающіе 15,500 верстѣ, съ подробнымъ описаніемъ пройденныхъ мѣстъ и около 50 разспросныхъ картъ прилегающихъ странъ. Маршруты эти пролегаютъ черезъ такія страны восточной Сибири, которыя до прибытія экспедиціи не были посѣщены и безъ трудовъ ея оставались-бы еще долгое время или совершенными пробѣлами, или болѣе или менѣе гадательными изображеніями на картахъ. Дѣйствительный членъ Д. И. Романовъ прочелъ въ томъ-же засѣданіи записку объ изслѣдованіяхъ своихъ мѣстности между заливомъ де-Кастри и мысомъ Джай, на Амурѣ. По распоряженію начальства, г. Романовъ командированъ былъ въ 1857 г. для выбора наивыгоднѣйшаго направленія дороги между Амуромъ и упомянутымъ заливомъ. Описаніе произведенныхъ имъ работъ, трудностей рекогносцировки, отъ естественныхъ препятствій въ мѣстахъ почти непроходимыхъ, и нѣкоторыя указанія на природу осматрѣннаго пространства, составляли предметъ сообщенной г. Романовымъ записки. По окончаніи чтенія, объявлено было присутствующимъ о результатахъ балотировки, произведенной въ началѣ засѣданія. Большинствомъ голосовъ оказались избранными: въ должность члена совѣта — Д. П. Хрущовъ, въ дѣйствительные члены — А. Т. Жуковский, Л. Суходольскій и П. И. Нейгардтъ. Въ заключеніе засѣданія, прибывшій изъ-за границы дѣйствительный членъ П. И. Севастьяновъ представилъ вниманію собранія фотографическіе труды свои по снимкамъ рукописей, хранящихся въ монастыряхъ Аѳонской горы. Особенный интересъ возбудила, по преимуществу, снятая фотографически полная рукопись Птолемеевой географіи, считающаяся древнѣйшимъ и полнѣйшимъ спискомъ этого творенія. Присутствующіе съ любопытствомъ разсматривали многочисленные труды г. Севастьянова, положившіе начало новому примѣненію фотографіи, и выразили ему затѣмъ искреннюю благодарность за его любопытное сообщеніе.

**ОТКРЫТІИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ВЪ ТОМСКѢ.** — Высочайше утвержденнымъ 21-го октября 1857 года постановленіемъ святѣйшаго синода разрѣшено было открыть въ городѣ Томскѣ, съ начала 1857, учебнаго года, духовную семинарію въ полномъ съ составѣ, съ причисленіемъ оной къ Казанскому духовно-учебному округу. Открытіе сего заведенія совершилось 21-го сентября 1858 года, въ день св. Дмитрія Ростовскаго. Накану-

нѣ означеннаго дня ректоромъ семинаріи, архимандритомъ *Веніаминомъ*, совершенно было въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи всѣхъ семинарскихъ воспитанниковъ, всенощное бдѣніе святителю Димитрію Ростовскому и святителю Иннокентію Иркутскому, просвѣтителю восточной Сибири. Утромъ 21 сентября преосвященнымъ *Пароеніемъ*, епископомъ Томскимъ, въ сослуженіи ректора и инспектора вновь открываемой семинаріи и въ присутствіи г. управляющаго губерніею, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и почетнѣйшихъ гражданъ города Томска, совершенно была божественная литургія, во время которой на эктеніяхъ присовокупляемы были моленія о благодатномъ просвѣщеніи питомцевъ новаго заведенія. Старшіе воспитанники семинаріи при семъ случаѣ были посвящены въ стихарь и приобщены св. таинъ. Ректоръ семинаріи, архимандритъ Веніаминъ, произнесъ назидательное слово на текстъ: «жатва многа, дѣлателей же мало: молитесь убо господину жатвы, яко да изведеть дѣлатели на жатву свою». Показавъ всю важность для страны новооткрываемаго заведенія, проповѣдникъ приглашалъ всѣхъ къ молитвѣ о пруспѣяніи его, и давалъ назидательныя наставленія воспитанникамъ семинаріи. По окончаніи литургіи, совершенно было благодарственное молебствіе, на которомъ провозглашено многолѣтіе Его Императорскому Величеству и всему царствующему Дому, святѣйшему правительствующему Всероссійскому синоду, преосвященному Пароенію, епископу Томскому, начальствующимъ, учащимъ и учащимся во вновь открываемой семинаріи. Послѣ молебствія, въ преднесеніи чудотворной иконы Божіей Матери, нарочно принесенной для сего торжества въ кафедральный соборъ, и иконы святителя Иннокентія Иркутскаго, которую преосвященный Пароеній благословилъ новую семинарію, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, воспитанниковъ и начальниковъ семинаріи, почетныхъ гражданъ и знатнѣйшаго духовенства города Томска, совершенно былъ крестный ходъ чрезъ главную улицу города, въ зданіе, въ которомъ помѣщается духовная семинарія. По мѣрѣ шествія крестнаго хода, толпы народа умножались: всякій хотѣлъ принять молитвенное участіе въ дѣлѣ, касающемся цѣлой епархіи; повсюду видно было усердіе, благоговѣніе и живое сочувствіе молящихся. Стройное пѣніе архіерейскаго хора, умильтельныя пѣсни церковныя къ Матери Божіей, ряды духовенства, облаченнаго въ свѣтлыя ризы, идущаго съ крестами и

иконами, въ сопровожденіи своего архипастыря, густые ряды воспитанниковъ, множество народа, мысль, что торжество сіе даровано Самимъ Богомъ, что въ лицѣ многочисленныхъ духовныхъ воспитанниковъ Господь представляетъ пастырей церкви и просвѣтителей невѣдущихъ истиннаго Бога, — все сіе умиляло сердце и вызывало умъ къ благоговѣйному созерцанію судьбъ Божіихъ о просвѣщеніи вѣроу Христовою отдаленныхъ странъ нашего отечества. По окончаніи крестнаго хода, въ залѣ семинаріи совершено было преосвященнымъ Пароеніемъ водоосвященіе. Послѣ окропленія святою водою зданія и молящихся, совершенъ былъ актъ открытія семинаріи. Инспекторъ семинаріи, іеромонахъ *Владимиръ*, произнесъ рѣчь, въ которой раскрылъ мысль, что благочестіе служитъ основаніемъ общественнаго благосостоянія. Затѣмъ секретарь семинарскаго правленія прочиталъ историческую записку объ открытіи Томской духовной семинаріи и о первыхъ дѣйствіяхъ семинарскаго начальства въ приготовленіи всего нужнаго къ открытію семинаріи. Торжество открытія Томской семинаріи сопровождалось разными пожертвованіями въ пользу сего заведенія и возбудило живѣйшее участіе въ жителяхъ города Томска всѣхъ сословій.

(*Духов. бестда*).

**ОТКРЫТІЕ ВЪ ТЕОДОСІИ ХАЛИБОВСКАГО АРМЯНСКАГО УЧИЛИЩА.** — На какомъ-бы концѣ нашего обширнаго отечества ни возникало новое учебное заведеніе, для какой-бы національности оно ни предназначалось, событіе это не можетъ не радовать сердца каждаго, сочувствующаго святому дѣлу образованія народнаго. Свидѣтельницею такого радостнаго событія была Теодосія 12 октября 1858 года, — день, въ который совершилось освященіе и открытіе, съ Высочайшаго соизволенія, Халибовскаго Армянскаго училища, учрежденнаго съ цѣлію доставить молодымъ людямъ изъ Армянъ общее гимназическое и въ то-же время національное образованіе. Къ участію въ торжествѣ при открытіи новаго училища приглашены были всѣ служащіе, всѣ почетныя лица въ городѣ, духовныя и свѣтскія, иностранныя консулы, Французскіе инженеры-строители Московско-Теодосійской желѣзной дороги, родители принятыхъ въ заведеніе дѣтей, равно-какъ и другіе почетные члены Армянскаго общества Теодосіи и прочихъ городовъ Нахичеванской и Бессарабской Армяно-Григоріанской епархіи. Къ слушанію обѣдни всѣ Армяне собрались въ здѣшней Армянской, во имя св.

Архангеловъ, церкви. Литургія заключена была приличнымъ празднуемому событію словомъ архимандрита *Гавріила* Айвазовскаго, сказаннымъ по-Армянски на текстъ изъ евангелія: «Исусъ же рече имъ: оставите дѣтей и не возбраняйте имъ прийти ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное» (Мат. 19, 14.). Проповѣдникъ, въ выраженіяхъ, исполненныхъ живаго краснорѣчія, раскрылъ предъ слушателями весь глубокой смыслъ этихъ дивныхъ словъ Спасителя, сказалъ о томъ, что и дѣти, какъ по ихъ чистотѣ и непорочности сердечной, такъ и по праву членовъ грядущихъ поколѣній человѣчества, призваны къ полному участию во всѣхъ благахъ духовнаго совершенствованія обществъ христіанскихъ; потомъ указалъ на нѣкоторые примѣры изъ народной исторіи со временъ святаго Григорія, просвѣтителя Арменіи, заведеннаго въ ней первыя школы для дѣтей, гдѣ преподавались языки Армянскій, Греческій и Сирійскій; потомъ перешелъ къ нынѣшнему положенію Армянъ въ Россіи особенно, сказалъ о признательности ихъ къ нашему правительству, о заслугахъ Лазаревскаго института въ образованіи Армянъ, наконецъ о цѣли вновь заводимаго училища, объ отношеніяхъ къ нему народа, о благородномъ пожертвованіи въ пользу училища г. Халибова, имя котораго оно носитъ, объ обязанностяхъ воспитателей и проч. По выслушаніи затѣмъ благодарственнаго молебна о здравіи и многолѣтій Государя Императора и всего Его Августѣйшаго Дома, Армяне, равно-какъ и прочіе приглашенные посѣтители, собрались въ главную залу училища, гдѣ выставленъ былъ портретъ Его Императорскаго Величества, украшенный зеленью и цвѣтами. Въ началѣ торжества архимандритъ *Гавріилъ* сказалъ по Русски эти краткія слова, дышащія чувствомъ теплой благодарности къ Царю:

«Послѣ испрошенія благословенія Божія на полагаемое нынѣ начало училищу нашему, послѣ принесенія молитвъ предъ алтаремъ Всевышняго о здравіи, благоденствіи и многолѣтій Государя Императора и всего Его Августѣйшаго Дома, къ кому мы, любезные братія, обратимъ благодарныя сердца наши, если не къ Тому, кто даровалъ намъ право на сооруженіе въ стѣнахъ нашего города этого новаго свѣтильника просвѣщенія для нашего народа? Если не къ государственнымъ сподвижникамъ Его, съ такимъ благоволеніемъ и такъ милостиво споспѣшествовавшимъ нашему смиренному начинанію? Отъ глубины сердецъ нашихъ благодаримъ Тебя, возлюбленнѣйшій Монархъ! Дарованное намъ Высо-

чайшее соизволеніе Твое и правила для училища нашего, Армяне будутъ вѣчно хранить, какъ драгоценную святыню, и съ чувствами вѣрнопопуданнической любви и преданности къ Престолу Русскому завѣщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ своимъ».

За симъ послѣдовало чтеніе отзывовъ г. министра внутреннихъ дѣлъ о Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе училища и на наименованіе его Халибовскимъ, равно-какъ и чтеніе Высочайше одобренныхъ для него правилъ, заключающихся, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: училище должно быть заведеніемъ частнымъ, предназначеннымъ для образованія молодыхъ людей изъ Армянъ, безъ различія мѣста ихъ родины и происхожденія, и должно состоять подъ личнымъ руководствомъ и надзоромъ учредителя своего, архимандрита Гавріила Айвазовскаго. Въ училищѣ преподаются всѣ науки, входящія въ составъ общаго гимназическаго образованія или нужныя для посвящающихъ себя торговлѣ, равно-какъ и языки Русскій, Французскій, Армянскій и Турецкій. Весь курсъ ученія дѣлится на шесть классовъ. Дозволяется училищу завести типографію и издавать особый журналъ на Армянскомъ, Французскомъ и Русскомъ языкахъ.

Вслѣдъ за симъ чтеніемъ, хоръ пѣвчихъ, при звукахъ музыки, пропѣлъ народный гимнъ: *Боже, Царя храни!* Потомъ однимъ изъ служащихъ при г. управляющемъ Нахичеванскою и Бессарабскою Армяно-Григоріанскою епархіею, Г. Гр. К. прочтена была рѣчь о значеніи и важности открываемаго училища для образованія молодыхъ Армянъ; рѣчь эта вызвала общее одобреніе присутствовавшихъ. Торжество заключилось роскошнымъ обѣдомъ, къ которому приглашены были всѣ присутствовавшіе, т.-е. около ста двадцати особъ. За обѣдомъ провозглашены были тосты: первый — за здравіе Его Императорскаго Величества Государя Императора, сопровождавшійся троекратнымъ продолжительнымъ *ура!* какъ громкимъ выраженіемъ глубокой любви и преданности къ Верховному Покровителю наукъ и просвѣщенія въ Россіи, второй — за здравіе гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, Эчміадзинскаго патріарха, католикоса всѣхъ Армянъ, попечителя Одесскаго учебнаго округа и начальника Таврической губерніи, а въ-заключеніе тосты за здоровіе благодѣтеля училища г. Халибова, главнаго виновника его основанія — архимандрита Гавріила, и послѣдній за процвѣтаніе



училища. Громкое сочувствіе встрѣтило эти тосты во всѣхъ присутствовавшихъ, — сочувствіе, выразившееся оглушительнымъ, неуможаемымъ кликомъ *ура!* — Вечеромъ зданіе училища было прекрасно иллюминировано.

Такъ отпраздновала Θεодосія 12-е октября, день весьма памятный для всего Армянскаго населенія нашего края, встрѣтившаго открытіе Халибовскаго училища съ живѣйшею радостію и участіемъ, такъ-что до октября мѣсяца поступило уже въ училище около пятидесяти учениковъ. Явленіе это замѣчательно еще потому, что Θεодосійское Халибовское училище, равняясь по кругу преподаваемыхъ въ немъ предметовъ съ гимназіями, не общается между тѣмъ сообщать, въ настоящее время, выпускаемымъ изъ него воспитанникамъ тѣхъ правъ и преимуществъ, какими пользуются обыкновенно окончившіе курсъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Значить, родители, ввѣрившіе воспитаніе своихъ дѣтей Халибовскому училищу, ищутъ для нихъ одного образованія, а не различныхъ льготъ и привилегій, — образованія, основаннаго на твердыхъ началахъ религіи и нравственности, этихъ источникахъ всякаго блага и общественнаго и частнаго.

Многіе изъ достаточныхъ Армянъ на востокѣ давно привыкли посылать дѣтей своихъ въ Парижъ, Лондонъ, Венецію и другіе города, гдѣ существуютъ Армянскія школы. Почему не стануть они теперь присылать ихъ для воспитанія въ Халибовское училище, къ намъ, въ Θεодосію, которая издревле славилась населеніемъ въ ней богатыхъ Армянскихъ семействъ, занимавшихъ еще во время Генуэзцевъ обширную часть города въ Кафѣ, и имѣвшихъ здѣсь своего отдѣльнаго архіепископа до того богатаго, что онъ былъ въ-состояніи устроить на собственный счетъ одинъ изъ главныхъ городскихъ водопроводовъ.

Рѣчь, произнесенная Г. Гр. К. 12-го октября 1858 года, по случаю открытія въ Θεодосіи Армянскаго Халибовскаго училища.

«Настоящій, весьма знаменательный день, милостивые государи, будетъ отмѣченъ свѣтлыми чертами въ исторіи просвѣщенія нашего края.

«Открываемое нынѣ въ Θεодосіи, съ воли Державнаго Покровителя просвѣщенія въ Россіи, Армянское Халибовское училище, и

по идеѣ своего возникновенія и по тѣмъ богатымъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ принести въ недалекомъ будущемъ, достойно особеннаго вниманія всѣхъ людей мыслящихъ, всѣхъ ревнителей просвѣщенія и друзей человѣчества. Это въ высшей степени религиозно-нравственное предпріятіе, признаваемое таковымъ и правительствомъ и церковію, послужитъ новымъ орудіемъ для умственнаго развитія и цивилизаціи Армянъ, и притомъ не только тѣхъ изъ нихъ, которые съ-давнихъ-поръ нашли себѣ твердое убѣжище подъ шквромъ Россіи, но и для цѣлой массы населенія Армянскаго, разбѣяннаго по всему востоку и преимущественно въ тѣхъ странахъ, которыя находятся въ близкомъ соприкосновеніи съ южными предѣлами нашего отечества. Ибо, какъ вы сейчасъ слышали, милостивые государи, Халибовское Армянское училище предназначается для образованія молодыхъ людей изъ Армянъ—безъ различія мѣста ихъ родины и происхожденія.

«Нужно-ли говорить здѣсь о томъ, какъ важно устройство образовательныхъ заведеній для юношества вообще! Нужно-ли припоминать, что заведенія эти суть важнѣйшіе источники для просвѣщенія народнаго, что стремленіе къ распространенію свѣта образованія есть одно изъ главнѣйшихъ началъ жизни народнои, что просвѣщеніе, въ наше время, составляетъ необходимое условіе могущества для государства и сознательно нравственной жизни для отдѣльнаго лица? Эти вѣчно-памятныя слова Высочайшаго манифеста нынѣ благополучно царствующаго Государя: «Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности» — лучше всего говорятъ о великой важности просвѣщенія народнаго въ жизни государственной. А послѣдовавшій за этимъ манифестомъ особый именной указъ, который гласитъ: «Признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ заботъ Нашихъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Нашей возлюбленной Россіи, Мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Нашимъ наблюденіемъ», и рядъ другихъ законодательныхъ мѣръ по части образованія свидѣтельствуютъ о той неусыпной заботливости возлюбленнаго Монарха, съ какою Онъ печется о просвѣщеніи своего народа. — И не на однихъ собственно Русскихъ простираются милости и заботы царскія. Какъ въ семьѣ обще-христіанской не должно быть различія, по высокому выраженію словъ евангельскихъ,

между Еллиномъ, Евреемъ и язычникомъ, такъ въ глазахъ каждаго просвѣщеннаго правительства должны быть равны всѣ его подданные, не взирая ни на ихъ религіозныя вѣрованія, ни на различіе ихъ народностей!

«Правительство Русское всегда было проникнуто этими благими началами вѣротерпимости и истинной любви ближняго. Новое доказательство этому мы видимъ въ Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе въ Θεодосіи, на такихъ широкихъ и благодѣтельныхъ основаніяхъ, Армяно-Халибовскаго училища, торжественное освященіе котораго мы празднуемъ сегодня.

«Племя Армянское, сохранившее на себѣ глубокіе слѣды древне-Персидской цивилизаціи, этой, можно сказать, классической цивилизаціи древняго Востока, еще такъ мало разгаданной въ наши дни, достойно, поистинѣ, стать предметомъ серьезныхъ соображеній и мужа государственнаго, и каждаго мыслящаго человѣка. Народъ, утратившій свою политическую самостоятельность и разсѣянный теперь по всѣмъ угламъ земнаго шара, но съумѣвшій, черезъ длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ, сохранить свой языкъ, свои религіозныя вѣрованія, свой первобытный характеръ, свои преданія о минувшемъ и надежды на будущее, — народъ этотъ, говоримъ, имѣетъ, слѣдственно, много задатковъ для своего гражданскаго и нравственнаго существованія, способенъ, слѣдственно, въ высокой степени для развитія въ немъ современной цивилизаціи. Въ этомъ, какъ нельзя болѣе, убѣждать каждаго и минувшая историческая судьба Армянъ, и ихъ нынѣшнее общественное положеніе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они пользуются покровительствомъ и защитой.

«Обширная долина Аракса, это сердце Великой Арменіи, считалась въ прежнія времена обильнѣйшимъ и богатѣйшимъ краемъ на Востокѣ. Она усѣяна была цвѣтущими и многолюдными городами Армянскими. Путешественники всѣхъ временъ и народовъ: Марко Поло, Контарини, Шардонъ, Турнефоръ—всѣ восхищались прелестями долины Аракса и ея многолюдствомъ, а Таверниѣ, въ 1655 году, говорилъ съ удивленіемъ о богатствахъ собора Эчмиадзинскаго. Общежитіе и городская жизнь, съ древнѣйшихъ временъ, развили въ Армянахъ гражданственность, промыслы, торговлю и любовь къ наукамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и страсть къ искусствамъ, роскоши и ко всѣмъ утонченностямъ цивилизованной жизни. Великолѣпные храмы и дворцы древнихъ правителей Ар-

мени отличались изяществомъ и богатствомъ отдѣлки. Памятники Армянской архитектуры доказываютъ, что искусство это достигло у нихъ самостоятельнаго развитія. Литература Армянская съ IV и V вѣковъ, а потомъ съ IX и по XIII, богатая особенно историческими сочиненіями, указываетъ на высокую степень умственной дѣятельности этого народа. О стремленія Армянскаго юношества къ просвѣщенію упоминаютъ многіе писатели древности. Страшныя опустошенія и бѣдствія народныя, постигшія Арменію въ послѣдующихъ вѣкахъ, останавливаютъ въ ней всѣ эти благородныя стремленія. Но, не смотря на то, Армяне весьма скоро поняли всю важность книгопечатанія, и были однимъ изъ первыхъ народовъ, заведшихъ у себя типографію во многихъ городахъ Азіи и Европы.

«И теперь, въ наше время, Армяне, по ихъ природнымъ способностямъ, дѣятельности и по стремленію къ просвѣщенію, считаются полезнѣйшими членами тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ.

«Армяне—это вѣчные и дѣятельные труженики Востока.

«Одаренные въ высокой степени духомъ предприимчивости и склонностью къ торговымъ оборотамъ, они съ незапамятныхъ временъ владѣютъ всею торговлею Турціи, Персіи и нашихъ Закавказскихъ провинцій. Ихъ-же предприимчивой дѣятельности обязаны и города Крымскіе тѣмъ значительнымъ торговымъ движеніемъ, которое въ нихъ замѣчается нынѣ.

«Но, для полнаго и весторонняго развитія этихъ природныхъ свойствъ Армянскаго племени, для сообщенія имъ разумнаго и правильнаго направленія, — въ массѣ народа Армянскаго чувствуется еще большой недостатокъ въ умственномъ и нравственномъ образованіи. Любовь, съ какою юношество Армянское стремится къ просвѣщенію, не находитъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ существующихъ для него учебныхъ заведенійхъ ни на Востокѣ, ни въ западныхъ странахъ. У насъ, въ Россіи, для образованія преимущественно молодыхъ людей изъ Армянъ, существуетъ одно высшее учебное заведеніе, учрежденное въ Москвѣ фамиліею Лазаревыхъ—«Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ». Институтъ этотъ, какъ единственное учебное заведеніе, въ которомъ юношество Армянское получаетъ высшее образованіе, достоинъ высокыхъ похвалъ и глубокой признательности со стороны Армянъ къ его благороднымъ учредителямъ. Впродолженіе сорокалѣтняго своего существованія, заведеніе это успѣло подарить Армянскому

обществу въ Россіи почти всѣхъ образованныхъ и полезнѣйшихъ его членовъ; большую часть наставниковъ и воспитателей открываемаго нынѣ въ Феодосіи училища будутъ составлять бывшіе воспитанники Лазаревского института. Такимъ образомъ, Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ служитъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ для молодыхъ Армянъ, и въ этомъ отношеніи достойнымъ образомъ выполняетъ свое назначеніе, но, по кругу преподаваемыхъ въ немъ наукъ, онъ можетъ дать образованіе только незначительному числу воспитанниковъ сравнительно съ массою народонаселенія Армянскаго въ имперіи, простирающагося до 357,538 душъ.

«Изъ среднихъ-же и низшихъ учебныхъ заведеній для Армянъ, у насъ существуютъ только двѣ семинаріи, предназначенныя собственно для дѣтей духовнаго званія, и девятнадцать приходскихъ и другихъ первоначальныхъ школъ. Правда, двери нашихъ гимназій и университетовъ широко открыты и для Армянъ, равно какъ и для всѣхъ прочихъ подданныхъ Россіи; но Армянскій языкъ и законъ Божій, по правиламъ церкви Армяно-Григоріанской, преподаются у насъ только въ нѣкоторыхъ Закавказскихъ гимназіяхъ, а изъ университетовъ только въ одномъ С. Петербургскомъ читаются лекціи Армянскаго языка и литературы, природный-же языкъ и догматы вѣры, которые Армяне пронесли нетронутыми съ первыхъ вѣковъ христіанства, для нихъ весьма дороги и въ настоящее время. Слѣдственно для Армянъ чувствуется настоятельная потребность въ устройствѣ такихъ учебныхъ заведеній, которыя стояли-бы ближе къ народу, въ которыя могли-бы поступать дѣти всѣхъ классовъ и состояній, и, это главное, въ сколь только возможно большемъ числѣ; такихъ заведеній, въ которыхъ юношество Армянское могло-бы получать общее, но вполне современное и основательное образованіе религіозное по правиламъ своей церкви, и вмѣстѣ строго-нравственное, заведеній, изъ которыхъ оно могло-бы выносить запасъ разнообразныхъ научныхъ и практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни для каждого гражданина, къ какому-бы званію или состоянію онъ ни принадлежалъ.

«Архимандритъ Гавріилъ Айвазовскій, извѣстный давно, какъ усердный дѣятель на поприщѣ просвѣщенія народа Армянскаго проникнутый горячею любовію къ своимъ единовѣрцамъ, умѣлъ угадать желаніе народное, умѣлъ оцѣнить этотъ порывъ юноше-

ства Армянскаго къ образованію, и по его предстательству предъ великодушнымъ Монархомъ основывается нынѣ Θεодосійское Халибовское училище, какъ среднее учебное заведеніе для Армянскаго юношества. Армяне вправѣ повторить теперь прекрасныя слова, которыми начинается и оканчивается одно изъ послѣднихъ своихъ сочиненій покойный профессоръ Московскаго университета Руліе: «Шли мы долго, и вотъ не въ дальнемъ краю, гдѣ ни зги не видать, начали прорѣзываться два-три луча солнца, катившагося по небесному своду; и выкатило солнце передній край свой. Свѣтаеть.... въ путь пора».

«Правительство наше, сознавая всю важность учреждаемаго училища, и имѣя въ виду единственную цѣль — просвѣщеніе народное, встрѣтило мысль учредителя съ полнымъ благоволеніемъ, и въ высокомъ довѣрїи къ его опытности и ученымъ трудамъ, даровало училищу такія правила и преимущества, которыя ставятъ его въ разрядъ заведеній вполне самостоятельныхъ и заключающихъ въ себѣ всѣ элементы для стройнаго дальнѣйшаго своего развитія.

«Государь Императоръ, оцѣнивая по достоинству благородное пожертвованіе, сдѣланное въ пользу Θεодосійскаго Армянскаго училища Артемїемъ Павловичемъ Халибовымъ, Высочайше соизволилъ на наименованіе этого училища Халибовскимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть объявить Халибову, за его пожертвованіе, Монаршее благоволеніе. Отнынѣ благодарная память о жертвователѣ и слава о его щедромъ приношенїи на пользу пресвѣщенїя своихъ единоплеменниковъ будутъ предаваться отъ поколѣнїя къ поколѣнїю, и перейдутъ въ отдаленнѣйшія потомства.

«Прочтенныя предъ этимъ правила Халибовскаго училища указываютъ, милостивые государи, ясно на ту цѣль, съ которою оно создается. Заведеніе это имѣетъ характеръ обще-образовательный; молодое поколѣнїе Армянъ будетъ получать въ немъ образованіе религиозное и нравственное, возможно-полное и основательное. Воспитанїемъ будутъ пользоваться, въ возможно-широкихъ размѣрахъ, дѣти не только богатыхъ и достаточныхъ, но и бѣдныхъ и неимущихъ родителей.

«Ибо цѣль училища, опять повторяемъ, заключается въ томъ, чтобы какъ можно шире разлитъ свѣтъ образованїя въ массѣ на-

родной, чтобы свѣтъ этотъ проникалъ и въ лавку торговца, и въ скромную квартиру ремесленника, и въ бѣдную хижину селянина. Съ этою-же высокою цѣлю дозволено училищу завести типографію и издавать на Армянскомъ, Французскомъ и Русскомъ языкахъ особый журналъ, какъ одинъ изъ могучихъ органовъ просвѣщенія народнаго въ наше время.

«Этотъ новый знакъ милости Монаршей къ Армянамъ долженъ возвысить любовь и преданность ихъ къ Царю, и вызвать чувство искренней благодарности къ Русскому правительству.

«Остается пожелать теперъ, милостивые государи, чтобы этотъ вновь заводимый рассадникъ просвѣщенія въ нашемъ краю процвѣталъ и благоденствовалъ подъ сѣнью Россіи, чтобы это вновь насаждаемое дерево расло, укоренилось, крѣпло и дало зрѣлые и добрые плоды».

(Слв. пч.)

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У МЕНОНИСТОВЪ.** — Въ Одесск. вѣстн. напечатано описаніе находящихся въ Херсонской губерніи менонистскихъ колоній. Г. *Пальковский*, авторъ этого описанія, объ общественномъ образованіи менонистовъ сообщаетъ слѣдующее:

«Въ тѣсной связи съ религіознымъ устройствомъ менонистовъ находится ихъ общественное образованіе, на которое проповѣдники также имѣютъ влияние, раздѣляемое ими съ мѣстнымъ начальствомъ колоній и комиссіею сельскаго хозяйства. Въ устройствѣ школъ, которыя какъ по наружному ихъ виду, такъ равно и по состоянію учебной части, во многихъ отношеніяхъ можно назвать образцовыми, Хортицкій округъ, наравнѣ съ Могочанскими, занимаетъ первое мѣсто между колоніями южнаго края Россіи, что слѣдуетъ приписать бдительному надзору мѣстнаго начальства, а также и тому, что ученіе въ школахъ тамъ продолжается долѣе и самое посѣщеніе ихъ учениками производится исправнѣе. Сверхъ-сего успѣшному ходу ученія немало способствуетъ и то обстоятельство, что тамошнія колоніи немногочисленны, и слѣдовательно число учащихся не чрезмѣрно велико, что даетъ возможность наставникамъ имѣть болѣе старательное наблюденіе за занятіями учащихся и способствовать болѣе успѣшному приобрѣтенію ими познаній, соотвѣтственно способностямъ каждаго изъ нихъ. Въ сельскихъ приходскихъ школахъ, находящихся по одной въ каж-

дой колоніи, и исправное посѣщеніе которыхъ вѣнено въ непремѣнную обязанность, лежащую на отвѣтственности родителей и родственниковъ учащихся, получаютъ образованіе мальчики и дѣвочки отъ 6 до 14 лѣтъ. Ихъ тамъ учатъ чтенію и письму на Нѣмецкомъ языкѣ, катихизису, священной исторіи, начальнымъ правиламъ ариметики и Нѣмецкой грамматикѣ, краткой общей географіи и пѣнію по цифрамъ, введенному въ употребленіе при богослуженіи. Содержаніе общественныхъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются школы, и плата наставникамъ, болѣею частію довольно свѣдущимъ и опытнымъ въ дѣлѣ преподаванія, производится изъ суммъ, собираемыхъ отъ мірскаго сбора, обязательнаго для всѣхъ членовъ общества колоніи; платы-же съ учениковъ и ученицъ не взымается никакой. Ежегодно изъ школъ выходитъ окончившихъ курсъ ученія болѣе 100 человекъ обоюго пола и съ каждымъ годомъ число учащихся возрастаетъ въ замѣтной прогрессіи. Потребность распространенія между поселенцами Русскаго языка и болѣе многостороннихъ свѣдѣній подала поводъ къ основанію въ колоніи Хортицъ въ 1844 году, независимо отъ существующей тамъ элементарной школы, главнаго центрального училища, которое въ настоящее время служитъ разсадникомъ высшаго образованія въ округѣ. Въ сельскихъ школахъ воспитываются только вольноприходящіе; въ центральномъ-же училищѣ, кромѣ сихъ послѣднихъ, есть и такіе ученики, которые живутъ, подъ надзоромъ наставника, въ самомъ училищномъ домѣ, гдѣ они бесплатно пользуются пищею, одеждою и учебными пособиями. Число ихъ ограничено 8 (всѣ мальчики); издержки на содержаніе ихъ и училища и на жалованье учителю покрываются опредѣленною суммою, ежегодно отдѣляемою изъ общественныхъ доходовъ. Для поступленія въ училище на общественное иждивеніе избираются преимущественно сироты или-же дѣти бѣднѣйшихъ членовъ общины, и при этомъ принимаются во вниманіе какъ ихъ возрастъ, такъ равно и степень познаній въ первоначальныхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ школахъ, въ которыхъ они должны предварительно окончить съ успѣхомъ полный курсъ ученія. Возрастъ для принятія въ число общественныхъ воспитанниковъ опредѣляется 14—15 годами, но не моложе. Это условіе постановлено для того, чтобы лѣтъ воспитанниковъ, по выходѣ изъ училища, въ которое ученіе продолжается 6 лѣтъ, дозволила имъ быть наставниками въ сельскихъ



школахъ, что составляетъ главную цѣль ихъ воспитанія. Въ объемъ преподаванія, замѣчательнаго основательностію и практичностью методы, входятъ слѣдующіе предметы: заковъ Божій, библейская и церковная исторія, Русскій и Нѣмецкій языки, всеобщая исторія, географія, высшая часть ариѳметики, алгебра, геометрія, физика, чистописание, скорописание, рисованіе и церковное хоровое пѣніе. Всѣ они преподаются на Нѣмецкомъ языкѣ и изученіе ихъ равно обязательно какъ для внутреннихъ, такъ и для вольноприходящихъ учениковъ. Число сихъ послѣднихъ, платящихъ за посѣщеніе училища, каждый не болѣе 1 руб. сер. въ годъ, было въ 1856 году 33, въ томъ-же числѣ 23 мальчика и 10 дѣвочекъ. Ежегодно, предъ наступленіемъ вакацій, которыя бываютъ въ лѣтніе мѣсяцы, всѣмъ учащимся производится публичное испытаніе въ пройденномъ, а внутреннимъ воспитанникамъ, по окончаніи шестилѣтняго курса,—выпускной экзаменъ, причемъ оказавшіе удовлетворительные успѣхи и одобренные въ поведеніи получаютъ аттестаты, дающіе право на занятіе въ округѣ общественныхъ должностей. Затѣмъ они, смотря по степени познаній, размѣщаются въ колоніяхъ на должности сельскихъ наставниковъ и писарей, и въ этихъ должностяхъ обязаны безпрекословно прослужить столько времени, сколько были содержимы въ училищѣ на общественный счетъ, или-же внести обратно ту сумму, которая была употреблена на ихъ воспитаніе. По истеченіи шести лѣтъ службы, они могутъ ее оставить или-же продолжать, по своему произволу. — Не много лѣтъ прошло со времени основанія центрального училища, а между-тѣмъ польза, принесенная имъ, огромна. Теперь всѣ почти учительскія и многія общественныя должности въ округѣ заняты его питомцами, которые своимъ образованіемъ и нравственностію дѣлаютъ честь воспитавшему ихъ заведенію. Выбѣстѣ съ этимъ Русскій языкъ, на основательное изученіе котораго обращается въ училищѣ особенное вниманіе, постепенно входитъ въ употребленіе, что свособствуетъ болѣе тѣсному сближенію поселенцевъ съ окрестными жителями, равно полезному и необходимому для тѣхъ и другихъ. Въ 1856 году въ училищѣ и 18 школахъ было 837 учениковъ и 744 ученицы. Въ общей сложности учащихся приходится по одному на каждые 5 человѣкъ обоаго пола всего населенія округа,—цифра весьма утѣшительная, много говорящая въ пользу умственного развитія по-

селенцевъ. Изъ совокупнаго вліянія религіи и образованія, вспомошествоваемыхъ благими мѣрами правительства, вытекаетъ то примѣрное состояніе нравственности, въ-отношенія котораго, какъ и вообще во многихъ другихъ отношеніяхъ, Хортицкіе менонисты могутъ служить образцомъ для всѣхъ поселенцевъ. Въ ихъ колоніяхъ господствуютъ повсюду благочиніе; пьянство и другія безчинства тамъ не существуютъ и, въ случаѣ обнаруженія гдѣ-либо, строго преслѣдуются не только мѣстнымъ начальствомъ, но и самою общиною, заботливо охраняющею чистоту нравовъ. Добросовѣстное исполненіе обязанностей и примѣрная честность и аккуратность,— вотъ девизъ менониста, руководящій всѣми его поступками. Оттого преступленія тамъ весьма рѣдки и если иногда случаются, то, при недѣйствительности другихъ мѣръ, община спѣшитъ освободиться отъ присутствія сочлена, запятнавшаго себя порочною жизнію и не подающаго надежды къ исправленію, исключеніемъ его навсегда изъ своей среды, послѣ чего удаленный передается начальству, для высылки, на основаніи колоніальныхъ узаконеній, за границу. Если малочисленность споровъ и тяжбъ между менонистами даетъ весьма выгодное понятіе о свойствѣ взаимныхъ ихъ отношеній, которыя основаны болѣею частію на согласіи и довѣрїи другъ къ другу, соединяющихъ членовъ общины въ одну нераздѣльную семью, то еще въ болѣе благоприятномъ свѣтѣ представляется ихъ частный семейный бытъ. Здѣсь вполнѣ про-является патриархальное начало. Отецъ и мать семейства имѣютъ священное значеніе въ кругу своихъ дѣтей, отношенія которыхъ къ нимъ, какъ и прочія семейныя отношенія, запечатлѣны уваженіемъ и любовію. Разумѣется, бывають исключенія; но гдѣ-же ихъ нѣтъ? Говорю о большинствѣ, при которомъ не могутъ имѣть значенія немногіе частные случаи, всегда строго осуждаемые общественнымъ мнѣніемъ.»

**ЗАДАЧА, ПРЕДЛАГАЕМАЯ НА СОЗНАНИЕ ИРМИН ГАРЕЛИНА И БАРАЧОВА ЗА СОСТАВЛЕНІИ ИСТОРИИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ВЛАДИМИРСКАГО.** — Въ ознаменованіе бывшаго, 4 іюля 1857 года, празднества семисотлѣтія города Владимира, почетные граждани Я. П. *Гарелинъ* и Н. И. *Барачовъ*, желая содѣйствовать составленію исторіи великаго княжества Владимирскаго, изъявили намѣреніе учредить для сего особую премію, на

пожертвованными ими для сего деньги. По всеподданнѣйшему докладу о семъ г. министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на принятіе академіею наукъ отъ означенныхъ лицъ, по 500 р. отъ каждого, назначаемихъ въ награжденіе автору «Исторіи великаго княжества Владимірскаго» и на изданіе сей исторіи, съ-тѣмъ-чтобы для написанія оной былъ объявленъ конкурсъ, и чтобы премія, которая будетъ выдана за лучшее сочиненіе, называлась *Гарелина и Баранова*. Довода о семъ до всеобщаго свѣдѣнія, Императорская академія наукъ приглашаетъ изслѣдователей отечественной исторіи заняться составленіемъ *Исторіи великаго княжества Владимірскаго* на соисканіе означенной преміи.

Отъ соискателей требуется: 1) Описать землю Суздальскую до начала Владимірскаго княжества. 2) Изложить исторію Владимірскаго княжества, съ подробнымъ жизнеописаніемъ основателя его, великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго и его преемниковъ, до утвержденія великокняжескаго сана за князьями Московскими и постепеннаго затѣмъ прекращенія отдѣльнаго, такъ сказать, существованія княжества Владимірскаго, не только въ политическомъ, но и въ административномъ отношеніи. 3) Показать значеніе Владимірскаго княжества въ образованіи сѣверо-восточной Руси.

Сочиненію, которое будетъ признано лучшимъ и удовлетворяющимъ необходимымъ условіямъ основательнаго историческаго сочиненія, будетъ присуждена премія въ 1,000 р. сер., а второму за тѣмъ сочиненію—сумма, какая составитъ изъ процентовъ съ означенныхъ денегъ, внесенныхъ въ одно изъ кредитныхъ учрежденій, до дня окончательнаго разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, съ присоединеніемъ къ тому еще 100 р. съ процентами, пожертвованныхъ для сего почетнымъ гражданиномъ Н. И. Барановымъ; сія второстепенная премія составитъ около 200 р. Сочиненія будутъ разсматриваться Императорскою академіею наукъ. Срокомъ представленія сочиненій назначается 4-е іюля 1861 года. Соискательныя сочиненія должны быть представлены въ академію наукъ, безъ объявленія имени авторовъ; которое должно заключаться въ приложенной запечатанной запискѣ, носящей на себѣ девизъ, коимъ снабжено самое сочиненіе.

**ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА УСТРОЙСТВѢ ВЪ КОТЕЛЬНИЧЬ УЧИЛИЩА ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ ДѢВЦЬ.** — Въ Вятск. губ. вѣд. напечатано: «Въ собраніи своемъ, бывшемъ въ концѣ октября, Котельническое купеческое и мѣщанское общества выразили, что къ открытію школы для образованія дѣвицъ средняго сословія не только изъявляютъ полное согласіе, но даже стремятся ходатайствовать о скорѣйшемъ учрежденіи въ г. Котельничѣ подобнаго училища, для помѣщенія коего имѣется свободный общественный домъ; на содержаніе же училища обязались вносить ежегодно, при объявленіи гильдейскихъ капиталовъ: купцы 1-й гильдіи—по 20 р., 2-й гильдіи—по 10 р. и 3-й гильдіи—по 1 р. сер.; сверхъ-того, при совершеніи браковъ съ жениха и невѣсты, съ купцовъ 1-й гильдіи—86 р., 2-й гильдіи—19 р., 3-й гильдіи—5 р., а съ мѣщанъ—80 коп., и при крещеніи новорожденныхъ—сына или дочери — взыскивать: съ купцовъ — 1-й гил. 5 р., 2-й гил.—3 руб. и 3-й гил.—1 р. сер. Если же всѣхъ этихъ сборовъ на открытіе расходовъ по училищу будетъ недостаточно, то употребить на этотъ предметъ, съ разрѣшенія начальства, часть городскихъ доходовъ, такъ-какъ доходы г. Котельнича въ довольно-хорошемъ положеніи и изъ нихъ можетъ быть выдѣлена часть на содержаніе училища. Таково рѣшеніе Котельническаго купеческаго и мѣщанскаго обществъ для устройства въ г. Котельничѣ женскаго училища. Но пожертвованія въ Котельничѣ этимъ еще не кончились. Тамошній градской глава, купецъ 1-й гильдіи М. И. Кардаковъ, ревнуя столь великому дѣлу — образованія дѣвицъ, и желая, чтобы открытіе училища для дѣвицъ воспользовало скорѣе, объявилъ, что, до формальнаго учрежденія таковаго училища, онъ вызывается и принимаетъ открыть его на свой счетъ, и съ этою цѣлію жертвуетъ подъ училище безвозвратно собственный свой домъ, и всѣ расходы по училищу въ первый годъ его открытія принимаетъ на себя; сверхъ-того, если онъ будетъ удостоенъ званія попечителя училища, то обязывается вносить ежегодно, доколѣ будетъ попечителемъ, по 100 руб. сер. Пожертвованіе купца М. И. Кардакова заслуживаетъ величайшей признательности и дѣлаетъ честь благороднымъ его стремленіямъ по мѣрѣ силъ своихъ способствовать благимъ начинаніямъ правительства — образованію у насъ женщинъ, имѣющихъ неотъемлемое вліяніе на улучшеніе гражданственности. Дай Богъ, чтобы благотворительный примѣръ Кардакова нашелъ достойныхъ соперниковъ!»

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА.**—Въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, въ Ордубатскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, найдены крестьяниномъ въ землѣ 500 серебряныхъ старинныхъ монетъ и представлены Эриванскимъ военнымъ губернаторомъ князю-намѣстнику. Менеты оказались весьма рѣдкія и замѣчательныя; онѣ всѣ безъ исключенія принадлежали династіи Джелалридовъ, чеканены въ разныхъ городахъ Аравіи, Сиріи, Персіи, Арменіи и Закавказскаго края, въ 762—779 годахъ хиджры, т. е. 1361—1380 нашего лѣтосчисленія, въ смутную эпоху, до Тамерланава, нашествія, о которой весьма мало историческіе свѣдѣнія; монеты эти представляютъ имена хановъ Шейхъ-Овейса, Шахъ-Шаджа (имя, едва-ли не въ первый разъ встрѣчающееся въ нумизматикѣ) и Джелалъ-Эддинъ-Хуссейнъ-Хана. Онѣ раздѣлены на двѣ коллекціи, изъ коихъ одна состоитъ изъ всѣхъ разнообразныхъ видовъ съ приложеніемъ и дублетовъ, всего 349 штукъ, а другая изъ 151 монеты,—повтореніе тѣхъ-же вариантовъ. Первая приобщена къ музеуму Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества, а вторую предположено представить въ даръ въ эрмитажный миѣнкабинетъ.

(Ж. м. вн. д.).

**ИАНДИЙСКАЯ МЕДИЦИНА.**—Корреспондентъ Сѣв. вч. сообщаетъ изъ Дауріи слѣдующія любопытныя извѣстія о медицинскои практикѣ ламъ: «Лучшіе годы моей жизни я провелъ между Бурятами по дѣламъ торговымъ, изучилъ ихъ языкъ, нравы, религію и даже медицину. Здѣсь нѣтъ ни академій, ни медицинскихъ школъ, но практика и книги замѣняютъ все. Медицина ламъ перешла сюда изъ Индіи, вмѣстѣ съ ученіемъ Будды, на языкѣ Тибетскомъ, на который переведена она съ Санскритскаго. Наши ориенталисты углублялись въ этотъ языкъ лишь со стороны поэзіи, медицина-же не тронута ими. Переводъ этихъ книгъ невозможенъ, потому-что состоитъ изъ терминовъ. Чтобы понимать ихъ, надобно первоначально сдѣлаться Индійскимъ медикомъ, подъ руководствомъ умнаго ламы. Индійская медицина усовершенствовалась въ-теченіе тысячелѣтія; каждое столѣтіе обогащало ее новыми открытіями, по большей части изъ царства растительнаго. Сколько-же терминовъ накопила она? Важность Индійской медицины доказана исцѣленіями-

ми такихъ недуговъ, которые приводили въ-тупикъ Европейскую медицину. Говорю не на-обумъ, не шутя, но какъ врачъ и свидѣтель невѣроятныхъ успѣховъ ламскаго леченія. Къ-сожалѣнію, медицину Буддійскую многіе почитаютъ шарлатанствомъ и фокусъ-покусами, потому только, что ламы наши не учились анатоміи, и еще потому болѣе, что дивные успѣхи леченія ихъ извѣстны одному только уголку обширнаго Русскаго царства. Повѣрятели наши медики, что антоновъ огонь и ракъ не считаются у насъ болѣзнями неизлечимыми? Ихъ уничтожаютъ безъ операций одними внутренними средствами. Средства эти столь просты и неизысканны, что надобно удивляться, какъ не нападаетъ на нихъ Европейская медицина. Гумбольдтъ говоритъ: «Мы дивимся здечеству древнихъ храмовъ Индіи, подземнымъ работамъ въ Эллорі: неужели возможно заключать, что одно здечество было развито въ древней Индіи, а другія науки были неизвѣстны или почли глубокимъ сномъ?» Нѣтъ, медицина въ числѣ первыхъ потребностейъ человѣка. Возьмите любое племя въ полудикомъ состояніи: оно лишено самыхъ необходимыхъ познаній, но медицина у него существуетъ. Можно-ли послѣ этого допустить мнѣніе, чтобы въ древней Индіи, существующей нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашей эры, медицина не была развита. Наука эта перешла въ Тибетъ, а оттуда разлилась по всей восточной Азіи между ламайскими духовенствомъ. Близъ крѣпости Акши, на Китайской границѣ, жилъ недавно знаменитый медикъ лама, дивный цѣлитель всѣхъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ. За Байкаломъ путешествовалъ натуралистъ докторъ Зальбергъ. При спускѣ съ одной горы, лошади разбѣжались, опрокинули тарантасъ, докторъ сильно ударился грудью о перила и кое-какъ довели его до крѣпости Акши; здѣсь открылся у него сильный кашель съ кровохарканіемъ и сильнымъ колотьемъ въ груди. Сперва докторъ лечилъ самъ себя кой-какими средствами; но болѣзнь усилилась до того, что Зальбергъ думалъ уже, что уснетъ въ Акшѣ непробуднымъ сномъ. Хозяинъ дома нѣсколько разъ предлагалъ ему обратиться къ извѣстному ламѣ, но докторъ и слушать не хотѣлъ о степномъ лекарь. Между-тѣмъ болѣзнь усиливалась, и докторъ потерялъ вѣру въ свои лекарства. Умереть, думалъ онъ, все равно, отъ болѣзни или отъ лекарства, по-крайней-мѣрѣ, я испытаю эти лекарства. Послали нарочно, за пятнадцать верстъ, въ кумирню, близъ кото-

рой жилъ знаменитый медикъ-лама Мураевъ. Онъ прѣхалъ съ медикаментами, раяспросилъ больного чрезъ переводчика, ощупалъ грудь, пульсъ, и далъ больному порошокъ, вечеромъ другой, а наутро в третій, потомъ четвертый, а вечеромъ в пятый. Больной выздоровѣлъ. Онъ самъ рассказывалъ, что послѣ приѣма перваго порошка унялся жаръ въ груди и дыханіе сдѣлалось свободнѣе. Потомъ стали уменьшаться кашель и кровохарканіе. Все это совершилось очень скоро и пріятно. Само-собою-разумѣется, что докторъ понималъ свою болѣзнь, и смотрѣлъ на исходъ ея безъ предубѣжденія, и, отинувъ честолюбіе, торжественно говорилъ, что Индійская медицина возвратила ему жизнь. Вотъ другой примѣръ. Къ ламѣ и медику Мураеву явился крестьянинъ съ ужаснымъ ракомъ на верхней губѣ. Зубы в деса были открыты, язва приближалась къ носу. Отвратительно было смотрѣть на обезображеннаго мужичка. Лама далъ ему порошки для внутренняго употребленія, и мазь для наружнаго. Дней чрезъ пятнадцать является къ нему крестьянинъ, и чубурахъ въ ноги. «Спасибо тебѣ, отецъ родной! Поставилъ меня на ноги!» Рана у больного зажила, только на губѣ остались рубцы и небольшая щербина. Такова медицина Индійская, дѣйствующая скоро и сильно. Много-бы можно привести примѣровъ чуднаго исцѣленія, но мало найдется вѣрующихъ. При посольствѣ графа Головкина въ Китай былъ докторъ Реманъ. Живучи за Байкаломъ, онъ познакомился съ однимъ ламомъ, человѣкомъ любознательнымъ, молодымъ и отличнымъ практикомъ. Усмотрѣвъ необыкновенныя медицинскія способности въ молодомъ ламѣ, Реманъ захотѣлъ усовершенствовать ихъ; увезъ его съ собою въ Петербургъ, и записалъ въ медико-хирургическую академію въ качествѣ студента и практика. Лама удивлялъ всѣхъ практикою своею, но, къ сожалѣнію, умеръ чрезъ два года. Городъ Иркутскъ не бѣденъ лекарями: тамъ появляются иногда и знатоки своего дѣла, но сколько больныхъ отправляется за Байкалъ, пользоваться лекарствами нашихъ ламъ, и сколько изъ нихъ возвратилось здоровыми, какъ ни въ чемъ не бывало! У ламъ есть медицинскія книги, по которымъ они учатся и практикуютъ. Книги эти:

Шаджотъ — анатомія.

Джаджотъ — патологія.

Макъ-а-джотъ — физиологія.

Лхинтос-чимбо — терапия.

«Имена чуть-ли не Санскритскія. Къ сожалѣнію, книги эти досихъ-поръ неизвѣстны Европейской медицинѣ. Въ человѣкѣ находятъ соединеніе всѣхъ началъ, всѣхъ силъ природы, а потому называютъ его сосудомъ вселенной. Въ человѣкѣ считаютъ пять главныхъ внутреннихъ частей, т.-е. сердце, печень, легкія, почку и селезенку. Триста шестьдесятъ сухихъ и кровеносныхъ жилъ, которыя соединяются въ узлы у горла, пупка и крестца. Главнымъ дѣятелемъ жизни признается желудокъ, а потому наполнять его пищею должно только до двухъ третей; остальная часть нужна для правильнаго обращенія соковъ, переходенія ихъ въ жилы и обращенія въ кровь. Болѣзней считается 404 главныхъ и 1,250 частныхъ. Изъ главныхъ 101 происходятъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ, 101 исцѣляются одною діетою, безъ медицинскихъ пособій, 101 болѣзнь вылечиваются лекарствами и наконецъ 101 признаются рѣшительно неизлечимыми. По этому легкому, едва примѣтному очерку трудно судить о медицинѣ ламайской. Кто однакожь не замѣтитъ, что тутъ смѣсь дѣльнаго съ мечтательнымъ, какъ и во всей Азіатской философіи! И сквозь суевѣріе проглядываетъ истина. Въ Нерчинскѣ живетъ почетный гражданинъ М. А. Зинзиновъ, природный медикъ, ботаникъ, агрономъ и литераторъ. Двадцать пять лѣтъ изучаетъ онъ ламайскую медицину, и перевѣлъ нѣкоторыя книги на Русскій языкъ, научилъ терминологию лекарствъ, имѣетъ большой запасъ ихъ, и пользуется такою медицинскою извѣстностью, что многіе изъ ламъ пріѣзжаютъ къ нему за совѣтами. Не прійдетъ-ли какому-нибудь любознательному медику охота войти въ сношенія съ г. Зинзиновымъ, чтобы познакомиться съ древнею медициною Индіи, про которую въ Сибири говорятъ столь много чудеснаго? Кто знаетъ, что въ ней нѣтъ и половины того, въ чемъ подозрѣваетъ ее медицина Европы, т.-е. шарлатанства и фокусовъ. Г. Зинзиновъ давно жаждетъ войти въ сношенія съ какимъ-нибудь умнымъ медикомъ; но уголъ, въ которомъ онъ живетъ, въ 7,000 верстахъ отъ Петербурга, въ которомъ все пропитано Европою. Нѣсколько разъ возглашалъ г. Зинзиновъ о Тибетской медицинѣ, и гласъ его вопіялъ въ пустынь. Почему-бы не выписать изъ Забайкальской области самаго искуснаго въ медицинѣ ламы и не испытать его леченія въ какомъ-нибудь лазаретѣ? Всѣ лекарства были въ началѣ своимъ простонародныя. Наука испытала ихъ и усвоила. Ученыя общества забо-



тятся о собраніи народной медицины, а ламайскаѣ имъ рѣшительно чужда. Пора уже разрабатывать общественные рудники. Довольно послужили Европѣ».

**ПРИМѢРНЫЙ УСТАВЪ НОВАГО ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ОБЩЕСТВА ПЕРЕВОДЧИКОВЪ (\*).**— Между причинами образованія народовъ должно почитать дѣйствительнѣйшею сношенія ихъ между собою посредствомъ торговли и словесности. Основаніе, такъ-называемой, республики ученыхъ, собратство всѣхъ писателей, занимающихся умственными предметами, и переписка какъ частныхъ людей, такъ и академій, сдѣлали между Европейцами нѣкоторую нравственную связь, по которой всѣ частныя изобрѣтенія, все движеніе умовъ, мгновенно переходятъ отъ народа къ народу, отъ человѣка къ человѣку, и служатъ первѣйшимъ побужденіемъ къ общему усовершенствованію. Такимъ образомъ лучшѣ просвѣщенія озаряетъ почти въ одно мгновеніе всѣ народы Европейскіе, и нѣтъ открытія,

---

(\*) Статья эта писана Андреемъ *Кайсаровымъ*, во время бытности его профессоромъ Русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, около 1812 года, и, не смотря на разстояніе слишкомъ въ сорокъ лѣтъ, она не потеряла еще для насъ совершенно свѣжести въ большей части своей. Есть, стало-быть, въ ея содержаніи что-то существенное, не преходящее, и потому время-отъ-времени всплывающее на поверхность, коль-скоро представится тому благопріятное мгновеніе. Такъ, съ небольшимъ годъ минуло, какъ г. В. *Ламаискій* въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ прекрасной и основательной статьѣ своей: «О распространеніи знаній въ Россіи», вышедшей послѣ и отдѣльно (С. Петербургъ, 1857 г., въ 4-ку, 48 стр.), то-же въ полномъ смыслѣ слова предлагаетъ намъ, что и Кайсаровъ за сорокъ пять лѣтъ предъ симъ. Еслибы Кайсаровъ дожилъ до нашего времени, онъ не иначе-бы выразился объ этомъ. Стало-быть, мысль того и другаго дѣйствительно стоитъ того, чтобы осуществленіемъ ея занялись люди, какъ можно менѣе разсчитывающіе на недалекую видность не ближняго, смотрящіе на читающихъ, какъ на простыхъ потребителей поставляемаго подрядчиками; «чтобы любители наукъ и истинные патріоты». — по выраженію Ломоносова, — «въ пользу и славу Россіи къ сему достохвальнѣйшему дѣлу труды свои обратили». Къ осуществленію этой мысли, надо признаться, существуетъ всегда и вездѣ одно и то-же, и притомъ единственное средство—соединенныя усилія людей по призванію, другими словами: «Общество переводчиковъ», какъ называлъ его Кайсаровъ, или-же «Общество распространенія знаній», какъ выразился г. *Ламаискій*.

полезнаго для одного, которое-бы не сдѣлалось полезнымъ и для другихъ.

Науки и изобрѣтенія передаются словомъ и сочиненіемъ. Они тогда могутъ назваться принадлежностью какого-либо народа, когда излагаются на языкѣ онаго посредствомъ подлиннаго сочиненія, или перевода. Собраніе подлинныхъ сочиненій и переводовъ составляетъ нравственное сокровище народовъ. Хотя Россія, вступившая, со временъ Петра Великаго, въ число Европейскихъ державъ, и много симъ приобрѣла общихъ и частныхъ выгодъ, однакожь все еще не достигла той образованности, которая есть у дѣлъ прочихъ. Сіе произошло отъ разныхъ причинъ, изъ которыхъ двѣ важнѣйшія суть: недавность нашего существованія, и *слишкомъ сильное стремленіе къ употребленію иностранныхъ языковъ*. Первая причина изгладится временемъ, вторая требуетъ нѣкотораго объясненія.

При первомъ взглядѣ кажется, что не только обученіе иностранныхъ языковъ не есть препятствіе къ образованію народному, но содѣйствуетъ къ возстановленію тѣснѣйшаго союза между людьми,—союза, который мы представили основаніемъ общаго просвѣщенія, конечно, сколь долго сіе обученіе заключается въ должной соразмѣрности. *Но ежели мы начнемъ и писать, и говорить, и думать на чужихъ языкахъ, сіе не будетъ-ли ужаснѣйшимъ злоупотребленіемъ?*

Мы видимъ изъ примѣра Франціи, Германіи и другихъ народовъ, что они не имѣли отечественной словесности до-тѣхъ-поръ, пока всѣ ихъ ученые говорили и писали на Латинскомъ языкѣ. То-же явленіе предстоить и намъ. Французскій и Нѣмецкій языки занимаютъ у насъ мѣсто Латинскаго, не только въ воспитаніи, но и въ самомъ обращеніи жизни. Мы разсуждаемъ по-Нѣмецки, мы шутимъ по-Французски, *а по-Русски только молимся Богу, или бранимъ нашихъ служителей*. Здѣсь, въ Лифляндіи, Нѣмецкій языкъ такую имѣетъ употребительность, что, послѣ столѣтняго приобретенія сего края, нѣтъ ни одного человѣка, который-бы умѣлъ сказать слово по-Русски безъ чужеземнаго ударенія. Тамъ, въ нашихъ столицахъ, Французскій такъ завладѣлъ обычаями, что едва-ли найдемъ одну женщину дворянскаго званія, которая-бы умѣла связать десять словъ Русскихъ правильно и безъ ошибки. Сіе было бы только странно и смѣшно, ежели-бъ не имѣло дру-

гих пагубныхъ послѣдствій. Я отдаю должную справедливость молодымъ людямъ XIX столѣтія: они болѣе чувствуютъ необходимость заниматься отечественнымъ языкомъ, но и они не совсѣмъ еще освободились отъ вліянія чужестранной словесности. Они избражаютъ мысли свои по-Русски и чувствуетъ какъ Русскіе, но учатся и приобрѣтаютъ познанія по чужестранному и на чужестранныхъ языкахъ. Изъ сего слѣдуетъ, что, для достиженія одной цѣли, имъ надобно имѣть сложное орудіе. Во Франціи каждый Французъ можетъ однимъ Французскимъ языкомъ образовывать себя совершенно. А у насъ посредствомъ одного Русскаго языка почти никакого образованія получить не можно. У насъ нѣтъ словесности, отъ того, нѣтъ отечественнаго воспитанія, а нѣтъ воспитанія отъ того, что всѣ мы болѣе или менѣе подвержены вліянію чужестранной словесности.

Обращаясь въ семь порочномъ кругу дѣйствія, Россіяне раздѣляются на два, весьма отличные, разряда. Первый, принадлежащій къ новому состоянію Россіи, причастенъ общему образованію Европы. Другой, напротивъ-того, оставшійся въ прежнемъ невѣжествѣ, не имѣетъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему образованію. Какъ соединить сіи два разные народа въ Русскомъ народѣ? Какъ сдѣлать, чтобы образованіе однихъ могло служить къ просвѣщенію другихъ? Для разрѣшенія этой задачи предлагаю учредить общество переводчиковъ.

Первая мысль о такомъ учрежденіи подана мнѣ была пріамъ Екатерины, которая сама, съ нѣкоторыми особами своего двора, предпринимала переводъ разныхъ полезныхъ книгъ, а именно: Велисарія и т. д. Сія первая мысль утвердилась, когда я прочиталъ на Русскомъ языкѣ непонятный переводъ сочиненій г. Жюмни. Наконецъ она дошла до очевидной достовѣрности, когда, разбирая каталоги нашихъ книгопродавцевъ, я нашелъ, что большая часть переводчиковъ посвятили свои труды на преложеніе дурныхъ романовъ, чѣмъ испортили и вкусъ и понятіе нашей публики.

Прибавимъ къ сему, что Россія, вступая на попріище словесности весьма поздно, едва успѣетъ подлинными сочиненіями сравниться съ громадою полезныхъ книгъ, сооруженною въ другихъ

земляхъ рукою времени и неуспынными трудами многочисленныхъ писателей. Сіе общество будетъ, такъ сказать, необходимою ступенью для окончательнаго нашего образованія. Оно познакомитъ самымъ выгоднѣйшимъ образомъ весь народъ Россійскій съ просвѣщеніемъ другихъ народовъ. Оно, такъ сказать, дастъ право гражданства въ Россіи всѣмъ чужестраннымъ писателямъ. Оно переведетъ къ намъ въ обращеніе величайшій нравственный капиталъ. Оно дастъ самой нашей словесности нѣкоторый превосходный ходъ, и мы услышимъ *Русскихъ разсуждающихъ по-Русски о наукахъ и вещахъ*, коихъ имена едва-ли теперь извѣстны. Наконецъ оно, покупавъ переводы частныхъ лицъ, не принадлежащихъ обществу, дастъ всѣмъ, чрезъ побудительнѣйшую причину личной выгоды, охоту, желаніе и средства посвятить труды свои полезнымъ упражненіямъ.

Для достиженія этой сложной цѣли вотъ правила, на которыхъ должно основать, по моему мнѣнію, это общество.

1) Общество это должно быть вольно, составленное изъ членовъ вольно записавшихся.

*Примѣчаніе.* Не должно быть пышнаго имени академіи, или другаго какого-нибудь, сему подобнаго. Лучшимъ нашимъ украшеніемъ будетъ извлеченная польза.

2) Представить этотъ уставъ на одобреніе и утвержденіе правительства.

*Примѣчаніе.* При этомъ можно извѣстить правительство, что общество возьметъ, въ возможности, съ удовольствіемъ на себя обязанность переводить тѣ книги, которыя ему будетъ угодно назначить.

3) Испросить у правительства постоянное положеніе, чтобы можно было безъ дальнѣйшаго *сопротивленія цензуры* переводить и печатать на Русскомъ языкѣ всѣ книги чужестранныя, коихъ впускъ въ Россію свободенъ, и чтобы дѣйствіе цензоровъ было ограничено единственно наблюденіемъ, чтобы въ переводѣ не было ничего прибавляемо предосудительнаго.

*Примѣчаніе.* Сіе непременно нужно для покупки переводовъ отъ частныхъ людей и для распредѣленія работъ членамъ Общества. Ибо безъ сего положенія не будетъ въ работахъ нашихъ никакой увѣренности, когда *капризъ цензора* можетъ остановить изданіе труда, часто долговременнаго.

4) Испросить еще у правительства право переписываться съ ректорами университетовъ, дабы студентовъ пригласить къ сотрудничеству.

*Примѣчаніе.* Извѣстно, что часто студенты переводятъ романы и продаютъ ихъ по листамъ книгопродавцамъ за весьма умѣренную плату. Общество своимъ содѣйствіемъ прекратитъ сіе неумѣстное употребленіе времени.

5) Общество принимаетъ въ сочлены свои особъ всякаго званія, желающихъ посвятить труды свои на переводы.

*Примѣчаніе.* Каждый будетъ заниматься по своимъ способностямъ.

6) Члены раздѣляются на *простые и правительствующіе*.

7) *Правительствующіе* члены суть тѣ, которые, кромѣ своихъ трудовъ, принесутъ еще въ даръ обществу, для составленія капитала, 1000 рублей единовременно пожертвованія.

8) Общество раздѣляется на *три отдѣленія* и составляетъ изъ членовъ своихъ *три коммисіи*.

9) *Первое* отдѣленіе занимается переводами съ *древнихъ* языковъ.

10) *Второе* отдѣленія занимается переводами съ *Азіатскихъ* языковъ.

11) *Третье* отдѣленіе занимается переводами съ *Европейскихъ* языковъ.

12) *Первая коммиссія* или цензурная занимается *разборомъ переводовъ* и *сличеніемъ* оныхъ съ *подлинниками*.

*Примѣчаніе.* Изъ занятій этой коммиссіи видно, что она должна составиться изъ членовъ всѣхъ отдѣленій, присутствующихъ въ томъ городѣ, гдѣ находится будетъ управленіе общества.

13) *Вторая коммиссія* или *казначейская* будетъ *завѣдывать капиталомъ* общества.

14) *Третья коммиссія* или *типографическая* будетъ заниматься *изданіемъ переводовъ* и устройеніемъ типографіи и книжной лавки.

*Примѣчаніе.* Сіи двѣ комиссіи составляются изъ правительствующихъ членовъ Общества; ибо кому препоручить употребленіе суммъ, какъ не тѣмъ самимъ, кои ими жертвуютъ?

15) Общее собраніе членовъ выбираетъ правительствующій комитетъ Общества, составленный изъ правительствующихъ членовъ, кои одни могутъ быть избираемы.

46) При общемъ собраніи, производящемся ежегодно, комитетъ даетъ отчетъ въ занятіяхъ Общества, именуя каждого переводчика и каждую переведенную книгу, съ краткимъ описаніемъ оной такимъ образомъ, чтобы собраніе всѣхъ отчетовъ содѣлалось библиографическимъ описаніемъ трудовъ Общества по порядку времени.

17) Каждый членъ, коего переводъ одобренъ будетъ цензурной комиссіей, представляетъ оный въ комитетъ, который одѣняетъ рукопись по числу печатныхъ страницъ и приказываетъ казначейской комиссіи уплатить половину одѣнки переводчику, а рукопись поступаетъ въ полное владѣніе Общества.

18) Рукопись, представляемая въ комитетъ, должна быть переплетена и подписана переводчикомъ, который тою-же самою подписью отречется отъ своего права на сей переводъ.

19) Переводы, получаемые отъ частныхъ лицъ, могутъ быть или куплены по договору, или пожертвованы. Впрочемъ, они подвержены тому-же самому ходу, какъ и труды сочленовъ.

20) Казначейская комиссія будетъ вести два, совершенно особливые, счета для денегъ, полученныхъ отъ правительствующихъ членовъ единовременно, и для получаемыхъ постепенно отъ продажи переводовъ.

21) По истеченіи трехъ лѣтъ каждый правительствующій членъ можетъ, когда заблагоразсудитъ, взять свои 1000 рублей, но съ тѣмъ самымъ онъ лишается своихъ правъ и всякое приращеніе отъ 1000 рублей остается въ пользу Общества.

22) Правительство можетъ опредѣлить отъ себя, сколько хочетъ, правительствующихъ членовъ въ Общество, внося за каждое лицо по 1000 рублей.

23) Всѣ дѣла въ комиссіяхъ и комитетѣ рѣшаются по большинству голосовъ.

24) Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ президента комиссіи, или комитета, считается за два.

25) Тѣ члены, кои находятся въ отсутствіи, получаютъ каждый свое занятіе; а буде, по особенной довѣренности, позволено будетъ которому-нибудь изъ членовъ самому выбрать свои занятія, то оставляется на его попеченіе трудиться надъ переводомъ позволенной книги.

(Чт. Имп. Моск. Общ. ист. и др.)



# I.

## НОВОСТИ

### ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.



**РѢЧЬ ОУЭНА.** — Британское общество открыло свое послѣднее засѣданіе 22 сентября 1858 года въ городѣ Лидсѣ (Leeds), подъ предсѣдательствомъ сэра Ричарда Оуэна. *Оуэнъ*, безъ сомнѣнія, первый анатомъ и палеонтологъ настоящаго времени, открылъ засѣданіе рѣчью весьма большою и весьма замѣчательною. Мы приведемъ здѣсь извлеченіе изъ нея, такъ-какъ она имѣетъ не минутный интересъ, но касается существенныхъ вопросовъ, которые долгое время составляли и долгое время будутъ составлять важнѣйшій предметъ науки. Замѣтимъ, что начала, которыхъ держится Оуэнъ, давно уже утверждены незыблемо, но что до-сихъ-поръ они не проникли въ массу натуралистовъ и въ массу книгъ, такъ-что эти начала, составляющія сущность науки, нѣкоторые ученые считаютъ почти постороннимъ дѣломъ.

Оуэнъ говорить:

«Главная цѣль, къ которой, послѣ Жюссье, стремились ботаники, состояла въ усовершеніи естественной системы. Со-времени появленія сочиненій Кювье, зоологи старались открыть подобныя-же отношенія между животными. Великая заслуга Кювье состоитъ въ томъ, что онъ занялся анатомическими изслѣдованіями и приложилъ ихъ къ открытію истинной системы животнаго царства; онъ снова зажегъ свѣточъ науки, погасшій, казалось, со времени Аристотеля, и который послѣ Кювье велъ зоологію по вѣрной дорогѣ быстрыхъ успѣховъ. Не только стали изслѣдовать устройство животнаго, даже въ мельчайшемъ строеніи его тканей, но изслѣ-



довали также способъ развитія каждого органа, составляющаго его тѣло, начиная отъ зачатка, отъ почки или яйца, и до полной зрѣлости и разрушенія. Такимъ образомъ, съ разсмотрѣнiемъ внѣшнихъ признаковъ нынѣ соединяють изслѣдованіе внутренней организаци и тѣхъ перемѣнъ, которымъ подвержены органы въ своемъ развитіи; зоологія, гистологія и эмбриологія соединяють свои результаты и доставляютъ широкую и твердую опору для зоологическихъ обобщеній, для аксіомъ самаго высокаго разряда, если можно такъ выразиться. Нынѣ принимаютъ три главныхъ основныя начала, которыя могутъ служить намъ руководствомъ и, кажется, лежатъ въ основаніи устройства животныхъ: *единство плана, растительное повтореніе и приспособленіе къ цѣли*. Совершенно независимый рядъ изысканій, вслѣдствіе котораго ученые, изучавшіе суставчатыхъ животныхъ, видятъ въ органахъ, исполняющихъ отправленіе челюстей и весьма разнообразныхъ конечностей, тѣ-же самые элементы, другими словами, гомотипическія части, принадлежащія тождественнымъ между собою сегментамъ, составляющимъ все тѣло; и другой рядъ изслѣдованій, вслѣдствіе которыхъ ученые, изучавшіе позвоночныхъ животныхъ, пришли къ заключенію, что верхнечелюстные, нижнечелюстные, язычныя, лопастные, реберныя и тазовыя дуги, вмѣстѣ со своими прибавками, образующими весьма различныя члены, суть видовѣнныя элементы существенно сходныхъ между собою позвоночныхъ сегментовъ, — оба эти ряда взаимно подтверждаютъ одинъ заключенія другаго. Не возможно предполагать, чтобы начало, вѣрное для суставчатыхъ, было-бы ложно въ-отношеніи къ позвоночнымъ, и это тѣмъ менѣе вѣроятно, что опредѣленіе гомологическихъ частей становится тѣмъ легче и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ выше организациа».

Затѣмъ Оуэнъ объясняетъ важное различіе между *гомологією* и *аналогією* органовъ, и потомъ продолжаетъ:

«Изученіе гомологическихъ частей въ одной системѣ органовъ, въ костяхъ, дало блистательный результатъ, именно привело къ познанію плана, или архетипа высшей группы животныхъ, т.-е. группы позвоночныхъ. Главный успѣхъ, который послѣдуетъ за этимъ, будетъ состоять въ опредѣленіи гомологическихъ частей въ нервной системѣ, въ системѣ мускуловъ, въ дыхательной и сосудистой системѣ, въ пищеварительныхъ, отдѣлительныхъ и половыхъ органахъ той-же группы животныхъ. По моему мнѣнію, несравненно

важнѣе показать гомологию частей въ группѣ животныхъ, устроенныхъ потому-же плану, чѣмъ пускаться въ разысканія отношеній между частями животныхъ, устроенныхъ по очевидно-различнымъ планамъ. То, что сдѣлано и что принято въ основаніе при изученіи гомологическихъ частей позвоночныхъ, должно послужить образцомъ для изслѣдованія членистыхъ и моллюсковъ. Въ-отношеніи къ наружному скелету и его прибавкамъ у членистыхъ, гомологическія отношенія были опредѣлены и изучены съ тщательностію, достойною всякихъ похвалъ. Такого-же рода изслѣдованіе съ успѣхомъ производится относительно моллюсковъ, но основанія для установленія видовыхъ гомологій въ этой группѣ менѣе тверды. При настоящемъ состояніи гомологій въ-отношеніи къ членистымъ, можно полагать достаточно доказаннымъ, что сегментъ наружнаго скелета не есть полный гомологъ сегмента внутренняго скелета позвоночнаго животнаго. Точно также нѣтъ взаимной гомологій между частями и прибавками сегментовъ позвоночныхъ и сегментами членистыхъ. Части, называемыя у насѣкомыхъ и ракообразныхъ челюстями, ногами, крыльями, плавниками, представляютъ только *аналогию* съ частями, имѣющими то-же названіе у позвоночныхъ. Передъ гомологистомъ открывается обширное поле реформы въ-отношеніи къ номенклатурѣ, которая должна выражать его сужденіе о различныхъ степеняхъ сходства органовъ. Вопросы, къ которымъ неизбежно приводитъ философа-наблюдателя путь гомологій, принадлежатъ къ числу труднѣйшихъ и отвлеченнѣйшихъ. Таковы напримѣръ слѣдующіе вопросы: системы органовъ нервныхъ, мускульныхъ, пищеварительныхъ и половыхъ, имѣютъ-ли какое-нибудь сходство, кромѣ сходства отправленій, въ главныхъ группахъ животнаго царства? Должно-ли судить о гомологіяхъ цѣлыхъ системъ по плану и ходу ихъ развитія въ зародышѣ? Можно сомнѣваться въ томъ, что эмбриологія можетъ сама-по-себѣ рѣшить, существуетъ-ли гомологія между пищеварительными каналами главныхъ группъ животныхъ. Замѣчательный фактъ, указывающій на слабость эмбриологическихъ признаковъ, представляетъ то обстоятельство, что большія, главныя отдѣленія животнаго царства, основанныя Кювье на сравнительной анатоміи, были въ точности подтверждены недавними изысканіями Бэра надъ развитіемъ животныхъ. То-же самое случилось въ-отношеніи къ нѣкоторымъ легкимъ видоизмѣненіямъ дѣленій Кювье; настоящее мѣсто усоногихъ было найдено Страусъ-Дюркгеймомъ и Макле-

емъ (Maclean) посредствомъ сравнительной анатоміи прежде, нежели Томсонъ открылъ ихъ превращенія. Но если эмбриологіи придавали слишкомъ много значенія въ открытіи гомологій, то, съ другой стороны, изученіе развитія животныхъ привело къ самымъ страннымъ и любопытнымъ фактамъ; я хочу особенно указать на тѣ, которые разумѣются подъ общими выраженіями *перемѣнныхъ поколѣній*, *партеногенезиса*, *метагенезиса* и пр. Джонъ Гунтеръ первый высказалъ общее предположеніе, «что размноженіе растений зависитъ отъ двухъ началъ: во-первыхъ, каждая изъ частей растенія образуетъ цѣлое, такъ что растеніе способно дать столько новыхъ растеній, на сколько отдѣльныхъ частей его можно раздѣлить; во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ этихъ частей становятся воспроизводительными органами и производятъ плодородныя сѣмена». Гунтеръ замѣтилъ также, «что первое начало прилагается и ко многимъ животнымъ, размножающимся посредствомъ почекъ или черенковъ, но что, господствуя у животныхъ только самыхъ несовершенныхъ отрядовъ, это начало дѣйствуетъ у растений на всѣхъ степеняхъ совершенства». Опыты Трамблея надъ прѣсноводнымъ полипомъ, опыты Спалланцани надъ наядами и опыты Боннета надъ травяными вшами, указали такія явленія размноженія дѣленіемъ и внутренними и внѣшними почками у животныхъ, на которыя намекаетъ Гунтеръ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, въ какой степени первое Гунтерово начало размноженія органическихъ существъ господствуетъ въ животномъ царствѣ.

Въ числѣ самыхъ блистательныхъ открытій такого рода, безъ сомнѣнія, должно поставить результаты, найденныя Кюхенмейстеромъ и Зибольдомъ. Указавъ на нихъ, Оуэнъ продолжаетъ:

«Съ-того-времени, когда въ первый разъ было открыто, что растенія и животныя могутъ размножаться двумя способами и что животное, развившееся изъ почки, можетъ произвести сѣмена или ячки, изъ которыхъ снова выходитъ животное, размножающееся почками, съ-тѣхъ-поръ, какъ это попеременное размноженіе было наблюдено Шамиссо и Сарсомъ въ такихъ случаяхъ, когда почкородное недѣлимое было по формѣ очень различно отъ яйцероднаго, съ-тѣхъ-поръ предметъ этотъ былъ приведенъ въ систему, обобщенъ, его старались объяснить и онъ вдругъ принялъ весьма любопытное и въ высшей степени важное развитіе вслѣдствіе сочиненія Зибольда подъ заглавіемъ «Настоящій партеногенезисъ у мотыльковъ и пчелъ», — сочиненія, въ которомъ авторъ доказалъ

дѣвственное рожденіе самца у пчелъ. Зибольдъ подвергъ самому строгому микроскопическому изслѣдованію результаты искуснаго пчеловода Цирсона, который нашелъ причину, почему пчелиныя матки со складчатыми крыльями производили рой, состоящій исключительно изъ однихъ самцовъ. Зибольдъ доказалъ, что самецъ происходитъ изъ яйца, не подвергающагося никакому вліянію, кромѣ вліянія матерняго организма, между-тѣмъ-какъ, если яйцо оплодотворено, то изъ него выходитъ самка или рабочая пчела. Подобныя, хорошо изслѣдованныя явленія партеногенезиса у гидръ показываютъ, что такъ же, какъ въ подобномъ случаѣ у внутренностныхъ червей, животныя столь различной формы, что изъ нихъ составляли два различные отряда или класса, въ дѣйствительности суть только два крайніе члена въ циклѣ метагенетическихъ превращеній; акалефа медуза есть только подвижная половая форма безполаго полипа, прикрѣпленнаго на ножкѣ и производящаго почки, совершенно также, какъ тесьмовидная тенія есть половая форма пузырчатой гидатиды. У гидровыхъ полиповъ дѣтеныши, какъ у растений, рождаются изъ почекъ и, какъ у большинства растений, въ видѣ зачатковъ или сѣмянъ; эти зачатки содержатся въ мѣшкахъ, выдающихся снаружи — другая аналогія съ цвѣтеніемъ растений. Первыя свѣдѣнія объ этихъ чудесахъ породили надежду, что можно будетъ проникнуть въ тайну происхожденія различныхъ видовъ животныхъ, но до настоящаго времени, по-крайней-мѣрѣ насколько простираются наблюденія, циклъ измѣненій всегда заключенъ; такъ-какъ сѣмя, или оплодотворенное яйцо всегда составляетъ существенный членъ ряда, то аксіома Гарвея *omne vivum ab ovo*, если только относить всѣ метагенетическія фазисы къ одному и тому-же недѣлимому, примѣняется ко всѣмъ организмамъ, ко всѣмъ существамъ, имѣющимъ несомнѣнные признаки животныхъ или растений. Самыя тщательныя наблюденія, сдѣланныя надъ существами того и другаго царства, наиболѣе удобными для изслѣдованія первыхъ степеней развитія, представляютъ множество доказательствъ, что первый существенный шагъ зависитъ отъ протоплазматическаго вещества зародышной кѣлочки, или оплодотворяющей кѣлочки; первая является въ видѣ ядра или протопласта, вторая—въ видѣ зернистой жидкости. Въ растеніяхъ съ цвѣтами это вещество переносится въ пыльниковой трубкѣ; у животныхъ и у многихъ безцвѣтковыхъ растений—посредствомъ подвижныхъ животныхъ. Перемѣны въ формѣ, которымъ подвер-

гается представитель какого-нибудь вида при последовательномъ безполомъ размноженіи недѣлимыхъ, называются *метагенезисомъ* этого вида. Переменны въ формѣ, которыя представитель какого-нибудь вида испытываетъ въ одномъ и томъ-же недѣлимомъ, называются *метаморфозою*. Но въ практикѣ этотъ терминъ прилагается только къ тѣмъ случаямъ, когда недѣлимое, во время извѣстныхъ фазъ своихъ переменъ, свободно и дѣятельно, какъ напр. личинка жука, или головастикъ лягушки. Въ-отношеніи къ нѣкоторымъ существеннымъ различіямъ въ метаморфозахъ насѣкомыхъ было утверждено, что состоянія, соответствующія безногимъ и безголовымъ личинкамъ двукрылыхъ, шестиногой личинкѣ жужжельца, шестиногой и усатой личинкѣ *Meloe*, постепенно являются также у прямокрылыхъ въ то время, когда они еще заключены въ яйцѣ. Андрю Муррей (Murray) недавно представилъ нѣсколько фактовъ, которые подтверждаютъ такое мнѣніе. Онъ получилъ изъ Африки деревяннаго идола, за ухомъ котораго тараканъ свилъ свое гнѣздо и который потомъ былъ грубо раскрашенъ туземцами, такъ-что гнѣздо съ яйцами было покрыто краскою. Ни одно изъ насѣкомыхъ не могло выйти не разорвавши гнѣзда и слоя краски; между-тѣмъ и то и другое было цѣло. Въ гнѣздѣ нашли: 1) червя, похожаго на личинку въ яйцѣ; 2) коконъ въ яйцѣ, содержавшій безкрылое, несовершенно развитое насѣкомое, сбросившее коконъ и готовое вылупиться».

«Весьма любопытно приложеніе микроскопа къ изслѣдованію частицъ вещества, висящихъ въ атмосферѣ; продолжая систематически эти наблюденія помощію задвижныхъ стеколъ, могущихъ захватывать и задерживать атомы атмосферы, можно надѣяться достигнуть важныхъ результатовъ. Мы знаемъ уже, что такъ-называемый красный снѣгъ Арктическихъ и Альпійскихъ странъ есть микроскопическій организмъ, состоящій изъ одной кѣлочки и растущій на снѣгу. Облачная или туманная пыль, затмѣвающая атмосферу обширныхъ Сѣверо-Американскихъ лѣсовъ и переносимая далеко черезъ моря, какъ доказано, есть не что иное, какъ плодотворная пыль растений; отъ нее происходятъ *пыльные дожди*. Дарестъ, изслѣдовавъ микроскопически пыль такого рода, упавшую изъ облака въ Шангаѣ, нашелъ, что она состояла изъ споръ нитчатко-подобнаго растенія, вѣроятно, *Trichodesmium erithrosium*, которое растетъ въ Китайскихъ моряхъ и сообщаетъ имъ особенный цвѣтъ. Вблизи отъ Зеленаго мыса палубы кораблей покрылись од-

нажды тончайшею пылью, въ которой микроскопъ Эренберга открылъ маленькіе организмы, преимущественно двураздѣлковыхъ (Diatomeae). Образчикъ, взятый на кораблѣ въ 500 миляхъ отъ береговъ Африки, представилъ Эренбергу многочисленныя виды двухраздѣлковыхъ прѣсноводныхъ и морскихъ, чрезвычайно сходныхъ съ формами этихъ организмовъ, встрѣчающимися въ южной Африкѣ; извѣстны многіе другіе примѣры такого-же рода. Но здѣсь, какъ и въ другихъ скопленіяхъ наблюденій этого неутонимаго микроскописта, его заключенія не въ той степени удовлетворительны, въ какой хороши самыя наблюденія. Эренбергъ разбираетъ вопросъ, не имѣютъ-ли организмы способности заражаться въ атмосферѣ. Онъ думаетъ, что невозможно приписать пыльные дожди ни минеральнымъ веществамъ земной поверхности, ни массамъ пыли, носящимся въ небесномъ пространствѣ, и полагаетъ, что здѣсь обнаруживается общій законъ, связанный съ составомъ нашей атмосферы,—законъ, по которому въ средѣ воздуха совершается произвольное зарожденіе живыхъ организмовъ, имѣющихъ, по его догадкамъ, нѣкоторую связь съ метеоролитами или періодическими аэролитами. Приверженцы послѣдовательнаго развитія могутъ разсматривать это, какъ первый шагъ въ ряду восходящихъ превращеній; но безпристрастный наблюдатель увидитъ въ смѣлой гипотезѣ Берлинскаго ученаго только побужденіе къ болѣе тщательному и правильному наблюденію атмосферныхъ организмовъ. Нѣкоторыя недавнія наблюденія ясно показали, что по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ пыльныхъ дождей имѣютъ происхожденіе несогласное со взглядами Эренберга. Вспомнимъ извѣстіе Муррая (Англійскаго посланника въ Персіи), который подробно описалъ облако тончайшей красной пыли, помрачившее атмосферу Багдада и наполнившее ужасомъ этотъ городъ. Образчикъ этой пыли, привезенный Мурраемъ, былъ изслѣдованъ Кеккетомъ, который нашелъ въ немъ только неорганическія частицы, напр. мелкій кварцовый песокъ безъ малѣйшаго слѣда двухраздѣлковыхъ или какого-нибудь другаго органическаго вещества. Лоусонъ получилъ такой-же результатъ при изслѣдованіи вещества изъ дожда мокрой пыли или грязи, упавшаго въ Корфу въ мартѣ 1857 г. Пыль состояла по большей части изъ мелкихъ и угловатыхъ частицъ кварцоваго песка. Вотъ поприще для микроскопистовъ, на которомъ, вѣроятно, самыя любопытныя результаты будутъ наградою настойчивыхъ изслѣдованій».

Затѣмъ Оуэнъ коснулся ботанической географіи и снова переходитъ къ зоологіи.

«Органическая жизнь въ моряхъ гораздо болѣе развита и болѣе разнообразна въ животной, чѣмъ въ растительной формѣ. Наблюденія надъ морскими животными и ихъ мѣстонахожденіемъ повели къ попыткамъ обобщенія результатовъ, и формы, въ которыхъ выразились эти обобщенія или законы географическаго распространенія, совершенно подобны тѣмъ, которыя употребляются въ отношеніи къ растительному царству, столь-же разнообразному на сушѣ, какъ животное царство въ морѣ. Самая любимая форма распредѣленія морской жизни та, которая подобна распредѣленію растений по высотѣ. Э. Форбесъ выразилъ ее, разграничивъ пять батометрическихъ поясовъ или областей глубины; эти поясы суть: 1) береговой, 2) близбереговой, 3) срединный, 4) подсрединный, 5) глубочайшій. Формы жизни измѣняются въ этихъ пяти слояхъ смотря по свойству морскаго дна, и видоизмѣняются по тѣмъ первоначальнымъ и творческимъ законамъ, которыми созданы соотвѣтствующіе виды въ дальнихъ мѣстностяхъ при одинаковыхъ физическихъ условіяхъ, виды близкіе по своей аналогіи. Натуралистамъ остается еще много наблюдать и изучать въ разныхъ частяхъ земнаго шара, прежде чѣмъ они построятъ полную теорію; но при послѣдовательномъ приближеніи къ этому результату, наблюденіе непремѣнно будутъ часто представлять большой практической интересъ. Какая-нибудь раковина, или морская трава, изслѣдованная съ точностію въ отношеніи къ глубинѣ, можетъ представить полезныя указанія и драгоцѣнныя свѣдѣнія для мореплавателя. Что касается до геолога, то распредѣленіе жизни въ моряхъ по поясамъ глубины даетъ ему точку исхода для опредѣленія глубины морей, на которой отложились извѣстныя формаціи».

«Еслибы всѣ сухопутныя животныя, какія существуютъ въ настоящее время, произошли изъ одного общаго центра въ ограниченный періодъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, то можно-бы было предполагать, что удаленіе ихъ настоящихъ мѣстонахожденій отъ этого идеальнаго центра находится въ извѣстной зависимости отъ различной способности ихъ къ перемѣщенію. Что касается до класса птицъ, то можно-бы думать, что тѣ изъ нихъ, которыя лишены способности летать, или тѣ, которыя должны питаться растительностью извѣстной теплой или умѣренной страны, должны быть найдены въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ первона-

чальному центру разсѣянiя въ этихъ широтахъ. Но что-же? не только птицы, но и всѣ другiе классы животныхъ нисколько не подчиняются такому правилу. Четырерукиа представляютъ три главные отдѣла: узконосыхъ и плосконосыхъ обезьянъ и полуобезьянъ; первое семейство свойственно старому свѣту, второе — южной Америкѣ, а что касается до третьяго, то большинство его видовъ и главный его родъ (*Lemur*) исключительно водятся на Мадагаскарѣ. Изъ двадцати-шести извѣстныхъ видовъ лемурныхъ, только шесть видовъ Азиатскихъ и три Африканские».

«Говоря о географическомъ распредѣленiи четырерукихъ, я напомнимъ, какъ ограничено въ-особенности распространенiе orangъ-утановъ и шимпанзе, сравнительно съ космополитическою способностiю человѣческаго рода. Два вида orangъ-утана (*Pithecus*) ограничены островами Борнео и Суматра, два вида шимпанзе (*Troglodytes*) — между тропическимъ поясомъ западной части Африки; они неизмѣнно удерживаются въ этихъ предѣлахъ, кажется, влiянiями климата, обуславливающими соединенiе извѣстныхъ растенiй и спѣванiе извѣстныхъ плодовъ. Климатъ строго опредѣляетъ мѣстообитанiя четырерукихъ по широтѣ. Творческiя и географическiя причины ограничиваютъ его по долготѣ. Отдѣльные роды замѣняютъ взаимно другъ друга въ одинаковыхъ широтахъ стараго и новаго свѣта и также въ весьма значительной степени въ Африкѣ и Азiи. Но превращенiе orangъ-утана въ шимпанзе и обратно, говоря физиологически, есть вещь невозможная».

«Отрядъ двукопытныхъ преимущественно находится въ старомъ свѣтѣ, гдѣ представляетъ сто-шестдесятъ-два хорошо опредѣленные вида, тогда-какъ въ новомъ свѣтѣ найдено только двадцать-четыре вида, и нѣтъ ни одного вида въ Австралiи, Новой-Гвинее, Новой-Зеландiи и на островахъ Полинезiи. Жирафа въ настоящее время принадлежитъ только Африкѣ, кабарга — только Африкѣ и Азiи, и изъ пятидесяти опредѣленныхъ видовъ антилопъ извѣстна только одна въ Америкѣ и нѣтъ ни одной въ центральныхъ и южныхъ странахъ новаго свѣта. Палеонтологiя расширила наши свѣдѣнiя относительно мѣстообитанiя жирафы; она показала, что животныя этого рода блуждали по Азiи и Европѣ въ миоценовую и плiоценовую эпохи. Геологiя указываетъ также на несравненно-большее пространство прежняго обитанiя родовъ лошади и слона, чѣмъ-то, которое въ настоящее время занимаютъ живущiе виды. Живущiе нынѣ лошадиныя и слоновыя животныя,



собственно говоря, водятся только въ старомъ свѣтѣ и слоны только въ Африкѣ и въ Азіи, причѣмъ виды той и другой части свѣта совершенно различны. Лошадь, какъ это замѣчаетъ и Бюффонъ, произвела ужасъ въ туземцахъ Америки, но существовалъ видъ лошади современной мегатерію и мегалониксу, и, вѣроятно, исчезнувшій вмѣстѣ съ ними предъ наступленіемъ человѣческаго періода. Слоны питаются преимущественно листьями деревьевъ; одинъ изъ видовъ находитъ всѣ условія для своего существованія въ богатыхъ лѣсахъ тропической Азіи, другой—въ лѣсахъ тропической Африки. Почему же какой-нибудь третій видъ не могъ-бы жить на-счетъ растительности еще болѣе пышной, орошаемой Ореноко, Эссеквибо, Амазонскою рѣкою и Лаплатою въ тропической Америкѣ? Геологія показываетъ намъ, что по-крайней-мѣрѣ два вида слоновъ: *Mastodon Andium* и *M. Humboldtii*, почерпали нѣкогда свою пищу изъ этого обильнаго источника вмѣстѣ съ большими мегатеріевыми звѣрями. Изъ этого можно заключить, что общее развитіе большихъ лѣсовъ и отсутствіе страшныхъ враговъ составляли главныя условія древняго существованія слоновыхъ на всѣхъ точкахъ земнаго шара. Въ этомъ приложеніи результатовъ палеонтологіи къ семейству слоновъ мы видимъ самыя плодотворныя доказательства того, какъ важна палеонтологія для направленія и расширенія понятій, выводимыхъ изъ современной зоологіи относительно географическихъ предѣловъ животныхъ формъ.

«Такія соображенія, обращенныя къ минувшимъ эпохамъ, подтверждаютъ во многихъ частныхъ случаяхъ выводы зоологовъ, относительно ограниченности и исходной точки обитанія нѣкоторыхъ формъ млекопитающихъ. Совокупность данныхъ, представляемыхъ ископаемымъ Австралійскимъ міромъ, показываетъ, что млекопитающее населеніе этого материка было совершенно таково-же, если не въ плиоценовую, то въ плейстоценовую эпоху, каково оно въ настоящее время, и что оно представляло только, подобно беззубымъ млекопитающимъ южной Америки, болѣе многочисленные роды и виды гораздо болѣе гигантскихъ размѣровъ, чѣмъ существующіе нынѣ».

«Но геологія открыла еще факты болѣе важные и неожиданныя относительно типа сумчатыхъ млекопитающихъ. Въ миоценовыхъ и эоценовыхъ третичныхъ пластахъ нашли сумчатыхъ ископаемыхъ, изъ Американскаго рода *Didelphys*, нашли ихъ во Франціи и въ Англии и притомъ вмѣстѣ съ тапирами, подобными

Американскому тапиру. Въ болѣе древній геологическій періодъ въ верхнемъ оолитѣ острова Пурбека наши остатки сумчатыхъ, изъ нихъ одни насѣкомоядныя, *Spalacotherium* и *Tricopodon*, другія съ зубами, подобными переднимъ кореннымъ Австраійскаго рода *Nurserguthus*. Въ нижнемъ оолитѣ Стонесфильда, въ Оксфордшайрѣ, найдены остатки сумчатыхъ, которые изъ живущихъ родовъ сходны съ Австраійскими *Murgesobius* и *Dasyurus*. Все это доказываетъ, что чѣмъ глубже мы проникаемъ въ землю, или другими словами, чѣмъ раньше беремъ время, тѣмъ болѣе удаляемся отъ настоящихъ законовъ географическаго распространенія. Если сравнить ископаемыхъ млекопитающихъ, найденныхъ въ плейстоценовыхъ и плейоценовыхъ пластахъ Великобританіи, то окажется, что часто нужно обратиться къ Азии и къ Африкѣ, чтобы найти гомологическія формы. Въ миоценовыхъ и въ эоценовыхъ пластахъ встрѣчаются нѣкоторыя ископаемыя, которыя заставляютъ искать своихъ представителей даже въ Америкѣ. Чтобы найти животныхъ, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ ископаемымъ остаткамъ оолитовыхъ формаций Англій, нужно перейти къ антиподамъ. Вотъ факты, которые, безъ сомнѣнія, наводятъ на многія размышленія. Если настоящіе законы географическаго распредѣленія находятся въ большой зависимости отъ настоящей формы и настоящаго положенія материковъ и острововъ, то каково должно быть полное измѣненіе географическаго характера земной поверхности, съ тѣхъ-поръ, какъ сланцы Стонесфильда отложились въ мѣстѣ, называемомъ нынѣ Оксфордшайромъ!»

«Такія и подобныя соображенія относительно географическаго распредѣленія особенныхъ формъ, или отдѣльныхъ группъ животныхъ, должны привести насъ къ мысли, что явленія, касающіяся нынѣшняго распредѣленія суши и морей, недостаточны для того, чтобы привести насъ къ опредѣленію первичныхъ онтологическихъ дѣленій земной поверхности. Последнія попытка, сдѣланная въ этой любопытной области естественной исторіи, имѣла цѣлью опредѣлить, было-ли нѣсколько послѣдовательныхъ твореній животныхъ и растений, и если нѣсколько, то сколько именно. Но я позволю себѣ замѣтить, что открытіе двухъ отдѣловъ земнаго шара, имѣющихъ совершенно различныя формы и фазисы, ни въ какомъ случаѣ не представляетъ достаточнаго основанія, по которому можно заключить о двухъ отдѣльныхъ актахъ творенія. Такое заключеніе, быть можетъ, безсознательно соединено съ пред-

ставленіемъ извѣстнаго историческаго времени творческихъ актовъ; оно предполагаетъ, что отдѣлъ земли, столь тщательно раскопанный ботаниками и зоологами, составляетъ нѣкоторое отдѣльное и первичное твореніе и что его географическія границы и главныя черты вообще остались тѣ-же, какими они были, когда раздалось творческое: *да будетъ*. Но геологія показала, что это вовсе не вѣрно въ-отношеніи къ частямъ обсохшей земли, называемыхъ нынѣ материками и островами. Безчисленныя картины прошлыхъ временъ, озаренныя этою наукою, представляютъ намъ послѣдовательные періоды, въ-теченіе которыхъ относительныя положенія земель и морей постоянно измѣнялись. Въ настоящее время направленія и до нѣкоторой степени формы потопленныхъ земель, соединявшихъ нѣкогда нынѣшній островъ съ материками и даже соединявшихъ нынѣ раздѣленные материкъ, должны быть обозначаемы на географическихъ картахъ, представляющихъ наглядно эти послѣдовательныя измѣненія и превращенія земной поверхности. Эти явленія не позволяютъ намъ оставаться въ убѣжденіи, что напр. *Arterix* Новой-Зеландіи и *Tetrao Scoticus* Англіи суть отдѣльныя творенія, назначенныя именно для этихъ острововъ. Всегда должно помнить, что подь словомъ *твореніе* зоологъ понимаетъ «дѣйствіе, для него совершенно неизвѣстное». Наука еще не опредѣлила второстепенныхъ причинъ которыя дѣйствовали, когда земля была покрыта только травами, приносящими съ-воя свое, и когда воды изводили всякую породу живыхъ существъ. Если даже предположить, что фактъ произвольнаго зарожденія былъ-бы научнымъ образомъ доказанъ для плодоваго дерева или для какой-нибудь рыбы, то и тогда мы все-таки упорно сохраняли-бы мысль, господствующую въ представленіяхъ о твореніи, то-есть, что все это явленіе вполнѣ зависитъ только отъ первой Причины, которой мудрости и всемогуществу мы удивляемся. Такимъ-образомъ, если зоологъ указываетъ на особенное отношеніе между *Tetrao scoticus* и Англіею или Ирландіею (я привожу этотъ примѣръ, какъ одинъ изъ самыхъ общихъ въ географической зоологіи), чтобы показать, что эта птица особенно создана на этихъ островахъ и для этихъ острововъ, то зоологъ этимъ выражаетъ только ту мысль, что онъ *не знаетъ*, какимъ-образомъ эта птица очутилась здѣсь и только здѣсь, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по своему способу выраженія, указываетъ на свое убѣжденіе, что, какъ-бы то ни было, и эта птица и эти острова произошли отъ одной перво-

начальной творческой причины. Такой анализ дѣйствительнаго значенія этой фразы—«отдѣльное твореніе» привелъ меня къ мысли, что если мы пытаемся найти разграниченіе первичныхъ зоологическихъ группъ земнаго шара, то мы не должны касаться той области знанія, которая превосходитъ настоящія наши способности, не должны, по мнѣнію Бакона, искать *кльмыхъ началъ вещей*.

«Въ немногихъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось представить замѣчанія о вѣроятной причинѣ исчезанія вида, я давалъ особенный вѣсъ тѣмъ постепеннымъ измѣненіямъ въ условіяхъ страны, отъ которыхъ зависитъ достаточное и сообразное съ природою обиліе пищи. Равнымъ образомъ, въ самыхъ животныхъ я указывалъ на свойства, по которымъ они сильнѣе подвергаются такимъ разрушительнымъ вліяніямъ. Въ одномъ случаѣ я приложилъ эти замѣчанія къ изъясненію того, что вымерло такое множество большихъ видовъ разныхъ группъ, тогда-какъ маленькіе виды, столь-же древніе, остались. Отъ самого объема и отъ массы тѣла зависитъ трудность борьбы, которую каждое органическое цѣлое должно выдержать противъ внѣшнихъ дѣятелей, постоянно стремящихся разрѣшить жизненный узелъ, покорить живое вещество и подвергнуть его дѣйствию обыкновенныхъ физическихъ и химическихъ силъ. Слѣдовательно всякая переиѣна въ этихъ внѣшнихъ дѣятеляхъ, сообразно съ которыми первоначально былъ устроенъ организмъ даннаго вида, должна непременно въ соответственной степени угрожать существованію этого вида и можетъ быть въ геометрической прогрессіи вмѣстѣ съ увеличеніемъ массы животнаго. Если сухое время года постепенно становится длиннѣе и длиннѣе, то большое млекопитающее будетъ страдать отъ сухости больше. Если это измѣненіе въ климатѣ имѣетъ вліяніе на количество растительной пищи, то травоядное животное большаго роста первое почувствуетъ недостаточность питанія; если являются новые враги, то самыя большія и самыя замѣчательныя млекопитающія и птицы станутъ первыя ихъ жертвою, тогда-какъ маленькіе виды могутъ укрыться и избѣгнуть вреда. Животныя маленькаго роста обыкновенно болѣе плодовиты, чѣмъ тѣ, которыхъ размѣры значительны. Нынѣшнее присутствіе маленькихъ видовъ животныхъ въ странахъ, гдѣ прежде существовали большіе виды того-же семейства, не показываетъ по этому какого-нибудь послѣдовательнаго уменьшенія ихъ роста, а есть результатъ

обстоятельствъ, напоминающихъ басню *Дубъ и трость*: маленькіе виды согнулись и приспособились къ переменамъ, истребившимъ большіе виды. Безъ всякаго сомнѣнія, типическая форма всякаго вида та, которая наилучше приспособлена къ условіямъ, при которыхъ этотъ видъ существуетъ въ данный моментъ; до-тѣхъ-поръ, пока эти условія остаются неизмѣнными, типъ также остается неизмѣнно тѣмъ-же, такъ-какъ разновидности того-же типа въ той-же степени хуже приспособлены къ окружающимъ условіямъ существованія. Но если эти условія измѣняются, то форма, составляющая разновидность при прежнемъ состояніи вещей; становится въ свою очередь типическою формою вида при новомъ измѣненномъ состояніи. Наблюденіе животныхъ въ ихъ естественномъ состояніи поэтому необходимо для рѣшенія вопроса объ ихъ пластичности или о томъ, до какой степени могутъ идти разновидности. Такимъ образомъ можно найти основанія, чтобы судить о вѣроятности того напр., что упругія связки и членистое строеніе копытной лапы присоединились съ теченіемъ времени къ болѣе простому устройству лапы безъ выпущенныхъ когтей, сообразно съ началомъ послѣдовательныхъ разновидностей, развивавшихся въ-теченіе времени».

«Изученіе ископаемыхъ остатковъ равнымъ образомъ необходимо для того, чтобы найти антетыпы, въ которыхъ могли-бы явиться разновидности, подобныя тѣмъ, какія представляютъ намъ живущіе виды, а отъ которыхъ наконецъ происходятъ столь крайнія формы, какъ напр. жирафа. Законы географическаго распредѣленія растений и животныхъ были видоизмѣнены въ древнія времена геологическими и сопутствующими имъ климатическими перемѣнами, но они несравненно болѣе нарушаются съ-тѣхъ-поръ, какъ появился на землѣ человекъ. Полезныя растения и животныя, перенесенныя имъ съ собою при его переселеніяхъ, стали цвѣсти и размножаться въ странахъ наиболѣе удаленныхъ отъ первоначальнаго мѣстообитанія вида. Человекъ составляетъ также разумную и самую могущественную причину исчезанія видовъ въ историческія времена. Одинъ только онъ, вмѣстѣ съ животнымъ, которое онъ сдѣлалъ домашнимъ, именно собакою, можетъ жить вездѣ. Человѣчскій родъ представляетъ небольшое число рѣзкихъ разновидностей и есть нѣкоторое соотвѣтствіе между мѣстностями, въ которыхъ они обитаютъ, и общими зоологическими областями. Но, что касается до мнимаго соотвѣтствія между геогра-

фическимъ распредѣленіемъ человѣка и животныхъ, которое было проводимо систематически и которое Агасиэ въ сочиненіи Глиддона и Нотта о *племенахъ человеческого рода* положилъ въ основаніе выводовъ о происхожденіи и различіи этихъ племенъ, то можно указать на многіе факты, противорѣчащіе такому абсолютному соотвѣтствію, въ-особенности между низшими животными и растеніями. Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что инстинкты переселенія въ человѣческомъ родѣ были причиною перемѣнъ въ географическомъ распредѣленіи животныхъ, но что низшія формы жизни избѣжали этого вліянія».

#### И. СТРАХОВЪ.

**О КРАХМАЛѢ.** *Исслѣдованія Трекюля* (1). — Съ того времени, какъ іодъ былъ указанъ реактивомъ для крахмала, *Мейенъ*, *Шлейденъ*, *Майенъ* и *Моль* болѣе точнымъ образомъ изучили химическій составъ растительныхъ перепонокъ. Мейенъ первый открылъ, что стѣнки клѣточекъ Исландскаго лишая окрашиваются іодомъ также, какъ и крахмалъ, въ синій цвѣтъ. Шлейденъ нашелъ тоже самое для клѣточекъ зародышей растений: *Schotia latifolia*, *speciosa*, *Hupenaea courbaril*, *Muscina urens* и *Tamarindus indica*. Это заставило его, вмѣстѣ съ *Фогелемъ*, принять для стѣнокъ этихъ клѣточекъ новый составъ, который они назвали *амилоидъ* (*лихенинъ*), тамъ-что въ группѣ крахмальныхъ веществъ различили по-крайней-мѣрѣ три вида: *крахмалъ*, *лихенинъ* и *клетчатка* или *гелинъ* нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ ученыхъ.

*Негели*, въ пространномъ сочиненіи своемъ о крахмалѣ, вышедшемъ недавно, рассматриваетъ крахмалъ съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, смотря по тому, какъ это вещество относится къ іоду, и въ этомъ случаѣ онъ различаетъ: *амилоидъ*, *мезамиллинъ* и *диамиллинъ*; во-вторыхъ, разбухаетъ оно или растворяется въ водѣ, кислотахъ и щелочахъ, и въ этомъ случаѣ онъ принимаетъ *гелинъ*, *медуллинъ* и *личникъ*.

*Трекюль* старается доказать, что нельзя допустить такихъ видовъ крахмала, и что переходы отъ настоящаго крахмала къ клѣтчаткѣ, даже проникнутой посторонними веществами, совершенно не замѣтны. По его мнѣнію, нельзя точнымъ образомъ опредѣ-

(1) Comptes rendus 2 ноября 1858. стр. 685.

лить крахмалъ, допуская два, три или болѣе вида его: потому-что нельзя сказать, что крахмалъ есть бѣлое зернистое вещество, содержащееся въ растительныхъ клѣточкахъ и окрашивающееся въ синій цвѣтъ при прикосновеніи съ іодомъ: ибо 1) крахмалъ не всегда зернистъ; 2) оболочки нѣкоторыхъ клѣточекъ синѣютъ отъ дѣйствія іода; 3) крахмалъ выдѣляется нѣкоторыми животными, особенно насѣкомыми, въ такомъ-же видѣ, какъ и растеніями.

1) Крахмалъ не всегда зернистъ. *Шлейденъ* первый открылъ безформенный крахмалъ въ клѣточкахъ бѣлка *Cardium minus*, корня Ямайской сальсапарелли, и корневища песчаной осоки (*Carex acutata*). Въ 1857 году *Саніо* и *Шенкъ* открыли крахмалъ въ жидкомъ состояніи въ клѣточкахъ кожицы *Gagea lutea* и различныхъ видовъ *Ornithogalum*; *Трежюль* наблюдалъ подобныя-же явленія въ клѣточкахъ коры корня *Aristolochia*. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ крахмальные зерна были довольно велики и отдѣльны другъ отъ друга, въ другихъ зерна были скучены, сдавливали другъ друга и образовали какъ будто одну массу или, лучше сказать, образовались изъ этой массы; въ иныхъ изъ этихъ массъ зеренъ было мало и они были окружены слоемъ слизистаго вида, который окрашивается іодомъ въ синій или фіолетовый цвѣтъ, наконецъ въ сосѣднихъ клѣточкахъ находилось только это слизистое вещество, окрашивающееся іодомъ въ синій цвѣтъ.

2) Перепонки нѣкоторыхъ клѣточекъ синѣютъ, какъ крахмалъ, отъ дѣйствія одного іода. Уже *Мейенъ* и *Шлейденъ* доказали это. Аморфный крахмалъ иногда принимаетъ видъ зеренъ, но эти зерна суть клѣточки, по устройству ихъ стѣнокъ, по ихъ возрастанію, ихъ размноженію и т. д.; поэтому нерационально отличать особеннымъ названіемъ (амилоидъ) вещество этихъ клѣточекъ, которое синѣетъ отъ дѣйствія іода. Притомъ эта способность синѣть наблюдается на всѣхъ степеняхъ растений: *Трежюль* наблюдалъ ее въ слабѣйшей степени, чѣмъ у *Cetraria islandica*, у многихъ явнобрачныхъ, именно у *Ornithogalum pyrenaicum*, *arbonense*, *longibracteatum*, *Scilla autumnalis*, *Jris pseudo-Acorus*, *sibirica* и пр., *Tulipa sylvestris*, *Moraea iriditoides*, *Agrophis campanulata* и пр., *Hyacinthus orientalis*, *Uropetalum serotinum*, *Gladiolus psittacinus*, *Muscari racemosum*, *Cypella plumbea*, *Scilla amoena* и пр. *Bellevalia romana*, *Polygonatum latifolium* и пр. *Asparagus amarum*, *Libertia paniculata* и пр. и пр. Клѣточки зародыша *Hymenoclea baril* не си-

нѣютъ отъ реактива. Клѣточки зрѣлаго зародыша *Mimusops Kimpel* не синѣютъ отъ непосредственнаго дѣйствія іода; ихъ должно сперва вскипятить въ водѣ, тогда онѣ сначала зеленѣютъ, а потомъ и синѣютъ въ прикосновеніи съ іодомъ. Но въ большей части растений недостаточно и этого предварительнаго кипяченія; необходимо дѣйствіе сѣрной кислоты, которая разрыхляетъ вещество клѣточекъ, раздувая ихъ. Въ этомъ случаѣ можно различить нѣсколько степеней. Въ первомъ возрастѣ перепонки клѣточки совсѣмъ не синѣютъ; разбухая, онѣ остаются безцвѣтными, потому-что въ нихъ не развилась еще клѣтчатка; но нѣсколько позже іодъ и слабая сѣрная кислота сообщаютъ имъ болѣе или менѣе темный индиговый цвѣтъ. Если кислота крѣпка, то перепонки дѣлаются бурыми, прежде нежели посинѣютъ. Чѣмъ старше становятся клѣточки, тѣмъ крѣпче должна быть употреблена сѣрная кислота. Наконецъ въ клѣточкахъ очень старыхъ, или проникнутыхъ посторонними веществами, надобно употреблять растворы ѣдкихъ щелочей. Здѣсь также есть различія: для иныхъ нуженъ слабый растворъ, а для другихъ крѣпкій и долгое кипяченіе. Старое бѣлье изъ конопли или хлопчатой бумаги, равно-какъ писчая бумага, послѣ многихъ промываній, синѣютъ отъ дѣйствія іода также хорошо, какъ и зернистый крахмалъ. Изъ этого видно, что нѣтъ рѣзкой границы между аморфнымъ крахмаломъ и клѣтчаткою.

3) Крахмалъ готовится нѣкоторыми насѣкомыми. Этотъ фактъ былъ указанъ впервые въ 1850 *Добсономъ*, въ Королевскомъ обществѣ Фандименовой земли. Вещество имѣетъ видъ кокона, только составленнаго не изъ шелку, а изъ крахмала. Коконъ имѣетъ полушарообразную форму и бѣлый или желтый цвѣтъ, смотря по видамъ *Psylla*, которые его выдѣляютъ на нижней сторонѣ листьевъ *Eucalyptus*. Вещество, которое его составляетъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько сахара и имѣетъ видъ червеобразныхъ ниточекъ, сплетенныхъ очень красиво. Крѣпкій водяной растворъ іода окрашиваетъ его съ такою силою, что онъ кажется чернымъ, но микроскопическое изслѣдованіе открываетъ въ немъ прекрасный синій цвѣтъ.

«Мнѣ кажется, что изъ этихъ фактовъ, говоритъ г. *Треюль*, слѣдуетъ, что крахмалъ растительнаго или животнаго происхожденія, аморфный или зернистый, что лихенинъ, амилоидъ, мезамилинъ, дизамилинъ и клѣтчатка составляютъ одинъ и тотъ-же



химическій видѣ. Быть можетъ, вмѣсто этихъ видовъ можно допустить нѣсколько разновидностей, смотря по формамъ, въ которыхъ встрѣчается крахмалъ въ природѣ.

Справедливо-ли мнѣніе *Трекелла*, которое мы изложили почти его собственными словами, чтобы насъ не упрекнули въ искаженіи смысла его рѣчи? Мы не можемъ согласиться съ нимъ. Во-первыхъ, въ химіи нѣтъ такихъ родовъ и видовъ, какъ въ зоологіи и ботаникѣ; слѣдовательно, нечего и спорить, будутъ-ли крахмалъ и клѣтчатка виды или разновидности одного и того-же состава, а почти въ этомъ только и состоитъ мнѣніе *Трекюля*. Потомъ, между безформеннымъ крахмаломъ, зернистымъ крахмаломъ и клѣтчаткою есть различія, о которыхъ не упомянулъ г. *Трекюль*. Наконецъ, что между этими степенями одного и того-же химическаго состава есть переходы, въ этомъ никто и не сомнѣвался, точно также, какъ между различными видами другаго органическаго состава.

Намъ кажется, что напрасно думаетъ г. *Трекюль*, будто нельзя опредѣлить точнымъ образомъ крахмалъ, допуская нѣсколько видовъ въ группѣ веществъ, куда принадлежитъ и крахмалъ. Опредѣленіе, которое онъ опровергаетъ, относится только къ крахмалу въ видѣ зеренъ, а не къ клѣтчаткѣ, и не къ аморфному веществу, которое сходно съ крахмаломъ въ томъ, что синѣетъ отъ дѣйствія іода, но отлично отъ него тѣмъ, что теряетъ синій цвѣтъ отъ дѣйствія воды. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ *Несселя*, крахмалъ въ видѣ зеренъ состоитъ изъ клѣтчатки и безформеннаго крахмала или зернистаго вещества (*granulöse*): если держать зерно крахмала довольно долго въ слюнкѣ, то оно теряетъ слюну, дѣлается безцвѣтнымъ и не синѣетъ отъ дѣйствія іода. Слѣдовательно крахмалъ въ видѣ зеренъ есть переходная степень изъ безформеннаго жидкаго вещества въ клѣтчатку.

Что крахмалъ выдѣляется не только растеніями, но и животными, нисколько не служитъ доказательствомъ, что крахмалъ и клѣтчатка разновидности, а не виды одного и того-же состава.

Далѣе *Трекюль* представлялъ изслѣдованія о развитіи крахмала въ видѣ зеренъ (2), которые доказываютъ, что это вещество образуется или 1) въ протоплазмѣ, или 2) на поверхности ядра, или 3) внутри ядра клѣточки.

---

(2) *Comptes rendus* 15 ноября 1858 стр. 782.

Первый случай встрѣчается чаще всего и представляет нѣкоторыя видоизмѣненія, изъ которыхъ онъ излагаетъ главныя. У нѣкоторыхъ растений слой протоплазмы довольно толстъ; онъ растетъ и дѣлается еще толще, при чемъ почти весь превращается въ мелкія зерна, которыя вскорѣ послѣ своего появленія начинаютъ снѣтъ отъ дѣйствія іода (бѣлокъ *Mirabilis Jalappa*, *Melissa altissima* и пр.). Когда этотъ слой менѣ развитъ, онъ производитъ зерна, которыя рано упадаютъ въ полость клѣточки и тамъ растутъ (бѣлокъ *Scirpus sylvestris*, *Betia Galeotiana*, молодые клубни картофеля). У иныхъ растений слой протоплазмы бываетъ до того тонокъ, что, кажется, находится только первичный мѣшечекъ; тогда этотъ слой растетъ замѣтнымъ образомъ. Онъ утолщается въ извѣстныхъ мѣстахъ, на которыхъ происходятъ возвышенія буроватаго, желтаго или зеленаго цвѣта. Одна изъ замѣчательныхъ формъ развитія наблюдается у маревыхъ, амарантовыхъ, гвоздичныхъ, портулаковыхъ и пр. Вокругъ полости клѣточки на ея внутреннихъ стѣнкахъ вырастаютъ массы мягкаго вещества, которыя покрываютъ или всю внутреннюю поверхность клѣточки, или только часть ея. Если растительность дѣятельна, то образующіяся возвышенія бываютъ значительнаго объема, или занимаютъ большія пространства и составляютъ толстые слои. Вещество, изъ котораго образуются эти наросты, какова-бы ни была ихъ величина, сначала безцвѣтно и однообразно; но вскорѣ оно дѣлается буроватымъ и образуетъ зерна. Если возвышенія не занимаютъ большаго пространства, то они, выростая, дѣлаются шарообразными и отдѣляются отъ стѣнокъ клѣточки (*Phytolacca esculenta*, *Silene fimbriata*, *Rivina laevis*, *Blitum capitatum*, *Beta vulgaris* и пр.). Когда-же это вещество, не прерываясь, занимаетъ значительное пространство, то оно раздѣляется на различное число частей, которыя дѣлаются свободными шариками въ полости клѣточки (*Amaranthus sylvestris*, *graecisans*, *Obione sibirica*, *Portulaca oleracea* и пр.). Въ другой разъ, когда образовавшіяся массы не такъ велики, онѣ отдѣляются отъ стѣнокъ, не раздѣляясь, и разрываются уже въ полости клѣточки на тѣла шарообразной, яйцевидной, веретенообразной или цилиндрической формы. Эти послѣднія вначалѣ состоятъ изъ слизи, но вскорѣ, даже почти въ моментъ ихъ освобожденія, можно замѣтить, что онѣ дѣлаются мелкозернистыми; и хотя на нихъ нѣтъ оболочки, однакожь крупинки не распадаются и производятъ сложныя или сборныя зерна

часто большого объема. Въ зрѣлости плода такія сложныя зерна обыкновенно бываютъ смѣшаны съ отдѣльными зернышками, которыя или произошли отъ распадѣнія сложныхъ зеренъ, или въ большей части случаевъ, напр. у злаковъ, образовались непосредственно изъ слоя протоплазмы. У нѣкоторыхъ растеній этого семейства, какъ напр. у *Festuca unioloides*, изъ этого слоя сборныя зерна происходятъ вмѣстѣ съ простыми. Но не у всѣхъ растеній этого семейства сложныя зерна происходятъ изъ слоя протоплазмы, у многихъ онѣ образуются впоследствии, образовавшись простыми и размножаясь на-подобіе клѣточекъ, напр. у *Avena*, *Arenatherum* и пр.).

Въ зародышѣ *Phaseolus vulgaris*, *Vicia pisiformis*, въ околоплодникѣ *Cytisus Laburnum* и пр. простые зерна зачинаются также въ протоплазматическомъ слое маленькими возвышеніями, имѣющими видъ ячменнаго зерна, но окрашенными въ зеленый цвѣтъ. Эти зеленыя зерна отдѣляются отъ стѣнокъ и продолжаютъ развиваться внутри клѣточекъ; въ очень молодомъ состояніи они одѣты перепонкою, которая не окрашивается отъ дѣйствія йода, между-тѣмъ-какъ ихъ содержаніе принимаетъ прекрасный синий цвѣтъ. Это явленіе въ-особенности хорошо видно у *Phaseolus vulgaris* и *Vicia pisiformis*. У *Lathyrus ensifolius* эти пузырьки наполнены крахмальнымъ веществомъ совершенно, а у другихъ растеній въ нихъ находилась одна или двѣ крахмалинки, занимавшія очень небольшую часть полости этихъ пузырьковъ. Этотъ фактъ, по мнѣнію *Треюля*, доказываетъ, что эти пузырьки имѣютъ природу хлорофила. То-же явленіе встрѣчается въ молодыхъ корневищахъ *Turpa*, въ плодахъ *Cucurbita Pepo* var. *coloquinella*. Въ этихъ плодахъ, въ моментъ появленія крахмала, подъ желтою частію пузырьки заключали по одной или по двѣ мелкіе крупинки крахмала, а подъ зеленою частію они были такъ наполнены крахмаломъ, что на нихъ нельзя замѣтить оболочки.

Производя зерна крахмала на поверхности клѣточки, протоплазма простирается иногда и внутрь ея полости, гдѣ она расплывается; тогда шарики крахмала появляются свободными внутри полости клѣточки.

Въ клѣточкахъ бѣлка *Euph. spinosus* протоплазма имѣетъ видъ лучей, идущихъ отъ ядра къ поверхности; какъ въ этихъ лучахъ, такъ и въ протоплазмѣ, окружающей ядро, развиваются многочисленные шарики крахмала. У другихъ растеній крахмаль обра-

зуются преимущественно или исключительно около ядра, которое, по видимому, способствует его питанію (сложныя зерна въ бѣлкѣ *Tradescantia subaspera*, и др., *Arum italicum, vulgare*, въ стеблѣ *Vanilla planifolia*, поворотъ простыхъ зеренъ *Zea Mais*, въ клубняхъ *Orchis latifolia* и пр., во внутренней оболочкѣ сѣмень *Ricinus communis* и пр.) начинаютъ образоваться обыкновенно вокругъ ядра. У нѣкоторыхъ растеній этой группы развитіе начинается сначала въ небольшомъ количествѣ протоплазмы, окружающей ядро (*Arum, Orchis*); у другихъ оно кажется выдѣленіемъ ядра. *Мюллеръ* и *Кеекетъ* (*Quekett*) допускаютъ, первый, что крахмалъ, а второй, что крахмалъ и хлорофилъ происходятъ всегда изъ ядра. *Гри* того-же мнѣнія о хлорофилѣ. Вотъ, что происходитъ въ стеблѣ *Vanilla planifolia*, по наблюденіямъ *Трежю.л.* Когда ядро принимаетъ видъ пузырька, то на окружности его появляется множество зернышекъ, которыя кажутся выходящими изъ него. Позже можно убѣдиться, что они дѣйствительно выходятъ оттуда: потому-что внутренняя поверхность перепонки ядра покрыта маленькими зернышками полушарообразной формы, а въ другихъ ядрахъ и цѣлыми шариками. Потому эти шарики выступаютъ какъ съ внутренней, такъ и съ наружной поверхности пузырька. Такъ-какъ они прозрачны, то и похожи на капли, проходящія сквозь оболочку пузырька. После того съ внутренней поверхности, гдѣ были шарики, остается пустое пространство, а шарики являются вполне на наружной поверхности и потомъ оставляютъ ее и плаваютъ свободно въ полости клѣточки. Наконецъ на ядрахъ, болѣе старыхъ, замѣчаютъ шарики, которые окрашены въ зеленый цвѣтъ въ клѣточкахъ, лежащихъ близъ наружной поверхности стебля, и безцвѣтные — въ клѣточкахъ, ближайшихъ къ центру его. Эти зерна, въ началѣ простыя, дѣлаются впоследствии сложными и только тогда отодвигаются отъ ядра. И зеленныя и безцвѣтныя зерна синѣютъ отъ дѣйствія іода.

Во многихъ другихъ растеніяхъ замѣчается то-же самое. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи *омела* (*Viscum album*). Въ клѣточкахъ ея молодыхъ вѣтвей ядро окружено зернышками изъ мягкаго вещества, шарообразной, продолговатой или вилообразной формы. Тѣ, которыя еще приложены къ поверхности ядра, кажутся выходящими изъ него; они кромѣ-того замѣчательны по своему возрастанію, обнаруживающемуся дѣленіемъ продолговатыхъ зернышекъ. Подобныя-же зернышки развиваются и изъ перифериче

своей протоплазмы. Тѣ и другіе безцвѣтны или блѣдно-желтаго цвѣта и не синѣютъ отъ дѣйствія іода въ началѣ своего развитія; но позже онѣ окрашиваются іодомъ въ фіолетовый, а потомъ и въ синій цвѣтъ. Подобное-же полужидкое вещество *Треколл* наблюдалъ и въ зародышѣ *Lathyrus latifolius* и пр.

Всѣ эти факты, по мнѣнію *Треколла*, доказываютъ, что зерна крахмала въ началѣ своего развитія бываютъ жидки или по-крайней-мѣрѣ состоятъ изъ мягкаго вещества.

Аморфный крахмалъ, являющійся въ растворѣ въ кѣлочкахъ кожицы *Oenothera* и проч., по мнѣнію *Треколла*, состоитъ изъ слизистаго вещества, подобнаго предыдущему, и сохраняетъ эту форму, не обращаясь въ зерна. Въ корняхъ *Aristolochia* этотъ аморфный слой утолщается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отчего происходятъ полусферообразныя возвышенія, соединенныя своими основаніями, которыя, разъединяясь, получаютъ шаровидную форму, послѣ чего не остается слѣда первоначальнаго слизистаго слоя крахмала.

Самыя лучшіе примѣры ядра, наполненнаго крахмаломъ, находятъ въ околоплодникѣ *Tradescantia subaspera* и въ бѣлкѣ *Euph. zryposus*. Въ околоплодникѣ традесканціи, ядра наполнены зернышками, большая часть которыхъ окрашивается іодомъ въ желтый цвѣтъ, но нѣкоторыя также и въ синій. Въ бѣлкѣ *Euph.* зернышки, заключенныя въ ядрѣ, синѣютъ, начиная съ поверхности, т. е. наружныя синѣютъ отъ іода, между-тѣмъ-какъ внутреннія еще желтѣютъ.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ наблюденія *Треколла* согласны съ наблюденіями *Реселя*; изложенными въ его классическомъ сочиненіи о крахмалѣ; сочиненія этого намъ еще не удалось прочесть. Но мы вскорѣ надѣемся познакомить съ ними нашихъ читателей.

**МНЕНІЕ РУРИХТА ОБЪ ОПЫТАХЪ РИГЕЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПАРТИКОГЕНЕЗА РАСТЕНІЙ (3).** — Мы говорили объ опытахъ г. *Реселя* надъ цпинатомъ и волѣской (4); теперь г. *Ресель* представилъ въ Императорскую С. Петербургскую академію наукъ мемуаръ о своихъ опытахъ надъ коноплею, на основаніи которыхъ онъ от-

(3) *Bullet. de la cl. ph.-math. de l'acad. impér. des sc. de St. Pétersbourg. Tome XVII № 26.*

(4) *Ж. м. н. пр. декабрь 1858, отд. VII, статья: Мнѣніе Реселя о партикогенезѣ растеній.*

вергает партеногенезисъ и въ этомъ растеніи. Г. Рупрехтъ въ своемъ донесеніи академіи объ этомъ мемуарѣ, хотя и не защищаетъ партеногенезиса, приводя примѣры различнаго рода оплодотвореній во всемъ растительномъ мірѣ, но весьма справедливо замѣчаетъ, что опыты г. Ресля недостаточны для убѣжденія защитниковъ этого явленія потому: 1) что при этихъ опытахъ растенія находились въ неестественныхъ условіяхъ, что они были слишкомъ сильно обрѣзываемы, и потому не могли образовывать сѣменъ посредствомъ партеногенезиса; 2) что при противномъ опытѣ, т. е. когда конопля не была обрѣзана и росла на открытомъ окнѣ, получалось немного сѣменъ, которыя, можетъ быть, не содержатъ въ себѣ зародыша и не могутъ проростать; 3) образование сѣменъ безъ оплодотворенія осталось возможнымъ, еслибы взято было болѣе значительное число экземпляровъ для опыта; 4) наконецъ, что другіе экспериментаторы получили удовлетворительныя доказательства существованія партеногенезиса въ тѣхъ-же растеніяхъ; 5) г. Ресль устраняетъ и не разсматриваетъ, правда, во многихъ обстоятельствахъ еще необъясненныя явленія партеногенезиса у Цѣлобогинны и *Sorosea*; 6) наконецъ, допустивъ, что въ случаяхъ, изслѣдованныхъ Реслемъ, партеногенезисъ не существуетъ, мы можемъ сказать, что десять отрицательныхъ результатовъ ничего не значатъ противъ одного вѣрнаго положительнаго результата, полученнаго со всею предусмотрительностью, что его опыты доказываютъ только рѣдкость партеногенезиса. Поэтому, для рѣшенія этого современнаго вопроса, необходимы многочисленныя опыты въ противоположномъ направленіи.

Въ заключеніе приведемъ факты, говорящіе противъ партеногенезиса и находящіеся въ донесеніи ученаго академика: 1) въ самомъ лучшемъ случаѣ, приводимомъ для доказательства партеногенезиса, именно у цѣлобогинны, многое существенное, именно моментъ оплодотворенія и цвѣтеніе не были наблюдаемы (мы уже говорили о пыльникѣ цвѣтени, которую видѣлъ Ал. Браунъ на рыльцѣ цѣлобогинны). 2) У сравнительно безконечно-большаго числа явнобранныхъ растеній *необходимость оплодотворенія цвѣтенью для образованія зародыша* не только вѣроятна, но и доказана самыми точными опытами. Даже это имѣетъ мѣсто и для морскихъ явнобранныхъ растеній, у которыхъ цвѣтень имѣетъ строеніе, уклоняющееся отъ обыкновеннаго, какъ напр. у *Zosteraceae*: это доказываетъ случай, описанный и изображенный на рисункѣ до-

стопочтеннымъ академикомъ у *Phyllospadix*, гдѣ плоды отдѣльны и гдѣ безъ оплодотворенія хотя и образуются *сѣмена* и въ нихъ *блѣсокъ*, но *зародышъ* не развивается. То-же самое происходитъ и въ *цикадовыхъ* нашихъ *оранжерей*, какъ это описалъ *Ресель* въ своей *Gartenflora*, въ 1857 году, и какъ это было извѣстно уже давно многимъ изъ здѣшнихъ ботаниковъ. 3) Даже у высшихъ *тайнобрачныхъ*, у которыхъ *зародышъ* происходитъ въ *маточникъ* (*Archegonium*), гдѣ отправление *пыльника* имѣетъ совсѣмъ другой органъ, *оплодотвореніе* есть *неизбѣжное условіе* для образованія *зародыша*, какъ это доказано не только для *двудомныхъ* *мховъ* (именно *Encalypta stretocarpa*), но также и для *Selaginella* и *Marsilia Готтмейстеромъ*. Еще болѣе: у *Phuceae* оплодотвореніе *актнорозодами* необходимо для способности проростанія *большихъ* *неподвижныхъ* споръ *Fucus* и близкихъ родовъ, какъ это доказалъ *Тюре*.

**ГОНОДИИ ГРИБОВЪ.** *Изслѣдованія Цабеля* (5). — Число различныхъ органовъ размноженія грибовъ увеличено *Байлемъ* (*Flora* 1857, стр. 447): онъ къ спорамъ, стилоспорамъ, сперматіямъ и конидіямъ присоединилъ еще гонидіи. Последнія образуются свободно въ нитяхъ *плѣсени* и найдены ими въ родѣ *Mucog*. Молодой нашъ ученый г. *Цабель*, начало дѣятельности котораго на поприщѣ знанія мы привѣтствуемъ отъ всей души, занялся изслѣдованіемъ этихъ органовъ въ *плѣсени Mucog musedo* и нашелъ, что они какъ въ формѣ, такъ и въ расположеніи въ *гифахъ*, не представляютъ никакой правильности. Они имѣютъ по большей части овальную форму, но часто также круглую и даже неправильную, и бываютъ расположены въ нитяхъ или поодиначкѣ въ различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, или такъ сближены, что почти касаются одна другой и тогда весьма похожи на органы грибка *Graphium penicilloides Cord.*, изображенные *Унгеромъ* и названные имъ *выводными клѣточками* (*Bot. Zeit.* 1847 г., стр. 249). Иной разъ ихъ до того много къ *гифахъ*, что нить въ томъ мѣстѣ, гдѣ они лежатъ, бываетъ раздута. *Байль* уже наблюдалъ отчасти развитіе этихъ гонидій: онъ видѣлъ, какъ онѣ проростаютъ и образуютъ ростки, похожіе на *Нормисциумъ*, и какъ нити, происходящія при проростаніи, сбрасывали съ себя кожу, какъ-бы линяли. Г. *Цабель*

(5) *Bullet. de l'ac. impér. de St. Pétersbourg. Tome XVII. № 23.*

заставляя проростать эти гонидии сначала в чистой воде на предметном стекле. Они хотя развивались, но слабо, по недостатку органической пищи: они представляли в этом случае нити с весьма тонкими разветвлениями, наполненными водянистым содержанием. Но, зная из опыта, что раствор сахара значительно способствует развитию плесени, г. Цабель заставляя их расти в сахарном сиропе и достиг своей цели.

При прорастании в таком сиропе, гонидии по большей части увеличивались в объеме, принимали часто шарообразную форму и разрывали одвѣваюція их нити грибка; но иногда не перемѣняли при этом ни своей формы, ни своей величины. Хотя г. Цабель не наблюдал их линянїя, какъ Байль, но видѣлъ явленіе, нѣсколько похожее на то. Гонидии, значительно увеличившіяся в объемѣ, но не пустившія еще ростковъ, образуютъ подъ своею оболочкою новую; наружная оболочка отстаетъ отъ внутренней и лопается, послѣ чего гонидія или совсѣмъ или отчасти выходитъ изъ нея. Результатъ первой степени развитія есть свѣтлая разорванная оболочка, изъ которой выходитъ вторая оболочка, разрывающаяся отъ подобнаго-же процесса второй степени развитія; изъ нея выходитъ третья подобная-же оболочка, гдѣ лежитъ уже гонидія, а все вмѣстѣ представляетъ видъ, очень похожій на многокамерную раковину головоногихъ.

Но это явленіе, кажется, есть слѣдствіе недостаточнаго питанія, потому-что вначалѣ гонидии проросли безъ сбрасыванія наружной оболочки, начали-же сбрасывать ее послѣ того, какъ развитіе нѣкоторыхъ изъ нихъ совершилось, слѣдовательно послѣ того, какъ питательныя вещества уже были отчасти истреблены. Назначеніе гонидій состоитъ в томъ, чтобы образовать головки споръ, слѣдовательно они служатъ непосредственно для размноженія грибовъ, потому-что нити, развившіяся при проростаніи, достигаютъ до того, что въ нихъ образуются споры. Такъ-какъ питаніе грибка сахарнымъ сиропомъ недостаточно, то и все развитіе нельзя было назвать сильнымъ: нити грибка были тонки и бѣдны зернистымъ содержаніемъ; головки споръ малы и заключали въ себѣ немного споры; но споры были нормальной величины и не зависѣли отъ малости сумочекъ.

По причинѣ свободнаго образованія споръ и по ихъ физиологической роли, ихъ можно сравнить съ подвижными крупинками водорослей; но гонидии лишены всякаго движенія; они выходятъ



изъ оболочекъ чисто-механическимъ образомъ. *Mucor muscedo* принадлежитъ къ тѣмъ грибкамъ, которые отъ дѣйствія юда и подвой сѣрной кислоты окрашиваются, какъ и Репоповрога въ вишне-красный цвѣтъ и, слѣдовательно, обнаруживаютъ въ своемъ составѣ клетчатку.

Что касается до видовъ *Mucor*, установленныхъ *Фрезеніусомъ* (*Beiträge zur Mycologie*. 1853) и основанныхъ на способѣ ихъ развѣтвленія, то, по наблюдениямъ г. *Цабеля*, признаки эти не могутъ быть приняты для различенія видовъ: потому-что этотъ грибокъ, какъ и всякая другая плѣсень, не имѣетъ ни определенной толщины, ни определенной длины нитей, ни опредѣленнаго развѣтвленія, ни постоянного присутствія, или отсутствія въ нитяхъ перегородокъ; а напротивъ, представляетъ въ этомъ отношеніи всѣ переходныя степени; даже величина сумочекъ и ихъ черныи цвѣтъ непостоянны, а зависятъ отъ рода пищи, потому-что плоды, происшедшіе отъ развитія гонидій въ сахарномъ сиропѣ, были безцвѣтны и прозрачны, хотя гонидіи были взяты отъ настоящаго типическаго *Mucor muscedo*.

Основываясь на способѣ развѣтвленія, г. *Цабель* могъ-бы отдѣлить новый видъ *Mucor unibellatus*, потому-что вѣтви въ немъ выходятъ въ видѣ зонтика, и плоды его совершенно чернаго цвѣта; но это не будетъ видъ, потому-что онъ многими переходными формами примыкаетъ къ *Mucor muscedo*. Эту форму г. *Цабель* наблюдалъ на гниломъ персикѣ; она интересна еще въ томъ отношеніи, что та-же нить, которая, конически расширяясь, на расширенномъ концѣ давала изъ себя вѣтви съ плодами въ видѣ зонтика, почти непосредственно надъ этими вѣтвями переходила въ большее число тонкихъ нитей, которыя, неправильно развѣтвляясь и переплетаясь между собою, образовали рыхлый клубокъ, окруженный вѣтвями, приносящими плоды. Здѣсь излишекъ питанія произвелъ не только сильное развитіе во всѣхъ частяхъ грибка, но и образованіе излишнихъ растительныхъ частей.

Д. ШИХАНОВЪ.

## II.

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

**ГОРЖИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.** — 12 января Императорскій Московскій университетъ праздновалъ 104-ю годовщину своего существованія. На этотъ праздникъ собрались, сначала въ церковь университета, потомъ въ актовую залу, кромѣ начальствующихъ лицъ, членовъ университета и студентовъ, многія почетныя особы и многочисленныя любители наукъ. Актъ начался рѣчью, произнесенною профессоромъ *Θ. И. Буслевымъ*: «О народной поэзіи въ древне-Русской литературѣ». Затѣмъ профессоръ *А. С. Ериновъ* прочелъ рѣчь: «О значеніи механическаго искусства и о состояніи его въ Россіи». Актъ заключенъ чтеніемъ краткаго отчета о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета за истекшій 1858 годъ, раздачею золотыхъ и серебряныхъ медалей студентамъ за лучшія сочиненія на заданныя темы. Сообщаемъ извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета за 1858 годъ. Разрѣшено Московскому университету приобрѣсти отъ орд. проф. д. с. с. *Овера* анатомико-патологическій кабинетъ, содержащій въ себѣ 526 препаратовъ, за 12 тысячъ руб., изъ процентовъ-же съ означеннаго капитала, согласно желанію профессора Овера, учредить при Московскомъ университетѣ три равныя стипендіи, съ наименованіемъ двухъ изъ нихъ стипендіями профессора Овера, и одной—стипендіею Мудрова, съ предоставленіемъ права назначенія на оныя стипендіатовъ медицинскому факультету Московскаго университета. Изъ 327 человекъ, допущенныхъ къ испытанію въ студенты, 162 признаны способными слушать профессорскія лекціи. Безъ экзамена приняты: учениковъ гимназій Московскаго учебнаго округа 123, воспитанниковъ высшихъ и среднихъ заведеній другихъ округовъ 112; сверхъ-того, допущено къ посѣщенію лекцій: стороннихъ слушателей 32, вольныхъ слушателей медицинскаго факультета 7, аптекарскихъ помощниковъ 79 и студентовъ Александровскаго Финляндскаго университета 2. Вообще въ 1858 году находилось

въ университетѣ: профессоровъ и преподавателей 67; учащихся: а) студентовъ 1760, именно: въ историко-филологическомъ факультетѣ 67, въ физико-математическомъ факультетѣ 258, въ юридическомъ факультетѣ 442 и въ медицинскомъ факультетѣ 993; б) стороннихъ слушателей 32; в) вольныхъ слушателей медицинскаго факультета 7; г) аптекарскихъ помощниковъ 79 и д) студентовъ Александровскаго Финляндскаго университета 2, всего 1880. Въ университетѣ преподаются всѣ учебные предметы, входящіе въ составъ каждаго факультета, кромѣ архитектуры, за неизмѣнимъ преподавателя. Учреждены въ историко-филологическомъ факультетѣ двѣ стипендіи В. А. Жуковскаго, составленныя изъ остатковъ отъ добровольныхъ приношеній на сооруженіе ему надгробнаго памятника. Разрѣшено испр. долж. э. ординарнаго профессора *Петрову*, согласно изъявленной имъ готовности, преподавать безмездно Еврейскій, Арабскій и Персидскій языки, для тѣхъ студентовъ, которые пожелаютъ заниматься сими языками. На иждивеніи университета отправленъ за границу, на 2 года, для полного приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ физиологіи и сравнительной анатоміи, докторъ медицины *Эйнбродтъ*. Оставлены при университетѣ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ профессорскому званію: кандидаты — *И. Живою*, *В. Герье*, *А. Веселовскій*, *М. Вольскій*, *В. Цингеръ*, *М. Хандриковъ*, *С.* и *И. Лукьяновы*, и лекаря — *І. Кудрявцевъ* и *А. Полятовскій*. Казеннокоштные студенты и пансіонеры разныхъ вѣдомствъ перемѣщены на вольныя квартиры съ производствомъ, въ видѣ стипендій, отпускаемыхъ на ихъ содержаніе суммъ. Дозволено студентамъ переводить и печатать сочиненія лучшихъ Англійскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ ученыхъ и издавать «Сборникъ» статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, подъ редакціею студентовъ, выбранныхъ по два отъ каждаго факультета, по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи профессора или адъюкта, по принадлежности предмета. По удостоенію факультетовъ, утверждены: въ степени доктора естественныхъ наукъ — *А. Бекетовъ*, въ степени магистра гражданскаго права — *И. Бяляевъ*, политической экономіи и статистики — *С. Муравьевъ*, зоологіи — *А. Богдановъ*, фармаціи — провизоръ *Поржесинскій*; въ степени доктора медицины — *И. Маркузовъ*, *А. Макпеевъ*, *А. Фрезе*, *К. Филипповичъ*, *А. Чижовъ*, *Н. Тольскій* и *К. Соколовъ*. Учебныя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1) въ библіотекѣ 63,624 сочиненія въ 98,685

томахъ; 2) въ физическомъ кабинетѣ 465 инструментовъ и снарядовъ и 7 технологическихъ моделей; 3) въ зоологическомъ кабинетѣ всѣхъ животныхъ и ихъ частей 67,871 экземпляръ; 4) въ кабинетѣ сравнительной анатоміи препаратовъ 1,818; 5) въ астрономической обсерваторіи инструментовъ и снарядовъ 51; 6) въ патологическомъ кабинетѣ: препаратовъ, атласовъ, книгъ и рисунковъ 766; инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій 407; банокъ изъ толстаго стекла съ пришлифованными крышками 409; 7) въ анатомическомъ кабинетѣ препаратовъ 3,563, анатомическихъ инструментовъ и разныхъ вещей 414 и моделей 22; 8) въ десмургическомъ кабинетѣ инструментовъ и другихъ вещей 369; 9) въ сельскохозяйственномъ кабинетѣ 1,970 инструментовъ; растений, образцовъ различныхъ почвъ и другихъ предметовъ. Сверхъ-того, при университетѣ находятся особыя библіотеки: студентская библіотека состоитъ изъ 3,118 сочиненій въ 6,106 томахъ и 30 периодическихъ изданій и библіотека Русской словесности, учрежденная для перваго курса историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ на добровольныя пожертвованія студентовъ, изъ 800 томовъ. Въ терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиникѣ состояло больныхъ 435; изъ нихъ вызд. 338, ум. 41, осталось 56, приходящихъ за совѣтами больныхъ обоюго пола было 4,359 человекъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи больныхъ находилось 234, изъ нихъ вызд. 70, ум. 14, остал. 50; приходящихъ за совѣтами было 2,266 человекъ. Всѣхъ операций сдѣлано 233. Въ акушерскомъ отдѣленіи было 739 беременныхъ, больныхъ женскими болѣзнями 36. Изъ числа 691 родовъ 647 было правильныхъ, а 44 представляли значительныя уклоненія, соотвѣтственно которымъ были произведены различныя акушерскія операціи. Изъ вышесказаннаго числа родовъ, двойничныхъ было 19, такъ-что на 691 родовъ родилось дѣтей 710. Изъ числа роженицъ, заболѣвшихъ было 233, изъ коихъ 205 выздоровѣло, 27 умерло и 1 остается больною. Студенты 4-го класса участвовали въ принятіи младенцевъ при родахъ и при производствахъ операцій, а сверхъ-того упражнялись въ акушерскихъ операціяхъ на фантомахъ. Въ терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники къ началу 1858 года состояло больныхъ 98 человекъ; въ-теченіе года прибыло 1,135 чел. Изъ нихъ вызд. 906, умерло 228, осталось на излеченіи 99 человекъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи къ началу 1858 года больныхъ состояло 100 человекъ, въ-теченіе года прибыло

701 человекъ: въ нихъ вызд. 636, ум. 59, осталось 103 человекъ. Всѣхъ операций, за ислюченіемъ относящихся къ малой хирургіи, произведено 102. Слѣдующіе студенты награждены медалями за лучшія сочиненія на заданныя имъ отъ факультетовъ темы — золотыми: въ историко-филологическомъ факультетѣ—студентъ 4-го курса И. Некрасовъ, въ физико-математическомъ факультетѣ—кандидатъ К. Рачинскій, въ юридическомъ факультетѣ—студентъ 4-го курса В. Цирульниковъ, въ медицинскомъ факультетѣ—студентъ 5-го курса А. Бабухинъ. Кромѣ-того, студентъ историко-филологическаго факультета 4-го курса князь Н. Голицынъ представилъ сочиненіе, которое признано достойнымъ награжденія золотою медалью, но за невѣдѣніемъ таковой по штату награжденъ свидѣтельствомъ на эту медаль. Темы для сочиненій назначены были: въ историко-филологическомъ факультетѣ — «Исторія княжества Псковскаго», въ физико-математическомъ факультетѣ—«Математическая теорія колебанія струны», въ юридическомъ факультетѣ — «О судахъ церковныхъ въ Россіи до Петра Великаго», и въ медицинскомъ факультетѣ — «De strychnino et veratrinio».

**ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.** — Императорскій С. Петербургскій университетъ, 8 февраля, въ присутствіи гг. министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, товарища его Н. А. Муханова, попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делянова и помощника его князя П. П. Вяземскаго, праздновалъ сороковую годовщину существованія своего торжественнымъ публичнымъ актомъ при собраніи университетскаго совѣта и почетныхъ членовъ университета: графа С. Г. Строганова, барона М. А. Корфа, барона Ф. П. фонъ Врангеля и К. И. Арсеньева. Изъ членовъ главнаго правленія училищъ присутствовали П. И. Гасевскій, И. И. Давыдовъ и Н. В. Исаковъ. Въ числѣ любителей просвѣщенія, носѣтввшихъ университетскій актъ, были: преобладающій Филаретъ, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій; г. товарищъ министра юстиціи Д. Н. Замятинъ; сенаторы: Н. М. Гамалья, А. В. Веневитиновъ, Г. К. Рѣпинскій, И. И. Ламанскій; генерал-адъютантъ Ф. И. Тотлебенъ; генерал-лейтенанты Г. Θ. Стефанъ и А. П. Языковъ; почетный опекунъ Г. С. Поповъ; гофмейстеръ князь В. Θ. Одоевскій; дѣйствительные статскіе совѣтники Н. И. Грець, Д. Топчибашевъ, и мн. др. Актъ былъ открытъ

въ часть пополудни, духовною пѣснію: «Днесь благодать святаго Духа насть собра». Затѣмъ ректоръ университета, тайный совѣтникъ П. А. Шлетневъ прочиталъ «Отчетъ о состояніи университета и дѣятельности ученаго его сословія въ 1858 году». Послѣ сего экстраординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ М. М. Стасюловичъ прочелъ написанное имъ для сего случая рѣзсужденіе, подъ заглавіемъ «О руководствѣхъ (Manuale scholarium) студентской жизни въ средніе вѣка». Въ заключеніе прочитаны были назначенныя студентамъ на 1859 годъ задачи для совсканія наградъ медалями и краткіе разборы диссертацій, представленныхъ имъ на темы, данныя въ прошедшемъ году, причемъ за отличившія изъ этихъ сочиненій роздавы медали: золотыя — студентамъ Георгію Лыткину, Александру Ильину, Александру Петерсу, Петру Вильямсу, и серебряныя: Павлу Распопову, Маріану Красновскому и Августу Порешу. Актъ окончился пѣніемъ народнаго гимна «Боже, Царя храни».

**ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.** — 17 февраля, въ С.-Петербургской духовной академіи происходило торжественное собраніе по случаю совершившагося въ тотъ день ея пятидесятилѣтія. Въ 10 часовъ утра въ академической церкви началась божественная литургія, которую совершилъ высокопреосвященнѣйшій Григорій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, присутствовавшій при самомъ открытіи академіи въ 1809 году. Слово на литургіи было произнесено ректоромъ академіи архимандритомъ Сеѣфаномъ. По окончаніи литургіи, отправлено было благодарственное Господу Богу молебствіе, въ которомъ приняли участіе преосвященные архіепископы: Казанскій — Аванасій, Харьковскій — Филаретъ, Тверской епископъ Филовей, протопресвитеры В. Б. Бажановъ и В. И. Кутневичъ. Послѣ многолѣтія Державному Покровителю духовнаго просвѣщенія Государю Императору Александру Николаевичу и всему Августѣйшему Дому, возглаголена была вѣчная память въ Бозѣ почившимъ Государямъ Александру I и Николаю I, подъ покровительствомъ которыхъ академія начала и совершила большую часть своего пятидесятилѣтія. Затѣмъ возглаголено было многолѣтіе св. правительствующему синоду и высокопреосвященнѣйшему митрополиту Григорію, а почившимъ архипастырямъ, преосвященнымъ митрополитамъ Амвросію, Михаилу, Серафиму,

Антонію и Никанору и всѣмъ почившимъ начальникамъ, наставникамъ и воспитанникамъ академіи—вѣчная память. Наконецъ приглашено многолѣтне С.-Петербургской духовной академіи и всѣмъ бывшимъ и настоящимъ ея наставникамъ и воспитанникамъ. Послѣ литургіи всѣ присутствующіе перешли въ залу собранія. Когда воспитанники пропѣли: *Днесь благодать св. Духа насъ собра*, секретарь конференціи орд. профессоръ *Ловякинъ* прочелъ слѣдующій указъ св. снуда, на имя высокопреосвященнѣйшаго митрополита Григорія:

«Его Императорское Величество, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства, г. оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго снуда, Высочайше утвердивъ опредѣленіе святѣйшаго снуда о совершеніи въ С.-Петербургской духовной академіи торжества по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилея, съ тѣмъ вмѣстѣ, согласно ходатайству святѣйшаго снуда, Всемилоствѣйше соизволилъ наградить: ректора академіи архимандрита *Теофана* — орденомъ св. Владимира 3-й степени; ординарнаго профессора, статскаго совѣтника *Карпова* — чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; ординарныхъ профессоровъ: статскаго совѣтника *Луцицкаго* и магистра *Долоцкаго* — орденомъ св. Анны 2-й степени; ординарнаго профессора магистра *Ловякина* — орденомъ св. Анны 3-й степени; ординарнаго профессора, коллежскаго совѣтника *Голубева* — орденомъ св. Станислава 3-й степени; ординарнаго профессора *Мишина* — подаркомъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ въ 400 руб.; бакалавра *Гларіантова* — подаркомъ въ 300 руб. сер.; бакалавра, соборнаго іеромонаха *Діодора* — наперснымъ крестомъ, выдаваемымъ отъ святѣйшаго снуда; членовъ академической конференціи: ректора С.-Петербургской семинаріи архимандрита *Нектарія* и протоіереевъ *Богословскаго*, *Рождественскаго*, *Дебольскаго*, *Колоколова* и *Райковскаго* — изъявленіемъ Монаршаго Его Императорскаго Величества благоволеніе. Кромѣ того святѣйшій правительствующій снудъ, въ ознаменованіе настоящаго дня, удостоилъ: экстраординарнаго профессора академіи *Чистовича* — званія ординарнаго профессора; бакалавра *Чельцова* — званія экстраординарнаго профессора; бакалавровъ: *Предтеченскаго*, *Шалфеева* и *Койловскаго* — единовременной выдачи каждому половинны бакалаврскаго жалованья изъ духовно-учебныхъ капиталовъ; инспектора академіи, архимандрита *Епифанія*, бакалавра, архимандрита *Григорія*, бакалавровъ: *Осипина*, *Нильскаго* и *Пар-*

сова, членовъ академической конференціи: протоіерей *Яхонтова* и священника *Добронравина* и духовника академіи, игумена *Шафнутія* — благословенія святѣйшаго сѹнода; преподавателей: Еврейскаго языка — *Хвольсона* и Англійскаго — *Бишона* и врача академіи *Лебединскаго* — признательности святѣйшаго сѹнода.

По прочтеніи указа, хоръ его высокопреосвященства пропѣлъ церковную пѣснь: *Спаси, Господи, люди Твоя*, по окончаніи которой секретарь конференціи прочиталъ слѣдующее письмо высокопреосвященнаго *Филарета*, митрополита Московскаго, къ его высокопреосвященству *Григорію*, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому:

«Не заслужилъ я такого вниманія, какое ваше высокопреосвященство благоволили оказать мнѣ, и собственнымъ вашимъ словомъ и чрезъ посланника, приглашая меня къ участию въ праздникѣ пятидесятилѣтія вашей академіи.

«Чѣмъ болѣе сіе обязательно, тѣмъ болѣе прискорбно мнѣ, что не могу соотвѣтствовать столь благосклонному призыванію.

«Состояніе моего здоровья еще прежде сдѣлало меня неспособнымъ къ дальнему и скорому путешествію, и особенно такому, которое предлежало-бы теперь въ зимнее время; съ праздника-же Рождества Христова рѣдко позволяло мнѣ выходить изъ дома, для исполненія необходимыхъ обязанностей.

«Впрочемъ, отсутствіе мое не будетъ недостаткомъ на праздникѣ академіи, который присутствіемъ своимъ наполните вы, — еще въ первыхъ лѣтахъ ея наставникъ и руководитель, исполнявшій ее благотворнымъ вліяніемъ.

«Привѣтствую академію; совершившую полвѣка подъ покровительствомъ державной и священной власти, принесшую добрые плоды церкви и отечеству. Господь да продлитъ лѣта ея въ благодати и мирѣ, да умножатся плоды ея, — плоды любви къ истинѣ, яже по благочестію, къ премудрости не міра сего, но Божіей, къ ученію не только знанія, но наипаче къ ученію жизни, наконецъ плоды ревности подвизаться за Православіе и служить спасенію душъ.

«Съ сими мыслями вручаю о. инспектору С. Петербургской академіи икону Божіей Матери, которую прошу поставить въ академической церкви или въ одной изъ аудиторій.»

Послѣ того ордин. профессоръ *Чистовичъ* прочиталъ отчетъ о трудахъ академіи въ прошедшее пятидесятилѣтіе, а ордин. профессоръ *Карповъ* — рѣчь о направленіи и цѣли духовнаго образова-



нія и объ участіи, какое принимаетъ въ немъ С. Петербургская духовная академія. Торжественный праздникъ академіи удостоили своимъ присутствіемъ: Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій; г. министръ народнаго просвѣщенія *Е. Ш. Ковалевскій*; г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, генераль-лейтенантъ графъ *А. Ш. Толстой*; г. Кіевскій генераль-губернаторъ, князь *И. И. Васильчиковъ*; попечители учебныхъ округовъ: С. Петербургскаго — тайный совѣтникъ *И. Д. Деляновъ* и Московскаго — свиты *Е. И. В.* генераль-маіоръ *Н. В. Исаковъ*; ректоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Ш. А. Шлетневъ*, лейбъ-медикъ Двора *Е. И. В.*, тайный совѣтникъ *И. В. Енозмиъ* и другія знатныя особы. Послѣ акта посѣтители приглашены были къ завтраку, который приготовленъ былъ въ жилыхъ студенческихъ комнатахъ, напомнившихъ бывшимъ воспитанникамъ академіи драгоцѣнное время ихъ образованія. Судьбы ихъ раздѣлились. Промыслъ указалъ каждому свой путь и свой жребій; но общія чувства признательности къ воспитавшей ихъ академіи соединили всѣхъ въ одну семью. Пріятно было видѣть старцевъ, которые еще воспитанниками находились при открытіи академіи и которыхъ Промыслъ сохранилъ до ея пятидесятилѣтія. Молодые поколѣнія спорили между собою въ выраженіи единодушнаго уваженія къ своимъ бывшимъ наставникамъ; старшіе радовались, смотря на младшихъ воспитанниковъ, какъ на залогъ просвѣщенія и свидѣтельство трудовъ своихъ. Сколько возбуждено было воспоминаній свѣтлыхъ и пріятныхъ! Сколько выражено надеждъ, отрадныхъ и утѣшительныхъ! Въ эти минуты особенно живо чувствовались и тѣ блага, которыми каждый обязанъ академіи, и то духовное родство, которое соединяетъ неразрывнымъ союзомъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ академіи, не смотря на различіе ихъ внѣшняго положенія. Желая ознаменовать свой праздникъ ученымъ изданіемъ, академія предприняла издать сборникъ статей по разнымъ предметамъ академическаго образованія, съ тѣмъ, чтобы сумма, какая будетъ выручена отъ продажи сего сборника, вмѣстѣ съ суммою, жертвуемою по предложенной подпискѣ бывшими воспитанниками академіи, обращена была въ капиталъ на преміи воспитанникамъ академіи при окончаніи курса за отличныя сочиненія по какой-либо отрасли богословскихъ наукъ, или на приращеніе академической бібліотеки, или, наконецъ, если капиталъ со-

ставится очень значительный, на преміи за ученія и особливо за учебныя сочиненія по разнымъ предметамъ академическаго образованія, написанныя лицами духовнаго вѣдомства и, преимущественно, наставниками академіи. Подъ благотворнымъ охраненіемъ мудраго правительства цвѣти выспій духовный садъ новою славю и плодприноси св. церкви вѣрныхъ служителей, отечеству—преданныхъ сыновъ, престолу—вѣрныхъ подданныхъ. Да будетъ у тебя всегда крѣпкій союзъ православія съ просвѣщеніемъ! Да обрѣтаетъ у тебя всегда наука — надежный пріютъ, ученая доблесть — награду, трудолюбіе — поощреніе и руководство, дарованіе и заслуга — достойное отличіе!

(Дух. беседа).

**ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.** — 21 января 1859 года, подъ предсѣдательствомъ А. С. *Хомякова* и въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ И. М. *Снегирева*, М. П. *Погодина*, П. М. *Строева*, А. Ф. *Томашевскаго*, Н. Ф. *Павлова*, М. А. *Максимовича*, А. Ф. *Вельтмана*, К. С. *Аксакова*, П. А. *Безсонова*, Н. П. *Гилярова-Шатонова*, М. Н. *Лонгинова*, Ф. Б. *Миллера*, С. Д. *Молторацкаго*, С. А. *Соболевскаго*, Н. В. *Сушкова* и В. М. *Ундольскаго*, Общество имѣло свое обыкновенное засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее: 1) Прочтенъ и подписанъ протоколъ втораго засѣданія Общества, бывшаго 10 ноября 1858 года. 2) Д. членъ М. Н. *Лонгиновъ* произнесъ рѣчь, въ которой, выразивъ свою признательность Обществу за избраніе его въ члены, онъ изложилъ свои мысли о значеніи и пользѣ разысканій, касающихся до исторіи Русской литературы въ настоящее время. Положено: рѣчь сію, принятую съ живѣйшимъ удовольствіемъ, напечатать въ будущемъ изданіи Общества и въ *Московскихъ вѣдомостяхъ*. 3) Прочтено письмо д. члена А. В. *Горскаго*, которымъ онъ выражаетъ свою признательность Обществу за избраніе его въ члены. Положено: принять къ свѣдѣнію. 4) Д. членъ А. Ф. *Вельтманъ* представилъ Обществу составленную имъ таблицу Глаголитской азбуки, подробно изъясняющую составъ ея. Положено: поручить д. члену П. А. *Безсонову* разсмотрѣть ее и представить Обществу съ своимъ заключеніемъ. 5) По предложенію г. предсѣдателя, прочтенъ уставъ Общества для руководства и соображенія гг. членовъ при ихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ и дѣйствіяхъ по Обществу. 6) На основаніи §§ 24, 19

и 23 Устава, произведено избраніе въ тѣ должности, которыя оставались еще не замѣщенными, и избраны: казначеимъ и библіотекаремъ Общества—С. А. Соболевскій, временнымъ предсѣдателемъ—М. П. Погодинъ, временнымъ секретаремъ—М. Н. Лонгиновъ, членами пригготовительнаго собранія—Н. Ф. Павловъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. 7) На основаніи §§ 5 и 8 Устава, избраны въ дѣйствительные члены Общества, по предложенію г. предсѣдателя: *Федоръ Ивановичъ Тютчевъ* и *Сергій Михайловичъ Соловьевъ*. Положено: внести имена новоизбранныхъ въ общій списокъ членовъ Общества и изготовить для нихъ дипломы. 8) Д. членъ М. Н. *Лонгиновъ* представилъ въ даръ Обществу книгу своего сочиненія: «Новиковъ и Шварцъ» и еще три брошюры, касающіяся до исторіи Русской литературы новаго времени. Положено: принять съ признательностію и передать въ библіотеку Общества. 9) Секретарь М. А. *Максимовичъ* представилъ въ даръ Обществу отъ Д. Θ. Самарина 27 книгъ, относящихся къ изученію нарѣчій Финновъ и другихъ народовъ, населяющихъ восточную часть государства Россійскаго. Положено: книги сіи, означенныя въ особомъ спискѣ, передать въ библіотеку Общества, а г. Самарину изъявить признательность Общества за сіе приношеніе.

28 января 1859 года, подъ предсѣдательствомъ А. С. *Хомякова* и въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: И. М. *Снегирева*, С. А. *Маслова*, М. П. *Погодина*, С. П. *Шевырева*, Н. Ф. *Павлова*, М. А. *Максимовича*, А. Θ. *Вельтмана*, К. С. *Аксакова*, И. С. *Аксакова*, П. А. *Безсонова*, Н. П. *Гилярова-Платонова*, М. Н. *Каткова*, М. Н. *Лонгинова*, Θ. Б. *Миллера*, С. Д. *Полторацкаго*, С. А. *Соболевскаго*, Н. В. *Сушкова* и В. М. *Удольскаго*, Общество имѣло свое обыкновенное засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее: 1) Прочтенъ и подписанъ протоколъ третьяго засѣданія Общества, бывшаго 21 января 1859 года. 2) Д. членъ С. П. *Шевыревъ* представилъ хранившіяся у него, какъ бывшаго секретаря Общества съ 1837 года: а) двѣ печати Общества, б) дѣла онаго за прежнее время и в) билетъ Московской сохранный казны на имя Общества, отъ 22 августа 1858 г. за № 88,420, на сумму въ 160 р. сер., оставшуюся отъ прежняго времени и выросшую процентами вдвое. Положено: изъявивъ г. Шевыреву признательность Общества, сдать г. секретарю дѣла, которыя и поручить ему привести въ порядокъ, и печати, а г. казначею—билетъ сохранный казны на храненіе. 3) Г. предсѣдатель предложилъ Обществу, для

усиленія денежныхъ средствъ онаго, открыть между гг. членами подписку для единовременныхъ пожертвованій. Положено: открыть подписной листъ у г. секретаря съ тѣмъ, чтобы получаемыя имъ деньги, по мѣрѣ ихъ поступленія, передаваемы имъ были г. казначею. 4) При разсужденіи о выдачѣ, на основаніи § 6 Устава, вновь избраннымъ членамъ дипломовъ и о необходимости имѣть бланки для корреспонденціи Общества, положено: а) поручить г. секретарю озаботиться заготовленіемъ дипломовъ и бланковъ и б) плату за дипломъ установить, впредь съ каждаго члена по 10 р. серебр. 5) При разсужденіи о приведеніи въ извѣстность имущества Общества, постановлено: А) Г. предсѣдателю войти въ сношеніе съ г. ректоромъ Императорскаго Московскаго университета, прося его: а) увѣдомить, какую сумму составляетъ нынѣ учрежденная Обществомъ въ 1821 году стипендія для содержанія недостаточныхъ студентовъ, оказывающихъ значительныя успѣхи въ словесности; б) сообщить, какая сумма требуется въ настоящее время ежегодно для содержанія одного студента, и в) доставить свѣдѣніе о томъ, кто изъ бывшихъ или нынѣ состоящихъ въ университетѣ студентовъ, со времени учрежденія означенной стипендіи, ею пользовался или пользуется, присовокупя къ тому, что въ случаѣ, если въ настоящее время на счетъ упомянутой стипендіи содержится кто-либо изъ студентовъ, то, по выбитіи его изъ университета, ея вспомошествованіе будетъ назначаемо тѣмъ изъ студентовъ, которые будутъ избраны Обществомъ, какъ то было постановлено при учрежденіи стипендіи, въ засѣданіи Общества 29 октября 1821 года. Б) Казначею и бібліотекарю С. А. Соболевскому привести въ извѣстность и порядокъ принадлежація Обществу вещи и книги, составивъ тѣмъ и другимъ описи, а для успѣшнаго исполненія сего порученія войти въ сношеніе съ тѣми изъ служащихъ въ университетѣ лицъ, въ вѣдѣніи коихъ вещи и книги въ настоящее время могутъ находиться. 6) При разсужденіи о возобновленіи въ засѣданіяхъ Общества чтеній, положено: а) чтобы гг. присутствующіе члены заявили Обществу, какія имѣютъ они въ виду произведенія свои для чтеній, и б) чтобы г. предсѣдатель отнесся къ гг. отсутствующимъ членамъ съ просьбою о доставленіи какихъ-либо изъ новыхъ ихъ произведеній, для содѣйствія успѣхамъ Общества. 7) Д. членъ М. П. *Погодинъ* прочелъ записку, въ которой вкратцѣ изложилъ нѣсколько мыслей своихъ о предстоящимъ Обществу задачамъ, разработкою которыхъ оно

можеть принести пользу своимъ членамъ, публикѣ и литературѣ. Положено: а) изъявивъ г. Погодину удовольствіе Общества за сообщеніе сихъ замѣчаній; просить его, согласно собственному его вызову, приготовить къ будущему засѣданію подробное развитіе выраженныхъ имъ мыслей, и б) въ будущее-же засѣданіе заняться рассмотрѣніемъ предположеній, которыя будутъ представлены желающими изъ гг. членовъ, касательно точнаго опредѣленія сущности и характера занятій Общества, сообразно съ современными требованіями науки и литературы. 8) Д. членъ К. С. Аксаковъ прочелъ записку, въ которой предлагаетъ, въ объясненіе § 5 Устава Общества, точное опредѣленіе тѣхъ условій, которыми члены, при предложеніи кандидатовъ, могли-бы руководствоваться. Положено: принять къ свѣдѣнію. 9) На основаніи §§ 5 и 8 Устава Общества, избраны въ дѣйствительные члены онаго: И. И. Срезневскій, М. А. Максимовичъ П. И. Бартоломеевъ, Ф. И. Буслевъ, А. И. Кошелевъ, Г. Е. Щуровскій, Н. Ф. Фомъ-Крузе, графъ Л. Н. Толстой, И. С. Тургеневъ, И. В. Селивановъ, и М. А. Дмитриевъ.

**ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ КАЛУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ.** — 21 декабря 1858 года, Калужская гимназія праздновала торжественный актъ. Въ 12<sup>1/2</sup> часовъ по-полудни всѣ воспитанники гимназіи и благороднаго при ней пансіона собраны были въ актовомъ залѣ. По прибытіи въ залъ его преосвященства *Григорія*, епископа Калужскаго и Боровскаго, въ присутствіи начальника губерніи, Калужскаго губернскаго предводителя дворянства, почетнаго попечителя гимназіи и многочисленнаго собранія почетныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ, родителей и родственниковъ учащихся, актъ начался пѣніемъ воспитанниками пансіона молитвы: «*Царю небесный*». Затѣмъ старшій учитель Латинскаго языка г. *Шереметевскій* прочиталъ разсужденіе: «О развитіи нравственнаго начала въ дѣтяхъ», выслушанное съ большимъ вниманіемъ, возбужденнымъ важностью предмета, столь близкаго къ общезанимательному вопросу о воспитаніи въ нашемъ отечествѣ. По прочтеніи рѣчи, воспитанники благороднаго пансіона пропѣли кантъ: *Храни Господь для насъ Отечества Отца*, и затѣмъ на судъ публики явились, одинъ за другимъ, тринадцать учениковъ съ своими посильными трудами: они читали какъ собственныя

сочиненія, такъ и произведенія извѣстнѣйшихъ писателей. На прошлогоднемъ актѣ посѣтители съ удовольствіемъ слушали весьма удачное переложеніе въ стихи отрывка изъ Слова о Полку Игоревѣ: *Плачь Ярославны* (ученика 7 класса *И. Толмачева*); въ этомъ году съ не меньшимъ удовольствіемъ были выслушаны: сочиненіе ученика VI класса А. Блодо на тѣму: *Нужно-ли читать писателей для того, чтобы образовать собственный слогъ*, и пансіонера VII класса И. Дедерева — разборъ *Юрія Милославскаго, какъ героя въ историческомъ романѣ Заюскина*. Актъ былъ заключенъ народнымъ гимномъ «Воже, Царя храни», пропѣтымъ воспитанниками пансіона. Вслѣдъ за тѣмъ посѣтители осматривали бібліотеку, физическій кабинетъ, классы, спальни и столовую, гдѣ въ то время уже обѣдали воспитанники благороднаго пансіона.

Стѣны актовaго зала были украшены работами учениковъ: картинами, географическими картами и множествомъ засушенныхъ растений, наклеенныхъ на бумагѣ. Особеннаго вниманія публики удостоилась копія съ фотографическаго снимка съ извѣстной картины Иванова: *Явленіе Христа народу*. Эту мастерскую копію сдѣлалъ тушью воспитанникъ благороднаго пансіона А. Тутолминъ; съ перваго взгляда почти невозможно отличить ее отъ фотографическаго подлинника. Послѣ осмотра заведенія, посѣтители, начальство гимназіи и преподаватели были приглашены г. почетнымъ попечителемъ гимназіи къ обѣденному столу, за которымъ провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Государя Императора; тостъ этотъ былъ принятъ единодушно и актовъй залъ огласился восторженнымъ «ура». Затѣмъ предложено было еще два тоста: одинъ за процвѣтаніе гимназіи, а другой — за здоровье всѣхъ содѣйствующихъ и покровительствующихъ образованію юношества. Такъ кончилось годичное празднество гимназіи; многочисленность посѣтителей его доказываетъ, что общество сочувствуетъ дѣлу воспитанія юношества, и тѣмъ поддерживаетъ живую связь съ главнымъ учебнымъ заведеніемъ въ губерніи.

**ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.** — 17 декабря 1858 года было годичное торжественное засѣданіе Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Собраніе открыто рѣчью преподавателя А. П. Тельмина о значеніи географіи и о преподаваніи ея въ коммерческой академіи. Въ рѣчи этой г.

Телѣгинъ весьма справедливо замѣтилъ, что ни одна наука не представляетъ такого печальнаго явленія въ Россіи, какъ географія. Не принятая въ университетахъ, не доведенная до полнаго развитія въ гимназіяхъ, она остановилась на однѣхъ частностяхъ и осуждаетъ воспитанника заучивать множество предметовъ, не принадлежащихъ къ ея области. Въ то-же время, не охраняемая собственною идеею, она открываетъ широкія ворота для вторженія въ нее другимъ наукамъ и является сборникомъ мертвыхъ фактовъ изъ астрономіи, физики, естественныхъ наукъ, политической исторіи и статистики, смотря по тому, какими наиболѣе свѣдѣніями владѣетъ самъ преподаватель: потому-что преподавателей, собственно для нея подготовленныхъ, нѣтъ въ Россіи. Представляя взглядъ свой на истинное значеніе географіи, авторъ рѣчи приходитъ къ заключенію, что, понимая географію, какъ науку о законахъ устройства земной поверхности, о законахъ вліянія ея на развитіе рода человѣческаго, можно, хотя въ общихъ чертахъ, насколько это доступно пониманію воспитанниковъ, показать это вліяніе; а въ среднихъ и низшихъ классахъ это новое воззрѣніе на географію будетъ имѣть также благотворное вліяніе на употребленіе и распредѣленіе географическаго матеріала. Тогда само собою отпадетъ многое изъ старой географіи, какъ ненужное, какъ не имѣющее никакого вліянія на историческое развитіе народовъ. Въ заключеніе г. Телѣгинъ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ, объемѣ и послѣдовательности читается имъ географія въ коммерческой академіи. Нельзя не пожалѣть, что, при всемъ богатствѣ географической литературы на Западѣ, особенно въ Германіи, при всѣхъ открытіяхъ Гумбольдта и Риттера, наконецъ при всемъ содѣйствіи Императорскаго Русскаго географическаго Общества, неутомимо трудящагося надъ собираніемъ необходимыхъ матеріаловъ для разработки географіи въ Россіи въ томъ значеніи, какъ понимаетъ ее Риттеръ, а за нимъ и всѣ современные ученые, — географія преподается въ большей части нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ ея старомъ, отжившемъ значеніи, — въ томъ значеніи, которое было современно и хорошо во времена Екатерины-скія, во времена учрежденія народныхъ школъ, но которое весьма странно для сколько-нибудь мыслящихъ людей второй половины XIX вѣка. Торжественное собраніе коммерческой академіи заключено было рѣчью инспектора заведенія, профессора *М. А. Киттары*, и вѣстнаго нашего технолога. Онъ говорилъ о воспитаніи, въ короткихъ чер-

тахъ высказалъ взглядъ свой на то, что должно лежать въ основѣ нравственнаго воспитанія, и изложилъ тѣ средства, которыя приняты въ этомъ отношеніи коммерческой академіей. «Не одно умственное образованіе — задача нашего заведенія, говорилъ г. Киттары. Академія принимаетъ въ свои стѣны дѣтей самаго ранняго возраста и выпускаетъ ихъ уже зрѣлыми юношами; слѣдовательно, на ея долгѣ лежать еще двѣ статьи воспитанія — физическое и нравственное. Последнее составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ, цѣль воспитанія — сознательно развить два святыя чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу и любовь къ ближнимъ. Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всеѣмъ классамъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію преподавателя закона Божія, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, не по наружи только. Не менѣе обращается вниманіе и на развитіе любви къ ближнему: оно, какъ источникъ честности, нужно каждому, а купцу въ-особенности; говорю — въ-особенности, потому что сношенія его съ ближнимъ болѣе тѣсны, болѣе часты: на каждомъ товарѣ, на каждомъ аршинѣ или фунтѣ этого товара отражается въ жизни большая или меньшая степень развитія сказаннаго чувства. Изъ любви къ ближнему вытекаетъ и другое проявленіе человѣческой природы — нѣжность сердца, выражающаяся впечатлительностію внутри, деликатностію извнѣ. Можно быть честнымъ человѣкомъ и въ то-же время грубымъ и мало-воспримчивымъ. Этотъ разладъ чувствъ въ одномъ и томъ-же сердцѣ отнимаетъ много изъ достоинствъ честнаго человѣка. Недостатокъ впечатлительности не даетъ мѣста состраданію — лучшему христіанскому чувству въ-отношеніи ближняго, а жесткость внѣшнихъ формъ, гонимая въ каждомъ образованномъ обществѣ, какъ отталкивающая, устраняетъ и поводы къ проявленію этого чувства. Наконецъ, въ сердцѣ человѣка всегда остается уголокъ для любви личной; этотъ-то уголокъ, по-обыкновенію довольно-большой и въ дѣтскомъ возрастѣ, часто въ жизни, и очень часто, расширяется до того, что тѣснить все другія чувства, а нерѣдко и изгоняетъ ихъ совершенно или подчиняетъ своему вліянію. Помѣшать сдѣлаться себялюбцемъ, эгоистомъ — одна изъ столь-же важныхъ задачъ воспитанія. Но было-бы непроспительной ошибкой подавлять, уничтожать совершенно чувство любви личной; наоборотъ, сообразно вѣку, его должно



развить, но до извѣстныхъ предѣловъ — до уваженія къ самому себѣ, до созванія чести. Безъ этого чувства нравственное воспитаніе не будетъ полнымъ».

**КОНКУРСЪ МЕЖДУ ВОСПИТАННИКАМИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ.** — По-поводу ежегодно бывающаго въ Ставропольской гимназій конкурсѣ между воспитанниками, г. *Θ. Юхотниковъ* помѣстилъ въ газетѣ Кавказъ весьма любопытную статью о Горцахъ, обучающихся въ гимназій. «Ставропольская гимназія, говоритъ онъ, ежегодно празднуетъ въ день 18 октября годовщину своего открытія покойнымъ Государемъ Императоромъ, почтила и въ настоящемъ году этотъ незабвенный день посильнымъ торжествомъ—торжествомъ успѣховъ своихъ питомцевъ: мы говоримъ о конкурсѣ между воспитанниками Ставропольской гимназій. Семь лѣтъ уже, какъ это благодѣтельное учрежденіе приводится въ исполненіе и, не смотря на постоянно-усиливающіяся требованія отъ обучающагося въ нашихъ заведеніяхъ юношества, оно годъ-отъ-году обнаруживается очевидными успѣхами. Если правительство, общественное мнѣніе и литература въ настоящее время только и ждутъ лучшей Россіи въ будущемъ отъ поколѣнія, сидящаго на скамьяхъ гимназій и университетовъ, то мы были-бы неправы и неблагодарны предъ этою заботливостію, еслибы не отдавали отчета о каждомъ, выдающемся явленіи его жизни. Мы сказали, что настоящій конкурсъ уже седьмой, и прибавимъ, что газета «Кавказъ» въ свое время сообщала о немъ; но до-сихъ-поръ всѣ отчеты объ этомъ учрежденіи были таковы, какъ и всѣ вообще извѣстія объ актахъ и тому подобныхъ торжествахъ учебныхъ заведеній: въ каждомъ изъ нихъ было и есть новаго только что названія читанныхъ сочиненій, да имена читающихъ. Не о такомъ учебномъ торжествѣ мы хотимъ поговорить въ настоящее время. Предметъ такъ важенъ самъ по себѣ, какъ это увидимъ послѣ, что мы позволяемъ себѣ маленькое отступленіе и рѣшаемся кратко прослѣдить тѣ мѣры, какія до-сихъ-поръ были принимаемы къ образованію дѣтей Горцевъ, и позволимъ это себѣ потому, что на долю Ставропольской гимназій въ этомъ дѣлѣ выпала не совсѣмъ маловажная роль, а тѣмъ болѣе потому, что воспитанники ея изъ Горцевъ являются не на послѣднемъ планѣ среди описываемаго нами торжества. Мысль о просвѣщеніи Горцевъ никогда не покидала нашего правительства. На первый разъ, въ царствованіе по-

койнаго Императора Николая Павловича, предоставлено было почетнѣйшимъ изъ дѣтей ихъ, т. е. сыновьямъ султановъ, князей и узденей, право поступать въ кадетскіе корпуса; но я здѣсь главная цѣль достигалась только отчасти. Удаленные отъ родины на тысячи верстъ, перенесенные изъ южнаго климата въ суровый климатъ сѣвера, они большею частію дѣлались жертвами климатическаго вліянія и, разумѣется, не приносили желаемой пользы. Были, есть и теперь многіе изъ нихъ, которые стоятъ во главѣ мирныхъ Горцевъ и по своему вліянію много способствуютъ къ развитію въ своихъ соотчичахъ мысли о прекращеніи враждебныхъ отношеній къ Россіи, а также способствуютъ и къ покоренію еще непокорившихся племенъ; но ихъ очень немного; къ большинству же этой свѣжей, впечатлительной натуры привилось то жалкое полуобразованіе, которое, какъ язва, стоитъ ниже совершеннаго необразованія. Такимъ-образомъ и эта мѣра (воспитаніе Горцевъ въ кадетскихъ корпусахъ), удовлетворяя цѣли только отчасти, въ настоящее время признана недѣйствительною; а вслѣдъ за тѣмъ, указомъ отъ 7 іюня 1857 года, дано Горцамъ право поступать исключительно въ гимназію Ставропольскую и Екатеринодарскую. Новымъ-же указомъ отъ 11 октября 1858 года, *«въ видахъ усиленія мѣстныхъ на Кавказѣ способовъ къ образованію дѣтей Горцевъ»*, пріемъ ихъ въ кадетскіе корпуса прекращенъ. Исключеніе сдѣлано только для тѣхъ дѣтей Горцевъ, изъ почетнѣйшихъ и владѣтельныхъ фамилій, коимъ, по особымъ уваженіямъ и въ видѣ изъятія, главное Кавказское начальство признаетъ нужнымъ и полезнымъ предоставить это воспитаніе и то не иначе, какъ по особому каждаго разъ Высочайшему повелѣнію. Здѣсь уже и другая, болѣе высшая цѣль: сдѣлать изъ нихъ не однихъ образованныхъ воиновъ, еслибы они послѣ и пожелали этого, но и образованныхъ людей, предоставивъ имъ право, поступаая въ гимназію, поступать и въ университеты. Такимъ путемъ желаемые результаты, безъ сомнѣнія, достигнутся скорѣе. Наука, вѣроятно, скоро увидитъ въ лицѣ ихъ и ученыхъ филологовъ, которые откроютъ безизвѣстный ключъ къ безчисленнымъ языкамъ и нарѣчіямъ Кавказа, и оны-же послужатъ вѣрными проводниками къ мирному сближенію съ дикими, непокорными доселѣ горными племенами. Это покуда еще надежды; но надежды, для которыхъ уже есть основаніе. Лѣтъ семь или восемь тому назадъ сдѣланы были первыя попытки къ опредѣленію Горцевъ въ Ставропольскую гимназію. Отцы, на

долю которыхъ впервые выпалъ жребій послать туда дѣтей своихъ, разумѣется, по настоянію Русскихъ начальниковъ или по совѣту образованныхъ Горцевъ, искренно намъ преданныхъ, отпускали ихъ не только съ полнымъ недовѣріемъ къ сохраненію религіи, но и съ совершенною безнадежностію на возвратъ, а нѣкоторые опасались даже и за самую жизнь ихъ. Многие отцы, отдавши дѣтей и считая ихъ навѣки погибшими, а себя вполне осиротѣвшими, хотѣли бѣжать въ горы, а это означало месть и сильнѣйшую вражду къ Русскимъ. Объ этомъ разсказываютъ сами Горцы, дѣти тѣхъ отцовъ. Но вотъ они ежегодно являются домой на каникулы—и отцы покойны: сыновья ихъ по-прежнему мусульмане, по-прежнему для нихъ дорога родная сакля съ ея обитателями, и еще отраднѣе, еще веселѣе они переступаютъ порогъ ея послѣ долгой разлуки. Но скоро пролетѣли каникулы, наступилъ срокъ возврата въ гимназію и отцы, если и съ грустью, то уже не съ прежнимъ недовѣріемъ отпускаютъ дѣтей своихъ, въ полной надеждѣ на новое свиданіе и въ будущемъ году. Томительное ожиданіе возврата заставило родителя составить себѣ и примѣту, по которой онъ узнаетъ время, когда наступаетъ вождѣленный срокъ посылать коня за сыномъ. Начинаютъ саклю Горца одолгивать мухи — и пора посылать за нимъ. Да и откуда Горцу знать число отпуска, когда онъ и съ такою примѣтою почти никогда не ошибется. Прошло пять-шесть лѣтъ и изъ 20 Горцевъ, учениковъ гимназіи, большинство не только начало соперничать съ Русскими, но и замѣтно выдаваться впередъ. На Горцевъ посыпались награды и поощренія. Они являлись въ родной аулъ съ новыми познаніями и на родномъ языкѣ, который, разумѣется, въ устахъ ихъ сталъ краснорѣчивѣе, слушали ихъ отцы о вещахъ дотогѣ имъ невѣдомыхъ, и вѣрили имъ, ибо религія здѣсь не была затронута, обряды ея исполнялись съ большею точностію и усердіемъ. Изъ разсказовъ сыновей о жизни, отцамъ невѣдомой, но лучшей, послѣдніе вполне убѣждались въ мысли о превосходствѣ образованія и давняя ихъ пословица о Русскихъ, что они все могутъ сдѣлать, только души не вложатъ въ мертваго, вполне оправдывалась и повторялась вновь. Кто сознаетъ надъ собою превосходство другихъ, тотъ подаетъ большія надежды, для того есть будущее. Большинство изъ Горцевъ, служащихъ въ рядахъ Русскихъ, въ свою очередь, видѣло преимущество образованія и спѣшило поощрять юныхъ соотчичей. Поощренія высказывались въ

сожалѣніи, что имъ самимъ не удалось, какъ-бы теперь нужно, образоваться и что они уже ждутъ отъ нихъ всего лучшаго для Кавказа. Все заговорило о видимой пользѣ образованія въ гимназіи и просьбы о принятіи Горцевъ въ число ея воспитанниковъ, чрезъ военное начальство, посыпались къ директору. Были даже такіе, которые желали отдать дѣтей и на свой счетъ. Приходя къ директору, говорили они, какъ умѣли по-Русски: «Я знаю, ты хорошо учишь: возьми деньги и учи моего сына». Къ чести Горцевъ, занимающихъ почетныя мѣста въ Русской службѣ, должно отнести и то, что многіе изъ нихъ, пріѣзжая въ Ставрополь и не имѣя даже, среди воспитывающихся юношей родственниковъ, постоянно и всѣхъ своихъ призывали къ себѣ и ласками и увѣщаніями поощряли ихъ къ новымъ успѣхамъ. Слабый по успѣхамъ (а ихъ почти нѣтъ) или провинившійся въ чемъ-либо противъ гимназическаго начальства (что очень рѣдко) боялись явиться къ нимъ. Не страхъ наказанія заставляя избѣгать этой встрѣчи, но стыдъ. «Какъ ты въ горы покажешься?» говорили обыкновенно такимъ. Замѣчательно, что здѣсь къ почетному Горцу являлся и Осетинъ и Абазинъ и юноша-Горецъ инаго племени; и для всѣхъ были однѣ ласки, однѣ слова, и всѣ какъ члены одной семьи, все принимали къ сердцу. Явленіе замѣчательное и поучительное и не для Горцевъ! Не могу не упомянуть съ уваженіемъ объ этихъ немногихъ людяхъ, истинно-понимающихъ благо просвѣщенія для своей родины. Имена ихъ: султаны Адиль-Гирей и Казы-Гирей и князь Магометь-Моовъ. Къ 15 казеннымъ воспитанникамъ изъ Горцевъ, находящимся въ настоящее время въ гимназіи, разрѣшено присоединить еще 50, и гимназія ждетъ ихъ, приготовивъ все къ ихъ принятію. При ходѣ послѣднихъ событій, будущее для Кавказа и его юныхъ обитателей представляется еще свѣтлѣе и отраднѣе. Представивъ по-возможности краткій отчетъ о мѣрахъ къ просвѣщенію сыновъ Кавказа, обратимся къ конкурсу, гдѣ наши надежды на будущее являются въ самомъ привлекательномъ видѣ. Учрежденіе конкурса для воспитанниковъ Ставропольской гимназіи есть сильная и притомъ только и возможная въ дѣтяхъ благодарность Державному ея основателю. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ не стало главнаго виновника торжества, благодарная гимназія въ канунъ своего открытія чтитъ память его панихидою, совершаемою въ гимназической церкви. Такъ было и въ нынѣшнемъ году 17 октября; 18-го-же (настоящій день открытія), послѣ литургіи и молебствія съ

многочтїемъ Царствующему Дому, присутствовавшіе отправились въ рекреационный залъ гимназіи, откуда послѣ завтрака перешли въ комнаты, назначенныя для конкурса. Послѣ обычной молитвы «Царю небесный», пропѣтой гимназическими пѣвчими, конкурсъ былъ открытъ краткою рѣчью директора гимназіи Я. М. *Неспорова*, въ которой онъ, указавъ на привилегіи Ставропольской гимназіи предъ другими одноименными ей заведениями и въ томъ числѣ на учрежденіе конкурса, предложилъ посѣтителямъ повѣрить тѣ отзывы, которые по прочтеніи воспитанниками конкурсныхъ сочиненій будутъ изложены въ протоколѣ педагогическаго совѣта гимназіи. Затѣмъ началось чтеніе сочиненій. Для состязанія даны были четыре темы: двѣ по предмету Русской словесности и двѣ по исторіи. На каждую тему прочтено было по одному сочиненію. Чтеніе было открыто ученикомъ VI класса изъ почетныхъ Горцевъ, Осетиномъ Иналуко-Тхостовымъ, на тему «Кавказъ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову». Вслѣдъ затѣмъ ученикъ VII класса, также изъ почетныхъ горцевъ, Абазинецъ Адиль-Гирей Кешевъ, особенно выразительно прочелъ сочиненіе «О сатирическомъ направленіи Русской литературы при Петрѣ, Екатеринѣ и въ настоящее время». Потомъ слѣдовали сочиненія на историческія темы: Григорьева, «О демократіи въ Римѣ и причинахъ ея политическаго паденія», и Черкесо-Армяннина Кусикова — «О Владимірѣ Мономахѣ». Въ предложенномъ затѣмъ вниманію публики чтеніи протокола повѣрялось ему прочтенное конкурентами. На конкурсъ представлено было всего учениками VI, VII и спеціальнаго классовъ, 36 сочиненій, въ числѣ которыхъ пять сочиненій принадлежали Горцамъ. Первая награда (полное собраніе сочиненій Гоголя, изд. Кулиша) единогласно присуждена воспитаннику изъ Горцевъ Адиль-Гирею Кешеву, а вторая (Исторія царств. Петра Великаго. Соч. Устрялова) — Осетину Тхостову. Сверхъ-того, не говоря уже о сочиненіяхъ Григорьева и Кусикова, которымъ уже самое чтеніе передъ публикою вмѣнено въ награду, еще удостоились почетнаго отзыва сочиненія Карабутова и Авдакова, и вообще всѣмъ участвовавшимъ въ настоящемъ конкурсѣ отдана полная признательность за трудъ и значительный успѣхъ, сравнительно съ предшедшими годами. По окончаніи чтенія, розданы были денежныя пособія бѣднѣйшимъ изъ вольвоприходящихъ учениковъ гимназіи, въ количествѣ 70 рублей. Но какъ и прежде къ ассигнуемой на этотъ случай суммѣ постоянно присоединялись пе-

жертвованія постороннихъ лицъ, точно также случилось и теперь: среди самаго конкурса, на мгновеніе вниманіе публики было отвлечено письмомъ, поданнымъ директору. Письмо было прислано управляющимъ гражданскою частію Ставропольской губерніи А. А. Болодкимъ со вложеніемъ 25 рублей, въ награду бѣднѣйшему и отличнѣйшему изъ учениковъ гимназіи. Народный гимнъ: «*Боже, Царя храни*» заключилъ торжество.

**ВИДѢНІЯ ИЗЪ «РУССКАГО ДНЕВНИКА».** — Въ одномъ изъ номеровъ газеты Русскій дневникъ напечатано слѣдующее разсужденіе объ отечественныхъ университетахъ: «Никто изъ людей истинно-образованныхъ, никто изъ людей, свѣтлая сторона которыхъ не потускла подъ вліяніемъ консерватизма, не сомнѣвается, что никто и ничто не оказало Россіи такихъ великихъ заслугъ, какъ ея университеты. Русскіе университеты—жизненная артерія Россіи, посредствомъ которой разносятся по всѣму тѣлу государственному и свѣтъ и добро и правда. Все мыслящее, все развитое, все способное къ истинно-полезной государственной дѣятельности поколѣніе Русскихъ людей создано подъ вліяніемъ университетовъ, которые и прежде давали и теперь даютъ отечеству самыхъ полезныхъ дѣятелей. Литература, это благороднѣйшее проявленіе дѣятельности ума человѣческаго, создавалась и развивалась въ Россіи подъ вліяніемъ университетовъ. За весьма немногими исключеніями, всѣ болѣе или менѣе замѣчательные Русскіе литераторы или сошли со скамей университетскихъ аудиторій, или, получивъ образованіе въ другихъ заведеніяхъ, потомъ находились подъ вліяніемъ университетовъ. Университеты создаютъ честность въ Русскомъ обществѣ. На скамьяхъ аудиторій возбуждается въ молодыхъ людяхъ стремленіе къ добру и правдѣ и отвращеніе отъ всякаго насилія, отъ неуваженія личности, отъ взяточничества, казнокрадства, — словомъ отъ всей темной стороны нашего общества, которая, къ сожалѣнію, еще не въ конецъ истреблена на Русской землѣ. Университетскіе воспитанники честно и свято сохраняютъ прекрасныя начала, приобретаемыя ими въ аудиторіяхъ; руководимые ими, они, за весьма немногими исключеніями, твердо и бодро вступаютъ въ борьбу на жизненномъ пути и никогда не измѣняютъ добру и правдѣ. Приведемъ въ свидѣтельство слова главнаго начальника трехъ Литовскихъ губерній *В. И. Назимова*, сказавшья имъ на

обѣдѣ 12 января 1859 года: «Съ постоянной и зоркой любовью слѣдя за университетскими воспитанниками, миѣ особенно пріятно здѣсь засвидѣтельствовать, что они всегда честно выполняли свой долгъ къ Государю и отечеству и никогда ничѣмъ недостойнымъ не запятнали себя». Велика заслуга Русскихъ университетовъ, уже совершенная ими, велика заслуга этихъ создателей Русской чести и самостоятельности Русскаго ума; но несравненно большія заслуги предстоитъ оказать имъ въ будущемъ.... Имъ предѣстлана судьбою прекрасная доля создать истинное величіе Россіи, истинное величіе, краеугольный камень котораго — общечеловѣческое просвѣщеніе. Предполагая невозможное возможнымъ, допустимъ, что наши университеты вдругъ заперли-бы двери своихъ аудиторій. Разомъ отодвинулась-бы тогда Россія, по-меньшей-мѣрѣ, на два столѣтія назадъ. Ни въ чемъ отечество наше такъ не нуждается, какъ въ благородныхъ поборникахъ свѣта, добра и правды. А откуда-же они выходятъ, какъ не изъ университетскихъ аудиторій? Россіи всего болѣе необходимо общечеловѣческое просвѣщеніе; а откуда-же оно изливается самой обильной, самой чистой струей, какъ не изъ университетовъ? Сознывая громадность заслуги Русскихъ университетовъ и ихъ великое значеніе въ государствѣ, мы не можемъ допустить даже мимолетной мысли, чтобы могли когда-нибудь существовать въ Русскомъ обществѣ враги университетовъ; развѣ только между людьми отсталыми, погрязшими во тьмѣ, невѣжествѣ, продажности и злобѣ могутъ найтись такіе люди. Да во области мрака не мудрено отыскать людей, которые недоброжелательно и даже съ чувствомъ ненависти смотрятъ на университеты. Чувство ихъ понятно: блескъ правды, блескъ добра, обильно выходящій изъ университетовъ, изъ этихъ сокровищъ чести и истины, непривычно и болѣзненно поражаетъ ихъ привыкшіе къ потемкамъ очи. Имъ больно и они кричатъ. Но между людьми честными, между людьми свѣтлыми не можетъ быть враговъ университетовъ. Враги университетовъ — враги Россіи, враги ея прекраснаго будущаго». Статья Русск. дневн. заключена слѣдующими словами: «Россія вся въ будущемъ. Тысячелѣтнее политическое ея существованіе не болѣе, какъ прологъ къ великой драмѣ, которая совершится грядущими поколѣніями. Наше поколѣніе завершаетъ тысячелѣтній прологъ. Свѣтъ уже пробивается; яркими, блестящими полосами пронизываетъ онъ сплошную массу мрака. Нашему поколѣнію судьбами историческими предоставлена прекрасная до-

ля больше и больше разрывать эту завѣсу, за которой сияютъ свѣтъ, добро и правда. Наше поколѣніе твердо уповаетъ, что оно исполнить свое назначеніе — снятьъ эту завѣсу и грядущимъ дѣятелямъ откроетъ область свѣта. Гдѣ-же эти дѣятели? Гдѣ-же эти свѣтоносные сыны Россіи? Они теперь въ аудиторіяхъ Русскихъ университетовъ и на гимназическихъ скамьяхъ. Привѣтъ тебѣ, юное поколѣніе! Привѣтъ тебѣ, прекрасная надежда Россіи! Бодро иди, неуклонно иди путемъ свѣта, добра и правды! Иди, иди, юное поколѣніе, иди смѣнить насъ, когда и мы, по общему удѣлу человѣческому, одряхлѣемъ и не будемъ болѣе способны дѣйствовать съ той энергіей, съ какой дѣйствуемъ теперь! Безъ чернаго чувства зависти, безъ неразумныхъ попытокъ остановить потокъ неудержимаго времени, передадимъ мы тебѣ, юное поколѣніе, честно исполненное нами дѣло усовершенствованія отчизны, передадимъ его съ твердымъ завѣтомъ, во имя общей нашей матери-Россіи — честно продолжать наше дѣло.... Впередъ-же, юное поколѣніе, впередъ, впередъ! Миръ и тихій покой — прошедшему! Жизни, свѣта, бодрости — грядущему!»

**РЯДЪ ОРГАНИЧЕСКИ-СВЯЗАННЫХЪ МЕЖДУ СОБОЮ РУКОВОДСТВЪ ПО ВСѢМЪ МЕДИЦИНСКИМЪ НАУКАМЪ.** — Объ этомъ весьма полезномъ учено-медицинскомъ предпріятіи г. *Розенблатъ* напечаталъ въ Моск. мед. газ. слѣдующее извѣстіе: «Среди огромной массы вновь появляющихся сочиненій въ области медицинской литературы Германіи, мы не можемъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на изданіи, подъ заглавіемъ: *Cyclus organisch verbundener Lehrbücher sämtlicher medicinischen Wissenschaften, herausgegeben von Dr. C. H. Schauenburg. Jahr. 1858.* Оно предпріято извѣстнымъ офтальмологомъ Шауэнбургомъ, при содѣйствіи многихъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ Германіи, и не представляетъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ спекулятивныхъ явленій, которыя въ такомъ огромномъ количествѣ вызываются страшною авторскою и книгопродавческою конкуренціею въ медицинскихъ литературахъ западной Европы и особенно Германіи. Въ основѣ этого предпріятія лежитъ мысль современная, — мысль, дѣйствительно вызванная потребностями жизни. Цѣль изданія — представить возможно-сжатый сводъ всего современнаго медицинскаго знанія въ видѣ



руководствѣ, органически-связанныхъ между собою общимъ направлениемъ, общими научными основами. Эту общую основу составляетъ точный, естественно-научный методъ изслѣдованія, стоящій внѣ отдѣльныхъ медицинскихъ школъ и одностороннихъ направлений. Все отжившее, существующее въ современной медицинѣ лишь по преданію, должно уступить мѣсто новымъ элементамъ науки. Изъ этой картины науки не все старое исключается потому, что оно старо, но устраняется то изъ старой медицины, что составляетъ почтенный балластъ, который пора сдать въ архивъ исторіи. Этотъ балластъ не только лишаетъ медицину стройнаго вида естественныхъ наукъ, но главное — гнететъ надъ учащимися, затрудняя собою изученіе науки. Учащіеся находятся между двухъ огней: между старыми понятіями, старымъ направлениемъ съ одной стороны и между непрерывно-возрастающими данными новой, возрожденной медицины. Преподаваніе въ большинствѣ случаевъ объясняетъ всѣ явленія здороваго и больнаго организма разнообразными жизненными силами, и т. д.; оно громитъ микроскопъ, химію; увѣряетъ, что въ живомъ организмѣ механическіе законы общихъ силъ природы не имѣютъ никакого значенія, и т. д. А новыя дѣятели науки, а новыя книги и журналы представляютъ ежедневно учащемуся доказательства ложности этого преподаванія, этого стараго, отжившаго направленія. Еще хуже, если на старыхъ ризахъ являются новыя, разноцвѣтныя заплаты. Почтенный балластъ теряетъ тогда свою почтенность и является маскараднымъ плащомъ, сшитымъ изъ лоскутьевъ. Все это путаетъ, сбиваетъ съ толку учащихъ и или навсегда лишаетъ ихъ возможности стройнаго усвоенія науки или вызываетъ въ нихъ борьбу, на которую напрасно тратится много свѣжихъ силъ. И счастливы тѣ, которые выходятъ изъ этой борьбы цѣлыми и невредимыми! Исходъ изъ Египетскаго гнета прежней медицины, говоритъ Вирховъ въ одной изъ превосходныхъ руководящихъ статей своихъ въ издаваемомъ имъ «Архивѣ патологической анатоміи и физиологіи», поглотилъ много силъ у того поколѣнія, которому суждено было жить въ это переходное время. На поколѣніи, содѣйствовавшемъ и совершившемъ этотъ исходъ, лежитъ обязанность избавить послѣдующія поколѣнія отъ лишняго труда, отъ новой борьбы и новой потери силъ. Вотъ тѣ побудительныя причины, которыя вызвали предпріятіе Шауэнбурга. Сочувствіе, съ которымъ оно встрѣчено въ Герма-

ни, Франціи и Бельгіи, показываетъ, что этимъ изданіемъ удовлетворяется дѣйствительная потребность. Обработываніе отдѣльныхъ отраслей медицины для этого изданія взяли на себя специалисты съ современнымъ, строго-научнымъ направлениемъ, между которыми встрѣчаемъ всѣмъ извѣстныя имена: Фогеля, Шиффа, Гарлеса, Фика, Бенекке, Лейкарта, Душа, Ламбля, Рейля, Шауэнбурга, Буля и другихъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 41 тома, распредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ: 1) Энциклопедія и методологія медицины. 2) Ботаника. 3) Минералогія. 4) Зоологія. 5) Физика (2 тома). 6) Химія (2 т.). 7) Общая и частная анатомія. 8) Общая и частная гистологія. 9) Физиологія (2 т.). 10) Анатомія и физиологія органовъ чувствъ. 11) Антропологія. 12) Физиологія и патологія рожденія. 13) Общая патологія и терапия. 14) Патологическая анатомія. 15) Хирургическая анатомія. 16) Діагностика. 17) Фармакогнозія. 18) Фармакодинамика и рецептура. 19 — 25) Частная патологія и терапия. 26) Общая и частная хирургія (2 т.). 27) Оперативная хирургія. 28) Походная медицина. 29) Женскія болѣзни. 30) Акушерство. 31) Офтальміатрика. 32) Частная патологія и терапия органовъ слуха и рѣчи. 33) Болѣзни зубовъ. 34) Ортопедія. 35) Гигіена и медицинская полиція. 36) Бальнеологія. 37) Медицинская химія. 38) Токсикологія. 39) Географическая патологія. 40) Судебная медицина. 41) Исторія медицины и медицинской литературы. Программа изданія, какъ видно, чрезвычайно полная и обнимаетъ всю область медицины. «Циклъ» Шауэнбурга составитъ энциклопедію медицины, которая по полнотѣ, научному достоинству и современности превзойдетъ всѣ подобныя Французскія изданія, извѣстныя подъ названіемъ: *Dictionnaires* или *Encyclopedis des sciences medicales*. До-сихъ-поръ вышло: Акушерство Шнигельберга (въ одномъ томѣ, въ 376 стр. съ 80 политипажамъ), Офтальміатрика Шауэнбурга (1 т. въ 271 стр. съ политипажамъ и 2 табл.), Общая хирургія Ломейера (1 т.), Физика Штаммера (1-й т. въ 279 стр. съ 176 политипажамъ) и Физиологія Шиффа (2 выпуска). Что касается до достоинства вышедшихъ томовъ «Цикла», то мы можемъ сказать, что всѣ вышедшія руководства отличаются яснымъ, сжатымъ изложеніемъ, при замѣчательной полнотѣ содержанія. Въ нихъ опущено все лишнее, все обременяющее память или имѣющее лишь историческій интересъ. Эти свойства и необыкновенная тонкость и отчетливость въ разработкѣ

огромнаго матеріала дѣлаютъ эти руководства вполне полезными для учащихся, которые должны въ одинаковой полнотѣ овладѣть научнымъ матеріаломъ медицины, прежде чѣмъ могутъ посвятить свои занятія исключительно одному предмету. Особенно замѣчательна «Офтальміатрика» Шауэнбурга. Она, при сжатости изложенія, отличается такой полнотой, ясностью, отчетливостью и современностью, что производитъ на читателя впечатлѣніе художественнаго произведенія, вполне гармоническаго во всѣхъ своихъ частяхъ. Книга Шауэнбурга, являющаяся въ «Циклѣ» вторымъ пополненнымъ изданіемъ, имѣла еще въ первомъ изданіи, вышедшемъ отдѣльно въ 1856 г., блистательный успѣхъ. «Физиологія» Шиффа вышло пока только 2 выпуска. Въ первомъ авторъ излагаетъ всѣ явленія мышечной дѣятельности и потомъ переходитъ къ явленіямъ дѣятельности нервной. Изложеніе такъ-же ясно, сжато и отчетливо, какъ въ другихъ частяхъ «Цикла». Изданіе чрезвычайно изящно; подписная цѣна весьма умѣренная: покупающіе 8 томовъ «Цикла», получаютъ даромъ 1 томъ, покупающіе 14—2 тома, покупающіе 20 томовъ даромъ получаютъ 4 тома. Быстрый, хороший и дешевый переводъ «Цикла» Шауэнбурга соединенными силами многихъ оказалъ-бы существенную услугу учащимся. Будемъ надѣяться, что его не постигнетъ та-же участь, которая у насъ выпала Рокитанскому и Канштадту. «Патологическая анатомія» перваго окончена была въ Русскомъ переводѣ тогда, когда явилось новое, совершенно переработанное, въ-сущности измѣненное изданіе подлинника. А патологія и терапія Канштадта, въ переводѣ г. Реми, тянулась въ-теченіе 10. слишкомъ лѣтъ и наконецъ, оконченная въ 1858 г., представляетъ явленіе безобразное снаружи и совершенно неудовлетворительное по внутреннимъ своимъ свойствамъ.

**ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. О. ВАЛИЦКОМЪ.**—М. *де-Пуле*, одинъ изъ слушателей этого достойнаго профессора, почтилъ память о немъ слѣдующею прекрасною статьею, напечатанною въ Моск. Вѣд. (№ 3).—«Въ первыхъ числахъ октября 1858 года, скончался въ Харьковѣ ординарный профессоръ Греческой литературы при тамошнемъ университетѣ, Альфонсъ Осиповичъ *Валицкій*. Посвящая нѣсколько строкъ памяти покойнаго, мы надѣемся возбудить воспо-

мнѣнія о немъ въ многочисленныхъ ученикахъ его и вызвать ихъ сообщить о бывшемъ любимомъ учителѣ все то, что намъ было недоступно. Мы знали Валицкаго, какъ профессора, въ періодъ времени отъ 1842 до 1847 года; но ни предъидущая, частная жизнь его, ни послѣдующая профессорская дѣятельность намъ неизвѣстны. А. О. Валицкій принадлежалъ къ тѣмъ немногочисленнымъ у насъ избраннымъ, которые имѣютъ рѣшительное вліяніе не на одно поколѣніе, — къ тому разряду профессоровъ, памяти которыхъ Московскій университетъ первый началъ воздавать достойную честь. Если справедливо мнѣніе, что Грановскій былъ-бы въ Парижѣ Европейскою знаменитостью, а послѣдняя—въ Москвѣ Грановскимъ, то, не обвиняя можно сказать, что Валицкій, еслибы былъ профессоромъ Московскаго университета, то игралъ-бы ту же роль, какую играли Грановскій и Кудрявцевъ точно такъ-же какъ послѣдніе, находясь въ Харьковѣ, сдѣлались-бы Валицкими. Это обличеніе заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о Харьковскомъ университетѣ въ то время, въ которое мы находились въ числѣ его студентовъ. Харьковскій университетъ имѣетъ огромное вліяніе какъ на цѣлый южный край Россіи, такъ и на самый городъ. Вліяніе его на Харьковъ, болѣе намъ знакомое, поразительно: послѣ Петербурга и Одессы, едва-ли можно найдти городъ, въ которомъ-бы какъ частная, такъ и общественная, даже уличная жизнь, была до такой степени образована; нѣтъ ничего страннаго, угловатаго, ветхостариннаго, что такъ непріятно бросается въ глаза каждому образованному человѣку при бѣгломъ даже взглядѣ на наши города. Конечно, преобладающій Малороссійскій элементъ городского населенія помогаетъ университету имѣть такое благотворное вліяніе на умственное развитіе города; но не забудемъ, что живой и свободный духъ колоссальной (относительно народонаселенія города) торговли, что, такъ сказать, спокойствіе городской жизни способствуютъ этому вліянію. Не смотря однакожь на то, Харьковскій университетъ есть университетъ провинціальный, слѣдовательно, и въ свою очередь не избѣгнувшій обще-провинціального вліянія. Кто не знаетъ этого вліянія,—этой общественной и умственной инерціи? Грустно это вліяніе вообще, но едва-ли не грустнѣе всего его дѣйствіе на университетъ. Если не совершенное отсутствіе, то самое недостаточное развитіе литературной дѣятельности, если не отсутствіе, то недостаточность

дѣятельности ученой, общественное равнодушіе къ той и другой дѣйствуютъ на провинціальный университетъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ. Одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица, а противъ всего враждебнаго университету надобно воевать. Не вымирала никогда, къ счастью провинціальныхъ университетовъ, до одного немногочисленная семья этихъ отважныхъ бойцовъ, этихъ сильныхъ подвижниковъ гуманности и науки. Велико, но тяжело ихъ назначеніе: какое-то злое *fatum* или преждевременно гонить ихъ въ могилу, или кладетъ на нихъ особенную печать свою. Къ числу такихъ подвижниковъ принадлежитъ Валицкій. При поступленіи нашемъ въ Харьковскій университетъ въ 1842 году, 1-е отдѣленіе философскаго факультета гордилось именами Валицкаго и Лунина. Еще на гимназической скамейкѣ тѣ изъ насъ, которые намѣревались идти въ Харьковскій университетъ, уже знали и уважали эти имена; а потому понятно было наше нетерпѣніе услышать знаменитыхъ профессоровъ, когда мы сдѣлались студентами словеснаго факультета; понятно было наше высокое уваженіе не только къ каждому профессору, но и къ студентамъ высшихъ курсовъ; думалось и въ тѣхъ и другихъ найти что-то необыкновенное, идеальное, чего не представлялъ гимназическій городъ; но что такъ любить создавать фантазія юноши, поступающаго въ университетъ съ горячею любовью ко всему прекрасному. Луининъ читалъ со 2-го курса; Валицкаго слушалъ весь факультетъ. Какъ нарочно, дня два или три мы не имѣли возможности услышать послѣдняго. Къ-несчастью, дѣйствительность успѣла уже подрѣзать крылья фантазіи; мы ходили съ самыми печальными лицами: слышали то, что знали и, слѣдовательно, чего-бы не хотѣли слушать; опять пришла на память гимназія съ безконечнымъ рядомъ уроковъ. Но это первое невыгодное впечатлѣніе изглядилось впослѣдствіи чтеніями Валицкаго, Лунина и И. И. Срезневскаго, открывшаго въ слѣдующемъ году свои лекціи о Славянскихъ нарѣчіяхъ. А. О. Валицкій обладалъ всѣми средствами, необходимыми для отличнаго профессора. Не говоря объ обширной эрудиціи и отличномъ знаніи древнихъ языковъ, онъ имѣлъ много чисто внѣшнихъ условій, такъ важныхъ для профессора и оратора. При небольшомъ, даже очень небольшомъ ростѣ, заставлявшемъ его читать свои лекціи стоя, онъ имѣлъ самую счастливую, привлекательную наружность, въ которой особенно замѣчательны бы-

ли: выраженіе его взора, необыкновенно-умнаго, глубокаго и вмѣстѣ съ тѣмъ веселаго и открытаго, и устройство лба, который въ самомъ многочисленномъ собраніи обратилъ-бы на себя вниманіе френолога; лицо его было въ буквальномъ смыслѣ зеркаломъ души. Но кромѣ рѣдкой и завидной наружности, онъ владѣлъ чуднымъ даромъ: могучимъ голосомъ, потрясавшимъ слушателей. Голосъ Валицкаго былъ сильный баритонъ, то нѣжный, ласкающій слухъ, то гремящій и хватающій за душу. — Профессоръ Валицкій ничѣмъ не извѣстенъ въ нашей литературѣ; онъ ничего не печаталъ; онъ не только не образовалъ школы, но, если не ошибаемся, немного образовалъ и дѣятелей по своему предмету. Положеніе его, какъ профессора, было весьма печально; намъ даже казалось, что эта живая, свѣтлая натура постоянно носила на себѣ отпечатокъ чего-то грустнаго: причины заключались какъ въ немъ самомъ, такъ и внѣ его. Валицкій былъ Полякъ, очень хорошо знавшій какъ нашъ разговорный и отчасти народный языкъ, но постоянно затруднявшійся въ употребленіи языка литературнаго до такой степени, что предпочиталъ чтеніе своихъ лекцій на языкѣ Латинскомъ. Почему онъ не могъ усвоить себѣ нашъ литературный языкъ, — мы объяснить не можемъ; думаемъ, впрочемъ, что одною изъ причинъ была недостаточность (если только не отсутствіе) литературнаго движенія въ Харьковѣ. Что-же касается до того, что Валицкій, какъ профессоръ, мало сдѣлалъ по своему предмету, то причину этого явленія опять-таки надобно искать отчасти въ немъ самомъ, отчасти внѣ его. Студенты поступали въ 1-е отдѣленіе философскаго факультета не только съ самыми жалкими свѣдѣніями въ Греческомъ языкѣ, но даже и безъ всякихъ свѣдѣній; такъ, по-крайней-мѣрѣ, было въ то время, когда мы знали Харьковскій университетъ, т. е. въ 1842—1847 годахъ. При множествѣ факультетскихъ предметовъ, молодымъ людямъ не было никакой возможности, если не изучить основательно, то, по-крайней-мѣрѣ, знать Греческій языкъ настолько, насколько въ то время знали Харьковскіе студенты языкъ Латинскій. Спрашивается: при такомъ положеніи предмета, что могъ сдѣлать профессоръ? можно-ли было требовать отъ студентовъ специальности? Не говоря о томъ, что Валицкій былъ глубоко-доброе существо, болѣе чѣмъ любимое студентами, — существо, которое принимало въ каждомъ самое теплое, самое человѣческое участіе; что онъ, пони-

мая невыгодное положеніе своего предмета, былъ слишкомъ сни-сходителенъ: было еще другое обстоятельство, мѣшавшее процвѣ-танію Греческаго языка въ Харьковскомъ университетѣ — это значеніе Валицкаго, какъ профессора-художника: въ этомъ была его сила и слабость; этимъ увлекались студенты; этимъ и только однимъ этимъ имѣлъ онъ на послѣднихъ огромное вліяніе.— А. О. Валицкій дѣйствительно былъ профессоръ-художникъ; лекціи его имѣли художественное значеніе. Онѣ служили превосходною шко-лой для эстетической критики, для эстетическаго и гуманнаго об-разованія. Покойный профессоръ особенно любилъ Гомера и Со-фокла; чтенія его объ этихъ поэтахъ были неподражаемы. Кто слушалъ ихъ, эти чтенія, тотъ никогда не забудетъ ни героевъ Гомера, ни свѣтлыхъ образовъ Софокловыхъ женщинъ; и тѣ и другія, какъ живые, проходили передъ слушателями Валицкаго. Разобравъ и объяснивъ текстъ подлинника въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, Валицкій тотчасъ-же приступалъ къ переводу. И онъ являлся не сухимъ переводчикомъ, а художни-комъ и великимъ актеромъ: онъ поэтически умѣлъ воплотить в величавый, суровый образъ Ахилла, и глубоко-женственную нату-ру Антигоны. Послѣ этого, надѣмся, будетъ понятно то благо-творное, неотразимое вліяніе, какое имѣлъ А. О. Валицкій на мно-гочисленныхъ своихъ слушателей. Не давалъ спать мысли этотъ благородный подвижникъ добра и прекраснаго. Голосъ его не былъ голосомъ вопіющаго въ пустынь; для тѣхъ, кто его слу-шалъ, этотъ голосъ принадлежалъ къ числу зовущихъ, никогда не умолкающихъ. Нерѣдко потомъ, въ жизни, когда, вмѣстѣ съ опытностію, начинается *долгая* умственная *дрема*, вдругъ раз-дается одинъ изъ этихъ зовущихъ голосовъ, которымъ такъ жад-но внималъ въ золотой юности, — и раздается не напрасно: вос-прянетъ и освѣжится человѣкъ, бодрѣе и прямѣе пойдетъ по из-бранному пути жизни. При имени Валицкаго невольно встаетъ въ воспоминаніи другой образъ, образъ печальный и грустный, об-разъ Лунина, профессора всеобщей исторіи. Имена ихъ должны быть неразлучны въ исторіи Харьковскаго университета, какъ неразлучны они въ воспоминаніи учениковъ. Нѣтъ надобности разъяснять тайну ихъ вліянія на послѣднихъ: они оба не давали спать мысли, оба будили дремлющія силы, оба мужественно боро-лись противъ всего враждебнаго истинѣ, добру и прекрасному.

Лунинъ рано изнемогъ и отъ этой тяжелой борьбы... Невольно приходятъ намъ на память слова Иннокентія, архіепископа Харьковскаго, сказанныя имъ 23 ноября 1844 года въ университетской церкви, при погребеніи профессора Бутковскаго: «Ахъ, я вижу тамъ—вдали—еще свѣжую могилу собрата вашего, который не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы вѣжды его были сомкнуты рукою нечуждою, и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей твоихъ, для коихъ столько лѣтъ билось чистое и благородное сердце его». Невольно рисуется въ воспоминаніи знакомая, милая картина прошлаго, обширная зала аудиторіи № 1-го, постоянно полная многочисленными слушателями. Нагъво изъ оконъ представляется слѣдующій видъ: въ нѣсколькихъ шагахъ возвышается колоссальное зданіе соборной колокольни и далѣе тянется узкою лентой университетская улица съ гостиннымъ рядомъ по одной и съ книжными лавками по другой сторонѣ; прямо изъ оконъ въ окна виднѣтся другое университетское зданіе—клинической корпусъ; направо двери, ведущія въ аудиторію. Лучи солнца или освѣщаютъ густыми потоками свѣта всю залу, если это случалось утромъ, или, если бывало вечеромъ, играютъ разнообразными переливами на окнахъ клиники. Слушатели полны глубокаго, напряженнаго вниманія; раздается только одинъ: то—или мощный голосъ, вызывающій къ жизни поэтическихъ героевъ древности, голосъ жизни и страсти, или—слабый, болѣзненный голосъ, съ эпическимъ спокойствіемъ повѣствующій о прошлой судьбѣ народовъ, но, тѣмъ не менѣе, владѣющій необыкновеннымъ искусствомъ художественнаго представленія этой судьбы. Дорогое время! Знакомые, дорогие голоса!—Голоса эти принадлежали Валицкому и Лунину».

**УЧИЛИЩА ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ ДѢВЦЪ ВЪ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ.** — Въ Вятск. губ. вѣд. напечатано: Съ каждой почтой получаютъ новыя извѣстія относительно устройства училищъ для образованія дѣвицъ. Мысль правительства пригласить общество участвовать въ устройствѣ этихъ училищъ встрѣтила живое сочувствіе въ городскомъ сословіи, которое дастъ средства не только къ устройству училищъ, но и къ содержанію ихъ на будущее время. Такъ въ послѣднее время получены свѣдѣнія изъ г. Сарапуля и Елабуги. Въ первомъ



изъ нихъ городское общество, предположивъ устроить и содержать училище для дѣвицъ, всѣ нужныя на сей предметъ издержки приняло на себя и съ этою цѣлью обязалось ежегоднымъ взносомъ съ купцовъ 2 гильдіи по 4 р. и 3 гильдіи—по 3 р., а съ мѣщанъ—по 18 к. сер. съ души; если-же необходимыя по училищу издержки будутъ превышать предположенную къ сбору сумму, то общество пополнить оную изъ другихъ источниковъ по своему усмотрѣнію. Въ Елабугѣ-же тамошній 1-й гильдіи купецъ К. Я. Ушковъ изъявилъ готовность построить на собственный счетъ и пожертвовать навсегда двухъэтажный домъ, для помѣщенія уѣзднаго училища для мальчиковъ, отдѣленія для обученія дѣвочекъ, квартиры смотрителя училища, законоучителя и наставницы, и сверхъ-того въ этомъ-же домѣ будетъ помѣщеніе для домовоі церкви; первоначальное-же обзаведеніе и содержаніе отдѣленія для дѣвицъ общество отнесло на счетъ той суммы, какая составитъ взносами за обученіе дѣтей, а недостатокъ оной предположило пополнить изъ городскихъ доходовъ или добровольными складками, такъ-что ни въ Сарапулѣ, ни въ Елабугѣ не потребуетъ никакихъ со стороны казны расходовъ на устройство женскихъ училищъ. Такимъ образомъ, въ короткое время пять городовъ Вятской губерніи (Вятка, Котельничъ, Слободской, Сарапулъ и Елабуга) откликнулись на зовъ правительства и изъявили полную готовность содѣйствовать общей пользѣ въ дѣлѣ образованія дѣвицъ. Общества тѣхъ городовъ приняли на себя почти всѣ расходы по устройству и содержанію училищъ; при этомъ не пожалѣли принести на пользу образованія свою лепту и частныя лица. Имена М. И. Кардакова, Н. Д. Кардаковой и К. Я. Ушкова не будутъ забыты въ лѣтописи просвѣщенія Вятскаго края».

#### **РАЗВИТІЕ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМЪ АКЦИОНЕРНЫХЪ КОМПАНИЙ.—**

Въ Журн. для акціонеровъ въ этомъ по направленію своему прекрасномъ органѣ торговой и промышленной дѣятельности въ Россіи, о развитіи промышленности посредствомъ акціонерныхъ компаний сообщено слѣдующее: «Въ истекшемъ году образовалось 34 акціонерныя компании—цифра ничтожная по громадному размѣру экономическаго развитія въ промышленныхъ государствахъ западной Европы и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ,

но весьма многозначительная у насъ, гдѣ самыя наименованія: *акція, облигація, премія, дивидендъ* и т. п. еще очень недавно были совершенной чужды для огромнаго большинства публики. Вѣтченіе почти полустолѣтія, съ 1799 по 1855 годъ, продолжали свои дѣйствія только 34 товарищества по участкамъ (первая изъ акціонерныхъ компаній — Россійско-Американская, учреждена въ 1799 году). Съ новою, столь многообъщающею эрою Русскаго общественнаго быта начинается и замѣчательная дѣятельность по образованію акціонерныхъ предпріятій, что такъ рѣшительно свидѣтельствуемъ о разумномъ направленіи общественнаго мнѣнія къ экономическимъ интересамъ. Въ 1856 году учреждено *шесть* акціонерныхъ компаній, и въ числѣ ихъ *Русское общество пароходства и торговли*, которое въ третій только годъ его дѣйствій обращаетъ уже на себя пытливые взоры всего коммерческаго міра. Въ 1857 году основалось 16 акціонерныхъ обществъ; между ними первенствуетъ *Главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ*, съ капиталомъ въ 275 миліоновъ рублей и съ участіемъ высшихъ финсовыхъ фирмъ Европы. Съ учрежденіемъ сего общества, Русскія акціи впервые возымѣли право гражданственности на Европейскихъ биржахъ. Нынѣ находится у насъ въ дѣйствіи около *девяноста* акціонерныхъ обществъ; изъ нихъ болѣе трети учреждены въ 1858 году. И такъ, минувшій годъ отмѣтится въ исторіи развитія отечественной промышленности посредствомъ акціонерныхъ компаній, какъ весьма благоприятный. По свойству компанейскихъ дѣйствій, *тринадцать* изъ новоучредившихся компаній основаны для промысловъ заводскихъ, *десять* предназначены для устройства путей сообщенія, *пять* товариществъ имѣютъ преимущественно коммерческій характеръ и такое-же число компаній преслѣдуетъ мѣстныхъ общепользныя цѣли. По важности предпріятія обратили на себя особенное вниманіе общества: Рижско-Динабургской желѣзной дороги, Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства «Кавказъ»; компаніи: Амурская, Бѣломорская, страховыя отъ огня общества: Московское и С. Петербургское; общество столичнаго освѣщенія газомъ и общество С. Петербургскихъ водопроводовъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ указываемъ на примѣненіе у насъ акціонернаго принципа къ высокимъ филантропическимъ цѣлямъ, что впервые осуществилось въ учрежденіи общества для улучшенія въ С. Петербургѣ помѣщенной рабочаго и нуж-

дающаго ея населенія. Образованною публикою съ большимъ интересомъ принято было извѣстіе о двухъ проектированныхъ литературныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Впрочемъ, къ учрежденію этихъ обществъ встрѣтились, говорятъ, нѣкоторыя препятствія; мы искренно желаемъ скорѣйшаго ихъ окончанія. 30 апрѣля послѣдовало учрежденіе акціонернаго общества, подъ названіемъ *Закаспійское торговое товарищество*. По уставу своему, это общество есть, въ-сущности, торговое товарищество на вѣрѣ, но съ опредѣленнымъ капиталомъ, раздѣленнымъ на равныя пай или акціи. Подобная компанія представляетъ у насъ новое, весьма замѣчательное юридическое явленіе».

---

# I.

## Н О В О С Т И

### ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

**произвольное зарождение.** — Между явлениями, совершающимися въ органическихъ тѣлахъ, есть цѣлый рядъ такихъ, которыя, не смотря на всѣ успѣхи физиологіи, остаются покрытыми глубочайшимъ мракомъ. Сюда принадлежатъ именно всѣ явленія такъ-называемаго *развитія*,—явленія, которыя составляютъ отличительную черту организмовъ. Организмъ—зараждается, обыкновенно, при половомъ взаимодействіи, потомъ растетъ, расчленяется на многообразныя органы, претерпѣваетъ превращенія, часто удивительныя по рѣзкости и быстрому переходу формъ, достигаетъ зрѣлости, самъ порождаетъ новые организмы и наконецъ неизбѣжно, непремѣнно—умираетъ. Какъ ни подробно мы знаемъ различныя явленія, которыя происходятъ при всѣхъ этихъ перемѣнахъ, мы знаемъ однакожь только явленія, а о причинахъ, о сущности этихъ явленій физиологія не имѣетъ никакого понятія. Чтобы яснѣе видѣть все безсиліе физиологіи въ этой области, возьмемъ другую область, именно явленія, происходящія въ организмѣ на какой-нибудь одной степени развитія, въ организмѣ такъ сказать постоянно, неразвивающемся. Въ объясненіи этихъ явленій физиологія сдѣлала исполинскіе успѣхи, совершила блистательныя открытія. Какъ разъясненъ процессъ дыханія, — таинственный процессъ, съ которымъ связываются представленія о душѣ и жизни! Какими быстрыми шагами идетъ впередъ объясненіе процесса пищеваренія! Какъ ясенъ для насъ весь механическій процессъ движенія! Между-тѣмъ въ развитіи вѣтъ ни

одного объясненнаго явления; даже простѣйшій случай — распаденіе одной клѣточки на двѣ — основное и самое простое явленіе развитія, не имѣетъ не только положительнаго объясненія, но даже объясняющей гипотезы.

Такое положеніе науки, намъ кажется, выражается очень хорошо теоріею развитія, господствовавшею въ прошломъ вѣкѣ, и которой, по-крайней-мѣрѣ въ первое время, держался и величайшій натуралистъ нашего вѣка — Кювье. Теорія эта называлась собственно теоріею развитія (*theoria evolutionis*) и состояла главнымъ образомъ въ томъ, что предполагала предсуществованіе зародышей и происхожденіе ихъ приписывала прямо творческой силѣ. Зародышъ-же, по этой теоріи, былъ ни что иное, какъ цѣлый организмъ въ миниатюрѣ, такъ-что все развитіе состояло въ постепенномъ увеличеніи частей, въ постепенномъ раскрытіи того, что уже въ немъ существуетъ. Совершенно понятно, что физиологія такимъ образомъ избѣгала многихъ трудностей. Непонятныя явленія были отнесены къ самому акту созданія зародыша, и слѣдовательно оставалось объяснять только явленія уже построеннаго, уже готоваго организма, — что, какъ мы видѣли, несравненно легче.

Новая физиологія разрушила такіа сладкія мечты. Оказалось, что эти явленія, нерѣдко относимыя старою теоріею къ самому началу созданія міра, что эти чудеса совершаются теперь, у насъ передъ глазами и что слѣдовательно неизбежно предстоитъ трудъ искать ихъ объясненія. Оказалось, что зародышъ не существуетъ прежде извѣстнаго времени, что сначала онъ имѣетъ простѣйшее органическое строеніе, что части въ немъ являются постепенно и пр. Въ этихъ открытіяхъ состоитъ одинъ изъ величайшихъ успѣховъ человѣческаго знанія; но замѣчательно, что тѣмъ не менѣе самыя явленія остаются таинственными, непонятными.

Еще недавно вся Германія и также другія ученые страны шумѣли споромъ объ одномъ изъ предметовъ, относящихся сюда, именно объ оплодотвореніи растений. Какой-же результатъ столь многихъ ученыхъ трудовъ? Странно сказать: результатъ тотъ, что таинственное явленіе, загадка, дѣйствительно признана загадкою. На самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ теорія прошлаго вѣка объясняла развитіе тѣмъ, что отрицала развитіе, то есть полагала, что въ зародышѣ есть всѣ части зрѣлаго организма, такъ точно остроумный Шлейденъ хотѣлъ объяснить оплодотвореніе растений тѣмъ, что отрицалъ оплодотвореніе. Оплодотвореніе, какъ извѣст-

но, представляет непонятное взаимодѣйствіе двухъ различныхъ органическихъ частей, вслѣдствіе котораго является зародышъ. Шлейденъ отрицалъ такое необходимое и виѣстѣ совершенно неизвѣстно почему нужное взаимодѣйствіе: по его мнѣнію, сѣмянная почка была не что иное, какъ почва, на которой всего удобнѣе изъ пылинки вырастаетъ зародышъ; въ другихъ случаяхъ та-же пылинка, *спора*, можетъ вырости и на простой землѣ. Длинный споръ, какъ я сказалъ, опровергъ эту остроумную гипотезу, которая, вслѣдствіе трудности наблюдений, сперва была поддерживаема многими наблюдателями. Такъ-какъ явленіе совершенно темно, то очевидно и невозможна была другая гипотеза кромѣ такой, которая отвергала самое явленіе. Всякая гипотеза уже разъясняетъ дѣло, уже приближается болѣе или менѣе къ истинѣ; здѣсь-же мы, повидимому, лишены и самой *возможности* объясненія.

Иногда говорятъ, что оплодотворяющій элементъ дѣйствуетъ на оплодотворяемый, какъ ферментъ, какъ закваска; но не нужно забывать, что это есть только простое сравненіе, а не подведеніе одного явленія подъ другое. На самомъ дѣлѣ дѣйствіе фермента состоитъ въ извѣстныхъ химическихъ явленіяхъ, между-тѣмъ-какъ дѣйствіе оплодотворенія обнаруживается въ извѣстныхъ органическихъ перемѣнахъ, въ размноженіи клѣточекъ, въ распаденіи ихъ на различныя группы и т. п. Очевидно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ то и другое дѣйствіе сходны, но, вообще говоря, существенно они различны.

Не меньшая темнота господствуетъ и въ другомъ вопросѣ, бывшемъ также предметомъ безконечныхъ споровъ и опытовъ, именно въ вопросѣ о произвольномъ зарожденіи. Подъ именемъ *произвольнаго зарожденія* собственно разумѣютъ происхождение организмовъ безъ всякаго участія другихъ организмовъ. Прежде, когда принимали существованіе такъ-называемой *органической матеріи*, или думали, что органическія вещества не могутъ происходить внѣ организмовъ, различали еще произвольное зарожденіе изъ неорганическихъ веществъ и такое-же зарожденіе при участіи органическаго вещества. Но теперь, когда эти мнѣнія пали, вопросъ сталъ опредѣлительнѣе и состоитъ въ томъ, могутъ-ли вообще происходить организмы сами по себѣ безъ всякаго участія другихъ, прежде существующихъ организмовъ.

Замѣтимъ, что подъ этимъ *происхожденіемъ* мы разумѣемъ явленіе совершенно неизвѣстное и неопредѣленное. На этомъ осно-

ваніи мы никакъ не можемъ сказать, что оно невозможно; между-тѣмъ есть причины думать, что оно если не совершается теперь, то непременно совершалось прежде. Геологическія изслѣдованія показываютъ, что была эпоха, когда на землѣ не было организмовъ, что потомъ они постепенно появлялись и исчезали. Если послѣдующіе организмы и можно производить отъ предъидущихъ, то первые организмы очевидно должны были произойти безъ участія другихъ, слѣдовательно зародиться произвольно. При этомъ весьма справедливо замѣчаетъ Оуэнъ (1), что каковы-бы ни были процессы, которые мы предположимъ, мы всегда сохранимъ мысль о *тѳореним*, т. е. всегда найдемъ, что явленія всецѣло совершаются по законамъ Высочайшаго Разума.

И такъ необходимо допустить происхождение однихъ организмовъ безъ участія другихъ.

Но мы не имѣемъ никакого понятія объ этомъ явленіи, и потому не можемъ судить и объ условіяхъ, при которыхъ оно совершается. Отсюда можно вывести двоякое слѣдствіе. Во-первыхъ, никакой опытъ не можетъ доказать, что произвольнаго зарожденія не существуетъ: потому-что каковы-бы ни были условія опыта, мы всегда можемъ предположить, что произвольное зарожденіе требуетъ какихъ-нибудь другихъ условій. Во-вторыхъ, никакой опытъ, при которомъ *неизвѣстно откуда* появились организмы, не можетъ несомнѣнно доказать произвольное зарожденіе; всегда можно предположить ошибку, всегда можно сказать, что здѣсь дѣйствительно было зарожденіе, но не произвольное зарожденіе. Такое сомнѣніе всегда будетъ основательно, пока мы не узнаемъ самаго явленія и не будемъ въ состояніи опредѣлить связь его съ условіями. Всѣ опыты, которые были сдѣланы для разъясненія этого предмета, до-сихъ-поръ суть только неопредѣленные попытки и до-сихъ-поръ онѣ не дали никакого результата.

Въ послѣднее время такія попытки были сдѣланы Пуше и Гузо (2).

Занимаясь этимъ вопросомъ, Пуше повторилъ всѣ замѣчательные опыты, которые были сдѣланы до него многими учеными, и наконецъ дошелъ до опытовъ Шульца и Шванна, которые всѣми противниками произвольнаго зарожденія считаются самыми силь-

(1) См. Ж. м. н. пр. февр. кв. отд. VII.

(2) Comptes rendus 1858 20 décembre.

ными доказательствами противъ этой гипотезы. Пуше утверждаетъ, что, слѣдуя *точно* тѣмъ-же приемамъ, даже разнообразя ихъ и доведя ихъ до большей строгости, онъ все-таки *получилъ положительный* результатъ. Микроскопическія животныя и растенія появлялись въ колбахъ, въ которыхъ предварительно были уничтожены всѣ органическіе зародыши и куда воздухъ проникалъ только черезъ сгущенную сѣрную кислоту или черезъ лабиринтъ фарфоровыхъ кусковъ и горнаго льна, нагрѣтыхъ до краснаго каленія.

Но, кромѣ-того, Пуше пробовалъ вмѣсто обыкновеннаго воздуха употреблять искусственный. Прекрасные опыты Реньо и Рейзе, говоритъ онъ, заранѣе давали мнѣ причину думать, что низшіе животныя могутъ развиваться въ такомъ воздухѣ, такъ-какъ въ немъ могли жить даже позвоночныя. Микроскопическіе организмы появлялись въ водѣ, бывшей въ прикосновеніи только со смѣсью 21 части кислорода и 79 частей азота и даже съ однимъ чистымъ кислородомъ.

Опытъ, сдѣланный Пуше, состоитъ въ слѣдующемъ:

Флаконъ, наполненный кипящею водою, былъ герметически закупоренъ и опрокинутъ въ ртутную ванну; по охлажденіи, его откупорили и подъ ртутью ввели въ него кислородъ и клочекъ сѣна, который въ особомъ флаконѣ былъ нагрѣваемъ въ-теченіе 30 минутъ до 100°. Потомъ первый флаконъ былъ закрытъ стеклянною пробкою, плотно притертою, и наконецъ отверстие залѣплено лакомъ.

Черезъ восемь дней вода была желтоватаго цвѣта и на нѣкоторыхъ изъ кусочковъ сѣна видны были бѣловато-желтые шарики, величиною и видомъ похожіе на сѣмена бѣлаго крыжовника. Оказалось, что эти шарики состояли изъ плѣсени *Aspergillus* и г. Монтанъ призналъ ее за особый, еще не описанный видъ — *Asp. Pouchetii*.

Другой, совершенно подобный опытъ произведенъ Пуше вмѣстѣ съ Гузо. Только вмѣсто кислорода въ этомъ случаѣ они употребили искусственный воздухъ — смѣсь кислорода и азота въ пропорціи, находямой въ воздухѣ.

На восьмой день вода стала мутною; на краю появился сѣрвато-зеленый островокъ около трехъ миллиметровъ въ діаметрѣ.

Черезъ мѣсяцъ, когда былъ открытъ флаконъ, въ немъ нашлось четыре такіе островка и оказалось, что они состоятъ изъ



*Penicillium glaucum* Link. Кроме-того на днѣ были шарикки *Aspergillus*.

Наконецъ оказалось довольно много животныхъ, именно *Proteus diffluens* Müll., *Trachelius trichophorus* Ehrb., *Trachelius globifer* Ehr., *Monas elongata* Duj., *Vibrio lineola* Müll., *Vibro regula* Mull.

Эти опыты возбудили многія замѣчанія со стороны Французскихъ академикомъ (1), которыя весьма справедливо указываютъ на недостаточную строгость опытовъ.

Мильтъ Эдвардсъ замѣтилъ, что температура 100°, при которой сѣно оставалось только 30 минутъ, недостаточна для уничтоженія жизнненности зародышей, которые могли въ немъ заключаться; что въ столь короткое время сѣно не могло даже принять во всѣхъ частяхъ температуры 100°. Кроме-того извѣстно, что нѣкоторыя животныя, именно *Tardigrada*, могутъ сохранить жизнь послѣ-того, какъ они нѣсколько часовъ пробыли въ температурѣ 120°, даже 140°. Что возможно для столь сложныхъ животныхъ, то тѣмъ-болѣе возможно для зародышей инфузорій. Наконецъ, сверхъ-всего этого, Мильтъ Эдвардсъ убѣдился многократнымъ опытомъ, что какъ-скоро всѣ органическіе зародыши уничтожены, никогда не появляются инфузоріи въ настояяхъ. Напримѣръ, если въ двѣ трубочки налить воды и примѣшать органическихъ веществъ, если запаять одну изъ трубокъ до двухъ третей наполненную воздухомъ, а другую трубку оставить открытою и потомъ погрузить ихъ въ кипящую воду на такое время, чтобы они могли принять ея температуру, то послѣ нѣсколькихъ дней окажутся инфузоріи въ той трубкѣ, которая въ сообщеніи съ воздухомъ, и никогда ни одной инфузоріи не появляется въ той, которая запаяна. Подобныя опыты Мильтъ Эдвардсъ постоянно дѣлалъ во время своихъ курсовъ, на которыхъ постоянно отвергалъ ученіе о произвольномъ зарожденіи. Онъ разсматриваетъ жизнь, какъ *проявленіе особенно: силы, данной органическимъ тѣламъ*.

Замѣтитъ, что словомъ *сила* уже давно и много злоупотребляютъ и что оно наконецъ утратило всякое опредѣленное значеніе. Что такое сила? Я вижу нѣкоторое явленіе и говорю: оно происходитъ *отъ нѣкоторой силы*. Очевидно, это мало помогаетъ пониманію явленія. Что-же значитъ сила — *данная и передающаяся?*

(7) L'Institut, 1859. p. 11.

*Цайенз* привелъ фактъ, что иногда нужна очень высокая температура для того, чтобы уничтожить совершенно жизнѣнность микроскопическихъ растений. Въ 1843 году, изслѣдуя съ Мирбе-лемъ причину порчи хлѣба отъ плѣсени, онъ старался опредѣлить, какъ высока температура, при которой споры *Oidium aurantiacum* теряютъ способность прорасти. При 120° они нисколько не измѣнялись и только при 140°, подверженныя этой температурѣ цѣ-лый часъ, они измѣняли цвѣтъ и теряли способность расти.

*Катрфажъ* замѣтилъ, что непременно нужно допустить при-сутствіе въ воздухѣ значительнаго числа растительныхъ и жи-вотныхъ зародышей. Изслѣдуя пыль, которая оставалась на цѣ-дилкѣ, при анализахъ дождей съ грозю, дѣланныхъ Буссенго, Катрфажъ убѣдился, что между-тѣмъ-какъ въ сухомъ состояніи эта пыль представляла странное смѣшеніе неопредѣленныхъ ча-стицъ, въ прикосновеніи съ водою черезъ нѣсколько часовъ она представляла множество споръ, инфузорій въ видѣ кистъ, колобра-токъ, монадъ и пр. Подобныхъ-же животныхъ содержитъ и пыль, которая садится въ верхнихъ частяхъ высокихъ комнатъ.

Затѣмъ Катрфажъ указываетъ на новыя открытія въ размно-женіи глистовъ, которыхъ нѣкогда тоже считали произвольно-за-раждающимися. Вездѣ, даже по открытію Бальбіани, у инфузорій, оплодотворенное яйцо — необходимый членъ размноженія.

*Клодъ Бернаръ* со своей стороны рассказываетъ опытъ, кото-рый онъ сдѣлалъ. Въ два одинаковые стеклянные баллона налили въ одно время растворъ желатины въ водѣ, съ примѣсью нѣсколь-кихъ тысячныхъ сахара. Оба баллона были нагрѣты до кипѣнія. По охлажденіи, одинъ изъ нихъ наполнился обыкновеннымъ возду-хомъ и былъ потомъ запаянъ; въ другой-же воздухъ проходилъ черезъ фарфоровые куски, нагрѣтые до краснаго каленія, и потомъ баллонъ былъ также запаянъ. И тотъ и другой были потомъ остав-лены въ совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, на свѣтѣ, и при обыкновенной температурѣ. Черезъ 12 дней баллонъ съ обык-новеннымъ воздухомъ уже содержалъ въ себѣ множество плѣсени. Черезъ шесть мѣсяцевъ оказалось, что кислородъ былъ погло-щенъ въ томъ и другомъ баллонѣ и образовалась углекислота. Въ баллонѣ съ обыкновеннымъ воздухомъ Мантанъ нашелъ плесень *Penicillium glaucum*, а въ другомъ не было ни животныхъ, ни рас-тений.

*Дюма* также припомнилъ свои опыты, уже давно сдѣланные,

въ которыхъ органическія тѣла, нагрѣтыя до 180° въ прикосновеніи съ искусственною водою и съ искусственнымъ воздухомъ, не производили инфузорій; какъ только давали доступъ обыкновенному воздуху, они тотчасъ-же появлялись.

**ЖИЗНИННІЙ УЗЕЛЪ** (1).— Дѣло идетъ о спинномъ мозгѣ. Приводимъ здѣсь вполнѣ статью Флуранса, въ которой онъ, какъ всегда, употребляетъ свое особенное средство быть краткимъ, именно—быть яснымъ.

«Въ 1760 году Лорри написалъ слѣдующія замѣчательныя слова: разрѣзъ или сжиманіе спиннаго мозга въ извѣстномъ мѣстѣ производятъ мгновенную смерть; если-же разрѣзать ниже этого мѣста, то произойдетъ параличъ; тоже будетъ, если разрѣзать выше (2).»

«Далѣе: мѣсто это находится у маленькихъ животныхъ между вторымъ и третьимъ, между третьимъ и четвертымъ позвонками, для животныхъ болѣе значительнаго объема—между первымъ и вторымъ, между вторымъ и третьимъ позвонками шеи (3).»

«Въ 1812 году Легаллуа еще точнѣе опредѣлилъ мѣсто, указываемое Лори, говоря: не отъ цѣлаго мозга зависитъ дыханіе, а отъ опредѣленнаго мѣста продолговатаго мозга, которое находится на маломъ разстояніи отъ затылочнаго отверстія, около начала нервовъ восьмой пары, или легочно-брюшныхъ (4).»

«Въ 1827 году я сдѣлалъ новый и болѣе значительный шагъ къ точнѣйшему опредѣленію искомаго мѣста; въ моемъ мемуарѣ я говорилъ: верхній предѣлъ центральной и перво-двигательной (premier-moteur) точки нервной системы находится непосредственно *надъ* началомъ восьмой пары, а нижній предѣлъ—на три линіи ниже этого начала (5).»

«Наконецъ въ 1851 году я сдѣлалъ еще шагъ, который смѣю считать послѣднимъ; именно я сказалъ: верхняя граница проходитъ черезъ *слѣпое отверстіе*, нижняя черезъ точку соединенія

(1) Comptes rendus 1858. 22 Nov.

(2) Mémoires de l'ac. des sc. savants étrangers, t. III, p. 368.

(3) Ibid. p. 367.

(4) Experiences sur le principe de la vie, p. 37.

(5) Recherches experim. p. 204.

*заднихъ пирамидъ*; между этими двумя предѣлами находится *эмзненная точка*, а разстояніе между ними не болѣе линіи (1).»

«Я дѣлаю свой опытъ различнымъ образомъ (2): во-первыхъ — перерѣзываю весь спинной мозгъ поперекъ.»

«Если разрѣзъ сдѣланъ передъ слѣпымъ отверстіемъ, то дыхательныя движенія груди продолжаются.»

«Если разрѣзъ сдѣланъ сзади соединенія *заднихъ пирамидъ*, то дыхательныя движенія лица (движеніе ноздрей и зѣвота) продолжаются.»

«Если разрѣзъ сдѣланъ по срединѣ *V сѣраго вещества*, то дыхательныя движенія груди и лица прекращаются мгновенно, и тѣ и другія вмѣстѣ.»

«Во-вторыхъ, я произвожу опытъ помощію *emporte-pièce*, котораго отверстіе имѣетъ три миллиметра въ діаметрѣ.»

«Если разрѣзъ или, точнѣе, разрушеніе мозга, производимое инструментомъ, проходитъ передъ слѣпымъ отверстіемъ, дыхательныя движенія груди продолжаются; если разрѣзъ проходитъ сзади точки соединенія *заднихъ пирамидъ*, то дыхательныя движенія лица продолжаются; если разрѣзъ проходитъ по срединѣ *V сѣраго вещества*, то всѣ дыхательныя движенія груди и лица уничтожаются разомъ.»

«Наконецъ я произвожу опытъ еще третьимъ способомъ.»

«Я употребляю обоюдо-острый скальпель съ очень тупою вершиною, котораго пластинка имѣетъ пять миллиметровъ въ ширину (3).»

«Посредствомъ такого скальпеля я произвожу поперечное сѣченіе *средней части* продолговатаго мозга.»

«Нѣтъ нужды повторить, что точно такъ-же, какъ въ предъидущихъ опытахъ, если сѣченіе сдѣлано слишкомъ далеко впереди, движенія груди остаются; если-же оно сдѣлано слишкомъ позади, то остаются личныя движенія.»

«Если сѣченіе проходитъ въ точности черезъ середину *сѣраго вещества*, то исчезаютъ разомъ дыхательныя движенія туловища и лица.»

(1) Comptes rendus XXXIII, p. 497.

(2) Всѣ мои опыты, о которыхъ буду говорить, сдѣланы надъ кроликами.

(3) Такіе размѣры всего удобнѣе для кроликовъ. Для большихъ животныхъ, напр. для собакъ, размѣры должны быть больше.

«Но вотъ въ чемъ состоитъ новая и основная истина, открываемая этимъ новымъ способомъ. Жизненный узелъ—двойной (1), т.-е. состоитъ изъ двухъ частей или половинокъ, соединенныхъ по срединѣ; каждая половина можетъ замѣнить недостатокъ другой.»

«Можно разрѣзать правую половину жизненнаго узла и жизнь не прекратится; точно также можно разрѣзать и лѣвую половину. Для прекращенія жизни необходимо разрѣзать обѣ половины и обѣ на томъ-же протяженіи, на протяженіи двухъ съ половиною миллиметровъ, всего на пяти миллиметрахъ.»

«И такъ разрѣзъ въ пять миллиметровъ въ извѣстной точкѣ продолговатаго мозга—вотъ чего достаточно для уничтоженія жизни.»

Донже въ своемъ трактатѣ «физиологіи» (Т. II, р. 206) говоритъ: «Я разрѣзывалъ, разрушалъ на этой высотѣ (на высотѣ, указанной Флурамомъ) пирамиды и шнуровидныя тѣла и однакожь дыханіе не прекращалось; напротивъ, отдѣльное разрушеніе средняго пучка въ томъ-же мѣстѣ производило мгновенную остановку дыханія.»

«Все это совершенно вѣрно. Жизненный узелъ лежитъ между задними пирамидами, и слѣдовательно ни эти пирамиды, ни тѣмъ болѣе шнуровидныя тѣла не имѣютъ къ нему никакого отношенія.»

«Въ замѣткѣ, которую въ 1851 году я читаю въ академіи, я говорилъ: «Физиологи часто просили меня указать какинъ-нибудь анатомическимъ терминомъ точное мѣсто точки, которую я называлъ жизненною точкою.»

«Отвѣчаю имъ: мѣсто жизненной точки обозначается *V sphaera essentia*.»

«Я думалъ, что, говоря такимъ образомъ, оказываю нѣкоторое пособіе физиологамъ. Они требовали отъ меня наружнаго указанія, значка жизненнаго узла, и я указалъ имъ его; но-я никакъ не думалъ, что они знакъ примутъ за самый предметъ, знакъ жизненнаго узла за самый узелъ.»

«Между-тѣмъ, кажется, нѣкоторые впали въ такую ошибку; они

(1) Точно такъ, какъ и все въ нервныхъ центрахъ двойное: продолговатый мозгъ, спинной мозгъ, лопасти или полушарія мозга и пр. Можно отнять одну лопасть мозга, остающаяся замѣняетъ ее. См. *Recherches experimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux*, pag. 31 et suiv. (2-de édition).

слимали *V* сѣраго вещества и удивлялись, что животное продолжает жить. Между-тѣмъ удивительно было-бы, еслибъ оно умерло. *V* сѣраго вещества не имѣетъ никакого отношенія къ жизненному узлу.»

«Можно снять *V* сѣраго вещества и животное нисколько не потерпитъ (1).»

«Можно сдѣлать болѣе: можно прорѣзать насквозь продолговатый мозгъ, вдоль между половинами жизненнаго узла. Если только половинки не повреждены, или повреждены незначительно, то животное нисколько не потерпитъ.»

«Я сказалъ уже: для прекращенія жизни необходимо, чтобы обѣ половинки жизненнаго узла были разрѣзаны, разрушены и обѣ на одинаковомъ протяженіи, каждая на двухъ съ половиною миллиметрахъ; вотъ прямое выраженіе опыта.»

**способъ опредѣлять удѣльный вѣсъ (2).**— *A. Мейеръ* предложилъ самый легкій и изящный способъ опредѣлять удѣльный вѣсъ тѣла; онъ, конечно, не можетъ равняться съ другими по точности, но достаточенъ для приблизительнаго и быстрого опредѣленія.

Такъ-какъ весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы узнать, какъ велико количество воды, занимающее объемъ, равный объему испытываемаго тѣла, то задача разрѣшается чрезвычайно просто слѣдующимъ способомъ: наполнивъ водою какой-нибудь сосудъ, въ него опускаютъ длинное колѣно сифона, наполненнаго также водою. Нѣсколько времени изъ короткаго колѣна вытекаетъ вода и наконецъ останавливается. Тогда опускаютъ въ сосудъ испытываемое тѣло и вода снова начинаетъ течь изъ сифона; если собрать всю воду, которая вытечетъ въ этомъ случаѣ, то она представитъ намъ объемъ въ точности равный объему взятаго тѣла. *A. Мейеръ* повѣрилъ этимъ способомъ множество чиселъ удѣльнаго вѣса, найденныхъ помощію прежнихъ способовъ, и нашелъ полное согласіе. Онъ полагаетъ, что его способъ можетъ быть съ пользою употребляемъ при опредѣленіи удѣльнаго вѣса минераловъ, и вообще такихъ тѣлъ, которыхъ объемъ не возволяетъ прибѣгнуть къ гидростатическимъ вѣсамъ.

(1) Можно также перерѣзать легочно-брюшные нервы. Явленія отъ того нисколько не измѣняются.

(2) *Comptes rendus* 1858, 20 decembre, p. 999.

**новый родъ червей (\*).** — Въ прошлое лѣто Костъ представилъ Парижской академіи замѣтку о превращеніяхъ омаровъ. Ванъ-Бенеденъ, котораго наблюденія были не согласны съ показаніями Коста, снова отправился въ Остенде, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли молодые омары имѣютъ фирму Зоэ, то есть имѣютъ на своей скорлупѣ уродливыя колючки, отличающія личинки крабовъ. Новыя наблюденія подтвердили однакожь прежнія; Ванъ-Бенеденъ нашелъ, что омары никогда не имѣютъ фирмы Зоэ, и что все превращеніе, которому они подвергаются, состоитъ въ перемѣнѣ наружныхъ жаберъ на внутреннія, покрытыя скорлупою.

При этомъ Ванъ-Бенеденъ нашелъ новое, чрезвычайно странное животное изъ класса червей: оно встрѣчается въ изобиліи между ящиками омара.

Едва-ли можно найти другое животное болѣе странное. Тѣло его длинно и узко, какъ вообще у червей; голова, ясно-отдѣльная, вооружена многими мягкими и прямыми прибавками; на заднемъ же концѣ тѣла находятся двѣ ноги, назначенныя для хожденія. Эти ноги сгибаются, выпрямляются, вытягиваются, какъ заднія ноги лягушки или млекопитающаго. Животное дѣйствительно ходитъ на этихъ ногахъ между ящиками омара; такому хожденію способствуютъ двѣ присоски, занимающія мѣсто ступней. Присоски представляютъ небольшое видоизмѣненіе кожи, которая здѣсь подвижна, можетъ расширяться въ видѣ перепончатаго кружка, или сжимается и принимаетъ форму ступни слона.

Безъ сомнѣнія, это самое удивительное изъ всѣхъ животныхъ, открытыхъ въ послѣдніе годы; можно безъ преувеличенія назвать его двуногимъ червемъ, видя, какъ онъ перемѣщается на стеклѣ или другомъ какомъ гладкомъ тѣлѣ. Представьте себѣ клоуна съ костями, вывихнутыми до послѣдней степени, даже вовсе безъ костей, и пусть онъ эквилибрируетъ на грудѣ чудовищныхъ ядеръ, становясь одной ногой на одно ядро, другой на другое, качаетъ свое туловище, вѣтается и выпрямляется, какъ пяденица; все это будетъ только несовершенный образъ всѣхъ тѣхъ странныхъ положеній, которыя принимаетъ нашъ червякъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ.

Невозможно передать зрѣлище, которое представляютъ десятка два такихъ червячковъ, вращающихся на часовомъ стеклѣ между нѣсколькими ящиками.

(\*) L'Institut 1858 p. 492.

Ванъ-Бенеденъ назвалъ этого замѣчательнаго червя *Histriobdella*. Хотя онъ очень обыкновененъ на омарѣ береговъ Франціи и Норвегіи, но ни одинъ натуралистъ еще не описалъ его. Ванъ-Бенеденъ самъ видѣлъ его уже давно, но принималъ сперва за личинку червя, именно изъ рода серпуль.

Голова *Histriobdella* шириною въ 0,35 миллиметра; ширина ея почти равна длинѣ; она сплюснута и впереди и въ срединѣ имѣетъ перепончатую прибавку, нѣсколько похожую на хоботокъ. Съ каждой стороны на наружныхъ углахъ находится по двѣ другіе перепончатые прибавки, расположенныя одна надъ другою. Эти пять прибавокъ на головѣ мягки и отчасти упруги, но не могутъ ни вытягиваться, ни прятаться. Нѣкоторыя кольчатые, напр. *Nerilla* и *Syllis*, также имѣютъ прибавки на головѣ, но совершенно другаго рода. Дальше назадъ по бокамъ находятся два другіе перепончатые органа, очень подвижныя, которые могутъ расширяться и сжиматься, втягиваться и выставляться; они дѣйствуютъ, какъ кажется, подобно присоскамъ и могутъ укрѣплять животное; въ анатомическомъ и физиологическомъ отношеніи это суть головныя ноги, совершенно подобныя тѣмъ, которыми оканчивается тѣло. Червь можетъ ходить на этихъ четырехъ ногахъ подобно гусеницамъ. Во внутренности головы можно легко видѣть мускульныя волокна, которыя идутъ къ основанію головныхъ ногъ.

Тѣло гистриобделлы удлиненное и неправильно кольчатое. Оно попеременно расширяется и суживается, за исключеніемъ головной части. Не видно нигдѣ никакихъ щетинъ. Въ началѣ послѣдней трети длины тѣла оно быстро раздувается во время появленія половыхъ органовъ и, вслѣдствіе присутствія яичекъ, эта часть тѣла становится бѣлою. По этому обстоятельству можно тотчасъ различить полы.

На заднихъ ногахъ, о которыхъ мы уже сказали, посрединѣ той части, которую можно сравнить съ бедромъ, находятся сзади съ обѣихъ сторонъ перепончатые прибавки, которыя въ анатомическомъ отношеніи представляютъ полную аналогію съ пятью прибавками головы, такъ-что одинаковые органы расположены на противоположныхъ концахъ тѣла.

Ни въ какомъ кольчатомъ червѣ не встрѣчается подобное устройство; Ванъ-Бенеденъ думаетъ однакожь, что можно привести Гистриобделлу къ обыкновенному тѣлу пиявочныхъ червей.

На самомъ дѣлѣ всѣ пиявочныя, за исключеніемъ рода *Peri-*



pates, имѣють заднюю присоску; у животнаго-же, о которомъ мы говоримъ, не одна, а двѣ такія присоски, и при томъ не сидячія, а стебельчатыя; вотъ значеніе ихъ заднихъ ногъ. Такъ у нѣкоторыхъ Trematoda единственная присоска рода *Tristoma*, становится множественною и даже являются болѣе или менѣе подвижныя ножки, на которыхъ сидятъ присоски, напр. въ родѣ *Polystoma*; такое устоиство многоприсосковыхъ Trematoda повторяется между пиявками въ родѣ *Histriobdella*. Вѣроятно, что впоследствии найдутся и другіе примѣры для пополненія этого параллельнаго ряда.

Если подобное толкованіе вѣрно, то въ родѣ, открытомъ Ванъ-Бенеденомъ, нѣтъ ничего аномальнаго; при всѣмъ томъ онъ представляетъ намъ очень странную форму пиявки, хотя и весьма простой организаціи.

И. СТРАХОВЪ.

## Ц.

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

УСТАНОВЛЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, СОСТОЯЩІЯ ПОДЪ ПРЯМОУЮ РУКУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ. — Списокъ сихъ учрежденій напечатанъ въ Журн. м. вѣд. Такъ-какъ въ семъ списокѣ главное мѣсто занимають учебныя и воспитательныя заведенія, то мы сочли неизлишнымъ занести этотъ списокъ на страницы нашего журнала.

І. Главныи советъ женскихъ учебныхъ заведеній. — Московское отдѣленіе этого совета. *Женскія учебныя заведенія 1 разряда*: Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, училище ордена св. Екатерины и патриотическій институтъ комитета 18 августа 1814 года — въ С.-Петербургѣ, и училище ордена св. Екатерины — въ Москвѣ. — Губернскіе институты благородныхъ дѣвицъ: Харьковскій, Одесскій, Кіевскій, Казанскій-Родіоновскій, Бѣлостокскій, Закавказскій, Полтавскій, Александринскій въ Тамбовѣ, Александринскій въ Новой-Александріи, Нижегородскій-Маріинскій, Донской-Маріинской въ Новочеркасскѣ, Могилевскій, Саратовскій-Маріинскій, Сибирскій-Маріинскій въ Томскѣ. Орловскій-Александринскій, Виленскій, Владимірскій, Костромской-Романовскій (послѣдніе 5 по открытіи). — *Женскія учебныя заведенія 2 разряда*: Павловскій институтъ, Александровское и Елисаветинское училища — въ С.-Петербургѣ, Александровское и Елисаветинское училища — въ Москвѣ, пансіонъ при Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, Астраханскій институтъ, институтъ восточной Сибири, Керчинскій Кушниковскій институтъ Сибирское, Елисаветинское училище, Оренбургское училище, Кіевское училище графини Левашевой, высшее отдѣленіе Тобольской Маріинской школы, Севастопольское училище для дочерей офицеровъ Черноморскаго флота (по открытіи). — *Женскія учебныя заведенія 3 разряда*: Училище Александринскаго сиротскаго дома, два училища солдатскихъ дочерей полковъ лейб-гвардіи № 1 и 2, Одесское городское училище, Николаевское и Севастопольское училища для

дочерей нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота, низшее отдѣленіе Тобольской Маринской школы. — *Женскія учебныя заведенія 4 разряда (спеціальныя)*: Евангелическое Александринское заведеніе для бѣдныхъ дѣтей женскаго пола въ С.-Петербургѣ, сиротскій домъ для воспитанія бѣдныхъ женскаго пола въ Кронштадтѣ, сиропитательный домъ Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. — Прочія спеціальныя женскія учебныя заведенія показаны при тѣхъ учрежденіяхъ, къ составу или вѣдомству коихъ они принадлежатъ.

II. *Опекунскіе совѣты*. А. *С.-Петербургскій опекунскій совѣтъ*: Сохранная казна, ссудная казна, сберегательная касса, экспедиція карточнаго сбора, сиротскій институтъ, Гатчинскій сиротскій институтъ, отдѣленіе малолѣтнихъ Александринскаго сиротскаго дома, училище глухонѣмыхъ, воспитательный домъ — грудныя отдѣленія, деревенское управленіе и богадѣльня, родо-вспомогательное заведеніе — родильный госпиталь и повивальное училище, Маринская больница и фельдшерская при ней школа, женская больница въ память Великой Княгини Александры Николаевны, больница всѣхъ скорбящихъ, вдовій домъ, домъ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія. — Б. *Московскій опекунскій совѣтъ*: Сохранная казна, ссудная казна, сберегательная касса, сиротскій институтъ, воспитательный домъ — грудныя отдѣленія и деревенское управленіе, родильный госпиталь и повивальное училище, ремесленное учебное заведеніе, вдовій домъ, Павловская больница, Маринская больница, дѣтская больница, малолѣтнее отдѣленіе и богадѣльня воспитательнаго дома, фельдшерская школа, домъ призрѣнія штабъ и обер-офицеровъ благотворительницы Шереметевой.

III. *Попечительный совѣтъ заведеній обществяннаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ*. Обуховская больница, мужская и женская, съ состоящею при ней фельдшерскою школою, Калининская больница, исправительное заведеніе, городская богадѣльня, больница св. Маріи Магдалины, Петропавловская больница, больница св. Ольги, Войковскія богадѣльни.

IV. *С.-Петербургское женское патриотическое общество*. *Частныя школы*: Михайловская, 2 адмиралтейская и особое при ней отдѣленіе, Выборгская и особое при ней отдѣленіе, Петербургская, Литейная, Московская, 4 Адмиралтейская, Васильевская и особое при ней отдѣленіе, Сухаревская, Голицынская, Нарвская (гофмаршала Ласунскаго), Рождественская.

V. КОМИТЕТЪ ГЛАВНАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ДѢТСКИХЪ ПРИУТОВЪ.  
*С.-Петербургскіе приюты:* Образцовый (барона Штиглица), св. Андрея съ ночнымъ отдѣленіемъ, Жуковский, Александринскій съ сиротскимъ отдѣленіемъ, Лавальскій, Введенскій, св. Влѣдимира, княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, Благовѣщенскій, Воскресенскій, Александро-Маринскій, Охтенскій (Шитта), Серебряный, Царскосельскій съ ночнымъ отдѣленіемъ, Великой Княгини Александры Николаевны съ сиротскимъ отдѣленіемъ, св. Сергія съ Громовскимъ сиротскимъ отдѣленіемъ, Елисаветы и Маріи (въ Павловскѣ) съ ночнымъ отдѣленіемъ, Великой Княгини Ольги Николаевны, Платона Голубкова (въ Петергофѣ) съ Лихардовскимъ ночнымъ отдѣленіемъ. — *Московскіе приюты:* Александринскій, Николаевскій, Ольгинскій, Александро-Маринскій, Маринскій, Прѣсенскій, Яузскій, Серпуховскій, Княжны Маріи Максимилиановны. — *Губернскіе и городскіе приюты:* Архангельскій, Константиновскій въ Архангельскѣ, Александринскій и Николаевскій въ Астрахани, Виленскій 1, Виленскій 2, Витебскій, Александринскій во Владимірѣ, Маринскій въ Гавриловскомъ посадѣ (Суздальскаго уѣзда), Александринскій въ Вологдѣ, Александринскій въ Воронежѣ, Екатеринославскій, Ростовскій на Дону, Александринскій въ Иркутскѣ, Николаевскій, Александринскій и Мусульманскій въ Казани, Калужскій, Бальша въ Кишиневѣ, Александровскій въ Кіевѣ, Кіевскій 2, Ковенскій, Маринскій въ Костромѣ, Владимірскій въ Красноярскѣ, Минскій, Могилевскій, графа Потоцкаго въ мѣстечкѣ Немировѣ (Подольской губерніи), Нижегородскій 1, Нижегородскій 2, Алексѣевскій въ Новочеркасскѣ, Александровскій въ Одессѣ, Александринскій въ Пензѣ, Пермскій, Пименовскій въ Петрозаводскѣ, Александринскій въ Полтавѣ, св. Ольги въ Псковѣ, Александринскій въ Рязани, Алексѣевскій въ Самарѣ (еще не открытъ), Саратовскій, Смоленскій, Николаевскій въ Таганрогѣ, Маринскій въ Тамбовѣ, Тверской, Маринскій въ Томскѣ, Николаевскій въ Троицкосавскѣ, Николаевскій въ Тулѣ, Уфимскій, Харьковскій, Старобѣльскій, Николаевскій въ Херсонѣ, Черниговскій, Ольгинскій въ Ярославлѣ, Николаевскій въ Угличѣ, Вятскій, Александринскій въ Елабугѣ, Николаевскій въ Ярославлѣ, Нурова въ Екатеринбургѣ, Раненбургскій, Рязанской губерніи, Великой Княгини Ольги Фѣодоровны въ Торопцѣ, Якутскій, графини Адлербергъ въ Симферополѣ.

VI. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО 1837 г. въ Москвѣ. *Школы:*

Басманная, Арбатская, Николаевская, Симоновская, Титовская, Срѣтенская, Якиманская, Суцевская, Голицинская, Мяоничская, Прѣсененская, Яузская, Пищальниковская, Талызинская.

VII. Александровскій лицей.

VIII. Коммерческія училища С.-Петербургское и Московское.

IX. Александровская мануфактура и комитетъ главнаго ея управленія.

X. Банки: Александринскій въ Тулѣ, общественный Сибирскій въ Томскѣ и банкъ при сиропитательномъ домѣ Медвѣдниковой въ Иркутскѣ.

XI. Попечительства о бѣдныхъ. 1. *Въ Москвѣ.* Отдѣленія попечительства: Арбатское 1, Арбатское 2, Басманное, Городское, Лесоторговское, Мясницкое, Мѣщанское 1, Мѣщанское 2, Мѣщанское 3, Пречистенское, Прѣсененское, Пятницкое, Рогожское, Серпуховское, Суцевское, Срѣтенское, Тверское 1, Тверское 2, Хамовническое, Якиманское, Яузское. — 2. *Въ Пензѣ.* Отдѣленія попечительства: Никольское, Архангельское, Казанское, Петропавловское, Покровское, Чернаское, Рождественское, Боголюбское, Преображенское. 3. *Кіевское общество для помощи бѣднымъ.* 4. *Симбирское общество христіанскаго милосердія.*

XII. Дома трудолюбія: Демидовскій домъ призрѣнія трудящихся и состоящая при немъ школа бѣдныхъ дѣтей; Рязанскій домъ трудолюбія; училище трудолюбія въ Пензѣ.

XIII. Больницы и богадѣльни, осовому управленію ввѣренныя: Въ С.-Петербургѣ — дѣтская больница и глазная лечебница; въ Москвѣ — городская и Голицинская больницы; Тульскій домъ призрѣнія бѣдныхъ, Вѣлевскій вдовій домъ, страннопримный домъ Таранова-Вѣлозера въ Симферополѣ, страннопримный домъ Деспальды въ Таганрогѣ, Сунгурова богадѣльня въ Малмыжѣ.

XIV. Общество садоводства: Совѣтъ, училище садоводства, Собственная Ея Императорскаго Величества дача Студенецъ.

XV. Частныя учрежденія: Училище для дѣтей бѣдныхъ иностранцевъ въ С.-Петербургѣ; заведеніе для бѣдныхъ, нравственно-пренебреженныхъ дѣтей въ Нарвѣ; община княгини Варягинской; общество снабженія бѣдныхъ теплою одеждою.

XVI. Училища для приходящихъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ: Маринское въ Московской части; въ Коломнѣ; на Васильевскомъ островѣ.

О МѢРАХЪ КЪ УЛУЧШЕНІЮ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ ЧАСТИ. — Г. военный министр циркулярно объявилъ по вѣренному ему вѣдомству слѣдующее Высочайшее повѣленіе: «Государь Императоръ, въ видахъ улучшенія военно-медицинской части и доведенія ея до той степени благоустройства, которая-бы, согласно волѣ Его Величества, соответствовала современному состоянію врачебной науки и пользамъ службы, въ 29 день января 1859 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) При назначеніи на высшія военно-медицинскія должности, какъ-то: корпусныхъ штабъ-докторовъ, дивизионныхъ докторовъ, главныхъ докторовъ госпиталей и ихъ помощниковъ, руководствоваться не старшинствомъ по службѣ, но преимущественно учеными достоинствами и, на семь основаній, принять за непремѣнное правило, чтобы опредѣляемые на означенныя должности врачи имѣли высшую ученую степень: доктора медицины или доктора медицины и хирургіи, и извѣстны были какъ по ихъ глубокимъ теоретическимъ и практическимъ познаніямъ во врачебной наукѣ, такъ и по способности и опытности въ администраціи. 2) Для доставленія военнымъ врачамъ по-возможности средствъ и пособій къ достиженію высшаго ученаго образованія: а) Предоставить медицинскому департаменту военнаго министерства, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1847 году, избирать, изъ числа полковыхъ и госпитальныхъ врачей, способнѣйшихъ и посылать ихъ въ ближайшіе къ мѣсту ихъ служенія университеты или въ Императорскую С. Петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія, подъ руководствомъ клиническихъ профессоровъ, въ теоретическихъ и преимущественно практическихъ врачебныхъ познаніяхъ, въ-особенности-же по нѣкоторымъ специальнымъ медицинскимъ предметамъ. Тѣмъ изъ числа сихъ врачей, у которыхъ замѣчены будутъ особенно примѣчательныя отъ природы дарованія и которые окажутъ при томъ отличнѣйшіе предъ прочими товарищами успѣхи въ ученыхъ занятіяхъ и трудахъ, предоставить болѣе обширный кругъ для наблюденій и опытовъ. Съ этою цѣлю посылать ихъ на два года за границу, впродолженіе которыхъ обязать ихъ не только посѣщать извѣстнѣйшіе въ Европѣ клиники и госпитали, но и вполне изучить организацію Европейскихъ армій въ гигиеническомъ и врачебномъ отношеніяхъ, по предмету размѣщенія войскъ въ казармахъ и лагеряхъ, продовольствія ихъ, формы одежды и амуниціи, рода занятій, вліянія кли-

мата и мѣстности на развитие болѣзней, устройства военныхъ госпиталей и лазаретовъ со всѣми подробностями ихъ администраціи и проч. б) Госпитальныя медицинскія бібліотеки оставить на прежнемъ положеніи, но корпусныя бібліотеки, какъ оказавшіяся не соответствующими цѣли, закрыть и вмѣсто послѣднихъ или учредить медицинскія бібліотеки при полковыхъ штабахъ, небольшія и съ строгою разборчивостію составленныя изъ необходимѣйшихъ классическихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ медицины и хирургіи, и лучшихъ періодическихъ изданій: Русскихъ и иностранныхъ, или изыскать способы доставить каждому врачу, въ какой-бы онъ отдаленной мѣстности ни находился, возможность имѣть у себя таковыя книги и в) Постоянные военные госпитали высшихъ классовъ, гдѣ встрѣчается наиболѣе случаевъ къ производству наблюденій, изслѣдованій и опытовъ, снабдить воѣмъ снарядами, инструментами и пособиями, которые признаются для того необходимыми по нынѣшнему состоянію врачебныхъ и естественныхъ наукъ. 3) Для приведенія въ исполненіе всего вышесказаннаго, отпускать въ вѣдѣніе медицинскаго департамента военнаго министерства ежегодно по 12,000 руб., съ тѣмъ, чтобы впрогѣдствіи, на основаніи трехгодичнаго опыта, можно было указать настоящую цифру, потребную къ ежегодному отпуску для помянутой цѣли. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи объявляю по военному вѣдомству, для свѣдѣнія и надлежащаго руководства».

**ПРОГРАММА ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ, ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ 29 ДЕКАБРЯ 1852 ГОДА.**

**1. Первобытная исторія Грузинскаго племени.**

При настоящемъ состояніи нашихъ познаній, исторія Грузіи представляетъ еще два пробѣла, восполненіе которыхъ было-бы весьма желательно. Одинъ изъ нихъ относится къ древнимъ временамъ и составляетъ слѣдующую задачу: *сдѣлать разысканіе, главнѣйше въ классическихъ писателяхъ, Греческихъ и Латинскихъ, съ тѣмъ чтобы собрать воедино всѣ имѣющіяся налицѣ свидѣтельства о происхожденіи и сродствѣ Иверійцевъ, Местовъ (Мѡсѡховъ) и обитателей древней Колхиды (т. е. нынѣшней Мингреліи, Имеретіи, Гуріи и Лазистана), равно и объ отношеніяхъ ихъ къ другимъ народамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ критически разобрать и расположить эти свидѣтельства и провѣрить ихъ, при посредствѣ, съ одной*

стороны, уже известныя народныхъ преданій, а съ другой—тѣхъ восточныхъ текстовъ, которые сдѣлались доступными критикѣ.

Словомъ—собрать, систематически расположить и критически оцѣнить все, что содержится у древнихъ писателей о географіи и топографіи; этнологіи, религіозной и политической исторіи Иверіи, Мехи, Колхиды и Лазистана, въ самой глубокой древности до введенія христіанства Грузіи,—таковъ объемъ первой задачи.

## II. О Грузіи съ XIII-го по XV-й вѣкъ.

Второй изъ пробѣловъ падаетъ на средніе вѣка. *Со времени нашествія Моноловъ, въ XIII вѣкѣ, до поведенія Турокъ на Черномъ морѣ (подъ исходъ XV столѣтія), не довольно известно, каковы были сношенія Грузинцевъ съ Европою.* Известно, правда, что Грузинцы имѣли въкоторыя сношенія съ Трапезундской имперіей, съ Царегородомъ, съ папами, съ Филиппомъ Добрымъ, герцогомъ Бургундскимъ; известно также, что они имѣли своихъ представителей на Флорентійскомъ соборѣ; но мы не знаемъ въ подробности, какое участіе народы Грузинскаго племени, въ Мингреліи, Абхазіи и собственномъ Лазистанѣ, принимали въ торговлѣ Генуезцевъ и Венеціанцевъ.

Посему необходимо *собрать воедино указанія относительно этихъ странъ, острѣчающіяся преимущественно у Италіянскихъ писателей, и, можетъ стать, въ коммерческихъ архивахъ Генуи и Венеціи.* Тогда удобно-бы начертать сколь возможно полную политическую картину и прослѣдить ходъ торговли на сѣверѣ Чернаго моря въ означенный періодъ, именно—въ отношеніи къ народамъ Грузинскаго племени.

Академія, конечно, не требуетъ, чтобы обѣ задачи были обработаны однимъ и тѣмъ-же авторомъ; напротивъ, она предоставляетъ себѣ увѣнчать и такія сочиненія, въ которыхъ къ полному ея удовлетворенію будетъ изложено только одинъ изъ сказанныхъ вопросовъ. Каждая награда опредѣлена въ 500 р. сер.

Соискательныя сочиненія могутъ быть написаны на Русскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ или Италіянскомъ языкѣ; они должны быть представлены къ августу 1862 г., и адресованы *въ Императорскую академію наукъ въ С. Петербургъ*, безъименно, но съ девизомъ. Въ приложенной запечатанной запискѣ съ тѣмъ-же девизомъ, какъ и самыя сочиненія, должны заключаться имя и адресъ автора. Увѣнчанныя сочиненія будутъ изданы Акаде-



мюю, съ предоставленіемъ авторамъ по пятидесяти экземпляровъ. Записки неувѣнчанныхъ сочиненій будутъ сожжены, а самыя рукописи переданы для краеведенія въ архивъ Академіи.

**ОВЩЕЕ СОБРАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.** — 4 февраля Императорское Русское географическое Общество имѣло общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ адмирала *Ө. П. Литке*, присутствовало 50 членовъ и нѣсколько постороннихъ посѣтителей. Засѣданіе было открыто балотировкою двухъ кандидатовъ, предложенныхъ въ дѣйствительные члены: гг. *Спасовича* и *Калиновскаго*, которые оба были признаны въ этомъ званіи. Затѣмъ секретарь Общества, *Е. И. Ламанскій*, сообщилъ краткія свѣдѣнія о послѣднихъ распоряженіяхъ совѣта Общества. Эти распоряженія главнѣйшимъ образомъ состоятъ въ отправленіи двухъ новыхъ экспедицій въ Сибирь. Первая, служащая продолженіемъ астрономической экспедиціи, дѣйствовавшей въ восточной Сибири и кончившей въ нынѣшнемъ году свои работы, должна состоять изъ двухъ геологовъ: гг. *Шмидта* (магистра Дерптскаго университета) и *Майделя*, къ которымъ присоединится еще натуралистъ *Радде*, оставшійся въ Забайкальской области для продолженія своихъ наблюденій. Гг. Шмидтъ и Майдель, вмѣстѣ съ топографомъ, отправятся на 3 или 4 года отъ Нерчинска на юго-востокъ до устья Амура и далѣе на Сахалинъ. Область ихъ изслѣдованій будетъ Забайкалье и весь вновь присоединенный При-Амурскій край. Вторая экспедиція отправляется въ Заилійскій и Семирѣченскій края, для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ на Алтаѣ и въ Киргизской степи, гдѣ досихпоръ имѣлось только 4 опредѣленія. Картографія юго-западной Сибири, конечно, много выиграетъ отъ новѣрки этихъ старыхъ данныхъ и точнѣйшаго опредѣленія новыхъ основныхъ пунктовъ. Въ-заключеніе дѣйствительный членъ *Э. П. Эдзгалъдъ* прочиталъ собранію весьма любопытное описаніе памятниковъ древняго Чудскаго быта, найденныхъ въ такъ-называемыхъ Чудскихъ копяхъ, въ могилахъ, курганахъ и проч. и свидѣтельствующихъ о древнемъ разселеніи Чуди, о степени совершенства промышленности у безызвѣстныхъ народовъ Геродотова времени, называемыхъ имъ Скивами, и о торговой дѣятельности, въ-особенности сѣверной Чуди. Указавъ на важность собранія и сохраненія подобныхъ древнихъ памятниковъ вообще, служащихъ лучшимъ, если не един-

ственнымъ, средствомъ къ объясненію исторіи исчезнувшихъ и исчезающихъ народовъ, не оставившихъ письменныхъ свидѣтельствъ о своемъ существованіи и о своей судьбѣ, г. Эйхвальдъ остановился на необходимости подобныхъ коллекцій для Россіи, въ которой доживаютъ свой вѣкъ множество племенъ, вѣкогда сильныхъ и могущественныхъ, а нынѣ все болѣе и болѣе уступающихъ преимуществу Славянскаго элемента и сливающихся съ окружающимъ ихъ Русскимъ населеніемъ (\*). Говоря о предметахъ, найденныхъ въ коняхъ и курганахъ, особенно на Уралѣ и на Алтаѣ, г. Эйхвальдъ показалъ рисунки каменныхъ орудій, хранимыхъ въ Барнаулѣ и въ Москвѣ. Замѣчательны каменные оконечности стрѣлъ, найденныя близъ Нерехты (Костромск. губ.), на мѣстахъ жительства древней Мери, и сдѣланныя изъ Московскаго и Калужскаго роговика; ручные жернова съ Алтая; мѣдныя пуговицы и бляхи, съ изображеніемъ сѣвернаго оленя, найденныя въ Керчинскихъ могилахъ; подобныя-же бляхи съ изображеніемъ сидящей женщины съ зеркаломъ; изъ Керчи и Алтая — изображенія грифовъ, золотыя статуйки всадниковъ, преслѣдующихъ зайца и и пр. и пр. Въ новѣйшихъ курганахъ найдены желѣзныя вещи, конья, наконечники стрѣлъ, удила, стремена и пр. Всѣ эти вещи Чудской фабрикаціи, одинаковыя въ Сибири и Крыму, свидѣлствуютъ о большомъ географическомъ распространеніи Чудо-Скиѳовъ, жившихъ на Салаирскихъ горахъ, на Яйлѣ и на берегу Балтики, или занимавшихъ почти всю нынѣшнюю Россію. Особенную важность г. Эйхвальдъ придаетъ каменнымъ бабамъ, служившимъ украшеніемъ на Чудскихъ могилахъ. Бабы эти, высѣченныя изъ гранита и діорита, съ лицомъ, всегда обращеннымъ къ востоку, держатъ въ рукахъ сосудъ и украшены усѣченною конусообразною шапкою, какую мы до-сихъ-поръ видимъ еще у Остяковъ и Вогуловъ. Рубруквисъ, описывая ихъ, приводитъ тѣ-же примѣты. Особенно часто встрѣчаются онѣ на Алтаѣ и на югѣ, въ губерніяхъ Екатеринославской (420), Таврической (44), Харьковской (до 50), въ Таганрогѣ, въ Крыму и проч. Г. Эйхвальдъ предполагаетъ, что эти бабы служили надгробными памятниками Чудскихъ купцовъ, умирающихъ во время пути, и выводитъ это изъ того, что курганы съ бабами преимущественно встрѣчаются по

(\*). Многія этнографическія достопримѣчальности, неизвѣстныя въ Россіи, хранятся въ Лондонскомъ и Парижскомъ этнографическихъ музеяхъ.

торговымъ путямъ древнихъ, напр. по Камѣ вверху, по Волоку, по Печорѣ и Сошесѣ и далѣе на сѣверъ до древняго Холграда, гдѣ въ курганахъ найдено множество Чудскихъ мѣдныхъ изображеній. По этому поводу г. Эйхвальдъ распространился о торговыхъ путяхъ древнихъ вообще и Чудскихъ племенъ въ особенности. По выслушаніи любопытнаго чтенія г. Эйхвальда, гг. члены обратились къ разсмотрѣнію гальванопластическихъ снимковъ Индійскихъ типовъ, снятыхъ братьями Шлагинтвейтъ, во время путешествія ихъ въ Индостанѣ и на Гималаѣ. Почетный членъ академіи К. М. Бэръ далъ нѣсколько словесныхъ объясненій, которыя были выслушаны съ живѣйшимъ вниманіемъ.

**ЗАСѢДАНІЕ ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.** — 26 февраля происходило засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества. Доложены были слѣдующія сообщенія: 1) дѣйств. чл. Общества, управляющаго главнымъ Московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князя М. А. Оболенскаго «О Монгольскихъ помѣтахъ нѣкоторыхъ княжескихъ жалованныхъ и духовныхъ грамотъ» — любопытное открытіе, свидѣтельствующее, что грамоты эти, въ Монгольскій періодъ, утверждались въ ханской канцеляріи. 2) Окружнаго начальника Минусинскаго округа, князя *Кострова*: «О надгробныхъ надписяхъ на камняхъ, встрѣчаемыхъ въ этомъ округѣ», съ точными снимками ихъ. 3) Чл.-основ. генерала И. А. *Бартоломел*, изъ Тегерана: «О монетахъ съ именемъ Алушъ-бека, битыхъ въ Тифлисѣ». 4) Иностраннаго чл.-корр. г. *Сорé*, изъ Женевы: «О послѣднихъ открытіяхъ П. С. Савельева въ области Джучидской нумизматики». Всѣ эти статьи не замедлятъ быть изданными въ «Извѣстіяхъ» Общества. Почетный чл. Общества, преосвященный *Нилъ*, архіепископъ Ярославскій, доставилъ подлинныя записки, касающіяся Китая и российской духовной миссіи въ Пекинѣ. Разсмотрѣніе ихъ возложено на члена Общества, профессора Китайской литературы В. И. *Васильева*. 6) Генер.-губерн. восточной Сибири, графъ Н. Н. *Муравьевъ-Амурскій*, извѣщая о полученіи VI части «Трудовъ отдѣленія», изъявилъ свою благодарность замѣ г. *Гомбоеву* за переводъ Монгольской лѣтописи «Алтанъ-Топчи», помѣщенной въ этой части. Въ заключеніе, завѣдывающій дѣлами отдѣленія со времени его основанія, П. С. Савельевъ, извѣстилъ гг. членовъ, что, по болѣз-

ни и скорому своему отъезду изъ Петербурга, онъ не можетъ продолжать этихъ занятій и просить сложить съ него это званіе. Вслѣдствіе сего, избраны на 1859 годъ: въ управляющіе отдѣленіемъ — М. И. *Вроссе*, а въ секретари — В. В. *Вельяминовъ-Зерновъ*.

**О ЗАВЕДЕНІИ ПРИ ПАЛАТАХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ МУЗЕУМОВЪ РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ ЛѢСНАГО ХОЗЯЙСТВА.** — Признавая полезнымъ образовывать, при лѣсныхъ отдѣленіяхъ палатъ государственныхъ имуществъ, музеумы разныхъ предметовъ лѣснаго хозяйства, по особой, нижеслѣдующей инструкціи, поручено управляющимъ палатами и въ-особенности губернскимъ лѣсничимъ принять, къ достиженію сего, дѣятельныя мѣры. Что-же касается до расходовъ на этотъ предметъ, то оныя, въ случаѣ надобности, могутъ быть относимы на остатки отъ штатныхъ суммъ мѣстнаго управленія.

*Инструкція палатамъ государственныхъ имуществъ, для заведенія при оныхъ музеумовъ разныхъ предметовъ лѣснаго хозяйства.*

1. Музеумы эти устрояются съ тою главною цѣлю, чтобы представить по каждой губерніи образцы мѣстныхъ ея лѣсныхъ произведеній и вырабатываемыхъ изъ нихъ издѣлій и продуктовъ, равно-какъ показать и употребляемые въ лѣсномъ дѣлѣ машины, приборы, орудія и инструменты.

2. На этомъ основаніи, въ составъ каждаго музеума входятъ только предметы, принадлежащіе къ числу мѣстныхъ; произведенія-же чуждыя губерніи, или орудія и машины, въ ней неупотребляемыя, не должны быть помѣщаемы въ эти собранія.

3. Музеумы должны содержать въ себѣ слѣдующее:

*А. По отдѣлу естественныхъ предметовъ лѣснаго хозяйства.*

а) Образцы всѣхъ встрѣчаемыхъ въ губерніи родовъ лѣсныхъ почвъ и торфяныхъ слоевъ. б) Образцы древесины произрастающихъ въ губерніи лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ, отдѣляемые преимущественно выше комлевой части ихъ, и притомъ отъ деревьевъ и кустарниковъ разнаго возраста и произрастающихъ на разныхъ родахъ почвъ, съ обозначеніемъ на тѣхъ образцахъ возраста и почвы, на которой они произрастали. в) Древесныя и кустарныя сѣмена, а такжешишкиквойныхъ породъ, если только эти послѣднія входятъ въ составъ губернской флоры. г) Коллекціи засушенныхъ образцовъ древесныхъ и травянистыхъ растений, ку-

ство и полукустовъ, съ перечнемъ ихъ по названіямъ научнымъ и мѣстнымъ. д) Собраніе встрѣчающихся въ губерніи полезныхъ и вредныхъ для лѣсовъ насѣкомыхъ.

**Б. По отдѣлу механической обработки древесины.** а) Образцы выдѣлываемыхъ разныхъ сортовъ брусевъ, бревенъ, валовъ, корь, шпаль (слипперовъ), клепокъ, теса, гонта, водопроводныхъ трубъ и проч. б) Модели строящихся въ каждой губерніи всѣхъ рѣчныхъ и мореходныхъ судовъ и разныхъ частей ихъ. в) Модели плотовъ строеваго и дровянаго лѣса, по принятымъ, на мѣстныхъ водныхъ систетахъ, способамъ сплачиванія. г) Образцы щепнаго товара мѣстной крестьянской или базарной промышленности, равно-какъ и образцы отправляемыхъ за предѣлы губерніи разныхъ лѣсныхъ издѣлій механической отдѣлки.

**В. По отдѣлу химической обработки деревъ.** Образцы древесныхъ продуктовъ, получаемыхъ при различныхъ лѣсотехническихъ производствахъ, какъ-то: угля, дегтя, смолы, скипидара, гарпуса, поташа, сажи и проч.

**Г. По отдѣлу орудій, инструментовъ, приборовъ и машинъ.** а) Образцы орудій, употребляемыхъ для обработки почвы подъ посѣвъ и посадку древесныхъ сѣмянъ, для самыхъ посѣвовъ и посадокъ, для вырыванія саженцевъ изъ земли, сбора сѣмянъ, рубби и распилки деревъ, валки ихъ, съ корнями, вырѣзки торфа и проч. б) Модели машинъ: для корчеванія пней, связки сучьевъ, и проч. в) Модели лѣсопильныхъ заводовъ и приводныхъ машинъ для пилки на заводахъ дровъ. г) Модели приборовъ, употребляемыхъ для добыванія въ той губерніи продуктовъ и издѣлій, какъ напр. модели смологонныхъ и дегтярныхъ печей и корчагъ, равно-какъ и самыхъ заводовъ; модели приборовъ, служащихъ для добыванія древеснаго спирта, газа, уксуса, сажи, скипидара и проч. Сюда-же должны быть отнесены и модели угольныхъ костровъ.

4. Каждое изъ четырехъ отдѣленій должно содержать въ себѣ, по-возможности, полное собраніе свойственныхъ губерніи и относящихся до лѣснаго хозяйства предметовъ; особенное же стараніе должно быть приложено къ приобрѣтенію въ музеумы образцовъ тѣхъ произведеній, издѣлій, орудій или машинъ, которые составляютъ исключительную принадлежность губерніи, и въ другихъ губерніяхъ или вовсе не встрѣчаются, или-же встрѣчаются очень рѣдко.

5. Образцы означенныхъ выше предметовъ могутъ быть собираемы посредствомъ окружныхъ начальниковъ, лѣсныхъ рева-

зоровъ и лѣсничихъ, или собственнымъ каждымъ изъ этихъ лицъ издвигеніемъ, или же указанными въ циркулярномъ предписаніи средствами.

6. При каждомъ музеумѣ должна находиться подробная и точная опись всѣхъ предметовъ въ немъ помѣщенныхъ. На каждомъ изъ такихъ предметовъ должна быть особая этикетка, съ означеніемъ его названія, употребленія, мѣста, изъ котораго полученъ, и лица, которымъ доставленъ.

7. При размѣщеніи и храненіи предметовъ, входящихъ въ составъ музеума, соблюдаются слѣдующія правила: а) Образцы древесныхъ породъ должны быть располагаемы въ плотныхъ кускахъ, съ сохраненіемъ коры, въ видѣ книжекъ въ 1½ вершка шириною и 6 вершковъ длиною; обѣ стороны и концы таковой книжки должны быть полированы, одна сторона и одинъ конецъ, сверхъ-того, покрыты лакомъ. б) При размѣщеніи лѣсныхъ плодовъ и растений, ядовитыя и вредныя должны быть отдѣляемы отъ другихъ и помѣщаются на особыхъ полкахъ. в) Образцы почвъ земли помѣщаются въ небольшихъ четверугольныхъ стеклянныхъ ящикахъ, съ стеклянными крышками, такъ-чтобы: а) можно было, при первомъ взглядѣ и не открывая ящика, обозрѣть породы почвъ; б) чтобы они были защищены отъ сильнаго вліянія воздуха, вслѣдствіе котораго происходятъ въ нихъ химическія перемѣны, измѣняющія и самое свойство ихъ; в) чтобы въ потребныхъ случаяхъ ихъ можно было смачивать въ самыхъ ящикахъ для лучшаго обсужденія, ибо многія свойства почвъ не иначе узнаются, какъ въ влажномъ состояніи, и г) образцы растений должны быть хранимы въ папкахъ и горизонтальномъ положеніи.

(Жур. мин. гос. им.).

**УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРІДНІЯТІЕ СТУДЕНТОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.** — Редакторъ Русскаго дневника получилъ слѣдующее письмо отъ студентовъ медицинскаго факультета Императорскаго Казанскаго университета: «Всякій, занимающійся у насъ медициною, долженъ сознаться, что Русская ученая литература обладаетъ весьма ограниченнымъ числомъ полезныхъ сочиненій по части медицины вообще и физиологіи въ-особенности. Для Русскихъ студентовъ, которые, при значительномъ количествѣ обязательныхъ предметовъ, не могутъ имѣть достаточнаго времени для чтенія руководствъ на иностранныхъ языкахъ, и вообще для людей, не вла-

дѣющихъ языками исполнѣ, было-бы чрезвычайно удобно имѣть подъ руками лучшія иностранныя сочиненія по своей части, хотя въ переводѣ. Сочувствуя этой необходимости, студенты университета св. Владиміра уже представили на судъ ученой и учащейся публики 1 томъ «Физиологін» *Функе*, которая найдетъ, вѣроятно, и у насъ хорошій приѣмъ, заслуженный ею въ Германіи. Казанскіе студенты медицинскаго факультета, въ свою очередь, желая трудами своими быть, по-возможности, полезными изучающимъ медицину, занялись переводомъ «Физиологін» *Ф. Дондерса* (профессора въ Утрехтскомъ университетѣ), съ Нѣмецкаго изданія *Ф. Тейле*, исправленнаго и дополненнаго сравнительно съ Голландскимъ текстомъ (*F. C. Donders, ord. prof. der Medicin an der Universität Utrecht, Physiologie des Menschen, Deutsche Originalausgabe, vom Verfasser revidirt und vervollständigt und aus dem Holländischen übersetzt von Fr. Wilh. Theile. Erster Band: die Ernährung. Verfasst unter Mitwirkung von A. F. Bauduin. Leipzig. 1856*). Это сочиненіе, признанное современными учеными за одно изъ лучшихъ руководствъ, отличается сжатостью въ изложеніи, столь важною для руководства, и въ то-же время представляетъ всѣ основанія науки, подтвержденныя важными опытами, въ возможно-полной обработкѣ. Довольно многочисленныя факты изъ описательной, сравнительной и особенно микроскопической анатоміи, равно-какъ и изъ химіи, сопровождаютъ изложеніе каждаго отправления и поясняютъ его. О выходѣ въ свѣтъ 1-го тома Русскаго перевода, заключающаго въ себѣ питаніе вообще (т. е. кровообращеніе, кровотвореніе и отдѣленія) и въ настоящее время почти уже оконченнаго, будетъ объявлено своевременно въ газетахъ. Обращаемся къ вамъ, г. редакторъ, какъ къ нашему родному, Казанскому студенту: дайте первую гласность нашему посильному труду. Младшіе братья по университету просятъ своихъ, старшихъ братьевъ — не откажите-же имъ.

**О ПОРЯДКѢ ИЗДАНІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО СБОРНИКА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.** — Въ отчетѣ этого Общества за 1858 г. мы нашли слѣдующее предположеніе объ изданіи «Этнографическаго сборника» въ улучшенномъ видѣ. По выходѣ въ свѣтъ III и IV томовъ «Этнографическаго сборника», составленнаго изъ статей, разсмотрѣнныхъ еще покойнымъ академикомъ *М. А. Коркуновымъ*, этнографическое отдѣленіе, озабочиваясь продолже-

ниемъ изданія, просило гг. дд. чч. *П. С. Савельева* и *Э. И. Эйхвальда* принять на себя редакцію Сборника. Вслѣдствіе сего членъ совѣта *П. С. Савельевъ* представилъ отдѣленію соображенія свои, что полезно было-бы впредь издавать Сборникъ на слѣдующихъ измѣненныхъ основаніяхъ: 1) Этнографическій сборникъ составляетъ отдѣльное изданіе, посвященное обнародованію доставляемыхъ въ Общество этнографическихъ наблюдений надъ Русскимъ и инородческимъ населеніемъ Россіи. 2) Этнографическія статьи печатаются въ «Сборникѣ» или въ видѣ сыраго матеріала, или въ ученой обработкѣ, если кто изъ гг. членовъ приметъ на себя трудъ ихъ обдѣлать. 3) Статьи о Русскомъ народонаселеніи, заключающія въ себѣ частыя повторенія одного и того-же, представляются въ сводѣ, по однороднымъ и однообычнымъ мѣстностямъ, статьи объ инородцахъ—по народностямъ. 4) Къ «Сборнику», какъ справочной этнографической книгѣ, долженъ прилагаться, если не къ каждому тому, то къ каждымъ пяти томамъ, подробный аналитическій указатель этнографическихъ предметовъ. 5) До приступа къ печатанію новыхъ книжекъ «Сборника» надлежитъ: а) привести въ извѣстность весь этнографическій матеріалъ, доставленный въ Общество въ-теченіе 13 лѣтъ, для чего составить списокъ этихъ статей по протоколамъ совѣта, общихъ собраній и засѣданій отдѣленія; б) по приведеніи въ извѣстность собранія этого матеріала, группировать его по мѣстностямъ и народностямъ; в) затѣмъ раздѣлить трудъ разсмотрѣнія и свода этихъ статей между членами отдѣленія, и наконецъ г) обработанныя такимъ образомъ статьи передать редактору «Сборника» для систематическаго распредѣленія ихъ въ «Сборникѣ». Отдѣленіе, находя эту программу соответствующею цѣли «Этнографическаго сборника», просило *П. С. Савельева* принять на себя изданіе Сборника на изложенныхъ имъ началахъ. Но, принимая въ соображеніе, что, согласно этому плану, необходимо предварительно разобрать хранящіеся въ архивѣ этнографическіе матеріалы и что подобный разборъ можетъ значительно замедлить выходъ слѣдующей книжки «Сборника», отдѣленіе выразило желаніе, чтобы предложенный *П. С. Савельевымъ* планъ принять былъ уже при изданіи 6-го тома Сборника и чтобы для 5-го тома эта программа не считалась обязательною. При этомъ д. ч. *Э. И. Эйхвальдъ* вызвался редактировать 5 томъ Сборника; а д. члены *В. Я. Фуксъ* и *Ө. А. Барыковъ* изъявили готовность разобрать архивъ отдѣленія и составить до-



полнительную систематическую роспись материаламъ, такъ, какъ съ начала Общества и до 1852 года подобная роспись составляла д. ч. *А. Г. Яновскимъ*. Отдѣленіе, принявъ съ признательностію вызовъ гг. членовъ Э. И. Эйхвальда, В. Я. Фукса и Ф. Л. Барыкова, просило ихъ приступить къ этимъ занятіямъ въ скорѣйшемъ по-возможности времени. Такимъ образомъ на этихъ основаніяхъ, одобренныхъ отдѣленіемъ, «Этнографическій сборникъ» его принимаетъ новый видъ и обѣщаетъ, безъ сомнѣнія, въ этой программѣ болѣе пользы для науки. Вслѣдствіе необходимой для сего обработки статей, на которую изъявили желанія посвятить свои труды члены отдѣленія весьма богатаго рукописями, изъ которыхъ многія не представляютъ въ-отдѣльности особой цѣны для этнографіи, измѣненное изданіе укажетъ трудолюбивымъ изслѣдователямъ на богатые сокровища для изученія Русскаго народнаго быта и инородческой этнографіи, оставшихся безъ употребленія.

**РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.** — Россійское библейское Общество существовало всего тринадцать съ половиною лѣтъ именно, съ 6 декабря 1812 г. — со дня Высочайше утвержденного доклада главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, объ образованіи сего Общества, по 15 іюня 1826 г., т. е. по день, въ который состоялся Высочайшій рескриптъ на имя преосвященнаго Серафима, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, о передачѣ всего имущества Общества въ вѣденіе св. синода. Главная и единственная цѣль Россійскаго библейскаго Общества состояла «въ способствованіи къ приведенію въ Россію въ большее употребленіе *библии*, или книгъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, *безъ всякихъ на оныя примѣчаній и поясненій*» Понеченія, заботы Общества главнымъ образомъ были обращены на то, «чтобы обывателямъ Россійскаго государства доставлять библію на разныхъ языкахъ за самыя умѣренныя цѣны, а бѣднымъ и безъ всякой платы.» Матеріальныя средства Общества составлялись изъ суммъ, собиравшихся чрезъ подписки и добровольныя приношенія, а также изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и благотворителей Общества. Дѣлами Общества управлялъ комитетъ, который находился въ С. Петербургѣ. Общество имѣло *ежегодныя генеральныя собранія*; въ нужныхъ случаяхъ комитетъ созывалъ *чрезвычайныя генеральныя собранія* Общества. Въ раз-

ныхъ мѣстахъ Россіи были частными отдѣленіями Общества и въ нихъ комитеты. Такъ въ 1819 г. всѣхъ такихъ мѣстъ въ Россіи было 196. Комитеты эти собирались ежемѣсячно.

Всѣ должностныя лица въ Обществѣ служили безъ жалованья, и никто изъ получавшихъ отъ Общества какое-либо жалованье не могъ быть членомъ комитета Общества и не имѣлъ никакого голоса при собраніи ихъ.

Изданія Общества печатались въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Астрахани и Митавѣ.

Языки и нарѣчія, на коихъ Общество переводило и печатало книги св. писанія, слѣдующіе: перковно-Славянскій, Русскій, Польскій, Сербскій, Латинскій, Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Голландскій, Датскій, Шведскій, Испанскій, Италіанскій, Лапландскій, Португальскій, Еврейскій, Татарскій, Греческій (новый и старый), Чувашскій, Черемисскій, Остяцкій, Вогульскій, Корельскій, Зырянскій, Монгольскій, Калмыцкій, Молдавскій, Монголо-Бурятскій, Латышскій, Эстскій (Ревельское и Дерптское нарѣчія), Армянскій, Персидскій, Арабскій, Финскій, Литовско-Самогитскій.

Въ-теченіе 1819 года доставлено въ Петербургскій комитетъ отъ комитетовъ отдѣленій и отъ корреспондентовъ Общества: а) 196,531 р. 61 к. асс., б) 18,423 р. 61 к. сер., в) 21 имперіал., г) 1275 полуимпер. и д) 76 червон.

Въ томъ-же 1819 г. на изданія Общества употреблено бумаги 11,381 стопа—суммою на 168,116 р. 75 к., а за переплетъ экземпляровъ заплачено 125,401 р. 81 коп.

Съ учрежденія Россійскаго библейскаго Общества, трудами его и иждивеніемъ, въ-теченіе семи лѣтъ (со включеніемъ 1819 года) существованія его:

*Отпечатано* 71 изданіе на 22 языкахъ, въ числѣ 315,600 экз.

*Печаталось* въ 1820 году: 8 изданій на 6 языкахъ, въ числѣ 38,000 экз.

*Предпринято*: въ 1820 г.: 12 изданій на 10 языкахъ въ числѣ 57,500 экз.

Всего-же вообще изготовлено и готовилось: 41 изданіе на 26 языкахъ, въ числѣ 411,100 экземпляровъ.

Въ 1819 г. разослано для продажи и продано въ С. Петербургѣ 66,287 экз. книгъ св. писанія на 32 языкахъ, на сумму 345,313 р. 20 к.; роздано и разослано безденежно на разныхъ языкахъ 2,252 экз. на сумму 10,242 р. 35 к.

Въ-теченіе семи лѣтъ существованія комитета Россійскаго библейскаго Общества приходъ составлялъ . . . . . 1,747,862 р. 74 к.  
Расходъ . . . . . 1,712,042 р. 81 к.

Остатокъ къ 1820 г. 35,819 р. 95 к.

Вотъ счетъ экземпляровъ книгъ св. писанія по книгохранилищу комитета Россійскаго библейскаго Общества:

Отъ 1818 года оставалось:

Въ переплетѣ	21,640 экз. на . . . . .	110,329 р. 70 к.
Безъ переплета	11,870 — — . . . . .	55,067 р. 50 к.
Итого	33,510 — — . . . . .	165,397 р. 20 к.

Въ 1819 году получено вновь:

Въ переплетѣ	69,649 экз. на . . . . .	381,382 р. 30 к.
Безъ переплета	106,961 — — . . . . .	137,697 р. 90 к.
Итого	176,610 — — . . . . .	519,080 р. 20 к.

Въ продажу поступило въ 1819 г.:

Въ переплетѣ	63,775 экз. на . . . . .	339,101 р. 20 к.
Безъ переплета	2,512 — — . . . . .	6,212 р. —
Итого	66,287 — — . . . . .	345,313 р. 20 к.

Роздано безденежно въ 1819 г.:

Въ переплетѣ 2,277 экз. на . . . . . 10,811 р. 95 к.  
Количество буага, употребленной на изданіе книгъ св. писанія:

Отъ 1818 г. оставалось	1,777 стопъ на	29,901 р. 50 к.
Въ 1819 г. куплено	12,348 — —	182,715 р. —
Въ 1819 г. употреблено	на печатаніе	11,381 — — 168,116 р. 75 к.
Къ 1820 г. осталось	2,744 — —	44,499 р. 75 к.

Вообще приведено въ употребленіе экземпляровъ книгъ св. писанія сначала учрежденія:

	въ продажу:	даромъ:	итого:
Въ первые 6-ть лѣтъ	109,428 —	10,677 —	120,105
Въ 1819 годъ . . . . .	66,287 —	2,252 —	68,539
	175,715	12,929	188,644

Если-же присовокупить къ сему числу тѣ экземпляры, которые напечатаны комитетами отдѣленій и которые ими самими приво-

дѣлись въ уничтоженіе, то составить вообще всего—болѣе 275,000 экземпляровъ (\*).

Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ седьмага отчета комитета Россійскаго библейскаго Общества за 1819 годъ, изданнаго въ С. Петербургѣ въ 1820 году (печ. въ тип. Н. Греча).

Вслѣдствіе рескрипта Государя Императора Николая Павловича отъ 15 юля 1826 г. на имя преосвященнаго Серафима, митрополита Новгородскаго и Петербургскаго, наличное имущество Россійскаго библейскаго Общества поступило въ вѣдѣніе и распоряженіе св. снвода. Имущество это, оцѣненное до 2 миллионѣвъ р. асс., заключалось:

- а) въ наличныхъ деньгахъ: асс. 104,381 р. 99 к.  
сереб. 1,025 р. —
- б) въ бумагахъ на . . . . . 57,053 р. 50 к. асс.
- в) въ книгахъ св. писанія на 612,954 р. 53½ —

(Въ томъ числѣ подмоченныхъ въ наводненіе, бывшее въ С. Петербургѣ въ 1824 г., на 63,441 р. 40 к.)

г) въ матрицахъ, стереотипныхъ доскахъ и книгопечатныхъ станкахъ съ принадлежностями по цѣнамъ, заплаченнымъ во время приобрѣтенія ихъ, на 226,407 р. 53 к. асс.

д) въ книгахъ, находившихся въ библиотекѣ Общества, на 4,750 р. асс.

(Книги эти переданы въ вѣдѣніе С.-Петербургскихъ дух. академіи и семинаріи).

- е) въ домѣ въ С. Петербургѣ.
- и ж) въ домѣ въ Москвѣ.

Въ 1 д. марта 1841 г. Государь Императоръ Высочайше повѣлѣть соизволилъ: 1) отпечатанныя (тогда уже *выданы*) Россійскимъ библейскимъ Обществомъ книги св. писанія присоединить къ прочимъ книжнымъ запасамъ духовнаго вѣдомства, въ полное распоряженіе св. снвода; 2) типографскіе матеріалы и другія вещи

(\*) За первые шесть лѣтъ комитетами отдѣленій отпечатано 75,000 экз. Къ этому нужно прибавить отпечатанные въ 1819 году:

- въ Москвѣ — Библия Славянской въ 4 д. л. . . . . 5,000 экз.
- въ Астрахани — Книги Бытія на Еврейско-Татарскомъ нарѣчій: . . . . . 2,000 —
- Новаго заветѣ на Оренбургско-Татарскомъ нарѣчій. . . . . 5,000 —

итого 87,000 экз.  
11

Общества передать въ синодальныя типографіи, по усмотрѣнію св. синода, и 3) библейскія суммы причислить къ типографскимъ суммамъ св. синода съ тѣмъ, чтобы въ составъ оныхъ поступали и деньги, выручаемыя за книги. Поэтому поступившія изъ Россійскаго библейскаго Общества надѣчныя деньги и тѣ, которыя выручались отъ продажи переданныхъ изъ оного книгъ св. писанія, причислены къ типографскому капиталу въ количествѣ 105,666 р. 34 к. сер., и засимъ нераспроданныхъ книгъ св. писанія, доставшихся изъ Россійскаго библейскаго Общества, къ 1 января 1858 г. оставалось въ синодскихъ книжныхъ запасахъ на 63,881 р. 40 к. сер.

(Библиогр. замѣски)

**Предположеніе о покровительствѣ отечественныхъ дарованій.** — Въ одной изъ послѣднихъ собраній Императорскаго Казанскаго экономическаго Общества читана была записка члена-сотрудника Общества, учителя С. Петербургскаго Рождественскаго уѣзднаго училища *И. Г. Евлентьева*, обращающаго вниманіе общества на пользу и необходимость учрежденія въ Россіи, по примѣру Общества поощренія художниковъ, общества покровительства и поощренія отечественныхъ дарованій. «Извѣстно мнѣ изъ опыта, пишетъ г. Евлентьевъ, что въ глуши провинціальной жизни, преимущественно въ малообразованномъ и бѣдномъ классѣ народа, немало является людей съ отличными дарованіями. Въ безплодной борьбѣ съ гнетущей нуждой и людскою несправедливостью, они скоро растрчиваютъ свои эстетическія и умственные силы, и переходятъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, или преждевременно сходятъ въ могилу. Долгъ каждаго честнаго человѣка и образованнаго гражданина — доводить о такихъ даровитыхъ людяхъ до всеобщаго свѣдѣнія, посредствомъ органовъ гласности, т.-е. газетъ и журналовъ, и особенно извѣщать о нихъ ученую публику и правительство. Но, сколько извѣстно мнѣ, рѣдко это исполняется, и потому настоятъ вопіющая необходимость учрежденія въ Россіи въ обѣихъ столицахъ, съ отдѣленіями во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и многочисленнѣйшихъ селеніяхъ, по примѣру Общества поощренія художниковъ, — Общества покровительства и поощренія отечественныхъ дарованій, въ какомъ-бы родѣ эти дарованія ни были, — такъ чтобы каждый талантъ находилъ въ означенномъ обществѣ покровительство и сочувствіе и, при просвѣщенномъ его содѣйствіи,

развивалъ и совершенствовалъ свои способности для благоденствія страны. Нашлась возможность къ учрежденію въ Россіи разныхъ болѣе или менѣе специальныхъ ученыхъ обществъ, найдутся средства и къ основанію общества покровительства и поощренія отечественныхъ дарованій во всѣхъ родахъ». Призывая мысль г. Евлентьева вполне достойною вниманія и современною, но не имѣя средствъ къ возможному осуществленію ея съ своей стороны, Императорское Казанское экономическое Общество постановило: сообщить копія съ записки г. Евлентьева Обществамъ С. Петербургскому вольному экономическому и Московскому сѣльскаго хозяйства, на ихъ благоусмотрѣніе и заключеніе, присовокупивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, при осуществленіи этого предположенія, Казанское экономическое Общество не откажется содѣйствовать достиженію цѣли, по мѣрѣ возможности.

**Имя основателя богородскій.** — Въ «Отчетѣ» Императорскаго университета св. Владимира за 1858 годъ мы нашли слѣдующее извѣстіе о бывшемъ профессорѣ этого университета Богородскомъ. — 26 ноября 1857 года скончался ординарный профессоръ законовъ уголовныхъ и законовъ благочинія, статскій совѣтникъ Савва Осиповичъ *Богородскій*. Онъ былъ изъ тѣхъ воспитанниковъ духовныхъ академій, которые, назадъ тому тридцать лѣтъ, по мысли графа Сперанскаго, призваны II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи — обновить сословіе нашихъ ученыхъ юристовъ и дать жизнь ученому Русскому законодѣвію. Кромѣ того онъ принадлежитъ къ числу профессоровъ, которые впервые открыли преподаваніе юридическихъ наукъ въ университетѣ св. Владимира. С. О. Богородскій родился въ 1804 году, Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда, въ с. Стадновѣ, гдѣ отецъ его былъ церковнымъ дьячкомъ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Ярославской духовной семинаріи, гдѣ своими отличными способностями и успѣхами въ наукахъ обратилъ на себя вниманіе Ярославскаго архіепископа Авраама. По окончаніи курса семинаріи, онъ отправленъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ С. Петербургскую духовную академію и здѣсь, въ теченіе академическаго курса, вполне оправдалъ выборъ начальства, отправившаго его въ академію. Между тѣмъ, съ восшествіемъ на престолъ Государя Николая Павловича, началось дѣло приведенія въ поря-

докъ Русскихъ законовъ. Въ то самое время, какъ производились работы по составленію Свода, Сперанскій началъ помышлять о распространеніи въ Имперіи преподаванія Русскаго законодательства и образованія ученыхъ Русскихъ законовѣдовъ. Для этой цѣли положено было вызвать лучшихъ студентовъ изъ духовныхъ академій, съ тѣмъ чтобы они при II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи занялись исключительно изученіемъ законовѣдѣнія. На первый разъ, въ 1828 году, вызвано шесть молодыхъ людей изъ столичныхъ духовныхъ академій, по три изъ каждой. Это были — Благовѣщенскій, Знаменскій и Неволинъ изъ Московской духовной академіи; Пѣшековъ, Орнатскій и Богородскій изъ С. Петербургской. Всѣ они прикомандированы были ко II-му отдѣленію и здѣсь, подъ ближайшимъ надзоромъ Сперанскаго и управлявшаго отдѣленіемъ Балугіанскаго, сообщены имъ были теоретическія основанія законовѣдѣнія. Главными преподавателями были: Куницынъ, Плисовъ и Клоковъ, трудившіеся въ то время во II отдѣленіи; Арсеньевъ излагалъ имъ исторію. Сверхъ-того молодые люди посѣщали лекціи профессоровъ С. Петербургскаго университета: Швейдера — по Римскому праву и Грефе — по древней филологіи, и занимались изученіемъ новѣйшихъ языковъ: Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго. Въ слѣдующемъ 1829 году они были отправлены въ Берлинъ для окончательнаго усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ подъ руководствомъ знаменитаго Савиньи. Около 3 лѣтъ пробыли они въ Берлинскомъ университетѣ, употребляя свободное отъ лекцій время на путешествія по другимъ городамъ Германіи, и въ 1832 году возвратились въ С. Петербургъ. Слѣдующій за тѣмъ годъ проведенъ былъ ими въ занятіяхъ при II отдѣленіи и въ приготовленіи къ испытанію на степень доктора законовѣдѣнія. Для производства этого испытанія учрежденъ былъ при С. Петербургскомъ университетѣ особый комитетъ и составлены были программы. Между-тѣмъ, такъ-какъ въ тогдашнихъ университетахъ нашихъ кругъ юридическаго преподаванія былъ весьма ограниченъ, то, въ видахъ распространенія юридическаго образованія, въ 1833 году предполагалось учредить особую юридическую академію. Курсъ ученія въ этомъ заведеніи полагалось ограничить двумя годами. Въ преподаватели предназначались молодые юристы, возвратившіеся изъ-за границы. Объ этомъ сообщилъ имъ самъ Сперанскій и предоставилъ каждому изъ нихъ выбрать для себя пред-

метъ по собственному желанію. Неволнимъ избрагь учрежденія и энциклопедію законовѣдѣнія, Орнатскій—гражданскіе законы, Знаменскій—законы благоустройства, а Богородскій—законы уголовныя. Предположеніе объ учрежденіи юридической академіи однакъ не состоялось. Но въ 1834 году открытъ вновь университетъ св. Владиміра, и здѣсь въ первый разъ преподаванію законовѣдѣнія даны были нынѣшніе его предѣлы. Сюда предположено было опредѣлить профессорами и юристовъ, возвратившихся изъ чужихъ краевъ. Впрочемъ, изъ шести молодыхъ людей перваго вызова въ это время оставались въ живыхъ только трое: Пѣшеховъ умеръ еще за границею, Знаменскій и Благовѣщенскій—въ Петербургѣ, вскорѣ по выдержаніи докторскаго испытанія. Двое изъ оставшихся, Неволинъ и Орнатскій, заняли уже въ 1834 году каведры въ университетѣ св. Владиміра. Но Богородскому болѣзнь помѣшала держать докторское испытаніе вмѣстѣ съ товарищами, и потому онъ остался въ Петербургѣ еще около года. Почти цѣлый годъ употребленъ имъ былъ для экзамена и обработки докторскаго разсужденія «О философіи уголовныхъ законовъ у древнихъ и новыхъ народовъ». Въ то-же время написанъ имъ некрологъ покойнаго его товарища Знаменскаго и напечатанъ въ видѣ предисловія при докторскомъ разсужденіи сего послѣдняго. Между тѣмъ каведру уголовныхъ законовъ,—предметъ, которымъ по преимуществу занимался Богородскій, въ университетѣ св. Владиміра занялъ профессоръ Даниловичъ. Но въ то-же время, вслѣдствіе вновь состоявшагося устава университетовъ С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго, юридическіе факультеты и въ этихъ университетахъ также были расширены, какъ и въ университетѣ св. Владиміра. Богородскій просилъ объ опредѣленіи его профессоромъ уголовныхъ законовъ въ Московскій университетъ, но желаніе его не исполнилось, и 6 іюля 1835 года онъ назначенъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора законовъ государственнаго благоустройства и благочинія въ университетъ св. Владиміра. Въ 1836 году онъ утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ по соединеннымъ каведрамъ законовъ благоустройства и благочинія и законовъ о финансахъ. Въ 1839 году профессоръ Даниловичъ переведенъ былъ въ Москву, а вмѣсто его занялъ каведру уголовныхъ законовъ Богородскій, и такимъ-образомъ имѣлъ утѣшеніе сдѣлаться преподавателемъ предмета, который любилъ преимущественно предъ прочими частями законовѣ-



дѣнія и который обрабатывалъ до самой кончины своей. Въ теченіе профессорской службы своей онъ исправлялъ и разныя другія должности. Нѣсколько разъ былъ деканомъ юридическаго факультета; три раза былъ избираемъ въ должность проректора университета и по этому званію исправлялъ нѣсколько разъ должность ректора университета и однажды управлялъ Кіевскимъ учебнымъ округомъ (въ 1837 году); почти два года (съ 26 декабря 1837 по 22 ноября 1839 года) былъ цензоромъ Кіевского ценсурнаго комитета; слишкомъ 9 лѣтъ (съ 22 ноября 1839 по 7 декабря 1848 года) управлялъ дирекціею Кіевской 2-й гимназій и училищъ Кіевской губерніи, а при послѣднихъ выборахъ въ ректоры университета св. Владиміра былъ избранъ вторымъ кандидатомъ на эту должность. Дѣятельнымъ участіемъ своимъ онъ немало содѣйствовалъ къ установленію того внутренняго порядка, который нынѣ существуетъ въ университетѣ св. Владиміра и Кіевскомъ учебномъ округѣ. Онъ составилъ проектъ объ устройствѣ юридическаго факультета въ университетѣ св. Владиміра, который впоследствии внесенъ былъ въ общій составъ проекта устава университета св. Владиміра, Высочайше утвержденнаго 9 іюня 1842 года. Кромѣ того составилъ проекты объ устройствѣ механической школы и земледѣльческихъ хуторовъ, объ отиѣнѣ семестровъ въ университетѣ, о введеніи преподаванія сельскаго хозяйства въ гимназіяхъ. Принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ, составлявшихся по распоряженію начальства для разныхъ предметовъ, а именно: въ 1837 году предсѣдательствовалъ въ комитетѣ для составленія программъ испытанія учениковъ гимназій и уѣздныхъ училищъ; въ 1838 году, въ качествѣ предсѣдателя, участвовалъ въ комитетѣ, составленномъ для соображенія и исчисленія издержекъ на учрежденіе при университетѣ св. Владиміра практическихъ и земледѣльческихъ хуторовъ и для обсужденія мѣръ къ открытію при университетѣ публичныхъ практическихъ лекцій механики, химіи и торговаго счетоводства; въ качествѣ члена участвовалъ въ комитетахъ: для составленія правилъ испытанія на званіе старшихъ и младшихъ учителей гимназій, для составленія общей инструкціи бібліотекарю университета, для опредѣленія количества дровъ на отопленіе университетскихъ зданій, для приведенія въ лучшее состояніе университетской типографіи. Въ 1854 году, по выслугѣ 25 лѣтъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія, онъ вышелъ въ отставку. Но впоследствии, когда

объявленный университетомъ конкурсъ на кафедру уголовныхъ законовъ остался безъ успѣха, юридическій факультетъ университета, желая воспользоуваться обширными познаніями, опытностью и отличнымъ преподаваніемъ г. Богородскаго, ходатайствовалъ объ опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ уголовныхъ законовъ. Затѣмъ 30 апрѣля 1857 года онъ снова занялъ кафедру законовъ уголовныхъ и законовъ благочинія, но, къ-сожалѣнію, не надолго. Дней за 10 до смерти онъ представилъ въ юридическій факультетъ сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи уголовного законодательства въ Европѣ съ начала XVIII вѣка», и ходатайствовалъ о напечатаніи его на счетъ университета. Сочиненіе это, по мнѣнію юридическаго факультета, есть важное пріобрѣтеніе для юридическихъ наукъ. Въ немъ съ обширною ученостію, полною и глубокою основательностію изложено постепенное развитіе и настоящее состояніе уголовного законодательства въ Европѣ, объясненное самостоятельнымъ взглядомъ автора и теоретическими изслѣдованіями важнѣйшихъ криминалистовъ Германіи, Франціи, Англии и Италіи. Это сочиненіе не только важно въ ученомъ отношеніи, но можетъ быть весьма полезнымъ для государственныхъ сановниковъ, участвующихъ законсовѣщательно въ образованіи нашего уголовного законодательства. Сочиненіе это предположено было, согласно желанію автора и ходатайству юридическаго факультета, напечатать на счетъ университета; но осуществленіе этого предположенія пріостановилось по случаю смерти автора и неизвѣстности университету намѣреній его наслѣдниковъ относительно рукописи этого сочиненія.

**ПУБЛИЧНЫ БИБЛИОТЕКИ ПРИ УЪЗДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.** — Въ Русскомъ педагогическомъ Вѣстникѣ сообщены подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ публичныхъ библиотекъ при уѣздныхъ училищахъ Ставропольской губерніи. Въ то время, какъ въ газетахъ и журналахъ прошлаго года шли толки о распространеніи чтенія въ народѣ, посредствомъ устройства по городамъ публичныхъ библиотекъ, въ то время, когда дѣлались громкія объявленія объ учрежденіи на этотъ предметъ даже особыхъ компаній на акціяхъ, въ Ставропольской губерніи мысль эта производилась безъ всякаго шума и рекламъ, безъ всякихъ особыхъ особыхъ сборовъ, одними училищными средствами.

Директоръ Ставропольской гимназіи Я. М. Невѣровъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ виѣнилъ зрителямъ уѣздныхъ училищъ въ обязанность назначать два раза въ недѣлю, въ послѣобѣденное время, особые часы, въ которые желающіе изъ учениковъ собирались-бы въ училище для чтенія книгъ, подъ надзоромъ самого зрителя или кого-либо изъ учителей. Въ концѣ прошедшаго года Я. М. Невѣровъ испросилъ у высшаго начальства дозволеніе открыть училищныя библіотеки для всѣхъ желающихъ. Разрѣшеніе вскорѣ послѣдовало, и нынѣ библіотеки училищъ Моздокскаго, Кизлярскаго, Георгіевскаго и Пятигорскаго (\*) открыты для мѣстной публики на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ. Каждый желающій брать книги на домъ платитъ въ годъ 3 руб. сер. за право брать одну или двѣ книги за одинъ разъ, 4 руб.—за три книги и 5 руб. за четыре или пять книгъ за одинъ разъ. Лица, служащія или имѣющія свои дома въ городѣ, не представляютъ никакого обезпеченія; прочія-же вносятъ залогъ, равный суммѣ абонемента. Газеты и журналы читаются въ самой библіотекѣ, а выдаются на домъ только по полученіи новыхъ номеровъ того-же изданія, при чемъ вносится въ библіотеку еще 1 руб., сверхъ платы за чтеніе книгъ. Можно абонироваться на чтеніе газетъ и журналовъ отдѣльно: въ такомъ случаѣ платится 2 руб. въ годъ за право чтенія въ самой библіотекѣ и 3 руб. за право полученія на домъ. Каждый абонентъ, платящій 3 руб., можетъ назначить къ выпискѣ одно сочиненіе въ годъ, платящій 4 руб.—два сочиненія, а платящій 5 руб.—три. Желанія эти исполняются по истеченіи года, смотря по мѣрѣ средствъ библіотеки. Бѣдные ученики пользуются книгами бесплатно, но не иначе, какъ въ самой библіотекѣ, въ опредѣленные часы, два раза въ недѣлю. Не дѣлаемъ большаго извлеченія изъ библіотечныхъ правилъ и заключаемъ нашу замѣтку желаніемъ, чтобы примѣръ Ставропольской дирекціи училищъ нашелъ себя какъ можно больше подражателей. Тогда, Богъ дастъ, распространится въ народѣ охота къ чтенію и безъ помощи акціонерныхъ обществъ. (Русск. Диген.)

---

(\*) Такъ-какъ Пятигорская библіотека менѣе другихъ, а въ этотъ городъ лѣтомъ съѣзжается на тамошнія минеральныя воды много посѣтителей, которымъ негдѣ прочесть простой газеты, то испрошено употреблять ежегодно до 100 руб. сер. изъ экономическихъ суммъ училища, чтобъ имѣть возможность, кромѣ книгъ, пріобрѣсть еще два-три журнала.

**ОТКРЫТІЕ УЪЗНАГО УЧИЛИЩА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.** — Въ Одесскомъ вѣсти-напечатано: «По просьбѣ гражданъ города Севастополя, при участіи г. Севастопольскаго военнаго губернатора, г. директоръ училищъ Таврической губерніи исходатайствовалъ у г. попечителя Одесскаго учебнаго округа разрѣшеніе открыть въ Севастополѣ (закрытыя съ 1854 года, по случаю войны) уѣздное и приходское училища. При усердномъ содѣйствіи въ этомъ благомъ дѣлѣ всего городскаго общества, 20-го января Севастопольскіе граждане праздновали открытіе училищъ. Нельзя не порадоваться живому сочувствію къ дѣлу народнаго образованія, выказанному Севастопольскимъ купеческимъ обществомъ, при общемъ стараніи котораго, въ самое короткое время, на его собственный счетъ, не смотря на бѣдственное положеніе многихъ купцовъ по случаю бывшей войны, изготовлена необходимая для училищъ мебель и нанята на счетъ городскихъ доходовъ очень удобный двухъ-этажный домъ».

**ОТКРЫТІЕ ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА ВЪ Г. РЫЛЬСКѢ.** — Въ Русскомъ дневникѣ напечатано: Въ 1848 году въ г. Рыльскѣ основано было женское начальное училище, преимущественно для бѣднаго класса жителей. Основатель этого училища, Рыльскій купецъ В. И. Аристарховъ, возносилъ ежегодно въ пользу училища по 325 р. и, кромѣ-того, доставлялъ всѣ необходимыя пособія ученицамъ. Пользуясь этимъ благодѣяніемъ, болѣе ста дѣвицъ обучалось въ этомъ училищѣ закону Божію, арифметикѣ, чтенію, письму и рукодѣлію, и нѣкоторыя изъ нихъ, уже вслѣдствіе своей образованности, вышли замужъ за зажиточныхъ торговцевъ и живутъ благословляя имя своего благодѣтеля. Это благотворное дѣло, къ несчастью, имѣло печальный исходъ. В. И. Аристарховъ, къ простотѣ благороднаго сердца, довѣрилъ свой капиталъ людямъ, недостойнымъ этого довѣрія, и, вслѣдствіе этого, его торговля дѣла разстроилась, а вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ вовсе прекратить торговлю. Несмотря на то, онъ болѣе двухъ лѣтъ по прекращеніи торговли съ любовью поддерживалъ начатое имъ святое дѣло, и только въ началѣ прошлаго года обстоятельства принудили его прекратить благодѣяніе. Трогательно было прощаніе отца-блага дѣтеля съ дѣтьми: всѣ они болѣе или менѣе сознавали свою утрату, и эта скорбь души отражалась на

ихъ лицахъ. Быть-можетъ, такъ печально и окончилось-бы существованіе женскаго училища въ Рыльскѣ, еслибы не нашелся новый благодѣтель — И. К. *Шелеховъ*, и еслибы не принялъ г. директоръ училищъ дѣятельнаго участія къ возобновленію этого святаго дѣла. Признавая прежде вносимую сумму недостаточною для поддержанія училища, г. Шелеховъ обязался вносить ежегодно по 400 р. и сверхъ-того далъ въ своемъ домѣ помѣщеніе училищу. Правительство возложило на него обязанность почетнаго блюстителя. 13 февраля послѣдовало открытіе училища, въ-присутствіи всѣхъ почетныхъ лицъ города. По совершеніи молебствія, новый почетный блюститель, раздавъ дѣтямъ нѣсколько фунтовъ конфактъ, пригласилъ всѣхъ бывшихъ при открытіи на обѣдъ, причемъ учитель уѣзднаго училища *Постоевъ* произнесъ слѣдующую рѣчь: «Мм. гг. Позвольте мнѣ, при настоящемъ торжествѣ во имя общественнаго образованія, сказать нѣсколько искреннихъ словъ. Не подумайте, что я, какъ членъ педагогической семьи, хочу говорить о пользѣ общественнаго образованія. Нѣтъ, цитаты на эту тему, еще такъ недавно оставшіяся гласомъ вопіющаго, нынѣ излишнее многословіе: теплое слово Державнаго Отца освѣтило, какъ лучъ, темные закоулки нашего обширнаго отечества и показало необходимость образованія. Вотъ почему нынѣ приходится не доказывать давно доказанную пользу просвѣщенія, но пересмотрѣть въ старину нерѣшенныя, полузабытыя вѣковыя задачи, какъ достигъ этой цѣли. Много было сказано о средствахъ, болѣе или менѣе дѣйствительныхъ, къ достиженію этой цѣли: каждый предлагалъ свою мысль о преобразованіи школъ, объ увеличеніи ихъ и о многомъ другомъ; но — странное дѣло! — всѣ эти преобразования и улучшенія касались только мужскихъ школъ, а о воспитаніи женщины говорили немногіе и говоръ ихъ оставался безответнымъ, до той поры, пока великая Монархиня не обратила своихъ милостивыхъ взоровъ на образованіе женщины. На этотъ кроткій призывъ Матери откликнулся вся Россія: нынѣ женскія училища открываются вездѣ, гдѣ представляется возможность. И нельзя было ожидать иначе. Кому неизвѣстно, какую важную роль играетъ мать въ воспитаніи дѣтей? Съ молокомъ матери дитя всасываетъ или ея добродѣтели, или ея пороки; съ самаго ранняго возраста вліяніе ея религіозно-нравственныхъ убѣжденій дѣйствуетъ на дитя или живительно, или губительно, и отъ этого вліянія нѣтъ исхода. Какъ послѣ этого

не благоговѣть предъ мудрою заботливостію Державной Матери приготовить для будущаго поколѣнія разумныхъ матерей и разумныхъ хозяекъ? Къ чести города Рыльска, мысль о воспитаніи женщины осуществилась въ немъ гораздо ранѣе многихъ городовъ. Достойный представитель Русскаго купечества В. П. простеръ свою щедрую руку на бѣдный классъ жителей Рыльска и съ полнымъ самоотверженіемъ осуществилъ свою мысль. Но, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, его святое дѣло не принесло-бы желаемыхъ плодовъ, еслибъ не нашелся другой благодѣтель Иванъ Кузьмичъ. Поистинѣ, Рыльскъ справедливо можетъ гордиться этими благородными, безкорыстными личностями, не жалѣющими ни трудовъ, ни издержекъ для блага своихъ меньшихъ братій. Отъ лица всѣхъ моихъ товарищей поздравляю васъ, благодѣтельный Иванъ Кузьмичъ, на новомъ для васъ поприщѣ педагогической дѣятельности, искренно желаю, чтобы усилія ваши на пользу ближнаго увѣичались полнымъ успѣхомъ. Мы увѣрены, что и товарищи наши, которымъ предстоитъ завидная доля дѣйствовать на открытомъ вами разсадникѣ образованія, не пожалѣютъ своихъ усилій для исполненія святой обязанности». Послѣ этого провозглашены были тосты за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы, сопровождаемые громкими «ура!» Радужный хозяинъ предложилъ потомъ тосты за здоровье г. министра народнаго просвѣщенія Е. П. *Ковалевскаго*, г. попечителя Харьковскаго университета П. В. *Зимовьева*, г. директора училищъ Д. Г. *Жаворонкова*, бывшаго почетнаго блюстителя В. И. *Аристархова*. Потомъ всѣ гости единодушно провозгласили тостъ за здоровье благодѣлателя И. К. *Шелехова*.

**ДѢЙСТІЯ ДЕРПТСКАГО КОМИТЕТА ЕВАНГЕЛИЧЕСКАГО БИБЛЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА.—**

Дерптскій комитетъ евангелическаго библейскаго Общества имѣлъ 14-го января свое годичное собраніе. Въ отчетѣ Общества сказано, что оно роздало въ прошломъ году 40 библій на Нѣмецкомъ языкѣ и 347 на Эстскомъ, 94 книги Новаго Завѣта на Нѣмецкомъ и 1,672 на Эстскомъ, съ псалмами, и 130 псалтирей на Дерптско-Эстскомъ нарѣчій; сверхъ-того оно продало 920 библій на Эстскомъ языкѣ комитетамъ Пернаво-Феллинскому, Аренбургскому, Ревельскому и С. Петербургскому. Дохода Общество получило въ годъ 323 р. 61 коп. отъ пожертвованій и 2,231 р. 84 коп. отъ про-

дали книгъ; всего 2,555 р. 45 коп. Иарасходовало на печатаніе и поупку духовныхъ книгъ 1,783 р. 70 коп., на переплетъ 276 р. 50 коп., на пересылку и другія мелкія издержки 37 р. 11 к., всего 2,097 р. 31 коп.

**Иврологъ:** Э. Х. Траутфеттеръ. О. Киницъ, Р. Коллонгъ.— Ученый и учебный мѣръ Прибалтійскаго края лишился въ-теченіе недѣли трехъ значительныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей: 14 января скончался въ Митавѣ бывший старшій учитель Митавской гимназіи Эрнестъ Христіанъ Траутфеттеръ, 17 числа числа умеръ въ Дерптѣ редакторъ газеты «Inland» Оскаръ Киницъ, и 19 того-же мѣсяца въ Митавѣ учитель естественныхъ наукъ при Митавскомъ реальномъ училищѣ Робертъ Коллонгъ.—Эрнестъ Траутфеттеръ, отецъ нынѣшняго ректора университета св. Владиміра, въ Кіевѣ, достигъ глубокой старости и до послѣднихъ дней своей жизни отличался необыкновеннымъ и завиднымъ для его преклонныхъ лѣтъ здоровьемъ, бодростью духа, свѣжестью умственныхъ силъ и постояннымъ сочувствіемъ современному развитію и движенію наукъ. Онъ родился въ Саксоніи, первоначальное воспитаніе получилъ въ Мейнингенскомъ лицейѣ, а потомъ обучался въ университетахъ Геттингенскомъ и Іенскомъ богословію и философіи. Вступленіе его въ домъ графа Медема, владѣльца имѣнія Гросъ-Аудцъ, къ Курляндіи, въ качествѣ домашняго учителя, рѣшило его судьбу и открыло ему то поприще дѣятельности, на которомъ онъ такъ долго и съ такою честію подвизался. Въ 1808 году онъ удостоился отъ Іенскаго университета степени доктора философіи и былъ избранъ въ профессоры Латинскаго языка и литературы при Митавской высшей гимназіи (gymnasium illustre), но съ измѣненіемъ въ слѣдующемъ-же году штата этого учебнаго заведенія, былъ утвержденъ въ званіи старшаго учителя и служилъ до 1838 года. Кромѣ обширныхъ свѣдѣній и многихъ сочиненій по главному предмету своихъ занятій, онъ славился большими познаніями по части естественныхъ наукъ и занимался ими съ особеннымъ пристрастіемъ. Траутфеттеръ былъ одинъ изъ основателей Курляндскаго Общества литературы и искусства и завѣдывалъ его библіотекою; его неутомимая дѣятельность по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія доставила ему такую извѣстность, что онъ принадлежалъ къ числу членовъ ученыхъ обществъ въ Копенга-

генъ, Берлинъ, Ригъ, Москвѣ и былъ членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Привѣтливость, ласковое обращеніе и скромность составляли отличительныя черты его характера. — Оскаръ *Килицъ* родился въ Курляндіи, былъ сынъ пастора въ имѣніи Грезенъ, обучался въ Дерптскомъ университетѣ богословскимъ наукамъ, приобрѣлъ степень кандидата, былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ, содержателемъ частнаго пансіона въ Лемзаль и наконецъ редакторомъ газеты «Inland». Онъ былъ не только весьма разносторонне и основательно образованный человекъ, но и обладалъ замѣчательнымъ даромъ литературнаго творчества. Кромѣ критическихъ статей съ отрицательнымъ направленіемъ, въ которыхъ онъ для истины и достоинства науки не стѣснялся авторитетами извѣстныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ лицъ, и поэтому нажилъ себѣ многихъ недоброжелателей, онъ издалъ одинъ томъ исторіи Лифляндіи, написалъ драму «Коринская невѣста» и сочинилъ романъ «Константинополь и Аѳины», въ которомъ поражаетъ тщательное и вѣрное описаніе мѣстностей до такой степени, что въ критическихъ разборахъ этого сочиненія за границу было высказано мнѣніе, будто-бы сочинитель нѣсколько лѣтъ прожилъ на Востокѣ, между-тѣмъ-какъ онъ дальше Дерпта нигдѣ не былъ. Килицъ скончался 43 лѣтъ отъ роду. — Робертъ *Коллонгъ*, сынъ Рижскаго гражданина, обучался въ Рижской гимназіи и по окончаніи курса наукъ отправился за границу слушать лекціи естественныхъ наукъ въ Гейдельбергѣ, которымъ онъ любилъ заниматься предпочтительно уже во время посѣщенія гимназіи. По возвращеніи изъ-за границы, онъ нѣсколько лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ Одессѣ, въ Малороссіи и въ Курляндіи, и наконецъ былъ опредѣленъ въ 1856 году учителемъ естественныхъ наукъ въ Рижское уѣздное Екатерининское училище, а оттуда перемѣщенъ, въ началѣ прошлаго года, въ Митавское реальное училище. Здѣсь суждено было ему посвятить себя тому роду занятій, къ которому онъ такъ долго и съ такою любовью готовился. На Коллонгѣ лежала обязанность положить въ первомъ реальномъ училищѣ Прибалтійскаго края прочное начало тѣмъ наукамъ, потребность въ которыхъ ощущается теперь все болѣе и болѣе и на введеніе которыхъ мѣстные ученые, нечего грѣха таить, посматриваютъ искоса, не довѣряя ихъ пользѣ и влиянію на развитіе умственныхъ способностей настолько, сколько привыкли ожидать этого отъ изученія древ-



нихъ языковъ. Коллонгъ вполне сознавалъ эти обязанности и съ особеннымъ усердіемъ и рвеніемъ старался внушить обучае­мому имъ юношеству охоту къ приоб­рѣтенію познаній въ естественныхъ наукахъ, которымъ былъ преданъ всею душою. На 40 году жи­зни прервалась его дѣятельность, исполненная большихъ надеждъ и основательныхъ ожиданій. Въ «Inland» помѣщено нѣсколько статей его изъ области естествознанія, а последнее небольшое рассу­жденіе о реальныхъ училищахъ напечатано въ Рижской Нѣмецкой газетѣ.

(Остз. вѣст.)

КОНЕЦЪ СІ ЧАСТИ.

Въ составъ редакціи введены: г. директоръ министерства народнаго просвѣщенія, г. директоръ департамента народнаго просвѣщенія, г. директоръ департамента высшаго учебнаго управленія, г. директоръ департамента высшаго техническаго образованія, г. директоръ департамента высшаго профессиональнаго образованія, г. директоръ департамента высшаго музыкальнаго образованія, г. директоръ департамента высшаго художественнаго образованія, г. директоръ департамента высшаго театральнаго образованія, г. директоръ департамента высшаго музыкальнаго образованія, г. директоръ департамента высшаго художественнаго образованія, г. директоръ департамента высшаго театральнаго образованія.

## ОГЛАВЛЕНІЕ

### СТО ПЕРВОЙ ЧАСТИ

### ЖУРНАЛА

### МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

#### ОТДѢЛЕНІЕ I.

#### *Дѣйствія правительства.*

Высочайшія повелѣнія за ноябрь и декабрь 1858 и за январь 1859 года.

	<i>Стран.</i>
35. (3 ноября) О дозволеніи принимать въ пансіонъ состоящей при Ришельевскомъ лицей гимназій дѣтей иностранцевъ.....	3
36. (3 ноября) О назначеніи разъѣздныхъ денегъ директору Ришельевского лицея.....	—
37. (15 ноября) Объ упраздненіи главнаго педагогическаго института и объ устройствѣ въ замѣнъ онаго педагогическихъ курсовъ.....	4
38. (15 ноября) Объ учрежденіи при Устьсысольскомъ женскомъ училищѣ должности почетнаго блюстителя.....	5
39. (17 ноября) Объ учрежденіи въ Поневѣжскомъ уѣздѣ должности втораго почетнаго смотрителя училищъ....	—
40. (17 ноября) О возвышеніи класса должности и жалованья архитектора Виленскаго учебнаго округа.....	—
41. (25 ноября) О порученіи инженеръ-подполковнику Стурарту преподаванія строительнаго искусства въ Варшавской художественной школѣ.....	6

42. (29 декабря) Обь открытіи при лѣсномъ и межевомъ институтѣ и Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ спеціальныхъ курсовъ лѣсоводства для студентовъ университетовъ .....	25
43. (29 декабря) Положеніе о спеціальномъ курсѣ лѣсоводства для студентовъ, окончившихъ университетскій курсъ по отдѣленію естественныхъ наукъ.....	—
44. (24 декабря) Обь успленіи способовъ внутренней цензуры.....	27
45. (24 декабря) О введеніи преподаванія естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и прибавкѣ штатнаго учителя въ Новочеркасское приходское училище.....	28
1. (6 января) Обь опредѣленіи врачей при женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.....	39
2. (17 января) О наименованіи Осташковскихъ приходскихъ училищъ «Воронинскими».....	—
Высочайшіе приказы за 1858 годъ № 3 и 4.....	7
» » за 1859 годъ № 1, 2 и 3.....	48

Министерскія распоряженія за ноябрь и декабрь 1858 и за январь 1859 года.

22. (14 ноября) Положеніе о пансіонѣ Таганрогской гимназіи съ приготовительнымъ при немъ отдѣленіемъ.....	8
23. (12 декабря) О наблюденіи за занятіямъ врачей, допущенныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій въ медицинскомъ факультетѣ.....	30
24. (12 декабря) Циркулярное предложеніе о вознагражденіи учителей за исправленіе вакантныхъ должностей полными окладами жалованья по пхъ должностямъ.....	31
25. (12 декабря) Обь увеличеніи содержанія хранителя музея Императорскаго Московскаго университета.....	32
26. (20 декабря) Циркулярное предложеніе о сообщеніи въ придворную Его Императорскаго Величества контору свѣдѣній о переимѣнахъ по службѣ чиновниковъ, имѣющихъ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ....	33
1. (14 января) Обь учрежденіи стипендіи для одного изъ студентовъ Императорскаго Дерптскаго университета.....	51

2. (16 января) О раздѣленіи 3-го класса пятой С. Петербургской гимназіи на два отдѣленія и объ опредѣленіи сверхштатнаго учителя исторіи.....	51
3. (16 января) Объ учрежденіи при восточномъ факультетѣ Императорскаго С. Петербургскаго университета Санскрито-Персидскаго отдѣленія.....	52
4. (28 января) Объ опредѣленіи сверхштатныхъ учителей въ Дерптскую гимназію.....	—
5. (28 января) О новомъ устройствѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ кафедры врачебнаго веществословія.....	—
Приказы министра нар. просв. за 1858 годъ № 5, 6, 7, 8, 9, 10.	17
» » » » за 1859 годъ № 1, 2, 3 и 4.	54

О книгахъ и журналѣ, одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Livre de lecture et de traductions du français en russe, сост. Данилевскимъ.....	21
Міръ Божій, сост. Разинъ.....	23
Подснѣжникъ, журналъ для дѣтскаго чтенія, издаваемый В. Майковымъ.....	38

## ОТДѢЛЕНІЕ П.

### *Словесность, науки и художества.*

Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. Перев. съ Греч. В. И. Водовозова.....	1
Право собственности по Русскому праву. (Изъ лекцій Д. И. Мейера).....	101 и 157
Король Лиръ. (Изъ Гервинуса).....	241
Введеніе во всеобщее языкознаніе. В. Гумбольдта. Перев. П. С. Виллярскаго (продолженіе).....	277
Первая лекція по анатоміи. И. О. Вилкомирскаго.....	328

## ОТДѢЛЕНИЕ III.

*Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ,*

Отчетъ II отдѣленія Императорской академіи наукъ за 1858 годъ.....	1
--	---

## ОТДѢЛЕНИЕ V.

*Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.*

Малюсъ. Посмертное сочиненіе <i>Араго</i> .....	1
Корнелій Непотъ и его сочиненія. Н. <i>Михайловскаго</i> .....	27
Перечень замѣчательныхъ людей по ученой и государствен- но-ученой дѣятельности въ Швеціи, за первую полови- ну XIX вѣка. Священ. А. <i>Соколова</i> .....	63

## ОТДѢЛЕНИЕ VI.

*Обозрѣніе книгъ и журналовъ.*

## Книги, изданная въ Россіи:

Исслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ, соч. Ив. Аксакова (реп. <i>Д. М.</i> ).....	1 и 63
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, издаваемый Императорскимъ Русскимъ географическимъ Обще- ствомъ. Томъ третій, изданный подъ редакцію Безобра- зова. Статья вторая (реп. <i>Н. Щ.</i> ).....	89
Описаніе войны между Россією и Швецією, въ Финляндіи, въ 1741, 1742 и 1743 годахъ, составленною Н. Шпилен- скою (реп. <i>М. Семевскаго</i> ).....	101
<hr/>	
Повременныя изданія въ Россіи въ 1859 году.....	30

## ОТДѢЛЕНИЕ VII.

*Новости и Смысль.*

## I. Новости вѣстивенныхъ наукъ.

О простыхъ тѣлахъ.....	1
Движеніе соковъ въ растеніяхъ.....	9

Рѣчь Оуэна.....	51
О крахмалѣ.....	65
Мнѣніе Рупрехта объ опытахъ Регеля относительно партеногенезиса растений.....	72
Гонодіи грибовъ.....	74
Произвольное зарожденіе.....	111
Жизненный узелъ.....	118
Способъ опредѣлять удѣльный вѣсъ.....	121
Новый родъ червей.....	122

## II. Разныя извѣстія.

Торжественное засѣданіе Императорской академіи наукъ.....	20
Общія собранія Императорскаго Русскаго географическаго Общества.....	21 и 32
Открытіе духовной семинаріи въ Томскѣ.....	23
Открытіе въ Θεодосіи Халибовскаго Армянскаго училища.....	25
Общественное образованіе у Менонистовъ.....	34
Задача, предлагаемая на соисканіе преміи Гарелина и Баранова за составленіе исторіи великаго княжества Владимірскаго.....	37
Пожертвованія на учрежденіе въ Котельничѣ училища для образованія дѣвицъ.....	39
Ямайска медпцина.....	40
Примѣрный уставъ новаго предполагаемаго Общества переводчиковъ.....	44
Торжественный актъ Императорскаго Московскаго университета.....	77
Торжественный актъ Императорскаго С. Петербурскаго университета.....	80
Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской духовной академіи.....	81
Засѣданія Общества любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.....	85
Торжественный актъ Калужской гимназіи.....	88
Торжественное засѣданіе Московской практической академіи.....	89
Конкурсъ между воспитанниками Ставропольской гимназіи.....	92
Выдержка изъ «Русскаго дневника».....	97
Рядъ органически-связанныхъ между собою руководствъ по всѣмъ медицинскимъ наукамъ.....	99

Воспоминаніе объ А. О. Валицкомъ.....	102
Училища для образованія дѣвицъ въ Вятской губерніи.....	107
Развитіе Русской промышленности посредствомъ акціонерныхъ компаній.....	108
Учрежденія Императрицы Маріи, состоящія подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ.....	125
О мѣрахъ къ улучшенію военно-медицинской части.....	129
Программа историческихъ задачъ, предложенныхъ Императорскою академіею наукъ въ публичномъ засѣданіи 29 декабря 1858 года.....	130
Засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества.....	134
О заведеніи при палатахъ государственныхъ имуществъ музеевъ разныхъ предметовъ гѣснаго хозяйства.....	135
Учено-литературное предпріятіе студентовъ Императорскаго Казанскаго университета.....	137
О порядкѣ изданія этнографическаго сборника Императорскаго Русскаго географическаго Общества.....	138
Россійское библейское Общество.....	140
Предположеніе о покровительствѣ отечественныхъ дарованій.	144
Савва Осиповичъ Богородскій.....	145
Публичныя бібліотеки при уѣздныхъ училищахъ Ставропольской губерніи.....	149
Открытіе уѣзднаго училища въ Севастополѣ.....	150
Открытіе женскаго училища въ г. Рыльскѣ.....	151
Дѣйствія Дерптскаго комитета евангелическаго библійскаго Общества.....	153
Некрологъ: Э. Х. Траутфеттеръ. О. Книциъ. Р. Коллонъ...	154



## ПОПРАВКИ:

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
Отд. VI, стр. 30, строка 3 (снизу):	юридическихъ	практическихъ
48 » 1 (сверху):	чтеніе	бесѣда
14 (снизу):	юридическихъ	практическихъ
49 » 8 (сверху):	Выходитъ черезъ два мѣсяца.	Еженедѣльный.

На стр. 55, между городами, въ которыхъ издаются губерскія вѣдомости, слѣдуетъ прибавить г. Красноярскъ.

На стр. 56 и 59 слѣдуетъ исключить *Le Dimanche*, *Tygodnik Petersburgski* и *TeKa Wilenska*, которыя въ 1859 году не явились.

Изданіе газеты (стр. 59) *Słowo* прекратилось.

Вмѣсто Магазина модъ и рукодѣлья издается Сандрильона г-жею *Космелевскою-же*.





## CONTENTS

Introduction	1
Chapter I. The History of the English Language	1
Chapter II. The English Language in the Middle Ages	1
Chapter III. The English Language in the Sixteenth Century	1
Chapter IV. The English Language in the Seventeenth Century	1
Chapter V. The English Language in the Eighteenth Century	1
Chapter VI. The English Language in the Nineteenth Century	1
Chapter VII. The English Language in the Twentieth Century	1
Appendix A. The English Language in the Middle Ages	1
Appendix B. The English Language in the Sixteenth Century	1
Appendix C. The English Language in the Seventeenth Century	1
Appendix D. The English Language in the Eighteenth Century	1
Appendix E. The English Language in the Nineteenth Century	1
Appendix F. The English Language in the Twentieth Century	1











3 2044 022 549 109

